МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Е. П. Ильин

ПОЛ И ГЕНДЕР

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Е. П. Ильин

ПОЛ И ГЕНДЕР

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2010

ББК 88.373
УДК 159.922.1
И46

Ильин Е. П.
И46 Пол и гендер. — СПб.: Питер, 2010. — 688 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

ISBN 978-5-49807-453-5

Данная книга представляет собой наиболее полное в отечественной психологии рассмотрение вопроса о физиологических, психологических и социальных различиях мужчины и женщины. Автором систематизированы отечественные и зарубежные исследования, в том числе и новейшие, по половым и гендерным особенностям людей. Показана необходимость совместного рассмотрения этих особенностей.

Помимо обсуждения теоретических и методологических вопросов в книге представлены методики выявления гендерных различий (психологического пола).

Издание представляет несомненный интерес для психологов, медиков, педагогов и студентов вузовских факультетов соответствующих профилей.

ББК 88.373
УДК 159.922.1

ISBN 978-5-49807-453-5

Оглавление

Раздел пятый
Мужчины и женщины в семье

Раздел шестой
Пол и деятельность

Предисловие

Основой для этого издания послужила моя предыдущая книга — «Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины» (2003), которая в целом получила положительные отзывы. Однако отмечались в ряде случаев и имевшиеся в книге недостатки. В частности, меня упрекали в том, что в приложении я привел несколько опросников из популярных брошюр, что снижает научный уровень книги. Отчасти соглашаясь с этим, а также для уменьшения объема книги, в этом издании я заменил их несколькими методиками, разработанными или адаптированными отечественными психологами.

Гораздо серьезнее замечание одного из рецензентов (Степанов, 2003), что в «Дифференциальной психофизиологии...» я не отразил свою собственную позицию. Полагаю, что это недоразумение. Одна из моих позиций обозначена в предисловии: «При написании данной книги я старался *объективно* обобщать и отражать имеющиеся в литературе отечественные и зарубежные данные ... *не давая перевеса ни биологическому, ни социальному рассмотрению проблемы*». Вторая позиция обозначена в последней главе, где доказывается, что рассмотрение только биологических половых различий без учета маскулинности — фемининности мужчин и женщин во многом искажает имеющиеся реальные различия и сходства между мужчинами и женщинами. Представленные моими аспирантами в последние годы диссертации подтвердили этот тезис. Результаты их исследований позволили значительно обогатить новыми данными проблему гендера и поставить вопрос о целесообразности введения понятия *фенотипический пол*, отражающего сплав генетического (биологического) пола и гендерного (психологического) пола.

Итак, новое издание подверглось существенным структурным изменениям: помимо новых глав и параграфов, в него включены многие неизвестные мне ранее результаты исследований отечественных и зарубежных ученых об особенностях мужчин и женщин. Правда, при этом я был вынужден ограничить ссылки на работы зарубежных авторов, количество которых не поддается учету. Так, только с 1970-х по 1990-е гг. о половых различиях за рубежом было опубликовано более 20 тысяч статей (Myers D., 1990), а в одной из последних книг по проблеме пола и гендера (Lips H., Sex and gender, 2008) приведено около 2000 ссылок на англоязычные публикации.

Обилие литературы делает все более трудным поиск публикаций, в которых проблема пола и гендера продвигалась бы вперед. Во многих публикациях приводятся лишь подтверждения уже известных фактов и мнений. Кроме того, западные установки по вопросам гендера не совпадают с российским менталитетом.

Чаще всего это относится к социальному и экономическому положению женщин (см., напр., одну из последних публикаций: Lectures on the Psychology of Women, Eds. J. Chrisler et al., 2008). К сожалению, отечественные социальные психологи и социологи, придерживающиеся феминистских установок Запада, во многих случаях безосновательно переносят их в нашу действительность, вольно или невольно извращая реальную картину.

Повторюсь: как при работе над изданием «Дифференциальной психофизиологии...», так и в этой книге я старался объективно обобщать и отражать имеющиеся в литературе отечественные и зарубежные данные, — не давая перевеса ни биологическому, ни социальному рассмотрению проблемы. Полагаю, что объективности моего изложения способствует и то обстоятельство, что характеристика мужчин и женщин дается в сравнительном плане, что позволяет более выпукло выявить имеющиеся между ними различия и уменьшить долю субъективизма, который наблюдается при описании отдельно взятых мужчин и женщин. Но и даже принятый мною подход, вероятно, не позволяет полностью исключить субъективизм в характеристике мужчин и особенно женщин, поскольку многие обобщаемые мною работы по гендерной психологии написаны либо женщинами-феминистками, либо мужчинами — противниками феминисток. Как отмечают В. Д. Еремеева и Т. П. Хризман (2001), «нам не дано самим побывать в мире иного пола, пожить его проблемами, поболеть его болезнями, проникнуть в мир его мыслей, понятий, отношений, негласных правил. И поэтому иногда нам кажется, что этого второго мира и нет... К сожалению, у нас нет другого образца, кроме самих себя. С этим образцом (а образцом ли?) мы и сравниваем своих детей: и мальчиков и девочек» (с. 14). Вследствие этого, пишет И. С. Кон (1988), «женщины не могут судить о женской психологии потому, что они пристрастны, а мужчины — потому, что они некомпетентны» (с. 10). То же можно сказать и относительно суждений мужчин и женщин о мужской психологии, только теперь в роли пристрастных будут выступать исследователи — мужчины, а в роли некомпетентных — исследователи-женщины.

Настоящая книга снабжена приложением, в котором приведены научный словарь терминов, относящихся к рассматриваемой проблеме, методики изучения половых различий, а также обширный список литературы для тех, кто захочет изучить проблему более углубленно.

Издание рассчитано на студентов-психологов, аспирантов и преподавателей психологии, но может оказаться полезным и для студентов биологических факультетов, изучающих физиологию человека, а также для студентов педагогических учебных заведений и педагогов.

Введение

Пол, а не религия, есть опиум для народа.
И. Гоффман, американский ученый

Сила женщины в том, что ее не объяснишь с помощью психологии. Мужчин можно анализировать, а женщин... только обожать!
Оскар Уайльд

> Что женщина существо неординарное – об этом не догадывается только совершенно погрязший в самолюбовании идиот. Но при этом практически для всех мужчин (и самых обычных, и самых прозорливых) при проникновении в загадку женщины свойственно до предела упрощать проблему. Точнее сказать, упрощать проблему до уровня собственного понимания (или непонимания).
>
> Курбатов В. И., 1993, с. 10.

Изучение и учет различий между мужчинами и женщинами — насущная задача наук, изучающих человека. Когда я был аспирантом, один умудренный опытом человек дал мне совет: если ты хочешь получить в эксперименте «чистый» результат, не включай в экспериментальную группу женщин. Я тогда в душе посмеялся: вот еще один женоненавистник. Однако чем больше я занимался научными изысканиями, тем чаще вспоминал этот совет, поскольку неоднократно получал разные данные на мужской и женской выборках. Подобные факты я находил как в психологической, так и в физиологической литературе. Например, Р. Девис и А. Бухвальд (Davis R., Buchwald A., 1957) отмечают, что один и тот же стимул может вызвать у мужчин и женщин разные физиологические сдвиги. В работе Л. А. Гановой (1998) у юношей и девушек выявлены различные по смыслу корреляции между агрессивностью, локусом контроля, тревожностью и сформированностью самоконтроля. Аналогичные факты имеются и в других исследованиях — читатель сможет убедиться в этом. Поэтому подчас создается впечатление, что женщины — какие-то другие «хомо сапиенсы», со своей физиологической и психологической спецификой, не вписывающейся в логику «нормальных» зависимостей и физиологических закономерностей. Недаром В. Д. Еремеева и Т. П. Хризман, два нейрофизиолога, назвали свою книгу «Мальчики и девочки — два разных мира». И как тут не вспомнить известного врача Парацельса, сказавшего еще в XVI в., что женщина ближе к земле, чем мужчина, или Л. Я. Якобсона (1929),

писавшего, что «сущность диморфизма в области психики составляют не количественные различия, а глубокие *качественные* отличия, формирующие духовный мир женщины в совершенно ином виде, чем мир мужчины» (с. 60). Это порождает представление о непознаваемости женской души, что находит отражение во многих пословицах. Например, в Корее говорят: «Глубину воды познать можно, а душу женщины — нет».

Женщины, в отличие от мужчин, являются вдохновителями поэтов, художников, композиторов (недаром музы — женского рода), но они же служат и главным объектом оттачивания мужчинами своего остроумия и злословия. Таким образом, женщины занимают в общественном сознании особое место, выделяющее их, в противоположность мужчинам, из «вообще» людей.

И. С. Кон (1981) подчеркивает значение учета половых различий при изучении формирования личности, ибо «все или почти все онтогенетические характеристики являются не просто возрастными, но половозрастными, а самая первая категория, в которой ребенок осмысливает собственное Я, — это половая принадлежность» (с. 47). Теоретическая недооценка пола, пишет И. С. Кон, «практически оборачивается тем, что традиционно мужские свойства и образцы поведения невольно принимаются и выдаются за универсальные (очень многие психологические и психиатрические опросники и схемы имеют откровенно маскулинные акценты, особенно когда речь идет о подростках), что мешает пониманию специфических проблем женской половины человечества и противоречит принципу равенства полов» (с. 47).

Психологический уклад мужчины и женщины, хотим мы этого или нет, существенно различается. Для всех здравомыслящих людей достаточно очевидным является различие между мужскими и женскими манерами, привычками, оценками, представлениями о должном, приемлемом и допустимом. Любой человек без патологических отклонений в психике не видит здесь ни ущемления, ни дискриминации. Напротив, противоестественными выглядят попытки устранить данные различия. В наше время происходило множество «кампаний» по стиранию всяких различий, например, между городом и деревней, умственным и физическим трудом и т. п. Слава Богу, что никому из власть предержащих не приходила идея стирания различий между мужчиной и женщиной.

Немецкий философ Фридрих Ницше в своем знаменитом трактате «По ту сторону добра и зла» резонно замечал, что впасть в ошибку при разрашении проблемы «мужчина и женщина», отрицая в ней антагонизм и необходимость вечно враждебного напряжения, — это типичный признак плоскоумия. Можно было бы добавить, что это не та проблема, которая разрешается только законодательным предоставлением одинаковых прав, возможностей и обязанностей.

Курбатов В. И., 1993, с. 3.

Это же отмечает и Е. П. Кораблина (1998а): «Понимание жизни человеческого общества невозможно без дифференциации половых ролей и стереотипов мужественности и женственности, отражающих различия в предназначении и психике мужчин и женщин» (с. 174). В. Д. Еремеева и Т. П. Хризман (2001) подчеркивают важность учета половых различий в воспитании детей: «Если не дано нам пожить в этом чужом (мужском или женском. — *Е. И.*) мире, то попробовать понять его

мы обязаны, если хотим понять ребенка, помочь, а не помешать ему раскрыть те уникальные возможности, которые даны ему своим полом, если хотим воспитать мужчин и женщин, а не бесполых существ, потерявших преимущества своего пола и не сумевших приобрести не свойственные им ценности чужого пола» (с. 15). Поэтому данную проблему изучают не только психологи, но и нейрофизиологи, социологи, философы, этнографы, культурологи (Весельницкая Е., 1993; Хамитов Н., 1995; Этнические..., 1991).

Факт телесного несходства мужчин и женщин еще не говорит о том, что именно отсюда происходят и все наблюдаемые различия между ними. Ведь помимо конституциональной стороны эти различия имеют социокультурный контекст: они отражают то, что в данное время и в данном обществе считается свойственным мужчине, а что – женщине. Кроме того, существует точка зрения, что наше восприятие биологических различий между полами тоже определяется культурными факторами (*Laqueur*, 1992). Например, со времен античности до конца XVII в. в Европе преобладало представление о том, что женский организм является недоразвитым вариантом мужского. Именно поэтому различительными признаками мужского и женского в то время выступвли не столько конституциональные, сколько социальные признаки: занимаемый в обществе статус и выполняемые социальные роли. Если бы такое видение биологических различий сохранилось до сегодняшнего дня, то с учетом новых знаний о человеческой природе мы были бы более склонны считать мужской организм модификацией женского (Келли Г., 2000). Однако в эпоху Возрождения мировоззрение европейцев изменилось; и мужчины, и женщины были признаны полярно различными по своей природе организмами. С этого момента социальные различия между мужчинами и женщинами стали связываться с различиями в их биологическом статусе.

Воронцов Д. В., 2003, с. 27–28.

Сейчас становится все более очевидно, что бесполые физиология и психология нередко существенно искажают истинную картину. Больше того, невнимание к половому составу экспериментальных групп может приводить к противоречивым результатам и выводам в экспериментах, проводимых по одной и той же методике, в зависимости от того, кто преобладал в данной выборке – мужчины или женщины (Gur R. E., Gur R. C., 1977; Herron J., 1980). В качестве примера сошлюсь на диссертацию И. Г. Викторовой (2003), которая изучала личностные и индивидные особенности студентов, осваивающих различные образовательные программы. В одной выборке у нее были студенты педагогического университета, а в другой – электротехнического института. Программы обучения в этих вузах действительно разные, закавыка только в том, что первая группа состояла исключительно из лиц женского пола, а вторая – только из лиц мужского пола. Спрашивается: что отражают выявленные автором различия между этими группами – специфику образовательных программ или половые различия?

Проблему половых различий начали изучать в конце XIX – начале XX в. Российским пионером в изучении этой проблемы был П. Е. Астафьев (1899а, б), в Голландии ей посвящал свои исследования Г. Гейманс (1911) и др. В частности, Г. Гейманс предложил трем тысячам голландских семейных врачей описать поведение своих пациентов. В результате были получены характеристики 1310 мужчин и 1209 женщин. Внес свою лепту в рассмотрение вопроса о половых различи-

ях и З. Фрейд (1991), который в работе «Женственность» описывал мужчин как активных, стремящихся к власти и контролю над миром, а женщин как пассивных, зависимых, склонных к мазохизму и завидующих мужской анатомии. Однако интенсивное изучение проблемы половых различий началось лишь в середине XX в. – после опубликования в 1957 г. обзорной статьи Дж. Макки и А. Шериффс (McKee J., Sherriffs A.), и с этого времени она занимает большое место в зарубежной психологии. Литература, ее освещающая, поистине громадна. С середины 70-х гг. XX в. публикаций, посвященных половым различиям, ежегодно появлялось до полутора тысяч. Однако главной темой в них является изучение гендерной роли женщины в разных социумах, чему посвятили свои исследования ученые разных стран: Б. Банкарт (Bankart B., 1985) – в Японии, Т. Дамжи и К. Ли (Damji T., Lee C., 1995) – в мусульманских странах, Р. Хаббарт с соавт. (Hubbart R. et al., 1982) – в Дании, Дж. Парри (Parry J., 1983) – в Англии, Р. Лу и П. Логан (Loo R., Logan P., 1977) – в Канаде и т. д. Но ведущее положение в изучении этой проблемы принадлежит американским исследователям, издающим в большом количестве монографии и учебники по гендерной психологии и социологии. В США издаются журналы по этой тематике: «Psychology of Women Quarterly», «Sex Roles», «Journal of Gender», «Culture and Health», «Gender and History».

Проводится большое количество кросскультурных исследований женских гендерных ролей: сравниваются женщины, живущие в США и Бразилии (Levine R., West L., 1979), в США и Испании (Hinshaw L., Forbes G., 1993), в США, Китае и на Тайване (Chia R. et al., 1997), в США, Гватемале и на Филиппинах (Gibbons J. et al., 1993).

Отечественных ученых вопрос о половых различиях в психической сфере интересовал до недавнего времени мало, несмотря на то что еще в 1960-х гг. его поставил Б. Г. Ананьев со своими учениками, а позднее в социологии – С. И. Кон. В настоящее время половые различия стали изучаться довольно интенсивно, но в основном в рамках гендерной психологии и большей частью в отношении женщин (для примера сошлюсь на недавние публикации Никольской И. М. и Петровой К. В., 2004; Проект Ю. Л. и Левенец Е. В., 2004; Скрыль В. Н., 2004; Суворовой О. В. и Васильевой Е. Н., 2004; Maltin M., 2000; Chrisler J. et al., 2008. Можно было бы привести публикации и многих других авторов).

Пол и гендер – одно и то же или это разные понятия? В последние десятилетия появилось множество публикаций, преимущественно зарубежных, касающихся половых и гендерных различий. Однако в них наблюдается явно односторонний подход, объясняющий различия в способностях и поведении мужчин и женщин только воспитанием и социализацией. Однако различия в поведении мужчин и женщин следует искать не только во влиянии психологических и социальных установок общества, но и в биологических различиях, в том числе гормональных, центрально-нервных, морфологических. Как бы ни влияло общество на формирование поведения людей разного пола, первоистоки этих различий надо искать в биологической предназначенности мужчин и женщин. Неслучайно изучением этой проблемы занимаются не только дисциплины гуманитарного профиля – психология, социология, философия, этнография и культурология (см., напр., работы Кагана В. Е., 1990; Кона С. И., 1981; Весельницкой Е., 1993; Хамитова Н., 1995; Этнические..., 1991), но и многие дисциплины биологического профиля –

генетика, эндокринология, эмбриология, эволюционная биология, физиология (см., напр., работы Геодакяна В. А., 1972; Еремеевой В. Д. и Хризман Т. П., 2001). Неслучайно и то, что в 1975 г. в США начал издаваться *междисциплинарный* журнал «Sex Roles» («Половые роли»). Да и в психологии появилось эволюционистское направление изучения половых различий, которое рассматривает многие из них как функционально заданные природой: раз эти различия есть, значит, они нужны с точки зрения эволюции вида.

Сказанное дает основание рассматривать различия между мужчинами и женщинами в способностях, поведении, профессиональной деятельности и семейной жизни как комплексную психофизиологическую проблему, включающую в себя биологические, психологические и социальные аспекты.

Несхожесть в характеристиках мужчин и женщин, обусловленная как биологическими, так и социальными факторами, привела к использованию различных терминов, обозначающих эту дифференциацию, — «пол» и «гендер». Однако нельзя не отметить: часто эти термины отождествляются, что создает трудности в понимании того, о чем пойдет речь в той или иной ситуации, и создает почву для непродуктивных дискуссий.

Рассмотрим, например, определения этих понятий, данные разными учеными.

Слово «пол» следует использовать для описания демографических категорий. Однако когда речь идет о природе мужественности или женственности, следует применять слово «гендер» (Deaux K.).

Понятие «пол» включает в себя черты, непосредственно обусловленные биологическим полом, тогда как «гендер» подразумевает те аспекты мужского и женского, причины возникновения которых еще неизвестны (Unger R.).

В отличие от пола, гендер представляет собой психологическое явление, относящееся к усвоенным формам поведения и установкам, сопряженным с биологическим полом (Герриг Р., Зимбардо Ф.).

Пол – это совокупность анатомо-физиологических особенностей организма, заданных от рождения. В то же время гендер – это социальный пол, социальный конструкт пола, надстраиваемый обществом над физиологической реальностью. По знаменитому выражению Вирджинии Сапиро, гендер – это «осознанное значение пола». Как с юмором сказала И. В. Древаль на круглом столе «Гендерные исследования: цели и результаты»: «Пол – это раздетые мужчина и женщина, а гендер – уже одетые».

Сабунаева М. Л., Гусева Ю. Е., 2003, с. 369–370.

В одном случае понятие «гендер» означает только системы ожиданий общества в отношении маскулинных и фемининных ролей, т. е. рассматривается как социальная характеристика мужчин и женщин. В других случаях гендер понимается как различные комбинации между окружающей средой и биологией, а понятие «пол» связывается только с анатомическими различиями между мужчинами и женщинами (Lips, 2008).

Д. В. Воронцов (2003) пишет: «Нередко характеристики биологической активности смешивают с поведением в социально-психологическом смысле. И тогда

возникает вопрос: о каких характеристиках, собственно, идет речь, когда поведение обозначается как “истинно” мужское или женское? Смешение половых и гендерных характеристик приводит к тому, что к характеристикам мужественности и женственности одновременно относят и психофизиологические, и социокультурные аспекты психологических различий, тогда как в ситуациях реального взаимодействия между собой люди редко связывают биологические особенности своего организма с гендерными характеристиками. На смешении половых и гендерных различий часто строится критика гендерного подхода к поведению людей. Вместе с тем далеко не все психологические различия между мужчинами и женщинами тесно связаны с биологическими, а пол и гендер — не взаимодополняющие категории, социальные конструкты человеческой сексуальности. Только один термин делает акцент на биологических основаниях психологических различий и сводит все встречающееся многообразие к тому или иному строению гениталий, тогда как другой термин подчеркивает социокультурное происхождение психологических различий. И пол, и гендер являются системами условных обозначений, которые формируют определенный порядок отношений между людьми, их отношение к различным проявлениям сексуальности, а также определяют формы представления себя другим людям в разнообразных практиках социального взаимодействия» (с. 30).

Основная мысль, высказанная в приведенной цитате Д. В. Воронцова: пол и гендер — разные феномены. Однако и этот автор, как мне представляется, не до конца ясно обозначил свою позицию, используя термины, требующие четкого определения и разъяснения различий между ними. Например, в каком смысле автор использует такие понятия, как «сексуальность», «мужественность» и «женственность»? Вызывает также удивление, что различия по биологическому полу связываются автором только со строением гениталий, что пол и гендер — не взаимодополняющие категории человеческой сексуальности. Это же можно сказать и о фразе: «В ситуациях реального взаимодействия между собой люди редко связывают биологические особенности своего организма с гендерными характеристиками». Во-первых, почему только *своего* организма? Во-вторых, если не связывают, то в чем тогда состоит половая идентификация?

В западной литературе (а подчас и у нас) делаются попытки заменить слово «пол» словом «гендер». Неслучайно многие книги озаглавлены «Гендерная психология»,[1] что не мешает авторам рассматривать в них и вопросы, связанные с биологическим полом. Тот же упрек можно адресовать и отечественным психологам и социологам: например, Н. Б. Гафизова (2003) пишет, что «гендерная идентичность — аспект самосознания, описывающий переживания человеком себя как представителя определенного *пола*» (почему тогда речь идет о гендерной идентичности, а не половой?), что «гендерная социализация — процесс, в котором *биологические различия* между мужчинами и женщинами наделяются социальным значением» (т. е. различия уже заданы, и им лишь придается то или иное социальное значение) и что «в наиболее известных культурах основой гендера служит *ана-*

[1] Так, в книге Ш. Берн, Т. В. Бендас «Практикум по гендерной психологии» есть глава «Гендерный аспект (!) взаимосвязи биологических и психологических характеристик личности».

томический пол» (с. 115, выделено мной. — *Е. И.*). В чем же тогда специфика гендерных особенностей, если все сводится к биологическим различиям, к *полу*? Если основа гендера — биологический пол, то как появляется у женщин маскулинность (признаки мужского поведения), а у мужчин — фемининность (признаки женского поведения)?

Как отмечает Ш. Берн (2001), вопрос терминологии еще не разрешен учеными, поэтому у авторов принято с самого начала определять свой выбор. Однако вряд это можно считать конструктивной позицией. Более правильно, как мне представляется, четко различать термины, обозначающие биологические различия между мужчинами и женщинами, и различия, сформированные под влиянием социума. Если речь идет о биологических различиях между мужчинами и женщинами как индивидами, то целесообразно использовать термины *пол, половой диморфизм*[1], в англоязычной литературе — *секс*[2]. Когда же говорят о психосоциальной, социокультурной роли мужчин и женщин как личностей, то лучше говорить о *гендере, гендерных различиях*.

В целом вопрос о половых различиях остается достаточно запутанным, и одна из задач заключается в том, чтобы выяснить, в какой мере полоролевые стереотипы целесообразны, т. е. соответствуют природе мужчины и женщины, а в какой мере они ошибочны. Важно, чтобы при рассмотрении этой проблемы не было перехлеста ни в сторону роли биологических факторов, ни в сторону роли социальных факторов. Положение о социальном равноправии мужчин и женщин не должно мешать ученым видеть имеющиеся биологические и психологические различия, и как можно отрицать целесообразность их учета при распределении ролей в общественной и профессиональной жизни общества? Можно, конечно, в стране, которая не собирается воевать, назначить на должность министра обороны женщину, но что-то не видно женщин, желающих стать грузчиками или шахтерами. И цивилизованное общество не настаивает на участии женщин в этих видах труда не потому, что женщин хотят унизить, а потому, что учитывает их физиологические особенности, щадит женщин, тем самым проявляя к ним уважение. Странно читать некоторые работы, в которых все поведенческие (полоролевые) особенности женщин приписываются исключительно социальному влиянию. До сих пор, однако, никто не доказал, что биологические факторы совершенно не влияют на поведение человека, на его способности, склонности (вкусы). Наоборот, в психофизиологии все больше накапливается фактов, подтверждающих наличие такого влияния. Но если биологические различия между мужчинами и женщинами очевидны, то почему надо отрицать наличие и психологических различий, в том числе и поведенческих, отражающих эти различия? Поэтому многие постулаты гендерной психологии и особенно социологии смахивают на игры политиков в популизм. Речь идет не об ущемлении прав того или иного пола, а об учете различий между ними в интересах общества.

---

[1] «Диморфизм» — существование двух разных форм.

[2] Последнее вносит путаницу при чтении этой литературы, так как в нашем понимании секс — это сексуальное поведение, а не пол.

Нельзя отрицать, что поведение лиц мужского и женского пола есть следствие их социализации и воспитания в соответствии с представлениями общества о роли мужчин и женщин. Однако возникает вопрос: *почему у человечества сформировались такие представления*? И почему, несмотря на смену исторических и экономических эпох, они все же в своей основе остаются незыблемыми? Скорее всего, потому, что они основываются не на чьей-то прихоти, а на народной мудрости, учитывающей биологические возможности мужчин и женщин.

Д. Джири (Geary D., 1989) отмечает, что природа и воспитание взаимодействуют в сложном процессе создания половых различий. Он пишет, что культура способна смягчать или усиливать ранние, биологически заложенные половые различия, а поскольку культура постоянно меняется, вполне логично ожидать, что и величина половых различий тоже будет меняться.

О том же говорит и В. Е. Каган (2000): «Анализ материалов дискуссии, последовавшей за выходом в свет монографии Е. Маккоби и К. Джеклин (1976), показывает, что дихотомия биологического и социального изжила себя: средовые влияния являются необходимым условием реализации врожденных программ в той же мере, в какой врожденные программы являются необходимой точкой приложения средовых влияний» (с. 65).

Следует отметить, что обсуждаемая проблема во многих исследованиях (Алешина Ю. Е., Лекторская Е. В., 1989; Анучин В. В. и др., 1984; Бабаева Л. В., Чирикова А. Е., 1996; Балибалова Д. И., 1995; Баскакова М. Е., 1998; Буткевич В. А., 2001; Весельницкая Е., 1993; Горчакова В. Г., 2000; Завьялова Е. К., 1998; Казанцева Г. Н., 2001; Кобзева Е., 1991; Кораблина Е. П., 1998; Либоракина М. И., 1995; Новикова Э. Е. и др., 1978; Осипова Л. В., 2004; Палуди М., 2003; Попова Л. В., 1996б; Раковская О. А., 1996; Ранник Э., 1978; Рековская И. Ф., 1993; Ржаницына Л. С., Сергеева Г. П., 1995; Роузнер Дж., 1995; Рыбцова Л. Л., 1997; Сальвагио Р., 1996; Сафонова М. В., 1999; Сергиенко Е. А., Пугачева А. Н., 1995; Суслова Т. Ф., 1999; Таслер Е., 2001; Усачева Н. А., 1994; Харчев А. Г., 1972; Ходырева Г. Л., 1997; Хорни К., 1993; Челышева Н. А., 1999; Шевченко Л., 1999; Щербич Л. И., 1997, Lectures..., 2008, и др.) освещается с учетом специфики только женского пола. Так, в одном исследовании автор опросила женщин, занимающихся бизнесом, что мешает им в создании собственного дела. Были получены такие ответы: 1) отсутствие правовых гарантий и несовершенство системы законодательства; 2) нестабильная экономическая и политическая обстановка в стране; 3) уязвимость перед вымогательством (рэкет), отсутствие безопасности; 4) отсутствие связей в сфере бизнеса (Е. Кобзева, 1991). Спрашивается: что специфического для женского бизнеса выявила автор? Разве те же проблемы не касаются бизнесменов-мужчин?

Или, например, при обсуждении «пропасти между полами» во время президентской предвыборной кампании в США, пишет Д. Майерс (2000), комментаторы удивлялись тому, что большинство женщин голосует за демократов, но при этом не пытались выяснить, почему большинство мужчин голосуют за республиканцев.

На фоне многочисленных исследований, посвященных женщинам, работ, посвященных мужчинам, намного меньше (Здравомыслова О. И., 1992; Кон И. С., 2001; Лихтенберг Ф., 1994; Синельникова А., 1998; Урланис Б. Ц., 1969; Шенкман С., 1977; Эйсенсен И., 1989).

Выявить мужскую или женскую специфику можно только при их сравнении, а не при изолированном изучении женщин или мужчин. Для науки и женщины и мужчины представляют одинаковый интерес. Однако при этом следует избегать «приукрашивания» своего пола, сглаживания имеющихся различий. Игли и Карли (Eagly, Carli, 1981) отмечают, что как ученые-мужчины, так и ученые-женщины склонны представлять субъектов своего пола в более выгодном свете, нежели противоположного. Если обнаруживаются различия в способностях в пользу женщин, то исследователи-мужчины менее склонны признавать их достоверность, если же обнаруживаются различия в пользу мужчин, то уже исследователи-женщины считают их несущественными, случайными.

Раздел первый

Пол как биологическое явление

ГЛАВА 1

Биологические аспекты половой дифференциации

1.1. Целесообразность и биологическое предназначение наличия в природе двух полов

Биологическое предназначение мужчин и женщин можно было бы выразить очень кратко: задача мужчин — оплодотворять женщин, а задача женщин — рожать детей. Эта позиция отражает наиболее влиятельную концепцию XIX в. — дарвинизм и его развитие в виде социального дарвинизма XX в., которая делает упор на «естественный отбор», а также на основное и самое высокое назначение женщины в обществе — материнство, являющееся неотъемлемым фактором процветания нации. Как полагал И. И. Мечников, ради этой миссии природа допускает отставание женщин в развитии. Вот что он писал по этому поводу в начале XX в.: «Многими натуралистами вполне осознан тот факт, что женщина представляется как бы соответствующей мужчине в юношеском возрасте, следовательно, задерживается на известной ступени развития подобно тому, как задерживается развитие личинкоподобной самки многих насекомых, самцы которых являются в виде гораздо более развитых крылатых существ. Никто, конечно, не выведет из моих слов, чтобы я утверждал, будто женщина не способна к развитию и должна во всех случаях и вечно оставаться на личинкоподобной стадии развития. Я утверждаю только, что прогрессивное развитие женщины не должно совершаться в ущерб ее способности размножения, выкармливания и воспитания детей, совершенно подобно тому, как усиленная деятельность рабочих пчел, муравьев и термитов могла явиться не иначе как вместе с появлением бесплодия или же плодовитости в экстренных исключительных случаях, и фактическое доказательство этого мнения представляют нам Соединенные Штаты. Женщины-янки с давних пор заботятся о собственном развитии и сделали в этом отношении огромные успехи, но они совершились, видимо, за счет размножения и семейной жизни» (1913, с. 92). Конечно же, речь у И. И. Мечникова идет не о потере способности к деторождению в результате эмансипации женщин, а об изменении их социальной роли в семейной жизни и отношения к рождению большого количества детей. Не секрет, что чем более образована женщина, тем меньше у нее детей. Это плата за ее интеллектуальное развитие.

Мужчина и женщина — это две ноты, без которых струны человеческой души не дают правильного и полного аккорда.
Джузеппе Мадзини

С позиций социального дарвинизма большинство представителей науки и образования единодушно противостояли попыткам женщин добиться социального равноправия, доказывая физиологически обусловленное ограничение не только физической, но и умственной и социальной активности женщин. В 1887 г. председатель Британской медицинской ассоциации выступил с предложением о том, чтобы в интересах социального прогресса и улучшения человеческой расы образование и другие виды активности женщин были запрещены конституцией как потенциально опасные, вызывающие перегрузку женского организма и неспособность произвести здоровое потомство.

Один из ученых писал в это же время, что функции овуляции, беременности, лактации и менопаузы по очереди доминируют в женском организме, истощая его и не оставляя достаточных для иной деятельности энергетических ресурсов. Даже такой прогрессивный деятель, как Герберт Спенсер, в своем труде «Принципы биологии» (1867) доказывал, что чрезмерный умственный труд негативно влияет на физиологическое развитие и детородные функции женщин.

Наконец-то женщины, наравне с мужчинами участвующие в производственном процессе, получили возможность вместе с ними управлять жизнью внешнего мира. Но они обладают еще исключительным правом контроля над продолжением рода. В любой момент они могут отказаться рожать детей. А в ближайшем будущем благодаря искусственному осеменению они смогут решать этот вопрос самостоятельно. Обратный же процесс невозможен: для продолжения рода необходима женщина. Таким образом, казавшаяся незыблемой идея соединения двух полов как первостепенного условия деторождения ставится сегодня под сомнение. И когда биологи и генетики предсказывают, что скоро можно будет оплодотворять ядро женской клетки без сперматозоида, становится ясно, как близко мы подошли к, казалось бы, фантастической идее партеногенеза, который в данном случае будет женским.

Даже если женщины третьего тысячелетия и не воспользуются этой возможностью, вполне вероятно, что мужчины болезненно отнесутся к подобному изменению своего статуса. По-видимому, им предстоят серьезные испытания. Возможно, они еще острее ощутят утрату характерных для своего пола черт, своей уникальности и нужности. Поэтому можно предположить, что они всеми силами будут стараться вернуть себе хотя бы часть своей былой власти. Уже сейчас биологи предсказывают невероятное: меньше чем через полвека мужчины смогут «вынашивать» детей. И это уже не научная фантастика. Скоро придется коренным образом пересмотреть взаимоотношения полов, определение их специфических качеств и отношение к их равенству.

Элизабет Бадинтер (Курьер ЮНЕСКО. 1986. Апрель).

Но в высказывании И. И. Мечникова есть и биологический подтекст: природа регулирует развитие самок, воспроизводящих потомство, и в этой регуляции действительно есть загадка. Как будет показано ниже, девочки опережают в темпах развития мальчиков на протяжении многих лет, обгоняют их в абсолютных параметрах и вдруг с окончанием полового созревания начинают отставать в развитии

от субъектов мужского пола. *Зачем* это происходит? *Зачем* женщина должна уступать в физическом развитии мужчине?

Хотя роль мужчин в воспроизведении потомства нельзя сбрасывать со счетов, главная роль принадлежит все-таки женщине: именно она вынашивает плод, от ее стараний зависит полноценность этого плода, а эффект этих стараний тесно связан с характером ее профессиональной и общественной деятельности, с отсутствием физических и психических перенапряжений, столь характерных для стремящейся сделать профессиональную или общественную карьеру женщины. Поэтому можно понять опасения многих ученых: не пострадает ли в результате таких устремлений семейный уклад и воспитание детей? Так, Г. Спенсер, руководствуясь подобными опасениями, считал необходимым ограничить возможности любой деятельности женщины для того, чтобы вся ее энергия принадлежала ребенку и домашнему быту, — только такой уклад является, с его точки зрения, наиболее эффективной формой человеческой организации. У немцев этот принцип получил развитие в виде «трех К», предназначенных женщине: Kinder (дети) — Kuche (кухня) — Kirche (церковь).

Как отмечают Уильямс и Бест (Williams J., Best D., 1986), свобода перемещения женщины была ограничена, поскольку ей всегда нужно было ухаживать за младенцами, и коль скоро женщина оказалась «запертой в пещере», ей имело смысл заняться ведением домашнего хозяйства. В то же время мужчины могли отлучаться от домашнего очага, следовательно, заниматься охотой и войнами. Это было выгодно еще и потому, что опасные дела с участием женщин могли грозить исчезновением производительниц потомства.

Д. Басс (Buss D., 1989), а также Д. Кенрик (Kenrick D., 1987), придерживающиеся биосоциального, или эволюционного, взгляда, полагают, что такие черты, как мужская доминантность и женская заботливость, могли появиться путем естественного отбора и эволюции. С их точки зрения, мужчин женщины выбирали за черты, связанные с доминантностью и социальным статусом, а женщин мужчины — за черты, указывающие на высокие репродуктивные возможности и умение заботиться о потомстве. Предполагается, что эти черты положительно влияют на репродуктивный процесс и, следовательно, начинают чаще встречаться в популяции. Исследования выбора партнера в паре действительно показывают, что женщин сильнее влечет к мужчинам, которые кажутся доминантными, а мужчины тянутся к внешне привлекательным и молодым женщинам, причем эти различия проявляются в различных культурах.

Кайзерлинг («Из дневника философа») характеризует [«половую полярность»] следующим образом: «Мужским мы называем варьирующий принцип, женским – сохраняющий; мужским – делающее, женским – воспринимающее и понимающее. Мужчина создает явление, женщина придает телесность его причине. Каждый человек есть синтез мужественности и женственности».

Но следует ли из этого, что женщина ниже мужчины? Разумеется, нет. Если она в каком-нибудь отношении уступает ему, то в другом бесспорно превосходит его. «Эти два резко разнящиеся друг от друга мира – мужской и женский – скорее призваны, по Ишлондскому, дополнять друг друга, стремиться к достижению взаимной гармонии, как бы к достижению состояния рав-

новесия, нарушенного в тот самый момент, когда в природе имело место обособление полов. Это постоянное стремление полов к взаимной гармонии, никогда не прекращающееся, но никогда и не достигающее цели, и обусловливает тот феномен, который мы называем любовью»...

Каждому полу, говорит академик В. М. Бехтерев («Недооценка социальной роли женщины» (Вестник знания. 1925)), своя роль как в биологии, так и в социальном строительстве, и роль в равной мере необходимая в культурном равновесии человечества. Если, говорит он, человечество желает остаться культурным, то оно должно оберегать женщину как носительницу драгоценнейших качеств своего пола в социальных условиях жизни. В. М. Бехтерев заходит, однако, слишком далеко, когда утверждает, что культурное общество должно оберегать в большей мере женщину как носительницу своего пола, чем мужчину, «ибо в ней или в связи с ней вся культура будущего человечества». Мне думается, что об этом не мечтают даже самые пылкие феминистки.

Якобзон Л. Я., 1929, с. 78–79.

В. А. Геодакян (1965, 1972) целесообразность наличия двух полов видит в их специализации по двум главным альтернативным направлениям эволюционного процесса – консервативному (сохранение свойств вида) и прогрессивному (приобретение видом новых свойств). Мужской пол реализует «прогрессивную» тенденцию, а женский – «консервативную», обеспечивая неизменность потомства от поколения к поколению. Женский пол филогенетически более устойчив (ригиден), но зато онтогенетически более пластичен. Мужской пол филогенетически менее устойчив (более пластичен), но онтогенетически – ригиден. Мужской пол – это передовой отряд популяции, берущий на себя функцию столкновения с новыми условиями существования. Если они достаточно сильны, то формируются новые генетические тенденции, которые могут быть переданы потомству.[1]

Эти представления соответствуют данным отечественных биологов, обнаруживших более высокую генетическую обусловленность ряда морфологических и физиологических характеристик у лиц мужского пола и большую зависимость этих признаков от средовых влияний у женщин (Никитюк Б. А., 1974, 1976, и др.).

Метафорой женского естества может быть персик с его твердой косточкой, но податливой мякотью, а метафорой мужского – мякоть ореха в твердой скорлупе. Соединение того и другого естества повышает эволюционную устойчивость вида.

Но для того, чтобы приобретать что-то новое, ценное для потомства, необходим поиск новых условий существования, освоение новых пространств. Этим и занимаются самцы, тем более что у них имеется высокая предрасположенность к *поисковому поведению*.

Классическая теория эволюции человека исходит из представления о том, что ведущую роль в этом процессе играл «мужчина-охотник». Предполагалось, что именно мужчины, занимаясь важной и опасной деятельностью – охотой за крупным зверем, изобрели не только орудия труда, но и социальную организацию, включая язык. Женщинам же эта теория отводила второстепенную роль, «их мир – это дом», женские виды деятельности (прежде всего собирательство), в проти-

[1] Подробнее об этой теории см.: *Гордон А.* Диалоги-2. М.: Предлог, 2005. С. 221–258.

воположность мужским, рассматривались как биологически ориентированные и не требующие иных навыков, кроме тех, которые заложены в женщинах от природы.

Альтернативные описания эволюционного процесса появились на основе критики представлений о женщине как о пассивном сексуальном ресурсе для мужчин.

В 1970 г. антропологи А. Зилман и Н. Тэннер развили собственную теорию эволюции человека. Центральное место в ней принадлежит идее, что женщины, занимаясь собирательством, внесли существенный вклад в эволюционное развитие. Отталкиваясь от исследований приматов (чем питаются шимпанзе, какие орудия используют), Зилман отказалась от представления об охоте как о краеугольном камне эволюционного процесса. Она показала, что собирательство требует определенных умений и относительно большого объема знаний (какие растения и плоды следует собирать, когда и где их искать и пр.) и, соответственно, способствует развитию коммуникаций и изобретению новых орудий. Кроме того, опираясь на работы в области детской психологии, Зилман установила, что особая связь между матерью и ребенком также сыграла важную роль в человеческой эволюции. Теории, предложенные феминистскими антропологами, вовсе не отрицают роли «мужчины-охотника», напротив, они доказывают, что и женщины и мужчины равно внесли свой вклад в эволюционный процесс.

Виноградова Т. В., 2001, с. 115.

Однако в концепции В. А. Геодакяна есть и слабые места. Например, поисковая активность самцов объясняется тем, что в отличие от женщин, сравнительно легко адаптирующихся к изменяющейся ситуации, мужские особи приспосабливаются к изменениям среды плохо и лучшим выходом для них является поиск нового места, в котором им будет снова комфортно. Но если они находят прежнюю оптимальную для них среду, то зачем им изменяться?

Зато концепция В. А. Геодакяна хорошо согласуется с большими потерями мужской популяции. Ведь попадание в новую, неизвестную ранее среду при поисковой активности самцов непременно связано с нарушением гомеостаза и с риском гибели. Однако это не «пугает» природу. Ведь реально количество потомков зависит не от самцов, а от самок, от того, какое количество детей они способны воспроизвести. Это значит, что гибель большого числа самцов может слабо отразиться на числе потомства, тогда как гибель самок способна заметно снизить численность популяции. В. А. Геодакян ссылается на тот факт, что у гаремных животных 85% самок оплодотворяются всего лишь 4% самцов высокого ранга, а остальные к размножению допускаются только в экстремальных ситуациях, когда больше гибнет самцов, чем самок. Конечно, по отношению к человеку этот пример не имеет прямого отношения, однако простые расчеты показывают, что для оплодотворения женщин в первобытном обществе, когда сексуальные отношения были полигамными, большого количества мужских особей не требовалось, тем более если учесть, что способность к новому зачатию могла возникнуть у женщин только через девять месяцев.

В то же время, как отмечает В. Е. Каган (1991), распространять концепцию В. А. Геодакяна на человеческую психологию и поведение следует с максимальной осмотрительностью. Прямой перенос биологических закономерностей на психологию и социологию оборачивается утверждением мужского шовинизма.

Теория функционализма (взаимодополняемости двух полов) также подчеркивает положительную функцию дифференциации половых ролей. Придерживаю-

щиеся этой теории исследователи считают, что в современной семье супруги выполняют две различные роли: инструментальную и экспрессивную.

Американская исследовательница-антрополог Нэнси Рис (1994), анализируя представления о мужчинах и женщинах, подчеркивает сущность андроцентричной культуры, при которой мужчины соотносятся с обществом, а женщины – с природой. Такие взгляды находят свое отражение в языке, в художественном творчестве и даже в науке. Основное в этих взглядах – «символическое противопоставление мужчин как существ более "окультуренных", общественных, женщинам – существам, более близким к природе. Это ... породило ряд двойных оппозиций, таких как: жизнь женщины мотивирована биологически, а жизнь мужчины – социально; у женщин на первом плане тело, а у мужчин – мысль; женщины руководствуются страстями и инстинктами (материнскими, воспитательными), тогда как мужчин направляет их рассудок и интеллект: место женщины – в кругу семьи, в то время как сфера мужчины – это общество, политика, бизнес» (Рис Н., 1994, с. 45).

Одним из факторов, влияющих на формирование вторичности образа женщины, является, по мнению гендерных исследователей (Воронина О. А., 2001; Клименкова Т. А., 2002), тот тип разделения труда, который строго определенным образом закрепил в культуре ряд характеристик, имеющих отношение к полу. На мужчину здесь возложена активность, связанная с производительным трудом, а на женщин – с обеспечением воспроизводства рабочей силы, т. е. условий по поддержанию жизни. Такое разделение труда привело к тому, что женщина «отодвигается» за пределы общественной сферы. Она выполняет то, что скрыто, что «никто не видит», что предназначено для внутреннего употребления, что необходимо, но вторично. Этот вид труда не учитывается обществом как реально значимый, и женщина как его носительница приобретает более низкий статус, чем мужчина.

Клецина И. С., 2004, с. 229.

Инструментальная роль, выполняемая мужчиной, состоит в поддержании связи между семьей и внешним миром; это работа и обеспечение семьи деньгами. *Экспрессивная роль*, выполняемая женщиной, проявляется в установлении гармонии и внутреннего эмоционального климата семьи; она связана в первую очередь с заботой о детях и выполнением домашних дел.

1.2. Биологические механизмы половой дифференциации

Вопрос о том, почему получаются мальчики и девочки, интересовал человечество давно. При этом выдвигались разные причины. Например, Аристотель считал, что главное — как ласкают друг друга мужчина и женщина, кто более страстен во время полового акта; если более страстен мужчина, то получится мальчик, если женщина — то девочка.

Несмотря на бурное развитие биологии в XIX — первой половине XX в., тайна появления ребенка определенного пола была раскрыта лишь во второй половине XX в. с помощью генетиков.

Как известно, носителем наследственных свойств является хромосомный аппарат. В каждой клетке человека находится 23 пары хромосом — 22 пары так на-

зываемых *аутосом*, одинаковых у мужчин и женщин, и одна пара *половых хромосом*, которая у них различается. У женщин это две Х-хромосомы (паттерн XX), у мужчин одна X и одна Y-хромосома (паттерн XY), т. е. мужской *генетический пол* является *гетерогаметным*, а женский — *гомогаметным*.

В процессе созревания каждая половая клетка утрачивает половину своего хромосомного набора (остается лишь по одной хромосоме из каждой пары). Зрелая мужская половая клетка — сперматозоид — содержит 22 аутосомы и одну половую хромосому — X или Y (поэтому есть сперматозоиды двух видов — более крупные, с круглой головкой, содержащие Y-хромосому, и менее крупные, с овальной головкой, содержащие Х-хромосому). Женская половая клетка — яйцеклетка — содержит 22 аутосомы и одну половую хромосому, всегда X. При слиянии яйцеклетки со сперматозоидом восстанавливается полный набор хромосом — по 22 пары аутосом и пара половых хромосом. Однако пары половых хромосом могут быть разными. Если яйцеклетка оплодотворяется Х-сперматозоидом, то в зародышевой клетке — *зиготе* — образуется пара из двух Х-хромосом, т. е. женская, и тогда в дальнейшем развитие плода идет по женскому типу. Если же яйцеклетка оплодотворяется Y-сперматозоидом, то в зиготе образуется мужская пара половых хромосом и развитие плода идет по мужскому типу.

Вообще-то зародыш изначально запрограммирован на то, чтобы развиваться в особь женского пола, о чем говорил французский биолог Альфред Жост еще до открытий генетикой X- и Y-хромосом. Однако присутствие Y-хромосомы останавливает развитие еще не дифференцированных половых органов плода (которые иначе превратились бы в яичники) и направляет их развитие по мужскому типу, превращая в яички.

Процесс половой дифференциации начинается с момента оплодотворения яйцеклетки и проходит ряд стадий, каждая из которых имеет свои специфические задачи, причем результаты развития, достигнутые на каждой стадии, становятся необратимыми (Вундер П. А., 1980; Донован Б. Т. и ван дер Верф Тен Бош Дж., 1974, и др.). Основные этапы и компоненты половой дифференциации отражены Д. Мани (Money D., 1980) в следующей схеме (рис. 1.1).

Генетический пол определяет истинный, или *гонадный*, пол (от греч. *gone* — семя), т. е. пол, обусловленный строением половой железы (яичка или яичника). Так, паттерн XY, характерный только для мужских клеток и делающий их несовместимыми с иммунологической системой женского организма, программирует за счет наличия в Y-хромосоме гена SRY превращение (на 4–8-й неделе) зачаточных гонад мужского плода в семенники, способные порождать сперматозоиды. В хромосоме X паттерна XX имеется ген DSS, направляющий развитие индифферентной половой железы в яичники, которые способны порождать яйцеклетки. Возникновение яичек или яичников обусловливает *гаметный пол* (от греч. *gametes* — супруг, *gamete* — супруга). Таким образом, ген DSS играет у паттерна XX такую же роль, как ген SRY у паттерна XY. В конце 3-го месяца яички начинают продуцировать мужской половой гормон *тестостерон* (андрогены) и *ингибирующую субстанцию*, которая подавляет развитие женских половых органов. Тестостерон стимулирует развитие внутренней репродуктивной системы по мужскому типу и, кроме того, как предполагают ученые, влияет на развитие мозга и нервной систе-

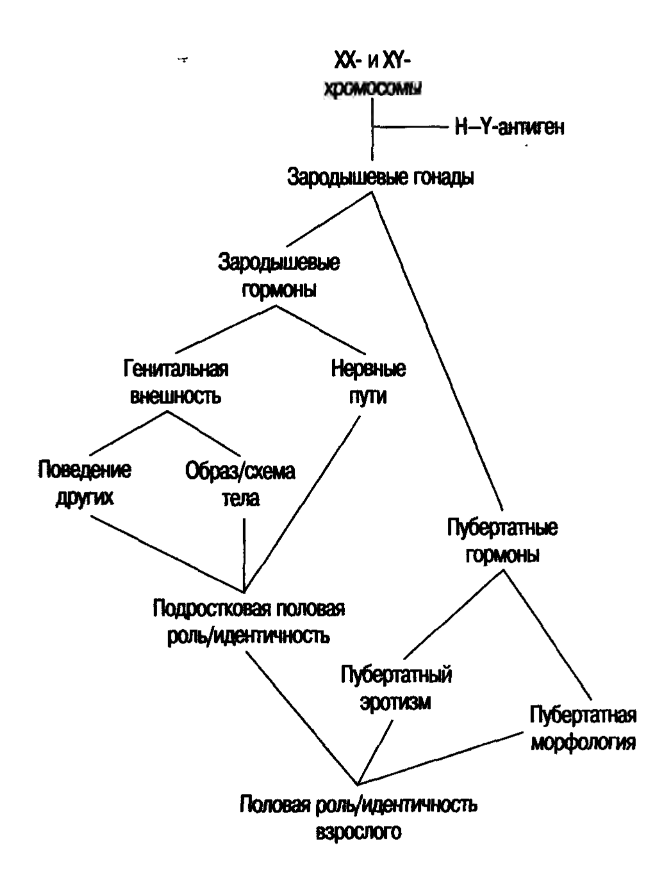

Рис. 1.1. Этапы и компоненты половой дифференциации

мы: в мозг поступает команда прекратить цикличное выделение гормонов, вследствие чего у лиц мужского пола отсутствуют менструальные циклы после наступления пубертата. Возникает *гормональный пол*, который у зародыша определяет дифференциацию внутренних репродуктивных органов (*внутренний морфологический пол*) и наружных гениталий (*внешний морфологический пол*), а также особых нервных механизмов – так называемых *половых центров*, которые в дальнейшем регулируют маскулинное или фемининное поведение человека. С наступлением полового созревания количество андрогенов у мальчиков увеличивается, так как они вырабатываются не только в коре надпочечников, как у женщин, но и в мужских половых железах. А чем больше в организме андрогенов, тем больше проявляется маскулинное поведение.

Гипоталамус, где расположены половые центры, не только дифференцируется под влиянием зародышевых гормонов, но и сам является психоэндокринным органом; его пренатальная программа, ориентированная на мужское и женское поведение, определяет характер его реакции на половые гормоны пубертатного периода, а эта реакция, в свою очередь, вызывает соответствующее полодиморфическое поведение.

В период полового созревания выделяется большое количество гормонов, окончательно определяющих биологические различия по полу. За этот период у мальчиков уровень тестостерона увеличивается в 18 раз, а у девочек уровень эстрадиола — в 8 раз (Biro F. et al., 1995).

При отсутствии или недостатке в соответствующий критический период зародышевых андрогенов половая дифференциация автоматически, независимо от хромосомного пола, происходит по женскому типу (Либерман Л. Л., 1966; Розен В. Б. с соавт., 1991). Примером может служить развитие ребенка в тех случаях, когда в силу патологического влияния экологии (интоксикация, радиация) не формируются половые железы (*состояние агонадизма*). С другой стороны, если мать в период беременности принимает препараты, стимулирующие появление мужского гормона (тестостерона), то женский эмбрион может «дефеминизироваться», что впоследствии проявится в маскулинизации женского поведения (Collaer M., Hines M., 1995). Такие девочки предпочитают общество мальчиков и игры, свойственные мальчикам, самоуверенны и независимы. Все это доказывает значительно большую роль для внутриутробной дифференцировки полов андрогенов, чем эстрогенов.

Установлено, что вероятность рождения мальчика тем выше, чем моложе родители (Stern C., 1960). Так, у матерей 18–20 лет отношение родившихся мальчиков к девочкам было 120:100, а у матерей 38–40 лет — 90:100. Имеет значение и то, какая по счету беременность: у первородящих мальчики рождаются чаще; чем выше порядковый номер родов, тем ниже вероятность рождения сына. Кроме того, если к моменту овуляции сперматозоид уже находится в половых путях женщины, больше вероятность рождения девочки, если же он попадает туда после овуляции, возрастает вероятность рождения мальчика (Бауст Э., 1872). Уже в XIX в. было замечено, что беременность мальчиком продолжается на неделю дольше, чем беременность девочкой.

Можно ли этому верить?

Французские медики разработали диету для будущих родителей. Врачи утверждают, что соблюдение ее перед зачатием позволяет с достоверностью до 80% планировать пол будущего ребенка. Вот эти диеты.

Рекомендуемые продукты питания, чтобы родилась девочка: шоколад, какао, кальциевые минеральные воды; мясо в ограниченном количестве; яйца, молоко, сливочные сырки, творог; хлеб и печенье без соли, выпечка без соли и дрожжей; рис, манка; картофель в ограниченном количестве; баклажаны, свекла, морковь, огурцы, зеленые бобы, горошек, перец стручковый, лук; яблоки, груши, клубника, малина, лимоны, грейпфруты; сухофрукты, несоленый миндаль, фундук, арахис; сахар, варенье, желе, сметана, перец, пряности.

Рекомендуемые продукты питания, чтобы родился мальчик: сок фруктовый, минеральная вода с содой; колбасы, копчености; яичный балок; печенье, бисквиты; картофель, грибы, чечевица, сушеный горох; бананы, финики, абрикосы, апельсины, черешня; чернослив, шоколад.

В общем, для зачатия девочки надо больше кальция, а для зачатия мвльчика — больше калия.

Различия в быстроте развития мужского и женекого организма видны уже на стадии эмбриона. У девочек развитие скелета идет быстрее. После рождения они

на 1–2 недели опережают мальчиков в формировании костей. В то же время по длине и весу мальчики при рождении больше девочек на 2–3% (Tanner J., 1978).

Нарушение развития пола. В ряде случаев в период внутриутробного развития происходит отклонение от описанной выше программы полового развития вследствие недостатка или избытка мужского полового гормона, из-за чего возникает мужской или женский псевдогермафродитизм.

Женский псевдогермафродитизм выражается в омужествлении наружных половых органов (увеличение клитора). Повышенное содержание в организме девочки андрогенов приводит к формированию мужского соматотипа, который характеризуется увеличением роста (за счет нижних конечностей) и увеличением ширины плеч при уменьшении ширины таза, а также уменьшением жировой массы тела и увеличением мышечной массы. Задерживается половое созревание (в 14 лет отсутствуют грудные железы и менструации).

Мужской псевдогермафродитизм связан с недостатком мужских половых гормонов в период развития мальчиков. Вследствие этого мальчики приобретают некоторые морфологические и поведенческие черты, свойственные женщинам.

1.3. Кого рождается больше — мальчиков или девочек?

Еще в 1661 г. стало известно, что в мире мальчиков рождается на 6% больше, чем девочек (очевидно, в связи с тем, что в составе спермы преобладают Y-сперматозоиды, обеспечивающие при оплодотворении яйцеклетки развитие зародыша по мужскому типу развития; в среднем Y-сперматозоидов 150–170 : 100 X-сперматозоидов). Однако этот громадный перевес мужских гонад не приводит к такому же перевесу рождающихся мальчиков над девочками, так как большая гибель мужских особей начинается уже в период беременности. Известно, что общее число ранних выкидышей составляет до 25–30% всех зачатий. При этом оказывается, что на 100 выкидышей плодов женского пола, случающихся в 3 первых месяца беременности, приходится 160–170 выкидышей плодов мужского пола (Новосельский С. А., 1958). Часто гибель будущего мальчика происходит раньше, чем женщина узнает, что она беременна. В результате мальчиков рождается лишь немногим больше, чем девочек. В среднем для всех рас это соотношение равно 105,5 : 100, а в СССР в 1970 г. оно было 104 : 100. Правда, следует иметь в виду, что в странах Востока искусственно (путем абортов) снижается число родившихся девочек, что вызвано как религиозными предрассудками (девочки во многих семьях считаются нежелательными), так и демографическими условиями (перенаселенностью). Поэтому, например, в Южной Корее мальчиков рождается на 14% больше, чем девочек, а в Китае — даже на 18% в результате умерщвления 76 млн плодов и новорожденных женского пола (Kristof, 1993; Klasen, 1993).

В связи с этим различают три вида соотношения полов: первичное (соотношение мужских и женских зигот, или половых клеток), вторичное (соотношение пола новорожденных) и третичное (соотношение представителей мужского и женского пола в зрелой популяции среди способного к воспроизведению населения).

Небольшой остров Дзинодзи в Японии называют «островом мальчиков». Здесь уже многие годы мальчиков рождается в 3,5 раза больше, чем девочек. Японские ученые видят причину этого в питьевой воде – она имеет много щелочных веществ.

Б. Ц. Урланис (1969) привел данные, согласно которым в СССР в 1967 г. появилось на свет 2 098 000 мальчиков и 1 995 000 девочек. Из них до одного года не дожили: 29 на 1000 мальчиков и 23 на 1000 девочек. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы (табл. 1.1).

Таблица 1.1. Младенческая смертность, 1980–1998 гг. (Зуйкова, Ерусланова, 2001)

Годы	Число умерших до одного года на 1000 детей	
	девочек	мальчиков
1980	19	25
1985	18	24
1990	15	20
1995	16	21
1996	15	20
1997	15	20
1998	14	19

Интересен факт, что во время войн и после них резко возрастает число рождающихся мальчиков (рис. 1.2), так что вторичное соотношение между лицами мужского пола в эти годы увеличивается и вследствие этого нормальное соотношение, утерянное в годы войны, вновь восстанавливается.

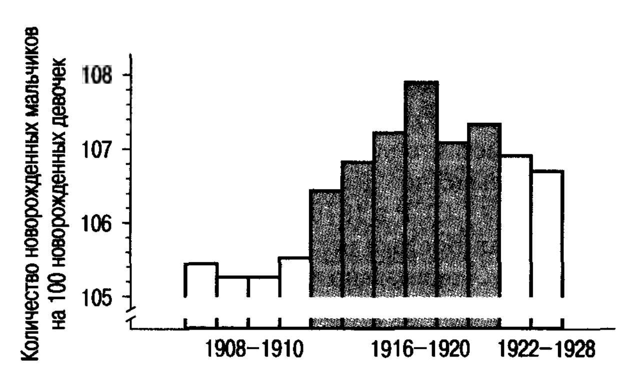

Рис. 1.2. Динамика вторичного соотношения полов (Германия 1908–1928 гг.)

Например, в Москве в 1911–1916 гг. соотношение было равно 104,7:100, в 1917 г. – 106,9:100, а в 1922–1924 гг., когда закончились Первая мировая и Гражданская войны, соотношение выросло до 107,4:100 (Новосельский С. А., 1958).

Механизмы этой природной саморегуляции соотношения полов не ясны. В. А. Геодакян (1965) выдвинул в качестве регулирующего фактора интенсивность поло-

вой деятельности, которая возрастает тем больше, чем меньше остается после различных катаклизмов (например, войн) мужчин (при относительном росте числа молодых и слабых здоровьем, которых на войну не берут). Свою точку зрения он подкрепляет тем, что у животных половое истощение или физическая слабость производителя (самца) ведет к преобладанию в потомстве самцов. Таким образом, в экстремальных условиях самцов гибнет больше, но и больше рождается. С таким объяснением не согласны Д. В. Колесов и Н. В. Сельверова (1978), которые считают, что половая активность представителей мужского пола далеко не определяется их относительной численностью. Активность действительно может быть и ни при чем, но состояние здоровья как не воевавших, так и воевавших, скорее всего, играет свою роль.

ГЛАВА 2

Морфофункциональные половые различия

2.1. Морфологические различия между лицами мужского и женского пола

В первые 3 года жизни существенных различий по длине и массе тела, а также по окружности грудной клетки нет. Мальчики немного превосходят девочек в длине тела — до 10 лет, а в массе — примерно до 8,5 лет. Однако в связи с более ранним (на 1–1,5 года) началом полового созревания девочки начинают превосходить мальчиков в длине тела (с 10 до 13 лет) и в массе (с 9 до 14 лет). После 12 лет у девочек снижаются темпы увеличения роста, а с 14 лет — и темпы увеличения массы тела. У мальчиков же в этот период физическое развитие протекает весьма интенсивно. В результате, в 17 лет масса тела юношей превышает таковую девушек на 12%, а рост и окружность грудной клетки — на 9%. Мужчины в среднем выше женщин на 10 см. Формируются мужские пропорции тела: широкие плечи и спина, таз существенно уже, чем плечи, сравнительно длинные конечности, центр тяжести находится выше пояса, тогда как у женщин — ниже.

Дж. Таннер (1968) отмечает, что девочки уже с рождения опережают мальчиков по *оссификации* (замещение в скелете хрящевой ткани костной) приблизительно на 20%. Оссификация скелета у девочек в возрасте 10–12 лет на 2–3 года опережает таковую у мальчиков. Однако женщины обладают более хрупким скелетом.

М. В. Антропова (1983) приводит данные темпов изменения антропометрических показателей у детей по отношению к данным взрослых (дефинитивным показателям), из которых следует, что в каждый возрастной период детства девочки морфологически развиваются большими темпами, чем мальчики (табл. 2.1).

Согласно данным Дж. Таннер (1968), темпы развития конечностей выше у девочек. Уже с рождения по пропорциям тела девочки ближе к *дефинитивному* (окончательному) состоянию по сравнению с мальчиками. Это видно на рис. 2.1, где представлены градиенты созревания (степень приближения в данный момент к дефинитивным размерам, принятым за 100%) верхних конечностей у девочек и мальчиков.

Таблица 2.1. Суммарные приросты основных соматометрических показателей ребенка в отдельные возрастные периоды его развития (средние величины, процент)*

Показатели	Пол	Грудной возраст	Раннее детство	Первое детство	Второе детство
Длина тела	Мальчики	14,4	11,1	15,1	13,6
	Девочки	15,0	11,6	16,6	16,0
Длина ноги	Мальчики	9,7	16,6	19,0	17,0
	Девочки	11,4	17,2	20,6	20,8
Длина туловища	Мальчики	–	–	12,2	11,6
	Девочки	–	–	13,2	15,6
Окружность грудной клетки	Мальчики	16,8	4,0	8,0	11,2
	Девочки	16,8	4,7	7,5	13,5
Масса тела	Мальчики	10,3	5,8	12,3	18,8
	Девочки	11,8	7,6	14,2	25,7

* Примечание: за 100% приняты абсолютные величины соматометрических показателей взрослого условного человека, приведенные в книге: «Человек. Медико-биологические данные». М., 1977.

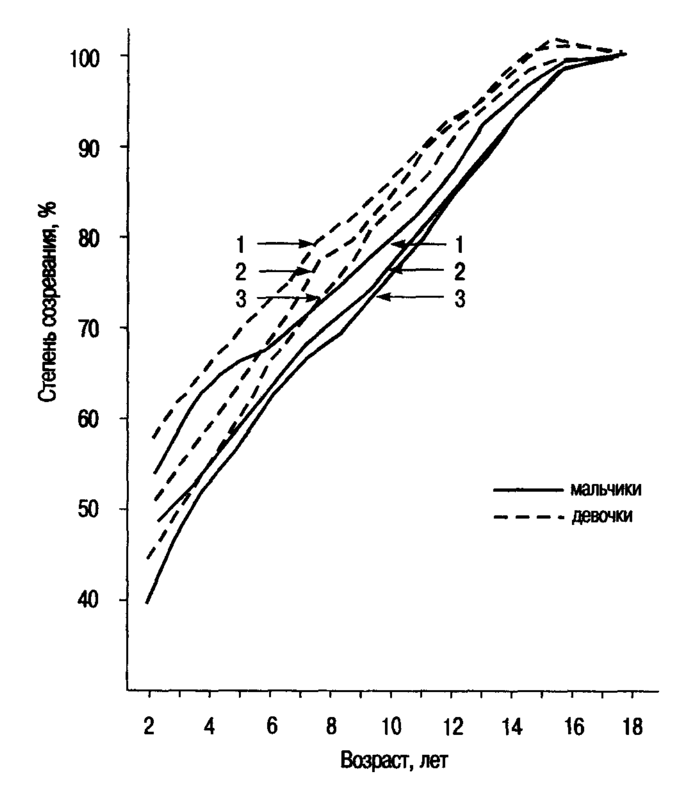

Рис. 2.1. Градиенты созревания верхних конечностей: 1 – кисти рук, 2 – предплечье, 3 – плечо

Большие темпы роста и созревания девочек по сравнению с мальчиками можно объяснить тем, что в крови первых имеется большая концентрация *гормона роста — соматотропина*, чем в крови вторых (рис. 2.2).

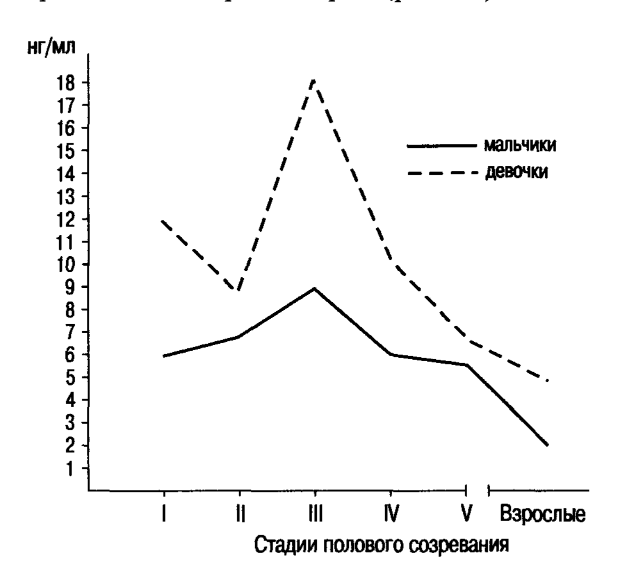

Рис. 2.2. Содержание соматотропина в плазме крови у детей на разных стадиях полового созревания

Однако надо отметить, что все приведенные данные не учитывают тип телосложения детей, который может внести в темпы развития мальчиков и девочек существенные коррективы. Так, по данным А. Б. Хазановой, средний возраст прорезывания зубов меньше у девочек только дигестивного типа телосложения, при наличии же других типов (торакального, мышечного и неопределенного) зубы быстрее прорезываются у мальчиков (табл. 2.2).

Таблица 2.2. Средний возраст (месяцы) прорезывания зубов среди детей грудного возраста Москвы

Пол	Тип телосложения			
	торакальный	мышечный	дигестивный	неопределенный
Мальчики	6,0	7,5	7,1	6,5
Девочки	7,7	7,9	6,0	7,1

У шестилетних детей девочки дигестивного типа превосходят мальчиков астеноидного, мышечного и торакального типа по весу и обхвату груди и почти не уступают мальчикам астеноидного типа по длине тела (табл. 2.3).

Мужчины взрослеют к шестидесяти годам, а женщины — примерно к пятнадцати.
Дж. Стивенс, английский писатель

Несмотря на то что у взрослых женщин соматотропина в крови больше, чем у мужчин, они уступают мужчинам по физическому развитию. Связано это с тем, что на физическое развитие влияют и мужские половые гормоны (андрогены),

Таблица 2.3. Антропометрические показатели шестилетних детей в зависимости от типа конституции (по данным Т. В. Панасюк)

Пол	Тип	Длина тела	Вес	Обхват груди
Мальчики	Астеноидный	116,6	20,7	57,0
	Торакальный	117,1	21,7	57,8
	Мышечный	117,4	22,8	58,8
	Дигестивный	119,0	26,7	64,0
Девочки	Астеноидный	116,7	20,2	55,7
	Торакальный	115,1	20,3	55,6
	Мышечный	115,0	22,0	57,3
	Дигестивный	116,8	25,0	66,6

которых у мужчин после полового созревания становится значительно больше, чем у женщин, и которые, по мнению некоторых ученых, не только сами влияют на развитие организма, но и усиливают продуцирование соматотропина. Во всяком случае, андрогены даже в качестве синергистов усиливают действие соматотропина у мужчин в гораздо большей степени, чем у женщин.

Женщины обладают меньшей длиной (в Европе — в среднем на 12 см) и массой тела (в среднем на 10–15 кг), менее сильным связочным аппаратом, более узкими плечами, короткой и широкой грудной клеткой, широким и ниже расположенным тазом (что обусловливает более низкое расположение центра тяжести), более длинным туловищем со сравнительно более короткими конечностями (на 10%). Соотношение объема талии и бедер в среднем у женщин равно 0,7, а у мужчин — 0,9. У женщин сильнее выражен поясничный лордоз. У мужчин рост тела заканчивается в 25–32 года, у женщин — в 17–18 лет.

У лиц мужского пола мышечная (активная) масса тела больше, чем у лиц женского пола. Эти различия начинают проявляться уже у маленьких детей, когда после первого увеличения жировых отложений в возрасте от 0 до 6 месяцев они начинают уменьшаться явно заметнее у мальчиков, чем у девочек. В подростковом возрасте у мальчиков эта тенденция сохраняется, а у девочек опять начинается рост подкожного жирового слоя.

У взрослых мужчин мышечная масса составляет около 40% веса тела (в среднем около 30 кг), а у женщин — около 30% (в среднем 18 кг). При этом скелетные мышцы состоят в основном из медленных мышечных волокон (т. е. сокращаются медленнее, чем быстрые мышечные волокна), что биологически целесообразно в связи с затяжными родами и необходимостью длительного натуживания. Жировая ткань, наоборот, больше развита у женщин (вследствие врожденной способности более эффективно вырабатывать жировые вещества). В среднем у женщин она составляет 25% от веса тела, а у мужчин — 15%. Абсолютное количество жира у женщин больше, чем у мужчин, на 4–8 кг. Поскольку жировая ткань почти не содержит воды, общее содержание воды в теле у женщин меньше, чем у мужчин.

Эти особенности телосложения имеют биологический смысл. Широкий таз — это защитное костное кольцо для внутренних половых органов и для ребенка в период его внутриутробного развития; женский таз более глубокий и больше по

емкости, он обеспечивает широкий родовой путь. У женщин больше относительная длина позвоночного столба, более широкие, чем у мужчин, межсуставные щели и лучше растяжимость заполняющей их хрящевой прослойки, что создает условия для большей гибкости. Меньшая длина ног и низкое расположение центра тяжести тела обеспечивают устойчивость тела при беременности. У женщин имеется характерная постановка головки и шейки бедра: они располагаются под прямым углом к бедренной кости. Это обеспечивает большую амплитуду движений в тазобедренном суставе. Большая жировая прокладка служит защитой внутренних органов от ударов и придает телу женщин округлые формы. Кроме того, жировая ткань является активным гормональным органом, в котором происходит синтез эстрогенов, определяющих все фемининные качества. Так, для нормальной менструальной функции женщине необходимо иметь не менее 22% жировой массы.

В то же время преобладание мышечной массы у мужчин тоже имеет значение в их маскулинизации, так как в мышцах происходит метаболизм андрогенов.

Таким образом, половой диморфизм размеров тела и его строения у взрослых может объясняться: 1) наличием постнатальных градиентов созревания; 2) различной длительностью препубертатной стадии влияния соматотропина; 3) различиями в механизме воздействия андрогенов и эстрогенов на костную систему. В целом девочки от рождения ближе к своим дефинитивным пропорциям, в препубертате несколько обгоняют мальчиков в росте, пубертатный скачок у них наблюдается раньше и менее интенсивен. Отношение длины тела к длине конечностей у девушек достоверно выше, чем у юношей, что связано с относительным укорочением фазы действия соматотропина и ранним закрытием эпифизарных щелей.

В период полового созревания у мальчиков происходит увеличение и изменение формы гортани. Особенно существенно изменяется щитовидный хрящ, образующий характерный гортанный выступ — кадык («адамово яблоко»). Его пластинки сходятся не под тупым углом, как у девочек, а под острым. Эта морфологическая особенность имеет следствием и появление у мужчин функциональной особенности: из-за увеличения объема гортани и удлинения голосовых связок происходит понижение голоса примерно на одну октаву в сравнении с предшествующим периодом. При этом изменяется тембр голоса и другие его качества, причем изменения бывают как в лучшую, так и в худшую сторону. Поэтому по качеству пения мальчика в детстве нельзя предсказывать, каким певцом он станет после ломки (мутации) голоса. Печальный тому пример — Робертино Лоретти.

Период полового созревания высвечивает еще одно различие в развитии мужского и женского организма. Как у девочек, так и у мальчиков под влиянием гормона гипофиза *фоллитропина* начинает развиваться молочная железа: увеличение ткани железы непосредственно под ореолой — пигментированным кружком кожи вокруг соска. Однако для окончательного развития молочных желез необходимо содружественное влияние фоллитропина и женских половых гормонов. Поэтому у девочек такое развитие происходит, а у мальчиков, у которых женских половых гормонов мало, а тестостерона, который тормозит развитие этих желез, много, наблюдается обратное развитие молочных желез.

Правда, у некоторых мальчиков-подростков молочные железы могут увеличиться до значительных размеров, это явление называется *гинекомастией* (от греч. *gyne* — женщина, *mastos* — молочная железа). Связано это как с увеличенным выделением фоллитропина, так и с повышенной чувствительностью к нему ткани молочной железы.

В период полового созревания начинают проявляться различия между лицами мужского и женского пола в *оволосении*. Первое различие проявляется в лобковом оволосении. У большинства мужчин оно характеризуется линией волос, поднимающейся вверх в виде клина. Правда, примерно у каждого шестого мужчины характер лобкового оволосения приближается к женскому, характеризующемуся ровной горизонтальной линией, так что поверхность, покрытая волосами, имеет форму треугольника, вершиной обращенного вниз.

Второе различие в оволосении состоит в том, что у мужчин волосы начинают расти на лице (сначала над верхней губой, а потом и на подбородке), на груди, спине и ногах; распространение волос на теле называется *гипертрихозом*. Эти особенности мужского оволосения связаны с тем, что под влиянием мужского полового гормона тестостерона пушковые волосы превращаются в так называемые *длинные*. Разная волосистость мужчин определяется различной чувствительностью у них кожи к тестостерону и различным количеством этого гормона. Последнее определяет и тот факт, что гипертрихоз значительно реже и в меньшей степени выражен у женщин.

В зрелом возрасте различие в оволосении заключается в том, что многие мужчины становятся лысыми, а среди женщин таковых нет.

Подводя итог, можно сказать, что по темпам морфологического развития девочки опережают мальчиков, однако это не обусловливает их преимущество в абсолютных морфологических показателях, которое с каждым годом все больше увеличивается в пользу мальчиков. Так, средний вес при рождении мальчиков приблизительно на 5% больше, чем девочек, а к 20 годам разница увеличивается до 20%; увеличение разницы в росте происходит от 1–2% в детстве до 10% к 20 годам.

Половые различия в представленности морфологических типов конституции. При большой изменчивости типов конституции с возрастом и образом жизни, все же можно отметить, что по данным большинства авторов, у лиц мужского пола чаще отмечается мышечный тип, а у лиц женского пола — астеноидный и торакальный типы (Гордина А. В., Панасюк Т. В., 1975; Дарская С. С., 1975; Лукоянов Ю. Е., Детлаф С. А., 1975; Рысева Е. С. с соавт., 1975; Соловьева В. С., 1975). Так, В. С. Соловьева отмечает, что численность чисто мышечного типа у мальчиков с возрастом увеличивается: с 8 до 13 лет — от 20 до 40%, а в более старших возрастах — до 50%. В то же время на протяжении школьного возраста у мальчиков уменьшается процент чистого торакального и особенно дигестивного типа, которые становятся смешанными с признаками мышечного типа.

О различиях в строении мозга мужчин и женщин. В последние годы появляется все больше публикаций о различиях в строении головного мозга у мужчин и женщин (Allen et al., 1989; Hines, Green, 1991; Swaab, Friers, 1985; Goy, McEwen, 1980; McLusky, Naftolin, 1981; Кимура Д., 1992). Некоторые авторы указывают на

то, что передняя спайка, т. е. структура, участвующая в обмене информацией между полушариями мозга, у женщин больше, чем у мужчин. Это могло бы объяснить отмечаемые невропатологами у женщин большие компенсаторные возможности при поражении одного полушария за счет другого. Однако другие исследователи выявили противоположные результаты: передняя спайка была больше у мужчин, чем у женщин.

Рядом нейрофизиологов найдены большие размеры у мужчин третьего промежуточного ядра переднего гипоталамуса, связанного с поведением, в том числе и сексуальным. Однако пока это только единичные находки, требующие своего подтверждения.

2.2. Физиологические половые различия

И по морфологическим параметрам, и по физиологическим функциям девочки быстрее мальчиков продвигаются к своему взрослому статусу (Schneifeld A., 1943), примером чего является их более раннее половое созревание. Сохраняется в отношении развития физиологических функций и другая закономерность онтогенетического развития: с каждым годом различия между мальчиками и девочками увеличиваются в пользу первых.

Сердечно-сосудистая система. Данные физиологов показывают, что в дошкольном и младшем школьном возрасте темпы развития девочек выше, чем мальчиков. Если у мальчиков наиболее координированная деятельность сердца и гемодинамики наблюдается в 11–12 лет, то у девочек такие взаимоотношения имеют место в 7–8 и 10 лет (Калюжная Р. А., 1983). И. А. Корниенко выявлено, что перестройка физической терморегуляции (брадикардическая реакция на охлаждение) начинается у девочек в 5,5–6 лет, а у мальчиков — в 7 лет. Это согласуется, отмечает автор, с данными (Вульфсон И. Н., Солдащенский А. Д., 1967), показывающими, что у девочек 5–6 лет скорость проведения пульсовой волны по мышечным сосудам и тонус мышечных сосудов выше, чем у мальчиков этого возраста.

И все же у женщин меньше основные параметры гемодинамики: объем сердца — на 100–200 мл, его вес — на 50 г, систолический объем — на 30–40%, минутный объем — на 10–15% (несмотря на большую, чем у мужчин, частоту сердцебиений в покое — на 6–8 уд./мин), масса циркулирующей крови — на 1,2 л, содержание гемоглобина в крови — на 1,5 г% (Nowacki P., 1983). У женщин меньше продолжительность диастолы при более продолжительной фазе изгнания крови. У них сердечные сокращения слабее, что является одной из причин более низкого уровня артериального давления. По данным ряда авторов, приведенных в сводной таблице Р. А. Калюжной (1983), объемная скорость кровотока у мальчиков 6–11 лет выше, чем у девочек того же возраста.

В то же время лица женского пола от рождения обладают рядом врожденных преимуществ, в частности большей эластичностью кровеносных сосудов. Женщины могут терять большее количество крови, чем мужчины. Например, потеря одного литра крови для мужчины нередко является смертельной, в то время как женщина перенесет это без переливания крови.

Энергообмен. И. А. Корниенко (1979) показано, что у девочек во всех возрастах (с 5 до 11 лет) энергообмен покоя ниже, чем у мальчиков (рис. 2.3).

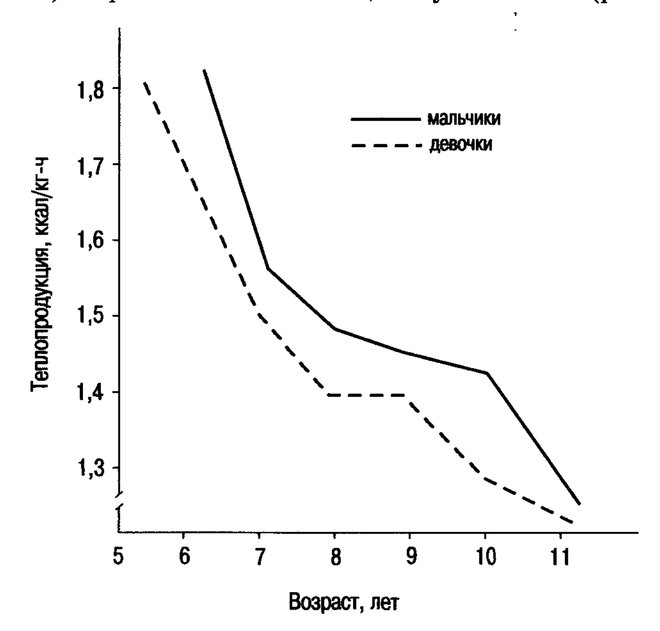

Рис. 2.3. Изменение интенсивности обмена покоя у мальчиков и девочек 5–11 лет

Эта же тенденция выявлена и в зарубежных исследованиях. Г. Моно (1973) отмечает, что в состоянии покоя уровень основного обмена у мужчин примерно на 5% выше, чем у женщин, и ссылается на данные Флейша (Fleisch, 1951), который обобщил результаты разных авторов, относящиеся к нескольким тысячам человек, и показал, что более интенсивный основной обмен у мужчин касается не только детей, но и взрослых (рис. 2.4)

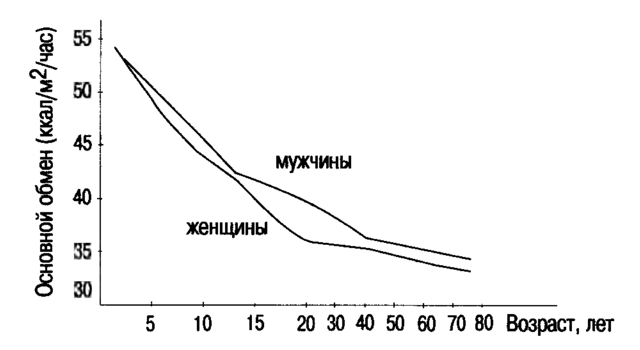

Рис. 2.4. Изменение основного обмена с возрастом у лиц мужского и женского пола (Fleisch, 1951)

Емкость анаэробных энергетических систем (АТФ, КФ, гликоген) у женщин ниже, чем у мужчин, что связано не с меньшей концентрацией этих энергоисточников в мышцах (она у мужчин и женщин примерно одинаковая), а прежде всего

с меньшей мышечной массой у женщин. Отсюда и более низкая работоспособность женщин в кратковременной интенсивной работе.

Дыхательная система. До периода полового созревания, когда различия в размерах тела между мальчиками и девочками минимальны, максимальное потребление кислорода (МПК) тоже почти одинаково. У молодых мужчин МПК в среднем на 20–30% больше, чем у женщин. По мере старения различия в МПК между мужчинами и женщинами становятся меньше (рис. 2.5).

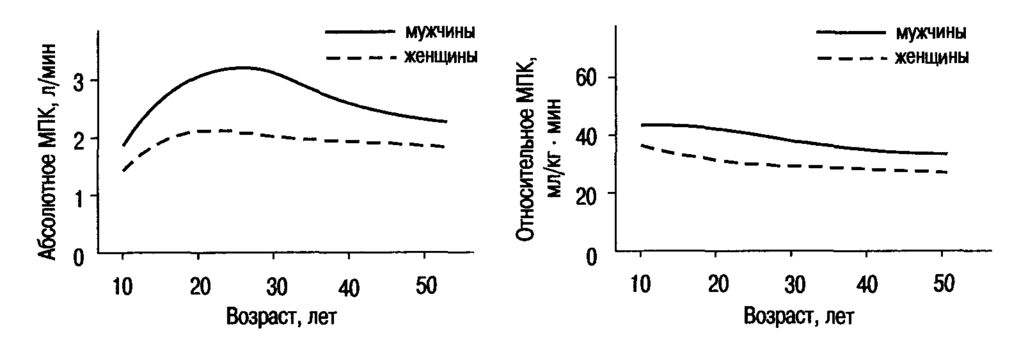

Рис. 2.5. Изменения МПК с возрастом у женщин и мужчин

Даже рассчитанное на килограмм веса тела МПК у женщин меньше, чем у мужчин. Однако среди мужчин и женщин одного возраста наблюдаются значительные индивидуальные вариации в величинах МПК. У физически более подготовленных женщин МПК такое же, как у физически плохо развитых мужчин.

Более низкое МПК у женщин обусловлено тем, что максимальное количество кислорода, которое может переноситься из легких в ткани, у женщин меньше, чем у мужчин. Это различие связано с меньшим у женщин количеством эритроцитов, а следовательно, и гемоглобина, меньшим объемом циркулирующей крови (600 мл против 800 мл у мужчин), меньшим объемом сердца и полостей желудочков, меньшим систолическим объемом (рис. 2.6).

В то же время до периода полового созревания концентрация гемоглобина в крови у мальчиков и девочек почти одинаковая.

По данным Т. Д. Кузнецовой (1983), до 12 лет половые различия по величине легочных объемов выражены слабо. Это объясняется тем, что прирост объема дыхания у девочек с 6 до 14 лет выше, чем у мальчиков того же возраста, и в результате величина объема дыхания девочек практически становится равной таковой мальчиков.

У взрослых женщин частота дыхания большая, чем у мужчин, а глубина меньше; вследствие этого жизненная емкость легких (ЖЕЛ) у женщин в среднем меньше на 1 л (по данным других авторов – еще меньше: на 1, 7 л), чем у мужчин, а максимальная легочная вентиляция – на 30% (рис. 2.7). Таким образом, с возрастом половые различия по жизненному объему легких увеличиваются. Так, в раннем детстве у мальчиков он в среднем выше на 7%, чем у девочек, а в зрелом возрасте разница между мужчинами и женщинами достигает уже 35%. Кроме того, у женщин заметно ниже диффузная способность легких для кислорода.

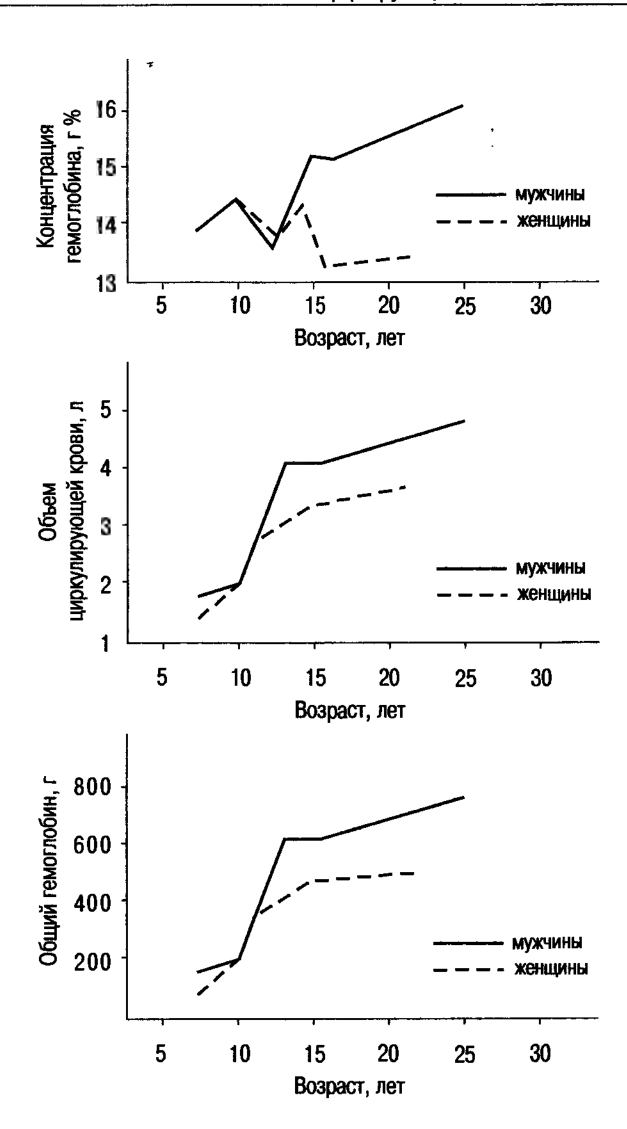

Рис. 2.6. Гематологические показатели мужчин и женщин в разном возрасте

С 6–7 лет у девочек преобладает грудной компонент дыхания, а у мальчиков — брюшной.

Гормональная система. В. И. Чемоданов (1983) получил данные, которые свидетельствуют о наличии существенных половых различий в экскреции катехоламинов уже в период первого и второго детства. Первое увеличение экскреции у девочек опережает на 1–1,5 года таковое у мальчиков; у мальчиков этот пик наблюдается в 6–7 лет, и его амплитуда значительно больше, чем у девочек. Второе повышение у девочек наблюдается в 9 лет и носит отчетливый характер. У мальчиков второй пик проявляется в 10–11 лет и имеет сглаженный характер. Интенсивность метаболизма адреналина и норадреналина у мальчиков происходит несколько интенсивнее, чем у девочек.

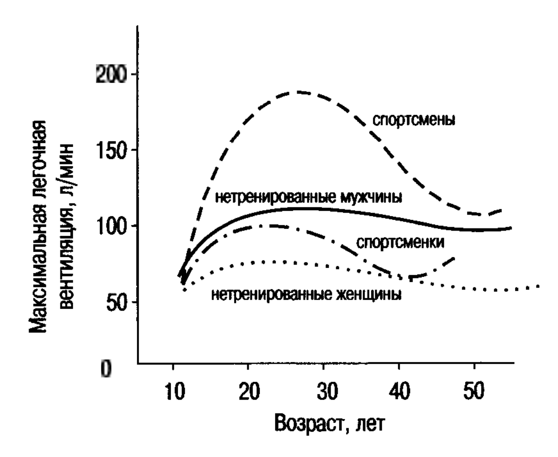

Рис. 2.7. Максимальная легочная вентиляция в разном возрасте у мужчин и женщин

Активность системы серотонина выше у девочек, чем у мальчиков, а гистамина — наоборот, выше у мальчиков, чем у девочек.

Наиболее существенные различия в гормональной системе у лиц мужского и женского пола состоят, конечно же, в количестве в их организме мужских (андрогены) и женских (эстрогены, прогестерон) половых гормонов.

***

Древнее житейское представление о глазах как о «зеркале души» (величина зрачка) 150 лет назад было дополнено научным заключением о глазах как о «зеркале тела». Таким вторым «зеркалом» является структура радужной оболочки. А. Я. Зайцев и И. М. Палей (1998) совместили изучение этих «зеркал» и выяснили, что соотношение между площадью зрачка и площадью радужки у мужчин и женщин разное. В мужской группе площадь радужки превышает площадь зрачка в значительно большей степени, чем в женской группе. Это различие в тенденции выражается в том, что абсолютная площадь зрачка у женщин больше, чем у мужчин, даже в спокойных фоновых условиях. Примечательно, что разница в относительных величинах зрачка и радужки коррелирует с эрготропностью — трофотропностью. Для мужчин характерно преобладание эрготропности, а для женщин — трофотропности.

Авторы полагают, что обнаруженные различия являются частным случаем различия акупунктурной «насыщенности» кожи у мужчин и женщин. Они ссылаются при этом на данные Е. С. Вельхова, который показал, что количество акупунктурных точек у мужчин в 2,4 раза больше, чем у женщин.

2.3. Половые различия в темпах моторного развития

По данным П. С. Бабкина (1975), половые различия в психомоторике начинают проявляться у детей уже на безусловно-рефлекторном уровне. Так, у девочек по таким рефлексам, как глоточный, хоботковый, Майера, Кернига, контрлатераль-

ный Брудзинского, брюшные гипо- и арефлексия чаще наблюдаются у девочек, чем у мальчиков. И только по рефлексу Тромнера гипо- и арефлексия чаще наблюдаются у мальчиков, чем у девочек.

Мальчики на 2–3 месяца позже, чем девочки, начинают ходить, речь у мальчиков тоже появляется позже на 4–6 месяцев. Однако сроки моторного развития мальчиков и девочек грудного возраста во многом зависят от типа телосложения (табл. 2.4).

Таблица 2.4. Средний возраст (месяцы) по этапам моторного развития детей грудного возраста разного типа телосложения (по данным Хазановой А. Б., 1975)

Признак	Мальчики			Девочки		
	Торакальный	Мышечный	Дигестивный	Торакальный	Мышечный	Дигестивный
Держит голову	1,9	2,2	2,2	1,8	2,5	1,9
Переворачивается	3,9	4,4	4,3	5,3	4,0	3,9
Сидит самостоятельно	5,6	7,0	6,2	6,3	6,2	6,1
Ползает	6,3	7,0	6,2	7,3	6,4	7,0
Стоит с поддержкой	7,2	7,5	7,1	7,2	7,2	7,1
Стоит самостоятельно	7,3	8,2	7,5	7,6	7,4	7,8

Как видно из таблицы, по способности держать голову девочки торакального типа опережают мальчиков всех типов, а девочки мышечного типа уступают мальчикам всех типов. По способности переворачиваться девочки мышечного типа опережают мальчиков мышечного и дигестивного типа, а девочки торакального типа отстают в сроках от мальчиков всех типов и т. д.

Во многом благодаря морфологическим и физиологическим различиям, проявляющимся после периода полового созревания, по мышечной силе и быстроте, а также аэробной выносливости лица мужского пола превосходят лиц женского пола.

2.4. Половые различия в проявлении свойств нервной системы и темперамента

Сила нервной системы. По данным А. М. Сухаревой (1972), увеличение с возрастом количества лиц, имеющих большую и среднюю силу нервной системы, выражено у лиц как мужского, так и женского пола, но у последних более ярко — за счет того, что девочек 7–8 лет со слабой нервной системой больше, чем мальчиков того же возраста, а в возрасте 18–25 лет различий между лицами мужского и женского пола в количестве лиц с сильной и слабой нервной системой нет (рис. 2.8).

Подвижность нервных процессов. По данным Н. Е. Высотской (1972) и А. Г. Пинчукова (1974), среди мальчиков 7–16 лет количество лиц с подвижностью как возбуждения, так и торможения больше, чем среди девочек (рис. 2.9). Затем с подвижностью возбуждения больше становится женщин.

Рис. 2.8. Изменение с возрастом количества лиц с различной силой нервной системы:
а – сильная нервная система; *б* – слабая нервная система

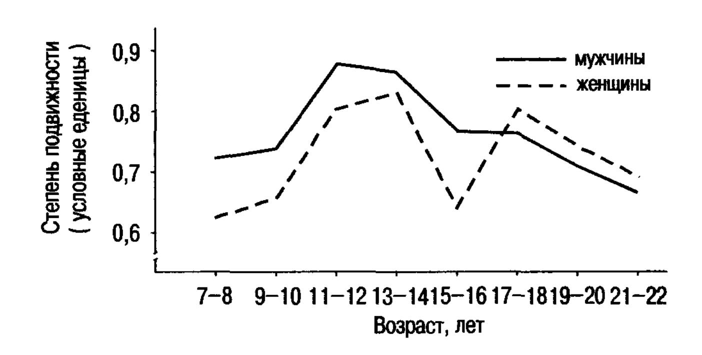

Рис. 2.9. Подвижность возбуждения у лиц мужского и женского пола (Высотская Н. Е., 1972)

Баланс нервных процессов. Существенных различий между школьниками мужского и женского пола по внешнему балансу нет. До периода полового созревания лиц с преобладанием торможения несколько больше среди девочек, так же

как и после него. В пубертатном возрасте с преобладанием торможения больше мальчиков. Возможно, это связано с тем, что этот период наступает раньше у девочек и, следовательно, раньше уменьшается (в связи со сдвигом баланса в сторону возбуждения) число лиц с преобладанием торможения. По количеству лиц с преобладанием возбуждения различий между лицами мужского и женского пола практически не было во всех возрастных группах (рис. 2.10).

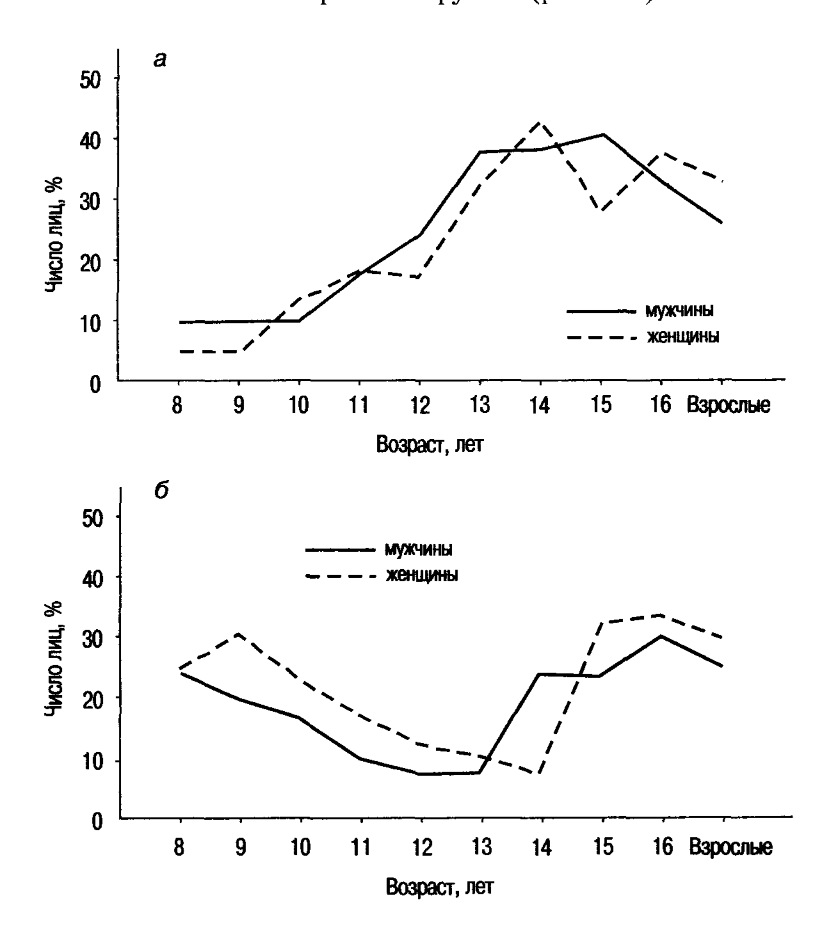

Рис. 2.10. Внешний баланс между возбуждением и торможением у лиц мужского и женского пола: *а* – преобладание возбуждения; *б* – преобладание торможения (Семенов М. И., 1972)

Лабильность. По данным Е. В. Воронина (1984), между мужчинами и женщинами различия по лабильности есть, хотя и несущественные: лабильность на свет была в среднем равна соответственно 39,2 и 38,9 единиц, а на звук – 75,9 и 74,5 единицы. Н. М. Пейсахов и А. О. Прохоров (1975) нашли статистически достоверные различия по КЧМ в пользу мужчин.

Свойства темперамента. И. М. Владимирова (2001), используя опросник Д. Кейрси для выявления типов темперамента, установила, что в выборке мужчин оказалось вдвое больше лиц сенсорного планирующего (SJ) и вчетверо –

интуитивного рационального (NT) типа, в группе женщин — вдвое больше лиц интуитивного эмоционального (NF) типа. Девушки оказались более экстравертированными, эмоциональными, с лучше развитой интуицией, более естественными и спонтанными, чем юноши. Юноши же отличались рациональностью и планомерностью.

По данным Н. Герасимовой (1998), общительность женщин 20–25 лет значительно выше таковой у мужчин того же возраста.

Распространенность типов с акцентуацией характера по А. Е. Личко. М. К. Омаровой (2002) выявлено на большом контингенте обследованных, что у юношей достоверно чаще, чем у девушек, встречается эпилептоидный и гипертимный типы, а у девушек — лабильный и психастенический типы. Остальные типы представлены у тех и других практически одинаково (табл. 2.5).

Таблица 2.5. Частота разных типов акцентуации у юношей и девушек (процент случаев)

Типы акцентуации	Юноши	Девушки
Эпилептоидный	28,0	23,2
Гипертитмный	9,9	7,2
Лабильный	7,1	11,5
Психастенический	3,3	9,0
Циклоидный	1,5	1,6
Астено-невротический	0,8	0,9
Сенситивный	0,9	1,2
Шизоидный	4,1	3,6
Истероидный	0,4	0,4
Неустойчивый	2,0	1,2
Смешанные	36,3	37,3

2.5. Половой диморфизм мозга и функциональная асимметрия

О различиях в функциональной асимметрии двух полушарий у мужчин и женщин писали давно. В настоящее время большинство авторов считают, что латерализация полушарий[1] четче выражена у мужчин. Леви (Levy, 1978) пишет, что женский мозг подобен мозгу мужчин-левшей, т. е. характеризуется пониженной по сравнению с мужчиной-правшой асимметрией полушарий. Макклон (McClone, 1980) на основании обзора литературы приходит к такому же выводу.

У мальчиков левое полушарие развивается медленнее, чем правое, а у девочек — наоборот. При этом левосторонняя функциональная асимметрия полушарий у девочек появляется после 2 лет, а у мальчиков лишь к 5–6 годам (Коновалов В. Ф., 1987).

[1] Латерализация полушарий характеризуется размещением тех или иных функций либо в левом, либо в правом полушарии.

Хотя некоторые ученые называют правое полушарие «женским», другие авторы считают, что различия между мужским и женским мозгом касаются лишь отдельных функций (Спрингер, Дейч, 1982).

Н. Гешвинд (Geschwind, 1978), Горски (Gorski, 1991) и другие исследователи считают, что мужской и женский мозг различаются по размеру, числу нейронов и наличию дендритных разветвлений. Предполагают, что эти различия обусловлены влиянием половых гормонов, однако не исключается и влияние факторов окружающей среды. Проявления полового диморфизма у людей обнаружены в гипоталамусе (он больше развит у мужчин) и ряде других структур головного мозга (Swaab, Fliers, 1985). У мальчиков в отличие от девочек правое полушарие (отвечающее за способность решения пространственных задач) больше, чем левое (La Coste et al., Kimura, 1992). У женщин же отмечается более крупная задняя часть мозолистого тела, соединяющая своими волокнами правое и левое полушарие (Allen et all, 1991). Этим объясняют большую беглость речи и меньшую речевую латерализацию женщин (Hines et al.,1992). Также больше у женщин передняя спайка мозга (*anterior commissure*) (Allen, Gorski, 1991).

Для объяснения половых различий в асимметрии мозга было выдвинуто несколько гипотез. Д. Уэбер (Waber, 1976) предположила, что асимметрия связана не с полом как таковым, а с разными темпами развития мужчин и женщин. Однако это не объясняет наличия различий в асимметрии у взрослых мужчин и женщин. Леви (Levy, 1978) полагает, что в основе половых различий в латерализации функций лежат эволюционно-социальные факторы: мужчины занимались охотой и руководили переселением, что и привело к лучшему у них развитию пространственных способностей, а вербальное превосходство женщин обусловлено воспитанием детей, что требует словесного общения. Однако имеются данные, что и у животных в отношении мозга наблюдается та же тенденция: асимметрия мозга у самцов крыс, кошек и китов выражена в большей степени, чем у самок (Бианки В. Л., 1985; Walker, 1980).

Имеются данные, что у мальчиков в момент рождения более зрелым является правое полушарие, а у девочек — левое (поэтому они начинают раньше говорить, чем мальчики). Худшее развитие левого полушария у мальчиков связано с тем, что, как утверждает Гешвинд, тестостерон в период внутриутробного развития человека замедляет развитие левого полушария головного мозга. Следствием этого является увеличение у представителей мужского пола правого полушария. Таким образом, именно им на роду написано стать выдающимися музыкантами, художниками, математиками. Этот вывод вроде бы подтверждается данными В. Д. Еремеевой и Т. П. Хризман (2001): в массовой школе более успешны в начальных классах мальчики правополушарного типа («художники») и девочки левополушарного («мыслители»). Однако в гимназии, где в первом классе введен иностранный язык и предметы преподаются разными учителями, у мальчиков картина обратная: более успешно учатся левополушарные, а не правополушарные.

По данным Д. Джианнитропани (Giannitropani D., 1981), у мужчин функциональная асимметричность мозга выражена сильнее, чем у женщин. Амплитудные характеристики альфа-ритма ЭЭГ у женщин в левом полушарии выражены слабее, чем в правом; у мужчин наблюдается обратная картина (Haynes W., Moore W.,

1981). В. Ф. Коновалов и Н. А. Отмахова (1984) нашли, что межполушарная функциональная асимметрия (по ЭЭГ) у женщин при запечатлении различной информации выражена меньше, чем у мужчин. К сходным выводам при изучении функциональной асимметрии с помощью регистрации ЭЭГ пришли и другие исследователи (Ray W. et al., 1976; Trotman S., Hummond G., 1979; Warrenberg S., Pagano R., 1981).

Еще в древних мифологиях и обрядах правая сторона тела ассоциировалась с мужским, а левая – с женским началом (Иванов В. В., 1978). Конечно, эти представления были наивными, и все же половые различия в проявлении функциональной асимметрии выявляются.

Важной психофизиологической характеристикой является функциональная асимметрия больших полушарий головного мозга. Большинство авторов подчеркивают, что асимметрия мозговых структур больше выражена у мужчин по сравнению с женщинами, у которых речевые и пространственные способности представлены билатерально (Вольф, Разумникова, 2004, Доброхотова, Брагина, 2004). Различная выраженность межполушарной асимметрии обнаружена и в организации эмоций: у мужчин эмоциональная активность в основном проявляется в одном полушарии, а у женщин в обоих полушариях (Wanger et. al., 2003). Женщины демонстрируют более сильные психофизиологические ответы на эмоциональные стимулы. Такие различия могут быть обусловлены как биологическими факторами, так и социально-психологическими, допускающими более активное проявление эмоциональных реакций у женщин. Особенности межполушарного взаимодействия генетически запрограммированы, однако возможны их перестройки под влиянием различных социальных факторов.

Реброва Н. П., 2008, с. 327.

По данным Брайдена (Bryden M., 1977), мужчины более склонны считать себя левшами, чем женщины. Однако встречаются и несовпадения самооценки с объективными данными. Показано, что леворукость у женщин связана с хорошими пространственными навыками, а у мужчин — с плохими.

Мужчины и женщины различаются по билатеральной электрокожной активности (Ketterer M., Smith B., 1977), по взаимосвязи разных форм асимметрии больших полушарий (Gur R. E., Gur R. C., 1977), латерализации эмоций (Alford R., Alford K., 1981; Borod J., Caron H., 1980; Graves R. et al., 1981; Ladavas E. et al., 1980). Показано, что при осмыслении слов мужчины пользуются преимущественно левым полушарием, а женщины – обоими. По теории Г. Ленсделла (Lansdell H., 1962), подтвержденной его собственными наблюдениями над больными эпилепсией и данными более поздних исследований, отделы мозга, отвечающие за пространственные и вербальные способности, у мужчин располагаются в противоположных полушариях, а у женщин приблизительно поровну в обоих полушариях. В связи с этим у мужчин поражение левого полушария ухудшает выполнение вербальных тестов, а поражение правого полушария – невербальных, у женщин успешность выполнения вербальных и невербальных тестов не зависит от того, какое полушарие повреждено. И если в результате несчастного случая повреждается левое полушарие, у женщин восстановление основных функций (за счет правого полушария) происходит быстрее, чем у мужчин.

При повреждениях левого полушария в результате кровоизлияния, опухоли или при оперативном удалении части височной доли по поводу эпилепсии дефицит вербальных функций у мужчин бывает гораздо больше, чем у женщин. Аналогичные повреждения правого полушария также приводят к большему дефициту функций невербального характера у мужчин по сравнению с женщинами (McGlone J., 1978). Афазия вследствие повреждения левого полушария возникает у мужчин в 3 раза чаще, чем у женщин, и имеет тяжелый характер. На этом основании был сделан вывод, что у женщин языковые и пространственные способности представлены более билатерально, чем у мужчин (McGlone, 1980).

...Существуют предположения, что «центр» мужского полового поведения расположен в правой части, а женского – в левой части гипоталамуса (Филиппов Б. Е., 1992).

Известно, что существуют половые различия в организации центров, регулирующих секрецию гонадотропинов. «Женский» центр локализован в преоптической (в медиальном преоптическом ядре) и переднегипоталамической (в переднем гипоталамическом ядре) области мозга, а «мужской» – в области аркуатного ядра. Выявлены половые различия в размерах ядер преоптической области мозга, некоторых ядер гипоталамуса и миндалевидного комплекса.

Ткаченко А. А. и др., 2001, с. 24.

Девочки распознают на ощупь предметы одинаково хорошо правой и левой рукой, между тем как мальчики значительно лучше распознают предметы, когда ощупывают их левой рукой.

В последние годы в мире ведется интенсивный поиск маркеров андрогенизации и дефеминизации ЦНС в пренатальный период, что часто рассматривается как важный механизм, лежащий в основе гендерных различий, носящих «эссенциальную» природу.

Ряд публикаций указывает на то, что отношение длины пальцев может рассматриваться как отражение процессов половой дифференцировки в период внутриутробного развития. Половой диморфизм касается второго и четвертого пальцев: у женщин указательный палец (2D) практически равен длине безымянного пальца (4D), тогда как у мужчин 2D в среднем короче, чем 4D, и эти соотношения устанавливаются в возрасте 2 лет (Manning J. et al., 1998). Меньшие 2D:4D отношения предполагают наличие воздействия больших уровней пренатальных андрогенов. Специальное исследование Вильямса и коллег (T. J. Williams, 2000) показало, что различия между полами были больше на правой руке.

Если представленная гипотеза справедлива, то можно предполагать, что маскулинизация мужчин эмбриональными андрогенами должна находить отражение в ряде полоспецифических особенностей.

Объектом изучения стали здоровые юноши 16–18 лет, которым предъявлялся универсальный трехфакторный семантический дифференциал Ч. Осгуда, полоролевой дифференциал, опросник «Уровень развития субъектности личности», методика Басса–Перри (BPAQ-24), а также было произведено измерение длины второго и четвертого пальцев обеих рук для составления пропорции длины пальцев (2D:4D).

Особый интерес представляли корреляционные связи между антропометрическими показателями (2D:4D) и результатами психологического тестирования. Оказалось, что достоверные связи есть лишь по методикам семантического и полоролевого дифференциалов.

Признаки снижения пренатального маскулинизирующего эффекта на правой руке сопровождались показателями ощущения недостаточной маскулинности и стремлением к ее пре-

одолению. Такие молодые люди демонстрировали тенденцию к приверженности патриархатной модели гендерной схемы с признаками усиления поляризации на основе андроцентризма. Они стремились компенсировать субъективное ощущение недостаточной маскулинности через утверждение своего превосходства в интеллектуальной сфере. Признаки снижения пренатального маскулинизирующего эффекта на левой руке сопровождались иными изменениями. Такие юноши показывали усиление негативного отношения к лицам мужского пола и осознание своей фемининности – андрогинности, не приобретавшее характера внутриличностного конфликта. Обнаруживалось повышение значимости сексуально-эротической сферы и партнерских отношений с направленностью на более доминантного и поведенчески активного партнера.

Разделение выборки на четыре подгруппы в зависимости от соотношений 2D:4D на обеих руках позволило рассматривать среднегрупповые профили лиц с высокими и низкими андрогенезирующими влияниями.

В случаях недостаточной маскулинизации по показателям правой руки снижались показатели физической агрессии, выше оказывались показатели обдумывания и прогнозирования поведения, повышалась значимость идентификационного образа отца, выявлялась склонность к выбору более фемининных лиц противоположного пола (как вероятный способ самоутверждения), а гомосексуальность рассматривалась крайне негативно.

В подгруппе с недостаточной пренатальной маскулинизацией по параметрам пальцев левой руки более низкими оказываются показатели физической агрессии, гнева и враждебности. Большее значение придается эмоционально-коммуникативным качествам людей и межличностным отношениям, усиливается ориентированность на социум и окружающих людей. Показатели Я-идеального несколько завышены, более значим и близок к собственному Я образ желаемого любимого человека и сексуального партнера. Наблюдается улучшение отношения к своему телу, значительно более терпимое отношение к гомосексуалам.

Полученные результаты представляют несомненный интерес, так как не только продемонстрировали взаимосвязь между антропометрическими маркерами андрогенизации и гендерными особенностями, но и выявили наличие показателей, свидетельствующих о «разнополушарности» рук. Процесс неполной маскулинизации оказывал разнонаправленные воздействия на психологические особенности юношей в зависимости от преобладания этого эффекта на левом или правом полушарии.

Исаев Д. Д., Кравцов М. А., 2008, с. 285–287.

Д. Лейк и М. Брайден (Lake D., Bryden M., 1976) выявили, что правое ведущее ухо у мужчин встречается чаще, чем у женщин (соответственно в 73,6% и 62,2%). Однако ряд исследователей считают эти различия случайными.

Вообще многие авторы отмечают, что выраженность функциональной асимметрии у женщин в целом ниже, чем у мужчин, и близка к таковой у амбидекстров и у лиц с семейной леворукостью (Jones B., 1979; Kail R., Siegel A., 1978; MacGlone J., 1980; Trotman S., Hummond G., 1979).

Однако подобное заключение выглядит чрезмерно общим, не учитывающим всей сложности такого явления, как функциональная асимметрия. Многое зависит от показателя, который принимался во внимание при выявлении асимметрии, — двигательный навык или двигательное качество, какая система (двигательная, слуховая, зрительная) рассматривается. Например, по моим данным (Ильин Е. П., 1958), различий между лицами мужского и женского пола в степени выраженно-

сти асимметрии по силе рук нет.[1] В одни возрастные периоды асимметрия может быть не намного больше у мужчин, а в другие периоды — у женщин.

Сопоставляя свои данные с литературными, В. Ф. Коновалов и Н. А. Отмахова пришли к выводу, что левое полушарие и у мужчин и у женщин специализировано одинаково, а именно для аналитического, последовательного вербально-логического мышления. Правое же полушарие у мужчин более специализировано в аналоговом, образном, пространственном мышлении, которое меньше представлено у женщин ввиду участия его в речевом поведении. Другими словами, заключают авторы, специализация правого полушария у мужчин и женщин различна.

Некоторые подробности о половых различиях в проявлении функциональной асимметрии мозга можно найти в книге С. Спрингер и Г. Дейча (1982).

2.6. Менструальные фазы как специфика женского организма

Спецификой зрелого женского организма является наличие овариально-менструального цикла, в течение которого в яичниках созревают яйцеклетки, после чего происходит овуляция, т. е. выход их из фолликула. Выделяют пять фаз овариально-менструального цикла: менструальную — исчезновение желтого тела (1–5-й день), постменструальную (фолликулиновую) — стадию развития фолликулов (6–12-й день), овуляторную — стадию овуляции (13–24-й день, иногда из нее выделят постовуляторную фазу — 16–24-й день) и предменструальную (лютеиновую, прогестероновую) — стадию развития желтого тела (25–27-й день).

В разные фазы овариально-менструального цикла меняется соотношение между эстрогенами и прогестероном.

Вегетативные изменения. Дефицит прогестерона и избыток эстрогенов, участвующих в водно-солевом балансе организма, усиливают реабсорбцию (обратное всасывание) натрия в почках, при этом повышается осмотическое давление. Для поддержания гомеостаза в организме компенсаторно задерживается вода, вследствие чего в менструальной и предменструальной фазах увеличивается вес тела женщин.

В середине менструального цикла начинает уменьшаться концентрация эритроцитов, гемоглобина, лейкоцитов, тромбоцитов, а также белков в крови, что связано с некоторой *гемодилюцией* — увеличением объема плазмы крови, вызванной задержкой солей и воды в теле. Непосредственно перед началом менструации содержание эритроцитов и гемоглобина в крови нарастает. В дни менструации происходит потеря эритроцитов и гемоглобина, что приводит к снижению кислородной емкости крови. Понижается и свертываемость крови как результат уменьшения числа тромбоцитов и активности фибринолитической системы. Однако кровопотери, как считают, имеют и положительное значение, поскольку могут быть физиологическим раздражителем для последующего усиления *эритропоэза* — выра-

[1] Степень выраженности асимметрии рук показывает, насколько процентов правая рука сильнее левой.

ботки новых эритроцитов. Насколько это мнение оправданно, сказать трудно, так как исследования показали, что потери женщиной крови в период менструации невелики – около 25 мл. Примерно к середине менструального цикла кислородная емкость крови достигает максимума.

В предменструальную и менструальную фазы снижается также основной обмен.

Первая менструация, которую девочки переживают в возрасте 11–13 лет, происходит на фоне общей перестройки организма, начавшейся года за два до этого (о чем можно судить по активному росту и появлению вторичных половых признаков). Но именно появление менструаций является переломным моментом в жизни девочки, заставляющим ее остро почувствовать принадлежность к женскому полу. Изменяется психика девочки: если для предменструального этапа характерными для девочек бывают смятение в мыслях и неуверенность, связанная с половой самоидентификацией и образом тела, то с наступлением менструаций происходит принятие своей женственности и перестройка образа своего физического Я. Происходит четкое осознание различий между мужским и женским телом. Мышление девочки становится лучше организованным, она меньше испытывает коммуникативные трудности (Kestenberg J., 1961). Девочки начинают задумываться над своей будущей ролью жены и матери.

В исследовании В. А. Наумовой (1976) показано различное влияние фаз овариально-менструального цикла на психомоторные качества и свойства нервной системы. Автор на протяжении 3 месяцев измеряла эти показатели во время предменструальной фазы (за 1–3 дня до появления мензис), менструальной фазы (1–2 дня) и послеменструальной фазы (1–2 дня). Полученные данные сравнивались между собой и с фоном (с начала менструации на 10–12-й день).

Влияние на свойства нервной системы. В предменструальной фазе наблюдается увеличение подвижности нервных процессов, случаев с преобладанием возбуждения над торможением по внешнему балансу (рис. 2.11, *а*) и особенно по внутреннему балансу (рис. 2.11, *б*). Эти изменения свидетельствуют о повышении эмоциональной и двигательной реактивности перед менструальной фазой, что соответствует имеющимся в литературе данным о повышении раздражительности женщин перед менструацией. Объясняется это, очевидно, тем, что в предменструальной фазе ОМЦ наблюдается набухание щитовидной железы и появляются преходящие симптомы тиреотоксикоза, т. е. повышенное продуцирование тиреоидных гормонов.

Важно отметить, что в предменструальной фазе зарегистрировано довольно большое число случаев (16%) извращения реакции при определении внешнего баланса, что свидетельствует о появлении парабиотического состояния в нервных центрах, связанных с эмоционально-мотивационной сферой. Можно полагать, что эти извращения возвещают о наступлении вслед за этим в фазе менструации сдвига в сторону торможения по внешнему балансу (рис. 2.11, *а*). Возбуждение по внутреннему балансу в менструальной фазе продолжает нарастать (рис. 2.11, *б*). Увеличение торможения по внешнему балансу и возбуждения по внутреннему балансу в этой фазе напоминает подобные же изменения того и другого баланса при развитии состояния монотонии. Возможно, что это и объясняет отмечаемую в этот период депрессию женщин.

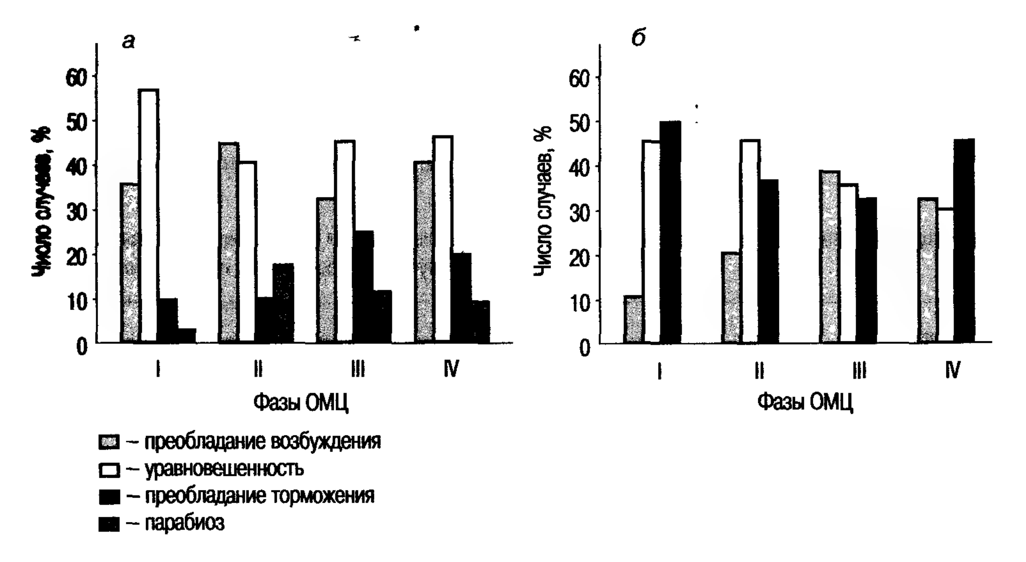

Рис. 2.11. Изменение баланса между возбуждением и торможением у женщин в различные фазы ОМЦ: I – фон; II – предменструальная, III – менструальная, IV – послеменструальная; *а* – внешний баланс; *б* – внутренний баланс

Интересен в связи с этим выявленный факт (Penton-Voak, Perrett, 2000): периодические гормональные изменения в организме женщин меняют оценку привлекательности изображений мужчин.

В послеменструальной фазе наблюдается возвращение показателей нейродинамики к фоновому уровню. Увеличивается возбуждение по внешнему балансу, уменьшается возбуждение по внутреннему, несколько снижается подвижность нервных процессов. Практически исчезают извращенные реакции.

Подвижность возбуждения и торможения в различные фазы ОМЦ тоже изменяется не одинаково. В предменструальной фазе имеется небольшая тенденция к снижению подвижности торможения, а затем начинает превалировать тенденция к повышению подвижности этого процесса. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в постменструальной фазе. Противоположно изменяется подвижность возбуждения. В предменструальной фазе имеется тенденция к ее возрастанию, а затем усиливается тенденция к уменьшению подвижности возбуждения (особенно в постменструальном периоде).

Сила нервной системы в различные фазы ОМЦ существенных и закономерных изменений не претерпевает.

Итак, как видно из представленных данных, в разные фазы ОМЦ психомоторные функции изменяются не одинаково и разнонаправленно, так что ухудшение работоспособности по одному показателю может сопровождаться улучшением по другому. Столь же сложны и изменения нейродинамических показателей. Так, показатели внешнего и внутреннего баланса в определенные фазы ОМЦ изменяются разнонаправленно. Очевидно, влияние фаз ОМЦ на функциональные показатели, самочувствие и настроение следует учитывать при женских исследованиях.

Влияние на психомоторные качества. *Предменструальная фаза* характеризуется ухудшением психомоторных показателей. По сравнению с фоном (периодом между месячными) мышечная сила и максимальная частота движений снижаются гораздо чаще, чем увеличивается (табл. 2.6). Выносливость к статическому усилию изменяется в этот период весьма незначительно, причем в сторону увеличения.

Таблица 2.6. Изменение психомоторных показателей у женщин во время овариально-менструального цикла (процент случаев по сравнению с предыдущим периодом)

Показатели	Фон	Фазы		
		предменструальная	менструальная	послеменструальная
Мышечная сила				
увеличилась	–	6,6	42,8	26,0
уменьшилась	–	60,0	28,6	80,9
Выносливость к статическому усилию, с	90,0	91,8	88,8	79,5
Максимальный темп движений кистью				
увеличился	–	25,0	27,2	42,8
уменьшился	–	45,0	22,8	28,6

Менструальная фаза характеризуется повышением у большинства мышечной силы (но только до уровня фона) и максимальной частоты движений (сверх фонового уровня). Однако выносливость несколько снижается. При этом обращает на себя внимание тот факт, что увеличивается второй компонент выносливости (поддержание усилия на фоне наступившей усталости).

Послеменструальная фаза сопровождается разнонаправленными изменениями изученных показателей. Максимальная частота движений увеличивается еще больше, мышечная сила и выносливость значительно снижаются.

Изменение психических функций. В ряде зарубежных исследований (Hampson et al., 2004; Kimura, Hampson, 1994) показано, что психическая активность женщин зависит от менструального цикла и наличия в организме эстрогена. Женщины лучше выполняли вербальное артикуляционное задание (например, говоря: «Коробка бисквитов в бисквитном миксере» пять раз подряд так быстро, насколько это возможно) и задания на двигательную активность, когда уровень эстрогена был выше, и лучше выполняли задания на ощущение пространства в период, когда уровень эстрогена был ниже (Hampson, 1990а, б).

Климактерический период. Уже в 45 лет у некоторых женщин начинает снижаться выработка половых гормонов и прекращаются менструации. Но менопауза — это не только прекращение менструации; этот период связан со значительными изменениями в характере женщины.

Сначала появляются раздражительность, повышенная нервозность. Иногда женщину бросает то в жар, то в холод или она просто себя плохо чувствует. Появляются сердцебиения, потливость, нарушения сна. Через 2 года после прекраще-

ния менструации появляются нарушения в работе мочеполовой системы: слабеют мышцы мочевого пузыря, и женщине становится трудно контролировать мочеиспускание, когда она смеется или кашляет. Кроме того, в первые годы после менопаузы происходит разрушение костной ткани, кости становятся хрупкими, что приводит к частым переломам. Снижается половое влечение.

ГЛАВА 3

Здоровье и его нарушения у мужчин и женщин

3.1. Здоровье и пол

Отношение к своему здоровью у мужчин и женщин разное. Считается, что женщины более внимательны. Так, по данным Национального центра статистики здоровья США, женщины чаще, по сравнению с мужчинами, проходят медицинские и стоматологические осмотры и стараются избегать рискованных для здоровья ситуаций (Beier, Ackerman, 2003). Женщины больше интересуются своим здоровьем и больше знают о нем, чем мужчины. Следование диетам в большей степени характерно также для женщин, — по некоторым данным, женщин, сидящих на диете, в 2 раза больше, чем мужчин (Kiefer et al., 2005). Исследование показало, что у замужних женщин чаще возникают проблемы с психическим здоровьем, и они чаще в сравнении с женатыми мужчинами обращаются за квалифицированной помощью (Russo, Green, 1993).

В исследовании Р. А. Березовской (2001), изучавшей менеджеров, было выявлено, что терминальная ценность здоровья у женщин значимо выше, занимая среди прочих ценностей первое место (у мужчин – лишь четвертое). Это видно и из того, что подчеркивали важную роль здоровья для обеспечения полной и активной жизни 24% женщин и 15% мужчин, а считали, что хорошее здоровье является важным средством достижения успеха в профессиональной деятельности, 27% женщин и 12% мужчин. Начинают задумываться о своем здоровье на более ранних этапах возникновения заболевания 30% женщин и 16% мужчин; для последних характерно откладывать обращение к врачу до последнего момента.

Однако это относится, вероятно, не ко всем периодам жизни мужчин и женщин. Так, несмотря на то что семидесятилетние женщины чаще, чем мужчины того же возраста, субъективно оценивают свое состояние здоровья как «плохое» (соответственно 74% и 53%), на учете в поликлинике или диспансере чаще состоят мужчины, чем женщины, – соответственно 54,7 и 42,7% (Потанина Ю. А., 1999).

И. В. Корхова (2000) отмечает, что, по статистике, уровень здоровья у мужчин ниже, чем у женщин. Но если изучать здоровье, используя метод анкетирования,

то по всем параметрам субъективных оценок, объективным данным и показателям медицинских осмотров уровень здоровья женщин оказывается ниже, чем у мужчин. По оценкам психологических аспектов самочувствия женщины также уступают мужчинам. Восемнадцать процентов женщин в качестве основной причины плохого здоровья назвали тяжелые переживания и стрессы.

Мужчины, по данным Р. А. Березовской, среди факторов, влияющих на здоровье, подчеркивают прежде всего роль субъективных факторов (образ жизни, забота о здоровье), а женщины — роль объективных факторов (экологическая обстановка, качество медицинского обслуживания). Женщины значимо выше, чем мужчины, оценили влияние информации, полученной от друзей и знакомых, на уровень осведомленности в области здоровья, что, вероятно, объясняется их большей внушаемостью и склонностью к внешнеорганизованной мотивации.

С. Крайлер и X. Крайлер (Kreiler S., Kreiler H., 1991) изучали психологические особенности мужчин и женщин с выраженной направленностью на здоровье. У таких мужчин обнаружены более высокие по сравнению с остальными мужчинами показатели привязанности, жизнерадостности, удовлетворенности, враждебности и завистливости. Женщины с аналогичной направленностью обладали эмоциональной реактивностью, склонностью к позитивным фантазиям, невротизмом, низкими показателями депрессии, тревожности, страха, зависти; они реже сообщают о соматических жалобах и симптомах.

О. П. Марголина (2000) выявила существенные различия в представлениях медиков обоего пола о критериях здоровья. Наибольшее число выборов психического и социального здоровья принадлежит женщинам-врачам. Мужчины среди критериев психического здоровья называли интеллектуальную активность, а женщины — желание работать.

3.2. Почему женщины живут дольше, чем мужчины

Несмотря на то что мальчиков рождается больше, чем девочек, примерно к 20–24 годам численность мужчин и женщин выравнивается, а в более зрелом возрасте наступает «женский перевес», все более усиливающийся с годами. У 25–29-летних мужчин коэффициент смертности уже в 2,5 раза выше, чем у женщин. Но пик смертности мужского населения приходится на возраст 40–50 лет. В среднем женщины в нашей стране живут дольше мужчин на 10 лет.

Только в шести из семидесяти пяти стран, по которым в 1960-х гг. имелись сведения, средняя продолжительность жизни мужчин была выше, чем у женщин. Это пять азиатских стран — Индия, Пакистан, Камбоджа, Цейлон, Китай и одна африканская — Верхняя Вольта (ныне Буркина Фасо). Так, в Китае мужчин было больше, чем женщин, на 21 млн, в Индии — на 18 млн, в Пакистане — почти на 5 млн. В остальных странах продолжительность жизни женщин превышает таковую мужчин (табл. 3.1).

Эта разница наиболее заметна в развитых странах, где в 1975 г. в возрастной категории от 60 до 70 лет на каждые 100 женщин приходилось 74 мужчины.

Таблица 3.1. Разница в продолжительность жизни мужчин и женщин в разных странах

Женщины в среднем живут дольше мужчин	Число стран
До 1 года	1
От 1 года до 2 лет	3
От 2 лет до 3 лет	9
От 3 до 4 лет	12
От 4 до 5 лет	16
От 5 до 6 лет	17
От 6 до 7 лет	10
Свыше 7 лет	2

Еще большим был разрыв в группе старше 80 лет, где на 100 женщин приходилось лишь 48 мужчин. До столетнего возраста доживает в 5 раз больше женщин, чем мужчин (McLoughlin et al., 1988).

— Почему женщины живут дольше, чем мужчины?

— Потому что у них нет жен.

Старый анекдот

По поводу причин этого мнения расходятся. Большинство зарубежных ученых считают, что имеют значение главным образом генетические факторы. Другие (в основном отечественные ученые) полагают, что причиной меньшего долголетия мужчин является уже не биология, а социальные факторы, например войны. Это видно на примере демографических данных за 1959 г. в СССР (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Число женщин, приходящихся на 1000 мужчин в СССР в 1959 г. (Урланис Б. Ц., 1964)

Возраст в годах	Число женщин на 1000 мужчин
0–9	964
10–19	980
20–20	1031
30–39	1328
40–49	1605
50–59	1768
60–60	1863
70 и более	2137

Обращает на себя внимание то, что среди родившихся перед самой Великой Отечественной войной и после нее больше лиц мужского пола, поскольку они не успели повоевать. Значительный перевес женщин образовался в тех возрастах, которые были призывными для мужчин. Большие потери отцов и сыновей во время войны и привел к такому колоссальному разрыву.

> **В отличие от Европы в ряде стран Азии и Африки продолжительность жизни женщин не намного отличается от продолжительности жизни мужчин. Это в первую очередь связано с высокой смертностью женщин от осложнений беременности и во время родов, плохо сделанных абортов и обрезаний половых органов. Социально-культурные и экономические условия также могут быть причинами высокой смертности женщин (Година, 2000).**
>
> **Психология здоровья / Под ред. Г. С. Никифорова, 2003, с. 233.**

Причин того, почему женщины живут дольше мужчин, несколько. Причину большей смертности лиц мужского пола Урланис видит в большей биологической жизнестойкости женского организма, выработанной на протяжении сотен тысячелетий. Действительно, продолжительность жизни самцов самых различных видов, классов и даже типов животных (млекопитающие, птицы, земноводные, рыбы, насекомые) меньше, чем у самок. Считается, что гетерогаметные особи (XY) имеют несколько сниженную жизнеспособность в сравнении с гомогаметными (XX).

В. М. Аллахвердов (1993) объясняет разную продолжительность жизни мужчин и женщин их предпочтительной ориентацией на разные критерии эффективности (мужчин — на прагматический, а женщин — на когерентный, связанный с согласованностью).

Следует учитывать, что охране здоровья мужчин по сравнению с женщинами общество оказывает меньше внимания. Да и сами мужчины меньше его берегут: среди них больше курящих, пьющих. Имеют значение и нервные перегрузки, сопутствующие руководящей работе (а большинство руководителей — мужчины), и то, что травматизм выше у лиц мужского пола по сравнению с женским в любом возрасте. Уже при родах во многом из-за больших по сравнению с девочками размеров тела мальчики получают больше повреждений (Zaslow M., Hayes C., 1986). Поведение мальчиков вследствие их большей склонности к риску, состязательности, тяге к технике, к взрывоопасным предметам, к проявлению физической агрессии (драке) является более травмоопасным. Среди детей 7–15 лет травмы у мальчиков случаются почти в 2 раза чаще, чем у девочек. Да и в последующие годы служба мужчин в армии, их работа, связанная с техникой и в травмоопасных условиях, занятия спортивными единоборствами и играми приводят к большему травматизму. В среднем от несчастных случаев ежегодно погибает в 2 раза больше мужчин, чем женщин.

Интересно, что С. Краске (Craske S., 1968) обнаружил у мужчин связь несчастных случаев с экстраверсией; объяснение этому можно видеть в том, что экстраверты придают меньшее значение выполнению предписанных обществом правил, в частности, при управлении транспортом (у женщин такой связи не выявилось).

В возрасте 15–19 лет у юношей коэффициент смертности в 2 раза выше, чем у девушек. Кроме болезней и травм большой вес занимают самоубийства: среди девушек, по данным международной статистики, их значительно меньше, чем среди юношей (рис. 3.1).

По данным американских исследователей (Manton K. et al., 1987; Riley M., Waring J., 1976), процент самоубийств среди мужчин равномерно растет с возрас-

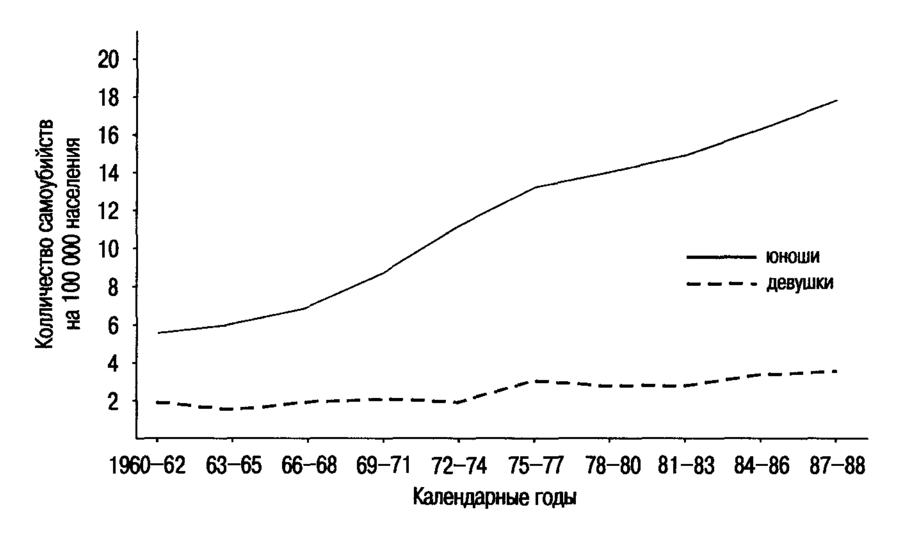

Рис. 3.1. Количество самоубийств среди 15–19-летних в зависимости от пола (Крейг Г., 2000)

том, достигая максимума после 80 лет. Среди одиноких стариков больше самоубийств, чем среди женщин такого же возраста (Виткин Дж.). В целом же женщины совершают самоубийства в 3–4 раза реже, чем мужчины. Наибольшее число самоубийц среди мужчин и более жестокие средства самоубийства объясняются традиционной агрессивностью мужчин. Женщины предпочитают менее жестокие средства самоубийства (яд, газ, снотворные). Попытка самоубийства кончается у женщин неудачей, согласно разным источникам, в 4–12 раз чаще, чем у мужчин. Это связано с тем, что женщины используют попытку самоубийства как крайнее средство воздействия на окружающих. Правда, в последние годы распространенность женских завершенных суицидов растет быстрее, чем мужских. Точные причины этого неизвестны, но вероятно, что они связаны с социокультурными переменами в ролевом поведении женщин (Карсон Р. и др., 2004).

Психологические основания суицидальной готовности у подростков разного пола, по данным Д. Д. Исаева и А. Е. Шевченко (2005), не только сходны, но и различны. У мальчиков это представление о себе (видят себя более слабыми и эмоциональными, а хотели бы быть «суперменами»), а у девочек — преувеличение значимости мира взрослых, проблемность в отношениях со сверстницами и снижение актуальности отношений с противоположным полом.

> Поскольку депрессия чаще поражает женщин, не стоит удивляться, что женщины пытаются совершить самоубийство приблизительно втрое чаще, чем мужчины, но попытки мужчин чаще приводят к смерти. Такая разница обусловлена в основном тем, что мужчины чаще используют для этого огнестрельное оружие, а женщины склонны пользоваться менее смертоносными средствами, например снотворным (Berman, Jobes, 1991).
>
> Герриг Р., Зимбардо Ф., 2004, с. 768–769.

Однако более высокая смертность представителей мужского пола не наносит ущерба численности популяции, поскольку последняя лимитируется в первую очередь числом представителей женского пола и их репродуктивной способностью.

3.3. Аномалии развития и пол

Имеются половые различия в возникновении тех или иных аномалий развития.

Синдром сверхмужчины, встречающийся в одном случае на тысячу, связан с наличием хромосомного набора XYY. Мужчины с таким генотипом имеют, как правило, рост выше среднего, а интеллект несколько ниже среднего, они сильнее подвержены воспалению сальных желез и отличаются незначительными дефектами скелета. Высказывается также мнение, что эти мужчины обладают повышенной импульсивностью и агрессивностью по отношению к своим женам и сексуальным партнершам, однако это мнение оспаривается. Остается, однако, фактом, что мужчин с таким набором хромосом среди сидящих в тюрьмах в 4 раза больше.

Синдром Тернера проявляется у женщин, у которых одна Х-хромосома либо отсутствует, либо не проявляет активности, что приводит к генотипу ХО. У женщин с этим синдромом не происходит полного развития вторичных половых признаков, а их репродуктивная функция полностью отсутствует. Они могут иметь ненормально маленький для своего возраста рост и иногда страдают умственной отсталостью.

Синдром ослабленной Х-хромосомы. Эта наследственная болезнь, вызванная разрывом Х-хромосомы, встречается в 2 раза чаще у мальчиков, чем у девочек (у первых один случай на 1200 живорожденных, у вторых — один случай на 2500 живорожденных). При этом синдроме наблюдаются аномалии роста. Ребенок может появиться на свет с огромной головой, большими оттопыренными ушами, удлиненным лицом, иметь ненормально большой вес. Отмечается необычность поведения, задержка умственного развития, нарушение процесса научения.

Врожденная патология также имеет половые различия. Так, одни врожденные пороки сердца достоверно чаще встречаются у женщин, а другие — у мужчин. *Дальтонизмом* страдают 8% мужчин и только 0,1% женщин. Также генетически обусловленной является *гемофилия* (нарушение свертываемости крови), присущая только мужчинам.

3.4. Заболеваемость мужчин и женщин

У женщин во всех возрастных группах заболеваемость ниже, чем у мужчин. Наибольшие различия наблюдаются в пожилом и преклонном возрасте, наименьшие — в среднем. Это может быть связано с тем, что гомеостатические механизмы, поддерживающие нормальное состояние организма, у мужчин работают в более узких пределах. В возрасте 30–39 лет заболеваемость мужчин и женщин примерно одинаковая за счет резкого увеличения в это время специфически женских (гинекологических) заболеваний. До 65 лет риск умереть от сердечного приступа для мужчин втрое выше, чем для женщин; после 65 лет риск для мужчин возрастает

в 2 раза. Риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний становится реальным для мужчин уже к 50 годам, для женщин — только к 70. Симптомы тромбофлебитов появляются у мужчин на 10 лет раньше, чем у женщин, а первый сердечный приступ — на 20 лет раньше. Эти различия объясняют различным гормональным фоном у мужчин и женщин. Мужские половые гормоны способствуют увеличению содержания холестерина в сыворотке крови, в то время как женские половые гормоны этот уровень понижают. Только в постклимактерический период, когда количество эстрогенов в организме женщины понижается, риск сердечно-сосудистых заболеваний увеличивается и у нее.

Заболевания щитовидной железы (в первую очередь диффузный токсический зоб) и желчнокаменная болезнь у женщин встречаются в 6–7 раз, волчанка — в 4 раза, ревматизм — в 3 раза, аппендицит — примерно в 2 раза чаще, чем у мужчин (имеется и другая статистика, показывающая еще большие различия, однако суть не в цифрах, а в закономерностях, которые при любой статистике одинаковые: например, при кастрации мыши-самца у него начинает развиваться волчанка, а при введении мыши-самке, больной волчанкой, мужского гормона эта болезнь идет на убыль). Зато у мужчин в 3–6 раз чаще бывают заболевания желудка и двенадцатиперстной кишки (это объясняется, в частности, тем, что женские половые гормоны (эстрогены) оказывают заживляющее воздействие на слизистую желудка и двенадцатиперстной кишки, а мужские половые гормоны (андрогены), напротив, способствуют воспалению и усугубляют возникшие изменения), в 2 раза чаще — бронхиальная астма, эмфизема и туберкулез, у них же чаще наблюдаются психические расстройства (Геодакян В. А., Шерман А. Л., 1971).

От заболеваний печени мужчин умирает в 2 раза больше, чем женщин, а от СПИДА — в 10 раз больше.

У лиц мужского пола подавляющее число всех грыж — паховые и лишь около 1% грыж — пупочные. У лиц женского пола паховые грыжи составляют только половину общего их количества, а пупочные — до 15%. Паховые грыжи у женщин бывают в 8–9 раз реже, чем у мужчин, потому что у женщин паховый канал уже.

В связи с большим распространением курения среди мужчин, чем среди женщин, раком легких чаще болеют мужчины. Так, в США, по данным Американской медицинской ассоциации, от рака легких погибает в 3,6 раза больше мужчин, чем женщин, от других болезней легких (хронической пневмонии, бронхиальной астмы, легочного туберкулеза) — в 3,2 раза, от болезней сердца — в 1,3 раза.

Ухудшение в старческом возрасте слуха чаще наблюдается у мужчин, чем у женщин (Fozard J., 1990).

Энурез бывает у мальчиков гораздо чаще, чем у девочек. Зато нарушения пищевого поведения — ***нервная анорексия*** (отсутствие аппетита) и ***булимия*** (неконтролируемая потребность много есть, особенно сладкого), чаще наблюдаются у девушек, и причиной их является депрессия, вызываемая часто недовольством девушек своей фигурой. Анорексия возникает и из-за боязни девочек стать женщинами. Они перестают есть, задерживая таким образом развитие организма и появление сексуального желания. После того, как количество жировых отложений начинает составлять менее 17% от общего веса тела, у девочек прекращаются и менструации. В США больных анорексией более 100 тысяч. Анорексией забо-

левают в период отрочества, а булимией — в период юности. Такие больные поглощают огромные количества углеводов за очень короткое время, обычно за час или два. (Muuss R., 1986). Женщины чаще, чем мужчины, подвержены таким заболеваниям, как диабет, артриты и гипертония (Hayflick, 1994).

Частота *нервно-психических расстройств* у женщин выше, чем у мужчин, что объясняют реакцией первых на ролевую перегрузку. Среди женщин распространенность пограничных психических расстройств в 2–2,5 раза выше, чем среди мужчин. Эта закономерность особенно выражена в возрасте 30–50 лет и проявляется среди населения всех социально-профессиональных групп. У женщин развитых стран в 2 раза чаще, чем у мужчин, отмечаются невротические, депрессивные (Beck A. T., Yong J. E., 1978) и инволюционные расстройства, а у мужчин — психопатические расстройства и алкогольные психозы.

А. Анголд (Angold A., 1991) показано, что девушки в 2 раза чаще юношей обнаруживают депрессивные расстройства. Коннели с соавторами (1993; цит по: Крейг Г., 2000) тоже выявили, что переживание школьниками депрессии средней и тяжелой степени чаще наблюдается у девочек, чем у мальчиков (табл. 3.3).

Таблица 3.3. Переживание депрессии школьниками в зависимости от пола (процент случаев)

Пол	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	18 лет	19 лет
Мальчики	4	3	7	12	7	6	11
Девочки	7	10	11	16	13	13	18

У мальчиков-подростков и юношей депрессия нередко сопровождается срывами, а у девочек и девушек — нарушениями пищевого поведения (анорексией и булимией).

Ю. М. Миланич (1997) разделяет детей с эмоциональными нарушениями на три группы. В первую входят дети с выраженными внутриличностными конфликтами. Родителями и педагогами у этих детей отмечаются тревожность, необоснованные страхи, частые колебания настроения. Вторую группу составляют дети с межличностными конфликтами. Они отличаются повышенной эмоциональной возбудимостью, раздражительностью, агрессивностью. Третью группу составляют дети как с внутриличностными, так и с межличностными конфликтами. Для них характерны эмоциональная неустойчивость, раздражительность, агрессивность, с одной стороны, и обидчивость, тревожность, мнительность и страхи — с другой. В первой группе преобладают девочки, во второй и третьей — мальчики.

По данным Всемирной организации здравоохранения, в настоящее время депрессия имеется у 20% женщин и у 10–12% мужчин.

Статистические данные о более редком наличии у мужчин депрессивных расстройств К. Вреденберг с соавт. (Vredenberg K. et al., 1986) объясняют тем, что для мужчин жалобы на эти состояния неприемлемы с гендерных позиций. Поэтому они не обращаются за профессиональной помощью, а пытаются бороться с проблемой сами, с помощью наркотиков и алкоголя или попросту игнорируя ее. Страдающие фобиями женщины встречаются в 2 раза чаще, нежели страдающие фобиями мужчины. Число женщин, страдающих болезнью Альцгеймера, в 2–3 раза превышает число мужчин с этим заболеванием.

Специфические фобии широко распространены, особенно среди женщин. Данные Национального обзора коморбидности говорят о том, что в течение жизни специфические фобии поражают свыше 16% женщин и почти 7% мужчин (Kessler et al., 1994; Magee et al., 1996). Сравнительная частота их развития для различных полов значительно варьирует в зависимости от типа специфической фобии. Например, около 90–95% людей с зоофобиями – женщины, но для фобии, связанной с видом крови и ранениями, соотношение по полу оказывается ниже двух к одному.

Карсон Р., Батчер Дж., Минека С., 2004, с. 286.

Мужчины чаще страдают заиканием и серьезными нарушениями способности к чтению (Halpern D., 1992). У мальчиков аутизм встречается чаще, чем у девочек.

Делаются попытки связать заболеваемость с типами телосложения. В связи с этим Л. А. Николаева (1975) обнаружила, что у девочек не наблюдается выраженной зависимости числа заболеваний за 10 лет жизни от того, какой тип телосложения у них имеется. У мальчиков же средняя заболеваемость снижается от астеноидного типа телосложения к дигестивному. В результате заболеваемость среди детей астеноидного и торакального типа выше у мальчиков, чем у девочек, а у девочек выше заболеваемость, чем у мальчиков, если те и другие принадлежат к мышечному и дигестивному типам.

В литературе имеются данные о большей подверженности мальчиков резидуально-органическим поражениям центральной нервной системы, при этом преобладание мальчиков более выражено при относительно легких повреждениях головного мозга и отсутствует у детей с обширными поражениями (Корнев А. Н., 1986; Kucera O., 1961; Turner G., Turner V., 1974). Эти данные являются подтверждением гипотезы, согласно которой мозг мальчиков более чувствителен к патогенным факторам, вместе с тем при грубых повреждающих воздействиях разница в толерантности мужского и женского мозга нивелируется (Mateicek Z., 1972) ... При очаговых поражениях левого полушария головного мозга афазия развивается у женщин в три раза реже, чем у мужчин (Lansdell N. A., 1962; McGlone J., 1978).

Лассан Л. П., 2007, с. 46.

По данным ряда авторов (Мухаметжанов Х., Ивакина Н. И., 1995; Лассан Л. П., 2007), больных с кистами головного мозга в 2–5 раз больше среди мальчиков, чем среди девочек.

Изменения личности при инвалидности. Т. Н. Кондюхова и Е. И. Петанова (2001) показали, что наибольшая деформация личности у мужчин — инвалидов по зрению происходит на второй группе инвалидности, а у женщин — на первой группе. Ранняя стадия заболевания дезадаптирует мужчин больше, чем поздняя, в то время как у женщин дезадаптация увеличивается с ростом степени инвалидности.

У мужчин и женщин на разных стадиях соматического заболевания диагностируются различные типы внутренней картины болезни, а при сходных типологиях этих картин у них проявляются качественно различные ее формы. Преобладающим эмоциональным фоном у мужчин-инвалидов является гипоманиакальный, а у жен-

щин — депрессивный. Представление о своей социальной репутации у мужчин-инвалидов по зрению обратно пропорционально тяжести заболевания, а у женщин — прямо пропорционально.

Основные причины смерти. Данные, представленные в табл. 3.4 (заимствовано из: Крайг Г., 2000), дают приблизительное представление о половых различиях в основных причинах смерти мужчин и женщин 25–44 лет, касающихся высокоразвитых стран Запада.

Таблица 3.4. Основные причины смерти мужчин и женщин среднего возраста в США в 1992 г. (показатель смертности на каждые 100 тысяч населения с учетом пола)

Причина	Мужчины	Женщины
ВИЧ-инфекция	52,5	7,5
Несчастные случаи	48,7	14,1
Болезни сердца	28,6	10,6
Злокачественные новообразования	24,6	29,2
Самоубийства	23,9	5,8
Убийства	22,7	6,0

Как видно из этих данных, смертность у мужчин от всех перечисленных причин значительно выше, чем у женщин. Кроме того, если у женщин на первом месте стоят раковые заболевания, то у мужчин — СПИД и несчастные случаи. Та же тенденция сохраняется у американцев и в более позднем возрасте (табл. 3.5).

Таблица 3.5. Основные причины смерти мужчин и женщин США в возрасте от 45 до 65 лет (ежегодное количество смертей, приходящихся на 100 тысяч жителей)

Причина	Мужчины	Женщины
Болезни сердца	314,1	122,7
Рак	306,7	245,0
Несчастные случаи	42,6	15,8
Болезни сосудов мозга	33,7	26,5
Хронические болезни печени	31,3	12,2
Хронические болезни легких	29,0	22,5
ВИЧ-инфекция	28,7	3,0
Самоубийства	23,1	6,9
Диабет	23,0	9,8
Пневмония	13,6	7,7

Снова у мужчин на первом месте стоят болезни сердца. Однако и у женщин после менопаузы (прекращения месячных) болезни сердца становятся серьезной проблемой, хотя и в меньшей степени, чем для мужчин.

Нельзя не отметить, что смертность у женщин может быть связана с беременностью и родами. Например, в США таких смертей около 2%, а в менее развитых экономически странах смертность доходит до 20% (цит. по: Палуди М., 2003, с. 206).

3.5. Гендерные аспекты оказания психологической и медицинской помощи

Для сохранения *психического здоровья* населения существует служба психологического консультирования. Гендерным аспектам психологического консультирования уделил внимание С. Гединг (2002), материалы из обзора которого и будут использоваться мною в данном параграфе. Автор пишет, что «уже давно не ведется споров по поводу того, нужно ли консультантам обладать специализированными знаниями и умениями в консультировании женщин и мужчин как отдельных групп. Представители обоего пола имеют много общего, но поскольку женщины и мужчины в своем развитии сталкивались с разными проблемами, профессионалу могут потребоваться различные подходы при взаимодействии с ними (Nelson, 1996, р. 343). Более того, консультанты, которые чаще работают с представителями какого-либо одного пола, могут нуждаться в тщательном обучении и дополнительном опыте» (с. 135).

Консультирование женщин. Женщины являются главными потребителями услуг консультирования (Wastell, 1996). Они обладают специфическими потребностями, отличными от мужских (Cook, 1993). Они сталкиваются с такими проблемами, как построение близких отношений, выбор карьеры и планирование жизни, личностное развитие, депрессии, расстройства пищевого поведения, сексуальное преследование, бездетность, вдовство, множественность ролевых обязанностей, принадлежность к сексуальным или этническим меньшинствам (Bradley et al., 1992).

Установки консультанта, его ценности и знания могут как облегчить, так и задержать потенциальное развитие клиента-женщины (Leonard, Collins, 1979). Женщины больше ориентируются на отношения, и консультант должен это учитывать (Devenport et al., 1991; Nelson, 1996). Специалисты, занимающиеся консультированием женщин, должны иметь сильно развитую эмпатию, сердечность и понимание; они должны находиться на высоком уровне личностного развития, чтобы хорошо понимать те трудности, с которыми сталкиваются женщины (Hanna et al., 1998).

На Западе идеологией психологического консультирования женщин является феминистская теория. Представителями одной ветви этого направления осуществляется либеральное феминистское консультирование, представляющее собой просветительскую деятельность в области моделей социализации и личного выбора при изменении традиционных сексуальных ролей. Представители другого направления – радикального феминистского консультирования – больше ориентированы на вовлечение клиентов в осуществление социальных сдвигов, направленных на увеличение равноправия полов (Enns, Hackett, 1993)

Консультирование мужчин. Долгое время для мужчин было приспособлено меньшее количество процедур консультирования, чем для женщин (Collison, 1981). Однако затем ситуация изменилась, возрос спрос на клинические услуги, ориентированные исключительно на мужчин (Johnson, Hayes, 1997).

Специфика консультирования мужчин состоит в том, что они склонны к отрицанию душевных и соматических проблем (Jourard, 1971), сдержанны и нелюди-

мы в разговоре, многие из них еще в детстве усвоили социальные табу в отношении самораскрытия, особенно перед другими мужчинами. В связи с этим Шер (Scher, 1981) предлагает ряд принципов, которые следует использовать при консультировании мужчин. Это акцентирование внимания на: 1) трудностях изменения для большинства мужчин; 2) ограничениях, наложенных полоролевыми стереотипами; 3) важности обращения за поддержкой и работы с эмоциональными проблемами и 4) необходимости четко различать роли и правила, относящиеся к личной жизни и к работе. Консультанту важно предостеречь мужчин от наивного и автоматического перенесения вновь открытых моделей поведения, успешно работающих в личной жизни, в мир работы.

Мужчины чаще, чем женщины, отказываются участвовать в консультировании (Worth, 1983). Большинство мужчин прибегают к нему только в ситуации кризиса, поскольку считается, что они должны быть самодостаточными, отодвигать на второй план свои потребности и заботиться о других (Moore, Leafgren, 1990).

Преобладание у мужчин когнитивной направленности создает особые трудности для консультанта. Марино (Marino, 1979) советует консультантам избегать в работе с мужчинами когнитивной области и направлять внимание на тональность их голоса, на противоречия их поведения и чувств и на их двойственное отношение к контролю и опеке. Шер (Scher, 1979) тоже предлагает уводить клиента из когнитивной области в эмоциональную и рекомендует начинать работу с объяснения клиенту важности овладения своими чувствами при преодолении личностных трудностей.

Групповое консультирование эффективно для трех групп мужчин — сексуальных правонарушителей, гомосексуалистов и бездомных (DeAngelis, 1992). Если мужчины находятся в депрессивном или маниакальном состоянии, пребывают в глубоком кризисе, страдают алкоголизмом, групповое консультирование оказывается неэффективным.

Мур и Хаверкамп (Moor, Haverkamp, 1989) показали, что мужчины в возрасте от 30 до 50 лет при групповом консультировании могут повысить свой уровень эмоциональной выразительности. С помощью консультирования мужчины могут разрабатывать новые умения, применяемые в установлении брачных отношений, в решении проблем здоровья, связанных со стрессами, в принятии решений по профессиональным и жизненным вопросам и во взаимодействии в семье. Особенно действенной процедурой для некоторых мужчин может быть беседа со своим отцом. Серии упорядоченных открытых вопросов о традициях семьи помогают мужчинам более ясно понять собственных отцов и благодаря этому совершать открытия, касающиеся их самих.

Американские психологи Д. Айвей и К. Коноли (Ivey D., Conoley C. W., 1994) установили, что психотерапевты по-разному относятся к клиентам мужского и женского пола: чаще строже оцениваются женщины. Если лидером в семье был мужчина, то такая семья признавалась психотерапевтами здоровой, а если лидером была женщина, то семья считалась нездоровой. Имелись психотерапевты, которые предпочитали иметь дело с пациентами либо мужского, либо женского пола.

Женщины чаще обращаются к врачам с профилактической целью, а также демонстрируют более высокий уровень доверия к помощи врачей. Поэтому врачам легче получить подробное описание симптомов того или иного заболевания от

женщин, чем от мужчин. Ведь признание своей слабости и просьбы о помощи — более характерная черта женщин, чем мужчин, поэтому женщинам проще рассказывать врачу о своей болезни (Addis, Mahalik, 2003).

Врачи зачастую не принимают всерьез жалобы женщин на физическое здоровье, интерпретируют такие жалобы как «психологические», «эмоциональные» или «банальные» (Travis, 1993). Когда женщины задают врачам слишком много вопросов, то их рассматривают как «проблемных пациентов»... Когда в одном из экспериментов психологи просили врачей ответить на вопросы, уточнявшие их установки и представления о своих пациентах, врачи высказывали мнение, что женщинам не нужно предоставлять больше информации о своем здоровье, чем мужчинам, даже если женщины захотят ее получить. Врачи считают, что женщинами руководят другие мотивы, в том числе и эмоции (Albino et al., 1990). Этими мотивами можно объяснить и другие данные; так, оказалось, что врачи «говорят свысока» с пациентками, не говорят с женщинами на языке медицинских терминов, поскольку считают, что женщины не поймут научных и медицинских выражений.

Вербрюгге (Verbrugge, 1984) обнаружила, что когда женщины жаловались на физические симптомы, то им зачастую ставили диагноз психической болезни. Врачи несерьезно относятся к женским жалобам на психический дистресс; они не воспринимают эти жалобы столь же объективно, как жалобы мужчин. Вербрюгге также указывала, что женщин реже отправляют на обследования и прописывают больше медикаментов, чем мужчинам. Эти данные свидетельствуют о том, что врачи считают женщин эмоциональными, зависимыми, инфантильными, неспособными отделить психические симптомы от физических и легко возбудимыми в трудной ситуации.

Палуди М., 2003, с. 180–181.

Показаны различия в оказании услуг врачами больным своего и противоположного пола. Женщины-доктора чаще, чем мужчины-доктора, отправляли пациентов-мужчин с проблемами предстательной железы к другим специалистам; доктора-мужчины чаще, чем доктора-женщины, рекомендовали посетить кабинет гинеколога женщинам при наличии у них тех или иных жалоб (Boulis, Long, 2004). Женщины подвергаются терапии более длительное время, и им зачастую прописывают более сильные лекарства, чем мужчинам (Albino, Tedesco, Shenkle, 1990).

По данным Стюарт с соавторами (Stewart et al., 2004), мужчины были более удовлетворены, чем женщины, общением с врачами и получением от них интересующей их медицинской информации.

Раздел второй

Мужчины и женщины в глазах общества

ГЛАВА 4

Половые и гендерные стереотипы

4.1. Образы мужчин и женщин в массовом сознании

Веками у людей складывались стереотипные представления об образе мужчины и женщины, которые до сих пор распространяются на всех представителей того или иного пола, независимо от их индивидуальных особенностей и возраста. Эти стереотипы можно условно разделить на половые (различия, идущие от природы мужчины и женщины) и гендерные (различия, сформированные под влиянием социума).

Половые стереотипы отражают представления о *мужественности — женственности* и касаются прежде всего антропометрических характеристик. В массовом сознании женщины, по сравнению с мужчинами, ниже ростом, имеют меньшую массу тела, узкие плечи и широкий таз, меньшую мышечную силу. Распространено также мнение, что женщины выносливее мужчин и т. д.

К психофизиологическим характеристикам, дифференцирующим в массовом сознании мужчин от женщин, относятся агрессивность, доминантность, уверенность в себе, независимость, смелость, грубость, активность и логичность мышления мужчин и зависимость, кротость, боязливость, мечтательность, суеверность, эмпатичность, тревожность и эмоциональность женщин

И. Броверман с соавторами (Browerman et al., 1972) попросили юношей и девушек дать характеристики типичным мужчине и женщине. В результате для тех и других выявился различный набор качеств (табл. 4.1).

Полоролевые стереотипы в немалой степени присущи и профессионалам, близко знакомым с психологией. И. Броверман с коллегами изучил описания мужчин и женщин, данные клиническими практиками, психиатрами и социальными работниками. Обнаружилась общая для них установка, что компетентность больше присуща мужчине, чем женщине. Женщины же характеризовались как более послушные, менее объективные и подверженные внешнему влиянию, менее агрессивные и состязательные, легко раздражающиеся по незначительным поводам. Ф. Гейс (Geis F., 1993) показано, что во многих случаях психологи игнорировали или преуменьшали проявление агрессии женщинами и заботливости мужчинами.

Дж. Макки и А. Шериффс (McKee, Sheriffs, 1957) пришли к выводу, что типично мужской образ — это набор черт, связанный с социально не ограничивающим

Таблица 4.1. Стереотипы типичных черт мужчин и женщин

Типичный мужчина	Типичная женщина
Агрессивный	Тактичная
Предприимчивый	Проявляет расположение
Доминирующий	Нежная
Независимый	Не использует грубых выражений
Скрывающий эмоции	Понимает чувства других
Любит математику и науку	Разговорчивая
Обладает деловыми навыками	Религиозная
Знает, как осваивать мир	Интересуется собственной внешностью
Легко принимает решения	Ценит искусство и литературу
Самодостаточен	Сильно нуждается в защите
Свободно говорит о сексе с другими мужчинами	Аккуратная в привычках
	Спокойная

стилем поведения, компетенцией и рациональными способностями, активностью и эффективностью. Типично женский образ, напротив, включает социальные и коммуникативные умения, теплоту и эмоциональную поддержку. В целом мужчинам приписывается больше положительных качеств, чем женщинам. При этом авторы считают, что чрезмерная акцентуация как типично маскулинных, так и типично фемининных черт приобретает уже негативную оценочную окраску: типично отрицательными качествами мужчин признаются грубость, авторитаризм, излишний рационализм и т. п., женщин — формализм, пассивность, излишняя эмоциональность и т. п.

Обнаружено также, что мужчины демонстрируют гораздо большую согласованность в отношении типично мужских качеств, чем женщины — женских.

> Женщина с мужским образованием и даже в мужском платье должна оставаться женственной и никогда не пренебрегать развитием лучших дарований своей женской природы.
>
> Пирогов Н. И., великий русский хирург и педагогический деятель

Дж. Уильямс (Williams J., 1999; Williams J., Best D., 1990) предложил испытуемым из 25 стран использовать 300 наиболее употребительных прилагательных, описывающих личностные черты, для характеристики мужчин и женщин. Выявилось, что мужчинам приписывались 48 слов, а женщинам — 25 (табл. 4.2).

Вильямс отметил, что процент культурных сходств в характеристиках, которые дают мужчинам и женщинам, в 25 странах очень высок.

Наконец, в одной из последних работ (Prentice, Carrance, 2002) приводятся характеристики, типичные и нетипичные для мужчин и женщин с точки зрения гендерных стереотипов (табл. 4.3).

Таблица 4.2. Качества, ассоциирующиеся только с мужчинами или только с женщинами минимум в 19 из 25 стран (количество стран указано в скобках)

Мужчины	Женщины
Мужественный, сильный, склонный к риску, независимый, доминирующий, убедительный (25)	Сентиментальная, покорная, суеверная (25)
Агрессивный, властный, дерзкий, неумолимый (24)	Женственная, чувствительная, мечтательная, нежная (24)
Активный, мудрый, суровый, грубый, храбрый, неэмоциональный, крепкий (23)	Боязливая, зааисимая, мягкосердечная, слабая, привлекательная, эмоциональная (23)
Логичный, амбициозный, изобретательный, энергичный (22)	Сексуальная (22)
Ленивый, самоуверенный, трезвомыслящий, громкий, неорганизованный, тупоголовый, жестокий, неотесанный, жестокосердный, целеустремленный, инициативный, эгоцентричный (21)	Мягкая, спокойная (21)
Реалистичный, серьезный, бесстрастный, напористый, неосторожный, заносчивый, прогрессивный, рациональный (20)	Жеманная, очаровательная, разговорчивая (20)
Недобрый, уверенный, несносный, хвастливый, шутливый, искусный (19)	Добрая, застенчивая, тревожная, кроткая, приятная (19)

Таблица 4.3. Типичные желательные и нежелательные характеристики мужчин и женщин

Желательные характеристики		Нежелательные характеристики	
мужчины	**женщины**	**мужчины**	**женщины**
Стремление к бизнесу	Добрая	Счастливый	Умная
Спортивный	Интересующаяся детьми	Дружелюбный	Злая
Лидерские способности	Надежная	Полезный	Самолюбивая
Уверенный в себе	Чуаствительная	Аккуратный	Здравомыслящая
Надежный	Дружелюбная	Добрый	Имеющая чувство юмора
Амбициозный	Аккуратная	Энтузиаст	Направленная в будущее
Самолюбивый	Внимательная к внешности	Оптимист	Принципиальная
Бунтарский	Покладистая	Эмоциональный	Непослушная
Серьезный, важный	Эмоциональная	Ищущий одобрения	Упрямая
Управляющий	Впечатлительная	Впечатлительный	Управляющая
Упрямый	Как ребенок	Покладистый	Циничная
Самоуверенный	Наивная	Суеверный	Самоуверенная
Ревнивый	Суеверная	Искренний	Высокомерная
Завистливый	Застенчивая	Застенчивый	

При этом в ряде стран при описании мужчин и женщин имеется своя специфика. Например, в Нигерии слова «заносчивый», «грубый», «ленивый», «шумный» были отнесены к женщинам. В Японии «хвастливыми», «несносными» и «неорганизованными» тоже были женщины. В одних странах (Германия, Малайзия) дифференцировка полов была резко выраженной, в других (Индия, Шотландия) — слабо выраженной. В ряде стран описание мужчин было более отрицательным.

Исследование гендерных стереотипов в сознании народов соха (Якутия. — *Е. И.*) А. И. Егоровой показало, что в образе «традиционной женщины» и «традиционного мужчины» завышались маскулинные и феномининные черты соответственно (т. е. они характеризовались андрогинностью)... автостереотипы женщин в целом оказались менее традиционны и консервативны, чем стереотипы мужчин, ибо, по мнению автора, эмансипация в семье соха осуществляется скорее через женщин, чем через мужчин.

Бендас Т. В., 2000, с. 52.

Интересным оказалось, что при составлении своего индивидуального портрета 25% женщин употребили прилагательные, более характерные для описания типичных мужчин, а такое же количество мужчин описали себя как типичных женщин. В описаниях лучшего друга мужчины и женщины одинаково хотели видеть мужчину-друга, соответствующего описанию типичного мужчины, а женщину-подругу — соответствующей описанию типичной женщины.

Сходные данные получены и другими психологами (Street et al. S., 1995).

В. Г. Горчакова (2000) выявила, что в стереотипном массовом сознании женщина воспринимается как носитель эстетической функции: красивая, обаятельная, женственная. Об этом заявили 60% женщин и 68% мужчин. Мужчина в общественном сознании должен быть мужественным, сильным, надежным. Так считают 69% женщин и 61% мужчин.

Если проанализировать представления о личностных качествах мужчин и женщин с точки зрения их привлекательности, то явное преимущество останется за женщинами. Мужчина, несмотря на ряд имеющихся достоинств, предстает этаким монстром: агрессивный, амбициозный, грубый, дерзкий, заносчивый, жестокий, неотесанный, несносный, эгоцентричный, ленивый, хвастливый, тупоголовый, самоуверенный, недобрый. По сравнению с ним женщина — просто ангел; она, как пишут Е. М. Зуйкова и Р. И. Ерусланова (2001), добра, гуманна, демократична, отрицательно относится к насилию, остро переживает несправедливость, более отзывчива к чужим переживаниям, легче поддается воспитанию. Кроме того, она мягкосердечная, спокойная, привлекательная, покорная. По сравнению с этими достоинствами забывчивость, несдержанность, истеричность, депрессивность, вспыльчивость, завистливость, болтливость являются просто маленькими женскими слабостями.

Между тем А. Маслоу считает, что понятия «мужское» и «женское» не отражают сущности явления, которое они должны раскрывать. Они только вводят людей в заблуждение, так как качества, которые в обществе считаются присущими мужчине, подчас в большей степени обнаруживаются у женщин, и наоборот.

4.2. Возрастные особенности формирования половых и гендерных стереотипов

Т. И. Юферева (1982) полагает, что основной сферой жизнедеятельности, в которой формируются представления подростков об образах мужчин и женщин, является сфера взаимоотношений с противоположным полом. Представления об образе мужчин и женщин в каждом возрасте отражают отдельные аспекты общения: в VII–VIII классах — семейно-бытовые взаимоотношения (девочки и мальчики, характеризуя образ женщины, перечисляют ее обязанности как хозяйки, а характеризуя образ мужчины — как мужа, отца, подчеркивают в основном его роль как помощника жены по хозяйству). У подростков, отмечает Т. И. Юферева, представления о мужественности — женственности, очевидно, являются просто усвоенными соответствующими взглядами взрослых и не играют существенной роли в регуляции их поведения.

Несколько отличное мнение высказывается И. С. Коном (2001). Он считает, что в подростковом и юношеском возрасте соответствующие нормативные представления о мужественности особенно жестки и стереотипны; желая утвердиться в мужской роли, мальчик всячески подчеркивает свое отличие от женщин, стараясь преодолеть все, что может быть воспринято как проявление женственности. У взрослых эта поляризация ослабевает. Мужчина начинает ценить в себе и другие качества: терпимость, способность понять другого, эмоциональную отзывчивость, которые раньше расценивались им как признак слабости.

У старших школьников представления о мужественности — женственности базируются на взаимоотношениях с ровесниками противоположного пола, в ходе которых происходит осознание себя как представителя определенного пола, своих потребностей, связанных с сексуальным развитием. Эти представления проверяются на практике, в непосредственном общении с противоположным полом. Однако это лишь начало формирования представления о понятии «психологический пол», касающегося только сферы взаимоотношений со сверстниками противоположного пола.

По мнению восьмиклассниц и девятиклассниц, мужчина должен быть смелым, сильным, настойчивым, гордым, рыцарем (должен ухаживать за девушкой и защищать ее, уважать женский пол, быть снисходительным, внимательным, благородным по отношению к женщине). Женщина, по мнению девочек, должна быть ласковой, нежной, мягкой, но, озвучивая эти характеристики, девочки, как правило, не трансформируют их в эталон поведения по отношению к мужчине.

Мальчики всех возрастов не отметили в большинстве случаев особых качеств, выражающих отношение мужчины к женщине и, наоборот, женщины к мужчине. Однако для них было характерным придание при описании образа женщин особенностей их внешнего облика (красота, элегантность, аккуратность).

В исследовании Т. А. Арканцевой и Е. М. Дубовской (1999) выявлены сходные характеристики мужчин и женщин, данные подростками.

Идеальный мужчина в представлении подростков — это маскулинный тип с присущими ему качествами смелости, силы, выносливости, уверенности, ответ-

ственности, а женщина — андрогинный тип: нежная, ласковая, заботливая, мягкая, но в то же время активная, ответственная, уверенная.

Однако выявилось и отличие по сравнению с данными, полученными Т. И. Юферевой. Вместо семейно-бытовой сферы при описании мужчины на первое место вышли его личностные характеристики, а семейно-ролевые характеристики отошли на последнее место. То же произошло и при описании женщины, но в меньшей степени. Повысилась роль универсальных признаков при описании идеальной женщины.

В. Е. Каган (1989) опрашивал школьников VII–X классов трех регионов страны, какими они представляют себе большинство мужчин и женщин. Стереотипы мужественности, описываемые девочками, и женственности, описываемые мальчиками, во многом оказались сходными. Для того и другого стереотипа были характерны доброта, отзывчивость, справедливость, честность, самостоятельность, обаятельность. Сходство по ряду признаков обнаружилось и при описании мальчиками мужественности и девочками — женственности; это решительность, энергичность, уверенность. Различия же состояли в следующем (табл. 4.4).

Таблица 4.4. Различия в стереотипах мужественности и женственности, имеющиеся у мальчиков и девочек

Мужественность в описании мальчиков	**Женственность в описании мальчиков**
Сильный, независимый, деятельный	Добросовестная, независимая, общительная, невозмутимая, спокойная
Мужественность в описании девочек	**Женственность в описании девочек**
Решительная, энергичная, уступчивая	Добрая, справедливая, честная, общительная, слабая

Многие из отмеченных подростками качеств соответствуют списку мужских и женских качеств из работы Уильямса и Беста. Нельзя, однако, не отметить, что имеется очень много совпадающих характеристик мужчин и женщин, что свидетельствует, вероятно, о еще не сформировавшихся стереотипах мужчины и женщины у детей этого возраста. Кроме того, женщинам часто приписывались «мужские» качества (уверенность, энергичность, решительность), а мужчинам — «женские» (доброта, отзывчивость, обаятельность). Таким образом, характеристика мужчин и женщин у подростков в исследовании Е. В. Кагана получилась скорее андрогинной.

В целом автор отмечает, что стереотипы женственности более сходны у мальчиков и девочек, чем стереотипы мужественности. Негативные характеристики (непривлекательный, враждебный, раздражительный, черствый, эгоистичный, несправедливый, неискренний) включены только в стереотипы своего пола, причем в основном это выражено у мальчиков.

И. С. Клецина (1998) в результате опроса 70 студенток выявила характеристики, которые приписывались мужчинам и женщинам чаще всего (табл. 4.5).

В целом и эти данные подтверждают устойчивость гендерных стереотипов в сознании женщин.

Таблица 4.5. Черты характера и способности, по которым, по мнению студентов, наблюдаются наибольшие различия между мужчинами и женщинами

Характеристики, больше выраженные у женщин	Количество ответов, %	Балльные оценки степени различий	Характеристики, больше выраженные у мужчин	Количество ответов, %	Балльные оценки степени различий
Забота о детях	64,5	3,8	Математические способности	61,3	3,5
Боязливость	64,5	3,8	Логическое мышление	61,2	3,7
Уступчивость	62,9	3,7	Агрессивность	53,2	3,4
Эмоциональность	58,0	3,4	Стремление руководить, быть на первых ролях	50,0	3,3
Тревожность	54,8	3,4	Авторитарный стиль общения	48,5	3,4

Для выявления общих тенденций гендерного развития личности у современной молодежи нами было проведено исследование среди студентов вуза. Использование методики «Полоролевые портреты» показало, что большинство девушек реального представителя мужского пола воспринимает недостаточно позитивно (лишь 44% качеств принимается). Анализ содержания структуры психологического пола показывает его неопределенность (по терминологии С. Бем). т. е. низкую выраженность маскулинных и фемининных черт. Идеальный мужской образ наделяется девушками андрогинным психологическим полом, в структуре которого маскулинные характеристики заметно преобладают над фемининными.

В отличие от мужских представителей женский образ воспринимается большинством девушек более позитивно (принимается 68% качеств), однако тип психологического пола также приближается к неопределенному. Характерным является преобладание в структуре психологического пола маскулинных черт над фемининными как в образе реальной, так и идеальной женщины, что говорит о явной тенденции девушек быть более маскулинными, не выходя за границы андрогинного типа.

Юноши, в отличие от девушек, наделяют образ реального мужчины ярко выраженной маскулинностью и фемининностью с преобладанием маскулинности в структуре андрогинного психологического пола. Женский образ воспринимается большинством юношей как фемининный или андрогинный (с преобладанием женских качеств над мужскими). Примечательно, что идеальный женский образ видится юношами более маскулинным, но остается в рамках андрогинного психологического пола с перевесом фемининных характеристик. Более привлекательным является для юношей мужской образ, который оценивается ими более позитивно по сравнению с женским (73% черт мужского поведения и 50% характеристик женского поведения оценивается позитивно).

Таким образом, большинство юношей более позитивно воспринимают женщин, нежели девушки мужчин, хотя обе стороны представителей своего пола оценивают выше, чем противоположный, что указывает на некоторую конкуренцию и напряженность в гендерных отношениях. Юноши описывают психополовое поведение более четко и определенно, девушки – более неопределенно и размыто. Это отражает определенные трудности гендерной социализации девушек, направленные в сторону утверждения своей активности и самодостаточности, несмотря на то что юношами это приветствуется при условии сохранения также черт фемининности. В целом и девушки и юноши обнаруживают невысокую подверженность традиционным гендерным стереотипам, наблюдается постепенная их трансформация в направлении снятия их былого проти-

востояния и жесткой иерархичности в пользу мужского пола, все более ценной становится маскулинность. Такие тенденции способствуют развитию партнерских отношений между полами. Однако для развития отношений по типу сотрудничества необходимо более высокое принятие представителей противоположного пола, способность к эмпатии. В противном случае партнерство между полами приобретет исключительно активно-конкурентный характер, поддерживающий напряженность гендерных отношений.

Ланина Н. В., 2008, с. 733–734.

Различия в оценках себя и лиц противоположного пола по личностным качествам. В ряде исследований выявлен фаворитизм в отношении своего пола, который проявляется в более высокой оценке личности представителей своего пола. Он проявляется уже у двухлетних детей, которым предлагали описать положительные характеристики, относящиеся к их собственному полу, и отрицательные, относящиеся к противоположному полу (Kuhn et al., 1978). Аналогичные результаты были получены и на детях от 5 до 12 лет (Martin C., 1989; McAninch et al., 1993). Младшие школьники проводят четкие различия между полами, используя психологические категории и приписывая своему полу положительные характеристики, а отрицательные — противоположному полу (Serbin et al., 1993).

А. А. Никитина и Н. К. Радина (2007) изучали, как студенты — юноши и девушки — представляют образ «настоящей мужественности». Выявлено, что и те и другие приписывают «настоящему мужчине» эмоциональную, физическую и умственную твердость (по Ш. Берн) и успешность. Однако выявлены и различия в представлениях девушек и юношей. Девушки по сравнению с юношами в 3 раза чаще употребляли характеристики, раскрывающие «социальные качества» мужчины (галантность, хорошее воспитание, отсутствие вредных привычек, наличие чувства юмора). Но девушки в 4 раза чаще приписывали образу мужчины и типично женские черты (нежность, чуткость, терпеливость, открытость).

Юноши в 3,5 раза чаще употребляли характеристики, описывающие внешний вид «настоящих мужчин» (красив и хорошо выглядит, одевается со вкусом или небрежно одет, обладает мужественным тембром голоса, средних лет с проседью и др.). Таким образом, юноши более склонны к стереотипному представлению «настоящего мужчины», восприиимают его как «успешного добытчика».

4.3. Значение полоролевых и гендерных стереотипов

Гендерные стереотипы касаются и той роли, которое общество навязывает лицам мужского и женского пола в различных сферах жизнедеятельности. Это, прежде всего, стереотипы, касающиеся распределения *семейных ролей*: для женщины более значимой является роль домохозяйки, матери. Частная жизнь для нее важнее, чем профессиональная или политическая карьера. Мужчинам предписывается материальное обеспечение семьи, но при этом для них важным является включенность в общественную жизнь, профессиональная успешность.

Другие гендерные стереотипы касаются *профессиональной сферы*: женщинам предписывается исполнительская и обслуживающая деятельность (образование,

здравоохранение, торговля, социально-бытовая сфера), для мужчин более подходит инструментальная сфера деятельности, техника, творческая и руководящая работа, а также тяжелая физическая работа.

Наконец, существуют стереотипы, касающиеся *политической деятельности*: большинство людей считают, что политика — не женское дело.

Изучение вопросов, связанных с различными аспектами полоролевых стереотипов, имеет как теоретическое, так и практическое значение. Неслучайно вопросы полоролевых стереотипов обсуждались еще древними философами. Так, на жестком разделении функций между мужчинами и женщинами настаивал Лукиан, который писал, что, создав мужчину и женщину, природа предпочла, чтобы они оставались верными своему естеству, т. е. чтобы ни женщины не вели себя вопреки природе, как мужчины, ни мужчины непристойно не изнеживались.

В наше время Дж. Мани и П. Такер (2001) позитивные моменты в гендерных стереотипах видят в том, что они поддерживают межличностное и межгрупповое взаимопонимание и сотрудничество. При этом они отмечают, что данные стереотипы должны быть не только ригидными, но и гибкими, чтобы, с одной стороны, обеспечивать устойчивость представлений, а с другой — не останавливать развитие общества.

Сама природа позаботилась о том, чтобы половина населения — женщины — максимум своей энергии отдавала семье, чтобы вторая половина — мужчины — высвобождала время и энергию для общественной деятельности, требующей не «тела», а подлинно человеческих качеств, проявляющихся в политической, хозяйственной, военной, научной деятельности.

Хоткина З. А., 1997, с. 234–235.

Но, с другой стороны, чрезмерное акцентирование половых различий, жесткое противопоставление мужского и женского начала, традиционно осуществляемое с давних времен, тоже имеет свои недостатки. Как пишет И. С. Кон (1981), «издавна шел спор, считать ли более желательной поляризацию мужского и женского начала, при максимальном совпадении индивидуальных качеств с соответствующим культурным стереотипом (сильный, грубый, энергичный мужчина и слабая, нежная, пассивная женщина), или, напротив, их преодоление и сочетание в одном лице (сильный, но одновременно мягкий мужчина и нежная, но вместе с тем самостоятельная женщина)? Причем на более высоких уровнях развития культуры и философской рефлексии предпочтение обычно отдается второй модели, сулящей большую степень взаимопонимания полов, тогда как в первом случае их отношения мыслятся как иерархические, основанные на господстве и подчинении» (с. 53). Как тут не вспомнить: «Да убоится жена мужа своего».

Важно учитывать два основных направления, связанных с гендером: преувеличивающие и игнорирующие различия между женщинами и мужчинами. Рашел Хар-Мастин и Джеан Марасек (1988) называют их альфа- и бета-предубеждениями.

Альфа-предубеждения предполагают, что существуют реальные и качественные различия между характеристиками, ориентациями, возможностями, ценностями мужчин и женщин. Исследователи, придерживающиеся этой позиции, «поляризуют» женщин и мужчин; при этом поддерживаются различные роли, базирующиеся на «естественном природном» основании. Примеры альфа-предубеждений: концепция об особом, «женском», способе мышления (Belenky M. F. et al., 1986); теории о неотъемлемых особенностях поведения женщин – заботливости и поддержке (Chodorow N., 1978), об их особом моральном сознании и этике. Примеры альфа-предубеждений можно найти в социобиологии и эндокринологии. Обнаруженные здесь гендерные различия объясняются генетическим (биологическим) детерминизмом или влиянием андрогенов на функционирование мозга. Например, промискуитет и социальное доминирование мужчин интерпретируются как природные явления, уходящие корнями в генетическое выживание вида или инстинкты.

На основании современных данных биологии был сделан вывод: нет доказательств, что в основе различий поведения мужчин и женщин лежат биологические факторы (Bleier R., 1984, 1988).

Альфа-предубеждения могут оказаться полезными в том случае, когда надо сформулировать новые исследовательские задачи, связанные со спецификой жизненного опыта женщин в отличие от социальной жизни мужчин.

Бета-предубеждения игнорируют и минимизируют различия между мужчинами и женщинами. Как правило, в психологических исследованиях игнорируются проблемы, связанные с содержанием жизни женщин. Предполагают, что исследования, основанные на мужской выборке, могут быть обобщены для объяснений поведения и переживания женщин. Преуменьшение различий приводит к иллюзии, что женщины имеют равный с мужчинами доступ к материальным ресурсам, равные возможности в отношении работы и руководящей деятельности.

Психология здоровья / Под ред. Г. С. Никифорова, 2003, с. 231.

В последние годы представления о мужских и женских половых ролях подвергаются критике со стороны ряда авторов. Ф. Л. Джейс (2001) полагает, что закрепляясь, гендерные стереотипы способствуют доминирующему положению мужчин и дискриминации женщин. Больше того, приверженцы новой точки зрения считают, что традиционные половые роли ограничивают и сдерживают развитие не только женщин, но и мужчин. Они служат источником психической напряженности мужчин и непригодны для воспитания мальчиков. Указывается, что эти стереотипы не подходят большинству мужчин. Кроме того, они вредны, потому что мужчины, не принимающие их, подвергаются общественному осуждению, те же, кто пытается им следовать, совершают над собой насилие. Дж. Плек (Pleck J., 1978) даже придерживается мнения, что, за исключением агрессивности, мужчины и женщины похожи друг на друга в своем поведении, и их не следует дифференцировать по характеру половых ролей.

Надо признать, что существующие в обществе гендерные стереотипы действительно могут играть негативную роль, во многом искажая истинную картину.

Первый отрицательный эффект состоит в том, что существующие стереотипы образов мужчин и женщин дают эффект увеличительного стекла, поскольку различия между мужчинами и женщинами подчеркиваются в гораздо большей степени, чем они есть в действительности. Так, К. Мартин (1987) в одной группе предложил мужчинам и женщинам отметить, какими качествами из сорока предложенных

(среди которых были «типично мужские», «типично женские» и «нейтральные») они обладают. Во второй группе мужчинам и женщинам было предложено определить, какому проценту мужчин и женщин присуще каждое из сорока качеств. В первой группе, где опрашиваемые оценивали сами себя, половые различия выявились только по пяти качествам: эгоцентризм, цинизм, сопереживание, плаксивость, суетливость. Во второй группе различия между мужчинами и женщинами обнаружились по всем качествам. Показано, однако, что мужчины и женщины воспринимают гендерные различия довольно значительными в тех областях, где их пол рассматривается положительно, а при рассмотрении негативных сторон различия стараются преуменьшить (Eagly, Mladnic, 1989).

Второй отрицательный эффект половых стереотипов — это разная интерпретация и оценка одного и того же события в зависимости от того, к какому полу принадлежит участник этого события, что наглядно проявилось при восприятии взрослыми детей разного пола.

Дж. Кондри и С. Кондри (Condry J., Condry S., 1976) проделали любопытный эксперимент: испытуемым показывали фильм о девятимесячном ребенке; при этом одной половине зрителей говорилось, что этот ребенок — мальчик, а другой половине — что девочка. В одном из показанных эпизодов ребенок начинал кричать после того, как из коробки внезапно выпрыгивал попрыгунчик. Те, кто считал ребенка мальчиком, воспринимали его «рассерженным», а те, кто считал ребенка девочкой, воспринимали ее «испугавшейся».

Опрос родителей, проведенный через сутки после рождения ребенка, показал, что девочки воспринимались более мягкими, миловидными, более похожими на мать; при этом отцы были более стереотипными в таких оценках (Rubin J. et al., 1974).

Маленькие девочки, по мнению взрослых, имеют более приятную внешность, чем мальчики. Миловидных младенцев в большинстве случаев считают девочками (Hildebrand K., Fitzerald H., 1979).

Дж. Рубин с коллегами (Rubin et al., 1974) опросили родителей, имевших однодневный опыт общения со своим младенцем в первый день его появления на свет. Младенцы мужского и женского пола не различались в оценках по активности и другим поведенческим признакам. Однако девочек описывали как маленьких, хорошеньких, красивеньких, а мальчиков как более настороженных, уверенных и сильных.

Характерно, что уже пятилетние дети обладают стереотипным восприятием детей разного пола. К. Смит и Л. Барклай (Smith K., Barclay L., 1979) показали, что одного и того же ребенка пятилетние дети описывали как большого, некрасивого, шумного и сильного, если считали его мальчиком, и как красивую, спокойную, слабую, если считали его девочкой.

Сходный эффект выявлен и при оценке родителями способностей своих детей. Экклз (Eccles, 1984) показала, что родители, исходя из существующего стереотипа, считают способности сына к математике выше, чем дочери, даже в том случае, когда их успеваемость одинакова.

В исследованиях ряда авторов показано, что хорошая успеваемость по математике мальчиков объясняется их родителями имеющимися у мальчиков способно-

стями, а такая же успеваемость девочек — их старанием. Вероятно, это действительно может иметь место, но не всегда.

Этот эффект гендерных стереотипов проявляется и в том, что из единичного случая делаются далеко идущие обобщения. Например, стоит женщине-водителю совершить нарушение правил дорожного движения, как мужчины сразу восклицают: «Я же говорил, что женщины не умеют водить машину!» Здесь проявляется эффект пристрастного отношения к той группе, к которой принадлежит оценивающий. Вильямс и Бест (Williams, Best, 1986) установили, что женщины неизменно демонстрировали более положительное отношение к женщинам, чем то, которое демонстрировали по отношению к женщинам мужчины, а мужчины в свою очередь также неизменно демонстрировали более позитивное, чем женщины, отношение к мужчинам.

Третий отрицательный эффект гендерных стереотипов заключается в торможении развития тех качеств, которые не соответствуют данному полоролевому стереотипу.

Считается, например, пишет Н. Н. Обозов (1997), что мужчина должен быть выдержанным, уравновешенным, беспристрастным во взаимоотношениях с другими людьми. Женщина же может позволить себе каприз, а когда ее обидят, она может и поплакать. Большая эмоциональность женщин является одним из устойчивых гендерных стереотипов. М. Джекмен и М. Сентер (Jackman M., Senter M., 1981) выявили, что только 22% мужчин думали, что оба пола в равной степени эмоциональны. Из оставшихся 78% соотношение тех, кто считал более эмоциональными женщин, и тех, кто считал более эмоциональными мужчин, составляло соответственно 15:1. Ответы женщин оказались идентичными.

Для лица мужского пола прослезиться — значит нарушить норму мужественности. В результате у мальчиков может развиться *фемифобия*, т. е. страх перед проявлением у себя женственности. У взрослых мужчин появление этого страха может быть обусловлено представлениями, что гомосексуализм присущ мужчинам с чертами женственности (O'Neil J., 1990). Поэтому мужчины с выраженным традиционным подходом к мужской роли могут считать, что раз мужчина не должен быть эмоциональным, то незачем совершенствовать экспрессивные способности и способность понимать эмоции других. В результате природные различия между мужчинами и женщинами еще больше увеличиваются.

4.4. Оценка достигаемых мужчинами и женщинами результатов. Сексизм

Социолог Андре Мишель определяет сексизм как позицию или действие, которое принижает, исключает, недооценивает или стереотипизирует людей по признаку пола.

Выделяют два вида сексизма: враждебный (унизительный, умаляющий достоинства и возможности личности того или иного пола) и доброжелательный (покровительственный паттернализм). В основном, говоря о сексизме, имеют в виду отношение к женщинам, а именно недооценку женщин на фоне переоценки муж-

чин. В недалеком прошлом сексизм выражался в виде ограничения доступа женщин к некоторым профессиям; в поощрении их работы в качестве так называемых розовых воротничков, отводя им по преимуществу такие обязанности, как уход за детьми, семьей, больными. В результате чего, считает А. Мишель, женщины теряют уверенность в себе, самостоятельность, отчуждают себя от решения многих проблем в обществе, а само общество теряет значительный людской потенциал.

В многочисленных исследованиях показано, что результаты деятельности мужчин оцениваются, как правило, выше, чем такие же результаты, достигнутые женщинами. Это не что иное, как проявление *сексизма* в отношении женщин (принижение роли женщин в обществе).

Все знаменитые женщины, по мнению О. Вейнингера, стали таковыми потому, что вследствие половой пикантности все, что ими создается, привлекает большее внимание, чем при равных условиях созданное мужчинами. Кроме того, к творениям женщины относятся более снисходительно, не предъявляется больших требований. Женщины достигают известности за то произведение, которое вряд ли было бы отмечено, если бы оно было создано мужчиной.

Как отмечает К. Део (Deaux K., 1976), в соответствии с полоролевыми стереотипами хорошее выполнение задачи, высокий результат в чем-либо, достигнутый мужчиной, чаще всего объясняют его способностями, а точно такой же результат, достигнутый женщиной, объясняется ее старанием (усилиями), случайной удачей или другими нестабильными причинами. При этом, как показала С. Кислер (Kiesler S.,1975), фактор «усилие» у мужчин расценивается как стабильный, как необходимое условие естественной мужской потребности в достижении, как средство преодоления барьеров и трудностей, возникающих на пути достижения цели.

Део и Эмсвиллер (Deux, Emswiller, 1974) заметили, что одинаковые результаты работы мужчин и женщин не объясняются с точки зрения одних и тех же атрибуций. Результаты деятельности мужчины, работавшего над «мужским заданием», как правило, приписываются навыкам, а такие же точно результаты женщины считаются следствием везения. Наблюдение Фелдман-Саммерса и Кислера (Feldman-Summers, Kiesler, 1974) показало, что мужчины приписывали больше способностей врачу-мужчине, чем врачу-женщине. Мужчины также приписывали успех врача-женщины легкости лечения и большим усилиям.

Палуди М., 2003, с. 290.

Характерно, что даже женщины, по некоторым данным, имеют некоторую предубежденность против самих себя, например, в сфере научной деятельности: студентки колледжей при оценке статей, подписанных будто бы мужчинами или женщинами, отдали предпочтение первым (Goldberg P., 1968). В эксперименте, где испытуемые обоего пола должны были оценить предлагаемые им на обозрение картины, одни из которых были якобы написаны мужчинами, а другие — женщинами, первенство тоже было отдано картинам «мужчин» (Pheterson et al., 1971). В последние годы, однако, ситуация кардинально изменилась. Д. Майерс (2000) детально изучавший этот вопрос, как и Э. Игли (Eagly A., 1994) не выявили различий в оценках результатов труда мужчин и женщин. Возможно, отвечавшие

учитывали, что быть антифеминистом теперь не модно и поэтому скрывали свое истинное отношение к возможностям женщин. Во всяком случае, Дженет Свим с соавторами (Swim et al., 1995) считает, что скрытый сексизм все еще существует.

Лайза Стрейер и я (Paludi, Strauer, 1985) специально изучали взаимодействие женственности и мужественности с полом участников исследований. Мы опросили 300 студентов колледжа (150 женщин и 150 мужчин) и попросили их оценить научную статью по психологии женщин (студенты колледжа рассматривали данную область как женскую), по политике (мужская сфера) или образованию (нейтральная тема). Каждая статья была подписана женским именем (Джоан Т. Маккей), мужским именем (Джон Т. Маккей) либо на ней вообще не было имени и стояли одни инициалы (Дж. Т. Маккей) или имя, которое могло быть как мужским, так и женским (Крис Т. Маккей).

Мы установили, что участники болве позитивно оценивали ту статью, которую, как предполагалось, написал мужчина. Кроме того, мы обнаружили, каким образом женщины и мужчины строили предположения о поле Крис Т. и безымянного автора: 87% участников приписывали статью по политике мужчине и 96% приписывали статью по психологии женщин автору женщине.

Палуди М., 2003, с. 291.

Резкой критике сексизим подвергается сторонниками феминизма. Отмечается, что маскулинизированная культура деформирует не только женщин, но и мужчин. «Сильный мужчина пытается утвердиться за счет “слабой” женщины, ее подавления как личности и унижения. Но господин и раб всегда зависят друг от друга: порабощая, нельзя быть свободным» («Феминизм: перспективы...», 1992, с. 12). Читая подобное, невольно задаешься вопросом: в каком веке живут пишущие это? Неужели и в наше время все женщины подавляются и унижаются?

С позиций феминизма утверждается, что господство патриархатной идеологии уже привело мир на грань катастрофы — ядерной, экологической, духовной. Прочитав это, можно вздохнуть с облегчением: наконец-то найден рецепт спасения человечества: нужно лишь поменять патриархатную идеологию на эгалитарную, а еще лучше вернуться к матриархату...

Однако не все феминистки придерживаются позиции, что жертвами сексизма являются только женщины. Многие из них отмечают, что и мужчины могут страдать в сексистском обществе. Как пишет В. Брайсон (2001), «им навязывают роль добытчика и отказывают в активном участии в воспитании собственных детей, а заставляя подавлять неприемлемые “женские” стороны своей личности, их отчуждают от полного проявления человечности» (с. 196). Мужчины могут быть мишенями как враждебного, так и дружественного сексизма. П. Глик и С. Фиске (Glick, Fieske, 1999) описали проявления дружественного сексизма в отношении мужчин. Он выражается в матернализме (мужчина нуждается в заботе со стороны женщины), в вере, что в некоторых вещах мужчины могут быть лучше женщин (например, чаще рискуют), обладают сексуальной привлекательностью и могут доставлять женщинам удовольствие в процессе романтичесого сотрудничества.

Мужчина, который поменял профессию шахтера на медбрата, заявил, что его друзья считали, будто с ним что-то слегка не в порядке, если он хочет учиться быть

сиделкой. В сходной ситуации мужчина — работник амбулаторной реабилитации психических больных и инвалидов отметил, что некоторые мужчины подозревают его в гомосексуализме, поскольку «мужчинам» не свойственно желание такого рода работы, а молодой человек, сменивший работу автомеханика на уборщика, заявил, что он не может рассказать своим друзьям, чем он зарабатывает на жизнь, потому что они будут смеяться, ведь он выполняет «женскую» работу (Cross et al., 2002).

Отмечается, что женщины подвергаются дискриминации в отношении тех работ, которые считаются маскулинными, а мужчины — в отношении тех работ, которые считаются фемининными (Davidson, Barke, 2000).

4.5. Социальные представления о предназначении мужчин и женщин в обществе

Социальные представления в отношении мужчин и женщин касаются норм их социального поведения, а также того, чем должны отличаться друг от друга мужчины и женщины по своим социальным и психологическим качествам. Вопрос этот хорошо освещен в статье И. С. Клециной (1999), поэтому ниже дается только ее краткое изложение.

В большинстве культур «мужское» отождествляется с духом, логосом, активностью, силой, культурой, рациональностью, светом, наполненностью; «женское» — с материей, хаосом, природой, пассивностью, слабостью, эмоциональностью, тьмой, пустотой, бесформенностью (Современный..., 1998, с. 179). Во многих древних мифологиях луна, земля и вода трактуются как женское начало, а огонь, солнце и тепло — как мужское. Мужчина выступает как носитель активного, социально-творческого начала, а женщина — как пассивно-природная сила. Противоположны и социальные роли, предписываемые мужчинам и женщинам. Первые являются преимущественно «инструментальными», а вторые — «экспрессивными». Мужчина — это «кормилец», а в семье осуществляет общее руководство и несет главную ответственность за дисциплинирование детей; женщина должна выполнять семейно-бытовые обязанности и обеспечивать дома душевное тепло и уют. Уже из этого перечня следует, что речь идет не просто о распределении функций между мужчинами и женщинами, но и иерархии, подчинении женщины мужчине.

В 1902 г. в России вышел труд томского епископа Макария «Образование, права и обязанности женщины», в котором наиболее предпочтительными для женщин сферами приложения способностей объявлялись: ведение хозяйства и воспитание детей, а для несемейных женщин — обучение детей (преимущественно в младших классах), медицина (лечение женщин), благотворительность, миссионерская деятельность. Рекомендовалось также изучение женщинами философии, психологии, логики, астрономии, физики, но все это при условии выполнения ими хозяйственных обязанностей. Далее автор вопрошает: «А много ли найдется у женщины времени для умственного труда при добросовестном исполнении ею обязанностей супруги, матери детей и хозяйки дома? Умственную работу не приличнее ли считать междудельем, оставивши ее, как дело, по преимуществу мужу; а ее дело — семья и хозяйство. Для этого она и назначена, для этого даны ей и способ-

ности, каких не дано мужчине» (1994, с. 25–26). Епископ Макарий считал, что счастье мужчины и женщины в разделении труда: муж вне дома, жена в доме; муж в народе, жена среди семьи.

Анализируя образ женщины в истории, Дж. Хантер (Hünter, 1976) пришла к выводу, что в целом это образ неполноценности, а процесс женской эмансипации с глубокой античности прямо связывался с деструктивными социальными последствиями, с распадом морали и разрушением семьи. Так, одна из главных причин гибели Римской империи связывалась с далеко зашедшим процессом женской эмансипации.

Обобщая бытовавшие традиционные представления о предназначении мужчин и женщин в обществе, Р. Р. Верма (1993) отмечает, что чаще всего сущность женщины характеризовалась следующими особенностями: 1) женщина неполноценное и, в сущности, зависимое существо; 2) женщина низшее по сравнению с мужчиной существо, так как ей присущи крайняя ограниченность и слабость; 3) по своей внутренней сущности она не представляет собой ценности; 4) ее основное предназначение — служить мужчине и быть ему полезной, вне системы сексуального партнерства и материнства ее существование бессмысленно и имеет второстепенное значение; 5) сама по себе женщина самоотверженна, любяща, терпима, нежна и сентиментальна, что и является ее высшими добродетелями.

Давно известно, что в организации каждого конкретного общества большое значение имеет определение роли полов. Но лишь недавно мы стали понимать, насколько трудно установить специфику каждого пола. Подход к этой проблеме зависит от типа культуры, уровня научных знаний и идеологической основы данного общества. Мир не стоит на месте ни в социальном, ни в биологическом смысле. По мере приближения к концу столетия существенный прогресс биологии и генетики коренным образом меняет наши представления о роли, обязанностях и специфических чертах мужчин и женщин, хотя еще двадцать лет назад эти характеристики считались бесспорно однозначными.

Можно с уверенностью сказать, что с начала XIX в. до 1960-х гг. существовавшее на Западе определение роли полов за редким исключением не менялось. Для этого периода характерно четкое разграничение функций мужчин и женщин, доводившееся в некоторых случаях до бескомпромиссного дуализма в рамках жесткой иерархической модели. Его сторонники апеллировали к природе, религии и традициям, которые якобы существовали с древнейших времен. Женщина рожала детей и вела хозяйство. Мужчина завоевывал мир и отвечал за жизнь семьи, добывая для нее все необходимое в мирное время и защищая ее в годы войны.

Весь миропорядок держался на этом разграничении полов. Любое совпадение или смешение ролей рассматривалось как угроза освященным веками устоям, казалось чем-то противоестественным, отклонением от нормы.

Роли полов определялись соответственно «месту» каждого из них. Для женщины – это в первую очередь дом. Внешний мир – мастерские, фабрики и деловые конторы – принадлежал мужчине. Разделение мира по признаку пола (в общественной и частной жизни) привело к появлению двух строго противоположных установок в отношении мужчины и женщины, определявшихся их специфическими чертами. Находившаяся в домашнем уединении женщина вела хозяйство, растила детей, хранила семейный очаг. Для этого ей не нужны были смелость, честолюбие, решительность, предприимчивость. Мужчина же, напротив, ведя каждодневную борьбу за существование, должен был не уступать другим представителям своего пола и потому воспитывал в себе качества, считавшиеся для него естественными.

Элизабет Бадинтер (Курьер ЮНЕСКО. 1986. Апрель).

Итак, эмансипированная женщина — что стоит за этим понятием? Образцовая, идеальная женщина сегодняшнего дня? Или, напротив, характер неустойчивый, тип противоречивый, отчасти аморальный? Почему слово «эмансипация» каждый раз окрашено в разные цвета — то в бодро-голубой, то в уныло-серый? Почему так принципиально неодинаково оценивают скрытое за этим явление различные люди?

...Нынче мальчики и девочки смотрят в кино и по телевидению одни и те же фильмы, читают одни и те же книги, учителя работают с ними по общим программам, используя одинаковые приемы воспитания. Если сравнить отношение к сыну и дочери в семье, то вряд ли обнаружится значительное отличие, которое учитывало хотя бы неодинаковость их психики. Мало того, при этом за эталон нередко берется система воспитания мальчиков. Иными словами, девочек воспитывают по-мальчишечьи. Мы как будто все делаем для того, чтобы непременно воспитать «мужеподобную» женщину. Последние «достижения» в этой области – занятия дзюдо и карате. Однако девочка все же вырастет женщиной, с заложенной в ней веками генетической программой – «женщина-мать», «женщина – хранительница очага», «женщина-жена». Но, увы, женщина «в чистом виде» не получается. Система воспитания дает себя знать – возникает существо с какими-то двойственными началами: «полуженщина – полумужчина».

Личность эта, как правило, очень сильная. И с точки зрения психологии для удачного брака ей нужен тип «мужчины-тряпки» – человека, который во всем бы ей уступал, во всем соглашался и не принимал самостоятельных решений. Однако – вот печальный парадокс – с таким партнером ей неинтересно, плохо, тяжко! Оно и понятно: ведь все-таки она женщина, ей хочется быть слабее мужчины, хочется покровительства, совета (даже если она в этом и не признается, считая слабостью!)

...Кое-кто из работающих женщин стал забывать, что равенство с мужчиной – не тождество.

Лисовский В. Т., 1986, с. 80–82.

В настоящее время многие из этих представлений потеряли свою силу, т. е. стали *предрассудками*,[1] однако сам по себе вопрос о предназначении мужчин и женщин не потерял своей остроты. Так, до сих пор дискутируется вопрос о том, может ли женщина выполнять роль эффективного лидера в семье и на производстве (обзор зарубежных исследований этого вопроса можно найти в работе Т. В. Бендас, 2000). Мешают объективному решению этого вопроса существующие в обществе гендерные стереотипы. Н. Портер с соавторами (Porter N. et al., 1983) давали испытуемым фотографии «группы выпускников университета, работающих над исследовательским проектом» (см. фото).

Далее им предлагалось высказать свое мнение по поводу того, кто из изображенных на фотографии внес наибольший интеллектуальный вклад в данный проект. Когда группа на фотографии состояла из одних мужчин, испытуемые преимущественно выбирали того из них, кто сидел во главе стола. Когда группа была разнополой, тоже преимущественно выбирали мужчину, занимавшего эту позицию. Но если во главе стола сидела женщина, то ее игнорировали. Каждый из мужчин на фото выбирался на роль лидера в 3 раза чаще, чем все три женщины, вместе взятые. Удивительно то, что это стереотипное представление о мужчине как о лидере было характерно и для феминисток.

[1] Предрассудок — неоправданно негативная оценка какой-либо группы или отдельных ее членов.

4.6. Так какой же пол «сильный»?

В обыденном сознании мужчины представляются «сильным» полом, а женщины — «слабым». Основано такое деление прежде всего на физических (антропмометрических и психомоторных) различиях между полами. Однако оно имеет много психологических и социальных следствий, в том числе установление иерархии во взаимоотношениях мужчин и женщин. Как пишет В. И. Курбатов (1993), «существует стереотип отношений сильного и слабого пола. Сила всегда прямолинейна. Она обычно избегает всяких ухищрений (как, впрочем, и правил). Однако, как и все, доведенное до своей противоположности, она превращается в свое отрицание: сила становится слабостью. А слабость, надо полагать, силой... Мужчины всегда кичились своей принадлежностью к сильному полу, возводя в культ мужество, рационализм, свою мужскую "железную" логику. Это, очевидно, мешало им снизойти до "женских" слабостей, понять их. И тогда игнорирование и незнание данных "слабостей" привели к тому, что как-то незаметно именно женские "слабости" стали самым слабым местом мужчины» (с. 10–11). Недаром еще индийский поэт VIII в. Бхатрикари в «Ста книгах о любви» писал:

«Вот он, стихотворцев произвол!
Женщины — неужто "слабый" пол,
Если мановением ресниц
Индру им дано повергнуть ниц?»

Однако и с биологических позиций мужчин нельзя отнести к сильному полу. Скорее наоборот, сильным следует назвать женский пол. Ведь лица мужского пола медленнее, чем женского, развиваются в раннем онтогенезе, у мужчин хуже развита иммунная система, обеспечивающая жизнестойкость организма, наконец, женщины живут значительно дольше, чем мужчины.

ГЛАВА 5

Социальный статус и права мужчин и женщин

5.1. Истоки представлений о неравенстве социального статуса и прав мужчин и женщин

Как считал Ф. Энгельс, смена матриархата патриархатом явилась всемирно-историческим поражением женского пола, в результате которого женщина стала рабыней мужских желаний, заняла подчиненное положение по отношению к мужчине.

Еще Аристотель писал, что мужчина по своей природе превосходит женщину, поэтому мужчина управляет, а женщина подчиняется. Он определял женщину как «бессильного мужчину» вследствие какого-то недостатка.

> **Жена да учится в безмолвии, со всякой покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление...**
>
> **Первое послание к Тимофею, 2, 11–14**

Взгляд на женщину как на неполноценное существо отражен в трудах и других древних философов. Сократ говорил: можно считать счастьем, что ты родился мужчиной, а не женщиной. Платон благодарил богов за то, что он родился мужчиной. А в утренней молитве мужчин-евреев есть такие слова: «Хвала тебе, о Боже, господь наш и владыка мира, что не родил ты меня женщиной».

Платон утверждал, что души трусливых и недостойных мужчин после их смерти переселяются в женщин. В Древней Греции женщину можно было купить за несколько голов рогатого скота. Гомер, например, заплатил за жену четыре рабочих вола. Он же говорил, что нет ничего пагубнее женщин.

Подчиненное положение женщины закреплено в религиозных учениях. В индийских «Законах Ману» говорится, что в детстве женщина должна подчиняться отцу, в юности – мужу, после смерти мужа – сыновьям и что женщина никогда

не должна быть свободна от подчинения. В Коране написано, что мужья стоят над женами за то, что Аллах дал первым преимущество над вторыми. В Библии можно прочитать: «Да убоится жена мужа своего», «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу».

И нашел я, что горше смерти – женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый перед богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею.

Екклесиаст, 7, 26

Если бы Бог назначил женщине быть госпожой мужчины, он сотворил бы ее из головы, если бы рабою, то сотворил бы из ноги; но так как он назначил ей быть подругой и равной мужчине, то сотворил ее из ребра.

Св. Августин

В христианском учении женщина — это источник зла, корень всех грехов, «ворота, через которые входит дьявол»; ведь именно из-за Евы началось грехопадение человечества в лице Адама. Неслучайно именно женщины составили основной контингент жертв инквизиции. Римский поэт Ювенал в своей сатире говорил, что нет тяжбы, в которой причиной ссоры не являлась бы женщина. Всем известно выражение *cherches la femme* — ищите женщину. Так, по слухам, говаривал в XVIII в. поручик парижской сыскной полиции Габриель де Сартин в тех случаях, когда не удавалось найти мотив того или иного преступления. С тех пор этот принцип неоднократно декларировался в литературных произведениях: у Александра Дюма-отца в романе «Могикане Парижа», где женщины обличались как виновницы всех несчастий, у И. Тургенева в романе «Рудин», где Пигасов при рассказах о катастрофах и бедствиях спрашивал: «А как ее зовут?», подразумевая женщину, по вине которой случилась беда.

Издревле ведьмой называли женщину, живущую в отдалении от людей – в лесу или в пещере. ...Во все времена ведьм обвиняли в одних и тех же злодеяниях. В том, что они способны навести порчу на людей, дом, животных, растения (причем первые подозрения в подобных поступках пали на женщину еще во II в. н. э.).

Вряд ли можно сказать, когда прошел первый процесс над ведьмами. По всей видимости, они имели место наряду с обычными судебными разбирательствами, но массовое распространение приняли в Средние века. Начало всему положила инквизиция, которая создала атмосферу всеобщей подозрительности и заразила манией преследования многих священнослужителей. С середины XV в. и по вторую половину XVIII в. церковь насаждала и укореняла среди верующих отношение к женщине как к источнику всякого зла, поощряла доносительство и недоверие друг к другу.

Самое известное руководство по истреблению ведьм – «Молот ведьм» – создано инквизиторами Шпренгером и Инститорисом в 1487 г. Ужас санкционированного властями садизма

понимали многие. Волосы на голове шевелятся, когда думаешь, сколько невинных женщин и детей было изощренно замучено этими борцами за веру...

Под подозрение попадали почти все женщины. И те, кто выглядели слишком безобразными, и те, кто блистали необычайной красотой, и те, кто отличались острым умом. Нельзя было никак и ничем выделяться из толпы, хотя это еще ничего не гарантировало: все, о чем говорила женщина под пытками, как правило, толковалось против нее.

Чтобы попасть в руки инквизиторов, женщине нужно было всего ничего: чтобы кто-нибудь назвал ее ведьмой и заявил, что ее образ является ему и мучает его.

На Руси колдуньи также подвергались преследованиям. В 1415 г. новгородцы сожгли двенадцать «вещих женок». В 1497 г. Иоанн III приказал утопить баб, приходивших с зельем к великой княгине Софии.

Источник: Дегтярева В. Ваш тайный советник. 2001. № 3.

Ж. Ж. Руссо, признававший равные способности мужчин и женщин, все же был сторонником традиционной мужской власти, считая, что жена должна быть кроткой, подчиняться мужчине и приучаться выносить от него все, даже несправедливость. Естественным предназначением женщины он считал нравиться мужчине.

Неудивительно, что когда Французская революция, ставившая своей задачей уничтожение всякого неравенства, провозгласила Декларацию прав человека и гражданина, в ней не нашлось места женщинам. Поэтому в 1789 г. Олимпия де Гуж разработала Декларацию прав женщины и гражданки, требуя распространить права человека и политические права и на женщин.

Все женщины большие мастерицы преувеличивать свои слабости, они проявляют здесь завидную изобретательность, дабы предстать этакой хрупкой драгоценностью, которой самая мельчайшая соринка причиняет невыносимую боль: самое их существование должно вызывать у мужчин сознание собственной неотесанности и чувство некоей вины.

Ф. Ницше

Сколь глубоко уязвляют нас те, кто заставляет нас превращаться лишь в ласковых комнатных собачонок! Как часто нам вкрадчиво внушают, что мы покоряем своей слабостью и царствуем благодаря покорности... Руссо утверждает, будто женщина никогда, ни на один миг не способна почувствовать себя независимой, что ею надо руководить, внушая страх, тогда лишь выявятся *естественные* ее прелести, она превратится в кокетку-рабыню, тем самым становясь все более соблазнительной, все более желанной подругой для мужчины, вздумавшего отвлечься от своих дел. Руссо приводит доводы, якобы почерпнутые из естественного мира... и проводит мысль, что в воспитании женщины самое главное – развить в ней покорность, и свойство это следует внушать со всей строгостью.

Источник: Мэри Уолстонкрафт, 1792 г. (Феминизм: проза, мемуары, письма, эссе. М., 1992, с. 27–28).

Так как писать умели в основном мужчины, все несчастья на свете были ими приписаны женщинам.

С. Джонсон, английский писатель

А. Шопенгауэр, Ф. Ницше утверждали, что природа одарила женщину лишь притворством, лживостью, склонностью к изменам, неблагодарностью. «Женщина по своей натуре обречена на повиновение, ей нужен господин», — писал А. Шопенгауэр. Ему вторил Ф. Ницше: «Мужчины должны смотреть на женщину как на предмет обладания, как на собственность, которую следует забирать» (1907, с. 74). И. Кант объявил женщину недееспособной в гражданском отношении, поэтому супруг является ее естественным опекуном. Даже на границе XIX–XX вв. были ученые, которые считали, что женщина находится на низшей ступени эволюционной лестницы. В 1903 г. австрийский ученый О. Вейнингер в своей наделавшей много шума книге писал: «Женщина не хочет быть субъектом, она всегда пассивна, жаждет проявления воли, направленной на нее. Женщина доходит до своего существования, когда благодаря мужчине или ребенку она превращается в объект и этим приобретает свое существование... Женщина s ничто, поэтому из нее можно сделать все, что угодно, в то время как мужчина достигает только того, к чему сам стремится» (1991, с. 187).

Женщина — это человеческое существо, которое одевается, болтает и раздевается.
Вольтер

Даже в мечтах о любимой женщине мужчина выражал свои чувства не иначе как через обладание, владение ею. Например, в стихотворении Р. Бернса есть такие слова: «С каким бы счастьем я *владел* тобой одной». Подчиненное положение женщин отражено и в обычае при замужестве брать фамилию мужа и передавать ее своим детям. А вот в мрачном средневековье женщина могла передавать свое имя детям.

Взгляд на женщин как на существа подчиненные, ущербные проглядывает во многих работах даже первой половины XX в. К. Юнг (цит по: Е. Самуэлс, 1975) писал, что женщина всегда стоит там, где падает тень мужчины, поэтому ему очень легко их перепутать. Его удивляло и озадачивало то, что женщины думают, а не чувствуют, работают, а не сидят дома с детьми, носят брюки, а не юбки. Он заявлял, что интровертные чувства в основном свойственны женщинам, и объяснял этим поговорку «В тихом омуте черти водятся». Описывая женщину, захваченную анимусом, как слишком уверенную, склонную к спорам, приверженную фактам, К. Юнг называет ее «плохим созданием мужчины».

Е. Хардинг (Harding E., 1933) говорит, что женщина может работать, только обладая в большей степени мужскими чертами, и что даже это не должно слишком сильно мешать выполнению роли жены и матери, которая соответствует ее женским и биологическим потребностям. Единственное исключение Хардинг делает для работающей женщины, когда она должна оплатить учебу мужа.

О. Вейнингер (1997) о женщинах, которые изменили свою социальную роль или стремятся к этому, говорит как о недоразумении. «Хотят эмансипироваться, — пишет он, женщины, в которых много мужских признаков, в том числе и анатомических. Таким образом, эмансипироваться хочет не женщина, а мужчина, заключенный в ней». Ф. Каприо (1995) пишет, что женщины — существа второго сорта, а независимая женщина — такое же извращение, как и однополая любовь.[1]

[1] В связи с этим нельзя не упомянуть довольно интересную книгу Л. Я. Якобзона (1929), в которой в противовес всем этим пренебрежительным взглядам на женщин представлена позиция равноправия достоинств мужчин и женщин. Эта книга интересна и тем, что в ней дан анализ почти неизвестных сейчас работ по вопросам пола, изданных в конце XIX — начале XX в.

На Востоке нередко говорят: «Если родился мальчик, значит, родился один ребенок. Если у вас десять девочек, значит, у вас никто не родился». Многие женщины беременеют до тех пор, пока не появится сын. Например, в Бомбее есть медицинский центр, оснащенный аппаратурой, которая позволяет устанавливать пол плода до рождения; так, из 7000 абортов все, кроме одного, были вызваны перспективой рождения девочки.

«Уровень цивилизованности того или иного человеческого общества пропорционален степени независимости женщин в этом обществе», – писала в 1838 г. Флора Тристан (1803–1844), одна из первых французских феминисток и социалисток. Дочь перуанского аристократа и француженки, она вышла замуж за гравера Андре Шазаля. В 1848 г. родился ее внук – Поль Гоген.

... На пороге третьего тысячелетия идет коренная перестройка структуры власти. Господствующая в промышленно развитых странах Запада патриархальная система отношений обречена. Мы еще станем свидетелями нового «неравенства» полов, но на этот раз перевес окажется на стороне женщины.

Элизабет Бадинтер (Курьер ЮНЕСКО. 1986. Апрель).

5.2. Социально-бытовые права женщин и мужчин

Б. Фридан (1994) описала психологические проблемы «идеально женственных женщин»: ощущение подавленности, чувство, что ее эксплуатируют и контролируют, желание растворить свою индивидуальность в индивидуальности мужчины; ощущение потерянности в его отсутствие. Е. Маккоби и К. Джеклин (1974) отмечают, что никакой стереотип полоролевого поведения так не прочен, как стереотип, что женщины зависимы.

Лидирующее положение мужчин отчетливо видно во многих правилах поведения и общения мужчин и женщин, существовавших ранее и существующих теперь. В первой половине XIX в. хлопать в театре артистам можно было только мужчинам, для женщин это считалось неприличным. На танцах до сих пор кавалеры приглашают дам; для последних, чтобы уравнять шансы в предпочтении партнера, специально объявляют «белый танец». Предложение о заключении брака опять-таки исходит от мужчины. Именно поэтому в общественном мнении холостяк – это такой мужчина, который просто не желает связывать себя брачными узами, а незамужняя женщина – неудачница, в судьбе которой «что-то не состоялось».

В ряде мусульманских стран бесправное положение женщин закреплено в конституции. Муж в любую минуту только на основании собственного решения может развестись с женой, стоит ему три раза в присутствии свидетеля сказать жене «талак» («изгнана»), и она обязана покинуть его дом. Кстати, именно поэтому арабские женщины носят на себе такое количество украшений: после того как муж скажет жене три «талак», она не имеет права взять ни одной своей вещи из дома. Женщины не могут при приеме гостей находиться рядом с мужем. В Иране и Ираке жены до сегодняшнего дня не имеют права присутствовать на собственном

бракоразводном процессе даже в качестве свидетельницы. В Иране женщинам запрещено посещать футбольные матчи.

Да что говорить про ислам, когда даже в просвещенной Англии в начале XIX в. в некоторых библиотеках книги, написанные женщинами, хранились отдельно от книг авторов мужчин.

Читательницы вряд ли сделали для себя... какие-нибудь сенсационные открытия: они и так знают, что женский труд хуже оплачивается, на женских плечах лежит большая часть работы по дому и заботы о детях, и при этом женщины имеют более низкий статус по сравнению с мужчинами. Немного уязвленной может чувствовать себя мужская часть читателей. Ведь лично они не создавали ни неравенства в работе, ни социальных норм, поддерживающих различные роли для мужчин и женщин. Признать существование такого неравенства означает согласиться более справедливо делить обязанности в домашней сфере. Но кому хочется стирать, менять подгузники, стряпать, мыть пол и пылесосить, накрывать праздничный стол, а потом делать уборку? Кто захочет, чтобы тысячи новых людей со свежими силами влились в борьбу за рабочие места, власть и карьеру? Более того, из-за перемен в гендерных ролях мужчина теряет хорошего помощника, который раньше заботился о его питании, одежде, расписании, развлечениях и т. д. Для многих мужчин половая принадлежность – это источник очень важной части их идентичности, части, которая включает роль «добытчика» в семье и четко отделяет то, что относится к мужчинам, от того, что относится к женщинам. Из-за подобных мыслей многие мужчины сопротивляются переменам в гендерных ролях и рационализируют существование неравенства.

Берн Ш., с. 163–164.

Представители ультраортодоксального иудаизма (хасиды) имеют право развестись с женщинами, которые отказывают в сексе своим мужьям или пренебрегают исполнением работы по дому, не спрашивая согласия жены и лишая ее прав на детей. Известны случаи, когда женщин, одетых в платья с короткими рукавами, хасиды забрасывали камнями. В то же время у евреев национальность детей определяется не по отцу, как у других национальностей, а по матери.

В Саудовской Аравии женщинам не разрешается управлять автомобилем. В Судане им запрещается покидать пределы страны без разрешения мужа, отца или брата (Beyer, 1994).

С социально-психологических позиций все эти примеры однозначно указывают на ущемление прав женщин.

А вот несколько другой взгляд на те же вещи: «Равноправие женщины — это не просто равные с мужчинами права и предъявляемые требования, а и наиболее благоприятные условия для проявления и развития ее женской сущности» (Колесов Д. В. и Сильверова Н. Б., 1978, с. 29). Авторы полагают, что непонимание природы половых различий приводит к ущемлению прав именно женщины, поскольку фактически в этом случае ей предъявляют требования как к мужчине. И действительно, ведь недаром в Трудовом кодексе есть ограничения для физической нагрузки женщин, для работы на вредных производствах и т. д. И хотя женщины служат в милиции, в армии и выполняют вроде бы одинаковые обязанности с мужчинами, в действительности эта одинаковость только внешняя. На самом деле их участие во многих делах ограничивается из-за их более низких физичес-

ких возможностей (такие же ограничения имеют место в трудовом законодательстве и в отношении подростков мужского пола), а не потому, что они женщины.

Жесткие правила по отношению к женщинам в исламской культуре (ярым приверженцем которых был духовный правитель Ирана аятоллла Хомейни, в 1979 г. отменивший все законы, дающие женщине хоть какие-то права и приговоривший за несоблюдение жестких правил, касающихся ношения чадры и поведения, к смертной казни около 20 тысяч женщин; French M., 1992) не отражают искреннего уважения к ним мужчин и восхищения их женскими достоинствами, и в этом отношении людям, принадлежащим к европейской культуре, у мусульман стоит поучиться. Даже тот унизительный с точки зрения западной цивилизации факт, что женщина должна идти не рядом с мужем, а позади него, на самом деле означает не что иное, как заботу мужа о безопасности жены: муж должен первым встретить возможную опасность и защитить жену.

В Талмуде написано, что в период менструации женщина считается нечистой и к ней запрещено прикасаться, что на первый взгляд, унижает достоинство женщины. Но если отбросить этическую сторону этого запрета, то нельзя не увидеть его пользу — охрану женщин в этот период от сексуальных домогательств мужчин.

В Египте жена имеет право выгнать мужа из дома, если докажет, во-первых, что муж ее вынудил к замужеству и, во-вторых, что он импотент.

Да и в рыцарские времена мужчина скорее выполнял роль покровителя дам, а не властелина, а дамы вовсе не занимали позицию терпеливой мученицы, а были объектом поклонения. Так что социальное положение женщин по сравнению с мужчинами во многом определяется той культурой, в которой они находятся.

> Женщина необыкновенно склонна к рабству и вместе с тем склонна порабощать.
> Н. Бердяев, русский философ

Стереотипные представления о роли женщин в обществе приводят к бесправию в западной цивилизации и мужчин: при разводах в абсолютном большинстве случаев суд постановляет, чтобы ребенок жил с матерью, а не с отцом, хотя финансовое положение последних более прочное (Hetherington E., Camara K., 1984). Так, в США, по данным Н. Цилле (Zille, 1991), при разводе или раздельном проживании с супругом дети чаще живут с матерью, чем с отцом (соотношение 8:1). Это приводит к тому, что большинство детей разведенных родителей зачастую имеют лишь случайные контакты со своими отцами или вообще с ними не видятся, так как матери в отместку бывшим мужьям препятствуют свиданиям своих детей с отцами.

В то же время исследование отцов-одиночек показало, что они сохраняют тесные эмоциональные контакты с детьми, отдают много сил и средств заботе о них, очень переживают, если им не удается удовлетворить запросы своих детей или проводить с ними достаточно времени (Pichitino J., 1983).

Хотя современная наука считает бессмысленным спор о том, какой пол является выше по статусу, некоторые авторы до сих пор пытаются дать научное обоснование феодальным отношениям к женщине в ряде стран и среди некоторых народов. Так, К. Гуичи (Huici C., 1984) считает, что мужчины и женщины могут быть

рассмотрены в целом как социальные группы с различным социальным статусом: выше у мужчин, чем у женщин. Отсюда и все вытекающие из этого последствия, ведь высокостатусные группы чаще всего оцениваются как более компетентные и успешные, а низкостатусные — как гуманные, добросердечные и т. п. По мнению ученого, все позитивные черты женского стереотипа (теплота, эмоциональная поддержка, уступчивость и т. п.) являются лишь типичной компенсацией за отсутствие достижений в «силовой позиции». Обнаруженные же в ряде исследований данные о том, что женщины разделяют с мужчинами тенденцию переоценивать мужские достижения и достоинства и недооценивать свои собственные, К. Гуичи тоже объясняет различиями мужчин и женщин в социальном статусе: женщины как бы перенимают точку зрения высокостатусной группы, т. е. мужчин. У женщин как представительниц низкостатусной группы меньше развито по сравнению с мужчинами сознание идентификации со своей группой, чем и объясняются многие содержательные и структурные характеристики полоролевых стереотипов, в том числе меньшая согласованность представлений женщин о самих себе, менее высокая самооценка и т. д.

В настоящее время большая занятость женщин в профессиональной деятельности (в СССР в 1970-х гг. 92% женщин работали вне дома) создает впечатление о равенстве женщин и мужчин в современном обществе. Однако при этом не изменились семейные роли тех и других. Так, М. Ю. Арутюнян (1987) выявлено, что 90% замужних женщин работали вне дома, но только 29% мужчин разделяли с женами женские домашние обязанности (интересно было бы узнать, какой процент женщин помогает мужьям выполнять мужские домашние обязанности, особенно при проживании в сельской местности. Или их не существует?) И. С. Клецина (1998), отражая распространенное мнение, замечает, что женам дано право на равное с мужьями участие в общественном труде наряду с исключительным «правом» на домашний труд. «Двойная занятость», «двойной рабочий день» остается одной из основных проблем семейных женщин.[1]

5.3. Возможности получения образования

В Европе и Америке мальчики и девочки имеют практически одинаковые возможности для получения полноценного школьного образования. Однако в большинстве стран Африки, Ближнего Востока и Южной Азии мальчиков в школе больше, чем девочек. Объясняется это и низким уровнем жизни, и тем, что в этих странах брак в подростковом возрасте, особенно девочек, скорее норма, чем исключение. В ряде стран (Нигерия, Чад, Пакистан) дискриминация девочек в сфере образования выражена очень отчетливо: менее половины из них переходят в пятый класс и только 12% учатся в средней школе. Среди взрослых женщин обладают элементарными навыками чтения, письма и счета лишь половина (UNICEF, 1995). Талибы в Афганистане запретили учиться в школе девочкам старше 12 лет. Даже в такой развитой стране, как Япония, мужчин, получивших высшее образование, по

[1] Подробное рассмотрение данного вопроса дано в монографии: *Клецина И. С.* Психология гендерных отношений. СПб., 2004.

данным на 1991 г., было в 3 раза больше, чем женщин. Однако в России наблюдается другая картина: женщин с высшим и средним специальным образованием в процентном отношении больше, чем мужчин.

Среди детей во всем мире, не учившихся в школе, две трети составляют девочки. Количество неграмотных женщин в мире превышает количество неграмотных мужчин на 70%. Это не значит, конечно, что дискриминация женщин при получении элементарного образования имеет тотальный характер. Очевидно, это относится в основном к слаборазвитым странам.

5.4. Возможности в профессиональной деятельности

Женщины все больше осваивают «мужские» профессии — в науке, культуре, здравоохранении, юриспруденции, журналистике и др. Практические целый ряд отраслей стал феминизированным. Однако лучшие должности на работе в странах Запада (да подчас и в нашей стране) чаще всего достаются мужчинам, а не женщинам, даже если последние имеют такую же квалификацию (Bielby, Baron, 1986). На Западе дискриминация женщин имеет место и тогда, когда устанавливается заработная плата: за одинаковый труд у них она меньше — в США, например, на 30–40%, Великобритании — на 49%, в Германии — на 38%, во Франции — на 28% (Ferber et al., 1986; Council of Economic Advisers, 1990). Поразительно, но даже в такой «женской» профессии, как педагогика, учителя-женщины получают в США 89% зарплаты учителей-мужчин. Некоторые исследования показывают, что на Западе женщины получают более низкую стартовую зарплату, даже если ведут настойчивые переговоры с работодателем, а с увеличением стажа получают меньшую прибавку к жалованью. Такие случаи в 75% остаются необъясненными (Rytina, 1983). Предполагается несколько причин такого положения на Западе.

1. Возможно, что на разную оплату труда влияет тот фактор, что женщины часто прерывают свою трудовую деятельность на какое-то время, чтобы заняться воспитанием малолетних детей. Поэтому они меньше сил и энергии уделяют профессиональной деятельности. Однако имеются данные, что на оплачиваемой работе женщины трудятся более усердно, чем мужчины (Bielby W., Bielby D., 1988). То же обнаружено и в лабораторном эксперименте (Major B. et al., 1984): за одни и те же деньги женщины сделали большую работу, потратили на нее больше времени.
2. В ряде случаев срабатывает предвзятость работодателей, склонных рассматривать работу, выполненную женщинами, как менее ценную, особенно если отсутствуют объективные критерии и женщина выполняет работу, традиционно считающуюся привилегией мужчин (Nieva V., Gutek B., 1980; Martinko M., Gardner J., 1983).
3. Считается также, что женщины не испытывают необходимости или не ожидают получать то же жалованье, что и мужчины, даже если они соглашаются занять высокую должность. Действительно, Ш. Берн (2001) ссылается на ряд исследований западных ученых, в которых показано, что женщины ожидают и запрашивают меньшую оплату труда, так как не только свой

труд, но и вообще женский труд оценивают более низко, чем труд мужчин. Возможно, это связано с несколькими причинами: меньшей оценкой своих способностей, сравнением своей зарплаты не с таковой мужчин, а с зарплатой женщин, которым платят меньше (Crocker J., Major B., 1989). Имеются данные, что высокая оплата, ассоциируемая традиционно с родом деятельности мужчин, является недостаточным стимулом для большинства молодых женщин, чтобы следовать по нетрадиционному пути в выборе карьеры. Даже очень одаренные студентки отмечают карьерные предпочтения, в которых оплата труда меньше, чем в тех сферах деятельности, к которым стремятся их сверстники-мужчины (Kelly, Cobb, 1991; Mendez, Crawford, 2002). Однако это не всегда так. Многие женщины хотят получать равную с мужчинами заработную плату, особенно когда узнают, что другим платят больше (Rynes, Rosen, 1983; Zanna et al., 1987).

Таким образом, удовлетворенность или неудовлетворенность женщин своей заработной платой зависит от того, сравнивают ли они ее с тем, что имеется у других женщин, или с заработной платой мужчин, выполняющих ту же деятельность.

В нашей стране, если судить по некоторым данным, женщины тоже получают меньше мужчин (табл. 5.1).

Казалось бы, данные этой таблицы убедительно свидетельствуют о дискриминации женщин во всех сферах деятельности; в действительности же они могут говорить только о том, что женщины чаще, чем мужчины, выполняют низкооплачиваемую работу (почему — это отдельный вопрос, рассматриваемый в главе 20). В отношении оплаты мужчин и женщин, выполняющих одинаковую работу, в таблице никаких данных не приводится. Кроме того, если брать заработную плату в рублях, то женщины в сфере финансов получали бо́льшую заработную плату, чем мужчины, работающие в черной металлургии, машиностроении, строительстве, транспорте, связи и т. д., а заработную плату мужчин, работающих в легкой промышленности, превосходили в три раза (соответственно 1986 и 640 рублей). То же можно сказать о женщинах, работающих в топливной промышленности, электроэнергетике, управлении. В восьми отраслях народного хозяйства заработная плата женщин была выше средней (по всем отраслям) заработной платы мужчин. Так что дело не в дискриминации женщин, а в должностных окладах.

Характерно, что чем больше у женщин возможностей осваивать «мужские» профессии, тем большее их число ощущают неравенство в своем социальном положении. Это было выявлено в опросах, проведенных Организацией Гэллана в разные годы, при полученных ответах на вопрос: «Учитывая все обстоятельства, кому в этой стране живется лучше — мужчинам или женщинам?» (табл. 5.2).

Женщины много чаще мужчин сталкиваются с безработицей и дискриминацией на рынке труда (Г. В. Турецкая, 1998; Б. Фридан, 1993).

Ущемление прав женщин видят и в том, что женщины чаще всего занимаются не только низко оплачиваемыми, но и непрестижными видами труда. Однако с этим вряд ли можно полностью согласиться. Во-первых, мужчины тоже выполняют многие виды работ, не пользующихся популярностью в обществе и низко оплачиваемых: мусорщики, ассенизаторы, чернорабочие и т. д. Во-вторых, к этим так называемым непрестижным профессиям у многих женщин имеется

Таблица 5.1. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата женщин и мужчин по отраслям экономики, 1998 г. (Зуйкова, Ерусланова, 2001)

Отрасли экономики	Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин (процент)
По экономике в целом	70
Промышленность	69
Электроэнергетика	80
Топливная промышленность	72
Черная металлургия	69
Цветная металлургия	65
Машиностроение и металлообработка	73
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	89
Промышленность строительных материалов	78
Легкая промышленность	82
Пищевая промышленность	84
Строительство	79
Транспорт	77
Связь	70
Оптовая и розничная торговля. Общественное питание	73
Информационно-вычислительное обслуживание	70
Геология и разведка недр, геодезическая и гидрометеорологическая служба	59
Жилищно-коммунальное хозяйство, непроизводственные виды бытового обслуживания населения	78
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	79
Образование	83
Культура и искусство	81
Наука и научное обслуживание	74
Финансы, кредит, страхование	77
Управление	84

Таблица 5.2. Кому живется лучше – мужчинам или женщинам (данные опроса, процент)

Ответы	1975 г.	1989 г.
Мужчинам	32	49
Женщинам	28	22
Одинаково	31	21
Нет мнения	9	8

склонность, предпочтение. Например, в исследованиях А. Трекслера с соавторами (Traxler A., McCall W., 1941; Traxler A., Spaulding G., 1954) профессиональных предпочтений было выявлено, что мужчины устойчиво отдают предпочтение технической, вычислительной и научной работе, а женщины проявляют больший интерес к литературной (вспомним библиотекарей), музыкальной (вспомним, кого больше среди учителей музыки), художественной, социальной и канцелярской работе (подробно о профессиональных предпочтениях лиц мужского и женского пола речь пойдет в главе 11).

И все же надо признать, что в отношении труда дискриминация женщин существует, в том числе и в России. По данным Госкомстата РФ, в 1993 г. среди безработных женщин 30,7% были уволены в связи с высвобождением, среди мужчин — только 20,2%. В то же время уволились по собственному желанию только 32,2% женщин и 43,4% мужчин. Это объясняется тем, что шансов найти новую работу у женщин меньше, чем у мужчин. Поэтому они остаются работать даже там, где уровень заработной платы низок. Отсюда: уровень текучести женских кадров на треть ниже соответствующего показателя для мужчин.

О «вымывании» женщин с позиций высококвалифицированного и творческого труда свидетельствует то, что среди безработных специалистов женщин было больше – 30,3%, чем мужчин, – 12,2%, в то время как женщин рабочих было меньше — 50,6%, а мужчин рабочих больше — 71,6%.[1]

5.5. Политические права женщин

Вплоть до начала XX в. женщины были лишены избирательных прав. Первыми странами, которые дали такие права женщинам, были Норвегия и Финляндия (1907). Затем их примеру последовали Дания (1915), Швеция и Канада (1918), США (1920) и т. д. Однако в Испании женщины были наделены избирательным правом лишь в 1977 г.[2] В ряде мусульманских стран женщины лишены избирательных прав до сих пор.

Раньше всех (после Октябрьской революции) закон о равенстве прав мужчин и женщин был принят в России, а в странах Запада – лишь в 1970–1980-х гг. Это позволило женщинам не только избирать, но и быть избранными в различные органы власти. В 1990-х гг. доля женщин среди членов законодательных собраний в Скандинавских странах, а также в Дании и Нидерландах составляла 30–40%. В то же время в таких странах, как Россия, Великобритания, Греция, Япония и др. женщины в парламентах составляли не больше 10%. В среднем во всех парламентах мира женщины составляют только 11% от общего числа их членов (Еськов Г. С., 1993).

В ряде стран Европы установлены квоты женского представительства в руководстве партиями, социальными движениями, парламентами, которые не превышают 30%.

---

[1] Основные показатели по статистике труда. М.: Госкомстат РФ, 1995. С. 143, 205.

[2] Деловая женщина. 1992. № 7–8.

Несмотря на то что в XX в. произошел существенный сдвиг в умонастроениях относительно политической деятельности женщин (например, в США в середине 1930-х гг. были готовы проголосовать за женщину-президента около 33% американцев, а в 1990-х гг. — около 85%) и вторая половина XX в. охарактеризовалась прорывом женщин в высшие эшелоны власти (в Дании, Нидерландах, Норвегии треть министров — женщины, а в Швеции — даже половина; президентами и премьер-министрами становились Карасон Акино в Индонезии, Бенадир Бхуто — в Пакистане, Индира Ганди — в Индии, Маргарет Тэтчер — в Великобритании и т. д.), большинство политиков — мужчины. Это отражает существующий до сих пор гендерный стереотип, что политика — чисто мужское занятие (Mayer, Schmidt, 2004). В конце 1990 г. среди глав государств было 96% мужчин, а среди мирового корпуса министров — 97% (Майерс Д., 2000). Особенное недовольство участия женщин в политике наблюдается в мусульманском мире. К примеру, когда Беназир Бхуто стала премьер-министром, главнокомандующий вооруженными силами не отдавал ей воинское приветствие на том основании, что отдавать честь женщине противоречит исламу. В исламских странах осуждают мужей, позволяющих своим женам заниматься политикой. Немаловажную роль играет здесь мнение, что политика и материнская роль женщины несовместимы. Так, Б. Бхуто успела за время премьерства родить троих детей, и поэтому ее называли «вечно беременным премьером». В результате последнюю беременность она вообще скрыла от общественности.

Многие молодые женщины считают, что их устремленности в политику в будущем будет препятствовать их замужество и наличие детей. Характерно, что больше стараются заниматься политикой те молодые женщины, которые знают о существовании гендерного неравенства, чем те женщины, которые не знают об этом (Bernstein, 2005). Интересно, что в США наблюдается бóльший интерес к политике среди девочек, чем среди мальчиков (Alozie et al, 2003). Несмотря ни на что, существенные различия между уровнем участия мужчин и женщин в политике остаются; политика до сих пор рассматривается как мужское занятие (Mayer, Shmidt, 2004).

Поскольку женщины представляют в политике «социальное меньшинство», это, как считают некоторые женщины-социологи, грозит обществу большими неприятностями, поскольку «чисто мужская политика обречена на провал» (Зуйкова Е. М., Ерусланова Р. И., 1999, с. 92).

Жизнь показывает, что мужская модель руководства страной себя исчерпала. Новое тысячелетие — эра женщин.

Зуйкова Е. М, Ерусланова Р. И., 2001, с. 183.

Однако как тут не вспомнить А. К. Толстого, который писал:

«Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,

А более цариц.
Бирон царил при Анне;
Он сущий был жандарм,
Сидели мы как в ванне
При нем, das Gott erbarm!
Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.
Какая ж тут причина
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла».[1]

А уж сколько женщин-террористок было в России в конце XIX – начале XX в., это известно каждому школьнику. Только у одного Б. Савинкова в его «Воспоминаниях» упомянуты имена более 30 женщин, отличавшихся не меньшим, а подчас и большим фанатизмом, чем мужчины.

И именно при М. Тэтчер англичане воевали с Аргентиной. Не удалось ей погасить вражду и между католиками и протестантами в Северной Ирландии, несмотря на то что ее называли «железной леди». Поэтому ничего, кроме улыбки, не может вызвать название книги: «Женщины в управлении – безопасность в стране и мире» (М., 1999). Политика и управление страной – дело гораздо более серьезное, чем это представляется некоторым женщинам-феминисткам.

Конечно, участие женщин в политике – это веление времени. По мнению М. Дедерикс, женщины больше заботятся о социальных проблемах и более активно подталкивают правительства к решению этих проблем. Кроме того, они менее уверены в завтрашнем дне и более осмотрительны, нежели мужчины, поэтому стремятся больше финансов направлять в детские учреждения, медицину, пенсионное обеспечение. Мировой опыт парламентаризма показал, что если в законодательном органе 10% мест занимают женщины, то это облегчает принятие законов в защиту детей, а 20–30% женщин-депутатов обеспечивают более легкую реализацию программ, отражающих интересы женского населения.

В Советском Союзе была установлена квота для участия женщин в органах власти. Поэтому в начале 1980-х гг. в Верховном Совете депутатов трудящихся СССР их было 32,8%, в таком же совете РСФСР – 35%, в союзных республиках – 36,2%, в автономных республиках – 40,3%.[2] Но они, впрочем, как и депутаты-мужчины, не оказывали никакого влияния на принятие тех и иных решений, так как голосование проходило как единогласное «одобрямс».

Положение существенно изменилось при выборах без квоты. В 1990 г. женщин – депутатов Верховного Совета РФ было всего 3%, Верховного Совета СССР – 8,9% от общего количества депутатов. В Государственную Думу России в 1993 г. избра-

[1] *Толстой А. К.* История государства Российского от Гостомысла до Тимашева. Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1969. Т. 1. С. 381–382.

[2] Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 10.

ли 13,6% женщин, в 1995 г. их стало 9,6%, а в 1999 г. женщин было выбрано еще меньше — 7% (тогда как женского населения в стране 52%, т. е. большинство, хотя и небольшое). Среди самих женщин существует убеждение, что политика — не женское дело. Однако, несмотря на давление социальных стереотипов, некоторые женщины выбирают политику в качестве своей профессиональной деятельности, но 70% из них не вполне уверены в своих силах.

Распространенность в России патриархатного восприятия женщины как домохозяйки подтверждается также исследованием Фонда общественного мнения, по данным которого 65% мужчин и 35% женщин ни при каких обстоятельствах не будут поддерживать женщин, выдвигающихся в органы государственной власти (Овчинникова Е. Г., 2000, с. 151).

Цит по: Дынин П. И., 2003, с. 313.

Сами женщины относятся к своему выбору двояко: на сознательном уровне — положительно, на подсознательном — испытывают чувство вины, чувство неполноценности из-за несоответствия принятым в патриархальной культуре типам женской социализации. Так что дело, скорее всего, в менталитете женщин, а не мужчин. Е. М. Зуйкова и Р. И. Ерусланова (2001) считают, что «субъективной причиной отчуждения женщин от политики является низкая активность самих женщин в силу консервативности существующих взглядов, весьма активно поддерживаемых средствами массовой информации. Следует отметить и низкую конкурентоспособность женщин в политической сфере, особенно в период избирательных кампаний. Мужчины, находящиеся у власти, не содействуют продвижению женщин к власти» (с. 105). Авторы высказываются за новое введение избирательных квот для женщин. Но как же тогда быть со свободным волеизъявлением народа? Разве это не будет нарушением демократии, за которое так ратуют феминистки? И что должны делать партии? Ради квоты искусственно тянуть в свои ряды и в депутаты женщин?

Доля женщин в федеральных и региональных органах власти и управления остается крайне низкой, а порой даже снижается. Сегодня Россия находится на 74-м месте в мире по представительству женщин на уровне принятия решений. В Государственной Думе их всего 7,7%, в Совете Федерации из 178 сенаторов только семь женщин. Среди депутатов законодательных собраний регионов в целом по стране около 9% женщин.

Получается, что политические решения как на федеральном, так и на региональном уровне принимают практически одни мужчины. Не в этом ли заключается одна из причин пробуксовок и негативных последствий проводимых реформ?

А ведь у наших соседей в Северной Европе ситуация совершенно иная. Так, в 2003 г. Финляндия стала первым европейским государством, в котором оба высших поста в государстве занимали дамы: президент Тарья Халонен и глава кабинета министров Аннели Яаттеенмяки. В какой-то степени это, видимо, исторически закономерно, потому что именно здесь женщины еще в 1906 г. впервые в Европе были узаконены в правах с мужчинами. Примечательно, что в ту пору Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи и без одобрения

Санкт-Петербурга не принималось ни одно важное политическое решение, так что можно сказать, что русский царь, монарх традиционный и консервативный, как ни странно, стоял у истоков европейского равноправия. Женщины уже давно активно участвуют в политической жизни этой страны. Сейчас в финском парламенте они составляют 37%, 8 из 18 членов правительства Финляндии – женщины.

Сегодня положение женщин в этой стране оценивается всеми как весьма благоприятное. В 1987 г. был принят Акт о равноправии, запрещающий дискриминацию по половой принадлежности в целом и в профессиональной сфере в особенности. Властям и работодателям предписано добиваться равноправия во всех сферах. Согласно поправкам к Акту, принятым в 1995 г., не менее 40% служащих в муниципальных органах власти и правительственных комиссиях должны составлять женщины. На государственном уровне созданы и совершенствуются все условия для реального равноправия.

Может показаться интересным тот факт, что в ежегодном докладе Всемирного экономического форума в 2003 г. Финляндия признана страной с наиболее конкурентной экономикой. В первой десятке названы еще две северные страны – Швеция и Дания, занявшие соответственно 3-е и 4-е места. Россия в этой классификации находится на 70-й позиции. Примечательно, что представительство женщин в парламентах скандинавских стран самое высокое в мире: в Швеции – 42,7%, в Дании – 37,4%, в Норвегии – 36,4%, в Исландии – 34,9%.

Матвеева Г. С., 2004, с. 4–5.

5.6. Движение женщин за свои права. Феминизм

Организованная борьба женщин за равноправное положение с мужчинами началась в Англии во второй половине XIX в. Это буржуазное женское движение получило название *суфражизм* (от англ. *suffrage* — право голоса), а женщины, входившие в это движение, назывались суфражистками. Свое подчиненное положение они объясняли «мужским эгоизмом». Вскоре в ряде стран возникли различные феминистские организации, справедливо борющиеся за эмансипацию и равные политические и экономические права с мужчинами.

Однако феминистское движение не однородно. Есть феминистки — «сторонницы различий», которые подчеркивают желательность различных женских качеств (интуиции, эмоциональности, отсутствия эгоцентризма) и превращают их даже в источник гордости представительниц своего пола. Они считают, что женщины по своей природе превосходят мужчин; женская способность давать жизнь означает, с их точки зрения, что они олицетворяют «женские добродетели» трудолюбия, заботы и сотрудничества.

Когда женщины говорят о мужчинах как об «иных существах», приводя при этом аргументы типа «женщина никогда бы так не поступила» или «все мужчины такие бесчувственные», они нередко испытывают удовольствие просто от мысли о своей схожести с другими представительницами своего пола и об отличии от представителей противоположной гендерной группы.

Берн Ш., 2001, с. 226.

Рис. 5.1. «Девушки будущего». Из журнала «Life», 1895 г.

Но есть феминистки — «сторонницы сходства», которые минимизируют гендерные различия и обращают внимание на сходство представителей разных полов. Некоторые из феминистски настроенных женщин-ученых даже полагают, что если женщины занимаются только «женскими» делами, то они сами не хотят стать людьми. Их лозунг — стать людьми, а не женщинами! Подробный разбор различных феминистских течений дан в книге В. Брайсон (2001).

Нельзя не отметить наступательную, порой агрессивную позицию феминисток, усиленно навязывающих свое мнение большинству женщин и предрекающих гибель цивилизации, если они не будут услышаны. Особенно это относится к американским феминисткам. Например, К. Миллет (1994) в 1970-х гг. писала, что за угнетение женщин ответственны не несправедливые законы или экономические системы, а мужчины, что мужчины как класс имеют интересы, противоположные интересам женщин, и, следовательно, борьба должна вестись против власти мужчин. Радикальные феминистки считают, что всех мужчин нужно рассматривать как «врагов». Другие феминистки отвергают эту позицию, но считают, что мужчины как группа угнетают женщин во всех сферах жизни и что понимание этого факта должно быть центральным для любой феминистской политики. Некоторые феминистки в своих публикациях «доказывали, что женщины по своей природе превосходят мужчин, и сегодня существует сильная ветвь внутри радикального феминизма, представительницы которой настаивают... что мужчины по своей природе конкуретны, агрессивны и являются сексуальными хищниками, тогда как женская способность давать жизнь означает, что они олицетворяют "женские добродетели" миролюбия, заботы и сотрудничества» (Брайсон В., 2001, с. 11).

В России феминистское движение не имеет такого размаха. По данным петербургских социологов, феминистские установки разделяют только 20% женщин. Большинство женщин все же считают, что главным природным предназначением женщин является материнство, любовь, семья, а мужчина — это добытчик, и его главным делом в жизни должна быть работа.

Что такое феминизм? Чтобы ответить на этот вопрос, лучше всего сначала выяснить, какие вещи не имеют ничего общего с феминизмом. Например, политика, основанная на ненависти к мужчинам, – это не феминизм. Феминизм – это движение, объединяющее мужчин и женщин, которые совместно борются за равноправие полов (McCormick, 1994). Конечно, среди участников этого движения есть мужененавистники, и хотя их немного, они производят много шума.

Феминизм – это не то же самое, что лесбийская любовь. Многие лесбиянки являются феминистками, но среди феминистов также много гетеросексуальных женщин и мужчин и геев (McCormick, 1994). За исключением нескольких экстремистов, которые заявляют, что гетеросексуальные женщины «спят с врагами», большинство феминистов придерживаются умеренных политических убеждений и имеют широкие взгляды на сексуальную ориентацию и многообразие сексуальных вкусов. Верно также и то, что многие лесбиянки не являются феминистками.

Маккормик Н. Б., 2001, с. 181.

Наибольшую критику со стороны феминистов вызывают экспериментальные исследования. Против этого метода обычно приводят два главных аргумента. Во-первых, здесь осуществляется дискриминация женщин, поскольку этот метод создавался мужчинами и использовался для изучения мужчин; феминистские методологи считают «ригидный контроль» и «манипулирование переменными», без чего немыслим экспериментальный метод, «мужским стилем исследования». Во-вторых, с его помощью строятся такие теории личности и социальных структур, которые игнорируют «самосознание» изучаемых субъектов, а также интерпретации, даваемыми ими собственному опыту.

Основными принципами феминистского исследовательского подхода стали: использование методов, основанных на «глубоком» интервьюировании выборок женщин; пристальное внимание к деталям того, что женщины говорят; а также обращение к таким формам анализа, которые способны репрезентировать их опыт настолько полно, насколько возможно.

Более того, феминисты выступают против любой формы объяснения, которая требует или допускает навязывание исследуемым женщинам мнения «эксперта» о том, кто они такие, чего хотят или чего могли бы достичь. Иерархические отношения, за которыми стоит неравное распределение властных полномочий, противоречат нравственному императиву, составляющему суть феминизма, – относиться к другим женщинам так же, как вы бы хотели, чтобы относились к вам.

Подобная аргументация вызывает критику со стороны более умеренных феминистских социальных ученых...

Так, создание исключительно женских выборок имеет те же недостатки, что и исключительно мужские выборки. Такие методы, как интервью, вовсе не гарантируют избавления от иерархических отношений между исследователем и респондентами. Кроме того, в качественных исследованиях даже труднее избежать пристрастности и субъективности, учитывая размеры выборок, их гомогенность и отсутствие признанных исследовательских стандартов.

Виноградова Т. В., 2001, с 119.

За относительно долгий период изучения и обсуждения рассматриваемой проблемы высказывались разные точки зрения, подчас весьма забавные. Например, Л. П. Кочеткова (1915) полагала, что функция продолжения рода является помехой для развития женщин, и призывала стерилизовать их, чтобы устранить эту помеху. Общество она видела с малым количеством мужчин (или вообще без них) и почти без плодовитых женщин. Весьма оригинальный взгляд на женщин был и у О. Вейнингера (1999), при чтении книги которого женоненавистники, думается, получат большое удовольствие.

В настоящее время в средствах массовой информации осуществляется целенаправленное формирование образа маскулинизированной женщины (особенно в западных культурах).

Многие женщины, добившиеся самостоятельно материального благополучия, и, следовательно, могущие жить независимо от заработка супруга, предпочитают не связывать себя брачными узами. Такие женщины, по терминологии журналистки Е. Серовой (2001), относятся к *диким*. Как пишет эта журналистка, такая женщина не обременена семейными хлопотами, у нее много мужчин, которых она сама выбирает, и вообще она живет в свое удовольствие и при желании имеет возможность полностью самореализоваться. Однако у нее нет главного, что есть у *домашней* женщины, — семьи и человека (мужа), на которого можно в трудную минуту опереться, нет детей (а если она и заводит ребенка, то его воспитание, особенно мальчика, оказывается неполноценным). У нее имеется недостаток общения, часто появляется хандра. Она остается один на один со своими проблемами и переживает дефицит привязанности, так как ей на длительное время никто не нужен, и она сама, по существу, никому не нужна.

Наблюдается и другая тенденция — феминизация мужчин, формирование пассивного фемининного типа личности. Все это приводит к тому, что, приобретая некоторые свойства, присущие от природы противоположному полу, теряются или плохо используются собственные возможности, данные природой. Тем самым нарушается один из основных принципов развития природы — специализация разных особей в выполнении определенных функций. А ведь еще Ф. Бэкон писал, что счастлив тот, чьи занятия согласуются с его природой.

Надо отметить, что позиция большинства отечественных ученых резко расходится с позицией тех представителей западной науки, которые стоят на феминистских позициях[1] и стремятся доказать равные возможности мужчин и женщин. Хотя есть и те, кто придерживается других взглядов. Так, М. Г. Панкратова (1994) считает, что «возврат» женщины в семью не будет благом, поскольку работающая женщина более самостоятельна и в большей мере способна понимать проблемы и интересы мужа и детей.

В стремлении ни в чем не уступать мужчинам и даже превосходить их феминистки подчас применяют для доказательства этого даже то, что доказательством быть не может. Так, Е. М. Зуйкова и Р. И. Ерусланова (1999) заявляют, ссылаясь

[1] Идеология феминизма зародилась в Европе в конце XVIII в. как движение за развитие самосознания женщин и за равные с мужчинами права и возможности. Современные теории феминизма рассмотрены Д. Ритцером (2002).

на мнение ряда ученых, что уже трехлетние девочки превосходят мальчиков того же возраста в умственных способностях и что это различие в последующие годы только увеличивается. Это утверждение строится на том, что у женщин лучше... память. При этом в сторону отбрасывается доказанный факт опережающего развития, в том числе и интеллектуального, девочек в детском возрасте, которое затем нивелируется и даже выявляется преимущество мальчиков в интеллекте.

Наибольшую критику со стороны феминистов вызывают экспериментальные исследования. Против этого метода обычно приводят два главных аргумента... Здесь осуществляется дискриминация женщин, поскольку этот метод создавался мужчинами и использовался для изучения мужчин; феминистские методологи считают «ригидный контроль» и «манипулирование переменными», без чего немыслим экспериментальный метод, «мужским стилем исследования».

Виноградова Т., 2001, с. 122.

Иногда ультрафеминистки видят ущемление своих прав там, где их нет; например, одна из феминисток считает, что имеется неравноправная оценка и восприятие мужчины и женщины даже с лингвистической точки зрения. Она указывает на то, что выражение «стать мужчиной» чаще всего означает «стать взрослым», тогда как выражение «стать женщиной» означает подчиниться мужчине и потерять свою девственность. Жаль, что она не знает украинского языка, а то у нее появились бы более веские основания говорить о неравноправном восприятии мужчин и женщин. Ведь на этом языке мужчина — это «чоловик», а женщина — «жинка».

В желании во всем видеть происки мужчин одна из феминисток поставила под сомнение даже *возможность* женщин выходить раньше мужчин на пенсию. Вот что она пишет по этому поводу: «Непрямая дискриминация вообще не присутствует в качестве концепции в трудовом праве большинства стран, однако она реально существует, обычно в виде протекционистского, по отношению к женщинам, законодательства. Ярким примером является более низкий для женщин возраст выхода на пенсию. Это приводит к уменьшению получаемого женщиной дохода в 2–3 раза. Скрываемая за заботой о здоровье реальная причина вытеснения женщин активного профессионального возраста с рынка труда заключается в том, что, с одной стороны, таким образом осуществляется освобождение рабочих мест для нового поколения, с другой — предполагается, что "молодые бабушки" необходимы для присмотра за внуками, чтобы оба родителя могли работать, так как пособия, которые платит государство по уходу за ребенком, малы, а зарплаты одного работающего для содержания семьи не хватает» (Гапова Е., 1999, с. 48). Конечно, в этих рассуждениях есть резон. Но нельзя забывать, что более ранний пенсионный возраст женщин вовсе не означает обязательность их ухода с работы. Многие женщины работают и будучи пенсионерками. При этом во многих государствах разработаны такие законы о пенсиях, которые подравнивают женские пенсии к мужским.

Утверждается, что мужчина практически не включен в дела семьи и принятие решений, поскольку будто бы «мужские» обязанности выходят за рамки семьи

(Арутюнян М. Ю., 1997; Конусов Ю. А., 1987; Радаев В. В., 1997), что мужчина становится инфантильным: не хочет ни за что отвечать, не хочет разделять обязанности пополам (Мережко В. И., 1991).

Как справедливо отмечает В. С. Агеев (1987), «во многих работах явственно ощущается дух протеста против продолжающегося существовать в западном обществе социально-экономического и правового неравенства между мужчинами и женщинами. Во многих работах отчетливо проявляется влияние феминистской идеологии, причем нередко в ее крайних формах, когда отрицаются какие бы то ни было различия и выдвигаются требования абсолютного равенства и полной симметрии в отношениях между полами» (с. 156–157) (иллюстрацией такого положения проблемы на Западе может служить статья французского философа Элизабет Бадинтер, выдержки из которой я привожу далее). Порой принижение роли женщин видится сторонникам феминизма там, где на это нет и намека. Например, И. С. Клецина пишет, что «суждения, утверждающие мужское психологическое преимущество, характерны для психологов Г. М. Бреслава и Б. И. Хасана, авторов статьи "Половые различия и современное школьное образование". Так, подчеркивается: "В силу биологических и психофизиологических свойств женщина является более конформной и внушаемой, чем мужчина. Ее восприятие более детализировано, отсюда большая чувствительность к внешней упорядоченности, а мышление более конкретно и прагматично, что ориентирует не столько на выявление закономерностей, сколько на получение необходимого результата (с. 65)"» (Клецина И. С., 2004, с. 41–42). Из приводимого отрывка видно, что речь идет не о *зависимости* женщин от кого-то, что показалось И. С. Клециной, а о том, что у мужчин и женщин имеются разные стили получения и обработки информации, разная направленность мышления. Данные Бреслава и Хасана можно рассматривать и по-другому — как проявление определенных недостатков у мужчин, которые не конформны (т. е. упрямы в своих суждениях), не стремятся к внешней упорядоченности, не обладают конкретным мышлением, а любят философствовать, и т. д.

Или, например, Е. Р. Ярская-Смирнова (2001) сетует на то, что учебники литературы для VII–IX классов не содержат ни одного упоминания о женщинах — писательницах и поэтах. Но неужели их нужно вставлять в программу, только потому, что они — женщины? И. С. Клецина критикует Б. И. Хасан и Ю. А. Тюменеву (1997), которые «исходят из архитипических особенностей женского и мужского начал, выражающихся в оппозициях понятий "мужское" и "женское". Поэтому исследователи либо никак не объясняют выявленные различия в психологических характеристиках представителей разного пола, либо объясняют их влиянием традиционных полоролевых представлений... Подобные интерпретации, — заключает Клецина, — конечно, не способствовали развитию идей гендерного подхода, но они вольно или невольно показывали неперспективность изучения психологических проблем пола и межполового взаимодействия в сложившемся теоретическом контексте» (там же, с. 45).

А. А. Терехова (2006), доказывая униженное положение женщин в нашей стране, приводит данные из официальных материалов Федеральной службы занятости, согласно которым женщины составляют подавляющее большинство среди та-

ких беднейших групп населения, как пенсионеры (70%), одинокие и разведенные родители, имеющие детей (91%), безработные, живущие на пособие по безработице (62,5%). Однако при этом не учитывается, что среди пенсионеров большинство — женщины (поскольку женщины живут дольше), что при разводах дети, как правило, остаются с матерями и получают от отцов алименты (правда, не всегда) и что при получении пособия по безработице женщины более активны, чем мужчины.

И. А. Тупицына (2003) ставит вопрос *о гендерной дискриминации*, т. е. ограничении или лишении прав одного пола по сравнению с другим, — что относится к *обоим полам*. Такая постановка вопроса, конечно, более справедлива, чем разговор только о дискриминации женщин, но следует ли *добровольное* принятие ролей и норм поведения мужчинами и женщинами рассматривать как дискриминацию? Неужели если я воспринимаю представителей другого пола не так, как своего, это дискриминация?

Следует обратить внимание на попытки отождествить *феминистский* подход к анализу поведения и деятельности человека с *гендерным* подходом. Например, М. Л. Сабунаева и Ю. Е. Гусева (2003) приводят характеристики гендерного и полоролевого подходов в образовании (табл. 5.3).

Таблица 5.3. Различия между гендерным и полоролевым подходами в образовании

Гендерный подход	Полоролевой подход
Ориентация на нейтрализацию и смягчение различий между полами	Ориентация на подчеркивание различий между полами
Воспитание в духе свободного выбора гендерной идентичности	Воспитание в духе жесткого (предопределенного) выбора половой идентичности
Отсутствие ориентации на «особое предназначение» мужчины и женщины	Ориентация на «особое предназначение» мужчины и женщины
Поощрение видов деятельности, соответствующих интересам личности	Поощрение видов деятельности, соответствующих полу
Выбор видов поведения исходя из конкретной ситуации	Выбор видов поведения исходя из половой принадлежности
Обоснование нецелесообразности раздельного по полу обучения	Обоснование целесообразности раздельного по полу обучения
Тенденция к размыванию культурно сформированных гендерных схем	Наличие жестких, культурально сформированных гендерных схем
Возможность отступлений от традиционных патриархатных моделей устройства общества	Осуждение отступлений от традиционных патриархатных моделей устройства общества

Как следует из этой таблицы, так называемый гендерный подход отражает феминистские установки на устранение различий между мужчинами и женщинами, но не необходимость учета гендерных различий между мужчинами (наличие среди них маскулинных и фемининных), а также различий между женщинами (наличие среди них маскулинных и фемининных).

ГЛАВА 6

Половая идентификация, или как становятся мужчинами и женщинами

6.1. Половая идентификация как социальный феномен

Половая (гендерная) идентификация — это процесс формирования половой (гендерной) идентичности, т. е. соответствия человека тому или иному полу, ощущение в себе мужского или женского начала, осознание и принятие своего биологического пола.

Половая идентификация рассматривается разными авторами по-разному. Например, Р. Столлер (Stoller, 1976) полагает, что необходимо разграничивать половую идентичность, полоролевую идентичность и сексуальную ориентацию. Ядром половой идентичности является примитивное, отчасти осознанное, а отчасти неосознанное чувство принадлежности одному биологическому полу, а не другому. Оно лишь часть, но не эквивалент половой идентичности как более широкого феномена. Полоролевая идентичность возникает на базе ядра половой идентичности, но не тождественна ей. Полоролевая идентичность — это обусловленные биологическим полом паттерны сознательных и бессознательных взаимодействий с другими людьми. Сексуальная ориентация отражает предпочтение объектов любви определенного пола. По Р. Столлеру, половая идентичность — широкая концепция, включающая индивидуальные сочетания качеств мужественности и женственности, обусловленные биологическими, психологическими и культуральными факторами.

Е. Дуван (Douvan, 1979) выделяет три аспекта половой идентификации: родовую идентичность, половые роли и половую идентичность. Родовая идентичность — это телесные аспекты представления о себе и своем поле. Она развивается довольно рано и является примитивной формой принятия телесного образа мальчика или девочки. Половая роль — это представление о себе как о существе мужского или женского пола в категориях типичного для тех или иных социальных ситуаций поведения, вкусов и предпочтений. Половая идентичность — это представле-

ние о себе, имеющее отношение к поведению при непосредственных сексуальных контактах.

С. Бем (Bem, 1981) под половой идентичностью понимает схемы, которые применяются ребенком к собственному Я в зависимости от подкрепления или поощрения поведения, принятого в той или иной культуре для данного пола.

В. Г. Каган (1987) определяет половую идентичность как «соотнесение личности с телесными, психофизиологическими, психологическими и социокультурными значениями маскулинности и фемининности. Модель половой идентичности он строит на двух принципах: уровневой ее организации и ортогональности маскулинности и фемининности как измерений личности». В. Г. Каган выделяет четыре уровня. На первом, более глубоком уровне находится базовая половая идентичность, объединяющая филогенетические и онтогенетические аспекты личности. Второй уровень касается персональной половой идентичности, описывающей сравнение собственных личностных характеристик с моделями личностей мужчин и женщин вообще. Третий уровень — полоролевая идентичность или «адаптационный образ Я» как представителя пола. Четвертый уровень — полоролевые идеалы, ориентации. Первые два уровня — это собственно половая идентичность, а третий и четвертый описывают половые роли.

С позиции Я-концепции рассматривают половую идентичность Т. Л. Бессонова (1993), А. С. Кочарян (1996) и И. В. Романов (1996, 1997).

В психологической и социологической литературе синонимом половой идентичности часто выступает понятие «гендерная идентичность». Однако гендерная идентичность предполагает соответствие психологическому полу: маскулинности, фемининности или андрогинности.[1] И. С. Кон (1975) определяет психологический пол как интернализованную систему полоролевых ролей, связанную с различением критериев «мужественности» и «женственности» и оценкой себя по этим критериям и претензией на соответствующую деятельность и социальный статус. А. Г. Асмолов (1984) тоже пишет, что психологический пол — сложный процесс половой социализации, усвоение ребенком нормативной половой роли, производной от норм и обычаев соответствующей культуры (замечу, что психологический пол — это не процесс, а результат процесса половой социализации). А. А. Чекалина (1990) в понимании психологического пола тоже основной упор делает на усвоение ребенком половой роли.

Другие ученые психологический пол понимают как комплексную, интегративную характеристику человека. И здесь появляется ряд вопросов, требующих ответа. Например, М. В. Бороденко с соавторами (2001) под составными частями психологического пола понимают характеристики его половой идентичности, представленные в сознании и выраженные в полоролевом поведении (чем тогда половая идентичность отличается от гендерной?). Л. В. Ильиченко (1995) рассматривает психологический пол как интегративную структуру, включающую половую идентичность, половые роли, половую ориентацию и половое предпочтение. Две последние составляющие включает в половую идентичность и М. В. Ко-

---

[1] Подробно проблема психологического пола и необходимость его учета при рассмотрении биологических половых различий и сходства обсуждаются в главе 14.

лясникова (1999). В данном случае половая идентичность — только часть гендерной идентичности. Исходя из этого, психологический пол она представляет как реальное овладение мужской или женской ролью, достижение определенного уровня полового самосознания и половой идентификации. Однако здесь возникает неясность в соотношении биологического (акушерского) пола и психологического. Если согласиться с позицией Л. В. Ильченко, главенствующим является психологический пол, и людей при половой дифференциации следует делить, независимо от биологического (акушерского) пола, на маскулинных, фемининных и андрогинных. Но разве они перестают быть при этом особями мужского и женского пола? И что для нас главнее при встрече с человеком — определить его биологический пол или психологический? Думается, что базисным является биологический пол, а главной в становлении мужчины и женщины — половая (по биологическому полу) идентификация. Психологический пол является надстройкой над биологическим, и поэтому нет чисто биологического пола, как нет и чисто психологического пола. Каждый человек с позиции дифференцирования половых признаков — это фенотип, т. е. сплав врожденного (биологического) и приобретенного (социального). Сказанное приводит к мысли, что в реальности мы имеем дело с *фенотипическим полами*: маскулинными мужчинами, андрогинными мужчинами, фемининными мужчинами, фемининными женщинами, андрогинными женщинами и маскулинными женщинами.

Многими авторами отмечается, что половая идентичность происходит в результате сложного биосоциального процесса (Ильченко Л. В., 1995; Колясникова М. В., 1985; Кон И. С., 1988; Лунин И. И., 1988; Чекалина А. А., 1990). В постнатальном онтогенезе биологические факторы половой дифференциации дополняются социальными. Генитальная внешность, детерминируя акушерский (паспортный) пол новорожденного, задает взрослым определенную программу его воспитания. Происходит обучение ребенка половой роли в соответствии с культурными традициями данного общества. Сюда входит система стереотипов маскулинности и фемининности, т. е. представления о том, какими являются или должны быть мужчины и женщины.

Такое воспитание имеет традиции с того времени, когда люди жили в племенах (а у многих африканских племен оно сохранено и до сих пор) и когда мужчина занимал социально более значимую позицию, чем женщина. Мальчика необходимо было готовить к роли воина, вождя, жреца, следовательно, освободить его от любых женских влияний и в первую очередь ослабить его идентификацию с матерью. Это достигалось путем изоляции его от родительского дома: его передавали на воспитание в дома родственников или вождей племени, в «мужские дома», отдавали в учение (Субботский Е. В., 1979; «Этнография детства», 1983).

Правда, если верить легенде, был период, когда женщины-амазонки не уступали мужчинам в воинственности; они даже выжигали у своих дочерей правую грудь, чтобы она не стесняла их движения при стрельбе из лука. Да и период матриархата тоже свидетельствует о том, что борьба за эмансипацию женщин является веянием не только нашего времени.

Половая социализация девочки проходила преимущественно в стенах родительского дома, подле матери, и была направлена на приобретение определенных

форм поведения и приобщение ее к будущей роли жены и связанным с этим обязанностями.

Женские социальные представления о маскулинности имеют отличительные характеристики по сравнению с мужскими конструктами: представители мужской гендерной группы демонстрируют более традиционную модель маскулинности. Девушки при конструировании образа эталонной маскулинности чаще используют альтернативные категории, характеризуя «настоящего мужчину» как «ласкового», «нежного», «понимающего» (категория «стереотипно фемининные черты»), «хорошо воспитанного и галантного», «без вредных привычек» человека (категория «воспитанность»).

Наблюдаются отличительные особенности образа настоящего мужчины у школьников и студентов с разным типом профессиональной направленности личности. Например, юноши-гуманитарии (как школьники, так и студенты) в 2 раза чаще описывают в сочинениях внешний вид персонажей, и эти описания очень объемные и детальные (включающие фасон брюк, «залах одеколона, явно содержащего древесные нотки», и «трех- или четырехдневную щетину» персонажа). Эти данные позволяют предположить о влиянии «профессиональных компетенций» на реконструкцию образа, а также об укоренении в представлениях юношей нового образа настоящего мужчины – метросексуала, транслирующего альтернативный тип маскулинности. Кроме того, наблюдаются возрастные отличия в представлениях о мужественности.

Таким образом, в социуме циркулируют различные «маскулинности», что требует как дальнейших исследований относительно общего и различного в конструировании данного социального представления, так и исследований, направленных на изучение последствий конструирования того или иного образа «маскулинности» у юношей и девушек.

Никитина А. А., 2008, с. 169.

Полагают, что личностные и поведенческие различия между мужчинами и женщинами возникают прежде всего как социальный феномен, который не определяется природными факторами в такой же степени, как морфологические и физиологические различия (Phares E., Chaplin W., 1997).

Для такого утверждения имеются некоторые основания. Показано, что с веками и десятилетиями многие представления о гендерных ролях меняются, несмотря на постоянство биологической природы мужчин и женщин. Если во времена Людовика XIV богатые мужчины носили такие же яркие одежды, как и женщины, то уже в начале XIX в. праздничная одежда мужчин стала гораздо скромнее нарядов женщин, а затем женщины стали носить одежду, сходную с одеждой мужчин.

В исследованиях, посвященных проблемам маскулинности – фемининности, гендерная идентичность трактуется не как единое и стабильное целое, а как подвижная и изменчивая множественность (Иванова, 2001; Кон, 2002; Koestner, Aube, 1995). Утверждается, что не существует единой, универсальной, мужской и женской идентичности, в разные исторические периоды, в различных социальных и культурных контекстах мы имеем дело с разными гендерными идентичностями. Как подчеркивает И. С. Кон, в отличие от популярных представлений о существовании мужских и женских идентичностей вообще, вне времени и пространства, большинство современных исследований маскулинности – фемининности являются этнографическими, т. е. они описывают и анализируют особенности положения и самосознания не мужчин и женщин вообще, а в конкретной стране, социальной среде, культурном контексте (Кон, 2001). Множественность и текучесть

образов маскулинности и фемининности проявляется не только в истории, но и в жизни каждого конкретного индивидуума, который, отмечает Кон, в разных жизненных ситуациях и с разными партнерами «разыгрывает» разную гендерную маскулинность и фемининность. Такое понимание базируется на предложенной Уэстом и Зиммерманом концепции «гендерного дисплея» и «делания гендера». Процесс усвоения гендерных норм и ценностей определяется как рекрутирование гендерной идентичности. Присваивание гендерной идентичности самим себе и другим есть процесс «делания гендера».

Тугайбаева Б. Н., 2007, с. 180.

Д. Мани (Money D., 1972) сформулирован «принцип Адама», или «мужской дополнительности». Автор пишет, что природа заботится прежде всего о создании самки, поэтому первоначально организм развивается по женскому типу; для создания самца нужно что-то добавить. На одной стадии развития это андрогены, под влиянием которых начинается половая дифференцировка мозга, на другой — гендерные нормы и соответствующее им давление сверстников, побуждающее мальчиков «дефеминизироваться», освобождаться от первоначального материнского влияния и женственных черт характера.

По мнению И. С. Кона (2004), активным участником процесса половой идентификацииэти является сам субъект, который принимает или отвергает предлагаемые ему роли и модели поведения. Однако бывает, что дополнительные усилия нередко запаздывают или оказываются недостаточными, в результате чего происходят какие-то нарушения в развитии мужского начала.

Гендерная идентичность является самым ранним, активно организующим компонентом Я-концепции. В литературе можно встретить два подхода к определению термина «гендерная идентичность»: в узком смысле под гендерной идентичностью понимается осознание и переживание индивидом принадлежности к определенному полу – мужскому или женскому или некоторой неопределенной позиции между двумя полами. В широком смысле гендерная идентичность рассматривается как многофакторное и многокомпонентное образование.

Мы придерживаемся идеи рассмотрения гендерной идентичности как многокомпонентного конструкта. Поэтому нам представляется необходимым определение данной категории как минимум в двух направлениях: во-первых, раскрытие содержательных и структурных компонентов гендерной идентичности; во-вторых, выделение собственно гендерной специфики данной психологической категории, другими словами, определение индивидуальной психологической концепции пола человека с учетом идей гендерного подхода.

...В содержание гендерного подхода как многокомпонентного образования включаются различные гендерные характеристики личности: базовая половая идентичность; психологические характеристики маскулинности, фемининности; гендерные стереотипы и гендерные представления; формирование сексуальных предпочтений и сексуальная ориентация; биографические события жизни индивида; особенности социального опыта и воспитания, связанные с освоением социальных ролей.

...В структуру [гендерной идентичности] входят когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент включает описание содержания составляющих гендерной идентичности (Я-понимание). Аффективный компонент отражает переживание и оценку индивидом своей гендерной идентичности (Я-отношение).

...Поведенческий компонент гендерной идентичности [традиционно] рассматривается через понятие «половая роль» – специфический набор требований и ожиданий, предъявляемых обществом к лицам мужского и женского пола. В рамках гендерной теории употребление термина «гендерная роль» считается некорректным, поскольку, связывая воедино социальный статус, поведение и личностные особенности, оно подчеркивает неравенство по признаку пола... В гендерной теории поведенческие аспекты гендерной идентичности раскрываются через понятие «гендерный дисплей». В концепции И. Гофмана, гендерный дисплей представляет собой все аспекты социального поведения, коррелирующие в общественном сознании с гендерными категориями...

В рамках гендерной теории «гендерная идентичность» рассматривается как социально конструируемая личностная характеристика и понимается как идентификация субъекта с гендерной группой и социокультурными значениями маскулинности и фемининности. Термин «половая идентичность» более традиционно используется в рамках биодетерминистского направления исследований... Половая идентичность выступает базовым, но не определяющим основанием для формирования гендерной идентичности как многофакторного и интегративного образования.

Таким образом, гендерная идентичность... включает в себя четыре структурных компонента: базовую половую идентичность, когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, а также множество содержательных компонентов, специфически раскрываемых в рамках гендерного подхода.

Тупицына И. А., 2004, с. 362–364.

Исходя из многокомпонентной структуры идентичности (включающей когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты) И. В. Романов (1997) с помощью процедур факторного и регрессионного анализа выделяет пять типов половой идентичности.

1. **Адекватный тип** идентичности основан на взаимодействии всех трех компонентов. Идентификация происходит с учетом соответствия эмоциональных переживаний и когнитивных эталонов, свойственных тому или иному полу. Этот тип соответствует объединению в психологическое Мы представителей своего пола и противопоставлению его психологическому Они, включающему представителей противоположного пола. На уровне поведения это соответствует адекватной женственности или мужественности.
2. **Инвертированный тип** идентичности в подавляющем числе случаев встречается у мальчиков и проявляется как повышенная мягкость, тревожность, сензитивность, т. е. как фемининные характеристики.
3. **Возрастно-дифференцированный тип** идентичности связан только с когнитивным компонентом и характеризуется ориентацией на взрослых мужчин и женщин.
4. **Недифференцированный тип** идентичности характеризуется отсутствием как маскулинных, так и фемининных признаков. Однако он может проявляться и в маскулинном поведении девочки.
5. **Инфантильный тип** идентичности существует только у мальчиков и только в рамках эмоционального компонента и отражает наличие инфантильной симбиотической связи мать – ребенок. Мальчики с этим типом идентичности испытывают большую потребность в эмоциональном тепле, привязанности и чувстве принадлежности, чем большинство мальчиков их возраста.

В принципе эти типы отражают соотношение биологического и психологического (гендерного) пола. Однако выделение некоторых типов идентичности с помощью математико-статистических процедур представляется несколько искусственным.

Представляется, что более важным является феномен изменения выраженности половой идентичности в подростковом возрасте. В VIII классе наблюдается негативная фаза возрастного кризиса половой идентичности, когда у большинства девочек снижается дифференцированность образов-эталонов мужественности — женственности, а у мальчиков при сохранении дифференциации этих эталонов связь образа Я с мужскими образами-эталонами значительно слабеет. В IX классе наступает перелом в сторону усиления половой дифференции. При этом у девочек женские образы получают позитивную окраску, а мужские — негативную. Затем негативное отношение к мужскому образу сглаживается. У мальчиков усиливается эмоциональное принятие образов-эталонов противоположного пола при сохранении маскулинной идентификации. Как полагает И. В. Романов, речь идет фактически о кризисном пути перехода от детской, инфантильной половой идентичности к взрослым, зрелым ее формам.

Эти данные дают основание полагать, что в процессе онтогенеза выраженность половой идентичности может быть разной (об этом свидетельствуют и данные о возрастных изменениях частоты встречаемости маскулинных, фемининных и андрогинных).

Типы подчинения гендерным нормам. Ш. Берн (2001) выделяет три типа подчинения людей гендерным нормам: уступчивость, одобрение и идентификацию. *Уступчивость* — такой тип подчинения социальным нормам, когда человек не приемлет их, но приводит свое поведение в соответствие с ними, чтобы избежать наказания и получить социальное одобрение. *Одобрение, или интернализация*, — тип подчинения, когда человек полностью согласен с гендерными нормами. *Идентификация* — повторение действий ролевой модели (мужчины, женщины, отца, матери).

6.2. Стадии половой идентификации

Половая идентификация — это стадиальный процесс. Разные авторы называют разное количество стадий половой идентификации.

Как отмечают в обзорной статье Я. Л. Коломинский и М. Х. Мелтсас (1985), полоролевая идентичность делится большинством авторов на две составляющие:

1) половая идентичность — понимание принадлежности себя к определенному полу; единство сознания и поведения индивида, относящего себя к тому или иному полу (Старович З., 1991);
2) собственно полоролевая идентичность — знание и усвоения ролей мужчины и женщины.

С. Томпсон (Thompson, 1975) в раннем развитии половой роли выделяет три этапа: 1) ребенок узнает, что существует два пола; 2) он включает себя в одну из этих категорий; 3) на основе самоопределения он руководит своим поведением,

выбирая и предпочитая новые формы поведения. Три этапа выделяют и другие авторы, правда, их содержание расходится с этапами, выделенными С. Томпсоном: ребенок сначала усваивает половую идентичность, затем убеждается в необратимости пола во времени, и, наконец, у него возникает понимание того, что пол является константной характеристикой человека (Slaby R., Frey K., 1975; Stangor C., Ruble D., 1987).

Ш. Берн (2001) описывает четыре стадии установления половой идентичности: *гендерную идентификацию* — отнесение ребенком себя к тому или иному полу; *гендерную константность* — понимание, что гендер постоянен и изменить его нельзя; *дифференциальное подражание* — желание быть самым лучшим мальчиком или девочкой и *гендерную саморегуляцию* — ребенок сам начинает контролировать свое поведение, используя санкции, которые он применяет к самому себе.

Некоторые авторы выделяют стадию *половой интенсификации* — усиления половых различий, связанных с повышенным стремлением следовать половым ролям вследствие вступления в период полового созревания (Galambos et al., 1990; Hill, Lynch, 1983). Одной из причин половой интенсификации, как полагают Гротер с соавторами (Grouter et al., 1995), является поведение родителей: матери больше общаются с дочерьми, а отцы — с сыновьями. Еще сильнее сказывается влияние сверстников: для того, чтобы пользоваться успехом у противоположного пола, подростки должны соответствовать традиционным половым нормам.

Предшествует половой идентификации возникновение у ребенка представлений о существовании двух полов и их различение. Первые примитивные различения двух полов происходят уже через 4 месяца жизни: младенцы начинают сличать мужские и женские голоса с лицами тех и других (Walker-Andrews et al., 1991), а к концу первого года жизни могут различать мужчин и женщин по длине волос на фотографиях (Leinbach, Fagot, 1993). Дети 10–14 месяцев уже демонстрируют предпочтения при выборе видеофильма, в котором показываются абстрактные движения ребенка того же пола (Kujawsky, Bower, 1993). Выявлена достоверная тенденция, очевидная даже для девочек в 18 месяцев и для мальчиков в 24 месяца, что они дольше смотрят на лицо, которое является «подходящим по гендеру» (Serbin et al., 2001).

В этом же возрасте у детей имеются уже некоторые представления о типичном поведении лиц мужского и женского пола. Например, они удивляются на гендерно не соответствующее поведение взрослых. Если на предъявляемом им фото мужчина красит губы, то они дольше смотрят на него, чем на фото, где то же самое делает женщина. Чтобы проиллюстрировать мужскую деятельность, девочки 24 месяцев выбирают мужскую куклу, и женскую куклу — для демонстрации женской деятельности, такой как убаюкивание ребенка, чистка пылесосом (Serbin et al., 2001, 2002).

До 2–3 лет большинство мальчиков пробуют надевать мамины туфли, играть с ее косметическими принадлежностями, красить ногти лаком. При этом некоторые мальчики не прочь стать девочкой (Martin, 1990). Однако когда завершается процесс гендерной идентификации и мальчики достигают гендерной константности, они начинают понимать, что все эти занятия предназначены для девочек. В возрасте между 2–3 лет дети овладевают такими понятиями, как «мама» и «папа», а немного позже — «мальчик» и «девочка».

Дети в возрасте от 2 до 6 лет, по-видимому, более жестко и остро воспринимают различия в социальных половых признаках, чем взрослые (Stern, Karraker, 1989). Когда детям этого возраста показывают младенцев, одетых в нейтральную одежду, они с большей неизменностью, чем взрослые, руководствуются в своих суждениях о младенце произвольным обозначением «мальчик» или « девочка». Обостренная реакция младших детей может быть связана с тем, что они пребывают в таком возрасте, когда сами пытаются отождествить себя с тем или иным полом. В целом они кажутся более настроенными на выполнение «сценариев», предписывающих подобающее их полу поведение, чем братья и сестры постарше (Levy, Fivush, 1993).

Герриг Р., Зимбардо Ф., 2004, с. 552.

С возрастом объем и содержание первичной половой идентичности ребенка меняются. Психологическое самоопределение половой принадлежности начинается со второго года жизни и закрепляется к третьему году. К этому сроку 75% детей считают себя мальчиком или девочкой. Они могут делить других на мальчиков и девочек, мужчин и женщин, а также правильно ответить на вопрос: «Ты девочка или мальчик?» (Thompson S., 1975). К 3 годам ребенок ясно различает пол окружающих его людей, однако может не знать, в чем заключается различие между ними. Например, многие дети уверены в том, что если надеть на мальчика платье, он становится девочкой. Они могут не понимать, что только мальчик может стать папой, а девочка — мамой, а также могут спросить у своего отца, кем тот был — мальчиком или девочкой, когда был маленьким. Таким образом, трехлетний ребенок хотя знает о своей половой принадлежности, но часто ассоциирует пол со случайными внешними признаками вроде одежды и прически. Он допускает и возможность изменения пола — для этого надо только переменить одежду и прическу (Fagot, 1985; Szkrybalo, Ruble, 1999).

Это находит подтверждение и в данных В. Е. Кагана (2000). Понятия «дядя» и «тетя» осваиваются детьми 3–4 лет успешнее, чем супружеские понятия «муж» и «жена» и родительские понятия «папа» и «мама» (табл. 6.1).

Таблица 6.1. Полоролевые представления и предпочтения (количество выборов) у детей 3–4 лет

Половые роли	Мальчики		Девочки	
	Буду	Хочу	Буду	Хочу
Дядя	5	4	2	2
Тетя	1	2	6	6
Муж	4	5	3	6
Жена	2	1	4	2
Папа	3	4	2	5
Мама	3	2	6	3

Как видно из представленных в таблице данных, соотнесение желаемых и ожидаемых родительских ролей различаются: мальчики реже девочек допускают и предпочитают возможность выступать в противоположных паспортному полу родительских ролях. У мальчиков ролевые предпочтения одинаковы по всем изучавшимся аспектам половых ролей, тогда как у девочек имеется расхождение меж-

ду общеродовыми, с одной стороны, и супружескими и родительскими предпочтениями — с другой: желание быть тетей, но и мужем или папой. Представления о возможности изменения пола в 2,5 раза и желательности этого в 2 раза чаще отмечалось у девочек, чем у мальчиков.

Л. Колберг считает, что формирование константной половой идентификации у ребенка продолжается в промежутке от 2 до 7 лет. Это совпадает с бурным усилением половой дифференциации активности и установок детей: мальчики и девочки по собственной инициативе выбирают разные игры и партнеров в них, у них проявляются разные интересы, возникают однополые компании.

Мальчики и девочки, выбирая, кем быть, в абсолютном большинстве предпочли свой пол... При выяснении вопроса, в чем мальчики могут быть лучше девочек, принципиальных различий в ответах нет: большинство мальчиков, как и большинство девочек, отдают предпочтение физической силе. Но мальчики в отличие от девочек также немалое предпочтение отдают функциональным особенностям, что обнаруживается и в вопросе: в чем девочки могут быть лучше мальчиков. Девочки на первое место ставят красоту, а мальчики – женские дела... Большинство мальчиков главой семьи считают отца, большинство девочек – мать.

Отличие мужчин от женщин у детей обоего пола в подавляющем большинстве ограничивается внешностью и одеждой.

Корниенко Д. С., 2004, с. 349–350.

И. В. Тельнюк (1999) тоже отмечает, что половая идентификация к концу дошкольного детства сформирована практически у всех детей, однако в ее основе чаще всего лежат внешние половые признаки (имена, одежда, прическа). Более существенные половые признаки (эмоциональные привязанности, присущие полу черты характера, интересы, деятельность, физиологические особенности и др.) в большинстве случаев (70%) детьми этого возраста не осознаются.

Церемонии инициации детей и подростков во многих культурах проводятся отдельно для мальчиков и для девочек и подчеркивают гендерные различия. В африканских племенах мальчиков подвергают физическим испытаниям.

Освоение половых ролей. В. Е. Каган отмечает, что и мальчики и девочки обнаруживали явное предпочтение маскулинных ролей: мальчики и мужчины смелее, находчивее, они командуют в игре и в семье, у них шире круг возможных форм поведения. Однако от 4-го к 7-му году жизни резко увеличивается проявление полового субъективизма: мальчики чаще говорят о том, что они защищают девочек, играют в шоферов, солдат, пожарников, а девочки — что мальчики хулиганят и играют в «мужиков».

Такие мнения нашли подтверждение в данных В. Е. Кагана об эмоциональном восприятии половых ролей и образа Я (табл. 6.2). Об эмоциональном восприятии образа мальчика или девочки автор судил по тому, какой цвет (эмоционально позитивный: зеленый, красный, желтый и фиолетовый или эмоционально негативный: темно-синий, темно-коричневый, серый и черный) выбирали дети для мальчиков и девочек.

Как видно из данных таблицы, у девочек эмоциональное восприятие девочек позитивнее, чем у мальчиков, во всех возрастных группах, у мальчиков это прояв-

Таблица 6.2. Эмоциональное восприятие половых ролей (количество выборов цвета в тесте Люшера)

Возраст, лет	Понятия	Мальчики		Девочки	
		светлые	темные	светлые	темные
3–4	Мальчик	2	7	2	12
	Девочка	5	4	12	4
	Я	4	8	12	4
4–5	Мальчик	2	11	4	10
	Девочка	5	8	12	2
	Я	3	13	10	4
5–6	Мальчик	3	13	1	13
	Девочка	5	7	12	1
	Я	5	11	11	3
6–7	Мальчик	1	16	–	14
	Девочка	16	2	14	–
	Я	9	9	12	2
Всего	Мальчик	12	47	9	49
	Девочка	41	21	51	7
	Я	21	41	45	13

ляется отчетливо только на 7-м году жизни. В то же время с каждым годом у девочек и особенно у мальчиков усиливается негативное эмоциональное восприятие мальчиков.

После возникновения самоопределения ребенок оценивает позитивно те вещи, действия и формы поведения, которые связаны с его ролью девочки или мальчика. В результате этого типичное для данного пола поведение вызывает у него положительные переживания, что приводит к самоутверждению в этой роли (Kohlberg L., 1966).

Дайана Кун и коллеги (Kuhn et al., 1978) демонстрировала детям 2,5–3,5 лет куклу «мужского пола» («Майкл») и куклу «женского пола» («Лиза»), а затем спрашивала у каждого ребенка о том, какая из этих двух кукол будет вовлечена в такие подверженные гендерно-ролевым стереотипам занятия, как приготовление пищи, шитье, игра с куклами, грузовиками и поездами, длинные разговоры, целование, борьба и лазание по деревьям. Почти все дети 2,5 лет обладали определенным знанием о гендерно-ролевых стереотипах. Например, мальчики и девочки соглашались, что девочки много говорят, никогда не дерутся, часто нуждаются в помощи, любят играть в куклы и помогать мамам в таких домашних обязанностях, как приготовление пищи и уборка. Напротив, маленькие испытуемые полагали, что мальчикам нравится играть с машинками, помогать папам, мастерить и что мальчики способны на такие заявления, как «я могу тебя ударить».

Шэффер Д., 2003, с. 684.

Выявлено, что мальчики раньше девочек приходят к осознанию половых ролей. В исследовании Д. Брауна (Brown, 1957) обнаружено, что в возрасте от 5 до 11 лет мальчики оказывают более решительное предпочтение мужской роли, чем девочки — женской. Мальчики предпочитают типичное для их пола поведение и отвергают нетипичное. Девочки тоже предпочитают типичное для их пола поведение, но при этом не отвергают и нетипичное (Bussey K., Perry D., 1982]). В более поздних исследованиях показано, что дети дошкольного возраста по-прежнему ригидны и нетерпимы к гендерно-ролевым нарушениям, но в возрасте 8–9 лет и старше они уже более гибко относятся к таким нарушениям. Правда, это относится скорее к поведению девочек, чем мальчиков. Мальчики, ведущие себя как девочки, по-прежнему осуждаются (Thorne, 1993; Levy et al., 1995; McHale et al., 2001). Предполагается, что более сильное предпочтение мальчиками видов деятельности, соответствующих их гендеру, обусловлено тем, что родители в их воспитании делали больший акцент на гендерную дифференциацию, чем в воспитании дочери (Byssey, Bandura, 2004).

У подростков вновь проявляется нетерпимое отношение к нарушению полоролевых предписаний как со стороны мальчиков, так и со стороны девочек (Sigelman et al., 1986; Signorella et al., 1993). Мальчики начинают подчеркивать у себя маскулинные качества, а девочки — фемининные. Это связывают как с началом полового созревания, так и с тем, что матери начинают больше общаться с дочерьми, а отцы — с сыновьями (Grouter et al.,1995). Однако еще большее значение имеет общение со сверстниками противоположного пола и желание привлечь их внимание. В старших классах подростки вновь относятся к полоролевым предписаниям общества более гибко (Urberg, 1979).

Некоторые особенности развития половой идентичности в дошкольном возрасте рассмотрены Л. В. Ильиченко (1995), М. В. Колясниковой (1999), Т. А. Крыловой (2002), Н. В. Плисенко (1985) и другими авторами... Н. В. Плисенко показала, что развитие половой идентичности в дошкольном возрасте происходит через ориентацию мальчика на отца, девочки – на мать, на близких взрослых и сверстников одного с ребенком пола. Она сделала вывод о том, что благодаря развивающейся рефлексии происходит идентификация с близкими и чужими людьми, особенности ее развития определяют представители своего Мы и чужого Они пола с ценностными ориентациями и ожиданиями той культуры, в которой развивается ребенок. В исследовании Т. А. Крыловой установлено, что определяющими факторами в развитии половой идентичности у дошкольников выступают родительские установки и состав семьи.

Флотская Н. Ю., 2007, с. 36.

Выбор игрушек и игр. Еще до того как ребенок приобретет четкую половую идентичность, наблюдаются половые различия в выборе игрушек (Blakemore et al., 1979; Fagot et al., 1986; Weinraub et al., 1984). Мальчики 14–22 месяцев от роду обычно предпочитают играть с машинками, а девочки того же возраста — с куклами и мягкими игрушками (Smith, Daglish, 1977). Малыши в возрасте от 18 до 24 месяцев часто отказываются играть с игрушками противоположного пола, даже если игрушки для своего пола отсутствуют (Caldera et. al., 1989). В возрасте 2,5–3,5 лет дети проявляют знания о гендерных различиях в игрушках, одежде, занятиях (Serbin et al., 1993). По наблюдениям ряда исследователей (Connor, Serbin, 1977;

Liss, 1981; O'Brien,1992; Berenbaum, Hines, 1992), мальчики выбирают для игры машинки, игрушечное оружие, маленькие инструменты, конструктор, девочки — куклы, наряды для кукол или игрушки, связанные с домашним хозяйством (например, кухонные принадлежности). Как утверждают Бассей и Бандура (Bussey, Bandura, 1992), четырехлетние мальчики понимают, что они будут чувствовать себя хорошо при игре с машинкой и плохо — если будут играть с куклой. Эти чувства сопровождали их поведение, когда им дарили игрушки. Мальчики, которым дарили «женские» игрушки, использовали разные способы, чтобы избежать игр с ними: заявляли, что они не любят кукол, старались унести их из комнаты или использовали принадлежности из набора для приготовления пищи («посудка» у девочек) в качестве пистолетов или дрелей. Один семилетний мальчик, которого заставили менять подгузники на кукле во время съемок фильма, позже прокомментировал: «Это самая ужасная вещь, которую я когда-либо делал». «Женственные» игрушки становятся менее интересными для мальчиков по мере того, как они взрослеют (Golombok, Fivush, 1994).

При выборе любимой игрушки мальчики (старшей и подготовительной групп детсада. – *Е. И.*) чаще называют игрушки, типичные для мальчиков (61%), и реже нейтральные (35%), однако девочки, наоборот, чаще называют нейтральные (64%), чем игрушки, типичные для девочек (36%). В качестве лучшего друга подавляющее большинство как мальчиков, так и девочек выбирают себе в партнеры представителя своего пола (70%). При выборе партнера по играм дети совершают подобный выбор... На вопрос о причине своего выбора девочки как правило, обосновывали ее удобством такого партнерства (девочки не обижают, игрушки больше нравятся) и чуть реже интересом, у мальчиков из ряда причин интерес – на первом месте.

Корниенко Д. С., 2004, с. 349.

В возрасте от 3 до 5 лет мальчики чаще, чем девочки, говорят о своем негативном отношении к игрушкам, традиционно относящимся к представителям другого пола (Bussey, Bandura, 1992), и могут даже предпочесть в качестве партнера для игры девочку, а не мальчика, если ей нравятся игрушки мальчиков (Alexander, Hines, 1994). Девочки более, чем мальчики, склонны сохранять интерес к игрушкам, играм и занятиям не своего пола. По данным Д. Ричардсона и К. Симпсона (Richardson, Simpson, 1982), дети от 5 до 9 лет, посылая письма Санта-Клаусу, в основном просили игрушки для своего пола, однако девочки часто просили и игрушки, в которые играют мальчики (табл. 6.3).

Более частую склонность девочек играть и заниматься мальчишечьими делами объясняют тем, что маскулинное поведение выглядит в обществе более предпочтительным, поэтому девочки не хотят принадлежать к «второсортной» группе (Frey, Rable, 1992). Однако вряд ли это объяснение можно принимать всерьез. В таком возрасте у детей еще нет самосознания взрослых, связанного с половым сексизмом. Девочки не ощущают себя неполноценными людьми из-за того, что принадлежат к женскому полу. Другое дело, что мальчишечьи игры могут многим девочкам казаться более привлекательными, интересными, чем навязываемые им игры в домашнюю хозяйку.

Таблица 6.3. Процентное соотношение мальчиков и девочек, попросивших популярные «маскулинные» и «фемининные» подарки у Санта-Клауса

Принадлежности	Мальчики	Девочки
«Маскулинные»		
Велосипеды	43,5	8,2
Спортивное снаряжение	25,1	15,1
Игрушки, развивающие пространственное воображение и быстроту реакции (конструкторы, часы и т. д.)	24,5	15,6
«Фемининные»		
Куклы, изображающие взрослых женщин	0,6	27,4
Куклы-малыши	0,6	23,4
Домашние вещи	1,7	21,7

Но даже если в процессе игры дети выполняют одну и ту же роль, их поведение все же может отличаться в зависимости от того, с кем — мальчиком или девочкой — они имеют дело. Показательно в этом плане одно из зарубежных исследований. Когда в экспериментальной обстановке четырехлетним детям предоставляли возможность поиграть в магазин, то, превратившись в продавцов, они предлагали мальчикам купить свирепых медведей, а девочкам — пушистых котят (Крейг Г., 2000).

В одном исследовании (Libby, Erich, 1989) трех–пятилетним детям предлагалось придумать истории, начинающиеся со слов: «Однажды два ребенка играли во дворе. Они обнаружили потайную дверь». Оказалось, что мальчики и девочки фантазировали по-разному. Рассказы девочек включали заботу и помощь другим. Их истории обычно описывали дружелюбных героев, которые предлагают помощь женщинам. Истории мальчиков сконцентрированы в большей степени на агрессии и на попытках создать конфликтные ситуации.

Как полагают некоторые авторы, завершение формирования полоролевых позиций происходит лишь в юношеском возрасте. У девушек резко усиливается интерес к своей внешности, возникает завышенная оценка ее значения, связанная с ростом самооценки, увеличением потребности нравиться и обостренной оценкой своих и чужих успехов у противоположного пола. У юношей же возникает фетишизация силы и мужественности.

Еще дальше отодвигает срок окончания идентичности Д. Пайнз (1997), который считает, что кризисной точкой в поиске своей идентичности у женщин является беременность. Поэтому у некоторых женщин желание забеременеть вовсе не означает, что они хотят стать матерью. Автор ничего не говорит об аналогичной точке у мужчин. Однако если проводить аналогию с женщинами, тогда следует считать кризисной точкой в поиске своей идентичности у мужчин их первый половой акт.

Более ранняя половая идентификация наблюдается у детей рабочего класса (Rabban M., 1950).

У взрослых имеется более дифференцированное отношение к различным половым нормам, чем у детей. Например, и мужчины и женщины поддерживают такие «мужские» нормы, как профессиональная успешность, большие заработки

и мужественный внешний вид. В то же время наименьшую поддержку получили нормы, не позволяющие мужчинам выражать эмоции и отражающие традиционное разделение работ по дому (Берн Ш., 2001).

> До сих пор девочек обычно поощряют принять на себя *экспрессивную* роль, которая означает, что необходимо быть добрым, опекающим, чутким к нуждам других и сотрудничать с окружающими (Parsons, 1955). Эти психологические черты предназначались для того, чтобы подготовить девочек к выполнению ролей жены и матери, хранительницы домашнего очага и успешной воспитательницы детей. Напротив, мальчиков поощряют принять *инструментальную* роль, так как, будучи мужем и отцом, мужчина встречается с задачами обеспечения семьи и ее защиты. Таким образом, от маленьких мальчиков ожидают, что они станут доминирующими, напористыми, независимыми и конкурентоспособными.
>
> Шэффер Д., 2004, с. 672.

И. В. Романов (1997) изучал особенности половой идентичности у подростков (учащиеся VI–IX классов). Было выявлено, что «мальчики начинают чувствовать свою мужественность тогда (и тем сильнее), когда (и чем сильнее) они чувствуют в окружающих их девочках женщин. У девочек же переживание женственности прямо не связано с интеграцией “мужских” образов» (с. 42).

Автором было показано, что чувство взрослости у мальчиков связано с идентификацией с половозрастным эталоном взрослого мужчины, а у девочек – с присоединением к миру взрослых в целом.

Итак, половая идентичность начинается уже у младенцев и заканчивается в зрелом возрасте, проходя ряд этапов (табл. 6.4).

6.3. Теории половой идентификации

В обыденном сознании людей распространено представление о том, что полоролевая принадлежность индивида «дана» ему чисто биологически. Это точка зрения психоаналитиков, сторонников фрейдизма.

Теория идентификации сторонников фрейдизма подчеркивает роль эмоций и подражания. Ученые этого направления полагают, что ребенок бессознательно имитирует поведение представителей своего пола, прежде всего родителей, место которых он хочет занять (Sears R., Rau L., Alpert R., 1965). Психоаналитики отстаивают позицию, что личность лишь тогда развивается полноценно, когда не нарушается половая идентификация.

Возникновение половой идентификации объясняется различными теориями, которые подчас отличаются друг от друга в большей степени названиями, чем своей сутью.

Теория социального научения (в более поздней модификации А. Бандуры (Bandura, 1986) — социально-когнитивная теория) и ее разновидность — *теория моделирования*, опираясь на бихевиористский принцип обусловливания, утверждает, что все зависит от родительских моделей, которым ребенок старается подражать, и от подкреплений, которые дают поведению ребенка родители.

Таблица 6.4. Этапы половой идентичности (Ruble, Martinh, 1998)

Возраст (годы)	Половая идентичность	Половая стереотипизация	Поведение, типичное для того или иного пола
0–2,5	Способность к различению мужчин и женщин возникает и совершенствуется. Ребенок точно определяет себя как мальчика или девочку	Появляются некоторые половые стереотипы	Появляются обусловленные половой принадлежностью предпочтения в выборе игрушек и деятельности. Ребенок начинает предпочитать игровых партнеров своего пола (половая сегрегация)
3–7	Появляется осознание неизменности пола	Интересы, модусы деятельности и занятия становятся полностью ригидно-стереотипными	Адекватные половой принадлежности предпочтения в выборе игрушек / видов игр становятся сильнее выраженными, особенно в среде мальчиков. Половая сегрегация усиливается
8–11		Начинается формирование стереотипов, относящихся к личностным чертам и областям достижений. Половая стереотипизация становится менее ригидной	Половая сегрегация продолжает углубляться. Предпочтения в выборе игрушек / игр продолжают становиться сильнее для мальчиков. Девочки же развивают интерес (или сохраняют его) к некоторым маскулинным занятиям
12 лет и старше	Половая идентичность становится более заметной, отражая давление половой интенсификации	Нетерпимость к поведению, не адекватному представлениям о половой принадлежности, становится сильнее в младшем подростковом возрасте. В дальнейшем половая стереотипизация в большинстве аспектов становится более гибкой	Поведение становится все более соответствующим той или иной половой принадлежности вследствие половой интенсификации. Половая сегрегация становится менее выраженной

Как считают сторонники социального научения, ребенок идентифицирует себя не с одним из родителей, а с неким абстрактным образом мужчины и женщины, созданным им на основании многих наблюдений над соответствующим этому полу поведением взрослых. Причем важным для ребенка оказывается не сам по себе пол того, кому подражают, а информация о том, что поведение этого человека соответствует определенному полу (Masters J. C. et al., 1979).

Теория половой типизации опирается на теорию социального научения и придает решающее значение механизмам подкрепления: родители и другие люди поощряют мальчиков за «мальчишеское» поведение и осуждают их, когда они ведут себя «как девчонки»; девочки же поощряются за фемининное поведение и порицаются за маскулинное (Mishel W., 1970). С позиций этой теории трудно объяснить отклонения от половых стереотипов, которые возникают стихийно, вопреки даже воспитанию.

Джон Мастерс и коллеги (Masters et al., 1979) обнаружили, что дошкольники гораздо сильнее озабочены половой адекватностью наблюдаемого поведения, чем половой принадлежностью человека, служащего для них моделью. Мальчики от 4 до 5 лет, например, будут играть с «мальчишескими» игрушками даже после того, как с этими игрушками в их присутствии поиграла девочка. Однако они отказываются играть с «девчоночьими» игрушками, несмотря на то что с ними ранее играл мальчик, выполняющий функцию модели, и считают, что другие мальчики также отвергнут предметы, заклейменные как девчоночьи игрушки (Martin, Aisenbud, Rose, 1995). Таким образом, выбор детьми игрушек в большей степени подвержен влиянию наклеенных на игрушки «ярлыков», чем половой принадлежностью ребенка, служащего моделью. Но с тех пор как дети начинают осознавать, что половая принадлежность является неизменной характеристикой (примерно в возрасте 5–7 лет), они действительно начинают проявлять выборочное внимание к моделям, принадлежащим к одному с ними полу, и избегают игрушек и действий, которые, как им кажется, представляют собой источник получения удовольствия для эталонных фигур, принадлежащих к другому полу (Frey, Ruble, 1992; Ruble et al., 1981).

Шэффер Д., 2003, с. 705.

Теория когнитивного развития, или теория самокатегоризации, не отрицая роли подкрепления, главным все же считает получаемую ребенком от взрослого информацию о полоролевом поведении и понимание ребенком своей половой принадлежности и ее необратимости. Неслучайно Дж. Сметане и К. Летурно (Smetane J., Letourneau K., 1984) полагают, что гендерная константность побуждает детей искать социальные контакты для сбора информации о поведении, соответствующему их полу. Эта теория подчеркивает познавательную сторону процесса идентификации. Сначала ребенок узнает, что значит быть мужчиной или женщиной, затем определяет, кто он есть, и далее старается согласовать свое поведение с представлением о мужчине или женщине. Отсюда и важность для половой идентификации интеллектуального развития ребенка (Kohlberg L., 1966). Подкрепление же и моделирование начинают оказывать существенное влияние на формирование психологического пола только после того, как половая типизация уже произошла.

В соответствии с этим Колберг выделил три стадии половой идентификации:

1) базовая гендерная идентичность: к возрасту 3 лет дети твердо уже знают, мальчики они или девочки;
2) устойчивость гендерной принадлежности: несколько позже дети воспринимают половую принадлежность как постоянную;
3) гендерная согласованность: представление о своем поле становится завершенным тогда, когда ребенок осознает, что половая принадлежность постоянна во всех ситуациях, и когда его уже невозможно обмануть с помощью внешнего вида (путем переодевания или выполнением деятельности, свойственной противоположному полу).

Основными положениями когнитивной теории половой идентификации Л. Колберга являются:

1. Гендерно-ролевое развитие зависит от когнитивного развития, дети должны приобрести определенное осознание сущности половой принадлежности до того, как на них начинает оказывать влияние социальный опыт.

2. Дети активно социализируют сами себя. Они не «пешки», передвигаемые социальными силами.

Различия между теориями половой идентификации Л. Колберг выразил следующим образом: «В свете теории половой типизации ребенок мог бы сказать: “Я хочу поощрения, меня поощряют, когда я делаю «мальчиковые» вещи, поэтому я хочу быть мальчиком”, а в свете теории самокатегоризации: “Я мальчик, поэтому я хочу делать «мальчиковые» вещи, и возможность их делать меня вознаграждает”» (1966, с. 89).

Возражением против этой теории является то, что полоролевая дифференциация поведения начинается у детей гораздо раньше, чем складывается у них устойчивое сознание своей половой идентичности. Так, мальчики 2 лет уже предпочитают маскулинные игрушки. Дети 3 лет того и другого пола уже знают о многих гендерно-ролевых стереотипах и предпочитают занятия, соответствующие их полу (Martin C., Halverson C., 1981). По данным Мартина и Халверсона, дети наблюдают, насколько часто в поведении мужчины и женщины встречаются те или иные виды деятельности, а затем используют полученные знания для выстраивания собственного поведения. Было выявлено, что ребенок вероятнее станет имитировать поведение взрослого, если считает, что оно правильнее отражает гендерно-ролевое поведение. Если, например, поведение родителей не соответствует стандартной гендерной роли, дети не перенимают его, а ориентируются на поведение других взрослых. Возможно, поэтому попытки многих родителей освободить своих детей путем соответствующего воспитания от гендерных стереотипов не увенчались успехом (Lott B., Maluso D., 1993).

Мальчики, достигшие половой согласованности, начинают обращать более пристальное внимание на мужские (в отличие от женских) персонажи, которых видят по телевизору (Luecke-Aleksa et al., 1995), и отдавать предпочтение тем новым игрушкам, с которыми играют служащие моделями поведения представители именно мужского пола, даже тогда, когда отвергаемые игрушки более привлекательны (Frey, Ruble, 1992). Таким образом, дети со зрелой половой идентичностью (особенно мальчики), как правило, дорожат ею и выбирают игрушки или занятия, рассматриваемые представителями того же пола как наиболее уместные либо для мальчиков, либо для девочек.

Шэффер Д., 2003, с. 707.

Теория гендерной схемы, разработанная К. Мартином и Ч. Халверсоном, содержит черты как теории социального научения, так и теории когнитивного развития. С позиций этой теории усвоение и принятие установок, связанных с выполнением определенной гендерной роли, осуществляется в процессе первичной самосоциализации. В отличие от Колберга авторы этой теории утверждают, что самосоциализация начинается с того момента, когда дети приобретают *базовую гендерную идентичность* (а это происходит в возрасте 2,5–3 лет) и завершается к 6–7 годам, когда ребенок достигает стадии *гендерной согласованности* по Колбергу. Предполагается, что половая дифференциация и типизация являются результатом гендерно-схематизированной переработки информации, связанной

с понятиями «мужское» и «женское». *Гендерные схемы* — это организованный набор убеждений и ожиданий, относящихся к представителям обоего пола и оказывающих влияние на то, какую информацию ребенок склонен воспринимать, перерабатывать и хранить в памяти (рис. 6.1) Дети склонны к кодированию и запоминанию информации, согласующейся с принадлежащими им гендерными схемами, забывая или искажая информацию, противоречащую схемам (Martin, Halverson, 1983).

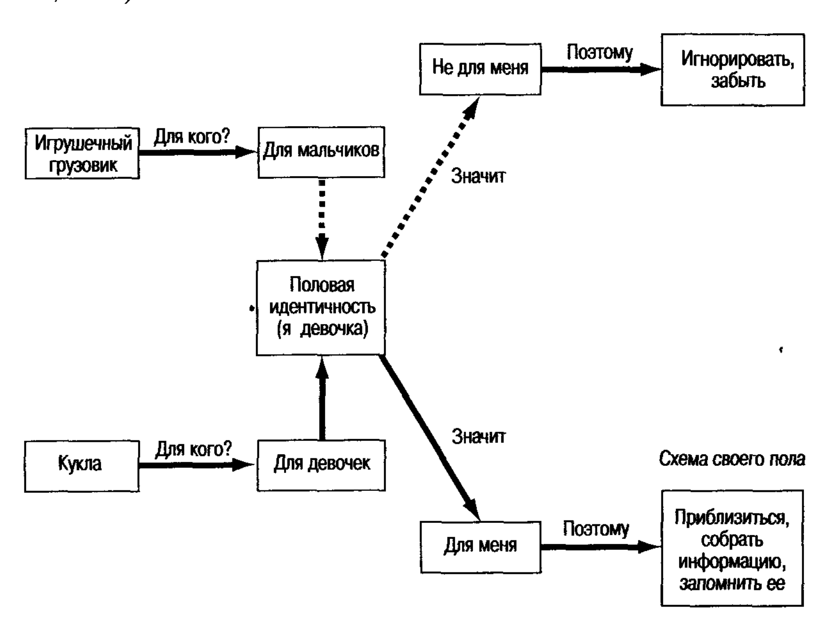

Рис. 6.1. Теория гендерных схем в действии

Ориентируясь на взрослых, ребенок научается выбирать из всех возможных определений Я только те, которые применимы к его полу. Воспринимая новую информацию (включая и новое знание о себе), ребенок кодирует и организует ее в соответствии с заданными извне гендерными схемами, т. е. доминирующими культурными представлениями о мужественности — женственности и ролях мужчины и женщины в обществе. Таким образом, и самооценка ребенка, и его поведение в существенной мере определяются содержательным компонентом гендерной схемы.

Новая психология пола (Bisaria S., 1985; Maccoby E., Jacklin C., 1974; Weitzman L., 1979, и др.) считает, что основную роль в формировании психического пола и половой роли играют социальные ожидания общества, которые реализуются в процессе воспитания детей.

Теория социальных ролей Э. Игли (Eagly, 1987) гласит, что многие гендерные различия являются продуктами разных социальных ролей, которые поддерживают или подавляют в мужчинах и женщинах определенные варианты поведения. Различные роли формируют различные навыки и аттитюды (установки), и именно это приводит к различному поведению мужчин и женщин. Из того, что мужчины и женщины занимаются разными делами, мы делаем заключение, что они разные люди.

Дочери работающих матерей считают, что между мужчинами и женщинами меньше отличий в сердечности и экспрессивности, чем думают дети неработающих матерей (Reid, Paludi, 1993). Исследование показывает, что более гибкое и снисходительное воспитание в семьях среднего класса... ведет к тому, что у девочек появляется больше возможностей выбора (мужских и женских ролей. – *Е. И.*). Во многих семьях рабочего класса родители больше заботятся о том, чтобы их дочери строго придерживались стереотипного женского поведения (Reid, Paludi, 1993, 1995).

Палуди М., 2003, с. 133.

Так, в исследованиях К. До (Deaux, 1985) и Э. Игли женщины, исполнявшие мужские роли, оценивались как более мужественные по сравнению с женщинами, исполняющими женские роли, а мужчины, принявшие на себя женские роли, – как более женственные по сравнению с мужчинами, исполнявшими мужские роли. Это же проявляется и при характеристике родителями своих дочерей и сыновей. В одном исследовании (Rubin et al., 1974) родители описывали своих новорожденных дочерей, используя такие слова, как «маленькая», «нежная», «прекрасная» и «слабенькая». Своих же новорожденных сыновей родители описывали как крепких, сильных, координированных. В действительности же между младенцами не было никакой разницы.

Сегодня все большее число ученых склоняются к мнению, что основную роль в формировании гендерной роли играют социальные нормы, предписывающие различные типы поведения в соответствии с биологическим полом, социальные ожидания общества, которые возникают в соответствии с конкретной социально-культурной матрицей и находят свое отражение в процессе воспитания. В этом процессе социальный пол, который усваивается прижизненно, играет бо́льшую роль, чем пол биологический. Однако необходимо учитывать и тот факт, что принятие индивидом социальных ролей – процесс активный, индивид может варьировать роли, уклоняясь от стандарта (Асеев В. С., 1987; Алешина Ю. Е., Волович А. С., 1991; Блок Дж. Х., 2000; Виноградова Т. В., Семенов В. В., 1993).

Гаврилова М. В., 2005, с. 43.

Итак, сторонники социального научения считают, что половая идентичность возникает лишь после того, как ребенок усвоил типичное для того или иного пола поведение. Когнитивисты же отстаивают точку зрения, что сначала ребенок усваивает половую идентичность, а затем научается вести себя соответственно полу. Этот спор представляется надуманным, так как очевидно, что формирование половой идентичности происходит не одномоментно. Это длительный процесс, в котором имеют место (как последовательно, так и одновременно) и идентификация как спонтанное подражание, и научение как результат целенаправленного со стороны взрослых воспитания у ребенка половой роли. Эти две линии взаимно подкрепляют друг друга. Поэтому справедливым представляется мнение, что эти теории описывают один и тот же процесс с разных точек зрения: теория половой типизации – с точки зрения воспитателей, теория самокатегоризации – с точки зрения ребенка, или подчеркивают аспекты, имеющие неодинаковое значение на разных стадиях психосексуального развития (Mussen P.,1969).

Несомненно, что сам ребенок проявляет спонтанную активность в освоении своей половой роли, идентифицируя себя с взрослым определенного пола (прежде всего — с родителем, если тот компетентен, заботлив), подражая ему (Mussen P., 1969). Отмечается, что мальчики склонны подражать поведению других мальчиков, нежели девочек (Abramovich R., Grusec J., 1978).

Половая идентификация осуществляется у детей не только в следовании в своем поведении навязываемым ему полоролевым эталонам, но и в стремлении, например, детьми 2–4 лет к разглядыванию и ощупыванию своих половых органов, в сравнении половых признаков отца и матери, а затем (в возрасте 4–5 лет) и в проявлении «полового любопытства», когда мальчики и девочки показывают друг другу свои половые органы («а у тебя что?»). Уже трехлетний ребенок может спросить отца, почему у него нет, как у мамы, грудных желез, и в то же время есть половые признаки, отсутствующие у матери. С аналогичными вопросами он обращается к матери. Затем он уже утвердительно говорит «я — мальчик» или «я — девочка» и в случае, если это в шутку отрицается, он может привести в качества доказательства наличие или отсутствие у себя того или иного полового признака.

В младшем школьном возрасте идет активное осознавание детьми своей гендерной роли. Анализ «автопортретов» показал, что дети подчеркивают в рисунках принадлежность к тому или иному гендеру, что выражается в прорисовывании традиционных атрибутов (символов) маскулинности – феминииности: часто мальчики изображали себя занимающимися спортом, курением, почти все девочки изобразили себя с различными украшениями, сумочками и т. д.

Представление о гендерных ролях и гендерном поведении у детей из полных и неполных семей имеют некоторые различия (на основе анализа свободных сочинений). Дети из неполных семей формируют свои представления на основе наиболее распространенных стереотипов, образов «мужчин», «женщин», представленных в СМИ, литературе, школьных учебниках. При этом дети из неполных семей демонстрируют ограниченность в восприятии мужского и женского поведения, выделяя только наиболее типичные формы поведения. У детей из полных семей формирование половой идентичности происходит на основе наблюдения за родителями, служащими им моделью полоспецифического поведения, их представления о гендерном поведении более гибкие.

Анализ данных полоролевого опросника С. Бем показал, что у детей из неполных семей наблюдается маскулинизация (50%). На наш взгляд, это связано с принятием и демонстрацией матерью роли отца. У детей из полных семей лишь у 37% девочек преобладают мужские качества, у 50% девочек из полных семей в большей степени развиты фемининные качества в отличие от 38% девочек из неполных семей.

Несмотря на то что родители воспитывают одни и те же качества, в равной степени присущие и мужчинам и женщинам (это следует из анализа анкет для родителей), у детей из полных и неполных семей различны формы полоролевого поведения, что является следствием «скрытого учебного плана». На этом основании можно сделать вывод, что важны не специальные качества, воспитываемые у ребенка, а возможность наблюдать и усваивать поведение родителей обоего пола.

Данькова А. С., 2002, с. 135–136.

Важную роль играет и эмоциональная, интимная связь между ребенком и родителем (Kagan J., 1958, Mussen P., 1961). И то обстоятельство, что за своеполое поведение ребенка поощряют и меньше критикуют (Perry D., Bussey K., 1979), не

мешает этому. В этом отношении позиция сторонников социального научения, и в частности А. Бандуры, отрицающих спонтанное научение, представляется неправомерной. К Баррет (К. Barrett, 2000) ссылается на Р. Эмде с коллегами, которые обнаружили, что уже в двухлетнем возрасте девочки склонны подстраиваться под материнские эмоции, играя с ними. В то же время мальчики того же возраста, наоборот, проявляли большую активность, сами инициировали игру и управляли ею. Очевидно, что возможен и тот и другой путь овладения половой ролью.

Существует ли биологическая судьба?

Что побеждает в случае противоречий между биологическим полом и социальными факторами определения половой принадлежности? Обдумайте случай, происшедший с одним из мальчиков-близнецов, чей пенис был необратимо поврежден (Money, Tucker, 1975). Проконсультировавшись у специалистов-медиков и рассмотрев альтернативы, родители согласились на хирургическую процедуру, сделавшую их сына (в возрасте 21 месяца) девочкой по анатомической структуре. После операции семья начала процесс активной половой типизации этого мальчика, ставшего девочкой, посредством таких способов, как изменение прически ребенка, одевание его (ее) в блузки и платья с множеством украшений и тому подобное и обучение «дочки» таким специфически женским действиям, как писание сидя. К пяти годам «девочка»-близнец совершенно отличалась от своего брата, обладающего идентичным генотипом: она осознавала себя девочкой и была гораздо более изящной и утонченной, чем родной брат. Получается, что здесь мы имеем дело с тем случаем, когда приписываемый пол и гендерно-ролевая социализация, как представляется, преодолели биологическую предрасположенность.

Мильтон Даймонд и Кейт Сигмундсон (Diamand, Sigmundson, 1997) проследили судьбу «Джона», обращенного в «Джоанну», и обнаружили, что данная история привела к неожиданному финалу. С течением времени Джоанна, играя в куклы и занимаясь другими «девчоночьими» делами, чувствовала себя все более неуютно. Она предпочитала одеваться в мужскую одежду, играть с игрушками брата и разбирать вещи для того, чтобы понять принцип их работы. Примерно в 10 лет она ясно почувствовала, что не является девочкой. «Я начала понимать, насколько различались мое ощущение себя и то, кем я была в действительности... я подумала, что я урод или чем-то типа того... но я не хотела этого принимать. Я посчитала, что не хочу открывать ящик Пандоры» (Diamand, Sigmundson, 1997, р. 299–300). Будучи отвергнутой другими детьми из-за маскулинной внешности и фамининной одежды, что, естественно, не проходило бесследно, она испытывала дополнительное давление со стороны психиатров, настраивающих на более женственное поведение. Наконец, к 14 годам, после многих лет внутренней пытки, Джоанна наконец решилась и просто навсегда отказалась принимать женские гормоны, носить соответствующую одежду и притворяться быть девочкой. Затем она начала получать инъекции мужских гормонов, прошла через ампутацию молочной железы и хирургического вживления пениса и в результате этого стала вполне красивым и популярным молодым человеком, назначавшим свидания девушкам и женившимся в 25 лет. Таким образом, этот человек без отторжения принял свою выстраданную мужскую идентичность. Отсюда следует, что, возможно, нам следует пересмотреть выводы о том, что ранняя гендерно-ролевая социализация – единственный заслуживающий внимания фактор. Биологические факторы также имеют значение.

Вторым источником доказательств значимости биологических факторов служит исследование восемнадцати детей из Доминиканской Республики, биологически относящихся к мужскому полу и генетически находящихся в состоянии, вызываемом синдромом тестикулярной феминизации, вследствие которого они не обладали восприимчивостью к воздействию мужских гормонов в пренатальный период (McGinley, Peterson, Gauter, Sturla, 1979). Генитальная структура

таких детей характеризовалась двойственностью. Воспитывались они, согласно полученным данным, как девочки. Однако стоило мужским гормонам в пубертатный период вызвать у этих ставших подростками детей рост бород и повлиять на внешность, принявшую более маскулинный характер, как шестнадцать из восемнадцати индивидов приняли мужскую идентичность и установили гетеросексуальные взаимоотношения с женщинами! Факты, обнаруженные в приведенном выше исследовании... поддерживают идею о том, что половая идентичность и половые предпочтения в большей степени обусловливаются гормонами, а не переживаниями в ходе ранней социализации.

Однако заключения, сделанные на основании доминиканского исследования, не окончательны (Ehrhard, 1985). Вероятно, что доминиканские родители, осведомленные о частой распространенности синдрома тестикулярной феминизации в своем обществе, вели себя по отношению к мальчикам, выглядевшим как девочки, не так, как по отношению к собственно маленьким девочкам. Если это соответствует истине, то описываемые «девочки» в раннем детстве могли полностью не принять женскую идентичность. Кроме того, не стоит думать, что принятие ими в дальнейшем мужской роли было опосредовано воздействием гормонов. Одно из исследований мальчиков с синдромом тестикулярной феминизации, проведенное в племени самбиа из Папуа – Новой Гвинеи, показало, что *социальное давление*, а именно указание на то, что человек, биологически являющийся мужчиной, не может быть матерью, служит основной детерминантой изменений в половой идентичности, происходящей после начала пубертата (Herdt, Davidson, 1988).

Наконец, один канадский мальчик, чей пенис был необратимо поврежден и который воспитывался как девочка с 7 месяцев, в настоящий момент достиг взрослости и продолжает вполне комфортабельно жить со своей женской половой идентичностью (Bradley et al., 1998). Очевидно, что биологическая предрасположенность не является судьбой и что социальные факторы играют важную роль в формировании половой идентичности и гендерно-ролевых предпочтений.

Как выясняется, исследования индивидов с анормальными гениталиями учат нас следующему: мы генетически предрасположены развиваться либо как мужчины, либо как женщины; первые три года жизни – это сензитивный, но не критический период для гендерно-ролевого развития; и *ни* биологические, *ни* социальные факторы не играют основной роли в полоролевом развитии.

Шэффер Д., 2003, с. 700–701.

Биосоциальный взгляд на половую идентификацию. Не отрицая значения имеющихся социальных установок общества на выполнение мужчинами и женщинами определенных ролей, зададимся все же вопросом: из чего на протяжении почти всей истории человечества исходило общество в приписывании тем и другим различных ролей? Это происходило случайно, по чьей-то прихоти или же во внимание были приняты какие-то существенные биологические различия, возможности мужчин и женщин? И если бы не было биологических различий по полу, возникли бы гендерные установки общества в отношении поведения мужчин и женщин?

Думается, что мнение, будто бы *основную роль* в формировании гендерной роли играют социальные нормы, предписывающие разные типы поведения, сильно преувеличено. Неслучайно многие исследователей считают, что в основе формирования половой идентичности лежит биологически заданный пол, но формирование психологического пола является результатом воздействия на личность социальных условий и культурных традиций общества (Unger R., 1979; Money J., Ehrhardt A., 1972; Wood J., Eagly A., 2002). С точки зрения биосоциальной теории,

предложенной Джоном Мани и Анке Эрхард, биологические факторы направляют и ограничивают развитие мальчиков и девочек, и половая специфика этого развития оказывают влияние на реакции окружающих по отношению к ребенку того или иного пола. Вуд и Игли доказывают, что причины психологических половых различий являются двойственными: 1) физические различия между мужчинами и женщинами — способность женщин вынашивать детей и большие размеры тела, сила и скорость мужчин; 2) вид общества в отношении социально-экономических, экологических и технологических условий, в которых люди живут. Определенные условия могут быть более оптимальными для одного пола, чем для другого. Поэтому роли мужчин и женщин перераспределяются с учетом этого.

Диана Халперн (D. Halpern, 1997) предложила психобиологическую модель, объясняющую, как природа и воспитание оказывают совместное влияние на половую идентификацию. Согласно этой модели, мужские и женские половые гормоны влияют в пренатальный период на развитие головного мозга таким образом, что мальчики становятся более восприимчивыми к действиям, связанным с ориентацией в пространстве, а девочки более склонными к спокойному обмену вербальными сообщениями. Такая повышенная чувствительность в сочетании с убеждениями других людей по поводу адекватного полу поведения приводит к тому, что мальчики потенциально готовы и ведут себя именно так, чтобы получать больше переживаний, связанных с ориентацией в пространстве, а девочки чаще вовлекаются в игры, требующие проявления вербальных способностей (Bernstein et al., 1999).

Согласно Халперн, «мальчики, получающие в отличие от девочек более ранний опыт ориентации в пространстве, могут отличаться бóльшим количеством нервных проводящих путей в области правого полушария головного мозга, выполняющего функции, связанные с ориентацией в пространстве, которые, в свою очередь, могут делать мальчиков еще более восприимчивыми к развитию пространственных способностей и приобретению умений ориентироваться в пространстве. У девочек же может развиваться больше нервных проводящих путей в области левого полушария головного мозга, выполняющего вербальные функции, и, как следствие, девочки становятся еще более восприимчивыми к осуществлению вербальной активности и приобретению вербальных умений. «Биологические факторы и окружающая среда неотделимы друг от друга, как сросшиеся близнецы, делящие одно сердце на двоих» (Halpern, 1997).

Таким образом, *половая идентичность — это фенотип, сплав врожденного и приобретенного.* Данное положение отражено на схеме Петерсона и Мейлора (см.: Кон И. С., 1989, с. 57), в которой показаны факторы и механизмы формирования половой идентичности (рис. 6.2).

За врожденные различия в реакциях и поведении мальчиков и девочек свидетельствуют следующие факты. Имеются данные, что в возрасте 12 недель, когда влияние среды еще едва заметно, у девочек гораздо выше интерес к фотографиям и изображениям лица человека, чем у мальчиков. В возрасте 24 недель у девочек эта тенденция сохраняется, а мальчики проявляют больше интереса к рисункам с геометрическими формами, чем к лицу человека. В возрасте 3–4 лет мальчики

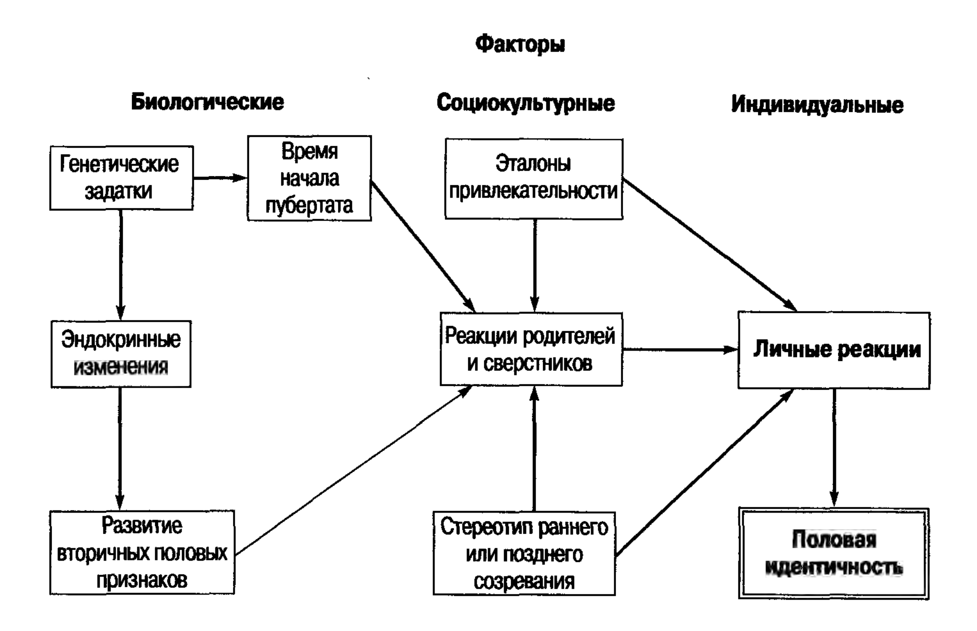

Рис. 6.2. Факторы и механизмы формирования половой идентичности

проявляют большую любознательность и самоуверенность в поведении (Little B., 1968; Hutt C., 1970), в то время как девочки в большей степени проявляют интерес к внешности, одежде, более опрятны (Ehrhard A. A., 1974).

В то же время нельзя не отметить, что окончательно вопрос о механизмах половой идентификации еще не решен. Хотя большинство фактов указывают на роль социализации, нельзя сбрасывать со счетов и значение врожденной предрасположенности к выбору видов деятельности, игр, игрушек (с учетом хотя бы большей агрессивности лиц мужского пола, которая определяется не только воспитанием, но и связью с генетически предопределенной концентрацией в организме мужских половых гормонов). Уникальная возможность получения доказательств в пользу последней точки зрения имеется при изучении детей с таким генетическим нарушением, как *врожденная гиперплазия надпочечников (ВГН)*. Из-за ферментативного дефекта у индивидов с ВГН обнаруживается высокий уровень андрогенов в надпочечниках начиная с утробного периода. Вследствие этого у девочек с ВГН наблюдается поведение, характерное для мальчиков: интенсивный расход энергии, склонность к шумным уличным играм и традиционно маскулинным игрушкам и занятиям (Ehrhard, Baker, 1974; Ehrhard, Epstein, Money, 1968; Berenbaum, Hines, 1992). Они лучше ориентируются в пространстве (что характерно для мальчиков), чем девочки без ВГН (Resnick et al., 1986).

У людей, обладающих врожденной нехваткой фермента 5-альфа-редуктаза, дигидротестостерона (производный от тестостерона) вырабатывается меньше начиная с внутриутробного периода развития. Это приводит к тому, что гениталии становятся женскими на вид, поскольку дигидро-

тестостерон необходим для пренатального развития пениса. Изучение выборки, состоявшей из 18 таких людей, которые все были воспитаны как девочки, показало, что 17 человек в подростковом возрасте определили свою принадлежность к числу мужчин. Обратите внимание, что в пубертатный период под воздействием тестостерона у них сформировались мужские гениталии (Imperato-McGinley et al., 1974, 1979). Согласно гипотезе о важности приписываемого ребенку при рождении пола, они должны были гендерно идентифицировать себя с тем полом, какой приписан им при рождении.

Наличие ферментной недостаточности (17-бета-гидроксистероидной дегидрогеназы) приводит к тому, что при рождении у ребенка имеются женские на вид половые органы; но затем в подростковом возрасте происходит значительный рост пениса, а также интенсивный рост волос. Изучение выборки, состоявшей из 25 таких людей, показало, что они определили в подростковом возрасте свою принадлежность к мужчинам, несмотря на то что их воспитывали как девочек (Rosler, Kohn, 1983).

Фрэнкин Р., 2003, с. 206.

На биологическую основу различий в играх мальчиков и девочек указывают и наблюдения над юными макаками резус: самцы играют в борьбу, а самки ухаживают за маленькими собратьями. Вряд ли эти различия можно приписать социальному фактору или подражанию родителям. Скорее борьба юных самцов отражает их большую склонность к проявлению агрессии, обусловленную большой концентрацией мужского полового гормона.

Мелисса Хайнс и ее коллеги изучали связь между уровнем гормонов у беременных женщин и гендерным поведением детей в возрасте 3,5 лет от данных беременностей (Hines et al., 2002). У беременных женщин они измеряли и тестостерон и глобулин, который связывает тестостерон, транспортирует его в кровообращение и препятствует его связи с рецепторами тестостерона в мозге. Они изучили гендерное поведение, используя дошкольные предметы.

Эти ученые обнаружили связь между дородовым уровнем гормонов и гендерным поведением дошкольников-девочек: высокий уровень дородового тестостерона предсказывает высокий уроеень типично мужского поведения. Хайнс и ее коллеги интерпретировали эти результаты как поддерживающие мысль о том, что нормальная изменчивость во внутриутробном уровне тестостерона может внести вклад в индивидуальные различия в гендерное поведение девочек.

Lips H., 2008, с. 197.

Споры о роли биологического или социального в развитии и поведении человека вообще беспредметны, если касаются человека в целом, а не отдельных его характеристик. Ясно, что играет роль и то и другое, и человек, будучи социальным животным, прислушивается как к голосу своей природной основы, так и к голосу социума, в котором живет; вопрос, однако, *в каком конкретном проявлении и на каком этапе развития человека роль того или иного фактора больше или решающая?* Некоторые ученые пытаются создать интегративную теорию половой идентификации (табл. 6.5).

Таблица 6.5. Обзор процессов половой типизации с точки зрения интегративной теории (Шэффер Д., 2003)

Период развития	События и результаты развития	Соответствующие теории
Пренатальный	У плода развиваются мужские и женские гениталии, на которые реагируют после рождения окружающие ребенка люди	Биосоциальные / психобиосоциальные
С рождения до 3 лет	Родители и другие окружающие ребенка люди определяют ребенка как мальчика или девочку, часто напоминают ребенку о его половой принадлежности и начинают поощрять адекватное полу поведение. В результате такого социального опыта, стимулированного развитием нервной системы, и приобретения базовых классификационных умений маленький ребенок вырабатывает склонность к определенным, обусловленным половой принадлежностью, модусам поведения и осознает, что он или она — мальчик или девочка (базовая гендерная идентичность)	Социального научения (дифференциального подкрепления); психобиосоциальные)
С 3 до 6 лет	Приобретя базовую половую идентичность, ребенок начинает искать информацию о половых различиях, формирует гендерные схемы и становится внутренне мотивированным на выполнение действий, рассматриваемых как адекватные для представителей того же пола. Формируя гендерные схемы, ребенок обращает внимание как на мужские, так и на женские модели. После прочного установления своих гендерных схем ребенок данного возраста приобретает склонность к имитированию поведения, рассматриваемого как адекватное для представителей того же пола, независимо от половой принадлежности человека, служащего моделью (эталоном)	Гендерных схем
С 7 лет до начала пуберта	Дети, наконец, приобретают чувство половой согласованности — устойчивого, ориентированного на будущее образа Я как мальчика, который должен стать мужчиной, или как девочки, которая обязательно станет женщиной. С этого момента дети начинают в меньшей степени опираться на гендерные схемы, ориентируясь на поведение служащих моделями представителей того же пола, для того чтобы приобрести те же манеры и характеристики, которые согласуются с уверенным отнесением себя к категории мальчиков и девочек	Когнитивного развития (Колберг)
С пубертата и далее	Биологическая революция подросткового возраста вместе с новыми социальными ожиданиями (половая идентификация) приводит подростков к пересмотру представлений о себе в ходе формирования взрослой гендерной идентичности	Биосоциальные / психобиосоциальные; социального научения; гендерных схем; когнитивного развития

6.4. Нормативное давление как механизм половой идентификации

Значение социальных факторов и, в частности, культурных традиций в разных этнических группах для полоролевых различий показано М. Мид (Mead M., 1964). Она опровергла мнение о том, что у всех народов имеется такая же ролевая диф-

ференциация пола, как и в западной культуре. Так, в ходе исследований на острове Ману в Новой Гвинее было выявлено, что дети не знают, что такое куклы. Однако когда им впервые дали несколько деревянных статуэток, то в качестве кукол их приняли мальчики, а не девочки. Мальчики стали напевать статуэткам колыбельные песенки, проявлять по отношению к ним типичное родительское поведение. Это соответствовало модели поведения взрослых на этом острове. Мужчины, располагая большим свободным временем в промежутках между охотой и ловлей рыбы, уделяют больше внимания детям и играют с ними.

М. Мид описала также эмоциональные характеристики мужчин и женщин в трех первобытных племенах Новой Гвинеи. В двух племенах различий не было, причем в одном племени мужчины и женщины демонстрировали особенности, которые в развитом обществе считаются женскими, а в другом — мужскими. В третьем же племени мужчины обладали «женскими» чертами (грациозностью, артистичностью, застенчивостью, эмоциональной чувствительностью, подверженностью мнению других), в то время как женщины описываются ею как обезличенные, практичные и умелые.

Г. Берри с соавторами (Barry G. et al., 1957) проанализировали обычаи половой типизации в 110 сообществах, выделив для этого пять признаков. У мальчиков *усиленно* поощрялись стремление к достижению успеха (в 87% сообществ против 3% у девочек) и уверенность в себе (в 85% сообществ против 0%), а у девочек — заботливость (в 82% против 0% у мальчиков), ответственность (в 61% против 11%) и послушание (в 35% против 3%). Эти полоролевые стереотипы, несмотря на некоторые изменения, не исчезли и почти полвека спустя (Bergen, Williams, 1991; Twenge, 1997).

Роль родителей. Как показала И. В. Тельнюк (1999), большинство родителей (83%) считают необходимым воспитывать ребенка с учетом половых различий, однако 46% опрошенных затрудняются в правильном его осуществлении. И все же, надо полагать, полоролевое воспитание хотя и не осуществляется большинством из них целенаправленно, все же происходит. По мнению А. Бандуры (Bandura A., 1969), родители начинают тренировать в этом направлении ребенка раньше, чем он сам окажется способным наблюдать и различать модели обоих полов. Можно вспомнить, к примеру, встречу ребенка из родильного дома, когда его одеяльце украшают красными и голубыми ленточками в зависимости от пола. Затем половая роль обозначается именем, различиями в одежде, выбором игрушек (Lewis M., Weinraub M., 1979; Seavey C., Katz P., Zalk S., 1975) Так, взрослых просили заниматься трехмесячным младенцем; при этом ребенка представляли то мальчиком, то девочкой, а то вообще не давали о его поле никакой информации. Как мужчины, так и женщины давали предполагаемой девочке больше тех игрушек, которые взрослыми считаются девчоночьими. Отсутствие информации о поле ребенка вызывало у взрослых замешательство, и они всячески старались угадать пол ребенка.

Джерри Уилл, Патриция Селф и Нэнси Дэтэн (Will, Self, Datan, 1976) просили матерей поиграть с шестимесячным младенцем. Часть матерей играли с младенцем, одетым в розовое платье, которого называли «Бесс». Другая группа матерей играла с тем же младенцем, одетым в голубые штанишки, и младенца звали «Адам» (на самом деле ребенок был мальчиком). Женщинам дали игрушки: пластиковую рыбку, куклу и поезд.

Когда матерей просили поиграть с «Бесс», они давали «ей» куклу, а «Адаму», напротив, предлагали поезд. Очевидно, матери выбирали разные игрушки на основании своего восприятия пола ребенка. Они даже иначе общались с «Бесс» и «Адамом». Матери, которые считали, что играют с девочкой, больше улыбались и ближе прижимали ребенка к себе, чем матери, считавшие, что играют с мальчиком. Когда исследование закончилось, провели опрос матерей относительно того, как нужно воспитывать детей и какие методы использовать в зависимости от пола ребенка. Все матери утверждали, что родители не должны по-разному обращаться с мальчиками и девочками.

Палуди М., 2003, с. 120–121.

В исследовании Л. Сидорович и Г. Ланни (Sidorovicz, Lunney, 1980) взрослые, поделенные на три группы, общались с десятимесячным ребенком. Одной группе сказали, что ребенок – девочка, другой группе – что мальчик, а третьей вообще не сказали о поле ребенка. Взрослые имели в своем распоряжении три игрушки: резиновый мяч, куклу и кольцо для жевания. Из той группы, которая считала, что имеет дело с мальчиком, 50% мужчин и 80% женщин дали ребенку мяч и в меньшем числе случаев – жевательное кольцо. В группе, которой ребенок был представлен как девочка, 72% женщин и 89% мужчин выбрали куклу.

И в дальнейшем родители дарят детям игрушки в соответствии с их полом: девочкам – предметы домашнего обихода, кукол, зверюшек, мальчикам – машинки, пространственные игры.

Правда, существует точка зрения, что не ребенку родители навязывают те или иные игрушки и игры, а ребенок, проявляя склонность к тем или иным играм и игрушкам, заставляет реагировать родителей на его склонность (Scarr S., McCartney K., 1983). Авторы рассматривают эту зависимость как *вызывающий генотип – реакция среды*. В пользу этого свидетельствует и наблюдение М. Сноу и его коллег (Snow et al., 1983), что мальчики, получившие от отца куклу, играют с ней меньше, чем девочки. Правда, Кальдера (цит. по: White D., Woollett A., 1992) утверждает, что даже те родители, которые активно не выказывают своих предпочтений тех или иных игрушек для пола ребенка, проявляют намного большую активность, играя с ребенком в игрушки, предназначенные для его пола, особенно когда они играют с ребенком своего пола. Таким образом, родители все равно демонстрируют ребенку соответствующую модель поведения.

К. Смит и Б. Ллойд (Smith, Lloyd, 1978) провели эксперимент, во время которого наблюдали за тем, как женщины-матери ведут себя с чужими шестимесячными детьми. Часть девочек выдавалась им за мальчиков, и наоборот, часть мальчиков представлялась им как девочки. Женщины неизменно побуждали мнимых мальчиков проявлять большую физическую активность, ползать и играть. С девочками они обращались более мягко, побуждая их больше разговаривать.

По данным Бем (Bem, 1975) и Вильямс с соавторами (Williams et al., 1975), в США родители побуждают своего ребенка, в зависимости от его пола, быть или «настоящим мальчиком» – сдержанным, волевым, уверенным в себе, жестким, практичным и напористым, или «настоящей девочкой» – нежной, зависимой, чувствительной, разговорчивой, кокетливой и непрактичной. Майлс и Пиотровски (Mills R. S., Piotrowsky C. C., 2000) ссылаются на данные К. Бирнбаум и коллег,

предъявлявших родителям, ситуации, в которых дети переживали те или иные эмоции. Было установлено, что родители проявляют больше терпимости по отношению к гневу, выражаемому мальчиками, но не девочками, и страху, переживаемому девочками, но не мальчиками.

> Родители одевают своих сыновей и дочерей по-разному, дают им непохожие игрушки и по-разному с ними разговаривают (Rheigold, Cook, 1974). Даже когда детям всего восемнадцать месяцев от роду, родителям больше нравится, когда малыши играют с соответствующими их полу игрушками. Например, в одном эксперименте отцы реже реагировали положительно, когда мальчики играли с игрушками, типичными для девочек (Fagot, Hagan, 1991). В целом родители поощряют детей к тому, чтобы те играли в игры, которые подходят их полу (Lytton, Romney, 1991; Witt, 1997).
>
> Герриг Р., Зимбердо Ф., 2004, с. 553.

Как показано Дж. Стокардом и М. Джонсоном (Stockard, Jonson, 1989) и Л. Ленглуа и А. Даунс (Langlois, Downs, 1980), родители, иногда даже неосознанно, поощряют типичное для пола поведение детей и негативно относятся к поведению, не соответствующему полу ребенка. При этом у отцов обычно те и другие реакции более выражены. Особая роль отца в половой идентификации ребенка отмечается и другими авторами (Honig, 1980; Parke, 1981). Р. Парке, например, отмечает, что если отец покинул семью до того, как его сыну исполнилось 5 лет, то сын впоследствии часто оказывается зависимым от своих сверстников и менее уверенным в себе, чем мальчик из полной семьи. Это противоречит бытующему мнению, что отцы менее значимы для полоролевой идентификации мальчиков, так как редко бывают дома и ребенок его реже видит.

На девочках отсутствие отца сказывается в первую очередь в подростковый период. Хорошие отцы способны помочь своим дочерям научиться взаимодействовать с представителями противоположного пола адекватно ситуации.

Полоролевая идентификация детей с родителями. Как считает Ф. Додсон (Dodson, 1971), примерно до 3 лет мальчики и девочки как бы бесполые — им нравится одно и то же, они играют с одними и теми же игрушками, и те и другие склонны отождествлять себя с матерью. В возрасте от 3 до 6 лет мальчики и девочки начинают психологически развиваться в разных направлениях.

Л. К. Емельянова (1973) отмечает, что девочки, которые больше всего ценят в матери трудолюбие, честность, гуманизм, заботу о семье, вырабатывают у себя именно эти качества. Мальчики стараются подражать отцам в деловитости, смекалке, юморе, профессиональном мастерстве.

Идентификация с матерью у девочек имеет ряд особенностей: 1) больший возрастной период; 2) большая интенсивность процесса идентификации, т. е. девочки чаще выбирают роль матери, чем мальчики роль отца; 3) большая значимость для идентификации теплых эмоциональных и доверительных отношений с матерью; 4) большая зависимость идентификации от отношений между родителями (конфликты отрицательно сказываются на идентификации); 5) меньшее влияние на девочку сестры, чем брата — на идентификацию мальчика.

А. И. Захаров (1982) установил, что половая идентификация у детей разного пола имеет свою специфику. У мальчиков идентификация с родителями наиболее выражена в 5–7 лет, у девочек — в 3–8 лет, причем девочки ориентированы на мать больше, чем мальчики на отца. Успешность идентификации зависит от компетентности и престижности родителя того или иного пола в представлении детей, а также от наличия в семье идентичного их полу члена прародительской семьи (дедушки для мальчиков и бабушки для девочек).

Уменьшение идентификации наблюдается в период развития самосознания (с 10 лет у мальчиков и с 9 лет у девочек), что отражает возрастающую личностную автономию — эмансипацию от родительского авторитета.

Ряд авторов (Ю. Е. Алешина и А. С. Волович, 1991; Дж. Стокард и М. Джонсон, 1989; Chodorow N., 1978) полагают, что половая идентификация мальчиков проходит в более трудных условиях, чем девочек. Среди препятствующих идентификации факторов называют большее время контакта ребенка с матерью, чем с отцом, из-за чего отец выступает для ребенка менее привлекательным объектом. Вследствие этого первичной оказывается идентификация с матерью, т. е. фемининная. Да и само положение ребенка отражает традиционно женские особенности: зависимость, подчиненное положение, пассивность и т. п.

Таким образом, в дальнейшем своем развитии мальчику предстоит трудная задача: изменить первоначальную женскую идентификацию на мужскую. Однако большинство тех, с кем ребенок сталкивается в процессе своего воспитания, — опять женщины (воспитатели детского сада, врачи, учителя). Поэтому мальчики гораздо меньше знают о поведении, соответствующем мужской половой роли, чем женской. Это приводит к тому, что мальчик вынужден строить свою половую идентичность преимущественно на негативном основании: не быть похожим на девочек, не участвовать в женских видах деятельности и т. п. (Hartley R., 1959). Взрослые не столько поощряют «мужское» поведение, сколько осуждают «немужское» («тебе плакать стыдно, ты не девочка»). Это объясняет, почему у девочек полоролевая идентификация является непрерывным и менее конфликтным процессом, чем у мальчиков.

По данным Ю. М. Набиуллиной (2001), неудовлетворенная потребность в общении с родителем своего пола приводит к идентификации с родителем другого пола. Для девочек атмосфера в семье является более благоприятной, чем для мальчиков, у которых чаще не удовлетворяется потребность в близких отношениях с родителями и потребность в безопасности. Идентификация у девочек протекает успешнее: 43% девочек против 8% мальчиков имеют, по данным автора, высокую степень идентификации с родителем своего пола. У мальчиков чаще встречается неадекватная или нечеткая идентификация, связанная с отсутствием отца в семье. Мальчики, фактически с момента рождения живущие без отца, ориентируются в мужских занятиях больше на взаимодействие с воображаемым отцом.

По данным А. Л. Козловой и Н. В. Поляшовой (2000), дети, воспитывающиеся в приютах, не отличаются по когнитивному и эмоциональному компонентам полоролевой идентичности от детей, воспитывающихся в благополучных семьях. Однако на поведенческом уровне из детей, воспитывающихся в приютах, лишь у девочек ярко выражено большее предпочтение типично женского поведения.

Роль братьев и сестер. По данным А. И. Захарова (1982), девочки менее ориентированы на сестер, чем мальчики — на братьев. Я. Л. Коломинский и М. Х. Мелтсас (1985) выявили, что если в семье имеются дети разного пола, то у них обнаруживается больше черт, характерных для другого пола; влияние разнополых детей друг на друга тем больше, чем меньше разница в возрасте; влияние старшего ребенка сильнее на младшего того же пола; наиболее типичные для пола реакции наблюдаются у единственных детей в семье и у мальчиков, имеющих брата.

Роль сверстников. Уже на третьем году жизни сверстники подкрепляют или осуждают типичное или нетипичное для данного пола поведение друг друга. Мальчики делают это активнее (Lamb M., Roopnarine J., 1979). Сверстники влияют больше на поведение мальчиков, чем девочек. Не соответствующее гендерной роли поведение особенно сильно вредит популярности среди мальчиков (Huston A., 1983; Martin C., 1990). В ряде исследований было показано, что мальчики, которые играют и с девочками, больше подвергаются насмешкам со стороны сверстников и менее популярны в их среде, чем те, кто подчиняется полоролевым стереотипам (Steriker A., Kurdek L., 1982). Одни авторы утверждают, что дети обоего пола более охотно подражают мальчикам (Lynn D., 1969), другие — что дети больше внимания обращают на особенности поведения, соответствующие его полу, и не проявляют интереса к неуместному для его пола поведению (Martin C., Halverson C., 1981]). Последние авторы выявили, например, что мальчики обнаружили тенденцию лучше запоминать пункты, помеченные «для мальчиков», а девочки — пункты, помеченные «для девочек». Кроме того, дети допускали характерные ошибки в воспроизведении рассказа по памяти, когда в нем нарушались половые стереотипы. Например, они могли сказать, что дрова рубил мальчик, хотя это делала девочка.

Но самый главный этап, на котором сказывается наибольшее влияние сверстников, обычно начинается в 8–12 лет, когда формируются мальчишеские компании. Этот процесс, получивший название *мужского протеста,* характеризуется ярким негативизмом по отношению к девочкам и формированием особого «мужского», подчеркнуто грубого и резкого стиля общения. В дальнейшем (к началу подросткового возраста) этот стиль несколько смягчается.

В подростковом возрасте, в период становления идентичности, происходит активный поиск образца для подражания, и не всегда находится образец, который является социально благополучным, как во взрослой среде, так и в среде сверстников.

Нами проведено исследование полоролевой идентификации подростков 11–16 лет, развивающихся вне семьи и относящихся к категории детей «группы риска» (ГР). Это подростки, полностью или частично лишенные родительского попечительства, из реабилитационных центров, детского дома и школы-интерната г. Москвы, мальчики и девочки. В работе проведен сравнительный анализ процесса половой идентификации у детей «группы риска» и детей из обычных семей (ОД), учащихся общеобразовательных школ г. Москвы и Московской области.

Анализ полученных результатов по показателем всех методик между мальчиками и девочками ГР всех возрастов выявил значимые различия только по шкале фемининности.

Прежде всего это говорит о маскулинизации юных современных представительниц женского пола ГР. Они, не замечая того сами, становятся более мужественными в поступках, поведении в обществе, курят и нецензурно выражаются, не стесняясь при этом окружающих. По их мнению,

это подчеркивает их независимость и представляет интерес для противоположного пола. Социальная среда, в которой растут и развиваются девочки ГР, вынуждает их быть более сильными и твердыми внутренне, у них мало примера любви и тепла во взаимоотношениях, который они не получили от родителей.

В отличие от показателей ГР в группе ОД мы видим значимые различия между мальчиками и девочками во всех методиках по обеим шкалам – маскулинность и фемининность. Развиваясь в относительно благополучных условиях, имея пример мужского и женского поведения, их качественного проявления, у мальчиков и девочек ОД процесс полоролевой идентификации имеет более положительное подкрепление из внешней среды, чего мы не можем сказать о детях ГР, у которых этот пример в основном отрицательный. Таким образом, у подростков ГР процесс полоролевой идентификации идет в другом русле, нежели у детей группы ОД.

Юнусова Р. А. 2007, с. 389.

6.5. Информационное влияние на половую идентификацию

Гендерные понятия формируются у детей также под влиянием литературных произведений, кино и телевидения, кукольных театров. Полоролевые образы, появлявшиеся на Западе в течение 1970–1980-х гг., остаются устойчивыми, традиционными и соответствующими стереотипным ролям (Signorielly N., 1989). Та же тенденция выявилась и при анализе книг для чтения, предназначенных для учеников начальных классов, проведенного сначала в 1972 г., а затем 17 лет спустя (Purcell P., Stewart L., 1990), хотя после 1980 г. описания гендера в детских книгах несколько изменилось (в сторону большего равенства полов). Однако и в последующие годы детские книги в большинстве своем продолжают отражать гендерные стереотипы (Guden, Guden, 2001; Anderson, Hamilton, 2005; Diekman, Murnen, 2004; Evans, Davies, 2000; Gooden A., Gooden M., 2001; Trepanier-Street, Romatovski, 1999; Turner, Bowker, 1996).

Аналогичные данные получены и при анализе отечественных учебников. И. С. Клецина и Н. Н. Оболенцева (И. С. Клецина, 1998) проанализировали иллюстрации пяти учебников для I–II классов общеобразовательной школы и выявили, что общее количество изображений лиц мужского пола превышает количество изображений лиц женского пола в 2 раза. Мужчины и мальчики в основном представлены занимающимися инструментальной деятельностью, кроме того, они чаще, чем женщины и девочки, изображены в ситуации отдыха, развлечений и учебной деятельности.

П. Крабб и Д. Билавски (Crabb, Bielawski, 1994) проанализировали, с какими предметами изображались мальчики и девочки в американском детском журнале, издававшемся с 1937 по 1989 г. На протяжении 53 лет имела место одна и та же тенденция: изображений девочек с такими предметами домашнего обихода, как швабры, иголки, кастрюли и сковородки, в 4 раза больше, чем изображений мальчиков, а изображений мальчиков с вилами, плугом или оружием — в 5 раз больше.

Описание роли и занятий женщин в современной литературе и журналистике для взрослых не отличается от такового в детской литературе (Chombart de Lauwe, 1963; Helson, 1972; Holter, 1971). Н. Ажгихина (1996), проанализировав литературно-художественные советские журналы 1970–1980-х гг., установила, что для публикаций характерны жалость к женщине, которую эмансипация лишила женственности, и призывы вернуть женщину к ее «истинному предназначению». В последующие годы перестройки в литературных произведениях на место работницы и матери пришла хорошенькая домохозяйка или юная фотомодель «без комплексов».

Т. Максимова (1998), анализируя содержание современных женских романов и журналов, приходит к выводу, что традиционные установки на женский инфантилизм сохраняются: женщина по-прежнему остается хранительницей домашнего очага, счастливой женой и матерью. А. Р. Тивадор (2000) показано, что 63,4% молодых женщин формируют представления о собственном идеале, основываясь в той или иной степени на тех образах и поведенческих моделях, которые предлагаются в книгах и на телевидении.

Та же тенденция имеется и в зарубежной прессе. Б. Фридан (1994), исследуя образы женщины и мужчины на страницах американских журналов, выяснила, что женщина в них — молодая и раскованная, женственная и воздушная, пассивная и веселая, довольная своим миром кухни и спальни, секса, детей и дома. Ее единственные стремление — поиски мужчины. Работающая же женщина, хотя и умна, образованна, честолюбива, привлекательна, но «неудачница» и до того «маскулинизирована» своей работой, что ее ущемленный, слабохарактерный и пассивный муж безразличен к ней как к женщине.

Фотографии в прессе тоже по-разному отражают мужчин и женщин: у первых подчеркивается лицо (так как мужчины на них обычно изображаются от шеи и выше), а у вторых — тело. Это явление Арчер и его коллеги (Archer et al., 1983) назвали *фейсизмом*. Как полагают авторы, это не случайно: голова и лицо являются «центром душевной жизни», в них локализуются интеллект, личность, идентичность и характер, которые средства массовой информации скорее ассоциируют с мужчинами, чем с женщинами. Это, как отмечает Ш. Берн (2001), согласуется с данными экспериментов, показавших, что акцентирование лица индивида приводит к тому, что испытуемые более высоко оценивают его ум, амбиции и внешность.

Вносит свой вклад в гендерную стереотипизацию и телевидение. Н. Синьорелли (1989) провел анализ телевизионных программ, занимавших в течение 16 лет в эфире лучшее время: 71% появлявшихся на экране людей и 69% главных героев были мужчинами. Тенденция к выравниванию появления мужчин и женщин проявилась за это время лишь незначительно. Женщины были моложе мужчин, обладали привлекательной внешностью и мягким характером; их чаще показывали дома, в кругу семьи или в любовных сценах. Они же чаще оказывались в роли жертвы. Появлявшиеся на телеэкране мужчины имели, как правило, уважаемую профессию либо выполняли специфически мужскую работу (например, были полицейскими). Правда, в последние годы в американском кинематографе усиленно пропагандируется и женщина-полицейский. Однако это тот случай, когда жизнь в кино не соответствует реальности, как и то, что отрицательными персонажами сценаристы и режиссеры предпочитают делать мужчин.

Подобные тенденции при анализе американских телепрограмм обнаружены и другими авторами (Atkin et al., 1991; Davis, 1991; Sygnorelli, Bacue, 1999; Bartsch et al., 2000; Glascock, 2001; Leaper et al., 2002).

Рекламные ролики, показываемые в США на телевидении, продолжают эту традицию. В одном исследовании (Bretl, Cantor, 1988) было выявлено, что подавляющее большинство роликов с участием женщин рекламировали товары для дома, а диапазон занятий для мужчин был в 3 раза шире, чем для женщин.

А. Менстид и К. Маккаллох (Manstead, McCulloch, 1981) проанализировали рекламу потребительских товаров, транслируемую по британскому телевидению. Ими было выявлено, что мужчины, рекламирующие товар, — это чаще всего люди рассуждающие, оценивающие товар, понимающие объективные и практические причины его покупки, а женщины, задействованные в рекламе, напротив, — движимы субъективными причинами приобретения (эмоциями и желаниями), их рассуждения связаны с социально престижным и символическим значением покупаемых предметов.

В американской рекламе 90% дикторов — мужчины, несмотря на то что зрители обоего пола одинаково доверяют дикторам как мужчинам, так и женщинам. На телевидении количество мужских персонажей постоянно превосходит количество женских персонажей в соотношении 3:1 во взрослых телепрограммах и в соотношении 5:1 — в программах для детей. Женские персонажи выступают главным образом в романтических ролях. Лишь немногие успешно сочетают замужество с профессиональной деятельностью; работающие женские персонажи часто имеют профессии, связанные с низким статусом (Atkin et al., 1991).

Психологи попросили детей II–VI классов написать рассказ о своих любимых телевизионных программах. В этих сочинениях было больше мужских персонажей, чем женских, использовалось больше маскулинных, чем фемининных, местоимений, и описывалось чаще типично маскулинное поведение, чем фемининное (Calvert et al., 2003).

И. В. Грошев (1999) отмечает, что коммуникативное поведение женщины редко указывает на ее социальный статус, а интерпретируется в первую очередь с учетом сексуального восприятия. Реклама символически воспроизводит стереотипы «женственности» и «мужественности», а именно соподчиненность между мужчинами и женщинами. В рекламе мужчина часто исполняет роль руководителя, наставника, инструктора, а женщине предлагается роль пассивной ученицы.

О доминирующей позиции мужчин в рекламе говорит использование различных властных знаков: выпячивание груди, сжимание рук в кулаки, оттопыренный большой палец кисти. Женская рекламная жестикуляция не содержит властных признаков и ограничена социальными рамками «приличий» (женщины поправляют прически, одежду, освежают макияж и т. д.),

Мужчина в процессе общения часто смотрит в сторону или на какие-то части тела женщины-собеседника, но не в глаза, за исключением сюжетов, когда он что-то объясняет женщине, поучает ее или выступает в роли руководителя, ведущего диалог. Женщины чаще смотрят в глаза собеседнику, и взгляд их продолжительнее взгляда мужчин примерно на 0,4 секунды (Грошев И. В., 1999).

А. Юрчак (1997), проанализировав отечественную рекламную продукцию, выделил два основных типа рекламных историй — романтические и семейные.

В первых историях мужчина всегда профессионал, занятый напряженным делом, обычно напоминающим борьбу (политика, спорт, бизнес). Благодаря своим знаниям, уму, ловкости и смелости он выходит из этой борьбы победителем. Женщина не только не принимает в ней участия, но попросту отсутствует в тех местах рекламного ролика, где эта борьба происходит. «Настоящая женщина» в это время занята самоукрашением, ведь главным ценителем ее внешности является мужчина. Таким образом, все усилия женщины направлены на то, чтобы ее заметили и оценили. Даже деловые женщины не забывают о своем «женском предназначении» — всегда прекрасно выглядеть, оставаться объектом созерцания и восхищения.

В семейных историях деятельность женщины ограничивается семьей. Она лечит, стирает, чистит раковину и газовую плиту с тетей Асей, готовит вкусные блюда и с нетерпением ждет мужа. Муж же внутри семейного пространства пользуется трудом женщины, а бойцовские и профессиональные качества проявляет вне дома.

Словом, какая бы история ни рассказывалась в рекламном ролике, женщина предстает в образе слабой, зависимой от мужчины, самореализующийся либо в домашних хлопотах, либо в обеспечении своей привлекательности. Мужчина же предстает в образе лидера, сильного, агрессивного, подчиняющего человека (Colombok S., Fivush R., 1994; Грошев И. В., 1999).

Все приведенные примеры различного изображения роли мужчины и женщины феминистски настроенные авторы склонны рассматривать как информационное *давление* на сознание общества, ***навязывание*** стереотипа поведения для мужчин и женщин. С моей точки зрения, более правильный вывод делает И. С. Клецина: средства массовой информации лишь *отражают* (хотя и в новой «упаковке») те роли мужчин и женщин, что веками упрочивались в сознании общества. И если средства массовой информации, в частности реклама, и влияют на формирование гендерных, то это происходит непреднамеренно, как бы вторично. Реклама сама по себе адресует тот или иной товар тому потенциальному потребителю, который им пользуется чаще всего. Почему же реклама должна идти против гендерных установок общества?

Теперь о доказательствах влияния средств массовой информации и особенно телевидения на формирование гендерных установок. На усиление полотипического поведения в детских играх, влияют, в частности, иллюстрации в книжках, где женщины в большинстве случаев изображены с предметами домашней утвари, а мужчины — с орудиями труда (Ashton, 1983). По данным М. Кимбалл (Kimball, 1986), у детей, которые смотрят телевизор, проявляется больше установок, соответствующих гендерным нормам, чем у их сверстников, которые не смотрят телевизор. В эксперименте Д. Рабл с коллегами (Ruble et al., 1981) ребенок меньше играл с нейтральной игрушкой после просмотра телевизионного ролика, где с нею играл ребенок противоположного пола.

Э. Аронсон (1998) привел результаты одного из исследований с использованием рекламы, где роль женщины была показана по-разному. В одной группе испытуемым демонстрировали телевизионные рекламные ролики, в которых женщины изображались как сексуальные объекты или же послушные домашние хозяй-

ки, старающиеся угодить любому желанию мужчины. Другая группа испытуемых смотрела рекламные сюжеты, в которых роли мужчины и женщины были противоположны традиционным: например, показывали мужчину, который гордо угощал жену, только что вернувшуюся с работы, приготовленным им самим блюдом. Когда женщин после просмотра попросили представить и описать свою жизнь через десять лет, испытуемые из первой группы высказались за то, что не следует подчеркивать тему профессиональной карьеры и других жизненных достижений, а испытуемые из второй группы обнаружили стремление к достижению успеха столь же высокое, как и испытуемые-мужчины.

Образы мужчин в женских изданиях. А. Клецина (1999) проанализировала, какие описания мужчин даются в феминистки ориентированных журналах и в обычных «женских» журналах. Оказалось, что образы мужчин в этих изданиях различны. В массовых «женских» журналах мужчины гораздо чаще, чем в феминистских изданиях, выполняют семейные и родственные роли, в определенной степени ведут себя пассивно, проявляют зависимость и неспособность справляться со сложными ситуациями, оказываются в роли жертвы обстоятельств, чаще изображаются в семейно-бытовой сфере и ассоциируются с детьми и детскими проблемами.

В феминистских изданиях мужчины либо впрямую негативно оцениваются, либо являют собой пример расплывчатой, недифференцированной группы, выделенной по принципу «мы — они», либо предстают как обидчики (насильники, мужья-драчуны, агрессоры), как находящиеся у власти, безнадежно глухие к нуждам и проблемам женщин. Таким образом, делает заключение А. Клецина, феминистские издания транслируют все тот же стереотипный традиционный мужской образ, против которого сами и выступают.

Надо отметить, что по данным мета анализа семи исследований, выполненных с 1974 по 1997 г., гендерные стереотипы были стабильными на протяжении этого периода, за исключением того, что женщины воспринимаются более фемининными (Lueptow et al., 2001).

6.6. Особенности половой идентификации в разных условиях социализации

Особенности половой идентификации у воспитанников детских домов. Спецификой половой идентификации в детских домах, как считают И. И. Лунин (1988) и Н. Н. Крыгина (1993), является то, что основной полотипизирующей средой являются не взрослые, как в семьях, а сверстники. Это способствует ориентации на суженные по объему и обедненные по содержанию объекты половой идентификации. С. Б. Данилюк (1993) подчеркивает, что замкнутый круг общения детей в детском доме приводит к отклонениям в развитии половой идентичности. Действительно, Н. Ю. Флотская (2007) выявила, что у мальчиков 14–15 лет, воспитывающихся в детских домах, полоролевой образ Я выглядит менее сильным, умным и смелым, чем у подростков из семей. Это свидетельствует о меньшей выраженности у детдомовцев маскулинности. У девочек наиболее выраженными

в образе Я были властность и смелость, в то время как у девочек из семей — эмоциональность и миролюбие. Таким образом, девочки-подростки из детского дома имеют более маскулинный образ своего Я.

У мальчиков-подростков из детских домов в эталоне женщины качества, традиционно оцениваемые как фемининные, представлены гораздо меньше, чем у их сверстников из семей, т. е. образ женщины более маскулинизирован. Образ же мужчины у этих мальчиков-подростков из детского дома менее маскулинизирован. Следовательно, у мальчиков из детского дома полоролевые различия в образах мужчин и женщин несколько сглажены. При этом у детдомовцев образ о типичном мужчине в 88% отрицательный (алкоголики, тунеядцы, ленивые, агрессивные). У детей из семей отрицательный образ мужчин был в 32% высказываний, а в 68% он был положительным.

Девочки-подростки как из детского дома, так и из семей дают отрицательные (в 72–73%), но различающиеся образы мужчин. Для девочек из интерната типичный мужчина — это «гуляющий, пьющий, сильный, грубый, наглый». Девочки из семьи наряду с отрицательными характеристиками отмечают и положительные. Они считают, что большинство мужчин «эгоисты, изменяющие женам, самовлюбленные, привлекательные, сильные и умные».

Образы отца и матери у подростков из детского дома (как у девочек, так и у мальчиков) более маскулинизированные, чем у подростков из семей.

Особенности половой идентификации городских и сельских подростков. По данным Н. Ю. Флотской (2007), выраженность маскулинных качеств в образе Я городских мальчиков и девочек выше, чем сельских (при большинстве андрогинных), а выраженность фемининных качеств выше у сельских мальчиков и девочек.

Образ идеального мужчины в представлении городских мальчиков — андрогинный, а у сельских мальчиков — маскулинный. У девочек из села образ идеального мужчины тоже более маскулинный, чем у городских девочек. Образ женщины у мальчиков из города и села — андрогинный, но у городских он более фемининный, а у сельских — более маскулинный. То же отмечается и у девочек из города и села: идеальный образ женщины у тех и других практически одинаков, но у сельских девочек он более маскулинный, чем у городских девочек. Таким образом, сельские дети придерживаются более традиционных эталонов мужчин и женщин, чем городские.

Особенности половой идентификации при раздельном и совместном обучении мальчиков и девочек. И. Ю. Шилов (2000) выявил, что у юношей и девушек в общеобразовательных учреждениях совместного обучения ценностные ориентации сближены, в то время как при раздельном обучении (кадетский корпус, женская гимназия) между юношами и девушками имеются значительные различия в ценностных ориентациях.

6.7. Хотят ли люди сменить свой пол?

По данным опроса, осуществленного Е. Д. Хомской и Н. Я. Батовой (1998), большинство людей считают, что женщины чаще несчастны, чем мужчины (соотношение — 72% к 28%). В связи с этим возникает вопрос: может быть, женщины жалеют, что они не мужчины?

В одном исследовании опросили 1460 женщин и установили по их ответам, что если в возрасте 7–14 лет лишь незначительная часть девочек хотела бы принадлежать к другому полу, то в зрелом возрасте около 80% опрошенных женщин сказали, что предпочли бы родиться мужчинами. В общем это понятно, учитывая более низкий социальный статус женщины в обществе, необходимость работать и вести хозяйство в семье. Думается, однако, что опрос дал бы другие результаты, если бы были расшифрованы некоторые функции мужчин, в частности необходимость проходить воинскую службу и принимать непосредственное участие в боевых действиях, работать в горячих цехах сталелитейного производства, быть грузчиком и т. д.

Счастье мужчины называется: «Я хочу». Счастье женщины называется: «Он хочет».
Ф. Ницше

Н. Ю. Флотская (2007) выявила, что 6% мальчиков и 4% девочек 14–15 лет, живущих в семье, хотели бы изменить свой пол, мотивируя тем, что «это интересно», «для разнообразия». Девочки, живущие в детском доме, чаще (15%) заявляли о желании изменить свой пол, так как «у мальчиков меньше проблем», «мальчиком быть интереснее», «не хочу носить юбки, платья», «потому что женщины всегда страдают из-за мужчин, все терпят». Мальчики из детского дома категорически отвергали возможность изменить свой пол, аргументируя это тем, что у девочек «много трудностей в развитии», «у мужчин меньше проблем с физиологией тела», «не хочу рожать», «женщинам трудно в жизни», «девчонки часто подвергаются изнасилованию».

Однако на уровне неосознанной самими женщинами самооценки себя как представителя женского пола обнаружилась другая картина. По телефону, к которому был подключен магнитофон, были записаны реакции женщин разного возраста на обращение к ним как к мужчине, т. е. когда женщину умышленно называли мужским именем. Результаты были следующими: в возрасте от 7 до 13 лет слышались оживление и смех, в 14–16 лет — уже удивление и легкая обида, в 20–35 лет — удивление, игриво-кокетливая ирония, а в 40–55 лет — обида и даже негодование. Поэтому не стоит, очевидно, удивляться, что сами женщины считают себя более удовлетворенными жизнью, чем мужчины. Если разобраться, то неудобства в жизни встречаются у мужчин и женщин одинаково часто, только они имеют разный характер. По крайней мере, народная поговорка гласит: «Лучше раз в году родить, чем день-деньской бороду брить».

По данным В. А. Луневой (1971), лиц, выразивших уверенность в своем будущем (оптимистов), во всех возрастных группах (от 16 до 21–25 лет) было больше среди девушек, чем среди юношей.

6.8. Нарушения половой идентичности

Как отмечает В. Е. Каган (2000), в дошкольном возрасте о нарушении половой идентичности свидетельствуют несколько регулярно проявляющихся в различных сочетаниях признаков: предпочтение игрушек и игровых ролей противоположного пола; стремление быть со взрослыми противоположного пола и подра-

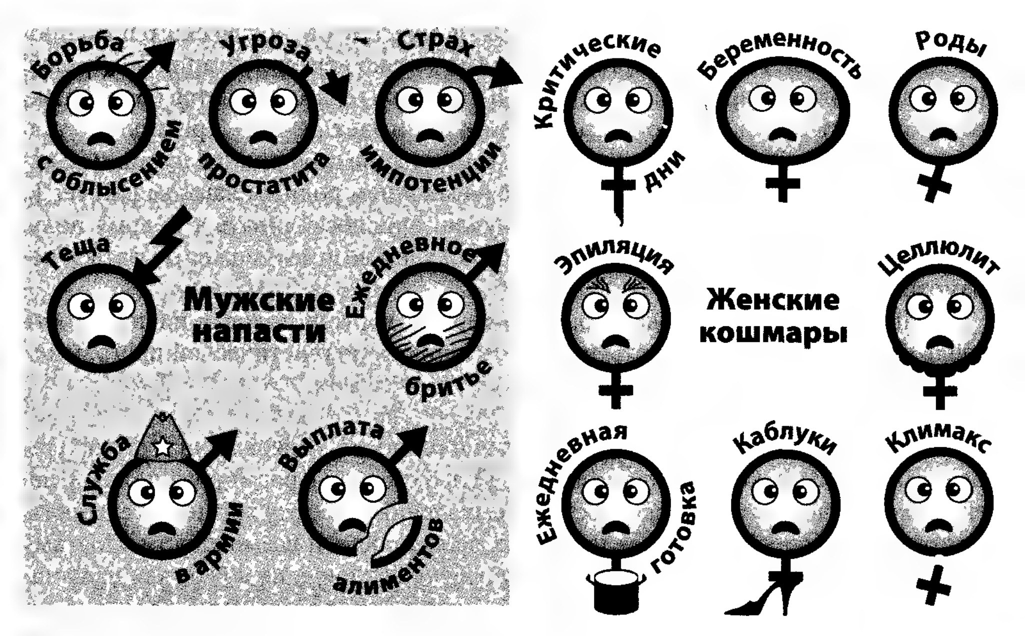

Рис. 6.3. Кому живется тяжелее – мужчинам или женщинам? Источник: АиФ. 2006. № 43

жать их поведению; активно высказываемое желание изменить пол и имя; сновидения, в которых ребенок выступает как представитель другого пола; стремление одеваться и вести себя по типу противоположного пола.

Родители гораздо сильнее беспокоятся по поводу мальчиков, играющих в девчоночьи игры, чем по поводу девочек-«сорванцов» (Martin C., 1990). Очевидно, это связано с тем, что мужские роли считаются более ценными, чем женские.

В зависимости от выраженности нарушения половой идентичности, пишет В. Е. Каган, разделяются на:

1) индивидуальные вариации соотношения маскулинности и фемининности, сопровождающиеся адаптационными реакциями;
2) полоролевой конфликт, разворачивающийся на личностном уровне как переживание реального или мнимого несоответствия полоролевым стандартам с личностными реакциями невротического типа;
3) конфликт половой идентичности как активное, осознаваемое противостояние, переживание себя в качестве представителя противоположного пола и существующих полоролевых стандартов; личностные реакции при этом носят целенаправленный активно-приспособительный характер и устремлены к легализации своего переживания половой принадлежности вопреки своему паспортному полу.

В исследовании И. В. Берно-Белленкур (1998) выявлено, что нарушение гендерных стереотипов имеет статистически достоверную связь с различными формами аутоагрессии (суицидальные попытки) и аддитивного поведения (наркотизация, алкоголизм), социальной дезадаптацией. Поэтому для лиц с нарушением полоролевой идентификации необходима психотерапевтическая коррекция.

По данным Д. Мани (Money, 1972), если изменение биологического пола происходит на первом году жизни, то необходима только переориентация родителей. Изменение пола в возрасте между одним и полутора годами является более сложным и зависит от того, хорошо ли ребенок понимает речь, — предполагается, что проявление половой идентичности, т. е. осознание себя принадлежащим к какому-то полу, происходит параллельно с овладением родным языком (Meyer J., 1980). В большинстве случаев ребенка нужно приспосабливать к новому полу. Изменение психологического пола в более позднем возрасте может оказаться невозможным.

Д. Мани (1970, 1972) показано, что у гермафродитов половая идентичность и роль формируются соответственно воспитанию, а не генетической программе.

***

Знание эталонов мужественности и женственности, содержания и структуры образа мужчины и женщины помогает судить о степени сформированности у детей психологического пола, способствует выявлению тех сфер жизнедеятельности, в которых наиболее ярко проявляются их особенности и возможности. Поэтому становится ясной важность воспитания у ребенка отношения к себе как представителю определенного пола. Такое воспитание находит отражение в именах, даваемых детям разного пола, в одежде, в предлагаемых ребенку игрушках, в характере поощрений и наказаний.

Ю. Е. Алешина и А. С. Волович (1991) полагают, что условия современной жизни мало способствуют формированию мужской роли у мальчиков, которые вынуждены, в конце концов находить другие пути осуществления этого — в особом стиле поведения и внешнего вида, в группах типа байкеров, «металлистов», хулиганских группировках, где они проявляют силу, агрессивность, склонность к риску и т. п.

Известно, что и мужчины, и женщины сильнее выражают свою приверженность гендерным стереотипам на публике, чем среди близких людей (Eagly A., 1987). Это скорее указывает на использование механизма уступчивости, чем одобрения и идентификации. В то же время люди, в высшей степени соответствующие анатомо-физиологическим нормам для соответствующего пола (предельно женственные женщины и крайне мужественные мужчины), особенно привержены к поведению в рамках полоролевых стандартов, т. е. вероятнее всего используют механизм одобрения (Kagan J., 1964; Kohlberg L., 1966).

Однако следование полоролевым стереотипам приводит порой к курьезам. В США низкий голос считается признаком мужественности и уверенности в себе. Поэтому миллионы американцев искусственно «понижают» свой голос даже в ущерб здоровью.

Раздел третий

Психологические особенности мужчин и женщин

ГЛАВА 7

Половые различия в эмоциональной сфере

К. Хорни (1993) пишет, что в соответствии с разделением социальных ролей сформировался определенный взгляд на женщин как на инфантильные создания, живущие эмоциями. По этому поводу еще К. Батюшков писал: «Любить или ненавидеть! — им (женщинам. — *Е. И.*) надобна беспрестанная пища для чувств».[1] Действительно, во многих исследованиях выявлены отчетливые различия в эмоциональной сфере лиц мужского и женского пола. Родители детей дошкольного возраста чаще говорят об эмоциях девочек и о переживаемых ими эмоциональных событиях (Kuebli et al., 1995). Возможно, поэтому уже двухлетние девочки активнее используют слова, обозначающие эмоции, чем мальчики (Cervantes, Callanan, 1998). Экспрессивность поведения женщин отмечается многими исследователями (Koestner, Aube, 1995; Kring, Gordon, 1998, и др.). Л. В. Куликов (1997) отмечает, что у женщин эмоциональная сфера дифференцированнее и сложнее, чем у мужчин.

7.1. Половые различия в доминировании базовых эмоций

Гнев (злость). Е. Маккоби и К. Джеклин (Maccoby, Jacklin, 1974) на основе анализа ряда экспериментальных исследований пришли к выводу, что в первые годы жизни нет различий в частоте и продолжительности этой отрицательной эмоциональной реакции у мальчиков и девочек, но с возрастом их частота и интенсивность у мальчиков возрастают, а у девочек — убывают. Авторы объясняют это тем, что девочки, имея те же агрессивные тенденции, что и мальчики, боятся проявить их, опасаясь наказания, в то время как к агрессии мальчиков окружающие относятся более благосклонно.

Другая возрастно-половая динамика выявлена М. С. Пономаревой (2001) при изучении *склонности к переживанию гнева.* Чем младше школьники, тем

[1] Батюшков К. Сочинения. Архангельск, 1979. С. 329.

эта склонность больше выражена у лиц мужского пола, и чем старше школьники, тем больше она выражена у лиц женского пола (рис. 7.1).

Печаль. Л. В. Куликов выявил значимые различия в самооценке печали: у женщин она выше. Это же выявлено и М. С. Пономаревой, с той лишь разницей, что у младших школьников склонность к печали больше выражена у мальчиков (рис. 7.1).

Один из основных вопросов исследования депрессии – почему женщины испытывают ее вдвое чаще мужчин? Проницательную мысль высказала Сюзан Нолен-Хоуксема (Nolen-Hoeksema, 1990; Nolen-Hoeksema и др., 1999); она указывает на особенности реакции мужчин и женщин при возникновении у них настроения. Печалясь, женщины склонны думать о возможных причинах и следствиях своих чувств. В противоположность им мужчины пытаются активно отвлечься от чувства подавленности, либо сосредоточиваясь на чем-то еще, либо при помощи физической нагрузки, которая уводит их мысли от текущего настроения. Все это позволяет сделать вывод, что именно большая склонность женщин к раздумьям, тяга к неотвязным размышлениям о своих проблемах увеличивает их уязвимость для депрессии (Butler, Nolen-Hoeksema, 1994)... Различия в реакции мужчин и женщин, которые делают женщин более подверженными депрессии, возникают в детстве (Nolen-Hoeksema, Girgus, 1994).

Герриг Р., Зимбардо Ф., 2004, с. 767–768.

Тревога и страх. В. А. Чикер с соавторами (1998) выявили, что для девочек старших классов социальная среда оказывается более насыщенной эмоциональными событиями, имеющими стрессогенное значение, чем для мальчиков. Это подтвердилось в исследовании, проведенном на студентах. В. П. Плотников с соавторами (2001) выявили наличие психического напряжения высокой степени у 62,5% опрошенных девушек и легкой степени такого напряжения у 45,2% юношей. Эмоциональное отношение к потенциальным источникам отрицательных эмоций у юношей и девушек было разным. Для юношей более значимыми, чем для девушек, были отношение к учебной группе, к своему самочувствию, к родителям; для девушек — к сессии и к экзаменам.

Л. В. Куликовым (1997) выявлены значимые половые различия в самооценке тревоги.

Многие исследователи отмечают половой диморфизм в реагировании на стрессовые ситуации. Так, по данным Л. В. Буравцевой (1975), у женщин более выраженная реакция на начало стресса и более быстрое восстановление после его завершения; они пластичнее мужчин. Эти выводы согласуются с исследованием Almeida D. M., Kessler R. C. (1998), в котором показано, что женщины подвержены воздействию бытовых стрессовых ситуаций в большей степени. У мужчин – меньшая чувствительность к страху, отмечаются низкие уровни нейротизма, тревоги (Nolen-Hoeksema S., 1987; Van Doornen L. P. J., Van Blockland R., 1987).

Maronqiu S. и Ekahammar B. (1998) отмечают, что женщины испытывают тревогу и напряжение в ситуациях, содержащих элемент конкуренции (соревновательности, мотивации достижения), а для мужчин характерна тревога и выраженность фрустрации относительно ситуаций, предполагающих необходимость проявления сочувствия к кому-либо, оказания помощи.

Stewart S. H., Taylor S. и Baker J. M. (1997) исследовали межполовые различия уровней тревоги по отношению к ситуациям, когда предполагаются негативные физические, социальные или психологические последствия. Было выявлено преобладание интегративных показателей по шкале тревожности у женщин. Обнаружено, что женщины преимущественно испытывают тревогу относительно ситуаций, имеющих негативные последствия для физических факторов; в то же время мужчинами в большей степени социальные и психологические факторы оценивались как наиболее угрожающие по сравнению с физическими.

Ткаченко А. А. с соавт., 2001, с. 32.

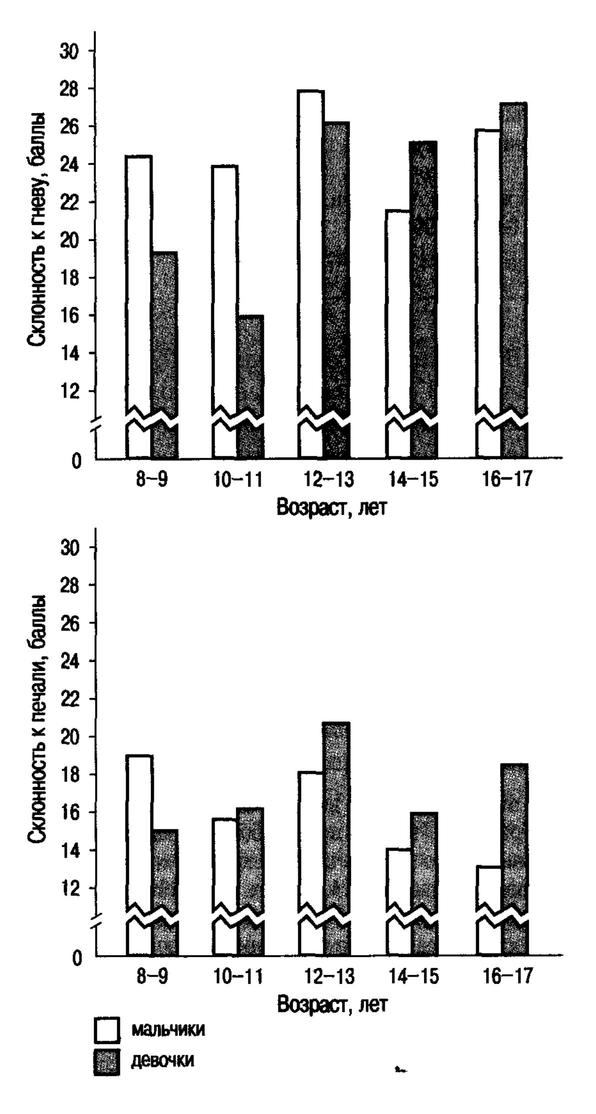

Рис. 7.1. Склонность к переживанию гнева и печали у лиц мужского и женского пола

В исследованиях рада авторов (Chrisophersen, 1989; Feingold, 1994) было показано, что уже на первом году жизни девочки проявляют большую, чем мальчики, робость в определенных ситуациях и больше пугаются; они менее склонны рисковать в таких ситуациях, менее напористы.

Сравнение склонности к переживанию базовых эмоций у школьников и школьниц разного возраста, проведенное М. С. Пономаревой, показало, что у девочек и девушек во всех возрастных группах склонность к переживанию страха выражена значительно больше, чем у мальчиков и юношей (рис. 7.2).

Эти данные согласуются с результатами эксперимента, проведенного Ф. Зимбардо (2001). Эксперимент состоял в следующем: испытуемых просили представить себя родителем ребенка, которого они «держат» на руках; неожиданно перед испытуемыми появлялся бородатый незнакомец с музыкальной игрушкой — коробочкой, из которой неожиданно выскакивал забавный клоун. После этого каждому «родителю» был задан вопрос: «Какова была реакция вашего ребенка на происшедшее?» Оказалось, что девушки на порядок чаще юношей определили реакцию ребенка как «страх», тогда как юноши значительно чаще девушек говорили о том, что увидели в глазах своего малыша «любопытство». Правда, Ф. Зимбардо расценивает эти данные как влияние гендерных установок, сложившихся в обществе. Но не сказывается ли в этом случае оценка испытуемыми ситуации на основании собственного опыта (т. е. большей боязливости девушек)?

Специфические фобии широко распространены, особенно среди женщин... В течение жизни специфические фобии поражают свыше 16% женщин и почти 7% мужчин (Kessler L. N., 1994; Magee G. D., 1996). Сравнительная частота их развития для различных полов значительно варьирует в зависимости от типа специфической фобии. Например, около 90–95% людей с зоофобиями – женщины, но для фобии, связанной с видом крови и ранениями, соотношение по полу оказывается ниже двух к одному.

...Зоофобии, как правило, возникают в детстве (когда они, по сути, одинаково свойственны мальчикам и девочкам, но мальчики склонны «вырастать» из них).

Грошев И. В., 2007, с. 125.

По данным А. И. Захарова (1995), количество страхов (т. е. того, чего боятся) больше у девочек, чем у мальчиков (рис. 7.3).

По его данным, у взрослых мужчин больше выражен страх высоты, а у взрослых женщин — смерти родителей. У женщин в значительно большей степени выражены также страх войны, страх сделать что-либо неправильно или не успеть сделать. У девушек количество мнимых страхов в 6 раз больше, чем у юношей.

Радость. В склонности к проявлению радости, по данным М. С. Пономаревой, не обнаружено четких половых различий: в 8–9, 12–13 и 16–17 лет она выражена у мальчиков и девочек одинаково, а в возрасте 10–11 и 14–15 лет эта склонность выражена больше у девочек.

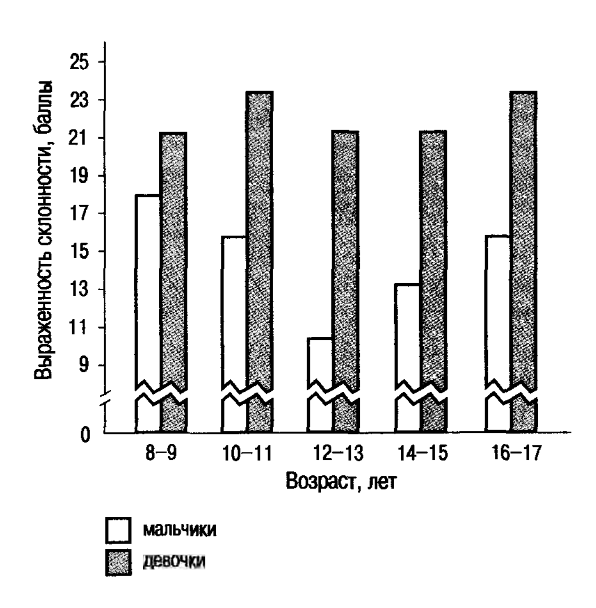

Рис. 7.2. Склонность к переживанию страха у лиц мужского и женского пола

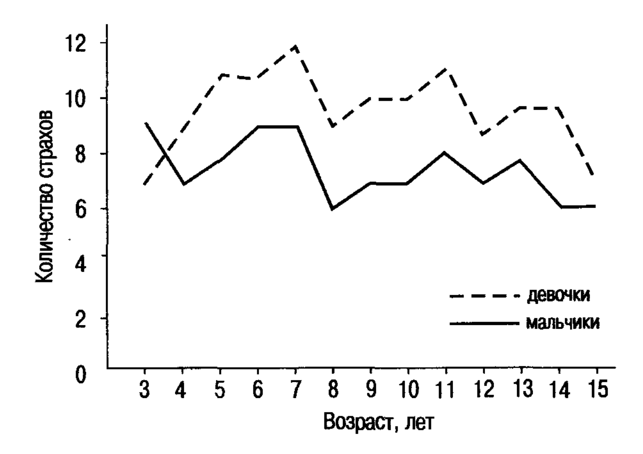

Рис. 7.3. Количество страхов у детей разного пола и возраста

7.2. Половые различия в выраженности эмоциональных свойств личности

В литературе отмечается большая эмоциональная чувствительность и эмоциональная нестабильность женщин. Изучение этого вопроса Е. П. Ильиным и В. Г. Пинигиным (2001) на школьниках и студентах с помощью самооценок жизненных проявлений эмоций выявило, что лица женского пола явно превосходят лиц мужского пола во всех возрастных группах по эмоциональной возбудимости, в меньшей сте-

пени — по интенсивности, в еще меньшей степени — по длительности сохранения эмоций и эмоциональной устойчивости (табл. 7.1).

Таблица 7.1. Самооценка различных свойств эмоциональности (баллы)

Испытуемые	Возбудимость	Интенсивность	Длительность	Эмоциональная неустойчивость
Мужчины, n = 141	2,4	4,3	2,0	3,0
Женщины, n = 53	3,8	5,7	2,8	3,6

В работе Е. П. Ильина и А. Н. Липиной (2007) эта тенденция получила подтверждение на контингенте взрослых разного возраста (рис. 7.4)

Как видно из рисунка, за небольшими исключениями все свойства эмоциональности выражены больше у женщин, чем у мужчин.

Бóльшая эмоциональная возбудимость лиц женского пола находит подтверждение и в исследовании П. А. Ковалева (1996): *вспыльчивость* (проявление эмоциональной возбудимости в конфликтной ситуации) выражена у них больше, чем у мужчин (рис. 7.5).

Интенсивность и длительность эмоциональных реакций. Об интенсивности эмоциональных реакций в основном судят по величине вегетативных сдвигов, наблюдающихся у человека в той или иной эмоциогенной ситуации (в исследованиях — обычно перед экзаменом и после него). Часто это свойство эмоциональности называют реактивностью. Получаемые разными авторами данные с использованием этих показателей весьма разноречивы, что объясняется, очевидно, во-первых, тем, что разные ситуации имеют для мужчин и женщин разное эмоциогенное значение, а во-вторых, тем, что на одну и ту же эмоциогенную ситуацию одни субъекты в большей степени реагируют эмоционально, а другие — двигательно.

Так, по данным Н. Д. Скрябина (1974а), при испуге (реакции на сильный неожиданный звуковой раздражитель) изменение пульса в большей степени наблюдается у женщин, чем у мужчин (соответственно на 21,9% и 6,3% — у смелых и на 35,4% и 14,6% — у трусливых). Однако КГР была более длительной у мужчин.

В то же время К. Д. Шафранская (1973), изучавшая эмоциональное напряжение, показала, что в ситуации стресса мужчины отличаются более высокой вегетативной реактивностью, чем женщины.

Недавняя исследовательская работа, проведенная Шелли Тейлор (Taylor, 2000), позволяет говорить о том, что... физиологические изменения в ответ на стресс могут отражаться на женщинах иначе, чем на мужчинах. Тейлор и ее коллеги высказывают мысль о том, что женщинам не свойственна *реакция борьбы или бегства*. Скорее всего, как считают эти исследователи, стрессоры вводят женщин в состояние готовности *к заботе и дружескому сближению*: при стрессе женщины обеспечивают безопасность своего потомства, заботясь об удовлетворении его потребностей, женщины сближаются с представителями своей социальной группы с той же целью — уменьшить уязвимость своего потомства.

Герриг Р., Зимбардо Ф., 2004, с. 634.

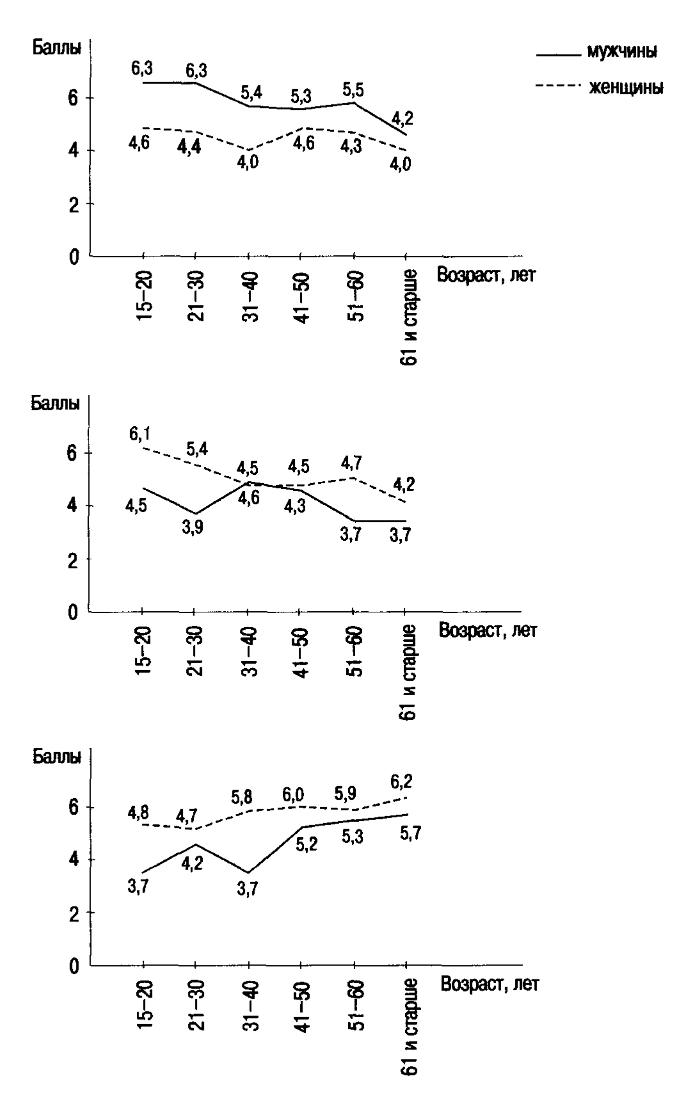

Рис. 7.4. Выраженность свойств эмоциональности у взрослых мужчин и женщин

Г. И. Акинщикова (1969) тоже выявила противоположные тенденции у мужчин и женщин в проявлении реактивности по артериальному давлению в условиях *стрессовой ситуации.* У женщин разница между систолическим и диастолическим давлением уменьшалась, в то время как у мужчин — увеличивалась. Однако выявленные различия в реактивности при психическом напряжении не являются специфически эмоциональными, они характерны для мужчин при любой нагрузке — в том числе интеллектуальной и физической. Так, измерение сахара в крови при высокой интеллектуальной нагрузке тоже выявило большую реактивность мужчин: показатель сахара в крови у них был выше, чем у женщин. Насыщение крови кислородом при этой нагрузке было в 2 раза выше у мужчин, чем у женщин.

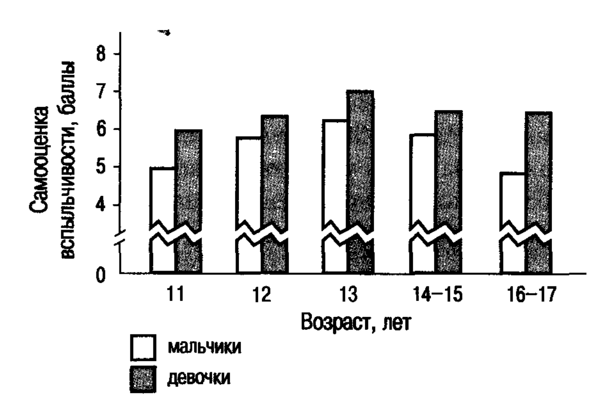

Рис. 7.5. Самооценка вспыльчивости лицами мужского и женского пола

Поэтому остается неясным, являются ли обнаруженные этими авторами факты следствием большей эмоциональной реактивности мужчин или же следствием их большей мобилизованности.

Как показали И. М. Елисеева с соавторами (1981), перед экзаменом студентки оценили уровень своего эмоционального возбуждения гораздо выше, чем студенты. Выше у них была и неуверенность в успешной сдаче экзаменов. В то же время по частоте сердечных сокращений различий между теми и другими не было. После экзамена спад эмоционального возбуждения был оценен студентками значительно более, чем студентами. Таким образом, женщины более экстремально оценивают как подъем эмоционального возбуждения, так и его спад.

По данным А. И. Винокурова (1996), у мужчин перед экзаменом ослабевает трофотропный тип вегетативного регулирования, что выражается в повышении пульсового давления крови, в увеличении систолического объема крови, в повышении коэффициента эффективности кровообращения. У женщин, наоборот, трофотропный тип вегетативного регулирования усиливается, что приводит к уменьшению пульсового давления и систолического объема крови, к большим сдвигам частоты сердечных сокращений.

Мужчину надо всегда подбадривать и поддерживать, потому что не такое уж это сильное животное, чтобы самостоятельно стоять на ногах.

Из выступления в товарищеском суде

Сразу же после экзамена у мужчин трофотропное регулирование сменяется на эрготропное, быстрее восстанавливаются показатели гемодинамики, уменьшается суммарное отклонение от АТ-нормы. У женщин после экзамена суммарное отклонение от АТ-нормы увеличивается, быстрее восстанавливается систолическое артериальное давление, а пульсовое давление неизменно уменьшается.

На основании этих фактов А. И. Винокуров делает вывод, что энергетические затраты организма в стрессовой ситуации выше у мужчин.

По данным М. А. Куцыревой (2004), использовавшей физиологические показатели, эмоциональность женщин была выше, чем мужчин.

Эмоциональная устойчивость. Под эмоциональной устойчивостью чаще всего понимают способность человека сохранять эффективность деятельности при возникновении отрицательных эмоциогенных факторов. Р. К. Малинаускас (2001) установил, что эмоциональная устойчивость к воздействию стрессогенных факторов практически одинакова у лиц мужского и женского пола. Правда, следует учесть, что автором обследовались спортсмены, а как известно, спортсменки часто принадлежат к маскулинному типу.

7.3. Экспрессивность мужчин и женщин

Женщины более свободны в выражении страха и грусти, чем мужчины (Blier, Blier-Wilson, 1989). Правда, Н. Айзенберг с соавторами (Eisenberg et al., 1989) по мимике и самоотчету испытуемых выявили лишь небольшие различия в проявлении эмоциональности в пользу женщин. С возрастом эти различия увеличивались, в основном за счет большей маскировки своих эмоций мужчинами.

В ряде других исследований также показана большая экспрессивность лиц женского пола, независимо от их возраста (Stepley J., Haviland J., 1989; Snell W., 1989; Saurer M., Eisler R., 1990; Суханова К. Н., 2001). Выявлено, что женщины проявляют более эмоциональное поведение в чисто женских группах, чем в смешанных (Cross S., Madson L., 1997).

По мнению Н. А. Архиповой (2005), девушки и юноши чаще стараются контролировать свои эмоции, когда они взаимодействуют с противоположным полом. Юноши стараются оградить себя от проявления симпатии и эмпатии, а девушки — от агрессивных проявлений. Девушки чаще, чем юноши, испытывают интеллектуальные эмоции. Юноши чаще испытывают гедонистические эмоции, в то же время фрустрационные эмоции у них встречаются реже.

Женщины лучше кодируют экспрессивное выражение счастья, а мужчины — гнева и злобы (Coats E., Feldman R., 1996). Отмечается, что женщины более улыбчивы, чем мужчины. Так, М. Ля Франс (La France, 1985) проанализировал 9000 фотокарточек из студенческих альбомов, а Э. Хальберштадт и М. Саитта (Halberstadt, Saitta, 1987) — 1100 фотографий из газет и журналов, а также снимки 1300 человек в магазинах, парках и на улице. И везде обнаруживалось, что женщины улыбаются чаще.

Различия в эмоциональной экспрессии мужчин и женщин многие психологи связывают с особенностями воспитания тех и других. Согласно К. Юнгу, у мальчиков в процессе их воспитания чувствования подавляются, в то время как у девочек они доминируют. Среди мужчин открытое проявление эмоций удостаивается насмешек и позора.

Это дает основание говорить (Берн Ш., 2001), что эмоциональность (т. е. сила переживаемых эмоций) у мужчин и женщин одинакова, различна же степень их внешнего выражения. Я бы добавил, что различно у мужчин и женщин и выражение разных эмоций: то, что «прилично» для женщин (плакать, сентиментальничать, бояться и т. п.), «неприлично» для мужчин, и наоборот, то, что «прилично» для мужчин (проявлять гнев и агрессию), «неприлично» для женщин.

Но и у женщин существует «запрет» на выражение ряда эмоций и чувств. Р. Сальваггио (1996) отмечает, что у женщин весьма желательны выражение эмоциональной зависимости от противоположного пола, погруженности в «любовь» при запрете на открытое выражение чувств и проявление агрессии. Как считает автор, это создает у женщин мазохистскую установку.

7.4. Эмоциональная память и пол

Ю. Л. Ханиным (1978) получены данные, которые можно интерпретировать в пользу вывода о лучшей эмоциональной памяти у женщин, чем у мужчин.

Группе женщин — прыгунов в воду было предложено за 20 дней до важных соревнований оценить ретроспективно на основании своего прошлого опыта с помощью шкалы ситуативной тревожности «свое состояние перед ответственными соревнованиями». Затем непосредственно перед соревнованиями (за 2 часа до начала выступления) с помощью шкалы ситуативной тревожности был измерен реально наблюдаемый уровень тревоги. Оказалось, что между этими двумя показателями существует тесная корреляция. Это свидетельствует о том, что вспоминавшаяся сила эмоциональных переживаний у женщин была близка к реальной. У мужчин же в результате проведения такого же исследования достоверной корреляции не было выявлено.

Большая способность женщин помнить сильные эмоциогенные стимулы показана Канли с соавторами (Canli et al., 2002). Испытуемым демонстрировались эмоционально возбуждающие и тревожащие картинки, а по прошествии 3 недель их просили узнать эти картинки. Женщины узнавали около 75% картинок, а мужчины – около 60%.

Правда, выявленные различия между мужчинами и женщинами в запоминании своих переживаний могут быть объяснены и худшей у мужчин, чем у женщин, рефлексией, и меньшей у мужчин, чем у женщин, выраженностью тревоги, но все это тоже нуждается в подтверждении.

7.5. Половые различия в проявлении эмоциональных типов

А. А. Плоткин (1977) показал, что как у мужчин, так и у женщин распространены эмоциональные типы, когда доминирует либо радость и страх, либо радость при равенстве страха и гнева. Одинаковую предрасположенность женщин к гневу и страху можно объяснить с позиций К. Изарда (2000), считающего, что склонность к страху может уравновешивать предрасположенность к гневу, удерживая индивидов от агрессивных поступков и конфликтов или переводя их в более «мягкие» формы (например, в косвенную вербальную агрессию, которая, по данным П. А. Ковалева, преобладает именно у женщин).

У мужчин наиболее распространенной является структура, в которой гнев и радость преобладают над страхом. Эти данные согласуются с имеющимися в ли-

тературе данными о большей выраженности у мужчин прямой физической и вербальной агрессии (П. А. Ковалев, 1996, и др.).

Застенчивость. По данным В. Н. Куницыной (1995), в категорию застенчивых чаще попадают женщины, чем мужчины (соответственно 30% женщин и 23% мужчин).

Однако Ф. Зимбардо отмечает, что в Японии и на Тайване гораздо больше застенчивых мужчин, чем женщин. В Израиле, Мексике, Индии, наоборот, более застенчивы женщины, а в США эти различия отсутствуют.

Половые особенности эмпатийиости. По некоторым данным, женщины более склонны к эмпатии, чем мужчины (Sidman J., 1969; Feingold, 1994; Cohen, Strayer, 1964; Лукьянова Е. В., 2006), что, в частности, проявилось во время просмотров слайдов или слушания рассказов (Hunt, 1990). Большую склонность девочек к сопереживанию по сравнению с мальчиками выявила и М. Л. Бутовская (1997). По данным Е. В. Лукьяновой, студенток с высоким уровнем эмпатии в четыре раза больше, чем студентов, а с низким уровнем эмпатии — в 2 раза меньше. Правда, некоторые авторы отмечают, что мальчики, наблюдаемые в естественной обстановке, часто оказываются не менее эмпатичными и сопереживающими, чем девочки (Fabes et al., 1990; Zahn-Waxler et al.,1992). Женщины более склонны плакать и говорить о своем огорчении в ответ на огорчения других (Eisenberg, Lennon, 1983). Меньшая эмпатийность мужчин проявилась в одном исследовании (Connors J., Heaven P., 1990) по отношению к больным СПИДом. Мужчины более склонны считать этих больных девиантными, некомпетентными, людьми, недостойными сострадания и поэтому заслуживающими социального дистанцирования.

Пятьдесят два процента представительниц прекрасного пола заявили, что теряют сочувствие к своему заболевшему супругу уже через пять минут после его первой жалобы, а 18% – и того раньше. Зато 70% мужчин утверждают, что сочувствуют простуженным подругам и женам. Около 60% даже готовы взять хлопоты по дому на себя, а 64% – приготовить ужин. Больше того, 37% мужчин готовы взять по такому случаю на работе отгул. Взаимностью им ответят лишь 19% женщин.

Источник: Wday.ru. 26.12. 2008

И. В. Грошев (1997) выявил некоторые половые различия в эмоциональных качествах, связанных с эмпатией у студентов-медиков (табл. 7.2).

Таблица 7.2. Выраженность эмоциональных особенностей у студентов-медиков разного пола (баллы)

Особенности	Мужчины	Женщины
Отзывчивость	4,58	4,80
Чуткость	4,51	4,77
Жалостливость	4,36	4,61
Сострадание	4,24	4,57
Сожаление	4,20	4,46

Как видно из таблицы, у студенток-медиков все эмпатичные характеристики выражены больше, чем у студентов-медиков.

По данным Е. П. Ильина и А. Н. Липиной (2007), у взрослых людей, за исключением людей пенсионного возраста, эмпатия несколько выше у женщин, чем у мужчин (табл. 7.3).

Таблица 7.3. Выраженность эмпатии у мужчин и женщин (баллы)

Пол	Возраст					
	15–20	21–30	31–40	41–50	51–60	61 и старше
Мужчины	11,1	14,1	17,0	23,2	13,1	10,2
Женщины	12,0	15,3	23,2	24,4	16,3	10,3

Нэнси Айзенберг и ее коллеги, изучавшие эмпатию у детей 10–12 лет (Eisenberg N., 1989; Eisenberg, Shell, Pasternack et oth., 1987), полагают, что большая эмпатичность девочек этого возраста проявляется потому, что они морально созревают раньше, чем мальчики. Большая же эмпатийность женщин по сравнению с мужчинами объясняется (Tavris, 1992) гендерными ролями (заботливость первых и властность, независимость, соперничество вторых), а также соответствующим этим ролям воспитанием детей (Block, 1973). У девочек поощряется выражение ими своих эмоций, а у мальчиков формируется установка на подавление их выражения. Игра девочек с куклами развивает эмпатическую экспрессию, а «мужские» игрушки ее не развивают. Д. Блок предполагает, что у мужчин вследствие этого имеется менее богатый опыт в сфере эмпатийной отзывчивости, и в результате они просто не знают, как реагировать на эмоциональный дискомфорт другого человека.

К. Н. Суханова (2001) получила данные, согласно которым мужчины больше нуждаются в эмоциональном участии (100% и 60%), женщины же чаще сохраняют эмоциональную безучастность в отношениях (60% против 40%). Эти на первый взгляд парадоксальные данные не выглядят таковыми, если учесть, что мнение о большей природной эмпатийности (как частного проявления большей эмоциональности) женщин рядом исследователей подвергается сомнению. Многое в обнаружении эмпатийных различий между мужчинами и женщинами зависит от используемых при их выявлении *критериев*. Айзенберг и Леннон (Eysenberg, Lennon, 1983) определили: чем менее очевидно, что тест измеряет уровень эмпатии, тем меньшие половые различия выявлялись. Так, существенные различия наблюдались с использованием шкал, где обследуемый должен был сообщить, насколько эмпатичным он стремится быть, небольшие различия — при использовании шкалы, где надо было сообщить о своих чувствах после переживания эмоционально насыщенной ситуации, а при использовании физиологических показателей или мимических реакций различий вообще не было найдено.

Т. П. Гаврилова (1977) показала, что *формы эмпатичного поведения* — сопереживание и сочувствие — по-разному проявляются у детей разного пола. Сопереживание взрослым и животным чаще наблюдалось у мальчиков, а сочувствие — у девочек. По отношению же к сверстникам все оказалось наоборот: сопереживание чаще демонстрировалось девочками, а сочувствие — мальчиками. В целом же и те и другие чаще сочувствовали, чем сопереживали.

Как показано В. Д. Еремеевой и Т. П. Хризман (2001), эмпатичная реакция девочек и мальчиков определяется *видом эмоциогенного стимула*. Когда девочки слышат детский плач (в магнитофонной записи), то у них резко активируются центры слуха, зрения, моторные и задние ассоциативные зоны мозга; у мальчиков реакция значительно менее выражена. Картина меняется, когда звучит глагол «плачут»: у мальчиков реакция указанных зон коры выражена отчетливо, а у девочек — слабо. Авторы объясняют более сильную реакцию девочек на плач по сравнению со словом тем, что плач для женщин является самым важным биологическим сигналом. Плач — это ведущая коммуникация матери и ребенка.

По данным Е. В. Лукьяновой (2006), у девушек уровень эмпатии выше в отношении к животным, детям, героям художественных произведений, родителям и незнакомым людям.

Изучение такого эмоционального свойства личности, как сентиментальность (Ильин Е. П., Липина А. Н., 2007), показало существенные различия между мужчинами и женщинами (рис. 7.6).

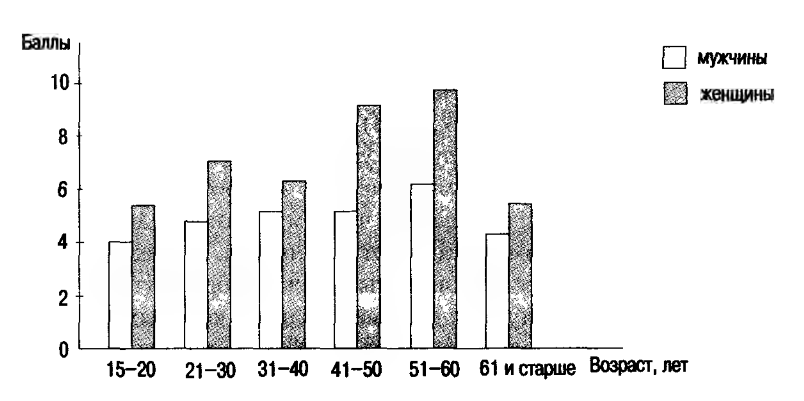

Рис. 7.6. Выраженность сентиментальности у мужчин и женщин разного возраста

Вина и совестливость. Фактор пола оказывает сильное влияние на переживание вины: у мужчин оно выражено слабее, и они гораздо реже говорят о переживании вины, чем женщины (Куликов Л. В., 1997; Савина В. С., 2001).

Это нашло подтверждение и в моем исследовании совестливости, проведенном с помощью разработанного опросника: у мужчин величина совестливости оказалась равна 4,7 балла, а у женщин — 7,2 балла.

Различия по тревожности (эмоциональной стабильности). Факт большей тревожности и нейротизма (влекущих к эмоциональной лабильности, нестабильности) лиц женского пола по сравнению с лицами мужского пола обнаружен во многих исследованиях (см., напр., работы Бадaниной Л. П., 1996; Кузаковой В. Д., 1975; Винокурова А. И., 1996). Различия между лицами разного пола по тревожности и нейротизму выявлены в исследовании, проведенном мною совместно с дипломницей Н. А. Герасимовой на школьниках старших классов (рис. 7.7 и 7.8).

Однако, несмотря на свою большую тревожность в сравнении с мужчинами, женщины более способны к ее подавлению (К. Д. Шафранская, 1973). Чтобы от-

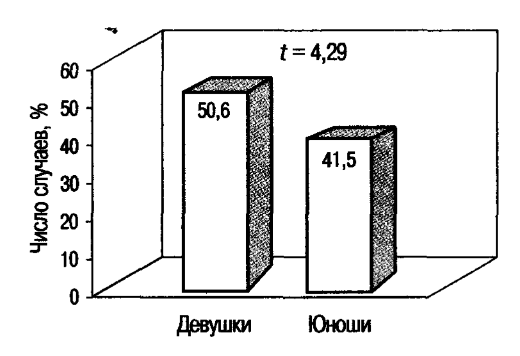

Рис. 7.7. Половые различия по личностной тревожности

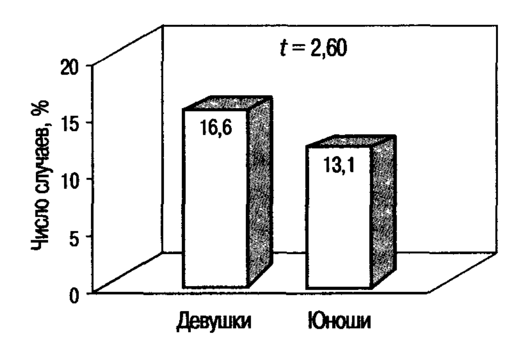

Рис. 7.8. Половые различия по нейротизму

влечь себя от мрачных мыслей, мужчины чаще, чем женщины, используют различные занятия.

Л. П. Баданина (1996), связывает большую тревожность девочек с тем, что они с большей осознанностью, чем мальчики, воспринимают роль школьника. Различны у мальчиков и девочек в разном возрасте и доминирующие причины тревожности (автор называет их видами тревожности). У девочек школьная тревожность доминирует в 7–9 лет, а в 10 лет уступает свое место самооценочной тревожности. У девочек младших классов на фоне меньшего количества невротических реакций, чем у мальчиков, наиболее часто отмечается неустойчивость настроения, капризность, плаксивость, грусть, тоска, застенчивость, боязливость, подверженность страхам, повышенная обидчивость. У мальчиков 7 лет доминирует межличностная тревожность, школьная тревожность преобладает в 8–9-летнем возрасте. При этом уже в 9 лет показатели самооценочной тревожности у мальчиков начинают выравниваться с показателями школьной тревожности. На фоне большего количества невротических реакций у мальчиков младших классов наблюдается агрессивность, драчливость, гиперактивность.

Нужно отметить, однако, что в приведенных выше исследованиях обследуемыми были либо младшие школьники, либо старшие школьники и взрослые. Между тем у школьников пубертатного возраста, по данным Н. В. Бирюковой с соавторами

(1976), происходит инверсия: большую тревожность обнаруживают уже не девочки, а мальчики (рис. 7.9).

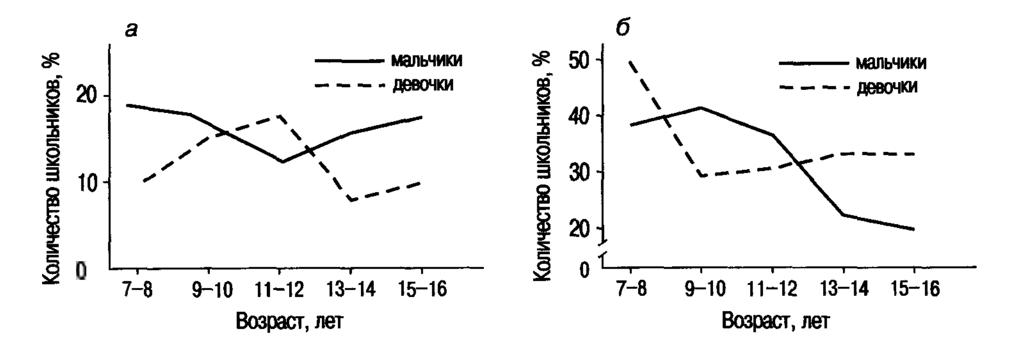

Рис. 7.9. Нейротизм у школьников разного пола: *а* – низкий нейротизм; *б* – высокий нейротизм

Возможно, меньшей тревожностью лиц мужского пола объясняется более сильное в сравнении с лицами женского пола стремление к новому.

Проблемная озабоченность (беспокойство). Большая тревожность и нейротизм лиц женского пола проявляется и в их большей проблемной озабоченности. С. Арчер (Archer, 1985) установила, что 42% девушек обеспокоены невозможностью совмещения в будущем семьи и работы. Среди юношей лиц с такой обеспокоенностью не было. Семьдесят пять процентов юношей ответили, что их ничего не беспокоит, в то же время среди девушек таких оказалось только 16%.

По данным А. Г. Грецова (2000), проблемная озабоченность практически по всем аспектам жизни выражена больше у девочек, чем у мальчиков (табл. 7.4).

Таблица 7.4. Проблемная озабоченность у школьников подросткового и юношеского возраста (баллы)

Аспекты жизни	Лица мужского пола	Лица женского пола
Будущее	2,90	2,99
Отношения с родителями	2,65	2,82
Отношения со сверстниками	2,61	2,74
Школа	2,52	2,65
Свободное время	2,45	2,58
Другой пол	2,34	2,40
Собственное Я	2,17	2,46

В книге «Жизненные проблемы...» (2000) отмечается, что для девочек проблемы с собственной личностью и будущим имеют большее значение, чем для мальчиков. К. Муздыбаев (1999) пишет, что у мужчин степень надежды выше, чем у женщин, т. е. они с большим оптимизмом смотрят в будущее. Однако имеются и другие данные. Тот же К. Муздыбаев выявил, что у петербургских студенток надежда выражена больше, чем у студентов, а К. Снайдер и его соавторы (Snyder et al., 1996) не нашли различий в диспозиционных надеждах у американских студен-

тов. Очевидно, дело не в полоролевой принадлежности, а в конкретных условиях жизни.

Завистливость. По данным Н. Е. Серебряковой (2001), применившей оригинальную методику проявления зависти по отношению к успехам другого в различных жизненных ситуациях, у женщин завистливость выше, чем у мужчин, исключая карьеру; здесь различия между мужчинами и женщинами не выявлены (рис. 7.10).

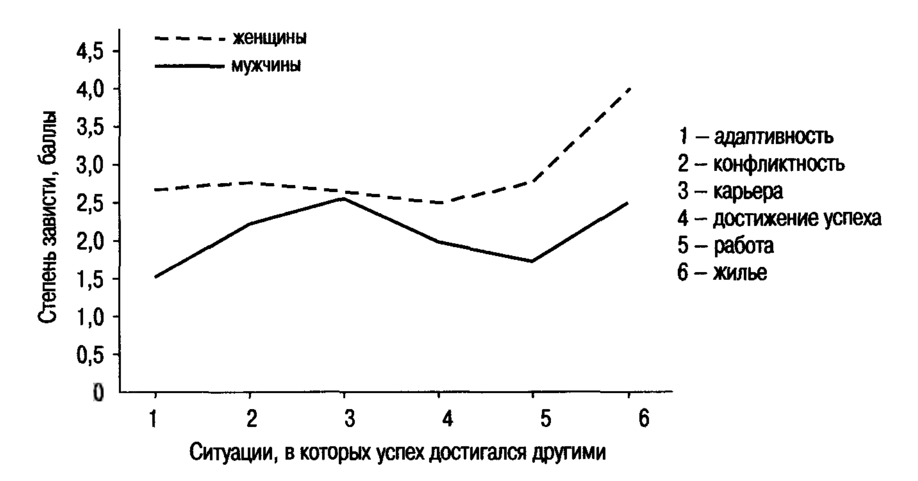

Рис. 7.10. Проявление зависти к достижениям другого в различных жизненных сферах

Ревность. Мужчины больше всего ревнуют, когда их партнерша занимается сексом с кем-либо еще. Женщины испытывают наибольшую ревность, когда их партнер эмоционально привязывается к другой. Психологи считают, что эти различия отражают обеспокоенность мужчин по поводу достоверности их отцовства и потребность женщин в заботе со стороны партнера (Buss, 1994).

Обидчивость. В отношении обидчивости существенных половых различий, по данным П. А. Ковалева, не выявлено.

7.6. Распознавание мужчинами и женщинами эмоций другого человека

Д. Джонсон и Г. Шульман (Johnson, Shulman, 1988) обнаружили, что взрослые женщины больше проявляют интерес к эмоциям окружающих, чем мужчины.

По одним данным (Rosental R., De-Paulo-Bella M., 1979), при опознании эмоций по голосу преимуществ у женщин нет, по другим данным, преимущество пола зависит от того, какие эмоции распознаются. Так, в работе М. И. Павликовой с соавторами (2001) было выявлено, что мужчины, имеющие родительский опыт, наиболее точно распознавали сигналы дискомфорта младенца, давая им более отрицательные оценки, чем это делали женщины. Зато звуки удовольствия мужчины определяли хуже, чем женщины.

Выявлено преимущество женщин в декодировании эмоций по мимике (Galagher, Sheebtich, 1981; Jancik, 1981; Hall, 1984). Мужчинам же особенно трудно распознавать эмоции по выражению лица, если это лицо женщины (Gur, 1992).

Однако и здесь не все так однозначно. Некоторые эмоции лучше распознаются мужчинами. Так, Е. Д. Хомская и Н. Я. Батова (1998) отмечают, что женщины чаще, чем мужчины, видят на фотографиях возмущение и обиду, тревогу, печаль, удовольствие, а мужчины — гордость, горе, безразличие и нежность.

ГЛАВА 8

Половые особенности мотивационной сферы

8.1. Особенности внешне- и внутренне-организованной мотивации у мужчин и женщин

Под внешнеорганизованной мотивацией я понимаю такой процесс формирования человеком мотива, который происходит при значительным влиянии извне (когда другие люди отдают приказы, распоряжения, советы). Внутреннеорганизованная мотивация — это процесс формирования мотива, исходящий из имеющейся потребности, без постороннего вмешательства в выбор цели и способы ее достижения.[1]

Ш. Берн отмечает, что «социальные стереотипы, касающиеся гендеров, могут вынудить нас поверить, что по сравнению с мужчинами женщины — более конформны, легкоубеждаемы и управляемы из-за своей зависимости и подчиненности (Eagly, Wood, 1985)» (2001, с. 112). Действительно, в работе А. В. Визгиной и С. Р. Пантилеева (2001) показано, что при самоописаниях склонность к подчинению рассматривается женщинами как социально желательная характеристика. Считается, что в любом возрасте представители женского пола более склонны обращаться к авторитетам в определении своей позиции (еще М. Н. Лапинский (1915) писал, что «женский ум больше верит самому авторитету, оставляя без внимания тот путь, которым он пришел к данному выводу» [с. 83]), а при каких-либо затруднениях более склонны придерживаться установленных норм поведения, и что в школе девочек легче заставить выполнить какие-либо поручения.

Как пишут Д. В. Колесов и Н. Б. Сельверова (1978), «для девочки достаточно сознания того, что она действует так, как с нее спрашивают, лишь бы ей внушили, что в этом есть необходимость и смысл. Мальчики же обязательно должны сами понять смысл и значение мероприятия: если они этого смысла не обнаружат, то, как бы их ни убеждали, что это нужно, активности не проявляют» (с. 27).

---

[1] Подробно об этих видах мотивации говорится в моей книге «Мотивация и мотивы» (СПб.: Питер, 2000).

Самостоятельность является символом успешности, могущества и состоятельности («марсиан», т. е. мужчин. – *Е. И.*).

Если женщины смогут понять данную особенность марсиан, это безусловно поможет им понять, почему мужчины не любят, когда их поправляют или говорят им, что надо делать. Дать мужчине совет, которого он не просил, равнозначно предположению того, что он не знает, что делать, или не может справиться с этим самостоятельно. Это сильно задевает мужчин, потому что вопрос состоятельности очень важен для них.

Поскольку марсианин справляется со своими проблемами самостоятельно, он крайне редко о них говорит – лишь в тех случаях, когда ему необходим совет человека более опытного, чем он сам. Марсианин совершенно логично обосновывает свое поведение: «Зачем я буду вмешивать в свое дело кого-то еще, если смогу справиться с ним сам?» И остается наедине со своей проблемой, за исключением тех случаев, когда ему нужна помощь в поиске решения. А просьба о помощи в тех случаях, когда можно справиться самому, считается проявлением слабости.

Грей Дж., 2001, с. 479.

Эта точка зрения господствовала до конца 1970-х гг. вопреки тому, что в 82% исследований по сравниванию убеждаемости мужчин и женщин и в 74% исследований по гендерным особенностям в конформности никаких различий не обнаружено, пишет Ш. Берн, ссылаясь на работы Игли с соавторами (Eagly, 1978; Eagly, Wood, 1985). Но действительно ли это так?

Известно, что лица женского пола более *внушаемы*, чем лица мужского (Петрик В. А., 1977; Левенфельд Л., 1977; Манилов И. Ф., 1997). Правда, как следует из данных А. И. Захарова (1998), это наблюдается не во всех возрастных группах (рис. 8.1).

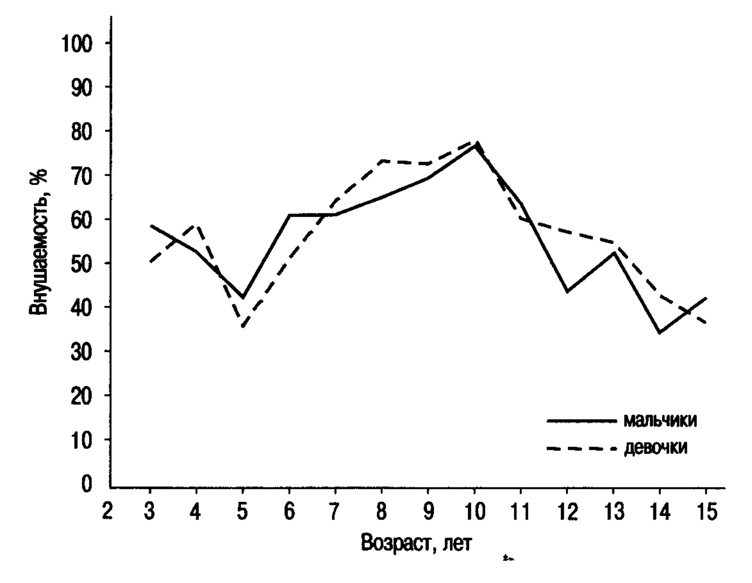

Рис. 8.1. Внушаемость лиц мужского и женского пола

Как уже было отмечено, женщины более податливы и групповому давлению (более конформны), чем мужчины. По данным Э. С. Чугуновой (1974), у девушек по сравнению с юношами наблюдается более частый выбор профессии по советам родных и знакомых.

Таким образом, мотивация лиц женского пола более внешне организованна, т. е. мотив легче формируется под давлением извне, а мотивация лиц мужского пола — более внутренне организованна, т. е. исходит из понимания смысла и личной значимости того, что надо делать.

8.2. Потребности мужчин и женщин

А. В. Ермолин (1996) выявил, что при объяснении поступка «потребности» чаще называются лицами мужского пола, а «долженствование» — лицами женского пола. Это согласуется с данными ряда авторов, что школьницы больше предрасположены к усвоению общественных норм и требований.

Как показано Л. П. Кичатиновым (1989), мальчики во всех возрастах, кроме 4–5 лет, чаще, чем девочки, изъявляли желание мастерить, строить, конструировать. Это свидетельствует, что в процессе игры у них больше выражена преобразовательная деятельность. У мальчиков больше выражена потребность в занятиях спортом. Зато у девочек во всех возрастах больше выражены эстетические потребности.

В исследовании Ю. Е. Кочневой и О. А. Шибалиной (2000) установлено, что мужчины демонстрируют большую потребность в познании, чем женщины.

Имеются, однако, и другие данные. Так, в исследовании А. И. Винокурова (1996) выявлено, что женщины статистически достоверно по сравнению с мужчинами имеют более высокий уровень как потребности в достижении, так и в избегании неуспеха.

Потребность достижения. Распространено мнение, что мужчины в большей степени, чем женщины, придают значение победам, превосходству (Sidanius et al., 1994), у них выше конкурентность (Bartol K., Martin D., 1986; Cross S., Madson L., 1997; Maccoby E., Jacklin C., 1978; Powell G., 1990), а у женщин потребность (мотив) достижения ниже, чем у мужчин, и они не склонны строить в отношении своей профессиональной карьеры далеко идущие планы. У женщин, занятых в традиционно женских сферах профессиональной деятельности (педагогика, социальная работа, сестринское дело), как показали исследования американских психологов, это действительно имеет место.

А по данным казанских психологов («Психологические...», 1977), потребность в достижениях у женщин несколько выше, чем у мужчин (соответственно 13,3 и 12,8 балла). Результаты моего исследования тоже показали, что у девушек чаще, чем у юношей, встречается высокий уровень мотива (потребности) достижения (32,2% против 20,0% у юношей). То же можно сказать и в отношении среднего уровня мотива достижения: у девушек он обнаружен в 60,7% случаев, а у юношей — в 48% случаев. Еще более резкие различия выявляются при сравнении юношей и девушек с низким уровнем мотива достижения: у девушек он только в 7,1% случаев,

а у юношей — в 32,0%. В среднем для группы девушек мотив достижения равен 15,9 балла, а для группы юношей — 8,8 балла.

С другой стороны, в работе И. Мацака и Й. Безака (1973) показано, что при просьбе повысить темп точностной работы мотивация у мальчиков по сравнению с девочками оказалась более сильной. Выявлено также, что после поступления в школу девочки предпочитают работать с решенными задачами, а мальчики — с теми, с которыми не справились (Grandall, Rabson, 1960).

Однако Г. Н. Рыбка (2006) не выявила различий по мотиву достижения (методика Т. Элерса) между учащимися различного пола.

> Исследования женской мотивации достижения строились из предпосылки, что успех женщин ограничивает только их гендерная роль в культуре. ...Многочисленные данные показывают, что женщины стремятся преуспеть в самых разных сферах (мужчины, по-видимому, не способны проявлять такую широту взглядов). Более того, женская потребность быть хорошим партнером и/или матерью может рассматриваться как осуществление потребностей женщин в присоединении, но вместе с тем ее также можно рассматривать как осуществление потребности в успехе в той сфере, которая традиционно считается женской (Doyle, Paludi, 1995). Тем не менее эта тема редко изучалась.
>
> Палуди М., 2003, с. 281.

Показано, что профессиональные планы женщин, занятых в сфере коммерции, юриспруденции и медицины, оказались очень близки тем, которые строят в отношении своей карьеры мужчины, занятые аналогичными видами деятельности. Это соответствует выводу, который сделан в работе Макклелланда с сотрудниками (McClelland et al., 1953): половые различия в мотивах достижения необходимо рассматривать в соответствии с типом цели. Парадоксальность и неустойчивость половых различий в силе мотива достижения, получаемые в разных исследованиях, X. Хекхаузен (2001) тоже склонен объяснять различиями в том, какая ценностная ориентация превалирует у женщин — мужская (интеллектуальная) или женская (семейно-бытовая). Очевидно, именно с большей ориентацией на учебу можно связать лучшую успеваемость и больший мотив достижения в учебе у учащихся девочек и девушек по сравнению с учащимися мальчиками и юношами (Maccoby, Jacklin, 1978).

> Многие ученые подчеркивают важность взаимоотношений родитель — ребенок в развитии у детей мотивации достижений. Например, родители могут иметь более высокие ожидания достижений от сыновей, чем от дочерей. Родители более удовлетворены уровнем достижения своих дочерей, чем сыновей, — даже тогда, когда нет различия между их академической успеваемостью (McGrath, Repeti, 2000).
>
> Lips H., 2008, p. 426.

Имеются три точки зрения на проявление мотива достижений у мужчин и женщин. Первая состоит в том, что женщины иначе мотивированы на достижения, чем

мужчины; вторая — мужчины и женщины мотивированы разными потребностями: для женщин потребность в аффилиации (эмоциональном принятии) важнее, чем потребность в достижениях; третья — мужчины и женщины обладают мотивом достижений в равной степени, но реализуют его в разных видах деятельности (Ходырева Н. В., 1997).

Первая точка зрения находит подтверждение в данных Д. Спенса и Р. Хельмрайха (Spens, Helmreich, 1978). Мотив достижения изучался авторами в трех сферах: совершенствование, соревнование, достижение результата. На студенческой выборке было выявлено, что у женщин выше мотивация достижения результата, у мужчин — мотивация совершенствования и соревнования. В других выборках (спортсмены, бизнесмены, психологи) различия между мужчинами и женщинами по мотивации достижения результата и совершенствования были меньшими, а по соревновательности различия (в пользу мужчин) были такими же, как у студентов.

Аналогичные по сути данные получены Г. Н. Рыбка (2006): потребность достижения успеха в учебной деятельности больше выражена у девушек, а потребность достижения в спортивной деятельности — у юношей (рис. 8.2).

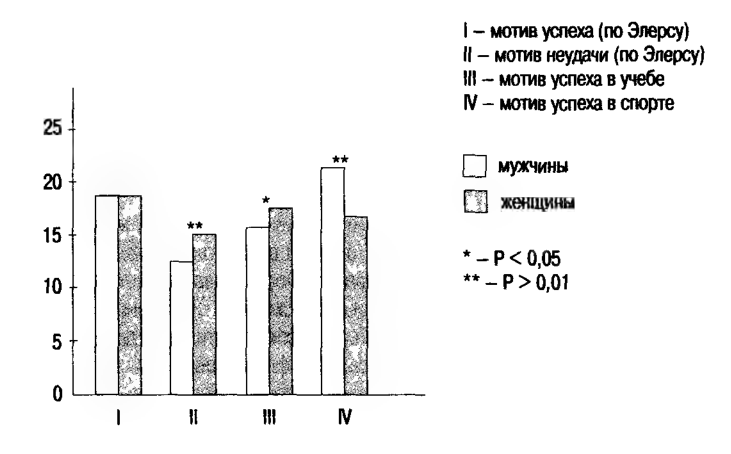

Рис. 8.2. Средние значения выраженности потребности достижения у учащихся разного пола

Эти данные могут объяснить различия в мотивах учебной деятельности студентов разного пола, выявленные в исследовании «Вопросы практической психодиагностики...» (1984): у мужчин больше была выражена направленность на получение знаний и профессии, а у женщин — направленность на получение диплома. Говоря другим языком, у женщин было более выражено стремление к достижению результата (в данном случае — получение диплома), а у мужчин — совершенствование (получение профессиональных знаний).

Мотив (потребность) избегания неудачи. Как показали Каган и Мосс (Kagan J., Moss H. A., 1962), страх неудач и тенденция к избеганию неудач в детском возрасте коррелируют с аналогичными тенденциями во взрослом возрасте, но только у лиц женского пола.

М. П. Кубышкина (1996), изучавшая возрастные особенности мотива социального успеха, не обнаружила различий между юношами и девушками в распределении мотивационных тенденций (избегание неудачи, стремления к признанию, к соперничеству). Взрослые же женщины менее склонны к соперничеству, чем мужчины, они менее доминантны и активны, более склонны избегать неудач. Если у девушек надежда на социальный успех превалирует над мотивом избегания неудачи, то у женщин выявлено некоторое преобладание избегания неудачи над надеждой на социальный успех. Между юношами и мужчинами подобных различий выявлено не было. Автор предполагает, что девушки не менее юношей нацелены на социальную активность и ставят перед собой широкие задачи социальной самореализации, они столь же энергичны, не избегают соперничества и стремятся к признанию и деловому успеху. Обнаруженное же у женщин снижение стремления к признанию и соперничеству и усиление мотива избегания неудачи может свидетельствовать о том, что с годами происходит постепенная переориентация женщины с направленности на широкие социальные контакты и социальную активность на более узкие доверительные отношения и на семейный очаг.

Е. Фергюсон (Ferguson E., 1976) считает, что у мужчин превалирует мотив успеха, а у женщин – мотив избегания неудач. К. Хорни тоже отмечает, что для юношей характерен доминирующий тип мотивации – ориентация на успех, у девушек доминирующая мотивация – избегание неудачи.

По данным Г. Н. Рыбка, мотив избегания неудачи больше выражен у лиц женского пола (см. рис. 8.2).

Выявлена тенденция, заключающаяся в том, что мотивация достижения у мальчиков находится в прямой зависимости с мотивацией достижения отцов и в обратной – матерей, при этом она детерминирована в основном средовыми факторами. Формирование мотивации достижения у мальчиков происходит под воздействием модели отцовского мотивационного поведения в ситуациях, связанных с достижением, а наличие у матери высокой мотивации достижения, напротив, затрудняет формирование такой же мотивации у сына. В формировании мотивации достижения девочек ведущую роль играют факторы наследственности, особенно это касается мотивации избегания неудачи.

Воробьева Е. В., 2007, с. 195–196.

Мотив (потребность) власти. И. Кант писал, что склонность к власти у женщины – черта характера не из последних. В подавляющем большинстве случаев она реализуется в семейных отношениях. Если же женщине не удается реализовать свое властолюбие в семье, она пытается сделать это в различных общественных сферах (участие в различных комитетах, комиссиях, выбор профессии учителя, психолога или журналиста). По данным Винтера (Winter, 1982), различия в потребности во власти мужчин и женщин проявляются не столько в степени, сколько в поведении (*экспансивном побуждении*, несдержанности). Мужчины с выраженной потребностью во власти более склонны участвовать в драках, азартных играх, употреблять алкоголь, пытаться сексуально использовать женщин.

8.3. Половые различия в мотиваторах

Под мотиваторами мной понимаются факторы, влияющие на принятие человеком решения, чем и каким способом должна быть удовлетворена потребность. Как показано А. В. Ермолиным, мужчины чаще называют в качестве мотиватора оценку своих возможностей, своего состояния, а женщины в той же ситуации ориентируются на то, как они воспринимаются «со стороны» (идет им та или иная одежда или нет и т. п.).

Различия в ценностях. При мотивации своего поведения человек часто руководствуется теми ценностями, которые у него сформированы в жизни и воспитанием. В ряде работ выявлены различия в значимости тех или иных ценностей у субъектов мужского и женского пола. Однако полученные данные весьма разноречивы и с трудом укладываются в какую-то схему. Различия зависят как от набора предъявляющихся ценностей, так и от возрастных и социальных особенностей опрашиваемых, а также от социальной обстановки в обществе.

Г. Оллпорт с соавторами (Allport et al., 1951) выявили, что женщины на первое место ставят эстетические, социальные и религиозные, т. е., духовные ценности. Для мужчин наиболее важными являются теоретические, экономические и политические ценности, что можно связать с их интересом к абстрактным знаниям, потребностью в практическом успехе и стремлением к престижу и власти.

Рокич (Rokeach, 1973) изучил терминальные ценности мужчин и женщин, живущих в США (табл. 8.1).

Таблица 8.1. Средние значения терминальных ценностей среди мужчин и женщин, жителей США (по Рокичу)

Ценности	Мужчины (n = 665)	Женщины (n = 744)	P
Комфортабельная жизнь	7,8 (4)	10,0 (13)	0,001
Захватывающая жизнь	14,6 (18)	15,8 (18)	0,001
Самореализация	8,3 (7)	9,4 (10)	0,01
Спокойный мир	3,8 (1)	3,0 (1)	
Мир красоты	13,6 (15)	13,5 (15)	
Равенство	8,9 (9)	8,3 (8)	
Семейная безопасность	3,8 (2)	3,8 (2)	
Свобода	4,9 (3)	6,1 (3)	0,01
Счастье	7,9 (5)	7,4 (5)	0,05
Внутренняя гармония	11,1 (13)	9,8 (12)	0,001
Полноценная любовь	12,6 (14)	12,3 (14)	
Национальная безопасность	9,2 (10)	9,8 (11)	
Удовольствие	14,1 (17)	15,0 (16)	0,01
Собственная безопасность	9,9 (12)	7,3 (4)	0,001
Самоуважение	8,2 (6)	7,4 (6)	0,01
Социальное одобрение	13,8 (16)	15,0 (17)	0,001
Подлинная дружба	9,6 (11)	9,1 (9)	
Мудрость	8,5 (8)	7,7 (7)	0,05

Из данных, полученных Рокичем, следует, что для мужчин более ценными, чем для женщин, являются комфорт и захватывающая жизнь, самореализация, свобода, удовольствие, социальное одобрение, а для женщин — счастье, внутренняя гармония, собственная безопасность, самоуважение и мудрость.

Однако времена меняются, а вместе с ними нравы и ценности. По данным А. И. Пенькова (2000), у девушек в качестве ценности на первом месте находится материальное положение, а духовные ценности и креативность представляются менее ценными. По данным Е. Ф. Рыбалко и Н. Г. Крогиус (1998), у девушек старших классов на первом месте находится «безопасность семьи и близких». И это не случайно, учитывая бедственное материальное положение в годы перестройки большей части семей нашей страны и существовавшую криминогенную обстановку.

Конечно, молодость и уклад жизни берут свое, ведущими ценностями как у юношей, так и у девушек остаются здоровье, настоящая дружба и семейная жизнь (последняя имеет больший вес у девушек). Кроме того, для юношей ведущей ценностью является свобода действий и поведения, а для девушек — уверенность в себе (Шакеева Ч. А., 1996; Рыбалко Е. Ф., Крогиус Н. Г., 1998; Реан А. А. с соавт., 1999; Пеньков А. И., 2000). Любимая работа и приятное времяпрепровождение имеют одинаковую значимость, но уступают вышеназванным ценностям (Шакеева Ч. А., 1996). Настораживает то, что, по данным этого автора, на последних местах находятся такие ценности, как чувство долга, чистая совесть, развитие своих способностей. Не вселяют оптимизма и данные А. И. Пенькова: у молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет, имеющих в основном высшее образование или обучающихся в вузе, наименее значимыми оказались такие ценности, как развитие себя (познание своих индивидуальных особенностей, постоянное развитие способностей и личностных качеств) и креативность (реализация своих творческих возможностей, стремление изменить окружающую действительность).

Другие ценности и другая их значимость для мужчин и женщин выявлены в работе Т. В. Андреевой (табл. 8.2).

Таблица 8.2. Ценности мужчин и женщин (по данным Андреевой Т. В., 1998)

Мужчины	Женщины
Творчество	Познание
Работа	Друзья
Познание	Равенство
Любовь	Творчество
Друзья	Свобода
Свобода	Любовь
Удовольствие	Семья
	Материальная обеспеченность

По данным А. Л. Лебедевой (2009), для мужчин ценности гедонизма более важны, чем для женщин (мужчинам позволено иметь больше «земных радостей», женщинам же предписывается быть скромными и умеренными в своих желаниях).

По данным А. И. Пенькова, среди сфер жизни, наиболее способствующих реализации доминирующих смыслов и ценностей, мужчинами выбраны обществен-

ная и семейная сферы, а профессиональная сфера и сфера развлечений оказались не столь значимыми. Женщины ведущими сферами жизни назвали обучение и образование, увлечения; общественная и профессиональная жизнь были отмечены как менее значимые.

Таким образом, традиционные представления о том, что для мужчин наиболее значима профессиональная жизнь, а для женщин — семейная, в исследовании А. И. Пенькова не подтвердились. Объяснение этому, возможно, следует искать в перестройке психологии человека в переживаемый нами период «дикого капитализма» с соответствующими ему ценностями.

Полученные в более поздний постсоветский период данные делают вероятным сделанное мною предположение. Так, по сведениям А. Н. Герасименко (2007), при изучении значимых событий в будущем у мужчин возрастает — по сравнению с оценкой значимых событий в прошлом — доля событий семейной жизни и уменьшается доля деловой сферы. У женщин — как в прошлом, так и в будущем — наиболее значимые события связаны с семейной жизнью. Правда, для девушек события семейной жизни не имеют особого значения.

Роль возраста и жизненного опыта отражена в работе А. А. Игнатьевой (2001). Так, если у юношей на первом месте среди терминальных ценностей стоит здоровье, затем в равной степени интересная работа, друзья и любовь, а также свобода, то у взрослых мужчин на первом месте стоит общественное признание, затем здоровье. Если у девушек первое место занимает любовь, затем друзья, материально обеспеченная жизнь, здоровье, счастливая семейная жизнь, интересная работа и свобода (рис. 8.3), то у женщин первое место занимает материально обеспеченная жизнь, затем свобода и здоровье.

В то время как у юношей выше, чем у девушек, значимость таких ценностей как здоровье, интересная работа, свобода, жизненная мудрость, творчество, познание, развитие, развлечения, продуктивная жизнь, у взрослых мужчин большую значимость, чем у женщин, имеют такие ценности как общественное признание, друзья, познание, развитие, творчество.

Если для девушек выше, чем для юношей, значимость любви, материально обеспеченной жизни, друзей, счастливой семейной жизни, уверенности в себе, то для женщин, по сравнению с мужчинами, — материально обеспеченная жизнь, интересная работа, свобода и продуктивная жизнь.

Такие же возрастно-половые различия выявлены А. А. Игнатьевой и в отношении выраженности инструментальных ценностей. Если у юношей на первом месте стоит жизнерадостность, затем образованность, независимость, твердая воля, рационализм, честность и воспитанность, то у мужчин на первом месте стоит образованность и лишь затем независимость и жизнерадостность. Если у девушек на первом месте находится жизнерадостность, затем идут образованность, независимость, ответственность, твердая воля и воспитанность (рис. 8.4), то у женщин ведущей становится независимость, а за ней идут высокие запросы, образованность и жизнерадостность.

Если для юношей выше, чем для девушек, значимость твердой воли, рационализма, самоконтроля, честности и эффективности в делах, то для мужчин более значимыми, чем для женщин, являются такие ценности, как жизнерадостность,

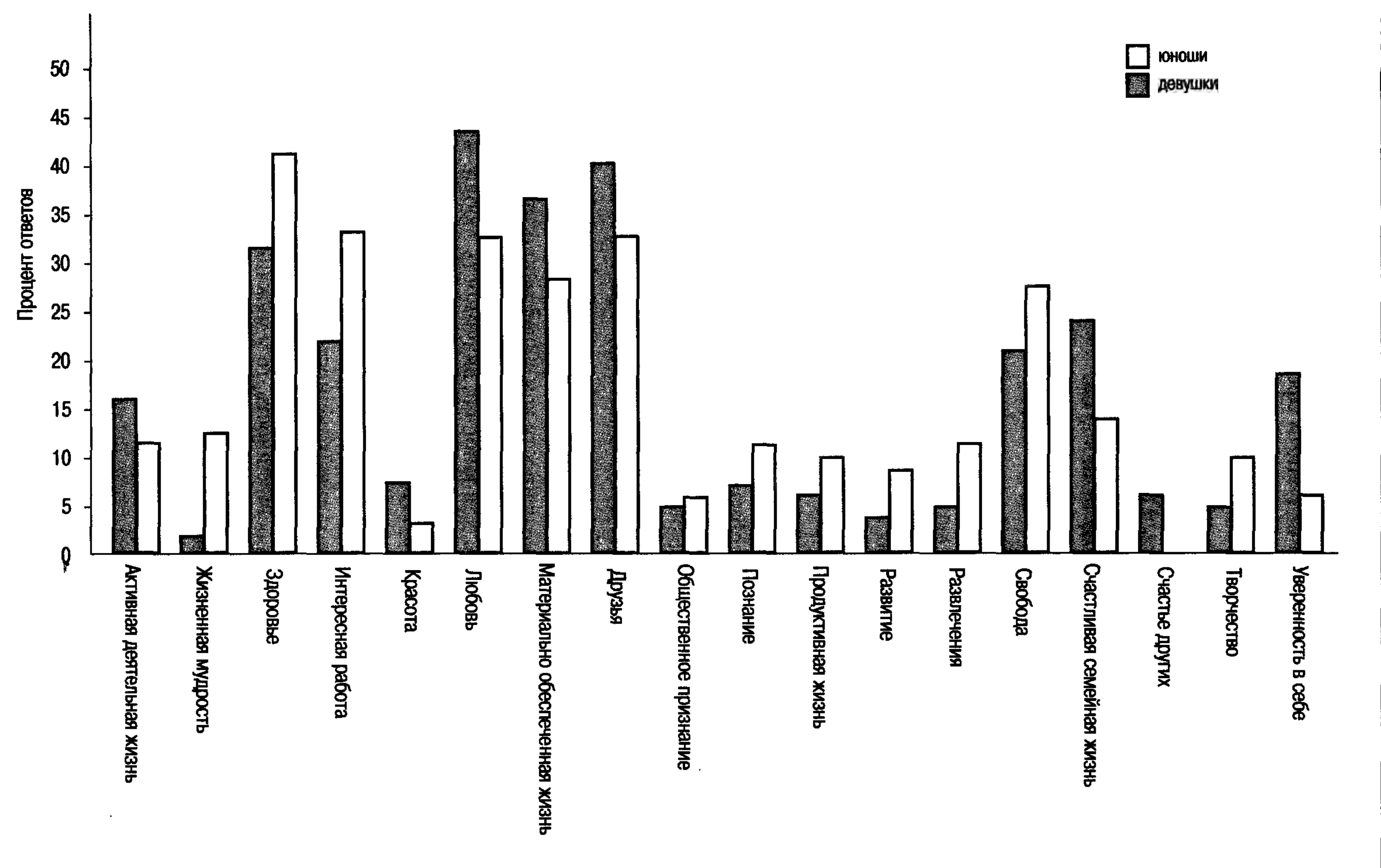

Рис. 8.3. Терминальные ценности юношей и девушек

воспитанность, образованность, ответственность, терпимость. В то время как девушки больше ценят жизнерадостность, ответственность, смелость в отстаивании своего мнения, чуткость, широту взглядов, терпимость, женщины более высоко, чем мужчины, оценивают такие ценности, как независимость, эффективность в делах, не отвергая при этом и такие ценности, свойственные девушкам, как смелость в отстаивании собственного мнения и чуткость.

Возрастные изменения ценностей у мужчин и женщин выявлены также К. Хорни (табл. 8.3).

Таблица 8.3. Невротические потребности (ценности) по К. Хорни

Мужчины		Женщины	
20–23 года	**30–33 года**	**20–23 года**	**30–33 года**
1. Творчество	1. Семья	1. Любовь	1. Семья
2. Интересная работа	2. Здоровье	2. Семья	2. Уверенность в себе
3. Любовь	3. Материальная обеспеченность	3. Хорошие друзья	3. Творчество
4. Семья	4. Продуктивная жизнь	4. Интересная работа	4. Чуткость и терпимость
5. Хорошие друзья	5. Твердая воля	5. Творчество	5. Хорошие друзья
6. Свобода	6. Жизнерадостность	6. Познание	6. Широта взглядов, образованность

Как видно из таблицы, в зрелом возрасте семья становится главной ценностью — как для мужчин, так и для женщин.

Несмотря на разнобой в полученных данных, можно выделить некоторые половые различия в ценностях, встречающиеся в большинстве исследований. Для мужчин главными ценностями являются здоровье, интересная работа, друзья и свобода; для женщин — семья, уверенность в себе, материальная обеспеченность.

Деньги как ценность. Как отмечает А. Фернхем (Furnham, 1984), женщины больше, чем мужчины, подвержены фантазиям и навязчивым идеям о деньгах, они больше верят, что заработок должен зависеть от усилий и способностей работника. Правда, при обследовании представителей 43 стран (Lynn R., 1994) было выявлено, что и у мужчин имеется тенденция придавать деньгам повышенную ценность (исключение составили лишь две страны). Предполагается, что это связано с большей склонностью мужчин к соперничеству, а между этой склонностью и представлениями о ценности денег имеется тесная корреляция.

По мнению Р. Белка и М. Валендорфа (Belk, Wallendorf, 1990) женщины думают о деньгах как о способе приобретения вещей, а мужчины — власти. Однако по данным К. Ямамучи и Д. Темпер (Yamamuchi, Temper, 1982) именно женщины чаще используют деньги как орудие в борьбе за власть.

По данным М. Принс (Prince,1993) и М. Линн (Lynn, 1991), женщины выражают более сильную фрустрацию по поводу отсутствия денег и больше завидуют тем, кто их имеет. Мужчины реже, чем женщины, испытывают по поводу денег чувство беспомощности, депрессии, гнева, зависти, стыда и паники и чаще — восхищения, счастья.

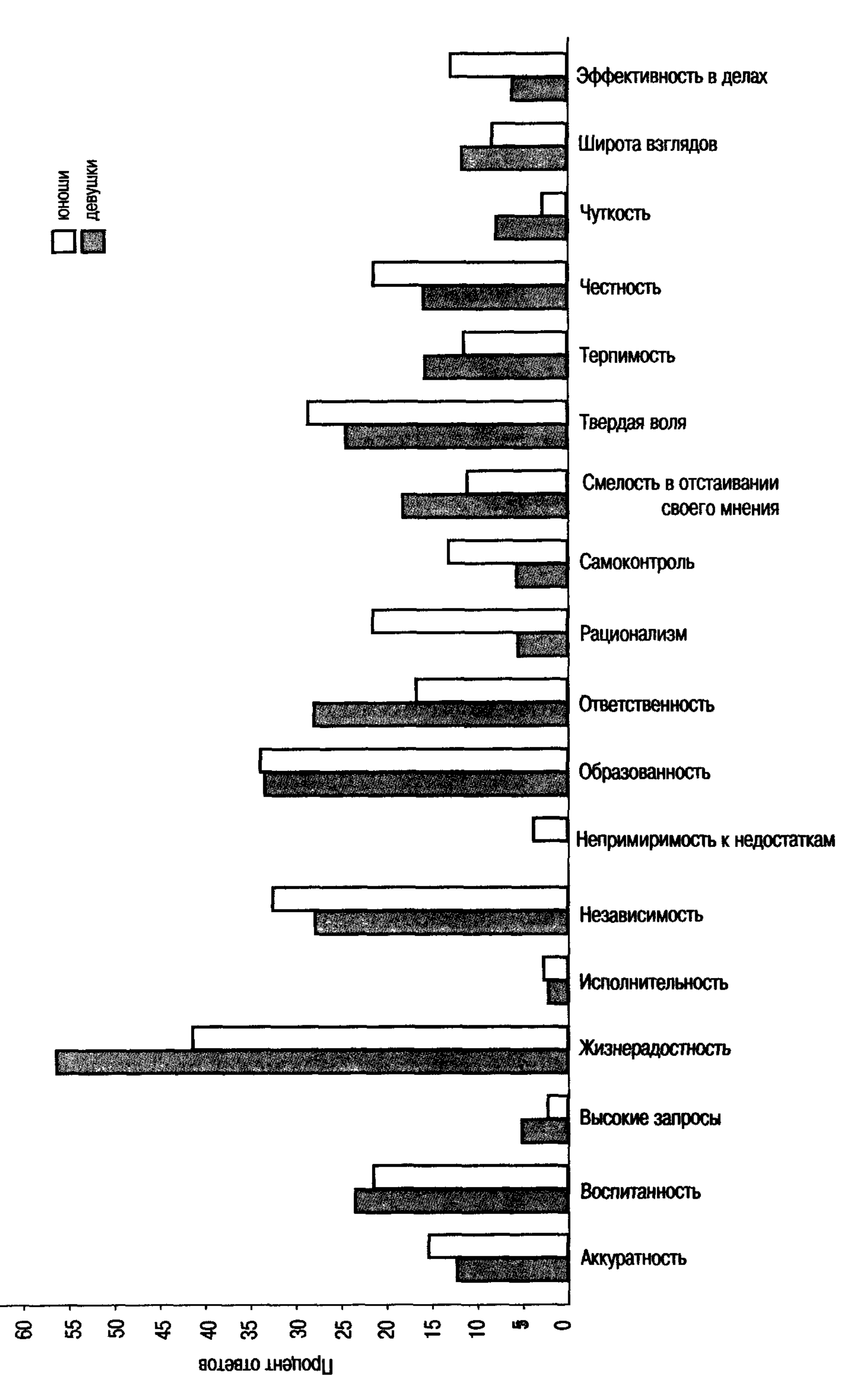

Рис. 8.4. Инструментальные ценности юношей и девушек

В. Рубинштейн (Rubinstein, 1981) отмечает, что мужчины более доверчивы и самоуверенны в финансовых вопросах, больше удовлетворены своей финансовой ситуацией и оптимистичнее смотрят на свое будущее материальное положение. В. Рубинштейн, однако, считает, что вопреки распространенному мнению мужчины и женщины придают одинаковое значение финансам.

Гендерные аспекты экономического поведения активно обсуждаются в связи с изучением так называемых импульсивных покупок. В исследовании Хельги Дитмар (H. Dittmar, 1989) развеивается миф о том, что патологическая расточительность свойственна преимущественно женщинам. По результатам ее опроса, в котором приняли участие более 4 тысяч британцев обоего пола, и женщины и мужчины время от времени покупают что-то ненужное. И хотя женщины совершают импульсивные покупки несколько чаще мужчин, они тратят значительно меньшие суммы. Это объясняется различием в предметах импульсивного спроса. По данным Дитмар, женщины чаще всего импульсивно приобретают одежду, бижутерию и косметику, а мужчины – товары для спорта и отдыха, причем чаще всего – отвечающие последнему слову техники и вследствие этого весьма дорогие (музыкальные центры, электронные записные книжки, цифровые видеокамеры, спортивные тренажеры и аксессуары для автомобиля).

Фенько А. Б., 2004, с. 265–266.

А. Б. Фенько (2004) показано, что мужчины в 1,5–2 раза чаще женщин выражают свою обеспокоенность финансовыми вопросами. При этом женщины склонны выражать внутренний конфликт по поводу денег в импульсивном поведении (например, «когда у меня появляются лишние деньги, я чувствую себя не в своей тарелке, пока не потрачу все до копейки»), за которым следует чувство вины и попытка скрыть свое финансовое положение. А мужчины чаще прибегают к проекции своего внутреннего напряжения на окружающих, проявляя подозрительность, недоверие и вступая в открытые конфликты с членами семьи. По данным этого автора, женщины чаще отмечают у себя расточительность, чем мужчины (соответственно 42 и 24%).

8.4. Различия мужчин и женщин в интересах и предпочтениях

Дж. Бердвик (Bardwick, 1970), изучив интересы и предпочтения дошкольников разного пола, отмечает, что у девочек проявляется больший интерес к установлению межличностных отношений, у мальчиков — деловая ориентировка, интерес к решению конструктивных задач.

При сопоставлении тем лекций, касающихся «сфер жизненных интересов» (Symonds P., 1937), среди учащихся средней школы были выявлены следующие различия в интересах: мальчики в первую очередь предпочли темы о физическом здоровье, безопасности и деньгах, а также открыто проявили интерес к сексу. Девочек заботили вопросы личной привлекательности, философии, психического здоровья, этики, личностных качеств, домашних и семейных взаимоотношений.

Как отмечают А. Г. Хрипкова и Д. В. Колесов (1982), в центре внимания девочки начиная с раннего возраста находится человек и сфера его непосредственного бытия, у мальчиков же интересы направлены на относительно отдаленные предметы и явления, порой не связанные с кругом их прямых обязанностей. Это, полагают авторы, объясняет, во-первых, почему у девочек имеются лучшие знания о себе, почему они уделяют большее внимание своей внешности, особенностям внешности и поведения окружающих, проявляют больший интерес к внутреннему миру (неслучайно девочки в 3–4 раза чаще ведут дневники), обнаруживают большую чуткость, и во-вторых, почему у представителей мужского пола более выражена склонность отвлекаться на посторонние дела, заниматься не тем, что непосредственно требуется.

Различия в интересах проявляются в том, какую телевизионную рекламу предпочитают мужчины и женщины. По данным В. Б. Анищенкова (2002), около 60% мужчин предпочитают рекламу бытовой электроники, спортивных снарядов, развлечений и отдыха, а около 80% женщин предпочитают рекламу одежды и обуви, товаров для дома, развлечений и туризма.

В период отрочества, как показано психологами, наблюдаются две фазы развития интересов: фаза появления новых влечений и фаза созревания интересов. В исследованиях К. Рейнингера (1924), Л. Вечерка (1926) и Г. Хетцер (1927) показано, что в протекании этих фаз имеются существенные половые различия. Первая фаза у мальчиков наступает позднее, но протекает более бурно и длительно, и характерный для нее негативизм выражен сильнее, чем у девочек.

В целом круг интересов мальчиков, считают А. Г. Хрипкова и Д. В. Колесов, шире, чем девочек. К аналогичному выводу пришли еще ленинградские психологи, изучавшие общую осведомленность (эрудицию) у студентов: у 17–18-летних юношей и девушек она практически одинаковая, но затем у юношей она возрастает, а у девушек снижается («Вопросы практической психодиагностики...», 1984).

Однако этот вывод не подтверждается результатами исследования, проведенного на большом контингенте взрослых А. К. Канатовым (2000), — табл. 8.4. По его данным, различия в широте интересов (познавательной потребности) не выявляются.

Таблица 8.4. Широта познавательной потребности у мужчин и женщин (баллы)

Пол	До 25 лет	26–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
Мужчины	4,1	3,5	3,1	3,6
Женщины	4,2	3,6	3,4	3,4

Мальчики имеют преимущество в познании чего-то особенного, редкого, специального, но уступают девочкам в знании более простых и распространенных предметов и явлений.

Различия в интересах определяют некоторые преимущества мужского пола — большую широту мышления, более широкий кругозор, лучшую способность сопоставления отдаленных предметов и явлений, большую объективность обобщения, но вместе с тем и недостатки — меньшую бытовую приспособленность, худшее понимание необходимого в сравнении с пониманием возможного, т. е. меньшую, по сравнению с женщинами, прагматичность.

Интересы к чтению, кино- и телефильмам. При выборе литературы для чтения в 1920-х гг., как показано Я. М. Шарифом (1927), девочки руководствовались местными идеалами, эстетическими мотивами, а выбор мальчиков был обусловлен новаторством и изобретательностью. Исследование интересов детей к чтению в Швейцарии (Baumgarten-Tramer F., 1945–1946) показало, что мальчики предпочитают приключения, путешествия и исследования, а девочки — любовные истории и романы о детях и семейной жизни.

Имеются различия и в предпочтениях просмотров кинофильмов: мальчики предпочитают фильмы, богатые приключениями и действием, а девочкам нравятся фильмы, рассказывающие о любви, личной жизни и «личном обаянии» (Майрамс Г., 1969).

По данным М. Хикман с соавторами (Hickman et al., 2000), мальчики смотрят телевизионные передачи несколько больше по времени, чем девочки (рис. 8.5).

Однако взрослые женщины проводят перед телевизором больше времени, чем мужчины (Nielsen, 1990). Думается, что для российской действительности это не специфично.

По данным Д. И. Фельдштейна (1988), внеучебные занятия (кружковые, спортивные и др.) больше привлекают девочек, чем мальчиков (табл. 8.5).

Таблица 8.5. Количество мальчиков и девочек, имеющих внеучебные занятия (процент случаев)

Возраст	Мальчики	Девочки
10–12 лет	25	47
12–13 лет	44	62
14–15 лет	57	75

Интересы к деятельности. И. В. Тельнюк (1999) выявила половую дифференциацию в мотивации всех видов детской деятельности. Девочкам (в 65%) нравится выполнять то, что хорошо знакомо, т. е. стереотипную деятельность, мальчики (в 67%) предпочитают деятельность исследовательского характера. Девочкам (в 55%) интересны хозяйственно-бытовые занятия, шитье; мальчики же предпочитают работу с деревом, конструктивную деятельность.

И. П. Шахова (1986) при изучении интересов школьников VII–IX классов выявила, что интересы мальчиков больше выражены в таких видах деятельности, как техническая, практическая, научно-техническая и научно-теоретическая, спортивная, а интересы девочек относятся в большей мере к театрально-художественной, природоведческой, сельскохозяйственной, общественной видам деятельности (рис. 8.6).

Различия в иерархии интересов мужчин и женщин сохраняются и в зрелом возрасте. По данным Т. В. Андреевой (1998), у мужчин чаще проявляется интерес к творчеству, затем к познанию, к работе, у женщин — к познанию, затем к творчеству, к семье.

О чем разговаривают мужчины и женщины. В ряде работ западных психологов (Carlson et al., 1936; Landis C., 1927; Landis M., Burtt H, 1924; Moor H., 1922; Watson et al., 1948) интересы изучались по обрывкам разговоров, подслушанных

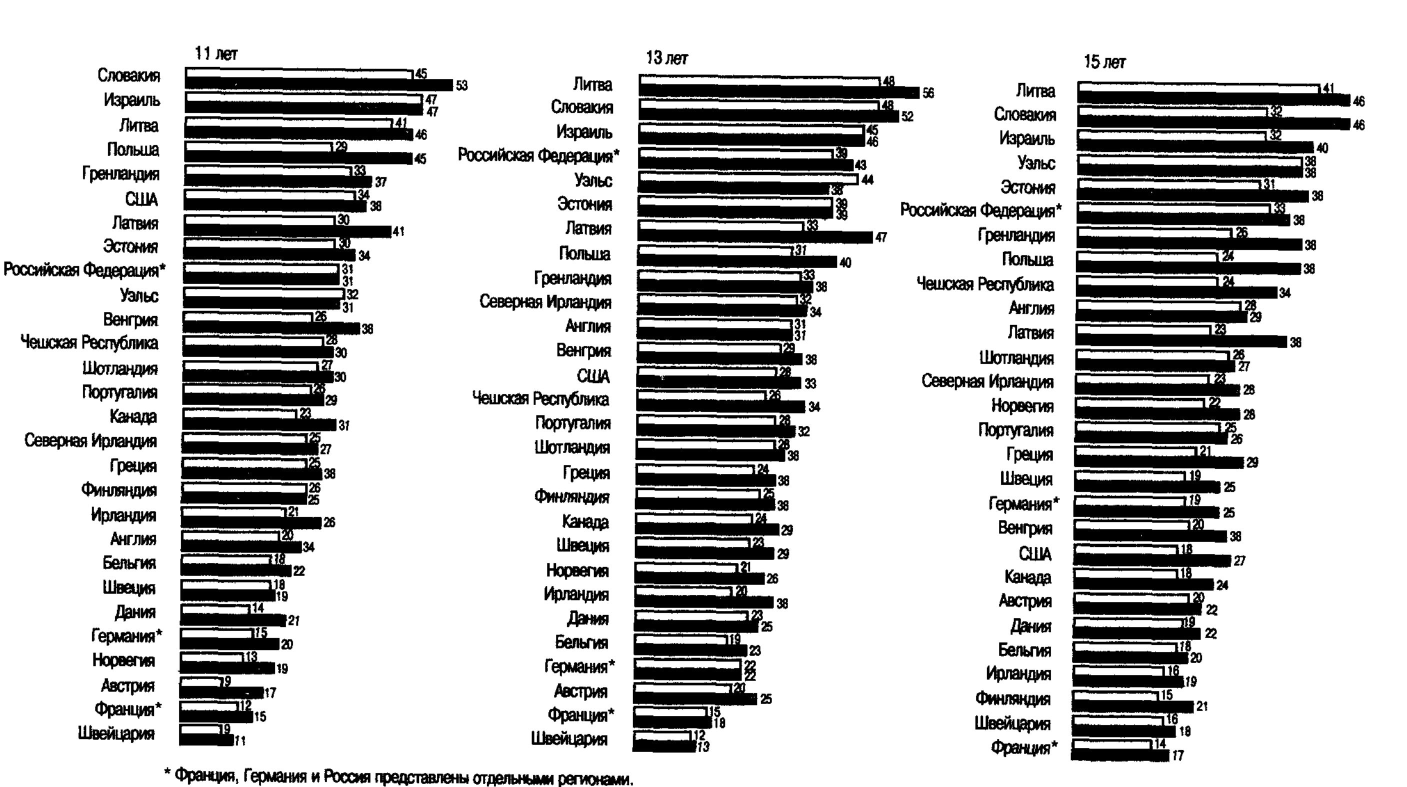

Рис. 8.5. Количество учащихся, смотрящих телевизионные передачи четыре часа и более в неделю

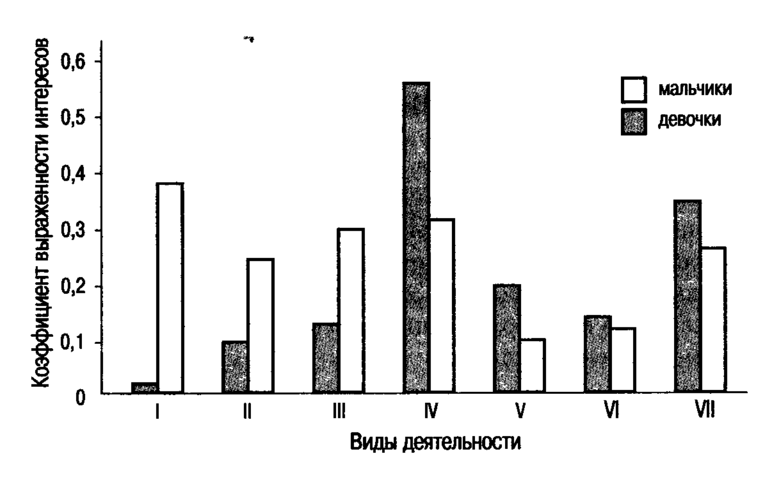

Рис. 8.6. Показатели уровня развития интересов к разным видам деятельности у старших подростков в зависимости от пола: I – техническая, II – научно-техническая, научно-теоретическая, III – спортивная, IV – театрально-художественная, V – природоведческая, сельскохозяйственная, VI – общественная, VII – историко-географическая

в оживленных местах разных городов США и Англии. В мужских разговорах наиболее распространенными были такие темы, как деньги, коммерческие дела и спорт; женщины чаще говорили о других женщинах и об одежде. Отмечается (Tannen, 1990), что в разговорах мужчины чаще концентрируются на задачах, а женщины — на отношениях между людьми. В группах разговоры мужчин более информативны, женщинам же важнее поделиться с подругами новостями и переживаниями, получить помощь или оказать поддержку (Dindia, Allen, 1992; Eagly, 1987).

8.5. Половые особенности принятия решений

Важным моментом в процессе мотивации является принятие решения о том, какую цель предпочесть, если имеются альтернативы. Неоднократно в литературе отмечалось, что в условиях неопределенности мужчины более склонны к риску, чем женщины. Это нашло подтверждение и в недавнем исследовании А. В. Румянцевой (2008); автор выявила три типа принятия решений — рациональное, рискованное и ориентированное на мнение других людей. Оказалось, что первый и последний тип более характерны для лиц женского пола, а второй — для лиц мужского пола (табл. 8.6).

Таблица 8.6. Типы принятия решений у лиц мужского и женского пола (процент случаев)

Тип принятия решения	Юноши	Девушки
Рациональный	19,6	29,9
Рассудительный	6,8	11,7
Нерешительный	12,8	17,2
Рискованный	70,1	51,0
Ориентированный на мнение других людей	10,2	20,0

8.6. Особенности направленности личности у мужчин и женщин

Половые различия в направленности восприятия внешнего мира имеются уже у младенцев. В одном из исследований (Connellan et al., 2000) рядом с младенцами находился активный экспрессивный человек и, кроме того, в этом же помещении был неживой предмет примерно с человеческий рост: девочки дольше смотрели на человека, мальчики — на предмет. Это показывает, что уже с самого раннего возраста лица женского пола более социально ориентированы.

Обследование студентов казанскими психологами («Психологические...», 1977) показало, что личностная направленность больше выражена у лиц мужского пола, а направленность на взаимодействие — у лиц женского пола, деловая же направленность выражена у тех и других одинаково. О направленности лиц мужского и женского пола можно судить и по тематике рисунков, выполненных теми и другими на свободную тему. Оказалось, что студентки имели больше рисунков по темам «Природа», «Быт», а студенты — по темам «Спорт», «Техника».

К. Хорни (1993) отмечает, что существуют различия в том, куда направлен творческий импульс мужчины и женщины. Женский способ существования реализуется преимущественно через его направленность вовнутрь, через внимание к глубоким переживаниям и инсайтам. Мужской способ существования характеризуется направленностью творческого импульса вовне, на поиск возможностей преобразования внешнего мира через взаимодействие с ним и утверждение себя в нем. Таким образом, самореализация женщины в отличие от мужчины происходит не через поступки, а через процесс самоосознания.

Е. П. Кораблина (1999) пишет, что смыслом существования женщины является самоотречение, растворение себя, посвящение себя кому-то через принятие объекта своей любви в свой душевный мир. Для мужчины же любовь в этом понимании является лишь частью жизни, поскольку другая часть посвящена им построению внешнего (по отношению к своей субъективности) мира и поиску в нем смысла своего существования.

Гуманистическая направленность личности. Принято считать, что лиц женского пола с гуманистической направленностью значительно больше, чем лиц мужского пола, в то же время с эгоистической направленностью личности больше лиц мужского пола, чем женского. Д. И. Фельдштейн связывает эти различия с социальными ролями, выработанными обществом для лиц мужского и женского пола.

Однако, как пишет К. Муздыбаев (2000), предположение о большей эгоистичности мужчин не подтверждается. В разном возрасте соотношения между лицами мужского и женского пола по эгоизму разные: до 19 лет юноши более склонны к эгоизму, чем девушки, от 20 до 40 лет различий нет, а после 40 более эгоистичными становятся женщины.

Общественная направленность. Как показано в ряде исследований, общественная активность у школьников разного пола существенно отличается.

По данным Е. А. Сидорова (1984), во всех классах (младших, средних и старших) физкультурно-общественную работу чаще выполняют мальчики, чем девочки, причем с возрастом это различие увеличивается.

Существенно, однако, то, что девочки добросовестнее относятся к выполняемым поручениям. В младших классах добросовестных было 70% мальчиков и 95% девочек, в средних классах – соответственно 70 и 90%, в старших классах – 62 и 87%. Очевидно, поэтому наиболее сложные и ответственные поручения, по данным одного социологического исследования, выполняли 45% девочек и только 17% мальчиков («Общественная...», 1978). Причину относительной социальной пассивности мальчиков в школе видят в слабости их контактов со сверстниками и взрослыми вследствие отсутствия специализации воспитательной работы с учетом пола, а также феминизации труда в школе в связи с преобладанием в учительском коллективе женщин (Кондратьева С. В., 1977).

По данным Д. Макклелланда, женщины состоят в большем количестве общественных организаций, чем мужчины.

Различия в мечтах (желаниях). Левинсон (Levinson, 1990) отмечает, что как для мужчин, так и для женщин мечта имеет центральное значение. Но если для мужчин мечты о будущем носят однородный характер и связаны с работой, то женским мечтам часто присуща раздробленность: карьера и замужество. Лишь домохозяйки имели однородную мечту: все свое свободное время они хотели посвятить обязанностям жены и матери, как это когда-то делали их собственные матери.

ГЛАВА 9

Способности мужчин и женщин

Если бегло взглянуть на перечень имен в биографических справочниках, то легко можно заметить, что лишь немногие женщины попали в разряд выдающихся деятелей. В исследовании Г. Эллиса (Ellis, 1904) в группу из 1030 одаренных людей Британии вошли только 55 женщин. К. Кастл (Castle, 1913) выделил 868 выдающихся женщин из 42 стран, живших с VII до XX в.: из них только 38% получили известность благодаря интеллектуальным занятиям (в литературе). В справочнике американских ученых лишь 50 женщин включены в общее число 2607 ученых, заслуживших известность между 1903 и 1943 гг. (Visher S., 1947).

Тот факт, что выдающимися чаще становятся лица мужского пола, а не женского, К. Хорни (1993) объясняет тем, что мужчина, имея ограниченную причастность к сотворению новой жизни (под ограниченностью автор понимает неспособность мужчин вынашивать и рожать детей), сублимирует свою энергию, создавая что-то новое в различных сферах общественной жизни (государстве, религии, искусстве, науке). Предположение оригинальное, но недоказуемое, поскольку до сих пор мужчины рожать не научились.

Надо заметить, что говорить о большей талантливости мужчин или женщин «вообще» некорректно. Вспомним, например, творческие профессии: сколько талантливых артистов, педагогов, поэтов, писателей среди женщин и сколько бесталанных мужчин в тех же профессиях. Поэтому следует дифференцированно подходить к оценке способностей мужчин и женщин, учитывая, какие способности больше развиты у одних, и какие — у других.

9.1. Внимание и пол

По данным И. А. Сергеевой (2001), у девочек старшего дошкольного возраста произвольное внимание развито лучше, чем у мальчиков. Однако этот вывод выглядит слишком общим; не учитывается ни то, что внимание характеризуется различными свойствами, ни то, что имеются различные показатели, по которым судят об эффективности управления вниманием: время выполнения задания, требующего проявления внимания (быстрота), и количество допускаемых ошибок (точность). В связи с этим одни испытуемые ориентируются при выполнении заданий больше на быстроту, а другие — на точность. При учете этих моментов выявляемые

закономерности, касающиеся половых различий по вниманию, выглядят гораздо сложнее.

В работе М. С. Егоровой и Н. Ф. Шляхта (1987) показано, что при выполнении заданий на определение *объема* внимания скорость работы оказалась у девочек 14–15 лет меньше, чем у мальчиков того же возраста. Показатели точности работы у тех и других не различались. Все показатели, отражающие продуктивную сторону *устойчивости* внимания, у девочек превышают аналогичные показатели у мальчиков. Различия по *распределению* внимания аналогичны различиям по устойчивости внимания: характеристики быстроты работы выше у девочек. Показатели точности выполнения задания примерно одинаковы у мальчиков и девочек.

Степень интегрированности свойств внимания также имеет выраженные половые различия. У мальчиков теснее связи между скоростными характеристиками объема внимания, с одной стороны, и устойчивостью и распределением внимания — с другой. Точность выполнения задания в пробах на определение объема внимания не связана у мальчиков с точностью выполнения других заданий, а у девочек эти связи значимы. Связи скоростных и точностных показателей у мальчиков почти отсутствуют; у девочек же обнаружены связи между этими характеристиками. Авторы делают вывод, что при выполнении заданий на внимание девочки ориентируются на быстроту, а мальчики — на точность работы.

Этот вывод получил подтверждение и при изучении внимания у взрослых. М. К. Босый с соавторами (1971) нашли, что количество знаков, вычеркнутых за одну минуту в корректурной пробе Анфимова, больше у женщин, чем у мужчин. По данным Л. Н. Фоменко (1968), женщины 18–19 лет выполняют тест корректурной пробы несколько быстрее, но менее точно, чем мужчины того же возраста. Большинство женщин могут увеличивать темп работы с корректурными таблицами без изменения точности. Увеличение же темпа у мужчин вызывает снижение точности. В возрасте от 22 до 33 лет существенных различий между мужчинами и женщинами в концентрации и устойчивости внимания не обнаружено.

В заданиях, где нужно быстро воспринимать детали и часто переключать внимание, женщины показывают большую эффективность, чем мужчины (Andrew D., Paterson D., 1946). Это подтвердило и исследование студентов, проведенное петербургскими психологами («Вопросы практической психодиагностики...», 1984). Кроме того, у студенток выше были и другие характеристики внимания: избирательность, устойчивость, объем (различия достоверны на уровне $p < 0{,}001$).

9.2. Сенсорно-перцептивные способности мужчин и женщин

Чувствительность. В отношении половых различий в чувствительности имеются лишь отрывочные сведения. Показано, что до 8 лет острота слуха у мальчиков в среднем выше, чем у девочек, но девочки более чувствительны к шуму. В младших классах у девочек выше кожная чувствительность, следовательно, их больше раздражает телесный дискомфорт и они более отзывчивы на прикосновение,

поглаживание (цит. по: Еремеева В. Д., Хризман Т. П., 2001). Г. И. Акинщикова и Н. И. Макарова (1976) обнаружили, что вибрационная чувствительность у женщин более высокая при низких частотах (32, 63 и 125 Гц), а мужчины обладают большей чувствительностью к высоким частотам (250 и 500 Гц); правда, у них выше чувствительность (ниже порог) и при самой низкой частоте (16 Гц).

Мужчины обладают большей остротой слуха на более низких частотах, а женщины — на более высоких (Вудсон У., Коновер Д., 1968). Отмечена тенденция большей дифференциальной чувствительности к звуковым и световым стимулам у женщин по сравнению с мужчинами («Развитие психофизиологических функций...», 1977).

Восприятие. Б. И. Белый (1982) отмечает, что при восприятии фигур в тесте Роршаха у детей 8–12 лет имеются половые различия. Девочки дают меньше ответов, и временны́е показатели у них выше, чем у мальчиков. Они лучше воспринимают форму пятен, у них выше удельный вес популярных ответов и персевераций. У мальчиков, напротив, преобладают ответы, связанные с мелкими деталями и фрагментами белого фона теста.

Обратная закономерность выявляется при графическом изображении дошкольниками человека. Девочки в целом используют больше приемов, уделяя внимание различным элементам, мальчики же отражают человека в общем виде (Васильева Т. И., 1971). Но это относится не ко всем элементам. Мальчики разнообразнее изображают глаза и лицо, шею и туловище.

Л. Н. Иванская (1979), показывая испытуемым фотографическое изображение мужского лица, просила затем каждого на основе сохранившегося представления воссоздать этот образ, составить на экране фоторобот. Женщины обнаружили большую точность, чем мужчины. Как видим, единого суждения по поводу восприятия лица и его воспроизведения у мужчин и женщин нет.

Заметные различия между субъектами мужского и женского пола имеются в отношении *восприятия времени и пространства.* Так, по данным Г. С. Шляхтина (1997), женщины в большей степени переоценивают длительность временны́х интервалов (от 3 до 40 с), чем мужчины, т. е. для женщин время бежит быстрее.

Дж. Виткин (1996), отмечая различное восприятие мужчинами и женщинами уходящего времени, говорит о том же. Для женщин, пишет она, это часто означает быстрый бег *биологических часов* — для них время идет так быстро! Для мужчин же, больше ориентированных на успех, карьеру, финансовую стабильность, время тянется медленнее, так как успех приходит не сразу и не ко всем.

Своеобразно и отношение мужчин к своему дню рождения. Для них он является своеобразным Рубиконом, точкой отсчета, временем подведения итогов и постановки новых задач на будущее. Если к этому моменту счет оказывается не в пользу мужчины, наступает глубокий стресс, провоцирующий болезни, исход которых может быть самым печальным. Неслучайно исследования, выполненные на основании более трех миллионов свидетельств о людях, умерших естественной смертью, показали, что большинство мужчин умирает в течение последней недели перед днем рождения.

Поскольку в ряде исследований показано, что мужчины шире, чем женщины, распределяют свое внимание, в незнакомой обстановке (новая местность, новый

маршрут движения) они держатся увереннее, лучше ориентируются. Внимание женщин не распределяется столь широко, как у мужчин, но зато в пределах воспринимаемого все отражается в их сознании детально и тщательно. Поэтому известную им местность они знают лучше.

Как отмечает С. Вительсон (S. Witelson, 1976), исследователи, как правило, единодушны в том, что задачи на пространственное и временнóе ориентирование с большим успехом и с меньшим напряжением умственных сил выполняются лицами мужского пола.

Восприятие цвета и психофизиологические реакции на него. Выявлено, что девочки лучше различают цвета (Моль А., 1909). Кроме того, в работе Т. В. Андреевой (1997) показаны различия между мужчинами и женщинами в предпочтении цвета: женщины больше предпочитают сиреневый, бежевый, салатный и желтый цвета, а мужчины — синий, оранжевый и коричневый.

Е. А. Соловьева (1993) обнаружила половые различия в реакциях при восприятии цвета. Цветовые ассоциации по содержанию у мужчин были абстрактными, а у женщин — конкретными.

Чувствительность к цветовому символизму (способность человека адекватно воспринимать символическое содержание цветовых образов) у мужчин обнаруживает наибольшее количество значимых связей с интеллектуальными особенностями и с показателями когнитивного стиля, а у женщин — со свойствами темперамента, с тревожностью и с характеристиками когнитивного стиля. С интеллектуальными особенностями корреляций у женщин было существенно меньше, чем у мужчин.

Влияние того или иного цвета на психомоторные показатели, по данным Е. А. Соловьевой, зависело от чувствительности к цветовому символизму. В связи с этим автор выделила две группы испытуемых: с высокой чувствительностью — символисты и с низкой чувствительностью — несимволисты. В обеих группах отчетливо проявились половые различия: символисты-мужчины отличаются от несимволистов высоким уровнем пространственного мышления, быстротой когнитивных процессов, низким уровнем нейротизма и меньшей личностной тревожностью; у символистов-женщин отличия от несимволистов другие — высокий уровень вербального мышления, ригидность когнитивного стиля, более высокий уровень нейротизма, экстернальности и экстраверсии. Эти комплексы отражают у мужчин способность к восприятию образов и символов, а у женщин — конвенциональных признаков.

В мужской выборке красный цвет незначительно снижает силу рук у символистов и повышает — у несимволистов. В женской выборке красный цвет существенно увеличивает силу рук у символистов. Голубой цвет в мужской выборке несколько увеличивает силу у символистов и существенно снижает у несимволистов. В женской выборке у символистов под влиянием голубого цвета мышечная сила снижается.

Символисты-мужчины удлиняют время под влиянием красного цвета больше, чем под влиянием голубого. Женщины этого типа под влиянием красного цвета укорачивают временны́е интервалы и сильно удлиняют их под влиянием голубого цвета.

Выявленные половые различия Е. А. Соловьева объясняет следующим образом. Мужчины-символисты имеют более высокий интеллектуальный, эмоциональный и физический статус, что позволяет им субъективировать внешнее воздействие (в частности, цветовое) и препятствует прямому влиянию цвета на психомоторику; здесь проявляется способность этого типа людей к саморегуляции. Несимволисты объективизируют внешнее воздействие; у них мышечная сила изменяется в соответствии с сигнальными значениями цвета, а эмоциональный компонент цветовых образов ими не воспринимается.

У женщин-символистов направление изменений психомоторики под воздействием цвета совпадает с символическим содержанием цветовых образов. У женщин этого типа психомоторные реакции на цвет имеют характер самовнушения.

В. П. Умнов (1979) изучал способность к формированию зрительного образа (представления о физическом упражнении) у лиц мужского и женского пола. Как видно из данных табл. 9.1, больше в этом преуспели мужчины, чем женщины.

Таблица 9.1. Среднегрупповые показатели быстроты формирования зрительного образа

Тест-объекты	Единицы измерения	Мужчины, $M \pm m$	Женщины, $M \pm m$	P
Первый	Секунды	1,2 ± 0,03	1,2 ± 0,05	
Второй	Секунды	1,3 ± 0,05	1,5 ± 0,05	< 0,05
Третий	Количество повторений	3,0 ± 0,18	3,2 ± 0,19	
Четвертый	Количество повторений	3,7 ± 0,18	4,1 ± 0,20	

Восприятие и запоминание словесной информации было более трудным для мужчин, а восприятие и запоминание числовой и музыкальной информации более трудным для женщин (Коновалов В. Ф., Отмахова Н. А., 1984). Авторы обосновывают это тем, что у мужчин наиболее отчетливые изменения электроэнцифалографии вызываются процессом восприятия и переработки словесной информации в сравнении с музыкальной и числовой, у женщин, наоборот, — музыкальной и числовой в сравнении со словесной.

Восприятие состояния другого человека. Анализ 125 исследований по эмпатии, проведенный Д. Холл (Hall, 1984), показал, что женщинам в целом свойственна бóльшая способность к расшифровыванию эмоций окружающих, чем мужчинам. Высказывается мнение (Tavris, 1992), что большая чувствительность женщин к невербальным сигналам связана с их подчиненным положением в семье и на службе. Однако это следствие подчиненного положения человека вообще, а не примета пола. Мужчины, находящиеся на вторых ролях в семье, тоже обладают высокой чувствительностью к невербальным сигналам. Считается, что это не что иное, как механизм «выживания» подчиненного, связанный с необходимостью судить о настроении власть имущего по малейшим признакам и соответствующим образом на него реагировать.

Б. Бердвистел перечислил 23 различных положения век, которые легко могли идентифицировать пять женщин; однако все они пришли к выводу, что лишь четыре из них — глаза открытые, приспущенные веки, косящий взгляд и плотно

закрытые глаза имеют какой-то смысл и несут определенную информацию. Сами же женщины смогли воспроизвести только пять положений век. В то же время мужчины смогли воспроизвести десять таких положений, а некоторые и пятнадцать.

Наблюдательность. Как показано в исследовании «Вопросы практической психодиагностики...» (1984), наблюдательность выше у лиц мужского пола. И неслучайно, очевидно, криминалисты указывают, что ошибочные свидетельские показания чаще бывают у лиц женского пола; мужчины точнее передают явления окружающего мира, показания же женщин нередко не соответствуют действительности.

9.3. Память и пол

В отношении различий в памяти полученные разными авторами данные неоднозначны. И это во многом зависит от того, что установление межполовых различий требует учета вида памяти, возраста испытуемых, характера запоминаемого материала и условий запоминания. Например, Н. М. Гнедова и С. М. Елинова (1985) выявили, что заучивание материала в присутствии ребенка противоположного пола приводило к лучшему результату, чем присутствие ребенка своего пола.

Начну с того, что рядом авторов (Войтонис Н. Ю., 1936; Трошихина Ю. Г., 1973; Трошихина Ю. Г., Гизатуллина Д. Х., 1979) вообще не выявлено достоверных различий в функции памяти у детей разного пола (рис. 9.1).

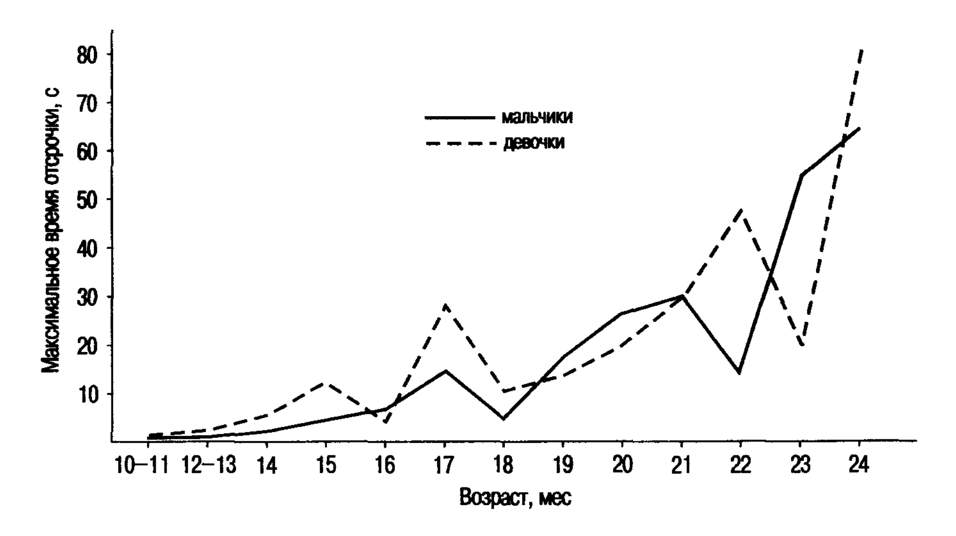

Рис. 9.1. Память у детей разного пола

Правда, следует учесть, что показателем плохой или хорошей памяти являлось не количество запомненных объектов, т. е. объем, а время отсрочки, при котором ребенок делал еще правильный выбор игрушки.

И. А. Сергеева (2001) не обнаружила половых различий в объеме и устойчивости зрительно-пространственной памяти, объема слухо-речевой памяти у старших дошкольников.

В исследовании, проведенными психологами ЛГУ на студентах, тоже не выявлены отчетливые различия: в одних группах кратковременная память была лучше у юношей, в других группах — у девушек («Вопросы практической психодиагностики...», 1984).

Все же исследователей, которые обнаружили половые различия по памяти, значительно больше. Однако обнаружить какие-либо закономерности в проявлении этих различий порой весьма затруднительно, поскольку данные авторов относятся к лицам различного возраста и к различному характеру запоминаемого материала.

В. В. Волков (1981) изучал объем кратковременной и долговременной зрительной памяти при запоминании двузначных чисел, слов и изображений предметов у школьников с I по X классы. За исключением одного класса показатели памяти были несколько выше у девочек, однако выявленные различия весьма незначительны (рис. 9.2).

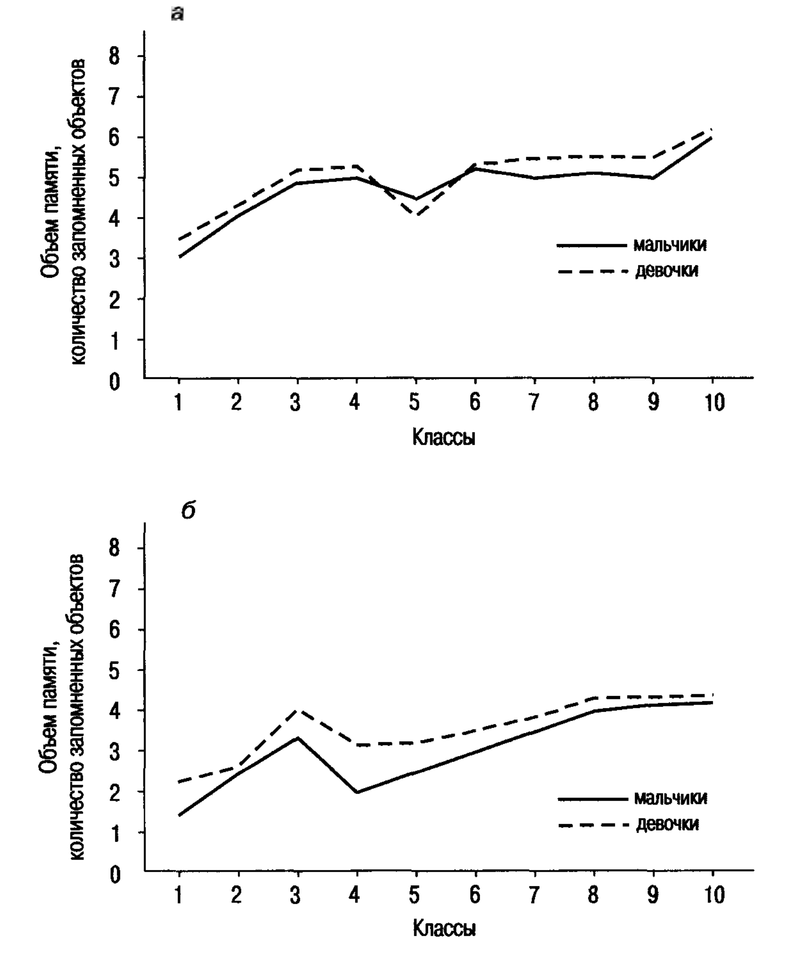

Рис. 9.2. Кратковременная (*а*) и долговременная (*б*) зрительная память у школьников разного пола

Объемное половозрастное исследование памяти проведено В. Ф. Коноваловым с соавторами (1987). Изучалась кратковременная память на заучивание цифр от 0 до 9. В возрасте 5–10 лет запоминание цифр лучше осуществлялось девочками (рис. 9.3). В возрасте 15–17 лет различий между юношами и девушками не обнаружено. В возрасте 18–35 лет лучшие показатели запоминания были уже у мужчин, так как у них рост памяти еще наблюдался, а у женщин память осталась на уровне 15–17 лет.

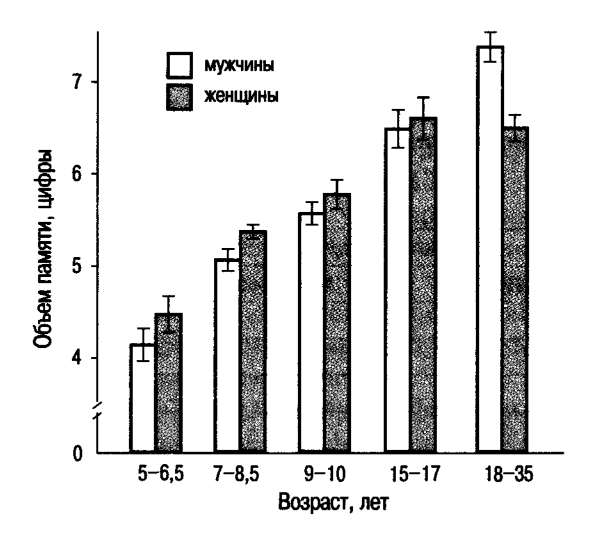

Рис. 9.3. Объем воспроизведения цифр испытуемыми разного пола

Я. И. Петров (1972) выявил, что в возрасте 18–26 лет уровень развития памяти у мужчин выше, чем у женщин, а в возрасте 27–33 лет и 41–46 лет женщины опережают мужчин.

Таким образом, у этих трех авторов обнаружились некоторые совпадения: по данным В. В. Волкова и В. Ф. Коновалова с соавторами, в младшем школьном возрасте память лучше у девочек, а в возрасте 18–26 лет, по данным В. Ф. Коновалова и Я. И. Петрова, память лучше у мужчин.

Рядом исследователей было обнаружено превосходство женщин в тестах на вербальную память (Kimura, Clark, 2002; Traan, Quintana, 1990).

Однако анализ половых различий по памяти с учетом *характера запоминаемого материала* показывает, что действительная картина выглядит гораздо сложнее.

К. Ховланд (1963), например, отмечает, что количественные различия мнемических функций между полами не так отчетливы, как качественные; если для запоминания давать в одних случаях описание каких-либо технических процессов, а в других — описание мехов зверей, то окажется, что информацию о физических, химических или механических характеристиках лучше запоминают мальчики, а принадлежности туалета быстрее и прочнее запечатлеваются в памяти девочек.

По данным казанских психологов («Психологические...», 1977), преимущество мужчин или женщин (студентов) в кратковременной памяти зависит от заучиваемого материала: при запоминании цифр преимущество имеют мужчины, а при запоминании слов — женщины, однако при запоминании слов эти различия незначительны. В отношении *запоминания цифр* эти данные согласуются с данными В. Ф. Коновалова с соавторами для возрастной группы 18–35 лет. Лучшее *запоминание слов* женщинами выявлено и в других исследованиях (Моргунова Р. С., 1976; Андреева В. Н., 1973). Правда, В. Н. Андреева нашла это различие только тогда, когда заучивались пары слов, а не отдельные слова. Зато другие авторы показали преимущество лиц женского пола в заучивании слов и на этапах онтогенеза, предшествующих взрослости: у дошкольников (Гнедова Н. М., Елинова С. М. — табл. 9.2) и школьников (Волков В. В.).

Таблица 9.2. Воспроизведение слов мальчиками и девочками

Опыт	Четыре года		Шесть лет	
	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики
I	8,2	6,7	10,6	8,7
II	7,3	6,4	9,7	8,6
III	8,7	7,7	10,5	8,7
IV	7,8	5,3	10,7	9,2

Здесь можно наблюдать прямую связь лучшей у лиц женского пола вербальной памяти с лучшим развитием у них вербальной сферы, о чем речь будет идти дальше. Однако Д. Гросси с соавторами (Grossi et al., 1980) получены данные, что у мальчиков по сравнению с девочками вербальная память более развита.

Совпадают данные разных исследованнй в отношении лучшего запоминания лицами мужского пола слогов (Моргунова Р. С., 1976; Умнов В. П., 1979; Андреева В. Н., 1973). Правда, в исследовании В. Н. Андреевой существенных различий между мужчинами и женщинами не было. Так, мужчин, которым потребовалось меньшее количество повторений, было больше на 10%, так же как и запомнивших наибольшее число объектов. Однако при воспроизведении через длительный срок (*долговременная память*) явное преимущество имели женщины. Лучшая у женщин 18–20 лет долговременная память при запоминании слогов и слов выявлена и Р. С. Моргуновой, а у школьниц разного возраста — В. В. Волковым.

По данным В. П. Умнова (1979), образная память у студенток в возрасте 18–21 лет лучше, чем у студентов того же возраста.

Женщины лучше запоминают имена увиденных ими лиц на фотографиях (Kaess W., Witryol S., 1955).

***

В литературе неоднократно отмечалось, что имеются существенные различия во взаимосвязях психических процессов у мужчин и женщин. М. Э. Тынтс (1975) выявлено, что у женщин число значимых связей между показателями сенсомоторного навыка и показателями концентрации, переключения внимания и объемом

кратковременной памяти больше и они более тесные, чем у мужчин. Так, в корреляционной матрице женщин высокую степень тесноты имели 84% из всех связей, а у мужчин — только 40%. Показано, что у испытуемых женского пола показатели сенсомоторного навыка зависят как от концентрации, переключения и распределения внимания, так и от памяти; у мужчин же — главным образом от памяти и в меньшей степени — от свойств внимания.

М. М. Гарифуллиной и Э. Р. Пээтс (1977) выявлено, что у мужчин образное мышление имеет более высокий уровень развития и связано с памятью, а у женщин образное мышление развито слабее и связано больше всего с эмоционально-волевой сферой и вниманием.

В. П. Умнов (1979), изучая связь быстроты формирования зрительного образа с психическими процессами, обнаружил у женщин достоверных корреляций почти в 2 раза больше, чем у мужчин (соответственно 40 и 23%). При этом структура связей у тех и других была разной. Для мужчин характерна связь восприятия с временны́ми и точностными показателями переключения внимания (при установке на «скорость и точность») и с объемом образной памяти (геометрические фигуры); для женщин — с временны́ми показателями переключения внимания (при установке «на скорость и точность») и объемными характеристиками кратковременной памяти на слоги и геометрические фигуры.

Л. Вормэк (Wormack L.,1980) проанализировав факторные структуры способностей, обнаружил, что у мужчин основные факторы способностей более дифференцированн и автономны, чем у женщин. У мужчин выделилось три фактора: вербальный, зрительно-пространственный и математический, в то время как у женщин все эти три фактора вошли в один. Второй фактор у женщин интерпретирован автором как «вербально зависимый от пола».

9.4. Кто умнее — мужчины или женщины

Конфуций (551–479 гг. до н. э.) в книге «Беседы и суждения» довольно скептически выразился по поводу ума женщины: «У обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной — сколько у двух». Подобные пренебрежительные высказывания можно встретить и у более поздних авторов, вплоть до XX в. И. И. Мечников (1946) писал: «Подобно тому, как мускульная сила была приобретена еще животными предками человека в борьбе за обладание самкой, так и умственное превосходство мужчины развивалось с той же целью» (с. 60). Этот стереотип сохраняется и до сих пор. Девочки начальных классов уже уверены, что хуже мальчиков понимают арифметику. В ходе обучения у детей созревает представление, что чтение, рисование и музыка — это предметы для девочек, а математика, физкультура и технические предметы — для мальчиков (Eccles et al., 1990; Entwisle, Baker, 1983). По данным финского ученого А. Варнанена (Varnanen, 1993) финны, как и японцы, умным женщинам чаще приписывают навыки общения и социального влияния, а умным мужчинам — умение решать проблемы. Мужчины более склонны выбирать в качестве умного человека представителя своего пола.

Вплоть до 1970-х гг. была популярной теория Х. Эллиса (Ellis,1904), согласно которой разброс уровня интеллекта больше у мужчин, чем у женщин, т. е. предполагалось, что женщины имеют средний уровень интеллекта, в то время как у мужчин средний интеллект встречается реже, чем у женщин, но зато среди них больше одаренных и умственно отсталых (рис. 9.4). После 40 лет, пишет А. Барнетт (1968), у женщин лучше сохраняется интеллект, чем у мужчин.

В нашей стране этой точки зрения придерживается В. П. Багрунов (1984), который обнаружил, что у мужчин чаще, чем у женщин, встречаются высшие и низшие результаты в интеллектуальной активности и сенсомоторике.

Наиболее наглядно влияние идеологических и культурных допущений на научную практику может быть продемонстрировано на примере разного рода биологических теорий, доказывающих мужское превосходство.

Н. Нуана (Nuana N., 1997) обращается к физической антропологии, которая сформировалась в середине XIX в. и свою цель видела в сопоставлении физического строения людей, находящихся на разных ступенях эволюционного развития, в том числе принадлежащих к разным расам и разным полам. В качестве эмпирических маркеров половых различий использовались особенности строения черепа, поскольку считалось, что по размеру черепа и его форме можно судить об уровне ментальных способностей. Анализ работ краниологов показывает, что выбор признаков, использовавшихся для демонстрации мужского превосходства, очевидно a priori предполагал это превосходство.

Так, Х. Шафхаузен вывел пять параметров женского черепа, свидетельствовавших, как ему казалось, об отставании женщин в эволюционном развитии. Свой вывод он обосновывал тем, что те же самые особенности были характерны и для неевропейских рас. Дальнейший пересмотр этих параметров, осуществленный Дж. Клеландом, показывает, насколько глубоко в краниологию проникли идеи расизма и сексизма. Обнаружив, что, вопреки данным Шафхаузена, для строения черепа австралийских аборигенов и негров характерен высокий лоб, Клеланд ничуть не усомнился в базовой гипотезе. Он лишь ввел другой показатель, опираясь на который доказывал, что женщины, равно как и представители неевропейских рас, обладают инфантильной формой черепа и, следовательно, находятся на более низкой ступени эволюционного развития.

Опираясь на социальную теорию XX в., легко увидеть в краниологии пример «плохой» науки, которая не смогла противостоять влиянию расовых предрассудков. Но если рассматривать допущение о мужском превосходстве в историческом контексте, становится очевидным, что оно полностью вписывается в систему теоретических построений, принятых на тот момент научным сообществом. Согласно дарвиновской теории, половой отбор представляет собой один из механизмов эволюции, однако, как настаивал Дарвин, лишь мужчины эволюционируют под воздействием этого механизма. Таким образом, вера в мужское превосходство была для подавляющего большинства ученых XIX в. не гипотезой, которая может быть опровергнута, но «метафизическим» убеждением, чья истинность не требует доказательств.

Виноградова Т. В., 2001, с.115.

В отношении более частого слабоумия, встречающегося у мужчин, ученые делали выводы на основании того, сколько мужчин и женщин находится в специализированных учреждениях; мужчин там действительно больше. Однако Л. Холлингворт (Hollingworth, 1922), проведя тщательное изучение этого вопроса на данных более чем 2 тысяч лиц, показала, что, во-первых, у женщин, находящихся

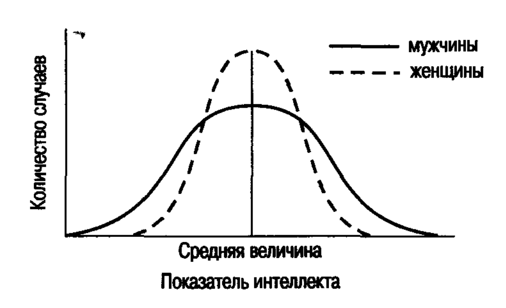

Рис. 9.4. Гипотетическое распределение интеллекта среди мужчин и женщин в соответствии с теорией большей мужской вариабельности

в этих учреждениях, интеллект был ниже, чем у мужчин из тех же учреждений, во-вторых, большую представленность мужчин в этих учреждениях она объясняла тем, что мужчины с умственной отсталостью более беспомощны в житейском отношении и требуют опеки. Женщины же могут и при умственной отсталости найти средства к существованию, занявшись домашней работой или выйдя замуж. Кроме того, обнаружилось, что семьи более склонны к уходу за умственно отсталой девочкой в домашних условиях. Мальчиков же (напомним: данное исследование датируется 1922 г.) чаще заставляли в сравнительно раннем возрасте работать на заводе, где вскоре и обнаруживалась их умственная отсталость. Все это делало менее вероятным распознавание умственной отсталости у девочек и их принудительное направление в соответствующие учреждения.

Как утверждает американский антрополог Э. Монтегю в книге «Природное превосходство женщины», коэффициент интеллектуальности в среднем у женщин выше, чем у мужчин, и они лучше его сохраняют в старости.

Рядом автором было выявлено одинаковое количество интеллектуально одаренных мальчиков и девочек. Так, в исследовании Л. Холлингворт (Hollingworth, 1942) среди детей с интеллектом выше 180 баллов было обнаружено 16 девочек и 15 мальчиков, а в исследовании П. Витти (Witty, 1940) среди детей с интеллектом 140 баллов и выше было 24 девочки и 26 мальчиков. Массовые обследования школьников в США (Lewis, 1945; Gehee, 1939; Riggs, 1940) показали, что среди лиц с высоким интеллектом больше девочек, а среди лиц с низким интеллектом больше мальчиков. Однако авторы не делают из этих данных далеко идущих выводов и объясняют их тем, что проводившиеся тесты имели преимущественно вербальное содержание и успешность их выполнения зависела от школьных успехов, которая, как известно, выше у девочек в силу их большего прилежания. Правда, по некоторым данным, в 11–14 лет девочки останавливаются в своем прогрессе и даже «возвращаются назад» (M. Horner, 1972).

Сходные данные получены и в нашей стране. Я. И. Михайлова (2001), обследовав детей 6–7 лет, она нашла, что уровень вербального и невербального интеллекта и речемыслительных функций у девочек достоверно выше. Показатель развития вербального интеллекта у девочек равен 105,4 балла, а у мальчиков – 99; показатель развития невербального интеллекта – соответственно 107,5 и 102,7; показатель развития речемыслительных функций – соответственно 81,3 и 74,9.

У девочек лучше развит и социальный интеллект: 45% девочек имеют высокий уровень его развития, в то время как мальчиков, имеющих такой уровень, 31%. Наоборот, с низким уровнем развития социального интеллекта мальчиков больше, чем девочек (соответственно 69 и 55%).

Целью нашего исследования является анализ гендерных аспектов социальных стереотипов интеллекта. Ниже представлена часть исследования, которая проводилась с помощью анкеты, разработанной И. А. Мироненко на основе модели обыденных представлений об интеллекте Р. Стернберга, опрошено 107 человек.

Гипотезы исследования: наибольшие различия в представлениях о мужском и женском уме проявляются в отношении свойств, относящихся к сфере так называемого социального интеллекта. «Умный мужчина» и «умная женщина» оцениваются как более близкие по интеллектуальным свойствам, чем «типичный мужчина» и «типичная женщина». Оценки свойств ума типичных представителей своего пола выше, чем соответствующие оценки представителями противоположного пола.

В обыденном сознании интеллект (ум) не абстрагирован от того, кому он реально принадлежит, поэтому предметом проводимого исследования стали представления об умном мужчине и умной женщине. Испытуемым предлагалось оценить по семибалльной шкале выраженность у «умного мужчины», «умной женщины», «типичного мужчины» и «типичной женщины» девять свойств интеллекта: 1) умение применять знания для решения практических задач; 2) ясность и беглость речи; 3) способность видеть различия и согласовывать различные точки зрения; 4) умение настойчиво искать и находить необходимую информацию; 5) знания о мире, умение использовать опыт; 6) сообразительность, умение мыслить абстрактно; 7) способность понимать других людей и предвидеть их поведение; 8) хитрость; 9) способность использовать других людей в своих целях.

Результаты исследования в целом подтвердили гипотезы. Значимые различия между оценками интеллектуальных свойств «умного мужчины» и «умной женщины» выявлены лишь в отношении свойств № 7, 8, 9. Значимые различия в оценках типичных представителей полов обнаружены фактически по всем выделенным параметрам, кроме свойств № 1 и 5. Данные результаты подтверждают гипотезы 1 и 2. Значимых различий в представлениях об «умном» мужчине и «умной» женщине между респондентами мужского и женского пола не выявлено. Значимые различия в оценках свойств типичной женщины респондентами мужского и женского пола выявлены по свойствам № 4, 8 и 9, а типичного мужчины – по всем свойствам, кроме № 9. Данные результаты подтверждают гипотезу 2. Оценки свойств типичного представителя своего пола мужчинами в отношении всех свойств, кроме первого, значимо выше, чем соответствующие оценки, даваемые женщинами. Таким образом тенденция более высокой оценки свойств ума типичной представительницы своего пола у женщин не проявилась. Более того, оценка свойств ума № 4, 8 и 9 мужчинами у типичной женщины выше, чем соответствующая оценка самими женщинами. Таким образом, гипотеза 3 подтвердилась частично, лишь в отношении мужчин.

Дессау В. А., 2008, с. 126–127.

По данным В. Ф. Коновалова с соавторами (1987), девочки 5–10 лет решают экспериментальную задачу быстрее, чем мальчики того же возраста. В 15–17 лет картина меняется: задачу быстрее решают уже представители мужского пола. Их преимущество сохраняется и в последующих возрастах (рис. 9.5).

Важно учитывать, что морфологическое созревание головного мозга у девочек происходит быстрее (Хризман Т. П., Еремеева В. Д., 1984; Waber D., 1976), поэто-

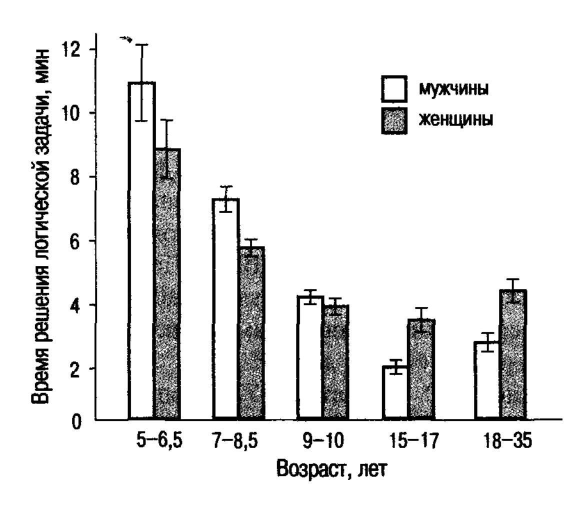

Рис. 9.5. Время решения логической задачи испытуемыми разного пола

му в возрасте 5–10 лет они опережают по интеллектуальным способностям мальчиков. Затем лица мужского пола не только догоняют по уровню интеллектуального развития лиц женского пола, но и превосходят их (табл. 9.3, приводится по: Е. И. Степанова, 2000).

Таблица 9.3. Уровневые показатели развития интеллекта в группах мужчин и женщин (по методике Д. Векслера), $n = 100$

Возраст	Мужчины			Женщины		
	Вербальный	Невербальный	Общий	Вербальный	Невербальный	Общий
18–19	115	104	110	113	102	109
20–21	111	99	106	107	102	105
22–23	112	105	110	106	98	103
24–25	114	103	110	107	100	104
26–27	115	104	111	110	100	106
28–29	116	105	112	110	102	107
30–31	116	105	110	113	101	108
32–33	113	103	109	111	102	107
34–35	113	103	110	110	103	107

Выявлено, что независимость эффективности мышления от предварительного опыта и знаний, начиная с 8 лет и далее, включая взрослых, выше у лиц мужского пола (Mccobi, Jacklin, 1974).

По данным Д. В. Рукавишникова (2001), у мужчин наблюдается более высокий уровень *прогностической компетентности* при оценке возможных житейских событий по сравнению с женщинами, равно как и достоверно более высокий уровень способности прогнозировать и упреждать перемещение в пространстве.

В исследовании И. А. Сергеевой (2001) девочки старшего дошкольного возраста лучше справились с ассоциативным тестом, а мальчики — с тестом Равена, что дает основание говорить о лучшем развитии у первых вербальной сферы, а у вторых — невербальной. Это подтверждается и данными А. И. Винокурова (1996): мужчины набрали большее количество баллов в решении серии задач из теста Равена, а также рядом исследований, осуществленных зарубежными психологами. Отмечается, например, что в тестах технического понимания женские оценки ниже мужских (Bennett C., Cruikshank R., 1942). По данным А. И. Канатова (цит. по: Степанова Е. И., 2000), показатели практического мышления были более высокими у мужчин по сравнению с женщинами во всех возрастных группах, кроме старшей возрастной группы (41–46 лет).

М. М. Гарифуллиной и Э. Р. Пээтс (1977) выявлено, что у мужчин образное мышление имеет более высокий уровень развития.

Общая понятливость, по данным петербургских психологов, выше у студентов-юношей, чем у студенток. В то же время обобщенность мышления, адаптивность интеллектуальных действий, логичность практического (образного) мышления, эвристическое мышление, словарный запас в одних возрастных группах выше у студенток, а в других — у студентов («Вопросы практической психодиагностики...», 1984). Кимура (Kimura,1992) тоже не выявил каких-либо различий между мужчинами и женщинами в выполнении тестов на словарный запас и словесную аргументацию. Ройан и Наглиери (Rojahn, Naglieri, 2006) утверждают, что не существует значительных различий между мальчиками и девочками в общем умственном развитии.

Петербургскими психологами отмечается, что основные характеристики логического мышления (обобщенность, понятливость, богатство словарного запаса) у женщин оказались взаимозависимыми (т. е. между ними имеются тесные корреляции), в то время как у мужчин наблюдается некоторая автономность разных систем вербального интеллекта. Аналогичная тенденция, хотя и менее выраженная, наблюдается и в структуре невербального интеллекта, которая у женщин проявляется как единая система. У мужчин эти же связи слабее и характер их более сложен.

В. П. Багрунов (1984) отмечает, что мужчинами лучше решаются новые интеллектуальные и сенсомоторные задачи, однако при тренировке и стереотипизации происходит нивелировка этих половых различий. Больше того, интеллектуальная и сенсомоторная активность женщин больше поддается изменениям при обучении и тренировке, вследствие чего в деятельности, требующей развития стереотипных профессиональных навыков, лучших результатов достигают женщины, утверждает этот автор.

Критичность мышления. Рядом авторов высказано мнение, что мужчины более критичны, чем женщины. М. Д. Александрова (1974), анализируя данные американских авторов, делает вывод, что снижение критичности мышления у мужчин начинается после 30 лет, у женщин — позже (после 40), но зато происходит более резко (рис. 9.6)

Говоря о различиях в интеллектуальном потенциале мужчин и женщин, следует учитывать ряд обстоятельств, влияющих на получаемые результаты. Имеет

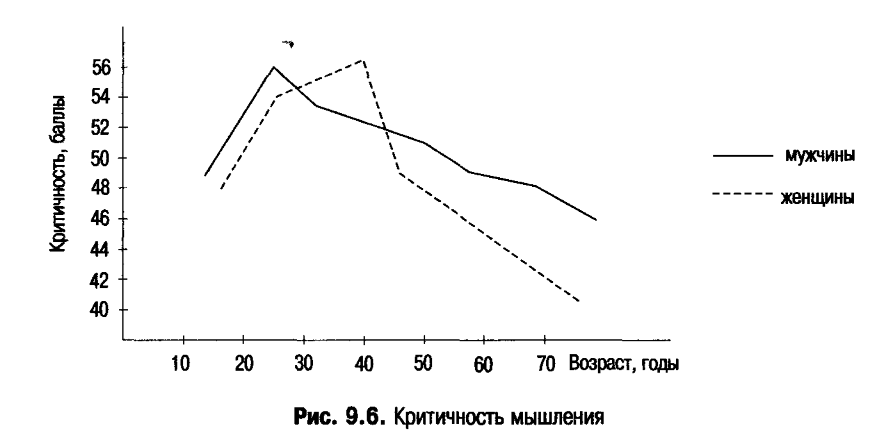

Рис. 9.6. Критичность мышления

значение, например, кто является экспериментатором — мужчина или женщина. Установлено, что если экспериментатором был мужчина, то испытуемые-девушки показывали более низкие результаты при выполнении интеллектуальных тестов, нежели тогда, когда экспериментатором была женщина (Deaux K., 1985). Нельзя не принимать в расчет и то, что многие, если не все, интеллектуальные тесты разработаны мужчинами и, очевидно, с расчетом на представителей своего пола.

Осведомленность. А. Моль (1909) обследовал 660 мальчиков и 662 девочки в возрасте от 5 лет 9 месяцев до 6 лет 9 месяцев и выявил, что понятие круга, треугольника, квадрата лучше известно девочкам. Мальчики в этом возрасте лучше знают животных, минералы, общественные явления. В последующем это подтвердили и другие авторы.

9.5. Абстрактное мышление и математические способности

И. С. Кон (1989) отмечает, что склонность к абстрактному мышлению свойственна главным образом юношам. Р. К. Малинаускас (2001), используя опросник Кеттелла, обнаружил, что среди мужчин больше, чем среди женщин, лиц с высоким уровнем абстрактного мышления (фактор В). Мальчики овладевают большим количеством стратегий принятия решений, что дает им возможность опережать девочек в таких сферах, как сложные речевые задачи, геометрия, и в математическом разделе школьного оценочного теста — Scholastic Assessment Test — SAT (Byrnes, Takahira, 1993; Casey, 1996). Преимущество мужчин в математических способностях можно видеть и в том, что среди выдающихся математиков преобладают мужчины (Stumpf, Stanley, 1996).

Несмотря на распространенное мнение о более высоких математических способностях лиц мужского пола (Halpern, 1997; Hyde et al., 1990; Kimura, 1992), в зарубежных исследованиях были обнаружены довольно противоречивые факты (Ma, Cartwright, 2003; Cromby et al., 2005; Ding et al., 2005; Hyde, 2005; Frenzel et al., 2007). У мальчиков и девочек начальной школы различий в эффективности

осуществления математических операций либо совсем не было (Dossey et al., 1988; и др.), либо были в пользу девочек (Friedman, 1989, и др.). Это соответствует результатам, полученным в более раннем исследовании развития числовых понятий у дошкольников, проведенном А. Гезеллом с соавторами (Gesell et al., 1940). Не выявили существенных половых различий в математических способностях у дошкольников и младших школьников Л. Терман и Л. Тайлер (L.Terman, L. Tyler, 1954). В исследовании, проведенном в Канаде с учениками начальной школы, обнаружено, что мальчики и девочки одинаково хорошо выполняют тесты математических достижений, но девочки чаще, чем мальчики выражают свою неуверенность в отношении своих достижений (Lloyd et al., 2005). Роль уверенности в математических способностях подчеркивают Смит и Уайт (Smith, White, 2002). Когда женщинам говорили, что по выполняемому ими математическому тесту гендерных различий не выявлено, они выполняли задание значительно лучше. Показано также, что девочки математического класса, имевшие одинаковые результаты по математическому тесту SAT-M с мальчиками, получали более высокие баллы (Royer, Garofoli, 2005), что можно объяснить их большим прилежанием, а не большими способностями.

Все это дает основание зарубежным психологам утверждать, что различия между мальчиками и девочками в математических способностях не обнаруживается до подросткового (11–12 лет) возраста. Правда, полученные результаты существенно зависели от дававшихся младшим школьникам заданий. В тестах на вычисление различий либо не было либо преимущество имели девочки. В арифметических задачах и тестах числового мышления было выявлено устойчивое превосходство мальчиков. Это подтвердилось и в других исследованиях (McNemar Q., 1942; Havighurst R., Breese F., 1947; Wesman A., 1949). В старших классах, по данным некоторых авторов, в одних случаях задания лучше выполняли девочки, в других случаях – мальчики, а в третьих различий вообще не обнаружилось. Характерно, что наиболее часто различия в математических способностях выявляются лишь с началом пубертатного периода.

У студентов, по данным Л. Фридман, различия в результатах выполнения математических заданий были выявлены в пользу юношей. Отмечается, правда, что в последние годы различий между лицами мужского и женского пола в проявлении математических способностей становятся все меньше (Friedman, 1989; Hyde et al., 1990).

Однако этому факту не следует придавать большого значения, ведь то, что фиксируют ученые, является выученной способностью (опытом), а девочки и девушки в школе отличаются большим прилежанием и лучшей общей успеваемостью. Другое дело, когда учитывается *математическая одаренность*. По мнению ряда авторов, математически одаренных лиц больше среди мальчиков (Benbow C., Stanley J., 1982; Feingold A.,1988). По данным Камилы Бенбоу и Дж. Стенли, на тринадцать одаренных математическими способностями мужчин приходится только одна женщина. Правда, некоторые ученые (Hyde, Fennema, Lamon, 1990) заявляют, что нельзя делать такие обобщения из простых наблюдений.

Макгроу с соавторами (McGraw et al., 2006) выявили, что старшеклассницы имеют более негативное отношение к математике и более низкую самооценку

в этой области, чем старшеклассники. Студентки колледжа, даже специализирующиеся на математической науке, но считающие при этом ее мужским делом, имеют проблемы с тем, что не ассоциируют себя с математикой как с будущей профессией (Nosek et al., 2002).

В исследовании, проведенном на студентах технических вузов (Lips, 2000, 2004), женщины оценили себя как более сильных в математике, инженерии и физической науке в сравнении с мужчинами; однако возможность своего будущего в этих видах занятий они оценили ниже, чем мужчины. Это связано, предположительно, с тем, что женщины не имеют женских образцов, которые помогли бы им увидеть себя в этой сфере.

Когда дочери добиваются успеха в математике, их родители списывают этот успех на усердную работу чаще, чем на способность (Raty et al., 2002).

9.6. Пространственные способности

Выполнение интеллектуальных тестов, в значительной степени зависящих от пространственных, а не вербальных способностей, лучше осуществляется мальчиками (Macmeeken A., 1939). В школьные годы мальчики проявляют более выраженную склонность к решению зрительных и пространственных задач и продолжают более успешно заниматься этой деятельностью, будучи взрослыми (Levine et al., 1999).

Превосходство мужчин выявлено при решении таких визуально-пространственных задач, которые связаны со слежением за движущимся объектом (Law, Pellegrino, Hunt, 1993), мысленной ротацией (Masters, Sanders, 1993), отслеживанием пройденного пути, а также запуском и перехватом летящего снаряда (Kimura, 1992) (рис. 9.7). Женщины более успешны по сравнению с мужчинами в решении задач на скорость восприятия, т. е. идентификацию и обнаружение соответствий предметов (Kimura, 1992).

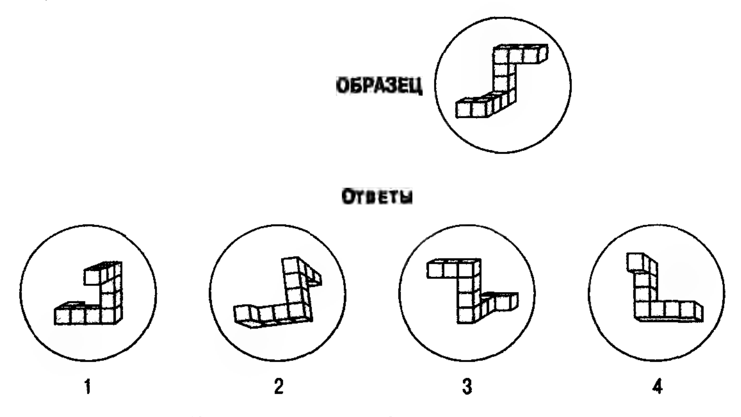

Рис. 9.7. Задача на пространственные способности, в ходе решения которой были обнаружены половые различия

Лучшая ориентировка в пространстве мальчиков проявляется, хотя и незначительно, уже в 4 года, а в 8–9 лет выражена довольно отчетливо (Levine et al., 1999; Voyer et al., 1995). Это преимущество лиц мужского пола сохраняется («Вопросы практической психодиагностики...», 1984).

Американские психологи установили, что половые различия в успешности выполнения задач на пространственное мышление существуют у детей еще до полового созревания. Если детей 6 лет попросить сконструировать трехмерную модель школьной комнаты, то мальчики с этим заданием справятся лучше, чем девочки. Мальчики в 8–9 лет лучше ориентируются в пространстве.

Объяснение этим различиям можно найти в исследованиях физиологов, которые показали, что у мальчиков специализация правого полушария мозга в отношении пространственных функций имеется уже в 6 лет, тогда как у девочек ее нет даже к 13 годам.

В школе мальчики значительно лучше девочек понимают геометрические концепции (половые различия по способности к решению алгебраических задач меньше, а арифметических – еще меньше) (Harris L. J., 1978). В технических учебных заведениях максимальные трудности студентки испытывают по начертательной геометрии. Мужчины лучше ориентируются в визуальных и тактильных лабиринтах, лучше читают географические карты и определяют направление городов, рек, дорог, легче определяют левое – правое (Itani J., 1957).

Ткаченко А. А. и др., 2001, с. 28.

Различия в пространственных способностях обусловливают, очевидно, и тот факт, что девочки в своих играх чаще опираются на ближнее зрение: они раскладывают перед собой вещи, с которыми играют, на ограниченном пространстве; девочкам достаточно маленького уголка. Напротив, игры мальчиков чаще опираются на дальнее зрение: они используют в своих играх и забавах все предоставленное им пространство. Если пространство мало в горизонтальной плоскости, они осваивают вертикальную: лазают по лестницам, забираются на деревья и т. д. Рисуя план окрестностей вокруг своего дома, мальчики отражают большее пространство, умещают на рисунке больше улиц, домов, дворов.

9.7. Креативность лиц мужского и женского пола

Креативность понимается как способность к умственным преобразованиям и творчеству, умение отказываться от стереотипных способов мышления. Креативность характеризуется оригинальностью мышления, семантической и образной адаптивной гибкостью, способностью к восприятию дисгармонии, недостатков.

По поводу половых различий в креативности мнения часто расходятся. Т. В. Виноградова и В. В. Семенов (1993), В. Н. Дружинин (1996), И. В. Грошев (2005), А. В. Челнокова (2007а, б) отрицают различия между лицами мужского и женского пола по креативности. По другим данным (Айзенк Г., Кэмин Л., 2002; Геодакян В. А., 1987, Еремеева В. Д., Хризман Т. П., 1998), мужчинам более свойственна поисковая актив-

ность, они выдвигают новые идеи, решают принципиально новую задачу лучше, чем женщины, а последние более эффективны при решении типовых, шаблонных задач.

М. Костик (Kostik, 1954) и Е. Хилгард с соавторами (Hilgard et al., 1954) выявили преимущество лиц мужского пола (выпускников школы и студентов) в переносе обучения (применении навыков и знаний к новым ситуациям). Е. Свини (Sweeney, 1953) обнаружено значительное превосходство мужчин в «переструктуризации», т. е. отказе от первоначального подхода и организации фактов по-новому. Это было выявлено на мужских и женских группах, уравненных по общим умственным, вербальным и математическим способностям. Однако в работе З. Дудека с соавторами (Dudek et al., 1993) выявлено, что девочки обладают лучшими креативными способностями, чем мальчики.

Подтверждается гипотеза о большей степени выраженности креативности у мужчин-руководителей по сравнению с женщинами-руководителями. У женщин-руководителей выявлена связь показателей креативности с карьерными установками, присущими в большей степени «мужскому» типу, – вызова и стремления к разделению сфер личной и профессиональной жизни: чем более женщина-руководитель разделяет выделенные сферы жизни, тем более креативный подход в управлении она реализует. У менеджеров-мужчин креативность и профессиональные установки в большей степени являются автономными образованиями в структуре личности.

Порошина Т. И., 2007, с. 66.

Т. А. Барышева выявила преимущество мужчин над женщинами по интеллектуальным параметрам креативности: дивергентности, способности к прогнозированию, способности к ассоциированию и компетентности в сфере теории и технологии творчества. Однако в младшем школьном возрасте по параметрам вербального теста Торренса преимущество имеют девочки. Очевидно, это связано с тем, что девочки опережают мальчиков в вербальном возрастном развитии. Мальчики же имеют преимущество по параметрам графического креативного теста.

Половые различия по креативности наблюдаются уже у детей младшего школьного возраста. А. В. Ассовская, Л. А. Цветкова и Т. Г. Яничева (1997) изучали креативность младших школьников (8–9 лет) обоего пола. Исследователи установили, что высокий уровень креативности имели 45% мальчиков и лишь 20% девочек; в то же время низкий уровень был у 50% девочек и 23% мальчиков.

Л. М. Петрова (2008) выявила половые различия по гибкости и оригинальности у детей 9–10 лет и 13–14 лет.

Детей на занятии спросили, для чего можно использовать кирпич. Первый ответ лежал на поверхности – конечно, чтобы построить дом. Дальше девочки подняли руки, и началось... Из кирпича можно построить «гараж», «а еще «забор», «а еще сарай»... Наконец тема строительства исчерпана. Поднимает руку мальчик: «Кирпич можно положить в ведро, когда мама солит грибы – для тяжести». Новая версия. И опять лес рук девочек и самые разные предложения о том, где можно использовать кирпич в качестве груза. Опять исчерпали тему, и снова мальчик: «Кирпичами можно обложить костер, чтобы трава не загорелась». Девочки опять подхватывают эту вер-

сию и дают разные рецепты спасения от пожара с помощью кирпичей. И опять мальчики: «Можно положить на кирпич доску, и получатся качели», «Можно бросать их как снаряды» и т. д.

Конечно, это не значит, что ни одна девочка не выдвинет новой идеи, но тенденция здесь очень четкая.

Еремеева В. Д., Хризман Т. П., 2001, с. 24.

То же выявляется и по данным А. К. Канатова (2000), обследовавшего 207 мужчин и 250 женщин в большом возрастном диапазоне: у мужчин креативность несколько выше, чем у женщин (табл. 9.4).

Таблица 9.4. Креативность мужчин и женщин различного возраста (баллы)

Пол	До 25 лет	26–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
Мужчины	6,8	6,8	6,9	6,0
Женщины	6,5	6,4	6,2	5,9

По данным Л. Г. Почебут и В. А. Чикер (2000), предпринимательская креативность выше у мужчин, чем у женщин.

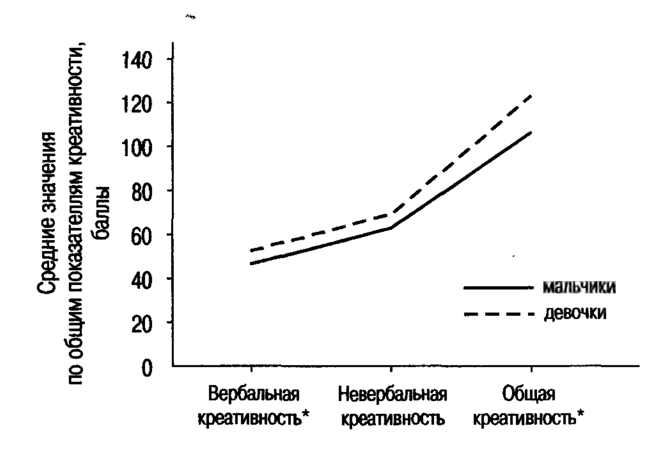
Диссонансом выглядят данные, полученные Г. В. Усачевой (2005), которая нашла, что у девочек младших классов креативность выше, чем у их сверстников мальчиков.

Были обнаружены гендерные различия в развитии исследовательской позиции детей в школьные годы. Одаренные девочки в подростковом возрасте значительно больше, чем их сверстники мальчики, уязвимы в отношении благоприятного развития у них устойчивой личностной характеристики – исследовательской позиции. В младшем подростковом возрасте девочки, имеющие на предыдущем возрастном этапе более высокие показатели развития исследовательской позиции, чем их сверстники мальчики, утрачивают свое преимущество, что обусловлено существенным снижением их настойчивости в достижении познавательной цели, а также стремления к самостоятельному, продуктивному познанию. Эта особенность личностного развития одаренных девочек может быть одной из причин «потери» их одаренности.

Шумакова Н. Б., 2007, с. 359.

Выраженность креативности у лиц мужского и женского пола, очевидно, определяется видом креативности, хотя и в этом случае единого мнения у ученых нет. По одним данным (Forisha, 1978), мужчины обладают большей креативной продуктивностью, а женщины — большими креативными способностями и ярко выраженной образностью, по другим данным (DeMoss et al., 1993), женщины превосходят мужчин в вербальной креативности, а мужчины превосходят женщин в образной креативности (Виноградова Т. В. Т. В., Семенов В. В., 1993; Разумникова О. М., 2002; Halpern D., 2000).

Н. В. Гаврюшкина (2001) изучала креативность у мальчиков и девочек 9–12 лет и выявила, что невербальная креативность одинакова у мальчиков и девочек, а вербальная креативность выше у девочек и за счет её у них же выше и общая креативность (рис. 9.8).

* – значимые различия по *t*-критерию Стьюдента

Рис. 9.8. Креативность в группах мальчиков и девочек

О. М. Разумникова (2006) выявила достоверные половые различия (в пользу мужчин) по оригинальности и количеству изображений в тесте «Круги» и оригинальности в ассоциативном тесте (табл. 9.5).

Таблица 9.5. Показатели креативности мужчин и женщин (баллы)

Группа	Креативность					
	Образная				Вербальная	
	оригинальность	гибкость	количество	интерес к выполнению задания	оригинальность	интерес к выполнению задания
Мужчины	3,7	9,9	21,1	5,8	7,9	5,1
Женщины	2,8	10,2	19,4	6,3	7,1	5,7
P <	0,000	н/д	0,0001	0,008	0,007	0,006

На показатели креативности влияет... соотношение внешней и внутренней мотивации, причем эта зависимость связана с выраженностью полоролевых стереотипов (Conti et al., 2001). В ряде исследований установлено, что внутренняя мотивация имеет более существенное значение в проявлении креативных способностей у женщин, чем у мужчин, у которых творческая продуктивность в большей мере стимулируется условиями соревнования (Geary, 1998; Hall, 1990).

Разумникова О. М., 2006, с. 106.

По данным О. М. Разумниковой и М. В. Прибытковой (2007), половые различия в уровне интереса к выполнению заданий были достоверны только для старшего возраста с более высокими значениями у девушек, хотя в показателях оригинальности различий не обнаружено ни в младшей, ни в старшей группе. При анализе гибкости образного мышления у детей 8–10 лет половые различия были

характерны только для теста «Круги»: девочки чаще использовали категории «животные» и «игрушки», а мальчики – «машины» и «оружие», В старшей группе (15–17 лет) эти различия были представлены шире и достоверны также для теста «Фигуры» с более высокой частотой встречаемости категорий «символ» и «машины» у юношей и «человек» – у девушек.

Н. В. Куприянова (2006) не нашла у младших и старших подростков различий в таких показателях креативности, как беглость и гибкость (табл. 9.6).

Таблица 9.6. Выраженность свойств креативности у подростков – мальчиков и девочек

Показатели	Мальчики, $M \pm \sigma$	Девочки, $M \pm \sigma$
Беглость аербальная	4,2 ± 1,78	4,3 ± 1,94
Беглость образная	3,0 ± 1,67	3,2 ± 1,75
Гибкость вербальная	1,5 ± 1,03	1,6 ± 1,14
Гибкость образная	2,2 ± 1,31	2,3 ± 1,36

В одних исследованиях (Forisha) выявлено, что креативная продуктивность коррелировала с маскулинностью, а креативные способности – с фемининностью, согласно данным других исследований (Jonsson, Carlsson, 2000), высокая креативность в большей степени присуща андрогинным, чем маскулинным и фемининным типам.

В исследовании Н. В. Куприяновой различия между маскулинными мальчиками и фемининными девочками найдены по вербальной и образной беглости, а по вербальной и образной гибкости различий не было выявлено.

9.8. Юмор и пол[1]

Восприятие юмора обусловлено наличием или отсутствием у человека «чувства юмора», являющегося интеллектуально-эмоциональной характеристикой человека. Во многих исследованиях изучались реакции мужчин и женщин на шутки. В своем обзоре по этому вопросу Лэмперт и Эрвин-Трипп (Lampert, Ervin-Tripp, 1998) отмечают, что в ранних исследованиях предполагалось, что мужчины чаще склонны шутить, подтрунивать, поддразнивать, в то время как женщины больше ведут себя как благодарные слушатели. Мужчины получают большее удовольствие от шуток и анекдотов на агрессивные и сексуальные темы, тогда как женщины получают удовольствие от «бессмысленного», нетенденционного юмора (Groch, 1974; Terry, Ertel, 1974; Wilson, 1975). Кроме того, и мужчины и женщины получают большее удовольствие от шуток, высмеивающих женщин, чем от шуток, объектами которых являются мужчины (Cantor, 1976; Losco, Epstein, 1975).

Однако по поводу многих из этих выводов были высказаны сомнения ввиду методических ошибок, допущенных при проведении исследований в лабораторных условиях. Отмечалось (Crawford, 1989; Martin, Kuiper, 1999), что шутки и рисунки – относительно искусственный источник юмора, отличный от юмора,

[1] При написании этого параграфа использованы материалы из книги Мартина Р. (2009, с. 179–182).

проявляемого в повседневной жизни. Использование шуток более характерно для мужчин, женщины же чаще рассказывают смешные случаи из своей жизни (Crawford, Gressley, 1991).

Кроме того, сексуальные и агрессивные шутки часто унижают женщин, поэтому неудивительно, что они не смеются над ними (Chaptman, Gatfield, 1976; Love, Deckers, 1989). Если же используются несексистские сексуальные шутки, как правило, гендерные различия в реагировании на них не проявляются (Hemmassi et al., 1994; Henkin, Fish, 1986; Prerost, 1983; Wilson, Molleston, 1981).

Изучение реакций мужчин и женщин на юмор в более естественных условиях (в повседневных разговорах, в дневниковых записях, при использовании вопросников) показало отсутствие различий в генерации юмора, в склонности смеяться над собой, получении удовольствия от рисунков и комиксов в газетах и журналах, а также от сексуального юмора (Grawford, Gressley, 1991). Однако мужчины испытывали большее удовольствие от грубых шуток и враждебного юмора и чаще использовали его. Женщины же сообщали о большем использовании забавных случаев из жизни.

По данным Дженнифер Хей (Hay, 2000), записывавшей домашние разговоры на магнитофон, женщины в 8 раз чаще мужчин используют юмор для достижения или поддержания сплоченности группы независимо от полового представительства. Мужчины чаще используют юмор, чтобы произвести впечатление на других, выглядеть веселыми и для создания собственного положительного образа. Поддразнивание несколько чаще наблюдалось в мужских группах, чем в женских.

9.9. Вербальные способности мужчин и женщин

Женское превосходство в вербальных, или лингвистических, функциях отмечается с младенчества до зрелого и старческого возраста (VcCarthy D., 1954; Terman L., Tyler L., 1954). В первой главе уже говорилось, что девочки в младенчестве начинают говорить на 2–4 месяца раньше мальчиков. В 18 месяцев девочки знают приблизительно 50 слов, мальчики же приобретают такой же запас слов лишь к 22 месяцам. Ф. Шахтер с соавторами (Schachter et al., 1978) выявили в детском возрасте различия между мальчиками и девочками (в пользу последних) в словарном запасе (девочки быстрее мальчиков запоминают и усваивают новые слова), речевой активности и ясности речи. Девочки используют предложения раньше мальчиков и проявляют тенденцию к более длинным и зрелым по своей структуре предложениям. Они быстрее продвигаются в обучении чтению. Артикуляционные способности девочек в первом классе сравнимы с такими же способностями мальчиков второго класса. В подростковом возрасте также было отмечено незначительное преобладание языковых показателей девушек в артикуляции, т. е. более четкое произношение ими звуков (O'Brien M., Nagle K., 1987).

Девочки в детском и подростковом возрасте имеют небольшое, но устойчивое преимущество над мальчиками при выполнении тестов на понимание прочитанного и беглость речи (Halpern, 1997; Hedges, Nowell, 1995).

Более высокий темп артикуляции у женщин по сравнению с мужчинами выявлен Е. М. Данилович (1982).

На вопрос, отличается ли мужская речь от женской, женщины в основном отвечают «нет», или если «да», то только скоростью и большим разнообразием бытовых тем. Что касается профессиональной речи... то она, по мнению как мужчин, так и женщин, не отличается. Чем старше мужчина, отвечающий на этот вопрос, тем чаще он говорит, что и в мужской и в женской речи нет никаких различий. То же показывают и совсем молодые информанты-мужчины (до 27 лет). В возрасте от 30 до 37 лет мужчины категорично говорят, что отличия в мужской и женской речи существуют, причем у них речь делится на «женскую» и «человеческую вообще».

Таирова Н. О., 2005., с. 157.

В одном исследовании языкового развития детей с IV по XII класс учащихся попросили написать сочинение на заданную тему, интересующую оба пола. Написанные за одно и то же время сочинения мальчиков оказались короче, количество использованных ими слов составило в среднем 83–86% от слов, использованных девочками (La Brant L., 1933). Девочки лучше выполняют такие задания, как завершение предложений и рассказов, они обладают большей скоростью чтения. В речи мальчиков преобладают слова, передающие действия, тогда как девочки (и женщины в целом) более склонны к использованию предметно-оценочных слов. Показателен в этом отношении эксперимент, проведенный с детьми 6–7 лет. Дети должны были свободно называть слова, которые считают «хорошими» и «плохими». «Плохими» словами у мальчиков были «не бегай», «не прыгай», «не лазай», а у девочек – «волк», «Баба Яга», «Кощей Бессмертный». «Хорошими» словами у мальчиков были «танкист», «летчик», «космонавт», а у девочек – «мамочка», «папа», «бабушка», «мир», «май», «родина».

Некоторые исследователи предлагают разделить паттерны речи, так же как и темы речи, на «женский» и «мужской» типы (Carli, Bukato, 2000; Tannen, 1999, 2000). Например, Робин Лэйкофф (Lakoff, 1975) отмечала, что женщины испытывают на себе языковую дискриминацию двух типов: 1) когда женщин обучают (?! – *Е. И.*) особым формам выражений, редко употребляющихся мужчинами, – это разделительные вопросы («не правда ли?», «да?», «ведь так?») и определители;[1] 2) сексизм проявляется в структуре языка: например, используются выражения с неравноценными коннотациями, такими как «хозяин» (англ. – «господин») и «хозяйка» (англ. – «любовница»).

Исследователи, изучающие языковые паттерны, отметили, что в целом речь женщины со стороны часто представляется невнятной и неубедительной, а слова мужчины, наоборот, кажутся понятными и убеждают (Tannen, 2000).

...Многие женщины в речи приводят длинные просьбы (Carli,1999): например, слова «пожалуйста», «будьте добры» или фразы типа «Я была признательна вам, если...». Женщины используют экспрессивные выражения: «Ты знаешь...», «Сейчас подумаю», «Ну...», «Да...». Женщины реже употребляют экспрессивные выражения в разговорах с другими женщинами, чем в беседах с мужчинами, – на основании таких данных можно сделать вывод о том, что женщинам приятнее общаться с другими женщинами, чем с мужчинами.

Палуди М., 2003, с. 221, 223.

[1] Определитель – слово или фраза, смягчающие смысл утверждения: «Я думаю, что это...» или «Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется...»

Все, что связано с нахождением словесных ассоциаций, решением кроссвордов, лучше представлено у мальчиков и мужчин. Например, Е. И. Степанова приводит данные о различиях между мужчинами и женщинами в быстроте и точности ассоциативных реакций на слова. В возрасте 18–19 лет быстрее и точнее реагировали мужчины. Правда, имеются и другие данные: Гордон и Ли (Gordon, Lee, 1986), а также Хайнс (Hines, 1990) обнаружили, что женщины по сравнению с мужчинами успешнее справляются с заданиями на поиск синонимов, демонстрируют большую вербальную гибкость.

Метаанализ 165 исследований не выявил гендерных различий в вербальном поведении при использовании как всех типов вербальных тестов, так и специальных тестов, таких как проверка словарного запаса, понимание текста при чтении и написание эссе (Хайд и Линн,1988). Однако эти исследователи обнаружили небольшие гендерные различия в пользу женщин в анаграммах и общих вербальных способностях; небольшие различия в пользу мужчин в аналогиях и умеренные различия в пользу женщин в речеобразовании.

Lips H., 2008, p. 225.

По данным М. А. Куцыревой (2004), у мужчин по сравнению с женщинами в речи значительно выше средний размер пауз и доля пауз, с возрастом снижается словарное разнообразие и увеличивается общее количество слов, коэффициент незаконченных предложений значительно ниже, чем у женщин. У последних выше, чем у мужчин, темпоральные характеристики речи.

А. Кирилина (1999) отмечает, что женщины чаще прибегают в обращениях к суффиксам для придания своей речи ласкательности, уменьшительности.

Нарушения речи чаще наблюдаются у мальчиков. Соотношение мужского и женского заикания колеблется от 2:1 до 10:1 (Schnell H., 1946, 1947). Среди неспособных к чтению мальчики составляют от 60 до 100% (Bennett C., 1938).

***

Итак, подведем некоторые итоги. Женщины превосходят мужчин в быстроте восприятия, в счете и беглости речи. Мужчины имеют некоторое преимущество в пространственной и временной ориентации, в понимании механических отношений и в математических рассуждениях (Levy J., Gur R. C., 1980; MacGee M., 1979; MacGlone J., 1980).

9.10. Половые различия в художественных и музыкальных способностях

Девочки дошкольного возраста рисуют, как правило, более детально, чем мальчики того же возраста (Gesell et al., 1940). В тесте оценки искусства Мак-Адори и тесте суждений об искусстве Мейера женщины превосходили мужчин на небольшую, но значимую величину (Barrett, 1950; Eurich, Carroll, 1931). В то же время в работе Е. Протро и Х. Перри (Prothro, Perry, 1950) таких различий по тесту Мейера найдено не было.

По слуховому различению и музыкальной памяти существенных половых различий не выявлено (P. Farnsworth, 1931). По тестам, в которых главной была эстетическая оценка музыкального произведения, лучшие результаты показывали женщины.

9.11. Половые различия в психомоторных качествах

Говоря о различиях мужчин и женщин в способностях, современные психологи упирают на тот факт, что достоверными являются только различия в способности к ориентированию в пространстве, математических способностях и речевых, часто упуская из виду, что такими же достоверными являются и различия по ряду психомоторных способностей. Между тем еще А. Гезелл со своими сотрудниками (Gesell et al., 1940) показал на детях дошкольного возраста преимущество мальчиков в телесной ловкости; мальчики с большей скоростью и меньшими ошибками проходили по ряду узких досок, они превзошли девочек в точности и дальности метания мяча. С другой стороны, девочки обладают большей ловкостью рук, это, в частности, проявляется в том, что они раньше начинают сами одеваться. Та же ловкость девочек проявляется при мытье рук, поворачивании дверных ручек, застегивании пуговиц и завязывании бантов.

Сила мышц. Мышечная сила у лиц мужского пола больше, чем у лиц женского. Это зависит от того, что в организме мужчин содержится больше андрогенов, влияющих на активную (мышечную) массу тела. Мышечная же масса влияет на проявление силы. Общая мышечная сила у женщин составляет примерно 2/3 силы мужчин.

Влияние гормонального фактора на половые различия в силе мышц можно видеть и в том, что до периода полового созревания (в возрасте 8-10 лет) сила кисти мальчиков и девочек существенно не различается (у мальчиков она больше лишь на 1-3 кг). Но уже в 13 лет это различие увеличивается до 7 кг, а в 16 лет — до 15 кг. К 25 годам разница между силой кисти мужчин и женщин достигает 26,5 кг (Ильин Е. П., 1958) (рис. 9.9). По данным канадских ученых (Smoll F., Schnutz R., 1990), с 9 до 17 лет мышечная сила вырастает у мальчиков на 160%, а у девочек — только на 37%.

По данным Ю. М. Уфлянда (1965), половые различия в силе для различных мышечных групп существенно разнятся. Сила мышц, сгибающих руку в локтевом суставе, у женщин в среднем ниже, чем у мужчин, в 2 раза. По становой силе различия составляли только 40%, а по другим мышечным группам — и того меньше (20-25% в пользу мужчин). Это может указывать на большую роль бытовой и профессиональной деятельности в развитии силы у мужчин, чем у женщин.

Данные свидетельствуют о том, что наибольшие различия между мужчинами и женщинами (в пользу первых) наблюдаются в силе мышц верхних конечностей и туловища. Например, по данным Л. А. Головей и Н. А. Грищенко (1976) становая сила мужчин в возрасте 19–26 лет составляет 120–130 кг, а женщин только 58–78 кг. В то же время по силе мышц ног различия между мужчинами и женщинами значительно меньше, что связывают с постоянной бытовой тренировкой женщинами этих мышц при ходьбе, беге и т. п.

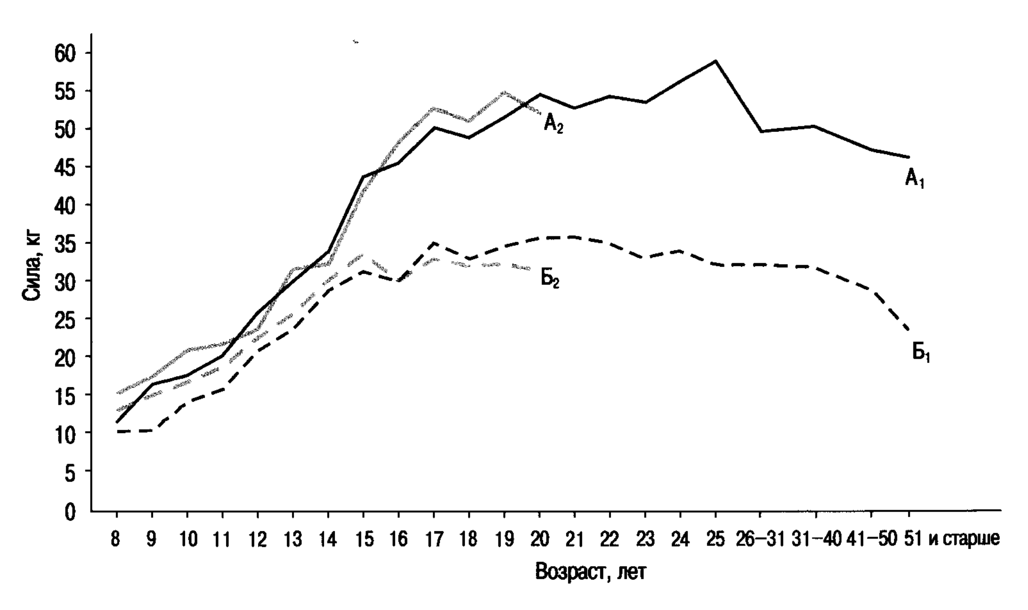

Рис. 9.9. Мышечная сила кисти у лиц мужского и женского пола. А – данные лиц мужского пола; Б – данные лиц женского пола. $А_1$ и $Б_1$ – данные середины 1950-х гг. (Ильин Е. П.); $А_2$ и $Б_2$ – данные середины 1980-х гг. (Анчугин Б. А.)

Скоростные показатели. Скорость движений у мужчин тоже больше на 15–30% (Костанян А. О., 1962; Henry F., 1960; Klecka D., Minarik L., Novosadova I., 1960). Несколько больше у мужчин и максимальная частота движений (Букреева Д. П., 1955; Данилович Е. М., 1982), хотя эти различия, по данным Й. М. Янкаускаса (1972), отчетливо проявляются лишь в возрасте 17–22 лет (рис. 9.10).

В эксперименте М. И. Семенова (1972) испытуемым предлагалось на таблице Анфимова в течение 9 минут как можно быстрее зачеркивать подряд каждую букву движением карандаша сверху вниз налево. Оказалось, что как по максимальному темпу работы (за первые 15 секунд), так и по ее общему объему (количеству зачеркнутых букв за все время работы) преимущество имели девочки (табл. 9.7 и 9.8).

Латентный период простых и сложных двигательных реакций согласно большинству авторов (Henry F., 1960; Айрапетян М. А., 1968; Семенов М. И.,

Таблица 9.7. Максимальный темп работы у мальчиков и девочек при различной выраженности внешнего баланса

Типологические особенности	Темп работы (кол-во движений)	
	Мальчики (n = 57)	Девочки (n = 53)
	$M \pm m$	$M \pm m$
Преобладание возбуждения	36,7 ± 1,3	41,5 ± 1,5
Уравновешенность	38,1 ± 0, 9	42,4 ± 1,0
Преобладание торможения	32,7 ± 1,0	37,0 ± 0,9

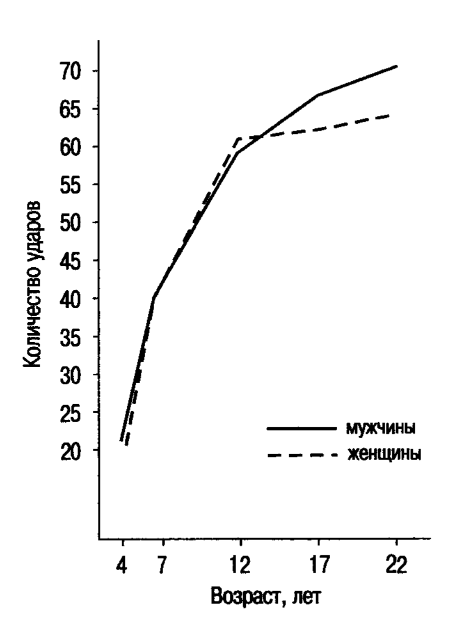

Рис. 9.10. Максимальная частота элементарных движений (количество ударов за 10 с) у лиц мужского и женского пола (по Янкаускасу Й. М.)

Таблица 9.8. Объем выполненной работы за 9 минут у мальчиков и девочек при различной выраженности внешнего баланса

Типологические особенности	Количество зачеркиваний за 9 минут	
	Мальчики	Девочки
	M ± *m*	*M* ± m
Преобладание возбуждения	867 ± 27	915 ± 25
Уравновешенность	871 ± 15	926 ± 23
Преобладание торможения	728 ± 25	811 ± 22

1972; Пейсахов Н. М., 1974) короче у мужчин, причем независимо от возраста и вида сигнала (рис. 9.11) и от того, какой нервный процесс у них преобладает (табл. 9.9).

Таблица 9.9. Латентный период зрительно-двигательной реакции у мальчиков и девочек 13–15 лет с различными типологическими особенностями по внешнему балансу (по Семенову М. И., 1972)

Типологические особенности	Латентный период, м / с	
	Мальчики (*n* = 57)	Девочки (*n* = 53)
	M ± *m*	*M* ± *m*
Преобладание возбуждения	160 ± 2,0	174 ± 2,0
Уравновешенность	172 ± 1,7	190 ± 2,3
Преобладание торможения	186 ± 2,7	218 ± 2,6

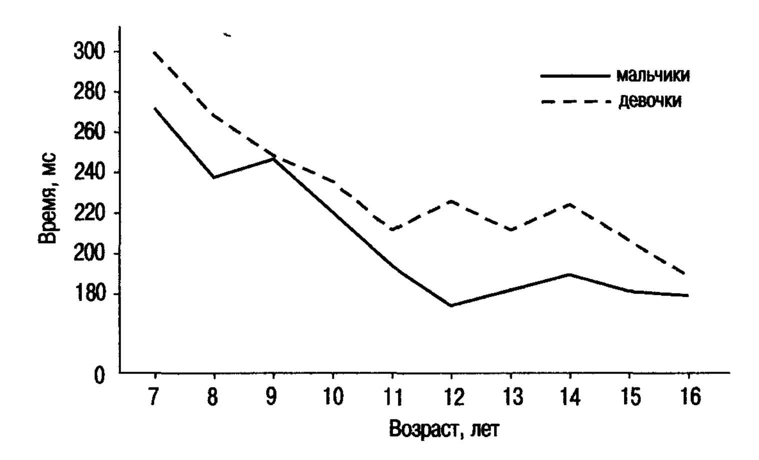
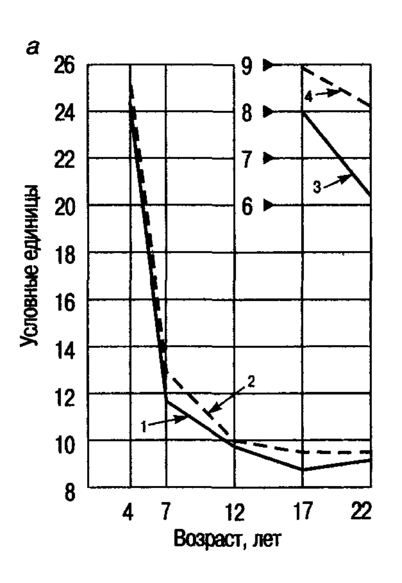

Рис. 9.11. Время простой реакции мальчиков и девочек на словесный сигнал (Айрапетян, 1968 М. А.)

При изучении латентного времени напряжения (ЛВН) и расслабления (ЛВР) мышц с помощью электромиографии В. Л. Федоров и Й. М. Янкаускас (1972) выявили, что ЛВН короче во всех возрастных группах у лиц мужского пола, а ЛВР короче во всех возрастных группах у лиц женского пола (рис. 9.12).

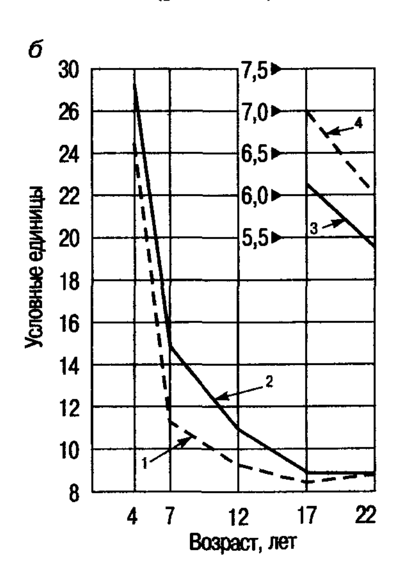

Рис. 9.12. Изменение с возрастом латентного времени напряжения мышц (*а*) и латентного времени рассяабления мышц (*б*) (по Янкаускасу Й. М.). 1 – мужчины, 2 – женщины, 3 – спортсмены, 4 – спортсменки

По данным А. И. Фатеевой (1976), в возрастной группе 8–9 лет различий между мальчиками и девочками по времени простой двигательной реакции нет. Но уже в 11–12 лет это время меньше у мальчиков.

И. В. Грошев (2000) выявил, что с возрастом половые различия по времени двигательной реакции увеличиваются: у 14-летних школьников время двигательной реакции короче, чем у школьниц, на 12 м /с, у 15-летних — на 18, у 18-летних — на 16 м / с. Для словесной реакции, наоборот, разница между мальчиками и девочками уменьшается и равна в 14, 15 и 18 лет соответственно 55, 30 и 19 м / с.

А. И. Фатеева обнаружила, что девочки 9–12 лет в реакциях на движущийся объект чаще запаздывают по сравнению с мальчиками.

Координационные показатели. Точность воспроизведения амплитуды и усилий и дифференцирования усилий, по данным многих авторов, оказывается одинаковой у мужчин и женщин (Беляев И. Г., 1960; Ильин Е. П., Семенов М. И., Семенов Н. М., 1967; Семенов М. И., 1964 (рис. 9.13); Тамбиева А. П., 1961). Не выявлено различий в точности оценивания временных отрезков (Лаптев А. П., 1967).

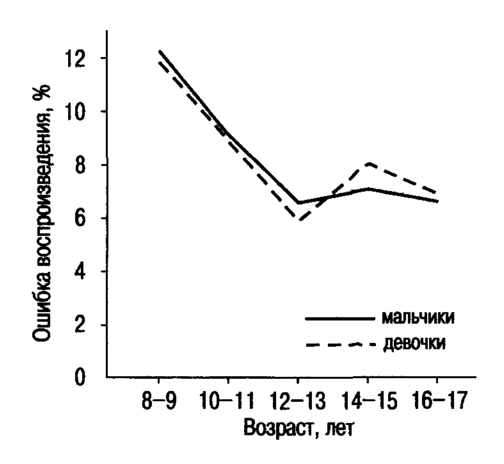

Рис. 9.13. Точность воспроизведения амплитуды движений мальчиками и девочками

По ряду координационных показателей женщины превосходят мужчин. Так, у женщин меньше тремор рук (Розе Н. А., 1968; Скрябин Н. Д., 1974), выше способность выполнять мелкие ручные операции, требующие одновременного проявления точности и быстроты (Мюллер Е., Хеттингер Т., Розе Н. А., 1968; Мацак И., Безак Й., 1973). Они быстрее проходят лабиринт в графической пробе и с меньшим количеством ошибок (Розе Н. А., 1968). По данным В. А. Якунина (1968), при попадании правой и левой рукой в центральную точку меньшее отклонение допускали лица женского пола.

По данным А. И. Козлова (1962), до периода полового созревания координационные способности были выше у девочек, а после этого периода — у мальчиков (рис. 9.14). Л. П. Сергиенко и В. П. Кореневич (1990) подтвердили, что девушки 14–15 лет обучались двигательному упражнению медленнее, чем юноши того же возраста. А. И. Винокуров тоже нашел, что у женщин меньше ловкость.

Почерк мужчин и женщин. Женский почерк обычно более «правильный», красивый, стандартный, симметричный, элементы букв ближе к тем, что приводятся в школьных прописях. Почерк мужчин более неравномерный, размашистый,

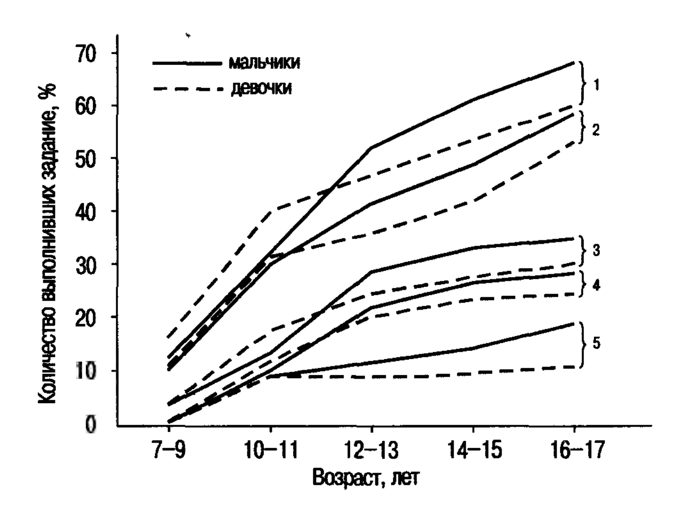

Рис. 9.14. Координационные способности у школьников разного пола. 1–5 – номера упражнений на координацию

индивидуально-оригинальный, иногда с элементами недописанных букв, менее похожий на принятые стандарты.

Как отмечает И. Моргенштерн (1996), «женские почерки отличаются от мужских тем, что имеют центростремительное направление, тогда как у мужских почерков оно центробежное. Буквы женских почерков дугообразны, иногда тверды, густы, иногда миниатюрны, тонки, объемны, с широкими расстояниями между ними, напыщенны. При хорошем интеллектуальном развитии женщины у нее бывает плоский, широкий, криволинейный почерк, с падающими вперед нажимами. Очень мелкий, бледный почерк характерен для женщин, страдающих мигренями, хилых и нервных. В особенности выразительны буквы *е*, *м*, *б*, *в* подвижностью почерка и наклоном вправо, а также закруглением внутренних стенок» (с. 117).

Выносливость. Разноречивые данные получены авторами в отношении выносливости мужчин и женщин. При удержании усилия, равного половине максимальной силы для каждого пола, выносливость тех и других одинаковая (Ильина М. Н., 1974; Розенблат В. В., 1961; Черник Е. С., 1962). Правда, соревновательный мотив в большей мере увеличивал выносливость лиц мужского пола, чем женского (Ильина М. Н., 1974). При нагрузке больше половины максимальной силы (60–75%) выносливость выше у лиц мужского пола (Бирюкович А. А., Король В. М., 1962; Черник Е. С., 1962). В моем исследовании это подтвердилось; кроме того, было выявлено, что при малой нагрузке (25% от максимальной силы) выносливость в удержании усилия была больше уже у женщин. Аналогичные данные получены Н. А. Розе (1968), правда, она задавала 1/3 максимального усилия.

Такая же неоднозначная динамика онтогенетического развития у лиц мужского и женского пола выносливости в зависимости от интенсивности работы выявлена в исследовании В. Г. Федотовой (1975). Так, выносливость к работе с интенсивностью 90% от максимальной у женщин и мужчин непрерывно растет от 11 до 22 лет, причем у мужчин более высокими темпами. Характер возрастного разви-

тия выносливости к работе с интенсивностью 70% от максимальной у женщин и мужчин различен: в то время как у женщин наблюдается относительно равномерное ее повышение во всех возрастах, у мужчин оно статистически достоверно лишь после 15 лет. Динамика возрастного развития выносливости к работе с интенсивностью 60% от максимальной совершенно иная. У мужчин значительное ее развитие наблюдается с 10 до 18–19 лет, после чего происходит стабилизация. У женщин отчетливое повышение выносливости к данному виду работы отмечено лишь после 15–16 лет.

Если различия между лицами мужского и женского пола в абсолютной и относительной силе не учитываются (что наблюдается при выполнении естественных движений), то обнаруживается большая выносливость лиц мужского пола. Так, по данным Е. С. Черника выносливость мальчиков в удержании позы в висе и в упоре была больше, чем у девочек, причем эти различия начинают отчетливо проявляться с 6–7 лет. И это не случайно, так как именно в этом возрасте в организме наблюдается первый выброс в кровь андрогенов, влияющих на рост мышечной силы.

Преимущество мальчиков разного возраста в статической выносливости мышц туловища выявлено М. Е. Клюевым (1975) (табл. 9.10).

Таблица 9.10. Статическая выносливость (с) мышц туловища у мальчиков и девочек разного возраста

Возраст, лет	Пол	Количество детей	Мышцы спины	Мышцы живота	Мышцы правой стороны туловища	Мышцы левой стороны туловища
7–8	Мальчики	93	167	41	64	69
	Девочки	84	155	41	60	64
9–10	Мальчики	154	199	37	67	67
	Девочки	141	179	36	60	66
11–12	Мальчики	276	223	51	99	97
	Девочки	250	212	43	82	86
13–14	Мальчики	201	222	68	108	108
	Девочки	244	221	44	86	99
15–16	Мальчики	77	269	76	98	105
	Девочки	95	197	54	66	74

По данным Л. Г. Евсеева (1977), уже в возрасте 9–10 лет мальчики превосходят девочек в аэробной выносливости.

Тонус мышц и способность к расслаблению. По моим данным (Ильин, 1961), мышечный тонус как покоя, так и напряжения выше у мужчин, чем у женщин. Способность к дополнительному (из состояния покоя) произвольному расслаблению мышц также выше у лиц мужского пола, однако раньше эта способность начинает проявляться у лиц женского пола, поскольку она связана с началом периода полового созревания, который у девочек наступает раньше (рис. 9.15).

Гибкость. А. И. Винокуров (1996) выявил, что у женщин гибкость выше, чем у мужчин. Вероятно, одной из причин этого может быть меньшее напряжение мышц в покое у женщин.

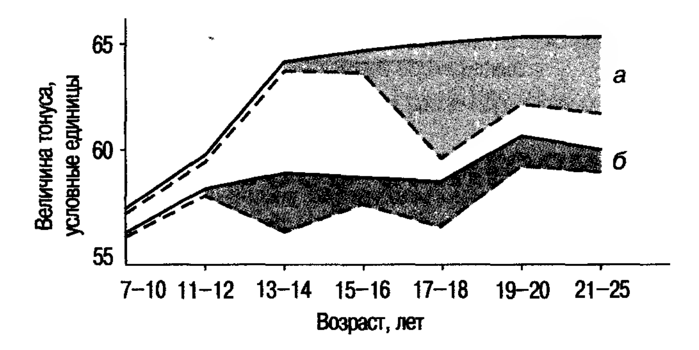

Рис. 9.15. Мышечный тонус покоя и произвольное расслабление мышц у лиц мужского (*а*) и женского (*б*) пола. Сплошная линия – тонус покоя, пунктирная – тонус расслабления

Роль генетических факторов. В ряде исследований отмечались случаи различного влияния генетических факторов на физическое развитие и проявление двигательных качеств у мужчин и женщин. Детальное изучение этого вопроса Л. П. Сергиенко (1980) показало, что у женщин генетическое влияние проявляется сильнее, чем у мужчин. Это же выявлено им и в отношении антропометрических показателей тех и других. Автор отмечает, что это согласуется с гипотезой Б. А. Геодакяна, согласно которой женщина выступает как «хранительница» признаков вида (или, у человека, — популяции), а мужчина осуществляет функции модификации для образования новых приэнаков вида.

Интересно, однако, что, по данным М. Ф. Сауткина (1980), ни длина тела матери, ни возраст наступления у нее половой зрелости не оказывают существенного влияния на физическую работоспособность дочери. В то же время рост отца оказывает положительное влияние на ее физическую работоспособность.

***

Подытоживая, можно отметить, что наиболее четко различия между мужчинами и женщинами обнаруживаются по психомоторным способностям, по пространственному воображению и математическим способностям (в пользу мужчин), по вербальным способностям (в пользу женщин). При этом отмечается, что существующие различия в интеллектуальной сфере оказываются весьма несущественными и часто не превышают 5–10%, а в 90% распределения мужской и женской выборок совпадают (Maccoby, Jacklin, 1974; Pleck, 1978; Halpern, 1986; Ruble, 1988б; Hyde, 1991). Впрочем, больших различий ожидать и не приходится, и мужчины и женщины — представители одного вида животных. Но небольшие различия в проявлении какой-либо функции могут приводить к существенным различиям в поведении. Мною уже отмечалось, что различия между силой правой и левой руки не превышают 10%, а по другим психомоторным показателям и того меньше. Однако посмотрите, какое различие между руками возникает на поведенческом уровне: 90% людей предпочитают пользоваться правой рукой, а не обеими в равной степени. Таким образом, несущественные на первый взгляд различия в функциях, как в кинопроекторе, могут многократно усиливаться в поведении мужчин и женщин за счет предпочтения той или иной манеры, при выборе деятельности и т. д.

ГЛАВА 10

Личностные особенности мужчин и женщин

В литературе, посвященной гендерным проблемам, все чаще встречается мысль, что личности мужчин и женщин не различаются (Клецина И. С., 1998). Однако, с какой стороны ни подходи к этому вопросу — биологической или социальной, поверить в это трудно. Даже если в освоении гендерных ролей главную роль играет социализация, то это все равно не снимает вопроса о половой идентификации по многим признакам, следовательно, и о существующих, а не мифических личностных различиях между мужчинами и женщинами. Мужчины и женщины выучивают разные роли, которые отражают и их разное личностное развитие, включая выраженность (доминантность) тех или иных социальных потребностей, склонностей, привычек, ценностей, направленности личности. То, что эти различия незначительны, дела не меняет. Важно, что они есть, — это постоянно подтверждается в большинстве исследований, хотя некоторые феминистски настроенные исследовательницы считают, что коль скоро различия небольшие, то можно говорить, будто их вовсе и нет.

10.1. Моральное развитие мужчин и женщин

Имеющиеся данные о межполовых различиях в моральности весьма противоречивы. По некоторым данным, половых различий в моральных суждениях у детей младше 10 лет нет. С 10–12 лет, по данным Нэнси Айзенберг (Eisenberg, 1989), девочки дают ответы, более проникнутые заботой и состраданием, чем мальчики их возраста. Однако автор объясняет это не гендерными различиями, а тем, что девочки созревают быстрее мальчиков. В ответах юношей и девушек таких различий уже не обнаруживается.

Нами было проведено исследование по изучению межполовых различий в к отношении соблюдению нравственных норм делового поведения. Респондентам предлагались вопросы, содержащие ситуации морального выбора в деловой сфере при взаимодействии с четырьмя категориями людей: человек, которому я доверяю, которому не доверяю, который мне доверяет и не доверяет.

Респонденты выражали отношение к соблюдению таких нравственных норм, как терпеливость, принципиальность, правдивость, ответственность и справедливость.

В качестве респондентов выступили менеджеры различного уровня и наемные работники. Выборка составила 145 человек.

Обнаружены различия в готовности к терпимому отношению при деловом взаимодействии у мужчин и женщин. В частности, мелкие человеческие недостатки (если это не мешает окружающим) мужчины готовы терпеть чаще, чем женщины, даже если не доверяют этому человеку. Но если человек, которому не доверяют, является представителем другой национальности или исповедует другую религию, мужчины выражают меньшую готовность к терпимости, чем женщины. Таким образом, на терпимость личности больше влияют отношения недоверия, чем доверия.

В отношении к соблюдению норм принципиальности обнаружены значимые различия. В частности, на прощение серьезной ошибки в отношениях доверия чаще готовы женщины, чем мужчины. Более того, женщины чаще, чем мужчины, готовы простить ошибку человеку независимо от того доверяют они ему или нет.

В отношении к соблюдению норм правдивости обнаружены достоверные межполовые различия. Так, в отношении человека, которому они доверяют, мужчины достоверно чаще дают ответы, о том, что нередко нарушают официальные законы, дают взятки, «поступая, как все».

Обнаружены значимые межполовые различия в готовности к ответственному поведению. Например, если компаньон – человек, которому не доверяют, стал помехой делу, женщины достоверно чаще готовы «найти ему новое занятие, где он будет полезен». Также женщины чаще готовы предложить помощь человеку, который им не доверяет. То есть в отношениях недоверия женщины готовы проявлять ответственность чаще, чем мужчины. Мужчины же чаще, чем женщины, готовы проявлять ответственность в отношениях доверия. Так, в отношении человека, которому доверяют и который доверяет им, мужчины чаще готовы «брать ответственность на себя, если больше не кому».

Таким образом, в результате эмпирического исследования установлено, что существуют межполовые различия в отношении к соблюдению нравственных норм в зависимости от собственного и воспринимаемого доверия / недоверия личности.

Купрейченко А. Б., Табхарова С. П., 2007, с. 168.

По данным В. М. Погольша (1997), женщины имеют более высокие показатели по моральным установкам. С другой стороны, И. М. Никольская (2001) отмечает, что недобросовестность и безответственность, с точки зрения взрослых, чаще отличают девочек, чем мальчиков. С. М. Петрова (1995) выявила, что у девушек показатель нравственной мотивации ниже, чем у юношей. Кэрол Гиллиган (Gilligan, 1982), используя методику Л. Колберга, с помощью которой определяется уровень морального развития, обнаружила, что девочки и женщины обычно получают более низкие оценки за разрешение моральных дилемм, чем мальчики и мужчины. Однако К. Гиллиган считает, что это еще не указывает на более низкий уровень морального развития, просто девочки (и женщины) используют другие критерии для вынесения своих моральных суждений. Ведь мальчиков и девочек с детства учат ценить разные качества. Гиллиган считает, что существуют два разных типа морального рассуждения: один базируется на понятии абстрактной справедливости, а другой – на человеческих отношениях и заботе о ближнем. Первый тип характерен для мужского мышления, второй – для женского. Мужчины часто строят

свои рассуждения вокруг прав человека; женщины же рассматривают нравственные проблемы с точки зрения заботы о нуждах других людей. Однако и эти различия не являются абсолютными, так как многие женщины высказывают моральные суждения, руководствуясь приоритетом справедливости, а некоторые мужчины решают нравственные вопросы с точки зрения заботы о людях.

Ф. Г. Асадуллина и Д. В. Малюгин (2008) выявили половые различия при моральном выборе в ряде заданных ими ситуаций: можно ли применять к террористу любые методы допроса; пойдете ли вы на воровство еды, если нет другого способа удовлетворить голод в ближайшие день-два; согласны ли вы на применение эвтаназии в отношении близкого вам человека; пойдете ли вы на прерывание беременности; согласитесь ли на прослушивание вашего телефона, если это будет способствовать предотвращению опасных преступлений? Полученные результаты представлены в табл. 10.1.

При решении первых трех дилемм более решительными в нарушении моральных принципов оказались мужчины, а двух последних — женщины.

В истории взаимоотношения полов не было еще случая, чтобы женщина сама, без всякого внешнего давления, самокритично сказала: «К сожалению, в этом я была не права». Или: «Как показала практика, ты оказался ближе к истине». Такое просто невозможно. И вовсе не потому, что самокритичность менее присуща женщинам, чем мужчинам. Скорее даже наоборот. Мужчинам в большей мере свойственно захлебываться от восторга и самообольщения.

Женское упорство в непризнании вины – тоже категория относительная. Вина или неправота, о которой идет речь, это не просто женская ошибка, упущение или необдуманный поступок. Это всегда залог в ее отношениях с мужчиной. И признать себя неправой – значит дать слишком большие козыри последнему в последующих играх. А на это женщина пойти не может. Таким образом, женщина не признает своей неправоты исключительно из педагогических соображений. Обычно в таких щекотливых ситуациях, прекрасно понимая свою неправоту, женщина не стремится с упорством, достойным лучшего применения, воевать за уже завоеванные позиции. Она либо неопределенно молчит и обходит стороной все, что касается этого больного вопроса, а если уж и вынуждена говорить, то высказывается в форме таких неопределенных модусов, что непонятно, кто прав, кто виноват. А если при этом вольно или невольно всплывает вина женщины, то в итоге все равно виновником оказывается, конечно, мужчина.

Курбатов В. И., 1993, с. 39.

Честность и ложь. Распространено мнение, выраженное еще Н. А. Бердяевым, что «женщины лживее мужчин, ложь есть самозащита, выработанная историческим бесправием женщины со времен победы патриархата над матриархатом» (1991, с. 79). О большей лживости женщин писал и О. Вайнингер (1996). С другой стороны, В. В. Знаков (1999) выявил, что лица женского пола считают себя более честными, чем лица мужского пола.

В более ранней работе (Знаков В. В., 1997) он показал, что важную роль в понимании неправды, лжи и обмана мужчинами и женщинами играют в разной степени сознаваемыми теми и другими механизмы психологической защиты. В общении женщины в большей степени, чем мужчины, обращают внимание на побудительные причины и последствия неправды, лжи и обмана. Они придают большее зна-

Таблица 10.1. Распределение выборов решения ряда дилемм лицами мужского и женского пола (процент случаев)

Дилеммы и группы опрошенных	Вариант ответа		
	Да	Нет	Отсутствует
Дилемма с террористом			
Мужчины	87,2	12,8	0
Женщины	74,2	25,2	0,6
Дилемма с воровством			
Мужчины	28,2	71,8	0
Женщины	15,5	83,9	0,6
Дилемма с эвтаназией			
Мужчины	42,3	51,3	6,4
Женщины	36,8	58,7	4,5
Дилемма с абортом			
Мужчины	55,1	38,5	6,4
Женщины	60,6	35,5	3,9
Дилемма с прослушиванием телефона			
Мужчины	52,6	46,2	1,3
Женщины	73,5	25,8	0

чение сокрытию и представлению в искаженном виде *мыслей* и *чувств*, чем фактов. Женщины обращают внимание на процессуальные, коммуникативные аспекты искажения и анализируют, можно ли морально оправдать совершивших их людей. Мужчины неправду, ложь и обман связывают в основном с искажением фактов. У мужчин смыслоразличительные признаки названных феноменов представлены когнитивным знанием и нравственной оценкой *результата* их воздействия на собеседников.

Как отмечает В. В. Знаков (1999), «проблема значительно усложняется и становится менее однозначной, если ее перевести в плоскость психологического анализа разных степеней осознания субъектом своего намерения солгать или обмануть. У некоторых женщин первоисточником обмана оказывается “маленькая неправда”, безобидное преувеличение, в основе которого лежит естественное и осознанное желание наилучшим образом представить себя в глазах собеседников. Существенную роль в этом, очевидно, играют механизмы психологической защиты. Вначале неправда требует самооправдания, обычно основанного на очень пристрастном и необъективном отражении социального окружения. Затем, переходя в привычку, становясь компонентом нравственного сознания личности, неправда нередко заменяется сначала полуосознаваемым, а потом вполне сознательным обманом и даже ложью (которым тоже подыскивается “разумное” самооправдание). В результате такая женщина может считать себя честным человеком, допускающим невинную ложь там, где, по ее мнению, без этого не обойтись. У мужчин ложь и обман чаще бывают ситуативными: они точнее могут описать ситуации, в которых лгут, и отчетливее осознают, зачем, с какой целью это делают. А посколь-

ку они знают обстоятельства, в которых нарушают известную им моральную норму, то критичнее женщин относятся к собственной честности. Следствие самокритичности — более низкие самооценки» (с. 204).

Женщины слишком не доверяют мужчинам вообще и слишком доверяют им в частности.
Г. Флобер

В. В. Знаков считает, что для женщин при определении сущности неправды, лжи и обмана наиболее субъективно значимым является не объективно достоверное знание, а *вера* в правильность своего понимания проблемы. Автор считает это естественным, потому что знание обычно характеризуют факты объективной действительности, а вера соотносится с мыслями, эмоциями — тем, что образует «эмоциональное поле» общения людей. Для женщин характерно возвращение к совершенным ими лжи и обману, переосмысление поступка, эмоциональные переживания, приводящие иногда к раскаянию. Большую роль в этом играет идентификация женщин с обманутым человеком, представление его мыслей, эмоций, что вызывает сопереживание ему. Все это способствует тому, что у женщин преобладает добродетельная ложь (В. В. Знаков, 1997).

В одном вопросе мужчины и женщины, безусловно, согласны между собой: и те и другие не доверяют женщинам.
Г. Менкен, американский сатирик

В отличие от женщин мужчины определяют сущность неправды, лжи и обмана через *знание*, рациональное осмысление их типичных признаков, а также вреда, причиняемого ими в общении. Поэтому решение о том, солгать или нет, принимается ими с учетом ряда моментов: особенностей человека, которого надо ввести в заблуждение, выгоды от этого, вероятности разоблачения и т. п. Основанное на знании понимание ситуации как бы защищает их от необходимости сильных эмоциональных переживаний в случае лжи и обмана.

Почему-то принято считать, что лживы именно женщины. Действительно, мы легко говорим неправду, однако это очень несущественная ложь. Мы опаздываем на свидание и придумываем на ходу достоверные объяснения, что сломался поезд метро и его долго чинили. Мы изобретаем правдивые истории, почему именно сегодня не можем пойти в театр с Петей, поскольку, если честно, уже договорились пойти на концерт с Пашей. Мы часто приукрашиваем правду, рассказывая об отношении к нам мужчин, о наших профессиональных победах. А еще мы говорим мужьям, что эта кофточка стоила всего пятьсот рублей, в то время как она обошлась нам в две с половиной тысячи. Короче, женщина лжет часто и охотно, но по мелочи. С целью сберечь мужские нервы.

Мужчина же в состоянии придумать себе «легенду» не хуже Штирлица. В ней будут родители-аристократы, Оксфорд, первый заработанный миллион, внезапное предательство друга, банкротство, алчная бывшая супруга, которой он оставил особняк и машину, а также многое другое. Я сама неоднократно сталкивалась с подобными гражданами и каждый раз крайне удивлялась, когда все оказывалось лишь плодом их воображения. Мне казалось, что так вдохновенно лгать нормальный человек не способен в принципе...

Увы, для многих представителей сильного пола ложь — это своеобразный уход от безотрадной действительности. Возможность показать себя в выгодном свете. Они придумывают свой

воображаемый мир, и единственным их благодарным слушателем оказывается женщина. Как говорил австрийский писатель Карл Краус: «Я долго остаюсь под впечатлением, которое я произвел на женщину...». Бывает, мужчины лгут, что называется, «из любви к искусству», а бывает, под этим кроются очень коварные цели.

Серова Е., 2001, с. 104–105.

Макиавеллизм. В ряде исследований показано, что макиавеллизм (пренебрежение моральными принципами ради достижения цели) выражен в большей степени у мужчин. Это подтвердилось и в исследовании Д. Б. Катунина (2005) на выборке в 525 человек. Однако данная закономерность проявилась только до 45 лет. Начиная с этого возраста женщины не менее охотно, чем мужчины, разделяют макиавеллиевские установки на взаимоотношения людей.

10.2. Агрессивность мужчин и женщин

Прежде всего нужно отметить, что агрессивность как свойство личности и агрессивное поведение (форма проявления агрессии) — разные вещи, хотя часто в психологической литературе их отождествляют. Агрессивность — это склонность к агрессивному реагированию при возникновении фрустрирующей и конфликтной ситуации. Агрессия же — это поведение человека в этих ситуациях. В данном параграфе речь пойдет только об агрессивности как свойстве личности. Агрессивное поведение лиц мужского и женского пола рассматривается дальше в параграфе 10.8.

По данным О. С. Баранник (1999), уже с дошкольного возраста наблюдаются половые различия в агрессивности. У мальчиков больше выражены враждебность, конфликтность; у девочек же этого возраста — тревожность и незащищенность.

Половые различия в агрессивности не являются достоверными до 2,5–3 лет, т. е. до возраств, к которому процесс половой типизации уже вполне успевает направить мальчиков и девочек по различным жизненным путям (Fagot, Leinbach, O,Boyle, 1992).

Какие социальные факторы могут быть задействованы в процессе, делающем мальчиков более агрессивными, чем девочки? Один из них – склонность родителей играть с мальчиками более грубо, чем с девочками, и энергичнее порицать агрессивные действия последних (Mills, Rubin, 1990; Parcke, Slaby, 1983). Кроме того, револьверы, танки, ракеты и другие символические орудия уничтожения, часто получаемые мальчиками, на законной основе вносят элементы агрессии в повседневную жизнь и способствуют развитию агрессивного поведения (Feshbach, 1956; Watson, Peng, 1992). В течение дошкольного возраста дети, следуя гендерным схемам, начинают рассматривать агрессивность как маскулинную характеристику, и к среднему детству мальчики в большей степени, чем девочки, ожидают, что агрессивные действия принесут им выгоду, и в меньшей степени ждут неодобрения за акты агрессии со стороны родителей или сверстников (Hertzberger, Hall, 1993; Perry, Perry, Weiss, 1989). Таким образом, хотя биологические факторы и могут иметь определенное значение, очевидно, что половые различия в агрессивности в значительной степени зависят от половой типизации и обусловленных половой принадлежностью различий в социальном научении.

Шэффер Д., 2003, с. 727.

П. А. Ковалев, подробно изучивший этот вопрос, выявил, что склонность к агрессии (агрессивность, конфликтность) во всех возрастных группах школьников и студентов (кроме VII класса) выше у лиц мужского пола по сравнению с лицами женского пола. Наблюдаются два пика повышения агрессивности: у мальчиков в 12 лет и 14–15 лет, у девочек — в 11 лет и 13 лет.

Тот факт, что агрессивность мужчин выше, чем у женщин, установлен во многих исследованиях, хотя некоторыми авторами это, казалось бы очевидное, положение оспаривается. Так, Т. Тигер (Tieger, 1980) на основе обстоятельного анализа данных заключает, что до 6 лет различий в агрессивности между мальчиками и девочками нет, и что появляющиеся в дальнейшем различия обусловлены полоролевым воспитанием. А. Фроди и Дж. Маколей (Frodi, Macaulay, 1977) тоже считают неверным мнение о большей агрессивности мужчин. Так, они пишут, что женщины, обладая более выраженной эмпатией, тревожностью и чувством вины, подавляют у себя открытое проявление агрессивности там, где мужчины ее проявляют. На самом деле женщины не менее склонны к агрессии, если расценивают свои действия как справедливые или чувствуют себя свободными от ответственности.

А. И. Винокуров (1996) тоже отмечает большую агрессивность и напористость женщин.

Из данных диссертационного исследования Е. И. Бережковой (2003) следует, что мальчики младшего школьного возраста более агрессовозбудимы, чем девочки. При предъявлении видеопродукции агрессивного содержания агрессивность мальчиков статистически достоверно возрастает, у девочек же это возрастание незначимо. При предъявлении стимульного материала у девочек эмоциональных изменений не наблюдалось, у мальчиков демонстрация конопродукции агрессивного содержания вызывала внешнеобвинительные протестные реакции, эмоциональную напряженность вплоть до тревоги, которую они пытаются скрыть демонстративностью поведения, готовностью к агрессии.

Отношение мальчиков и девочек к предъявлявшейся кинопродукции агрессивного содержания было тоже разным. Большинству мальчиков (61%) она нравилась, «потому что там дерутся». Большинство же девочек (56,6%) относились к этим фрагментам кинопродукции отрицательно. Негативная оценка у мальчиков объяснялась ими так: «страшно», а положительное отношение девочек — «смешно», «интересно».

Очевидно, что решение вопроса о том, кто более агрессивен — мужчины или женщины, во многом определяется видом агрессивности и тем, на кого она направлена. Например, Е. В. Козыревой (2002) показано, что в среднем склонность к аутоагрессии (направленной на себя) несколько больше выражена у женщин, чем у мужчин, а склонность к гетероагрессии (направленной на других) несколько больше у мужчин, чем у женщин. По данным М. К. Отомаровой (2002), у девушек установка на самообвинение выражена больше, чем у юношей, что подтверждает результаты исследования Е. В. Козыревой.

По данным Н. Ю. Жарновецкой (2007), лица мужского пола, как правило, воспринимают себя и воспринимаются окружающими обоего пола более агрессивными, чем лица женского пола. Лица мужского пола и окружающим приписывают большую агрессивность, чем женщины.

Конфликтность, включающая в себя подозрительность, вспыльчивость и обидчивость, выше оценивается у себя лицами женского пола.

Мстительность — это склонность человека к агрессии в отплату за причиненное зло. Изучение мстительности П. А. Ковалевым у школьников V–XI классов показало, что, во-первых, во всех возрастах мстительность у мальчиков выражена больше, чем у девочек, и, во-вторых, наибольшая мстительность у мальчиков наблюдается в возрасте 12 и 14–15 лет (рис. 10.1). У девочек существенной возрастной динамики мстительности не выявлено.

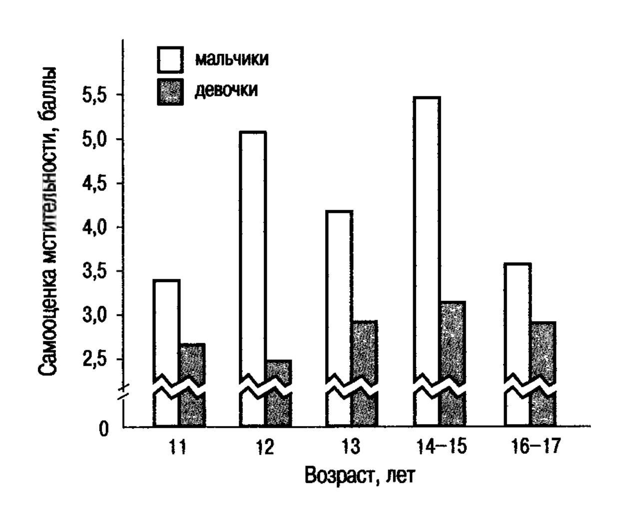

Рис. 10.1. Возрастная динамика мстительности

Девочки более склонны к проявлению скрытых форм враждебности, что выражается в пренебрежительном обращении с вызывающим антипатию человеком, в его игнорировании или в обесценивании его социального статуса или взаимоотношений с ним (Crick et al., 1997; Crick, Grotpetr, 1995).

10.3. Половые различия в конформности

В ряде работ показано, что конформность (готовность соглашаться с мнением других) у женщин выше, чем у мужчин (Сопиков А. П., 1969; Hartup W., 1958; Fagot B., 1978; Osman L., 1982). Это имеет следствием и различия в типе мотивации. В исследовании Л. Османа это было выявлено при наблюдении за тем, как мужчины и женщины переходят улицу на красный цвет сфетофора. Мужчины идут первыми чаще, чем женщины, однако женщины чаще нарушают правила вслед за более решительным нарушителем. Автор делает вывод, что женщины более податливы к требованиям, запрещающим нарушение правил, но одновременно более конформны к групповому давлению.

Даже в работах Игли (Eagly, Carly, 1981), на которые ссылается Ш. Берн, отрицая большую конформность женщин, половые различия в подверженности

внешнему влиянию, хотя и небольшие (но на статистически значимую величину), были обнаружены.

Мне кажется, что когда психологи-женщины пытаются отрицать *реальные* факты, они подсознательно имеют в виду, что наблюдаемые различия не предопределены природой, т. е. врожденных различий нет. Отсюда и противоречивость позиций в отношении половых различий. С одной стороны, их вроде бы нет, а с другой стороны, все же дается объяснение различиям, которые, как оказывается, все-таки есть. Это отчетливо проявилось у Ш. Берн при обсуждении вопроса о конформности. Вопреки первоначальному утверждению об отсутствии различий в конформности между мужчинами и женщинами, Ш. Берн далее дает объяснения имеющимся различиям и прямо пишет о меньшей конформности мужчин: «Этот факт может объясняться тем, что женщины — более "общественные" создания и, следовательно, стараются сохранить гармонию в группе и добрые чувства ее членов друг к другу (Eagly, 1978; Eagly and Wood, 1985). Другой причиной может быть то, что мужчины менее конформны из-за социальных норм, которые предписывают им быть независимыми и не поддаваться влиянию со стороны. Было обнаружено, что мужчины менее конформны в ситуации, когда они считают, что члены группы знают их мнение, чем тогда, когда они уверены, что другим их мнение неизвестно. На конформность женщин этот фактор не оказывал никакого влияния (Eagly et al., 1981)» (2001, с. 113). Игли склонна объяснять выявляемые различия в конформности мужчин и женщин их статусными различиями: в повседневной жизни мужчины стремятся достичь положения с высоким статусом и широкими полномочиями. Поэтому часто можно видеть, что мужчины оказывают влияние, а женщины поддаются. Это объясняет, по мнению Игли, тот факт, что в реальной жизни складывается впечатление о гораздо большем различии в степени повседневного конформизма полов, нежели выявляется в научных исследованиях, в которых мужчинам и женщинам отводится одинаковая роль.

В ряде работ западных психологов выявлено, что когда затрагивались женские темы, мужчины были более склонны к конформному поведению, чем женщины, и наоборот. Отмечается, что 79% исследований, в которых были обнаружены половые различия в пользу большей внушаемости женщин, осуществлялись мужчинами, а также то, что исследователи-мужчины обнаруживали более значительные различия, чем их коллеги женского пола, исходя из чего Игли и Карли сделали вывод, что ученые склонны излагать результаты своих исследований в таком виде, который бы польстил тому полу, к которому они сами принадлежат. Но если это и так, разве не может тот же упрек быть адресован и исследователям-женщинам?

Другое дело, что если эти различия обусловлены только социальными факторами, то при изменении последних могут исчезнуть и наблюдавшиеся различия. Так, Игли отмечает, что в исследованиях конформности, опубликованных до 1970 г., 32% указывают на большую подверженность влиянию у женщин, тогда как из 40 исследований, выполненных позже, лишь 8% обнаружили такие различия.

Уважайте и оберегайте женщин, носите их на руках, а на голову они и сами сядут!
А. Абу-Бакар, современный даргинский писатель

10.4. Половые различия в социальной активности

Е. Маккоби и К. Джеклин (Maccoby, Jacklin, 1974), проанализировав исследования о степени активности мальчиков и девочек, о стремлении их к достижениям и доминантности, отрицают наличие различий по этим параметрам и утверждают, что девочки не менее активны мальчиков, но сфера их активности иная.

Между тем, по данным Н. В. Боровской (2009), независимо от способа выявления ленивых людей (самооценка, экспертная оценка, рисуночный тест), их оказалось больше среди юношей, чем среди девушек (70,3, 70,3 и 76% — среди юношей и 55,4 ,35,4 и 34,5% — среди девушек).

Д. В. Колесов и Н. Б. Северова (1978) по поводу различного характера активности мальчиков и девочек пишут следующее: «Половые различия хорошо видны при анализе совместной со взрослыми деятельности детей разного пола. Предположим, отец выполняет какую-либо домашнюю работу технического характера. Дети разного пола и одинакового возраста, допустим 3–5 лет, в равной степени готовы помочь ему, но эта помощь и содействие будут выражаться по-разному. Дочь готова что-то принести, подать, подержать, ей достаточно участия в общем полезном деле. Сына же это не удовлетворит. Он обязательно будет стремиться схватить тот же инструмент и сам выполнить работу, подражая отцу в конкретных манипуляциях» (с. 26–27).

Таким образом, авторы подчеркивают, что дело не столько в количественных характеристиках активности мальчиков и девочек, сколько в качественных.

Это качественное различие в проявлении мужской и женской активности обнаруживается и у взрослых, особенно когда дело касается общественной и политической активности (см. параграф 13.3).

По данным Г. В. Залевского (1993), женщины более социабельны, чем мужчины. Они более готовы к сотрудничеству, компромиссам, перевоплощению, переключению полоролевых установок, они более податливы. Однако женщины больше, чем мужчины, опасаются нового, каких-либо перемен, т. е. чаще проявляют неофобические черты.

Психотизм. Г. Айзенк (Eysenck, 1992), Линн и Мартин (Lynn, Martin, 1997), Л. Френсис и П. Пирсон (Francis, Pearsons, 1993) выявили, что высокие оценки по шкале психотизма более характерны для мужчин, чем для женщин. Это значит, что мужчины более склонны к конфликтам и асоциальному поведению, а также к неадекватности эмоциональных проявлений.

10.5. Половые различия в толерантности

Как показано С. Д. Гуриевой (2001), предубеждение против лиц другой национальности (установки) у мужчин и женщин проявляются по-разному. У большинства женщин установка проявляется на эмоциональном уровне, а у мужчин — на когнитивном.

П. В. Павлова (2001) показала, что у мальчиков старших классов в 1,5–2 раза больше, чем у девочек, выражены этноэгоизм, этноизоляционизм и национальный

фанатизм. Это значит, что девочки более толерантно относятся к другим этническим группам: у них менее выражены неприятие к другим народам, стремление обособиться на своей национальной территории, чувство превосходства своего народа над другими.

10.6. Половые различия в стремлении к лидерству, доминантности, независимости

Б. Фагот (Fagot, 1978) и В. Хартуп (Hartup, 1958) пишут, что девочки по сравнению с мальчиками не стремятся к лидерству, потому что более боязливы и застенчивы, не уверены в своих силах, более конформны, легче подвергаются фрустрациям. Э. Игли с соавторами (1995) высказывают мнение, что мужчины являются инструментальными лидерами, а женщины — социальными.

Доминантность у женщин сопровождается независимостью от социальных условий, гетероагрессивностью, у мужчин же связана с зависимостью от мнения группы. Самостоятельность в принятии решений женщинами рассматривается как позитивное качество, связанное со свободой самопроявления в общении, мужчины же рассматривают ее не столь позитивно. Для них такая самостоятельность означает оторванность от группы, ожидание негативного отношения к себе, сверхконтроль.

Как показано В. М. Погольша (1997), мужчины значимо отличаются от женщин авторитарностью, склонностью к риску, догматизмом и автономностью; женщины же имеют более высокие показатели по импульсивности, отчужденности.

В исследовании П. Д. Рабинович и М. П. Нуждина (1987) было выявлено, что у мужчин выше эгоцентризм и стремление к лидерству, а также развитие второй сигнальной системы, а у женщин выше эмоциональный стресс, тревога, депрессия, эмоциональная лабильность и развитие первой сигнальной системы.

По данным Р. Бернрейтера (R. Bernreuter, 1938), мужчины более независимы, чем женщины, что может проистекать как от более низкой их невротичности, так и от завышенных самооценок. Сходные данные получены через много лет спустя А. И. Винокуровым (1996): мужчины более добродушны, социально свободны в поведении, самостоятельны, находчивы, предпочитают принимать собственные решения. Ю. Е. Кочнева и О. А. Шабалина (2000) тоже установили, что мужчины проявляют большую склонность к автономии.

Однако с возрастом характеристики мужчин и женщин могут трансформироваться: женщины становятся более настойчивыми и уверенными в себе, а мужчины — склонными к сочувствию и менее доминирующими (Lowenthal et al., 1975; Pratt et al., 1990).

В каузальной атрибуции успеха и неудачи включались гендерные и этнические отличия (см., например, Birenbaum, Kraemer, 1995). Женщины чаще приписывали успех внешним факторам, а неудачу – внутренним. Бец (Betz, 1993) приводит данные о том, что женщины чаще приписывают свои успехи везению, а неудачи – недостатку способностей. Успехи мужчин и неудачи

женщин приписывались личной предрасположенности; неудачи мужчин и успехи женщин чаще приписывались факторам окружающей среды.

Метаанализ исследований в данной области (например, Frieze, Whitley, Hanusa, McHugh, 1982) показал, что мужчины немного чаще приписывают успехи своим способностям, чем женщины, а женщины чуть чаще приписывают успех удаче.

Палуди М., 2003, с. 286

Локус контроля. Наличие большей у мужчин доминантности, независимости объясняет тот факт, что (как показано К. Муздыбаевым, 1983, и А. В. Визгиной, С. Р. Пантилеевым, 2001), наличие *внутреннего локуса контроля (интернальности)*, т. е. осознания себя как субъекта, способного влиять на внешние события, имеет для мужчины большую значимость, чем для женщины.

Показано (Kulas H., 1988), что с возрастом у мальчиков возрастает интернальность, а у девочек — экстернальность. По данным С. И. Кудинова (1998), интерналы разного пола по-разному проявляют свою высокую информационную потребность. Женщинам нужна вся информация, и не важно, актуальна ли она для них именно сейчас; они собирают сведения о мире, чтобы стать более компетентными в общении. Конечной целью их усилий обычно является признание их значимости в рамках референтной группы. Для мужчин важнее результат сам по себе — как веха личных достижений, имеющих ценность вне зависимости от мнения окружающих.

А. К. Канатов (2000) установил, что у мужчин во все возрастные периоды, исключая возраст старше 55 лет, уровень субъективного контроля несколько выше, чем у женщин того же возраста (табл. 10.2).

Таблица 10.2. Выраженность субъективного контроля у мужчин и женщин (баллы)

Пол	До 25 лет	26–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
Мужчины	5,8	5,4	5,4	4,4
Женщины	5,4	5,1	4,3	4,6

Способность оказывать влияние на других. В. М. Погольша (1997, 1998) показано, что женщины, способные оказывать влияние на других, отличаются от остальных женщин тем, что им присущи некоторые черты, традиционно считающиеся мужскими (догматизм, уверенность, саморегуляция), и слабо развиты «женские» — уступчивость, эмпатия. Влиятельные же мужчины отличаются от мужчин в целом тем, что им присущи определенные черты «фемининности» — доверие, невротичность, и слабо развиты некоторые «маскулинные» черты, например авторитарность.

Выявлены и различия между мужчинами и женщинами с низким влиянием. Женщины с низким личным влиянием отличаются от женщин с высоким и средним влиянием тем, что имеют самый высокий показатель удовлетворенности отношениями с близкими людьми, самоуважения, удовлетворенности жизнью. Мужчины с низким личным влиянием, напротив, меньше всех удовлетворены жизнью и отношениями с близкими людьми, у них самое низкое самоуважение.

Результаты исследования позволили В. М. Погольша считать, что ситуация с невлиятельными мужчинами более тревожна, чем с невлиятельными женщинами. Несмотря на имеющийся интеллектуальный потенциал, этим мужчинам труднее удаются компенсаторные формы влияния, они более остро переживают неудачи. Неудовлетворенность жизнью и отношениями с близкими им людьми усиливается за счет полоролевых стереотипов, предписывающих мужчинам быть независимыми, иметь более широкий, чем у женщин, круг влияния, не ограничивающийся семьей, и более высокий статус в деловой сфере. В социуме мужчинам предоставлены более широкие возможности для реализации личного влияния, что наделяет их большой ответственностью за свой социальный статус, провоцируя при неудаче развитие тревожности, снижение самоуважения и удовлетворенности жизнью.

В то же время социум, накладывая ограничения на сферы распространения женского влияния, способствует безболезненной адаптации женщин в современном обществе в случае отсутствия способности личного влияния.

10.7. Самооценки лиц мужского и женского пола

По данным ряда исследователей (Feingold, 1994; Kling et al., 1999), мужчины демонстрируют более высокую самооценку, чем женщины.

Однако вопрос о половых различиях в самооценке нуждается в более детальном рассмотрении. Его нужно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, какие положительные и отрицательные качества находят у себя мужчины и женщины, т. е. как они представляют свой образ Я, у кого он полнее, на чем делается акцент при его описании. Во-вторых, кто — мужчины или женщины — адекватнее оценивает себя.

Образ Я. Дж. Диксон и Дж. Стрит (Dixon, Street, 1975) отмечают, что образ Я мальчиков по процентному соотношению включенных в него характеристик уступает образу Я девочек и сопоставим с таковым тех девочек, кто моложе мальчиков на два года.

С. М. Петрова (1995) выявила, что при описании реального образа Я девушки оценивают свои коммуникативные и нравственные качества выше, чем юноши. В то же время при описании идеального образа человека вообще большую значимость этим качествам приписывают юноши. Творческий потенциал достоверно выше в группе юношей, а духовный потенциал выше у девушек, причем это касается как описания образа Я, так и образа идеального человека вообще.

> Девочки ощущают большую ценность своей личности для себя и для других, чем мальчики. Они предполагают, что способны вызывать глубокие чувства у других людей. Мальчики же испытывают отстраненность и безразличие к собственному Я, они не столь сильно заинтересованы своим внутренним миром. Вместе с тем они и в меньшей степени ожидают положительного отношения от других, но полагают, что лучше понимают себя, чем девочки.
>
> Андреева Е. Н., 2005, с. 34.

При описании своего психологического портрета девушки, согласно данным Н. Н. Киреевой и О. К. Карпухиной (2001), значительно чаще характеризуют свою эмоциональную сферу (вспыльчивая, отзывчивая, спокойная, веселая, жизнерадостная и т. д.), в то время как в ответах юношей чаще встречаются характеристики интеллектуальной и волевой сферы (ответственный, волевой, целеустремленный, настойчивый и т. д.).

По данным В. Н. Князева (1979, 1981), при субъективно определяемой значимости различных качеств личности обнаруживаются заметные различия между мужчинами и женщинами. У последних характеристики, в которых проявляется *отношение человека к другим людям*, на шкале ценностей занимают более высокое место, чем у мужчин. Они для женщин субъективно более значимы. Для мужчин же более значимы объекты, связанные с их работой.

Е. А. Шумилин (1982) выявил, что юноши в качестве положительных черт личности называют чаще всего такие, как «верен в дружбе», «не подвожу друзей», «помогаю в беде». У девушек на первом месте стоят чуткость к людям, правдивость, честность, общительность.

В. Е. Каган (1989) опрашивал школьников VII–X классов. Мальчики в качестве своих положительных характеристик отметили деятельность, добросовестность, энергичность, отзывчивость, честность, а в качестве отрицательных — непривлекательность, молчаливость, замкнутость, нелюдимость. Девочки в качестве положительных своих характеристик отметили обаяние, разговорчивость, открытость, общительность, энергичность, а в качестве отрицательных — безответственность, эгоистичность, черствость, несправедливость, неискренность.

Л. В. Макеева (2002) отмечает, что у девочек в структуре самооценки наряду с внешностью значимое место занимают нравственные качества — добросовестность, честность, дружелюбие, отзывчивость. В структуре самооценки мальчиков на протяжении всего подросткового периода главным качеством является общительность.

И. И. Вартанова с соавторами (2007) показали, что девочки младшего школьного возраста (учащиеся III класса) оценивают себя через привлекательные индивидуально-психологические качества, ориентируясь на положительного героя, а мальчики — с ориентацией на отрицательного героя: на кого не хотят быть похожими.

По данным А. В. Визгиной и С. Р. Пантилеева (2001), в самоописаниях женщины представляют себя через импульсивно-капризное «хочу» и «не могу», что соответствует женскому варианту инфантильного типа личности — капризного существа с приоритетом желаний и эмоций либо растерявшегося и беспомощного, нуждающегося в поддержке. Мужчины в видении себя больше ориентируются на «объективные» критерии: стремление следовать установленным социальным нормам, деятельностная вовлеченность, ориентация на успех.

У мужчин основанием для позитивной самооценки являются такие качества, как психическая уравновешенность, адаптированность, способность к самоконтролю, социабельность, моральность. У женщин позитивная самооценка связана не столько с наличием социально желательных черт, сколько с отношением к себе в целом.

Женщины, стремящиеся к социальному успеху, высоко оценивают свои деловые качества: практичность, организованность, предприимчивость, предусмотрительность, а мужчины – качества, необходимы общественному деятелю: интеллект, умение ладить с людьми, личное влияние (Кубышкина М. Л., 1997).

Отношение к похвале. Н. Н. Обозов отмечает, что существуют различия между полами в отношении к похвале и вознаграждению. Женщина испытывает потребность в том, чтобы ее работа была отмечена окружающими. Поэтому домохозяйки и женщины, находящиеся на пенсии, часто страдают от неудовлетворенной потребности в признании, невнимания членов семьи и недооценки их труда (Келам А., Эббер И., 1985).

Мужчина тоже любит похвалы за свой труд, но в то же время если он уверен, что выполнил работу хорошо, то высокое мнение о себе он будет иметь даже в том случае, если его работа не будет признана другими. Следовательно, мужчины более независимы в самооценках от мнения окружающих.

Адекватность самооценок. По поводу того, кто адекватнее оценивает себя – мужчины или женщины, исследователи не пришли к согласию. О. М. Мороз (1976) выявил, что юноши 16–17 лет дают в большинстве случаев завышенные самооценки; девушки оценивают себя либо адекватно, либо обнаруживают неадекватно заниженную самооценку. Однако Л. В. Ситников (2001) нашел, что по всем компонентам структуры Я-образа младшие мальчики более самокритичны, чем девочки, и отражают у себя больше негативных характеристик и меньше положительных.

Н. Н. Обозов (1995) считает, что мужчинам присуща объективность при оценке восприятия мира, в то время как для женщин характерны субъективность и впечатлительность, поскольку они больше ориентированы на свое состояние, настроение.

Об этом же говорят и данные исследования И. В. Тельнюк (1999): мальчики дошкольного возраста более критично оценивают результаты своей деятельности, у девочек же преобладает эмоциональная оценка своих результатов. Е. А. Шумилин (1982), однако, не обнаружил различий в склонности к самокритике между юношами и девушками.

Т. В. Архиреева (2007) указывает, что критическое отношение к себе у мальчиков базируется на их успеваемости и отношениях с учителем, у девочек – на отношениях с матерью и в меньшей степени – на успеваемости.

Самооценка личности. Исходя из данных, представленных в статье З. Н. Лукьяновой (1989), можно сделать вывод, что студенты мужского пола при оценке себя как личности дают более диаметральные оценки, чем студенты-женщины: у первых больше как высоких, так и низких самооценок (табл. 10.3).

Таблица 10.3. Самооценки личности (количество лиц, процент)

Группы	Высокая		Низкая	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
VIII класс	26,0	25,0	18, 0	14,7
X класс	34,7	29,7	16,3	19,0
Студенты	47,3	42, 7	24,7	16,7

По данным Н. Герасимовой (1998), самооценки мужчин в возрасте 20–25 лет более высокие, чем у женщин того же возраста.

В работе Т. Н. Курбатовой и Я. В. Куус (2001) выявлено, что русские женщины выше, чем мужчины, оценили у себя выраженность таких особенностей личности, как самоуверенность, отраженное самоотношение, самоценность, самопринятие, самопривязанность. По другим характеристикам (закрытость, саморуководство, самообвинение, внутренняя конфликтность) половые различия были весьма незначительными.

Несколько иные данные получены при опросе народов Севера. У женщин более высокие самооценки, чем у мужчин, были только в отношении самоценности, самопринятия и внутренней конфликтности; у мужчин самооценки были более высокими, чем у женщин, в отношении закрытости, самоуверенности, саморуководства, отраженного самоотношения. Таким образом, этнос вносит коррективы в самоотношение и самооценки.

Самооценка внешности. К. Муса и М. Роуч (Musa, Roach, 1973) провели исследование, в котором старшеклассники должны были сравнить свою внешность с внешностью сверстников. Выяснилось, что юноши на 10% чаще, чем девушки, оценивали свою внешность выше, чем внешность сверстников, а девушки несколько чаще, чем юноши, оценивали свою внешность ниже, чем внешность сверстников. Юноши в целом были больше удовлетворены своей внешностью, чем девушки.

В. Л. Ситников (2001) также показал, что мальчики оценивают свои телесные характеристики существенно выше, чем девочки, и придают своему физическому Я большое значение, не меньшее, чем девочки.

Е. В. Боченкова (2000), использовав опросник «Самоописание физического развития», выявила, что самооценка юношей носит завышенный, нереалистичный характер. Они по девяти исследуемым признакам более высоко оценили себя по сравнению с девушками, что, как полагает автор, не соответствует реальной картине. Девушки выше оценили свой внешний вид и дали более высокую общую самооценку.

Большая разноречивость получаемых данных, вероятно, зависит от используемой методики, от оцениваемых качеств, от возраста испытуемых

Самооценка возраста. Т. Ю. Филимоненко (1999) показала, что достоверные среднегрупповые отличия в переживании своего возраста мужчинами и женщинами отсутствуют. В то же время мужчины по всем показателям продемонстрировали более высокие отклонения субъективного возраста от паспортного, чем женщины. Перечни психологических факторов, влияющих на самооценку субъективного возраста, в мужской и женской выборках существенно расходятся и отражают специфику самовосприятия, обусловленную половой принадлежностью.

Для мужчин факторами, повышающими субъективный возраст, являются психологическая фиксированность на внутреннем мире в ущерб внешнему, а также недостаточное развитие словесно-логического компонента в структуре общего интеллекта. Для женщин такими факторами являются преимущественно отрицательные психофизиологические состояния.

Самооценка профессионализма. С. А. Гаранин (1993) изучил этот вопрос на учителях физической культуры. Волевые качества и уровень своих физических

кондиций, эрудированность, логическое мышление, быстрое схватывание сути дела, концентрацию внимания, находчивость и уверенность, принципиальность, а также педагогическую направленность выше оценивают мужчины, уровень сформированности у себя умений, распределение и переключение внимания, память на лица, эмоциональность речи, правдивость, требовательность к себе и другим — выше оценивают женщины. Женщины выше оценивают и свои успехи в работе.

Самоуважение. У девочек 6–7 лет, по данным Я. И. Михайловой (2001), общая высокая самооценка встречается чаще, чем у мальчиков того же возраста (соответственно 73 и 50%). Однако позже эти соотношения могут меняться. Как отмечает Г. Крейг (2000), многие девочки выходят из отрочества с ущербным Я-образом, сравнительно низкими ожиданиями в жизни и гораздо меньшей уверенностью в себе и своих способностях, чем мальчики. Когда у девочек 15–16 лет возникают проблемы с учебой, они чаще склонны обвинять себя, тогда как мальчики объяснили бы неудачу «ненужностью» предмета. Такое снижение самоуважения, отмечаемое у трети девушек, имеется и у юношей, но оно выражено меньше.

По данным М. К. Омаровой (2002), у юношей выше самооценки по шкалам «интегральное самоотношение», «самоуважение», «аутосимпатия». Более высокие самооценки по шкале «аутосимпатия» у мужчин выявлены и Ю. Е. Кочневой и О. А. Шабалиной (2000). Небольшое, но статистически значимое различие обнаружено в самоуважении в пользу мужчин (Kling et al., 1999). При этом мужчины добиваются самоуважения, занимая активную жизненную позицию, а женщины — ориентируясь на групповые (социальные) ценности. Аналогичные данные получены А. Л. Лебедевой (2009) и А. Н. Фиц (2008). Последним исследователем выявлены статистически достоверные различия между девушками и юношами по показателям самоуважения и самопринятия. Юноши в большей степени, чем девушки, ценят свои достоинства и принимают себя такими, какие они есть.

***

Выявлена связь личностных черт взрослых с теми характеристиками, которые были у них в детстве. Самыми устойчивыми у мужчин оказались такие черты как интеллектуальные интересы, изменчивость настроения (нейротизм), готовность примириться с неудачей, высокий уровень притязаний, а у женщин — настойчивость, эстетическая отзывчивость, жизнерадостность, желание дойти до пределов возможного (Кон И. С., 1987).

10.8. Проблемная нагруженность лиц мужского и женского пола

Удовлетворение человеком своих потребностей не всегда осуществляется гладко. В связи с этим у людей возникают некоторые проблемы. «Сензитивным» проблемным периодом в жизни человека считается подростковый возраст.

Проведенные под руководством Л. А. Регуш исследования показали существование половых различий в проблемной озабоченности младших и старших подростков. Озабоченность девочек 12–13,5 лет школой, будущим, отношениями со сверстниками и с другим полом, собственным Я была выше, чем озабоченность мальчиков того же возраста (правда, различия достоверны лишь по озабоченности собственным Я). Не было различий в этой возрастной группе во взаимоотношениях с родителями и в отношении свободного времени (табл. 10.4). У подростков 14–16 лет большая озабоченность девочек, чем мальчиков, была уже по всем изучавшимся сферам жизни (различия достоверны по всем проблемным областям).

Таблица 10.4. Средние значения (баллы) проблемной озабоченности девочек и мальчиков по результатам опроса 2001 г. (Регуш Л. А., Лихтарников А. Л., 2005)

Области проблем	Возраст 12–13,5 лет		Возраст 14–16 лет	
	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики
Школа	2,48	2,38	2,47	2,27
Будущее	3,07	2,89	3,12	2,79
Родительский дом	2,79	2,82	2,78	2,65
Отношения со сверстниками	2,71	2,53	2,76	2,52
Свободное время	2,52	2,55	2,53	2,43
Отношения с другим полом	2,53	2,38	2,44	2,23
Собственное Я	2,51	2,28	2,40	2,22

Аналогичные данные получены на подростках 14–16 лет Е. Н. Андреевой (2005).

Изучение проблемной нагруженности старшеклассников обоего пола С. Л. Красниковой (2004) показало, что нагруженность в сферах своего будущего, отношений с родителями, в установлении и поддержании дружеских контактов, во взаимоотношениях с другим полом, в связи с дефицитом времени, в самопринятии выражена больше у девушек, чем у юношей. Особенно заметны эти различия в плане проблем, связанных со свободным временем и отношениями с противоположным полом. В сфере проблем, связанных со школой (отношение к школе, учителям, одноклассникам, неспособностью справиться с учебной нагрузкой) различий между юношами и девушками практически не было. Большую нагруженность девушек автор связывает с большей их тревожностью.

10.9. Различия мужчин и женщин в проявлении волевых качеств

Смелость. По данным Н. Д. Скрябина (1974б), среди лиц мужского пола, начиная с возраста 11–12 лет, смелых больше, чем среди лиц женского пола. В свою очередь среди последних больше лиц с низкой степенью смелости (рис. 10.2).

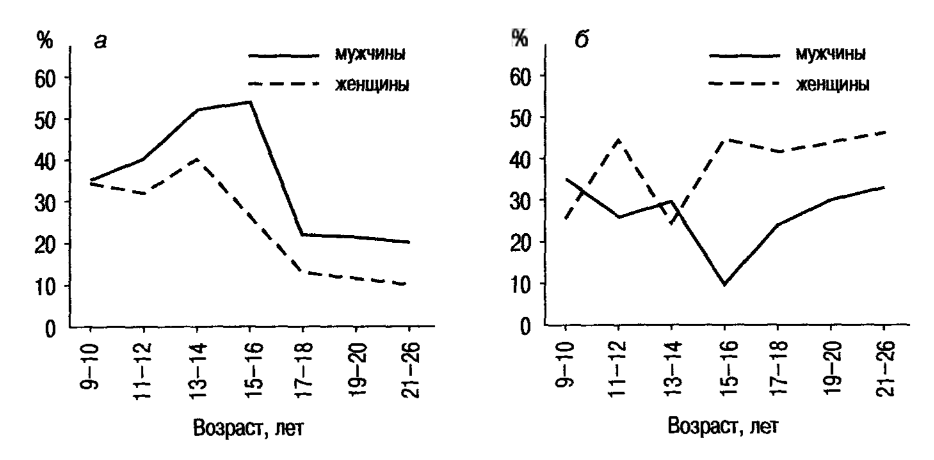

Рис. 10.2. Количество лиц с высоким (*а*) и низким (*б*) уровнем смелости в разных половозрастных группах

Это нашло подтверждение и в исследовании И. П. Петяйкина (1975), который показал, что среди занимающихся спортивной гимнастикой несмелых значительно больше среди женщин, чем среди мужчин (соответственно 42 и 21%).

Угроза наказания за снижение показателей работы на эргографе больше влияла на мобилизацию усилий у девочек, чем у мальчиков (А. С. Зобов, 1983). В эксперименте этого автора с прыжками вверх с места на узкой платформе, устанавливавшейся на различных высотах (до 1,5 м от пола), выявилось большее снижение высоты прыжков по мере увеличения высоты платформы у девочек, чем у мальчиков, особенно со слабой нервной системой. Все это подтверждает вывод других исследователей о большей боязливости лиц женского пола.

До сих пор речь шла о физической смелости. Однако выделяют еще и социальную смелость. В этом отношении, по данным А. И. Винокурова (1996), женщины превосходят мужчин. Возможно, это объясняется тем, что у них больший опыт общения.

Решительность. И. П. Петяйкин выявил и различия между мужчинами и женщинами в проявлении решительности. Особенно отчетливо это проявлялось при выполнении «опасного» упражнения. Так, женщины затратили на принятие решения о начинании выполнения упражнения в среднем 26,6 с, а мужчины — 6,1 с. Но и при выполнении неопасного задания у лиц женского пола, как правило, принятие решения требует большего времени (рис. 10.3).

Данные И. П. Петяйкина соответствуют распространенному мнению, что мужчины более склонны к риску, чем женщины. Ю. Козелецкий (1991) пишет, что функция риска и прогресса принадлежит мужчине, а функция стабильности и надежности — женщине.

Однако даже в «опасной» ситуации у лиц разного пола в возрасте до 11–13 лет нет значительной разницы в проявлении решительности. Большая решительность лиц мужского пола начинает проявляться в «опасной» ситуации лишь с 14 лет (рис. 10.4).

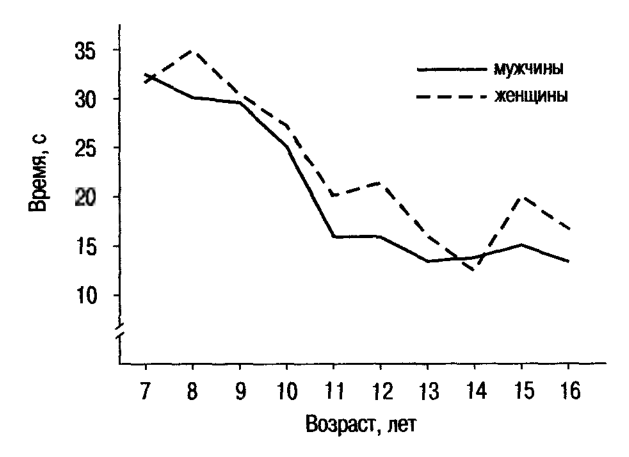

Рис. 10.3. Время принятия решения при выполнении пробы «лабиринт» лицами мужского и женского пола

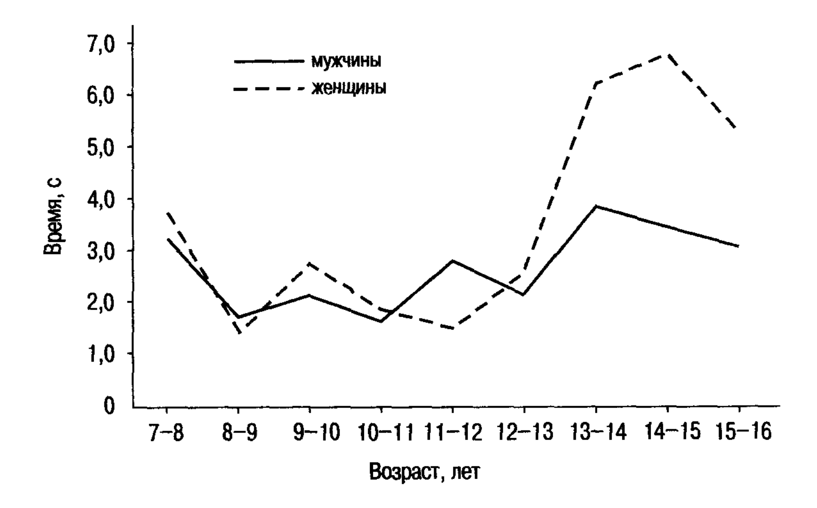

Рис. 10.4. Решительность в различных половозрастных группах

Терпеливость. По данным Е. В. Воронина (1984), мужчины обладают большей терпеливостью к физическому дискомфорту (утомлению), чем женщины. У первых показатель терпеливости равнялся 61,7 единицы, а у вторых — 57,4 единицы. Однако систематическое изучение этого вопроса М. Н. Ильиной (1974) на разных половозрастных группах школьников не показало стабильного преимущества в терпеливости лиц мужского или женского пола. В одних возрастных группах небольшое преимущество было на стороне мальчиков, в других — девочек.

Целеустремленность. Как отмечает Дж. Грей (2001), достижение целей имеет огромное значение для мужчин, потому что именно таким способом они могут доказать свою состоятельность и не упасть в собственных глазах (для чего требуется самостоятельно достичь цели). Мужчины гордятся тем, что могут все сделать самостоятельно.

По данным А. И. Винокурова (1996), женщины более упрямы.

Самообладание. Согласно мнению И. М. Никольской (2001), девочки хуже себя контролируют. Это свидетельствует о большей эмоциональной нестабильности девочек младшего школьного возраста и их склонности к иррациональному поведению. С другой стороны, по данным зарубежных авторов (Else-Quest et al., 2006) девочки с очень разного возраста кажутся более ориентированными, чем мальчики, в самоконтроле, требующем усилий: сосредоточении внимания, подавлении действий, упорстве продолжать задание.

Раздел четвертый

Гендерные особенности поведения

ГЛАВА 11

Особенности общения, связанные с полом

Как пишет В. И. Курбатов (2003), общение людей разного пола — это общение двух миров, двух цивилизаций. От того, насколько обеими сторонами понимаются и учитываются особенности этих цивилизаций, зависит эффективность общения, установление взаимопонимания и взаимоотношений между мужчинами и женщинами.

11.1. Значимость общения для мужчин и женщин

Многие авторы подчеркивают, что женщины во главу угла ставят отношения между людьми (Chodorow N., 1989; Miller J., 1986; Gilligan C., 1990), это проявляется и в большей для женщин значимости общения.

В. Б. Буланова (2005) отмечает, что отношение к общению у девочек характеризуется потребностью в подруге, тяготением к мальчикам старшего возраста, ориентацией на авторитет взрослых; у мальчиков — стремлением занять свое место в коллективе, желанием добиться признания сверстников, потребностью в общении с девочками и потребностью в общении «на равных» со взрослыми.

Роуз и Рудолф (Rose, Rudolph, 2006) указывают на то, что у мальчиков и девочек имеются различные стили взаимодействия в группе. Мальчики показывают большее стремление к доминированию и деятельности. Они чаще прерывают друг друга, командуют, угрожают, хвастаются, отказываются идти на уступки. Девочки, наоборот, ориентированы в большей степени на сотрудничество и кажутся более заинтересованными в поддержании взаимоотношений. Эти же исследователи установили, что мальчики имеют менее длительные взаимоотношения с партнером по общению, чем девочки. С другой стороны, мальчики стремятся иметь социальные связи более тесные, чем девочки, поэтому мальчики становятся друзьями чаще, чем девочки.

Большая озабоченность девочек своей внешностью и манерами поведения является косвенным проявлением их интереса к мнению о себе окружающих. Девочки задают родителям больше вопросов о социальных отношениях (Johnson W., Termal L., 1940; Termak L., Tyler L., 1954). Вследствие этого девочки больше гото-

вы к общению, чем мальчики. О. А. Тырнов (1996), например, выявил, что юноши чаще, чем девушки, используют шаблонные типы взаимодействия. Они в меньшей степени, чем девушки, владеют приемами и способами общения. Девушки же более гибки и вариативны в общении.

Считается, что женщины больше тратят времени на разговоры, чем мужчины. Но это мнение не подтверждается эмпирическими данными исследований «суммы времени, потраченного на разговоры» (Kollock, Blumstein, Schwarz, 1985; Swacker, 1975; Zimmerman, West, 1975). Данные исследований показывают совершенно противоположный результат: если учесть все время, потраченное на разговоры, то мужчины говорят больше женщин (Kollock et al., 1985).

Палуди М., 2003, с. 223.

Большее стремление девочек к общению показано и другими исследователями (Сапожникова Л. С., 1973). Это же выявлено и на взрослых («Психологические...», 1977; Петрова С. М., 1995). А. А. Бодалевым (1983), например, установлено, что объем общения у мужчин в 1,5 раза меньше, чем у женщин. В то же время, как показано Т. В. Архиреевой (2007), мальчики в большей мере удовлетворены отношениями со сверстниками, чем девочки. По-другому складывается удовлетворенность при деловом общении. По данным автора, у девочек отношения с учителями складываются лучше. Эта же тенденция выявлена Л. К. Серовой (2007) при изучении удовлетворенности взаимоотношений спортсменов с тренером (табл. 11.1).

Таблица 11.1. Сравнительные данные оценки взаимоотношений с тренером спортсменов мужского и женского пола (баллы)

Показатели	Мужчины	Женщины	P
Гностический	4,4	5,2	0,01
Эмоциональный	4,6	4,5	–
Поведенческий	4,3	4,9	0,05
Сумма	13,3	14,6	0,001

У мужчин прослеживается наибольшая удовлетворенность эмоциональным контактом с тренером, у спортсменок – удовлетворенность гностическим компонентом (компетентностью тренера).

Большая значимость общения для женщин подчеркивается и тем фактом, что у людей в возрасте от 70 до 90 лет общительность дает высокую положительную корреляцию с переживанием счастья именно у женщин, но не обнаруживает такой же связи у мужчин (Johnson W., Termal L., 1940).

Женщины больше мужчин нуждаются в интимных (доверительных) отношениях с представителем другого пола (мужем, сыном или любовником). Именно благодаря установлению интимных отношений женщины приобретают сознание собственной значимости (в отличие от мужчин, которые сознание собственной значимости приобретают за счет успехов на работе, а интимные отношения находятся у них на втором плане).

11.2. Половые различия в общительности

Общительность (экстравертированность) является коммуникативным свойством личности, проявляющимся в легкости установления контактов с посторонними людьми. Если установление таких контактов затруднено, говорят об интровертированности человека.

По данным Н. В. Бирюковой с соавторами (1976), обследовавшими около 800 школьников с I по X классы (рис. 11.1), экстравертов больше среди мальчиков, а интровертов — среди девочек.

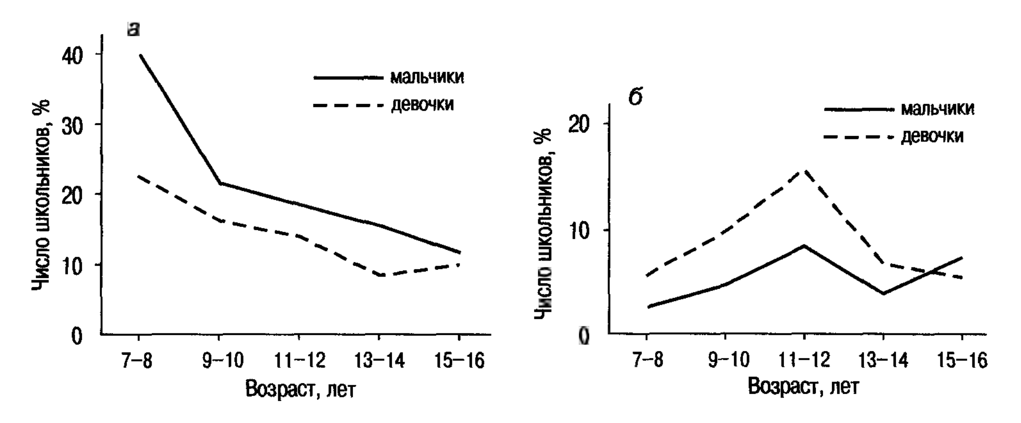

Рис. 11.1. Экстраверсия (*а*) и интроверсия (*б*) у школьников разного пола

Л. Френсис и П. Пирсон (Francis, Pearson, 1993) приводят данные, из которых тоже следует, что экстраверсия ненамного выше у мужчин (исключая постоянно посещающих церковь). Большее, чем у женщин, количество высокообщительных мужчин выявлено Р. К. Малинаускасом (2001). И. М. Никольская (2001) обнаружила как тенденцию большую замкнутость девочек, а Линн и Мартин (Linn, Martin, 1997) и А. И. Винокуров — большую общительность мужчин.

А. Н. Фиц (2008) выявлены статистически достоверные различия между девушками и юношами по показателю контактности (шкала контактности САТ); этот показатель характеризует способность личности к быстрому установлению глубоких контактов с людьми. Юноши показали более высокие значения, нежели девушки. Автор полагает, что это отражает тот факт, что более уважающие и принимающие себя юноши действительно могут устанавливать контакты быстрее, чем девушки, которые относятся к себе более негативно. Правда, имеется и иное мнение: А. Фейнгольд (Feingold, 1994) приводит данные, свидетельствующие о большей экстраверсии женщин.

11.3. Половые особенности социальной перцепции

Социальная перцепция связана с восприятием и познанием людьми друг друга. Кто же больше к этому способен — мужчины или женщины? И кого легче распознать и понять — мужчину или женщину? В. И. Курбатов (1993) отмечает, что

«мужчины в большинстве своем легко узнаваемы. Свойства их характера читаются в чертах лица, в их одежде, манере говорить и слушать, в том, как они идут, садятся, встают, поправляют галстук, здороваются, прощаются, умеют смеяться (или, наоборот, не умеют), ждут, догоняют и т. д. Большинство мужчин просто не обращают на эти детали внимания и ведут себя так, как они привыкли, как им кажется естественным в той или иной ситуации... Женщина никогда не выдает себя. Она знает (или думает), что на нее всегда смотрят. Поэтому все в женщине приготовлено для такого просмотра и прослушивания. Она тоже стремится быть естественной, однако в женском исполнении это означает быть лучше, чем есть на самом деле. Это значит быть лучше даже своей репутации. Лучше настолько, насколько это возможно... Быть может, в этом проявляется некоторая скрытность и лукавство женщин? Может быть... В любом случае женщина не желает выдавать свои тайны за бесценок. Хотя чужие тайны она сохраняет плохо» (с. 25).

В отношении того, что женщины постоянно испытывают ощущение, что находятся под чужими взглядами, можно согласиться с В. И. Курбатовым. Одна из бывших волейболисток рассказала мне, что не могла сосредоточиться полностью на игре, потому что все время думала, как она выглядит.

Далее В. И. Курбатов пишет: «Любое общение с женщиной — это всегда посещение выставки, это экспозиция ее лучших качеств. И тот, кто не замечает их, лишен вкуса, а кто не хочет замечать — просто плохо воспитан. К тому же нужно помнить, что эта экспозиция лучших женских качеств вовсе не бывает навязчивой. Их еще нужно уметь обнаружить, увидеть, а увидев — понять и оценить» (с. 30–31). В принципе то же можно сказать и в отношении восприятия и понимания мужчин. Ведь часто за внешней холодностью, прямолинейностью и нарочитой грубоватостью скрывается не мужлан, а чуткий и добрый человек, который стесняется (вследствие существующих в обществе гендерных установок) проявлять свои чувства. Для понимания всего этого нужно обладать перцептивными способностями. Как же обстоит с ними дело у мужчин и женщин?

Перцептивные способности. Для женщин большая субъективная значимость взаимодействия с другим человеком и вообще взаимоотношений имеет следствием сравнительно большее развитие у них, чем у мужчин, социально перцептивных способностей: женщины тоньше улавливают состояние другого человека по изменениям в тембре голоса и в других экспрессивных проявлениях, точнее определяют эффект своего собственного воздействия на другого человека.

Так, по данным А. А. Бодалева (1976), внешний облик человека фиксировали чаще девушки-студентки. При этом различия в частоте фиксирования таких характеристик физической наружности, как рост и глаза оказались достоверными.

Преимущество девушек было выявлено по точности фиксирования таких характеристик, как оформление внешности воспринимаемых людей, пропорциональность телосложения, цвет волос и глаз и некоторых других.

Установлено, что женщины быстрее, чем мужчины, узнают мужские лица, тогда как мужчины быстрее узнают женские лица (Hoffmann et al., 2006).

В. С. Агеев (1985) показал, что, несмотря на кросскультурные различия между русскими и вьетнамскими студентами при оценке деловых, коммуникативных

и личностных качеств незнакомого человека оценка представителей своего пола обнаруживает меньше различий, чем представителей противоположного пола (табл. 11.2).

Таблица 11.2. Среднее количество значимых расхождений (процент) в оценках незнакомого человека

Объект восприятия	Юноши	Девушки
Вьетнамская девушка	16,2	5,4
Русская девушка	12,6	5,4
Вьетнамский юноша	5,4	16,2
Русский юноша	7,2	12,6

Лица женского пола дают более детализированное описание другого человека, чем лица мужского пола. Это выявилось, в частности, в исследовании А. А. Бодалева. Девушки все качества личности (за исключением отношения к труду) отмечали чаще, чем юноши, при этом половые различия в частоте фиксирования коммуникативных черт характера и интеллектуальных качеств были достоверными. В то же время характеристика личности в целом давалась юношами в 2 раза чаще, чем девушками.

Та же закономерность показана А. И. Донцовым и Ш. В. Саркисяном (1980). Испытуемым предъявлялись фотографии: одна мужчины и одна женщины — с нейтральным выражением лица. Мужчины при индивидуальном составлении портрета использовали меньше элементов, чем женщины. Однако при создании мужского портрета мужчины использовали больше элементов, чем при создании женского, независимо от отношения к описываемому объекту; женщины же при индивидуальном описании женщины использовали больше элементов, чем при описании мужчины, если отношение к ней было положительным, и меньше элементов, если отношение было отрицательным.

Женщины редко ошибаются в своих суждениях друг о друге.
А. Кристи

Если хотите узнать о недостатках девушки, похвалите ее перед подругами.
Б. Франклин

Это же следует из данных Ж. Лендел (1978): при оценке любимого учителя почти в каждом классе (с VIII по X) девочки указали больше позитивных качеств, чем мальчики (на 15,2%), а при оценке нелюбимого учителя мальчики указали на 14,5% больше негативных качеств, чем девочки.

Для мужчин при восприятии женщин решающее значение имеют физические признаки привлекательности. Высокоэкспрессивные женщины воспринимаются как более дружелюбные в сравнении низкоэкспрессивными женщинами (Tucker J., Friedman H., 1993).

А. А. Бодалев (1983) приводит данные, согласно которым низкие и высокие голоса у мужчин и женщин вызывают совершенно разные ассоциации по поводу личностных качеств их обладателей у слышащих впервые эти голоса людей. Напряженность в голосе женщины не привела к приписыванию ей негативных

характеристик, в то время как напряженность в голосе мужчин обычно заставляла людей думать, что он не очень хорошо владеет собой, обладает невысоким интеллектом, уязвим и т. д. Многословие мужчин было воспринято как недостаток в их личности, а у женщин — как норма.

Восприятие пола человека. При общении человек прежде всего учитывает пол того, с кем он общается. Первым признаком опознания пола человека является внешний вид (одежда, прическа и т. п.). Однако в наше время, когда и мужчины, и женщины стали носить брюки и коротко стричься, определить принадлежность человека к тому или иному полу бывает затруднительно. Например, многие ошибаются при определении пола даже семилетних детей, если одежда и головной убор нейтральны, в стиле унисекс. Еще труднее опознать пол запеленутого младенца, приходится в основном ориентироваться, смотря на лицо младенца. Каким же образом определяется пол по лицу?

В работе Э. Кроникла и М.-И. Чана (Chronicle, Chan, 1995) показано, что мужские носы распознаются лучше при фронтальном расположении или в профиль, а женские — при ракурсе в три четверти. Это согласуется с тем известным фактом, что мужские носы больше и шире женских, а также имеют более выраженные ноздри. При определении женских носов на фронтальных фотографиях они с вероятностью, превышающей случайное значение, приписываются мужчинам.

Р. Кэмпбелл с соавторами (Campbell et al., 1999) изучил роль расположения бровей по вертикальной оси в распознавании мужского и женского лиц. У мужчин расстояние между бровью и веком меньше, чем у женщин, и оно может быть дополнительно уменьшено при опускании головы вниз и поднимании взгляда вве́рх на камеру. Эксперимент подтвердил, что мужские лица с опущенными бровями распознавались более быстро и правильно. Было также показано, что поднятые брови оказывают при восприятии лица «феминизирующий» эффект.

А. Селлерино с соавторами (Cellerino et al., 2004) выявлено, что при размытости изображения мужские лица опознаются надежнее, чем женские.

Е. А. Никитина (2006) установила, что с увеличением возраста мальчиков вероятность их опознания по лицу неуклонно увеличивается (рис. 11.2), вероятность же опознания девочек 7 лет не только не увеличивается, но даже снижается. Лишь при предъявлении лиц юношей и девушек двадцатилетнего возраста вероятность правильного опознания пола существенно увеличивается. Испытуемые способны различать пол по изображениям младенцев с эффективностью 59,07%, семилетних — с эффективностью 58,26% и двадцатилетних — с эффективностью 88,72%.

Различий между точностью опознания пола испытуемыми мужского и женского пола не было (рис. 11.3). Хотя в другом исследовании Е. А. Никитиной (2001) было показано, что женщины лучше опознают пол младенцев, чем мужчины.

Эффективность опознания существенно снижается, если на изображениях не видно ушей; увеличивается, когда изображение считается принадлежащим девочке.

В. Брюс и М. Ямагучи с коллегами (Bruce et al., 1993; Yamaguchi et al., 1995) отмечают, что вероятность правильного опознавания пола по лицам взрослых близка к 95%. Опознать лицо взрослого можно по многим чертам — овалу, текстуре кожи, форме глаз, носа, бровей и рта. Значение каждого из этих параметров

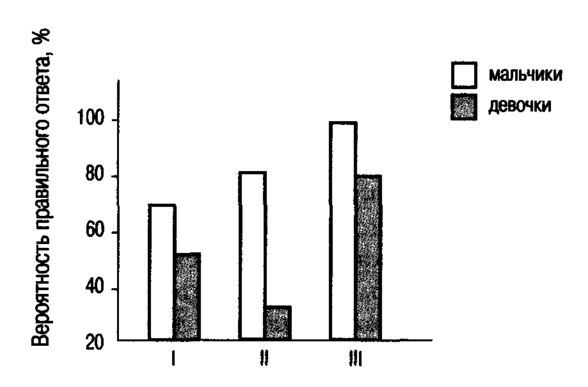

Рис. 11.2. Опознавание пола по лицам всеми испытуемыми:
I – новорожденные, II – семилетние, III – двадцатилетние

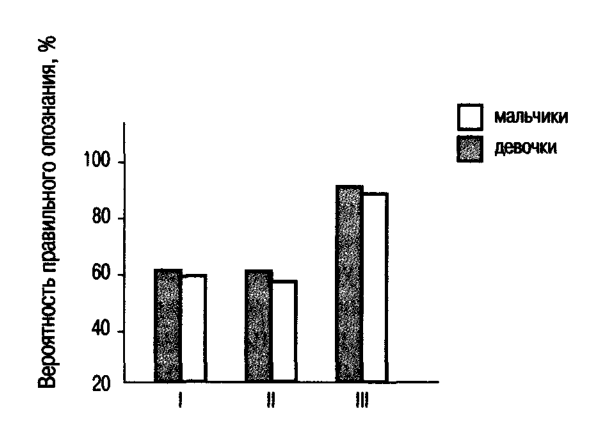

Рис. 11.3. Правильность опознания пола по изображениям лиц детей, а также юношей и девушек:
I – новорожденные, II – семилетние, III – двадцатилетние

изучил А. Бартон (Burton et al., 1993). На основе их измерения на фотографических изображениях в фас и профиль была проанализирована связь с полом как абсолютных, так и относительных размеров черт лица. Оказалось, что в 94% случаев фотографии можно правильно классифицировать по полу на основе 16 различных параметров, таких как ширина бровей (толще у мужчин), расстояние от верхнего края глаза до брови (больше у женщин и, кроме того, искусственно подчеркивается ими выщипыванием бровей), «выпуклость» носа.

Восприятие новорожденных связано со стереотипом о том, что все они одинаковые и пол младенца можно узнать лишь по цвету бантика на одеяле или по первичным половым признакам. Так ли это?

Возможность определения пола новорожденных по статическому (фото) и динамическому (видео) изображениям лица изучалась Е. А. Сергиенко и Е. А. Никитиной (2004).

Правильность определения пола младенцев 7–8 дней по фотографиям составила 66,67% в группе женщин — сотрудниц роддома, 65,75% — среди женщин,

работа которых не связана с новорожденными; 61,25% – у мужчин; 57,38% – в группе семилетних детей. Половина мальчиков и треть девочек опознавались испытуемыми с вероятностью более 70%. Авторы предполагают, что в лицах этих младенцев признаки пола проявлены наиболее ясно. Несколько младенцев опознавались неправильно, и эти ошибки систематически совершали испытуемые всех групп.

Таким образом, авторами не обнаружено явной зависимости результатов определения пола от возраста испытуемых. Даже семилетние дети способны к правильному определению пола младенцев, хотя их результаты значительно ниже. Различий в результатах мальчиков и девочек не наблюдалось, однако после 16 лет мужчины хуже опознают пол младенцев, чем женщины. Выявились различия в стратегиях, используемых мужчинами и женщинами. Большинство женщин быстро принимали решение по каждой фотографии, действуя по первому впечатлению. Среди мужчин так поступили меньше половины (9 из 20). Остальные мужчины пытались сравнивать оцениваемые фотографии с другими, подолгу их рассматривая.

Отмечено также различие в правильности опознавания мальчиков и девочек. Девочки хуже опознаются испытуемыми всех экспериментальных групп, причем этот разброс меньше всего заметен в группе экспертов, а для семилетних детей максимален и составляет около 13%.

Полученные во второй серии результаты определения пола младенцев по видеофрагментам (рис. 11.4) выявили некоторое ухудшение опознавания при переходе от статического выражения лица к динамическому.

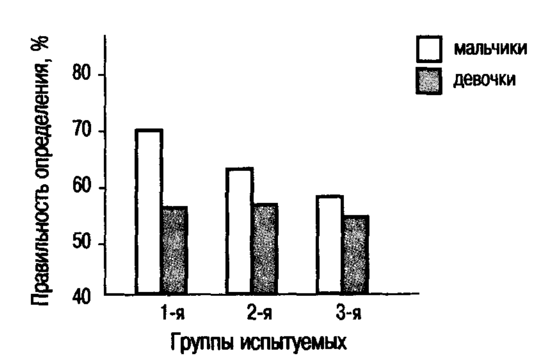

Рис. 11.4. Результаты определения пола новорожденных по видеофрагментам (1-я группа – женщины – сотрудницы родильного дома, 2-я – женщины, профессионально не связанные с новорожденными; 3-я – мужчины)

При предъявлении динамического изображения согласованность оценок испытуемых различных групп заметно снизилась. Мнение испытуемых о некоторых младенцах в ходе просмотра тридцатисекундного видеофрагмента неоднократно менялось. Состояние ребенка на видеозаписи (уровень активности и «знак» настроения), а также голоса младенцев не влияли на опознавание пола по динамическому изображению.

11.4. Половые особенности выбора партнера общения

При выборе партнеров в межличностном общении немаловажное значение придается их полу. Здесь сказываются, вероятно, различия в отношении к сверстникам противоположного пола. Это отчетливо проявляется у детей при выборе ими партнеров по общению и играм. Подобные тенденции имеются, по данным Е. Р. Слободской (1980), уже у детей 3 лет при игре со сверстниками. Столь раннее проявление половой дифференциации в общении, по мнению автора, позволяет ставить вопрос о вкладе в проявление данного феномена генетического фактора.

По данным Е. Р. Слободской и Ю. М. Плюснина (1987), при пространственной близости детей (когда расстояние между ними меньше метра) отмечается отчетливое предпочтение мальчиков мальчиками, отсутствие взаимных предпочтений у девочек и меньшее ожидаемого число предпочтений друг друга детьми разного пола.

Аналогичный характер предпочтений отмечается и во взаимодействиях во время предметной игры и отбирания предмета: мальчики предпочитают играть друг с другом и чаще отбирают предметы друг у друга; девочки взаимных предпочтений не демонстрируют, а частота контактов между мальчиками и девочками меньше ожидаемой.

Выбирая партнеров для общения и игр, дети ориентируются на те личностные качества и модели поведения, которые соответствуют женскому и мужскому полу. Отношения между мальчиками строятся, как правило, на признании умений организовать, достичь положительного результата, отстоять свое мнение, защитить себя. Девочек в отношениях с девочками привлекают прежде всего душевные качества, внешность.

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают роль различий в интересах и предпочитаемых занятиях, которые во многом обусловливают объединение дошкольников для сюжетно-ролевых игр со сверстниками своего пола (Campbell J., 1964; Golberg S., Lewis M., 1969; Hartup W., Zook A., 1960; Репина Т. А., 1984; Тельнюк И. В., 1999).

Половая консолидация, наблюдающаяся у младших дошкольников, в преддошкольном возрасте не только укрепляется, но даже возрастает: 91% избирательных контактов ребенок устанавливает со сверстниками своего пола и только 9% — с детьми противоположного пола. Из всех игровых объединений 75% были однородными по полу, а если учитывать только устойчивые объединения, то их число увеличивается до 91% (Репина Т. А., 1984).

По данным И. В. Тельнюк, контакты и игровое взаимодействие детей дошкольного возраста одного пола в большинстве случаев более продолжительны, и при этом меньше возникает конфликтных ситуаций. Игровые контакты не нарушаются, если среди девочек играет один мальчик. Появление второго мальчика влечет за собой соперничество и рассогласованность в игровых действиях детей. Мальчики в свои игры тоже принимают девочек, но не любят, когда их много, и отвергают девочек, которые эмоционально ими отвергаются.

Л. Кох (Koch, 1956) отмечает, что для мальчиков сверстники своего пола имеют большее значение, так как мальчики меньше тяготеют к взрослым, к семье, они более чувствительны к социальному давлению со стороны сверстников при неприемлемом для их пола поведении. Л. Вейцман (L. Weitzman, 1979) полагает, что одна из функций группы сверстников своего пола для мальчика состоит в том, что в ней он приобретает мужские черты и необходимую ему независимость от матери через солидарность со сверстниками и путем соревнования с ними. Поэтому для игр мальчиков более характерна групповая деятельность. Игры девочек происходят в группах, меньших по размеру, в них меньше агрессивности, больше взаимности и доверительности (Lever, 1978).

Н. В. Матрехиной (2006) показано, что предпочтение лиц своего пола в качестве партнеров общения наблюдается и у школьников, и даже у взрослых (табл. 11.3).

Таблица 11.3. Процент лиц женского пола в качестве партнеров общения у мужчин и женщин

Возраст, лет	Мужская выборка	Женская выборка
8–9	38	50
12–14 лет	34	64
15–17	42	60
18–22	42	57
23–35	45	56

Однако подобное предпочтение выражено в меньшей степени у взрослых и школьников, чем у дошкольников.

11.5. Круг общения (социальная сеть) у женщин и мужчин

Круг общения, или, в терминологии западных психологов, социальная сеть (Mitchell J. C., 1969), — это специфический набор связей человека с определенными людьми, влияющими на социальное поведение данного человека.

А. А. Бодалев показал, что в круг непосредственного общения у женщин разновозрастных лиц входит больше, чем у мужчин. Это подтверждается и данными, полученными И. С. Коном (1973). Если юноши в общении с представителями противоположного пола ориентируются в основном на сверстниц, то девушки в значительной их части — на более старших представителей мужского пола. Так, по данным И. С. Кона, на вопрос: «Какого возраста друга вы бы предпочли?» юноши в 80% отдали предпочтение сверстнику, в 20% — старшему и лишь в редких случаях — младшему. Девушки же отдают предпочтение старшим в 40–50% и никого не выбирают моложе себя. При этом их позиция в отношении общения с лицами разного возраста крайне противоречива. Так, они охотно попечительствуют (помогают, наставляют, ухаживают) именно над младшими детьми.

По данным А. А. Бодалева (1983), в круге ближайшего общения мужчин людей, занимавшихся одинаковой с ними деятельностью, оказалось на 21–34% больше, чем у женщин. У мужчин, по сравнению с женщинами, среди субъективно значимых для них людей, с которыми они непосредственно общались, оказалось также больше лиц с более высоким социальным статусом (на 24–27%).

Основанием для включения того или иного человека в круг общения у мужчин выступает возможность получения от этих лиц различной помощи, а также участие их в удовлетворении повседневных бытовых потребностей. С возрастом причины формирования круга непосредственного общения меняются. Если у детей предпочтение отдается по эмоционально-половому признаку, то у взрослых главным фактором в выборе партеров для общения является прагматизм.

Интересные факты выявили Р. Хаген и А. Кан (Hagen, Kahn, 1975): в реальном межличностном взаимодействии и в чисто личностном плане высококомпетентные женщины не пользуются расположением не только мужчин, но и женщин. Авторами экспериментально было установлено, что и те и другие стремятся исключить из своей группы компетентных женщин. Авторы объясняют это тем, что высокая компетентность женщин нарушает существующие полоролевые стереотипы. Проигрыш мужчины женщине почти всегда означает снижение его самооценки, поскольку «настоящий» мужчина должен всегда обыгрывать женщину (очевидно, по этой причине проводятся отдельные для мужчин и женщин соревнования на первенство мира по шахматам, хотя некоторые выдающиеся представительницы «слабого пола» неоднократно доказывали, что они не слабее многих международных гроссмейстеров).

В течение жизни размер круга общения может меняться. Например, показано, что в пожилом возрасте женщины склонны к активному расширению межличностных контактов, в то время как мужчины ограничивают свои контакты рамками семьи (Панина Н. В., Сачук Н. Н., 1985). Однако неизменным, как показано Н. В. Матрехиной (2006), остается тот факт, что круг общения в любом возрасте несколько шире у лиц женского пола (табл. 11.4).

Таблица 11.4. Средние размеры социальной сети (человек)

Возраст, лет	Мужская выборка	Женская выборка
8–9	6,46	6,73
12–14	8,77	9,62
15–17	7,43	8,29
18–22	7,37	9,40
23–35	8,47	9,37

В исследовании Н. В. Матрехиной (2006) выявлено, что в социальных сетях мальчиков, начиная с подросткового возраста, семья и друзья занимают равноправное положение и только в возрасте 23–36 лет, с появлением собственной семьи, теряется часть дружеских контактов. У девочек 8–9 лет основную часть контактов составляют семейные связи. В подростковом возрасте дружеские контакты превалируют над семейными. Однако со старшего подросткового возраста семья

все больше включается в сеть контактов, и к возрасту 23–35 лет семейные связи составляют больше половины всех межличностных взаимодействий. Таким образом, женщины больше ориентированы на поддержание и укрепление семейных связей, а дружеские контакты являются лишь дополнением к семейным. Мужчины в равной степени взаимодействуют как с членами семьи, так и с друзьями.

11.6. Интенсивность общения у мужчин и женщин

Интенсивность общения складывается из частоты и длительности контактов человека с членами его социальной сети. Изучение этого параметра общения Н. В. Матрехиной (2006) в мужской и женской выборках показало, что интенсивные связи в одной возрастной группе чаще встречаются у мужчин, в другой возрастной группе — чаще у женщин (табл. 11.5).

Таблица 11.5. Средние значения показателя интенсивности общения с членами социальной сети

Возраст, лет	Интенсивные связи		Средние по интенсивности связи		Неинтенсивные связи	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
12–14	0,56	0,46	0,29	0,29	0,15	0,25
15–17	0,40	0,46	0,29	0,18	0,29	0,36
18–22	0,55	0,46	0,15	0,13	0,29	0,40
23–35	0,46	0,42	0,16	0,12	0,36	0,43

Однако неинтенсивные связи во всех возрастных группах чаще отмечались в женских выборках, чем в мужских.

В ряде последних зарубежных работ (Camarata, Woodcock, 2006; Brizendine, 2006: Mehl et al., 2007) большая интенсивность общения женщин нашла подтверждение.

11.7. Мужской и женский стили общения

Манере общения мужчин и женщин придавали большое значение еще в Древней Греции. Например, мужчине полагалось держать голову высоко поднятой, в противном случае его могли принять за гомосексуалиста. Женщинам, наоборот, не полагалось смотреть собеседнику прямо в глаза. Отведенный в сторону взгляд свидетельствовал о стыдливости, скромности, покорности. Правда, с веками нравы меняются; теперь женщины взглядов не отводят. Наоборот, по данным Р. Экслайна, женщины чаще смотрят на интервьюеров, чем мужчины.

Мужской стиль общения с самого раннего детства выглядит более активным и предметным. Мужчины более прямолинейны в своих потребностях, что делает их более понятными и предсказуемыми по сравнению с женщинами. Мужской стиль подчеркивает независимость, склонность к действиям, характерным для людей, облеченных властью, а женский — взаимозависимость. Мужчины говорят с нажи-

мом, перебивают собеседника, тверже смотрят в глаза, реже улыбаются (Bartol, Martin, 1986; Carli, 1991; Johnson, 1993; Major et al., 1990; Cross, Madson, 1997). Правда, многое зависит от группы общения и позиции в ней мужчины. В чисто мужских группах мужчины улыбаются и смеются реже, чем женщины в чисто женских группах. Однако в смешанных группах мужчины-лидеры, общаясь с женщинами-подчиненными, и мужчины-подчиненные, общаясь с женщинами-лидерами, улыбались чаще, чем женщины (Johnson C., 1993). Женщины же (особенно в разнополых группах) предпочитают менее прямые способы воздействия на собеседника; они меньше перебивают, более тактичны и вежливы, менее самоуверенны. Как пишет Р. Лакофф (2001), женщины говорят так называемым безвластным языком, выражающим отсутствие авторитета. Для женского стиля речи характерна установка на равенство и кооперативность. В речи мужчин больше агрессивности и развязности.

Почему мужская речь краткая, а женская долгая? Может быть, потому, что мужчина категоричен, резок, самонадеян. Женская же речь всегда имеет некоторый колебательный характер: в ней и «да», и «нет», и «может быть». А это требует большего разговорного пространства. Мужская речь безапелляционна, а женская – всегда противоречива. А там, где речь идет о противоречиях, нужно обязательно высказать все «за» и «против». Что тоже не способствует краткости. Все это не досужий вымысел автора, а научные и житейские факты. «Говорить как женщина – значит обнаруживать противоречия». К таким выводам пришел швейцарский лингвист Э. Слембек. Женщины больше употребляют условных наклонений, по меньшей мере в два раза чаще, чем мужчины, – об этом пишет французский журнал «Мари Клэр». В пять раз больше, чем мужчины, женщины вводят ограничительные выражения типа «в случае необходимости». А если к этому добавить, что женщины в три раза чаще задают вопросы, а также разделяют фразы словами «не так ли?», «да?", «нет?», «правда?» и извиняются значительно чаще мужчин, то их речь просто не может быть краткой.

Курбатов В. И., 1993, с. 64–65.

Женщины чаще задают вопросы, повторяя их, чаще выражают сомнение или отрицание по поводу своих высказываний, чтобы смягчить свое мнение и проявить хотя бы минимальную поддержку другому говорящему. Л. Карли с соавторами (Carli et al., 1995) нашли, что у женщин несколько больше, чем у мужчин, выражены оправдывающаяся интонация, дружелюбие в экспрессии лица, степень наклона и напряженность позы, спокойная жестикуляция. Несогласие женщин воспринимается мужчинами более агрессивно, чем несогласие мужчин (Carli, 1999). Женщины-лидеры смеялись одинаково часто при общении как с мужчинами, так и с женщинами (в отличие от мужчин-лидеров, которые смеялись лишь в присутствии противоположного пола (Johnson C., 1993).

Мужской разговор имеет «отчетный» характер, женщины же говорят «о мелочах». Разговор мужчин имеет целью получение некоего «статус-кво», а разговор женщин направлен на утверждение согласия и интимности (Курилович Н., 2001). Женщины умеют слушать и сосредоточиваться на проблеме собеседника, реже перебивают его в процессе диалога.

Обычно в смешанной компании от женщины не ждут, что она будет много говорить (Beaumont et al., 1998; Libra, 1987; Welte, 1998). Кроме того, молчание девочек и женщин непосредственно связано с тем, что они хотят привлечь собеседника и понравиться ему. Вот слова из песни к фильму «Русалочка»:

Тебе нужно твое личико и вся твоя красота.
Пусть тело твое говорит.
Там, на суше, мужчины не любят болтовни.
Если девушка трещит без умолку, она быстро надоедает.
Настоящей леди лучше молчать, как рыбе.
Да и к чему ей сплетни и треп?
Для мужчин слова ничего не значат –
Настоящий джентльмен не произносит слов –
Но он теряет голову от загадочной незнакомки.
Девушка с язычком на замке получит в награду любимого.

Палуди М., 2003, с. 224.

Мужское общение характеризуется большей эмоциональной сдержанностью, стремлением к доминированию, к креативным и рациональным способам взаимодействия (Carli et al., 1995). Мужчины общаются друг с другом на большем расстоянии, у них меньше принято обниматься и особенно целоваться. Это обусловлено, как полагают некоторые авторы, боязнью, что их заподозрят в гомосексуализме. Правда, эти нормы выдерживаются не во всех странах. В Марокко, как пишет Ш. Берн, мужчины свободно могут ходить по улицам, держась за руки или даже под локоть. Для мужчины содержание совместной деятельности важнее, чем индивидуальная симпатия к партнерам.

Женщины свободнее выражают свои эмоции и чувства, в том числе с лицами противоположного пола, они располагают большим диапазоном межличностных дистанций, каждая из которых показывает определенный уровень близости с человеком (Forsyth D., 1990). Вследствие большей социальной ориентированности женщины четче осознают те хрупкие связи, которые объединяют людей и делают их общение более доверительным. Женский стиль общения связан с такими межличностными отношениями, для которых характерны подчиненные либо социально желаемые стратегии поведения, демонстрируя которые женщина опирается в большей степени на интуицию (Jones G., Jacklin C., 1988).

Общение с женщинами завлекательно тем, что в нем всегда есть множество недомолвок. А недомолвки, стеснительные или, во всяком случае, докучливые между мужчинами, – весьма приятная приправа в отношениях мужчины и женщины.
Никола-Себастьян де Шамфор, французский писатель и драматург XVIII в.

Обмен взглядами. Как отмечают Е. Р. Слободская и Ю. М. Плюснина (1987), взглядов, направленных мальчиками на мальчиков, больше, чем направленных на девочек. У девочек взглядов, направленных на мальчиков, тоже больше, чем взглядов, направленных на девочек.

Правда, имеются и другие наблюдения. Так, В. Икс и Р. Барнс (Ickes, Barnes, 1978) заметили, что юноши и девушки с традиционными представлениями о половых ролях реже смотрят друг на друга, реже разговаривают друг с другом, меньше улыбаются и используют меньше жестов при общении по сравнению с теми студентами, полоролевые установки которых более либеральны. Возможно, что эти особенности общения лиц разного пола друг с другом обусловлены стеснительностью, связанной с возрастными особенностями.

Женщины чаще смотрят на собеседника во время слушания, чем во время говорения, у мужчин же таких различий нет (Hall J., 1996).

Для многих женщин взгляд в упор – это выражение агрессии. Большинство женщин отворачиваются, когда замечают кого-нибудь (как правило, мужчину), кто смотрит на них в упор. Женщины избегают взгляда в упор, поскольку считают, что такой взгляд зачастую выражает агрессию или невербальное сексуальное послание.

Беседуя с другим человеком, женщины обычно держатся на меньшем расстоянии и оставляют себе меньше личного пространства, чем мужчины. Кроме того, женщинам отводят меньше места на работе, офисы у них меньшей площади, или они работают вместе с другими людьми (Hall et al., 2000; Jacobson, 1999). На основании такого невербального послания мы заключаем, что мужчины доминируют в обществе и имеют статус выше, чем женщины; человек, который контролирует больше физического пространства, имеет больше власти, он более доминирует и имеет статус выше, чем человек, контролирующий меньше пространства. Метааналитические исследования (Hall, 1984) показывают, что эти гендерные различия довольно велики.

Что касается позы, то женщины обычно принимают менее расслабленную позу, чем мужчины. Позы женщин чаще более сдержанны, чем у мужчин, которым позволено вести себя на людях естественнее и откровеннее. Общество поощряет девушек и женщин сидеть, как сидят «леди» (т. е. сжав ноги вместе или скрестив их в лодыжках и положив руки на колени). Женщины реже сидят, положив лодыжку на колено другой ноги или раздвинув ноги (Hall et al., 2000).

Кроме того, женщины чаще улыбаются, чем мужчины (Hall et al., 2000). ...Мужчины... чаще прикасаются к женщине, но это прикосновение не взаимно. Если женщина касается плеча или руки мужчины, то он часто интерпретирует это как проявление сексуальности. А женщины могут воспринимать такой жест иначе. Прикосновение можно интерпретировать как дружелюбный жест или как злоупотребление властью.

Палуди М., 2003, с. 228–229.

Различия в обращениях. Обращения, направленные к мужчинам и женщинам, тоже различаются. Р. Рубин (Rubin, 1981) выявила при опросе университетских преподавателей, что студенты называют по имени молодых преподавателей-женщин гораздо чаще, чем мужчин. Спортивные обозреватели называют теннисисток по имени гораздо чаще, чем теннисистов (соответственно в 53 и 8% случаев). В ласкательных прозвищах женщина становится лакомством («сладкая», «конфетка»), маленьким животным или детенышем («котеночек», «зайчик», «цыпленок» и т. п.) По мнению психологов, это подтверждает отношение к женщине как к человеку, имеющему более низкий статус.

Жесты, используемые мужчинами и женщинами в процессе общения. Жесты во время общения используются мужчинами и женщинами в разных вариациях

и с разной частотой. Мужчины чаще используют прикосновения к другим людям, чем женщины, а последние предпочитают в жестах касаться себя.

Жест доверия — «купол» — пальцы соединяются наподобие купола храма (рис. 11.5).

Рис. 11.5. Жест доверия

Это означает доверительность, но нередко вместе с тем некоторое самодовольство, уверенность в своей непогрешимости, эгоистичность или гордость. Этот жест немедленно сообщает, что человек очень уверен в том, что он говорит. Такую позу можно принять, чтобы вызвать абсолютное доверие к себе. Руки при этом могут находиться на разной высоте. Женщины обычно соединяют пальцы на коленях в положении сидя или чуть выше пояса в положении стоя.

Жест «руки, прикладываемые к груди» (рис. 11.6) еще со времен Древнего Рима расценивается как открытость и честность. Женщины этот жест используют редко.

Защитное поглаживание шеи ладонью (рис.11. 7). Во многих случаях, когда человек занимает защитную позицию, рука движется назад, как бы для удара или отдергиваясь как от ожога, но это маскируется тем, что следом за этим человек кладет руку на шею. Женщины обычно при этом поправляют прическу.

Для женщины типичный жест неуверенности — *медленное и изящное поднимание руки к шее*; если надето ожерелье, то рука притрагивается к нему, как бы проверяя, на месте ли оно.

Для маскулинной манеры поведения характерны сидение с широко расставленными ногами, широкий шаг, громкий голос (Gallaher P., 1992).

Роль ростовых соотношений между мужчинами и женщинами. В экспериментах М. Арджайла с группой оксфордских психологов выявилась четкая связь между «дистанцией разговора» и ростом собеседников, причем эта связь для мужчин и женщин оказалась разной. Чем выше мужчина, тем ближе он подходит к собеседнику, и наоборот, чем меньше рост мужчины, тем дальше он предпочитает находиться от своего собеседника. У женщин же наблюдалась прямо противоположная зависимость. Объясняют это авторы эксперимента тем, что

Рис. 11.6. Жест «руки, прикладываемые к груди»

в нашем обществе сложилась своеобразная «культурная норма» — мужчина должен быть высокого роста, а женщина, напротив, миниатюрной. Поэтому люди стремятся неосознанно соответствовать этим нормам. Рослому мужчине приятно стоять рядом со своим собеседником, а высокая женщина, наоборот, стремится отойти подальше, чтобы скрыть свой недостаток. Отсюда следует, что не нужно во время разговора близко подходить к высокой женщине или малорослому мужчине — им это будет неприятно. С другой стороны, к миниатюрной женщине или к рослому мужчине можно подходить почти вплотную — им это будет приятно.

***

Как отмечает В. М. Погольша (Куницына В. Н. с соавт., 2001), мужской и женский стили общения в основном формируются под влиянием исторически сложившихся полоролевых стереотипов, хотя не отрицается и роль психофизиологических особенностей. Действительно, вряд ли потребность девочек выражать свои эмоциональные переживания в общении со сверстницами тоже является лишь следствием подражания матери. Большинство девочек от природы более эмоциональны, а это значит, что у них сильнее выражена и потребность в разрядке эмоционального напряжения. Скорее поведенческие характеристики следует рассматривать как фенотипические, как сплав врожденного и приобретенного.

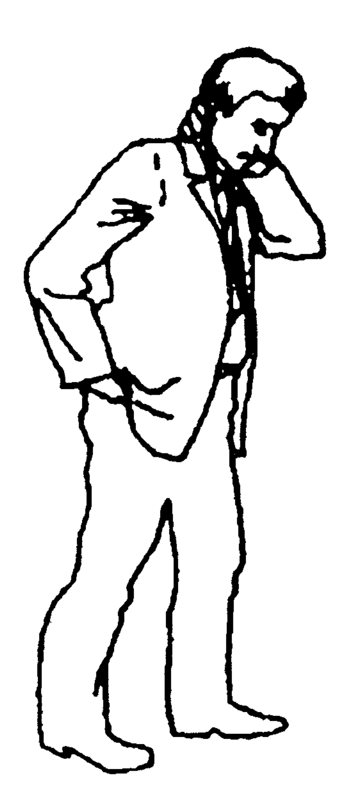

Рис. 11.7. Защитное поглаживание шеи ладонью

11.8. О так называемой женской логике, или Почему мужчины и женщины при общении не понимают друг друга

Принято считать, что у женщин в осмыслении происходящего имеется своя логика, недоступная пониманию мужчин и поэтому вызывающая у них в процессе общения с женщинами подчас недоумение и растерянность. Об этом писали многие поэты, например, индийский поэт Тирукурал в своей книге «Любовь»:

«Люблю больше всех!» — я однажды воскликнул... Мрачна,
«Кого это всех?» — вопросила она.
Поклялся: «Люблю до кончины!» Она мне: «Изменник,
Кого ж ты полюбишь в грядущих рожденьях?»
«Я думал сейчас о тебе!» — говорю я. «Вот диво!
А раньше о ком?» — проворчала строптиво.
Чихнул я, она разрыдалась, а в голосе злоба:
«Должно быть, тебя вспоминает зазноба?»
Чиханье сдержал я, она — не добрее ничуть:

«Ты, видно, задумал меня обмануть?»
Пытался утешить ее — только повод для ссоры.
«Ты всех утешаешь, — твердит, — без разбора».
Взглянул на нее — вновь обида и слезы рекой:
«Меня ты сравнил, признавайся, с другой».

Когда говорят женщине: «У вас мужской ум», это расценивается как комплимент, но мужчина, которому скажут, что у него «женская логика», вряд ли сочтет себя польщенным.

Мужская логика сплачивает мужчин, женская логика — разъединяет женщин, потому что каждая женщина так же индивидуальна, как и ее логика.
Тэффи

При таком обывательском отношении к женской логике интересна позиция представительниц радикального феминизма. Одни из них утверждают, что женщины думают не так, как мужчины, и что интуиция и сопереживание позволяют им развить более высокие уровни понимания, чем мужской расчет и логика. Другие считают, что диффузная природа женской сексуальности позволяет им постичь «нелинейные» формы восприятия мира за пределами мужской логики, называемой «железной».

По поводу особенностей женского мышления Д. В. Колесов и Н. Б. Сельверова (1978) пишут следующее: «Существует интересное мнение об особенностях женского мышления, которое разделяют многие авторы: у женщины многое происходит в мышлении подсознательно, и как бы в готовом виде выходит на поверхность вывод, а когда ее спрашивают почему, она может привести первый случайный мотив, и не лучший (Лапинский М. Н., 1915, с. 82). Отсюда создается впечатление об интуитивном характере мышления женщины, когда она каким-то особым способом может постигать истину, не прибегая к логическим рассуждениям. Дело, разумеется, не в особом чутье, а в тонкости восприятия и степени осознанности конкретных мыслительных операций, степени их подсознательности, что нельзя смешивать с их эффективностью. Во всяком случае, главное — способность правильно дойти до истины, независимо от конкретного пути. Здесь прослеживается отчетливая аналогия со сказанным выше: женщине важно общее, конечное свойство, и она меньшее значение придает конкретным внутренним механизмам, будь то механизм работы машины или внутренний ход мысли» (с. 28).

Женский инстинкт стоит прозорливости великих людей.
Оноре де Бальзак

У женщины поразительная интуиция: она может догадаться обо всем, кроме самого очевидного.
Оскар Уайльд

Ум у большинства женщин служит не столько для укрепления их благоразумия, сколько для оправдания их безрассудств.
Ф. де Ларошфуко

Рассуждениям о женской логике посвятил свою книгу-эссе философ В. И. Курбатов (1993). Под женской логикой он понимает способы рассуждений, формы аргументации, приемы спора, особенности доказательства и построения речи, характерные способы поведения, специфические смыслы выражений и даже бессмыслицу, язык мимики и жестов, восклицаний и фраз, используемые женщинами как стереотипы общения. Женская логика «связана со всем миром человеческого общения; проявляется в различных модусах женской разговорчивости и наполнена разными смыслами кодов взаимопонимания. Она выражается в разнообразных моделях и фасонах женской аргументации и звучит в шутках, упреках, намеках и притчах» (с. 5).

«Авторской гипотезой является то, что женская логика представляет собой особый компенсаторный механизм, который дает возможность разрешения противоречий между полами мирным путем... Страшно даже представить себе, например, какую-нибудь Великую Октябрьскую Женскую революцию против мужчин с истреблением последних как враждебного класса или, скажем, Варфоломеевскую ночь, в течение которой мужчины свели бы, наконец, свои счеты с женщинами. Согласно нашей гипотезе, женская логика способствует разрешению указанных противоречий не только мирным путем, но и в индивидуально-личностной форме, а не при помощи массовых кампаний» (с. 5).

«...Женская логика, — пишет В. И. Курбатов, — это страна “Зазеркалья”, в которой действуют другие законы, другие измерения времени и пространства, добра и зла, красоты и истины, справедливости и долга» (с. 9).

> Мужчина принадлежит к тому полу, который целые миллионы лет был разумен. А история женщины совершенно иная. Женщины всегда были наглядным протестом против самого существования здравого смысла.
>
> Оскар Уайльд

То, к чему мужчины приходят путем скрупулезного анализа, женщины постигают интуицией, чувством. Мужчинам, чтобы понять окончательный вывод, требуется восстановить во всех необходимых посылках весь ход доказательства. Женщине же достаточно просто взглянуть на предполагаемый вывод, чтобы решить, подходит он или не подходит. При этом она не знает, на каком основании это подходит или не подходит. «Тестирование показывает, что процент женских попаданий в “яблочко” не меньше, чем процент мужских ошибок при скрупулезном логическом анализе. А вот выигрыш во времени и в усилиях — очевиден», — пишет В. И. Курбатов (с. 41).

Женская логика, считает В. И. Курбатов, характеризуется парадоксальностью, непредсказуемостью и непринужденностью. Женщина стремится не столько доказать, сколько поразить, обаять своим очарованием, т. е. использовать *фасцинацию*.[1] Нет такой женщины, которая не владела бы фасцинативными приемами: походкой, грациозными движениями, мимикой, волнующим тембром речи, взволнованным дыханием, кокетливым взглядом. Женская логика неуловима, неосязаема, — пишет В. И. Курбатов.

---

[1] Фасцинами в Древнем Риме назывались амулеты от сглаза. Они обладали колдовской силой. Фасцинация — это колдовская сила женского очарования.

Одним из стержневых принципов женской логики является *неопределенность*, индикаторами которой выступают такие суждения, как «я согласна, но при условии...», «да, но...», «возможно, конечно, только вот...». «Апофеозом этого служит выражение "ну, я не знаю..." ...Эта фраза обычно венчает разговор, диалог или рассуждение. В ее тональности присутствует и нотка раздражения, и неудовлетворенность, и оценка, и волевой акцент на пресечение попыток дальнейшего обсуждения данной темы. Семантика данного выражения включает в себя в неявном виде следующие сентенции: "Я умываю руки, поступай как знаешь...", "Тебе решать, тебе и отвечать", "Ты не соглашаешься со мной только из упрямства (гордости, глупости, ложного представления о том, кто является главой семьи)" и т. п.» (с. 38). Неопределенность выражается и в относительности оценок, даваемых женщинами. Наличие неопределенности дает большие возможности для маневра. Кроме того, она создает впечатление женской загадочности, таинственности. «Сказав "да" или "нет", женщина независимо от своего желания раскрывает свое отношение к предмету. Выражение неопределенности, например "может быть", может означать и то и другое, но не являться демаскирующим фактором» (с. 40).

Другой характеристикой женской логики, по В. И. Курбатову, является *практичность*, что обусловлено самой природой женщины, ее предназначением для заботы о продолжении рода и о домашнем очаге. Практичность — гарантия благополучия и безопасности, орудие против обмана. Женщине безразлично, что что-то где-то есть, для нее важно какой из этого прок.

В. И. Курбатов пишет, что имеется еще много и других характеристик женской логики. И все же я привык опираться на научные факты, а их-то и не хватает В. И. Курбатову для подкрепления своих остроумных размышлений и наблюдений относительно так называемой женской логики. Желающим порассуждать «всухомятку» о различиях в логических построениях мужчин и женщин советую обратиться к самой книге В. И. Курбатова. Полагаю, что она будет прочитана с интересом.

Надо сказать, что не только мужчины могут не понимать женщин, но и женщины могут не понимать мужчин, поскольку за одними и теми же понятиями и словосочетаниями у тех и других может быть разное смысловое содержание и разное отношение. Это показано в работе А. В. Визгиной и С. Р. Пантилеева (2001). Так, нормативность, самоконтроль воспринимаются женщинами как навязанные извне и ведут к самонепринятию, восприятию своего Я как неполноценного. У мужчин такой негативной реакции не наблюдается. Для них стремление соответствовать ожиданиям и нормам социума является приемлемым и органичным. «Женская» реакция у них будет в том случае, когда они будут думать, что не соответствуют социальным нормам.

Мужчина лучше понимает сказанное, а женщина... недосказанное (или несказанное). Мужчина лучше рационально (умом) осознает очевидность, а женщина лучше сердцем (интуицией, чутьем, чувством) понимает абсурдность. Мужчина чаще бывает жертвой собственной логики доказательства очевидности фактов, избирательность которых всегда определяется самоограничением какой-либо целью. Женщина скорее принесет в жертву всякую логику, которая ограничивает интуицию ее фактами какой-нибудь цели.

Курбатов В. И., 1993, с. 32.

Мужчины обладают большей способностью оказывать влияние на других, чем женщины, что объясняют более высоким статусом мужчин в общественном сознании (Игли, 1983; Hopcroft, 2002).

11.9. Гендерные аспекты общения в Интернете

О. В. Левшина (2002) выявила особенности общения мужчин и женщин в Интернете. Поиск и получение необходимой информации, а также удовлетворение деловых интересов является мотивом чаще для мужчин, чем для женщин, большинство же последних используют Интернет для общения.

Женщины более эмоциональны и чаще переживают радость, гордость, восторг при овладении умением найти нужную информацию. Для них общение в чатах чаще служит возможностью выплеснуть накопившиеся отрицательные эмоции, так как непрямое общение способствует преодолению смущения, стеснительности, свободному выражению эмоций, в том числе и агрессии.

Кроме того, женщины чаще обращают внимание на рекламу, размещаемую в Интернете.

Женщин труднее убедить через электронную почту, чем при общении «лицом к лицу»; мужчины же одинаково реагируют на оба типа общения (Guadagno, Sialdiny, 2002).

ГЛАВА 12

Взаимоотношения мужчин и женщин

С давних пор существует мнение, что между мужчинами и женщинами идет постоянная «психологическая война». Приведу по этому поводу цитату из книги В. И. Курбатова: «Никола-Себастьян де Шамфор[1] в своих “Максимах и мыслях” на этот счет высказался так: “Мужчины живут с женщинами в мире точно так же, как европейцы с индусами: это вооруженный мир” ...Тот же Эрих Фромм предостерегал о некоторых особенностях женской мести мужчинам. Видимо, это естественное (по Канту) подчинение женщины мужчине и побуждает ее к самообороне, выставляя мужчину на посмешище. ...Легко пасть жертвой и того соблазна (а это весьма распространенное мнение), что война полов или пресловутая женская месть есть проявления возмездия за вековечную зависимость женщины от мужчины, за ее угнетенное и униженное состояние. Еще один шаг, еще один посыл в подобном рассуждении — и уже недалеко до лозунга типа “Женщины всех стран, соединяйтесь” (против мужчин, разумеется)! Впрочем, почти в такой форме и высказываются некоторые лидеры феминистского движения. ...Думается, что война полов (или половая конфронтация, а может быть даже, ослабев до предела в наше время разрядки напряженности, это противостояние, и конфликт между укладами, образом жизни и психическими стереотипами мужчин и женщин) служит проявлением различий характера, природы и натуры их. И такое конфликтное равновесие есть и будет просто потому, что существуют носители подобных различий: мужчины и женщины» (с. 16–17).

Так что же такое «война» между полами — выдумка или реальность? Как в действительности мужчины и женщины относятся друг к другу?

12.1. Отношение к противоположному полу

Во многих работах показано, что оценки представителей своего пола оказываются более высокими, чем представителей противоположного пола. И эта тенденция начинает проявляться у детей довольно рано: еще в яслях двухлетние девочки

[1] Никола-Себастьян де Шамфор — французский писатель и драматург XVIII в.

предпочитают играть с девочками, а трехлетние мальчики выбирают в партнеры для игр мальчиков (Jacklin, Maccoby, 1978; La Freniere et al., 1984). Такая *половая сегрегация* с каждым годом все усиливается. В возрасте 6,5 лет дети проводят с товарищами своего пола в 10 раз больше времени, чем с представителями противоположного пола (Maccoby, 1998). При изучении Т. А. Репиной эмоционально-личностных отношений дошкольников выявилось, что взаимные выборы между детьми одного пола составили 84,8%, а между детьми разного пола — только 15,2%. При этом устойчивость выбора у девочек была большей, чем у мальчиков. Отмечается (Martin, 1994), что детские симпатии направляются на сверстников своего пола, а дети другого пола рассматриваются как представители внешней группы, обладающей многими негативными характеристиками.

По данным В. Е. Кагана (2000), дети обоего пола 4–6 лет считают, что девочки лучше мальчиков, с той разницей, что у мальчиков имеется эмоциональная установка «мальчики хуже девочек, и я плохой», а у девочек установка «девочки лучше мальчиков, и я хорошая».

Группы нередко укрепляют свою внутреннюю солидарность за счет подчеркивания негативных качеств представителей других групп и создания образа внешнего врага. Это свойственно как мужчинам, так и женщинам: и те и другие охотно отпускают острые шутки и делают уничижительные комментарии по адресу представителей противоположного пола.

Ш. Берн. Гендерная психология. СПб.; М., 2001, с. 226.

Это подтверждают и данные, полученные Б. А. Еремеевым (2005) на более чем 1600 школьников II–XI классов. Правда, в старших классах сверстницы перестают быть только хорошими, а сверстники — только плохими. Но в общем картина остается прежней, как в младших и средних классах: девочки для девочек хорошие, а мальчики — плохие.

В исследовании Н. А. Васильева с соавторами (1979) на большой выборке школьников было выявлено, что эмоционально-личностная оценка представителей своего и противоположного пола существенно разнится у мальчиков и девочек. Во всех классах (с I по X) девочки в абсолютном большинстве случаев выше оценивали девочек, чем мальчиков.

У мальчиков возрастная динамика оценок была сложнее. В младших классах они примерно одинаково часто эмоционально положительно оценивали как мальчиков, так и девочек. В средних классах симпатии мальчиков явно были на стороне представителей своего пола. В старших классах картина резко меняется: симпатия к представителям своего пола встречалась редко, а частота проявления симпатий к девочкам даже превышала число симпатий, относимых к представителям того и другого пола в одинаковой степени (рис. 12.1).

Подобную тенденцию на младших школьниках и подростках выявили и западные психологии (Underwood et al., 2001). Дети, нарушающие правила половой сегрегации, менее популярны среди своих сверстников, отвергаются ими (Kovacs et al., 1996). В подростковом возрасте половая сегрегация ослабевает (Bukowski et al., 2000; Serbin et al., 1993), однако не исчезает. По данным Глика и Фиске (Glick, Fieske,

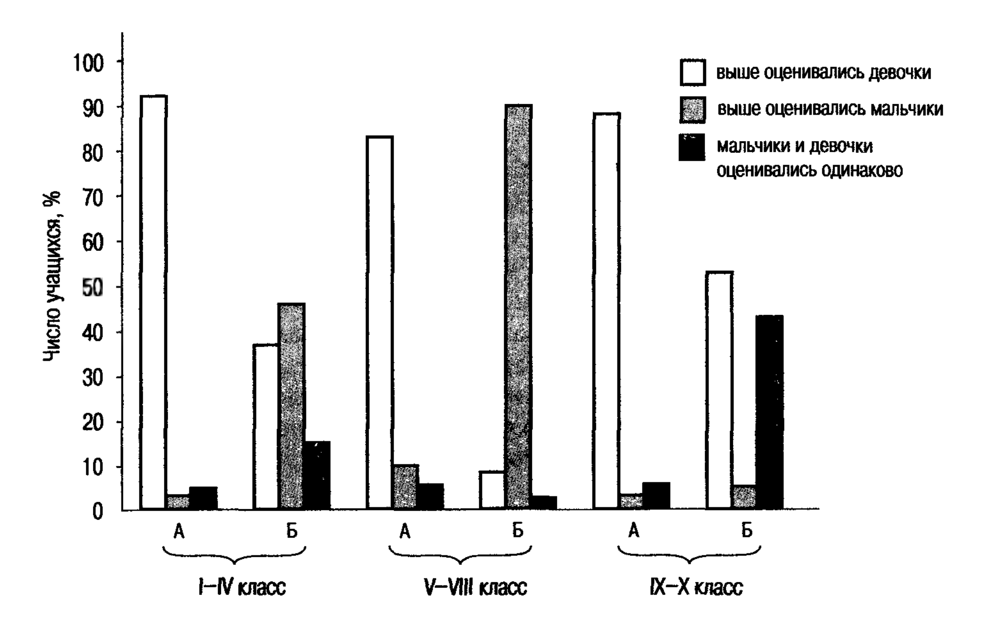

Рис. 12.1. Эмоционально-положительная оценка школьниками разных классов своих одноклассников одинакового и противоположного пола: А – оценки девочек; Б – оценки мальчиков

1999), Якушко (2005). у женщин отмечается большая враждебность и меньшая дружелюбность по отношению к мужчинам, чем у мужчин по отношению к женщинам.

Д. Хартли (Hartley, 1981) изучал, как мальчики и девочки оценивают поведение в школе представителей своего и противоположного пола. Выявилось, что мальчики оценивают поведение девочек только с положительной стороны, а свое собственное — как с положительной, так и с отрицательной. Девочки же определяют свое поведение как хорошее, а поведение мальчиков — как плохое. Авторская интерпретация этих фактов сводится к тому, что роль школьника и школьницы по-разному соотносится с полоролевыми стереотипами. Представления о «хорошей» школьнице и «настоящей» женщине не противоречат друг другу, в то время как быть хорошим (прилежным) школьником и в то же время «настоящим» мужчиной — в сознании учащихся представления противоречивые.

Более положительное отношение к представителям своего пола сохраняется, по данным А. Г. Шестакова (1997), и у взрослых, хотя и не столь явно, как у детей. Так, проявили положительное отношение к изображению на фотографиях мужчин 32,2% мужчин и 23,4% женщин. Симпатию к женщинам проявили 23,6% мужчин и 29, 8% женщин.

Коззарелли с соавторами (Cozzarelli et al., 2002) выявила, что студенты колледжа имеют более положительный стереотип бедных женщин, чем бедных мужчин. Бедные женщины представлялись респондентам как более трудолюбивые, гордые, ориентированные на семью, дружелюбные, ответственные, любящие, милые и здоровые. Мужчины же оцениваются как более грязные, преступные и пьющие. Мужскую бедность респонденты относили к недостатку инициативы, мотивации и неспособность зарабатывать деньги. Это неудачники, которые не

могут жить по стандартам маскулинности. Женская бедность объяснялась наличием большого количества детей и, как следствие, — недостатком усилий к тому, чтобы изменить свою жизнь.

Оценка приемлемости другого человека и установление с ним взаимоотношений связаны с представлением о подобной же высокой взаимной оценке со стороны этого человека (Бахарева Н. В., 1976). Эта связь выше у девочек, чем у мальчиков, независимо от возраста. Следовательно, у девочек роль представлений о себе со стороны других имеет большее значение для установления с ними отношений. Вообще, по данным Е. Н. Андреевой (2005), девочки больше, чем мальчики, ожидают положительного отношения от других.

В силу более высокой конкурентности мальчики чаще, чем девочки, предпочитают дружить с теми, кто добивается меньших успехов, и дистанцируются от тех сверстников, кто имеет лучшие успехи в учебе или более высокие спортивные показатели (Cross S., Madson L., 1997). Студентки же, наоборот, дружили с теми, кто добивался лучших результатов, чем они сами.

Студенты-мужчины объясняли свою дружбу с девушками их сексуальной привлекательностью и желанием секса, тогда как студентки чаще ссылались на необходимость физической защиты и опеки (Bleske-Rechek, Buss, 2001).

12.2. «Теснота» отношений и пол

Среди дружащих девочек отношения более доверительные, чем среди мальчиков (Rubin K., 1983). У девочек близкие дружеские отношения с противоположным полом завязываются раньше, чем у мальчиков (Sharabany R., Gershony R., Hoffman J., 1981). Однако мальчики младшего школьного возраста в большей мере удовлетворены отношениями со сверстниками, чем девочки (Архиреева Т. В., 2007).

Эта же тенденция сохраняется и у взрослых. Как отмечается в ряде работ (Bank, Hansford, 2000; Burleson, 2003; Fechr, 2004), мужчины в меньшей степени хотят близких дружеских отношений, чем женщины. Мужчины оказывают меньшую поддержку своим друзьям, чем женщины. Согласно данным М. Аргайла и других авторов (Caldwell M., Peplau L., 1982; Dolgin et al., 1991; Shaffer et al., 1991), женщины имеют более тесные дружеские взаимоотношения, чем мужчины, они более склонны к самораскрытию и ведут более интимные разговоры. Причем интимность отношений сильно проявляется уже у девочек-подростков, что побуждает их к установлению контактов с лицами противоположного пола. А. А. Бодалев (1979) отмечает, что косвенным свидетельством большей значимости сферы межличностных, в частности интимных, коммуникаций для женщин и меньшей — для мужчин являются причины мужских и женских неврозов. По данным психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, около 80% неврозов женщин являются следствием такого развития взаимоотношений в семейной сфере, которое расходится с их желаниями, с их притязаниями, а у мужчин этот фактор имеет отношение к неврозам только в 20% случаев. Отсутствие интимных отношений женщины переживают сильнее, чем мужчины, но при этом они способны лучше маскироваться и сублимироваться.

Файлд (Fild, 1999) сообщает, что женщины поддерживают дружеские связи и одинаковую степень близости на протяжении всего зрелого периода жизни. У мужчин же уменьшается количество новых друзей, они реже стремятся к близкой дружбе и проявляют при этом меньше интимности в отношениях. Женщины, особенно в зрелом возрасте, сожалеют о потерях друзей, вызванных переездом, разрывом или смертью (Steven, Van Tilburg, 2000). ...Все это доказывает, что для женщины дружба имеет очень большое значение в течение всего жизненного цикла (Kuttler et al., 1999; Rose, 1995; Rose, Roades, 1987; Roy et al., 2000; Stevens, van Tilburg, 2000). Исследователи сообщают также, что некоторые женщины переносят разрыв дружбы гораздо более болезненно, чем разрыв любовных отношений.

Палуди М., 2003, с. 251.

И мужчины и женщины описывают свои дружеские отношения с женщинами как более близкие, приносящие радость и взаимную заботу.

Хотя мужчины более склонны к совместной деятельности и совместным играм с друзьями, они имеют больше «секретов», чем женщины, менее откровенны и неохотно делятся с другими интимной информацией. Даже испытывая достаточно сильное чувство привязанности, они боятся его проявлять, так как самораскрытие считается признаком слабости и приводит к потере уважения со стороны других мужчин. Поэтому мужчины более одиноки, чем женщины. Несмотря на то что круг общения у мужчин может быть более широким, общение носит более поверхностный характер, чем у женщин. От мужчин редко ждут эмоциональной поддержки, поскольку они реагируют на раскрытие перед ними чувств другого человека настолько логично и безэмоционально, что это можно принять за отвержение. В свою очередь мужчины, избегающие самораскрытия, тем самым уменьшают возможность получить поддержку от других, поскольку окружающие могут и не догадываться, что такая поддержка требуется (Saurer M., Eisler R., 1990).

Женщины считают свое общение с близкими им людьми более тесным и стабильным, чем мужчины; 57% женщин отмечали увеличение с возрастом близости с другими людьми, и лишь 7% из них говорили об ее уменьшении. У мужчин только 25% обследованных подтвердили ее увеличение, а 51% – уменьшение; 29% мужчин оценили свои коммуникативные контакты с женщинами как более близкие и вместе с тем как более неустойчивые, чем с мужчинами.

Как показано Н. В. Матрехиной, существенных различий между мужчинами и женщинами в близости – дистанцированности отношений с членами социальной сети не наблюдается (табл. 12.1).

Однако можно отметить слабо выраженную тенденцию большего количества близких отношений в мужской выборке и дистантных отношений в женской выборке.

Что касается эмоциональной окрашенности отношений, то здесь выявляется в принципе та же тенденция: в мужской выборке, начиная с возраста 18–22 лет, положительные отношения с членами социальной сети встречаются чаще, чем в женской выборке, а конфликтные отношения, начиная с возраста 15–17 лет, чаще встречаются в женской выборке. Это совпадает с полученными в последних исследованиях данными, что женщины обладают большей конфликтностью, чем мужчины (Жарновецкая Н. Ю., 2007).

Таблица 12.1. Процент случаев с различной степенью близости отношений с членами социальной сети в мужской и женской выборках

Возраст, лет	Близкие отношения		Средние по степени близости отношения		Дистантные отношения	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
8–9	82	90	7	5	12	6
12–14	61	41	24	36	14	23
15–17	56	54	35	30	10	16
18–22	44	34	35	37	21	29
23–35	49	38	41	35	19	27

Сексуальное разделение деятельности ограничивает возможности мужчин и женщин становиться друзьями (Benenson et al., 1998). Женщины сообщают, что их дружба с мужчинами дает им меньше вознаграждений, интимности и поддержки по сравнению с женской дружбой (Basow, 1986). Сюзан Басоу заметила, что во взаимоотношениях мужчины и женщины мужчины предпочитают раскрывать силу, а женщины – слабость.

Палуди М., 2003, с. 252–253.

Дружеские и особенно интимные отношения могут сопровождаться *ревностью.* При наличии интимных отношений мужчин больше огорчает сексуальная неверность, а женщин – влюбленность партнера в другую женщину (Buss et al., 1992; Buunk et al., 1996).

12.3. Взаимность отношений и сплоченность среди мужчин и женщин

Взаимность отношений рассматривается как баланс между обеспечением и получением услуг, помощи партнеров друг другу. Изучение выраженности этого показателя (а точнее – дисбаланса) у мужчин и женщин Н. В. Матрехиной показало, что женщины чаще испытывают больший дисбаланс, чем мужчины, начиная с подросткового возраста (табл. 12.2).

Таблица 12.2. Средние показатели дисбаланса отношений человека с членами социальной сети

Возраст, лет	Мужская выборка	Женская выборка
12–14	0,29	0,32
15–17	0,36	0,45
18–22	0,35	0,39
23–35	0,32	0,45

В последней возрастной группе различия достоверные на уровне $p < 0{,}01$.

Это подтверждается данными социометрии. В. Н. Васильевой и Н. А. Васильевым (1979) выявлено, что в младших классах сплоченность девочек выше, чем мальчиков, однако с V класса мальчики становятся более сплоченными, чем девочки (табл. 12.3). Большая сплоченность мужчин по сравнению с женщинами подтвердилась и на студенческих учебных группах: среди мужчин коэффициент сплоченности был в пределах 0,28–0, 53, а среди женщин – 0,08–0,11.

Таблица 12.3. Сплоченность лиц мужского и женского пола различного возраста

Классы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Мужчины	0,04	0,01	0,17	0,16	0,64	0,70	0,91	0,05	0,80	0,89
Женщины	0,29	0,40	0,23	0,43	0,58	0,29	0,39	–0,04	0,70	0,31

Эти данные свидетельствуют о том, что девочки, придя в школу, быстрее устанавливают контакты друг с другом, чем мальчики, но эти контакты у них менее прочные и легко разрушаются в средних и старших классах. Отсутствие контактов между мальчиками и девочками приводит к тому, что общая сплоченность в I–VIII классах практически была нулевой (от –0,09 до 0,16) и только в IX–X классах выросла до 0,59–0,27.

По данным В. А. Гончарова (2001), число «изгоев» среди школьников VII–VIII классов значительно выше у девочек, хотя зачастую они не осознают своего положения в классе. Девочки отвергаются из-за особенностей темперамента или интеллекта, а мальчики – из-за особенностей характера. Число школьников, получивших большое число положительных выборов, выше у мальчиков (41–54%), чем у девочек (37–42%), что подтверждает большую сплоченность среди мальчиков.

Элизабет Эрих (1976) обнаружила, что в группах, состоящих из одних мужчин, устанавливаются более тесные отношения, чем в группах, состоящих из одних женщин, так что один из членов мужской группы обращается к своей группе как к единому целому. Кроме того, в мужских группах наблюдается большая четкость иерархии, чем в женских (Baumayster, Sommer, 1997; Loy, 2000).

Как отмечает Я. Л. Коломинский (Реан А. А., Коломинский Я. Л., 1999), чаще всего представителей противоположного пола выбирают те ученики младших и средних классов, которые занимают неблагоприятное положение в системе личных взаимоотношений. Так, если «звезды» выбирали представителей противоположного пола в 30%, то отвергаемые – в 75%.

По данным зарубежных авторов, отношения между мужчинами характеризуются большей конфликтностью и соревновательностью (Aries E., Johnson E., 1983; Aucket et al., 1988; Farr K., 1988). Конфликтные отношения между собой мальчики выясняют посредством силы, отвергая более слабого. Конфликтные ситуации между девочками решаются на эмоциональном уровне, в спорах, бойкотировании. Они чаще «наговаривают» друг на друга. Среди девочек распространены нежные прозвища, тогда как мальчики за основу кличек берут физические особенности или фамилии.

12.4. Гендерные аспекты одиночества

Одиночество — это эпизодически возникающее острое переживание беспокойства (в крайнем своем выражении — тоски), связанное с неудовлетворенным стремлением иметь дружеские или интимные отношения. Человек испытывает потребность быть среди людей, иметь не просто контакты, но и понимание, признание и положительные взаимоотношения с ними (потребность в аффилиации). Если этого не происходит, он осознает свою отчужденность от окружения и переживает ее как одиночество.

Е. Н. Мухиярова (2006) установила, что одиночество женщин связано с тоской по конкретному человеку, отсутствием любимого человека, в то время как у мужчин — с осознанием своей ненужности, с неудачей в самореализации, с неудовлетворенностью своей жизнью.

Переживают одиночество мужчины и женщины по-разному. Мужчины испытывают скуку, острее переживают сочувствие к себе, более нетерпимы к себе. Женщинам свойственны меланхолия, депрессия, ощущение своей непривлекательности, незащищенности.

Женщины более изобретательны в нахождении занятий и способов преодоления одиночества, чем мужчины, и предпочитают активные действия. Мужчины же проявляют пассивность.

ГЛАВА 13

Особенности поведения мужчин и женщин

13.1. Стратегии взаимоотношений с окружающим миром

А. Монтаори (Montuori, 1989) отмечает, что мужское отношение к окружающему миру характеризуется напористостью, самоуверенностью, ориентацией на самоконтроль. Для того чтобы отделиться от мира, необходимо манипулировать кем-то из окружения, убеждаясь таким образом в своей независимости. Мужчины в большей степени сосредоточены на задаче, поэтому мужской стиль описывается как аналитический и манипулятивный. Мужская психология сконцентрирована вокруг доминантных, подчиняющих ритуалов и иерархий, где всегда есть победитель и проигравший. Мужчина убежден, что стоять на вершине ситуации — необходимое условие для выживания. Эта установка не признает альтернативы партнерского стиля, свойственного женской психологии.

Эти различия в мужской и женской психологии отметил еще Макклелланд (1975), обнаруживший, что для девочек взаимодействие и взаимозависимость с окружением более значимы, чем для мальчиков, которые предпочитают продвигаться вперед самоуверенно, не отвлекаясь на то, что происходит вокруг них.

Неслучайно поэтому сложилось мнение, что мужчины более *самолюбивы*, чем женщины. Вот какие занятные размышления по этому поводу имеются в книге Д. В. Колесова и Н. Б. Сельверовой (1978): «Женщина может быть умнее и способнее многих мужчин и прекрасно это сознавать, но ей хочется (это психологическая потребность), чтобы конкретный ее избранник был все же по этим признакам выше ее, хотя бы немного. Во всяком случае, никакая женщина ничего против этого не имеет — в отличие от мужчины. И если какая-либо женщина умнее своего мужа, то скорее ей приходится быть умнее, чем она специально стремится к этому. ... Если для мужчины достижение или успех другого человека обычно является как бы посторонним, не его личным успехом (при самой положительной оценке этого успеха), то женщина может испытывать от успеха любимого человека не меньшее удовлетворение, как если бы это был ее личный успех. ... В результате этого, при прочих равных условиях, женщина уступает или склонна уступать муж-

чине пальму первенства, и может создаться впечатление, что у мужчины есть для этого реальные основания. Поэтому необходимо различать ситуацию, когда женщина должна решить какой-то вопрос в присутствии мужчины или надеясь на его содействие и когда она вынуждена действовать совершенно самостоятельно. Результат действия мужчины и женщины в аналогичной ситуации в подавляющем большинстве случаев будет одинаковым, но поведение женщины в обоих случаях — различно. Отдельные же мужчины сознательно используют это для того, чтобы утвердиться в мысли о собственном умственном превосходстве» (с. 25).

Не правда ли, женщина выступает в представлении некоторых авторов как мать, которая имеет дело с неразумным, но самолюбивым дитем, подыгрывая ему и действуя по принципу: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало? Откровенно такую позицию обозначила Г. Майзель-Гесс: «Это последнее убежище бедняги, на которого другие мужчины смотрят сверху вниз, ибо если не женщина, то кто же тогда будет глупее, чем он?» (Ф. Пробст, Г. Майзель-Гесс, 1909. с. 126).

Ритуальное поведение. Женщины чаще, чем мужчины, используют ритуальное поведение и чаще становятся зависимыми от него. Мужчины используют ритуальное поведение как вариант двигательной активности, а женщины — как способ изменения эмоционального фона (Старобинский Б. М., 2003).

13.2. Стратегии поведения мужчин и женщин в роли покупателей

Н. А. Вельковой (2008) в ходе наблюдения было обнаружено, что женщины почти в 2 раза больше заинтересовывались рекламируемым товаром, чем мужчины, и коэффициент вовлечения в потребление оказался в 1,3 раза выше у женщин (в среднем 58,2%), чем у мужчин (в среднем 43,8%), причем данные различия являются статистически значимыми.

Как отмечают И. А. Дуберштейн и Э. Э. Линчевский (1980), для большинства покупателей-мужчин характерно стремление не показаться мелочными, побыстрее принять решение, они придают большое значение приветливости продавца и чувствуют себя обязанными, если им была оказана помощь при выборе товара. Женщины дольше выбирают, чаще возражают, лучше разбираются в моде, поэтому их обслуживать труднее.

Возможно, большая покладистость мужчин в роли покупателей вызывает ответный отклик у продавцов и делает их тоже более покладистыми в торгах с мужчинами, а не с женщинами. Например, Й. Эрз (Ayres J., 1991) установил, что при продаже машин девяносто дилеров охотнее уступали в цене мужчинам, чем женщинам.

Женщины предпочитают покупать вещи, обеспечивающие им эмоциональный комфорт и улучшающие их отношения с другими. Мужчины же больше ценят возможность самовыражения, функциональность и пользу приобретенных вещей. По мнению Х. Диттмар, это различие отражает существующие в культуре символические конструкции женственности и мужественности, предполагающие ориентацию мужчины на внешнюю активность и личные достижения, а женщины — на внутренний комфорт и гармоничные взаимоотношения с другими.

> **Различия в критериях выбора товаров между мужчинами и женщинами оказались не столь выраженными, как можно было ожидать, учитывая распространенный стереотип мужчины как существа рационального, а женщины как создания неуравновешенного и подверженного настроениям. При покупке «плановых» товаров цена оказалась для женщин даже важнее, чем для мужчин. А при покупке «импульсивных» товаров экономические соображения оказались одинаково несущественными как для мужчин, так и для женщин.**
>
> **Фенько А. Б., 2004, с. 266–267.**

Женщина обычно заведует семейным бюджетом и значительно свободнее, чем мужчина, расходует деньги не только на то, что ею намечено заранее, но и на товары, покупка которых не входила в ее непосредственные планы. Так, 44% британских женщин признались, что покупка обуви является для них своеобразным труднопреодолимым влечением. Социологический опрос показал, что в среднем у британских женщин имеется по 30 пар обуви.

По данным английских психологов, необходимость стоять в очереди приводит большинство мужчин в ярость. При покупке вещи мужчины в основном обращают внимание на ее практичность, удобство, а женщины — на стиль, модную актуальность.

13.3. Поведение мужчин и женщин в конфликтных и фрустрирующих ситуациях

Уже в раннем детстве девочки послушнее мальчиков в отношении просьб и требований родителей, а в более позднем возрасте — и учителей (Feingold, 1994). Стараясь убедить поступить так, как им хочется, девочки используют тактичные и вежливые предложения, в то время как мальчики чаще применяют требовательные и контролирующие стратегии (Leaper et al., 1999; Strough, Berg, 2000).

Женщины хуже справляются с эмоциональными проблемами и возникающими трудностями, сильнее переживают семейные и личные конфликты (Березовская Р. А., 2001; Грошев И. В., 1996). У женщин-менеджеров по сравнению с мужчинами-менеджерами ярче выражена негативная симптоматика переживаний стрессовых состояний (Леонова А. Б., Качина А. А., 2006). По данным Темрес с соавторами (Tamres et al., 2002), женщины по сравнению с мужчинами оценивают стресс-факторы как более жесткие.

Как уже было отмечено, женщины, испытывая подавленность, стремятся думать о возможных причинах своего состояния. Эта реакция «тщательного обдумывания» приводит к навязчивому фокусированию на проблеме и увеличивает уязвимость женщины по отношению к стресс-фактору (Noelen-Hoeksema S., 1990). Мужчины, наоборот, пытаются отгородиться от депрессивных эмоций, концентрируясь на чем-то другом, например, осуществляя физическую активность, чтобы таким способом разрядить возникшее негативное напряжение.

И. В. Грошев (1996) тоже выявил, что мужчины и женщины по-разному разрешают конфликтные ситуации, возникающие в семейном и домашнем кругу. Женщины проявляют больше терпимости и стремления к компромиссному примирению интересов. Мужчины в этой ситуации чаще прибегают к «крепким» выражениям и ругательствам, а женщины скорее готовы заплакать.

М. А. Круглова (1999), изучая стратегии поведения при психологической защите, выявила, что у женщин разрыв между тремя видами стратегии (избегание, агрессия и миролюбие) минимален, в то время как у мужчин наблюдается либо избегание (стремление уйти от конфликта), либо агрессия. Миролюбие у них выражено значительно меньше, чем у женщин.

По данным И. М. Никольской (2001), сравнивавшей копинг-стратегии мальчиков и девочек I–V классов в трудных и неприятных для них ситуациях, мальчики в 2 раза чаще, чем девочки, обращаются к стратегии «борюсь, дерусь» и в 1,5 раза чаще — к стратегии «дразню кого-нибудь». Таким образом, и эти данные подтверждают, что мальчики чаще склонны прибегать к стратегии, связанной с проявлением агрессии. Девочки достоверно чаще мальчиков используют стратегии «обнимаю, прижимаю, глажу», «плачу, грущу». Это указывает на их большую потребность в тесной привязанности, в эмоциональной разрядке через слезы и жалость к себе и другим, на трудности самораскрытия.

Ю. М. Чуйковой (2001) установлено, что при преодолении конфликтов у мужчин больше выражены соперничество и особенно компромиссы, а у женщин — приспособление и сотрудничество. Стратегия избегания, по ее данным, была выражена у мужчин и женщин одинаково.

Юноши связывают фемининность с копинг-стратегией поиска социальной поддержки и с приспособлением, а маскулинность не привязывают ни к какой конкретной стратегии, тогда как девушки связывают фемининность с избеганием проблем, а маскулинность – со стратегией решения проблем. Таким образом, можно сказать, что девушки ожидают от юношей умения решать проблемы, тогда как настоящая женщина, на их взгляд, наоборот, не стремится этого делать и более склонна к избеганию неприятностей и уходу от проблем, следовательно, нуждается в посторонней помощи. Полученные результаты укладываются в традиционную схему взаимоотношений полов: настоящий мужчина опекает и заботится о женщине, женщина рассчитывает, что мужчина оградит ее и от проблем, и от их решения. Но в современном мире такая картина скрывает в себе потенциальные конфликты: юноши не связывают мужественность с какой-либо определенной совладающей стратегией, тогда как девушки ждут от них умения решать все проблемы. Юноши считают, что женственным девушкам свойственно прибегать к помощи других людей, тогда как девушки расценивают женственность как слабость и нежелание решать проблемы вообще, уходить от них. Таким образом, с точки зрения девушек, чтобы добиться успехов, нужно избирать мужскую линию поведения и отказываться от своей природной женственности или, наоборот, отказываться от активных способов адаптации, чтобы сохранить женскую половую идентичность.

Чижова Е. А., 2005, с. 147.

Е. А. Фау (2006) отмечает, что при выборе механизма психологической защиты женщины чаще пользуются механизмом реактивного образования, а мужчины —

вытеснением. После переживания «потрясения» (болезнь, смерть близкого, предательство, потери) женщины в большей степени склонны к позитивным изменениям, чем мужчины (в 58 и 42% соответственно). Отрицательный исход встречается в основном у мужчин (в 71% случаев против 29% у женщин). Е. А. Анненкова (2007) выявила, что для юношей более характерно использование проблемно-ориентированных стратегий совладания, для девушек — копинг, ориентированный на эмоциональное реагирование. Однако в ситуации предательства друзей юноши могут использовать эмоционально-ориентированные стратегии, а девушки при провале на экзаменах прибегают к проблемно-ориентированным способам совладания.

По данным Ю. Ли (2009), полученным на китайских подростках, мальчики используют более мобильные, продуктивные, гибкие способы поведения, они более активны и озабочены целенаправленным разрешением проблем. Девочки же чаще искали поддержку. Они более озабочены возможностью регулировать стрессовые эмоции. В трудных ситуациях девочки в большей степени проявляли беззаботность, вытеснение, оказались менее компетентными и умелыми.

Ю. Ли отмечает, что мальчики и девочки сильно различались в выборе такого способа совладания, как интернальное преодоление: данную стратегию мальчики выбирают гораздо чаще, чем девочки. То же различие выявилось и в отношении стратегий преодоления с социальной поддержкой и избегания проблем. Это свидетельствует о том, что, сталкиваясь с проблемами, мальчики, с одной стороны, активно решают проблемы (обращение за поддержкой социума, когнитивное проигрывание решения), а с другой — более склонны к физической разрядке.

Во время семейной ссоры, как отмечает И. В. Грошев, женщины чаще вспоминают старые грехи и ошибки, допущенные супругом в прошлом. Мужчины же больше придерживаются проблемы, из-за которой возникла ссора.

Женщины при разрешении конфликтов больше ориентируются на чужое мнение, что объясняется, по мнению И. В. Грошева, их большей конформностью, а потому при разрешении конфликта с участием женщин велика роль посредника. Поэтому, пишет Р. А. Березовская, женщины чаще обращаются за помощью к другим людям, психологам, врачам, психотерапевтам, пытаясь в разговоре снять психическое напряжение. При этом, как показано И. В. Грошевым, мужчины выбирают посредника по его деловым и статусным параметрам, а женщины придают значение и его внешности. И. М. Никольская (2001) отмечает, что женщины в трудную минуту больше нуждаются не только в какой-то реальной значимой фигуре, но и в «воображаемой» (в том числе и Бога), чтобы опереться на ее силу и мощь. Например, девочки, как отмечает И. М. Никольская, часто используют такие приемы, как «говорю сама с собой», «молюсь». Это объясняет, как мне кажется, большую *религиозность* женщин, а также мужчин с выраженным фемининным личностным профилем. Л. Френсис и П. Пирсон (Francis, Pearson, 1993) выявили, например, что у регулярно посещающих церковь мужчин фемининный личностный профиль обнаруживается значительно чаще, чем у других мужчин, и пришли к выводу, что религиозность мужчин более гармонично сочетается с фемининным мировоззрением.

Мужчины всегда правы, а женщины никогда не ошибаются.
Эльзасская пословица

Половые различия в производственных конфликтах, по данным И. В. Грошева, выражаются в следующем. Мужчины больше предрасположены к конфликтам, связанным непосредственно с трудовой деятельностью. Для женщин характерна тенденция к большей частоте конфликтов в связи с их личными потребностями. По данным Р. А. Березовской (2001), мужчины значимо чаще используют такие стратегии, как анализ ситуации и систематизация рабочего времени.

Изучение типов и направленности фрустрации в группах мужчин и женщин И. А. Юровым (1981) показало, что в частоте проявления типов реакций (O–D — подчеркивание наличия препятствий, N–P — акцентирование на достижении результата) особых различий нет; по направленности реакций у мужчин несколько чаще встречается вариант E (внешнеобвинительные реакции), а у женщин — вариант M (безобвинительные реакции) (табл. 13.1).

Таблица 13.1. Средние значения типов и направленности фрустрированности мужчин и женщин (процент случаев)

Испытуемые	Тип реакции			Направленность реакции		
	O–D	E–D	N–P	E	I	M
Мужчины	33,7	47,5	18,7	44,2	22,0	33,7
Женщины	34,0	48,5	17,5	38,5	23,0	38,5

В социально фрустрирующей ситуации женщинам более присуща интрапунитивная направленность реакции, связанная с самообвинением (Винокуров А. И., 1996). Сходные данные получены и Е. А. Чижовой (2005): юноши более склонны к экстрапунитивной форме фрустрации, а девушки — к интрапунитивной (импунитивная форма встречается у тех и других одинаково часто). Реакция с фиксацией на препятствии выражена у юношей и девушек примерно одинаково, а реакция с фиксацией на удовлетворении потребности чаще проявляется у девушек.

В ходе исследования были получены результаты, свидетельствующие о наличии значимых различий между мужчинами и женщинами в плане готовности [при фрустрации. – *Е. И.*] одних (мужчин) использовать новые революционные методы, в то время как другие (женщины) предпочитают действовать привычными, знакомыми методами. Кроме того, можно сказать, что фактор пола оказывает влияние на поведение человека и в конфликтной ситуации, в частности на выбор стратегии поведения. Женщины, например, в силу большей эмоциональности по сравнению с мужчинами чаще выбирают соперничающие стратегии поведения в конфликте. Мужчины проявляют большую склонность к компромиссу и избеганию, предпочитая сохранить отношения и не переходить на личности. В ситуациях, когда в конфликте принимают участие представители обоего пола, мужчина чаще отдает «руководство» ситуацией женщине, а она принимает на себя эту роль. В ситуации фрустрации женщины чаще проявляют склонность к поведению самообвинения. Причиной тому может быть чувство вины, которое, возможно, появляется из-за чрезмерной эмоциональности женщин. Готовность женщины проявить инициативу в разрешении конфликтной

ситуации, вероятно, можно объяснить большей эмпатичностью, способность сопереживать дает ей возможность поставить себя на место другого и представить его переживания по данному поводу, в данный момент.

...Значимым оказывается не только пол человека, реагирующего на фрустрацию, но и пол второго человека, «создающего» фрустрирующую ситуацию. Так, в своих реакциях на ситуацию, где в качестве фрустратора и фрустрируемого выступали представители мужского пола, мужчины демонстрировали готовность принимать участие в решении проблемы, брать на себя ответственность в преодолении трудности, в то время как в ситуациях, где пол участников был разный, мужчины предпочитали перекладывать ответственность за решение на другого. Женщины в конфликтной ситуации проявляли склонность к самозащите, с принятием на себя ответственности за решение проблемы, причем данное поведение проявлялось независимо от пола участников ситуации.

Белевцова Е. Е., 2005, с. 11–12.

Половые различия в выраженности видов психологической защиты. По данным Е. Ф. Рыбалко и Т. В. Тулупьевой (1999), имеются достоверные различия между юношами и девушками по выраженности некоторых видов психологической защиты (табл. 13.2).

Таблица 13.2. Средняя выраженность различных видов психологической защиты в юношеском возрасте (в процентном отношении от максимально возможной)

Вид защиты	Юноши	Девушки	*p*
Проекция	58,5	62,2	
Рационализация	53,7	53,2	
Отрицание	50,2	47,5	
Компенсация	45,6	50,9	0,01
Вытеснение	36,5	21,8	0,001
Регрессия	36,2	38,9	
Реактивное образование	32,1	51,5	0,01
Замещение	30,9	30,5	
Общий уровень	42,4	45,1	

У девушек больше выражен защитный механизм по типам: компенсация, реактивное образование, регрессия и проекция; у юношей: вытеснение и отрицание. Поскольку реактивное образование подразумевает подмену негативного импульса или чувства на социально одобряемый, то можно полагать, что девушки чаще скрывают от самих себя мотив собственного поведения. У юношей этот вид защиты имеет наименьшее значение, в то время как у девушек на последнем месте в качестве способа защиты стоит вытеснение.

М. Д. Петраш (2001) в своем исследовании работников скорой помощи выявила во многом сходные факты. Женщины чаще, чем мужчины, предпочитают такие защитные механизмы, как проекция, регрессия, реактивное образование, а мужчины чаще, чем женщины, — вытеснение и интеллектуализацию (рис. 13.1).

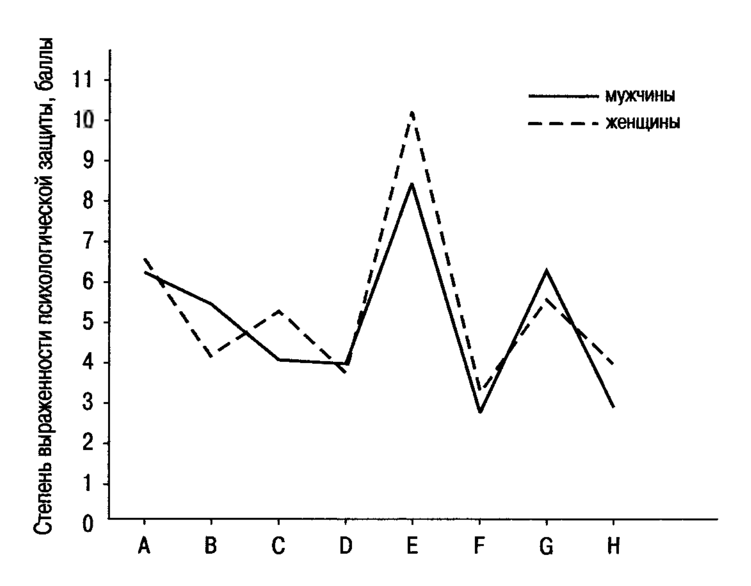

Рис. 13.1. Профиль доминирующих механизмов психологической защиты у мужчин и женщин: *А* – отрицание; *В* – вытеснение; *С* – регрессия; *D* – компенсация; *Е* – проекция; *F* – замещение; *G* – интеллектуализация; *Н* – реактивное образование

Когда марсианин расстроен, он никогда не скажет, что его беспокоит. Он ни за что не станет обременять другого марсианина своими проблемами, кроме тех случаев, когда дружеская помощь необходима. Вместо этого он становится очень тихим и замыкается в себе, чтобы обдумать свою проблему и найти решение. ... Если он не может найти решение, то пытается забыть о проблеме, читая газету или играя в какую-нибудь игру. Перестав думать о проблеме, он может постепенно расслабиться. А если стресс очень тяжелый, то марсианину необходимо заняться чем-то серьезным, например покататься на машине, принять участие в состязании или заняться альпинизмом.

Расстроенная или подавленная обитательница Венеры, чтобы почувствовать облегчение, находит кого-то, кому доверяет и рассказывает о своей проблеме в мельчайших подробностях. Когда женщина делится переполняющими ее чувствами, ей становится легче (с. 483).

...Чем дольше и эмоциональнее они (женщины) говорят, тем лучше им становится. Так действуют женщины. и ожидать от них другого – значит просто не признавать то, что они – женщины... Тогда как мужчина в стрессовой ситуации сосредоточивается на одной проблеме и забывает обо всем остальном, женщина склонна перегружать себя всеми проблемами разом... Обсудив одну проблему, она остановится на минутку и затем перейдет к следующей. Таким способом женщина продлевает разговор о проблемах, тревогах, разочарованиях и трудностях. Причем все это логически не связано и рассказывается абсолютно беспорядочно. Если женщина чувствует, что ее не понимают, она расстраивается еще больше – ведь к ее проблемам добавилась еще одна (с. 484).

...Мужчины сразу начинают предлагать решения, когда женщины говорят о своих делах. Когда женщина простодушно делится с мужчиной своими горестями или бурно рассказывает о проблемах дня, мужчина ошибочно воспринимает это за потребность в совете компетентного человека. Он надевает шляпу Мистера Всезнайки и принимается давать советы, причем это является способом... искреннего желания помочь.

...Однако та все равно расстроена – и мужчине очень трудно слушать ве, потому что предложенное им решение отвергнуто и он чувствует себя бесполезным. Он даже не представляет, что может оказать поддержку просто интересом и сочувствием. Он не знает о том, что на Венере разговоры о проблемах не являются просьбой дать совет (с. 480).

Грей Дж., 2001.

По данным Е. Поляковой (2003), реактивное образование несколько чаще используется мужчинами, а рационализация достоверно более чаще используется женщинами.

Возрастные изменения стратегий совладающего поведения. Начиная с К. Юнга ученые высказывают предположение, что стили совладающего поведения у мужчин и женщин с возрастом изменяются по-разному. Мужчины в старости переходят от активного стиля к пассивному. После того как они почти всю жизнь несли ответственность за других, содержали семью и принимали решения, они, вероятно, чувствуют себя вправе выразить всю сложность своей личности, включая и те ее черты, которые принято считать женскими. Чем старее они становятся, тем больше продвигаются от активного к пассивному стилю, названному Д. Гутманном (Gutmann, 1975) «магическая власть»; при этом стиле они отбивают атаки реальности с помощью множества приемов, таких как проекция и искажение. Женщины с возрастом начинают в большей мере проявлять «мужские» черты: властность, агрессивность и практичность.

По данным А. К. Канатова (2000), мужчины обладают более гибким поведением, чем женщины (табл. 13.3). Правда, с возрастом это различие уменьшается.

Таблица 13.3. Гибкость поведения мужчин и женщин (баллы)

Пол	До 25 лет	26–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
Мужчины	5,5	5,1	4,3	3,7
Женщины	5,0	4,4	4,0	3,5

13.4. Альтруистическое поведение и пол

Ш. Берн пишет, что «общепринятые стереотипы, описывающие женщин заботливыми и сочувствующими, наталкивают на мысль, что они должны больше, чем мужчины, помогать окружающим, тогда как в ходе метаанализа социально-психологических исследований готовности помочь, проведенного Игли и Кроули (Eagly, Crowley, 1986), выяснилось, что чаще помогают другим как раз мужчины, а не женщины» (2001, с. 115). Справедливость этого заключения подтверждается и работами отечественных психологов.

Хотя люди обычно считают, что девочки являются (или станут) более заботливыми, щедрыми и сострадательными, чем мальчики (Shigetomi, Hartmann, Gelfand, 1981), в ходе как лабораторного эксперимента, так и опросов не было получено веских доказательств данной гипотезы (Gruses,

Goodnow, Cohen, 1996; Radke-Yarow et al., 1983). Девочки часто демонстрируют эмоциональные выражения лица и интонации, передающие сильное страдание (Hastings et al., 2000), но в большинстве исследований было показано, что девочки и женщины не обладают значимыми отличиями от мальчиков и мужчин как по силе страдания (вывод сделан на основании самохарактеристик), так и по готовности утешать, оказывать помощь или делиться с нуждающимися людьми (Eisenberg, Fabes, 1998). Не существует и достоверных доказательств того, что девочки больше мальчиков склонны к поиску помощи... Таким образом, гипотезы большей альтруистичности девочек или того, что девочки в меньшей, чем мальчики, степени способны к достижению успеха без прямой помощи, представляют собой культурные мифы, не имеющие под собой фактической основы.

Шэффер Д., 2003, с. 744–745.

Изучение В. В. Абраменковой (1980) эмпатичности детей в возрасте 5-7 лет показало, что девочки в ситуации угрозы наказания в меньшей степени, чем мальчики, склонны проявлять гуманное отношение к сверстнице. Девочек больше заботит собственное благополучие, а мальчиков — товарища. Однако эта закономерность проявляется только в ситуации группового взаимодействия. В ситуации наедине с экспериментатором все меняется. Мальчиков в большей степени волнует собственное благополучие, девочки же в большей степени заботятся о благополучии сверстницы. Таким образом, делает вывод В. В. Абраменкова, группа сверстников различным образом влияет на гуманное поведение мальчиков и девочек дошкольного возраста. У мальчиков группа катализирует их способность к действенной идентификации, вызывает соревновательный азарт, взаимовлияние; у девочек таким катализатором является взрослый (экспериментатор). Девочки же более старательны и ответственны наедине с экспериментатором, очевидно, в силу того, что у них больше выражена ориентация на позицию взрослого, стремление отвечать его ожиданиям. Для мальчиков же большее значение имеет мнение сверстников.

Дальнейшее исследование В. В. Абраменковой (1987) этого вопроса на старших детях (школьниках младших и средних классов) показало, что на рубеже 9–10 лет выявленные соотношения «переворачиваются», т. е. более гуманными к своим сверстникам оказываются девочки. Это подтверждается и в других работах: например, в издании «Этнография детства» (1983) приводятся такие данные: в возрасте 7–11 лет девочки более заботливы, гуманны в общении со сверстниками и младшими детьми, чем мальчики. В 12–13 лет различия в проявлении гуманности между мальчиками и девочками, по данным В. В. Абраменковой, исчезают.

Э. Игли отмечает, что оказание помощи зависит от типа помогающих действий, которые предписываются гендерными ролями. Мужчины чаще проявляют сочувствие и альтруизм (оказывают помощь) в тех случаях, когда это касается галантного, рыцарского или героического поведения, в том числе по спасению людей даже с риском для собственного здоровья, особенно в присутствии других людей («героическая» и «кавалерская» помощь) (Hamilton, 2001). Женщины чаще оказывают помощь, если требуется ее более уступчивая, услужливая форма, если требуется позаботиться о личных и эмоциональных потребностях других («заботливая помощь»). Женщины тратят больше времени на заботу о дошкольниках и престарелых родителях. Они покупают большую часть поздравительных открыток и подарков к дням рождения и праздникам (De Stefano, Colasanto, 1990).

Женщины, имевшие высокие показатели потребности во власти, чаще придерживались диеты, имели больше кредитных карт, ежедневно потребляли больше жидкости (сока, кофе и других неалкогольных напитков), чаще утверждали, что были бы не против стать донором органов после смерти. Это свидетельствует о том, что женщины в данной выборке в большей мере, чем мужчины, придерживались альтруистических ценностей. У них мотив власти пробуждает желание получить доступ к ресурсам, чтобы передать их другим людям. Исходя из того, что они поддерживают свое тело в форме, придерживаясь диет и потребляя больше жидкости, а также в связи с тем, что у них больше кредитных карт, можно предположить, что у них больше возможностей оказывать помощь. Они даже задумываются о том, чтобы использовать свое тело после смерти как ресурс для других людей. С другой стороны, поскольку мужская роль предполагает ценность ассертивности, мужчины с выраженной потребностью во власти скорее ассертивны и настроены на конкуренцию, чем заинтересованы в накоплении ресурсов для их последующей передачи другим людям.

Макклелланд Д., 2007, с. 343–344.

Уход за больным супругом. Жены чаще жалуются на стресс, связанный с уходом за немощным супругом, чем мужья, хотя эта разница и не велика (Miller B., 1990). Р. Пручно и Н. Рэш (Pruchno, Resh, 1989) предполагают, что отчасти это объясняется изменением половых ролей в семье, наблюдающимся в преклонном возрасте. Мужчины, которые с возрастом все больше ориентируются на семью, обеспечивают такой уход охотнее; женщинам же кажется, что они и так всю жизнь провели в заботах о семье.

Филантропия. Женщины более склонны к филантропии. Д. Майерс (2000) приводит данные, полученные в США, согласно которым среди оставивших для благотворительности наследство на сумму свыше пяти миллионов долларов было 48% женщин и 35% мужчин. Женские колледжи получают очень большие пожертвования от своих выпускниц.

Было обнаружено, что ценности женщин отличаются от ценностей мужчин. ... Женщины в обследованной выборке были более социоцентричны, чем мужчины... Родители девочек были более склонны прививать им социоцентрические представления, чем мальчикам. Женщины чаще давали взаймы деньги и чаще соглашались посмотреть за детьми, поскольку им это нравится.

Макклелланд Д., 2007, с. 343.

13.5. Пол и бюджет времени

В ряде социологических исследований, проведенных в нашей стране в советское время, выявлены некоторые различия в бюджете времени лиц мужского и женского пола. Так, в исследовании В. А. Маловой (1972), проведенном на учащихся средних специальных учебных заведений, было выявлено, что девушки больше, чем юноши тратят времени на учебу (особенно заметны различия при самостоятельной учебе), на хозяйственно-бытовые нужды, но меньше — на физиологические потребности. В результате девушки имеют меньше свободного времени, чем юноши (табл. 13.4).

Таблица 13.4. Общая структура недельного бюджета времени учащихся средних специальных учебных заведений (часы)

Пол	Учебные занятия	Самостоятельная учеба	Хозяйственно-бытовые нужды	Физиологические потребности	Свободное время
Юноши	46,45	14,46	4,03	59,48	43,52
Девушки	47,80	15,86	8,75	57,45	38,14

Структура недельного бюджета свободного времени также различалась у юношей и девушек. Девушки больше времени уделяли общественной работе, поездкам за город, прослушиванию лекций и докладов, радиопередач, чтению художественной литературы, прослушиванию аудиозаписей, беседам с друзьями, а юноши — занятиям физкультурой, просмотру телепередач, бездеятельному отдыху.

В исследовании И. П. Шаховой (1986) школьники оценивали по пятибалльной шкале те пять видов занятий, которым они уделяют больше всего свободного времени (табл. 13.5). При рассмотрении этих данных следует учесть, что в те годы, когда проводился опрос школьников, не были еще распространены, как сейчас, компьютерные игры, поэтому в наше время реальная картина уже иная.

Таблица 13.5. Распределение свободного времени подростками и юношами в зависимости от пола

Занятие	Девочки						Мальчики					
	Действительное			Желаемое			Действительное			Желаемое		
	Класс											
	VII	VIII	IX	VII	VIII	IX	VII	VIII	IX	VII	VIII	IX
Игра на музыкальном инструменте	0,47	0,71	0,32	0,58	0,64	1,15	0,31	0,29	0,58	0,45	0,64	–
Спорт	0,47	0,45	0,34	0,93	1,36	1,24	2,56	2,48	1,42	1,37	2,45	1,06
Просмотр телепередач	1,66	1,32	0,82	0,49	0,50	0,15	1,35	1,62	1,63	0,45	0,75	0,35
Посещение театра	0,38	0,43	0,76	1,49	1,37	2,24	0,20	0,22	0,11	0,61	1,00	0,41
Посещение кинотеатра	1,98	1,33	0,30	1,36	1,07	0,53	1,45	1,15	1,16	0,91	1,00	1,35
Чтение	1,87	2,64	2,87	1,18	2,01	1,29	1,87	2,04	3,32	0,69	1,67	2,42
Думать, размышлять	0,36	0,82	1,40	0,22	0,38	0,47	0,25	0,51	0,74	0,13	0,30	0,59
Мастерить	0,11	0,34	0,00	0,33	0,22	–	0,85	0,51	0,05	0,64	0,52	0,76
Принимать участие в делах класса, школы	1,17	0,79	0,21	0,07	0,19	0,12	0,11	0,26	–	–	0,19	–
Общение с товарищами	0,27	1,13	1,13	1,20	1,17	1,77	0,73	1,42	1,58	0,78	0,95	1,82

Как видно из таблицы, девочки VII классов наибольшее количество свободного времени тратят на посещение кино, чтение и просмотр телепередач и меньше всего — на общение с товарищами и на то, чтобы что-нибудь мастерить. Мальчики этого возраста больше всего тратят свое свободное время на занятия спортом, и значительно меньше — на чтение, на посещение кино и просмотр телепередач и меньше всего — на посещение театра и общественные дела в школе.

В VIII классе чтение занимает у девочек первое место с большим отрывом от прочих занятий. На втором и третьем местах у них посещение кино и просмотр телепередач. Общение с товарищами уходит с последних мест, а желание мастерить остается. У мальчиков этого класса ведущие занятия остаются теми же, что и в VII классе, как, впрочем, и отстающие.

В IX классе у девочек на чтение отводится еще больше времени. Общение с товарищами выходит на второе место, а на третье — время, отводимое размышлениям. У мальчиков этого класса тоже происходит существенное перераспределение свободного времени, отводимого на те или иные занятия. На первом месте, как и у девочек, чтение (но не потому, что так они хотят, а потому, что их вынуждает к этому школьная программа; чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить оценку реального времени, отводимого чтению, с желаемым временем). Спорт со значительным отставанием переходит на четвертое место, а второе и третье места занимают просмотр телепередач и общение с товарищами. На последних местах по отводимому времени находятся посещение театра и желание мастерить.

Оценка реального времени, отводимого на те или иные занятия, часто не соответствует желаниям девочек. Так, они больше всего хотели бы в свободное время посещать театр и общаться с товарищами. У мальчиков желания больше согласуются с теми занятиями, которые они реально осуществляют.

Сходные результаты получены Ю. В. Борисовым (1971) в исследовании рабочих совхоза (табл. 13.6).

Таблица 13.6. Структура недельного бюджета времени трудящихся совхоза (процент затраченного времени от общего бюджета)

Виды деятельности	Мужчины	Женщины
Работа в совхозе	27,3	23,4
Домашняя работа	10,8	16,5
Удовлетворение естественных потребностей (сон, прием пищи и т. д.)	36,0	36,1
Занятия физкультурой	2,3	1,3
Чтение газет, журналов, художественной литературы	5,0	4,0
Игра в шахматы, шашки	2,5	1,3
Прослушивание радиопередач, просмотр телевизионных передач	7,3	7,3
Общественная работа	0,8	0,8
Общение	4,9	6,7

13.6. Мода как специфическая форма поведения и пол[1]

Мода — это средство формирования аттракции, т. е. специальной установки на восприятие, в основном эмоционально-положительное, одного человека на другого. Следовательно, мода играет положительную роль в межличностном общении, прежде всего в формировании привлекательности одного человека для другого, что отмечал еще Г. Гегель в «Феноменологии духа». Однако у моды есть и другая функция — она подчеркивает половую идентификацию, что было отчетливо выражено уже в египетских костюмах Древнего царства (2780–2280 гг. до н. э.). Социальная роль женщины отражена в одеждах народов Передней Азии (III–I тыс. до н. э.) и крито-микенских одеждах (2600–1250 гг. до н. э.). В костюмах Древнего Рима (V в. до н. э. — V в. н. э.) акцентировались величественность — в мужских одеждах, кокетство и красота — в женских. В средневековье в костюмах находят отражение аскетизм мужчины и утонченность женщины. Галантность мужчины и великолепие, жеманство женщины проявляются в одеждах XVII в., хотя время от времени женская одежда походила на мужскую, и это становилось предметом осмеяния в карикатурах.

Новое положение женщины XIX в. в буржуазном обществе определило интенсивное развитие женской моды, в то время как мужская форма одежды все более стабилизировалась.

Наряд — предисловие к женщине, а иногда это и вся книга.
Никола-Себастьян де Шамфор

К чему стремятся женщины в этой жизни, как не к тому, чтобы возможно больше нравиться мужчинам? Не этой ли цели служат все их наряды... дорогие безделушки, мази, благовония, раскрашенные лица, подведенные глаза, искусно увеличенные округлости?
Эразм Роттердамский

Объясняли легкую изменчивость моды женщин тем, что они страстно любят изменения и всегда стремятся к новизне. К тому же они особенно охотно следуют эстетическим внушениям, идущим от журналов мод, презентаций новых коллекций одежды. Женщины при выборе модной одежды склонны прислушиваться к мнению окружающих. Большинство из них (72%, по данным М. И. Килошенко, 2001) могут пожертвовать удобством одежды ради того, чтобы произвести впечатление на других людей (как писала одна из журналисток, ее страстное желание заключается в том, чтобы купить какую-то тряпку, нацепить на себя и радоваться, что это кого-то проняло и достало),[2] в то время как мужчины ориентированы в основном на свое мнение и выбирают одежду не только модную, но и удобную. Социальный психолог И. С. Богардус (Bogardus, 1942) пишет по этому поводу:

---

[1] При написании данного параграфа я опирался на данные, приведенные в издании: *Килошенко М. И.* Психология моды. СПб.: Речь, 2001.

[2] *Козлова О.* Страшно потерять себя // Независимая газета. 1999. 19 февр.

«Женщины часто сбиваются с ног в поисках наряда, который одновременно был бы и модным, и подходил по индивидуальным критериям. Ежегодно женщины расходуют огромное количество энергии, следя за изменением форм и деталей одежды» (с. 311). Правда, многие женщины чувствуют бессмысленность постоянно изменяющейся моды, но покорно подчиняются изменениям, так как это необходимо для поддержания статуса. Кроме того, покупка новой одежды, по данным М. И. Килошенко, (2001) поднимает настроение у 56% женщин. У большинства женщин окончательный выбор модной одежды сопровождается повышением эмоционального тонуса, проявлением различных по качеству и интенсивности эмоций. Психологическое же состояние мужчин характеризуется как эмоционально-когнитивное или сдержанно-рассудительное (табл. 13.7).

Таблица 13.7. Эмоции респондентов после выбора модной одежды (процент)

Женщины		Мужчины	
Эмоции	**Ответы**	**Эмоции**	**Ответы**
Удовольствие	60	Удовольствие	65
Радость	60	Интерес	40
Возбуждение	42	Радость	25
Интерес	35	Возбуждение	17
Актиеность	32,5	Напряжение	12
Напряжение	30	Активность	7,5
Уверенность	7,5	Уверенность	7,5

Большую значимость одежды для женщин, чем для мужчин, отметил в своей книге Дж. Грей (2001): женщины «не носят униформу, как марсиане (чтобы показать всем свое положение). Наоборот, им нравится одеваться по-разному каждый день, по настроению. Личностное самовыражение очень важно для них, особенно если речь идет о чувствах. Они могут сменить одежду несколько раз в день, в зависимости от настроения» (с. 481).

Динамичный стиль жизни и стремление к равноправию полов в XX в. определили развитие модных течений: в облике женщины появляются черты независимости, решительности, приспособляемости к условиям труда и быта. Женские костюмы все больше напоминают мужские.

Характерным для женской моды является кодирование в ней определенной информации для мужчин. Среди женщин, принадлежавших к африканским племенам, использование передника являлось знаком того, что она неприкосновенна для постороннего мужчины. Среди крестьянок Европы ношение на голове платка означает, что эта женщина замужем. Выбор той или иной одежды, ее цвета может подчеркивать характер и идентификацию человека с тем или иным полом. Так, светлые тона в одежде усиливают впечатление женственности, игривости, темные — мужественность, сдержанность. Считают, что синий мужской галстук свидетельствует о надежности выбравшего его человека, преобладание ярко-красного цвета в рисунке галстука выдает мужчину амбициозного и энергичного, стремящегося к власти. Темно-красный цвет предпочитают уверенные в себе мужчины, светло-

зеленый отличает мужчин, высоко оценивающих себя и предъявляющих высокие требования к окружающим. Мужчины, ценящие уют и тепло семейного очага, выбирают темно-зеленые или оливковые галстуки (Т. Демидова, 1998).

При моделировании костюма учитываются особенности мужской и женской фигур, психология мужчин и женщин.

В то же мужские и женские начала присущи всем людям. Эти начала часто обозначаются китайскими понятиями Инь и Янь. Инь символизирует деликатность, мягкость, нежность, чувствительность, утонченность, хрупкость, прелесть, т. е. женские черты, Янь — стойкость, решительность, силу, энергию, выносливость, т. е. мужские черты. Инь ассоциируется с утонченностью зимнего узора на окне, Янь — с прочностью сосны. Наблюдающаяся в настоящее время тенденция усиления Янь в женщинах и Инь — в мужчинах сказывается и на современной моде. Маскулинные женщины часто выбирают одежду, близкую к мужскому стилю: брючные костюмы, рубашки и джемперы. Фемининные мужчины склонны к романтическому стилю в одежде, их костюмы выполнены из традиционно женских тканей, мягких по фактуре и разнообразных по цвету.

Эротизм в одежде. Существует мнение, что конкретные причины той или иной моды в одежде мужчин и женщин скрыты во влиянии эротических представлений. Например, появление высокого каблука на женской обуви объясняли тем, что он делает осанку особой, усиливает пресс, «молодит» фигуру, делает женщину более сексуально привлекательной, при этом размер ноги эрительно уменьшается и пятка принимает вид фалллического символа.

Замечено, что после особо кровавых войн 1812, 1914–1918 и 1940–1945 гг. женское платье постепенно укорачивалось. Очевидно, это связано со стремлением придать женщинам большую сексуальность для более успешной борьбы за овладение сердцами резко уменьшившегося мужского контингента.

Знаки сексуальности и эротики наиболее ярко проявляются в женском платье. Дж. С. Флюгель (Flugel, 1971) выдвинул теорию, согласно которой бесконечные изменения женской моды объясняются явлением, которое он назвал «изменением эрогенной зоны». Любая часть женского тела в противовес мужскому является привлекательной для противоположного пола. Каждая из зон накапливает «эротический капитал», или скрытое очарование, в течение того периода, когда костюм закрывает зону. Зона может «вступить в эксплуатацию» по прошествии некоторого времени, когда накоплен достаточный «капитал». Эксплуатация эрогенной зоны осуществляется путем либо раскрытия ее (например, декольте), либо плотного прилегания, либо с помощью других приемов, хорошо известных модельерам.

В Европе XVIII — начала XIX в. усиленно эксплуатировалась верхняя эрогенная зона, последние десятилетия XX в. ознаменовались эксплуатацией нижней эрогенной зоны с введением в моду мини-юбок, коротких платьев, облегающих брюк, купальных костюмов в стили бикини. С давних пор используются прозрачные и полупрозрачные ткани, подчеркивавшие волнующие формы женской фигуры и грациозную пластику женского тела.

Эротизм время от времени проявляется и в мужской одежде. Брюки, вошедшие в моду у римлян, в течение многих столетий изготовлялись из двух не сши-

тых между собой половин, которые связывались только на поясе. В XIV в. к передней части брюк стали прикреплять особый мешочек со шнурком. В XVI в. его стали подбивать ватой, намеренно подчеркивая половой орган. В конце XVIII в. эта деталь мужских брюк сменяется скромным клапаном. В настоящее время сексуально выглядит мужчина в кожаных брюках и трикотажном джемпере или сетчатой футболке или рубашке-поло. Сексуальную привлекательность мужчине придает одежда, выполненная в охотничьем стиле и стиле «сафари». Даже костюм в полоску может взволновать женщин. Сексуальная интрига присутствует и в военной форме, потому что мужественна и романтична и в то же время чуть театральна. А женщины – страстные поклонницы театра (Михайловская О., 1996).

13.7. Половые различия в пагубных пристрастиях

Алкоголизм. Известно, что алкоголиков среди мужчин больше, чем среди женщин (по зарубежным данным, мужчин – хронических алкоголиков – 19%, а женщин – 7% (Виткин Дж., 1996), по другим данным, мужчин-алкоголиков в 5 раз больше, чем женщин-алкоголичек. Это подтверждается и международной статистикой (Gabhainn, Francois, 2000): во многих странах среди учащихся разных возрастов, не пробовавших хоть один раз спиртного, девочек больше, чем мальчиков (рис. 13.2).

Следует, однако, учесть, что женский алкоголизм растет во многих странах быстрее мужского. Так, в течение 1960–1980-х гг. в США количество мужчин-алкоголиков выросло на 20%, а женщин – на 58%, в Канаде соответственно на 19 и 68%. Такая же тенденция имеется и в нашей стране. Большинство склонных к алкоголизму женщин – незамужние и разведенные. Причем если у мужчин полная зависимость от алкоголя возникает только через 10–15 лет, то у женщин этот процесс протекает гораздо быстрее; процесс привыкания к алкоголю занимает всего 3–4 года, причем это имеет более тяжелые последствия и для самой женщины, и для ее семьи.

Причина того, почему женщины больше подвержены воздействию спиртного, лежит в защитном ферменте, вырабатываемом желудком, – так называемом дегидрогеназа алкоголя, который разлагает алкоголь до того, как он попадает в кровь. У женщин этого фермента вырабатывается меньше. Поэтому при принятии одинакового количества спиртного у женщин его оказывается в крови на треть больше, чем у мужчин, и у сильно пьющих женщин цирроз печени развивается быстрее. Большую подверженность женского организма воздействию алкоголя объясняют также меньшими размерами тела и меньшими объемами, в которых распределяется выпитый алкоголь, так как в теле женщин содержится сравнительно больше жира и меньше воды.

Мужчины пьют больше из-за своей бытовой распущенности, у женщин относительно частой причиной алкоголизма является одиночество, неустроенность жизни, потеря близких. Женщины более заняты делом, чем мужчины. Вследствие этого «ничегонеделание» предрасполагает мужчин к заполнению «эмоционального вакуума» с помощью горячительных напитков. Имеют значение исторические традиции, разные для мужчин и женщин стандарты в отношении употребления спиртного. В Древнем Риме женщинам пить вообще запрещали, и муж имел право убить жену за пьянство.

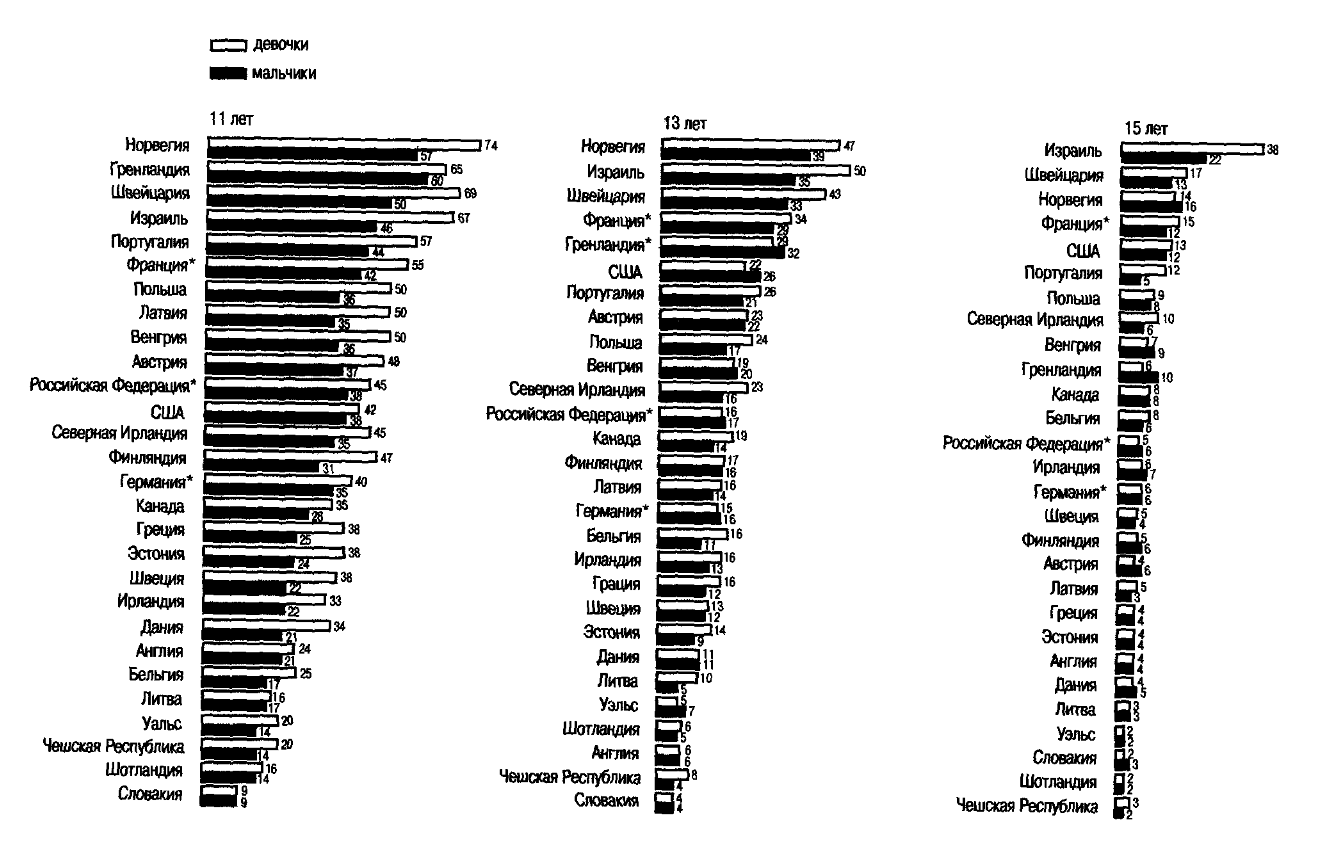

Рис. 13.2. Количество учащихся (процент), никогда не употреблявших спиртных напитков

По данным Бушара (Boushard, 1983), алкогольная зависимость между близнецами (если алкоголизм есть у одного, то он есть и у другого) сильнее выражена у лиц мужского пола, чем женского (табл. 13.8).

Таблица 13.8. Частота появления алкогольной зависимости у монозиготных (I) и дизиготных (II) близнецов (процент случаев)

Пол	Мужской		Женский	
Генетическая близость	I	II	I	II
Злоупотребление и/или зависимость	76	61	36	25
Зависимость	59	36	25	5

Табакокурение. Курящих мужчин во всем мире тоже больше, чем женщин, но соотношение между ними колеблется в довольно широких пределах. Так, в США и Англии соотношение курящих мужчин и женщин равно 1,35:1, в странах Африки — 3,7:1, Латинской Америки — 4,6:1, Азии — 6,2:1. В США в 1970 г. количество курящих мальчиков и девочек было практически одинаковым: 15,7 и 15,3%, причем мальчики начинали курить раньше, чем девочки, и курили чаще. Но с 1977 г., согласно опросам, курящих девочек-подростков оказалось больше, чем мальчиков.

> Рак легких сегодня стал для женщин более частой причиной летальных исходов, чем рак груди (Waldron, 1995). Когда закончилась Вторая мировая война, многие женщины начали курить, и курение среди них достигло пика в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В наше время девушки-подростки и юные женщины начинают курить чаще мужчин (Hanson, 1994). Реклама сигарет изображает женщин-курильщиц как обаятельных, молодых, стройных, свободных и умудренных жизнью. Стоит только посмотреть на названия продукции и рекламные щиты, такие как, например: «Ты знаешь жизнь, крошка!» и «Самые стройные милашки из Вирджинии». Исследование показывает, что девочки-подростки особенно падки до такой рекламы, поскольку отчаянно пытаются найти свою идентичность (Kilbourne, 1999).
>
> Курение неблагоприятно отражается на здоровье беременной женщины. Во время беременности никотин замедляет скорость развития плода и увеличивает вероятность спонтанного выкидыша, низкого веса ребенка, смерти плода и смерти в младенческом возрасте (Hanson, 1994). Дети курящих матерей, помимо других нарушений и факторов риска, обладают дефектами физического роста, у них нарушено интеллектуальное и социально-эмоциональное развитие. У детей, чьи матери курят, чаще возникают респираторные заболевания (Hanson, 1994; Waldron, 1995).
>
> Палуди М., 2003, с. 171–172.

В нашей стране долгое время курение среди женщин не было распространенным явлением. К сожалению, эмансипация сказалась и здесь; особенно распространено курение среди девушек. Подчас приобщение их к курению носит характер локальной эпидемии — в определенной среде начинают курить буквально все.

По данным А. Г. Стойко (1958), лица мужского пола начинают курить на 3–4 года раньше, чем лица женского пола. Первые наиболее часто начинают курить в 12–18 лет, и особенно в 16 лет, вторые — в 15–22 года, и особенно в 18 лет. По данным международной статистики (Gabhainn, Francois, 2000), мальчики 11 лет чаще де-

вочек пробуют сигареты, но количество ежедневно курящих девочек в возрасте 13 лет и старше во многих странах даже превосходит количество курящих мальчиков того же возраста (рис. 13.3).

Значимость различных факторов, приведших к курению, несколько различается у юношей и девушек (табл. 13.9)

Таблица 13.9. Факторы, приводящие к курению (Byrne et al., 1993)

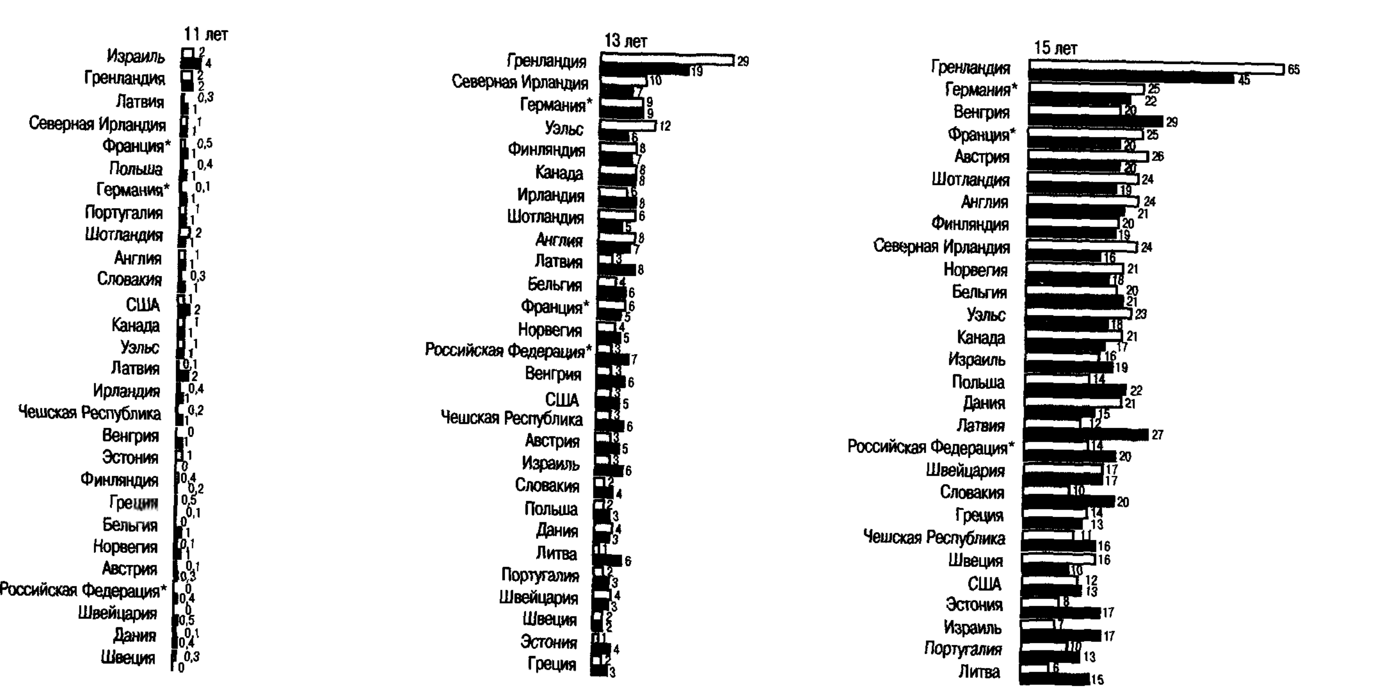
Юноши	Девушки
1. Курящие друзья	1. Курящие друзья
2. Слабое понимание связи между курением и здоровьем	2. Слабое понимание связи между курением и здоровьем
3. Давление сверстников	3. Давление сверстников
4. Низкая успеваемость (по данным самооценки)	4. Высокий нейротизм
5. Низкая значимость своего здоровья	5. Давление примеров
6. Курящие мальчики более популярны	6. Курящая мать
7. Давление примеров	7. Курящие девочки популярны
8. Низкая самооценка	8. Низкая успеваемость (по данным самооценки)
9. Возраст (старший)	9. Низкая конформность
10. Высокий нейротизм	10. Пример курящих членов семьи

Как видно из этих данных, девочки начинают курить под внешним воздействием в значительно большей степени, чем мальчики.

У курящих мужчин выявлено снижение (примерно в 1,5 раза) подвижности сперматозоидов, уменьшение в крови уровня тестостерона, что свидетельствует о снижении их оплодотворяющей способности. Связаны с курением и некоторые случаи проявления половой слабости, особенно у тех мужчин, которые обладали умеренной и низкой потенцией.

У курящих женщин организм стареет гораздо раньше. У них чаще наблюдается раннее прекращение менструации. Беременность у них протекает с различными осложнениями: повышением артериального давления, появлением отеков и белка в моче (что свидетельствует о возникновении *нефропатии*). Плацента у курящих беременных развивается хуже, имеет сниженный вес и хуже справляется со своей функцией. В связи с этим у четверти беременных курящих женщин отмечаются плацентарные кровотечения. У выкуривающих свыше одной пачки в день в одной трети случаев происходит внутриутробная гибель плода, особенно у женщин моложе 25 и старше 30 лет. У курящих женщин угроза преждевременных родов выше на 20%, чем у некурящих, чаще бывают выкидыши. Неслучайно поэтому у работниц табачных фабрик выкидыши бывают значительно чаще, чем у женщин, не имеющих дела с табаком.

Курение отрицательно сказывается и на развитии плода: в различных странах частота рождения детей весом меньше 2,5 кг у курящих женщин на 20–30% выше, чем у некурящих. Средний вес новорожденных у курящих на 200–250 г ниже.

* Франция, Германия и Россия представлены отдельными регионами.

Рис. 13.3. Количество учащихся, курящих ежедневно, процент

Смертность новорожденных у курящих в среднем по разным странам на 40% выше, особенно при первой беременности. Несмотря на это, по данным Американской медицинской ассоциации, курят во время беременности — в США 20–25% женщин, в странах Латинской Америки — около 20%.

Наркомания. Наркоманы мужского и женского пола находятся в соотношении 2:1, а по некоторым данным, даже в соотношении 10:1.

13.8. Агрессивное поведение и пол

Исследования детей ясельного и дошкольного возраста с использованием отзывов воспитателей или прямых наблюдений показывают, что в поведении мальчиков бывает больше гнева, агрессии, склонности к разрушению и драчливости, чем среди девочек (Hattwick L., 1937; Muste M., Sharpe D., 1947; Terman L., Tyler L., 1954; Бутовская М. Л., 1997). Половые различия в побуждении к разрушению выявлены при анкетировании студентов, вспоминавших свое детство (Clark W., 1952). В наше время тенденция большей физической агрессии мальчиков продолжает сохраняться. Так, среди лиц, уличенных в жестоком обращении с детьми, число мужчин превышает число женщин в 4 раза (Sedlak A., 1989).

Решение вопроса о том, кто более агрессивен, зависит от того, о каком виде агрессии идет речь. Физическая агрессия действительно более присуща мужскому полу. Однако П. А. Ковалев (1996) и Бьерквист с коллегами (Bjerqvist et al., 1992) показали, что косвенная вербальная агрессия (сплетни, клевета, злоязычие) более присуща женскому полу.

Сходные данные получены и другими исследователями. А. Ю. Степанян с соавторами (2007) показано, что у мальчиков-подростков сильнее выражены физическая агрессия и открытое агрессивное поведение, а у девочек-подростков — вербальная агрессия.

Исследований, показывающих половые различия в агрессивном поведении и агрессивности, в зарубежной и отечественной литературе довольно много. Данные одного из таких исследований приведены на рис. 13.4.

Из приведенных на рисунке данных видно, что девочками чаще используется манипуляция, а мальчиками — прямая физическая и вербальная агрессия.

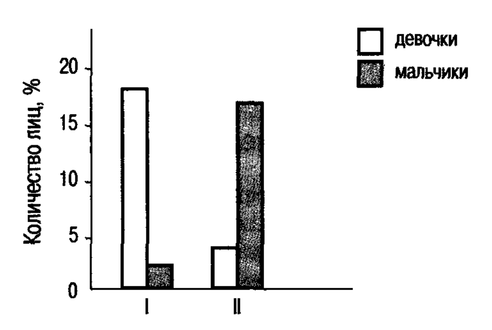

Рис. 13.4. Процент девочек и мальчиков, проявляющих агрессию (по Crick, Grotpeter, 1995): I – агрессия в общении (манипулятивное поведение), II – прямая физическая и вербальная агрессия

По данным В. С. Савиной (2001), мальчики 9–10 лет больше проявляют агрессивность, чем девочки того же возраста, при том в форме как физической, так и вербальной агрессии (автор пользовалась методиками, в которых вербальная косвенная агрессия не выделяется). При выделении же косвенной вербальной агрессии картина несколько меняется. Как показано П. А. Ковалевым (1996), лица мужского пола преимущественно склонны к прямой и косвенной физической агрессии (драке), а также к прямой вербальной, а лица женского пола — к косвенной вербальной агрессии (сплетничанью). Сходные данные получены Лагерспец с соавторами (Lagerspetz et al., 1988) на финских детях 11–12 лет: девочки предпочитали использовать косвенные формы агрессии (распускали слухи, заводили нового друга в отместку старому), а мальчики чаще выражали агрессию открыто (толкались, дрались, кричали). В исследовании П. Сирс (Sears, 1951) проводилось наблюдение над детьми дошкольного возраста, игравшими в куклы, представлявшие членов семьи в типичной домашней обстановке. Было выявлено, что мальчики не только проявляли большую агрессию в сравнении с девочками, но были также более склонны к агрессии в смысле причинения физического вреда, в то время как девочки прибегали к вербальной и другим символическим формам агрессии.

Эти различия, вероятно, обусловлены несколькими причинами. Во-первых, как отмечают Бьерквист с соавторами (Bjorkvist et al., 1994), женщины слабее физически, поэтому им нет смысла применять прямую физическую агрессию (хотя, с другой стороны, кто им мешает ее применять в конфликтах с представительницами своего пола?). Во-вторых, применение прямой физической и отчасти прямой вербальной агрессии, по мнению Э. Игли (Eagly, 1987), не вписывается в образ женщины как нежного, мягкого, кроткого, отзывчивого существа. Женщины испытывают смущение от проявления агрессии на людях.

Однако реактивная агрессия свойственна девочкам в такой же степени, как и мальчикам (Crick, Dodge, 1996; Guerra, Slaby, 1990). Мальчики и девочки были одинаково агрессивны, если им предлагали равное поощрение за агрессивное поведение (Bandura, 1973).

Выводы метаанализа, проведенного Хайд (Hyde, 2005), в отношении исследований о гендерных особенностях проявления агрессивного поведения, осуществленных за последние 20 лет, в том, что очевидны различия в проявлении физической агрессии и что различия в вербальной агрессии становятся все меньше. При этом различия более очевидны при измерении с помощью прямого наблюдения и менее — при измерении с помощью самоотчета или с помощью оценок учителей.

Девочки не менее агрессивны, чем мальчики

Микки Крик и Дженнифер Гротпеттер (Crick, Grotpetter, 1995) предположили, что как мальчики, так и девочки могут быть крайне враждебными и агрессивными, но по-разному проявляют свою агрессивность. Мальчики, часто преследующие соревновательные, *инструментальные цели*, склонны к ударам, оскорблениям и другим открытым формам агрессии по отношению к доставляющим неудовольствие или стоящим на пути фигурам. Напротив, девочки более склонны к сосредоточению на *экспрессивных или опосредованных целях*, скорее устанавливая с окружающими тесные, интимные взаимоотношения, чем пытаясь соревноваться с товарищами или доминировать над ними.

Поэтому Крик и Гротпеттер предположили, что агрессивное поведение девочек должно быть согласованным с *социальными целями*, которые те преследуют, и состоять из скрытых форм косвенной агрессии, таких как разрыв отношений с врагом, выключение его из социальной сети или использование определенных приемов (например, распространение слухов), которые могут нанести вред дружеским отношениям соперника или его статусу в группе сверстников.

Для того чтобы проверить эту гипотезу, среди детей III по VI класс был проведен опрос, в ходе которого испытуемых просили назвать одноклассников, которые часто демонстрировали *акты открытой агрессии* (например, удары или оскорбления) и *скрытые манипулятивные действия* (например, прерывание отношений, пренебрежение или отвержение)... Открытую агрессию, по мнению испытуемых, гораздо чаще демонстрировали мальчики ... но в косвенную агрессию были вовлечены в основном девочки. Очевидно, что эти трудноуловимые и окольные выражения враждебности не всегда могут быть легко отслежены жертвами, таким образом давая нарушителю моральных норм возможность продолжать свою деятельность, избегая открытого конфликта. Даже девочки в возрасте от 3 до 5 лет учатся данным формам агрессии, будучи уже более, чем мальчики того же возраста, склонными к тому, чтобы уйти от общения с провоцирующим сверстником, а не ударить его (Crick, Casas, Mosher, 1997; Crick et al., 1998) и подвергать преследованию некоторых сверстников, используя скрытые манипулятивные способы (Crick, Casas, Ku, 1999).

Шэффер Д., 2003, с. 727–728.

Л. М. Семенюк (1998) выявила как различия, так и сходство в проявлении разных форм агрессии мальчиками и девочками подросткового возраста (табл. 13.9).

Таблица 13.10. Проявление различных форм агрессивного поведения у мальчиков и девочек подросткового возраста (процент случаев)

Формы агрессивности	10–11 лет		12–13 лет		14–15 лет	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Физическая	70	30	59	38	61	59
Косвенная	40	25	49	41	39	59
Вербальная	62	38	52	49	81	60
Негативизм	68	36	69	62	82	52

В исследовании Ж. Ю. Древой (2000) выявлено, что компьютерные игры с элементами агрессии вызывают у мальчиков большее повышение показателей раздражения и вербальной агрессии, чем у девочек.

Зейнер с соавторами (Zeiner et al., 2003) проводился эксперимент в соревновании по времени реакции. В процессе соревнования испытуемые могли воздействовать друг на друга ударами электрического тока. При этом на удар соперника можно было и не отвечать. Установлено, что юноши чаще использовали электрический ток и большей силы, чем девушки.

Высказывается мнение, что агрессивное поведение является каналом разрядки возбуждения, возникающего при конфликтах. Данные экспериментов показывают, что это не всегда так, и определенную роль играют половые различия в использовании агрессии. В экспериментах Д. Хокансон и др. (Hokanson D., Burgess M., 1962; Hokanson D., Edelman R., 1966) испытуемые реагировали на межличностный конфликт агрессивно или дружески. Выявилось, что у мужчин при агрес-

сивном реагировании эмоциональное возбуждение, о котором судили по физиологическим сдвигам, уменьшалось быстрее, чем при дружеском реагировании. При невозможности проявления прямой агрессии (физической или вербальной) при сильном гневе, т. е. при фантазировании агрессивного ответного действия или вообще отсутствии агрессии, артериальное давление оставалось высоким, что свидетельствовало о сохранении эмоционального напряжения.

По-другому снижалось эмоциональное напряжение у женщин. При дружеской реакции оно снижалось быстрее, чем при агрессивной. Такие различия между мужчинами и женщинами Д. Хокансон (Hokanson, 1970) объясняет тем, что у мужчин агрессия является инструментальной формой поведения, т. е. не самоцелью, а средством достижения цели — разрешения конфликта.

Имеются половые различия в *отношениях к агрессии.* Как пишут Р. Бэрон и Д. Ричардсон (1998), ссылаясь на ряд авторов, женщины, в отличие от мужчин, считают склонность к доминированию у своего возможного супруга весьма привлекательной чертой. Эти данные дают основание биологам предполагать, что напористое поведение как форма проявления агрессивности может помогать мужчинам передавать свои гены последующему поколению. Мужчины после агрессивного поведения, как правило, в меньшей степени испытывают вину и тревогу. Женщины же, напротив, обеспокоены тем, чем агрессия может обернуться для них самих. Проявив агрессию, они скорее будут реагировать на нее чувством вины и страха (Хекхаузен Х., 1986). Так, мать, побив в гневе своего ребенка, после этого может плакать вместе с ним.

Более того, женщины рассматривают агрессию как потерю самоконтроля, как экспрессию, как выражение эмоционального напряжения при гневе. Мужчины же относятся к агрессии как к способу установления контроля над другими (Eastin et al., 2003). Касаясь проявлений агрессии в собственной жизни, женщины описывают их более морально приемлемыми, чем мужчины.

Конечно, это объясняет только тенденцию большей агрессивности мужчин и не говорит о том, что любой мужчина обязан демонстрировать более высокие уровни прямой физической агрессии, чем женщины. Так, Р. Бэрон и Д. Ричардсон отмечают, что половые различия в физической агрессии наиболее заметны в ситуациях, когда к агрессии вынуждены прибегнуть (например, из-за исполнения социальной роли), в отличие от ситуаций, когда к ней прибегают без всякого принуждения. Кроме того, склонность мужчин демонстрировать агрессию более очевидна после сильной провокации, нежели при ее отсутствии. В то же время Б. Коппер и Д. Эпперсон (Kopper, Epperson, 1991) выявили, что женщины маскулинного типа более склонны к гневу и к тому, чтобы отыгрывать его на окружающих.

По данным Я. Ю. Копейко (2000) у мужчин и женщин между агрессивным поведением и уровнем тревожности существуют связи разного характера. У мужчин эта связь обратная, а у женщин — прямая. Автором сделан вывод, что агрессивное поведение мужчин имеет более непосредственный характер и связано с контролирующей функцией Супер-эго. У женщин такое поведение является некоторым защитным механизмом, более связанным с силой — слабостью Эго.

Защищенность от агрессии. По данным Л. А. Гаязовой (2007), пожилые мужчины менее, чем пожилые женщины, защищены от таких форм агрессии со стороны близких, как недоброжелательное отношение и публичное унижение (табл. 13.11).

Таблица 13.11. Влияние пола пожилых людей на структурные компоненты защищенности

Структурные компоненты защищенности	Среднегрупповые значения и стандартные отклонения		Достоверность различий (P)
От недоброжелательного отношения	2,90 + 1,05	2,10 + 1,37	0,01
От публичного унижения	3,25 + 0,89	2,68 + 0,95	0,05

13.9. Антиобщественное поведение и пол

В работе Хесмана с соавторами (Huesmann et al., 1984) было выявлено, что агрессия, проявляемая в детстве, предсказывает криминальное поведение во взрослости. А поскольку агрессивность лиц мужского пола выше, чем лиц женского пола (рис. 13.6), антиобщественное поведение чаще наблюдается у лиц мужского пола, чем у женского, хотя количественные данные у разных авторов несколько расходятся.

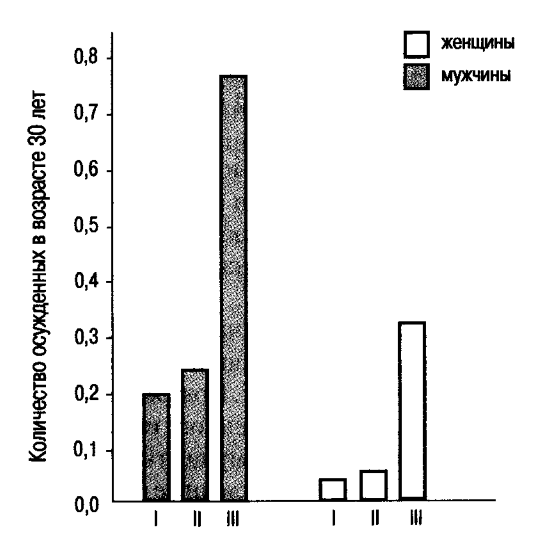

Рис. 13.5. Связь агрессии, проявляемой в детстве, с криминальным поведением в зрелом возрасте: I – низкая агрессия, II – средняя агрессия, III – высокая агрессия

Так, по данным некоторых психологов, соотношение мальчиков и девочек с проблемами в поведении равно 4:1 (Williams H., 1933; Terman L., Tyler L., 1954). По другим данным, юноши в 3 раза чаще девушек проявляют девиантное поведение, однако у девушек делинквентность обнаруживается в гораздо более острой форме (Graham P., 1979). В исследовании Макфарлайна с соавторами (Mcfarlane et al., 1954) было выявлено, что мальчики более лживы и среди них больше тех, кто ворует.

Дж. Виткин (1996) приводит сравнительные данные о правонарушениях, совершаемых подростками обоего пола. Мальчики совершают кражи (в том числе

и ночные со взломом) в 10 раз чаще, чем девочки, а разбойные нападения — в 5 раз чаще. Они в 7 раз чаще, чем девочки, угоняют автомобили, в 10 раз чаще совершают поджоги, в 4 раза чаще арестовываются за драки на улице, в 10 раз чаще совершают преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Объясняют это тем, что у мальчиков больше возможностей для «ночного поведения», поскольку им предоставляется большая независимость и свобода передвижения, чем девочкам; мальчики могут попытаться противостоять депрессии, ведя себя буйно и рискуя, тогда как девушки справляются с депрессией по другому; мальчики могут подвергать сомнению авторитет правоохранительных органов, вступать в символическое противоборство с собственными отцами, испытывая в этом возрасте отчуждение от них; мальчики стремятся к насилию вследствие усвоения «мужского» типа поведения, заимствуя его из книг, кинофильмов и телепередач.

По американской статистике, соотношение мужчин и женщин , отбывавших заключение в тюрьмах и исправительных заведениях, 25:1 (Scheinfeld, 1943). Однако при рассмотрении числа задержаний это соотношение снизилось до 19:1, что свидетельствует о более мягком отношении судей к женщинам.

Преступления, связанные с убийством и с угрозой или попыткой насилия, тоже чаще совершают мужчины: в Канаде — соответственно в 11 и 8 раз чаще, в США — в 10 и 5 раз чаще. Это связывают с большей склонностью мужчин к прямой физической агрессии.

Однако женская преступность растет быстрее, чем мужская. К тому же она, как отмечает Л. Шевченко (1999), качественно новая. Часто женщина не только возглавляет преступную группу, но и организовывает и совершает наиболее жестокие и изощренные преступления. Женщина, входя в преступную группу, выполняет роль «приманки» для мужчин.

Структура преступности женщин отличается от таковой мужчин. Это различие объясняется большей занятостью женщин в таких сферах, как материально-техническое снабжение, торговля, общепит. Поэтому женщины в 6 раз больше, чем мужчины, совершают хищения государственного имущества в особо крупных размерах, в 2 раза больше — кражи личного имущества. Если умышленные убийства чаще совершаются мужчинами, то неумышленные (как реакция на издевательство мужа или в состоянии алкогольного опьянения) — женщинами. Жертвами женщин, как правило, становятся близкие люди — мужья, сожители, родственники, знакомые. Женщины в 5 раз чаще привлекаются к ответственности за распространение наркотиков.

Н. А. Челышева (1999) на примере несовершеннолетних нарушителей показывает, что преступления девочек-подростков чаще, чем их сверстников мужского пола, являются результатом их преступного замысла. Только для 9% девушек преступление было для них случайным, тогда как среди юношей процент «случайных» преступников приближается к 20. Многие преступления совершаются на почве алкоголизма. В момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения почти 70% мужчин и 43% женщин.

Наличие последнего фактора в качестве ведущего у мужчин находит подтверждение и в исследовании Д. П. Пискарева (1999). Среди лиц мужского пола, от-

бывающих уголовные наказания, на нетрезвость как детерминанту противоправного поведения указали 40%, а среди таких же женщин – только 10%. С другой стороны, женщины чаще, чем мужчины, ссылались на нужду (соответственно 40 и 30%) и на бездумность (соответственно 40 и 10%). Характерно, что при обозначении причин противоправного поведения законопослушными лицами молодого возраста различий между мужчинами и женщинами практически не было. Среди законопослушных потребность в соблюдении правовых норм несколько чаще встречалась у женщин, чем у мужчин (соответственно в 29 и 25% случаев). Те же соотношения выявились и в позитивных установках испытуемых на законопослушных граждан (65% у лиц женского пола и 57% у лиц мужского пола). Зато в отношении незаконопослушных граждан негативное отношение реже на 10% встречалось у женщин, чем у мужчин.

Делаются попытки (Heaven P.,1993) связать делинквентное поведение мужчин и женщин с их личностными особенностями: самооценкой, гневливостью, склонностью к рискованному поведению, импульсивностью, экстраверсией, психотизмом, установкой по отношению к авторитетам. Было выявлено, что у респондентов обоего пола психотизм и экстраверсия являются значимыми прогностическими признаками делинквентности. Однако в то время как у юношей другие черты были прямо связаны с делинквентностью, у девушек влияние других черт было опосредовано психотизмом. Автор заключил, что у девушек психотизм выступает в роли канала, по которому передается влияние других черт на делинквентность.

ГЛАВА 14

Пол и сексуальное поведение

Сексуальное общение между мужчинами и женщинами в свое время было предметом рассмотрения различных религиозных и даже политических течений. Церковь называла женщину «сосудом дьявола», а половую связь между мужчиной и женщиной считала низменной, греховной; у сторонников марксизма и анархистов коренные, революционные изменения в области полового общения доходили до другой крайности. Например, в 1920-х гг. в нашей стране было зафиксировано большое разнообразие как теоретических, так и практических изысков в области сексуального общения. Появились проекты декретов о «национализации женщин», об «общности жен». Саратовский проект гласил: «С 1 марта 1918 года отменяется право частного владения женщинами в возрасте от 17 до 32 лет», а проект, опубликованный в одной из газет г. Владимира, предлагал: «После восемнадцатилетнего возраста всякая девица объявляется государственной собственностью. ... Всякая девица, достигшая восемнадцатилетнего возраста и не вышедшая замуж, обязана под страхом строгого взыскания и наказания зарегистрироваться в бюро “Свободной любви”. ... Мужчинам в возрасте от 19 до 50 лет предоставляется право выбора женщин, записавшихся в бюро, даже без согласия последних» (Лисовский В. Т., 1986).

Многие века тема секса под влиянием религиозной и общественной морали была закрыта для научного изучения. Как пишет И. С. Кон (1988), «не только половая жизнь, но и весь телесный “низ” считались грязными и непристойными, о чем порядочным людям не положено думать и тем более говорить вслух. В Англии в начале XIX века даже просить соседку по столу передать цыплячью ножку считалось неприличным, так как слово “ножка” вызывает сексуальные ассоциации. Приходя к врачу, женщина показывала, где у нее болит, не на собственном теле, а на кукле» (с. 8). Были запрещены произведения Лафонтена, Руссо, Вольтера, Прево, Беранже, а Г. Флобер, автор «Госпожи Бовари», и поэт Бодлер подверглись судебным преследованиям (Craig A., 1961). Естественно, в таких условиях изучение сексуальных отношений и их особенностей у мужчин и женщин было невозможным. Лишь в конце XIX в. врачами началось изучение сексуальной жизни человека и ее патологических форм. Нормальные проявления сексуальности стали предметом научного исследования в начале XX в. Заметное влияние на изучение этого вопроса оказали воззрения З. Фрейда на сексуальность. Он выделил нескольких стадий психосексуального развития, развил представле-

ния об эдиповом комплексе у мальчиков и комплексе Электры — у девочек, о пониженной сексуальности женщин, универсальной зависти женщин к половому члену и т. д., многие из которых, в частности последние два, оказались несостоятельными. В 1930–1940-х гг. значительный вклад в изучение сексуальности мужчин и женщин внес американский ученый Альфред Кинси, опубликовавший итоги своих исследований в двух томах — «Сексуальное поведение мужчины» (1948) и «Сексуальное поведение женщины» (1953). Сравнительный анализ взаимоотношений полов и их сексуального поведения в семи различных обществах дала в книге «Мужчина и женщина» М. Мид (1953).

Молодые люди ведут себя с женщинами как робкие богачи, а старики — как наглые нищие.

А. де Ривароль, французский писатель

14.1. Особенности полового созревания лиц мужского и женского пола

Срок наступления полового созревания зависит от конституционального (соматического) типа. По данным В. С. Соловьевой (1975), раннее появление у девочек первых стадий развития вторичных половых признаков (в 8–9 лет) наиболее характерно для дигестивного типа (это нашло подтверждение и в исследовании Е. П. Титовой, 1975). Более раннее менструирование, большее развитие грудных желез, волос на лобке и в подмышечных впадинах в большей степени характерны для девочек мышечного типа, чем торакального. У мальчиков вторичные половые признаки сильнее развиты в большинстве случаев у представителей мышечного типа, чем торакального и дигестивного. У дигестивного типа слабо развит кадык, но сильно выражено оволосение в подмышечных впадинах.

Половое созревание занимает довольно продолжительный период — от 5 до 7 лет. Выделяют пять стадий полового созревания, возрастные границы которых у разных подростков и юношей не одинаковы.

Д. В. Колесов и Н. Б. Сильвестрова (1978) дают следующую характеристику стадий полового развития.

Первая стадия — *детство (инфантилизм)*. Характерно медленное, практически незаметное развитие репродуктивной системы при постепенном, но неуклонном соматическом росте организма. У девочек, начиная с 3 лет, отмечается более высокий уровень соматотропина, и они опережают в росте мальчиков. Кроме того, непосредственно перед пубертатом (периодом полового созревания) секреция соматотропина у них еще более возрастает и образует препубертатный пик с соответствующим усилением роста. Уровень эстрогенов и кортикостероидов повышается медленно, достигая к концу периода лишь трети уровня взрослых. Наружные и внутренние гениталии развиваются малозаметно, вторичных половых признаков нет. В то же время первым признаком начала полового созревания девочек является округление бедер и ягодиц. Стадия заканчивается в 8–10 лет.

У мальчиков эта стадия более длительна, секреция соматотропина находится на меньшем уровне, однако за счет длительности его воздействия ускоренный

темп роста сохраняется дольше (до 10–13 лет). Существенной динамики первичных и вторичных половых признаков не наблюдается.

Вторая стадия — *гипофизарная*. Она соответствует началу полового созревания и начинается у девочек с 9–10 лет, у мальчиков — с 10–13 лет. Наблюдается резкая активация гипофиза (включая гонадотропную и соматотропную функции). Усиление секреции соматотропина более выражено у девочек; они как бы находятся на вершине пубертатного скачка роста, в то время как у мальчиков он только начинается.

У лиц обоего пола интенсивно выделяется фоллитропин, что приводит у мальчиков к быстрому увеличению размеров *тестикул* (яичек), а у девочек *телархе* (молочных желез). Продолжается активация функции коры надпочечников, надпочечниковые андрогены могут приводить к начальному оволосению гениталий. Возможно небольшое увеличение наружных гениталий. Стадия заканчивается, как правило, у девочек в 9–12 лет, у мальчиков — в 12–14 лет.

Третья стадия — *активизация гонад*. Она характеризуется тем, что в этот период под влиянием половых гормонов наступает активизация инкреторной деятельности гонад, что сопровождается у лиц обоего пола ростом гениталий и прогрессирующим оволосением на лобке. Эта стадия проявляется у мальчиков интенсивным ускорением роста в результате суммирующего эффекта андрогенов и соматотропина. Он начинается у девочек с 9–12 лет, у мальчиков — с 12–14 лет.

Четвертая стадия — *проявление максимального стероидогенеза*. Нарастает до максимального уровня выделение андрогенов и эстрогенов. У мальчиков уровень соматотропина остается высоким, у девочек наблюдается тенденция к снижению его концентрации. Поэтому темпы роста у мальчиков максимальны, а у девочек снижаются. Изменения в репродуктивной системе характеризуются появлением аксилярного оволосения, продолжающимся ростом гениталий, а у мальчиков — и мутацией голоса и появлением кадыка (адамова яблока). Эта стадия начинается у девочек в 10–13 лет, а у мальчиков — в 12–16 лет.

Пятая стадия — *окончательное формирование*. В этой стадии у девушек появляется менархе, у 90% наблюдается остановка роста вследствие закрытия эпифизарных зон и снижение концентрации соматотропина до уровня, имеющегося у зрелых женщин. Концом стадии у девушек считают закрепление овуляторных циклов и регул. Стадия начинается у девушек в 11–14 лет и заканчивается к 15–17 годам полным созреванием.

У юношей на этой стадии завершается формирование вторичных половых признаков (адамово яблоко, оволосение на лице, переход от женского к мужскому типу оволосения на лобке). Сперматогенез достигает полного развития. Рост в основном приостанавливается, хотя может продолжаться за счет хрящей позвоночника и в дальнейшем. Начинается эта стадия у юношей в 15–17 лет и заканчивается формированием зрелого мужчины к 17–19 годам. Ход пубертатного развития мальчиков и девочек схематически показан на рис. 14.1.

Половое созревание мальчиков связано с наличием в организме полового гормона тестостерона, биосинтез которого происходит при участии холестерина. Последний же присутствует только в пище животного происхождения. Поэтому в период полового созревания мальчиков организм нуждается в достаточном ко-

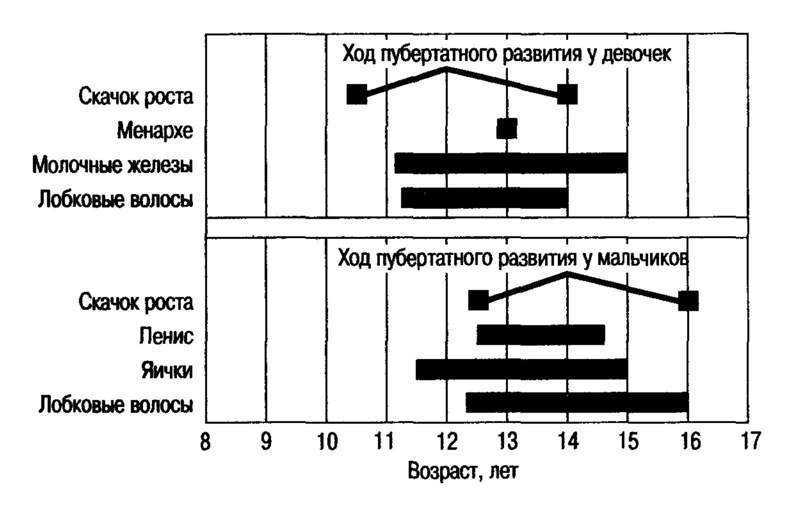

Рис. 14.1. Ход пубертатного развития у мальчиков и девочек

личестве животного белка и жиров, и вегетарианская диета может нанести определенный ущерб созреванию.

Первым функциональным признаком половозрелости у мальчиков являются поллюции. *Поллюция* (от лат. *pollutio* — марание, пачкание) — непроизвольное извержение семени, чаще происходящее во сне и оставляющее на постельном белье характерные пятна. Появление поллюции свидетельствует о том, что у подростка начали вырабатываться зрелые сперматозоиды. Смешиваясь с секретом (жидкостью) семенных пузырьков и предстательной железы, они в виде спермы удаляются из организма естественным путем после напряжения полового члена. Возникает поллюция в результате сновидений, связанных с физическим напряжением подростка и с общением с представителями женского пола.

Первые поллюции появляются в возрасте около 15 лет. Частота их индивидуальна. Обычно они бывают 1–3 раза в месяц, но могут быть и реже. Признаком нарушений в организме является значительное увеличение поллюций — если они наблюдаются каждую ночь. За исключением же таких случаев поллюция — явление совершенно нормальное, физиологическое, хотя и воспринимается поначалу подростками с тревогой. Польский сексолог К. Имелинский (1972) отмечает, что почти 43% опрошенных им студентов мучились сомнениями, подавленные тем фактом, что у них были ночные поллюции. И это не случайно. Как отмечает автор, в свое время, с легкой руки французского ученого К. Лаллемана, опубликовавшего в 1836 г. трактат «О непроизвольных потерях семени», поллюции считали серьезным заболеванием. Среди болезней, которые якобы вызывались поллюциями, назывались психические заболевания, истощение, половая слабость, бесплодие, эпилепсия. В науке эти взгляды просуществовали до начала XX в., а в быту живут и сейчас.

Следует отметить, что за последние 100 лет наблюдается неуклонное снижение возраста первой поллюции у мальчиков и первой менструации у девочек, в среднем на 4–6 месяцев за каждые 10 лет. Время появления отдельных вторичных половых признаков за десятилетие ускоряется на 1–6 месяцев.

Раннее половое созревание мальчиков (акселерация) дает им ряд преимуществ перед теми, у кого созревание происходит позже; например, раннее физическое развитие дает преимущество при занятиях спортом. Акселераты обычно увереннее ведут себя в обществе. Они чаще становятся лидерами групп сверстников (Weisfeld G., Billings R., 1988). «Взрослость» мальчиков-акселератов приводит к тому, что между ними и родителями возникает меньше конфликтов по поводу времени возвращения домой в вечернее время (Savin-Willians, Small, 1986). Рано созревшие мальчики лучше учатся. Однако иногда эти качества приводят к тому, что взрослые переоценивают их эрудицию, социальную компетентность и потому предоставляют им больше привилегий.

Позднее половое созревание мальчиков-подростков (ретардация) создает для них определенные социально-психологические трудности. Они ниже ростом своих сверстников, имеют менее развитую мускулатуру, что ставит их в невыгодное положение. Они более напряженны, тревожны и жаждут привлечь к себе внимание (Jones, Bayley, 1950). К ним относятся как к маленьким детям, они больше контролируются родителями, что может приводить к конфликтам. Они имеют низкий социальный статус, а взрослые воспринимают их как менее компетентных (Brackbill Y., Nevill D., 1981). У них меньше выражено желание учиться, и они получают более низкие оценки (Dubas, Graber, Peterson, 1991). Правда, к выпускному классу это отставание в успеваемости от акселератов исчезает.

Первым признаком начала полового созревания у девочек обычно является набухание области сосков. Одновременно происходит развитие матки и влагалища вместе с заметным увеличением половых губ и клитора. Позже, после пика в скачке роста, достигающего уровня взрослых женщин, и накопления определенного веса (около 45 кг) и минимального запаса жировых отложений, появляется *менархе* — кровотечения из влагалища в определенный период месячного цикла. Возраст появления менархе может колебаться от 9,5 до 16,5 лет. В среднем менархе появляется в 12,5 лет, однако в зависимости от расовой и национальной принадлежности этот возраст может сильно расходиться. Так, у средней чешской девочки первые месячные наступают в возрасте 14 лет, а в племени бинди на Новой Гвинее — в 18 лет (Powers et al., 1989). Если девочки не подготовлены психологически матерями к появлению месячных, их неожиданное появление может стать для девочек психотравмируюшим фактором. Почти у половины девочек-подростков месячные сопровождаются менструальными «коликами». Неприятные ощущения возникают и в предменструальный период, когда появляются подавленность, плаксивость, тяжесть внизу живота, болезненность молочных желез. И колики, и неприятные ощущения могут мешать нормальной жизнедеятельности девочек и женщин.

Оволосение лобка, рост волос в подмышечной впадине, развитие грудных желез и костей таза, округление бедер — вот внешние признаки половозрелости девочек, которая завершается к 17–18 годам. Все это ведет к изменению восприятия девочками своего тела. В отличие от мальчиков, озабоченных главным образом физической силой и ростом, девочки большое внимание уделяют своему слишком большому росту и излишней полноте. В результате многие нормальные и даже стройные девочки-подростки считают себя толстыми и стараются похудеть. Самая низкая удовлетворенность своим внешним обликом имеет место у девочек

13 лет, а у мальчиков — в 15 лет. При этом в любом возрасте девочки больше недовольны своим обликом, чем мальчики (Rauste-von Wrigth M., 1989).

> Р. Бердуистелл обратил внимание на отношение девочек-подростков к своим развивающимся грудям. Как им надо их держать: гордо выдвигать вперед, откидывая плечи назад, или выдвигать плечи вперед и прятать груди? Что делать подростку, когда ее мама половину времени говорит ей: «Не сутулься! Держись прямо!», а другую половину времени повторяет: «Не выставляй так груди вперед! Ты не должна носить такие обтягивающие свитера!»
>
> У меня есть знакомая девочка-подросток, которая лишена всяких комплексов и отличается немалой самоуверенностью. Одевшись в купальник, она разглядывает себя, заявляя: «Если я умру, я прошу меня не кремировать, а покрыть мои груди бронзой, чтобы последующие поколения восхищались ими».
>
> Далеко не все девочки в этом возрасте так гордятся своим телом, и появление у них грудей создает им новые проблемы.
>
> Фаст Дж, 1997, с. 139.

О. Вейнингер пишет, что мальчики и девочки по-разному переживают наступление периода половой зрелости. У мальчика это время всегда сопряжено с кризисом; он чувствует, что новое для него начало овладело его существом, нечто такое, что присоединяется помимо его воли к прежним мыслям и чувствам. Это физиологическая эрекция, которая первый раз ощущается им как нечто загадочное и беспокоящее. Девочка, напротив, совершенно легко вступает в период половой зрелости, она чувствует, как бесконечно увеличивается ее собственное значение. Есть много мальчиков в этом возрасте, которые только при мысли, что они могут влюбиться или жениться (вообще, а не на конкретной девушке), с негодованием отвергают эту мысль, между тем как самые маленькие девочки страстно жаждут любви и брака.

В отличие от мальчиков, для которых раннее половое созревание является благом, для девочек оно имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, рано созревшая девочка часто ощущает себя более привлекательной, более популярной у старших мальчиков, с другой стороны, опережая сверстников-мальчиков в своем физическом развитии и, будучи выше их ростом, она теряет контакт с ними. Рано созревающие девочки менее общительны и популярны, чем поздно созревающие сверстницы (Aro, Taipale, 1987), чаще проявляют беспокойство и депрессию (Wichstrome, 1999). Кроме того, у них меньше возможностей обсудить с отстающими в созревании сверстницами происходящие в ними физиологические и эмоциональные перемены. Лучшее физическое развитие девочек-акселераток заставляет их чаще искать себе друзей среди более старших лиц противоположного пола, которые могут вовлекать девочек в сомнительные занятия: курение, употребление алкоголя и наркотиков, сексуальные отношения. У них выше риск возникновения психологических расстройств (Caspi et al., 1993). Шведские психологи выявили, что рано созревшие девочки хуже учились в школе и чаще бросали учебу (Stattin, Magnussohn, 1990). Со временем, однако, акселератки начинают чувствовать себя более комфортно, пользуясь успехом у мальчиков, и приобретают популярность у девочек (Faust, 1960).

14.2. Половое влечение у мужчин и женщин

Основным проявлением сексуальности является половое влечение. Главными элементами полового влечения, согласно общепризнанной классификации А. Моля (1909), являются стремление к *детумесценции* (половому акту) и *контректации*. Детумесценция (буквально — «выделение» или «набухание») — это выделение продуктов половых желез; контректация — стремление прийти в близкое соприкосновение с представителем другого пола (объятия, поглаживания, поцелуи). Детумесценция тоже связана с контактом, прикосновением к любимому человеку, но это специфический контакт, осуществляемый конкретным техническим путем, тогда как контректация объединяет моменты общего стремления к близости. У мужчины первично стремление к детумесценции, у женщины больше выражено стремление к контректации, а влечение к детумесценции развивается у нее лишь постепенно, с накоплением соответствующего опыта.

Д. В. Колесов и Н. Б. Сельверова (1978) пишут, что ошибочно думать, будто половое влечение появляется как бы сразу на каком-то определенном этапе, например лишь в период полового созревания, как это утверждал П. П. Блонский (1935). Кроме того, они подчеркивают ошибочность убеждения, что процесс удовлетворения полового влечения обязательно сводится к генитальному контакту (половому акту). Половое влечение прежде всего проявляется в стремлении к общению с лицом противоположного пола, в установлении с ним духовного контакта, удовлетворении потребности к дополнению.

Содержание полового влечения и его проявления, пишут Д. В. Колесов и Н. Б. Сельверова, определяются свойствами личности, а выраженность влечения — соотношением активности половых желез и чувствительности к половым гормонам центральной нервной системы и исполнительных органов.

По А. Молю, имеются три фазы развития полового влечения: нейтральная (раннее детство), фаза недифференцированного влечения (чаще с 9–10 лет и до 20 лет или немного старше) и фаза дифференцированного влечения (характерна для взрослого человека).

Д. В. Колесов и Н. Б. Сельверова половое влечение понимают *как особое отношение человека одного пола к человеку противоположного пола*. Проявляется оно сначала в малоспецифичных формах, но затем специфичность его возрастает. Проявления полового влечения могут наблюдаться очень рано и в свойственной возрасту форме. Однако это проявление трудно распознать вследствие недостаточных возможностей его реализации. Иногда, правда, половое влечение проявляется отчетливо, когда мальчик или девочка начинает обнимать и целовать ребенка противоположного пола. Для девочек раннего возраста характерно кокетство, хотя редко оно может наблюдаться и у мальчиков.

Наступает период, когда подростки переходят от дружбы с представителем противоположного пола к интимным отношениям, причем в юношеском возрасте наблюдаются четкие половые различия в мотивах такого общения: девушки считают интимность более важной, чем секс, а юноши, наоборот, несравнимо более важным считают сексуальные отношения, чем интимность (Rosco et al., 1987).

Половое влечение у мужчин и женщин в отдельные возрастные периоды может не совпадать, в связи с чем выделяют первую и вторую конфликтные фазы и фазу гармонии (рис. 14.2).

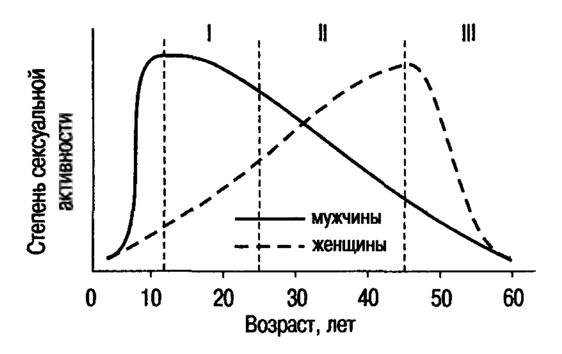

Рис. 14.2. Сексуальная активность мужчин и женщин в разном возрасте:
I – *первая конфликтная фаза;* II – *фаза гармонии;* III – *вторая конфликтная фаза*

Д. Ганьон и К. Гринблат (J. Gagnon, C. Greenblat, 1978) описали три стадии развития гетеросексуальных отношений. Первая — «стадия влечения» — наполнена свиданиями, во время которых формируется взаимное влечение. Вторая — «стадия эмоционального сближения» — связана с формированием эмоциональной близости. Партнеры начинают доверять друг другу свои самые сокровенные мысли и чувства. Третья — «стадия сексуальной близости».

В большинстве случаев люди склонны выбирать себе в партнеры человека той же расы, религии, того же уровня образования, социального класса и даже с таким же прошлым семейным опытом. Имеет значение и работа или учеба с ним в одном и том же учреждении, близость места проживания (B. Berelson, G. Steiner, 1964; R. Zajonc, 1968).

Любовь, как специфическая форма проявления полового влечения, затрагивает ряд возрастных периодов. Первый период — возраст около 3 лет. В это время ребенку нравится какой-нибудь мальчик или девочка (причем всегда — представитель противоположного пола и не обязательно сверстник). В его присутствии ребенок явно смущается, краснеет, опускает глаза. Но пока это любование объектом любви и расспросы о нем других.

Второй период — возраст 7–8 лет. Чувство любви в этот период также малоосознано. Оно проявляется во взаимной нежности, выраженном стремлении к общению, подарках. Иногда эта любовь проявляется в агрессии, в стремлении причинить обиду, боль, при этом сама мысль об этом, не говоря уже о ее реализации, резко усиливает чувство жалости и нежности. На этом этапе любовь принимает уже действенный характер, ребенок не просто любуется избранным объектом, но воздействует на него.

Третий период — возраст 12–13 лет. Для любви этого периода характерны элементы фетишизма: особое внимание обращается на какой-то элемент внешности, например особой длины или цвета волосы. Половое влечение постепенно принимает форму осознанного стремления к контакту с представителями противоположного пола. Наблюдается стремление к совместным играм, общению, взаимной

помощи. У девочек появляется желание быть побежденной в игре определенным мальчиком, а у мальчика — победить определенную девочку. Мысли подростка постоянно заняты объектом любви. Появляется ревность.

Следующий период — 15–17 лет и несколько позже — юношеская любовь. Ее характеризует тенденция к личностному общению, взаимному уединению: совместные прогулки, разговоры, обсуждение разных проблем. Главным становится познание объекта любви как личности. По данным Д. Ларсона с соавторами (Larson et al., 1976), около 70% старшеклассников имеют постоянного друга или подругу. При этом юноши опасаются прочных отношений с девушками, девушки же, наоборот, чувствуют себя увереннее и спокойнее при наличии постоянного друга (C. Gilligan, 1982).

> Мужчина всегда хочет быть первой любовью женщины, а ей хотелось бы стать последней любовью мужчины.
>
> Оскар Уайльд

Половое влечение юношей и взрослых может выражаться прежде всего в романтической любви (влюбленности), переходящей в любовь. Г. Л. Билич и В. А. Божедомов (1999) приводят несколько видоизмененную схему циклов романтической любви, которую предложили У. Мастерс, В. Джонсон и Р. Колодни (рис. 14.3).

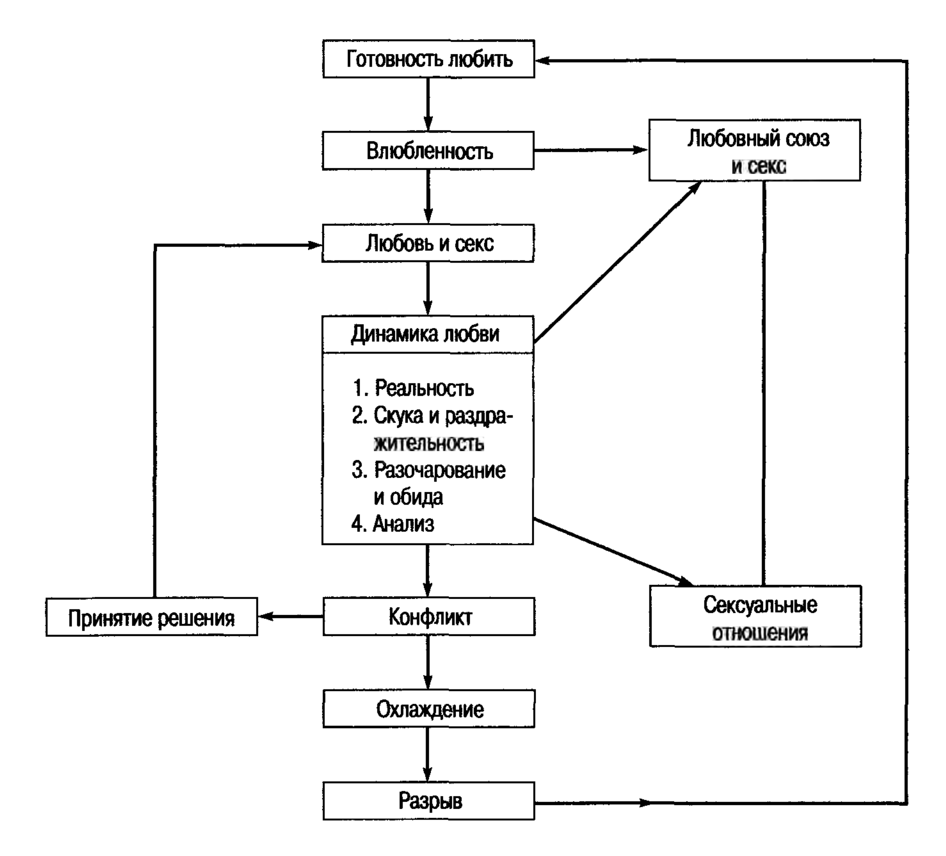

Рис. 14.3. Циклы романтической любви

Романтическая любовь, как показано в исследованиях, связана с увеличением содержания в определенных структурах головного мозга адреналина и дофамина, выработка которых и поступление в кровь усиливаются благодаря различным раздражениям органов чувств — зрительного, обонятельного, осязательного. Особо бурная любовь (*лимеренция*) зависит от увеличения содержания в мозге медиатора серотонина. Кроме того, показано, что успешный половой акт приводит к усилению выработки в мозге эндорфинов, которые обладают наркотикоподобным действием и дают человеку переживание удовлетворения, радости, эйфории. Не исключено, что эйфоричное состояние влюбленных связано с усиленной выработкой именно этого эндогенного опиата.

На смену первоначальной радости взаимного общения, познавания, новизны сексуальных отношений приходит реальность. Мужчины и женщины начинают видеть друг у друга и недостатки. Начинается борьба за лидерство, возникает соперничество. Все это может привести к конфликту и последующему разрыву или, наоборот, перемирию и укреплению любовного союза.

Дж. Ли (Lee,1977) разработал следующую типологию любви:

1) *эрос* — страстная любовь-увлечение, стремящаяся к полному физическому обладанию;
2) *людус* — гедонистическая любовь-игра, не отличающаяся глубиной чувства и сравнительно легко допускающая возможность измены;
3) *сторге* — спокойная, теплая и надежная любовь-дружба;
4) *прагма* — возникает из сочетания людуса и сторге — рассудочная, легко поддающаяся контролю; любовь по расчету;
5) *мания* — появляется как сочетание эроса и людуса, иррациональная любовь-одержимость, для которой типичны неуверенность и зависимость от объекта влечения;
6) *агапе* — бескорыстная любовь-самоотдача, синтез эроса и сторге.

Для женщин более характерны сторгические, прагматические и маниакальные проявления любви, а молодым мужчинам более свойственна эротическая и особенно людическая любовь.

Любовь — целая история в жизни женщины и всего лишь эпизод в жизни мужчины.
Жан Поль, немецкий писатель

Женщина знает смысл любви, а мужчина — ее цену.
М. Ларни, финский писатель

Любовь женщины дает мужчине минутные наслаждения и кладет на него вечные обязательства, по крайней мере — пожизненные неприятности.
В. Ключевский

Мужская любовь частична, она не захватывает всего существа. Женская любовь более целостна. Женщина делается одержимой. В этом смертельная опасность женской любви.
Н. Бердяев

Особенностью любви взрослых, как периода зрелой любви, является *половое поведение* как способ удовлетворения полового влечения, включая прикосновения (объятия, поцелуи и т. д.) и генитальный контакт.

> Влюбленная женщина существует со своей пассией все свободное от сна время. Она что-то мысленно рассказывает ему, или доказывает, или выясняет отношения. В метро и в троллейбусе, на переговорах, в сберкассе, в лифте женщина всегда думает о своем возлюбленном, и он как бы перманентно присутствует рядом с ней.
>
> Мужчины думают о женщинах гораздо меньшее время и, как правило, только когда они не заняты делом. Любой вид деятельности, будь то решение производственных проблем, починка автомобиля или даже игра в домино, способны полностью вычеркнуть из его мыслей светлый образ любимой. Пройдет время, и он, конечно, вспомнит, но в данный момент вас нет в его жизни. Стоит отметить, что если на работе мужские мысли посвящены исключительно делу, то и дома зачастую его волнуют те же производственные проблемы. То есть мужчина думает о своем деле почти так же много, как женщина думает о мужчине. Я полагаю, это одно из кардинальных отличий двух полов.
>
> Серова Е., 2001, с. 129.

Если в характере полового влечения существуют значительные различия, то сила самого влечения может быть одинаковой у мужчины и женщины (хотя, по данным американского автора Юбелла (Ubell, 1976, цит по: Крайг Г., 2000), мужчины чаще, чем женщины (соответственно в 74 и 53%) сообщали о сильном половом влечении). Мужчины более настойчивы в сексуальных отношениях: делают первый шаг, занимают главенствующее положение. Однако наступательный характер репродуктивного поведения мужчины не говорит еще о большей выраженности влечения. Речь идет здесь лишь о разделении ролей, причем роль женщины более выгодная: ее уговаривают, а она делает одолжение, ставя тем самым мужчину в зависимое от себя положение. В тех же случаях, когда по какой-либо причине мужчина не проявляет должной активности, женщина сама проявляет инициативу, однако она не склонна делать это вопреки воле мужчины.

Окончательное формирование организма мужчины заканчивается в возрасте 25 лет, а у девушек — к 18–20 годам. Кроме того, с возрастом половое влечение у мужчин сохраняется дольше, чем у женщин. Поэтому с биологических позиций мужчине, вступающему в брак, желательно иметь более молодую жену. Это продлит их гармонию в сексуальных отношениях. Оптимумом *сексуальной гармонии* некоторые ученых считают приблизительно следующие возрастные соотношения:

Возраст женщины, лет	Возраст мужчины, лет
18	23
21	27
24,5	31,5
28	35
31	39
35	45
37,5	49,5
49	63

Разумеется, приведенные цифры — не канон, и отношения между полами в реальной жизни не подчиняются никаким стандартам.

14.3. Возраст и мотивы вступления в половую жизнь

С наступлением периода полового созревания у подростков появляется потребность в свершении полового акта. Как правило, первоначально вместо него используется такое суррогатное средство, как *мастурбация* (*ипсация*, от греч. *ipse* — сам). Мастурбацией в этот период занимаются 93–96% здоровых мальчиков. По данным Д. Н. Исаева и В. Е. Кагана (1979), средний возраст начала мастурбации составляет 14,1 с разбросом от 10 до 18 лет и продолжается 4–4,5 года. Занимаются ею и девочки, правда, начинают мастурбировать они позже и делают это реже, чем мальчики, но к 18 годам этот опыт имеют свыше 60% девушек (Данилов В. В., 1982, цит. по: Кон И. С., 1989), причем мастурбация, вопреки бытующему мнению, не только не вредна для них, но и имеет положительные следствия. Согласно наблюдениям, в первый год замужества оставались фригидными 35% женщин, не занимавшихся до замужества мастурбацией, и лишь 15% — занимавшихся ею (Kinsey A., 1948). А. М. Свядощ (1974) отмечает, что занятия женщин мастурбацией не только не снижает силу полового влечения и не мешает сексуальному контакту с лицами другого пола, но даже способствует более быстрой адаптации женщин в браке.

Кинси и Хант отмечают большие гендерные различия у испытуемых, которые сообщили о своей мастурбации до оргазма. Об этом сообщили все мужчины и две трети женщин. Более того, из рассказов следует, что мужчины начали мастурбировать в более раннем возрасте, чем женщины. Эти результаты подтверждены и другими авторами (Davidson, Moor, 1994; Leitenberg et al.,1993; Oliver, Hyde, 1993).

Lips H., 2008, p. 280.

Мастурбация предупреждает раннее вступление подростков и юношей в половую связь, и это тоже имеет некоторые положительные стороны. А. Г. Хрипкова и Д. В. Колесов (1982) пишут, что подросток или юноша еще не в состоянии по-настоящему оценить душевные качества женщины — для этого он не созрел личностно. Половая близость в молодом возрасте не сопровождается положительными эмоциями, присущими любви, оказывается малосодержательной, приближенной к «голой» физиологии и может нанести подростку психическую травму. Бездуховность половых контактов может зафиксироваться, и нередко именно такие контакты становятся единственным способом взаимоотношений с представительницами женского пола. Тем самым сексуальное развитие подростка и юноши не только застывает на примитивном уровне, но и деформируется. Бездумная игра в секс опустошает и без того не очень богатый духовный мир подростков, делает их циничными, развязными, неспособными в будущем, став взрослыми, на глубокое чувство, восприятие и познание своего полового партнера как личности. Успех

или неуспех взаимоотношений с женщинами, в том числе и с супругой, у таких мужчин определяется лишь физиологической совместимостью или несовместимостью. Для таких мужчин их потенция становится величайшей жизненной ценностью, определяющей весь смысл их жизни, а ее утрата или хотя бы снижение — трагедией.

Сказанное о деформации личности в значительной степени можно отнести и к девочкам.

Начало половой жизни. Как правило, мужчины начинают проявлять сексуальную активность в более молодом возрасте и имеют более богатый сексуальный опыт, чем женщины (Leary M., Snell W., 1988). По данным Н. П. Ивченковой с соавторами (2001), большинство юношей (42%) идеальным возрастом для начала половой жизни считают 16–17 лет, 35% девушек — 18–19 лет (рис. 14.4)

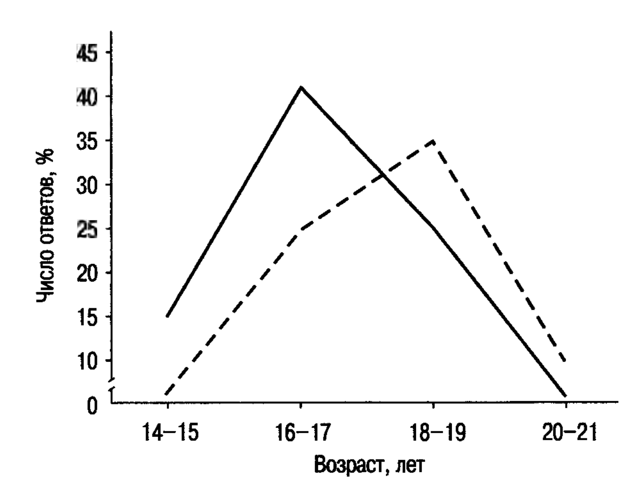

Рис. 14.4. Идеальный возраст начала половой жизни по мнению юношей и девушек

Характерным для нашего времени является раннее вступление девочек в половую жизнь. Сексуальная революция, охватившая в 1970-х гг. Запад, в большей степени отразилась на поведении девушек, чем юношей. В 1940–1960-е гг. от одной до двух третей юношей теряли невинность в возрасте до 20 лет. В то же время шестнадцатилетние девушки, потерявшие девственность, составляли в 1940-х гг. всего 7%. В 1971 г. таких девушек было уже 33%, а в 1982 г. — 44% (Broocs-Gunn J., Furstenberg F., 1989).

Такая же динамика с наблюдается и в нашей стране. Если в 1970-х гг., по данным С. И. Голода, до 18 лет в половую жизнь вступали 49,5% лиц мужского пола и 24,6% лиц женского пола, а до 16 лет — соответственно 11,7 и 3,7%, то в 1980-х гг. до 18 лет в первую половую связь вступали уже 81% лиц мужского пола и 43% лиц женского пола, а до 16 лет — соответственно 50 и 10%; в конце 1990-х гг. процент таких лиц увеличился еще больше. Так, гинекологическое обследование, проведенное в 1998–1999 гг. в ряде средних школ Тамбова, выявило, что 97% девочек ведут половую жизнь с 16 лет, а в крупных городах этот возраст еще меньше — 13 лет (рис. 14.5). Наблюдается явное расхождение между физиологическим, социальным и психологическим развитием девочек.

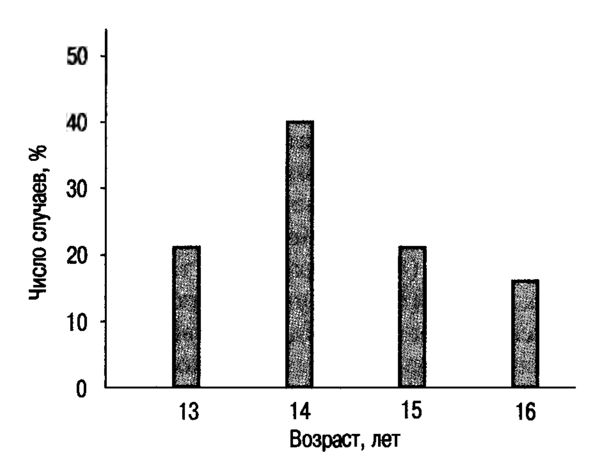

Рис. 14.5. Возраст вступления девочек в половую жизнь (по данным Санкт-Петербурга)

По некоторым данным, число сексуально активных девочек меньше, чем мальчиков (соответственно 27 и 32%), причем половина из них имели регулярные сексуальные контакты, а одна треть — спорадические. Более 50% городских подростков мужского пола и 60% сельских имеют по несколько партнеров. Это подтверждает заключение Х. Ремшмидта (1994), что в основной своей массе юноши стремятся к более частым половым сношениям, чем девушки.

Исследования в Северной Америке показывают, что женщины намного более негативно, чем мужчины, относятся к случайным добрачным и внебрачным сексуальным связям... Женщины и мужчины, по крайней мере в течение учебы в колледже, по-разному отвечают на вопрос: «Каковы твои мотивы в сексуальных отношениях?» Женщины делают акцент на любви к своему партнеру и обязательствах (например, «эмоциональные чувства, которые у нас есть»), в то время как мужчины чаще отмечают физические потребности и удовольствие (например, «это необходимо», «доставить удовольствие самому себе») (Carrol et al., 1985). Те же ученые обнаружили, что 45% студенток и только 8% студентов ответили «всегда» на вопрос: «Для вас эмоциональная поддержка является неотъемлемым условием для сексуальных отношений?»

Lips H., 2008, p. 271.

Мотивы вступления в половую жизнь. По данным, приводимым И. С. Коном (1989), чем раньше подростки вступают в половую жизнь, тем чаще ее мотивом они называют любопытство. Так, лица мужского пола, имевшие сексуальный контакт в 15–17 лет, его причиной называли любопытство в 45–51% случаев, студенты же называли эту причину только в 4,9% случаев. У лиц женского пола наблюдается та же тенденция, при том что любопытство называется ими гораздо реже, чем лицами мужского пола (13% — школьницами и 5,6% — студентками). Чем старше лица, вступающие в половую жизнь, тем чаще ее мотивом они называют любовь, особенно женщины. Такие мотивы, как приятное времяпрепровождение, стремление к получению удовольствия, в 2 раза чаще называются студентами мужского пола, чем женского.

В настоящее время для большинства девочек-подростков (больше 90%) секс является самым простым способом повышения самооценки. Поэтому девушки с низкой самооценкой, менее привлекательные, более склонны к раннему началу половой жизни, чем физически привлекательные, красивые девушки. Выбор сексуального партнера у девушек, как правило, случаен, а потеря девственности никак не соотносится с любовью. Побуждает к половому акту часто не сексуальное влечение, а случай, любопытство (18%, по данным Ю. А. Гуркина, 1998), нежелание отставать от своих подруг (8%). Играет роль также отсутствие понимания и эмоционального тепла в семье (80%), неумение отказать партнеру и боязнь потерять любимого человека (более 20%). Удовольствие от полового акта получают далеко не все и не всегда (оргазм испытывают около 3%). Родителей, по словам девочек, волнует только возможное наступление беременности, но не раннее вступление их дочерей в половую жизнь.

Имеются существенные различия в мотивах вступления в половую жизнь юношей и девушек, что показано в работе Н. П. Ивченковой с соавторами (2001), табл. 14.1.

Таблица 14.1. Мотивы вступления в сексуальные отношения до брака юношей и девушек (количество ответов в процентах)

Мотив	Юноши о себе	Девушки о себе	Юноши о девушках	Девушки о юношах
Сильное сексуальное влечение	99	23	22	50
Любовь	41	61	31	22
Приобретение опыта	35	18	13	31
Развлечение	29	7	8	24
Любопытство	18	26	15	34
Стремление удержать партнера	4	25	9	1
Самоутверждение	22	–	–	13
Желание иметь ребенка	10	15	12	4
Желание создать семью	–	14	13	–
Желание «быть как все	8	12	8	18
Принуждение	2	1	8	1
Желание заработать	4	7	8	1

Как следует из приведенных в таблице данных, у юношей основным мотивом является сильное сексуальное влечение. Затем в значительно меньшем числе случаев упоминаются приобретение опыта, развлечение, самоутверждение. У девушек основным мотивом является любовь. Например, при опросе американцев выяснилось, что любовь к партнеру в качестве причины для первого сношения указали 48% женщин и только 25% мужчин (Lauman et al., 1994). Реже называются стремление удержать партнера, сильное половое влечение и любопытство.

Девушки преувеличивают у юношей значимость мотива «любопытство» и недооценивают мотив «сильное сексуальное влечение», так как сами того не переживают. Как юноши, так и девушки недооценивают друг у друга значимость мотива «любовь».

Нередко вступление в половые контакты девушек обусловлено их желанием «насолить» родителям, с которыми у девушек имеются враждебные отношения; они знают, что родители не одобряют такое поведение и, следовательно, будут расстроены.

В. М. Бызова (1985) считает, что вступление девушек в раннюю половую жизнь определяется не только внешними, социальными факторами, но и внутренними, личностными. Так, она выявила, что среди девушек с сексуальным опытом преобладали лица эпилептоидного склада (48%), а среди неопытных чаще всего встречались представители неустойчивой, эмоционально-лабиотной, сензитивной и астеноневротической акцентуаций (52%). Среди юношей с сексуальным опытом чаще встречались лица с эпилептоидным и истероидным складом личности, а также лица с гипертимным и гипертимно-неустойчивым вариантом, которых отличает высокий жизненный тонус, активность, энергичность, выраженное половое влечение. Среди неопытных юношей чаще всего были представлены те же типы, что и у неопытных девушек.

Ранние беременности. По данным С. Джейнус и С. Джейнус (Janus S., Janus C.,1993), к началу 1980-х гг. в США ежегодно рожали около миллиона женщин моложе 18 лет. Из этих молодых матерей 70% были незамужними. Ежегодно беременеют 10 000 девочек в возрасте 12 лет или даже моложе. Эта тенденция не изменилась в США и за последние годы.

Анонимное анкетирование школьниц Санкт-Петербурга (данные городского центра репродуктивного здоровья «Ювента»), показало, что среди девушек, живущих половой жизнью, только 54,9% всегда предохраняются от беременности, 28,4% предохраняются от случая к случаю, а 16,7% вообще не предохраняются. Причем из регулярно предохраняющихся только 14% используют современные надежные методы контрацепции. Следует отметить, что вообще среди мужчин чаще бытует мнение, что предупреждение беременности — не их забота. Поэтому они менее регулярно пользуются презервативом (Pleck et al., 1993).

Неудивительно, что в последние годы значительно увеличилось число ранних беременностей и отказ от родившихся детей (Гуркин Ю. А., 1998; Хамошина М. Б., 1997). По данным Международной федерации планирования семьи, ежегодно в мире рожают 15 миллионов женщин-подростков, а более 5 миллионов делают аборты. В России количество юных первородящих увеличилось за последние 30 лет в 2 раза, а нежелательную беременность ежегодно прерывают почти 40 тысяч девочек-подростков моложе 17 лет. По данным Н. Г. Богдашкина и С. В. Андреева (1995), число несовершеннолетних беременных достигает 15–18% от общего числа беременных.

Естественно, не окрепший еще женский организм подвергается при беременности и родах серьезной опасности, но аборты (в 75% беременностей) могут лишить девочек в будущем способности к деторождению. Ранние половые связи

обычно происходят на фоне употребления спиртных напитков и порой со случайными людьми. Зачатие в этой ситуации может привести к рождению ребенка с различными патологическими деформациями, а в дальнейшем к умственной отсталости и эмоциональным нарушениям, проявляемым в дошкольном возрасте. В более старшем возрасте эти дети часто проявляют склонность к делинквентному поведению (Spieker et al., 1999). Кроме того, страдает и сама юная мать: она морально не готова к выполнению материнских обязанностей и испытывает от этого психическое и эмоциональное напряжение; отмечается низкая привязанность к ребенку; часто она вынуждена бросать учебу в школе и в дальнейшем, не имея должного образования, идти на низко оплачиваемую работу.

В отношении физиологической готовности к зачатию имеются существенные половые различия. Если мужчина готов к оплодотворению в любой день, то женщина оказывается готовой к этому лишь в определенные дни месячного цикла, когда наступает *овуляция* — разрыв фоликула и выход яйцеклетки в брюшную полость. Оплодотворение яйцеклетки наиболее вероятно с 11-го по 17-й день до начала будущей менструации, т. е. менее недели (с учетом 48-часовой жизнеспособности сперматозоидов).

14.4. Отношение мужчин и женщин к сексу

Секс в жизни мужчин занимает большее место, чем в жизни женщин. Проведенный в США опрос «Что бы вы предпочли: удачную покупку одежды или потрясающий секс?» дал такие результаты: женщины предпочли покупку в 46%, а секс — в 41%; мужчины покупку предпочли в 14%, а секс — в 76%. Р. Баумейстер с коллегами (Baumeister et al., 2001) проанализировали большое количество исследований и сделали вывод, что мужская сексуальная потребность сильнее женской. Они обнаружили, что мужчины чаще думают о сексе, у них больше сексуальных фантазий, они чаще занимаются мастурбацией, больше стремятся инициировать секс, чаще могут жертвовать чем-то ради секса и в меньшей степени готовы отказаться от секса. Однако это не означает, что мужчины получают большее удовольствие от секса, чем женщины.

Неудивительно, что мужчины и женщины по-разному относятся к сексу. Например, брачная ночь, момент дефлорации является, пишет О. Вейнингер, переломным моментом в жизни женщины. В жизни мужчины, напротив, первый половой акт не играет никакой роли. С. Хендрик и К. Хендрик (Hendrick S., Hendrick C., 1985) отмечают, что женщины «умеренно консервативны» в отношении случайного секса, а мужчины — «умеренно терпимы». Данные, собранные в 177 исследованиях на выборке в 130 тысяч человек, показали, что для мужчин случайный секс гораздо более приемлем (Oliver, Hyde, 1993). Истоки этих различий лежат как в биологической специфике тех и других, так и в различии социальных ролей. В результате мужчины и женщины с трудом понимают друг друга.

Это непонимание имеет три этапа. На первом, приходящемся на детство, у мальчиков существует иллюзия, что девочки — это те же мальчики, которые почему-то предпочитают кукол играм в войну, более плаксивы и не умеют мочиться стоя. На втором этапе, во многом совпадающем с периодом полового созревания, девочки представляются мальчикам-подросткам загадочными существами, к которым бо-

язно подойти, но к которым их притягивает таинственная сила. Аналогичное непонимание имеется и у девочек. Лишь на третьем этапе молодые люди начинают понимать, что их подруги тоже созданы из плоти и крови и тоже могут находить удовольствие от секса, только делают это по-другому. На прохождение этого этапа некоторым мужчинам требуется несколько лет.

Мои друзья (мужчины) жаловались мне, что дамы принимают их по одной и той же схеме: ужин, долгие приятные беседы, а потом постель. Мужчина же хочет женщину, как только переступил порог ее квартиры. Исходя из этого постройте свидание по другому сценарию. Как только вошли в квартиру, начинайте долго, страстно целоваться. Затем, будто бы обуянная страстью, набрасывайтесь на кавалера, а после, когда уже все произойдет, тащите его на кухню ужинать.

Серова Е., 2001, с. 137.

Наблюдается двойной стандарт во взгляде мужчин на добрачные половые связи. Так, при опросе 50% мужчин одобрили добрачные связи *женщин*, 75% все же считали, что невеста должна быть девственницей (McCary, 1978). Добрачные связи *мужчин* одобрили 75% опрошенных лиц мужского пола. Правда, в последние годы все чаще люди не склонны придерживаться двойных стандартов в отношении половых связей лиц мужского и женского полов. Но многие и сейчас полагают, что женщина, имеющая много половых партнеров, более аморальна, чем ведущий себя аналогичным образом мужчина (Robinson et al., 1991).

Добрачные половые связи шире распространены среди подростков с низкой успеваемостью, а также среди тех, чьи родители имеют низкий образовательный уровень, злоупотребляют алкоголем, питают пристрастие к наркотикам и не посещают церковь (Harris L., 1986; Orr et al., 1991). Правда, в последние годы отношение к добрачным половым связям стало меняться. Так, в США после встряхнувшей всех в 1960-х гг. сексуальной революции культивируется девственность до брака не только женщин, но и мужчин. Это можно понять в связи с широким распространением СПИДа.

Для мужчины важным является вопрос о поведении жены до брака, для женщины же вопрос о том, был ли ее супруг воздержанным до встречи с нею, быть может, и является достаточно значимым, однако не бывает первостепенным. Более важен для нее вопрос, связанный с настоящим и будущим. И прав был, вероятно, Оскар Уайльд, утверждая, что мужчина непременно хочет быть первой любовью женщины; в этом видно его неуклюжее тщеславие. Может быть, женской местью за это выступает то, что женщина мечтает видеть в мужчине свою последнюю любовь.

Курбатов В. И., 1993, с. 22.

В настоящее время в России, по данным Центра демографии и экологии человека, мнение о различных формах сексуальных отношений различно у мужчин и женщин (табл. 14.2). В Великобритании выявляемая картина не так однозначна. По двум первым позициям различий между юношами и девушками практически нет, а на гомосексуализм отрицательно смотрят больше юношей, чем девушек.

Таблица 14.2. Мнение юношей и девушек двух стран о различных формах сексуальных отношений (процент случаев неодобрения)

Формы сексуальных отношений	Россия		Великобритания	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Сексуальные связи до брака	1,2	5,0	5,1	5,2
Измена супругу	50,2	50,2	81,5	84,8
Измена постоянному партнеру	27,5	53,1	66,2	77,7
Случайные сексуальные связи	30,5	51,1	48,5	76,1
Гражданский брак	1,8	4,2	–	–
Мужской гомосексуализм	36,5	39,4	68,6	52,4
Женский гомосексуализм	34,7	41,4	63,2	54,0

По данным И. П. Ивченковой с соавторами (2001), на вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваш брачный партнер имел сексуальный опыт до брака?» девушки в 71% случаев ответили положительно, а 60% юношей – отрицательно (рис. 14.6).

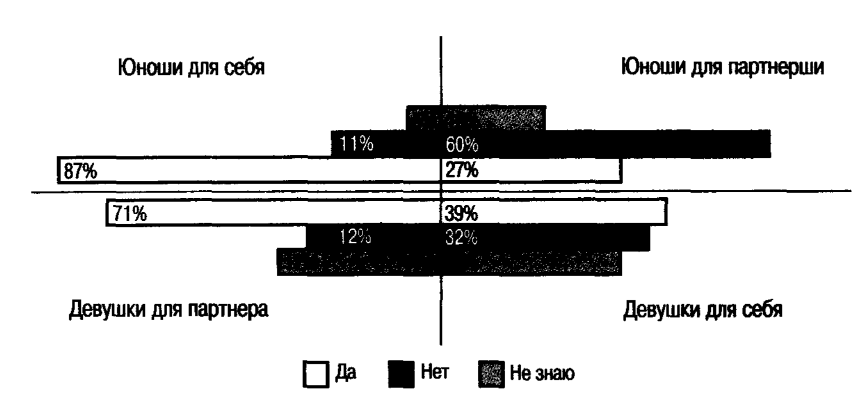

Рис. 14.6. Установки юношей и девушек на приобретение сексуального опыта до брака (для себя и для своего будущего партнера)

Сексологи считают, что мужчины реализуют свой потенциал сексуального возбуждения спонтанно, и для мужчины наиболее сильными сексуальными стимулами являются физический секс, изображение обнаженного тела или полового акта, а женщины достигают такой способности в процессе романтических отношений и любовного контакта с мужчиной. Поэтому женщины стремятся «романтизировать» описание полового влечения и возбуждения, представляющиеся им как любовь, эмоциональная близость и преданность. В то же время мужчины половое влечение стремятся «сексуализировать», видя его цель в сексуальной активности (Келли Г., 2000). Трудность в занятии сексом без любви чаще отмечают женщины, чем мужчины.

Это различие в отношении к сексу Ю. В. Щербатых (2001) описывает следующим образом: «Если малознакомая женщина на вечеринке, мило улыбаясь,

обращается к мужчине с какой-нибудь просьбой, то он думает: "О, кажется, эта красотка не прочь переспать со мной!" — а если ситуация меняется на противоположную, то женщина думает: "Надо же, и этот красавчик в меня влюбился!"» (с. 235–236).

По статистике, обычный мужчина думает о сексе тридцать раз в день, занимается им два раза в неделю и тратит на это всего шесть минут. Обычная женщина занимается сексом один раз в неделю, тратит на это десять минут, сколько думает — неизвестно; 30% мужчин и 14% женщин хотят посвящать сексу гораздо больше времени, но не знают, как это сделать.

Во всем мире мужчины чаще выступают инициаторами половой близости, чем женщины, что признается и женщинами. Например, при опросе тридцати супружеских пар со стажем совместной жизни четыре года выявлено, что 73% женщин считают, что лидером в сексуальных отношениях должен быть мужчина. С этим утверждением согласны лишь 36% мужчин; 20% отводят эту роль женщинам, а остальные говорят о том, что она должна быть разделена между супругами поровну (Андреева Т. В., Бакулина Ю. А., 1996).

В последние десятилетия сексуальная активность женщин резко выросла, как и их требования к половой жизни. Именно женщины теперь часто начинают половую игру. Вместе с тем многие женщины жалуются на нечуткость и сексуальную некомпетентность мужчин, которые озабочены лишь собственными переживаниями и уделяют мало внимания сексуальному удовлетворению и чувствам женщины. Мужей обычно не беспокоит отсутствие у жены сексуального удовлетворения и оргазма, потребности в сексуальных контактах. Во многом это связано с тем, что мужчины (около трети из них) хотят спонтанного и быстрого секса, вследствие чего им не до любовных ласк.

Кстати, до недавнего времени считалось, что без предварительных ласк партнерша не испытает оргазма, однако масштабные исследования, проведенные в ряде стран, показали, что вероятность оргазма почти не зависит от романтической стимуляции.

В патриархальной семье (даже с учетом ее специфики в наше время) изменения, связанные с сексуальной революцией, будут минимальными... В этой культуре главная цель сексуального сожительства – доставлять удовольствие мужчине. Что касается женщины, то к ее желанию относятся либо терпимо, либо оно оценивается негативно. Распространено мнение, что мужская натура требует сексуального опыта, а сожительство необходимо для ощущения счастья, удовлетворенностью жизнью. Если его нет дома, то его можно искать вне дома, у других женщин. При этом, в целом, к женщинам относятся недоверчиво, подозрительно, всех их наделяют такой чертой, как стремление изменять мужьям...

Женщины часто утверждают, что секс не служит для них источником какого-либо удовольствия. Сексуальная близость для них скорее обязанность. Они отвергают секс и трактуют его как принуждение, нередко прибегают к различным уловкам, чтобы избежать сожительства, стараются его ограничить. Для этих женщин в оргазме нет позитивных переживаний, к нему относятся отрицательно, так как убеждены, что с ним связана возможность беременности. Оргазм подавляется, так как экспрессивно реагирующая на него женщина оценивается мужем негативно.

Петров В. П., 2006, с. 89.

Бытует мнение, что мужчина по своей природе полигамен и поэтому всегда стремится к обладанию максимальным количеством женщин, а женщина моногамна и поэтому может любить одного человека, не нуждаясь в новых половых партнерах. Это подтверждается и статистикой. Опрос нескольких тысяч американцев выявил, что в течение жизни у женщины в среднем бывает два сексуальных партнера, в то время как у мужчин — шесть (Laumann E., 1994). Одинокие мужчины занимаются сексом чаще и с большим разнообразием партнеров, чем одинокие женщины (Baumeister, 1991; Bailey et al., 1994). Эпизодический, «одноразовый» секс наиболее характерен для мужчин с традиционной маскулинной установкой (Pleck et al., 1993). Объясняют это с биологических позиций. Функция мужчины исчерпывается сразу после оплодотворения им женщины, для женщины же с момента зачатия все только начинается: вынашивать, рожать и вскармливать ребенка будет она (Докинз Р., 1993). Ссылаются и на то, что самцы большинства животных также более настойчивы в сексуальном плане и менее разборчивы в выборе партнеров (Hinde, 1984).

14.5. Особенности мужской сексуальности

Сексуальность — это половое влечение и связанное с ним поведение человека. Описывая свою сексуальность, мужчины видят себя сильными, опытными, властными (Andersen et al., 1999).

Для развития мужской сексуальности характерна фаза так называемой *юношеской гиперсексуальности*, которая начинается еще в подростковом возрасте и продолжается в течение двух-трех лет после завершения пубертата. Этот период характеризуется повышенной половой возбудимостью и ростом эротических интересов и фантазий.

Тип половой конституции мужчины впервые отчетливо проявляется в период полового созревания. Его признаками являются возраст пробуждения полового влечения и возраст первого семяизвержения. Чем раньше начинается половое созревание, тем более бурно оно протекает и тем быстрее заканчивается. Рано созревающие мальчики и в последующие годы ведут более интенсивную половую жизнь.

Немецкий психолог Вильгельм Йонен пишет, что мужчины, особенно молодые, часто имеют неадекватное, «раздвоенное» восприятие женщин: они воспринимают их или как блудниц, или как святых. При этом им бывает очень трудно соединить эти два представления в лице той конкретной женщины, с которой они имеют дело. Одни юноши преклоняются перед своими возлюбленными, тщательно скрывая свои плотские и, как им кажется, «неприличные» желания, другие же, наоборот, стараются казаться нарочито грубыми и сексуальными. Такие взгляды имеют истоки в религиозных средневековых воззрениях на женщину, которая представала в образе либо Мадонны, либо Ведьмы. Первый, положительный, образ наделялся чистотой, невинностью, отвращением к половой жизни, а второй являл собой соблазн, «похоть». В психоаналитических учениях имелось тоже двойственное отношение к женщине — как к матери и как к сексуальной партнерше. Эту двойственность отношения к женщине хорошо описал Стефан Цвейг: «Творец мира сего, когда мастерил мужчин, явно что-то перекосил в них; поэтому они

всегда требуют от женщин обратное тому, что те им предлагают: если женщина легко отдается им, мужчины вместо благодарности уверяют, что они могут любить чистой любовью только невинность. А если женщина хочет соблюсти невинность, они только о том и думают, как бы вырвать у нее бережно хранимое сокровище. И никогда не находят они покоя, ибо противоречивость их желаний требует вечной борьбы между плотью и духом».[1]

Кстати, стремление мужчин иметь в качестве жены невинную девушку порой приобретает уродливые формы. По данным М. Френч (French, 1992), 20 миллионов женщин во всем мире имеют изувеченные половые органы в результате *клитородэктомии* и других операций, направленных на сохранение девственности или уничтожение возможности оргазма. Эта практика существует, потому что мужчина из религиозной общины не возьмет в жены не изувеченную девушку, а девушка, чтобы выжить, должна выйти замуж.[2]

Другой особенностью мужчин, отмечаемой В. Йоненом, является тщательно скрываемый ими страх перед женщиной вообще и доверительными отношениями с ней. Психоаналитики полагают, что он основан на отношениях мальчика с матерью еще в младенческом возрасте; другие полагают, что он возникает в подростковом возрасте (как проявление негативизма к женскому полу), третьи связывают его с опасением юноши оказаться несостоятельным во время первого полового акта. Вероятнее всего, эти по сути разные страхи возникают на различных этапах возрастного развития и не связаны друг с другом. Нельзя не учитывать и того, что страх перед женщиной может быть вызван у мужчины самой тривиальной причиной: ведь это он является инициатором значимого для него общения, знакомства, предложения руки и сердца. Естественно, неуверенность в успехе, нежелание потерпеть фиаско и оказаться в неловком или унизительном положении в случае отказа приводит к возникновению этого эмоционального состояния. Если бы женщина оказалась в его положении, то у нее, вероятно, страх был бы не меньшим. Так что, думается, ничего специфически мужского в этом страхе нет.

Мужчины, у которых высокий уровень тестостерона, реже женятся, чаще разводятся и чаще оставляют жен из-за проблемных взаимоотношений, имеют внебрачные отношения, бросают вещи в жен или бьют их (Bus, Dabbs, 1992).

Lips H., 2008, p. 202.

Э. Берн (1990) отмечает важную роль женщин из ближайшего окружения мальчика в формировании его сексуальности. Это, прежде всего, мать (или старшая сестра), которая поощряла или развенчивала его мужественность и сексуальность в тот период, когда он рос, затем — его партнерша, во власти которой воодушевлять и возбуждать или угнетать и запрещать.

[1] *Цвейг С.* Легенда о сестрах-близнецах. Собр. соч.: В 7 т. М., 1963.

[2] Клитородэктомия — хирургическая операция, состоящая в удалении клитора и малых половых губ. Чтобы предотвратить дефлорацию, малые половые губы иногда сшивают у пациентки еще в детском возрасте, а разрезают непосредственно перед свадебным обрядом.

А. Кинси с соавторами (Kinsey et al., 1948) установлено, что мужское сексуальное возбуждение происходит под воздействием более разнообразных символических раздражителей: например, картин, обнаженных фигур противоположного пола, устного описания половой активности. Однако сексуальность мужчин имеет и индивидуальные различия. Одни мужчины возбуждаются при виде женской груди, другие — глядя на женские ножки.

Вспомним у А. С. Пушкина:

«Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманный наряд;
Люблю их ножки; только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.
Ах! Долго я забыть не мог
Две ножки...Грустный, охладелый,
Я все их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.
Когда ж и где, в какой пустыне,
Безумец, их забудешь ты?
Ах, ножки, ножки! Где вы ныне?
Где мнете вешние цветы?»[1]

При этом мужчины не способны достичь эрекции в отсутствие своего фетиша, как бы ни была привлекательна партнерша во всех остальных отношениях (Э. Берн).

Поскольку мужчина больше «любит глазами», для его возбуждения большую роль играет процесс раздевания женщины (вспомните фильм «Девять с половиной недель»). В связи с этим многие западные журналы для женщин печатают советы по раздеванию, а на Востоке оно вообще возведено в ранг высокого искусства.

Г. Билич и В. Божедомов (1999) свидетельствуют, что 40–42% мужчин возбуждаются от нормального, естественного запаха здоровых женских половых органов.

Мужчина легче возбуждается (рис. 14.7), его эрогенные зоны в основном расположены в области наружных половых органов, особенно активна кожа головки полового члена.

Фазы отклика на половую стимуляцию у мужчин и женщин имеют сходные сценарии. Главное различие заключается во времени, которое требуется мужчинам и женщинам для достижения каждой фазы, и в большей вероятности того, что женщины испытают множественный оргазм.

У большинства мужчин сексуальные ощущения связаны с коитусом и заканчиваются сразу же после эякуляции, а предварительные ласки имеют второстепенное значение и делаются больше для партнерши, чем для себя. Мужчина быстрее достигает оргазма, чем женщина.

[1] *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Минск: Народна освита, 1979. С. 14.

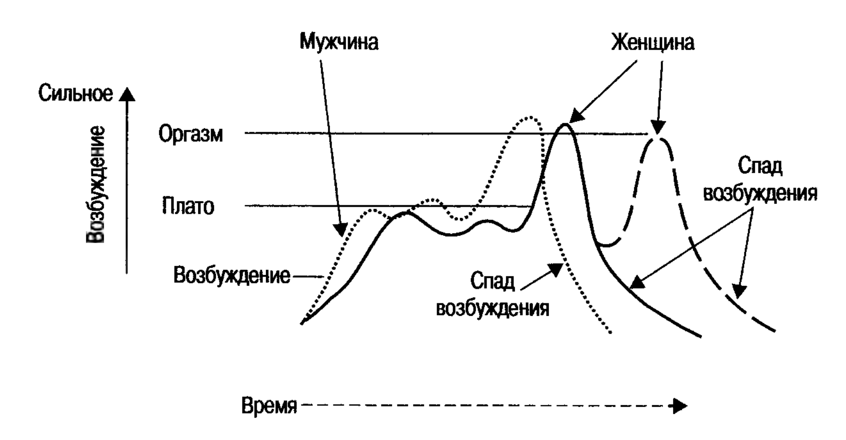

Рис. 14.7. Фазы отклика мужчины и женщины на половое раздражение

Первые половые контакты могут быть не совсем успешными. Это, по некоторым данным, наблюдается у половины здоровых мужчин. Вследствие перевозбуждения у мужчины может и наступить преждевременная эякуляция, и отсутствовать эрекция.

Будь осторожен. Если женщина сходится с тобой не любя, она заставит тебя расплатиться за это; а если она любит, то заставит тебя заплатить еще дороже.

Р. Олдингтон, английский писатель

Мужчины чаще, чем женщины, считают, что при половом акте важно достичь оргазма. В связи с этим один из сексологов писал, что если кто-либо говорит, что оргазм не важен для женщины, то это, без сомнения, мужчина.

Отдаваясь, женщина воображает, что дала вечность, а мужчина думает, что получил минуту удовольствия.

Кармен Сильва, румынская королева Елизавета

У некоторых мужчин проявляется так называемый *синдром Дон Жуана.* Он связан с болезненной гипертрофией роли сексуальной сферы в жизни человека, когда сексуальность приобретает характер самодавлеющей амбиции, превращается в своеобразный вид спорта. В основе его может лежать стремление к самоутверждению за счет «успехов» у женщин. Однако это может являться и следствием маскировки половой слабости.

Один из эволюционных психологов, Дэвид Бусс (Buss, 1999; Buss, Schmidt, 1993), высказал мысль о том, что мужчины и женщины выработали у себя разную стратегию поведения, эмоций и мотивации: для *кратковременных любовных отношений* и для *долговременных любовных отношений.* Стратегия мужчин, направленная на то, чтобы соблазнить и бросить, т. е. высказать преданность и верность, а затем уйти, – стратегия кратковременных отношений. Если мужчина настроен на то, чтобы сохранить преданность женщине и отдавать себя потомству, – это стратегия долговременных отношений. Стратегия женщины, направленная на то, чтобы привлечь верного муж-

чину, который останется с ней и будет помогать растить детей, – стратегия, направленная на долговременные отношения. Существуют разногласия по поводу того, выработали ли женщины для себя стратегию, направленную на краткосрочные любовные отношения. Одни считают, что беспорядочные половые связи никогда не приносили женщине выгоды в эволюционном смысле: она может забеременеть, не имея уверенности в том, что мужчина в дальнейшем будет заботиться о ней и о потомстве. Действительно, создается впечатление, что женщины менее заинтересованы в ни к чему не обязывающих половых связях, чем мужчины (Buss, Schmidt, 1993). Другие утверждают, что непродолжительные любовные отношения с множеством мужчин – особенно пожилых и богатых – в обмен на немедленное вознаграждение могут окупать себя, поскольку обеспечивают кратковременное выживание.

Герриг Р., Зимбардо Ф., 2004, с. 590.

Жив предрассудок, что каждому мужчине природой заранее отведено определенное количество половых актов (что-то вроде «полового ресурса»). Это ложное представление исходит из доктрины О. Эффертца, выдвинутой еще в 1894 г.[1] Согласно упомянутой доктрине, каждый мужчина от рождения обладает «запасом» в 5400 эякуляций, и каждое проявление половой активности представляет собой невосполнимую трату этих ограниченных ресурсов, и, следовательно, приближает наступление момента, когда эти ресурсы окажутся полностью исчерпанными и наступит половое бессилие.

Однако, хотя и по другой причине, проблемы с потенцией испытывают 27% мужчин после 30 лет, 38% — после 40 лет и 48% — после 50.

С возрастом содержание тестостерона в крови мужчин может снижаться, но либидо и потенция сохраняются. По данным Кинси, частота половых сношений у мужчин в возрасте до 30 лет в среднем составляет 3,27 в неделю, старше 30 — 2,2, в 60 лет — около одного раза в неделю.

Климакс наступает у мужчин гораздо позже, чем у женщин. Следовательно, мужчины намного дольше сохраняют способность к репродуктивности.

14.6. Особенности женской сексуальности

Женщины связывают свою сексуальность с такими характеристиками, как консерватизм, смущение, застенчивость (Andersen et al., 1999).

Женская сексуальность развивается медленнее, чем мужская, хотя девочки созревают раньше мальчиков. Сначала у девочки появляется потребность в психологической близости с юношей и лишь потом — эротические чувства. Физическое сближение они считают скорее средством упрочить психологический контакт с юношей, чем самоцелью.

Типичным проявлением женской сексуальности является кокетство. *Кокетство* — это комплексная непроизвольная поведенческая реакция, в основе кото-

[1] Надо отметить, что у него были солидные предшественники. Так, Гиппократ считал, что мужское семя вырабатывается спинным мозгом и при семяизвержении мозг постепенно растрачивается (возникает «спинная сухотка»). Другой авторитет древности, Алкмеон, считал, что семя вырабатывается головным мозгом и его истечение может привести к психическим расстройствам.

рой лежит побуждение привлечь к себе внимание. За ним стоит и темперамент, и выраженность полового влечения, которые у взрослой женщины определяются как «половой резонанс». У маленьких девочек кокетство может проявляться как бы само по себе, вне раздражителя.

Именно в кокетстве проявляется инициатива женщины во взаимоотношении полов, что имеет глубокий биологический смысл — быть замеченной. Ведь для того, чтобы за женщиной начал ухаживать мужчина, он должен обратить на нее внимание. Наибольшее разочарование и огорчение женщине доставляет ситуация, где на нее не обращают внимания именно как на женщину.

Природой заложен некий период, во время которого мужчина добивается женщины, а она присматривается к нему. В идеале таким способом проверяется серьезность его намерений, готовность вместе воспитывать потомство. Но это в идеале.

Ныне, по словам психологов, женщины бывают крайне нетерпеливы. Несчастный кавалер еще не успел толком рассказать свою биографию, а дама уже тянет его в постель.

Самостоятельные и преуспевшие в карьере дамы перенимают несвойственный женщине стиль поведения. Они проявляют активность при знакомстве, молниеносно переводят его в близкую стадию, но при этом рассчитывают на серьезное к ним отношение. Мужчине же сложно определить: его новая знакомая так уступчива из-за внезапно нахлынувшего чувства или это ее обычная манера поведения.

Серова Е., 2001, с. 123.

Проявляется сексуальность женщины и в ее *стыдливости, застенчивости*. Обычно стыдливость наблюдается у девочек после 5–6 лет, и сначала она выражена неотчетливо и носит преходящий характер. По мере полового созревания она усиливается и становится постоянной, особенно с появлением вторичных половых признаков. Сначала она выражена и по отношению ко всем, но затем лишь по отношению к представителю противоположного пола. Если в семье придают излишнее значение случайному обнажению тела, то стыдливость может перерасти в *жеманство*, т. е. поведение, лишенное простоты и естественности.

Большинство женщин сдается не потому, что сильна их страсть, а потому, что велика их слабость. Вот почему обычно имеют такой успех предприимчивые мужчины, хотя они отнюдь не самые привлекательные.

Ф. де Ларошфуко

Смысл проявления женщиной стыдливости и застенчивости состоит в том, чтобы показать, что хотя она и стремится привлечь к себе внимание мужчины, но это происходит у нее помимо ее воли, против ее желания. Однако именно это и является для мужчины выраженным сексуальным стимулом. Как утверждал С. Холл (1913), «застенчивость женщины есть лишь стимул ко всяким проявлениям ухаживания» (с. 66).

Правда, в отношении стыда женщины высказываются и другие точки зрения. Л. Кетчер (1911) полагал, что стыдливость возникает ради отстранения несвоевременного или нежелательного сближения с представителем другого пола. «Она

представляет собой инстинктивное выражение того органического обстоятельства, что для любви теперь не время» (с. 63). Думается все же, что С. Холл был ближе к истине, хотя он и не говорит о том, почему стыдливость женщины является сильным стимулом для мужчины. Очевидно, ее стыдливость является переживанием того, что она нарушает установленное «табу», и это эмоциональное переживание является обозначением для мужчины «запретного плода», который, как известно, всегда сладок.

Некоторые женщины, зная это, начинают «играть в недотрогу». Однако излишняя холодность заставляет мужчину прекратить свои ухаживания, так как ему начинает казаться, что он неинтересен этой женщине.

Таким образом, стыдливость, застенчивость женщины как бы обнажают ее сексуальность. Недаром для некоторых мужчин раздевание пассивно сопротивляющейся женщины доставляет большее удовольствие, чем иметь дело с уже обнаженной женщиной, которая тем самым как бы демонстрирует свое бесстыдство.

В том же примерно возрасте, когда нарастает стыдливость (5–6 лет), у девочек наблюдается стремление привлечь к себе внимание демонстрацией своих половых органов детям того же возраста, в том числе и мальчикам.

Это обусловлено тем, что девочка ощущает инстинктивное стремление привлечь к себе внимание именно как представительница женского пола, но других способов для этого она еще не знает. В связи с этим П. П. Блонский писал, что «девочка эротизируется именно тогда, когда она является объектом рассматривания; она предлагает себя рассматривать, и редко она эротизируется в качестве субъекта рассматривания» (1935, с. 54). Он подчеркивает, что в мужских воспоминаниях о дошкольных сексуальных впечатлениях преобладают зрительные (подсматривание) впечатления, а в женских воспоминаниях — в большинстве случаев действия.

Примерно в этом же возрасте, когда наблюдается демонстрация девочками половых органов, наблюдаются и игры с содержанием, включающим сексуальные элементы: «папы и мамы», «дочки-матери», игры в «доктора». В последней игре все участники ее подвергаются тщательному «обследованию», которое позволяет удовлетворить любознательность ребенка в отношении половых различий.

Если у мальчиков-подростков нередко возникает негативизм к представителям женского пола, отчуждение с девочками своего возраста, то у девочек, наоборот, начинает интенсивно проявляться интерес к представителям противоположного пола, причем к более старшим, чем они сами.

Половое возбуждение и оргазм. Половое возбуждение у женщин чаще всего провоцируется прикосновениями к ее эрогенным зонам. При этом эмоциональные реакции и локализация эротических ощущений у женщин разнообразнее, чем у мужчин. У женщин гораздо больше эрогенных зон. Сексологи полагают, что это связано с тем, что женщины лучше знают свое тело и внимательнее к нему относятся. Однако могут иметь значение и другие раздражители: запах пота мужчины, просмотр романтических картин. Около трети женщин, наподобие мужчин, испытывают, по данным А. Кинси с соавторами (Kinsey et al., 1953), половое возбуждение под воздействием символического стимула, а 2–3% женщин сексуально реагируют даже на большее разнообразие стимулов, чем мужчины.

Женщины более точно и ярко могут передавать словами свои сексуальные ощущения и переживания, чем мужчины. Женские сексуальные реакции больше, чем мужские, зависят от психологических факторов (настроения, нюансов отношений и т. д.).

Зигмунд Фрейд первым заинтересовался природой женского оргазма и посвятил ему одну из своих работ. Он различал две разновидности оргазма: клиториальный и вагинальный. Первый, по мнению Фрейда, свидетельствует о психосексуальной незрелости женщин. Второй, возникающий при половом сношении и связанный с раздражением влагалища, — «истинный», «зрелый» оргазм.

Женский оргазм наступает позже, но он продолжительнее мужского как по объективным показателям, так и по субъективным ощущениям. По объективным показателям оргазм женщины длится дольше, чем по субъективным (по некоторым данным, соответственно 20 и 12 секунд). При этом, по данным А. М. Свядоща, 70% женщин, испытывающих оба типа оргазма, говорят о том, что большее наслаждение приносит влагалищный оргазм, который охватывает женщину целиком. Однако около половины женщин испытывают влагалищный оргазм только при дополнительных ласках и стимуляции клитора.

Еще одной особенностью женщин является их способность к множественному оргазму (по данным Берлинского института медицинской психологии, это присуще 57% женщин), т. е. сразу после одного оргазма женщина может достичь второго, третьего, тогда как мужчины после эякуляции некоторое время не реагируют на сексуальное стимулирование и не испытывают желания повторить половой акт. В отличие от мужчин оргазм у женщин может быть вызван не только генитальным путем, но и экстрагенитальным, т. е. раздражением различных рефлексогенных зон, в том числе во время танца.

Оргазмическая активность нарастает у женщин постепенно, достигая апогея спустя много лет после созревания (примерно в 35 лет). Немецкий сексолог З. Шнабль (Schnabl, 1976) приводит такую динамику: в течение первого года половой жизни лишь 19% женщин начали испытывать оргазм, в течение второго года — 15%, третьего — 11%, на четвертом–пятом году — 14%, на шестом–девятом — 11%, на десятом году и позже — 9% женщин. По данным З. В. Рожановской и А. М. Свядоща, оргазм испытывали в первые три месяца после замужества 22% женщин, к концу первого года — 42%, к пяти годам замужества — 72% и свыше десяти лет — 89%.

По силе женский оргазм превосходит мужской. Об этом говорится в древнегреческом мифе о Тирессии. Однажды он увидел спаривавшихся змей и ударил их палкой. В наказание боги превратили его в женщину. Мужской облик вернулся к нему через семь лет, когда он вновь ударил двух таких же змей. Однажды Зевс и Гера поспорили о том, кто больше переживает половое наслаждение, мужчина или женщина, и попросили Тирессия рассудить их, поскольку он познал особенности обоих полов. Тирессий ответил, что женщина испытывает наслаждение в девять раз больше мужчины.

Г. Л. Билич и В. А. Божедомов (1999) приводят данные зарубежных исследователей, показавших, что способность женщины испытывать оргазм зависит от многих психологических и социальных факторов. Женщины, которые считают

свой брак счастливым, всегда (51%) или почти всегда испытывают оргазм, а считающие брак несчастливым, испытывают оргазм редко (22%). Женщины, которые в детстве не имели истинной любви и внимания со стороны отца, реже достигают оргазма. Высокообразованные женщины чаще испытывают оргазм, чем малообразованные (S. Fischer, 1973). Чем женщины старше и умудреннее опытом, тем меньше у них проблем с оргазмом, так как они уже преодолели страхи и комплексы юности, изучили свои сексуальные возможности и приобрели уверенность в себе. Женщины, достигшие профессионального успеха и увлеченные своей работой, чаще испытывают оргазм, чем неудачницы (K. Starke, W. Friedrich, 1984). Имеет значение и равноправие супругов в проявлении инициативы или в отказе от половых сношений: при равноправии супругов удовлетворенных своей сексуальной жизнью больше.

Эротические сны и фантазии мужчин и женщин отражают фундаментальные различия их позиции. По данным З. Шнабля, эротические сны видят три пятых мужчин и около половины женщин... По данным М. М. Ханта (Hunt, 1974), общая мечта обоих полов – близость с любимым человеком; но в остальном мужские и женские фантазии различаются. Мужчины чаще воображают половое сношение с посторонними лицами, групповой секс или принуждение кого-то к половой связи; женщины чаще воображают сексуальные поступки, которые они никогда не осуществили бы в действительности, ситуации, где они становятся жертвами насилия.

Еще в древности было замечено, что у мужчины низкий эротический порог: он возбуждается быстрее и чаще, чем женщина. Вы-Сынь писал: «Мужчина принадлежит Янь, особенность Янь в том, что он легко возбуждается. Женщина принадлежит Инь; особенность Инь в том, что ее трудно возбудить, но и трудно насытить».

...Особенностью копулятивного цикла для мужчин является быстрое нарастание возбуждения, затем эякуляция и почти моментальное снятие напряжения, в отличие от женщин, у которых более пологая линия возбуждения поднимается до фазы «плато», после чего происходит дальнейшее нарастание возбуждения, завершающегося оргазмом или серией оргазмов, и. наконец, линия возбуждения, плавно снижаясь, завершает фазу «разрешения».

...Чаще всего сексуальная возбудимость женщин тесно связана с хорошим настроением, на фоне которого успешнее осуществляется сексуальный контакт. Эмоциональные реакции и психофизиологическая локализация эротических ощущений у женщин разнообразнее. Мужская сексуальность, так сказать, фаллоцентрическая: ее кульминацией бывают интромиссия и эякуляция, все «остальное» называется «предварительными ласками» и «завершением». Женская сексуальность более диффузна, в ней участвует больше эрогенных зон. Известно, что наиболее чувствительными к эротическим раздражителям являются участки тела, в которых расположены половые тельца Догеля. У женщин максимальная плотность расположения их в области клитора, малых половых губ, наружной трети влагалища... Наиболее чувствительные места у женщины – молочная железа, ареолы и соски. К эрогенным зонам относятся участки вдоль позвоночного столба от головы (темя, затылок) до копчика (примерно сорокасантиметровая полоса). Кроме того, у женщин достаточно чувствительны ухо, особенно мочки и наружный слуховой проход, веки, язык, губы, нёбо, слизистая рта; передняя и боковая поверхность шеи; ладонь, особенно подушечки пальцев, углубление ладони; нижняя треть живота; внутренняя и задняя поверхности бедер и некоторые другие участки тела. У многих женщин главные эротические ощущения связаны с раздражением клитора, а не с последующей интромиссией. Однако вагинальные ощущения также могут быть весьма острыми.

Ананьев В. А., 2006, с. 214–216.

Игнорирование особенностей сексуальности женщин мужчинами приводит к дисгармонии в сексуальных отношениях. Наивная уверенность мужчин, что все дело в длине полового члена, глубине проникновения или числе половых актов, является одной из самых распространенных причин сексуальной неудовлетворенности женщин. Ошибочным является и мнение о необходимости одновременного достижения оргазма. Наоборот, предпочтителен последовательный оргазм — сначала одного, а затем другого партнера.

Так, исследование сексуальных реакций американцев указывает на то, что в супружеских парах мужчины регулярно достигают физического удовлетворения, а женщины нет. В одном из исследований приводятся цифры, что 70% опрошенных женщин не испытывали оргазма во время традиционного коитуса. Женщины видят причину этой *аноргазмии* в том, что мужчины слишком торопятся, грубы и невнимательны, что они не способны понять эротическое и романтическое значение нежного, медленного возбуждения. Мужчины же в свою очередь жаловались, что женщины холодны и бесчувственны (Hite S., 1976; Hunt M., 1974; McCary J., 1978). По данным А. Кинси, 17% женщин не испытывали оргазма даже после пяти и более лет половой жизни.

Долгое время считалось, что регулярный секс одинаково хорош для мужчин и женщин. Однако тайваньские ученые выяснили, что регулярная половая жизнь продлевает жизнь только мужчинам. На продолжительность жизни женщин она оказывает отрицательное влияние.

Специалисты выяснили, что регулярный секс наполовину снижает у мужчин риск смерти от инсульта, на 40% уменьшает вероятность летального исхода от диабета и на 30% от сердечного приступа.

Мужчинам достаточно вступать в половую связь раз в неделю, чтобы на 50% увеличить шанс прожить более 80 лет. Медики считают, что дело в тестостероне. Чем выше его уровень в организме, тем ниже вероятность смерти от указанных болезней. Правильность гипотезы доказало обследование 800 мужчин в возрасте от 51 до 91 года.

Источник: MyJane.ru. 03.10.2008.

Ритм половой жизни женщины зависит от мужчины. По А. М. Свядощу, частота половых актов женщин составляла в начале супружества (16–20 лет) 2,8 раза в неделю, в 30 лет — 2,2 раза, в 40 лет — 1,5 раза, в 50 лет — 1 раз, в 60 лет — 0,6 раза в неделю. С увеличением срока супружества роль женщины в сохранении сексуальной гармонии с мужем возрастает. Эта роль отражена в древнеиндийском трактате о премудростях любви «Камасутре»: «Умная женщина — мастерица в делах физической любви. Она знает много способов, при помощи которых может вызвать желание мужа, обладает богатым репертуаром любовных ласк, которые широко варьирует. Как жаль, что не посылают молодых неопытных жен к опытным женщинам передать им искусство, так же как посылают их учиться вкусно готовить пищу».

Р. Баумейстер (Baumeister, 2000) проанализировал много работ, показывающих различия между женщинами и мужчинами в частоте сексуальной активности. Женщина может иметь секс довольно часто, если у нее есть постоянные отношения,

если же эти отношения прекращаются, она может не заниматься сексом в течение нескольких месяцев. Мужчины обыкновенно поддерживают уровень сексуальной активности, несмотря на существование или прекращение взаимоотношений, даже если им приходится заменять секс с партнером мастурбацией.

Сексуальная холодность женщины, проявляющаяся в снижении или отсутствии либидо, сексуальной возбудимости, специфических сексуальных ощущений и оргазма, обозначается как *фригидность (сексуальная дисфункция)*. Причинами фригидности могут быть психогенные факторы (нервно-психические заболевания, акцентуации характера), а также различные соматические заболевания.

Среди причин, сковывающих женскую сексуальность, называют антисексуальные установки, существующие в обществе. Еще в книге «Молот ведьм», вышедшей в XV в., утверждалось, что женщины лживы, кокетливы, ненасытны в плотских наслаждениях. Некоторые писатели конца XIX – начала XX в. изображали женщину как существо исключительно похотливое, как олицетворение первородного греха, опутывающей своей сексуальностью, порабощающей и губящей мужчину (Фриче В. М., 1909).

Одной из антисексуальных установок, как указывает Вильгельм Райх (1997), является разное понимание сексуального контакта с позиций господства – подчинения, чести и унижения: мужчина «обладает» женщиной, а женщина, напротив, «отдается» мужчине.[1] Сковывают женскую сексуальность также пуританское воспитание, отсутствие необходимого знания о половой жизни, примитивная сексуальная техника мужа, не уделяющего должного внимания любовным ласкам.

Тринадцать мужских сексуальных ошибок

1. Не заботиться о безопасности женщины. Иметь презервативы – обязанность мужчины.
2. Не нужно командовать в постели. В то же время не следует проявлять и пассивность. Женщине неинтересно быть лидером в постели и делать все самой.
3. Воплощать труднодоступные позы.
4. Оставлять включенным яркий свет: женщина не может сосредоточиться на процессе, а вынуждена следить за тем, достаточно ли сексуально она выглядит.
5. Сразу прикасаться к вагинам: для этого женщина должна быть уже сильно возбуждена. Поэтому сначала надо уделить внимание всему телу женщины.
6. Игнорирование клитора и точки G; 70% женщин испытывают клиториальный оргазм, а точка G, расположенная на передней стенке влагалища, может быть источником множественных оргазмов.
7. Считать, что одного оргазма для женщины достаточно. Это не значит, что нужно долго заниматься вагинальным сексом. Есть много других способов доставить женщине удовольствие.
8. Все делать слишком медленно (женщина решит, что она вас не возбуждает) или слишком быстро (она посчитает вас эгоис том, заботящимся только о себе).

---

[1] Следует отметить, что все чаще супруги признают равные права в инициации сексуальных отношений (Артемьева Л. И., 2007).

9. Отвечать на телефонные звонки, отвлекаться на телевизор и прочие неэротичные вещи.
10. Метить территорию с помощью засосов.
11. Не заниматься сексом в носках.
12. Не нужно расспрашивать о ее бывших любовниках. Все равно она не расскажет правду.
13. Сразу после секса отворачиваться и засыпать. Это женщиной расценивается как оскорбление.

Источник: Newsland. 23.12.2008.

По данным А. Гецук и И. Розина (2000), 73% опрошенных женщин утверждают, что из-за постоянного открытого обсуждения секса средствами массовой информации теряется романтичность сексуальных отношений и загадочность женщин. В итоге их сверстники противоположного пола не проявляют должного внимания и уважения по отношению к женщинам. Они не умеют и не хотят ухаживать хотя бы так, как это делалось 20–30 лет назад. Вследствие этого взаимоотношения полов потеряли всякую романтику и поэтичность. В свою очередь 78% мужчин пожаловались, что вследствие феминистского движения поведение современных женщин такое, что пропадает всякое желание оказывать им какие-либо знаки внимания, но появляется острая потребность утвердить себя в своем мужском Я.

Если мужчины предлагают воспользоваться презервативом, то женщины часто воспринимают это как желание заняться сексом ради собственного удовольствия, а не ради любви и с намерением вступить в брак (Reid, Bing, 2000).

Палуди М., 2003, с. 195.

На половое поведение значительное влияние оказывает та культура, к которой принадлежит человек. Если в европейской христианской культуре половой акт тщательно скрывался, то в Древнем Китае было принято во время полового акта заниматься и другими делами, вплоть до государственных. В X–XVIII вв. широко практиковался секс на воздухе, когда несколько пар, занимающихся любовью, переговариваются между собой и с прохожими, а служанки читают любовникам стихи, угощают их напитками. Присутствие постороннего человека типично и для японской эротической живописи.

14.7. Сексуальная привлекательность (сексапильность)

Сексуальная привлекательность мужчины для женщины и женщины для мужчины имеет одинаковые механизмы, но разное качественное содержание. И те и другие привлекают друг друга как биохимически (запахом), так и психологически и физически, но при этом различны как запахи, так и физический образ.

Психологическая привлекательность. Р. Крюгер и А. Каспи (Krueger, Caspi, 1993) выявили, что женщинам нравились мужчины, наиболее похожие на них самих по личностным характеристикам, и не нравились наиболее непохожие.

Мне всегда было непонятно, почему худшие из мужчин вызывают интерес у лучших женщин.
А. Кристи

Мы часто видим, что мужчина кое-какой, а женщина превосходная. Это значит, мы не знаем скрытого достоинства этого мужчины, оцененного женщиной.
М. Пришвин

Женщинам подавай обязательно хорошего мужчину. Причем если он хорош с самого начала, они его ни за что не полюбят. Им нужно полюбить его неисправимо дурным, а бросить — до противности хорошим.
Оскар Уайльд

Выявлено (Hofstede G., 1996), что женщины, принадлежащие к фемининной культуре общества, считают одни и те же характеристики желательными как для «бойфренда», так и для мужа. В более маскулинных культурах между желательными характеристиками того и другого у женщин имеются различия. Они предпочитали, чтобы «бойфренд» имел чувство юмора, был умным и проявлял свою любовь. Предпочтительными качествами мужа оказались хорошее здоровье, материальное благосостояние и способность понять жену.

Какие мужские лица конкретная женщина посчитает привлекательными? Коллектив исследователей выдвинул гипотезу, согласно которой ответ на этот вопрос зависит, частично, от фазы менструального цикла у женщины (Penton-Voak et al., 1999; Penton-Voak, Perrett, 2000). Мужские лица, использованные в эксперименте, видоизменялись с помощью компьютера, чтобы получился набор из лиц от сравнительно более мужеподобных до сравнительно более женоподобных. Когда женщин просили выбирать наиболее привлекательное лицо для «длительных отношений», они предпочитали лица, которые выглядели более женоподобными; по всей видимости, более женоподобные лица, что мужчина окажется надежным спутником в течение длительного времени. Что касается выбора для «кратковременных отношений», то он зависел от фазы менструации. Те женщины, у которых менструальный цикл достиг фазы, благоприятной для зачатия, изменили свои предпочтения в пользу лиц, которые были более мужеподобными. Вероятно, возможность забеременеть сдвинула предпочтение женщин с лиц, которые сигнализировали о том. что их обладатели «сумеют хорошо позаботиться» о семье, на лица, которые сигнализировали о том, что их обладатели «имеют хорошие гены».

Герриг Р., Зимбардо Ф., 2004, с. 591.

Запаховая привлекательность. Нейрогенетики из Рокфеллеровского университета исследовали сотни влюбленных пар и обнаружили специальный ген, отвечающий за воспроизводство химических веществ — *феромонов*, которые каждый из людей выделяет и которые улавливаются людьми противоположного пола на подсознательном уровне. Именно феромоны ответственны за возникновение сексуального желания при общении с человеком противоположного пола.

Впервые феромоны были обнаружены при изучении насекомых. Оказалось, что без этих пахучих веществ они не могли размножаться. Помогают феромоны поиску сексуального партнера и высокоразвитым животным, в том числе обезьянам. Даже миллионных долей миллиграмма женского феромона достаточно, чтобы вызвать у самцов макаки-резуса эрекцию и безудержное влечение к противоположному полу. Так что наличие этого механизма сексуальной привлекательности человек унаследовал от животных.

То, что женщин и мужчин привлекает запах сексуального партнера, известно давно. Именно поэтому Наполеон, возвращаясь домой после военных кампаний, просил в письме свою жену Жозефину не мыться до его приезда. Однако в действительности мужчины возбуждаются только от чистого тела и чистых волос. Дело в том, что подкожный жир быстро сворачивается и начинает источать запахи, не способствующие половому влечению.

Улавливает феромоны особая структура в носу, которую называют *вомероназальным органом*. Он представляет собой особое углубление в носовой полости и воспринимает только сексуальные запахи, не реагируя на другие ароматы.

Мужские феромоны называются *андростеронами* и содержатся в поте, коже и волосах. Распространяясь в воздухе, они посылают женщинам призыв «я тебя хочу». Чем больше мужчина выделяет андростеронов, тем более он привлекателен для противоположного пола. Созданы аэрозоли для мужчин, содержащие андростерон, которые заставляли женщин воспринимать мужчин как очень сексапильных.

Сильные стрессы способны подавить выделение этих феромонов и, соответственно, понизить сексуальную привлекательность мужчины. Так, мужчины, побывавшие на войне, выделяют меньше андростерона. Поэтому они часто жалуются на несложившуюся личную жизнь.

Женские феромоны называются *копулинами*. Они посылают сигнал «подойди ко мне поближе». Содержатся они в поте и вагинальных жидкостях. А. Комфорт, написавший книгу «Радости секса», полагает, что особенно интенсивно копулин выделяется блондинками и рыженькими женщинами. Именно поэтому их предпочитает большинство мужчин. Особенно активно выделяются копулины в предменструальный период (т. е. в так называемые опасные дни) и в первый день менструации. Недаром приворотное зелье состояло из вина и менструальной крови.

До 90% европейских мужчин предпочитают блондинок. Их меньше, чем женщин с темными волосами, а за редкостью надо охотиться. Блондинки обладают большим набором «сигналов безопасности» для мужчин, чем брюнетки. У них обычно более тонкая и прозрачная кожа, очень слабое оволосение конечностей, растительности на лице практически нет, а волосы на голове мягче. У блондинок меньше вырабатывается адреналина и они более спокойного темперамента, поэтому с блондинками мужчины чувствуют себя спокойнее и увереннее.

Женщины, активно занимающиеся сексом, выделяют копулины в довольно больших количествах. «Бальзаковский» возраст женщин оказывается самым копулинным. Наоборот, женщина, давно не занимавшаяся сексом, выделяет копулинов все меньше и меньше, доводя их уровень до такого количества, который становится недостаточным для привлечения мужчин.

К старости, когда заканчивается репродуктивный период, феромоны прекращают вырабатываться.

Роль феромонов могут выполнять духи. Одни из них возбуждают мужчин, другие — саму женщину. Однако эти запахи не совпадают. Поэтому женщине, желающей привлечь мужчину, следует использовать духи, которые нравятся ему, а не ей самой. Следовательно, надо пользоваться теми духами, которые подарил возлюбленный и в качестве подарка просить его дарить именно духи.

В женщинах ценится физическая привлекательность, а в мужчинах – нет (Diamoned et al., 1999). И действительно, девушки-подростки, которые полагают, что они достаточно привлекательны, формируют более позитивные Я-концепции, чем считающие себя непривлекательными (Diamond et al., 1999). Я-концепция не связана с привлекательностью юношей. Некоторые девушки-подростки признают, что они «разыгрывают тупиц» или притворяются, что не такие способные, как их приятели (Betz, 1993). Женщины чаще всего скрывают именно интеллектуальные таланты, а не спортивные достижения или артистические способности (Betz,1993).

Женщины, проявляющие инициативу на свиданиях, оцениваются негативно; их считают «развязными», «агрессивными» и «открыто сексуальными» (Green, Sandos, 1983).

Палуди М., 2003, с. 254–255.

Физическая привлекательность мужчин и женщин. Важным фактором установления сексуальных контактов является физическая привлекательность. Как показано В. Л. Ситниковым (2001), во всех возрастах и мальчики и девочки больше внимания уделяют телесным характеристикам симпатичных сверстников противоположного пола, а не эмоциональным и социальным. Можно сказать, что они не читали Цицерона и не знают о его предупреждении: «Высшая доблесть и главная обязанность мудреца — не пленяться внешностью». Однако и умудренные жизненным опытом мужчины, и даже читавшие Цицерона все равно пленяются физической привлекательностью женщин.[1] Да и женщины отнюдь не пренебрегают этим фактором, хотя для них, как показали исследования, он играет меньшую роль. Известный философ Б. Рассел считал поэтому, что в целом женщины любят мужчин за характер, а мужчины склонны любить женщин за внешность. Вероятно, зная это, женщины в большей степени заботятся о своей внешности. Так, пациентами клиник косметической хирургии на 90% являются женщины (Dion et al., 1990).

Красивая женщина — рай для глаз, ад для души и чистилище для кармана.
Б. де Фонтенель, французский философ

Мужчина любит женщину чаще всего за то, что она его любит; женщина любит мужчину чаще всего за то, что он ею любуется.
В. Ключевский

[1] Неслучайно, по данным Л. И. Артемьевой (2007), даже в наше интеллектуальное время «женщины в большей степени обеспокоены своим внешним видом и доведением его до совершенства, чем мужчины, которые стремятся к интеллектуальному развитию. Это можно интерпретировать как склонность мужчин и женщин к распространенным стереотипам: женщина — красавица, но не обязательно умница, мужчина — умный, но вовсе не красавец» (с. 25).

Девушки и женщины склонны наносить себе физический вред ради достижения неуловимой «женственности». Поскольку в нашем обществе очень высоко ценится и вознаграждается красота, то нет ничего удивительного в том, что многие женщины стремятся иметь молодое и красивое тело. Один из способов добиться этого – похудеть. Поэтому женщины постоянно сидят на диетах, посещают фитнес-центры каждый день или неделю и стараются быть похожими на «фотомодель»: они стремятся стать высокими блондинками на грани истощения. Зачем они это делают? Сьюзан Браунмиллер так отвечает на этот вопрос: «Внешность – основное оружие в соперничестве женщин. Внешность, а не успех, демонстрирует достоинство женщины и ее привлекательность для мужчин. Женщина в своем стремлении приблизиться к идеалу вооружается для войны с соперницами: раньше это были корсеты, а теперь диета из творога и сельдерея. Женщина никогда не использовала в своей борьбе металл или мускулы, а, как это ни парадоксально, преувеличивала физическую ранимость, которая успокаивала мужчин (а не угрожала им). Поскольку женщина постоянно думает о своем теле и его частях, она никогда не может освободиться от застенчивости. Женщина не чувствует полного удовлетворения и не чувствует себя в безопасности, так как в отчаянии она стремится к идеалу совершенной внешности, – назовем это женским тщеславием, и именно тщеславие ограничивает свободу сознания женщины».

Brownmiller, 1984, pp.50–51.

Стереотипу мужественности соответствует мезоморфный (атлетический) тип телосложения, а стереотипу женственности — эктоморфный, признаком которого является стройность.

Низкорослый, узкоплечий, широкобедренный пол мог назвать красивым только отуманенный половым побуждением рассудок мужчины.

А. Шопенгауэр

Е. Метьюс и А. Кан (Mathes, Kahn, 1975) исследовали 211 мужчин и женщин — студентов старших курсов университетов. Физическая привлекательность измерялась методом экспертных оценок, а факторы, которые, по мнению авторов, связаны с физической привлекательностью — ощущение счастья, самооценка и наличие неврозов, — методом специально организованных самоотчетов. Выяснилось, что у женщин физическая привлекательность положительно коррелирует с ощущением счастья и с самооценкой и отрицательно — с невротическими реакциями. У мужчин показатели физической привлекательности положительно коррелировали с ощущением счастья и с невротическими реакциями и отрицательно — с самооценкой. Авторы полагают, что эти различия объясняются тем, что физическая привлекательность для женщин этого возраста является более значимой, чем для мужчин, поскольку успешность женщины больше зависит от ее способности вступать в прочный союз с мужчиной, в то время как успешность мужчины определяется его личными достижениями. В социальном плане привлекательная женщина может рассчитывать на больший выигрыш от производимого ею впечатления, чем столь же привлекательный мужчина. Но раз это так, то и коэффициенты корреляции привлекательности с ощущением счастья, психическим здоровьем и самооценкой у женщин должны быть выше, чем у мужчин.

> Проведенное немецкими учеными исследование показало, что рассматривание женской груди очень полезно для здоровья мужчин. В течение 5 лет исследователи наблюдали за 200 мужчинами и оказалось, что те из них, кто наслаждался разглядыванием пышногрудых красоток, имели в результате более низкое кровяное давление, более спокойный пульс и были менее подвержены сердечным заболеваниям по сравнению с теми мужчинами, которые не смотрели на женскую грудь ежедневно.
>
> Доктор Карен Везерби, проводившая исследования, написала в «Медицинском альманахе Новой Англии» следующее: «Всего лишь десять минут наблюдения прекрасных женских форм равноценны тридцатиминутной тренировке по аэробике. Сексуальное возбуждение улучшает сердцебиение и циркуляцию крови».
>
> Родина Ю. Взгляд // Деловая газета. 2007. 17 февр.

Р. Лернер с соавторами (R. Lerner et al., 1976) выявил, какие части тела являются наиболее важными для оценки своей привлекательности юношами и девушками. У юношей таковыми оказались рост, телосложение, бедра, ширина плеч и рот; у девушек — лицо, талия, грудь, рот и зубы.

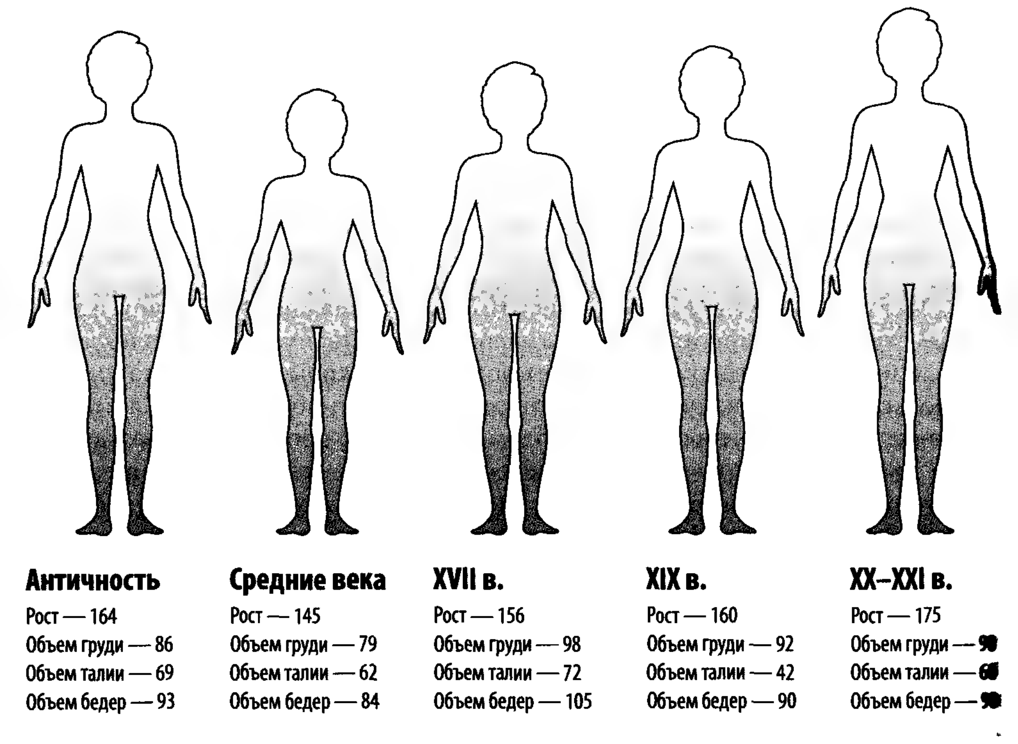

Рис. 14.8. Идеальные параметры женской фигуры в разные века, см

К. Муса и М. Роуч (Musa, Roach, 1973) установили, что девушек, имевших претензии к своей внешности, в основном не удовлетворяли (в порядке убывания значимости) волосы, вес, одежда и фигура; юношам же не нравились в собственной внешности одежда, затем лицо, волосы и вес.

Ученые из Массачусетского университета (США) изучили рейтинг женских признаков сексапильности глазами современных мужчин. На первом месте – спортивная фигура, ладно скроенная и более плотная предпочтительнее худой, затем – чувственный рот, высокая грудь (больше нравится грудь в позднем подростковом периоде и сразу после достижения девушками двадцатилетия), длинные стройные ноги, талия и бедра (соотношение объема талии к объему бедер должно равняться 0,7).

Американский антрополог Элизабет Кэщден (Cashdan E.) изучила 37 типов женских фигур и пришла к выводу, что предпочитаемые мужчинами фигуры в виде песочных часов или груши реже встречаются у женщин, вынужденных самостоятельно обеспечивать себя и свою семью. По данным медицинских исследований, обладательницы соблазнительных изгибов реже страдают бесплодием и хроническими заболеваниями. Мужчины, выбирая партнершу, предпочитают женщин, у которых отношение объема талии к объему бедер составляет 0,8 или меньше.

Источник: Day.ru. 2008. 10 дек.

Объяснения различий критериев физической привлекательности у мужчин и женщин даются разные. Одни авторы полагают, что эволюция предрасполагает мужчину восхищаться женскими чертами, ассоциирующимися с юностью и здоровьем и, следовательно, с хорошим репродуктивным потенциалом. Женщину же эволюция предрасполагает ценить те мужские черты, которые подразумевают способность быть добытчиком и защитником. С точки зрения Д. Бусса (Buss, 1989), это объясняет, почему мужчины, изученные им в 37 культурах, предпочли те женские качества, которые подразумевали репродуктивную способность, а также то, почему физически привлекательные женщины стремятся выйти замуж за мужчин, имеющих высокий социальный статус. В свою очередь, это заставляет мужчин стремиться к успеху и славе, которые при ухаживании за женщинами являются таким же сильным аргументом в их пользу, как хвост для павлина (Wilson G., 1994).

Чем более красив мужчина, тем менее он надежен как муж и отец.
М. Горький

Психологи ввели термин – «эффект иррадиации красоты». Это не эффект прямого ослепления красотой. Суть его такова: привлекательность мужчины существенно зависит от внешности женщины, в обществе которой он появляется. Возможно, в этом замешана корысть мужчины, стремящегося получить взаимность самой, по его мнению (и возможностям), привлекательной женщины. Ибо очевидно, что в соответствии с эффектом «иррадиации красоты» появление в обществе красивой женщины определяет не только возрастание его чисто физической привлекательности, но и рост общего «рейтинга», включая и карьеристский.

Курбатов В. И., 1993, с. 57–58.

Другие ученые полагают: в связи с тем, что мужчины во все времена (исключая матриархат) имели больше власти, они считают более привлекательными тех женщин, во внешности которых есть что-то «детское» (большие глаза, миниатюрность фигуры), что как бы наводит на мысль об отсутствии у таких женщин склон-

ности к доминированию. Мужчины кажутся более привлекательными для женщин, когда их лица и поведение говорят о властности и социальной зрелости (Cunningham, 1986; Keating, 1985). Эти закономерности проявляются независимо от этнических различий между людьми. У гомосексуалистов наблюдается обратная тенденция: многие мужчины-гомосексуалисты предпочитают мужчин с детскими лицами, а многие лесбиянки женщин с детскими лицами не любят.

Однако не всем людям достается от природы физическая привлекательность. В этом случае мужчины и женщины формируют пары с теми, кто настолько же привлекателен. Люди склонны выбирать себе партнера и вступать с ним в брак в соответствии с феноменом «ровни»: решаясь к кому-нибудь подойти для знакомства и зная, что другой может ответить «да» или «нет», люди обычно подходят к тому, чья привлекательность примерно соответствует их собственной (Berscheid et al., 1971; Huston, 1973; Stroebe et al., 1971).

Маленькие секреты «серых мышек»

Если вы умны, красивы, успешны в карьере, то у вас есть все шансы остаться в одиночестве. Парадокс? Нет, житейская истина. Блеск звезды ослепляет. И видя женщину, превосходящую во всех отношениях, большинство мужчин робко «поджимают хвост», думая примерно так: «Она просто недосягаема. Я ее недостоин», и отправляются в объятия «серых мышек», которые только этого и ждут, предоставляя красавицам горько плакать в одинокой постели.

Давайте возьмем на вооружение некоторые ноу-хау, которыми владеют хитрые «серые мышки», чтобы успешно конкурировать на рынке «женской востребованности».

Оглянись вокруг. «Серые мышки» знают про себя, что они не красавицы, а значит, на «принца» не рассчитывают. Они с самого начала поступают очень мудро, потому что не тратят время на мечты и пустые надежды. Пока высоко ценящая себя красавица с гордо поднятой головой ждет как манну небесную «достойную партию», «серая мышка» кладет глаз на того, кто находится «в пределах ее видимости», – на одноклассника, соседа по дому или даче, коллегу по работе. Интуиция ей подсказывает, что из хилого очкарика, помешанного на математике, через семь–десять лет получится блистательный молодой ученый, которого пригласят работать в Англию. Из нелепого толстяка, над которым смеялись на физкультуре, через восемь лет получится неплохой финансист. А рыжий коротышка, которого во дворе дразнили «рябым», после школы поступит в театральное училище и будет сниматься в кино. В «серых мышках» нет высокомерия по отношению к противоположному полу. С ними легко и просто, и поэтому мужчины к ним тянутся. Это первый секрет.

Мужская прогрессия. Народная мудрость гласит: «То пусто, то густо. «Серые мышки» прекрасно знают: стоит у тебя появиться одному поклоннику, как непременно появятся второй и третий. Должно быть, в мужчинах просыпается древний инстинкт, и они включаются в «борьбу за самку», когда видят, что их приятель запал на симпатичную девушку или женщину, – а чем я хуже? Такое поведение «серой мышке» только на руку. Закрутив амуры с одним «бесхозным мужичком», положим, соседом-недотепой, она через некоторое время входит в его круг общения и становится там полновластной хозяйкой, королевой маленького мужского государства. У соседа-недотепы обязательно найдется парочка друзей, таких же «убежденных холостяков», с которыми можно мило проводить время и флиртовать сколько душе угодно. Умело создав вокруг себя ажиотаж «из кавалеров разных калибров», «серая мышка», во-первых, обзаводится друзьями, во-вторых, имеет возможность выбора (что для женщины очень важно) и, в-третьих, на гребне своего женского успеха имеет все шансы встретить большую любовь... Это второй секрет «серых мышек».

«Рыбные» места». Если красавица уверена, что рождена под счастливой звездой, то она просто пассивно ждет свою судьбу. «Серая мышка» не ждет мужа на блюдечке с голубой каемочкой, не сидит сложа руки, а действует. Причем в своей активности ищет, как правило, не банальные пути. Она избегает мест женского скопления, а находит сферы «концентрированного» мужского присутствия. Выбирая между филфаком и физфаком, выберет физфак. Между театром и футболом – футбол. Между сентиментальным романом и «криминальным чтивом» – последнее... «Серые мышки» никогда не жалуются, что вокруг нет мужчин. Но и никому не выдают свои «рыбные места». Это их третий секрет.

Чувство превосходства. С умной женщиной мужчине надо быть на высоте в интеллектуальном плане. С красивой – придавать большое значение своему внешнему виду. С успешной и деловой невозможно быть рядом, если плохо зарабатываешь. А если, не дай Бог, все эти таланты совпали в одной-единственной женщине, то первое, что нужно сделать, – держаться от нее подальше и бросать восхищенные взгляды издалека. Слишком уж хлопотное дело – завоевывать недосягаемых дам. Таким надо все время доказывать, что ты тоже «самый-самый», что ты способен сделать ее счастливой. То ли дело – непритязательная «серая мышка». С ней он всегда «почти герой». Ее все в нем восхищает: и его здравый смысл, и его основательность, и его надежность. Она также принимает его маленькие слабости. При этом может поддержать в трудную минуту, найти слова утешения, «погладить по головке». С ней уютно и можно быть самим собой, – а это многого стоит... Помните о четвертом секрете «серых мышек»: дарите своему возлюбленному чувство мужского превосходства, и вас будут любить еще больше.

Юмбрик И. // 24 часа. 2004. № 39. С. 20.

Женщины сильнее, чем мужчины, реагируют на физическое старение. В западном обществе о женщине обычно судят по внешности и, для того чтобы считаться привлекательной, она должна молодо выглядеть. Поэтому женщины столь усиленно ведут борьбу с морщинами на лице, с седыми волосами и другими признаками старения.

Физическая привлекательность обеспечивается и внешним «оформлением себя», что тоже имеет половые различия. Достаточно сослаться на то, сколько тратят денег на косметику и времени на уход за своим лицом и прической мужчины и женщины, чтобы понять, для кого это более важно. Начиная с 5–7 лет, а нередко и раньше, у девочек развивается более-менее осознанное стремление к украшениям, нарядам, причем многое зависит не только от воспитания, но и от выраженности природной индивидуальной склонности.

Влияние гендерных стереотипов здесь несомненно. Ш. Берн (2001) приводит в качестве примера комикс одного из художников: два персонажа с красными от мороза ушами стоят на улице. Один говорит: «Зачем мне шапка, мне холод нипочем». Второй: «Я не ношу шапку, она портит мне прическу». Ш. Берн пишет, что смотрящему на эту картинку нетрудно догадаться, какая фраза принадлежит мужчине, а какая – женщине. И действительно, при изучении мотивации А. В. Ермолин (1996) выявил, что именно так и отвечают юноши и девушки в ситуации, когда родители предлагают им надеть шарф и шапку в сильный мороз. У девушек ответы почти в 100% случаев соответствовали заботе о своем внешнем виде: «мне это не идет», «испорчу прическу», а у юношей – «мне не холодно».

Наряды – важный элемент проявления женского характера. Женщина наряжается в основном для представительниц своего пола. Она как бы участвует в негласном конкурсе. А наряд – весомый аргумент в женском споре с подругами-соперницами, с неумолимым временем и другими жизненными обстоятельствами. Участие в конкурсе нарядов – это участие в конкурсе жизни. Так что не стоит питать иллюзий относительно того, что жена одевается для мужа. Вспомним хотя бы Эллочку-людоедку из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. Она переделывала манто из крашенной собаки под шанхайского барса вовсе не из желания поразить собственного мужа – инженера Щукина. Шло великое соревнование «кто – кого» между миллиардершей Ван дер Вильде и простой советской домохозяйкой.

Однако то обстоятельство, что жена наряжается не для мужа, может ввести в заблуждение. Стоит понять это, перестать замечать, как одевается женщина, тут же незамедлительно следует расплата за подобное невнимание и равнодушие. В этом тоже проявляется незаурядность и парадоксальность женского характера.

Курбатов В. И., 1993, с. 21.

Сексуальные жесты (прихорашивание) женщин и мужчин. Если мужчина, как правило, хочет понравиться одной конкретной женщине и имеет при этом конкретную цель, то женщина хочет нравиться всем.

Для женщины в этом случае характерны:

- взгляд на себя в зеркало в присутствии мужчины;
- движение рукой, чтобы поправить одежду, прическу, пригладить волосы или просто коснуться их;
- периодическое обнажение запястьев рук и бессознательная (или осознанная) их демонстрация;
- покачивание бедрами;
- в положении сидя медленное разведение и скрещивание ног, а затем выпрямление их, поглаживание руками икры, колена, бедра;
- раздвинутые ноги, независимо от положения женщины (стоя или сидя);
- в положении сидя одна нога подогнута под себя;
- расправленная грудь;
- интимный взгляд, а также взгляд немного искоса в сочетании с улыбкой;
- перекрещенные лодыжки;
- периодическое вскидывание головы, а затем легкий наклон ее в сторону;
- взгляд на себя в зеркало, верчение перед ним, даже если она разговаривает по телефону;
- медленное закидывание ноги на ногу и медленное возвращение;
- покачивание туфлей на кончиках пальцев, которое как бы говорит мужчине: «В вашем присутствии я чувствую себя уютно». Другие женщины выражают то же самое, когда сидят, подогнув одну ногу под себя;
- слегка приоткрытый рот, влажные губы;
- использование губной помады;

- тихий низкий голос;
- поглаживание предмета цилиндрической формы.

Для мужчин также свойственны жесты «прихорашивания»:

- взгляд не останавливается на лице, а скользит по всему телу партнерши (интимный взгляд);
- ноги широко расставлены, независимо от того, стоит мужчина или сидит;
- подбородок двигается вверх-вниз;
- ладони лежат на бедрах;
- большие пальцы заткнуты за ремень (пояс) или торчат из карманов пиджака, брюк, куртки;
- рукой поправляет волосы, галстук, воротник рубашки, лацканы пиджака, дотрагивается до горла;
- плечи распрямлены;
- в положении сидя ноги вытянуты.

Общими для мужчин и женщин сексуальными жестами являются:

- закладывание больших пальцев за пояс или сумочку, в карманы;
- носок ноги, колено и корпус тела повернуты в сторону объекта интереса;
- одна или обе руки на бедрах;
- ноги расставлены шире, чем обычно;
- продленный интимный взгляд;
- учащенный контакт глаз (более двух третей времени общения);
- взгляд искоса украдкой;
- расширение зрачков;
- общее оживление, повышение мышечного тонуса, выпрямление тела;
- при вторжении объекта интереса в интимную зону не отстраняются;
- копирование жестов объекта интереса.

Указанные сексуальные сигналы демонстрируются нескольким потенциальным партнерам и регистрируются их ответные сигналы. Часто из возможных партнеров выбирается тот, кто делает больше жестов прихорашивания.

Оказывается, мужчины чаще обращаются к зеркалу. В одном из крупных универмагов Стокгольма группа шведских психологов установила большое зеркало и скрытую камеру. В течение одного дня в зеркало заглянуло 412 женщин, чтобы поправить прическу, и 778 мужчин, чтобы полюбоваться собственным отражением.

Кокетство. Женщины кокетливы, и это проявление их натуры. Ф. де Ларошфуко (XVII в.) писал, что женщине легче преодолеть свою страсть, нежели свое кокетство. И. Кант видит в этом средство, способствующее продолжению рода. Поэтому кокетство, или поиск всеобщей благосклонности, пишет В. И. Курбатов (1993), представляет собой некоторый тренинг, позволяющий поддерживать хорошую форму.

14.8. Сексуальные домогательства: мнения мужчин и женщин

Сексуальные преследования на работе. Этот вид сексуальных домогательств имеет заметное распространение и особенно касается женщин. Принципиальное отличие сексуальных домогательств и преследований на работе от служебных романов состоит в том, что они вызывают у страдающей стороны, вступающей в интимные отношения, не радость, а нежелательный физический контакт, унижающий достоинство, и является условием, от которого во многом зависит положение человека на работе. Многие женщины отмечают, что эти домогательства мешают им нормально работать.

Опрос, проведенный Э. Г. Карябиной с соавторами (1997), показал, что четверть женщин относят сексуальные преследования на работе со стороны мужчин к серьезным проблемам. Половина женщин считают, что такая проблема существует, но только для небольшого числа представительниц прекрасного пола, остальные считают ее надуманной. Таким образом, женщины дают весьма субъективные оценки этого явления, опираясь преимущественно на свой личный опыт. Так, 24% женщин на себе испытали сексуальные преследования начальника. Среди женщин с высокой самооценкой объектами притязаний были 39% опрошенных, в то время как среди тех, кто сами себе не нравятся, — только 8%. Наибольшая вероятность стать объектом сексуальных преследований руководителей отмечена у незамужних женщин, наименьшая — у молодых вдов, разведенных, одиноких матерей. В частных фирмах женщины преследуются начальниками в 1,5 раза чаще, чем на государственных и акционерных предприятиях. Из-за сексуальных домогательств 9% женщин были вынуждены менять работу. При этом вынужденные уходы в частных фирмах наблюдались в 3 раза чаще, чем на государственных предприятиях, и не были связаны с семейным положением преследуемых женщин.

Следует, однако, иметь в виду, что, во-первых, не каждый начальник-мужчина является домогателем, а во-вторых, имеется около трети женщин, которые хотят и на работе чувствовать себя женщинами, играть роль любимой, сексуального партнера.

Важно и то, что под сексуальными домогательствами женщины понимают разные вещи. Это и изнасилования (67% ответов), и приставание с предложением вступить в интимные отношения, в том числе и с угрозами увольнения (75%), и прикосновения (25%), и голодные, раздевающие взгляды (30%), и скабрезные шутки, разговоры на сексуальные темы в присутствии женщин (29%), и даже флирт (10%).

Изнасилования. По данным исследований, проведенных в США и Великобритании, различным сексуальным оскорблениям чаще подвергаются в детстве девочки, чем мальчики (соответственно в 20–30 и 10%), а физическому насилию — мальчики (Rosenthal J., 1988). В 90–95% сексуальные насилия совершали мужчины. Отчимы совершают насилие в 5 раз чаще, чем отцы (Sedlak A.,1989; Wolf et al., 1988). Сексуальные оскорбления со стороны матерей весьма редки. Хотя девочки в 3 раза чаще становятся жертвами насилия, чем мальчики, однако насилие над последними имеет более отягощенные формы и более длительно (Холл З., 1992).

Опрос студентов одного из вузов Санкт-Петербурга выявил, что попытке изнасилования подвергалась каждая четвертая девушка, а каждый двенадцатый юноша признался, что ему приходилось один или несколько раз принуждать партнершу к сексу силой (Лихтшангоф А. З., 1997).

По данным НИИ комплексных и социальных исследований (Санкт-Петербург), вне семьи подверглись сексуальным приставаниям 38,5% опрошенных женщин, 24,5% подверглись в результате этих приставаний изнасилованию. К первому сексуальному контакту были принуждены 7,5% опрошенных женщин.

Американские психологи показали, что только 4% изнасилований было совершено незнакомцами, 9% — супругом, 19% — слегка знакомыми людьми, 22% — близкими знакомыми и 46% — человеком, с которым у женщины был роман.

Некоторые авторы объясняют насилие со стороны мужчин наличием у них *компенсаторной мужественности*: неспособные реализоваться другими способами, они демонстрируют мужественность путем насилия. Таким путем они хотят придать себе уверенность в своей силе, власти, превосходстве (Kilmartin, 1994).

Изучение случаев изнасилования на свидании обнаруживает, что сценарии полового поведения у женщин и у мужчин очень сильно разнятся по отношению к проявлению *символического сопротивления* – слабому сопротивлению женщины половым домогательствам вопреки намерению, в конечном счете, допустить половое сношение. Очень немногие женщины – около 5% – сообщают об оказании символического сопротивления, но около 60% мужчин сообщают, что по крайней мере однажды *испытали* символическое сопротивление (Marx, Gross, 1995). Разница между этими двумя цифрами наверняка включает в себя массу случаев изнасилования на свидании. Результаты исследования позволяют предположить, что некоторые мужчины приходят к убеждению, что символическое сопротивление составляет часть любовной игры; сопротивление для них не означает неподдельное смятение женщины. Важно, чтобы мужчины поняли, что женщины на самом деле редко признают это заигрыванием, – сопротивление настоящее.

Герриг Р., Зимбардо Ф., 2004, с. 594.

В 1970-х гг. началось широкое изучение полоролевых стереотипов отношения к изнасилованию (Calhoun et al., 1976]; Chaikin A., Darley J., 1973; Jones C., Aronson E., 1973). Г. Филд (Feild, 1978) выявила, что в целом мужчины по сравнению с женщинами считают, что должна нести ответственность за случившееся и сама жертва, поскольку это может быть ее «промах», т. е. речь идет о *виктимности* — предрасположенности при определенных обстоятельствах становиться жертвой сексуального насилия. Многие авторы говорят о специфических виктимных качествах девочек-подростков: чрезмерная доверчивость, низкая способность к прогнозированию ситуации, несформированность навыков выхода из конфликтной ситуации, подчиняемость авторитету старших.

Сходные результаты в отношении виктимности женщин получены и в нашей стране. А. А. Клецин выявил, что 79% женщин провоцирующим фактором считают женское поведение (в то время как мужчины назвали этот фактор только в 42% случаев) и их «открытые» наряды (79% женщин против 40% мужчин).

По данным Г. Филд, мужчины с консервативными взглядами более не считают привлекательной изнасилованную женщину, мужчины же с либеральными взглядами продолжают относиться к женщине с симпатией. Оказалось также, что мнения полицейских и широкой публики по поводу ответственности за изнасилование оказались более сходными с точкой зрения самих насильников, чем адвокатов. В целом, делает вывод автор, мужчины оказались более снисходительными к сексуальному насилию, чем женщины, а полицейские разделяют стереотипы, превалирующие в «маскулинной культуре».

Однако в других работах (Burt M., 1980) было показано, что женщины приписывают жертве большую ответственность, чем мужчины, и в то же время выказывают по отношению к ней большее сострадание и снисхождение. Женщины рекомендуют более длительные сроки заключения за изнасилование, чем мужчины. В результате исследования автор приходит к выводу, что женщины вынуждены идентифицироваться с жертвой, а мужчины — с насильником. Поэтому полоролевые стереотипы выполняют у женщин защитную функцию, а у мужчин — оправдательную.

> У мужчин бывает в 2–3 раза больше любовниц, чем у женщин любовников. Французы – самая сексуально активная нация. Но даже они уступают американцам. Ведь у среднестатистического американца за жизнь бывает до 14 любовниц, у французов – 13, у россиян – 10. Опровергнут и извечный миф о темпераменте южан. У испанцев всего 7 партнеров за жизнь (естественно, в среднем), у мексиканцев – 5, как и у поляков. Эталоном верности можно назвать лишь жителей Гонконга, имеющих в среднем по 3 сексуальных партнера за жизнь. Похоже, им более, чем кому-либо, подходит моногамный брак.
>
> Рипинская М., 2001, с. 13.

14.9. Нарушение сексуального развития мужчин и женщин

К нарушениям сексуального развития относят сдвиги по срокам этого процесса и нарушения по содержанию процесса: формирование неправильного чувства половой принадлежности, дефекты полового влечения, связанные с направленностью влечения и способами его удовлетворения.

Трансвестицизм (от лат. *travestire* — переодевать) — ощущение своей принадлежности к противоположному полу и стремление выступать в роли лица противоположного пола. Наблюдается в основном у мужчин. Наиболее бросающимся в глаза признаком этого нарушения является стремление носить женскую одежду. Впервые это явление описано в 1830 г. Характерно, что уже в детстве у таких людей выявляются некоторые личностные особенности противоположного пола.

Гомосексуализм (от греч. *homos* — одинаковый и лат. *sexus* — пол) — противоестественное половое влечение к представителям своего пола. Проявляется у мужчин (их называют геями) и женщин (их называют лесбиянками), у которых на-

правленность полового влечения жестко и однозначно не фиксирована. По статистике, гомосексуалов среди мужчин больше, чем среди женщин, особенно в крупных городах. По данным М. Эллиса и М. Эймса (Ellis M., Ames M., 1987) примерно 4% мужского населения и 1% женского — люди с гомосексуальной ориентацией. Причем процент геев и лесбиянок остается постоянным на протяжении многих лет и одинаков для большинства изученных культур (Hyde J., 1986).

Медиками и психиатрами XIX в. однополая любовь расценивалась как болезнь. Так, Р. Крафт-Эбинг (1909) считал гомосексуальность проявлением патологии и вырождения, хотя и настаивал на строгом разграничении врожденных и приобретенных ее форм. Лишь в конце своей жизни от признал, что гомосексуальность встречается и у вполне нормальных людей. На позиции «вырождения» гомосексуалов стоял и известный итальянский психиатр и криминолог Ч. Ломброзо. С его точки зрения, гомосексуальность — это форма психического гермафродизма, возвращение к одной из ступеней биологической эволюции. Факторами, способствующими гомосексуальности, он считал эпилепсию и кретинизм. Что же касается гениальных людей — гомосексуалов, вроде Микеланджело и Верлена, то их сексуальную особенность Ломброзо объяснял гипертрофией определенных отделов головного мозга.

В настоящее время никто с точностью не знает, как и почему формируются гомосексуальные наклонности. Возможно, важную роль играют биологические факторы. К примеру, некоторые утверждают, что гомосексуальность обусловлена гормональными нарушениями, особенно в пренатальный период (см. Bell, Weinburg, Hammersmith, 1981), а также что поведение менее андрогенизированных, более феммининных мужчин оказывается менее привлекательным для женщин. Однако пока нет никаких доказательств гормональных различий между взрослыми мужчинами-гомосексуалистами и гетеросексуалами (Meyer-Bahlburg, 1977).

Важную роль может играть научение. Например, резюмируя исследования клинических случаев, Бибер с соавторами (Bieber et al., 1962) выдвигают предположение о том, что гомосексуальные мужчины чаще имеют властную, доминирующую мать и отстраненного отца либо вовсе воспитываются без него. Авторы полагают, что гомосексуалы растут в страхе перед женщиной и испытывают потребность в мужской любви, которую не могут получить от отца. Наиболее очевидным недостатком этой гипотезы является то, что культуры, для которых характерны доминирующие матери и отсутствие в семье отца – например, семьи чернокожих, проживающих в городах, – не отличаются большей долей мужчин-гомосексуалов.

...Для большинства мальчиков в детстве характерны некоторые элементы гомосексуальной активности, однако вырастают они в гетеросексуалов.

Стормс (Storms, 1981) обобщает результаты ряда исследований, свидетельствующих в пользу гипотезы о том, что мужские гомосексуальные наклонности формируются в раннем пубертате, когда происходят изменения в выработке половых гормонов. В возрасте от 8 до 13 лет мальчики играют преимущественно с мальчиками, т. е. формируются гомосексуальные группы. Если в этот период происходит формирование полового влечения, утверждает Стормс, то, согласно теории научения, вероятность возникновения привязанности к мальчикам должна быть выше, чем после 13 лет, когда все более характерным становится гетеросексуальное общение. В подтверждение этой гипотезы Стормс приводит данные, согласно которым 60–80% мужчин-гомосексуалистов указывают на переживание сексуального возбуждения и наличие сексуальных контактов в возрасте до 13 лет по сравнению с 20–30% среди гетеросексуальных мужчин...

Чем бы в конечном счете ни объяснялось гомосексуальное предпочтение, научение должно быть весьма специфичным и необратимым. Энергичные попытки разрушить условные связи и снизить возбуждающую силу гомосексуальных стимулов в большинстве своем не приводят к смене гомосексуальной ориентации на гетеросексуальную (см. Birk, Huddleston, Miller, Cjhler, 1971), хотя сочетание гомосексуальных стимулов с ударами электрического тока уменьшает их предпочтительность.

Макклелланд Д., 2007, с. 378.

З. Фрейд (1990) определял гомосексуализм (гомоэротизм) не как болезнь, а как инверсию; поведение же инвертированных подразделял на *абсолютно инвертированных*, у которых их сексуальный объект может быть только одного с ними пола, в то время как противоположный пол их абсолютно не трогает, *амфигенно инвертированных* (психосексуальные гермафродиты), у которых их сексуальный объект может принадлежать как к своему, так и к чужому полу, *случайно инвертированных*, которые стали таковыми при определенных внешних обстоятельствах (недоступность нормального полового объекта и подражание). З. Фрейд считал, что преследование гомосексуальности как преступления — большая несправедливость и к тому же жестокость.

Интересную мысль высказал А. Лоуэн (1998): гомосексуал ищет сексуального контакта не потому, что он возбужден, а потому, что контакт может дать ему половое возбуждение. Гомосексуальность, с его точки зрения, это феномен, который возникает в результате подавления сексуального чувствования. Нормальный человек больше сконцентрирован на том, что чувствует его тело, а не на том, что он себе представляет и фантазирует.

Различают два типа гомосексуализма — инверсный и церебральный. При инверсном типе у ребенка уже с раннего возраста наблюдаются особенности телосложения и поведения, характерные для противоположного пола. В его основе могут лежать разные факторы — генетические, обменные, повреждения центральной нервной системы и пр. При церебральном типе особенности личности и телосложение вполне соответствуют половой принадлежности, но половое влечение с какого-то момента оказывается направленным на лиц своего пола. Для этого типа важное значение имеют условия сексуального развития в детстве, а также некоторые особенности реализации полового влечения. В частности, имеет значение возникающее в подростковом возрасте негативное отношение к лицам женского пола, а также ослабление реакции на «ключевые» половые раздражители, если по характеру деятельности подростку и юноше приходится постоянно иметь дело с полуобнаженным женским телом (например, при обучении в балетном училище).

Выделяют активный и пассивный гомосексуализм. Для мужчины наиболее патологической является пассивная форма, для женщины — активная. Активная мужская и пассивная женская формы менее патологичны.

Характерно, но несмотря на то что в гомосексуальных парах один партнер выполняет мужскую роль, а другой — женскую, в большинстве пар геев и лесбиянок оба партнера зарабатывают деньги и равноценно распределяют между собой домашние дела (Blumstein P., Schwartz P.,1983; Peplau L., Gordon S.,1983).

Имеются данные о том, что у монозиготных близнецов гомосексуальность проявляется значительно чаще, чем у дизиготных (Bailey, Pillard, 1991; Bailey et al., 1993) (табл. 14.3).

Таблица 14.3. Проявление гомосексуальности среди близнецов мужского и женского пола

Половые группы	Однояйцевые, %	Двуяйцевые, %
Оба или один мальчик гомосексуал	52	22
Обе или одна девочка гомосексуал	48	16

По данным берлинских медицинских психологов, мужчины становятся гомосексуалами раньше, чем женщины (в среднем в 17 лет и в 21 год).

Гомосексуальность мужчин. В. М. Тарновский (1885) полагал, что извращение полового влечения у мужчин может быть как врожденным, так и приобретенным; обе формы аморальны, но в случаях врожденного извращения уголовное преследование он считал несправедливым.

Вообще по поводу происхождения мужского гомосексуализма ведется острая дискуссия между сторонниками врожденности и даже наследуемости этой половой ориентации и сторонниками ее приобретаемости в течение жизни.

Сторонниками первой точки зрения являются, например, С. Левэй и Д. Хэмер (LeVey, Hamer, 1994). В пользу биологического происхождения гомосексуальности они приводят следующие факты. Во-первых, ими обнаружены половые различия в размерах некоторых структур мозга, связанных с сексуальным поведением, в частности, в медиальной преоптической области гипоталамуса, обозначенной как INAH3 (от third interstitial nucleus of the anterior hypotalamus — третье промежуточное ядро переднего гипоталамуса). Это ядро у мужчин больше, чем у женщин, в 2–3 раза, но, что особенно важно, — у мужчин-гомосексуалов оно в 2–3 раза меньше, чем у мужчин-гетеросексуалов, т. е. одинаково по размерам с женским. У некоторых гомосексуальных мужчин эта группа клеток вообще отсутствовала.

Во-вторых, авторы предполагают наличие гена, определяющего наследственную склонность к гомосексуальности. В пользу этого говорят следующие факты. Мужской гомосексуализм чаще встречается среди монозиготных близнецов (57%), чем среди дизиготных (24%) и братьев-сиблингов (13%). При этом для дизиготных близнецов тенденция к одинаковой сексуальной ориентации более характерна для однополых родственников, чем для пар, состоящих из брата и сестры. Был выделен участок хромосомы Xq28, который, по предположению авторов, содержит ген, влияющий на сексуальную ориентацию мужчин (Hamer et al., 1993; Hamer, Copeland, 1994).

Эти результаты и доказательства биологического влияния на гомосексуальность подвергаются сомнению со стороны других нейрофизиологов, в частности, У. Байна (Byne, 1994). Хотя не все его доводы выглядят убедительными (он оставляет без внимания ряд важных фактов, противоречащих его точке зрения), следствием этой критики может быть то, что отбрасывать роль социальных факторов в возникновении гомосексуальной ориентации не следует. Однако не следует и пренебрегать ролью биологического фактора, что наблюдается в рассуждениях У. Байна.

По некоторым оценкам, в различных странах насчитывается от 2 до 5% мужчин — гомосексуалистов. Они стремятся выработать определенную систему представлений, в основе которой лежат претензия на исключительность, элитарные установки (поэтому гомосексуализм находит благоприятную почву в околомузыкальных, околохудожественных и подобных кругах; так, многие кутюрье, моделирующие одежду для женщин, — гомосексуалы). Эта претензия на исключительность является и средством психологической защиты гомосексуалистов от отрицательного к ним отношения общества: чувствовать себя в изоляции легче с позиции «избранности». Во многих странах гомосексуализм не преследуется законом, поэтому там организуются союзы, клубы, посредством объединения в которые гомосексуалисты борются за свои «права». Существует даже профессиональная гомосексуальная проституция. Наиболее часто гомосексуализму подвержены неуравновешенные лица мужского пола, отличающиеся повышенной впечатлительностью, нервностью.

Все начинается, как правило, с прямого совращения, которое, однако, является лишь поводом, а не причиной гомосексуализма. Гомосексуальная направленность формируется в течение 4–5 лет и разделяется на три этапа (И. С. Кон). На первом из них (14,6–18,2 лет) подросток или юноша проходит путь от первого осознанного интереса к представителю своего пола до первого подозрения о своей гомосексуальности. На втором этапе (16,7–19,8 лет) он осуществляет первый гомосексуальный контакт. На третьем этапе (19–20,7 лет) он обретает уверенность в своей гомосексуальности, и за этим следует выработка соответствующего стиля жизни. Гомосексуалисты не только стремятся оправдать себя, но, более того, — пытаются возвести гомосексуальные отношения в ранг особой добродетели, высшей формы человеческих взаимоотношений. Вследствие этого они стремятся принизить значение женщин, считают их более низко развитыми и в интеллектуальном, и в эстетическом отношении, «неполноценными» существами. Многие из гомосексуалистов вообще утрачивают способность воспринимать женскую красоту, особенно красоту женской фигуры.

...Один из аспектов изучения половой идентификации – концепции этиологии и патогенеза формирования нарушений половой идентификации, – который рассматривается в медицинской психологии (Андреев А. С., 1993; Белкин А. И., 2000; Бухановский А. О., 1994; Василенко Л. М., 1995; Каган В. Е., 1991; Пфеффлин Ф., 2002; Doering et al., 1975; Schorsch E., 1974; Wilson et al., 1981, и др.). А. С. Андреев, проводя клинико-биологическое исследование инверсии психосексуальной ориентации у мужчин, обращал внимание на то, что основой для формирования аномального сексуального поведения является измененная биологическая база личности, а основным патогенетическим механизмом служит нарушение процесса дифференциации головного мозга. Согласно исследованиям Doering et al. (1975), Wilson et al. (1981), причиной этого может быть нарушение баланса половых гормонов. Остается предметом дискуссии вопрос о причинах транссексуализма. Так, Г. Бенджамин (Benjamin, 1996) объяснял его происхождение преимущественно конституциональными свойствами. Дж. Мани (Money, 1990) подчеркивал возможную роль импринтинга. Р. Столлер (Stoller, 1976) связывал транссексуализм с особенностями семейного воспитания. А. И. Белкин (2000), проводя исследования в группах пациентов с нарушением половой идентификации, отмечал, что если своевременно воздействовать на отклонения в соматоэндокринном статусе и провести соответствующие педагогические и социальные мероприятия,

то можно предупредить патологию половой аутоидентификации и формирующиеся на ее основе отклонения в психосексуальной ориентации личности. Ф. Пфеффлин (2002), представляя результаты психологического тестирования транссексуалов, придерживается мнения, что при ярко выраженном транссексуализме речь идет в первую очередь «об идентичности и затем только о половой идентичности», т. е. для пациентов-транссексуалов важным является, чтобы их признали другими, пол для этого лишь один из возможных путей. Л. М. Василенко (1995) определяет транссексуализм как вариант сексуального дизонтогенеза с различной степенью нарушения полового самосознания. Анализ вышеприведенных работ позволяет увидеть, что одни авторы видят основную причину нарушения половой идентичности в наследственной предрасположенности, другие – в гормональном дисбалансе, третьи – в социально-психологических факторах.

Флотская Н. Ю., 2007, с. 35.

Женская гомосексуальность (лесбиянство). Сексологи-психиатры XIX – начала XX в. рассматривали женскую однополую любовь как патологию, а лесбиянок считали просто «недоделанными» мужчинами. Уже упоминавшийся Р. Крафт-Эбинг приписывал всем лесбиянкам мужской характер и склад ума. Развитие гомосексуальности у женщин связывалось с воспитанным отвращением к мужчинам и с женским освободительным движением (феминизмом). И. М. Тарновский больше склонялся к тому, что лесбиянство патологично, но в то же время отмечал, что оно имеет место и у совершенно нормальных женщин. Он подчеркивал, что лесбийская любовь распространена гораздо чаще, чем принято думать, что некоторые жены оставляют своих мужей ради подруг потому, что они несчастны в своей супружеской жизни. Распространенность же однополой любви среди проституток он объяснял тем, что их работа вызывает у них отвращение к мужчинам.

Ф. Каприо (1995) считает, что лесбиянство определяется окружающей средой, в том числе жесткими моральными ограничениями и строгой религиозной цензурой. Актрисы из-за своего ускоренного ритма жизни, богемной морали и невротического темперамента имеют предрасположенность к бисексуальным удовлетворениям. С точки зрения Ф. Каприо, женский гомосексуализм представляет собой форму совместной или взаимной мастурбации, что является симптоматическим выражением невротической личности. Играют роль неприятные сексуальные переживания в детстве или юности, чувство одиночества, страх перед браком. Некоторые женщины вступают в гомосексуальную связь в результате любопытства или сексуального экспериментирования.

Мужеподобные лесбиянки, как правило, предпочитают женщин-партнерш, которые женственны по своей природе. Они устанавливают отношения муж – жена и принимают на себя роль мужа. Ф. Каприо отмечает, что лесбиянки ревнивы, неудовлетворенны и часто меняют партнерш.

Имеется, однако, и другая точка зрения, согласно которой взаимоотношения между лесбиянками, как правило, теснее и эмоциональнее, чем между гетеросексуальными партнерами и между «голубыми» мужчинами. Любовь, ласка, эмоциональная и общая телесная близость для них важнее, чем собственно сексуальный контакт, имитация полового акта. Большинство лесбиянок (около двух третей, по данным опросов) предпочитают стабильные парные союзы случайным связям, они чаще геев живут парами, сохраняя верность друг другу (Хорни К., 1993).

В настоящее время наблюдается тенденция рассматривать лесбиянок как женщин, которые связывают свои эмоциональные устремления и представления о любви и счастье только с женщинами, независимо от сексуальных контактов с ними (Claremont de Castillejo, 1973; Ulanov A., 1981).

Изучение близнецов позволило установить, что и с лесбиянками дело обстоит так же, как и с геями (Bailey, Pillard, Beale, Agyei, 1993). Исследование 71 пары идентичных близнецов, 37 пар неидентичных близнецов и 35 пар сестер, одна из которых была приемным ребенком в семье, показало: если одна сестра из пары идентичных близнецов имела лесбийскую или бисексуальную ориентацию, то и вторая сестра также принадлежала к числу лесбиянок, – это отмечалось в 48% случаев. Относительно пар неидентичных близнецов это соответствовало 16% случаев; среди сестер, одна из которых была приемным ребенком, это происходило у 6% пар... Но в случае с лесбиянками никакой связи между сексуальной ориентацией и Х-хромосомой обнаружено не было.

Фрэнкин Р., 2003, с. 201.

Количество женщин, считающих себя лесбиянками, вдвое меньше числа мужчин, считающих себя геями. Первые девичьи гомоэротические чувства значительно чаще, чем у юношей, имеют сентиментально-романтическую окраску, чем сексуальную. В то же время девушки, имевшие до 18 лет опыт однополых связей, обычно продолжают его и в старших возрастах, тогда как большинство юношей такие эксперименты прекращают.

В одном из наиболее интенсивных исследований, посвященных выяснению истоков гомосексуальности, группа ученых из Института Кинси проинтервьюировала 979 мужчин и женщин с гомосексуальной и 477 мужчин и женщин с гетеросексуальной ориентацией (Bell, Weinberg, Hammersmith, 1981).

Исследователи задавали вопросы исходя из различных теоретических представлений. Полученные результаты позволили им сделать следующие заключения об истоках сексуальной ориентации:

1. Сексуальная ориентация определяется еще до наступления подросткового возраста, когда мальчики и девочки не проявляют активности в сексуальном плане. Данные многочисленных исследований указывают на то, что большинство мужчин-гомосексуалистов приходят к осознанию своей ориентации в детском или подростковом возрасте (Dank, 1971; Reiche, Dannecker, 1977; Whitam, 1977).
2. Гомосексуальное поведение возникает вследствие гомосексуальных чувств, возникающих обычно в года три; в этом возрасте у детей какой-либо гомосексуальный опыт отсутствует.
3. Мужчины и женщины с гомосексуальной ориентацией обычно имеют историю гетеросексуальных отношений с детского или подросткового возраста, но такие отношения не приносили им должного удовлетворения.
4. Идентификация с одним из родителей не играет существенной роли в развитии сексуальной ориентации.
5. Нет никаких доказательств того, что тот или иной тип матери обусловливает гомосексуальность ее ребенка. Плохие отношения гомосексуалистов с отцом – более распространенное явление, однако невозможно определить, играет ли этот фактор решающую роль.

Фрэнкин Р., 2003, с. 204–205.

Нужно отметить, что в основном гомосексуальность рассматривается в русле психоанализа, причем многие выводы, сделанные при наблюдении невротических личностей, распространяются и на здоровых мужчин и женщин.

Женщины-лесбиянки имеют некоторые отличия в своих представлениях о мужественности — женственности от женщин с гетеросексуальной ориентацией (Александрова О. В., 2007). Их воспитание в детстве носило более маскулиинный характер. У них образы мужчин и женщин существенно нивелированы. Гомосексуалки отличаются от гетеросексуалок меньшей общительностью, меньшей социальной смелостью, большей эмоциональной устойчивостью, меньшим нормативным поведением (большей подверженностью эмоциональным переживаниям), меньшей доверчивостью и дипломатизмом, большей конформностью, меньшим самоконтролем и меньшей фрустрационной загруженностью.

Раздел пятый

Мужчины и женщины в семье

ГЛАВА 15

Половые особенности создания семьи

У разных народов существуют разные представления о браке и составе семьи. У одних (в западной цивилизации) признаются и разрешены законом *моногамные* браки, когда у мужа только одна жена и у жены один муж. У других народов и религий разрешены *полигамные* браки, которые делятся на *полигинийные* (у одного мужа несколько жен — многоженство) и *полиандрийные* (когда у одной жены несколько мужей — многомужество). Полигиния распространена на Арабском Востоке, в Азии и Африке. Ислам позволяет иметь одновременно четырех жен при условии, что муж может обеспечить их материальное благополучие. Однако чаще всего среднестатистический мусульманин имеет только двух жен. Известно, что сам пророк Магомет прожил в счастливом браке со своей Кхакией, которая была старше его, 20 лет, а когда овдовел, то женился еще 14 раз.

В период феодализма в Европе полигамия разрешалась избранным аристократам и царственным особам. Дворец Карла Великого, по некоторым сведениям, был похож на гарем. Людовику XV было разрешено иметь двух законных жен. Да и позже эта традиция сохранялась. Наполеон Бонапарт фактически имел трех жен – императрицу Марию-Луизу, Жозефину и графиню Марию Валевскую.

В наше время в королевстве Мустанг (Непал) распространена полиандрия: жена одного брата является женой и всех остальных братьев, но лишь после того, как родит первому сына. Вызвано это тем, что в этом королевстве мужчин больше, чем женщин.

Ливанец Юсуф Абдель Сатер был женат 40 раз! Дело в том, что он исповедовал ислам шиитского толка. По традициям этой религии возможны даже краткосрочные браки, которые так и называются – «брак для удовольствия». Но все рекорды побили персидские гаремы. Попасть в гарем шаха считалось для девушки чрезвычайным везением. Многие таким образом вырывались из нищеты. В 1834 году умер Фат Али Шах, прославившийся непреодолимой склонностью к женскому полу. У него было 100 жен. Общими усилиями они подарили ему 57 сыновей и 203 дочери. К концу жизни он имел 784 внука. В Персии его прозвали «вторым Адамом».

А если заглянуть на архипелаг Трук или на остров Новая Гвинея, то здесь к браку и вообще половым отношениям относятся более чем легко... Мужчины могут иметь (и очень рано) столько женщин, сколько захотят. В африканских племенах кикуйю, лухья, масам абсолютно не считается зазорным попросить друзей мужа «помочь» жене забеременеть, если у мужа «не получается». А в африканских племенах, где мало женщин, частенько бывает, что два-три брата имеют одну жену.

> **У эскимосов тоже более чем свободные взгляды на верность: женщина в отсутствие мужа может отдаться кому ей заблагорассудится.**
>
> **. Рипинская М., 2001, с. 13.**

И в Европе моногамный брак — сравнительно новый социальный феномен. Католическая церковь официально признала его лишь в XVI в. А в пуританской Англии полигамия была объявлена вне закона лишь в 1861 г. Несмотря на запрет полигамных браков в Америке, мормоны продолжают жить с несколькими женами и в наше время.

15.1. Представления о будущем супруге у лиц разного пола

Представления о будущем супруге возникают уже у детей, причем довольно рано. И. Г. Станиславская и М. В. Захарова (1998) выявили их наличие уже у десятилетних девочек, которые считали, что муж должен быть добрым, внимательным, общительным и умным. При этом 2/3 опрошенных оценивали и моделировали будущего супруга или партнера более похожим на близких друзей, чем на своего отца.

> Большая часть мужчин требует от своих жен достоинств, которых сами они не стоят.
>
> Л. Н. Толстой

> Если бы мы, мужчины, женились только на тех женщинах, которых стоим, плохо бы нам пришлось.
>
> Оскар Уайльд

В. Е. Каган (1987) изучал образ будущих супругов у учащихся средних и старших классов. У первых этот образ был еще недостаточно дифференцированным.

В образе *идеальной жены* у мальчиков первое место занимает любовь к мужу (76% ответов), затем идут материнство и воспитание детей (41% ответов), хозяйственно-бытовые характеристики (29%) и эмоциональные проявления (теплота, доброта) — 29%. Все эти ответы вписываются в традиционную модель женщины жены — матери — домохозяйки.

У девочек модель была сходной: любовь к мужу — 88% ответов, материнство и воспитание детей — 68% ответов, эмоциональные проявления — 40%. Кроме того, девочки выделяют уважение к самостоятельной позиции мужчины (40%). Хозяйственно-бытовая сфера у девочек не относится к ведущим.

Портрет *идеального мужа* у мальчиков включает в себя любовь к жене (88%), любовь к детям — 88%, заботу о семье (41%), отсутствие вредных привычек (35%). У девочек в портрете идеального мужа на первом месте тоже стоит любовь к жене (72%), затем отсутствие вредных привычек (64%), любовь к детям (44%), проявление заботы о семье (36%), понимание жены, учет ее интересов (36%).

У старшеклассников были выявлены четкие представления о том, какими должны быть муж и жена. У юношей эмоциональное отношение приписывалось боль-

ше жене, чем мужу; последнему больше приписывались волевые качества, деловая активность, доминирование и в меньшей степени — общительность. Такие же представления имелись и у девушек.

Выявлено значительное сходство в представлениях юношей и девушек о «хорошем муже» и «хорошей жене» и в исследовании Н. В. Ляхович (1999). Данные совпали с полученными ранее В. Е. Каганом, с тем добавлением, что девушки считали, что хороший муж не должен употреблять спиртное, а юноши — что жена должна уметь вкусно готовить.

Можно объяснить другим, почему ты выбрала такого мужа, но нельзя убедить себя в этом.
Жорж Санд

Н. Ф. Федотова (1983) изучила представления супругов об эталонах мужа и жены. Мужчины считали наиболее важными для жены две группы качеств: гуманистические и коммуникативные (общительность, умение ладить с людьми и т. п.). Деловые и волевые качества они ставили на предпоследнее и последнее места, в то время как в эталоне мужа эти качества считались самыми ценными.

По данным О. В. Шишкиной (1998), супруги ожидают друг от друга проявления качеств, присущих в основном собственному полу. Так, женщины при оценке значимых для семейной жизни качеств мужа выше оценивают честность, скромность, красоту-привлекательность, чистоплотность, воспитанность, образованность, широту взглядов, чуткость, правдивость, искренность, умеренность в употреблении спиртного; мужчины при оценке значимых качеств жены отмечают выносливость, самообладание, самокритичность, независимость, уважение к родителям, трудолюбие. Эти данные не означают, что мужчины и женщины существенно расходятся в своих представлениях о качествах мужа и жены. Вероятно, они в своих характеристиках супруга противоположного пола обозначают те «болевые» точки, которые чаще всего встречаются в семье (чрезмерное употребление спиртного мужьями, частые конфликты жены с матерью мужа и т. д.). В то же время у мужчин и женщин имеются в отношении качеств супруга и общие взгляды. Так, и те и другие важными качествами супруга считают доброту, отзывчивость, верность, преданность и любовь к детям. Так что речь должна идти скорее о степени выраженности тех или иных качеств, а не об их наличии или отсутствии.

По данным О. Лагоды (2005), при оценке характеристики, данной молодым мужчиной будущей жене, нужно учитывать его направленность личности. Курсанты военных училищ представляют образ своей будущей жены более маскулинным, чем студенты гражданских вузов.

Т. В. Андреева (2005) отмечает различия между образами супругов у девушек и юношей. В будущем супруге девушки больше всего ценят заботливое, любовное отношение к себе и личностную зрелость (ответственность), ум, способность обеспечить семью. Юноши учитывают нравственные особенности избранницы, ее ум, внешний облик и развитость. Автор отмечает чрезмерную требовательность девушек к будущему супругу.

В создании представлений об идеальном супруге большая роль принадлежит матери и отцу. В частности, в выборе супруги эталоном выступает мать; 94% муж-

чин, имеющих жен, сходных по психологическим особенностям и темпераменту с их матерями, счастливы в браке. В то же время с женами, не похожими на своих матерей, считают себя счастливыми в браке только 33% мужчин.

Стереотипные представления о муже и жене, в зависимости от того, кто их описывает — мужчина или женщина, — существуют и в художественной литературе. По этому поводу сделал интересные выводы В. Е. Семенов (1973), проанализировавший литературные произведения о любви и браке. Оказалось, что в зависимости от пола автора меняется видение им семейной жизни. Авторы-мужчины воссоздают в своих произведениях стереотипный образ мужа как яркой, оригинальной, творческой личности, а жены — как скромной, заботливой подруги, не блещущей своими способностями. Жена не способна разделить высокие интересы и занятия мужа, если и живет его интересами, то лишь в роли помощницы, секретаря. В свою очередь женщины-писательницы создают эмансипированный образ жены, более яркой и творческой, чем ее заурядный, самоуспокоенный и самодовольный муж. Брак в их описании обычно неудачен и кончается разводом.

Многие мужчины, влюбившись в ямочку на щеке, по ошибке женятся на девушке целиком.

С. Ликок, канадский писатель

15.2. Вступление в брак мужчин и женщин

Возраст вступления в брак. В целом мужчины склонны жениться на женщинах моложе себя, причем чем старше мужчины, тем к большей разнице в возрасте они стремятся, подбирая себе пару.

Так, юноши считают, что супруга должна быть одного возраста с ними (Ляхович Н. В., 1999); двадцатилетние мужчины предпочитают жениться на женщинах лишь немного моложе себя, а шестидесятилетние предпочитают жениться на женщинах, моложе примерно на 10 лет. Женщины в любом возрасте предпочитают мужчин лишь ненамного старше себя (Kenrick, Keefe, 1992). Например, опрос школьников 14–17 лет, проведенный Н. В. Ляхович, выявил, что 69% девушек предпочитают супруга на 3–5 лет старше себя.

Женщины вступают в брак в более раннем возрасте, чем мужчины. Так, в СССР в 1966 г. мужчины вступали в брак в среднем в 29,3 года, а женщины — в 27,2 года; в 1974 г. соответственно в 25,1 и 23,4 года. По данным В. И. Переведенцева (1987), в 1981 г. до 20 лет вступили в брак 5,8% мужчин и 31,6% женщин, а от 20 до 24 лет — соответственно 6,9% и 51,2%. Сейчас возраст вступления в брак мужчин и женщин еще более снизился, но соотношение между мужчинами и женщинами осталось прежним.

Максимальный возраст вступления в брак у мужчин, с точки зрения женской выборки, составляет 35 лет, а с точки зрения мужской – 40 лет. Максимальный возраст вступления в брак у женщин, с точки зрения мужчин составляет 29 лет, а с точки зрения женщин – 35 лет.

Гусева Т. Б., Беднова А. Ю., 2005, с. 182.

В. Т. Лисовский (1986) привел данные, согласно которым в 1980-х гг. в СССР ежегодно вступали в брак около 800 тысяч девушек, не достигших 20 лет. Но только 100 тысяч из них выходили замуж за своих ровесников. Таким образом, в семи случаях из восьми юношеский роман не завершался браком: девушки выходили замуж за тех, кто был старше их школьных друзей.

Поскольку мужчины вступают в брак в среднем на 2,5 года позже, чем женщины, за эти годы образуется достаточно большой «дефицит женихов» и если для 18–19-летних девушек выйти замуж проблем нет, то для женщин 20–25 лет создается определенная нехватка женихов. Правда, они ее компенсируют тем, что выходят замуж за 25–29-летних мужчин. Зато женщине 25–29 лет создать свою семью становится еще труднее. Не случайно среди женщин этого возраста каждая пятая не замужем: потенциальных мужей уже «перехватили» женщины более младшего возраста.

Брак без любви чреват впоследствии любовью без брака.
Б. Франклин

Выбор партнера. Считается, что при выборе партнера женщины проявляют себя более разборчивыми, чем мужчины. Несмотря на имеющееся между ними сходство в наиболее желательных чертах характера (сговорчивость и открытость для нового опыта, интеллект), все же как мужчины, так и женщины смотрят на своих избранников по-разному. Мужчина в глазах женщины воспринимается прежде всего как зрелая личность; она ценит в мужчине ум, культуру, интеллигентность, доброту, порядочность. А. Г. Харчев (1979) задал замужним женщинам вопрос: «Что вы больше всего ценили в своем муже до вступления в брак?» Ответы были такими: ум (64%), серьезность (58%), любовь к работе (46%), сила и мужественность, а также веселый нрав (по 44%), общественный почет, уважение к нему других (40%).

Среднестатистический мужчина производит в течение жизни много триллионов сперматозоидов, что делает сперму биологически более дешевой, чем яйцеклетки. Более того, за то время, что женщина вынашивает и выкармливает одного ребенка, мужчина может оплодотворить многих женщин и распространить свои гены. Поэтому, говорят эволюционные психологи, женщины «инвестируют» свои репродуктивные возможности с осторожностью, и им нужны доказательства того, что потенциальный отец здоров и состоятелен. Мужчины соревнуются друг с другом за победу на право отправить свои гены в будущее и победить таким образом на «генетических скачках». В том, что касается репродукции, мужчины стремятся к количеству, а женщины – к качеству. Мужчины ищут плодородную почву, на которой брошенные ими зерна дадут всходы, а женщины ищут мужчин, которые станут помогать им выращивать сад, – обеспеченных и моногамных отцов семейств, а не легкомысленных искателей приключений.

Майерс Д., 2004, с. 225.

Мужчину прежде всего привлекает в женщине природное начало: ее внешность, фигура, походка и т. д. Вследствие этого нередки случаи, когда умные, образованные мужчины влюбляются в недалеких и красивых «пустышек» (вроде Эллочки-людоедки, жены инженера Щукина из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»).

Красота — до венца, а ум — до конца.
Русская пословица

По данным социологических опросов, проведенных в нашей стране в 1980-х гг., материальную обеспеченность, как мотив брака, назвали всего 3,1% женщин, тогда как общность взглядов, интересов — около 30%, любовь — около 50% (Лисовский В. Т., 1986).

О. В. Митина и В. Ф. Петренко (2000) выявили брачные предпочтения российских и американских женщин (рис. 15.1).

Наиболее предпочтительным для российских женщин (в основном это были москвички) является брак с человеком более высокого социального статуса или с простым человеком, хорошим хозяином, живущим «земными» проблемами. За этими выборами, отмечают авторы, просматривается желание найти в браке безопасность, стабильность, гарантированный уровень жизни. Для американок наиболее предпочтителен муж-бизнесмен, хотя велика доля женщин, желающих иметь мужа более высокого социального статуса.

Когда мужчина берет жену ниже себя по званию, он не унижает себя, но возвышает свою супругу; и наоборот, заключая брак с особою более высокого звания, он и ее унижает, и сам не возвышается.
Ж. Ж. Руссо

Существенным моментом, затрудняющим женщинам вступление в брак, является их высокий уровень образования и зарплаты. Сказывается то обстоятельство, что некоторые мужчины начинают ощущать свою неполноценность и чувствуют себя некомфортно с женщинами более образованными, особенно с теми, кто имеет ученую степень (Коростылева Л. А., 2000). В то же время более низкий образовательный уровень женщины мужчину не смущает. Об этом свидетельствует тот факт, что уровень образования у мужчин, вступивших в брак, значительно выше, чем у женщин. То же можно сказать и в отношении зарплаты женщин: среди вступивших в брак мужчин их зарплата чаще более высокая, чем у женщин.

Некоторые предпочитают одиночество

Многие одинокие женщины отмечали, что они верят в то, что если останутся одинокими, то это поможет им сделать карьеру (Betz, 1993). Исследования доказывают, что у одиноких женщин, как правило, выше уровень образования, социальный статус и заработки, чем у женщин, которые вышли замуж, проходя обучение или закончив последний курс института. Одинокие женщины среднего возраста считают себя более независимыми и настойчивыми, чем замужние женщины, и придают большую ценность достижениям и личностному росту (Etaugh, 1993).

В обществе сохраняются устойчивые стереотипные представления об одиноких женщинах (Chasteen, 1994). Клэр Ито и ее коллеги (Etaugh, Malstrem, 1981; Etaufh, Petroski, 1985; Etaugh, Stern, 1984), например, указывали, что одинокие женщины средних лет считаются в обществе менее общительными, обаятельными, хуже приспособленными и менее привлекательными, чем замужние того же возраста. Распространено представление, что выбор в пользу одинокого образа жизни делает не сама женщина, а это определяется тем обстоятельством, что мужчины ею не интересуются. Такое мнение формируется в обществе, вероятно, за счет скрытой угрозы

маскулинному доминированию, особенно если учесть, что одинокие женщины в состоянии позаботиться о себе сами (Etaugh, 1993)... Подобные социальные суждения могут снизить самооценку женщин и их Я-концепцию.

Палуди М., 2003, с. 260–261.

Важным фактором при выборе супруга является рост. Культурная норма в большинстве стран предписывает, что муж должен быть выше жены. Согласно одному из исследований (Gillis, Avis, 1980), лишь одна супружеская пара из 720 нарушает эту норму. Поэтому мужчины низкого роста испытывают немалые затруднения при выборе супруги. Однако нелегко выбрать себе жену и мужчинам большого роста, но причина здесь другая — обычно они пользуются большим успехом у многих женщин и избалованы их вниманием. У мужчин любого роста большим успехом пользуются женщины среднего роста (от 165 до 170 см).

Польский ученый Б. Павловски утверждает, что для долговечного и счастливого брака нужно, чтобы мужчина был на 1,09 раза выше женщины. В его исследовании принимали участие 600 женщин и их партнеров. Ученый считает, что человек подсознательно выбирает себе партнера именно с этим коэффициентом, и такие союзы, как правило, благополучные.

По данным Л. А. Коростылевой (2000), при отказе мужчин и женщин от вступления в брак учитываются как общие, так и различные отрицательные характеристики личности друг друга. Общими для тех и других неприемлемыми характеристиками являются грубость, вспыльчивость, гневливость, пьянство, наркомания, азартные игры. Кроме того, женщины считают неприемлемыми для мужчин отсутствие или недостаточную сформированность семейных установок, безволие, слабые проявления положительных чувств. Мужчины не приемлют у женщин неопрятность во внешнем виде, в быту, неупорядоченный образ жизни, излишние сетования на недомогание. К существенным женским недостаткам мужчины относят также несдержанность, склонность к бурному проявлению эмоций и «взвинченность», несоответствие принятому в обществе эталону женственности, чрезмерную занятость внесемейной жизнью.

Мужчина женится, потому что влюбился. Женщина влюбляется, потому что хочет выйти замуж.

Анри Девернуа

Женщина стала очень самостоятельным человеком. Ей мужчина нужен только в том случае, если она его любит. Если женщина его не любит, то он мешает ей жить. Отсюда возникают просто лишние хлопоты с ненужными мужчинами.

В. Нарбекова, писательница

Вообще женщины относятся к браку более серьезно, чем мужчины. По данным VI Всесоюзной переписи населения СССР (1970 г.), в стране оказалось на 2,5 миллиона больше замужних женщин, чем женатых мужчин. Следовательно, 2,5 миллиона мужчин, соединившись с женщинами, семейными себя не считали.

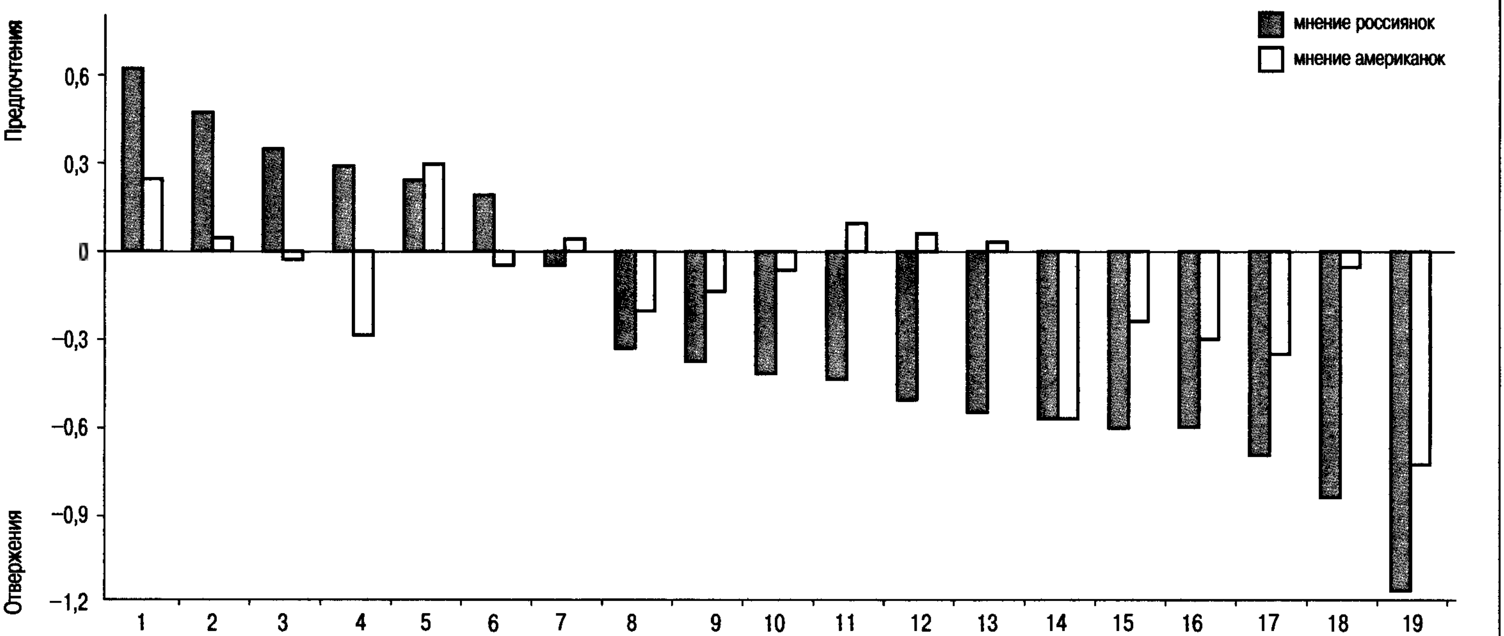

Рис. 15.1. Брачные предпочтения российских и американских женщин

Вопросы: 1 – выйти замуж за человека более высокого социального статуса; 2 – выйти замуж за простого человека, хорошего хозяина, живущего «земными» проблемами; 3 – выйти замуж за человека другой национальности; 4 – выйти замуж за любимого человека с очень низкими доходами без перспективы их увеличить; 5 – выйти замуж за бизнесмена; 6 – выйти замуж за человека, посвятившего свою жизнь науке; 7 – выйти замуж за человека искусства (музыканта, поэта, артиста); 8 – выйти замуж за иностранца и уехать жить за границу; 9 – выйти замуж за военнослужащего; 10 – выйти замуж за политического деятеля; 11 – выйти замуж за рабочего; 12 – находиться на содержании у состоятельного мужчины; 13 – выйти замуж за «звезду» (спорта, эстрады, кино); 14 – выйти замуж без любви, по расчету; 15 – выйти замуж за фермера; 16 – выйти замуж за человека другой расы; 17 – не выходить замуж, полагая, что лучше прожить жизнь одной; 18 – выйти замуж за глубоко религиозного человека; 19 – выйти замуж за представителя криминальных структур

15.3. Гражданские браки

В настоящее время все большее распространение получают гражданские браки, когда супружеские отношения официально не регистрируются. При этом, как показано И. М. Никольской и К. В. Петровой (2004), две трети женщин сами не хотят регистрировать брак, хотя не отвергают возможность этого в дальнейшем. Мотивами вступления женщин в гражданский брак являются чаще всего выгода и расчет, отсутствие денег, жилья, страх остаться одной, наличие совместного ребенка, благодарность супругу. По опросу, среди женщин, находящихся в зарегистрированных брачных отношениях, эти мотивы отсутствуют; главным мотивом они называли любовь.

Л. Ш. Иксанова (2001) выявила специфику взглядов на роли мужа и жены в семье у супругов, живущих в незарегистрированном браке. Так, у мужчин из незарегистрированного брака имеется менее традиционное представление о женщине, чем у мужчин из зарегистрированного брака. Они считают, что женщина не должна ограничивать себя хозяйственно-бытовыми ролями. В свою очередь женщины из незарегистрированного брака, вопреки женщинам из зарегистрированного брака, считающих, что материальное обеспечение семьи — это прерогатива мужа, высказывают мнение, что эта роль в равной степени принадлежит как мужу, так и жене. Таким образом, в семьях с незарегистрированным браком наблюдается ориентированность как мужчин, так и женщин на эгалитарное устройство семейных отношений.

Л. И. Артемьева (2007) выявила, что мужчины положительнее относятся к гражданскому браку, чем женщины. Пару, проживающую в незарегистрированном браке, склонны считать семьей скорее пары, состоящие в гражданском браке. Для мужчин, состоящих в гражданском браке, высокий размер зарплаты по сравнению с зарплатами их жен является обязательным, в то время как для мужчин, состоящих в официальном браке, это желательно, но не обязательно. Женщины, состоящие в гражданском браке, не испытывали бы дискомфорта, если бы зарабатывали больше мужей, а женщины, состоящие в официальном браке, считают, что их зарплата должна быть меньше, чем у мужа. Мужчины, состоящие в гражданском браке, считают, что социальный статус мужа должен быть выше, чем у жены. Мужчины и женщины, состоящие в официальном браке, считают, что социальный статус мужа не обязательно должен превышать статус жены. Как мужчины, так и женщины, состоящие в гражданском браке, считают важным, чтобы главой семьи был мужчина.

По опросу, к супругам, состоящим в гражданском браке, реже приходили в гости общие друзья и родственники. Треть мужей не считала нужным информировать жену, если они куда-то уходили одни. Для зарегистрированных супругов это не характерно. Женщин, состоявших в гражданском браке, чаще, чем женщин, состоявших в зарегистрированном браке, отличали замкнутость и недоверчивость, высокий уровень личностной тревожности, неуверенность в себе, склонность к использованию такого защитного механизма, как регрессия, частые соматические жалобы.

К сожалению, то, как чувствуют себя в гражданском браке мужчины, осталось неизученным.

15.4. Типы жен

М. С. Мацковский (1978) выделяет три типа жен. Первый тип — *жена-хозяйка*, для которой важнее всего семья — муж, дети, дом; огромную часть времени она уделяет уходу за детьми, домашнему хозяйству. Главные ее помыслы в том, чтобы хозяйство велось экономно, чтобы в квартире было чисто и уютно, чтобы дети были вовремя и вкусно накормлены, хорошо одеты. Она живет интересами своих близких, и для нее производственные успехи мужа, школьные успехи детей куда важнее ее собственных успехов. Слово мужа в доме — закон, и во всем, кроме хозяйственных дел, его авторитет признается неукоснительно. Однако при этом она не успевает как следует следить за собой, мало читает, редко ходит в кино, ее культурные запросы, сначала по необходимости, а потом и в силу привычки ограничивается телевизионными передачами. В гости она ходит только с мужем, за столом молчит или обсуждает с женщинами хозяйственные вопросы.

Второй тип — *жена-возлюбленная*; встречается намного реже, в основном в семьях с небольшим стажем замужества. Эта женщина все делает для того, чтобы нравиться мужу и его знакомым. Она тщательно следит за собой. Для нее очень важно, чтобы муж считал ее привлекательной женщиной и интересным человеком. Она тоже живет интересами мужа, но главное внимание уделяет его духовным запросам. Для хозяйства у нее остается мало времени, сил, и желания. В ее доме всегда много гостей, тратится много денег, которые в основном зарабатывает муж, — и окружающим кажется, что она живет с мужем легко и беззаботно. Такая жена, отдавая все свои силы и способности преуспеванию мужа, ждет от него в ответ рыцарского поклонения, цветов, подарков, комплиментов и постоянного внимания к ее желаниям, а нередко и капризам. Сложности и конфликты в таких семьях возникают из-за того, что мужу приходится слишком много работать, и из-за изменений в укладе семьи, связанных с рождением ребенка.

Третий тип — *жена-товарищ*; эта женщина предана работе так же, как и ее муж. Ее интересы намного шире интересов семьи, у нее есть свои друзья, увлечения. По всем вопросам она имеет собственное мнение и нередко дает мужу полезные советы. Супругам интересно разговаривать друг с другом, потому что оба живут полной жизнью. Но такая жена не захочет брать на себя львиную долю домашних дел, а будет настаивать, чтобы они делились поровну. Она не всегда может горячо сопереживать мужу в его производственных делах, как жена-возлюбленная, поскольку у нее хватает собственных забот. Делая все для детей, она старается сэкономить время для других занятий.

Как видим, у каждого типа жены есть и преимущества, и недостатки.

15.5. Потребности и цели, реализуемые мужчинами и женщинами в браке

Взгляд на то, что дает семья, у женщин и мужчин, по данным Л. А. Коростылевой (2000), практически одинаковый.

Мнение женщин: 1) служит опорой в трудную минуту; 2) избавляет от одиночества; 3) приносит счастье материнства; 4) упорядочивает интимную жизнь; 5) налаживает быт, режим питания.

Мнение мужчин: 1) служит опорой в трудную минуту; 2) избавляет от одиночества; 3) налаживает быт, режим питания; 4) приносит счастье отцовства; 5) упорядочивает интимную жизнь.

Несколько иные данные получены Уиллардом Харли (1992), который выделил по пять основных потребностей для мужей и жен, исполнения которых супруги ожидают друг от друга. У мужчин это: 1) половое удовлетворение; 2) спутник по отдыху; 3) привлекательность жены; 4) ведение домашнего хозяйства; 5) моральная поддержка. У женщин основными потребностями являются: 1) романтическая атмосфера в семье; нежность, проявляемая мужем; 2) потребность в общении (возможность поговорить с мужем обо всем, что случилось за день); 3) честность и открытость в отношениях с мужем; 4) финансовая поддержка; 5) посвященность семье (роль отца).

Неудачи мужчин и женщин в строительстве семьи обусловлены, считает У. Харли, незнанием потребностей друг друга, а постоянная неудовлетворенность хотя бы одной из потребностей приводит к внебрачным связям.

Т. В. Андреева и Т. Ю. Пипченко (2000) при опросе белорусских женщин и петербургских студенток получили сходные результаты, однако выявили и значительные возрастные различия.

У женщин в возрасте 20–30 лет ведущие потребности-ожидания от мужей следующие: 1) проявление нежности и заботы; 2) половое удовлетворение; 3) искренность и открытость в отношениях с мужем; 4) финансовая поддержка; 5) потребность в общении. Часть студенток подчеркивала важность физической защиты со стороны мужа, чувство безопасности.

Для женщин 30–40 лет значимость потребностей несколько меняется: 1) искренность и открытость; 2) посвященность семье и воспитанию детей; 3) финансовая поддержка; 4) проявление нежности; 5) потребность в общении.

Женщины 40–50 лет важными назвали следующие потребности: 1) посвященность семье и детям; 2) помощь по дому; 3) финансовая поддержка; 4) нежность; 5) искренность в отношениях.

Для женщин 50–60 лет главными потребностями-ожиданиями оказались: 1) финансовая поддержка; 2) помощь мужа по дому; 3) посвященность семье; 4) искренность и открытость; 5) нежность.

В этом исследовании мужчины были менее склонны анализировать и осознавать свои потребности, связанные с браком; молодыми мужчинами отмечались такие потребности, как сексуальная и моральная поддержка. Потребности в совместном отдыхе с женой и в ее привлекательной внешности не отмечалось.

Сложность удовлетворения потребности в сохранении собственного Я состоит в том, что в глазах каждого из супругов свое Я выглядит значительно привлекательнее, чем Я другого. Кроме того, гендерные ожидания мужчин и женщин могут расходиться. Например, А. А. Тагановой (2002) было выявлено, что девушки в описании своего идеала женщины дают характеристики, относящиеся к доминированию, а юноши — характеристики подчиняющегося поведения.

15.6. Совместимость и удовлетворенность супругов браком

Совместимость супругов. По ряду личностных характеристик супруги могут быть совместимыми и несовместимыми. В своем исследовании А. Н. Волкова (1979), например, делает вывод, что тенденцию к контрасту имеют те черты, которые в большей мере обусловлены природными факторами: общительность, реализм, доверчивость, тревожность, консерватизм, смелость, доминантность, искушенность (по опроснику Кеттелла, это соответственно факторы A, I, L, O, Q2, H, E, N). Те же характеристики, которые больше зависят от жизненных влияний, у совместимых партнеров оказались сходными: интеллектуальность, беспечность, практичность (факторы B, F, M). Н. Н. Обозов и А. Н. Обозова (1981, 1982) при выяснении степени совместимости брачных партнеров во многом подтвердили эти данные, однако по ряду факторов выявилось и расхождение с данными А. Н. Волковой. Была выявлена контрастность супругов по факторам A, L, J, O, Q1, Q2, N и сходство по факторам B, F, M, E и Q3.

По данным С. В. Артамонова и Л. А. Коростылевой (2002), ожидания женщин, их установки на брак в большей степени оказываются нереализованными непосредственно в браке, чем те же установки у мужчин. Нереализованными у женщин оказываются такие ценности, как духовная любовь, личная аккуратность партнера, нежность, внимательность, тактичность, умение прощать, принимать позицию партнера, ответственность, общность взглядов на воспитание детей, материальная обеспеченность, развитие, самосовершенствование, терпимость к взглядам других. Мужчины в качестве нереализованных ценностей назвали духовную и физическую любовь, нежность, внимательность, чувство безопасности, тактичность, ответственность, здравомыслие, умение прощать и принимать позицию партнера, материальную обеспеченность. Как видно из этого перечня, причины неудовлетворенности браком у мужчин и женщин бывают сходными. Различны, однако, степень неудовлетворенности по одинаковым ценностям и количество нереализованных ценностей — у женщин их больше.

Ценности, реализованные в браке, тоже во многом совпадают у мужчин и женщин. Это внешняя привлекательность, общность взглядов на политику, культуру и образование, свобода и независимость в поступках, твердость в отстаивании своего мнения.

На социально-психологическом и социокультурном уровнях совместимость в большей степени определяется согласованностью семейных ценностей, ролей, жизненных позиций, мотивов социального поведения.

Обсуждая имеющиеся тенденции в понимании причин благоприятного климата семьи, О. В. Шишкина (1998) обращает внимание на то, что придается чрезмерное значение супружеской совместимости, которая рассматривается как константная характеристика, как нечто, данное раз и навсегда. Исходя из подобного понимания, многие полагают, что главным условием удовлетворенности супругов браком является везение, попадание « в десятку» при выборе партнера. Об этом, пишет автор, свидетельствуют и причины, которые разводящиеся супруги указывают чаще всего, — «не сошлись характером», и брачные объявления типа «Овен» ищет «Деву».

Практика же показывает, что в большинстве случаев прочность брака зависит от того, насколько люди могут и желают идти навстречу друг другу, удовлетворяя потребности друг друга и жертвуя своими потребностями. Недаром А. Шопенгауэр говорил, что жениться — это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности. Очевидно, это в большей степени относится к мужчинам, так как в конфликтных семьях жены уступают мужьям в два с лишним раза чаще, чем мужья — женам (Антонов А. И., Медков В. М.,1987).

Удовлетворенность браком. По данным Т. В. Андреевой и Ю. А. Бакулиной (1996), удовлетворенность мужчин и женщин браком в среднем одинакова, причем у мужчин она не связана со степенью традиционности их представлений о распределении ролей в семье; у женщин же между удовлетворенностью браком и традиционными представлениями связь обнаружена, хотя и слабая.

О. В. Шишкина (1998) в соответствии с полученными ею на супругах, проживших в браке 16–17 лет, данными утверждает, что у мужей удовлетворенность браком выше, чем у жен. Возможно, это расхождение в получаемых результатах связано с различным стажем супружеской жизни в обследованных разными авторами выборках, а может быть, дело в том, что, как показала О. А. Добрынина (1993), женщины более критичны в оценке социально-психологического климата в семье, чем мужчины. По оценкам женщин, главными для стабильного брака факторами являются: справедливое распределение бытовой нагрузки между супругами, полноценный отдых в семье, сексуальная гармония, взаимопонимание с детьми, удовлетворенность психологической атмосферой, общением, дружеская расположенность и забота. У мужчин имеется другой идеал: общность интересов, в том числе — сексуальных.

Женщины, по данным О. В. Шишкиной, более ориентированы на семью, но менее удовлетворены ею, мужчины же, наоборот, менее ориентированы на семью, но более ею удовлетворены. У высоко удовлетворенных браком женщин реальный партнер в целом соответствует идеалу, а у низко удовлетворенных — существенно отличается от идеала. У мужчин разрыв между реальным и идеальным представлениями о супруге выражен в меньшей степени как среди удовлетворенных, так и среди неудовлетворенных браком. Таким образом, с точки зрения мужей их жены более соответствуют идеалу семейной женщины, чем с точки зрения жен их мужья — идеалу семейного мужчины.

По данным Т. В. Андреевой и А. В. Толстовой (2001), наибольшая удовлетворенность браком, бесконфликтное распределение ролей складываются в тех семьях, в которых супруг является сангвиником, а супруга — меланхоликом. Их рисунки «идеальной семьи» ничем не отличаются от той семьи, в которой они живут сейчас. В парах холерик — сангвиник часто возникает борьба за власть друг над другом, супруги часто спорят, не могут прийти к единому мнению. В парах меланхолик — флегматик также наблюдается более низкая удовлетворенность браком, чем в парах с другим темпераментом. Очень сложные отношения возникают в парах холерик — меланхолик: оба супруга несдержанны в своем поведении и высказываниях, но в то же время оба ранимы и тяжело переживают любые ситуации, в которых задевается их самолюбие.

Т. В. Андреева и А. В. Толстова полагают, однако, что речь не должна идти о совместимости или несовместимости супругов по темпераменту. По их мнению.

супруги при любом сочетании темпераментов улаживают конфликты и, следовательно, можно говорить только о разной степени удовлетворенности браком и о разных проблемах, присущих тому или иному сочетанию типов темперамента.

На удовлетворенность браком молодых женщин мнение мужей об их профессиональной активности не оказывает серьезного влияния, женам важнее внешний вид супруга. Получена высокозначимая отрицательная корреляция ($p < 0,01$), свидетельствующая о том, что больше удовлетворена браком жена, которая находит, что ее супруг уделяет своему внешнему виду столько внимания, сколько она считает необходимым. Данные исследования говорят о том, что в среднем ролевая адекватность женщин по фактору внешней привлекательности достоверно ниже, чем мужчин ($p < 0,01$). Если жены заботятся о своей внешней привлекательности именно в такой степени, как этого от них ждут их мужья, то жены в среднем требуют от мужей более значительных усилий по поддержанию внешнего вида, чем те готовы прикладывать. Причем подобные несовпадения ожиданий жены с мнением партнера по фактору внешней привлекательности ведут к снижению удовлетворенности браком не только жены, но и ее мужа ($p < 0,05$). Таким образом, завышенные требования жен к внешнему виду мужей могут приводить к конфликтам в семье и к снижению удовлетворенности браком обоих супругов.

Кроме того, оказалось, что удовлетворенность супругов браком зависит от стажа совместной жизни в браке. Получена значимая отрицательная корреляция ($p < 0,05$) этих показателей: чем дольше женаты молодые супруги, тем меньше обычно они удовлетворены браком. В большей степени отрицательно стаж совместной жизни влияет на удовлетворенность браком женщин, в меньшей степени – мужчин.

Белавина О. В., 2007, с. 90.

По данным А. Иглхарт (Iglehart A., 1979), женщины отмечают у себя следующие причины возникновения ощущения дискомфорта в выполнении роли жены и матери: 1) объективные трудности в успешной реализации внутрисемейных и профессиональных ролей (например, неумение вести хозяйство, небольшой заработок); 2) недостатки характера, личностные особенности; 3) плохое здоровье; 4) плохие отношения с мужем и детьми; 5) дефицит времени.

Полагают, что решающим фактором, определяющим удовлетворенность или неудовлетворенность женщин браком, является все же взаимная поддержка или ее отсутствие (Acitelly, Antonucci, 1994).

Доктор психологических наук В. В. Бойко заметил, что на протяжении нескольких столетий в системе европейской культуры морально-этической нормой поведения женщины считалось пассивное, с оттенком негативизма отношение к индивидууму другого пола. Всякое открытое проявление интереса, активное поведение женщины по отношению к мужчине считалось признаком распущенности. Моральные нормы предписывали женщине «ускользающее поведение».

Замкнутость, необщительность, стеснительность – черты, положительно характеризовавшие девушку предыдущих столетий, – на наших глазах превращаются в элементы отрицательной характеристики. Поколения, вошедшие в жизнь в последние десятилетия, демонстрируют несколько измененные морально-этические эталоны объяснения в любви, ухаживания и общения. Касается это прежде всего женского поведения. Все более распространяется инициативный тип поведения. Юношам такая девушка кажется проще, естественнее, умнее.

Однако парадокс состоит в том, что перенесение этих черт в семейную жизнь вызывает недовольство у многих мужчин, которые хотят видеть жену скромной, спокойной, уравновешенной. Ибо она – жена, а не «партнерша». Ибо любовь и семейная жизнь включают в себя сопереживание, доброту, бескорыстие, умение жалеть. Психологами, психиатрами и социологами открыт недавно парадокс, суть которого заключается в том, что наиболее удовлетворенными своей брачной жизнью, счастливыми и удачливыми в семейной жизни считают себя и на деле оказываются не те женщины, которые достигли успеха в карьере, обладают «разносторонними способностями и интересами», «независимы», «самостоятельны», «писаные красавицы», а женщины совсем иного склада – мягкие, простосердечные, заботливые, доброжелательные, отходчивые.

Лисовский В. Т., 1986, с. 158–159.

По данным А. В. Рыжковой (2009), семейная сплоченность довольно низкая и воспринимается таковой чаще мужьями, чем женами. Так, 61% мужчин и 40% женщин характеризуют свою реальную нуклеарную семью[1] как разобщенную систему, в которой члены семьи крайне дистанцированы, почти не испытывают привязанности друг к другу, демонстрируют несогласованное поведение. Они редко проводят время вместе, не имеют общих друзей и интересов. Им трудно оказывать друг другу поддержку и совместно решать жизненные проблемы.

15.7. Распределение ролей в семье между мужем и женой

Кто главный в семье – муж или жена? Содержание понятия семейного главенства связывается с осуществлением управляющих (распорядительных) функций: общим руководством семейными делами, принятием ответственных решений, касающихся семьи в целом, регулированием внутрисемейных отношений, выбором метода воспитания детей, распределением бюджета семьи и т. д.

При этом встречаются два типа главенства: патриархальное (главой семьи обязательно является муж) и эгалитарное (в семье руководство осуществляется совместно).

Где жена верховодит, там муж по соседям бродит.

Русская пословица

Изучение этого вопроса Н. Ф. Федотовой (1981) выявило, что мужское главенство отметили 27,5% мужчин и 20% женщин, причем число семей, где оба супруга считали мужа главой семьи, составляло лишь 13% от общей выборки. Женское главенство чаще указывали жены, чем мужья (соответственно 25,7% и 17,4%), а совпадение мнений супругов было только в 8,6% семей. В пользу совместного главенства больше высказалось женщин, чем мужчин (25,7% и 18,4% соответственно). При этом совпадение мнений о совместном главенстве было в 27% семей. Более чем в половине случаев наблюдалось расхождение во мнении, кто является главой семьи: муж считал таковым себя, а жена – себя, что нередко создавало конфликтную ситуацию.

[1] Нуклеарная семья состоит из мужа, жены и одного ребенка.

Пипло и ее коллеги (Peplau, Rubin, Hill, 1977) классифицировали женатых людей и распределили их на группы эгалитарных браков, традиционных браков и современных браков. Эгалитарные браки включают... равное распределение власти среди партнеров; традиционные гендерные роли в таких браках не соблюдаются. Грей-Литтл и Беркс (Gray-Little, Burks, 1983) определили два типа эгалитарных браков: синкратический и автономный. Синкратические взаимоотношения характеризуют паттерн брака, когда муж и жена обладают равной властью и совместно принимают решения во всех областях (например, воспитание детей, предстоящий отпуск и финансовый расклад). Автономный паттерн характеризует эгалитарные отношения, когда жена и муж обладают властью и авторитетом в разных областях.

В традиционном браке муж больше доминирует, чем женщина; оба партнера сохраняют традиционные гендерные роли. В традиционных браках жены принимают самостоятельные решения во всем, что касается ведения домашнего хозяйства и воспитания детей. Мужья обладают полным авторитетом в принятии семейных решений (Gray-Little, Burks, 1983).

В современном браке мужья, как правило, меньше доминируют. Традиционные гендерные роли несколько модифицируются. В браках такого рода мужья терпимо относятся к работе жен. Однако если, например, ребенок заболевает, то муж считает само собой разумеющимся, что жена не пойдет на работу и будет сидеть с ребенком (Peplau et al., 1977).

Грей-Литтл и Беркс обнаружили, что в браках, в которых жена обладает сильной властью, партнеры менее удовлетворены, чем в эгалитарных отношениях или традиционных браках... Одно из объяснений для таких данных состоит в том, что браки с доминирующей женой противостоят культурным нормам.

Палуди М., 2003, с. 256–257.

При сопоставлении данных исследований, проведенных в нашей стране за последнее десятилетие, отчетливо просматривается следующая динамика: чем старше возраст опрашиваемых, тем чаще встречается мнение, что семья должна быть построена по эгалитарному типу. Ниже приводятся данные, подтверждающие этот вывод.

По данным Г. В. Лозовой и Н. А. Рыбаковой (1998), мальчики-подростки чаще, чем девочки того же возраста, считают, что главой семьи должен быть муж (соответственно 53% и 36%); если же предпочтение отдается матери (что происходит не так часто), то девочки делают это чаще, чем мальчики (соответственно 20% и 6%). При этом к подобному распределению ролей в большей мере тяготеет та часть мальчиков, которые осознали себя в качестве представителей мужского пола. Те же мальчики, которые не сумели еще окончательно полоидентифицироваться, одинаково часто предпочитают как *патриархат* в семье, так и *биархат* (т. е. считают, что главой семьи может быть как отец, так и мать). У девочек наблюдается та же тенденция: полоидентифицировавшаяся группа считает, что главой семьи должна быть женщина, а остальная часть девочек тяготеет к равноправию полов.

С повзрослением взгляд на главенство в семье мужа или жены несколько меняется. Так, по данным Н. В. Ляхович, юноши считают, что главой семьи должен быть либо муж (35% ответов), либо должно быть равноглавие (биархат) — 65% ответов. Такая же тенденция наблюдается и в ответах девушек (муж — 23%, биархат — 73%), с той разницей, что 4% главой семьи назвали жену.

Среди брачующихся главенство мужа в семье признает еще меньшее количество опрошенных. По данным Т. А. Гурко (1996), это сделали 18% женихов

и 9% невест. Среди мужчин патриархальных взглядов в основном (около 40%) придерживаются выходцы из села и имеющие лишь среднее образование. Исследования, проведенные с 1991 по 2000 г. в Магнитогорском университете, показали, что юноши в большей степени ориентированы на традиционную, патриархальную модель, девушки же ориентируются больше на эгалитарную модель распределения семейных ролей.

По данным исследований, проведенных в нашей стране, от 15 до 30% женщин в возрасте за 30 лет объявляют себя главой семьи, тогда как лишь 2–4% их мужей и 7% взрослых детей признают это.

Эти ответы отражают наметившийся в настоящее время постепенный переход от патриархального типа организации семьи, когда ее главой являлся только мужчина, к демократическому, в основе которого лежит правовое и экономическое равноправие мужчины и женщины. Указанные функции управления не сосредоточены в руках одного из супругов, а распределяются более-менее равномерно между мужем и женой (Янкова З. А., 1979). Несмотря на эту тенденцию, остается еще много семей, где главенствующую роль, как и прежде, играет муж, хотя во многом это главенство носит формальный характер (Харчев А. Г., 1979; Янкова З. А.). Имеются также семьи, главой которых является жена.

Новицкая приходится мне директором по работе. Но и дома она остается директором, несмотря на мои возражения о том, что дома она должна быть женой.

Из заявления о разводе

Принятие решений в семье может быть объективным критерием главенства мужа или жены. Т. А. Гурко (1996) полагает, что в настоящее время практически во всех сферах семейной жизни жена чаще, чем муж, принимает решения. Однако в исследовании М. Ю. Арутюнян (1987) было выявлено, что право решающего голоса мужа или жены зависит от типа семьи (табл. 15.1).

Таблица 15.1. Принятие решений в семье (процент случаев)

Сфера принятия решений	Эгалитарная семья			Традиционная семья		
	муж	жена	оба	муж	жена	оба
Финансы	1	43	56	2	66	31
Хозяйство	3	26	71	1	63	36
Досуг	11	29	60	4	44	52

Как видно из данных таблицы, в эгалитарных семьях решения чаще принимаются мужем и женой совместно, независимо от сферы жизнедеятельности. В традиционных семьях это касается только досуга. В финансовой и хозяйственной сферах чаще всего решение принимает жена. Сходные данные получены и зарубежными исследователями: распределением семейных доходов чаще занимается жена, реже — совместно с мужем, независимо от типа главенства (Gunter N., Gunter B., 1990).

В тех случаях, когда жена приписывает себе главенство, она оценивает качества мужа намного ниже, чем при других типах главенства, и, естественно, ниже, чем свои качества. Это снижение оценок наблюдается по всем личностным каче-

ствам, но особенно отчетливо выражено в оценках волевых и интеллектуальных свойств личности мужа, а также качеств, характеризующих его отношение к производственному и домашнему труду. Жена как бы вынуждена взять на себя главенство — не потому, что хочет и подходит для этой роли, а потому, что с этими обязанностями не справляется муж. Мужчины признают главенство жены потому, что видят у нее наличие тех качеств, которые присущи мужчине, а именно волевые и деловые качества.

В газете «Комсомольская правда» был приведен любопытный пример. В 100 опрошенных семьях 90 женщин назвали себя главой семьи, и их мужья подтвердили это. Десять мужей попробовали претендовать на главенство, но почти все жены им возразили. И лишь одна женщина сказала, что глава семьи – муж. Этого единственного счастливца из 100 решили наградить, предложив ему выбрать подарок. И тогда муж, обратившись к жене, спросил: «Как ты считаешь, Мария, какой лучше выбрать?» Так и не состоялся единственный глава семьи.

Лисовский В. Т., 1986, с. 100–101.

Признание главенства мужа связано у женщин с высокой оценкой их деловых, волевых и интеллектуальных качеств. Мужчины свое главенство связывают с высокой оценкой у себя «семейно-бытовых» качеств и низкой оценкой деловых, интеллектуальных и волевых качеств жены. При этом они считают, что эти качества не являются важными для жены, поэтому, оценивая их низко, мужья не стремятся умалить достоинства жен.

В то же время признание главой семьи мужа или жены вовсе не означает, что в их руках сосредоточены все управленческие функции. На деле наблюдалось распределение функций между мужем и женой. Материальное обеспечение семьи при всех типах главенства признается ведущей ролью мужа, но только в том случае, когда расхождение между заработком мужа и жены большое. Главенство мужа в семье связано с его превосходством в уровне образования, общественной активности, удовлетворенностью профессией. Если уровень образования и общественная активность выше у жены, то главенствует в семье она.

Стереотип представлений о распределении семейных обязанностей. Патриархальные отношения в семье, т. е. главенство мужа, существовали с давних пор, а взаимоотношения между супругами регламентировались очень четко. Так, в литературном памятнике Древней Руси «Домострое» (XVI в.) подробно расписаны семейные роли мужа и жены. Моральные нормы были для них одинаковыми, однако сферы деятельности строго разделены: муж — глава, он вправе поучать жену и детей, даже наказывать их физически; жене надлежит быть трудолюбивой, хорошей хозяйкой и во всем спрашивать совета мужа. Однако на самом деле жены нередко имели на своих мужей большое влияние и командовали в семье.

Л. Н. Толстой говорил, что существует странное, укоренившееся заблуждение, состоящее в том, что стряпня, шитье, стирка, составляют исключительно женское дело и что делать то же мужчине — стыдно. Между тем, считал Л. Н. Толстой, стыдно обратное: мужчине, часто не занятому, проводить время за пустяками или ничего не делать, в то время как усталая, часто слабая, беременная женщина через силу стряпает, стирает или нянчит больного ребенка.

С развитием капиталистических отношений в обществе изменились и требования к ролям жены и мужа: они стали не такими жесткими, а экспрессивные роли стали предписываться не только жене, но и мужу (Гурко Т., Босс П., 1995).

Сдвиги в сознании общества происходят и за короткие промежутки времени — два-три десятилетия. Так, если в 1967 г. 57% американских первокурсников согласились с тем, что занятия замужней женщины лучше ограничить домом и семьей, то в 1994 г. с этим согласились только 25% (Майерс Д., 2001). В 1938 г. лишь один из пяти американцев одобрял работающую женщину, а в 1993 г. такие женщины одобрялись уже 86% мужчин. В 1965 г. доля домашней работы мужчин составляла 15%, через 20 лет — уже 33% (Robinson, 1988). Правда, многое определяется этнической принадлежностью мужчин. Так, В США чернокожие мужчины делают 40% домашней работы, испанского происхождения — 36%, белые мужчины — 34% (Shelton В., John D., 1993). В Японии муж уделяет домашним делам в среднем лишь 4 часа в неделю, в то время как в Швеции — до 18 часов в неделю.

Целью нашего исследования стало выявление гендерных представлений и их потенциальная реализация в структуре семейных отношений. Нас также интересовала информация о степени допустимости варианта неполной семьи в будущих семейных отношениях для юношей и девушек. Нами был использован метод опроса. В число респондентов вошли 123 студента первого курса Новозыбковского филиала БГУ имени академика И. Г. Петровского; из них 66 юношей и 57 девушек в возрасте 17–18 лет.

В ходе эмпирического исследования представлений о гендерных ролях в юношеском возрасте была сформулирована рабочая гипотеза: представления о гендерных ролях юношей и девушек детерминируются их половой принадлежностью, особенностями социальной среды, в том числе местом проживания (в нашем случае респонденты проживают в районном центре и прилегающих районах).

В результате анализа полученных нами данных было выявлено несколько ролевых позиций в структуре семейных отношений.

Так, материальное обеспечение семьи в данной выборке отождествлялось с мужчиной, в отличие от результатов подобных исследований, проводимых среди молодых людей, проживающих в крупных городах, где намечается тенденция самообеспечения и материальной независимости. Материально обеспечивать семью, по мнению 63% девушек и 59% юношей, должен мужчина.

В воспитании детей традиционно главное место занимает женщина – так считают 67% девушек и 59% юношей. Однако многие респонденты отмечали значимость участия в воспитательном процессе обоих родителей, вне зависимости от половой принадлежности.

Роль главы семьи в данной выборке отводилась почти в равной степени как мужчине, так и женщине; 48% девушек оставили эту роль за собой и 52% – отдали мужчине; 54% юношей считают, что глава семьи – это мужчина и 46% – женщина. Такие результаты в некоторой степени объясняются тем функционалом, который, по мнению респондентов, выполняет глава семьи: начиная с финансирования и распределения доходов и заканчивая вынесением решений по различным значимым вопросам, в том числе и хозяйственным.

Несмотря на то что большинство участников опроса ведение домашнего хозяйства ассоциировало с женщиной (53% девушек и 73% юношей), некоторая часть распределяла данные обязанности в равной степени между мужчиной и женщиной.

Что касается проблем неполной семьи, то нами были получены следующие данные: большинство юношей считают, что семья должна быть полной (82%), и лишь 18% допускают для себя вариант неполной семьи. Среди девушек были получены следующие результаты: большая часть (71%) считает для себя приемлемым вариант неполной семьи и всего 29% высказали противоположную точку зрения. Таким образом, подобные результаты подтверждают печальную статистику: по различным источникам, до 80% заявлений на развод подают женщины.

Шевцова Ю. А., 2008, с. 748–749.

Приведенные данные показывают, что существовавшие веками полоролевые стереотипы очень живучи, им подвержены даже дети. Так, немецкие ученые провели исследование в отношении того, какие семейные обязанности считаются детьми 4–5 лет материнскими и отцовскими: 86% опрошенных детей ответили, что приготовление пищи – дело матери, а чтение книг, по мнению 82% ребят, это – привилегия отца; делать покупки 83% малышей относят к обязанностям матери, а читать газеты 82% считают делом отца. Только один ребенок из 150 опрошенных сказал, что стирка белья – мужское дело. А 80% детей полагали, что пить пиво и курить – привилегия отца.[1]

Основатель итальянской ассоциации мужей-домохозяинов (домоуправленцев) утверждал, что многие из мужчин, остающихся дома для выполнения домашней работы, испытывают стыд за выполняемую ими роль. «Мужчины приходят в ассоциацию анонимно и признаются, что они домохозяины... Это выглядит так, будто они согрешили, и только у нас могут исповедаться» (Aries, 2004).

По данным Т. В. Андреевой и Т. Ю. Пипченко (2000), более половины женщин считают именно женщину ответственной за выполнение роли воспитателя детей, хозяйкой, «психотерапевтом»; 56% мужчин и 50% женщин оценили роль мужчины в семье как «добытчика» материальных средств, треть мужчин и женщин считают, что материальное обеспечение должны разделять оба супруга. Однако в выборке оказались и те, кто считает, что эту миссию должна взять на себя жена (10% мужчин и 16% женщин).

Опрошенные женщины были распределены по двум группам: 1) женщины в возрасте от 18 до 30 лет; 2) женщины в возрасте от 45 до 56 лет. Результаты исследования показали, что по декларируемым установкам женщины двух поколений тяготеют к эгалитарным взглядам: около 80% представительниц обеих подгрупп предпочли бы, чтобы и муж и жена работали, а домашние дела делили бы поровну. И лишь 20% женщин предпочли бы, чтобы муж зарабатывал деньги, а они занимались хозяйством. Большинство полагает, что детей должны воспитывать оба родителя: среди старшего поколения так ответили 83%, а среди молодых женщин – 97%. При этом 17% старших женщин считают, что детей в первую очередь должен воспитывать отец (среди молодых женщин так никто не ответил), а 3% молодых женщин заявили, что детей в первую очередь должна воспитывать мать.

...Большинство женщин обеих подгрупп полагают, что семья крепче, если в семье муж и жена равны (так ответили 83% молодых и 60% женщин старшего возраста). Старшие женщины более

[1] См.: «Знание – сила». 1983. № 3. С. 33.

традиционны – 40% из них ответили, что семья крепче, если глава – мужчина, зато 10% молодых полагают, что лучше, если главой семьи будет женщина.

...Наиболее важной ценностью, по мнению женщин, является общность интересов в семье... Все опрошенные женщины предполагают, что в семье необходимо совпадение мнений, интересов, ценностей, способов проведения досуга. На втором месте по степени значимости у женщин старшего поколения отмечена установка на доминирование в хозяйственно-бытовой сфере, а для молодых женщин эта ценность занимает предпоследнее место – эту функцию брака они рассматривают как второстепенную, зато у них гораздо выше ранг ожидания участия супруга в хозяйственных делах (шестое место у молодых женщин, шестнадцатое – у женщин старшей группы).

...У молодых женщин в большей степени присутствует установка на личную активность вне семьи (пятый и пятнадцатый ранги соответственно) и меньше установка на активность супруга вне семьи (десятый ранг значимости у молодых женщин, четвертый ранг у старших).

В целом можно заключить, что различия между возрастными группами женщин существуют, но они невелики, причем старшая возрастная группа в большей мере тяготеет к патриархальной модели семьи.

Андреева Т. В., Иоффе М. М., 2004, с. 336–337.

И. В. Гребенников (1991) выделяет три типа распределения семейных ролей:

1) централистский (или авторитарный) — во главе один из супругов, решающий основные вопросы в семье;
2) автономный — муж и жена распределяют между собой роли и стараются не вмешиваться в сферу влияния друг друга;
3) демократический — управление семьей лежит на обоих супругах в равной мере.

И. В. Штылева (2008) изучала отношение старшеклассников обоего пола к выполнению роли родителя и воспитания детей. Было выявлено, что «традиционное распределение домашних обязанностей приводит к тому, что у подростков проявляются гендерные стереотипы и они овладевают разными навыками, основанными на их гендерной принадлежности. Они считают, что мужчины и женщины должны исполнять различные роли и обладать различными психологическими качествами. В результате они (*мужчины. — Е. И.*) стремятся овладеть различными навыками, зависящими от их гендера, и, как следствие, могут оказаться плохо подготовленными к многообразным ролям, которые им, вероятно, придется исполнять в дальнейшем. Гендерные роли и основанное на половой принадлежности разделение труда способствует развитию навыков воспитания детей у девушек, но не у юношей. Следует отметить, что на неравномерное распределение домашних обязательств влияют особенности социализации, в результате чего юноши не знают, как нужно делать уборку, готовить или обращаться с детьми. Ранний опыт социализации мог не позволить юношам овладеть навыками, необходимыми для выполнения домашних работ. Девушек просят делать больше работ по дому, чем юношей, и они значительно чаще занимаются приготовлением пищи, стиркой и уборкой. Кроме того, поскольку дети обращают больше внимания на модели, имеющие отношение к их полу, юноши не придают большого значения тому, что де-

лает их мать, и не моделируют ее поведение. В результате они не усваивают более детализированных схем домашних работ, которыми овладевают представительницы женского пола» (с. 346).

Приведенная цитата отражает чисто феминистский подход к выполнению семейных обязанностей. Автора почему-то не беспокоит, что девочки не придают большого значения тому, что делает отец, и не формируют у себя навыки ремонтных и строительных работ, умения разбираться в автомашине, электробытовой технике и т. п.

В действительности опросы семейных пар показывают другое. По данным Л. И. Артемьевой (2007), супруги считают, что основными семейными функциями мужчин являются ремонт квартиры и бытовой техники, финансовое обеспечение семьи. Женщины же должны в основном быть заняты в хозяйственно-бытовой сфере и основными своими задачами считают мытье посуды, уборку и покупку продуктов. Такое распределение обязанностей характерно как для мужчин, так и для женщин вне зависимости от видов брака (официального или гражданского).

А. В. Петровский привел на страницах газеты «Известия» такой пример. Снимался научно-популярный фильм, посвященный взаимоотношениям в семье. Он так и назывался: «...И счастья в личной жизни». Перед съемочной группой стояла задача выявить характер распределения обязанностей в семье. Конечно, можно было задавать напрямую вопросы, но психологи хорошо знают, что ответам на такие вопросы не очень-то можно доверять – нередко желаемое выдается за действительное. Тогда мы решили действовать через ребятишек.

В детском саду была предложена «игра». Малышам дали множество цветных картинок, изображавших предметы домашнего обихода: кастрюли, телевизор, молоток, тарелки, кресло, магнитофон, мясорубку, иголку, газету, пылесос, сумку-«авоську» с продуктами – и попросили их отобрать «папины картинки» и «мамины картинки». И сразу все стало ясно. Для папы многие, очень многие малыши составляли «джентльменский набор»: телевизор, газету, кресло, тахту и иногда – молоток и гвозди. Мамам оставалось все остальное: кастрюли, тарелки, пылесос, мясорубка, «авоська» и прочее. На экране этот отбор вещей выглядел впечатляюще. Но о каком же семейном коллективе можно говорить, если отец после работы подремывает под телевизор с газетой на коленях, а мать отрабатывает свою вторую трудовую смену? Дети наблюдают это и делают выводы...

Лисовский В. Т., 1986, с. 101.

По дороге в спальню...

Муж и жена смотрят телевизор вечером, жена говорит: «Я устала, уже поздно, пойду-ка я спать».

По пути в спальню она заходит на кухню приготовить сэндвичи на завтра на завтрак, выкидывает остатки попкорна, вытаскивает мясо из холодильника для завтрашнего ужина, убирает сахар, кладет вилки и ложки на место, оставляет кофе в кофеварке на следующее утро.

Она кладет мокрую одежду в сушилку, грязную одежду в стирку, гладит рубашку и находит пропавший свитер. Она поднимает газеты с пола, складывает игрушки, кладет телефонную книжку на место. Она поливает цветы, выкидывает мусор, вешает сушиться полотенце. Останавливаясь около письменного стола, она пишет записку в школу, проверяет, сколько денег в кошельке, убирает книжку с кресла. Она подписывает открытку с днем рождения для друзей, пишет список продуктов, которые надо купить в магазине. Затем она смывает косметику.

Муж кричит из комнаты: «Я думал ты пошла спать...», она отвечает: «Я и иду...». Она наливает воду для собаки в миску, убирает за кошкой, затем проверяет двери. Она заходит посмотреть на детей, выключает у них лампу, собирает грязную детскую одежду, спрашивает, сделали ли они домашнее задание на завтра. В своей комнате она готовит одежду для себя на завтра. Затем добавляет три вещи, которые надо будет сделать завтра, в свой список.

В это самое время муж выключает телевизор и говорит сам себе: «Ну все, я иду спать», и идет.

Источник: Посиделки: Информационный листок. 1999. № 7–8. С. 16.

Реальное распределение домашней работы. По данным зарубежных исследований, работающие жены выполняют в среднем 69% домашних работ (Берг Ш., 2001).

Сходные данные получены и отечественными учеными (табл. 15.2).

Таблица 15.2. Затраты времени (часы в неделю) на домашний труд (работающее население) в СССР (по данным О. Дудченко с соавторами, 1995)

Год, регионы	Мужчины	Женщины
1923–1924 (большие города Европейской части СССР)	13	34
1936 (там же)	12	34
1965–1968 (там же)	12	27
1967–1970 (там же)	10	27
1980 (Западная Сибирь)	13	32
1982 (Керчь)	12	28
1986 (Псков)	15	27

Немаловажным является и то обстоятельство, что домашние дела у женщины являются каждодневными (приготовление еды, мытье посуды, уход за ребенком и т. п.), в то время как домашние обязанности мужчин носят эпизодический характер (сделать ремонт, перенести тяжелую вещь и т. п.) и позволяют им более свободно распоряжаться своим временем.

С самого детства родители внушают девочке: будь независимой, гордой, требовательной, получай образование, ищи интересную, любимую работу. Все правильно. А вот готовить к тому, что придется стать женой, матерью, хозяйкой, некоторые родители забывают...

«С детства меня воспитывали как мальчишку. Командир отряда, председатель совета дружины, комсорг класса – все это я. Со школы привыкла быть лидером, привыкла руководить. О том, что я буду хозяйкой дома, женой, матерью, ни в школе, ни в институте мне никто ни разу не напомнил...

Результат налицо: до сих пор не люблю готовить, хотя за плечами 2,5 года супружества. Мне повезло: у меня умный, понимающий и помогающий во всем муж. Но, боже мой, до чего же трудно ему со мной бывает! Ведь «профессионал» я только на работе, а дома – неумеха.

Нина Р.»

Лисовский В. Т., 1986, с. 79.

В течение года группа статистиков записывала, сколько работы выполняет одна домохозяйка, которая заботится о муже и двоих детях. Результаты оказались поразительными.

За год она перемывает 18 тысяч ножей, вилок и ложек, 13 тысяч тарелок и 3 тысячи кастрюль и сковородок. Она не только моет эти приборы, но и достает их из шкафа, ставит на стол, убирает обратно и, таким образом, переносит груз общим весом примерно 5 тонн.

С помощью специальных устройств измерили и расстояние, которое приходится преодолевать домохозяйке за день. Если семья живет в обычной двухкомнатной квартире, то домохозяйка делает в среднем около 10 тысяч шагов в день, а если в доме с усадьбой, то больше 17 тысяч шагов. Если к этому добавить еще хождение на рынок, то за год ей приходится пройти путь почти в 2 тысячи километров.

Источник: «Знание – сила». 1982. № 6. С. 33.

По данным Е. В. Фотеевой (1987), чаще помогают женам молодые мужья с более высоким уровнем образования. При этом, когда дети достигают школьного возраста, помощь женам значительно уменьшается, а часто и прекращается. Вообще же, отмечает Е. В. Фотеева (1990), существует стереотипная дифференциация образов «хорошего мужа» и «хорошей жены»: муж чаще рассматривается как «добытчик», а жена — как «хранительница семейного очага».

15.8. Муж как «денежный мешок»

В обществе сложилось мнение, что одним из признаков мужественности является хорошее финансовое положение мужчины. Именно с финансовой точки зрения мужчины оцениваются многими женщинами. Б. Бейли (Baily, 1988) пишет о том, что процесс ухаживания мужчины за женщиной в США всегда строился на деньгах. Подразумевается, что во время свидания тратить деньги должен мужчина. Если он этого не делает, то может оказаться в глазах женщины второсортным кавалером. Существенным фактором в выборе супруга у женщин является то, насколько будущий муж может материально обеспечить семью, поэтому на Западе женщины предпочитают богатых. Берн и Лэвер (Burn, Laver, 1994) выявили совпадение во взглядах взрослых мужчин и женщин относительно того, что мужчина должен зарабатывать много денег.

Многие социологи, занимавшиеся анализом гендерных отношений и гендерных ролей в современной России, отмечают своеобразный ренессанс патриархальной семейной модели: мужчина – «добытчик», женщина – «хранительница очага». Это подтверждается популярностью в России глянцевых «женских журналов» и латиноамериканских сериалов, воспроизводящих подобные семейные отношения, а также практически полной индифферентностью российских женщин к проблемам женского равноправия (Пфау-Эффингер Б., 2000).

«Патриархальность» экономических установок современных россиян выразилась в том, что женщины видят свою экономическую роль скорее в расходовании денег, чем в их зарабатывании... Мужчины же, наоборот, признают свою роль «добытчика», зарабатывающего деньги и именно поэтому имеющего власть ими распоряжаться. Обе эти установки одинаково чреваты внутренними

и внешними конфликтами, вызывающими тревогу. Женщина, легкомысленно относящаяся к зарабатыванию денег и конструирующая свою гендерную идентичность в процессе потребления определенных товаров (одежды, косметики и т. п.), попадает в зависимость от мужчины, который ее содержит. Мужчина же, считающий способность зарабатывать деньги признаком своей гендерной состоятельности (власти, статуса, уважения), попадает в зависимость от экономических обстоятельств, которые не всегда позволяют ему подтвердить свою состоятельность. В целях уменьшения возникающего когнитивного диссонанса они прибегают к различным стратегиям. Женщины пытаются восстановить контроль над ситуацией через иррациональное потребление (расточительство) и последующее раскаяние и самообвинение. Мужчины пытаются сохранить самоуважение, отрицая значение денег или скрывая свое материальное положение от окружающих.

Фетько А. Б., 2004, с. 275–276.

Однако возложение на мужа роли добытчика приводит и к негативным явлениям (Pleck J., 1985). Во-первых, выбор высокооплачиваемой работы может не совпадать с профессиональными интересами мужчины: очень часто такая работа ему не нравится. Во-вторых, вследствие работы днем и ночью ради зарабатывания больших денег у мужчин ослабевает контакт со своими детьми. Например, в Японии, где понятие мужественности связано с полной самоотдачей на работе, отцы проводят со своими детьми в среднем три минуты по будним дням и девятнадцать минут по выходным (Ishii-Kuntz M., 1993). Потому часто встречаются люди, которые считают, что в детстве они были лишены отцовской любви (Kilmartin C., 1994). И в-третьих, когда мужчина сознает, что несколько человек зависят от него экономически и он должен оправдывать ожидания семьи, это сильно давит на его психику. Вместе с ростом семьи он должен увеличивать объем и время работы, чтобы зарабатывать больше. Такой стиль жизни часто приводит к появлению обусловленных психическим и физическим напряжением патологических симптомов.

15.9. Семья и работа в жизни женщины

В последние десятилетия произошло некоторое изменение установок в отношении работающих женщин, а также уменьшение доли женщин, отдающих предпочтение роли домохозяйки. Так, по данным опроса в США, проведенного в разные годы, было выявлено, что в 1974 г. остаться дома хотели 60% женщин, а работать — 35%, в 1980 г., соответственно, 51% и 46%, в 1985 г. — 45% и 51%. Это соотношение сохранилось и в начале 1990-х гг. В действительности же количество семей, в которых муж работает, а жена ведет хозяйство и воспитывает двоих и более детей, значительно меньше — около 7%.

Е. Ф. Молевич с соавторами (1997) показано, что около половины опрошенных горожанок считают работу и семью важными для себя в равной степени. При этом 25% предпринимателей женского пола считают, что работа для них важнее, чем семья, и только 13% отдают предпочтение семье. Чуть больше ориентированы на семью женщины — руководители организаций (22,5%). В остальных группах семья как сфера реализации основных жизненных интересов явно преобладает.

Некоторые исследователи считают, что типичная для женщин нашей страны ситуация «двух волов» — в профессиональной деятельности и в быту, когда работа по дому подобна «второй смене», — столь критическая, что может быть воспринята как пример гендерного неравенства (Арефьева Т. К., 2000; Вислова Н. Л., 2000; Демиденко Т. М., 2000). При этом приводятся следующие причины такого положения.

1. Представление о том, что женщина прежде всего домохозяйка, «хранительница домашнего очага», имеет в патриархальной культуре очень глубокие корни. Большинство женщин усваивают эту норму с детства как часть осознания своей «женственности», т. е. гендерной роли.
2. Следование традиционным гендерным ролям приводит ко многим формам различий между мужчинами и женщинами. Оба пола физически способны научиться готовить пищу или печатать на машинке, однако в большинстве обществ считается, что эти занятия должны выполнять женщины. Как заметила американский антрополог М. Мид, «мужчины могут стряпать, ткать, одевать кукол или охотиться на колибри, но если такие занятия считаются мужскими, то все общество, и мужчины и женщины, признает их важными. Если то же самое делают женщины, то такие занятия объявляются менее существенными».
3. Социолог Т. Парсонс утверждает, что разделение труда между полами в семье оправдывается тем, что женщины биологически более приспособлены к заботе о других. Поэтому их участь — материнство и «экспрессивная» роль.
4. «Домохозяйство» стало ассоциироваться преимущественно с женщинами лишь после начала индустриализации, когда место работы и место жительства оказались разнесенными в пространстве. Сложилось своего рода новое разделение труда, при котором мужчины смогли посвятить себя преимущественно оплачиваемой работе благодаря тому, что женщины избавили их от большей части домашних обязанностей. Когда мужчины «ушли из дома», домашнее хозяйство стало в основном «потребительским», а не «производящим». Заботы о его поддержании легли на тех, кто не работает, точнее, на тех, чей труд «невидим», не считается таковым.

Домашняя работа, как правило, не оплачивается и не считается «настоящей работой». Лишь в 1970-е гг. она стала рассматриваться социологами именно как работа, столь же необходимая для функционирования социума, как и общественное производство. Подсчитано, что объем домашней работы равен трети ежегодного валового продукта во всем мире. В то же время домашняя работа воспринимается женщинами не как «времяпрепровождение», но именно как работа.

Дынин П. И., 2003, с. 300–301.

С распределением обязанностей в семье, когда муж зарабатывает деньги, а жена занимается домашним хозяйством и детьми, соглашаются 41% женщин. Лишь 13% женщин признали это ненормальным явлением; для них работа является цен-

ностью, от которой они не хотели бы отказываться. Среди предпринимателей таких женщин 20%, но и среди них три четверти считают, что ситуация, когда женщина ограничивает свои функции домашним хозяйством, приемлема. Это свидетельствует о том, что патриархальность сознания характерна для всех статусных групп российских женщин. Однако тот факт, что подавляющее число женщин (85%) признает нормой патриархальную семью, скорее всего, свидетельствует о том, что их заявления во многом носят декларативный характер.

Так, только 32% женщин согласились бы оставить работу и целиком посвятить себя семье, если бы имели достаточную материальную обеспеченность (среди них есть и такие, кто работает, «чтобы развеять скуку», общаться с людьми, которые нравятся), а еще 25% согласны бросить работу при определенных обстоятельствах, но с некоторым сожалением. Наконец, 42% женщин не согласились бы бросить работу (среди предпринимательниц таких больше — 60%, а среди малоквалифицированных работниц значительно меньше — 18%).

Занятость женщин работой вне дома зависит от наличия детей, их возраста, наличия мужа и его взгляда на устройство семьи (рис. 15.2).

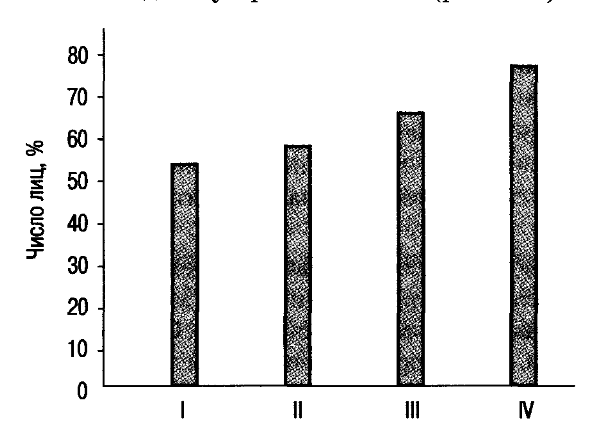

Рис. 15.2. Количество работающих женщин (процент) США в зависимости от семейных факторов: I – женщины с детьми младше 3 лет; II – матери, имеющие детей дошкольного возраста; III – замужние женщины, имеющие детей до 18 лет; IV – разведенные женщины с детьми

По данным Е. Ф. Молевич с соавторами, женщины, имеющие детей, склонны считать семью более важной, чем те, кто не имеет детей. Так, 65% молодых жен, имеющих детей, считают предпочтительным для себя не работать и заботиться о семье. Такого же мнения придерживается 81% их мужей (Гурко Т. А., 1996). Работе отдают предпочтение преимущественно те женщины, которые считают свою профессию престижной.

На Западе распространено мнение, что домашний труд женщины и выполнение ею роли «хранительницы домашнего очага» не престижны. Согласно полученным Бэтти Фридан (Friedan B., 1963) данным, неудовлетворенность своим положением испытывают даже те женщины, чьей мечтой всегда была роль жены и матери. «Жить в других — это не то же самое, что жить самому», — заявляет Фридан. По ее мнению, домохозяйка оказывается «выброшенной за борт», она стоит в стороне от важ-

нейших событий в жизни людей и поэтому не чувствует себя полноценным человеком. Любовь, дети и дом — это хорошо, но это еще не весь мир.

Ф. Кросби (F. Crosby, 1991) сетует на то, что до сих пор продолжается идеализация материнства, и утверждает, что существует чуть ли не заговор молчания относительно того, каким тяжелым делом оно в действительности является. Для фрустрации, переживаемой многими женщинами-домохозяйками, К. Таврис и К. Оффер (Tavris, Offir, 1997) ввели даже специальный термин — *синдром домохозяйки* (*housewife syndrome*). Рост числа работающих женщин укрепляет распространенное в обществе представление, что те, кто остается дома, ведут праздную и беспечную жизнь, и это еще больше увеличивает неудовлетворенность домохозяек. Неслучайно у них более низкие самооценки, чем у работающих женщин (Shaver, Freedman, 1976). Утверждается, что сидящие дома женщины более склонны к депрессии (Gove, 1972; Aneshensel,1986). Анализ исследований, посвященных психическому здоровью работающих женщин, показал, что они более здоровы, чем домохозяйки (La Croix, Haynes, 1987). Другие авторы отмечают, однако, что польза работы для здоровья более очевидна, когда женщина не замужем и без детей или когда муж помогает по хозяйству, а также если она работает в доброжелательной обстановке (Repetti et al., 1989). Если женщины чувствуют, что их способности недооцениваются начальством, то они менее здоровы, чем женщины, выполняющие «достойную их» работу (Ickovics, 1989). Впрочем, было бы странно, если бы было наоборот. Кроме того, некоторые авторы полагают, что менее здоровые женщины просто не идут работать.

Считается, что работающая жена имеет ряд выгод, не только материальных, но и психологических. Первая из них — социальная поддержка, получаемая женщиной на работе. Она может обратиться к коллегам за советом, получить от них эмоциональную поддержку, найти в их лице друзей. Вторая — работа является источником повышения самоуважения и даже способом сохранения самообладания при возникновении дома конфликтов (Rodin, Iskovics, 1990). Третья — работа является «отдушиной» в случае неудачи при осуществлении одной из многих ролей, которые взрослый человек играет в своей жизни. Так, успешно работающая женщина может меньше расстраиваться, если в ее семье имеются какие-то неурядицы. Исследования показывают, что работающие женщины больше довольны своим домом и семейной жизнью, чем жены-домохозяйки (Burke, Weir, 1976; Walker, Wallston, 1985; Crosby, 1991). Имеются также данные, что работающие жены имеют больший авторитет в семье (Beckman, Houser, 1979; Crosby, 1982). Кроме того, сами они считают, что в их положении гораздо больше достоинств, чем недостатков (Baruch, Barnett, 1987). Казалось бы, вывод только один — женщинам нужно работать.

Однако на Западе относительно домохозяек имеются и другие мнения. Шихан (Shehan, 1984), например, пишет, что хотя неработающие жены и находят свои домашние обязанности скучными и изолирующими от общества, это не заставляет их страдать от психологического дискомфорта, поскольку роль домохозяйки оставляет достаточно времени для увлечений и общественной жизни в различных клубах и организациях. М. Ферри (Ferree, 1987) указывает, что домашний труд вознаграждает радостью от сделанного для любимых людей, удовлетворением от хорошо выполненной работы. Выявлена прямая зависимость между степенью

удовлетворенности женщины своей ролью дома и на работе и тем, какое значение она придает этой роли. Так, работающие женщины, которые считали, что их доход важен так же, как и доход мужа, имели большую удовлетворенность, чем работающие женщины, которые не были уверены, что их работа нужна.

Однако и на работающую женщину в обществе часто смотрят негативно, причем это характерно не только для многих мужчин, но и для значительной части женщин, что типично для России. В исследовании, проведенном Л. Ю. Бондаренко (1997), две трети мужчин и половина женщин согласились с «естественным женским предназначением», т. е. ролью домохозяйки; 51% мужчин и 37% женщин считают, что занятость последних на работе негативно влияет на воспитание детей; 40% мужчин и столько же женщин полагают, что между работой женщин и ростом преступности в обществе имеется прямая зависимость; 50% мужчин и 25% женщин осуждают женщину, работающую ради собственной карьеры.

Т. А. Гурко (1983), изучавшая факторы стабильности молодой семьи в крупном городе, пришла к выводу, что важным является согласованность мнений супругов о том, в какой степени жена должна посвятить себя профессиональной деятельности, а в какой — семейным обязанностям. От этого решения зависит стиль отношений — традиционный или современный и устойчивость семьи. Совпадение мнений в удачных браках было выявлено Т. А. Гурко в 74%, а в неудачных — лишь в 19%. Мужчины чаще отстаивают традиционные взгляды, особенно в неуспешных браках. Среди опрошенных в 1991 г. вступающих в первый брак молодоженов 53% невест и 61% женихов считали, что «главное место женщины — дома» (Т. А. Гурко, 1996).

Несмотря на то что в настоящее время у представителей западной культуры отношения мужчин и женщин в семье стали более равноправными, во многих случаях в худшем положении оказывается жена, особенно если она работает. Большому числу работающих и имеющих малолетних детей женщин (по данным Басковой М. Е. (1995), — около 30%) не удается достичь равновесия между семьей и профессиональной деятельностью. Эти женщины постоянно находятся в конфликтной ситуации, разрываясь между домом и работой. У работающих жен часто возникает особая разновидность психической напряженности, получившей название *синдрома деловой женщины*; этот синдром в большей степени он выражен у матерей-одиночек и выражается в чувстве вины.

Чувство вины работающих жен. В современном мире этот вопрос стал объектом пристального внимания. Вина является следствием внутриличностного конфликта, когда женщина стремится соответствовать ролям хранительницы семейного очага и хорошего профессионала. Так, по данным Э. Е. Новиковой с соавторами (1978), 90% опрошенных женщин оценивают свои семейные и профессиональные роли как одинаково значимые, что предъявляет к женщине противоречивые требования, и часто ей просто не хватает физических и психических ресурсов. Понимая это, женщина начинает испытывать вину перед детьми, мужем, начальством (Виткин Дж., 1996; Berg B., 1986; Barling J., 1990), что, в свою очередь, может вылиться в психосоматические симптомы.

Чувство вины перед детьми (очевидно, особенно остро переживаемое, когда женщина после рождения ребенка возвращается на работу и как бы покидает его) продуцирует определенные паттерны поведения, в частности — сверхкомпенса-

ционное поведение, которое Л. Хоффманом было названо «подавляющей любовью». Сверхкомпенсация принимает разные формы. В одном случае мать, придя вечером с работы, пытается компенсировать ребенку весь день своего отсутствия плотным общением и заботой, выполнением всех его желаний. Вечером большинство детей после такой материнской опеки становятся психически «издерганными». Другая форма сверхкомпенсации — покупка ребенку большого количества игрушек, особенно если мать была в разлуке с ребенком (командировка, поздняя работа). Б. Берг называет такое поведение «поведением для себя», так как игрушки нужны не столько ребенку, сколько матери, пытающейся загладить свою вину. Все это приводит в конечном итоге к неправильному воспитанию ребенка, к развитию у него несамостоятельности, тревожности и другим личностным искажениям.

> Сейчас дети попали под жернова самой страшной болезни – женского тщеславия, которое проявляется в том, что женщины бегут на работу потому, что там легче, чем дома, – только бумаги разложишь, а уже кофе, чай.
>
> Раш К. // Правда. 1989. 22 февр.

Считается, что переживание вины делает женщину как мать менее эффективной. Ребенок, поняв, что мать испытывает перед ним вину, начнет манипулировать ею, специально вызывать у матери это эмоциональное переживание. Это, в свою очередь, может вызвать у матери гнев и даже ненависть к ребенку. К Борман с соавторами (Borman et al., 1984) утверждают, что когда женщина винит себя эа то, что она недостаточно хорошо справляется со своими материнскими обязанностями, ее общение с ребенком очень часто сопровождается многочисленными вспышками «беспричинного» гнева.

В отношениях с супругом чувство вины у работающей женщины может проявляться в отказе от помощи мужа в домашних делах. Женщина не просит мужа о помощи, чтобы «не разочаровать» его в своих способностях хозяйки дома. По данным Ю. Е. Алешиной и Е. В. Лекторской (1989), вина у жены выражена тем меньше, чем лучше относится муж к профессиональной деятельности жены и чем более супруги удовлетворены своим браком. Таким образом, ролевой конфликт женщин снимается за счет «дома».

Удовлетворенность работой тоже способствует снижению чувства вины. Поэтому важными факторами снятия синдрома деловой женщины являются морально-психологический климат, в котором женщине приходится жить и работать, а также наличие поддержки и помощи со стороны друзей (McBride, 1990).

15.10. Планирование численности семьи мужем и женой

Важным вопросом совместной жизни супругов является планирование численности семьи, связанное с рождением детей.

Вопрос о том, кто больше хочет иметь детей — мужчины или женщины, — изучен плохо. По данным литовских социологов, мужья, прожившие в браке 13 лет, хотят иметь детей сильнее, чем жены. В то же время некоторые юноши считают, что в семье можно обойтись без детей (девушек с таким мнением практически нет). На практике же встречается не так мало молодых семей, которые не хотят заводить детей.

Мотивы, по которым муж и жена не хотят иметь ребенка, могут быть разными (Голод С. И., 1984). Мужчины ссылаются на материальные затруднения, женщины — на необходимость удовлетворения других личных интересов («хочется пожить для себя»). Причем у большинства этих женщин не сложились отношения с мужем, а отсюда — реализация потребности в ребенке чревата для них долговременными негативными последствиями (воспитание ребенка без отца). На Западе сейчас бытует точка зрения, что дети мешают самореализации супругов в различных сферах деятельности.

Решение о прерывании беременности в 55% случаев принимается самой женщиной и только в 37% случаев — вместе с мужем; 15,5% сельских жительниц и 17,9% городских считают аборт приемлемым методом регуляции рождаемости. Мужчины высказываются за аборт в 2 раза чаще — 33% (Гавриловен Л. В., 1997).

Отношение к рождению сына или дочери во многом зависит не только от желаний родителей, но и от культурных традиций в том или ином обществе. В Индии, например, особенно радуются появлению сына — продолжателю рода; это помощник отца и опора родителей в старости. Появление дочери в индийской семье воспринимается как финансовый пассив, поскольку за нее при ее замужестве придется давать приданое (Le Vine, 1989).

А. В. Ломакина (2007) показала различия мужчин и женщин в психологической готовности к родительству и в отношении к ребенку в период его ожидания. У женщин эта готовность выше: желание иметь ребенка выражено в 2 раза больше, они чаще читают литературу о воспитании детей. В период ожидания ребенка в системе отношений женщин ребенок является наиболее значимым, в то время как для мужчин важна собственная личность и реализация собственных целей. При этом и отношение жены к мужу в период ожидания ребенка лучше, чем отношение мужа к жене.

После рождения у отцов более значимым является уже ребенок, а не собственная личность. Семья становится более важной, чем до рождения ребенка.

Появление на свет первого ребенка может существенно изменить позиции супругов по отношению друг к другу. У женщин появляются тревога и раздражение по поводу того, что им придется делить свое время и энергию между мужем и ребенком. Возникают сомнения в возможности продолжать свою карьеру. У мужчин психические изменения кажутся не столь значительными, однако это не всегда так. Отцы тоже испытывают беспокойство по поводу предстоящего изменения своего образа жизни и взаимоотношений с женой. Некоторые отцы чувствуют себя лишними и опасаются, что ребенок займет их место в сердце жены. Они испытывают чувство ответственности, которая кажется им непомерной, беспокоятся, смогут ли они прокормить увеличившуюся семью, стать хорошими отцами (Osofsky J., Osofsky H., 1984; Ditzion J., Wolf P., 1978).

Сейчас, при отсутствии физиологической необходимости или моральной обязанности, детей заводят тогда, когда хотят. Теперь это зависит от обстоятельств и становится делом добровольным; здесь больше нет места «воле» природы.

В наши дни женщину уже не считают только матерью. Впервые в истории женщины получили право искать самовыражение вне сферы продолжения рода. Возможно, одна из причин этого – увеличение продолжительности жизни женщин. Активное материнство занимает в среднем не более 15 лет и представляет собой всего лишь один из этапов жизни.

...Последние 10–15 лет женщины постоянно призывают своих спутников жизни приобщиться к радостям и обязанностям «материнства», вследствие чего у мужчин начинают, в свою очередь, обнаруживаться качества, которые было принято считать чисто женскими: нежность, привязанность и забота по отношению к малышам. Молодые отцы, занимающиеся воспитанием новорожденных, быстро находят с ними «общий язык», проявляя заботу о своем ребенке и испытывая к нему те же чувства, что и женщина, которой все это, как считалось, «предначертано природой».

Действительно, за очень короткий отрезок времени наметилось сближение специфических характеристик отцовства и материнства. Любовь перестает быть прерогативой матери, а отец уже не является единственным воплощением авторитета, закона и внешнего мира. Все это относится в равной мере к обоим полам, и распределение ролей скорее зависит от личного темперамента, чем от принадлежности к тому или иному полу.

А коль скоро женщины перестали считать материнство своей основной функцией, они не желают считать себя и женами. В их жизни периоды одиночества и брака чередуются, в результате стремление к взаимодополнению уступает место самостоятельности, и женщины, подобно мужчинам, начинают мыслить себя полноправными личностями, независимыми от человека, с которым они связали свою жизнь. И хотя мужчины и женщины по-прежнему стремятся к совместной жизни, такие взаимоотношения все чаще уступают место периодам одиночества.

Многие мужчины оказываются в тупике: старая модель больше женщин не устраивает, а новая пугает мужчин, в результате чего они бегут от женщин и семейных обязанностей.

Элизабет Бадинтер (Курьер ЮНЕСКО. 1986. Апрель)

В восприятии сплоченности семьи между мужчинами и женщинами имеются некоторые различия. По данным А. В. Рыжковой (2008), семью как разобщенную систему[1] воспринимают чаще мужчины, чем женщины (соответственно 61% и 40%).

[1] Семья как разобщенная система характеризуется эмоциональной дистанцированностью ее членов друг от друга, отсутствием привязанности друг к другу, несогласованностью поведения, отсутствием общих интересов и друзей.

ГЛАВА 16

Гендерные особенности воспитания родителями детей

16.1. Полоролевые особенности ухода за ребенком

Усиление традиционной полоролевой дифференциации наблюдается после рождения первого ребенка. Уход за ним и забота ложатся на мать; кроме того, она начинает отвечать за все, что происходит в доме, а потребность в профессиональной деятельности отходит на второй план; муж же больше ориентирован на события, происходящие вне семьи, его роль более инструментальна (Алешина Ю. Е., 1985; Дементьева И. Ф., 1991).

А. П. Макарова (2001) сравнила ролевые установки молодых супругов, имеющих и не имеющих детей. У супругов, стаж совместной жизни которых не превышает года, ролевые установки совпадают больше, а удовлетворенность браком наиболее высокая. Ролевые установки в семьях с детьми у супругов часто не совпадают, а ролевые ожидания жен в отношении мужей не оправдываются. В семьях с детьми преобладают традиционные ролевые установки (в основном в позициях женщин, которые уделяют больше внимания сфере хозяйства и быта, воспитания детей, эмоционально-моральной поддержки семейного климата). В семьях, не имеющих детей, полоролевая дифференциация выражена гораздо слабее, отношения между супругами носят эгалитарный характер.

В группе семей со стажем общей жизни 5–6 лет мужчины больше внимания уделяют профессиональной деятельности, меньше всего возлагают на себя обязанности в воспитании детей.

В большинстве стран отпуск по уходу за маленьким ребенком предоставляется женщинам. Это создает для них ряд трудностей при приеме на работу. Чтобы избежать этого и придать мужчинам равные юридические права по уходу за детьми, законодательно разрешено такой отпуск брать и мужчине, однако они неохотно идут на это, поскольку семья теряет в доходах (оплата труда мужчины во многих странах выше, чем женщины), и в целом администрация и коллеги отрицательно смотрят на это. Чтобы стимулировать мужчин на уход за малолетними детьми, в Швеции был принят проект, по которому годовой оплачиваемый отпуск может взять любой из родителей, однако если его возьмут мать и отец по очереди, им будет выплачена повышенная компенсация.

Матери, в отличие от отцов, очень беспокоятся по поводу аппетита ребенка. У них ярко выражено доминантное стремление накормить дитя, причем это касается не только кормления грудью, что вообще-то объяснимо, но продолжается и после отнятия ребенка от груди; плохой аппетит является источником многочисленных огорчений матери, и ее настроение подчас находится в прямой зависимости от количества съеденного ребенком. В то же время встретить отца, у которого испорчено настроение по поводу отсутствия у ребенка аппетита, довольно трудно.

16.2. Отцовство

Многие ученые отмечают важность роли отца для благополучного развития ребенка в системе «мать — отец — ребенок» еще в период беременности и сразу после нее (см., например, Бертин А., 1992). Будущему отцу важно установить контакт с ребенком, когда он еще находится в утробе матери. Общение отца с неродившимся ребенком возможно благодаря слуховой и тактильной стимуляции. Ф. Дольто (2003) пишет о том, что зародыш слышит только низкие звуки; вследствие этого он не воспринимает голос матери, особенно высокий, зато слышит голоса мужчин, окружающих мать. Многие матери отмечают, что реакции ребенка на отца (определенные толчки, шевеления) значительно отличаются от таковых на мать.

За последние годы понимание роли отца значительно расширилось (Крайг, 2000). Многие психологи отмечали важность и даже преимущество отцовского воспитания. И. Г. Овчинникова пишет о воспитании: «Дело это, конечно, мужское. То, что им стали заниматься по преимуществу женщины, – чистейшее недоразумение, следствие серьезных просчетов в воспитании подрастающих мужчин» (1981). Между тем в нашей стране еще не проводилось крупных научных исследований относительно отцовства. Р. А. Муксинов почти 20 лет назад писал: «За рубежом роль отца в семье начали активно изучать в конце 1960 – начале 1970-х гг. К сожалению, у нас в стране проблема отцовского вклада в воспитание детей до сих пор не стала объектом специального и всестороннего исследования» (1988). На данный момент в журнале «Вопросы психологии» за последние 10 лет и в «Психологическом журнале» за последние 5 лет не удалось найти ни одной публикации по этой теме.

Ковальчук А. С., 2007, с. 73.

Однако, по данным некоторых зарубежных авторов, отцы почти не взаимодействуют с ребенком не только в период беременности матери, но и на протяжении первого года их жизни. Поэтому, по данным О. С. Баранник (1999), у отцов эмоциональная близость с детьми низкая. И. С. Кон (1988) пишет по этому поводу, что «сравнительная холодность и наличие социальной дистанции во взаимоотношениях ребенка с отцом, часто рассматриваемые как свидетельство снижения отцовского авторитета, являются скорее пережитками нравов традиционной патриархальной семьи, в которой к отцу не смели приблизиться и сам он был обязан держаться на высоте» (с. 234). Традиционно мужская роль отрицательно влияет на отцовство и не только на частоту общения с детьми, но и на плотность этого общения. Проявление нежности, ласки, заботы о ребенке многим отцам дается

с трудом в силу гендерного стереотипа, ограничивающего их экспрессивность. Между тем, как показали исследования, младенцы, чьи отцы активно участвовали в воспитании, показали более высокие оценки по тестам моторного и умственного развития (Крайг Г., 2002).

Согласно другим данным, отцы стали уделять больше внимания младенцам (Pleck, 1985; Ricks, 1985). Они способны обеспечить полный уход за ребенком: умеют его купать, пеленать, кормить, качать (Parke, 1981), и младенцы могут привязаться к отцам не меньше, чем к матерям. У отцов, проявляющих много заботы о младенцах, устанавливаются с ними прочные отношения привязанности, а детям это приносит большую пользу (Ricks, 1985). Но, несмотря на все возможности, отцы нечасто берут на себя основную ответственность в уходе за ребенком, а потому их отношения часто отличаются от материнских. В том случае, если отец все же берет на себя основную заботу о ребенке, он склонен вести себя так, как это делает мать (Field, 1978).

Вообще же, как показала А. С. Ковальчук (2007), юноши прогнозируют тот или иной стиль родительского поведения в своем будущем отцовстве, ориентируясь на стиль поведения собственного отца.

Мужчины видят в качестве барьеров на пути к успешному родительству негативные стереотипы и мифы, укоренившиеся в общественном сознании, недостаточное понимание и уважение к потребностям отцовства. По их словам, потребности отцов и матерей различны. А между тем специальных исследований, направленных на изучение потребностей отцов, крайне мало. Среди мужчин популярна идея защиты прав отцов вообще и одиноких отцов в особенности (Кон И. С., 2001).

Активное обсуждение проблемы отцовства имеет место преимущественно на Западе, где мужчины объединяются в организации. Многочисленные союзы и коалиции, такие как «Папы после развода», «Национальная инициатива отцовства», «Мужские права», «Коалиция для свободных мужчин», призваны защищать права мужчин. Так, движение «Верных слову» (США) защищает семейные ценности, призывает мужчин быть заботливыми отцами.

Россия также делает свои первые шаги в этом направлении. Так, на Алтае создан краевой кризисный центр для мужчин. По мнению организаторов, официальное признание отцовства является самой важной функцией каждого мужчины и повышает престиж участия отца в воспитании детей, возвращает мужчину в семью, оздоравливает супружеские и родительские отношения.

Архиреева Т. В. с соавторами, 2004, с. 41.

Г. Рассел (Russel G., 1978) выявил, что более активно и постоянно занимаются своими детьми андрогинные отцы. В связи с этим В. Х. Манеров (2001) справедливо ставит вопрос о воспитании отцов и о подготовке мужчин к отцовству.

Традиционно роли мужа и отца были неизменны для многих поколений. В последние же десятилетия возникла некоторая путаница. Современный мужчина сталкивается с многочисленным смещением понятий. От него требуют, чтобы он был и сильным, и мягким одновременно. Он должен много работать. Но при этом еще и мириться с работой жены. Помимо всего того, что

традиционно должен делать и уметь мужчина, в наше время предполагается, что он при этом должен также уметь поменять подгузники, накормить ребенка и многое другое. Для многих мужчин не совсем понятно, в чем же заключается их роль мужа и отца, и им непросто играть прежнюю роль кормильца семьи, выполняя еще и материнские обязанности... Несмотря на то, что все-таки большинство мужчин, особенно в нашей стране, все еще живет по принципу трех «Т» (тапочки – тахта – телевизор), справедливости ради надо признать наличие позитивных сдвигов в этой проблеме.

Манеров В. X., 2001, с. 340.

Матери чаще всего заботятся о детях, кормят их, воспитывают, утешают и т. д. Отцы проводят основную часть времени в играх с детьми. Хотя отцы тоже участвуют в воспитании детей (95% отцов сообщают, что они каждый день выполняют те или иные обязанности по воспитанию детей), все же они делают меньше, чем матери (Maume, Mullin, 1993; National Survey of Familes and Households, 1988). В другом исследовании отмечалось, что 30% отцов, чьи жены работали, тратили три часа в день или больше на уход за ребенком, в то время как это же количество времени на уход и воспитание детей тратили 74% работающих замужних женщин. Кроме того, отцы, как правило, проводили больше времени с сыновьями, чем с дочерьми (Ishii-Kintz, 1994; Marsiglio, 1991).

...Необходимость воспитывать детей по-прежнему оказывает намного более сильное влияние на успехи и развитие карьеры женщин, чем на карьеры мужчин. Женщины – даже подростки и молодые девушки – предполагают, что почти невозможно совмещать карьеру и семейную жизнь и этот подвиг под силу только «суперженщинам» (Betz, 1993; Farmer et al., 1999). Поэтому не удивительно, что результат таких распространенных представлений – низкий уровень вступления в брак среди женщин-профессионалов, а кроме того, возросшее число бездетных пар, в которых муж и жена – квалифицированные работники (Betz, 1993).

Палуди М., 2003, с. 152.

Существуют определенные социальные и психологические причины, по которым отцы обычно не становятся равными партнерами в уходе за младенцем, и прежде всего, — отсутствие у них знаний и навыков ухода за ребенком. В ряде стран разработаны программы для обучения отцов, и, по некоторым данным, это привело к увеличению их участия в воспитании детей (Parke R., 1981). Однако в отношении ухода за младенцами успехи после прохождения отцами курсов были не столь очевидными. В одном исследовании велось наблюдение за матерями и отцами, посещавшими курсы молодых родителей, на которых, по крайней мере сначала, отцы вели себя очень активно, и ожидалось, что они разделят заботы по уходу за ребенком с матерями. На практике же все оказалось иначе. Вскоре после рождения ребенка обе стороны — и матери и отцы — оценили отцовские навыки ухода за младенцем значительно ниже материнских. После этого отцам была отведена вспомогательная роль. Мать обычно брала на себя основную ответственность по уходу за ребенком (Grossman et al., 1988). Второстепенную роль отцов связывают с представлениями отцов о своей некомпетентности в уходе за ребенком (Entwisle, Doering, 1988).

На Западе обществом по-разному оценивается участие отца или матери в уходе за детьми и в их воспитании. Если работающий мужчина участвует в этих про-

цессах, это добавляет ему положительного отношения (он не только компетентный, но и добрый и заботливый); а если женщина работает и воспитывает детей, то это ничего ей не добавляет, наоборот, выполнение двойной роли может уменьшить оценку ее профессиональной компетентности (Cuddy et al., 2004).

Ландберг и Роуз (Lundberg, Rouz, 2002) показали, что отцы кажутся более обеспокоенными обеспечением сыновей, чем дочерей. Они работают дольше и ищут способы заработать больше денег после рождения мальчика, чем после рождения девочки.

За последние десятилетия в американском обществе произошли существенные сдвиги в выполнении отцами домашних работ. Если в 1965 г. они тратили на них в среднем 4,4 часа в неделю, то в 2000 г. – 9,7 часа. В 2,5 раза отцы стали больше тратить времени на заботу о детях: с 2,6 до 6,5 часа (Bianchi et al., 2006).

16.3. Особенности воспитания в семье

Особенности воспитания в семье детей разного пола обусловлены, среди многих причин, и тем, что у детей на определенном возрастном этапе их развития возникает ревность: у мальчиков – к отцу, а у девочек – к матери. В первом случае говорят об *эдиповом комплексе* (по имени мифического царя Эдипа, в неведении женившегося на своей матери и убившего своего отца), во втором – о *комплексе Электры* (по имени мифической царевны, которая, в отместку за убийство отца, участвовала в убийстве матери, виновной в его гибели).

Эдипов комплекс проявляется в сексуальном влечении к матери и в ревности к отцу, которого мальчик начинает рассматривать как соперника в борьбе за мать, несмотря на имеющиеся к нему нежные чувства. Комплекс Электры проявляется в сексуальном влечении к отцу и ревности к матери, которая рассматривается как соперница. Наличие этих комплексов может влиять на последующее отношение к лицам противоположного пола даже во взрослом периоде.

Электра – дочь царя Агамемнона – прославилась в веках тем, что очень любила своего родителя. Когда отца убили, целью ее жизни стала месть. Покарать убийц вполне удалось. После исполнения замысла Электра благополучно вышла замуж, и дальше все было хорошо.

У женщин, страдающих комплексом Электры, финал может быть не так удачен. Из четырех ролей, которые попеременно играют женщины – дочь, жена, мать, бабушка, – «Электры» пожизненно фиксируются на роли дочери. Их будущая неуспешность во взаимоотношениях с противоположным полом закладывается еще в детстве. Причем изначально повышенная любовь к отцу не только не вызывает опасений, а всецело поощряется обоими родителями.

Кому не знакомы подобные девочки? Они так мило льнут к папе, они с ранних лет прекрасно выговаривают место его работы и должность. А папы – добрые, ласковые, справедливые и мудрые. Они покровительствуют и защищают, с легкостью решая все проблемы. Кроме того, папы привлекательны чисто внешне, в них есть мужественность и сила, которые девочкам бесспорно нравятся. Мамы же у девушек, подверженных комплексу Электры, – существа слабые, эмоциональные или, напротив, властные и стервозные. Они несовершенны, и вызывают у дочерей смешанное чувство покорности и жалости.

...Проблемы начинаются тогда, когда девочка вырастает. В подростковом возрасте ее мучают противоречивые отношения с родителями: она начинает ревновать мать к отцу, оспаривать свое первенство. Отца идеализирует, при этом требуя к себе повышенного внимания. Далее – первый опыт общения с молодыми людьми, который, как правило, разочаровывает.

Ситуация сглаживается, когда девочка начинает получать профессию. Как правило, выбор ее определяется либо профессией отца, либо сферой его деятельности. Или просто папина дочка выбирает мужскую специальность. В отношениях с отцом наступает пора абсолютной духовной привязанности, интеллектуальной близости, полного взаимопонимания. Они хорошо знают вкусы друг друга, делают друг другу трогательные подарки. Папа с дочкой вместе выходят в общество, и наблюдать за ними – сплошное удовольствие. Общение со сверстниками полностью не исключается, но «Электра» к этому серьезно не относится. Она, в отличие от подружек, не может со всем пылом юности увлечься своими кавалерами. Все силы она отдает учебе или работе, поскольку хочет быть достойной своего отца.

Личная жизнь «Электры» обычно не складывается. Она безостановочно перебирает партнеров, находясь в вечном поиске человека, похожего на своего отца. Причем образ папы сильно приукрашен, что уменьшает шансы кандидатов на ее руку.

В общении с мужчинами девушка ждет, что они начнут проявлять такую же жертвенность и заботливость, как ее отец, будут так же бескорыстны. А мужчины, разумеется, вечно недотягивают и прокалываются.

Бывает, «Электра» выходит замуж – за человека значительно старше себя. То есть находит мужчину, способного заменить отца в супружестве. При таком развитии событий ее проблема переходит в иное русло. Совершенно ясно, что с отцом спать нельзя. Близость с мужчиной, похожим на папу, ни при каких обстоятельствах не может доставлять чувственного наслаждения. На подсознательном уровне «Электра» подавляет свою сексуальность.

В лучшем случае получается социальный брак, где между людьми хорошие и добрые отношения. Но с полным провалом в интимной сфере.

При этом в профессиональной сфере папины дочки обычно многого достигают. Им удается сочетать женскую находчивость и мужскую логику. Они ставят перед собой мужские цели и достигают их чисто женскими средствами.

Женщины с комплексом Электры легко узнаваемы. Они обычно хорошо образованы, их отличает несвойственная многим женщинам стройность суждений, в общении такие дамы открыты и милы, поскольку не ждут подвоха от представителей сильного пола. Но, к сожалению, знакомясь с мужчиной, они не умеют проявить своей заинтересованности, сразу переводят знакомство либо в деловое, либо в дружеское русло. «Электрам» часто недостает игривости, кокетливости, мягкости. Это от того, что, подсознательно ревнуя маму к отцу, они стараются не перенимать ее манеру поведения и даже вовсе на нее не походить.

Серова Е., 2001, с. 159–162.

Образ детей разного пола в сознании родителей. В. Л. Ситников (2001) выявил половые особенности в образе детей у отцов и матерей. Образы ребенка в сознании отцов больше соответствуют Я-образам детей, тогда как образы ребенка в сознании матерей больше соответствуют Я-образам матерей. Отцы более внимательны к тому, как дети воспринимают себя. Они, в отличие от большинства матерей, чаще принимают детей такими, какими они сами себя представляют, и меньше подвержены влиянию стереотипов в отношении детей. Правда, как замечает В. Л. Ситников, невозможно распространить полученные различия на всех отцов,

они в большинстве случаев ответов не дали. Так что есть вероятность специфичности данной выборки отцов, и вывод о лучшем понимании детей отцами касается только тех из них, кто хочет заниматься воспитанием своих детей, не боится показать этого и действует соответствующим образом. Однако это не отрицает выявленных различий между родителями разного пола, желающими заниматься воспитанием своих детей.

У матерей стабильно увеличивается позитивность восприятия своих детей. Однако у отцов в 2 раза меньше отрицательных характеристик детей, но при оценке старшеклассников количество положительных характеристик, даваемых отцами, резко падает, а количество отрицательных — увеличивается.

Отцы отличаются гораздо большей гендерной избирательностью. У них образы сыновей и дочерей достоверно отличаются друг от друга, в то время как у матерей таких различий нет. Прежде всего это касается телесно-физических характеристик, которых в образах дочерей у отцов существенно больше, чем в образах сыновей.

Для отцов характерна недооценка способностей своего ребенка. Они больше обращают внимание на его социальные достижения.

Дурные привычки отцов превращаются в пороки их сыновей.
В. Ключевский

Стили взаимодействия с детьми отцов и матерей. Различия в поведении матерей по отношению к детям разного пола наблюдаются уже с первых недель жизни. В течение первых месяцев матери чаще находятся в физическом контакте с сыновьями, однако с девочками они больше разговаривают. После шестого месяца в этих отношениях наступает изменение: у матерей увеличивается физический контакт с девочками. В последующем мальчиков отлучают от физического контакта раньше, чем девочек. Предполагается, что это способствует большей самостоятельности мальчиков (Greenblat C., 1980).

Девочки-младенцы в целом получают больше дистальной стимуляции (distal stimulation) (когда на них смотрят и разговаривают), а мальчики – проксимальной стимуляции (proximal stimulation) (их держат на руках и прикасаются к ним) (Bem, 1993). Беверли Фейгот (Fagot, 1988) предположила, что родители хотят, чтобы их дочери были аккуратными и порядочными, или «женственными», а сыновья – грубыми и несговорчивыми, или «мужественными». Опросы родителей также подтверждают, что от девочек хотят, чтобы они были словоохотливыми, уступчивыми, физически слабыми и аккуратными (Basow, 1986).

...Родители в поведении проявляли паттерны «спасения» девочек, они помогали и сопровождали девочек чаще, чем это было нужно. Желание родителей помогать девочкам вырабатывало у девочек ощущение сильной зависимости (Geer, Shields, 1996).

Палуди М., 2003, с. 121.

Опрос родителей, проведенный В. Д. Еремеевой и Т. П. Хризман (2001), показал, что мамы поощряют детей разного пола по-разному. Мальчиков мамы поощряют словом, а для девочек, кроме добрых слов, используют и другие виды поощ-

рения: делают маленькие подарки, устраивают неожиданные праздники, целуют, обнимают девочек, гладят их по головке. Авторы полагают, что именно мальчикам требуется теплое участие родителей, чтобы у них развивалась способность непосредственного проявления эмоций. Иначе у них не разовьются сопереживание, стремление оказывать содействие.

Чаще всего когнитивное и личностное развитие ребенка связывается с матерью, которая является для него первым значимым объектом (Cleveland, Reese, 2005; Peterson, Roberts, 2003; Conwell et al., 2002). Участие же отца в развитии ребенка зачастую недооценивается. Между тем, по мнению Й. Шторка (2001), отец занимает важную альтернативную позицию, и в случае его отсутствия ребенок лишается «символической функции отца, а поэтому вынужденно застревает в симбиотическом единстве с матерью» (с. 185). Шторк отмечает, что отец помогает ребенку избавиться от материнской зависимости, обеспечивая свободное личностное развитие, поддерживает в ребенке самобытность.

Стиль взаимодействия отцов с маленькими детьми отличается от стиля взаимодействия матерей. В то время как матери общаются с детьми прежде всего в процессе ухода за ними, отцы взаимодействуют в процессе игры (Parke R., 1981), часто проявляя больше физической силы, активности и стихийности в обращении с детьми. Матери вовлекают детей в нежные, спокойные, предсказуемые игры или же затевают традиционные игры, например «ладушки». Во время игры они чаще, чем отцы, называют предметы, цвета, действия. В процессе игры матери более сосредоточены на том, чтобы помочь ребенку вести игру так, как он сам хочет, а не выстраивать ход игры по своему желанию.

Отцы же склонны устраивать необычные, энергичные игры, которые детям особенно нравятся (Lamb M., Lamb J., 1976). Они предпочитают направлять ход игры в соответствии со своими представлениями. Игра между отцом и ребенком носит циклический характер, за вспышками возбуждения и проявления взаимного внимания следуют периоды минимальной активности. Когда ребенок подрастает, взаимодействие отца с ним усиливается. Отцы начинают еще чаще вовлекать детей в различные импровизированные игры, связанные с возней и неразберихой, больше общаются со своими малышами в общественных местах: парках отдыха, зоосаде, музеях (Lewis M.,1987).

Хотя игра с отцом не способствует формированию особых навыков, дети играют с ним с удовольствием и всегда хотят продолжения. Чем больше отцы играют с детьми, тем более важными в жизни детей они становятся, тем больше дети ценят их мнение, перенимают их взгляды и установки, т. е. отцы становятся моделью, на которую дети будут ориентироваться (White, Woollett, 2000). Несмотря на то что роли матери и отца в воспитании детей частично совпадают, отцы вносят особенный вклад в развитие своих детей. Так, отцы продолжают влиять на взаимоотношения детей со сверстниками уже после того, как матери перестают оказывать какое-либо влияние. Хотя отцы проводят со своими детьми меньше времени, именно общение с ними важно для когнитивного и социального развития ребенка (Parke, O'Neil, 2000).

Изучение Н. Е. Харламенковой (2007) роли отца в дифференциации гендерной идентичности дочерей и сыновей привело ее к следующим выводам: «Меха-

низмы воздействия отца на детей разного пола и возраста неодинаковы. В отношениях с девочками / девушками отец реализует стратегии разотождествления дочери с матерью и механизм поддержания фемининности. В коммуникации с мальчиком / юношей отцовское влияние обнаруживается в проекции на сына черт мужественности и в реструктурировании отношений сына с матерью. Диада «мать – сын» рассматривается отцом как адекватное психологическое пространство, в рамках которого возможно первоначальное накопление маскулинного опыта» (с. 63).

Тененбаум и Липер (Tenenbaum, Leaper, 2002) обнаружили тенденцию: родители налагают больше физических наказаний на мальчиков, чем на девочек, и стимулируют двигательную активность в сыновьях чаще, чем в дочерях.

Речевая коммуникация родителей с детьми. Дж. Глисон (Gltason,1975) выявила, что обращения к маленькому ребенку матери и отца могут существенно различаться. Отцы меньше, чем матери, склонны подстраивать свою речь под уровень понимания ребенка. В частности, отцы, по данным автора, употребляют менее знакомую ребенку лексику и более сложные грамматические построения (последнее, правда, не получило подтверждения в работе П. К. Кериг, 1990). Таким образом, отец играет роль «мостика» между узким семейным кругом и внешним миром, расширяя лингвистический и практический опыт ребенка. Матери, по данным Дж. Глиссон, а также Д. Рондал (Rondal, 1980) и П. К. Кериг (1990), больше приспосабливаются к уровню развития языка ребенка.

Во время игр мальчиков с родителями они получают больше команд и указаний, а также гневных реакций родителей, чем девочки (Russell, 2000). Девочки же получают больше разъяснений и рекомендаций. Отмечается, что девочки более отзывчивы и чувствительны к воздействию, с ними разговаривают намного чаще, чем с мальчиками (Hammer, 1976).

Матери дают значительно больше пояснений сыновьям, в то время как с дочерьми они просто ограничиваются высказыванием (Mills, Piotrowski, 2000).

Р. Мелоун и А. Гуи (Malone, Guy, 1982) показали, что речь отца, обращенная к трехлетнему сыну, характеризовалась более частым употреблением повелительного наклонения и вопросов, требующих ответов «да» или «нет», в то время как речь матери была менее директивной и более приспособленной к восприятию ребенка. Это было подтверждено и другими исследователями (Mize, Pettit).

В присутствии матери отцы, играя с ребенком, говорили меньше, в особенности обращаясь к сыновьям (Stoneman, Brody, 1981).

Организовывают внешкольную активность своих детей намного больше матери. Именно они, как правило, записывают детей в кружки, поощряют общение с другими детьми. Матери считают социальную активность более важной для развития ребенка, чем отцы (Parke, O'Neil, 2000). Исследования показывают, что для развития и социализации девочек особое значение имеют отношения в диаде «мать – дочь». По данным Н. Чодороу (Chodrow, 1978), эти отношения являются значимыми на протяжении всей жизни женщины. Когда женщинам предлагали нарисовать себя и свою мать, они выбирали для себя и для матери одни и те же или сходные символы. Наибольшую актуальность отношения «мать – дочь» приобретают в переходные периоды развития (Ticho, 1997).

Материнская занятость оказывает позитивное влияние на детей и подростков, в особенности на дочерей; они более уверены в себе, получают в школе более высокие оценки и с большей вероятностью выбирают нетрадиционную карьеру, в отличие от дочерей неработающих матерей (Caruso, 1996).

Палуди М., 2003, с. 153.

Воспитание детей родителями разного пола. В исследовании Т. А. Гурко (1997) показано, что матери занимаются воспитанием ребенка чаще, чем отцы; только 26% отцов занимаются с ребенком наравне с матерью. Поэтому дети хотят быть чаще с отцами, жалуются на частое отсутствие отца дома. И не случайно в литературе закрепился термин «невидимый родитель», что отражает степень участия отцов в воспитании детей.

Если отцы часто общаются со своими маленькими детьми, они превращаются для них в важную ролевую модель. У отцов, которые недосягаемы для маленьких детей, могут возникнуть трудности в налаживании с ними прочных эмоциональных связей в последующем. Есть вероятность того, что они будут негативно влиять на ребенка, когда тот станет старше (Ricks, 1985). Показано, например, что одинокие женщины (не вышедшие замуж) обнаруживают тесную корреляцию между отношением к отцу и к противоположному полу. Это может означать, что несложившиеся в детстве отношения дочери с отцом приводят к ее одиночеству во взрослой жизни вследствие имеющегося у нее отрицательного отношения к мужскому полу и сексу (Казанцева Г. Н., 2001).

Для мальчиков по сравнению с девочками, независимо от типа семьи, важнее отношение к отцу; для девочек – отношение к матери, что может быть обусловлено половой идентификацией. Отношения с матерью значимы для всех детей, независимо от типа семьи и пола детей, однако привязанность детей к матери выше у девочек в однодетных семьях. Отношения с отцом не играют столь значимой роли в детско-родительских взаимоотношениях, как отношения с матерью; но дети испытывают потребность в этих отношениях, а отдают приоритет отцу мальчики из многодетных семей. Потребность в общении со сверстниками удовлетворяется детьми из многодетных семей, особенно девочками, за счет взаимодействия с сиблингами; из однодетных семей – с другом, и в большей степени мальчиками. Девочки более ориентируются на общение с членами семьи, а мальчики – на общение с другими детьми за ее пределами.

Баландина Л. Л., 2008, с. 695.

Уже у младенцев наблюдаются различия в эмоциональных отношениях «мать – ребенок». Вейнберг (Weinberg M. K., 1999) с соавторами, изучая шестимесячных детей, выявили, что мальчикам труднее поддерживать длительный эмоциональный контакт с матерью; при этом в поведении мальчиков преобладают формы активности, не имеющие отношения к эмоциональному контакту с ней; активность же новорожденных девочек направленна в основном на поддержание эмоционального контакта с матерью.

А. В. Рыжкова (2009) выявила, что положительный образ своего ребенка-дошкольника имеется в 2 раза чаще у матерей, чем у отцов. Чем успешнее мужчина на работе, тем позитивнее его «образ ребенка».

Различия в психологических особенностях мальчиков и девочек накладывают отпечаток на процесс их воспитания: мальчиков воспитывать труднее.

По данным Н. С. Курек (1997), отношения между матерью и дочерью в подростковом возрасте более эмоциогенные и конфликтные, чем между матерью и сыном. С другой стороны, О. С. Сермягина (1999) отмечает большую эмоциональную насыщенность отношений подростков с матерью по сравнению с отцом, что опять-таки более характерно для девочек.

Н. С. Лузик (2005) выявила динамику стилей взаимодействия в отношениях между матерью и дочерью-подростком: от соперничающего стиля в средний подростковый период они переходят к компромиссному стилю в старшем подростковом возрасте.

Несмотря на то что, по мнению большинства авторов, у детей обоего пола первичной идентификацией является идентификация с матерью, также имеются следующие данные: уже в течение первых двух лет жизни у мальчиков развивается устойчивая привязанность к отцу в случае, если отец заботится о сыне (Biller, 1971). Мальчики и девочки, чьи отцы вовлечены в процесс воспитания, более эмоционально стабильны, менее агрессивны, лучше учатся, у таких детей наблюдается более высокая самооценка и позитивный взгляд на жизнь, реже развивается депрессия (Сененко С., 2002).

Установлено, что каждый из родителей в своих отношениях с детьми больше склонен считаться с личностью ребенка своего пола и позицией ребенка другого пола. Следовательно, развитие у ребенка полоролевых стереотипов больше связано с социализирующим влиянием родителя противоположного пола (Bearison, 1979). В семьях, где отсутствует отец, черты, свойственные мужской роли, возникают у мальчиков медленнее (Коломинский Я. Л., Мелтсас М. Х., 1985).

Отсутствие отца вследствие расторжения брака больше стимулирует у мальчика типичное для пола поведение, чем смерть отца (Сэнтрок, 1977).Отдаление отцов от детей часто происходит в результате повторного брака кого-либо из родителей, причем в большей степени, когда в брак вступает только мать. В случае женитьбы только отца разрыв контактов происходит значительно реже (Прокофьева Л. М., Валетас М. Ф., 2002).

Кроме того, отсутствие отца влияет на полоролевую ориентацию в возрасте до 4 лет сильнее, чем отсутствие отца в более старшем возрасте. Чем позже отец покинул семью, тем больше выражено типичное для пола поведение мальчика (Коломинский Я. Л., Мелтсас М. Х., 1985). Однако, по данным других авторов, в качестве сензитивного периода, когда отсутствие отца переживается наиболее болезненно, можно отметить подростковый возраст. Именно подростки чаще просят совета у отцов при выборе учебного заведения, интересуются их мнением при выборе вида спорта или когда не складываются отношения со сверстниками (Прокофьева Л. М., Валетас М. Ф., 2002).

Девочки в большей степени, чем мальчики, склонны к различным формам делинквентного поведения при нарушении взаимоотношений с отцом (Gabhainn, 2000).

Цикунова Н. С., 2004, с. 364–366.

Мысли мальчиков зачастую далеки от того, чем они должны заниматься. К примеру, если от девочек с их прилежанием, аккуратностью, добросовестностью, исполнительностью достаточно потребовать, чтобы они сделали уроки или что-то по дому, то мальчиков приходится заставлять делать то же самое. Теплота и близость

родителей с детьми приводит к высокому уровню виктимизации только у мальчиков (Parke R. D., O'Neil R., 2000).

Меньшее внимание мальчиков к себе и к повседневным занятиям приводит к тому, что их труднее приучить держать в порядке свое рабочее место, не разбрасывать одежду и т. п. В отличие от девочек, мальчиков трудно уговорить что-то надеть, если это что-то не соответствует их представлениям о том, как должен одеваться мальчик. Грязная и порванная одежда их трогает гораздо меньше, чем девочек.

Высокий уровень доброжелательности родителей к своим детям приводит к лучшим успехам в школе девочек по сравнению с мальчиками (Pettit et al., 2000). Родителям значительно труднее заставить как следует учиться сыновей, чем дочерей. Связано это с меньшей организованностью и ответственностью первых (особенно в младших классах), с их малой мотивированностью на учебу и на отметки, с большей их недисциплинированностью. У девочек же причинами низкой успеваемости во всех классах, как отмечает Ю. К. Бабанский (1977), в большинстве случаев является слабое здоровье, т. е. объективная причина.

> Вот здесь меня упрекнули, что я плохо воспитываю мою девочку и она своими манерами дурно влияет на одноклассниц. Но у меня самой, когда я была школьницей, манеры были не лучше. Однако они не помешали мне стать женой крупного ответственного работника.
>
> Из выступления на родительском собрании

По данным А. В. Филь (2001), родители строже относятся к сыновьям, чем к дочерям. Последних они ограждают от возможных трудностей, больше утешают, когда девочки огорчены, чаще их одобряют, чем мальчиков. Так, несмотря на то что девочки 2 лет в 3 раза чаще просят помощи, родители более положительно относятся к их просьбам, чем к просьбам мальчиков (Fagot, 1978).

Отцы предпочитают физические наказания, а матери – непрямые или психологические воздействия как на сыновей, так и на дочерей (Margolin, Patterson, 1975). Мальчиков чаще подвергают физическим наказаниям, чем девочек. На авторитарный стиль воспитания мальчики-подростки реагируют агрессивностью и непослушанием, а девочки чаще остаются пассивными и зависимыми (Kagan, Moss, 1962). Большую требовательность родителей к сыновьям и вследствие этого большую дистанцированность сыновей от родителей выявили Ю. Е. Алешина и А. С. Волович (1991).

Правда, по данным западных авторов матери более снисходительны и терпимы к сыновьям и разрешают им больше проявлять агрессию, чем девочкам (Lewis, Rosenblum, 1975). Возможно, это связано с тем, что в русских семьях воспитание более авторитарно, чем в западных, где оно более либерально. А возможно, это относится только к проявлению мальчиками агрессивности как «мужского» качества.

Сравнительный анализ полученных данных показал, что матери мальчиков достоверно чаще, чем матери, имеющие детей обоего пола, имеют установку на равноправные и товарищеские отношения, а также больше готовы поощрять активность ребенка. Они считают, что с ребенком нужно обращаться как с равным, поскольку нет никаких оснований, чтобы у родителей было больше прав, чем у детей. Родители должны приспосабливаться к нуждам детей, а не устраивать жизнь в семье так, как удобно взрослым. Матери мальчиков имеют большую готовность к сотрудниче-

ству с ребенком и проявлению интереса к его делам. Они также считают, что важно научить ребенка дорожить временем и прилагать усилия для достижения поставленных целей. Такой тип поведения по отношению к ребенку способствует формированию активной, деятельной, самостоятельной, уверенной в себе личности.

Женщины, имеющие только дочерей, достоверно чаще, чем матери, имеющие сыновей, и матери, имеющие детей обоего пола, имеют более высокие значения по шкалам «жертвенность», «подавление агрессии», «власть матери». Такое поведение характеризуется установкой женщин на доминирование матери, готовность брать инициативу в ведении семейных дел на себя. Женщины считают, что именно матери должны планировать жизнь семьи и нести ответственность за происходящее, не обращаясь ни к кому за помощью. Одновременно с этим наблюдается готовность отказываться от многого ради детей, жертвуя «почти всем», сопровождаемая ожиданием благодарности за свои поступки и разочарованием в малости этой благодарности по сравнению с совершенной матерью жертвой. Также матери девочек чаще подавляют агрессию дочерей, желая видеть их более спокойными, чем они есть.

Необходимость объяснения особенностей родительских установок у женщин, имеющих только дочерей, требует дальнейших исследований. Возможно, именно взаимодействие с подрастающей дочерью без опыта взаимодействия с сыновьями предъявляет более высокие требования к собственной половой идентификации.

Нужно отметить, что шкалы, связанные с раздражительностью по отношению к ребенку, ощущением мучительности родительских обязанностей, желанием избегать общения с ребенком, не показали значимых различий в зависимости от пола детей. Полученные нами данные показывают, что пол детей оказывает значительное влияние на родительские установки у женщин, и, возможно, приводит к формированию различных психологических особенностей у девочек и у мальчиков.

Жуковская Л. В., 2008, с. 433–434.

Как показала О. С. Баранник (1999), больше контролируют дочерей матери, а сыновей — отцы. Отцы проявляют вдвое большую активность во взаимодействии с сыновьями, чем с дочерьми. И неслучайно Ф. Парсонс (Parsons, 1955) видит роль отца в том, что он помогает сыну преодолеть зависимость от матери, возникшую в раннем детстве.

В семьях, где нет отца, мужские черты возникали у мальчиков медленнее; они были менее агрессивными и более зависимыми, особенно сильно это сказывается на детях до 4 лет (Biller, 1971).

Выявлено (Чиркова О. Б., 2000), что отец играет более важную роль в формировании ответственности у ребенка, чем мать. Происходит это, очевидно, потому, что отцы, придающие большое значение самостоятельности, предоставляют подросткам возможность отвечать за свои действия, с большим уважением, чем матери, относятся к стремлению подростков к независимости. Вследствие этого у подростков меньше конфликтов с отцами (Grotevant, Cooper, 1985). Интересен, однако, тот факт, что для подростков с высоким уровнем ответственности более значимы их отношения с матерью, а для подростков с низким уровнем ответственности — отношения с отцом.

В то же время матери оказывают существенное влияние на формирование у дочерей мотива достижения: дочерей работающих женщин отличает, как правило, более высокий мотив достижения и большее стремление сделать карьеру, чем

дочерей, чьи матери не работают вне дома (Hofmann, 1989). Кроме того, при определении своего профессионального пути (выборе вуза) дети чаще советуются с матерью, чем с отцом: соответственно в 40 и 23,7% (Светлакова В. П., Токмакова М. А., 2001).

Разнонаправленное воспитание детей отцом и матерью проявляется в том, что отец учит ребенка тому, «что», а мать — тому, «как», отец учит ребенка «быть кем-то», а мать — «кем-то для кого-то» (Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1979).

К. Кларк-Стюарт (Clarke-Stewart, 1978) обнаружила, что влияние матери на ребенка носит обычно непосредственный характер, тогда как отец зачастую влияет на малыша опосредованно, через мать.

Влияние отца и матери на выбор профессии детьми разного пола. На выбор сыновьями и дочерьми творческих и технических профессий чаще оказывает влияние отец, а на выбор гуманитарных профессий — мать.

16.4. Отношение детей к семье, матери и отцу

Выявлены половые различия в восприятии семьи детьми дошкольного возраста. Девочки в 2 раза чаще воспринимают семейную ситуацию как благоприятную (соответственно в 55 и 26% случаев). Мальчики чаще видят семью как конфликтную и враждебную, у них же чаще отмечено наличие чувства неполноценности в семейной ситуации (Рыжкова А. В., 2009). Наиболее эмоционально близкой для детей-дошкольников является мать, особенно для девочек. Отец в 47% случаев воспринимался ребенком негативно.

Отец в глазах детей — сильный, смелый, уверенный, решительный, выносливый, активный и ответственный человек. Мать же в их представлении — заботливая, ласковая, нежная, ответственная, мягкая, активная женщина (Арканцева Т. А., Дубовская Е. М.,1999). У отца выше оцениваются воля, доминирование, деловая активность. Общительность у матери и отца оценивается одинаково (Каган В. Е., 1987).

К матери большинство дошкольников привязаны и зачастую хотят «владеть» ею единолично, чтобы она всегда была рядом. Дети воспринимают ее как внешне мягкую и добрую, а внутренне напряженную и готовую «выпустить коготки» в любой момент. К отцу, по данным О. С. Баранник (1999), у дошкольников отношение довольно противоречивое и колеблется от глубокой привязанности до отвержения. Дети испытывают страх по отношению к его вербальной и физической агрессии.

Такое же различие в отношении детей к отцу и матери сохраняется и в последующем. В. Е. Каган (1987) выявил, что эмоциональное отношение к матери в изученных им возрастных группах 13–14 лет и 16–17 лет независимо от пола детей выше, чем к отцу. Сходные данные приводят А. А. Реан и Я. Л. Коломинский (1999): общением с матерью удовлетворены 31,1% подростков, а общением с отцом — только 9,1%.

Опрос 6000 подростков из десяти разных стран выявил, что рассматривают свою мать как плохую 9% подростков, а своего отца как плохого 13% подростков (Offer et al., 1988).

Та же тенденция отмечена и в нашей стране. Так, отношение трудных детей к отцу хуже, чем к матери (Устименко С. Ф., 1984).

Влияние пола детей на восприятие родителей. Данные, имеющиеся в литературе по этому вопросу, противоречивы. Одни авторы отмечают, что девочки по сравнению с мальчиками воспринимают отцов более заботливыми и ласковыми, а мальчики воспринимают матерей, по сравнению с девочками, менее ласковыми.

Другие данные получили психологи Вроцлавского университета, которые изучали, как подростки (учащиеся VIII класса) воспринимают родительские позиции в семье, воспитательное воздействие матери и отца. Мальчики считают, что матери к ним более требовательны, чем к девочкам, но в то же время и больше их защищают. Девочки чаще испытывают чувство отчужденности со стороны отцов, мальчики — со стороны матерей. В проявлении положительных родительских чувств (любви, защиты, требовательности) высшую оценку получили матери. Это говорит о том, что в представлении 14–15-летних подростков ведущей фигурой в семье является мать. Возможно, эти расхождения связаны с разным возрастом опрошенных детей.

У мальчиков образы матери и отца отличны по степени выраженности маскулинных качеств (у отца они выражены больше), у девочек отличия наблюдаются в оценке фемининных качеств (у матери они выражены сильнее).

Л. И. Вассерман с соавторами (2004) приводят данные о восприятии детьми разного пола стилей воспитания, которые используются их родителями (табл. 16.1).

Таблица 16.1. Восприятие разнополыми детьми стилей родительского воспитания (баллы)

Стили воспитания	Мать глазами детей		Отец глазами детей	
	Сыновья	Дочери	Сыновья	Дочери
Позитивный интерес	2,92	2,87	2,88	2,60
Директивность	3,00	2,77	3,03	3,44
Враждебность	3,13	3,03	3,24	3,30
Автономность	2,44	2,72	2,70	2,51
Непоследовательность	3,18	3,50	3,49	3,60

Авторы отмечают, что сыновья по сравнению с дочерьми отмечают большую враждебность и директивность матерей и меньшую их непоследовательность и автономность. Отцы в глазах дочерей выглядят более директивными и непоследовательными, чем в глазах сыновей. Сыновья же по сравнению с дочерьми отмечают большее наличие у отцов позитивного интереса и автономности.

По мнению сыновей и дочерей, матери проявляют к ним более позитивный интерес, чем отцы. Отцы, по мнению дочерей, более директивны и враждебны, чем матери, а матери в большей степени, чем отцы, проявляют автономный стиль воспитания.

У девочек-подростков в качестве эталонов для подражания выступает только мать, у мальчиков несколько чаще эталоном является отец (Дементьева И., 1995) либо в одинаковой степени оба родителя (по данным Лозовой Г. В., Рыбаковой Н. А. 1998). По данным И. Дементьевой, более негативно относятся к обоим родителям мальчики, а по данным Г. В. Лозовой и Н. А. Рыбаковой — девочки.

На вопрос: хотели бы вы перенять опыт в семейных отношениях у своих родителей — только 17% юношей и 4% девушек ответили утвердительно. Не захотели перенимать этот опыт 35% юношей и 54% девушек. Согласились перенять частично 48% юношей и 42% девушек (Ляхович Н. В.).

Дочери более привязаны к семье и к дому, чем сыновья. Возможно, поэтому дочери значительно чаще, чем сыновья, ухаживают за своими старыми родителями (Brody et al., 1987; Gatz et al., 1990; Spitz, Logan, 1990).

ГЛАВА 17

Гендерные особенности кризисов в семье

17.1. Снижение удовлетворенности браком

Ю. Е. Алешина (1985) отмечает, что как отечественные, так и зарубежные исследования показывают, что после рождения ребенка удовлетворенность браком супругов начинает уменьшаться. Пока ребенок маленький, распределение ролей устраивает обоих супругов: жена выполняет сугубо женские дела и обязанности, связанные семьей и домом, а муж — мужские, связанные прежде всего с работой. Однако когда ребенку исполняется 3–4 года удовлетворенность браком снижается. Женщина после окончания отпуска по уходу за ребенком возвращается на работу, и на нее ложится двойная нагрузка. Передача части забот по уходу за ребенком и домашних дел мужу ограничивает его свободу, в том числе и в являющейся для него главной профессиональной деятельности, что вступает в противоречие со сложившимися в обществе стереотипами по распределению ролей в семье. Стремясь освободиться от давления жены, муж все больше погружается в состояние пассивности, жена же становится все более требовательной и директивной. Таким образом, позиции членов семьи вступают в противоречие с гендерными установками, они как бы меняются ролями: жена становится активной, а муж — пассивным.

В. Е. Семенов (1988), исследовавший, как складывалась личная жизнь представителей творческих профессий (писателей, поэтов, художников) XIX в. и более раннего времени, выявил, что браки двух представителей разных видов искусства, которые увлечены своим творчеством, не очень удачны. Более удачно складывалась семейная жизнь, в которой муж был лидером, а жена — его преданной помощницей, т. е. когда женщина жертвовала, как теперь принято говорить, своей самореализацией (хотя, может быть, помогать мужу творить и есть для таких женщин самореализация, как для других — воспитывать детей, образцово вести хозяйство? Ведь не может быть самореализации «вообще», она связана с конкретной направленностью человека, конкретными целями, которые он ставит перед собой).

Обнаружено, что неудовлетворенность браком и супружеские разногласия связаны с личностными особенностями мужа и жены, в частности с высоким уровнем психотизма у обоих супругов (Eysenck, Wakefield, 1981), с различиями в уровнях экстраверсии, нейротизма и лжи по опроснику Айзенка (Russell, Wells, 1991).

с высоким нейротизмом у обоих супругов и с низким уровнем контроля над импульсами у мужей (Kelly, Conley, 1987; Russell, Wells, 1994). В то же время Г. Айзенк и Г. Вильсон (Eysenck, Wilson, 1979) показали, что удовлетворенность браком бывает и тогда, когда различия между женой и мужем по нейротизму соответствуют средней разнице между женщинами и мужчинами.

Любить — это не значит смотреть друг на друга, любить — значит вместе смотреть в одном направлении.

А. де Сент-Экзюпери

Недовольство друг другом выливается у обоих супругов во взаимные и стандартные упреки, имеющие, однако, разное понимание: «Ты не умеешь вести хозяйство». — «А ты не в состоянии вбить в стену гвоздь». — «Ты не думаешь о семье, а только о нарядах». — «А ты не в состоянии обеспечить семью». — «Ты слишком много болтаешь с подружками». — «А ты полжизни проводишь у телевизора на диване» — и т. д.

Интересные данные о взаимоотношениях супругов-эмигрантов получены Е. Таслер (2001). Женщины с выраженной маскулинностью (сопровождающейся доминантностью, склонностью к риску) отмечали ухудшение отношений с мужьями вследствие их социальной пассивности (с точки зрения жен) при налаживании жизни семьи в новой для них социальной среде. Можно полагать, что это имеет место не только в семьях, эмигрировавших за границу.

17.2. Взаимоотношения невестки и свекрови

Житейский опыт показывает, что в расширенной семье, т. е. когда молодожены живут с родителями одного из супругов, особую сложность приобретают взаимоотношения не между зятем и тещей, а между невесткой и свекровью. Эти конфликты во многих случаях разрушают семьи. В Италии, например, одна треть всех разводов происходит по этой причине. Изучение этого вопроса Т. В. Андреевой и Л. Н. Савиной (2000) показало, что чуть более половины невесток воспринимают свекровь как чужого человека, 83% невесток считают свекровь авторитарной, 70% — неотзывчивой и ждут от нее большего самопожертвования. Невестки хотели бы видеть свекровь уступчивой, кроткой, уживчивой, искренней, бескорыстной. Возможно, что ожидание большой выраженности этих качеств приводит к не совсем адекватной их оценке у свекрови.

К сожалению, авторы не исследовали позицию свекрови по отношению к невестке, хотя и видят необходимость такого изучения.

«Мне двадцать лет. Вероятно, я скоро выйду замуж, — пишет в журнал «Крестьянка» Наташа С. из Астрахани. — Используя опыт трех маминых невесток, я решила создать правила для будущей невестки.

1. Я буду к своей свекрови относиться с уважением, всегда останусь внимательной и доброй, даже если буду знать, что она меня не хотела брать в невестки. Она не виновата, что сын полюбил не ту, о которой она мечтала.
2. Не буду плохо говорить о свекрови людям, тем более мужу, чтобы не ранить его сердце, зная, что ему так же дорога мать, как и мне моя мама.

3. Буду искренне радоваться, если она меня будет чему-нибудь учить, чего я еще не знаю.
4. Не стану кичиться превосходством в образовании, если вдруг сложится, что оно будет. Постараюсь уступать ей во имя семейного счастья и спокойствия, учитывая ее немолодые годы и состояние здоровья.
5. Никогда не буду требовать материальной помощи и не поскуплюсь на благодарность, если свекровь поможет чем может.
6. Никогда не буду упрекать свекровь, если моя мать «дала больше», «сделала лучше». Сама буду одаривать свекровь и свою маму одинаково.
7. Буду доверять свекрови своих детей, как себе, как своей матери.
8. Если у нас с мужем обострятся отношения, не буду ставить это в вину его матери. Не побегу скорее в отчий дом, к своей маме, а пойду советоваться к свекрови. Она оценит это и постарается направить, если надо будет, своего сына».

Лисовский В. Т., 1986, с. 166.

Муж считает свою мать более зависимой и альтруистичной, чем его жена. В общем, это и не удивительно: позиции мужа и жены различны. Сын оценивает свою мать по ее отношению к нему, а невестка — по отношению к собственным детям, и это отношение ее не всегда устраивает.

Причинами неблагоприятных отношений называются: недовольство свекрови выбором сына, разные семейные уклады и взгляды на жизнь, чрезмерная любовь матери к сыну и ее вмешательство в дела супругов, личностные качества свекрови (деспотизм, назойливость) и невестки (обидчивость, негативизм), отсутствие необходимой помощи и отношение к внукам.

Может внести свой «вклад» и сын, в порыве влюбленности в жену нарушающий сложившиеся ранее между ним и матерью отношения. Ущемленная в своих правах быть хозяйкой в своем собственном доме, вдруг лишившаяся теплого отношения со стороны сына, которому она отдала свою жизнь, мать видит причину всех этих изменений не в сыне, а в невестке. Отсюда и вражда к ней.

При конфликте между невесткой и свекровью в самом сложном положении (как бы между двумя жерновами) оказывается муж-сын. Оптимальной его позицией является выполнение роли «миротворца», или «буфера», когда мужчина не встает на чью-либо сторону, выслушивая упреки и претензии каждой, и не передает одной из сторон мнения другой.

В данной ситуации снохе нужно проявить терпение. Возможно, через несколько лет, когда репродуктивные функции у свекрови постепенно начнут «засыпать», изменится ее гормональный фон, ревность к снохе из-за сына исчезнет, наступит умиротворение, и свекровь поможет еще воспитывать внуков. Однако лучше всего молодым жить отдельно от своих родителей.

17.3. Супружеская неверность (измена)

Понятие «супружеская измена» возникло лишь на определенных стадиях сексуальной жизни людей. В примитивных племенах мужчины и женщины обладали большой свободой и могли вступать в сексуальные связи с любым партнером про-

тивоположного пола, в том числе и со своими детьми. Только после возникновения моногамной семьи и укрепления имущественных прав мужчин возник вопрос о супружеской верности жен, поскольку мужьям было необходимо, чтобы наследство досталось конкретному наследнику, а не постороннему ребенку, несущему чужеродные гены.

Таким образом, измена сексуальному партнеру из рядового биологического поступка со временем превратилась в серьезное преступление против нравственности и общественного порядка, что подкреплялось и религиозными канонами о супружеской верности и тем, что прелюбодеяние стало рассматриваться как большой грех. Только с конца XIX в. отношение общества к супружеским изменам стало постепенно смягчаться.

Однако сексуальная мораль с давних времен была строже по отношению к женщинам, чем к мужчинам. Еще в 325 г. до н. э. Демосфен писал: «Достойный эллинский муж обладает правом иметь девушек для наслаждений, гетер для развлечений и жену для продолжения рода своего. Жена же даже в помыслах своих не смеет изменить супругу, а любая неверность должна примерно наказываться публично, вплоть до умерщвления» (цит. по: Андреева Т. В., 1998, с. 71). И до сих пор мужчины в большей мере оправдывают внебрачные связи и в меньшей мере осуждают их, чем женщины (Голод С. И., 1990). В то же время, по данным опроса жителей Германии, изменяют своим супругам мужчины и женщины одинаково часто — в 30% случаев (Шнабль З., 1990).

По утверждению американской исследовательницы Сью Картер, к возникновению у мужчины предрасположенности к супружеской неверности приводит гормон вазопрессин, содержащийся в мозге мужчины (вернее, нехватка этого гормона). Но можно ли в это верить?

Считается, что женская измена имеет для устойчивости брака большие негативные последствия, чем измена мужчины. Для последнего измена — чаще всего кратковременный эпизод в жизни, без глубокой привязанности к другой женщине. Женщина же, влюбляясь, целиком отдается своему чувству.

Американские ученые во главе с Полом Эндрюсом (Andrews) из Университета Виргинии составили довольно откровенный вопросник для 203 молодых пар. Там среди прочего были вопросы о связях на стороне и о том, подозревали или уличали супруги друг друга в измене. Оказалось, что опасения женщин оправдались в 80%, а их мужей — в 94% случаев. Даже до проведения опроса кавалерам удавалось разоблачить 75% интрижек, в то время как дамам пришлось довольствоваться 41% точности. Впрочем, мужчины чаще подозревали неверность, даже если повода в реальности не было. Да и изменяли более настойчиво: в адюльтере признались 29% из них, в то время как в противоположном лагере этот показатель составил всего 18,5%.

По мнению доктора Эндрюса, с эволюционной точки зрения все довольно логично: «Для самцов важнее убедиться в том, что они воспитывают свое потомство, а для самок — вырастить то, что есть, и уже не важно от кого». Отсюда и невероятная подозрительность сильного пола, и его способность к выявлению измен. С другой стороны, рассуждает ученый, дамы, вероятно, приспособились к такой модели поведения, научившись изощренно обманывать своих ревнивых мужчин. Детальный анализ хитро поставленных вопросов показал, что еще как минимум

10% жен (сверх признавшихся 18,5%) изменяли, но не сознались в этом даже на условиях анонимности. С полученными выводами согласен Дэвид Басс (Buss) из Университета Техаса в Остине.

О. Лосева (1990) отмечает различия в мотивировках измен у мужчин и женщин. Мужчины чаще всего объясняют это половой потребностью, не связанной с эмоциональными сторонами общения и поэтому удовлетворяемой в одной трети случаев со случайными, малознакомыми партнершами, либо (в четверти всех случаев) с помощью кратковременных, «мимолетных» связей с давними знакомыми, сослуживицами, женами друзей. Способствуют этим связям алкогольное опьянение, отъезд жены в командировку или отпуск, ссора с женой и т. д. Среди причин называются также неудовлетворенность браком, любовь к другой женщине и любопытство.

Причины, которые приводят к измене мужчину

1. Во всех изменах виноваты гормоны, делающие мужчин мужчинами.
2. Мнение (кстати, весьма распространенное), которое разделяют большинство мужчин, а именно что кратковременная сексуальная связь на стороне изменой не является. Это только интрижка, которая лишь подтверждает в их глазах собственную мужественность.
3. Стереотипы поведения, которые мальчик получает в семье. Чаще всего потом мужчины строят свою семейную жизнь по тем образцам, которые закрепились в их детской памяти.
4. Дурной пример родителей, для которых верность – не самая главная ценность.
5. Для некоторых мужчин измена – это способ самоутвердиться. Не везет в карьере, не удается купить престижную машину – мужчина пытается доказать самому себе, что уж в постели-то он лев и тигр, каких поискать, ни одна женщина не может ему отказать...
6. После смерти родителей мужчина чувствует себя одиноким. Чтобы отгородиться от горя, он ищет утешения в любви. Он просто жаждет объятий и любовных ласк. Плохо, если жена не поймет и не поддержит его. В таком душевном состоянии мужчина как никогда готов к измене.
7. Виноваты женщины, для которых обручальное кольцо на пальце мужчины не является табу.
8. Виноваты жены, которые не уделяют сексуальным отношениям с мужем необходимого внимания.

Рипинская М., 2001, с. 45–46.

У женщин среди причин измены на первом месте стоит неудовлетворенность браком, хотя многие изменяли и при отсутствии этой причины. Для женщин измена больше связана с эмоциональными отношениями: неудовлетворенные в браке, они ищут серьезной привязанности во внебрачных отношениях.

Почему женщины бросаются в объятия любовников

1. Чем раньше девушка выходит замуж, тем больше шансов, что чувство, приведшее ее в загс, постепенно начнет угасать. А за этим непременно последует измена.
2. Психологически женщина «готова» к измене, если ее брак не ладится. При этом она вовсе не ищет «связи на стороне», как принято думать, а лишь восполняет недостающий психологический пробел.

3. Желание проверить себя и самой себе доказать, что она еще на многое способна.
4. Если женщина уже в возрасте, то желание доказать себе, что она еще «о-го-го» и что старость ей нипочем. В этом случае, как правило, ее любовник будет значительно моложе мужа.
5. Бывает, что вступить в сексуальную связь женщину побуждает не «бешеное желание», а то, что «кавалер» ее настойчиво домогается. И она идет на рандеву по принципу «легче уступить, чем объяснять, почему ничего не хочется».
6. Иногда причиной становится любопытство. Женщина может «заиграться» во флирт или кокетство.
7. Женщина ищет Идеального Любовника. И это не обязательно супермен в постели. Достаточно, если он просто мягок, нежен, деликатен и умеет сопереживать. Эти качества любовника многие даже суперактивные женщины предпочтут всем изыскам отчаянных донжуанов.
8. Для большинства женщин любовник – это «шаг отчаяния». Было бы хорошо, если бы мужчины это осознавали.
9. Иногда женщина решается завести любовника, чтобы отомстить мужу-изменнику.
10. Если женщина изменила мужу однажды, она изменит еще не раз...
11. Некоторых мужей устраивает, когда у жены есть (или может появиться) любовник. Не потому ли, что тогда они чувствуют себя свободными?
12. Есть и еще одна причина измен: женщина просто «не может собой владеть». Практически каждый незнакомый мужчина кажется ей каким-то суперменом. И она хочет в этом лично убедиться. В постели, разумеется. Правда, подобное сексопатологи рассматривают как своего рода отклонение от нормы. Быть может, женщина попросту нимфоманка?

Рипинская М., 2001, с. 97–98.

По наблюдениям У. Харли, мужчины долго не могут разорвать любовный треугольник, женщины же предпочитают ставить точку сразу. У мужчин существует опасность возврата к любовнице даже через 5–6 лет после разрыва связи.

Труднее хранить верность той женщине, которая дарит счастье, нежели той, которая причиняет мучения.

Ф. де Ларошфуко

Женщины лучше подготовлены к возможным разрывам интимных отношений. Они легче решают возникающие при этом проблемы, скорее устанавливают новые интимные отношения. Поэтому вероятность психических заболеваний как следствие разрыва интимных связей у женщин меньше, чем у мужчин (Андреева Т. В.,1998).

17.4. Гендерные особенности разводов

В последние десятилетия разводов становится все больше. В период с 1965 по 1989 гг. количество разводов на Западе увеличилось в 4 раза. По мнению многих психологов, основным фактором, вызывающим рост числа разводов, является возросшая независимость женщин.

Как правило, вопрос о разводе первой поднимает жена. Зачастую женщины раньше и сильнее начинают испытывать неудовлетворенность браком, однако это

не означает, что окончательное решение о разводе всегда принимается ими (Kelly J., 1982). По американской статистике, за исключением возраста 15–19 лет, чаще разводятся мужчины, чем женщины (рис. 17.1).

По отечественным данным, у мужчин наблюдается два пика разводов (Хрипкова А. Г., Колесов Д. В., 1982). Первый приходится на 25–29 лет и характерен для тех, кто вступил в брак в молодые годы (часто с женщинами старше себя) с целью обеспечения себя городским жильем и постоянной пропиской в годы учебы или при поступлении на работу. Когда брак по расчету утрачивает значение способа с удобствами прожить относительно трудный период жизни, неизбежно следует решение, что пора разводиться.

Второй пик (около 20% от общего числа разводов) приходится на возраст 35–39 лет, и его причинами являются интимные связи с другими женщинами, особенно во время долгих отлучек в семье в связи с поездками на учебу при повышении профессиональной квалификации (аспирантура, краткосрочные курсы и т. п.).

> Современная женщина – это самостоятельный человек, часто экономически от мужа не зависящий (в 25% случаев она и зарплату получает большую, чем муж). Благодаря возможности содержать и себя и ребенка, замужние женщины сравнительно легко идут на развод. Неслучайно чаще всего (две трети случаев) инициатором развода являются именно они.
>
> Лисовский В.Т., 1986, с. 78.

Несколько иные сроки кризисов семейных отношений приводит С. Кратохвилл (1991): первый кризис наступает на 3–7 году совместной жизни (для мужчин это возраст 27–33 года, а для женщин – 22–28 лет), второй – через 17–25 лет совместной жизни (для мужчин – в возрасте 42–50 лет, для женщин – в 37–45 лет), см. рис. 17.2. По С. Кратохвиллу, важен не возраст мужчины и женщины, а стаж их совместной жизни.

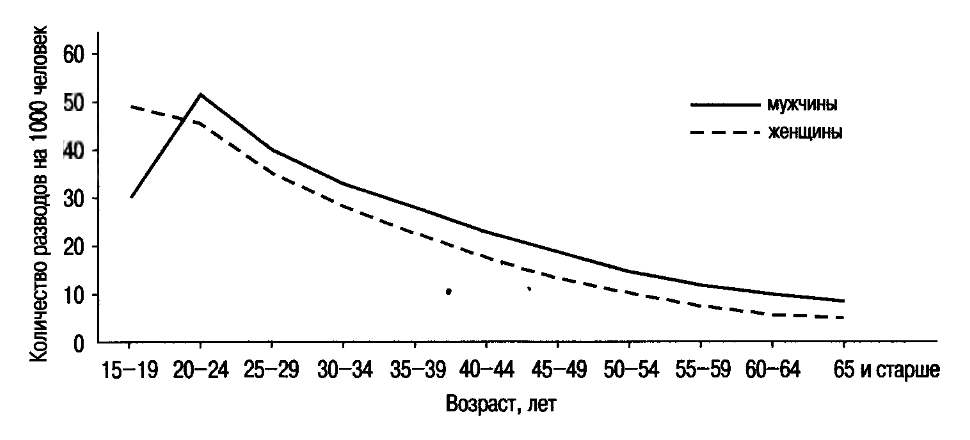

Рис. 17.1. Показатели количества разводов для мужчин и женщин в зависимости от возраста (по данным National Center for Health Statistic, Monthly Vital Statistics Report, March 22, 1995)

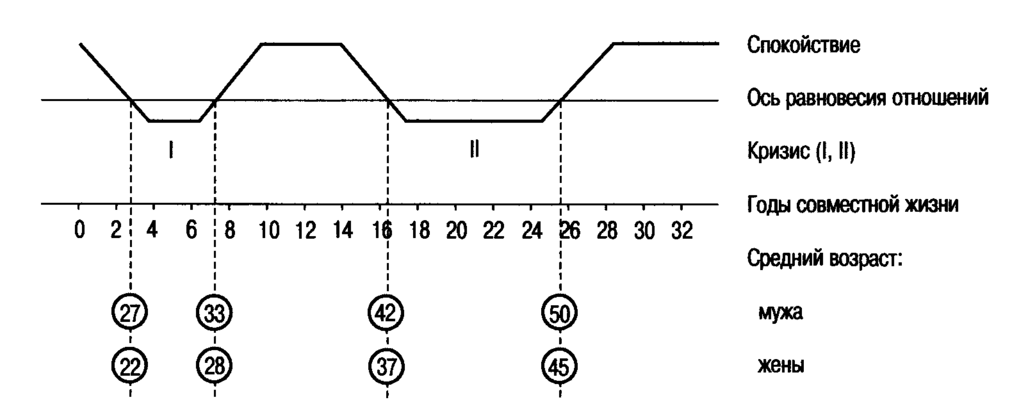

Рис. 17.2. Развитие кризисов в семейных отношениях

> В повседневной обстановке эмоциональное состояние жен, подвергающихся психологическому насилию в супружеских отношениях, более неблагополучное в сравнении с мужьями, но при сохранении амбивалентных чувств к ним. Вне зависимости от того, подвергаются супруги психологическому насилию или нет, они ощущают себя рядом с супругом эмоционально более комфортно, нежели в межличностных отношениях с другими людьми. Поэтому насильственные отношения поддерживаются.
>
> Дмитриева Д. Я., Фурманов И. А., 2008, с. 127–128.

И. В. Берно-Беллекур (1998) показана связь разводов с нарушениями полоролевой самоидентификации.

Л. А. Коростылева (2000) выделяет следующие причины разводов у женщин и мужчин. Женщины: 1) отсутствие взаимопонимания; 2) пьянство супруга; 3) вмешательство родственников; 4) разница в возрасте; 5) неверность супруга; 6) отсутствие общих интересов; 7) нежелание иметь детей; 8) плохие жилищные условия; 9) болезнь супруга. Мужчины: 1) отсутствие взаимопонимания; 2) отсутствие общих интересов; 3) неверность супруги; 4) интимная дисгармония; 5) вмешательство родственников; 6) разница в возрасте.

Другие авторы отмечают также, что у женщин часто причиной развода являются их конфликты со свекровью, у мужчин — неумение жены вести хозяйство.

Женщины при разводе сильно переживают, каждая из них думает, что ее больше не любят, что она плохая мать. Они воспринимают более эмоционально трудности развода, часто негодуют по поводу того, что их бывшие мужья освобождены от всякой ответственности за детей. Их возмущает, что они перегружены бытовыми проблемами и ответственностью за воспитание детей, в то время как их бывшие мужья вольны жить, как им хочется. Однако, несмотря на это, женщины скорее приходят к психологическому равновесию. Мужчины на некоторое время «забываются», «бегут от себя», погружаясь в свое хобби, но затем испытывают длительную неудовлетворенность. Многие мужчины завидуют своим бывшим женам и испытывают приступы враждебности к ним из-за оставшихся после развода в их

собственности домов, квартир, потому, что чаще всего дети остаются с матерями (Hetherington et al., 1977). Переживание неблагополучия растягивается у мужчин на длительное время (Соловьев Н., 1985). Главными для мужчин становятся хозяйственно-финансовые проблемы: организация и ведение домашнего хозяйства, недостаток финансовых средств, которые они вынуждены делить с прежней семьей, в результате чего им приходится искать дополнительную работу.

По данным Лутейна (Luttijn, 1994), у разведенных мужчин чаще обнаруживается социальная тревожность, а у разведенных женщин — высокая доминантность. Кроме того, и у тех и у других имеется высокий нейротизм или низкая самооценка.

При разводе страдают и дети, у которых поначалу появляется чувство вины. В России после развода в 80% случаев дети остаются с матерями (Зайцев Д. В., 2001). Девочки, живущие с матерью, как правило, испытывают негативные чувства к отцу. Кроме того, большинство из них испытывают трудности в отношениях с противоположным полом, как со сверстниками, так и со старшими мужчинами (Hetherington, 1972).

Многие исследователи сообщают, что влияние стиля супружеских отношений и развода на мальчиков сильнее и длительнее, чем на девочек. Уже перед вероятным разводом мальчики проявляют больше трудностей в поведении, чем девочки (Block, Block, Gjerde, 1986, 1988).

...Новейшие исследования показывают, что мальчики легче переносят развод, когда остаются с отцами, т. е. многие проблемы мальчиков порождаются не самим разводом, а отделением от отца (Amato, Keith, 1991; Clarke-Stewart, Hayward, 1996). Девочки в разведенных семьях испытывают больше скрытого страдания, чем мальчики, часто становясь скорее депрессивными или отдаленными, чем отыгрывая вовне свой гнев, страхи или фрустрацию (Chase-Landsdale, Cherlin, Kierman, 1995; Doherty, Needle, 1991). Более того, значительное число девочек из разведенных семей проявляют преждевременную сексуальную активность и постоянный недостаток уверенности в себе и в своих отношениях с мальчиками и мужчинами (Cherlin, Keirnan, Chase-Landsdale, 1995; Hetherington et al., 1998). Таким образом, развод может очень сильно влиять на детей обоего пола, хотя, как представляется, влияет на мальчиков и девочек несколько по-разному.

Шэффер Д., 2003, с. 822.

По мнению Моррисон с соавторами (Morrison et al., 1997), в неполной семье менее четким становится процесс половой идентификации мальчиков и девочек (развитие фемининности у мальчиков и маскулинности у девочек).

По данным В. М. Целуйко (2004), Е. Е. Сапоговой (1996), Риго (Riggo, 2004), Сандлер с соавторами (Sandler et al., 2000), Таанила с соавторами (Taanila et al., 2002), Уайт с соавторами (Wait et al., 2001), последствия разводов сильнее сказываются на мальчиках, чем на девочках. «В период от двух месяцев до года после развода они становятся неуправляемыми, агрессивными, несамостоятельными и тревожными, инфантильными, теряют самоконтроль» (Целуйко В. М., с. 46). Их поведение носит провокационный характер; это может быть сквернословие, воровство, побеги из дома (Сапогова Е. Е.). Мальчики в неполной семье чаще испытывают чувство одиночества и трудности в общении, чем девочки (Гарднер Р. А., 2002).

Е. Г. Якушенко (2008) показала негативное влияние развода на характер отношений матери с детьми. С дочерьми матери проявляют амбивалентность вос-

питания, что сказывается в нетребовательности и снижении внимания одинокой матери к воспитанию дочерей. К сыновьям матери-одиночки проявляют дисгармонично-непоследовательное отношение.

«Исследование особенностей реагирования подростков на фрустрирующие ситуации показало существенные различия в поведении мальчиков и девочек, — пишет Е. Г. Якушенко. — У мальчиков-подростков из разведенных семей на фоне сниженного уровня стрессоустойчивости проявляется стремление к осторожности, предупреждению развития негативных ситуаций, а также повышенный уровень враждебности в поведении, снижающий внешнюю активность при неожиданном столкновении с неприятными ситуациями, склонность к самообвинению, длительному глубокому внутреннему переживанию неприятных ситуаций. У девочек-подростков склонность к самообвинению повышает ориентацию на самостоятельный поиск рациональных решений возникших проблем. Девочки-подростки в ситуации фрустрации уделяют чрезмерное внимание удовлетворению ситуативно возникающих потребностей, не склонны прибегать к помощи окружающих в попытках разрешить сложные ситуации».

Е. Г. Якушенко отмечает различия у мальчиков и девочек из разведенных семей в эмоциональной сфере. «Мальчики демонстрируют склонность к проявлению скрытой внутренней агрессии, высокий уровень тревожности, особенно в ситуациях, сопряженных с необходимостью самораскрытия, демонстрации собственных возможностей. Девочки-подростки характеризуются преобладанием активных видов агрессии, состоянием постоянного возбуждения, эмоциональной неустойчивости с преобладанием пониженного настроения. Отличительной особенностью девочек является негативное внутреннее напряжение, эмоциональные переживания в ситуациях учебной деятельности: тревога и страх при оценке их способностей, возможностей, проверке знаний и т. д.»

«В структуре личностных особенностей мальчиков-подростков из разведенных семей, — пишет Е. Г. Якушенко, — выделяются параметры, связанные с неуверенностью в себе, апатичностью, пессимистичностью, большей зависимостью от оценок и мнения окружения, потребностью в поддержке и меньшей самостоятельностью. Девочки-подростки испытывают психическую напряженность, в своем поведении предпочитают ориентироваться на групповое мнение, нуждаются в поддержке окружающих, испытывают затруднения в выборе собственной линии поведения» (с. 21).

Успеваемость в школе у подростков из разведенных семей ниже, чем у подростков из полных семей. Мальчики-подростки имеют узкий круг интересов, который не может определить важные жизненные выборы подростка. Девочки-подростки из разведенных семей не имеют четко выраженных интересов, испытывают затруднения в формировании ценностно-мотивационной системы. И мальчики и девочки из разведенных семей пессимистично оценивают свое будущее.

17.5. Повторный брак

Возможности вступления в повторный брак у мужчин выше, особенно в мусульманских странах, где культура очень сурова по отношению к разведенным женщинам и поэтому их шансы на повторный брак весьма призрачны. Однако и в США мужчины

вступают в повторный брак чаще, чем женщины (соответственно 75 и 66%). Затрудняет женщинам вступление в повторный брак и то, что дети, как правило, остаются с ними. Это объясняет и факт, установленный Л. А. Коростылевой (2000): в службу знакомств с целью найти супруга значительно чаще обращаются женщины, чем мужчины (соотношение 8:1), причем основным контингентом (80%) являются разведенные. Правда, эти соотношения между мужчинами и женщинами в возрасте старше 40 лет выглядят по-другому: чаще в службу знакомств обращаются уже мужчины. И вообще, большинство мужчин — клиентов службы знакомств — относятся к возрастной группе 40–50-летних, в то время как основная масса женщин-клиентов имеет возраст 30–40 лет. Причину этих различий Л. А. Коростылева видит в том, что именно в 40–50-летнем возрасте мужчины часто расстаются с первой женой.

В повторные браки после разводов мужчины и женщины вступают одинаково часто: соответственно 25 и 23,3% (Голод С. И., 1998). Иная статистика приводится западными источниками: мужчины вступают в повторный брак в 3 раза чаще, чем женщины; большинство разведенных мужчин в возрасте старше 40 лет женятся снова, в то время как лишь треть разведенных женщин этого возраста снова выходит замуж (Spanier, Furstenberg, 1982).

При повторном браке мужчины, как правило, выбирают женщину несколько или значительно моложе себя, поскольку хотят построить новую полноценную (с детьми) семью. Женщины чаще предпочитают мужчин несколько старше себя либо ровесников, однако есть и такие, кто останавливает свой выбор на мужчинах значительно старше себя. Прельщает их зрелость и налаженность жизненного уклада.

Отчимы и мачехи. В результате повторных браков мужчины могут оказаться в новой для них роли отчима, а женщины — мачехи. *Мачехи* часто сталкиваются с большим количеством проблем, чем отчимы. Им приходится преодолевать огромные трудности, чтобы достичь взаимопонимания с детьми мужа, отчасти из-за существования стереотипа «злой мачехи» (вспомним многие сказки, в которых мачеха старается погубить падчерицу), а частично из-за того, что мачехи проводят с детьми больше времени, чем отчимы. Вносят свой «вклад» и пасынки и падчерицы, в случае, если они не согласны с разводом своих родителей. У девочек взаимоотношения с мачехой складываются труднее, чем у мальчиков, особенно если биологическая мать поддерживает частые контакты с детьми. С *отчимом* сформировать хорошие отношения девочкам труднее, чем мальчикам (E. Hetherington, 1989). Предполагается, что это происходит потому, что после развода у девочек бывают тесные отношения с матерью, и она рассматривает появление отчима как вторжение в них; в то время как теплые и принимающие отчимы способны сглаживать конфликты мальчиков с матерями.

Со временем адаптация к жизни в семье с отчимом или мачехой у девочек возрастает. Они даже становятся более независимыми и социально ответственными, чем мальчики.

17.6. Вдовство и пол

Общеизвестно, что вдов много, а вдовцов мало (к 65 годам и старше на 8,5 миллиона вдов приходится только 1,9 миллиона вдовцов). Поэтому после смерти мужа у вдовы, даже не имеющей ребенка, мало шансов выйти замуж вторично. Остав-

шись в преклонном возрасте вдовой, женщины в 8 раз реже снова выходят замуж, чем женятся мужчины-вдовцы. В возрасте около 70 лет в браке состоит 75% мужчин и только 35% женщин. Одинокий образ жизни в этом возрасте ведут около 30% женщин и 17% мужчин. Очевидно, этим в какой-то степени можно объяснить тот факт, что в этом возрасте, по данным Ю. А. Потаниной (1999), не чувствуют себя в безопасности чаще женщины, чем мужчины (соответственно 39 и 22%). В то же время женщины легче переносят одиночество, легче мирятся с проживанием взрослых детей отдельно (Шахматов Н. Ф., 1996). Пожилые женщины чаще, чем мужчины, посещают церковь, активно ищут поддержку в религии, поэтому, вероятно, депрессивных состояний у них меньше, чем у мужчин. Церковь как основную опору в жизни рассматривают в нашей стране, по данным Н. Ф. Шахматова, 6,7% мужчин и 14,6% женщин.

Статистика показывает, что мужья ненадолго переживают умерших жен. Смертность пожилых мужчин после потери жены возрастает на 48%, что гораздо больше числа смертных случаев среди женатых мужчин того же возраста и выше, чем среди женщин, похоронивших своих мужей (Виткин Дж., 1996). Причем смерть у вдовцов наступает по самым различным причинам. На длительности жизни женщин смерть мужей практически не сказывается. Высокая смертность овдовевших мужчин объясняют отсутствием навыков самообслуживания и разрушением стереотипов организации быта. Но если вдовец женился повторно, то его шансы долго прожить возрастают. Выдвигается и такая причина: несмотря на то что у мужчин может быть более широкий круг общения, чем у женщин, оно носит более поверхностный характер; действительно, сильная эмоциональная связь у них одна (со своей женой), в то время как женщины имеют более широкий круг людей, которые служат им опорой в трудную минуту.

Раздел шестой

Пол и деятельность

ГЛАВА 18

Пол, игровая и учебная деятельности

18.1. Половые различия в играх детей

Половые различия в проявлении интереса к тем или иным объектам, очевидно, связаны и с интересом к тем или иным играм: например, в одном исследовании годовалым детям показывали видеозаписи с движущимися людьми и с движущимся транспортом; оказалось, что девочки уделяли больше внимания лицам, а мальчики – машинкам (Lutchmaya, Baron-Kochen, 2002). К возрасту 23 месяцев тенденция смотреть на игрушки, соответствующие своему гендеру, сильнее проявляется у мальчиков, чем у девочек (Serbin et al., 2001). Однако Е. Спельке (Spelke, 2005) оспаривает наличие таких различий: по ее мнению, за последние 10 лет не представлено четких доказательств того, что мальчикам интереснее объекты, а девочкам – люди. Впрочем, вопрос о четкости или нечеткости доказательств скорее следствие установки исследователя – хочет он видеть различия или нет.

Еще до рождения мальчики проявляют большую, чем девочки, физическую активность (DiPietro et al., 1996). Эта тенденция сохраняется и после рождения, особенно в ситуации общения со сверстниками (Eaton, Enns, 1986; Eaton, Yu, 1989), что тоже влияет на характер игр мальчиков и девочек.

Имеющиеся уже у детей младшего ясельного возраста (1,5 года) половая эмоциональная дифференциация (большая эмоциональность девочек) и различия в интересах влияют и на различия общения детей мужского и женского пола во время игр. Так, играя в детском саду, мальчики проявляют интерес к предметам, а девочки – к личностным взаимоотношениям. Девочки обнаруживают больше ответственности и «материнского поведения» по отношению к другим детям. В любом возрасте девочки чаще мальчиков бывают задействованы в «социальных» играх с участием других детей.

Интересы в играх. Обширные исследования игровой активности, проведенные в 1920-х гг. (Lehman H., Witty P., 1927; Terman L. et al., 1925), выявили более частую занятость мальчиков в активных, энергичных играх, связанных с двигательной ловкостью, соперничеством, высокой степенью организации. Эта тенденция сохраняется поныне. Во всем мире мальчики больше девочек склонны участвовать в жестких играх. Разница отчасти имеет отношение к половым гормонам: биоло-

гические факторы способны создавать поведенческие склонности (Collaer, Hines, 1995; Maccoby, 1980), что подтверждается наблюдениями за животными (Meany et al., 1988) — самцы крыс и обезьян вступают в энергичные игры, требующие большого количества интенсивных движений; самки выполняют действия, требующие точных движений.

Как отмечает И. В. Тельнюк, интересы мальчиков (в 57%) сконцентрированы на играх с высокой двигательной активностью, играх состязательного характера. Девочки предпочитают игры, связанные со сферой семьи. Вместе с тем выбор деятельности, по данным И. В. Тельнюк, в 75% случаев недостаточно осознан, дети не могут объяснить его причину.

Л. Браунер и Дж. Маас (Brauner C., Maass J., 1993) также показали, что мальчики наиболее высоко оценивают игры, связанные с борьбой или соревнованием, затем игры на ловкость, игры-приключения; наименее любимыми являются логические игры. Девочкам больше всего нравятся игры на ловкость, затем логические игры, игры-приключения и в последнюю очередь — игры, связанные с борьбой и соревнованием. Однако нельзя считать верным мнение, что мальчики предпочитают более агрессивные игры, поскольку это окончательно не подтверждено (Braun C., Giroux J., 1989).

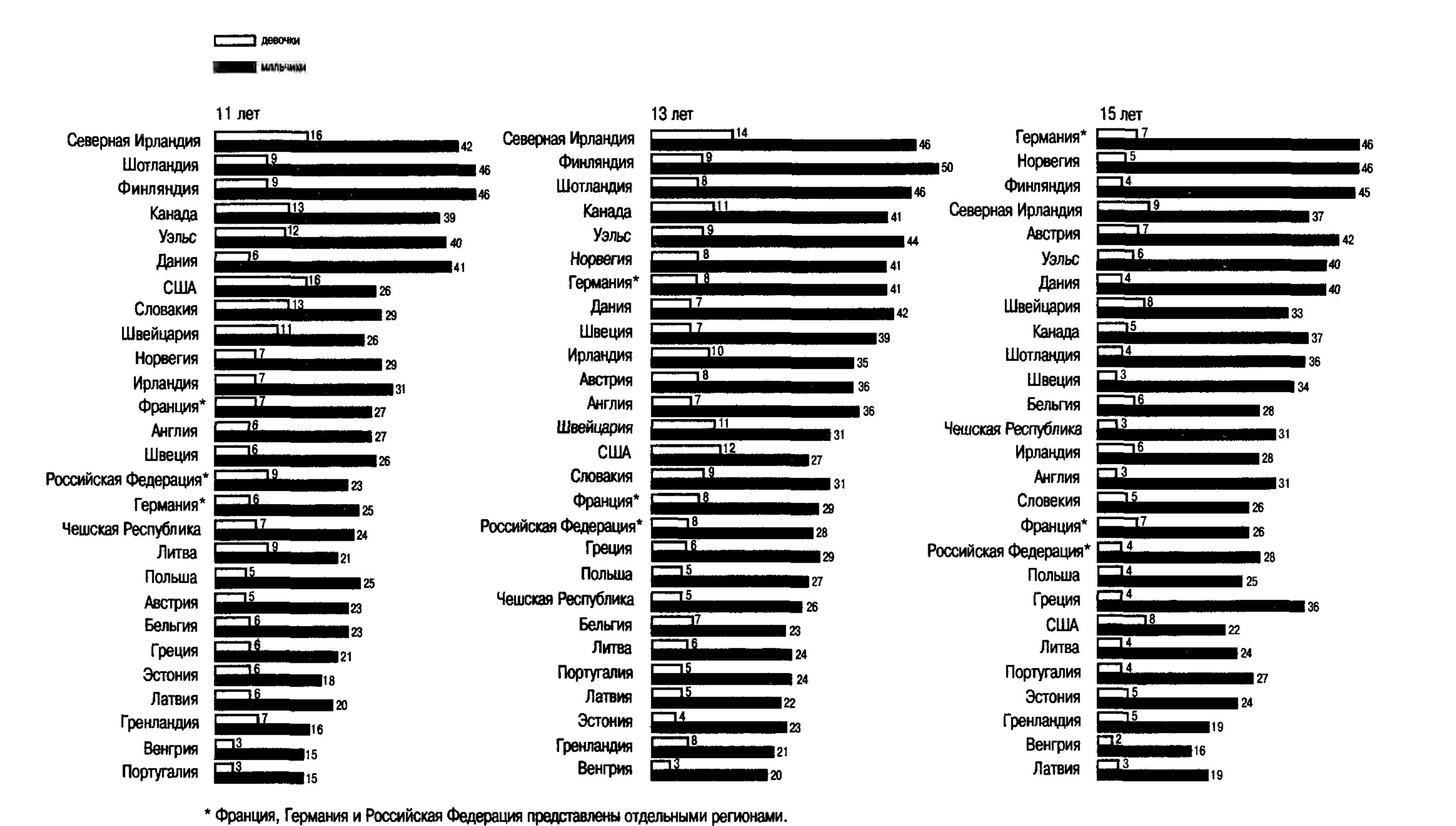
Наблюдая за детьми дошкольного и младшего школьного возраста, легко заметить, что мальчики любят игры, связанные с передвижением транспортных средств, а девочки предпочитают «создавать домашнюю обстановку», «вести хозяйство». Следовательно, игры мальчиков более динамичны, а игры девочек более статичны.

Половые гормоны и игры

Наиболее убедительные доказательства влияния половых гормонов на поведенческие различия получены при изучении игр (обзор проведенных исследований см.: Collaer, Hines, 1995). Главное открытие заключалось в том, что девочки, которые во время внутриутробного развития получали андрогены в больших количествах, демонстрировали мальчишеские паттерны поведения. Они отдавали предпочтение жестким, активным играм на свежем воздухе, выбирали одежду с точки зрения ее практичности, игрушки, обычно нравящиеся мальчикам (машинки, пистолеты, конструкторы), и мальчиков в качестве товарищей по игре. Кроме того, таких девочек не очень интересовали женская одежда, косметика, украшения, игры в куклы и моделирование роли матери. Мальчики, которые во время внутриутробного развития подвергались воздействию прогестерона, который относится к прогестинам, демонстрировали противоположные паттерны поведения, но в менее выраженной форме.

Фрэнкин Р., 2003, с. 194.

Игры с двигательной активностью также различны у мальчиков и девочек. Еще несколько десятилетий назад девочки отдавали предпочтение играм со скакалкой, играм в «классы», а мальчики — лапте, различным играм с мячом, настольному теннису, хоккею. Сейчас досугом детей завладели компьютерные игры; показано, что мальчики чаще увлекаются этими играми, чем девочки, и тратят на них больше времени: например, в США — в 2 раза (Funk J., 1993) (рис. 18.1).

* Франция, Германия и Российская Федерация представлены отдельными регионами.

Рис. 18.1. Количество учащихся (%), играющих в компьютерные игры четыре часа в неделю и больше (Hickman M. et al, 2000)

В одном эксперименте изучалось, как часто дети 4 и 6 лет в однополых группах играли с еще одним ребенком, т. е. в парах, или участвовали в играх, охватывающих более крупную группу детей. Исследователи записывали на видеопленку детские игры, а затем распределяли действия детей по категориям. Результаты показали, что мальчики и девочки в одинаковой мере склонны к игре в парах, хотя девочки больше тяготели к более продолжительной игре с каждой сверстницей (т. е. мальчики чаще меняли напарников), возможно, потому, что у девочек более устойчивое внимание. Среди этих детей только мальчики 6 лет чаще играли в игры, которые охватывали целую группу (Benenson et al., 1997).

Исследователи не дали полного объяснения тому, почему шестилетние мальчики, но не шестилетние девочки, предпочитают групповые игры. Как всегда, трудно понять, чем это обусловлено, – биологией (половыми различиями) или ожиданиями, которые взрослые привносят в игру мальчиков и девочек (гендером). Группы мальчиков, например, больше озабочены установлением господства – кто кем командует, чем группы девочек; группы девочек обычно больше заинтересованы в общем согласии, чем в установлении власти. Соответственно мальчики и девочки вырастают в разных психологических средах, которые формируют их воззрения на мир и способы решения задач.

Герриг Р., Зимбардо Ф., 2004, с. 553–554.

М. Палуди (2003) пишет, ссылаясь на Торн (Thorne, 1993), что мальчики обычно критикуют сверстников за то, что те играют с девочками; девочки же осуждают сверстниц, когда те играют с мальчиками.

Л. Сакс (L. Sachs, цит. по: Barrett K., 2000) изучал поведение в игре детей от 2 до 5 лет и выявил, что мальчики предпочитают давать прямые команды («сядь здесь», «подержи это») и используют запреты в 5 раз чаще, чем девочки. Девочки же предпочитают задавать вопросы, что оставляет партнеру возможность не соглашаться с указанием или вносить коррективы. Девочки в 5 раз чаще мальчиков используют высказывания, которые предполагают партнерство между общающимися. В других исследованиях детей от 2 до 6 лет показано, что в общении с родителями девочки намного чаще мальчиков выражают свои пожелания и предпочтения и используют логические доводы. Даже при конфликтах с родителями девочки чаще пытаются использовать объяснения и логические обоснования.

Е. Ю. Калачникова (2004) наблюдала особенности поведения мальчиков и девочек дошкольного возраста во время ролевых игр. Она установила, что мальчики чаще используют в игре идентификацию, чем персонификацию, т. е. обычно в качестве игрового объекта используют себя, а не наделяют душой игрушку, как это делают девочки. Мальчики чаще наделяют одинаковым психическим содержанием целую группу персонажей, девочки же персонифицируют небольшое количество персонажей, приписывая им различные черты характера. Из возможных видов контактов с партнером — контакт-слияние, контакт-присутствие, контакт — сосуществование в рамках правил, контакт-взаимодействие, контакт-сопротивление — у мальчиков ведущим является последний, а у девочек спектр используемых видов контактов шире. Е. Ю. Калачникова выявила этапы формирования игровой проекции и идентификации: первый — этап ранних идентификаций и персонификаций; второй — этап появления игровых образов-гештальтов; третий — этап появления социальных гештальтов в игровых образах (костюмированные

социальные роли), четвертый — этап формирования психологической индивидуальности игрового образа; пятый — этап формирования в игре интегрированного образа человека и его микромира. Далее было установлено, что мальчики чаще всего проживают образы, относящиеся к третьему этапу, т. е. исследуют в игре социальные роли. Ни один мальчик не дошел до последнего этапа, в отличие от девочек, среди которых таковые были. Но в целом девочки предпочитают образы, относящиеся ко второму и четвертому этапам формирования игровой проекции и идентификации.

Влияние сексуальных ощущений в связи с различным строением половых органов на игры детей

Эриксон (Erickson, 1951)... в своем исследовании половых различий в играх детей... обнаружил, что мальчики обычно строят высокие башенки и беспокоятся о том, как бы те не упали, или дороги и туннели, по которым могут двигаться игрушечные автомобили. Девочки же строят более закрытые конструкции, связанные с характерными семейными сценами, которые могут быть разрушены силой извне. Эриксон делает недвусмысленный вывод: «Пространственные особенности этих конструкций соотносятся с морфологией половых органов: у мужчин они направлены *вовне*, *подвержены эрекции*, являются источником крайне *подвижной* спермы; у женщин половые органы направлены *вовнутрь*, имеют *вход* снаружи, который ведет к *статично ожидающим яичникам*» (Erickson, 1951).

Выводы Эриксона были подвергнуты критике, однако недавно Крамер и Хоган (Cramer, Hogan, 1975) подтвердили их, тщательно воспроизведя исходное исследование. Некоторые из выявленных различий могут объясняться социальным научением. Отцы могут поощрять сыновей интересоваться машинами, а матери – поощрять дочерей заниматься домашним хозяйством. Однако вряд ли можно объяснить все различия социоролевыми ожиданиями. Мей (May, 1980) формулирует это так: «Поощряется ли интерес девочек к входам и интерес мальчиков к башням?»

Макклелланд Д., 2007, с. 382.

Выбор игрушек. Имеются сведения (Servin, Bohlin, 1999), что мальчики и девочки уже в возрасте одного года понимают, какие игрушки «подходят» для их пола. По данным Л. Э. Семеновой (2006), младшие школьники проявили четкие различия в выборе игрушек в зависимости от своей половой принадлежности. Девочки, как правило, выбирали кукол, посуду, наборы парикмахера, мягкие игрушки, а мальчики — машинки, конструкторы, оружие. Желания девочек были связаны в основном с бытовыми умениями и художественно-артистической деятельностью, тогда как мальчики стремились овладеть техническими умениями. В то же время и мальчики и девочки выражали желание иметь компьютер.

18.2. Пол и учебно-воспитательная деятельность

Воспитание и обучение детей в школе во многом зависит от того, как дети того или иного пола воспринимаются учителем, какие роли он приписывает мальчикам и девочкам, а главное — учитывает ли их половые особенности при подаче учебного

материала и воспитании, ведь вся учебно-методическая литература практически бесполая. По этому поводу В. Д. Еремеева и Т. П. Хризман пишут: «Во многих методических пособиях, рекомендациях, учебниках, книгах мы видим неумолимое: “Ребенок в 1 год должен... в 4 года должен... к 7 годам должен...”. И приводятся таблицы по возрастам: что должен уметь бесполый ребенок. А вот таблицы таких сравнительно малосущественных для будущей жизни ребенка (да простят нас педиатры) показателей, как рост и вес, составлены отдельно для мальчиков и девочек. Значит, вес тела разный, вес мозга, соответственно, разный, а все то, что является результатом их деятельности (произвольные движения, восприятие и анализ информации, мышление, память и т. д.) одинаковое? Конечно, нет» (с. 14).

Дело, естественно, не в таблицах с разными для мальчиков и девочек нормативами развития психических функций (например, в отношении интеллекта такие таблицы есть), а в том, насколько правомочными будут эти нормативы, если одни авторы отмечают различия по этим функциям, а другие их отрицают. И все же зерно истины в этом высказывании есть: нужны обоснованные рекомендации по воспитанию и обучению мальчиков и девочек. Разве справедливо, что девочек чаще хвалят, с ними чаще беседуют, а когда разговаривают с мальчиками, то, как правило, ограничиваются прямыми указаниями («отнеси», «сходи», «перестань»).

Важно и другое: педагогам (да и вообще взрослым) нужно корректировать оценки мальчиков и девочек. Опрос учителей, проведенный В. Д. Еремеевой и Т. П. Хризман, на предмет выявления характеристик их учащихся, выявил, что негативные характеристики приписывались мальчикам значительно чаще, чем девочкам. Так, был задан вопрос: какие «самые хорошие» и «самые плохие» дети вам запомнились за годы работы? Оказалось, в первом списке преобладали девочки, а во втором — мальчики. Мальчики в глазах учителей чаще неряшливые, молчаливые, возбудимые, упрямые, нетерпеливые, с излишне высоким самомнением. Девочки же более старательные, застенчивые, владеющие собой, ловкие, боязливые, нерешительные. Неудивительно, что у 19 из 20 воспитательниц детского сада в ранжированном списке их воспитанников (по наименьшему числу негативных качеств) все первые места заняли девочки. В школе из 14 учительниц первые места отдали девочкам 11, а последние места мальчикам — 9. В то же время психолог, оценивая тех же детей, не дал явных предпочтений ни мальчикам, ни девочкам.

Голомбок и Фивэш (Golombok, Fivush, 1994) указывали, что к четвертому или пятому классу около 90% позитивного подкрепления учителей для мальчиков приходится на успехи в учебе; в то время как девочки получают менее 80% позитивного подкрепления за успехи в учебе. Кроме того, менее 33% негативного подкрепления мальчики получают от учителей, и оно связано с плохими результатами их учебы. У девочек более 66% негативного подкрепления связано с плохой учебой. Голомбок и Фивэш интерпретировали эти результаты следующим образом: на основании такого паттерна похвалы и критики мальчики понимают, что они умные, даже если не очень хорошо себя ведут. Девочки, с другой стороны, усваивают, что они могут быть не очень умными, но они получат вознаграждение, если будут «хорошими» (Golombok, Fivush, 1994, p.173).

Палуди М., 2003, с. 270.

Приведенные примеры свидетельствуют о разном подходе педагогов к мальчикам и девочкам на интуитивном уровне, что во многом ведет к неадекватному отношению к детям разного пола. Но и на осознанном уровне, несмотря на понимание различий между лицами мужского и женского пола в способностях, интересах и склонностях, особенностях поведения, педагогика до сих пор остается бесполой. Половые различия учитываются только на уроках труда, но и это вызывает негативную оценку некоторых психологов (Ходырева Н. В., 1997): например, в системе воспитания Вальдорфской школы мальчики и девочки осваивают на уроках труда одни и те же умения (Гречин Б. С., 2006). Бесполое обучение и воспитание вызывало (Компейре Г., 1910; Современные..., 1913) и вызывает сейчас (Бреслав Г. М., Хасан Б. И., 1990; Еремеева В. Д. и Хризман Т. П., 2001) у многих психологов, нейрофизиологов и педагогов беспокойство по поводу искаженного воспитания и неадекватности способов обучения мальчиков и девочек, а в итоге – развития их личности. По данным А. С. Волович (1990), среди тех учащихся выпускных классов, которые в наибольшей степени соответствуют школьным требованиям, подавляющее большинство (85%) составляют девушки, а юноши, попавшие в число таковых, обладают традиционно женскими качествами: примерное поведение, усидчивость, исполнительность и т. п.

Л. В. Попова отмечает, что девочек обычно побуждают отходить на второй план в образовательном процессе, а мальчиков поощряют быть активными (1996). Это проявляется в том, что мальчикам уделяется больше учительского времени, а от девочек в основном требуют аккуратности и послушания, а не инициативы. Проступки, мелкие нарушения дисциплины чаще прощаются мальчикам. Попова выделяет и еще несколько стереотипных ситуаций:

1. Во время урока учителя в первую очередь отвечают на вопросы мальчиков, реагируют на их поднятые руки; ответы девочек с места принимаются реже, их вопросы чаще оставляют без внимания. Учителя дают больше времени на ответ мальчику, так как считают, что он может сообразить на месте. Такое неравномерное распределение внимания приводит к тому, что у девочек развивается модель поведения, основанная на послушании, ориентация на как можно более точное воспроизведение; в результате они боятся совершить ошибку и приалечь к себе внимание.

2. По-разному объясняют учителя успехи и неуспехи своих подопечных: неуспех девочек объясняется отсутствием способностей, а неуспех мальчиков – недостатком трудолюбия, усилий по конкретному предмету.

3. С раннего детства девочек ориентируют на межличностные отношения, на других людей. Благодаря этому у них развивается высокая чувствительность к отношениям и ожиданиям других людей, особенно к мнению значимых людей. Девочки быстро понимают, чего ждет от них конкретный учитель, какое поведение одобряется. Высоко развитая способность к социальной адаптации толкает девочек на то, чтобы соответствовать модели поведения, которую прямо или косвенно поощряет учитель. Для способных девочек довольно типичным является следующее поведение: когда они попадают в группу, класс, то не спешат демонстрировать свои умения, а вначале внимательно присматриваются к тому, что одобряет или не одобряет учительница, как ведут себя остальные дети. Девочка легко адаптируется к прямым и косвенным указаниям. Это может дойти до абсурда: учитель хвалит соседку за старательное чтение по слогам. Девочка, уже давно умеющая читать, может начать читать по слогам, чтобы заслужить одобрение учителя и симпатию соседки. В результате поведение девочки затрудняет определение ее умений и возможностей, подбор нужного уровня поведения.

4. Поведение мальчика разворачивается по иному сценарию. Как правило, он сразу пытается продемонстрировать свои умения, знания, достижения. Если занятия в классе ему неинтересны из-за их легкости или трудности, мальчик чаще начинает нарушать дисциплину, отвлекаться. Девочка в таких условиях более терпелива.

Сабунаева М. Л., Гусева Ю. Е., 2003, с. 374–375.

Образы мальчиков и девочек в сознании педагогов. В. Л. Ситников (2001) показал, что в сознании педагогов гендерные установки выражены больше, чем в сознании детей. Так, образы «абстрактных» детей разного пола в сознании одного и того же учителя имеют больше различий между собой, чем образы реальных мальчиков и девочек. Между образами конкретных девочек в сознании педагогов и Я-образами этих же девочек имеется больше достоверных различий, чем между соответствующими образами мальчиков. При этом имеются существенные различия между педагогами и студентами педагогического вуза в том, как они представляют «абстрактных» мальчиков и девочек. По негативной модальности суждения педагогов более близки к тому, как мальчики отражают самих себя, суждения студентов более близки к тому, как отражают себя девочки.

Интерес мальчиков и девочек к разным предметам. Многими авторами отмечаются различия в характере познавательных интересов мальчиков и девочек: девочкам присущ интерес к предметам гуманитарного цикла, а мальчикам — естественнонаучного. Еще Н. Д. Левитов (1962) выявил, что наибольшее число выборов у мальчиков получила математика, а у девочек — литература.

М. А. Меньщикова (1979) обнаружила отчетливые половые различия в учебно-познавательных интересах учащихся V–X классов. Эти данные являются особенно любопытными в связи с большим контингентом обследованных школьников (более 5000) во многих регионах бывшего СССР, а также в связи с тем, что исследование проводилось в два этапа с интервалом в 10 лет. Это позволило судить о том, насколько устойчивы выявляемые тенденции.

Повсеместно у юношей на первом месте стоит устойчивый интерес к математике, на втором — к физике и на третьем — к истории. Девушки тоже предпочитают математику, затем (по убывающей) литературу, химию и физику. При этом есть различия между городскими и сельскими школьницами: у сельских школьниц на первом месте стоит литература, на втором — химия и лишь затем математика.

Из предметов, которые не нравятся, у юношей на первых местах находятся иностранный язык, астрономия, обществоведение, а у девушек — физика, география, астрономия, обществоведение.

По данным Э. Э. Грузиной (2001), среди студентов математического факультета 60% юношей назвали самыми любимыми предметы, связанные с программированием, а 65% считали их самыми главными; число таких девушек было значительно меньшим (соответственно 17 и 41%).

Очевидно, что интерес к учебным предметам у мальчиков и девочек разный в силу их природных различий в направленности на восприятие и познание окружающего мира. Д. П. Барам (1984) приводит данные о соотношении среди восьмиклассников лиц с преобладанием образных или вербальных компонентов по-

знавательных процессов. Оказалось, что среди тех, у кого преобладали вербальные компоненты, было 13 мальчиков и 6 девушек, а среди тех, у кого преобладали образные компоненты, — 3 мальчика и 16 девушек. Эти данные весьма красноречиво свидетельствуют о том, что среди девочек больше лиц с преобладанием первой сигнальной системы по И. П. Павлову, а среди мальчиков больше лиц с преобладанием второй сигнальной системы. Естественно, это не может не отразиться как на интересе к различным предметам, так и на успеваемости по ним.

По данным Д. П. Барама, интересы к разным предметам у первосигнальщиков и второгинальщиков выглядят следующим образом (табл. 18.1).

Таблица 18.1. Средний балл выраженности по группам учебных интересов

Группы	Физкультура, труд	География, биология	Русский и английский языки	Русская литература	Математика, физика, химия
Преобладание вербального компонента	13	13	2	15	8
Преобладание образного компонента	4	12	1	18	1
Достоверность различий	P < 0,01				P < 0,05
Без преобладания того или иного компонента					
Мальчики	24	17	8	3	13
Девочки	17	12	11	23	4
Достоверность различий				P < 0,01	P < 0,05

В этой таблице обращают на себя внимание различия между мальчиками и девочками, у которых отсутствует преобладание одной из сигнальных систем. У девочек явно выражена склонность к изучению литературы и языков, а у мальчиков — к точным дисциплинам (математике, физике и химии), а также к труду, физкультуре, истории, географии и биологии.

По данным Джонса с соавторами (Jones et al., 2000), различие в интересах к разным видам деятельности проявилось и в том, что мальчики шестого класса отмечали у себя наличие опыта обращения с оборудованием и инструментами — батарейками, электрическими игрушками, предохранителями, микроскопами, а девочки того же класса отметили у себя наличие опыта в таких видах деятельности, как выпечка хлеба, вязание, шитье и уход за растениями.

Е. А. Шумилин выявил различное понимание значимости любимого предмета у юношей и девушек. Юноши чаще девушек отмечают его влияние на умственное развитие (соответственно 55 и 42%), а девушки чаще юношей указывают на его значимость (соответственно 26 и 19%).

По данным В. Б. Булановой (2005), отношение девочек к познавательной деятельности характеризуется ориентацией на выполнение задания по алгоритму и на процесс достижения результата, а у мальчиков — ориентацией на самостоятельный поиск решения и на получение результата.

Гендерные различия в уровне успеваемости уже долгое время являются предметом обсуждения в немецкой научной прессе. Как показывают многочисленные исследования (Baumert J., Bos W. und W. & Lehmann R., 2000; Hannover B., 2004), существуют довольно ощутимые различия в уровне успеваемости мальчиков и девочек школьного возраста по точным и гуманитарным наукам. Особенно хорошо изученной является область точных наук. Так, в этих науках (математика, физика) лидируют мальчики, в то время как девочки оказываются сильнее в гуманитарных науках (родной язык, иностранные языки, литература и история). В точных науках более выражены и различия в мотивации. Мальчики отличаются ярко выраженной мотивацией и целенаправленным интересом к изучению физики и математики по сравнению с девочками. Свои успехи в точных науках девочки часто связывают исключительно с собственными способностями, а свои неудачи как раз с недостатком способностей. Кроме того, они наряду с меньшей в среднем мотивацией в изучении точных наук удовлетворяются средними и более низкими по сравнению с мальчиками оценками.

Это подтверждают и исследования успеваемости учащихся на интернациональном уровне (Stanat P. & Kunter M., 2001). Международные исследования успеваемости школьников PISA 2000 и PISA 2003 показали определенное преимущество мальчиков в области точных наук. Одновременно доказан факт дискриминации мальчиков в языковой сфере. Например, PISA 2003 показала преимущества девочек в языковой компетенции (Zimmer K., Burba D. & Rost J., 2004). На примере 29 индустриально развитых стран доказаны явные преимущества девочек в гуманитарных науках и преимущества мальчиков в точных. Интересно, что степень этих различий варьируется от страны к стране (эти показатели особенно разнятся между Исландией и Японией).

По мнению многих исследователей (Halpern D. F., 2000; Freeman J., 2004), эти различия объясняются гендерной спецификой социализации, в результате чего создаются определенные поощрительные установки и условия для мальчиков и девочек по разным школьным предметам. И речь идет не только об установках со стороны родителей, но и со стороны одноклассников и учителей. Что касается области точных наук, доказано, что в результате специфических ожиданий и явного поощрения мальчиков со стороны учителей для них создаются весьма благоприятные условия для занятий. Это создает дополнительный стимул для мальчиков и приводит к лучшей усвояемости учебного материала и к лучшим показателям успеваемости. При этом мальчики считают себя гораздо одареннее девочек в точных науках, что, собственно, и доказывает подобная практика поощрения в школе.

Что касается психофизиологических различий между полами в уровне успеваемости, то в дискуссии на эту тему часто делается упор на главенство социальных факторов (Kessels U., 2002).

Большое внимание в исследованиях на тему гендерных различий уделяется таким моментам, как тип школы и количество учащихся в классе. В Германии, например, существует достаточно жесткое разделение школ на три основных уровня – гимназии, реальные и общие школы. В зависимости от школы формируется и социальный состав учащихся. Гендерные различия в уровне успеваемости в гуманитарных и точных науках особенно ярко проявляются в школах среднего и нижнего звена (реальные и общие школы). Кроме того, в этих школах особенно ярко проявляются специфические ожидания и установки учителей и социального окружения. Поэтому в данных школах мальчики с большим отрывом лидируют в точных науках, а девочки – в гуманитарных.

Что касается гимназий, то эти различия между мальчиками и девочками, несмотря на их наличие, выражены не так ярко. Данный факт объясняется многими причинами, среди которых особенно важной представляется лучшая степень социализации учащихся гимназий, большинство из которых являются выходцами из социально благополучных и состоятельных семей. Также следует выделить и индивидуальный подход со стороны учителей гимназий, более высокий уровень требований к школьникам и лучшие условия для обучения (Hannover B., 2004; Dresel M., Stoger H. & Ziegler A., 2006).

Есть и еще один интересный фактор, который, по мнению немецких исследователей, влияет на степень гендерных различий в успеваемости по точным и гуманитарным наукам. Речь идет о величине класса. Так, в больших классах подобные различия выражены ярче, чем в небольших. Это также объясняется, как и в случае с гимназией, возможностью применить индивидуальный подход к учащимся и лучшими условиями для обучения (Dresel M., Stoger H. & Ziegler A., 2006).

Что касается преодоления этих различий, немецкими учеными предлагаются следующие меры: создание здорового психологического климата в классе, доведение до сведения учителей негативных последствий одностороннего стимулирования и поощрения в изучении предметов и, наконец, моделирование представлений и форм поведения, которые противоречат традиционным ролевым установкам о чисто женских и чисто мужских предметах и профессиях.

Бауэр Е. А., Кабардов М. К., 2007, с. 133.

Успешность выполнения интеллектуальных тестов и учебная успеваемость. Определение успешности выполнения различных интеллектуальных тестов (стандартизированных тестов достижений) показало, что мальчики начальной школы получали значительно более высокие баллы в заданиях, относящихся к естественным и общественным наукам, а также к математическому мышлению, девочки — в орфографии, употреблении языка и в арифметических вычислениях (Terman, Miles, 1936; Traxler, Spaulding, 1954).

В США анализ результатов Предварительного теста академических способностей (PSAT) с 1960 по 1983 г. тоже выявил статистически значимые половые различия: девочки, в среднем, показали лучшие результаты в грамматике, орфографии и более высокую скорость восприятия информации; мальчики, в среднем, отличались лучшим пространственным воображением, большими успехами в математике в старших классах и более развитыми механическими способностями. Не было выявлено различий в способности рассуждать при работе со словесным, числовым и образным материалом (Крайг Г., 2000).

Вопрос о соотношении школьной успеваемости и пола изучался многими учеными. Однако полученные результаты сильно расходятся: согласно мнению одних авторов, лучше успевают мальчики, согласно мнению других, — девочки, а некоторыми исследователями различий вообще не было найдено. Об этом, например, свидетельствуют данные, приведенные в работе В. Н. Васильевой и Н. А. Васильева (1979), — табл. 18.2.

Как видно из этой таблицы, успеваемость девочек выше примерно до VII класса, затем успеваемость становится практически одинаковой у девочек и у мальчиков.

Среди девочек реже встречаются отстающие и чаще — хорошо успевающие (Lincoln E., 1927; Summerskill J., Darling C., 1955). Даже в авиационных училищах женщины получают лучшие оценки, чем мужчины с тем же самым показателем способностей (Gordon M., 1953).

Неуспеваемость у мальчиков отмечается в 2 раза чаще, чем у девочек, а по данным многих стран, среди неуспевающих 75% составляют мальчики. Неудивительно, что, даже несмотря на более высокие в среднем показатели интеллекта, отсев из вузов значительно выше среди юношей (Багрунов В. П., 1984).

Таблица 18.2. Общая успеваемость школьников разного пола (среднегодовые баллы)

Классы	Девочки	Мальчики
I	4,0	3,9
II	4,4	4,0
III	4,4	4,4
IV	4,1	3,5
V	4,0	3,7
VI	4,2	3,9
VII	4,0	4,1
VIII	3,7	3,4
IX	3,6	3,6
X	3,9	3,8

Т. В. Хомичева и А. И. Ходор (1978) изучали этот вопрос на большом контингенте детей 7–8 лет (633 мальчика и столько же девочек). В младших классах успеваемость девочек по основным предметам (чтение, письмо, математика) заметно выше, чем у мальчиков. Найденные различия были небольшими, но статистически значимыми. Особенно значимыми были различия по письму. Сочинения девочки пишут лучше, у них больше связности и описательности, больше внимания уделяется деталям, хотя по фантазии они не превосходят мальчиков. Среди отличников девочек было 67,4%, а среди учащихся с удовлетворительными баллами — 56% мальчиков.

Авторы объясняют лучшую успеваемость девочек более ранним созреванием головного мозга. Думается, однако, что это не единственная причина; ведь и в классах старше девочки учатся лучше, даже в институтах прослеживается та же тенденция. Объясняя различия в успеваемости по письму, Т. В. Фомичева и А. И. Ходор указывают одну из таких причин — это присущие в большей степени девочкам аккуратность и тщательность. Кроме того, авторы выявили, что среди подготовленных к школе девочек было больше, чем мальчиков (соответственно 57,4 и 42, 6%). Это тоже могло оказать влияние на различия в успеваемости на первых ступенях обучения (в первом полугодии).

Различия мальчиков и девочек в успеваемости в начальных классах обусловлены тем, что в одном классе, по существу, сидят дети разного возраста: в среднем мальчики по темпам развития моложе девочек на 1–1,5 года. Вследствие этого у девочек начальных классов лучше развиты лингвистические способности, играющие важную роль в обучении; они имеют превосходство в почерке (за счет большей ловкости рук), пишут аккуратно, что может влиять на оценку письменных работ (Lincoln E., 1927; Zazzo R., 1948). Нельзя не учитывать влияние на школьные отметки большей дисциплинированности, усидчивости и прилежания девочек, что, во-первых, производит благоприятное впечатление на учителей и, во-вторых, способствует лучшему усвоению учебного материала. Наконец, в начальных классах преподают женщины, поэтому девочкам легче идентифицировать себя с ними. Не исключено, что методы преподавания учителей-женщин больше соответствуют потребностям девочек, чем мальчиков. Все это создает более сильную мотивацию учения у девочек по сравнению с мальчиками.

Снижение успеваемости девочек в ранней юности К. Гиллиган (1989) объясняет тем, что внешняя привлекательность и соответствие общепринятым гендерным стандартам оказываются для них важнее, чем хорошие отметки в школе. Возможно, это и так, однако, по данным моего исследования, среднегодовой балл успеваемости все равно был выше у девушек, чем у юношей (соответственно 14,2 и 13,4 балла). Можно предположить, что это в какой-то степени было связано с тем, что у этих девушек был выше и мотив достижения, обусловивший, очевидно, большее их прилежание в учебе.

Лучшая успеваемость представительниц женского пола в старших классах обусловлена, скорее всего, их большей ответственностью к учебе, но в то же время это сопровождается их большей психической напряженностью.

Это, кстати, объясняет тот факт, что к концу учебного года, как показано в исследовании А. Н. Горшковой (1999), состояние у девочек гораздо хуже, чем у мальчиков (табл. 18.3).

Таблица 18.3. Динамика психоэмоционального состояния у старшеклассников в течение учебного года (процент случаев)

Состояние	Пол	Начало года	Конец года
Благоприятное	Девушки	91,5	37,7
	Юноши	65,2	58,6
Неблагоприятное	Девушки	6,7	49,0
	Юноши	28,2	21,0

На основании обзора зарубежных работ Дж. Макгеч (MacGeoch J., 1942) заключает, что половые различия в быстроте научения малы и непостоянны, а разнообразие получаемых результатов объясняется или характером предъявляемого материала, или небольшим числом испытаний.

В работе Л. Термана (Terman L., 1946) также указывается на зависимость неодинаковых результатов от характера материала. Он ссылается на данные авторов, которые выявили преимущество в успеваемости девочек, если учащиеся находились на низших ступенях обучения и задания были простыми. Однако при более сложных арифметических заданиях преимущество имеют уже мальчики. Сходные данные получил Д. Кенрик (Kenrick D., 1987): у девочек успеваемость по математике лучше, чем у мальчиков, но только в том случае, когда программа, по которой они учатся, не очень напряженная. При более насыщенной математической программе успеваемость школьниц резко снижается.

Говоря о математических способностях мужчин и женщин, не следует забывать, что имеются разные разделы математики, которые требуют разных способностей. Одно дело алгебра, другое дело — геометрия как наука о соотношениях и пространственных формах. В старших классах девочки лучше справляются с алгеброй (оперирование с буквенными символами), а мальчики — с геометрией (оперирование с пространством). Кроме того, преподаватели высших учебных заведений отмечают, что именно для студенток начертательная геометрия дается сложнее.

Некоторые авторы объясняют лучшую успеваемость мальчиков по математике тем, что математика и точные науки считаются в большей степени мужскими

дисциплинами, поэтому даже учителя пребывают в уверенности, что мальчики более способны к математике, чем девочки, и поэтому уделяют им больше внимания при обучении. Делаются даже выводы, что учителя вообще больше внимания на уроках уделяют мальчикам, чаще спрашивая их, чаще оценивая их успехи, дают возможность мальчикам решать задачи самостоятельно, а девочкам лишь оказывают помощь. Остается, однако, непонятным, почему таким же образом не объясняют лучшую успеваемость девочек по языку и литературе? Создается впечатление, что дам — ученых-психологов — просто раздражает всякое отставание женщин от противоположного пола, в то время как женское преимущество в чем-либо воспринимается как само собой разумеющееся и не требующее объяснений.

На самом деле девочки часто получают более высокие отметки даже по тем предметам (например, по математике, истории), в отношении которых при стандартном тестировании мальчики обнаруживали большие достижения (Lentz T., 1929).

Шинн (Shinn, 1973) использовала... методику оценки боязни успеха для изучения последствий объединения школы для мальчиков и школы для девочек. Она обнаружила, что до объединения, когда мальчики и девочки тестировались отдельно в сегрегированных школах, они не различались по среднему уровню боязни успеха. Кроме того, показатель боязни успеха не позволял спрогнозировать успешность выполнения вербальных заданий, например анаграмм, в ситуации соревнования. В среднем девочки превосходили мальчиков по результатам вербальных заданий. Однако год спустя после объединения, когда мальчики и девочки стали обучаться в одном классе, соревнуясь друг с другом, результаты оказались иными. Девочки потеряли свое преимущество в выполнении исходного вербального задания – расшифровке слов, а их показатели боязни неудачи резко повысились по сравнению с теми, которые были зафиксированы у них при раздельном обучении. Более того, после слияния только 30% девочек с высокими показателями боязни успеха получили по тесту расшифровки слов показатели выше среднего по сравнению с 72% девочек с низким уровнем боязни успеха, что является статистически значимым различием. Иными словами, теперь, когда девочкам приходилось конкурировать с мальчиками, боязнь успеха ухудшала их результаты. Прежде же, когда девочки конкурировали с девочками, высокий уровень боязни успеха не ухудшал их результаты. У мальчиков подобных изменений не наблюдалось. Их показатель боязни успеха не был связан с меньшей результативностью. Иными словами, именно боязнь последствий соревнования с мальчиками снижала результативность девочек.

В исследовании Карабеник (Karabenick, 1977) было продемонстрировано, что высокий уровень боязни неудачи снижает результаты женщин, соревнующихся с мужчинами, только тогда, когда они считали предлагаемое задание «мужским».

Макклелланд Д., 2007, с. 439–440.

Кроме большего прилежания девочек их высокую математическую успеваемость можно объяснить и тем, что преподавание математики в основном ведется учителями-женщинами, которые учат решать математические задачи способом, рассчитанным на лучшее развитие у них самих и у девочек вербальных способностей. Так, при решении геометрических задач они обозначают все углы и стороны буквами и дальше оперируют буквенными символами и выученными шаблонами-теоремами. Собственно геометрические (пространственные) методы решения задач, свойственные мальчикам, учителя-женщины не используют. Мальчики же при решении этих задач мысленно поворачивают сравниваемые фигуры в про-

странстве и накладывают их друг на друга. Таким образом, метод обучения, предлагаемый учителем-женщиной, создает оптимальные условия для обучения девочек, но вступает в противоречие со способностями мальчиков.

Лучшая успеваемость девочек, обусловленная большим их прилежанием и женским стилем обучения, создает неодинаковые условия при отборе учащихся для дальнейшего обучения в IX–XI классах. Ведь школьная администрация не очень охотно идет на перевод в IX класс школьников с невысокими отметками. Практика же показывает, что половина талантов в школьные времена были троечниками. Все это приводит к тому, что на высшее образование в основном претендуют и имеют больше шансов попасть в вуз вследствие лучшей подготовленности представительницы женского пола. Ситуация во многих технических вузах с традиционно мужскими специальностями такова, пишут Г. М. Бреслав и Б. И. Хасан, что руководители вуза радуются, если половина студентов оказывается мужского пола.

К сожалению, сейчас различия в успешности обучения в вузах лиц мужского и женского пола не изучаются. В то же время было бы весьма интересно выяснить, что изменилось за прошедшее столетие в характеристиках тех и других.

Так, Л. Я Якобсон (1929) пишет: «В своей книге "Женщина с высшим образованием" (Берлин, 1897) Кирхгофф приводит следующие результаты анкеты, произведенной им среди профессоров университета, учителей женских учебных заведений и писателей: прилежанием и чувством долга женщина значительно превосходит мужчину; далее отмечаются ее наблюдательность, способность быстро схватить сущность вопроса, умение учиться. В дальнейшем первое число означает признание, а второе – отрицание: самостоятельность мышления как 0:6; функционирование разума независимо от чувства как 0:12; строго логическое мышление как 1:5; способность к отвлеченному мышлению как 1:8; самостоятельная научная деятельность как 2:15. ...Приведем также выводы анкеты, произведенной в 1903 г. редакцией парижского журнала «Revue» относительно мнения наиболее известных в Европе профессоров и ректоров высших школ по вопросу о совместном обучении и его результатов у женщин. Выводы эти следующие: хотя вообще женщины обнаруживают лучшую память и более серьезные, более полные и точные знания, чем мужчины, им не хватает самостоятельности и глубины мысли. Они больше воспринимают, чем творят...Наконец, упомянем об анкете, произведенной Геймансом среди профессоров и преподавателей голландских университетов. Здесь, прежде всего, приходится отметить, что студентки дают гораздо больший процент "удовлетворительных" ответов на экзаменах и несколько больший процент "весьма удовлетворительных" ответов, чем студенты.

В приводимых ниже данных анкеты первое число означает преобладание у мужчин, второе – преобладание у женщин и третье – одинаковое отношение у мужчин и женщин.

1	Способность дополнять приобретенные знания последующим обдумыванием или собственными исследованиями	51	0	3
2	Большие знания в собственной специальности	12	7	18
3	Точные знания в собственной специальности	25	6	13
4	Научное чтение вне зависимости от экзаменационных требований	44	1	3
5	Критика пройденного или прочитанного, собственное мнение о нем	46	2	7

6	Чисто деловой интерес к научным вопросам	40	4	8
7	Преобладающий интерес к практическому в профессии	11	16	7
8	Регулярное посещение лекций и практических занятий	1	54	15
9	Планомерное учение (выполнение всего учебного плана)	8	21	10
10	Разумный (не школьный) порядок занятий	45	0	5
11	Способность к суждению	27	1	14
12	Логика	47	0	5
13	Отвлеченное мышление	40	1	5
14	Способность к комбинироаанию	34	0	9
15	Стремление к самостоятельному исследованию	34	3	12
16	Самостоятельность в исследовании	37	0	5
17	Научная деятельность по окончании университета	34	0	1

Вывод из этих данных очевиден: в науке женщин не воспринимали всерьез. Но все же выделены те черты женского психического склада, которые не отрицаются и в наше время, – большее трудолюбие, ответственность, дисциплинированность в учебе и в то же время отсутствие инициативности и творческого подхода. Женщина больше хороший исполнитель, чем творец новых идей.

Стили научения. В зависимости от того, как человек собирает и перерабатывает информацию, выделяют стили научения, которые представлены у мужчин и женщин в различном соотношении. Информацию можно собирать посредством конкретного опыта или абстрактной концептуализации, а обработка информации происходит либо путем рефлексивного наблюдения, либо путем активного экспериментирования. Исходя из этого, Д. Колб (Kolb D., 1976) выделил четыре стиля научения:

- *аккомодирующий*: конкретный опыт + активное экспериментирование;
- *дивергирующий*: конкретный опыт + рефлексивное наблюдение;
- *ассимилирующий*: рефлексивное наблюдение + абстрактная концептуализация;
- *конвергирующий*: абстрактная концептуализация + активное экспериментирование.

М. Филбин с коллегами (Philbin M. et al., 1995), используя разработанный Колбом «Вопросник личностных стилей», установили, что большинство мужчин (48%) из их выборки использовали ассимилирующий стиль, поскольку им нравилось разрабатывать модели и таксономии. Только 8% мужчин пользовались дивергирующим стилем, так как они полагались в основном на воображение. У женщин распределение различных стилей было более равномерным: дивергирующий и конвергирующий стили использовали по 28,9%, аккомодирующий — 22,2%, ассимилирующий — 20%.

18.3. Совместное или раздельное обучение?

Этот вопрос имеет длинную историю. Как пишет И. С. Клецина (2003), «в истории отечественного среднего образования были периоды, когда раздельное по признаку пола обучение было всеобщим, так как было определено законодательно. Известно, что в дореволюционной России девочки не обучались вместе с мальчиками, эта практика обосновывалась особенностями женской психики, меньшими интеллектуальными способностями женщины. Однако с начала XX в. по примеру некоторых стран Европы в России начали создаваться образовательные учреждения с совместным по полу обучением и воспитанием. Так, в Санкт-Петербурге в 1908 г. были открыты первые коммерческие училища с совместным по полу обучением, а после первых лет существования советской власти такая практика стала повсеместной. Совместное обучение мальчиков и девочек считалось прогрессивным. Педагоги и психологи Л. Е. Раскин (1929), Е. Н. Эвергетова (1928) и др. подчеркивали, что при совместном обучении между детьми и подростками противоположного пола формируется дружба, они приобретают важный опыт товарищества. Таким образом, совместное обучение подчеркивает равноправие полов, создает базу для дальнейших межличностных контактов и совместного труда. Однако в 1943 г. практика раздельного по полу обучения и воспитания вновь была приостановлена. Постановление СНК узаконило раздельное обучение для девочек и мальчиков и внедряло разные модели социализации в зависимости от пола... Организация раздельного обучения мальчиков и девочек была вызвана прежде всего государственными интересами. Образ матери как господствующей фигуры в семье был основой в женском образовании. В мужском образовании доминировал образ мужчины как защитника Родины. Девочек воспитывали как будущих матерей, а мальчиков — как воинов, но в то же время предполагалось, что и те и другие будут одинаково добросовестно трудиться на производстве, прежде всего на благо своей Родины... Как чувствовали себя дети в таких условиях? Моральный климат школы резко изменился. Отношения мальчиков и девочек, которые могли теперь встречаться только на редких совместных вечерах, под бдительным надзором учителей, утратили товарищеский характер, эротизировались и сексуализировались (Кон И. С., 1997)... В условиях раздельного обучения мальчики и девочки воспитывались как две абсолютно разные группы людей, имеющих противоположные сущности и предназначения. Тем самым утверждалось в сознании людей представление о принципиальных различиях мужской и женской психологии, поведении, жизненного пути мужчин и женщин. По многочисленным просьбам учителей и родителей раздельное по полу обучение было отменено в 1954 г., и советская школа стала опять совместной» (с. 120–123).

Полагаю, что многие из этих утверждений излишне категоричны. Я, например, свое начальное образование получил в школе с совместным обучением и смею заверить, что особой дружбы между мальчиками и девочками не было, а проблески «эротизации и сексуализации» были. Затем я учился в мужской школе и могу утверждать, что отношение к девочкам у нас было *романтическим*, а не эротическим. Поэтому мне жаль, что в 1954 г. «по многочисленным просьбам учителей и родителей» раздельное обучение было отменено. Плоды этого в нравственном

воспитании мальчиков и девочек мы пожинаем теперь в полной мере. Почему-то не учитывается, что мужские и женские школы не были учреждениями закрытого типа или интернатами. После школы дети шли домой, где общение вовсе не было разделено по признаку пола и где мальчики и девочки могли дружить друг с другом. Ведь никто нас не воспитывал в духе пренебрежения и тем более ненависти к противоположному полу. И вообще, насколько я помню, вопрос о половых различиях и разном статусе мужчин и женщин в обществе в то время в школе не обсуждался. Ведь официальная политика государства придавала тем и другим равный статус. И в этой чехарде совместного и раздельного обучения превалировали политические цели и меньше всего учитывались психологические различия между лицами обоего пола, их склонности и способности и тем более «просьбы трудящихся», хотя все постановления правительства так и объяснялись.

До сих пор в мире существуют две модели организации школьного обучения: американская, в которой обучение мальчиков и девочек осуществляется совместно, и европейская, где для мальчиков и девочек существуют раздельные школы. Поэтому споры о достоинствах и недостатках совместного или раздельного обучения мальчиков и девочек продолжаются (Foon A., 1988; Наследова Г. А., Тихомирова Е. М., 2000; Рабжаева М., 2002).

Для каждой из этих моделей существует своя идеология. В совместных школах декларируются товарищеские, дружеские и равноправные отношения между мальчиками и девочками. Полагают, что в результате совместного общения мальчики будут «обогащаться» положительными качествами девочек (сдержанность, деликатность) за счет их смягчающего и возвышающего влияния, научатся уважать женщин, а девочки под влиянием общения с мальчиками освободятся от излишней робости, станут менее легкомысленными. Если же мальчики и девочки будут воспитываться и обучаться раздельно, то это существенно обеднит опыт их совместной деятельности, породит проблемы их полоролевой социализации и помешает в будущем созданию семьи (см. например, Буланова В. Б., 2005).

Эти несколько наивные ожидания и опасения явно уступают по весу отрицательным сторонам совместного обучения. Г. М. Бреслав и Б. И. Хасан справедливо отмечают тот факт, что в определенный возрастной период «слабый» пол становится явно сильнее «сильного» пола, поскольку девочки в своем развитии на год-полтора опережают мальчиков.

Однажды я попал на урок физкультуры к пятиклассникам и от увиденного был в «шоке»: передо мной в строю стояли «гренадерши»-девочки и за ними маленькие щупленькие мальчики. «Боже мой, — подумал я, — о каком воспитании мужского достоинства в таких условиях может идти речь? И общество еще сетует на то, что “настоящих мужчин” становится все меньше!»

Более раннее половое созревание девочек приводит к явному рассогласованию их психологических установок и ожиданий с установками мальчиков. Девочки хотят, чтобы к ним относились уже не как к бесполым существам, у мальчиков же эти пожелания и требования не находят понимания и соответствующего ответа, поскольку они остаются в половом отношении физиологически инфантильными, хотя формально и признают половую дифференциацию и специфику взаимоотношений между полами. Больше того, у мальчиков в этом возрасте появляется

тенденция не только к избеганию общения с девочками, но и к полному с ними размежеванию.

Противники совместного обучения отмечали в начале XX в., что установление товарищеских отношений между мальчиками и девочками приводит к уменьшению браков среди образованных людей, так как сила физиологического притяжения обратно пропорциональна чувству дружбы («Современные...», 1913). Конечно, это объяснение выглядит надуманным, но бесспорным остается факт, что романтическая любовь исчезает, а вместе с ней и глубина чувств. С утратой идеализированного образа, отмечает Г. М. Бреслав (1987), исчезают и ориентиры для самосовершенствования любящих друг друга юношей и девушек. Мы все больше становимся свидетелями правоты слов Г. Компейре, что «в один прекрасный день может оказаться, что остался только один женский пол, но исчезла женственность» (1910, с. 86). И действительно, по данным Г. М. Бреслава и Б. И. Хасана, и девушки и юноши называют желательными у женщин такие традиционно мужские качества, как мужественность, независимость, уверенность в себе, целеустремленность, *которые доминируют над чисто женскими качествами.* У учащихся VIII–IX классов явно преобладают силовые, грубые формы взаимодействия, причем девушки успешно используют именно «мужские» средства.

В свое время в советских школах отменили раздельное обучение из-за того, что при нем не удается использовать особенности женского ума. В результате девочки получают заниженный уровень образования и оказываются невостребованными в обществе, где правят мужчины (?!). Но оказалось, что совместное обучение отрицательно сказывается на детской психике. Особенно «страдают» мальчики. Так считает Галина Козловская, доктор медицинских наук, заведующая отделом Центра психического здоровья. Совместное обучение делает половую ориентацию смешанной. Феминизирует мужчин и омужествляет женщин. У девочек появляется стремление играть мужскую, доминирующую роль, а мальчики соглашаются на второстепенную роль ведомого.

Другая проблема в том, что в школе сейчас преподают в основном женщины. И это крайне отрицательно сказывается именно на мальчиках. Они вынужденно перенимают женский тип поведения.

Поэтому очень важно, чтобы в классах для мальчиков преподавали учителя-мужчины. Ведь даже в семье пацан может надерзить матери, не слушать ее, но беспрекословно подчиняется отцу. Аналогичную картину мы наблюдаем и в школе... Так что раздельное обучение (при условии, что в мальчиковые классы придут преподавать мужчины) может способствовать существенному улучшению школьной дисциплины.

Одна из самых распространенных педагогических ошибок – установка на послушность ребенка, на то, чтобы он был малозаметен, молчалив, не мешал. Но мальчики, как правило, совсем другие. Они более шумные, подвижные, активные. Находясь же в ситуации педагогического давления, когда нужно 35–40 минут просидеть в однообразной позе, не вертеться, не разговаривать, они испытывают стресс.

На мальчика, который на уроке вертится, прикрикивают, он нервничает и от этого еще хуже усваивает материал. Ему пишут замечание в дневник. Он приходит домой, где его тоже ждет за это наказание. Потом родителям выговаривают, что они неправильно воспитывают ребенка и вообще он умственно не развит. Мальчик начинает заниматься с репетиторами. В результате еще меньше отдыхает и зарабатывает школьный невроз. В 90% случаев он наблюдается именно у мальчиков.

При раздельном обучении этого стресса можно избежать. Например, уроки для мальчиков сделать короче, грамотно чередовать физическую и умственную нагрузку. Даже посреди урока давать им возможность подвигаться. Ведь сейчас очень многие дети страдают двигательной расторможенностью из-за минимальной мозговой дисфункции. И это опять-таки чаще бывают мальчики.

А в смешанных классах от ребят требуют, чтобы они даже на переменах ходили по струнке. Это же совершенно неприемлемо! Нормальному мальчику, отсидевшему урок, просто необходимо попрыгать по коридору, побороться, повозиться с товарищами. А девочки начинают им подражать, перенимают мальчишичьи привычки. Хотя им-то это совершенно не нужно. У них должен быть другой тип поведения – более степенный, скромный.

Есть и еще один аспект. В начальных классах девочки лучше учатся за счет аккуратности, большей собранности, лучшего почерка и т. п. У мальчиков же на этом фоне формируется комплекс неуспешности. Так что и поэтому раздельное обучение целесообразнее.

Источник: Шишова Т. // АиФ: Семейный совет. 2001. № 23 (168).

Парадокс современной общеобразовательной школы состоит в том, что содержание учебных планов и учебных предметов имеет явно технократическую и естественнонаучную направленность, т. е. в основном мужской уклон. Осуществлять же эту стратегическую линию должны в большинстве своем учителя-женщины, предъявляющие требования (прилежание, усидчивость, дисциплинированность), которые ближе девочкам. Школьные требования нацелены на тщательность выполнения заданий, проработку деталей, в заданиях велика доля исполнительства и мало творчества. Все это ставит в более выгодное положение девочек, так как женщины обычно лучше выполняют задачи не новые, типовые, шаблонные, но требующие усердия, тщательности. Предварительные объяснения задания исключают этап поиска, который присущ мужскому интеллекту. Мальчику надо до всего дойти своим умом, тогда он лучше поймет и запомнит принцип решения задачи.

Г. М. Бреслав и Б. И. Хасан (1990) отмечают, что процесс школьного обучения никак не учитывает достаточно выраженный половой диморфизм. Так, девочки и мальчики одинаково работают на уроках и должны отвечать общим требованиям школы. Вместе с тем достаточно очевидно, что и содержание, и формы учения дети разного пола воспринимают и строят по-разному, при условии, что семейное и дошкольное воспитание учитывало их половую принадлежность. Они считают, что индифферентность нашего образования к половым различиям выражается не только в малоосмысленной организации совместности обучения, но еще и в содержательной безадресности. Так, содержание учебных планов и учебных предметов построено с расчетом (в идеале) на включение подготовленного ученика в технологический процесс и его можно рассматривать как преимущественно мужское. Формы же организации обучения построены таким образом, что требуют с самых первых шагов прилежания, сосредоточенного внимания, дисциплины, усидчивости. Эти требования по психофизиологическим параметрам ближе к женским. Такое противоречие и несбалансированность с необходимостью содержат в себе механизмы формирования неспецифической для данного пола направленности умственного развития и социальных искажений. В своих работах Н. Н. Куинджи (1988) также подчеркивает, что в современных общеобразовательных учреждениях сложилась неблагоприятная ситуация с формированием половой идентичности мальчиков и девочек. Доминирование в отечественной школе принципа «бесполой»

педагогики ведет к возникновению «усредненной личности», а в ряде случаев даже искажает характерные для пола личностные особенности. Полоролевая социализация в современном виде приводит к парадоксальным результатам: мальчиков как бы толкают на пассивность или внесоциальную активность, девочек же, напротив, – на гиперактивность и доминантность

Флотская Н. Ю., 2007, с. 65–66.

Т. В. Виноградова и В. В. Семенов (1993) выявили, что учителя в среднем уделяют внимания девочкам на 20% меньше, чем мальчикам. От последних они ожидают более высоких результатов, особенно там, где требуется абстрактное мышление, и более высоко оценивают их работу.

Сторонники совместного обучения настаивают на том, что учитель должен проводить «скрытую» дифференциацию в процессе обучения мальчиков и девочек, учитывающую их половые особенности. Однако при этом отмечается, что большинство учителей недостаточно готовы психологически и практически к осуществлению этого (Буланова В. Б., 2005).

К сожалению, исследований (а не дискуссий!) по этому вопросу мало. По данным Ю. Б. Юдовиной (2001), в процессе изучения английского языка девочки улучшили свои показатели по вербальному интеллекту в большей степени, чем мальчики. Это согласуется с лучшей выраженностью вербальных способностей у лиц женского пола В то же время уровень общего и невербального интеллекта даже среди одаренных детей выше у мальчиков, чем у девочек (Савенышева С. С., 2001).

Самый спорный эксперимент проводится на Ставрополье: там, как до революции 1917 г., юноши и девушки снова учатся в разных школах. При этом юноши углубленно изучают естественные науки и много занимаются спортом, а для девушек предусмотрены домоводство и вышивание. «Инициатива», вроде как, исходит с самого верха. Девушки боятся, что в женских школах установится диктат потенциальных фотомоделей и модных фирменных шмоток. Юноши в мужских школах, вполне возможно, будут страдать от тирании агрессивных лидеров. Подростки должны учиться вместе вне зависимости от пола, считает большая часть российского общества: это воспитывает толерантность, по мнению проректора Московского городского психолого-педагогического института Елены Борисовой...

Большинство пап и мам, напротив, приветствуют новшество. Большая часть родителей первоклассников высказалась в этом году за раздельное обучение.

Источник: Россия пытается вернуться к раздельному обучению // Russacademy

В школах совместного обучения девочки реже выбирают для углубленного изучения математику и естественные науки. В то же время в школах раздельного обучения естественные науки выбираются многими девочками. Это рассматривается как доказательство гендерных влияний (установок общества) на интересы к тем или иным учебным дисциплинам, что приводит к снижению желания серьезно учиться у многих учениц школ с совместным обучением (Jones J., 1990).

Однако давление противоположного пола испытывают и мальчики, особенно в младшем возрасте в связи с опережающим развитием девочек. В. Д. Еремеева

и Т. П. Хризман сообщают об эксперименте, проведенном в Нижнем Новгороде: в детском саду мальчики и девочки воспитывались в однополых группах. Для девочек ничего не изменилось, а мальчики после некоторого трудного периода адаптации вдруг удивительно раскрылись, начали бурно развиваться, так что воспитатели их просто не узнавали. Девочки проявляли интерес и забегали к мальчикам поинтересоваться их делами, но мальчикам же девочки были совсем не нужны.

ГЛАВА 19

Пол и профессиональная деятельность

19.1. Занятость мужчин и женщин в профессиональной сфере

Занятость женщин профессиональным трудом стремительно росла на протяжении всего XX в. Эта тенденция отчетливо проявилась в развитых капиталистических странах, не говоря уже о нашей стране, где лозунг «кто не работает, тот не ест» заставлял косо смотреть на женщин, не занятых в сфере производства. В связи с этим среди занятых в народном хозяйстве СССР 51% составляли женщины. В США в 1950 г. число женщин, занятых на производстве, было 33%, 1960 г. – 37,8%, в 1987-м – 56%, а в 1993-м – 57,9% (Matthews, Rodin, 1989, и др.) Этот прирост особенно выражен среди белых женщин и испаноязычных американок, которые в силу лучшего экономического положения по сравнению с афроамериканками могли позволить себе не работать. В 1990-х гг. постоянно не работали лишь 11% американок. К 2005 г. прогнозировалось увеличение этого показателя до 63,2% (Statistical Abstract of the United States, 1994). Однако появилась тенденция оттока американских женщин из производства, они снова вернулись к домашним делам. По этому поводу Б. Фримен (1994) пишет: «Более чем странным парадоксом является тот факт, что сегодня, когда женщина в Америке наконец может выбрать себе любую профессию, выражение "работающая женщина" стало чем-то ругательным; что по мере того, как высшее образование становится доступным любой, имеющей к нему способности, оно вызывает такое подозрение; что все больше и больше девушек оканчивают школу и колледж лишь для того, чтобы выйти замуж и иметь детей; что в современном обществе женщинам предоставлено столько возможностей, а они упорно ограничивают себя только одной ролью» (с. 110). Действительно, почему? Может быть, это и есть призвание многих женщин? Проведенный А. Г. Харчевым и С. И. Голодом (1971) социологический опрос жительниц Ленинграда показал, что стремление замужних и имеющих детей женщин работать на производстве связано с материальной заинтересованностью, с желанием улучшить экономическое положение семьи, а не со стремлением самореализоваться, о чем так пекутся феминистки. Неужели чтобы понять это, им нужно было сначала получить равные с мужчинами юридические, политические и экономические права? Ведь чаще всего запретный плод сладок, пока не попробуешь.

Давайте на минуту представим себе, что женщины трудоспособного возраста (от 16 до 55 лет), занятые в общественном производстве нашей страны, оставили свои рабочие места и приступили к «исконно женским» обязанностям – рожать, стирать, готовить, кормить и т. д. Что же вслед за этим произойдет? Больные останутся без врачей и медсестер, ибо 83% работников медицины – женщины, школьники – без учителей (71% – женщины), покупатели, посетители кафе – без продавцов, официантов, кассиров и других работников этой сферы, доля женщин в которой составляет 84%. Четыре тысячи заводов и объединений лишатся своих директоров-женщин, а количество цехов, отделов, лабораторий, оставшихся без руководителей-женщин, составит около 200 тысяч. В настоящее время женщины – научные работники составляют около 40% из общего числа научных работников страны (тогда как в США, например, не превышают 9%). Женщин – академиков, членов-корреспондентов, профессоров у нас 2,5 тысячи, доцентов – свыше 21 тысячи человек... Если в конце XIX в. во всей России было три женщины-инженера, то сейчас их сотни тысяч. Среди специалистов со средним специальным и высшим образованием на «слабый» пол приходится 59%, на «сильный» – 41%. Сложилась прямо-таки парадоксальная ситуация: мужчин приходится «подтягивать» до уровня женщин.

Лисовский В. Т., 1986, с. 78.

19.2. Половые различия в склонностях к профессиям

Половые различия в профессиональной направленности, как пишет Б. Г. Ананьев (1968), заметны уже на ранних этапах развития детей. Уже отмечалось, что даже в возрасте 24 недель, когда влияние среды еще едва заметно, у девочек гораздо выше интерес к человеческим лицам, а мальчики же этого возраста проявляют больший интерес к геометрическим фигурам. Конечно, нельзя говорить о *профессиональной* направленности младенцев. Скорее, речь должна идти о некоторых психологических особенностях, которые в будущем могут повлиять на склонность к той или иной профессиональной деятельности.

С. В. Ковалев (1988) отмечает, что в возрасте 1,5–2 лет отчетливо проявляется большая склонность мальчиков к преобразующей деятельности, тогда как девочки предпочитают проявлять активность в установленных рамках. Мальчики этого возраста стремятся к анализу внутренних механизмов и смысла явлений и обстоятельств, а девочки обращают внимание на качество и пользу объектов. Это проявляется и в школьные годы, когда активность мальчиков в разных мероприятиях зависит от уяснения ими их смысла и значения, в то время как для девочек – внушенное или внешне заданное значение вещей.

У мальчиков 6–7 лет 70% составляют рисунки с индустриальным пейзажем, в то время как у девочек таких рисунков всего 6%. Девочки в этом возрасте чаще рисуют домики, деревья, цветы, людей, природу.

И. В. Тельнюк (1999) подтвердила эти данные. Девочки любят рисовать цветы, женские образы из сказок, отображают сферу семьи и быта, в рисунках мальчиков явно выражена военная техника, космос, персонажи компьютерных игр. В трудовой деятельности девочкам (55%) интересен хозяйственно-бытовой труд, шитье; мальчики же предпочитают работу с деревом, конструкторскую деятельность.

По данным этого автора, в ручном труде мальчики более решительны и настойчивы в достижении цели. Мальчики предпочитают работать с более крупными инструментами, а девочки — с миниатюрными. Девочки более аккуратны, амплитуда трудовых движений у них меньше.

Неудивительно, что половые различия учащихся оказывают существенное влияние на профессиональное самоопределение и общее перспективное планирование жизни.

С. Сингер и Б. Штефлер (Singer S., Steffler B., 1954), изучив профессиональные выборы учащихся средней школы, пришли к заключению, что юноши стремятся к работе, позволяющей получить власть, выгоду и независимость, а девушки более всего ценят работу в сфере обслуживания либо дающую интересный опыт.

По данным И. Н. Вакуловой (1979), С. П. Крягжде (1981) и Д. П. Барама (1984), юноши отдают предпочтение технономическим профессиям, а девушки — социономическим. Кроме того, по данным последнего автора, у девочек больше выражен интерес к искусству.

Л. А. Головей (1996) выявила, что среди девушек преобладает социальная, артистическая направленность, а среди юношей — предпринимательская и исследовательская.

> Ученые попросили студентов колледжа ответить, могут ли сочетаться определенный род профессиональной деятельности и и гендерные роли (например, отец, сестра) при описании одного и того же человека (Oakhill et al., 2005). Испытуемые чаще отвергали пары терминов, которые шли вразрез с гендерными стереотипами (такие, как электрик – сестра или домохозяин – дядя), и даже когда они принимали такие пары, для этого им требовалось больше времени, чем для пар, которые почти сходятся с гендерными стереотипами... Эти результаты сохранялись даже тогда, когда ученые заранее предупредили испытуемых, что гендерные стереотипы могут влиять на их ответы. Ученые сделали вывод, что гендерные стереотипы в отношении рода деятельности активизируются немедленно, когда люди стараются сформировать умственные образы людей, занимающихся данной профессией, и эта информация, ведомая стереотипами, очень трудно подавляется.
>
> Lips H., 2008, p. 40.

Б. Розен (Rosen, 1989) приходит к выводу, что большинство подростков выбирают профессии, соответствующие их гендерной роли. Однако вряд ли этот вывод полностью соответствует действительности. Почему гендерная роль должна предписывать девушке выбор профессии педагога или врача и не предписывать этот выбор мужчине? Или, исходя из каких гендерных соображений многие девушки выбирают инженерные профессии или идут учиться в университет МВД? Связь гендерных установок с выбором профессии скорее постулируется, чем доказывается. При этом не учитывается такой фактор, как оплата труда в той или иной профессии (что имеет значение для мужчин как кормильцев семьи), наличие в данной местности тех или иных профессиональных учебных заведений, промышленности и т. д. Можно, конечно, сказать, что именно гендерные установки толкают девушек в городе Иванове становиться ткачихами, но можно высказать и другую мысль: в городе Иванове, текстильной столице России, просто больше

некуда пойти работать. И разве выбор женщинами помогающих и обслуживающих профессий не может зависеть от их природной эмпатийности, а не от гендерных установок?

Думается, что, несмотря на известное влияние гендера на формирование профессиональной направленности, его роль не следует абсолютизировать.

У юношей профессиональное самоопределение формируется в русле общей жизненной перспективы и органически входит в него. На их профессиональное самоопределение влияют факторы дальней перспективы: чем более определены планы на дальнейшую жизнь, тем выше уровень сформированности профессионального плана и степень уверенности в правильности профессионального выбора. У девушек жизненное и профессиональное самоопределение не связаны между собой, для них характерны большая эмоциональность и ситуативность самоопределения, менее целостное мировоззрение. Ближайшие планы девушек определяются в основном познавательными интересами и уровнем эмоциональной возбудимости. У юношей на планирование ближайшей перспективы большое влияние оказывают интеллектуальные показатели (комбинаторное мышление, общий уровень интеллекта) и уровень самоконтроля.

В профессиональном самоопределении девушки опережают юношей. И. С. Кон (1989) приводит данные Ю. П. Вавилова и Н. В. Андреенковой, согласно которым среди определившихся с выбором профессии девушек больше, чем юношей (соответственно 33 и 21%).

Ту же закономерность выявила позже и Л. А. Головей (1999): по показателям осознанности профессионального выбора и определенности путей получения профессии девушки имеют преимущество (табл. 19.1).

Таблица 19.1. Особенности профессионального планирования старшеклассников (количество учащихся в процентах)

Класс	Пол	Уровень сформированности профессионального плана, высокий / низкий	Осознанность профессионального выбора	Определенность путей получения профессии
IX	М	26 / 11	26	29
	Ж	32 / 32	38	31
X	М	45 / 18	32	47
	Ж	39 / 32	55	45
XI	М	55 / 0	45	54
	Ж	53 / 23	50	69

Среди заканчивающих школу девочки чаще мальчиков предполагают идти в вуз; и в значительной степени это связано с тем, что мальчики ожидают призыва в армию.

При использовании С. Афиногеновой опросника Е. А. Климова о склонности к профессиям определенного типа было выявлено, что девушки по сравнению с юношами отдают предпочтение профессиям типа «человек – природа», «человек – человек» и «человек – художественный образ» (табл. 19.2).

Таблица 19.2. Выраженность склонности к тому или иному типу профессии у юношей и девушек

Типы профессий	Юноши (n = 318), $\mu \pm \sigma$	Девушки (n = 280), $\mu \pm \sigma$	T	P
Человек — природа	2,36 ± 1,72	3,39 ± 1,80	7,15	0,00
Человек — техника	5,14 ± 1,52	3,09 ± 1,74	–15,39	0,00
Человек — человек	4,90 ± 1,51	5,21 ± 1,4	2,63	0,01
Человек — знак	3,75 ± 1,59	3,40 ± 1,54	–2,72	0,01
Человек — художественный образ	3,87 ± 1,40	4,91 ± 1,45	8,85	0,00

Как видно из данных табл. 19.2, юноши предпочитают профессии типа «человек – техника» и «человек – знак», в то время как девушки – «человек – природа», «человек – человек» и «человек – художественный образ».

По данным Л. Термана и К. Майлз (Terman L., Miles C., 1936), мужчины проявляют интерес к профессиям, связанным с приключениями, в которых предполагаются подвиг, физическое напряжение, к работе вне помещения, к механизмам и инструментам, к науке, физическим явлениям и изобретениям. Женщины склонны к профессиям, связанным с эстетикой, с сидячей работой в помещении, с оказанием помощи, особенно детям, беззащитным и нуждающимся людям.

Сходные данные через полвека получены и другими авторами. По данным В. М. Русалова (1993), мужчины стремятся к разнообразию форм деятельности, обладают легкостью переключения с одного вида деятельности на другой. Отсюда и выбор профессий, в которых преобладает творческий, а не монотонный характер. М. Гиббс (Gibbs, 1985) отмечает, что женщин больше всего привлекает в работе возможность помогать другим людям. При анализе основных предпочтений работающих женщин США оказалось, что в своей профессии они стремятся продолжать типичные семейные виды деятельности: воспитание детей (педагогика), уход за другими (медицина), помощь мужу (секретарская работа; в США 90% секретарей – это женщины), приготовление пищи (кулинария) (Agassi J., 1979). Кроме того, если мужчины предпочитают социальную активность и более динамичны, то женщины ориентированы на кабинетную, камерную, не очень динамичную работу (Bird C., 1971).

О. В. Митина и В. Ф. Петренко (2000) изучили профессиональные предпочтения у российских и американских женщин (рис. 19.1).

Наиболее предпочтительной как для тех, так и для других является возможность иметь высшее образование или профессию высокой квалификации. На втором месте у россиянок – желание работать в государственном учреждении, а у американок – желание посвятить свою жизнь карьере. У американок выше желание быть руководителем предприятия, организации, учреждения или иметь свой бизнес.

По данным Л. А. Коростылевой (2000), легче трудоустраиваются более интеллектуальные, дипломатичные, в меру смелые, недоминантные, считающиеся с мнением других, менее общительные и экспрессивные мужчины и несколько доминантные и социально смелые, более общительные и экспрессивные женщи-

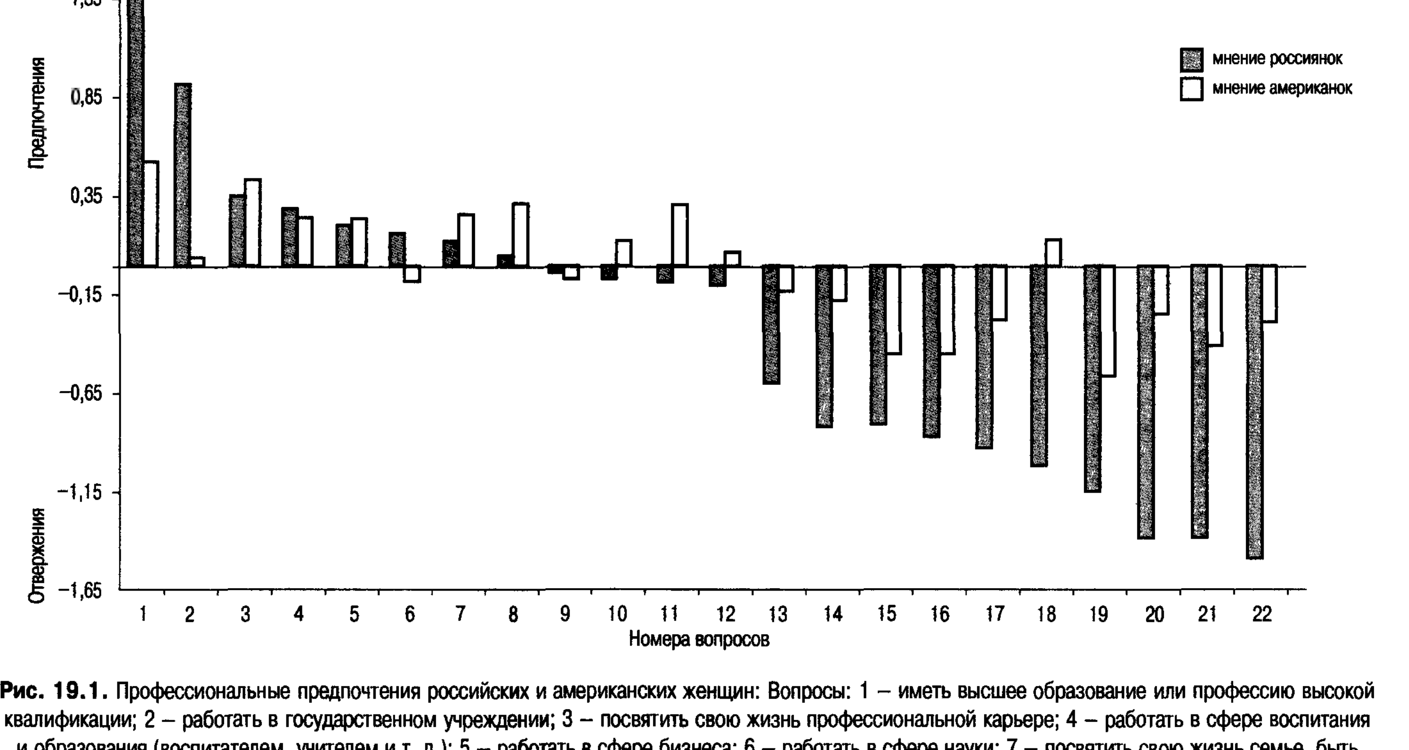

Рис. 19.1. Профессиональные предпочтения российских и американских женщин: Вопросы: 1 – иметь высшее образование или профессию высокой квалификации; 2 – работать в государственном учреждении; 3 – посвятить свою жизнь профессиональной карьере; 4 – работать в сфере воспитания и образования (воспитателем, учителем и т. д.); 5 – работать в сфере бизнеса; 6 – работать в сфере науки; 7 – посвятить свою жизнь семье, быть домохозяйкой; 8 – иметь свой собственный бизнес; 9 – работать в сфере массовой коммуникации (журналистом, редактором, диктором); 10 – работать в сфаре медицины (врачом, медсестрой); 11 – работать руководителем (предприятия, организации, учреждения); 12 – работать в сфере искусства (актрисой, художником, писателем и т. д.); 13 – работать в сфаре торговли и услуг (продавцом, официантом, парикмахером и т. д.); 14 – работать в сфере сельского хозяйства; 15 – работать в сфере производства (на фабрике, на заводе) по рабочей специальности; 16 – заниматься низкоквалифицированным, малооплачиваемым трудом; 17 – стать моделью, участвовать в конкурсах красоты; 18 – иметь традиционно мужскую профессию (в армии, службе безопасности и т. д.); 19 – стать профессиональной спортсменкой; 20 – нигде не работать, рассчитывая на помощь родителей; 21 – стать профессиональным политическим деятелем; 22 – посвятить свою жизнь религиозному служению (в монастыре, секте)

ны. Эмоциональная устойчивость в большей мере способствует трудоустройству женщин, чем мужчин. Мужчины, преодолевшие затруднения в трудоустройстве, не столь низко мотивированы, а женщины не столь фрустрированы, как в общих выборках тех и других.

19.3. Представленность мужчин и женщин в различных профессиях

Принято считать, что в сфере занятости существует *горизонтальная профессиональная сегрегация*, т. е. асимметричное размещение мужчин и женщин в профессиональной структуре: одни профессии считаются мужскими, другие — женскими. В сознании людей мужская работа — физически тяжелая, женская — физически легкая. По данным М. В. Семиной (2002), это мнение и мужчин и женщин, при этом они исходят прежде всего из того, что мужчины физически сильнее. Отсюда и соответствующий выбор профессии представителями разных полов.

Второй подход к делению профессий на мужские и женские — оплачиваемость работы. Поскольку мужчина является «добытчиком», кормильцем семьи, он должен быть задействован в высокооплачиваемой работе. Кроме того, высокая оплата труда позволяет мужчине сохранить его статус. Отсюда третий подход к делению профессий на мужские и женские — статус профессии в глазах общества. Мужчине «неприлично», например, быть уборщиком, мыть посуду.

Наконец, четвертое основание для деления профессий по половому признаку — творческий или исполнительский характер труда. В общественном сознании бытует мнение, что к творческой деятельности более способен мужчина, который и интеллектуально более компетентен (Broverman et al., 1972), а исполнительская деятельность — удел женщины (она усидчива, монотоноустойчива, усердна). Может быть поэтому, например, в США среди секретарей и среднего медицинского персонала доля женщин составляет 99 и 97% соответственно (Williams, 1989), а в сфере обслуживания женщин занято в 2 раза больше, чем мужчин (Unger, Crawford, 1992).

По данным И. Калабихиной (1995), в здравоохранении и социальном обеспечении в России женщины составляют 83%, в торговле и общественном питании — 82%, в образовании — 79% от общего числа занятых. В Белоруссии, по данным Е. Гаповой (1998), в 1994 г. среди работников бухгалтерского учета доля женщин превышала долю мужчин в 30 раз, а в 1995 г. — в 60 раз (при этом в банках, где зарплата выше, доля мужчин выше) среди медицинского персонала женщин больше, чем мужчин, в 10 раз, а среди педагогических работников — в 5 раз. Например, в 1991 г. среди всех учителей России женщины составляли 75%, а в 1994 — уже 84%; в 2001 г. женщин в школе стало уже 91%. В других странах положение хотя и лучше, но наблюдается та же тенденция: например, в Германии и Франции учителей-женщин в средней школе «всего» 60%.

С. В. Афиногенова (2007) изучила представленность лиц мужского и женского пола среди студентов различных факультетов педагогического университета. Из табл. 19.3 видно, что на факультетах социальных наук, физики, технологии и предпринимательства среди первокурсников имеется практически равное коли-

чество лиц мужского и женского пола. На других, более типичных для педагогического вуза факультетах (математики, психолого-педагогическом и дошкольного образования) значительно больше девушек, чем юношей.

Таблица 19.3. Количество лиц мужского и женского пола среди студентов различных факультетов (процент)

Факультеты	Юноши	Девушки
Математики	22,0	80,0
Социальных наук	52,0	48,0
Физики	54,7	45,3
Дошкольного образования	9,6	90,4
Технологии и предпринимательства	51,3	48,7
Психолого-педагогический	12,0	88,0
Управления	35,7	64,3

Причин феминизации школьного образования несколько: влияние объективных социально-экономических условий, демографическая обстановка в развитых странах после мировых войн XX в., недостаточно высокая оплата учительского труда, падение престижности профессии. Но есть и субъективные причины: например, большая склонность женщин к общению и взаимодействию с детьми. Очевидно, играет роль и то, что мужчинам в женском коллективе трудно удовлетворять потребность в общении, находить с женщинами общий язык. Это приводит к тому, что мужчины либо уходят из школы, либо не приходят в нее вовсе. В результате возникают определенные проблемы в воспитании мальчиков, на что обращал внимание еще в начале XX в. Г. Мюнстерберг. Феминизация школы неизбежно привела и к феминизации требований к учащимся, установлению женских эталонов поведения. Инициатива и автономия, свойственная мальчикам, особо не поощряются, ритуал взаимоотношений преобладает над содержанием, а внешняя дисциплина — над самоорганизацией (Бреслав Г. М., Хасан Б. И., 1990).

В обществе принято считать, что области активности у женщин и мужчин распределены достаточно традиционно: при оценке значимости сфер жизни женщины чаще указывали, что для них очень важна семья (92,8 против 79,1% у мужчин), работа (55,7 против 61,0%) и в меньшей степени – свободное время (22,6 против 28,0%). Однако для достижения жизненного успеха и те и другие рассчитывают на свои умения и опыт, образование и способности и в значительно меньшей степени – на связи, обаяние, удачу, помощь семьи и т. д. Несмотря на то что доля женщин на рынке труда меньше, чем доля мужчин (70,5 и 79,6%), они больше представлены в высоких социальных стратах (специалисты с высшим и средним специальным образованием, офисные работники и служащие отрасли услуг) (Сивуха С. В., 2004). В течение последнего десятилетия численность женщин-руководителей в Республике Беларусь растет: если среди руководителей организации соотношение по полу является достаточно постоянным, то среди руководителей подразделений и главных специалистов количество женщин увеличивается на фоне уменьшения количества мужчин (Терещенко О. В., 2004).

Вержибок Г. В., 2008, с. 362.

Однако такое жесткое деление для большинства видов профессиональной деятельности вряд ли оправданно и не имеет исторических корней. Так, в настоящее время в сфере обслуживания в основном заняты женщины. Но значит ли это, что эта сфера и является только их профессиональным предназначением? Разве не были приказчиками в магазинах в царской России мужчины? Разве не считались в Италии лучшими прачками и цирюльниками тоже мужчины? А Дж. Хаксли и А. Хэдон (Huxley, Haddon, 1936) упоминают замечание греческого писателя III в. Атенауса: «Кто-нибудь знает женщину – повара?» И действительно, в известных ресторанах шеф-поварами являются мужчины, как и на конкурсах кондитеров и парикмахеров побеждают не только женщины, но и мужчины. Это не случайно. Вернемся, к примеру профессии повара: мужчины искали новые компоненты, соотношения, изобретали рецепты, писали поваренные книги, ими двигало стремление к деятельности, требующей поиска нового, свежего, нестандартного решения. Очевидно, поэтому и вязание изобрели в конце XIII в. итальянские мужчины, и в течение нескольких веков это было сугубо мужским делом. Затем вязание стали осваивать и женщины и довели дело до такого совершенства, что мужчины уже не могли с ними конкурировать.

Как показали Шепард и Хесс (Shepard, Hess, 1975), у женщин наблюдаются менее стеореотипные взгляды на то, какие профессии являются мужскими и женскими. Фридман с соавторами (Freedman et al., 1993) тоже показали, что женщины оценивают любые профессии более подходящими для женщин, чем мужчины.

В ряде стран в последние десятилетия женщины успешно пробиваются в традиционно мужские профессии. Так, в период с 1985 по 1995 г. в США число женщин-судей возросло с 7 до 18%, операторов и специалистов информационных систем — с 11 до 28%, экономистов — с 13 до 34%, архитекторов — с 4 до 11% (рис. 19.2)

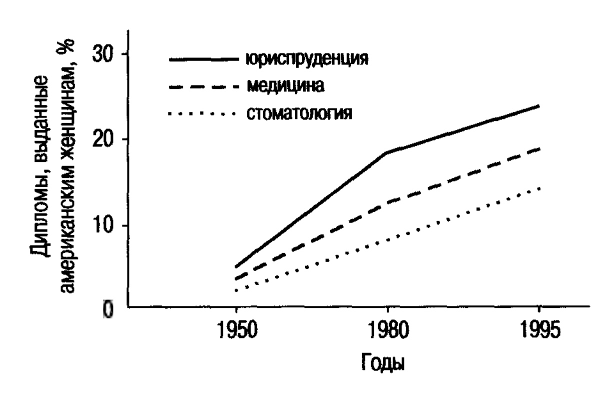

Рис. 19.2. Изменение гендерных ролей на рабочих местах

Такой же рост наблюдается в США и по другим данным. Если в 1970 г. только 9% женщин получили юридическое образование, 5% – медицинское и 7% – в сфере естественных наук и инженерных специальностей (Biabchi, 1995), то в 1999 г. эти цифры возросли до 40, 30 и 40% соответственно (Smith, 2000).

В настоящее время наблюдается и феминизация психологии. Так, среди студентов психологического факультета Санкт-Петербургского университета соотноше-

ние лиц мужского и женского пола в конце 1990-х гг. равнялось 1 : 3,5. Среди студентов спецфакультета (получение второго образования) это соотношение было еще выше — 1 : 4,3.

Феминизация психологии происходит и в других странах. Р. Герриг и Ф. Зимбардо (2004) приводят данные зарубежных авторов о том, что большинство ученых степеней по психологии присуждается в последние три десятилетия женщинам (рис. 19.3)

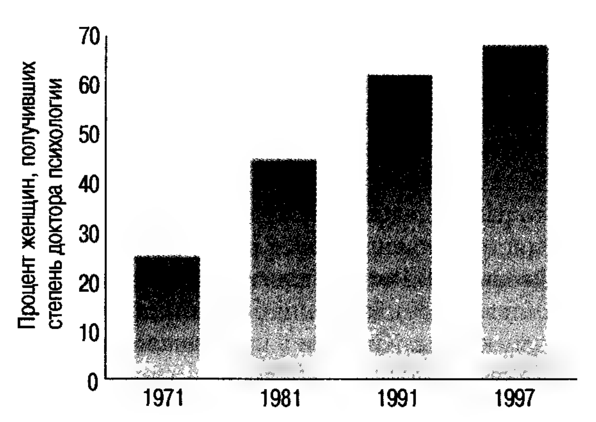

Рис. 19.3. Процент женщин, получивших степень доктора психологии

Такая же тенденция наблюдается и в нашей стране, потому что в аспирантуру и докторантуру по психологии и педагогике идут в основном женщины.

В большинстве стран дикторами телевизионных новостей в равной степени являются мужчины и женщины. Увеличивается и число женщин, являющихся ведущими программ (Atkin et al., 1991). Больше того, продюсерами большинства программ, где участвовали женщины, отклоняющиеся от стереотипов, были также женщины.

В то же время в законодательных актах Российской Федерации имеется список профессий, запрещенных для женщин. В соответствии с ним женщин, как правило, не берут на тяжелую и опасную работу. Не рекомендуется брать их и в некоторые виды операторской деятельности, в частности водителями общественного транспорта (шофером автобуса, машинистом тепловоза, пилотом пассажирского самолета). Это объясняется не наличием у них меньших способностей к вождению (необходимые для этого способности как раз выше у женщин: у них больше поле зрения, они лучше определяют расстояние до объекта и скорость его движения, лучше согласовывают движения с получаемой зрительной информацией, но все это проявляется лишь при лабораторном исследовании), а тем, что у женщин легче возникает стресс при неожиданных ситуациях, с которым они справляются хуже, чем мужчины. Следовательно, повышается риск травмирования и гибели других людей, если водителем общественного транспорта является женщина.

Статистика подтверждает эти полоролевые ограничения. По данным М. Д. Александровой (1974), среди 150 обследованных водителей такси было только две жен-

щины; среди 150 водителей троллейбусов женщин было больше — 23, а среди водителей трамваев женщины уже преобладали — 93 против 57 мужчин. Там, где требуется большая сила, мужчин явно больше. В транспортном цехе машиностроительного завода работа именно такого характера, и неудивительно, что работающих мужчин там почти в 4 раза больше, чем женщин. В то же время мужчин и женщин-фрезеровщиков было равное количество.

Среди работников налоговой службы тоже наблюдается четкое разделение по полу. Так, в выборке, обследованной О. С. Дейнека с соавторами (1999), среди служащих налоговой инспекции было 90% женщин, а среди сотрудников налоговой полиции все — мужчины.

Независимо от профессиональных предпочтений больше женщин занято умственным трудом, чем физическим (Дроздовски З., 1999): в возрасте 20 лет — соответственно 59 и 38%, в возрасте 35 лет — 72 и 35%.

Надо отметить, что распределение мужчин и женщин в различных профессиях во многом определяется сложившимися в той или иной стране традициями и экономическим положением. В России большинство врачей — женщины, в Северной Америке — мужчины (84%). В Дании большинство дантистов — женщины, а в США и Канаде — мужчины. Хирурги в подавляющем большинстве — мужчины, поскольку проведение даже плановой операции чревато неожиданным развитием событий, приводящих к стрессу. В то же время среди терапевтов много женщин, и они являются лучшими диагностами, чем мужчины: это объясняется тем, что внимание к деталям у женщин выше, чем у мужчин.

И все же, несмотря на то что в последние десятилетия половое разделение труда потеряло свою былую жесткость и количество исключительно мужских и исключительно женских занятий резко уменьшилось, превалирование мужчин или женщин в ряде профессий остается, и на то имеются, очевидно, основательные причины. В качестве этих причин одни авторы видят только социальные факторы, другие — как социальные, так и биологические факторы.

Социальные психологи Г. Гибш и М. Форверг (1972), опираясь на обзор А. А. Гольденвейзера, видят причину этого не в биологических особенностях мужчин и женщин, а в социальных условиях, складывающихся в том или ином обществе. А. А. Гольденвейзер установил, что не существует какой-либо производственной деятельности, которая выполнялась бы повсюду и во все времена исключительно людьми одного пола. Препятствия, которые у женщин обусловлены периодами менструаций, беременностью и кормлением младенцев, не являются настолько серьезными, как принято считать в европейской культуре. Большая у мужчин мышечная сила также не оказывает серьезного влияния на участие того или иного пола в производительной деятельности. У многих африканских племен и у некоторых народов южной части Тихого океана женщины заняты тяжелыми земледельческими работами, в то время как мужчины, пишут авторы, занимаются более легким делом — охотой.

В этих утверждениях имеются слабые места. Во-первых, никто не доказал, что охота ради пропитания, а не удовольствия, является более легким делом, чем земледелие. Тогда и чабанов, пасущих в горах отары овец, можно причислить к разряду тунеядцев, хотя на самом деле это чрезвычайно тяжелый труд, требующий

физической выносливости, закалки и подчас мужества. То же бывает и на охоте. Во-вторых, выполнение женщинами физической работы еще не свидетельствует о целесообразности этого в связи с отрицательным влиянием больших физических нагрузок на репродуктивные органы женщины. Лучше все-таки учитывать при выборе рода занятий биологические различия между мужчинами и женщинами, а не пренебрегать ими, — тогда и мужчины и женщины будут максимально эффективны в своей деятельности исходя из имеющихся у них природных возможностей, а главное, сохранят работоспособность на долгие годы и будут иметь полноценное потомство.

Конечно, социальные факторы оказывают влияние на выбор женщинами той или иной профессиональной деятельности, и практика показывает, что женщины неохотно осваивают те сферы деятельности, где преобладают мужчины (Deaux K., 1985). Достижение успеха в этих сферах деятельности, полагают женщины, приведет к тому, что их не будут считать женственными. Однако, хотя этот фактор и имеет место, в последние годы он все больше теряет свою значимость и во многих производственных коллективах половой состав смешанный, что приводит к положительным результатам. Так, по данным Министерства статистики Японии, рентабельность компаний выше, если в ней работают женщины. Если женщинам обеспечивается и одинаковый с мужчинами карьерный рост, то доходы компании выше.

Исключение женщин из высокодоходных групп населения осуществляется через традицию (Е. Мещеркина, 2002). В соответствии с социальным контрактом женщина воспринимается как хранительница семейного очага и на рынке труда продолжает восприниматься как неадекватный партнер по сравнению с мужчиной. По данным эмпирического исследования, проведенного в середине 1990-х Мариной Малышевой (2001), семейно-ориентированные женщины воспринимают дискриминацию на рынке труда как нечто естественное. Главенство мужчин, их приоритетные позиции на предприятиях для них априорно заданная реальность, они наблюдают ее на протяжении всей своей сознательной жизни и считают наиболее рациональной моделью общества. Не только женщины, ориентированные на семью, но и молодые высокообразованные женщины с высокими социальными притязаниями и профессиональными амбициями предпочитают иметь партнера с более высокими доходами, чем они. В свою очередь, мужчины рассматривают заработок женщин как вторичный и необязательный вид семейного дохода, считая его «подспорьем», а не равноправным вкладом в семейный бюджет (Козина И. М., 2000; Мещеркина Е., 2002). Представления о мужчине как об основном кормильце семьи мало поколебались с момента вхождения России в рыночную экономику. Более того, они успешно транслируются подрастающему поколению (Бутовская М. Л. и др., 1998).

Фенько А. Б., 2004, с. 268.

Женщины работают главным образом в непроизводственной сфере, труд в которой связан в основном с выполнением обслуживающих функций, считается малопрестижным и вследствие этого мало оплачиваемым. Это, по мнению Ю. Е. Алешиной (1985), лишает фемининных женщин возможности получать высокую удовлетворенность от своего труда. С этим трудно согласиться. Во-первых, именно фемининные женщины и должны, по идее, быть удовлетворены выбран-

ной «женской» профессией. Во-вторых, многие профессии, хотя и «кабинетные», выбираются и мужчинами. Примером тому служит научная деятельность, которая, кстати, оплачивается мужчинам и женщинам одинаково.

Результаты исследования, проведенного с участием 211 женщин-разнорабочих, занятых в строительной индустрии (т. е. занимающихся трудом, который традиционно считался мужским), свидетельствуют о положительной корреляции таких стрессоров, как сексуальные домогательства и дискриминация по половому признаку, с психологическими и физическими проявлениями нездоровья (Goldenhar, Swanson, Hurrell, Deddens, 1998).

Результаты других исследований говорят о том, что работающие женщины чаще, чем их коллеги-мужчины, страдают от таких последствий стрессов, как головная боль, нервозность, депрессия, нарушение сна и аппетита. Женщины также говорят о том, что производственные стрессы заставляют их больше курить, пить и употреблять наркотики. У женщин, занятых на производствах, уровень стресса на которых велик, чаще происходят выкидыши и более короткий менструальный цикл, чем у тех, кто работает в более спокойной обстановке. Однако у женщин есть и одно преимущество: они гораздо чаще, чем мужчины, для борьбы с последствиями стрессов прибегают к социальной поддержке (Nelson, Burke, 2000).

Шульц Д., Шульц С., 2003, с. 445–446.

Занятость на работе не делает женщин и мужчин более восприимчивыми к проблемам здоровья. Как для женщин, так и для мужчин разнообразные роли полезны для физического и умственного здоровья. Женщины, которые сочетают работу и семью, более здоровы, чем неработающие женщины; мужчины, которые имеют роли работников, супругов и отцов, более здоровы, чем те, кто выполняет меньшее количество ролей (Barnett, Hayd, 2001).

Lips H., 2008, p. 367.

Следует отметить, что, по данным американских авторов, большинство женщин не хотят устраиваться на «мужские» работы, так *как лучше чувствуют себя на «женской» работе, с которой они знакомы и к которой они лучше подготовлены*. Следовательно, меньшая занятость женщин в традиционно мужских профессиях может быть обусловлена не только предвзятостью мужчин, старающихся не принимать женщин на работу, считая их менее ценными работниками, но и личностными факторами женщин: их склонностью к «женским» делам, ощущением дискомфорта в мужских коллективах. Кстати, отмечается, что дискриминации при приеме на работу подвергаются и мужчины, если они устраиваются на «женские» профессии (Glick P., 1991).

Факторами, препятствующими участию женщин в «мужских» профессиях (следовательно, и работе в мужских коллективах), являются, с одной стороны, негативное отношение сослуживцев-мужчин к коллегам-женщинам (Padavic, Reskin, 1990), а с другой — сексуальные преследования со стороны мужчин-коллег (Gutek, Kohen, 1987; Mansfeld et al., 1991). Б. Гютек и А. Мораш (Gutak, Morasch, 1982) отмечают, что 20% женщин из их выборки, работавших ранее на нетрадиционных для женщин работах, оставили свои места из-за преувеличенного сексуального интереса к ним со стороны коллег-мужчин, а еще 9% потеряли работу из-за того, что пытались жаловаться начальству или отказывались терпеть такое обращение.

> **В реформированной России женщины были вытеснены в первую очередь из сферы квалифицированного труда – управления, приборостроения, электроники. Даже в традиционно «женских» отраслях, где удельный вес женщин всегда был велик, таких как финансы, связь, торговля, жилищно-коммунальное хозяйство, начался процесс замещения женщин мужчинами. И на благополучных, менее подверженных экономическому разрушению предприятиях сферой приложения женского труда стали, как правило, должности, не требующие высокой квалификации, – упаковщицы, штамповщицы, секретарши, в то время как мужчины работают операторами станков с программным управлением, мастерами, ремонтниками, т. е. там, где требуется профессиональное образование.[1]**
>
> **Зуйкова Е. М., Ерусланова Р. И., 2001, с. 79.**

Общее положение российских женщин на рынке труда характеризуется следующим образом:

- более низкая по сравнению с мужчинами квалификация;
- более низкая по сравнению с мужчинами оплата труда;
- ограниченный набор профессий;
- специфическое отраслевое распределение;
- горизонтальная профессиональная мобильность, т. е. без повышения в должности и квалификации;
- тяжелые и вредные условия труда;
- более высокий по сравнению с мужчинами уровень безработицы;
- отчуждение женщин от участия в высших политических и управленческих структурах. («Информационный...», 1994).

19.4. Требования к профессии, предъявляемые мужчинами и женщинами

Лица мужского и женского пола предъявляют к профессиональной деятельности в значительной степени разные требования, видят в ней источник удовлетворения разных потребностей. По данным Л. А. Головей (1999), от IX к XI классу у юношей существенно возрастает число требований к своей будущей профессии, т. е. принимается во внимание все большее число факторов. У девушек же число требований к будущей профессии возрастает незначительно. Юноши на первое место ставят высокую заработную плату и возможность самостоятельного принятия решений в процессе труда; в числе важных факторов юноши называют процесс и условия труда, его творческий характер. Большое место у юношей занимает

[1] Логику этих сетований феминисток понять очень трудно. Если женщины внедряются в сферу «мужских» профессий, то это хорошо, и замещение мужчин женщинами их не пугает. Если же мужчины вторгаются в сферу «женских» профессий, да к тому же еще и более низко оплачиваемых, то это вызывает у феминисток тревогу и осуждение. Непонятно и утверждение, что на не подверженных экономическому разрушению предприятиях сферой приложения женского труда *стали* такие должности, как упаковщицы, штамповщицы, секретарши. Спрашивается, а когда они не были «женскими»?

романтика их будущей профессии. Контакт с людьми для них менее важен. Для девушек главными факторами профессиональной деятельности являются возможность контактов с людьми и сам процесс труда, а также высокая материальная заинтересованность, хотя роль этого фактора от IX к XI классу снижается: его отметили только треть выпускниц школы.

В другом исследовании выявлено, что девушки чаще юношей считают, что будущая профессия должна предоставлять возможность работать в крупных городах и научных центрах. Юноши же чаще отмечают, что выбираемая профессия должна отвечать интересам и склонностям.

Опрос взрослых женщин в нашей стране показал, что 40% из них работают только ради денег; второй по распространенности мотив — желание быть в коллективе и лишь третий — интерес к содержанию профессиональной деятельности (Харчев А. Г., 1972). Д. Пфейфер и Г. Девис (Pfeiffer, Davis, 1971) при исследовании работающих представителей среднего класса в возрасте от 46 лет до 71 года выявили, что 90% мужчин и 82% женщин предпочли бы работать и дальше, даже если бы могли этого и не делать. Таким образом, значимость труда определяется многими факторами: возрастом, социальным и материальным положением, жизненными целями, но при этом выявляется все же тенденция, что для мужчин труд имеет большее значение, чем для женщин.

Н. Ф. Наумова и М. А. Слюсарянский (1970) отмечают, что для мужчин более важны содержание и общественная значимость работы, ее разнообразие, творческий характер, результаты труда; для женщин важнее взаимоотношения в коллективе, условия труда и размер заработной платы. С этим согласуются и данные других исследователей. Так, А. А. Козлова (2002) отмечает, что беспокойство, связанное с перспективами оплаты будущего труда, более выражено у девочек, чем у мальчиков.

В работе Л. Г. Почебут и В. А. Чикер (2000) изучалась частота выборов различных карьерных ориентаций мужчин и женщин (называемых в американской социальной психологии «якорями» и отражающих осознаваемые приоритетные профессиональные потребности личности).

Поясню условные название некоторых «якорей». *Автономия* отражает выбор независимости в работе или же предпочтение безопасности и стабильности за счет пожертвования независимостью (автономией). *Профессиональная компетентность* отражает самоопределение личности при необходимости выбирать между двумя направлениями: движением в сторону углубления технической или функциональной компетентности либо в сторону административной деятельности. *Предпринимательская креативность* отражает потребность создавать новый продукт, новые услуги или организации, на которые человек имеет право собственности. *Вызов* — это потребность в соревновательности. *Интеграция стилей жизни* — стремление совместить работу, семью и собственные интересы.

Полученные Л. Г. Почебут и В. А. Чикер данные (табл. 19.4) свидетельствуют о том, что у мужчин более выражена направленность на менеджмент, на предпринимательство и соревновательность, а у женщин — на профессиональную компетентность, автономию, стабильность, служение и интеграцию стилей жизни.

Таблица 19.4. Частота выборов различных карьерных ориентаций (процент)

Ориентации	Мужчины	Женщины
Профессиональная компетентность	10,6	12,2
Менеджмент	11,7	9,9
Автономия	13, 5	14,5
Стабильность	11, 8	13,9
Служение	12,3	13,5
Вызов	11,2	9,9
Интеграция стилей жизни	13, 5	14,4
Предпринимательская креативность	11, 2	8,4

Разное отношение к одной и той же работе мужчин и женщин выявилось и в исследовании С. А. Гаранина (1993). Им было показано, что учителя-женщины в большей степени, чем учителя-мужчины, стремятся к расширению своих знаний, в то же время учителя-мужчины больше стремятся к научному осмыслению своей педагогической деятельности, к экспериментированию в работе и к изучению динамики развития своих учеников.

По данным Р. А. Пономаревой (1985), для молодых женщин-работниц труд имеет более высокую общественную значимость и значимость для самосовершенствования и реализации творческих возможностей, чем для молодых мужчин-рабочих. В то же время такой фактор, как оплата труда, оценивается девушками ниже, чем юношами.

В исследовании С. А. Виноградовой (2004) испытуемым женщинам задавался вопрос: мужчину или женщину они предпочли бы в той или иной ситуации в качестве партнера при профессиональном общении? В большинстве ситуаций с большим преимуществом предпочтение было отдано мужчинам (рис. 19.4) и только в случае выражения сочувствия и поддержки явное предпочтение было отдано женщинам.

Следует отметить, что женщины, отдавшие предпочтение мужчинам, не удовлетворены своей профессиональной деятельностью, а женщины, отдавшие предпочтение женщинам, таковой удовлетворены. Автор полагает, что не удовлетворенные своей деятельностью женщины переносят собственную некомпетентность на женщин вообще.

Эффективность групповой деятельности. По данным М. Хорнер (Horner, 1987), мужчины работали лучше, когда за ними наблюдали сверстники, женщины же на присутствие сверстников не реагировали. Отмечается также (Wood W., 1987), что чисто мужские по составу группы более продуктивны, чем чисто женские.

Показано, что мужчины и женщины при решении групповых задач ведут себя по-разному в зависимости от присутствия лиц своего и противоположного пола (Eskilson A., Willey M., 1976). Если в группе было трое мужчин, то они вместе сотрудничали, решая поставленную экспериментатором задачу; при наличии в группе двух мужчин и одной женщины мужчины пытались решить задачу без помощи назначенного экспериментатором лидера-женщины; если лидером в смешанной группе назначался мужчина, то при отсутствии претензий на лидерство женщины оба мужчины конкурировали друг с другом, доказывая умение решать задачу («эффект забияки»). Группа из трех женщин показала наименьшую эффективность.

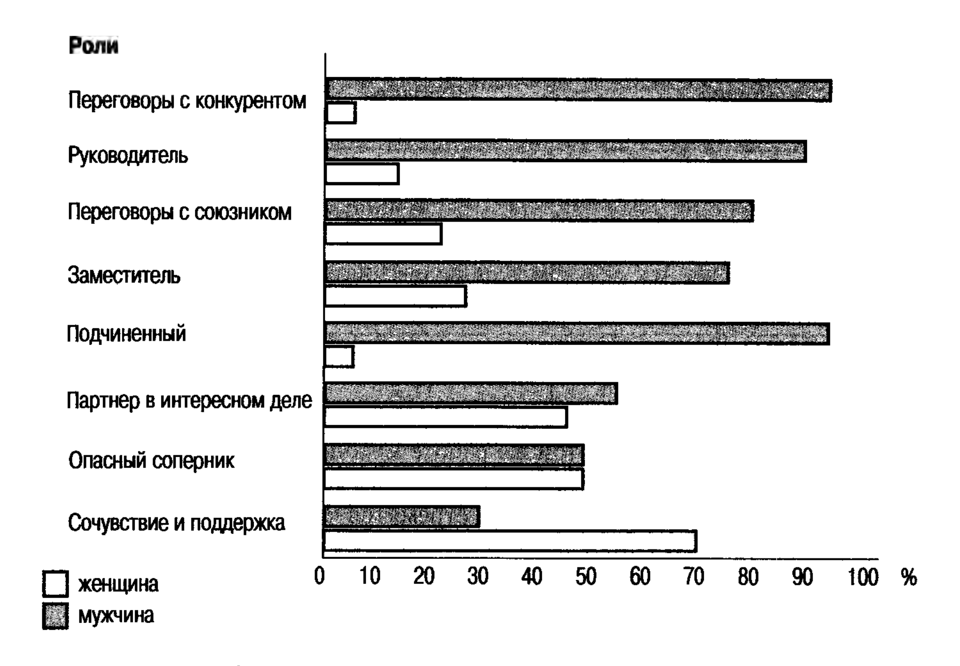

Рис. 19.4. Женские предпочтения в профессиональном партнерстве

19.5. Половые особенности адаптации к профессии

Н. Г. Колызаева (1989) выявила особенности профессиональной адаптации мужчин и женщин: у женщин на первый план выступает социально-психологический аспект, у мужчин — профессионально-деятельностный. Отмечены также разнонаправленные изменения в процессе адаптации личностных характеристик: у женщин эти изменения происходят в основном в эмоционально-коммуникативном блоке, а у мужчин — в коммуникативно-волевом. Т. А. Кухарева (1980), например, изучавшая адаптацию молодых специалистов-инженеров, обнаружила, что женщины более настойчивы в достижении целей, мужчины же умеют лучше организовать свою работу и более конформны.

Если женщина осуществляет одинаковую с мужчиной профессиональную деятельность, это не значит, что она имеет общий с мужчиной взгляд на эту деятельность и они одинаково ее осуществляют. И. В. Грошев (1997) показал, во-первых, что оценочный показатель «врачебных качеств» у женщин-врачей выше, чем у их коллег-мужчин; во-вторых, значимость этих качеств у тех и других различна, что видно из нижеприведенного их перечня с данными им оценками.

У женщин: гуманизм — 4, 83; доброта — 4,82; ответственность — 4,81; отзывчивость — 4,80; вежливость — 4,79; чуткость — 4,77; чувство долга — 4,74; жалость — 4,61; сострадание — 4,57; сожаление — 4,46; сдержанность — 4,32; гармоничность чувств — 4,27.

У мужчин: ответственность — 4,76; чувство долга — 4,68; доброта — 4,60; гуманизм — 4,59; отзывчивость — 4,58; чуткость — 4,51; вежливость — 4,49; сдержан-

ность — 4,41; жалость — 4,36; гармоничность чувств — 4,31; сострадание — 4,24; сожаление — 4,20.

У женщин оценки ниже только по сдержанности и гармоничности чувств (правда, что означает последнее, сказать трудно). Но в общем создается впечатление, что, по мнению женщин, для профессии врача более значима эмпатийность, а по мнению мужчин — ответственность, чувство долга, сдержанность.

По данным Р. Х. Кузиной (2001), для мужчин и женщин — военнослужащих — значимыми для успешной службы были, поведенческая регуляция, состояние здоровья, однако они разошлись в том, что четвертым важным качеством у мужчин была физическая работоспособность, а у женщин — коммуникативные способности.

Различаются у мужчин и женщин стили осуществления одной и той же деятельности.

Болгарский психолог С. В. Иванов (1990) показал, что имеются некоторые различия в педагогическом общении учителей физкультуры — мужчин и женщин. Учителя-женщины больше стремятся показывать и объяснять учебный материал по сравнению с учителями-мужчинами, чаще задают вопросы и делают дополнения к ответам учащихся. Женщины чаще используют оценки, шутки. Учителя-мужчины чаще дают конкретные указания по организации работы, чаще используют команды и распоряжения. В воспитательной работе учителя-мужчины больше внимания обращают на внешнюю и формальную сторону, меньше вникая в мотивы поведения ученика. Они отдают предпочтение в общении школьникам-спортсменам и более физически развитым и дисциплинированным школьникам.

По данным Д. А. Мишутина (1992), учителя-мужчины чаще используют личностно-групповое общение, а учителя-женщины — межличностное. Мужчины по сравнению с женщинами чаще используют неречевые средства общения, а женщины — речевые. Воспитательные обращения также используются чаще женщинами.

Сегодня многие женщины работают, и причины, побуждающие их к этому, существенным образом изменились. Помимо традиционных материальных соображений здесь действуют честолюбие, стремление к самовыражению или общению (эти мотивы действенны для тех, кто находится в наиболее благоприятных условиях), желание вырваться из домашней изоляции. В любом случае работа для женщины всегда связана со стремлением к независимости. Не желая больше жить с нелюбимым мужчиной, она хочет вернуть себе свободу, не нанося при этом непоправимого ущерба своему материальному положению.

Элизабет Бадинтер (Курьер ЮНЕСКО. 1986. Апрель).

«Почему любовь к исконно мужским профессиям, — пишет геолог Ирина П., — оказывается у женщин сильнее долга перед семьей? Не потому ли, что в девчонках чуть не с пеленок воспитывается мужество, стремление соперничать с мальчишками и даже превзойти их? Я выбрала мужскую специальность — геолога. В 17 лет, конечно, не думала о замужестве, о детях, зато бредила романтикой. Пришло время — я вышла замуж. Неудачно. Вскоре разошлись. Когда дочери исполнился год, мне пришлось уехать в тайгу. Приехала — дочь меня не узнает. Я знаю одну женщину в Дальневосточном геологическом управлении, которая каждый год отдавала своего ребенка на полевой сезон в детский дом. Как вы считаете, ей было легко? А ребенку?»

Лисовский В. Т., 1986, с. 86–87.

Женщины в большей степени, чем мужчины, заинтересованы в санитарно-гигиенических условиях труда, в улучшении организации работы (Ранник Э., 1978). Они, как отмечает Н. Н. Обозов (1997), больше ориентированы на оценки их труда другими участниками совместной деятельности, поэтому похвала или негативная оценка являются основными регуляторами их трудовой активности. Женщины больше всего чувствительны к отношениям, складывающимся на производстве (Куцырева М. А., 2004), поэтому они предпочтут работу, где у них сложились хорошие отношения, даже в ущерб заработной плате. Ориентация на личные, комфортные отношения может компенсировать их неудовлетворенность в семейно-брачных отношениях.

Мужчины в силу природных особенностей и сложившихся исторических традиций более ориентированы на производство, деловые отношения, успехи на службе. Их эмоциональное реагирование связано с материальным и техническим обеспечением производства (Куцырева М. А., 2004).

Сказанное выше объясняет различное отношение женщин и мужчин к тем оценкам, которые они дают. Признать вслух свои физические недостатки, немодную прическу или одежду женщина не захочет. К оценке же своих деловых, лидерских качеств она отнесется гораздо спокойнее. Успешные «деловые женщины» не желают признавать вслух свою деловитость. В отличие от них недооценка способностей мужчины в сфере его профессиональной деятельности больнее всего бьет по его самолюбию.

Никто не оспаривает права женщин на самую напряженную творческую профессиональную жизнь. Отнюдь! Речь идет о другом: «свобода» женщины, ее полная отдача жизни общественной и профессиональной слишком часто оборачивается бедой в ее же собственной семье. Кроме того, в подобных семьях возникает опасный дух соперничества, который ведет к своеобразной ревности супругов друг к другу, к успехам каждого, ибо успехи эти уже не воспринимаются как свои, общие. А отсюда – стремление (пусть и неосознанное) несколько принизить успехи другого, высмеять его искания, отмахнуться от его проблем.

Кон И. С. Социологические исследования. 1982. № 2.

19.6. Половые особенности удовлетворенности трудом

По данным А. Н. Михайлова (1987) и Н. Л. Волошинова (1987), общая удовлетворенность своей работой у женщин — учителей физкультуры выше, чем у их коллег — мужчин. Кроме того, у женщин выше удовлетворенность условиями и результатами работы, а также взаимоотношениями с коллегами и учащимися. У спортивных тренеров Г. В. Лозовая (2002) выявила другие зависимости между полом и частными видами удовлетворенности. Содержанием деятельности (возможностью воспитывать и обучать), престижностью профессии, возможностью общения и творчества больше были удовлетворены тренеры-женщины, а результатами деятельности и материальной базой — тренеры-мужчины. Но в целом и у тренеров-женщин удовлетворенность работой выше, чем у тренеров-мужчин.

По данным Н. Л. Волошинова, учителя-мужчины больше, чем учителя-женщины, не удовлетворены местом работы, а также заработной платой. При этом, как

показал Н. В. Журин (1991), у учителей-мужчин удовлетворенность местом работы больше всего обусловлена заработной платой, а у женщин — взаимоотношениями с администрацией и с достигаемыми результатами.

А. Н. Михайлов установил также, что соотношение между удовлетворенностью учителей — мужчин и женщин — зависят от стажа их работы в школе. Среди молодых учителей (стаж до 5 лет включительно) удовлетворенность мужчин выше, у опытных же учителей удовлетворенность выше уже у женщин. Это связано с тем, что почти по всем позициям удовлетворенность учителей-мужчин снижается (особенно по позиции «взаимоотношения с коллегами и администрацией школы»), а учителей-женщин возрастает. Возможно, это можно объяснить тем, что педагогический коллектив и администрация чаще всего состоят из представителей женского пола.

Удовлетворенность профессией и профессиональной деятельностью медицинских работников «скорой помощи», по данным М. Д. Петраш (2001), несколько выше у мужчин, чем у женщин. У женщин все показатели выгорания (истощение, резистенция, напряжение) несколько выше, чем у мужчин (рис. 19.5).

Рис. 19.5. Эмоциональнов выгорание у мужчин и женщин – работников «скорой помощи»

Большое значение для женщин с направленностью на семью имеет свободный рабочий график, возможность работать неполный рабочий день, с тем чтобы иметь возможность заниматься детьми. В связи с этим часто они бросают свою основную профессию или переходят на научную работу. Женщины с направленностью на творчество в избранной профессии достигают в ней высоких результатов, но это происходит отчасти за счет оттеснения семейных приоритетов (отвержения ценностей «семья», «материально-обеспеченная жизнь» и даже «любовь»). Мужчины с направленностью на творчество имеют более сбалансированные приоритеты (Андреева Т. В.,1998).

19.7. Пол и профессиональная карьера

Женщины чаще, чем мужчины, пассивны в планировании деловой карьеры, больше живут сегодняшним днем и меньше заглядывают в день завтрашний. По данным В. Г. Горчаковой (2000), лишь 20% женщин в нашей стране имеют устойчивую тенденцию к профессиональной карьере.

Женщины устраивают свою профессиональную карьеру значительно позже мужчин. Как показал Д. Левинсон (Levinson et al., 1978), большинство мужчин завершали свое профессиональное ученичество и полностью достигали статуса зрелости в сфере труда к 30 годам. Женщины же не переставали числиться новичками в профессиональном мире вплоть до достижения среднего возраста. Р. Дроэдж (Droege, 1982) даже обнаружила, что у большинства женщин, начавших свою карьеру после 20 лет, период ученичества длился до 40 лет, а то и позже. Но даже у тех женщин, которые, как и мужчины, достигли профессиональной зрелости к 30 годам, происходило переключение интереса с достижения профессионального успеха на получение удовлетворения от личных отношений. В этом состоит отличие женщин от мужчин, так как для последних карьера остается основной задачей и после 30 лет (Adams D., 1983).

Исследования показывают, что профессиональный цикл женщины строится иначе, чем профессиональный цикл мужчины (Стрекалова Н. Д., 1996; Рощин С., Рощина Л., 1994). У мужчин более интенсивный профессиональный рост наблюдается в первые 5 лет после вступления в брак. У женщин более высокие темпы профессионального роста приходятся на второе десятилетие после вступления в брак. Эта разница напрямую связана с наличием маленьких детей в семье. Один из способов, которым советское общество, семья и сама женщина пытались разрешить этот конфликт, был связан с возникновением особого типа «женщины-работника», которая существует в условиях заниженных профессиональных критериев и не ориентирована на профессионализм, достижения и успех, в то время как желание делать карьеру связывалось с «мужским» самоутверждением в обществе и «допускалось» для незамужних женщин, как бы оправданное тем, что они не достигли «главного» в своей жизни. При этом, по мнению многих работодателей, женщина, не имеющая мужа, не в состоянии сконцентрировать свои интересы на работе, так как главной ее целью является создание семьи, а интересы производства приносятся в жертву этой цели.

Таким образом, как замужним, так и незамужним женщинам, ориентированным на профессию и карьеру, приходится преодолевать сопротивление общества идее личной карьеры вообще и женской карьеры в частности. Статус незамужней женщины является при этом «отягчающим обстоятельством». Профессиональная ориентация незамужних женщин близка к мужской установке на карьеру, но это не столько сознательный личный выбор, сколько «вынужденная» ориентация. Она усиливается тем, что сам тип профессионально ориентированной женщины еще только формируется в российском обществе. Он столь же мало известен, как и тип домашней хозяйки, который рождается из компромисса «работающей женщины и матери» (Виткин Дж., 1996; Попова Л. В., 1996; Austin L., 2000).

Александрова А. В., 2005, с. 4.

Смена профессиональной карьеры. Мужчины чаще меняют свою профессиональную карьеру, чем женщины, так как последние не оставляют попыток добиться повышения по службе и не готовы к переоценке своих профессиональных целей и достижений (Droege R., 1982). Думается, этому есть и другая причина — большая склонность мужчин к риску.

Виды профессиональной карьеры женщин. Выделены три вида карьер женщин: линейная — постоянное ведение домашнего хозяйства; прерывистая —

женщина на определенное время прекращает работать ради семьи, а затем вновь возвращается на работу; параллельная — женщина работает и ведет домашнее хозяйство.

Характерным является отмечаемый Т. В. Андреевой (1998) факт, что даже у тех женщин, которые в юности выбрали творческую работу, в зрелом возрасте (около 30 лет) у большинства из них преобладает семейная направленность. Это согласуется с выявленным Э. С. Чугуновой (1986) фактом, что среди инженеров с индифферентной установкой к творческой профессиональной деятельности женщин в 2,5 раза больше, чем мужчин. Более того, 18% женщин высказали отрицательное отношение к повышению уровня своих технических знаний, что тормозит их творческую активность и профессиональное продвижение.

Гендерные различия, наблюдающиеся в сфере психологии карьеры состоят в следующем (см.: Betz, Fitzgerald, 1987):

У женщин относительно ограниченный набор возможностей сделать карьеру по сравнению с гораздо более значительными возможностями у мужчин.

Женщины чаще работают в традиционно женских областях, где статус и рыночная ценность их труда довольно низки.

Женщины недостаточно хорошо представлены на каждом более высоком профессиональном уровне.

Женщины чаще мужчин посещают публичные учебные заведения и колледж временно, а не постоянно.

Типично женские профессии предлагают ограниченные возможности роста; интеллектуальные способности женщин не сказываются на их успехах в образовании и профессиональной деятельности; их притязания ниже, чем у мужчин с такими же способностями.

Палуди М., 2003, с. 278.

Данные, полученные А. В. Александровой (2005), свидетельствуют о том, что профессиональная карьера женщин, имеющих семью, связана с направленностью их жизненных стратегий (направленность на себя — на дело — на взаимодействие). Женщины, сделавшие карьеру, характеризуются высокой направленностью на себя, на личные достижения, и меньше всего — на взаимодействие, что позволяет им больше концентрироваться на деле и меньше зависеть от мнения окружающих. Женщины, совмещающие семью и работу, но без карьерных продвижений, при ведущей направленности на дело имеют высокую направленность и на взаимодействие. Они часто следуют стереотипам, препятствующим профессиональной реализации. Женщины, испытывающие конфликт между работой и семьей, воспринимают профессиональную деятельность как вынужденную, связанную с материальным обеспечением семьи, мешающую выполнять им роль матери и жены.

Возможно, что в совокупности с обстоятельствами, связанными с рождением детей и уходом за ними, это приводит к тому, что женщин менее охотно принимают на работу. Прерывание женщинами своей карьеры по семейным обстоятельствам является также причиной того, что на них отрицательно смотрят при при-

нятии решения о продвижении по службе. Так, Дж. Барон с соавторами (Baron et al., 1986) проанализировали список перспективных (т. е. позволяющих делать карьеру) должностей в 100 организациях и выявили, что 71% из них были заняты мужчинами.

Выявлены несколько факторов, определяющих, будет ли женщина стремиться к карьере: возраст вступления в брак, экономическое положение мужа, его взгляды на работающих женщин. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что женщины, которым удается сделать карьеру и добиться руководящей должности, как правило, остаются одинокими (Mueller, Campbell, 1977). Наиболее неблагоприятным считается вариант, когда женщина прерывает ради семьи свою карьеру, не закончив образование. Длительный перерыв при еще не устоявшихся профессиональных интересах ведет к тому, что женщине трудно возвратиться к получению профессионального образования (замечу, что в этом ничего принципиально специфичного для женщин нет; такие же проблемы возникают и у юношей, прерывающих учебу из-за службы в армии; разница лишь в том, что мужчин принуждают, а женщин вынуждают семейные обстоятельства прервать учебу).

Наблюдения и опросы современной студенческой молодежи, проведенные Л. Б. Поповой, показали, что девушки стали чаще говорить об отказе от собственной карьеры в пользу удачного замужества и возможности не работать. Она полагает, что причинами изменений в ценностных ориентациях могут являться: тяжелый опыт матерей, связанный с двойной нагрузкой, изменения в образе женщины, создаваемом современными средствами информации, высказываниями политических лидеров о традиционной женской миссии. Девушки имеют право выбора карьеры домохозяйки, но этот выбор должен строиться на отрефлексированной оценке возможных вариантов жизненного пути, на понимании и переживании его будущих последствий (Попова Л. Б., 1996).

Оценка результатов крупномасштабного «эксперимента» по переориентации женщин на домашнее хозяйство уже имеется в мировой практике. Б. Фридан (1994), интервьюируя американских «хранительниц домашнего очага», обнаружила, что многие женщины ощущают неудовлетворенность и стыдятся этого, так как «знают», что, напротив, они должны чувствовать, насколько им повезло. Неудовлетворенность чувствуют даже те женщины, чьей мечтой всегда была роль жены и матери. Анализируя множество американских исследований, Б. Фридан делает вывод, что неработающие женщины часто чувствуют свою социальную изоляцию. Рост числа работающих женщин укрепляет распространенное в обществе представление, что те, кто остается дома, ведут праздную и беспечную жизнь, и такое снижение престижности домашнего труда еще больше увеличивает неудовлетворенность неработающих женщин.

У работающих женщин свои сложности. Требования, которые предъявляют к женщине семья и работа, во многом противоречивы. На работе преобладает «этика индивидуализма», т. е. автономии и справедливости, дома – «этика заботы», с ее ценностями альтруизма, самопожертвования, служения ближним. При совмещении семейных и внесемейных ролей возникает целый ряд конфликтов и тревог: женщины беспокоятся по поводу того, что наносят детям эмоциональный ущерб, что вынуждены доверить воспитание своих детей другим людям, что их профессиональная жизнь урезается временем и энергией, которую они отдают семье, что их брак страдает от всего этого, что их эмоциональные и физические ресурсы напряжены до предела. Возникает ролевой конфликт (Палуди М., 2000).

Копачева И. В., 2005, с. 97.

Типы планирования карьеры могут быть разными. Вертикальная карьера характеризуется наличием должностного роста и роста профессионализма и расширением должностных функций и полномочий. Горизонтальный тип карьеры характеризуется ростом профессионализма, освоением смежных специальностей, расширением должностных функций. Расширенный тип карьеры связан с расширением должностных функций и полномочий при отсутствии профессионального и должностного роста. Альтернативная карьера предполагает освоение смежных специальностей с перспективой ухода из данной профессии.

По данным А. А. Корниловой (2005), имеются различия между мужчинами и женщинами в типах планируемой карьеры. Практически все мужчины предпочитают вертикальный тип карьеры. Среди женщин предпочли данный тип карьеры только 40%. Остальные предпочли горизонтальный тип карьеры (23%), расширенный тип (27%) и альтернативный тип (10%).

Научная деятельность как карьера. Еще в античные времена были женщины, проявлявшие себя в науке, однако это было большой редкостью. И до сих пор научной деятельностью занято больше мужчин, чем женщин, причем чем выше научный статус, тем больше проявляются эти различия. Приведу в качестве примера данные З. Яворского (Jaworsky, 1994), относящиеся к польским вузам (табл. 19.5).

Таблица 19.5. Количественный состав (процент) и квалификация преподавателей в различных вузах Польши

Квалификация	Мужчины	Женщины
Профессор и доцент	82,3	17,7
Адъюнкт	58,8	42,2
Старший преподаватель	62,0	38,0
Старший ассистент	65,4	34,6
Преподаватель	43,6	56,4
Ассистент	67,6	32,4
Лектор	90,3	90,7
Всего	60,7	39,3

В России женщины составляют 40% от общего числа научных работников. Среди них кандидатов наук — 28%, а докторов наук — 13–14%. Среди руководителей научных учреждений женщин всего 12%, чаще всего это руководители лабораторий, заместители директоров высших учебных заведений. В США среди докторов наук женщин — 20% (следует иметь в виду, что докторская степень на Западе соответствует кандидатской степени в России).

На одну из возможных причин этого указывал еще Ч. Дарвин (1896): отрасли, в которых мужчина наиболее превосходит женщину, — те, которые требуют *упорного доискивания и продолжительной работы над отдельными мыслями*. Имеет значение и то, что женщины чаще, чем мужчины, ставят под сомнение свои способности в овладении науками (Ware N., Steckler N., 1983). Выявлено, что студентки колледжей оценивают статьи, написанные мужчинами, выше, чем статьи, написанные женщинами (Goldberg H., 1983). Возможно, имеет значение

то, что в школе учителя чаще спрашивают и больше поощряют в занятиях точными науками, в частности математикой, мальчиков, чем девочек, чаще рекомендуют мальчикам заняться наукой (Brophy, 1985; Eccles, Blumenfeld, 1985, Matyas, 1987).

Гипатия из Александрии (370–415), женщина – математик, астроном и философ-неоплатоник. Преподавала она в Александрийском музее, куда съезжались студенты со всего света, чтобы послушать лекции по математике, астрономии, механике, философии. Вместе с отцом-математиком и астрономом Теоном занималась пересмотром и совершенствованием евклидовой геометрии. Они впервые изобрели устройство для дистилляции воды и измерения ее уровня. Гипатия стала жертвой религиозного фанатизма христиан и была растерзана толпой. На нее до сих пор ссылаются как на единственного представителя «слабого пола» в истории математики.

Первыми ботаниками были женщины. Они собирали травы, связывали созревание растений с астрономическими явлениями (сменами фаз Луны, появлением звезд).

В эпоху Средневековья было известно имя аббатисы Хильдегард (1098–1179). Она оставила описание 230 видов растений и 60 видов деревьев, птиц, рыб, камней, металлов, теологические трактаты, книги по медицине, энциклопедию. Церковь причислила ее к лику святых.

В XVIII в. во главе отечественной науки стояла Е. Р. Дашкова (1744–1810). Она была одновременно директором императорской Академии наук в Петербурге и президентом Российской академии – научно-исследовательского центра гуманитарных наук по изучению русского языка, древнерусской словесности, отечественной истории.

Каролина Гершель из Ганновера в 1783 г. открыла три новые туманности. Она помогала брату исследовать двойные звезды, а затем открыла сама несколько новых звезд и еще 14 туманностей. Первого августа 1786 г. она обнаружила новую комету. В возрасте 75 лет завершила описание туманностей, за что в 1828 г. получила золотую медаль Королевского астрономического общества (Англия), почетным членом которого стала в 1835 г.

Ада Лавлейс, дочь Байрона, была математиком. Она и ее муж, граф Лавлейс, создали вычислительную машину – прообраз современного компьютера.

М. Склодовская-Кюри вместе со своим мужем Пьером Кюри открыли полоний и радий, исследовали радиоактивные излучения.

Софья Ковалевская (1850–1891) – математик, первая женщина – член-корреспондент Петербургской академии наук. Она вела исследования в области математики, механики, астрономии и была удостоена премии Парижской академии наук и Академии наук Швеции.

Источник: Женщины в науке: Реферативный сборник. М., 1989.

Важные открытия в ядерной физике принадлежат Лизе Мейтнер. Несмотря на все сложности, с которыми она сталкивалась как женщина, она опубликовала более 130 научных трудов... Многие открытия Мейтнер были сделаны совместно с коллегой, физиком Отто Ганом... Лиза Мейтнер получила много наград, в том числе премию Ферми в 1966 г.

В начале XX в. выбор профессии физика был необычным для женщины, и Мейтнер пришлось столкнуться с предрассудками. В Берлинском университете, где Мейтнер в 1926–1933 гг. была профессором, она работала в бывшей столярной мастерской: женщинам не разрешалось работать в главном здании. Коллеги-мужчины игнорировали ее и обсуждали все вопросы с Ганом.

Источник: Иллюстрированная семейная энциклопедия. М., 2008. Т. 9. С. 5.

По данным Л. Термена и К. Майлза (Terman, Miles, 1936), женщины, защитившие докторские диссертации или попавшие в перечень «Кто есть кто», т. е. сделавшие карьеру, в среднем оказались более маскулинными, чем женщины любых других профессий.

Однако отказ женщин от карьеры (особенно женщин-руководителей) не обязательно связан с боязнью утратить женственность. Многие женщины не хотят играть в политические игры мужчин, ориентируются на негативное отношение общества к лидерству женщин (Rojahn et al., 1997).

В современной науке наблюдается гендерная асимметрия. Женщины чаще проявляют себя в биологии, медицине, истории, филологии и др., а мужчины – в математике, физике, электронике, промышленности и др. Однако следует помнить, что женские открытия в науке чаще связаны с сохранением природы, а мужские открытия – с ее разрушением, гипертрофией техницизма и дегуманизацией социума. Уже сейчас можно слышать, что женские научные исследования приближают нас к истинному познанию.

Зуйкова Е. М, Ерусланова Р. И., 2001, с. 116.

Страх женщин перед успехом. Мешает успешной профессиональной карьере женщин имеющийся у многих страх перед успехом. Ученица Дж. Аткинсона М. Хорнер (Horner, 1968) ввела в двухфакторную модель своего учителя (мотивацию достижения успеха — избегания неудачи) третий фактор — мотивацию избегания успеха. По ее представлениям, успех вызывает у женщин тревогу, поскольку ассоциируется с нежелательными последствиями — утратой женственности, потерей значимых отношений с социальным окружением. Кроме того, женщина, испытывая вину перед детьми и мужем, подсознательно стремится отказаться от карьеры на работе, тем более что культурные традиции не одобряют жен, добившихся большего успеха по сравнению со своими мужьями. Этот феномен получил название *конфликта боязни успеха*. Успех в сферах профессиональных и значимых отношений представляется для женщины взаимоисключающим. Поэтому, отдавая предпочтение значимым отношениям, она начинает бояться успеха в профессиональной деятельности.

М. Хорнер предлагала студентам колледжа написать небольшое сочинение, началом которого являлась фраза: «После экзаменов за первый семестр Джон, студент медицинского колледжа, оказался на первом месте по успеваемости в своей группе». Студенткам было предложено то же начало, только «Джон» был заменен на «Энн». Девяносто процентов студентов-мужчин отнеслись в своем сочинении к «Джону» положительно. В то же время две трети студенток отрицательно отнеслись к «Энн». Они описывали ее как непопулярную и всеми отвергаемую личность или обманщицу. По данным этого исследования, страх успеха был выявлен у 65% женщин и только у 9% мужчин.

М. Хорнер считала страх успеха особенностью, изначально присущей женской природе, тормозящей достижения женщин в любой сфере деятельности. Другие психологи видели в появлении страха успеха влияние внешних факторов (Breedlove C., Cicirelly V., 1974; Bremer T., Witting M., 1980; Monahan et al., 1974). Так, К. Такач

(Takacs C., 1986) отмечает, что девочек учат ставить на первое место карьеру будущего мужа. В пользу роли внешних факторов на появление страха успеха свидетельствует и тот факт, что в тех ситуациях, где достижения приемлемы с полоролевой точки зрения, этот страх у женщин не появляется. К. Бридлов и В. Цицирелли показали, что страх успеха у женщин, занятых в медицине (сфере, не типичной для женщин в ряде стран Запада: например, в США в области клинической психологии и психиатрии работают преимущественно мужчины [Chesler, 1972]), выше, чем у учителей (в сфере, типичной для женского пола). То же получено при сравнении женщин-инженеров с медсестрами. Страх успеха достигал максимума в их исследовании, когда женщина находилась на вершине инженерной иерархии и имела много семейных обязанностей.

Показано также, что страх успеха проявляется у женщин в меньшей степени, если они не составляют большинство в смешанной по половому признаку группе (Kanter R., 1977) или когда они работают в одиночестве.

А. Стюарт (Stewart, 1975) обнаружила, что девушки с боязнью успеха в большей мере опасаются того, что стремление сделать карьеру может помешать им в супружеской и семейной жизни. У них показатели боязни успеха были связаны с ранним вступлением в брак, скорым рождением детей, отсутствием профессиональной занятости и целеустремленности в работе и четко выстроенного профессионального пути. Стюарт объяснила это тем, что эти женщины таким путем стремились доказать свою женственность. После такого «доказательства» они могли успешно делать свою карьеру.

Страх успеха выявлен также у российских женщин-политиков и женщин-предпринимателей (Турецкая Г. В., 1998). Однако в исследовании А. Е. Чириковой данный факт в отношении женщин-предпринимательниц не подтвердился. Автор объясняет это тем, что до занятия бизнесом обследованные женщины были руководителями своих предприятий и освоение ими новых социальных полей дало возможность раскрытия новых личностных возможностей. В то же время только 10% опрошенных считали, что им удалось сбалансировать работу и личную жизнь.

Страх успеха возможен и у мужчин, когда род их деятельности не соответствует их гендерной роли (Арансон Э., 1998; Yamauchi H., 1989). Черри и До (Cherry, Deaux, 1975) утверждают, что мужчина в школе медсестер также будет избегать успеха. С. Пайк и С. Кэйхилл (Pyke, Kahill, 1983) повторили эксперимент М. Хорни с «Джоном» и «Энн» на врачах и обнаружили, что мужчины больше боятся успеха, чем их коллеги женского пола. Страх успеха может появиться у мужчин также в тех случаях, когда они не хотят вызвать зависть своих сослуживцев, нарушить дружеские отношения с ними.

19.8. Пол и бизнес

Женщины-менеджеры, разуверившиеся в возможности сделать карьеру в корпоративном мире из-за имеющейся там дискриминации, уходят в бизнес, пытаясь открыть собственное дело. В конце XX в. на Западе таких женщин было в 5 раз больше, чем мужчин (Rosin, Kobarik, 1995; цит. по: Шульц Д., Шульц С., 2003).

Однако женский бизнес — это преимущественно розничная торговля, образование и сфера обслуживания. Между тем практика показывает, что в сфере бизнеса женщины ничуть не менее успешны, нежели мужчины.

В России мужчин в бизнесе больше. По данным 1994 г., имеющих собственную фирму было 1,7% женщин и 3,8% мужчин. Владельцев и совладельцев частного предприятия, дела и организации женщин было 2,9%, а мужчин — 5,6% («Информационный...», 1994). В выборке предпринимателей, обследованных О. С. Дейнеко и Д. Г. Мартюшевым (2000), было 35 мужчин и только 5 женщин. При этом профессиональный профиль женского предпринимательства в основном традиционен: легкая промышленность, ремесла и промыслы, консультативная, учебная деятельность, медицина, косметические услуги.

Однако, женщин, желающих заняться бизнесом, гораздо больше. Е. Кобзева (1991), например, выявила путем опроса на КамАзе, что более трети женщин хотели бы перейти из государственного сектора экономики в малые и совместные предприятия, заняться индивидуальной трудовой деятельностью. При этом около 15% женщин хотели бы создать свое дело, организовать свое предприятие.

Женщина в бизнесе отличается от мужчины в бизнесе прежде всего старательностью, меньшей амбициозностью, большей ответственностью, предсказуемостью, более четким представлением о своей фирме и ее целях. Женщины меньше поддаются панике, чаще прибегают к советам и опыту других, склонны к коллективным решениям, лучше аладеют мягкими конфликтными технологиями... К субъективным факторам, снижающим эффективность предпринимательской деятельности, сами женщины относят мягкость характера, трудность применения санкций за ошибки, длительные переживания событий, отсутствие авантюризма.

Зуйкова Е. М., Еруcланова Р. И., 2001, с. 88–89.

В США в отношении женщин к бизнесу тоже произошли существенные сдвиги. Если раньше количество студенток, специализировавшихся в бизнесе и менеджменте, составляло менее 10%, то в начале 1990-х гг. — более 50%. В 1989 г. каждая пятая студентка получила диплом специалиста по организации и экономике производства. Более 4 млн фирм США принадлежат полностью или частично женщинам, но большинство из них имеют низкий годовой оборот ($1 млн и меньше). Около трети новых миллионеров США составили молодые женщины-предпринимательницы (Дедерихс М., 1995).

В последние годы во всем мире увеличивается число женщин, участвующих в принятии решений в экономической сфере. В США, Канаде, Германии число женщин, возглавляющих фирмы, растет быстрее, чем число мужчин, но они концентрируются в сферах с более низким уровнем оборота. Однако в целом в европейском регионе собственниц фирм, а также женщин занимающих руководящие посты, до сих пор мало.

Как показано А. Е. Чириковой (1999), существуют серьезные различия между мужчинами и женщинами, занятыми в бизнесе в России, в оценке ими деловых и личностных качеств, способствующих успеху в их деятельности.

У женщин первые позиции (в порядке убывания значимости) занимают следующие качества и умения:

1) умение идти на компромисс, гибко вести переговоры, учитывая позиции других сторон;
2) уверенность в себе и своей миссии;
3) умение действовать в ситуации конфликта и угрозы риска;
4) постоянная готовность к изменениям, к нововведениям;
5) способность быстро делать выбор;
6) умение эффективно использовать способности и умения других людей;
7) трезвое отношение к новшествам, здоровый консерватизм;
8) умение противостоять давлению и нажиму, отстаивать свою позицию;
9) умение жить сегодняшним днем, «здесь и сейчас».

Мужчины ведущими качествами и умениями назвали:

1) постоянную готовность к изменениям, к нововведениям;
2) умение при необходимости навязать свою позицию;
3) умение чувствовать себя свободным и извлекать выгоду в рамках принятых ограничений и правил;
4) умение эффективно использовать способности и навыки других людей;
5) умение использовать чужие идеи для реализации своих целей;
6) умение действовать в ситуации конфликта и угрозы риска;
7) умение производить впечатление, налаживать и поддерживать отношения с другими людьми;
8) уверенность в себе и своей миссии;
9) умение противостоять давлению и нажиму, отстаивая свою позицию.

Автор отмечает, что женщины на фоне выраженной способности к доминированию в своих стратегиях ориентированы на компромисс, уверенность в себе, хотели бы расчитывать на свои силы, доверие только к себе при высокой пластичности, приспосабливаемости к ситуации. Мужчины же склонны лидировать, опираясь, в первую очередь, на умение доминировать, действовать в ситуации неопределенности и угрозы риска, эффективно использовать других людей для реализации своих целей. Мужчины сильнее женщин ориентированы на «демонстративные качества», в то время как женщины в меньшей степени стремятся к «самопрезентации».

Мужчина в бизнесе больший игрок, нежели женщина, он ориентирован на достижение цели во что бы то ни стало. Женщина в большей мере опирается на другие качества и умения: рационально распоряжаться капиталом, быстро переключаться с одного дела на другое, понимать и принимать чужую точку зрения, идти на компромиссы, жить сегодняшним днем.

Женщины, в отличие от мужчин, являются сторонниками консервативного бизнеса, пытаются избавиться от взгляда на бизнес как на большую игру.

Женщины труднее, чем мужчины, адаптируются к рыночным стратегиям выживания. Прежде всего, стоит упомянуть, что среднемесячная заработная плата женщин составляет сегодня всего 65% от среднемесячной заработной платы мужчины. Среди всех занятых предприниматели-мужчины составляют 6,2%, а женщины только 0,6%. Сегодня женщин-работодателей не более 11%, и то в тех сферах производства, которые, как правило, малоэффективны и малоприбыльны. На менее эффективных государственных предприятиях занято 60% женщин. Женщины меньше, чем мужчины, склонны к вторичной занятости – дополнительные заработки имеют 20% мужчин и только 4,8% женщин имеют две работы и более.

Матвеева Г. С., 2004, с. 4.

Можно, конечно, сожалеть, что женщины получают в среднем меньшую зарплату, чем мужчины (хотя следовало бы разобраться в причинах этого: может быть, больше женщин работает на полставки, чтобы иметь больше времени для выполнения семейных обязанностей?). Можно удивляться, почему в условиях *свободного предпринимательства* так мало женщин используют свой шанс. Но вот то, что женщины реже меняют работу, чем мужчины, не может служить доказательством сегрегации женского пола. Это может означать только то, что основным «денежным мешком» в семье остается мужчина, поэтому он и вынужден искать дополнительные заработки чаще, чем женщины.

Мотивация мужчин и женщин-предпринимателей. По данным А. Н. Индиенко (2001), у мужчин-продавцов по сравнению с коллегами-женщинами более выражены такие факторы мотивации социального успеха, как достижение результата и соперничество.

Женщины видят в бизнесе возможность самореализации, в то время как мужчины ищут в нем возможность самоутверждения и приобретения свободы.

А. Н. Индиенко, используя опросник мотивационных источников (MSI) Е. Барбуто и Р. Сколл, в переводе Е. В. Сидоренко, показал, что у женщин-продавцов по сравнению с мужчинами-продавцами почти в 2 раза больше выражен фактор интереса к работе, а у мужчин-продавцов значительно больше, чем у женщин-продавцов, выражен фактор оплаты своего труда.

Это совпадает с имеющимися в литературе данными, что в мотивационной иерархии мужчин-бизнесменов доминируют такие ценности, как достижение конкретных и ощутимых результатов своего труда, обеспечение защищенного материального положения для себя и своей семьи, возможность творческой самореализации, а у женщин доминируют такие ценности, как интересная работа, связанная с новыми впечатлениями и общением с людьми (у мужчин эта ценность стоит на последнем месте), конкретные и ощутимые результаты своего труда, внутренний комфорт и самоуважение. Таким образом, женщины-бизнесмены предстают менее материально ориентированными, чем мужчины.

19.9. Пол и служба в армии и органах внутренних дел

Еще Платон предполагал, что в будущем идеальном государстве оба пола должны будут освоить одни и те же занятия, ремесла и что женщинам наравне с мужчинами придется участвовать в войне. Его пророчество сбылось. Уже при Петре I пра-

во женщин на армейскую службу (правда, только в качестве медиков) было зафиксировано в Уставе 1716 г. В конце XVIII в. по указанию князя Потемкина в Крыму была создана «амазонская рота»: она формировалась из молодых жен и взрослых дочерей офицеров, командовала ротой тоже женщина. Эти российские амазонки, по отзывам современников, отличались храбростью, прекрасно ездили верхом, метко стреляли из ружей. Первой женщиной – офицером и Георгиевским кавалером была Надежда Дурова, прославившаяся в Отечественной войне 1812 г. Женщины-кавалеристки участвовали и в Русско-японской войне 1905 г. Во время Первой мировой войны прославилась Мария Бочкарева, которую называли русской Жанной д'Арк. Она, будучи рядовым солдатом, ходила в штыковые атаки, была полным Георгиевским кавалером (т. е. имела солдатские ордена – Георгиевские кресты всех четырех степеней), позже дослужилась до чина унтер-офицера и командовала в конце войны женским отрядом, преобразованным потом в «батальон смерти». Временное правительство А. Ф. Керенского примером этого батальона пыталось устыдить солдат-мужчин и заставить их воевать до конца. Но нужно отметить, что, по свидетельствам очевидцев, Мария Бочкарева имела мужеподобный вид и была крайне груба и жестока в обращении с подчиненными.

В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. участвовало 800 тысяч женщин-военнослужащих, из которых 550 тысяч ушли на фронт. Они были снайперами, связистами, разведчиками, летчиками. 86 женщин стали Героями Советского Союза, четыре — полными кавалерами ордена Славы.

Примеры участия женщин в войнах и проявления ими мужества имеются и в странах Запада. Хрестоматийным является образ Жанны д'Арк, деяния которой описаны во многих литературных произведениях.

В ряде западных стран женщины задействованы в службе в армии. В Израиле женщин в армии 11%, и в этой стране существует всеобщая воинская обязанность не только для мужчин, но и для женщин (правда, женщины служат меньший срок), в Канаде – 10,9%, в Великобритании – 6%, в Японии – 3,5%, во Франции – 2,9%. Женщины в основном выполняют штабную работу, служат интендантами, инструкторами и освобождаются от участия в боевых действиях.

Однако более всего женщины задействованы в армии США. В. В. Пешков с соавторами (2001) приводят данные, согласно которым в военной авиации США численность военнослужащих-женщин составляет 13%, причем женщины в качестве пилотов в штурмовой и истребительной авиации, в качестве инструкторов в подразделениях межконтинентальных баллистических ракет (до 84% личного состава), в подразделениях военно-морских сил (ВМС) более 300 женщин летают на всех типах самолетов в качестве испытателей, пилотов оперативных эскадрилий и эскадрилий поддержки. В то же время бывший министр обороны США Лес Эспин считал, что нельзя допускать женщин в пехотные, бронетанковые и воздушно-десантные подразделения.

В Великобритании число женщин, служащих в военно-воздушных силах (ВВС), составляет 6,8% от общего числа летного и инженерно-технического состава. Они представлены в службах обеспечения авиации (авиационные техники, инженерно-технический состав). Имеются подразделения стюардесс, обслуживающие глав правительств, и бортовых медицинских сестер, участвующих в воздушно-транспортной

эвакуации. В ВМС женщины входят в состав экипажей противолодочных вертолетов (пилотами и штурманами-операторами). В перспективе рассматривается вопрос о снятии запрета на службу женщин на истребителях палубного базирования.

В ВВС Франции женщины составляют 10% от общего количества и имеют право занимать офицерские должности в экипажах самолетов и вертолетов в качестве летчиков, штурманов, но в основном военно-транспортной авиации. В авиации ВМФ офицерские должности отведены для женщин в летных экипажах на транспортных самолетах и вертолетах связи.

В Австралии количество женщин-военнослужащих ВВС составляет 13%, а в Нидерландах – только около 3%.

Во многих европейских странах и США прием женщин со средним образованием на военную службу и в военно-учебные заведения по подготовке специалистов для ВВС осуществляется без ограничений, причем условия приема и обучения отличаются от мужских только программой по физической подготовке и требованиями по профессиональному психологическому отбору. В США женщины проходят обучение в одном из самых престижных учебных заведений – академии ВВС. Начали привлекать женщин для обучения в академии ВВС и в Индии. В войсках НАТО на действительной службе в 1999 г. находились 270 тысяч женщин. В то же время высоких воинских званий удостоены лишь немногие из них. Так, среди военнослужащих-женщин США имеются одиннадцать генералов и один адмирал, в Израиле есть два бригадных генерала. Объясняют это тем, что женщины служат меньший срок, чем мужчины, кроме того, получение воинского звания зависит от участия в боевых действиях, а в них принимают участие в основном мужчины (хотя во время войны США в Персидском заливе в операциях «Щит пустыни» и «Буря в пустыне» участвовало почти 40 тысяч женщин-военнослужащих).

Женщины способны на все. Мужчины – на все остальное.

А. Ренье, французский писатель

Привлечение женщин для службы в армии на Западе обусловлено демографическими причинами, а именно уменьшением числа молодых мужчин среди населения, а также способных нести воинскую службу по состоянию здоровья. Играет роль и тот фактор, что в США, например, служба в армии осуществляется на добровольной основе.

Россия пока отстает от Запада, хотя в последние годы приток женщин в армию усилился. Так, в 1995 г. женщины составляли 8,5% численности личного состава, в 1999 – 10,0%. Это обусловлено не столько желанием служить в ВС, сколько тяжелым экономическим положением в стране: 80% военнослужащих-женщин до прихода в вооруженные силы знали о службе лишь понаслышке. По данным Р. Х. Кузиной (2001), основными мотивационными факторами, влияющими на решение женщин поступить на военную службу, являются высокий уровень безработицы в России, недостаточное материальное обеспечение, наличие социальных и экономических льгот у военнослужащих, возможность получения более раннего и повышенного по сравнению с большинством других категорий женщин пенсионного обеспечения.

В то же время женщина, поступившая на военную службу, имеет определенные возможности для самореализации: для нее открываются возможности служебной карьеры (за последние годы почти вдвое увеличилось количество военнослужащих женщин, проходящих службу в должности офицеров), самоутверждения, независимости, самостоятельности, возможности приносить пользу обществу. По данным Р. Х. Кузиной, 56% женщин охарактеризовали военную службу как достаточно интересную для себя, разнообразную, нескучную, но не позволяющую проявлять инициативу.

Военная служба по контракту наиболее привлекательна для женщин в возрасте после 30 лет (для мужчин — в возрасте от 20 до 24 лет). Средний возраст женщин-военнослужащих в России — 37–38 лет, хотя наблюдается тенденция к омоложению состава военнослужащих женщин. При этом замужних женщин почти вдвое больше, чем женатых мужчин-контрактников из рядового состава. Замужние военнослужащие имеют, как правило, двоих детей. Образовательный ценз у военнослужащих женщин намного выше, чем у мужчин (высшее образование в 1994 г. было у 22% опрошенных женщин и у 3,5% мужчин, проходящих по контракту военную службу на должностях сержантского и рядового состава, а в 1999 г. женщин с высшим образованием было в армии уже 37%).

Без ограничения женщины замещают должности, связанные со специальностями военно-гуманитарного, педагогического, научного, юридического, медицинского и ветеринарного профилей. В ВВС разрешено назначение женщин на несколько сотен должностей авиационных специалистов, но в офицерский состав могут быть отобраны женщины только на должности командного и инженерно-технического профилей. В 1998 г. женский контингент составлял в ВВС 25 тысяч, а вместе с войсками ПВО — 45 тысяч.

Однако в ВВС России для женщин в летном составе существуют ограничения. Имеются лишь единичные случаи задействования женщин в качестве бортовых специалистов (бортинженеров, борттехников). Немало женщин-военнослужащих выполняют наземные, обеспечивающие функции.

Среди российских военнослужащих женщин офицерские звания имеют менее 3%, из них 61 подполковник и 8 полковников, в звании генералов, по данным 1998 г., женщин не было. По мнению одной из женщин-офицеров, затруднения, связанные с продвижением женщин по армейским должностным ступеням, связаны с тем, что в отличие от мужчин, готовых к выполнению любого, иногда бестолкового приказа, женщины не стесняются говорить правду в глаза, могут постоять за себя, противятся выполнению нелепых приказов.[1] Если это так, то сетовать на малочисленность женщин в ВС не приходится — ведь в армии приказы не обсуждаются.

Конечно, женщины, проходящие военную службу, испытывают определенные трудности при адаптации к новым условиям, в том числе и к особенностям армейских взаимоотношений. В исследовании Р. Х. Кузиной адаптационные характеристики мужчин оказались выше, чем женщин, хотя у женщин они соответствуют норме и не являются противопоказанием к их военной службе. Нужно, однако,

---

[1] Вестник ПВО. 1992. № 2. С. 5.

обратить внимание, что эмоциональная реакция перед отправкой их в район боевых действий была выражена очень сильно, близко к аффекту. Больше выражены у женщин в ходе боевых действий и астенодепрессивные состояния.

Следует учитывать и такой неблагоприятный для женщин фактор, как сексуальные домогательства. По исследованиям 1991 г., проведенным в США, две трети женщин-военнослужащих подтвердили, что коллеги-мужчины повинны в оскорблениях и приставаниях. В ряде исследований (Gutek B., Cohen A., 1987; Mansfield et al., 1991) было обнаружено, что нежелательное сексуальное внимание мужчин-сослуживцев женщины испытывают там, где преобладают мужчины, которые смотрят на малочисленных женщин в своем коллективе прежде всего как на женщин, а потом уже как на работников.

Женщины в органах внутренних дел. В 1997 г. в России на должностях рядового и начальствующего состава проходили службу 146 тысяч женщин. В некоторых службах они составляют большинство: так, инспекция по делам несовершеннолетних на 58% состоит из женщин, паспортно-визовая служба — на 71,5%, инспекция исправительных работ — на 61%. Несколько меньше женщин среди психологов (53,5%), в кадровых аппаратах (29,6%), в следственных отделах (36,2%).

Увеличивается доля женщин среди сотрудников служб, традиционно считавшихся мужскими. В уголовном розыске в 1997 г. работали более тысячи женщин (в 1993 г. — 592), в службе участковых инспекторов милиции — 562 женщины, в подразделениях по борьбе с организованной преступностью — 670, в ОМОНе — 219, подразделениях оперативно-поискового управления — 2,8 тысячи.

19.10. Мужчины и женщины в период безработицы

Зарубежные статистические данные свидетельствуют о том, что безработных женщин больше, чем мужчин (от 60 до 75%). Так, по исследованиям зарубежных авторов (Davidson et al., 2000; Harvi et al.,1996; Olian et al., 1988), при устройстве на работу более предпочтительны мужчины.

Однако в нашей стране, согласно данным Е. М. Зуйковой и Р. И. Еруслановой (2001), безработных мужчин больше, чем женщин. Это противоречит утверждениям ряда авторов, что на рынке труда женщины подвергаются дискриминации. Возможно, полученные отечественными авторами данные объясняются большей пассивностью мужчин в поиске работы. Количество безработных женщин, обращающихся за консультацией к психологам и специалистам службы занятости, по данным М. А. Биндюкова, значительно выше, чем мужчин (соответственно 68,2–78,3 и 31,8–21,7%). При этом женщины хотели бы проявлять больше самостоятельности и учиться новому (рис. 19.6).

Среди уволенных в связи с высвобождением несколько больше женщин, а среди уволенных по собственному желанию — больше мужчин.

Эти же авторы пишут о причинах незанятости мужчин и женщин (табл. 19.6).

М. А. Бендюков (2006) выявил половые различия в представлениях безработных о причинах собственной безработицы. Мужчины указывают преимуществен-

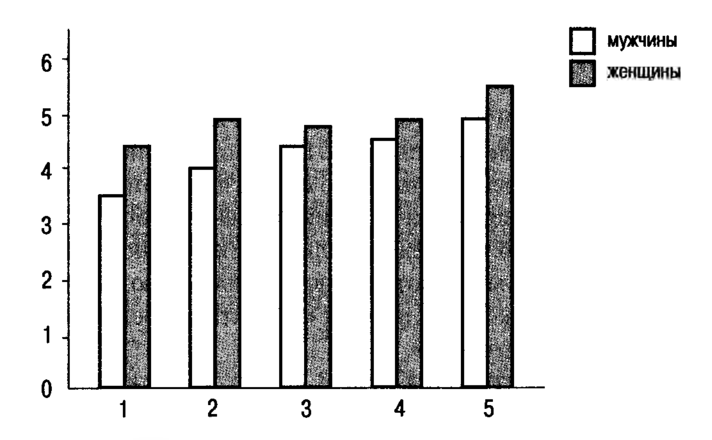

Рис. 19.6. Оценка важности требований к различным условиям труда: 1 – согласие на любую работу; 2 – самостоятельность в работе; 3 – разнообразие; 4 – влияние на профессию; 5 – соответствие интересам

Таблица 19.6. Безработные мужчины и женщины по причине незанятости (процент случаев)

Причины незанятости	Мужчины	Женщины
Безработные на конец октября 1995 г.	46	54
Уаолены в связи с высвобождением	55	45
Уволены по собственному желанию	40	60
Другие причины	40	60
Ранее не имели работы	51	49
Безработные на конец октября 1998 г.	46	54
Уволены в связи с высвобождением	51	49
Уволены по собственному желанию	63	37
Другие причины	45	55
Ранее не имели работы	50	50

но на сокращение рабочих мест и отсутствие спроса на рынке труда. Женщины, помимо этих причин, указывают на недостаток образования, возраст, неудовлетворенность зарплатой, слабое здоровье, смену места жительства, семейные обстоятельства.

В сфере переживаний существенных различий между мужчинами и женщинами в связи с потерей работы нет (Бендюков М. А. с соавт., 2007). Можно отметить лишь то, что мужчины чувствуют себя виноватыми в происшедшем больше, чем женщины, а у женщин несколько больше выражена подавленность.

По этим же данным, женщины по сравнению с мужчинами ненамного, но более оптимистичны в отношении оценки различных возможностей трудоустройства (рис. 19.7).

Как мужчины и женщины проявляли активность в поиске места работы, видно из данных табл. 19.7.

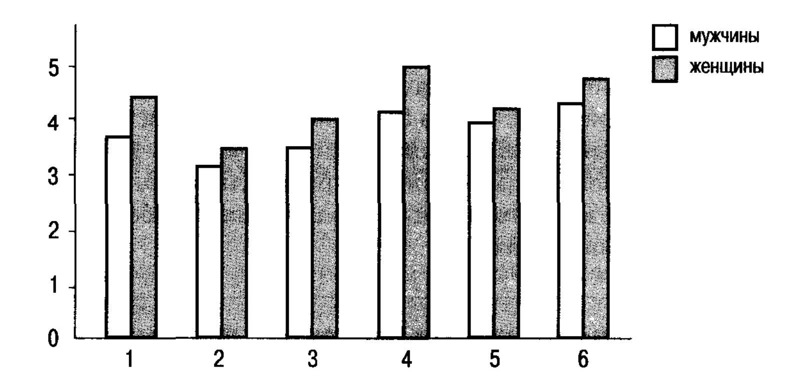

Рис. 19.7. Оценка безработными различных возможностей трудоустройства: 1 – уверенность в получении работы не через службу занятости; 2 – то же – через службу занятости; 3 – уверенность превосходства над ровесниками; 4 – необходимость дополнительного обучения; 5 – необходимость овладения новой специальностью; 6 – необходимость активных поисков

Таблица 19.7. Способы поиска работы у мужчин и женщин (Зуйкова Е. М., Ерусланова Р. И., 2001)

Способы поиска работы	Мужчины	Женщины
Безработные на конец октября 1995 г.		
Обращались в государственную службу занятости	55	45
Обращались в коммерческую службу занятости	47	53
Искали работу через печать	46	54
Использовали личные связи	43	57
Обращались непосредственно к работодателю	43	57
Пытались организовать собственное дело	25	75
Использовали другие способы	41	59
Безработные на конец октября 1998 г.		
Обращались в государственную службу занятости	52	48
Обращались в коммерческую службу занятости	51	49
Искали работу через печать	48	52
Использовали личные связи	45	55
Обращались непосредственно к работодателю	42	58
Работа была предложена	62	38
Пытались организовать собственное дело	31	69
Использовали другие способы	43	57

В поисках работы женщины чаще обращаются в государственную службу занятости. Остальные способы поиска работы чаще использовались мужчинами. Обращает на себя внимание то, что мужчины значительно чаще, чем женщины, пытались организовать собственное дело. Следует также отметить, что место работы чаще предлагалось женщинам, что опять-таки может свидетельствовать

об отсутствии дискриминации безработных женщин по сравнению с мужчинами. Правда, здесь имеет значение и то, какая работа предлагалась женщинам и какая — мужчинам в соответствии с запросами тех и других. Е. М. Зуйкова и Р. И. Ерусланова (2001) пишут, например, что лишь 5% женщин согласились на любую работу, а 61% выразили намерение искать работу по специальности.

Женщины по сравнению с мужчинами предъявляют бо́льшие требования к разнообразию работы, к возможности своего влияния на рабочий процесс, к соответствию работы их интересам.

Конфиденциальная информация для тех, кто принимает на работу женщин (версия 1943 г.)

Во время Второй мировой войны многие организации в США впервые столкнулись с необходимостью нанять огромное количество женщин, которым предстояло заниматься «мужской работой», потому что мужчины ушли воевать. Советы, которые приводятся ниже, в то время воспринимались без тени иронии, ибо считалось совершенно необходимым помочь «девочкам» (тогда бытовал именно такой термин) приспособиться к работе вне дома. Вряд ли нужно говорить о том, что все боссы были мужчинами.

– Практика показывает, что «толстушки» (т. е. те, чей вес слегка превышает норму) более покладисты и лучше работают, чем их худощавые сестры.

– Дайте работающей женщине исчерпывающий перечень того, что ей нужно сделать в течение рабочего дня, чтобы она занималась делом и не приставала к вам с вопросами каждые пять минут. Женщины могут быть превосходными исполнителями, когда круг их обязанностей четко очерчен. Но им не хватает инициативы и они не в состоянии сами найти себе дело.

– У каждой девушки в течение рабочего дня должно быть адекватное количество перерывов на отдых. Нельзя не считаться с женской психологией. Девушка более уверена в себе и лучше работает, если у нее в порядке прическа, подкрашены губы и если в течение дня она может несколько раз вымыть руки.

– Инструктируя девушку или критикуя ее, будьте тактичны. Женщины чувствительны. Они не умеют пропускать мимо ушей грубые слова так, как это делают мужчины. Никогда не высмеивайте ее. У нее портится настроение, и она начинает хуже работать.

– Позаботьтесь о том, чтобы униформа у вас была всех размеров: каждая девушка должна хорошо выглядеть. Переоценить значение этого обстоятельства для того, чтобы женщины были довольны, невозможно.

К счастью, с тех пор, как эта «конфиденциальная информация» увидела свет, многое изменилось.

Шульц Д., Шульц С., 2003, с. 269.

ГЛАВА 20

Пол и руководящие должности

20.1. Лидерство и пол

Гендерная психология лидерства как научное направление стало интенсивно формироваться под влиянием феминистского движения с середины 1970-х гг., прежде всего американскими, австралийскими и западноевропейскими учеными, хотя и ранее этот вопрос обсуждался в ряде работ. В большинстве случаев лидерство изучается в деловых группах или в группах с интимными отношениями (семья, влюбленные). В данной главе речь пойдет о лидерстве в деловых группах.

Негативное отношение к женскому лидерству традиционно проявляли сторонники фрейдизма. Считалось, что у лидеров-женщин нездоровая гендерная идентичность (Walsh M., 1987), а их стремление к лидерству, называемое «фаллическим», рассматривалось как проявление неполноценности женщины, завидующей мужчинам (Chehrari S., 1987). На Западе отрицательное отношение к менеджерам-женщинам продолжает существовать, как правило, среди мужчин (Heilman, 2001; Schein, 2001) и особенно если женщина-менеджер использует стереотипно маскулинный стиль руководства (Eagli et al., 1992; Rudman, Glick, 2001).

У девушек преобладает потенциальное лидерство (49%), тогда как у юношей – перспективное лидерство (45,7%), и лишь о 6% девушек можно говорить как о преуспевающих лидерах, в то время как у юношей этот показатель 17,1%. Такие свойства личности, как направленность, деловитость, доминирование и уверенность в себе, в большей степени выражены у мужчин (83,2%). Юношам не свойственны уступчивость, зависимость, отзывчивость (16,8%), у женщин отзывчивость преобладает (65,4%).

Из женщин 63,7% и 84,4% – из мужчин мотивированы на успех; мужчины также более склонны к риску (90%) в отличие от женщин, среди которых готовность к риску выявлена у 39,3%. Чаще всего успех женщин-руководителей приписывают везению, игре случая, в то время как успех мужчин-руководителей приписывают личным качествам.

Уголова Е. В., 2002, с. 173.

К. Бартол и Д. Мартин (Bartol, Martin, 1986) показали, что женщина-лидер в мужском деловом мире и вообще находящаяся в мужской группе играет одну из четырех неформальных ролей: 1) «матери» — от нее ждут эмоциональной под-

держки, а не деловой активности; 2) «соблазнительницы» для начальника, что вызывает негодование у коллег-мужчин; 3) «игрушки», «талисмана» — роль милой, но не деловой женщины, приносящей удачу; 4) «железной леди», обладающей не женской жестокостью (из-за чего эти женщины зачастую оказываются изолированными от группы). Все эти роли мешают женщинам занять равное положение среди мужчин и снижают возможности их служебного роста. Мужчины делают больше попыток доминировать над представителями своего пола. Женщины же в присутствии противоположного пола менее активно претендуют на роль стихийного лидера. Я. Джорстад (Jorstad, 1996), норвежский психотерапевт, заключил, что лидерство не входит в систему жизненных ценностей многих женщин. Распространено мнение (Eagly et al., 1995; Johnson C., 1994; Wayne et al., 1994), что женщины-лидеры проигрывают лидерам-мужчинам в эффективности руководства, поскольку обладают меньшей властью, влиянием и ресурсами. Э. Игли и К. Джонсон (Eagly, Johnson, 1990) выявили, что женщины больше стремятся к получению руководящей должности, если отвечают традиционной гендерной роли (в частности, директора школы)

Но следует принимать во внимание и различные модели лидерства, которые, по данным Т. В. Бендас (2000), с различной частотой встречаются у мужчин и женщин. Для первых более характерна конкурентная модель (доминантность, агрессивность, уверенность в себе, эгоцентризм, стремление к власти) в сочетании с маскулинной, для женщин — сочетание конкурентной и кооперативной моделей (направленность на общение, альтруизм, экстраверсия) и преобладание фемининной (лидерская роль принимается только при наличии вакуума лидерства, когда нет представителя, соответствующего маскулинной модели). Правда, соотношение этих моделей лидерства у мужчин и женщин может изменяться в связи с этническими особенностями.

20.2. Женщины-руководители

Известно, что в общественном сознании сложилось отрицательное представление о женщине-руководителе. Во многом это обусловлено тем, что в большинстве случаев руководителями являются мужчины и поэтому образу «руководителя» соответствуют мужские черты. Так считают мужчины в США, Германии и Великобритании. Но и сами женщины во многих странах поддерживают точку зрения мужчин. Выявлено (Schein, Muller, 1992), что немецкие женщины не меньше, чем немецкие мужчины, склонны считать работу руководителя «мужским» делом, с ними солидарны и женщины Великобритании, правда, в меньшей степени; американки же считают, что оба пола в равной степени обладают чертами, необходимыми для успешного руководства делом. Так, американские психологи Д. Шульц и С. Шульц (2003) отмечают, что «подчиненные — мужчины и женщины — склонны одинаково оценивать руководителей обоего пола. Оценки, данные подчиненными, не выявляют никаких гендерных различий ни в том, что касается их функций, ориентированных на людей, и функций, ориентированных на решение задачи, ни в том, что связано с их способностями к неформальному или организующему и направляющему руководству... Исследования свидетельствуют также,

что женщины часто демонстрируют большее, чем мужчины, стремление к успеху» (с. 268). Эти авторы отмечают и важную роль покровительства вышестоящими управленцами. Оказалось, что женщины пользуются таким покровительством не меньше, чем мужчины: «Опрос женщин, вице-президентов компаний и управленцев высшего ранга,... выявил, что 91% из этих в высшей степени успешных женщин на том или ином этапе своей карьеры имели высокопоставленного наставника. Из них 81% полагают, что именно он и сыграл самую важную роль в их судьбе... (Ragins et al., 1998)» (с. 268).

По данным Лорти-Лассиер и Ринфрет (Lortie-Lussier, Rinfret, 2002), женщины лучше воспринимают женщину-менеджера, чем мужчины. Мужчины более позитивно относятся к своим коллегам-женщинам только тогда, когда женщины составляют 20% от общего числа служащих в данной организации.

Имеет значение, кто именно — мужчина или женщина — оказывает покровительство. Женщины, имевшие наставников-мужчин, получали значительно более высокие зарплаты, чем женщины, работавшие под началом женщин. Мужчины, пользовавшиеся покровительством женщин, менее удовлетворены своим положением, чем те, кому покровительствовали мужчины. Они полагают, что женщины-наставники уделяют им меньше внимания, чем мужчины-наставники, и реже поручают им выполнение трудной и интересной работы (Ragins, Cotton, 1999).

Изучение С. А. Виноградовой (2004) представлений россиянок о «настоящей женщине» и «успешном руководителе» показало, что они значимо различаются по 14 характеристикам. Только два из высокозначимых качеств «настоящей женщины» вошли в набор необходимых качеств «успешного руководителя». Женщины считают, что руководитель должен обладать такими характеристиками, как сила, независимость, упрямство, решительность, т. е. качествами, которые приписываются «настоящему мужчине». Отсюда автор делает вывод, что упоминаемая в литературе половая дискриминация в отношении меньшего статуса и влияния женщин в организациях частично может быть связана с убеждениями самих женщин в своей «недостаточной силе» для руководящих должностей.

Данные российских социологических опросов административных работников показывают: 54,5% респондентов считают, что женщина должна участвовать в управлении наравне с мужчинами; 11,4% уверены, что большинство руководящих должностей нужно отдать женщинам; 34,1% отдают предпочтение руководителям-мужчинам, при этом 9,1% из них полагают, что женщин вообще не должно быть на руководящих постах.

Также можно отметить, что большинство опрошенных склоняются к той точке зрения, что для женщины семейная жизнь важнее работы (52,3%) (Галиакберова Н. Р., 2001).

Дынин П. И., 2003, с. 313.

Проведенное Д. И. Вылегжаниным (2006) исследование позволяет заключить, что большинство менеджеров — мужчин и женщин — положительно воспринимают женщину-руководителя, согласны работать под ее руководством, чувствуют себя спокойно, уверенно в ее присутствии и не испытывают психического напряжения, угрозы, высокомерия с ее стороны и ущемления своего самолюбия

(рис. 20.1). Правда, значительная часть респондентов высказала определенные опасения, связанные с неопределенностью поведения женщины-руководителя в тех или иных ситуациях. Кроме того, на вопрос, может ли женщина быть компетентнее и успешнее мужчины, положительных ответов было получено гораздо меньше, чем утверждений, что она может быть руководителем.

В отношении мужчины-руководителя выявлены те же тенденции, но еще более отчетливо, чем в отношении женщины-руководителя. Лишь в ощущениях стабильности, угрозы, психического напряжения и уважения со стороны руководителя различий во мнениях о руководителе-мужчине и руководителе-женщине практически не было.

Что касается мнения менеджеров мужского и женского пола о женщине-руководителе, то менеджеры-женщины чаще относятся к ним благосклонно, чем менеджеры-мужчины. Исключение составил ответ на вопрос о непредсказуемости поведения женщин-руководителей. Женщины чаще, чем мужчины, отвечали на этот вопрос положительно.

В отношении мнений о мужчине-руководителе различия между ответами менеджеров-мужчин и менеджеров-женщин выявлены не по всем изучавшимся параметрам. Женщины чаще отвечали, что при мужчине-руководителе ощущали бы стабильность, уважение с его стороны, отсутствие психического напряжения и угрозы, и реже, что женщина-руководитель может быть компетентнее мужчины-руководителя. По остальным вопросам мнения менеджеров-мужчин и женщин о мужчине-руководителе совпадали одинаково часто.

При сравнении мнений менеджеров-мужчин о руководителе-мужчине или женщине выявлено, что по большинству позиций (может ли быть руководителем, согласие работать с руководителем данного пола, отсутствие ущемленного самолюбия, большая компетентность, отсутствие опасений в связи с тем, что не знает, как поведет себя руководитель, уверенность, отсутствие высокомерия) преимущество отдается руководителю-мужчине.

Иные мнения о руководителях разного пола у женщин-менеджеров.

Женщины принимают женщину-руководителя почти так же, как и мужчину-руководителя, и более положительно, чем менеджеры-мужчины. В то же время отрицательное мнение почти по всем позициям чаще высказывается женщинами-менеджерами в отношении женщины-руководителя, чем в отношении мужчины-руководителя. Мужчины же чаще отдают предпочтение руководителю-мужчине по большинству позиций.

О. В. Побывко (2007) выявила, что чем важнее для женщины карьерный рост, тем меньше она склонна разделять любые негативные стереотипы в отношении женщин-руководителей и согласна с нетипичным для нашей культуры утверждением, что «женщины-руководители — милые и приятные люди». Если же собственная карьера не имеет значения, то и согласие со стереотипами более высокое. Женщины-руководители в меньшей степени, по сравнению с женщинами — рядовыми специалистами, согласны с утверждениями «у женщин-руководителей, как правило, не складывается личная жизнь» и «если женщина стала руководителем, значит, у нее жесткий, “мужской” характер».

По данным этого же автора, уровень идентификации с фемининными чертами не оказывает влияния на отношение к женщинам-руководителям. В то же время

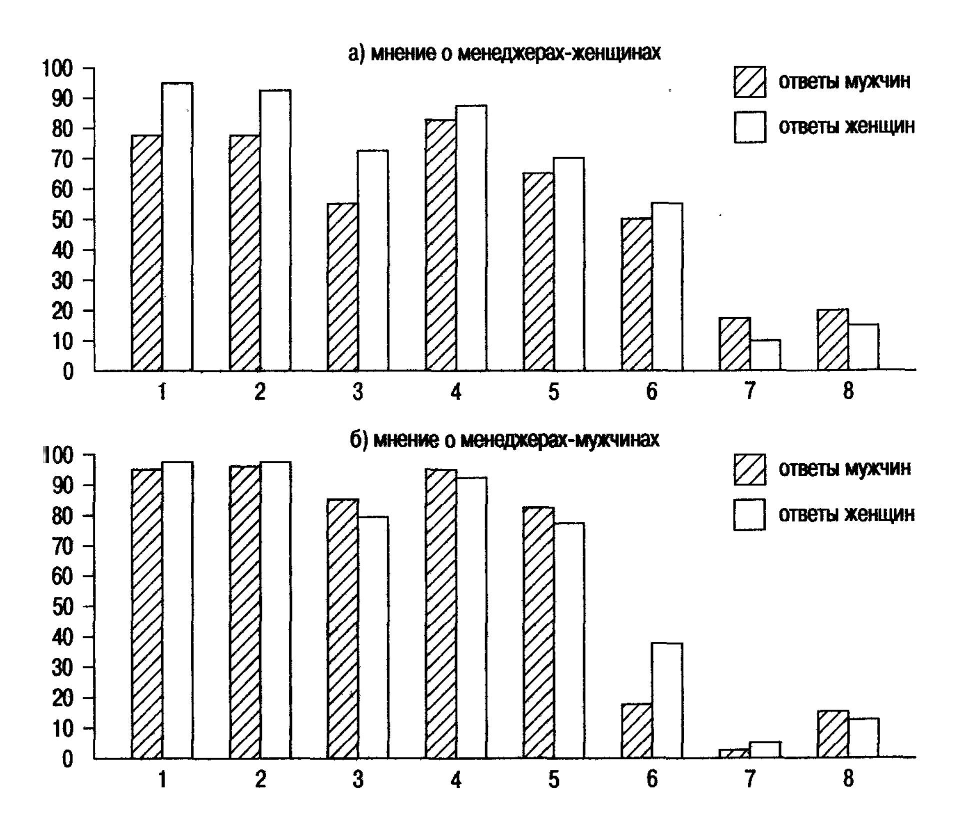

Рис. 20.1. Мнение менеджеров – мужчин и женщин – о руководителях разного пола

чем выше уровень идентификации с маскулинностью, тем в меньшей степени женщины поддерживают стереотипы в отношении женщин-руководителей. Женщины с низким уровнем маскулинности в большей степени согласны со стереотипными суждениями. Также было выявлено, что чем больше женщины знают лично женщин-руководителей и чем чаще с ними общаются, тем чаще они не согласны с утверждением, что быть руководителем — не женское дело и что женщины-руководители имеют мужской характер.

Скептическое отношение общества к возможности женщин руководить заставляет женщин-руководителей прибегать к защитным стратегиям (называемым гендерным менеджментом), которые заключаются в том, чтобы: 1) тратить больше времени и усилий на работе; 2) использовать специфически женские способы ведения деловых переговоров с мужчинами (кокетство, принижение своих способностей); 3) использовать «маску» — скрывать свою эмоциональную и личную жизнь во избежание мнения о профессиональной неэффективности. Но такое поведение, как отмечает Г. Пауэлл (Powell G., 1990), может являться угрозой для психического здоровья женщин.

Как сообщают американские авторы, в административной и управленческой сфере в США заняты 12% мужчин и 7% женщин. Успешность женщин в должности администратора и дальнейшее продвижение во многом зависят от наличия

наставника-мужчины, в роли которого часто выступают их мужья. Однако когда профессиональная карьера начинает мешать женщине уделять необходимое время семье, мужья-наставники часто отказываются содействовать продвижению жены по служебной лестнице (Roberts R., Newton P., 1987).

По данным международного института «Женщины и управление», только 6–8% женщин, прошедших подготовку в этом институте, работают менеджерами.

В. О'Лири (O'Leary, 1974) пишет, что в американском обществе существует предубежденность против женщин, имеющих какой-либо приоритет (в том числе – и в должности) над мужчинами того же возраста и социального положения, что получило подтверждение в различных экспериментах (Eskilson A., Willey M., 1976; Brenner et al., 1989). Этим можно объяснить тот факт, что в США число женщин-руководительниц на среднем и высшем уровнях составляло в конце 1980-х гг. 5 и 1% соответственно от общего числа руководителей (Ragins B., Sundstrem E., 1989). В Японии женщины составляют только 10% от всего руководящего состава фирм и корпораций. В этой стране вся система продвижения по служебной лестнице построена таким образом, что мужчина перед выходом на пенсию обязательно получает руководящую должность низшего либо среднего уровня. Для женщин такие льготы не предусмотрены. В Южной Корее среди руководителей женщин еще меньше всего – 2%. В этом отношении наиболее продвинутой является Швейцария, там 48% женщин занимают различные руководящие должности (Triandis, 1994).

При отборе на руководящую должность к женщинам предъявляются более высокие требования, чем к мужчинам. Срабатывает правило, согласно которому женщина должна быть вдвое лучше мужчины. У женщины больше шансов занять руководящую должность среднего звена, в то время как высшие руководящие должности безоговорочно отдаются мужчинам. Так, в списке двухсот высокооплачиваемых руководителей в сфере экономики и производства США не было ни одной женщины (Дедерихс М., 1995). В то же время в среднем менеджменте женщины занимали половину всех мест. При одинаковом с мужчинами уровне квалификации женщины чаще всего оказываются ниже по служебной лестнице.

Сравнение 69 женщин-менеджеров среднего и высшего звена с 69 мужчинами, работающими на аналогичных должностях (Lyness, Thompson, 2000), показало, что женщинам пришлось преодолеть больше препятствий. Женщины чувствовали, что они недостаточно соответствуют организационной культуре и что их сознательно исключают из неформального общения. Любое повышение в должности давалось им труднее, чем мужчинам, и их кандидатуры редко рассматривались, когда возникали вакансии, требовавшие переезда в другую географическую точку. Эти женщины убеждены, что к ним предъявлялись более высокие требования и что им труднее руководить менеджерами, занимающими высокие позиции.

Правда, в последние годы на Западе положение стало меняться в лучшую сторону. Д. Шульц и С. Шульц (2003) пишут, что, «согласно последним данным, в корпорации *Fortune 500* женщины занимают 12% высших управленческих должностей. В 1995 г. им принадлежали лишь 8% топ-менеджерских позиций. В советах директоров многих корпораций тоже стало больше женщин. Около 85% всех компаний, входящих в состав корпорации *Fortune 500*, имеют в составе своего совета директоров хотя бы одну женщину» (с. 266).

Тенденции, свойственные Западу в отношении женщины-руководителя, присущи и нашему обществу. Э. С. Чугунова (1985) приводит данные о количестве мужчин и женщин, работающих инженерами. Руководящие должности чаще занимают мужчины, чем женщины (табл. 20.1).

Таблица 20.1. Статусное представительство среди инженеров обоего пола (проценты)

Пол	n	Руководители коллектива	Руководители малых групп	Инженеры
Женщины	346	6	22	72
Мужчины	514	35	33	32

По данным В. А. Шаховой (1985), в нашей стране количество женщин среди руководителей различного уровня управления значительно уступает количеству мужчин. Так, среди руководителей органов государственного управления и их структурных подразделений женщины составляют 44%, а на производстве в числе первых руководителей — 24%, начальников цехов, участков, мастерских и отделов — 23%. В то же время в общем количестве инженерно-технических работников женщин 49%.

Выявлены гендерные различия в демографических характеристиках: успешные руководители-женщины несколько моложе успешных мужчин; среди успешных мужчин преобладают имеющие базовое инженерное образование, а среди женщин – имеющие базовое экономическое образование; успешные женщины по сравнению с мужчинами чаще владеют двумя иностранными языками; успешные мужчины характеризуются более высоким уровнем владения компьютерными навыками; успешные женщины чаще по сравнению с мужчинами не состоят в браке, разведены или состоят в гражданском браке; должности успешных мужчин соответствуют более высокому уровню менеджмента и они имеют большее количество подчиненных по сравнению с руководителями женщинами; успешные мужчины в более значительной степени представлены в сфере коммерческой деятельности, а успешные женщины – в сфере услуг.

Выявлены различия в личностных профилях: для успешных женщин характерна более выраженная тенденция к пренебрежению общественными стандартами и склонность к обману и нечестности ради собственной выгоды; они более склонны к непостоянству и могут бросить начатое дело и отказаться от своих обязательств; для них характерна более выраженная прямолинейность и непосредственность в общении с людьми; больше, чем у мужчин, выражена эмоциональная вовлеченность, поэтому в эмоционально значимых ситуациях им труднее справиться с эмоциями и мыслить рационально; они более самоуверенны и менее чувствительны к оценкам окружающих, что позволяет им более легко переживать неудачи по сравнению с мужчинами; в большей степени склонны к конструктивным преобразованиям, низвержению авторитетов и критичному отношению к устоявшимся принципам; у них более явно проявляется неудовлетворенность положением ведомого, что может приводить к конфликтным ситуациям с руководителями более высокого уровня.

Павлова Т. В., 2008, с. 686–687.

По данным И. Ф. Рековской (1993), каждый второй мужчина, имеющий высшее или среднее специальное образование, является руководителем (возникает, однако, вопрос: кем же тогда каждый из них руководит — тремя сотрудниками, из которых один мужчина и две женщины, если исходить из того, что среди населения каж-

дой страны тех и других приблизительно по 50%?). Среди дипломированных женщин руководителями являются только 7%. Даже в школе при подавляющем большинстве учителей-женщин директорами школ являются только 39% женщин (Калабихина И.). Исключение, очевидно, составляет такая отрасль, как легкая промышленность, в которой аппарат управления состоит почти на 100% из женщин.

Проявляется распространенный гендерный стереотип: дискриминация женщин-менеджеров, заключающаяся в том, что их удерживают на должностях, требующих так называемых женских качеств – умения сочувствовать и душевности. Так называемые мужские качества – агрессивность, амбициозность и самоуверенность – считаются более подходящими для работы на производстве и в торговле.

Лидерские качества женщин-менеджеров оцениваются совсем не так, как лидерские качества мужчин. Если и мужчина и женщина проявляют настойчивость, то женщину непременно назовут «настырной», причем так поступают не только мужчины, но и женщины.

Мужчины-менеджеры позволяют женщинам-менеджерам быть настойчивыми, но лишь до некоторого предела, идти на риск, но не ошибаться, быть решительными и амбизиозными, но не становиться «мужеподобными», и брать на себя ответственность, но следовать советам других.

Шульц Д., Шульц С., 2003, с. 267.

Было выявлено, что женщины-лидеры воспринимаются менее компетентными, особенно если подчиненные являются сторонниками традиционных, а не эгалитарных взглядов на лидерство (согласно которым лидерская роль является маскулинной) (Adams et al., 1984; Gerber G., 1989). Показано также, что подобное мнение более присуще мужчинам (Heilman et al., 1989). Успешному мужчине-менеджеру приписываются большие лидерские способности и меньший интерес к внешности, а женщине-менеджеру — жесткость, вспыльчивость, эгоистичность, независимость, стремление к власти и достижениям и в целом неспособность к лидерству.

При опросе 786 женщин — вице-президентов и управленцев высшего ранга крупнейших корпораций, проведенном Рагинсом с соавторами (Ragins et al., 1998), выяснилось, что они считают принципиально важными для своего продвижения три фактора:

1) они значительно превзошли ожидания, которые связывали с ними;
2) им присущ стиль руководства, устраивающий мужчин;
3) они стремились к трудной работе и справлялись с ней так, что их успех был для всех очевиден.

Женщины-менеджеры отмечают, что основными преградами, возникающими на их пути к успешной карьере, являются:

- устойчивость мужских стереотипов в отношении женщин и предвзятое отношение;
- исключение женщин из неформального общения, в частности из общения во внерабочее время;
- недостаток опыта руководства;
- неблагоприятный моральный климат в организации.

На Западе в частном секторе женщина-руководитель — скорее исключение, нежели правило. Многие женщины не могут продвинуться выше должности менеджера по персоналу не очень престижного отдела (отдела, занимающегося человеческими ресурсами, отношениями с общественностью и клиентами), а более престижные отделы, к примеру технологический, производственный или отдел маркетинга, достаются мужчинам.

Когда женщинам сказали, что они были отобраны в качестве лидеров из-за их гендера, они описали самих себя как неподходящих для лидерства, и выразили меньший интерес к своему лидерству. Мужчины же в аналогичной ситуации не мучались сомнениями относительно возможности быть лидером.

Lips H., 2008, p. 558.

Предубеждение в отношении женщин имеется и в нашей стране. По данным А. Г. Шестакова (1997), мужчины-руководители отдали предпочтение мужчинам как работникам в 25,3% и лишь в 12,9% — женщинам.

Но и многие женщины не считают себя способными выполнять функции руководителей высшего звена и соглашаются с мнением, что высокие достижения и женственность несовместимы.

Женщины-руководители, согласно мнениям мужчин, выявленным в опросе Е. П. Ильина и Н. Ю. Локтюхиной (2004), обладают такими качествами, как жесткость, грубость, нервозность, что противопоставляется чувственности, сексуальности, притягательности, чуткости, нежности, женственности, доброте, присущих женщинам, не занимающим руководящих должностей. Женщины-руководители в глазах мужчин имеют существенные различия с образом мужчины-руководителя. Мужчины-руководители представляются как успешные, понимающие, авторитетные, помогающие, активные, сильные, целеустремленные, в то время как женщины-руководители кажутся стервозными, использующими других, хитрыми, деспотичными. Такие характеристики, как власть и успешность, в описании женщин-руководителей в проведенном исследовании не встретились. В качестве положительных характеристик женщин-руководителей назывались демократичность и собранность.

Однако дело не только во взгляде или мнении. Женщинам-менеджерам, например, дают меньше информации или слишком короткие сроки для выполнения задания. Женщинам, как правило, не поручают заданий, которые дали бы им возможность приобрести необходимый опыт и проявить себя в качестве претендента на руководящую должность.

Уже говорилось, что во многих странах женщины за одинаковую работу с мужчинами получают меньшую заработную плату.[1]

---

[1] Как ни странно, но именно это обстоятельство в период экономических кризисов может обернуться для женщин более выгодным. Например, в Японии в целях экономии средств руководители фирм чаще увольняют «дорогостоящих» руководителей подразделений — мужчин, и их места занимают более «дешевые» работники — женщины, которые по своей компетентности и организаторским способностям, оказывается, ни в чем не уступают мужчинам.

В. О'Лири изучала связь между полоролевыми стереотипами и оправданием задержки продвижения женщин по служебной лестнице. По ее мнению, без каких-либо объективных оснований женщинам приписываются следующие установки на работу: они работают только ради «булавочных» денег (т. е. небольшой заработной платы); в работе их больше интересуют чисто коммуникативные и эмоциональные моменты; женщинам больше нравится работа, не требующая интеллектуальных усилий; они ценят самоактуализацию и продвижение по службе меньше, чем мужчины. Основой этих ложных представлений являются, пишет О'Лири, другие, не менее ложные представления об отсутствии у женщин компетенции, независимости, соревновательности, логики, притязаний и т. д.

Высказывается также мнение, что меньший статус женщины в обществе приводит и к ее меньшему статусу в малой профессиональной группе. Чтобы быть лидером, руководителем, женщине приходится преодолевать больше препятствий, даже если она обладает большими знаниями и способностями, чем мужчины (Maccoby E., Jacklin C., 1978).

Исследования показали, что начальники-мужчины довольно часто склонны поручать легкие, необременительные дела симпатичным сотрудницам, а трудноисполнимые и менее приятные – невзрачным. Если речь идет о разработке какого-нибудь сложного проекта, требующего кропотливой работы и напряжения всех умственных и физических сил, почти наверняка эта «почетная миссия» достанется скромной, ничем не выделяющейся «рабочей лошадке». А вот в Лиссабон на переговоры с зарубежными партнерами, скорее всего, отправится какая-нибудь «трепетная лань», профессиональные достоинства которой вовсе не так уж бесспорны, как внешняя привлекательность.

В ходе одного их опросов английские ученые выяснили, что 50% жительниц Туманного Альбиона сделали бы пластическую операцию, если бы это положительно отразилось на их карьере.

Представьте себе, что будет, если на серьезные переговоры по поводу сделки на миллион долларов явится женщина, при виде которой у всех присутствующих мужчин перехватит дух и заметно поднимется настроение. Первая реакция – восторг, но уже через несколько секунд он сменится скепсисом: «Да разве можно всерьез говорить о делах с такой милашкой?», сомнением: «Да что она смыслит в бизнесе, у нее же полдня уходит на макияж, маникюр...» или подозрением: «Наверняка здесь что-то нечисто, эту красотку подослали, чтобы отвлечь внимание от условий сделки». Наша красавица еще не произнесла ни слова, а на нее уже устремился целый поток негативных импульсов.

Может быть, женщины будут более объективны по отношению к красивой коллеге? Но любая из вас скажет, что такое еще менее возможно, чем с мужчинами. Если женщины являются такими же неземными красотками, те увидят в ней прежде всего соперницу, конкурентку. Если они уступают ей в привлекательности, то их внутренние реплики будут звучать приблизительно так: «Да что она о себе возомнила? Подумаешь, тоже мне, Мисс Вселенная! Ну сейчас я поставлю ее на место...».

Вот почему серьезные и опытные руководители предпочитают доверять важные переговоры сотрудницам, чья внешность, может, и не вызывает возгласов восхищения, но воспринимается партнерами спокойно и доброжелательно.

Источник: Алешина Н. Афродита в офисе // 24 часа. 2004. № 39. С. 20.

Высказывается мнение, что для женщины путь к власти связан с преодолением многочисленных препятствий, тогда как для мужчин – с реализацией много-

численных возможностей (Ragins B., Sundstrem E., 1989). Конечно, с последним утверждением трудно полностью согласиться: мужчин слишком много, а начальственных постов слишком мало, поэтому им тоже приходиться бороться за «место под солнцем», но для женщин эта борьба тяжелее и шансов на успех меньше. Многое зависит от того, в какой сфере общественной жизни и на каком уровне эта борьба происходит.

На Западе часто фирмами руководят женщины, при этом уже отмечено, что в этих фирмах практически нет забастовок, реже бывают банкротства, поскольку женщина-руководитель не ставит себя выше коллектива, общительна, демократична, охотно общается с подчиненными, хорошо информирована о происходящем в компании, сосредоточена на мелочах производства, кропотливо изучает возникающие проблемы.

Зуйкова Е. М., Ерусланова Р. И., 2001, с. 79–80.

По данным И. Калабихиной (1995), даже женщины, повышающие свою квалификацию, далеко не всегда имеют возможность повысить свой профессиональный статус. Только 57% опрошенных женщин считали, что их квалификация соответствует выполняемой работе (интересно, что ответили бы мужчины? Наверное, положительный ответ дали бы 100% опрошенных), а 25% считают, что их квалификация вообще не соответствует выполняемой работе. У 65% женщин после обучения на курсах повышения квалификации ничего не изменилось в производственной ситуации (а разве это должно непременно следовать?); 91% не получили повышения в должности, 88% — в разряде и 81% — в заработной плате. Скорее, это говорит о том, что повышение квалификации проводится формально, «для галочки», но эта беда касается в такой же мере и мужчин.

Интересно, что в США существует понятие *стеклянный потолок*. Эта метафора отражает тот факт, что во многих организациях существует как бы невидимый потолок, выше которого женщины «подняться» не могут (Чаффинс С. с соавт., 1997). И действительно, исследования показывают, что в США женщины имеют больше препятствий для служебного роста, чем мужчины: это и меньший доступ к информации, и меньшая возможность поучиться у опытных женщин-руководителей, поскольку их очень мало, и предпочтение подчиненными в качестве руководителя мужчины, и скептическое отношение мужчин-администраторов к женщинам-лидерам, и осуждение близких и друзей (Eagly et al., 1995; Ragins B., 1989).

Среди менеджеров представительниц ряда национальностей (афроамериканок, латиноамериканок, женщин азиатского и индейского происхождения) вообще ничтожное количество, в связи с чем говорят о том, что для них существует *бетонный потолок*.

Причиной медленного карьерного роста женщин может быть то, что их хорошая работа редко приписывается их способностям, а характеристика работника как «способного» положительно коррелирует с его служебными перспективами (Greenhaus J., Parasuraman S., 1993). Даже если женщина имеет все маскулинные качества, необходимые для успешного руководства, гарантий успеха все равно нет. При наличии маскулинных качеств на нее смотрят с подозрением: почему она не

ведет себя, как все женщины? В итоге женщина-руководитель должна одновременно быть грубой и соперничающей, как маскулинный руководитель и милой и ориентированной на взаимоотношения, как все женщины (Heilman, 2001). Кроме того, могут возникнуть подозрения, что она достигла высокой должности не благодаря своим способностям, а благодаря особым отношениям с начальником.

Думается, что при вынесении женщинами-учеными частых заключений о якобы распространенной вертикальной сегрегации все же преобладает эмоциональная сторона. В большинстве случаев тот факт, что женщины занимают меньше руководящих постов, обусловлен не происками или молчаливым заговором мужчин, а объективными обстоятельствами. Как уже говорилось, мужчины больше стремятся к самореализации в профессиональной деятельности, чем женщины. Естественно, более высокие должности, как правило, достаются более компетентным. А поскольку таких больше среди мужчин, то и начальственные должности достаются им чаще. Кафедрами, научными лабораториями и даже институтами руководят и женщины, если они имеют к этому и организаторские способности, и соответствующий уровень профессионализма. Однако поскольку, например, в России среди докторов наук только 14% женщин, это значит, что стать заведующим кафедрой и лабораторией мужчины имеют шансов в 6 раз больше, чем женщины.

Там же, где преобладают женщины-профессионалы (сфера образования, обслуживания), в основном руководящие должности занимают женщины. Так, в 1997–98 учебном году доля женщин-учителей составляла 83%. Среди заместителей директоров школ женщин было 88,4–90,4%, а среди директоров — 50,9–55,3% (Женщины и мужчины России, 1998). Здесь уж впору говорить о сегрегации мужской части учителей, хотя И. С. Клецина (2004) рассматривает эти данные как доказательство ущемления возможностей женщин, поскольку среди директоров школ процент женщин меньше, чем среди их заместителей. Однако никто из исследователей не приводит данных опроса (может быть, их и нет), сколько процентов учителей-женщин хотели бы занять пост директора школы. Может быть, они не хотят брать на себя ответственность? Ведь «под» начальником всегда легче работать.

Вообще надо заметить, что все эти ссылки на статистические данные, вроде бы доказывающие ущемление прав женщин на самореализацию, от лукавого. *Без изучения мотивации* женщин они ничего доказать не могут, а лишь констатируют положение дел в тот или иной отрезок времени в той или иной сфере, но *не объясняют истинных причин* такого положения дел. Причины же никто выяснять не хочет, проще додумывать эти причины, манипулировать публикуемыми данными, т. е. проявлять субъективизм.

Женщинам мешает в достижении высокого профессионализма направленность на семью и детей. Р. Валдец и Б. Гутек (Valdez, Gutek, 1987) обнаружили, что женщины-руководители намного чаще оказываются незамужними, чем женщины, не занимающие руководящих должностей. При этом чем более ответственной является работа и чем большей подготовки она требует, тем больше среди женщин, занятых этой работой, бездетных и тем меньше среди них женщин с тремя и более детьми. В другом исследовании было показано, что женатых менеджеров-мужчин гораздо больше (86%), чем замужних менеджеров-женщин (45%); мужчин, имеющих детей, также больше (62% против 20%). Конечно, нельзя сбрасы-

вать со счетов и предубеждение мужчин-руководителей против женщин, имеющих детей, но ведь это предубеждение возникло не на пустом месте, а отражает накопленный многими поколениями опыт: женщины вынуждены прерывать свою работу из-за беременности, для ухода за детьми. Поэтому работодатели небезосновательно предполагают, что женщина, в отличие от мужчины, может уволиться в любое время. Поэтому на руководящие должности назначаются только те женщины, которые неоднократно подтвердили свою преданность делу. Впрочем, тот же критерий существует и для назначения на руководящую должность мужчин.

Всех начальниц своей жизни – а их было немало – я вспоминаю если не с содроганием, то без особого восторга. Каждая из них была по-своему талантлива и обладала определенными способностями. Но, если брать на круг, достоинства не перевешивали женских слабостей.

Первая, еще при социализме, звалась Валерия Яковлевна. В большом музее она руководила отделом. ...Она была классная тетка, большая общественница – опекала детский дом и помогала ветеранам. Работать с ней было совершенно невозможно по причине ее малой предсказуемости: то она устраивала разнос, то дарила подарки.

Потом на недолгое время я сама стала начальницей. Я была ужасным начальником. Как я сейчас понимаю, раздражение, адресованное бывшему мужу, я невольно экстраполировала на любого попадавшегося мне под руку мужчину. Иногда я на них так кричала, что мне сегодня самой стыдно.

Среди моих подруг немало совершенно блистательных карьеристок. Я ими восхищаюсь. Они мало похожи на героиню кинофильма «Служебный роман»: следят за собой, ходят в спортивный зал и салоны красоты, водят машину, очень много зарабатывают. О своих проблемах они не рассказывают – у них для этого есть личный психолог.

О том, что эти проблемы есть, можно догадаться по косвенным признакам: например, когда на банкете по случаю годовщины фирмы одна дама-начальник «задвигает» своего мужа в самый дальний угол, а сама блистает в первых рядах. При этом она может горячо доказывать, что предрассудок – требовать от мужа высоких заработков, что на ее жалованье можно прокормить две семьи. Но, думаю, не очень-то ей рядом с таким мужем уютно. Немножко она все-таки комплексует. Хотя он очень хозяйственный – борщи готовит и на каток с детьми ходит.

Мне рассказывали смешной случай: молодая, чрезвычайно амбициозная барышня, выйдя замуж, в приливе нежности называла мужа «мой любимый менеджер», отчего он вначале терял дар речи, а потом жутко злился.

То, что у руководящей дамы муж рано или поздно расслабляется и теряет всякую охоту зарабатывать, я наблюдала не однажды. Не хочу сказать, что это типично, но и исключением из правил такую ситуацию не назовешь.

Источник: Егорова А. // Огонек. 2001. № 27.

Хороший начальник – это человек бесстрастный, умный, хладнокровный. Все эти прекрасные качества мало общего имеют с чисто фемининным поведением: эмоциональным, спонтанным, непредсказуемым. Когда женщина волевым усилием воспитывает в себе идеального менеджера, она душит женские начала. Но обычно процесс застревает на полпути: получается полуначальник-полуженщина.

Тетки-руководительницы эмоциональны, даже если пытаются это скрыть. В этом специфика женского стиля. От шефа мужского пола практически невозможно услышать фразу: «Мы поступим так, как мне подсказывает интуиция». Женщина всегда считается со своими чувствами. И – что удивительно – нередко принимает отличные решения.

Дамы чаще руководствуются критериями нравится – не нравится, а не полезно – неполезно. В коллективах, возглавляемых женщинами, всегда больше любимчиков – нелюбимчиков, сплетен, подсиживаний, немотивированных повышений и увольнений. Работу своих сотрудников женщины тоже оценивают не по объему выручки или рейтингу деловой активности, а как подскажут темперамент и сердце.

Наконец, у женщин есть склонность относиться к своим подчиненным как к детям. Одна моя клиентка пришла ко мне вот с какой проблемой: приблизительно каждые два года у нее возникал конфликт с сотрудниками, да такой сильный, что уходили все. Она не могла понять, в чем дело: она пеклась о подчиненных, как мать. Отмечала дни рождения, летом вывозила коллектив за границу. Иногда строго наказывала, иногда хвалила сверх меры. Но ведь люди-то к ней приходили не за материнскими чувствами, а за заработком. И положение отличников – двоечников их не устраивало. А общаться с коллегами на равных, как с партнерами, она не умела.

Источник: Колосова М. // Огонек. 2001. № 27.

Зачем женщина стремится быть главной?

Цель каждого из нас – избавиться от своих проблем. Если женщина проводит большую часть жизни в офисе и в командировках (а высокая должность предполагает абсолютную занятость), значит, у нее есть веские на то основания. Нередко она просто сомневается в своей женской состоятельности.

Некрасивая, толстая – худая, конопатая, лопоухая, закомплексованная родителями, больно задетая первой школьной любовью или первым браком. Да мало ли у нормальной женщины причин сомневаться в своих чарах и обаянии?! Вот она и лезет в начальники. В производственной сфере некоторые вещи решить гораздо проще. Подчиненный не муж и не ребенок: спорить не будет, любые просьбы выполнит беспрекословно.

Если у такой женщины уже есть семья, муж и дети, то свои материнские функции она с легкостью перекладывает на частные школы, репетиторов, гувернеров и прочих суррогатных матерей, оправдываясь большой занятостью и высокой зарплатой. Хороший заработок, кроме прямых выгод, дает право ничего не делать по дому и держать в узде мужа, если он, не дай бог, зарабатывает меньше.

Решение личных проблем через служебную карьеру – удобно, но имеет обратную сторону. Чем успешнее бизнесвумен, тем яростнее она отстаивает свои социальные позиции. Для нее должность – это вопрос жизни и смерти, способ существования. Решения свои она считает неоспоримыми, а демократические брожения в коллективе жестоко подавляет, усматривая в них покушение на с трудом достигнутое психологическое благополучие.

Для самой женщины руководство ради руководства заканчивается довольно плачевно. Самая большая ценность – теплые человеческие отношения – таким способом не достигается. Ведь родные оказываются отделены от нее деньгами, а подчиненные – статусом.

Источник: Колосова М. // Огонек. 2001. № 27.

Руководитель организации — мужчина не столько больше протежирует мужчинам, сколько опасается протежировать женщинам (из-за возможности подозрений в сексуальном интересе, боязни потерять собственный престиж вследствие несоответствия его решения принятым в обществе взглядам на роль женщины). Мужчины-начальники считают также, что служащие будут испытывать неловкость, получая приказания от женщины, или что клиенты фирмы не будут ей до-

верять. Во всяком случае, имеются данные, что мужчины-менеджеры по сравнению с женщинами-менеджерами пользуются большей симпатией коллектива и получают большую поддержку подчиненных (Wiley M., Eskilson A., 1988).

20.3. Пол и эффективность руководства

Как пишут Д. Шульц и С. Шульц (2003), «метаанализ 96 полевых и лабораторных исследований лидерской эффективности позволяет сделать вывод, что мужчины и женщины признаются одинаково эффективными. Однако в тех случаях, когда речь шла о работах, предъявлявших специфические требования к способностям, рейтинги полов были разными. Например, в ситуациях, требовавших умения сотрудничать и договориться со многими людьми, женщин оценивали как более эффективных лидеров. Мужчин оценивали выше в ситуациях, требующих умения направлять и контролировать подчиненных. Несмотря на эти различия, в основном эффективность мужчины и женщины как лидеров оценивалась одинаково (Eagly et al., 1995)... Некоторые данные говорят о том, что женщины менее эффективны в поддержании дисциплины подчиненных. Беседы с 68 женщинами и 95 мужчинами, получившими выговоры от своих руководителей, позволяют сделать вывод, что в способность женщин и мужчин надлежащим образом решать проблему дисциплины верят 40 и 57% опрошенных соответственно (Meece, 2000)» (с. 268).

По данным А. Е. Чириковой, большинство женщин склонны считать, что женщины-руководители имеют некоторые преимущества перед мужчинами-руководителями. Этого же мнения придерживаются и мужчины. Группа западноевропейских ученых собрала данные более чем в десяти странах, из которых следует, что большинство мужчин признают, что, занимая место начальника, женщины реже «срываются», с ними легче решать любые вопросы, они не столько зависят от настроения и лучше заботятся о подчиненных.[1]

Вообще в отношении способностей женщин-руководителей получаемые в исследованиях данные весьма противоречивы. Одни авторы не выявили различий между лидерами — мужчинами и женщинами — ни по эффективности их деятельности (Eagly et al., 1995; Farth et al., 1991), ни по вербальному поведению (Johnson C., 1994), ни по лидерскому стилю (Eagly A., Johnson B., 1990). В то же время обнаружено, что лидеры-женщины отличались от лидеров-мужчин, но в сторону, противоположную ожидаемым гендерным различиям: так, женщины-лидеры превосходили мужчин по мотивации достижения и стремлению к лидерству (Powell G., 1990; Eagly A., Johnson B., 1990). Надо отметить, что вообще женщины, выполняющие «мужские» профессиональные обязанности, в том числе осуществляющие руководство, имеют более маскулинный стиль мышления и мужские черты характера. В. А. Буткевич (2001), например, выявила, что женщины-руководители отличаются от других женщин доминантностью, эмоциональной устойчивостью, стремлением к самопроявлению, социальной смелостью и проницательностью.

[1] *Источник: «Знания — сила». 1984. № 6. С. 49.*

В исследованиях было показано, что женщины-руководители могут устанавливать высокие деловые отношения не только с женщинами, но и с мужчинами — подчиненными (Fairhurst G., 1993). Установлено, что женщины-руководители наравне с мужчинами способны мотивировать подчиненных на сверхдостижения (Komives S., 1991). Женщины-руководители так же ориентированы на задачу, как и мужчины-руководители (Schneier C., 1978).

Проблема женщин-карьеристок связана с конкретной женской субъективностью. Просто есть проблемные женщины. Карьеристки они или нет — неважно. Сделай такую домохозяйкой — это будет несчастье для близких, в первую очередь для детей.

И наоборот: женщины, способные использовать все природой данные преимущества — гибкость, интуицию, более тонко воспринимающие других людей, да еще при соответствующих интеллектуальных возможностях, действительно перегонят любого мужчину. Так что суть лежит в иной плоскости: если есть некая поврежденность в женском начале, она в любом случае даст о себе знать — хоть на производстве, хоть в личной жизни.

...Иногда бывает по-другому: есть некоторая востребованность, стечение обстоятельств, свободное время, не занятое малолетними детьми и докучливыми требованиями мужа. Почему бы себя не проявить в карьере? Человек в принципе должен себя в чем-то проявлять.

Способность принимать людей такими, как они есть, — характерная женская черта. А неспособность принимать себя, детей, супруга, подчиненных, тревожность, агрессивность, желание все переделать неизвестно как — свидетельствуют о внутреннем неблагополучии.

Но это свойственно и мужчинам тоже. Подобное женское поведение воспринимается более болезненно, потому что противоречит социокультурным ожиданиям.

Источник: Копьев А. // Огонек. 2001. № 27.

Дж. Дарли (Darley, 1986) полагает, что из-за нашей склонности судить о людях по их социальной роли мы часто забываем о том, что заботливая, нежная, внимательная жена и мать может быть настойчивым, рациональным и эффективным руководителем на работе. И поскольку в нашем сознании преобладает образ женщины в традиционной женской роли, требующей совсем иных качеств, чем те, что необходимы для руководителя, нам трудно увидеть в женщине человека, подходящего для руководящей работы.

Элис Игли с соавторами (Eagly et al., 1995) показали, что эффективность исполнения лидерской роли мужчинами и женщинами зависит от многих факторов. Мужчины были более эффективными: 1) при решении задачи; 2) при руководстве мужчинами; 3) в военных организациях и в роли спортивных тренеров; 4) на низшем уровне управления, требующем технических способностей; а женщины более эффективны: 1) при установлении межличностных отношений; 2) в сфере образования, бизнеса, на социальной и государственной службе; 3) на среднем уровне управления, где нужно устанавливать межличностные отношения.

Э. Игли отмечает, что у женщин-руководителей возникает конфликт между гендерной и лидерской ролью, поскольку последняя требует маскулинного поведения. Смягчению этого ролевого конфликта, по мнению автора, могут способствовать: 1) реальные достижения женщин; 2) выбор ими той области занятий

и должности в тех организациях, где лидерская роль по стереотипу не слишком маскулинизирована, а скорее андрогинна (например, руководитель детского образовательного учреждения, а не военного ведомства); 3) демонстрация относительно фемининного лидерского стиля — демократического и ориентированного на взаимоотношения.

Женщины обычно плохо переносят строго иерархический «самцовый» стиль руководства и общения с коллегами, стараются полнее использовать свои «самочьи» тенденции к сопереживанию и интуиции. Современные фирмы все больше поощряют, по крайней мере на словах, кооперативный способ управления, к которому хорошо приспособлены женщины. Однако в роли руководителей им еще довольно трудно заслужить безоговорочный авторитет. Отчасти это объясняется женской манерой разговаривать и вообще вести себя.

Американский лингвист Дебора Таннен изучала, как общаются между собой люди в рабочей обстановке и обнаружила существенную половую разницу. Мужчины-управленцы говорят прямолинейно и аналитически, всегда считают оправданными свои требования и излагают их без экивоков. Женщины же стараются войти в чужое положение и прежде всего создать комфортную атмосферу. Они часто извиняются за сказанное, а если чего-то не понимают, то в отличие от мужчин не стесняются задавать вопросы. Однако многие мужчины склонны считать такое поведение женщины признаком ее неуверенности в себе и даже некомпетентности.

Готовясь принять решение, женщина предпочитает обсудить его с подчиненными, чтобы получился поддержанный всеми консенсус. При этом собственное мнение она формулирует в форме вопросов. Она не скажет: «Я лично считаю», «Может быть, нам?..». По убеждению многих мужчин, их начальницы сами не знают, чего хотят, поэтому их предложения можно игнорировать.

Источник: Мысль. разум. Интеллект: Практическое руководство по развитию умственных способностей // Ридерз Дайджест. 2003. С. 276–277.

20.4. Стили руководства и пол

По мнению Дж. Роузнер (1995), женщины пользуются своим умением общаться и руководят не так, как мужчины. Они добиваются успеха, используя именно «женские» качества. Мужчины-менеджеры воспринимают свою работу как серию дел (или сделок) с подчиненными, с награждением за оказанные услуги или наказанием за некачественную работу. При этом они чаще пользуются властью, которую дает им занимаемая должность. Женщины-менеджеры руководят так, чтобы подчиненные преобразовали свои интересы с учетом интересов группы, ставя перед собой более широкие цели. Свою власть женщины связывают с личными качествами — обаянием, контактностью, умением общаться и интенсивно трудиться, а не с занимаемой должностью. Дж. Роузнер назвала их стиль «преобразовательным».

Основной характеристикой этого стиля является активное взаимодействие с подчиненными, которые приглашаются к участию в управлении фирмой, с которыми делятся властью и информацией, у которых пробуждают интерес к выпол-

няемой работе. Этот стиль руководства в нашей стране обозначается чаще всего как демократический. Работники видят, что руководство доверяет им, воспринимает их идеи, в результате возрастает преданность подчиненных делу.

В принципе, ничего специфически женского в этом стиле руководства нет. Поэтому следует говорить не о женском стиле, а о том, что женщины чаще мужчин склонны использовать демократический стиль руководства. Мужчины же более склонны пользоваться авторитарным стилем руководства, но это не исключает использования ими и демократического («женского») стиля, так же как женщинами — авторитарного стиля. С. Эпстайн (цит. по: Ходырева Г. Л., 1997) выявила среди женщин-адвокатов много тех, кто руководит авторитарно, агрессивно, с применением наказаний, но при этом способных к эмпатии и взаимодействию.

Преобразовательный стиль, по Дж. Роузнер, имеет и другую характеристику, а именно поддержание в сотруднике уважения к собственной персоне. Правда, эта характеристика является лишь производной от первой: когда руководитель приглашает сотрудников к процессу принятия решений, возникает побочный положительный эффект — возрастание осознания своей значимости. Женщины-менеджеры стараются как можно чаще отмечать заслуги подчиненных в письменном виде или устно в присутствии других сотрудников.

Еще одной характеристикой преобразовательного стиля является поддержка сотрудников в сложных ситуациях, связанных с постоянной конкуренцией на рынке и работой с клиентами. Эта поддержка проявляется в создании программ по поддержанию здоровья, по профилактике состояния выгорания, в совместном проведении свободного времени, создании благоприятного социально-психологического климата на работе.

Возможно, поэтому в последнее время на Западе, принимая на работу руководителя, стали отдавать предпочтение женщинам, ведь в отличие от мужчин-боссов, которые любят подгонять сотрудников и настраивать их друг против друга, женщины-руководители не только объединяют сотрудников, но и умеют вдохновлять их, демонстрируя восхищение даже самыми незначительными успехами. Кроме того, женщины-менеджеры готовы к нестандартным решениям, к структурным (кадровым) преобразованиям, к изменению методов руководства в критических ситуациях, считает Дж. Роузнер.

Однако выводы Дж. Роузнер подверглись критике со стороны ряда авторов, и, прежде всего за то, что стили руководства описывались самими менеджерами, а не наблюдались со стороны.

Но, как бы то ни было, многие исследования показывают, что склонность к авторитарному и авторитарно-демократическому стилям руководства, ориентированным на задачу, чаще встречается у мужчин, чем у женщин; последними же чаще используется демократический стиль руководства (Eagly A., Johnson B., 1990; Нгуен Ки Тыонг, 2000) — табл. 20.2.

Это подтверждается также данными А. Н. Индиенко (2001) и Е. Б. Мащенко (2001), выявившими бóльшую директивность (по Hand-тесту) у мужчин, чем у женщин. Женщины же склонны к чисто демократическому стилю руководства, ориентированному на участие в общей работе. Э. Игли с сотрудниками показали, что мужчины более эффективны, чем женщины, если их поведение совпадает

Таблица 20.2. Распространенность склонности к определенному стилю руководства (процент случаев) (по данным Нгуен Ки Тьонга)

Половая принадлежность	Авторитарно-демократический	Демократический	Либерально-демократический
Мужчины (n = 147)	38	48	14
Женщины (n = 78)	28	45	27

с маскулинным, а женщины оказывались более эффективными, чем мужчины, когда их поведение соответствовало фемининному образцу. Если женщины пользовались лидерским стилем, который традиционно считается мужским (авторитарный и директивный), то их рейтинг снижался. Люди охотнее воспринимают «сильное и напористое» мужское руководство, нежели «навязчивое и агрессивное» женское (Maupin R., 1993). В то же время при демонстрации мужчинами и женщинами демократического стиля и те и другие оценивались с одинаковым предпочтением.

Некоторые исследователи (например, Kushell E., Newton R., 1986) полагают, что вследствие этого женщины-руководители должны иметь преимущество перед мужчинами, так как подчиненные лучше воспринимают демократический стиль руководства. Однако это заключение слишком общее: ведь и среди женщин есть склонные к авторитарному стилю управления, а среди мужчин — склонные к демократическому стилю

Игли и Джонсон предполагают, что более демократический настрой женщин-руководителей обусловлен тем, что они стремятся завоевать признание у скептически настроенных подчиненных.

Почему такое пристальное внимание к женщинам-карьеристкам? Потому что дамы-руководители на виду, их мало, они более заметны. Конечно, у них могут быть проблемы, но может таких проблем и не быть. Процентное соотношение личной устроенности – неустроенности, думаю, одинаково и у простых женщин, не хватающих звезд с неба, и у незаурядных.

Когда у меня спрашивают, что для меня важнее, работа или дом, я отвечаю: и то, и другое.

Я абсолютно уверена: сделать настоящую карьеру за счет компенсации каких-то своих комплексов невозможно. Отдельные, даже очень высокие взлеты могут быть, но стабильная и успешная карьера – удел натур созидательных и гармоничных. У женщины могут быть такая энергетика, такие таланты, способности к руководству, интеллектуальный потенциал – что она горы свернет.

Источник: Мелия М. // Огонек. 2001. № 27.

Опираясь на результаты эмпирических исследований, Ф. Денмарк пришла к следующему выводу: предположение, что женщины-руководители существенно отличаются от мужчин-руководителей, не подтверждается. Исследователи сходятся только на одном отличии руководителей разного пола: большем интересе женщин-руководителей к отношениям между людьми, что является скорее их плюсом в руководстве. Кто является более эффективным руководителем — мужчина или женщина, до сих пор остается неясным.

Проведенный А. Поляковой анализ результатов по стратегиям поведения руководителей разного пола (24 мужчины и 24 женщины) показал, что в конфликтных и фрустрирующих ситуациях у женщин сильнее выражено стремление к сотрудничеству (среднее значение 5,87), избеганию (7,29) и уступкам (6,58). В группе испытуемых мужчин сильнее выражено стремление к противоборству (5,29) и компромиссу (7,58). Отличия достоверны между двумя группами по параметру «избегание» на 0,01% уровне значимости (7,29 для женской выборки и 5,5 для мужской), по параметру «уступка» на 0,05% уровне значимости (6,5 для мужчин и 4,7 для женщин).

Женщины, занимающие руководящие должности, чаще мужчин используют такие защитные механизмы, как отрицание и проекция, а мужчины чаще женщин используют рационализацию.

Таким образом, можно сделать вывод, что женщины, занимающие руководящие должности, предпочитают отрицать информацию, которая тревожит и может привести к конфликту, и не воспринимают ее. Имеется в виду конфликт, возникающий при появлении мотивов, противоречащих основным установкам личности, или информации, которая угрожает самосохранению, престижу, самооценке. Им свойственно также приписывать свои собственные нежелательные черты другим и таким путем защищать себя от осознания этих же черт в себе. А те отрицательные эмоции, которые могли быть направлены против себя, теперь направляются на других, и субъекту удается таким путем сохранить высокий уровень самоуважения.

Мужчины, занимающие руководящие должности, в своем поведении чаще используют перенос действия, направленного на недоступный объект, на действие с доступным объектом. Замещение разряжает напряжение, созданное недоступной потребностью, но не приводит к желаемой цели. Такое замещение можно часто наблюдать в жизни: человек срывает свое раздражение, гнев, досаду, вызванные одним лицом, на других лицах.

Рационализация — еще один механизм, который чаще используют мужчины, состоит в том, что человек изобретает вербализованные и на первый взгляд логичные суждения и умозаключения для ложного объяснения, оправдания своих фрустраций, выражающихся в виде неудач, беспомощности.

Такой защитный механизм, как вытеснение практически одинаково выражен как у мужчин-руководителей так и у женщин. Это может объясняться тем, что вытеснение — наиболее универсальный способ избежания внутреннего конфликта путем активного выключения из сознания неприемлемого мотива или неприятной информации.

И мужчины, и женщины лидеры были наиболее продуктивными, работая с ведомым своего пола, и наименее эффективными, работая с ведомыми противоположного пола (Eskilson A., Willey M., 1976).

ГЛАВА 21

Пол и физическая культура

Во времена А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова в высшем свете считались наиболее привлекательными женщины (или девушки) «слабые здоровьем», и для видимости этой «слабости», «болезненности» некоторые пили уксус, что вызывало бледность лица, а заодно и заболевание желудка. Даже К. Маркс, заполняя анкету своих дочерей, продемонстрировал влияние этих стереотипов, ответив, что главным признаком достоинства мужчины является сила, а женщины – слабость.

Неудивительно, что до сих пор у многих женщин имеется отрицательное отношение к занятиям спортом. В одном из своих исследований Коэн (Cohen, 2001) выясняла основные причины этого. Женщины, не желающие заниматься спортом, среди причин называли следующие: «спорт – это удел мужчин», «не хочется испытывать болевые ощущения»; «женщины не могут быть такими же хорошими спортсменами, как мужчины»; «спорт делает девушек мужеподобными»; «юноши не любят девушек, занимающихся спортом»; «удел девушек в спорте – группа поддержки»; «только лесбиянки занимаются спортом»; «слабая финансовая поддержка женского спорта».

В то же время сейчас в моде женщины спортивного типа, обладающие стройной фигурой и развитыми психомоторными качествами. Достижению такого идеала способствуют занятия физическими упражнениями.

Изучение женщин, занимающихся спортом, позволяет определить с научных позиций неизвестные до недавнего времени предельные возможности женского организма при выполнении различных по характеру физических нагрузок и упражнений. Этому способствует и то обстоятельство, что в последние годы женщины стали заниматься видами спорта, которые рассматривались как чисто мужские.

Нужно отметить, что в последние годы появляется все больше публикаций, посвященных женскому спорту, в частности, в США (Cohen, 2001; Gill, 2001; Hall, 2008; Lopiano, 2002; Roper, 2002 и др.).

21.1. Физическое воспитание детей разного пола

Двигательная активность. Потребность в двигательной активности у мальчиков выражена больше, чем у девочек. Уже у детей младшего возраста, достигнув пика в 2–3 года, двигательная активность постепенно снижается на протяжении дошколь-

ного периода у девочек быстрее, чем у мальчиков, так что 5-летний мальчик может доставлять больше хлопот родителям и воспитателям, чем его сверстница, которая спокойно играет в свои игры (Eaton W., Yu A., 1989). По данным Н. М. Ледовской (1972), среднесуточный объем локомоций (активных движений) у детей 5–7 лет составлял у мальчиков 7,1–9,0 км, а у девочек – 6,4–7,7 км. Аналогичные данные получены Д. М. Шептицким (1972) на дошкольниках 6–7 лет, Н. Т. Лебедевой (1973) и Р. А. Ахундовым (1970) на школьниках младших классов (табл. 21.1 и 21.2).

Таблица 21.1. Среднесуточная двигательная активность (км) дошкольников (по данным Д. М. Шептицкого)

Город	Время года	Мальчики	Девочки
Ставрополь	Лето	10,1	8,1
	Зима	8,1	7,2
Москва	Лето	10,7	8,5
	Зима	6,6	5,6

Таблица 21.2. Среднесуточная двигательная активность (км) школьников в условиях пионерского лагеря (по данным Р. А. Ахундова)

Возраст, лет	Мальчики	Девочки
7	12,0	8,4
8	18,5	12,5
9	18,6	14,3

Е. А. Сидоров (1984) выявлял на уроках физкультуры учащихся с высокой, средней и низкой двигательной активностью. Отмечена следующая тенденция: во всех классах (с I по X) высокоактивных было больше среди мальчиков (рис. 21.1), а низкоактивных в ряде классов было больше среди девочек.

Большая потребность мальчиков в двигательной активности приводит и к своеобразию их поведения в школе: они больше отвлекаются на уроках (более непоседливы), шумят на переменах, что приводит к более частому нарушению ими дисциплины.

В исследовании Ю. Н. Чусова и В. А. Сковородко (1976) с участием взрослых различных профессий тоже показано, что у мужчин двигательная среднесуточная двигательная активность выше, чем у женщин (табл. 21.3).

Таблица 21.3. Количество шагов, проходимых человеком за день (в тысячах)

Возраст, лет	Женщины		Мужчины	
	Лето	Зима	Лето	Зима
21–30	13,6	10,2	20,3	14,5
31–40	11,0	7,8	13,4	11,2
Старше 70	6,1	4,0	7,7	5,0

Отношение к урокам физической культуры и учителю. По данным Е. Г. Еделевой (Писанниковой), удовлетворенность уроками физической культуры у юношей IX–X классов наблюдается чаще, чем у девушек (около половины девушек

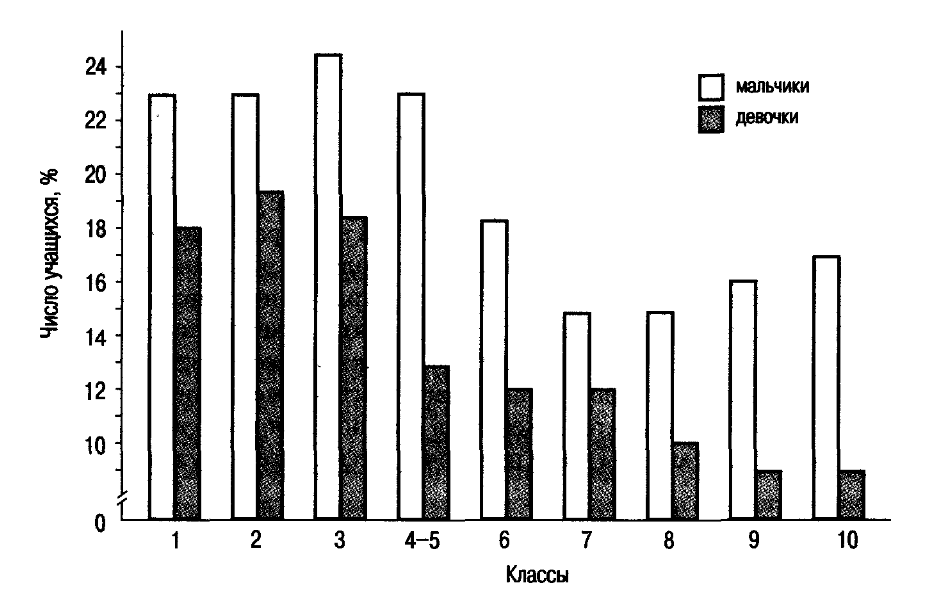

Рис. 21.1. Количество высокоактивных школьников на уроках физкультуры

не удовлетворены уроками физкультуры). Если у юношей неудовлетворенность связана прежде всего с достигнутым уровнем физического развития, то у девушек на первом месте по значимости стоит недовольство содержанием и качеством проведения урока.

Девушки в 2 раза чаще юношей отметили неудовлетворенность отношениями с учителем физкультуры, что соответствует тому факту, что для лиц женского пола эмоциональное общение и взаимоотношения имеют большее значение, чем для лиц мужского пола.

В одной из моих работ (Ильин Е. П., 1987) путем ретроспективного опроса студентов факультета физкультуры педагогического института было выявлено, что у лиц мужского пола наибольшее неудовлетворение уроками физкультуры вызывает дефицит двигательной активности (32% ответов); у лиц женского пола основной причиной неудовлетворенности была названа плохая организация урока (43% ответов), а у юношей этот фактор стоял на втором месте (22,6% ответов). Девушки вторыми по значимости причинами неудовлетворенности назвали неинтересное содержание урока и низкую его эмоциональность (30% ответов); юношами эмоциональность урока отмечалась редко (6% ответов), как и отношение учителя к уроку и учащимся (9,5% против 18, 2% у девушек). Девушки при оценке урока физкультуры придавали значение большему числу факторов, чем юноши; в частности, девушки отмечали дисциплину (15% ответов), а также дифференцированный подход в обучении (40% ответов).

Е. Г. Писанникова (1987) выявила, что девочки по сравнению с мальчиками чаще отмечали наличие у учителя физкультуры положительных личностных качеств. Девочки старших классов придают большее значение внешнему виду учителя, чем мальчики. Стиль руководства учителя физкультуры воспринимается как

авторитарный несколько чаще девочками, чем мальчиками. Эти различия отчетливее выявлены у тех, кто не удовлетворен уроками физкультуры. Характерно, что мальчики, занимающиеся спортом, чаще негативно реагируют на замечания учителя физкультуры, чем девочки (в 41,9 и 26,5% соответственно среди удовлетворенных уроками, и 92,8 и 75,0% — среди неудовлетворенных). Следовательно, мальчики, добившиеся каких-то успехов в спорте, более самолюбивы, чем девочки. Среди не занимающихся спортом школьников таких различий не наблюдалось.

По данным В. В. Будилова (1987), имеются половые различия в предпочтении мальчиками и девочками учителей физкультуры разного пола. Большинство мальчиков во всех классах (в среднем 60%) хотят в качестве такого учителя видеть мужчину, у девочек же выявлена более сложная закономерность: в младших классах предпочтение большинством отдано учителю-женщине, в средних классах учитель-мужчина и учитель-женщина предпочитаются девочками в равной степени, а в старших классах чаще предпочитается учитель-мужчина (рис. 21.2).

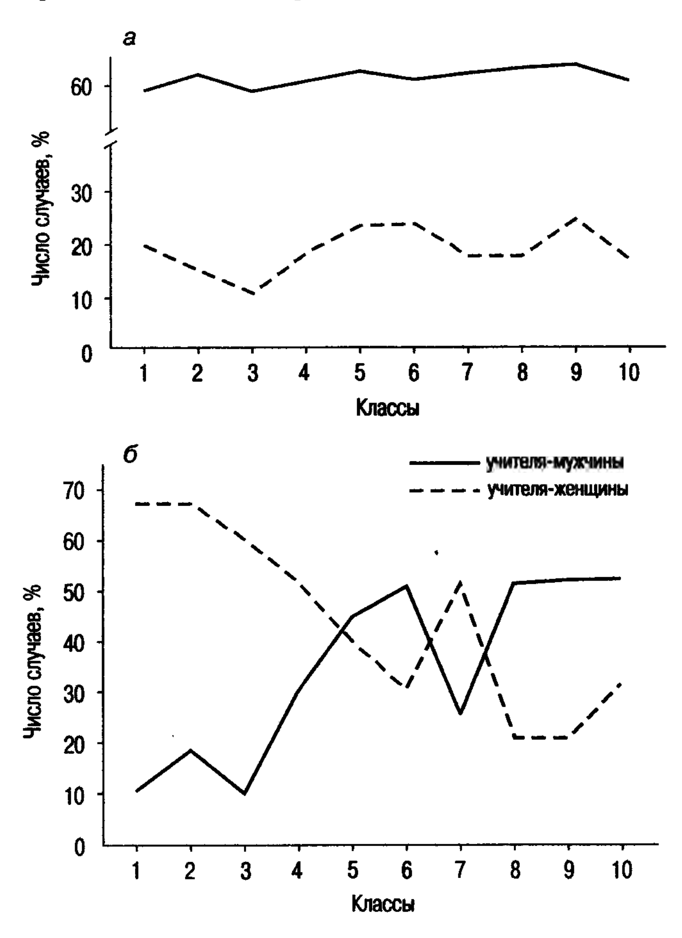

Рис. 21.2. Предпочтение учащимися учителей физкультуры разного пола: *а* – выбор мальчиков; *б* – выбор девочек

Мотивы занятий на уроках физкультуры. Только около 40% школьников занимаются на уроках физкультуры целенаправленно, желая получить хорошее физическое развитие. При этом мальчики понимают его как развитие двигательных качеств, а девочки как улучшение своего внешнего вида: фигуры, походки и т. п. (Еделева Е. Г.). Недостаточный интерес девочек к физкультуре обусловлен, в частности, тем, что направленность и требования этих занятий в большей степени соответствуют ценностным ориентациям мальчиков. Этот вывод подтверждают в какой-то степени и данные Е. Г. Сайкиной (1998), изучавшей мотивы посещения уроков физкультуры девушками старших классов. Доминирующим (у 87% школьниц) является формирование красивой фигуры. Мотив умения красиво двигаться и танцевать имеется у 76% школьниц; повышение уровня двигательных способностей — у 61%; обучение играм (волейбол, баскетбол и пр.), а также укрепление здоровья — у 31% школьниц.

В работе Е. П. Ильина (1987) выявлено, что из всех разделов учебной программы по физкультуре мальчики предпочитают спортивные игры, в основном баскетбол (38,5% ответов, в 2 раза больше, чем у девочек); девочки отдают предпочтение гимнастике во всех ее разновидностях. Девочкам чаще не нравились спортивные игры и лыжная подготовка, а мальчикам — гимнастика. Девочки хотят, чтобы выполнение физических упражнений сопровождалось музыкой, мальчики таких пожеланий практически не высказывали. Девочки чаще высказывали пожелание, чтобы учебный материал был разнообразнее.

Кстати, учителя физкультуры считают, что разделять мальчиков и девочек на уроках физкультуры надо уже в IV–V классах (Ильин Е. П. и Тихонов А. М., 1987).

21.2. Физкультурно-спортивная мотивация лиц мужского и женского пола

Мужчины более активны в занятиях физкультурой и спортом, чем женщины. Это подтверждается данными, полученными в исследованиях как городских, так и сельских жителей в различных регионах нашей страны. Социологическое исследование П. А. Виноградова с соавторами (1977) выявило, что распространенность занятий утренней гимнастикой составляла среди мужчин 65,2%, а среди женщин 34,3%. Это же подтверждают и данные И. И. Мансурова (1973): делали утреннюю гимнастику 50,7% мужчин и 37,9% женщин; согласно этому опросу, занимались в спортивных секциях 8,1% мужчин и 2,9% женщин, живших в Карачаево-Черкесии, участвовали в соревнованиях соответственно 10,8% мужчин и 2,1% женщин. Ю. В. Борисов (1972), изучая отношение к физической культуре и спорту на селе, тоже выявил меньшую активность женщин по сравнению с мужчинами (табл. 21.4).

По данным И. И. Щербакова (1982), в обследованной им выборке трудящихся занимались физкультурой и спортом 41,8% мужчин и только 20,4% женщин. При этом женщины чаще, чем мужчины, делали утреннюю зарядку и занимались в группах здоровья, а мужчины чаще занимались спортом самостоятельно и в спортивных секциях (рис. 21.3).

Таблица 21.4. Степень распространенности самостоятельных занятий физической культурой и спортом с целью укрепления здоровья (процент случаев)

Виды занятий	Мужчины		Женщины	
	Данные Ю. В. Борисова	Данные И. И. Мансурова	Данные Ю. В. Борисова	Данные И. И. Мансурова
Плавание	36,7	43,5	29,2	27,4
Лыжи	29,9	–	22,7	–
Велосипед	41,4	37,1	20,8	10,1
Волейбол	12,6	27,9	7,9	13,7
Коньки	9,1	–	4,9	–
Настольный теннис	1,6	24,4	0,7	9,0
Туризм	2,9	23,0	3,2	9,0
Рыбная ловля	16,3	44,1	1,8	–
Охота	9,9	32,0	0,5	–
Шахматы	9,7	–	0,5	–
Шашки	25,1	–	17,6	–

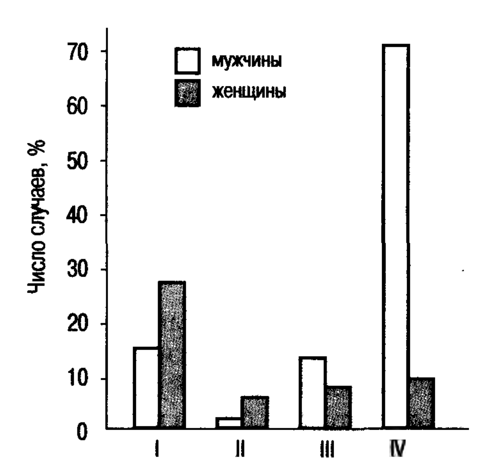

Рис. 21.3. Формы активного отношения мужчин и женщин к занятиям физическими упражнениями: I – утренняя гимнастика; II – группы здоровья; III – спортивные секции; IV – самостоятельные занятия

Время, отводимое на занятия физическими упражнениями, было большим у мужчин (рис. 21.4)

Соответственно спортивные разрядные нормативы значительно чаще имели мужчины (50,5%), чем женщины (21,1%).

Бóльшая активность в занятиях физическими упражнениями мужчин подтверждается и в том, что не умеющих плавать среди лиц женского пола на 10–13% больше, чем среди лиц мужского пола (Рипа М. Д., 1971; Дорошенко Ю. П., Дорошенко И. В., 1982).

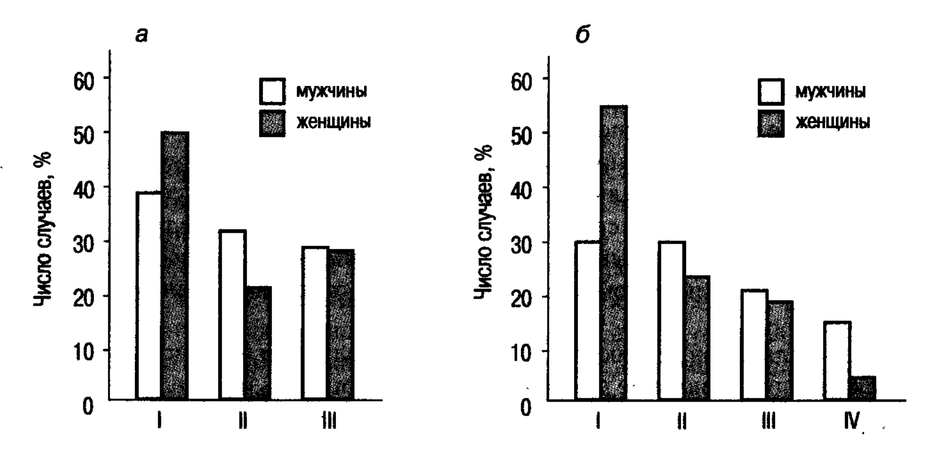

Рис. 21.4. Частота и длительность занятий физическими упражнениями мужчин и женщин: *а* – частота занятий (I – 2 раза в неделю; II – 3–4 раза в неделю; III – свыше 4 раз); *б* – длительность занятий (I – до 2 ч в неделю; II – 2–5 ч; III – 5–8 ч; IV – свыше 8 ч)

По данным Ю. В. Борисова, не занимаются, но желают заниматься физическими упражнениями чаще тоже мужчины, чем женщины (соответственно 26,5 и 19,9%).

Приведенные данные отражают, очевидно, общую, а не только российскую, картину. В Польше выявлены аналогичные закономерности: так, по данным З. Дроздовски (1999), независимо от возраста, количество лиц, занимавшихся спортом, было больше среди мужчин, чем женщин, — в возрасте 12–13 лет — соответственно 57 и 40%, в возрасте 17 лет — 45 и 28%, в возрасте 20 лет — 21 и 12%. Автором выявлено, что девочки чаще занимаются в школьных спортивных секциях, а мальчики — в спортивных клубах. Меньшее участие в спортивных занятиях девочки и девушки объясняют большой занятостью учебой, а женщины — семейными обязанностями.

В развитых странах количество женщин, занимающихся спортом, составляет 10–15%, в России — только 1–3%, в то время как общее число занимающихся спортом около 10% (Панков В. А., 2000).

Имеются некоторые различия в проявлении интереса к различным видам спорта лицами мужского и женского пола: мальчики значительно чаще интересуются волейболом, баскетболом, футболом и хоккеем, девочки — фигурным катанием и гимнастикой (Рипа М. Д., 1971а). В отношении интереса, проявляемого к легкой атлетике и плаванию, различий нет. В последние годы резко возрос интерес женщин к аэробике и ее разновидностям (степ, слайд, фанк), шейпингу. В то же время заметный интерес девочки и девушки проявляют и к восточным единоборствам.

Кроме того, были изучены *социальные факторы формирования физкультурных и спортивных интересов* (Рипа М. Д., 1971б). Для женщин большую значимость имели передачи по радио, телевидению, чтение спортивных газет и журналов, средства наглядной агитации, посещение университетов здоровья; для мужчин более весомыми оказались просмотры художественных и документальных филь-

мов спортивной тематики, чтение книг о выдающихся спортсменах, хорошо поставленная физкультурная работа в учебном заведении, армии, желание стать чемпионом, рекордсменом, пример товарищей, хорошие результаты в период учебы в школе, влияние массовых спортивных выступлений.

И. И. Мансуров выявил причины, которые препятствуют регулярным занятиям взрослых физической культурой и спортом. Женщины чаще ссылаются на отсутствие интереса, нехватку свободного времени и на устаревшие традиции и обычаи. Мужчины же чаще называют внешние причины: нет поблизости спортивной базы, нет секции по любимому виду спорта, не организованы занятия в группах здоровья.

Среди школьников девочки чаще мальчиков жалуются на то, что много времени уходит на приготовление домашних заданий и помощь родителям, что состояние здоровья не позволяет тренироваться, нет желания, не разрешают родители (последнее особенно характерно для азербайджанских семей, в которых больше половины родителей считают, что девушкам не подобает заниматься спортом и ходить в спортивной одежде) (Рипа М. Д., 1971а).

Е. Е. Хвацкая (1997) выявила половые различия в мотивации на начальном этапе спортивной карьеры. Для мальчиков характерен более высокий уровень притязаний и преобладание ориентации на успех. У девочек более выражены познавательные мотивы и ориентация на овладение знаниями и умениями.

Как установлено А. В. Шаболтас (1998), у юношей мотивами занятий спортом являются компоненты долженствования — социально-моральный и гражданско-патриотический, а у девушек эмоциональные компоненты — удовольствие, социально-эмоциональный.

И. И. Щербаков (1986) тоже выявил различия в мотивах занятий физическими упражнениями взрослых мужчин и женщин (табл. 21.5).

Таблица 21.5. Мотивы занятий физической культурой (процент случаев)

Пол	Укрепление здоровья и физическое совершенствование	Культурно-развлекательный	Спортивное совершенствование
Мужчины	60,9	24,3	14,9
Женщины	72,8	21,1	5,3

Как видно из таблицы, для женщин более значимо укрепление с помощью физических упражнений здоровья, а для мужчин — спортивное совершенствование.

По некоторым данным, женщины в спорте более настойчиво добиваются поставленной цели.

21.3. Спортивная деятельность мужчин и женщин

В Древней Греции Олимпийские игры были чисто мужским мероприятием. Уставом этих игр категорически запрещалось присутствие женщин на стадионе. Нарушительниц запрета полагалось сбрасывать в пропасть со скалы. Исключение делалось лишь для жрицы богини плодородия Деметры, у которой на стадионе

даже было персональное мраморное кресло. Дело в том, что Олимпийские игры проводились осенью как праздник урожая.

Чисто мужскими по составу участников оказались и первые Олимпийские игры нашего времени, хотя есть свидетельства, что женщины с давних времен занимались некоторыми видами спорта. У спартанских женщин был свой праздник, посвященный богине Гере и называвшийся Гереей. Он проходил на том же олимпийском стадионе. Сначала женщины состязались лишь в беге на дистанцию, которая была короче мужской на 1/6. Со временем программа Герей расширилась и спартанки выступали в конных состязаниях, борьбе, прыжках в длину.

Первый официальный женский чемпионат мира датируется 1906 г., это были соревнования по фигурному катанию. Мероприятие дало толчок для проведения национальных чемпионатов для женщин в Германии (1911), Австрии (1913) и США (1914). Соревнования только для женщин во многом были обусловлены противодействием сильных религиозных конфессий, которые выступали против смешанных соревнований. Участие девушек в совместных соревнованиях с юношами было, например, запрещено в Германии Конвенцией епископов 1913 г. Наиболее прогрессивную позицию заняла Международная федерация плавания, поддержавшая стремление женщин участвовать в Олимпийских играх 1912 г. В то же время занятия женщин легкой атлетикой вызывали скрытое сопротивление даже таких личностей, как Пьер Кубертен и его преемник Эвери Брендедж, который после берлинской Олимпиады 1936 г. заявил, что он сыт по горло этими женщинами, состязающимися в легкой атлетике; их очарование равно нулю, насколько привлекательно выглядели, по его мнению, девушки, занимающиеся прыжками в воду и плаванием, настолько же отталкивающе — легкоатлетки.

Противодействие мужчин — деятелей спортивного движения привело к организации Международной спортивной женской федерации, которая в 1922 г. провела собственные альтернативные женские Олимпийские игры (впоследствии их название было изменено на Всемирные женские игры). Они проводились вплоть до 1934 г. и сделали неотвратимым участие женщин во всемирном спортивном движении.

В настоящее время женщины активно участвуют в спортивных состязаниях по большинству видов спорта. К примеру, в программе вторых Олимпийских игр современности женщины участвовали только в двух видах соревнований — гольфе и теннисе, количество участниц было мизерным (в 1900 г. в Париже — 11 женщин), а сейчас женских видов спорта уже больше семидесяти, участниц в олимпиадах набирается около полутора тысяч. Женщины стали заниматься теми видами спорта, которые раньше казались чисто мужскими (тяжелой атлетикой, борьбой, хоккеем с шайбой, регби, футболом, водным поло, марафонским бегом, прыжками с трамплина). Стремление многих женщин освоить все виды спорта обусловлено желанием доказать свое социальное равноправие с мужскими достижениями в спорте и биологическую полноценность. При этом в некоторых случаях у женщин (особенно девушек) наблюдается явное пренебрежение своим здоровьем, что вызывает тревогу у многих спортивных медиков и педагогов (Гандельсман А. Б., Смирнов К. М., 1963; Дембо А. Г., 1975; Староста В., 1999; Гасанова З. А., 1997). Правда, пока погоня за мужчинами охватила не всех девушек и женщин. Так, по

данным В. Старосты (1999), 61,3% опрошенных женщин отрицательно относятся к тому, что женщины занимаются мужскими видами спорта, и 61,1% опрошенных мужчин были солидарны с ними. Но кто знает, что нас ждет в будущем?

Обоснованно ли деление видов спорта на мужские и женские?

Большинство видов спорта мужчины создали для себя. В этом процессе, а также в дальнейших видоизменениях, в том числе правил соревнований, мужчины учитывали свои физические, двигательные, психические и другие особенности. По мере развития цивилизации, а вместе с ней – демократизации жизни общества, женщины, подражая мужчинам, начали постепенно заниматься придуманными мужчинами видами спорта. В некоторые из них были введены небольшие изменения правил, приспосабливающие их к особенностям женского организма. Занимаясь отдельными видами спорта, женщины переняли также типичные для мужчин принципы тренировки.

Сохраняя полное уважение к женщинам, нельзя не заметить, что они не много сделали для приспособления отдельных видов спорта к отличиям своего организма, а также связанным с ними системами тренировок. ...Положительно оценивая растущую творческую активность женщин в спорте, нельзя не заметить их подражание мужчинам. Оно выражается в том, что женщины начали заниматься видами спорта, которыми до сих пор занимались только мужчины (например, борьба, бокс, кикбоксинг, культуризм, тяжелая атлетика, хоккей с шайбой, прыжки на лыжах с трамплина, прыжки с шестом). Конечно, некоторыми из них они могут заниматься. Но всеми ли?

Некоторых поражает соревнование женщин с мужчинами. Они восхищаются тем, что разница рекордных результатов мужчин и женщин уменьшается... Меня беспокоит это соперничество, и я задаю вопрос: кому оно нужно? Каковы будут его последствия для женщин? Отдают ли женщины себе отчет, какую цену они могут заплатить за эти своеобразные эксперименты над собственным организмом?

...В конце концов, не имеет большого значения, если немногочисленная группа взрослых женщин, зная об опасностях, по разным причинам начинает интенсивную тренировку, например, по боксу, борьбе или тяжелой атлетике. Некоторые утверждают, что это их личное дело, они взрослые и знают, какому риску себя подвергают. Однако я имею в виду более важную проблему. Частые восторженные сообщения в средствах массовой информации (по телевидению, радио) о том, что женщины занимаются так называемыми мужскими видами спорта, создают предмет для подражания. Взрослые женщины, занимающиеся боксом или тяжелой атлетикой, могут быть и, наверное, становятся образцом для других, часто очень молодых девушек, которые, начиная систематические занятия, не отдают себе отчета в том, какому риску они себя подвергают. Недавно польские журналисты восхваляли результаты 13-летней девочки по тяжелой атлетике, которые значительно превосходили результаты мальчиков – ее ровесников. Может ли быть это причиной восхищения? Ведь эта девочка систематически занимается этим видом спорта не первый год, хотя еще недавно говорилось о том, что мальчики могут заниматься этим видом с 16 лет. Понимает ли отец этой девочки, тренер по тяжелой атлетике, какой опасности он подвергает свою дочь?

...Существует проблема достаточной информации о возможных опасностях... Некоторые утверждают, что взрослые женщины хорошо знают, какому риску они подвергаются. Правда ли это? Я в этом сомневаюсь. В качестве примера приведу случай с 34-летней культуристкой З. Ворвик, чемпионкой Европы и Англии, которая доверилась своему тренеру и слишком поздно узнала, что благодаря употреблению стимулирующих средств ей осталось жить только один год. Тестостерон, который она принимала, оказался убийственным для ее организма: у нее обширная язва желудка, в большой степени повреждена печень и глубокая аритмия сердца. Интересно высказывание этой выдающейся культуристки: «Я не являюсь одиночным случаем в Европе. Только

в последние два года похожая судьба, закончившаяся смертью, постигла шестерых девушек, которым так же, как и мне, снилась большая слава в культуризме, и они тоже употребляли стимулирующие средства».

...Обязанностью специалистов по физической культуре является спасение того, кого еще можно спасти, т. е. детей и молодежь, благодаря добросовестной информации о возможных опасностях, которые несет в себе тренировка женщин и девушек в определенных видах спорта.

Староста В., 1999, с. 55–56.

Бурную эмансипацию женского спорта можно проследить на примере Олимпийских игр (рис. 21.5, 21.6 и 21.7).

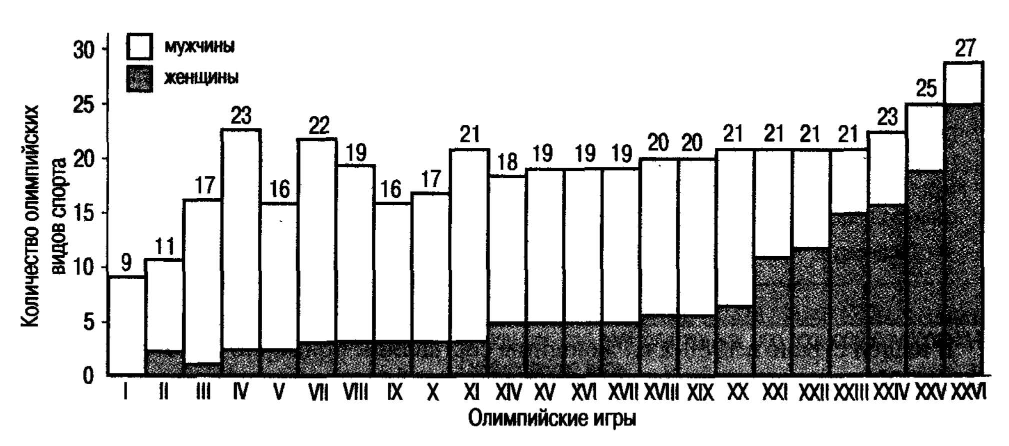

Рис. 21.5. Изменение количества олимпийских видов спорта, в которых выступали мужчины и женщины с 1896 по 1996 г.

Если в 1900 г. видов спорта, в которых женщины участвовали в олимпийских играх, составляли 15% от общего числа, то в 1996 г. – почти половину; если спортивных дисциплин, в которых принимали участие женщины, было всего 3,5%, то в 1996 г. таких дисциплин было уже 36% (Мельникова Н. Ю., 2000). Количество участвующих в играх женщин возросло в сотни раз и в настоящее время равно почти четырем тысячам.

Пожалуй, наибольшие неопределенность и субъективизм в дебатах «за» и «против» неограниченного проникновения женщин в «мужские» виды спорта допускаются тогда, когда затрагиваются психосоциальные, этические и эстетические аспекты проблемы. Одни, например, категорически утверждают, что ни один вид спорта не наносит ущерба женственности спортсменок, но не приводят никаких весомых фактов для такого утверждения, не считая апелляции к феминистским эмоциям и отдельных примеров. Другие, отправляясь в основном от своих вкусовых пристрастий, обвиняют ряд видов спорта как в маскулинизирующем воздействии на женскую фигуру и психику, так и в попрании эстетических начал женского поведения.

Вот некоторые иллюстрации к сказанному. Выступая в поддержку лозунга «Хочешь быть красивой – занимайся спортом!», выдающаяся в прошлом спортсменка М. Гуммель (1974), явно

наделенная от природы привлекательной внешностью, заверяет: «Представления о красоте женщины, долгое время определяемое идеалом Венеры Милосской, теперь устарели». Никаких фактологических оснований для этого Гуммель не приводит, если не считать ссылки на «личный опыт и опыт подруг». Сторонники противоположной точки зрения тоже не затрудняют себя достаточно основательной аргументацией. Чаще всего в таких случаях ограничиваются эмоциональными заявлениями, претендующими на выражение собственного мнения. И именно таким способом ряд видов спорта объявлен противопоказанным женственности, женской манере поведения и красоте. В частности, это относится к начавшемуся увлечению некоторых женщин боксом. По этому поводу президентом Федерации бокса Великобритании заявлено: «Если женщина занимается боксом, – это дикость; надев боксерские перчатки, она перестает быть женщиной» (цит по: Спорт за рубежом. 1990. № 4). Понятно, что когда женщина в пылу рукопашной схватки бьет соперницу в самые уязвимые места, или сплевывает сукровицу после полученного удара, или когда она на татами скорчивается с мучительной гримасой при болевом захвате соперницей, или на футбольном поле при угрозе ушиба мячом боязливо прикрывает руками и позой свои гениталии – все это и подобное явно вступает в противоречие с традиционными представлениями о женственности. Насколько оправданны сложившиеся представления о ней и не сменятся ли они иными критериями женственности? Убедительный ответ на это предполагает проведение серьезных исследований по антропологии, социопсихологии, этике и эстетике женского спорта. Без них здесь, скорее всего, не удастся освободиться от господства субъективно-вкусовых суждений».

Гасанова З. А., 1997, с. 20–21.

В нашей стране в 1980-х гг. женщины составляли примерно 25–30% мастеров спорта. Уровень женских рекордов непрерывно повышается и по темпам роста в ряде видов спорта даже превышает уровень мужских. Женский хоккей с шайбой, который в 1950-е гг. был запрещен, сейчас введен в программу зимних Олимпийских игр. Эмансипация женщин в спорте идет полным ходом, несмотря на то что многие спортивные занятия оказывают вредное воздействие на женский организм, не говоря уже об эстетическом их восприятии.

В последние годы все чаще ученые высказывают мнение, что среди спортсменок всех возрастных групп (девочки, девушки, женщины) выражены признаки, свидетельствующие о большей маскулинности, чем у женщин, не занимающихся спортом. Это прежде всего морфологические признаки: соматотип (ширина плеч больше ширины таза), измененное соотношение между жировой и мышечной тканью в пользу последней, гирсутизм (мужской тип оволосения, т. е. появление волос в зонах, не свойственных женщине, — грудь, живот, бедра, лицо), гипоплазия (недоразвитие) грудной железы и матки. Имеются и функциональные нарушения (нарушения менструального цикла). Это свидетельствует о повышенном содержании в организме спортсменок тестостерона и его производных.

В качестве объяснения выдвигаются две точки зрения. Одни ученые считают, что это результат постоянно возникающей постнагрузочной гиперандрогении. Другие же считают, что это результат отбора в спорт девочек мужского соматотипа.

Однако мнение о том, что спортсменки все больше становятся маскулинными, разделяется не всеми учеными. Так, Р. Колкер и К. Уайдом (Colker, Widom, 1980) выявили, что спортсменки менее фемининны, чем неспортсменки, но не более маскулинны последних.

Рис. 21.6. Изменение количества дисциплин на Олимпийских играх, в которых выступали мужчины и женщины

Рис. 21.7. Изменение количества мужчин и женщин – участников Олимпийских игр

Из интервью с мастером спорта международного класса Н. Карпович

– В чем отличие женского бокса как вида спорта от привычного нам мужского?

– Отличий два: техническое – это три раунда по две минуты, а не четыре по три, и в одежде – девушкам делается дополнительная защита на грудь, во всем остальном женский бокс точно такой же, как и мужской любительский бокс. Внешне, правда, женские поединки выглядят немножко медленней, это потому, что у мужчин реакция быстрее и удары чаще, а женский поединок происходит как бы в замедленной съемке по отношению к мужскому.

– Многие считают, что бокс не женский, агрессивный вид спорта?

– А в каком спорте легко, не бывает травм, тяжелых физических нагрузок, нервного истощения? Как определить: какой спорт женский, а какой мужской? Нагрузки-то ведь одинаковые. А насчет агрессивности бокса... Бокс и агрессия не имеют ничего общего. Знаете, сильные люди чаще всего самые добрые... Они не будут драться на улице и постараются избежать конфликта в жизни.

Источник: На ринге женщины // Телевидение и радио, СПб. 2005. 14–20 марта

Из интервью с мастером спорта Ю. Бычковой

– Как реагировали на ваше увлечение ваши друзья и родственники?

– Конечно, поначалу моя мама была сильно против – она всегда говорила, что это не женский вид спорта, потом, конечно, смирилась, и теперь она одна из самых ярых моих болельщиков. Остальные же родственники сразу меня поддержали, друзья же хвалили.

– Как на вас реагируют мужчины-спортсмены?

– Ну, поначалу смотрели сверху вниз – скептически, посмеивались. Потом стали более внимательно присматриваться. А теперь сами хвалят – говорят, что это здорово.

Источник: Бепкина М. Нашла себя в женском боксе // Телевидение и радио. 2005. 11–17 апр.

Но, несмотря ни на что, в средствах массовой информации спорт, как правило, освещается как мужское занятие: так, по данным Сабо и Янсена (Sabo, Jansen, 1992), 85–95% места и времени, уделяемых СМИ спорту, занимает информация о мужском спорте, а из тех видов, в которых участвуют женщины, полнее освещаются те, что более женственны (например, фигурное катание). В репортажах о мужских видах спорта преобладают описания физической силы, доминирования, когда речь идет о женском спорте, описание часто разворачивается вокруг внешнего вида, привлекательности, грации, а о силе практически не упоминается. Это наблюдается и в отечественных средствах массовой информации: например, канал «Спорт» транслирует в основном баскетбольные, волейбольные и футбольные матчи мужских команд, в то время как матчи женских команд показываются крайне редко, исключая первенство Европы, мира и Олимпийские игры.

Спортивные результаты. Начиная уже с 3–4 лет эффективность выполнения легкоатлетических упражнений у мальчиков выше, чем у девочек (рис. 21.8).

А. А. Зданевич (1987) было выявлено, что дальность метания мяча у мальчиков во всех классах школы почти в 2 раза больше, чем у девочек. Так, мальчики 6 лет метали мяч на 11,2 метра, а девочки того же возраста — на 6,7; юноши 16–17 лет метали мяч на 41,5 метра, а девушки — на 21,4.

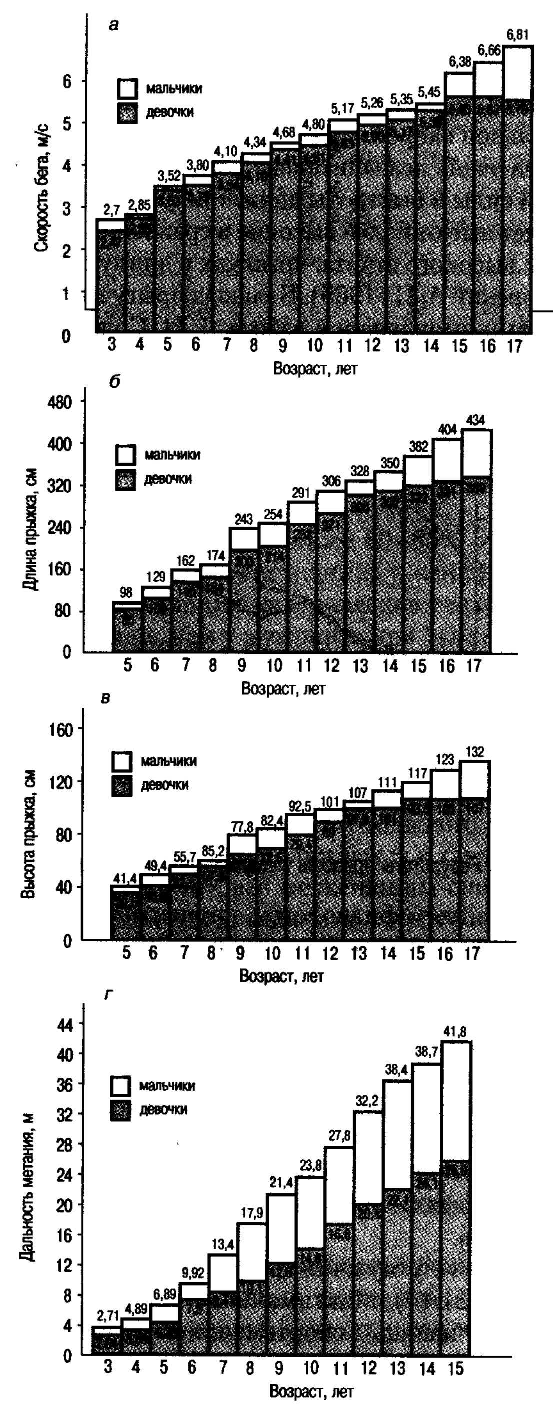

Рис. 21.8. Возрастная динамика результатов, показываемых лицами мужского и женского пола в выполнении легкоатлетических упражнений (по Вильчковскому Э. С., 1972)

В целостных скоростных действиях (например, низкий старт с колодок при беге) латентный период, по данным Л. Б. Губмана (1968), короче у лиц мужского пола, что можно связать, вероятно, и с большей силой ног у мужчин. Частота шагов в беге с максимальной скоростью у лиц мужского пола выше, чем у лиц женского пола, но разница очень незначительна (Жданов Л. Н., 1966).

Наличие большей силы и быстроты движений у мужчин объясняет и тот факт, что мальчики 8–15 лет имеют более высокие в сравнении с девочками показатели в беге на 30 метров с высокого старта, прыжках в длину с места и прыжках вверх толчком двух ног (Горский А. П., 1966). Большая прыгучесть школьников по сравнению со школьницами выявлена и в работе Л. Н. Соловьева (1976) (рис. 21.9).

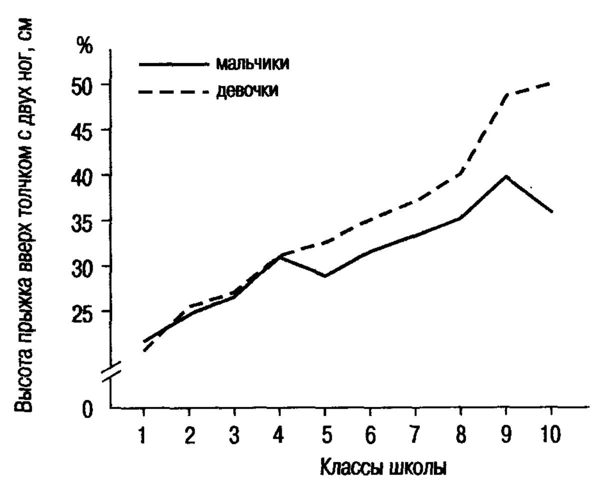

Рис. 21.9. Результаты прыжков учащихся мужского и женского пола

В то же время, по данным физиологов, процентное соотношение быстрых и медленных волокон в мышцах женщин и мужчин сходно, хотя толщина всех видов мышечных волокон у женщин в среднем меньше, чем у мужчин.

Физическая работоспособность женщины составляет не более 60–80% от таковой у мужчин. И зависит это прежде всего от функциональных возможностей сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Меньшая емкость анаэробных энергоисточников у женщин (например, максимальная емкость фосфагенной системы у женщин в среднем лишь равна таковой у нетренированных молодых мужчин) приводит к тому, что особенно заметно отставание результатов женщин от мужчин в анаэробноемких видах спортивной деятельности: беге на 400 и 800 метров и в плавании на 100 метров.

Аэробные возможности у мужчин-спортсменов более высокие, чем у женщин-спортсменок (рис. 21.10). Максимальное потребление кислорода (МПК), отнесенное к весу тела, у женщин-спортсменок на 20–25% ниже, чем у мужчин-спортсменов.

Женщины работают на более высоком относительном уровне потребления кислорода (процент МПК), т. е. ближе к своему «кислородному потолку», чем мужчины. Это значит, что анаэробный порог у женщин ниже, чем у мужчин той

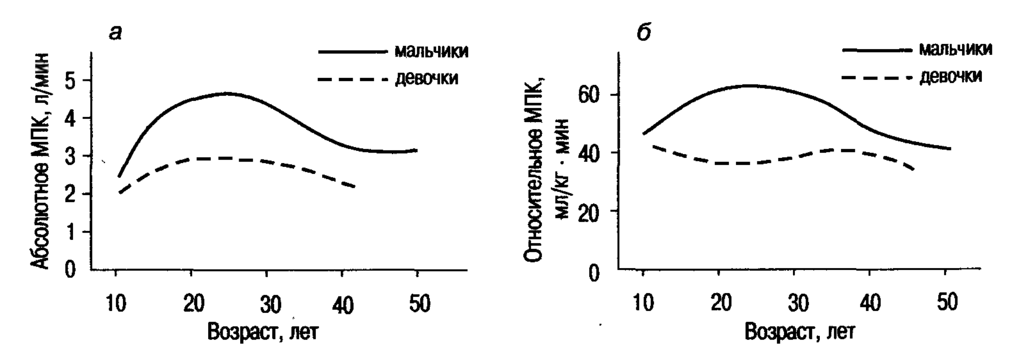

Рис. 21.10. МПК у спортсменов мужского и женского пола

же спортивной специализации. Поэтому при одинаковой физической мощности работы физиологическая нагрузка у женщин может быть выше анаэробного порога, а у мужчин ниже.

При аэробных нагрузках на уровне ниже 80–85% от МПК использование (окисление) жиров в качестве энергоисточника у женщин выше, чем у мужчин.

При ходьбе на разные дистанции калорические расходы, отнесенные к весу тела, у женщин на 6–7% выше, чем у мужчин, а при беге — даже на 10%.

При одинаковой по мощности нагрузке у женщин ритм сердца ускоряется значительно больше, чем у мужчин. Следовательно, активизация симпатической вазоконстрикторной системы у них тоже выражена сильнее.

Адаптация к физическим нагрузкам у женщин сопровождается большим напряжением функций и более медленным восстановлением. И хотя с ростом тренированности функциональные возможности женского организма значительно расширяются и по ряду параметров приближаются к таковым у мужчин (особенно при тренировке выносливости), все же женщины-спортсменки не достигают свойственных мужчинам адаптационных возможностей и уровня развития основных физических качеств (единственное преимущество женщины имеют в гибкости). Поэтому в ряде видов спорта условия выполнения упражнений у женщин облегчаются по сравнению с условиями для мужчин. Например, в Монголии национальным видом спорта является стрельба из лука и в состязаниях участвуют как мужчины, так и женщины. Однако мужчины стреляют с расстояния 75 метров, а женщины — с расстояния 60 метров, мужчины производят по 40 выстрелов, а женщины — вдвое меньше. В метании вес женских снарядов меньше, чем мужских. Несмотря на это, разрядные нормативы для женщин даже в этих видах спорта значительно ниже, чем у мужчин, не говоря уже о нормативах в циклических видах спорта.

Правда, отмечается, что при регулярной тренировке женщина способна достичь такой же способности к поглощению кислорода по отношению к массе тела, как и мужчины, а возможность использовать его у нее даже выше. Хорошую приспособляемость организма женщин к нагрузкам на выносливость и не более частые при этом, чем у мужчин, нарушения здоровья отмечают многие медики. Женщины лучше переносят длительный бег (до 100 км!), именно женщине принадлежит рекорд на длительность плавания. Организм женщины при больших

нагрузках в равных с мужчинами условиях меньше подвержен дегидратации (обезвоживанию), поскольку потоотделение у них менее обильно и начинается при более высокой температуре воздуха (Феррис Э., 1981). Возможно, этим объясняется тот факт, что чем длительнее работа (например, бег на сверхдлинные дистанции), тем меньше отставание женских рекордов от мужских (Соха С., Соха Т., 2000). Однако при тренировке на выносливость наблюдаются и неблагоприятные изменения в организме женщин: у бегуний на сверхдлинные дистанции наблюдается аменорея, которую связывают с выраженным уменьшением жировой массы тела, участвующей в регуляции функций половой системы. Большие спортивные нагрузки у женщин в значительно большей мере, чем у мужчин, затрагивают гормональную систему и влекут за собой более обширные нарушения вегетативных функций (Йонес Ш., 1959).

В плавании разрыв между результатами мужчин и женщин меньше (6–10%), что можно объяснить тем, что при плавании жировая ткань способствует плавучести спортсменок, а при беге — препятствует эффективной работе, так как спортсменки тратят лишнюю энергию на то, чтобы «тащить» лишний вес (пассивную массу тела). В среднем отставание женских мировых рекордов от мужских в циклических (беговых) видах составляет от 11 до 13%, но только до уровня нетренирующихся мужчин. Достичь такого же соотношения между активной (мышечной) и пассивной (жировой) массой тела, как у мужчин-спортсменов, как правило, женщинам не удается.

Меньший эффект у женщин, достигаемый при тренировке выносливости, зависит и от того, что у них в меньшей степени увеличиваются число и объем мышечных митохондрий, содержание и активность специфических ферментов аэробного метаболизма, содержание в мышцах гликогена и триглицеридов, способность мышц окислять углеводы.

Тренируемость мышечной силы у женщин тоже меньше, чем у мужчин (рис. 21.11). Особенно заметно это различие в возрасте от 16 до 30 лет.

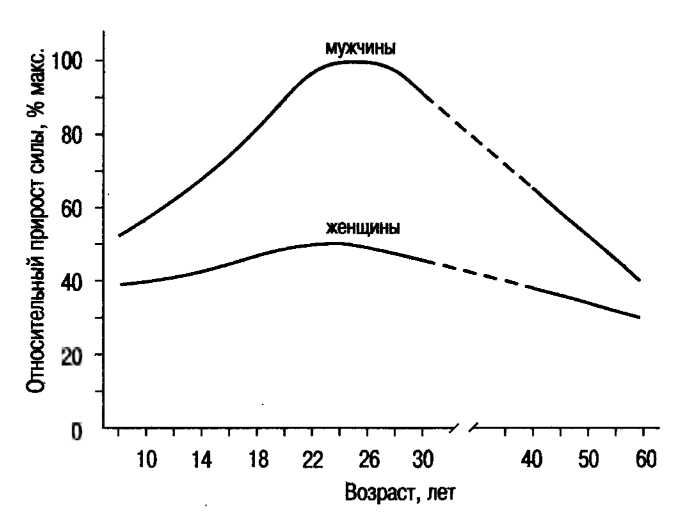

Рис. 21.11. Прирост мышечной силы в результате тренировки у лиц мужского и женского пола

Силовая тренировка у женщин по сравнению с мужчинами относительно больше влияет на уменьшение жировой ткани и меньше — на вес тела и увеличение мышечной массы. Даже в тех случаях, когда в результате силовой тренировки прирост мышечной силы у женщин оказывается большим, чем у мужчин, увеличение мышечной массы все равно оказывается меньшим. Вероятно, это связано с тем, что прирост мышечной массы в значительной степени регулируется мужскими половыми гормонами, концентрация которых в крови у мужчин в 10 раз выше, чем у женщин.

В технически сложных и скоростно-силовых видах легкой атлетики (прыжках) отставание женщин больше — 16–17%, а в прыжках с шестом разница доходит до 25% (вероятно, в связи с тем, что опыт занятий этой дисциплиной у женщин еще небольшой).

Во время соревнований по спортивным играм интенсивность и объем работы у мужчин значительно больше, чем у женщин. Например, по данным В. А. Кириллова (1974), измерявшего двигательную активность бадминтонистов, выявлено, что у мужчин как продолжительность матча, так и количество игровых действий за одну минуту значительно большие, чем у женщин (табл. 21.6).

Таблица 21.6. Характеристики игры в бадминтон у мужчин и женщин

Параметры	Мужчины	Женщины
Длительность матча, мин	18–25	15–18
Количество ударов / мин	23,1	12,0
Количество выпадов / мин	6,5	3,2
Количество поворотов на 90–180 градусов / мин	10,5	2,6

Если объяснять спортивные результаты женщин меньшей массой тела, то женщины в этом показателе практически не уступают мужчинам: при рекордном прыжке в высоту — 3,2 см/кг у тех и других, при рекордном прыжке в длину — соответственно 12,5 и 12,3 см/кг. В беге на 100 метров средняя скорость у мужчины-рекордсмена, отнесенная к весу его тела, равна 8,4 м/мин/кг, а у женщины-рекордсменки — 9,5 м/мин/ кг, т. е. женщины оказываются даже более быстрыми, чем мужчины, когда скорость их бега соотносят с весом их тела.

Вообще же считается, что чем ближе конституциональный тип женщины к мужскому, тем больших спортивных результатов она добивается. Неслучайно поэтому среди спортсменок высокого класса так много маскулинных: 70–90% — в легкой атлетике, 71% — в лыжных гонках, 98% — в спортивной гимнастике, 67% — в футболе, 44% — в плавании (Абрамов В. В., 1992; Сологуб В. В., 1989; Соболева Т. С., 1999, и др.). В то же время женский соматотип у женщин-легкоатлеток В. В. Сологуб не выявила. Предполагается (Соболева Т. С., 1997), что многие из спортсменок высокого класса рождаются с мужским соматотипом, так как они имеют при рождении большую массу тела и маскулинный тип дерматоглифики (достоверное увеличение сложных рисунков подушечек пальцев).

Мужчины связывают свои способности к спорту с эмоциональными и когнитивными особенностями психики: тактическими возможностями, эмоциональной устойчивостью, агрессивностью и интеллектом. Женщины – с волевыми особенностями и деловой активностью: целеустремленностью, настойчивостью, инициативностью, работоспособностью и трудолюбием.

Волков Д. Н., 2009, с. 20.

Оптимальный возраст достижения высоких результатов. В ряде видов спорта лица женского пола достигают высоких спортивных результатов раньше, чем лица мужского пола. Н. Ж. Булгакова с И. Е. Миловидовой (1975) приводят данные о возрасте мастеров спорта СССР, финалистов и участников XX Олимпийских игр по плаванию. Независимо от длины дистанции и способа плавания возраст женщин-спортсменок был существенно меньше возраста мужчин-спортсменов. По данным, приведенным в работе С. Б. Тихвинского с соавторами (1971), следует, что девочки выполняют нормативы первого разряда и кандидатов в мастера спорта по плаванию на 1–1,5 года раньше, чем мальчики. Это, конечно, не означает, что мальчики плывут медленнее, чем девочки, как раз наоборот. Но это означает, что девочки быстрее подходят к своим предельным возможностям, поскольку разрядные нормативы, пусть и не совсем точно, соотносятся с рекордными достижениями данной страны.

Еще более заметно различие в возрасте девушек и юношей – членов сборной страны по спортивной гимнастике. Состав женской команды ограничивается в основном возрастом 14–17 лет, в то время как мужская сборная имеет возраст 17 лет и старше.

Спортивная карьера. Н. Б. Стамбулова (1999) выявила различия в спортивной карьере мужчин и женщин. Для женщин характерны более раннее ее начало, достижение кульминации и прекращение активными занятиями спортом. Спортивная карьера у женщин более кратковременна. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, полученные при опросе спортсменок Л. И. Лубышевой (2000): 60% начали заниматься спортом в возрасте до 10 лет и только 3,5% опрошенных пришли в спорт в 15 лет и старше; к 20 годам закончили спортивную карьеру около половины спортсменок.

Женщины раньше начинают воспринимать спорт серьезно, пытаясь достичь определенных целей. Они больше озабочены отсутствием стабильности в выступлениях, распределением сил на весь соревновательный сезон и психологической подготовкой к стартам. Они больше уделяют внимания формированию индивидуального стиля деятельности. Отношения с тренером для них субъективно важнее, чем отношения с подругами по команде.

Женщины более успешно сочетают занятия спортом с другими видами деятельности, в частности с учебой, более оптимистично относятся к окончанию своей спортивной карьеры, быстрее адаптируются к новой жизни после ухода из спорта.

Мужчины приходят в спорт позднее, дольше воспринимают занятия спортом как развлечение или игру. Они чаще пробуют себя в разных видах спорта, пока не остановятся на каком-то конкретном спортивном занятии. Мужчины лучше ла-

дят с тренером, но отношения с товарищами по команде оказываются для них все-таки важнее. В то же время они больше ориентированы на успех в спорте и ради этого сильнее ограничивают себя в других сферах жизни, особенно на этапах кульминации и финиша спортивной карьеры. После ухода из спорта к новой жизни адаптируются труднее, чем женщины.

О подготовке теннисистов разного пола

Девочек легче растить. Они ближе держатся к тренеру, к семье, меньше отвлекаются на курение, наркотики, тусовки. Они быстрее дают результат в силу своего более раннего взросления по сравнению с мальчиками, на которых чисто физиологически больше времени надо. Девочка прилежнее в обучении, а если она еще и способная, и физически хорошо развитая, а ее родители не «зашорены» – вот если все эти звезды сойдутся, тогда получается благодатная почва, на которой можно вырастить все, что захочешь.

Они и в деньгах дешевле стоят. И у них нет такого большого количества турниров, как у ребят. Уровень мужского тенниса сейчас такой сумасшедший, что становится неинтересно смотреть: подача – прием – подача. Разве вы видите игру, когда как минимум уже пятьдесят человек «бабахают» за 200 км в час? И вы считаете, что это интересно смотреть? А у женщин видно хоть какую-то координацию, какие-то эмоции. У мужчин редко когда увидишь напряженный матч.

Источник: Камельзон В. // Спорт-уикэнд, СПб. 2005. 31 марта.

Н. Л. Ильина (1998) выявила, что основными мотивами ухода из спорта у мужчин являются финансовые затруднения, у женщин — вступление в брак и рождение ребенка (а по данным Л. И. Лубышевой (2000) — травмы, болезни, спортивные неудачи, неспособность выдерживать высокие нагрузки, разочарование в спорте и желание получить образование и выйти замуж).

Нейродинамические, темпераментные и личностные особенности спортсменов и спортсменок. Обследования моими сотрудниками нескольких сотен спортсменов высокого класса показали, что у женщин, выступающих в игровых видах спорта, высокий нейротизм встречается значительно чаще, чем у мужчин — представителей тех же видов спорта (соответственно в 34 и 12%). Низкий нейротизм чаще встречается у спортсменов, чем у спортсменок (соответственно в 34 и 13%). Впрочем, это может быть не связано с занятиями спортом, а лишь подтверждает тот факт, что у женщин нейротизм выше, чем у мужчин.

Отличительной особенностью женского спорта от мужского является наличие большего количества лиц с инертностью нервных процессов, независимо от вида спорта (табл. 21.7).

Эти данные можно объяснить тем, что тренировочные нагрузки у женщин бóльшие по объему и более монотонные, чем у мужчин, и, следовательно, требуют как терпеливости, так и монотоноустойчивости. И тому и другому способствует инертность нервных процессов.

По данным Е. А. Пархоменко (2001), у младших и старших подростков-спортсменов имеется разница между представителями мужского и женского пола по социально-психологической адаптированности (у первых — превосходство по большинству параметров: самоприятию, эмоциональной комфортности, интер-

Таблица 21.7. Количество лиц (процент) с инертностью нервных процессов среди спортсменов и спортсменок

Вид спорта	Автор	Инертность возбуждения		Инертность торможения	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Волейбол	Мехреньгин А. М. (1972)	35,4	54,2	36,3	59,5
Баскетбол	Евсеева Л. Ф. (1972)	41,5	61,0	46,0	69,0
Бадминтон	Кириллов В. А. (1974)	67,0	73,0	62,0	70,0
Акробатика	Высотская Н. Е. (1972)	35,0	53,0	45,5	58,0
Спортивная гимнастика	Высотская Н. Е. (1972)	70,0	69,0	56,5	63,0
Фехтование (рапира)	Ильин Е. П., Драчук Н. С. (1974)	41,0	64,0	66,0	81,0
Гребля академическая	Гиссен Л. Д. (1972)	44,0	58,2	48,0	71,6
Гребля на байдарке	Дольник Ю. А, Ильин Е. П. (1976)	12,2	28,6	52,1	47,6

нальности и др.), в то время как между мальчиками и девочками, не занимающимися спортом, такая разница невелика и по ряду показателей (самоприятие и доминирование) она в пользу девочек.

Н. С. Цикунова (2001) выявила, что у девочек, только что начавших обучение тхэквондо, по сравнению с мальчиками более выражены смелость, решительность, тяга к риску и острым ощущениям (фактор Н по Кеттеллу). У них же выше эмоциональная устойчивость (фактор С), общительность (фактор А), однако ниже, чем у мальчиков, самоконтроль (фактор Q3). Девочки на начальной стадии обучения были более успешными.

По данным Ю. В. Краева и В. Б. Мяконькова (1998), у спортсменок, занимающихся борьбой дзюдо, нет значимых различий в агрессивности по сравнению с мужчинами (хотя в ряде исследований указывается на повышение уровня тестостерона и снижение эстрогенов при занятиях этим видом борьбы, т. е. усиление маскулинности), а среди занимающихся айкидо имеется тенденция к большей агрессии женщин. Некоторые авторы высказывают мнение, что дзюдо оказывает отрицательное влияние на здоровье женщин.

По данным Л. И. Лубышевой (2000), 45% опрошенных спортсменок отрицают наличие у себя агрессивности и жестокости, однако 5% считают, что спортивная деятельность способствовала формированию у них агрессивности, а 7,8% сказали о появлении в их поведении жестокости, которую они связывают с занятиями спортом.

Большинство же спортсменок отмечают положительное влияние спорта на формирование их характера. Они стали более коммуникабельными, собранными и дисциплинированными, у них появилась целеустремленность. Спортсменки отметили также, что спортивная деятельность сформировала у них стремление к лидерству. В то же время быть лидером в семье изъявила желание только половина опрошенных спортсменок.

Большинство (64%) опрошенных заявили, что они под влиянием занятий спортом стали стройнее и выглядят замечательно. В то же время 8% считали, что их вес стал выше нормы, а 14% заметили наличие диспропорций в своем телосложении. Особенно это касается баскетболисток, пловчих и конькобежек. Были удовлетворены своей женственностью 66% спортсменок, треть заявили, что их женственность нуждается в коррекции, а 3,5% спортсменок посчитали, что они вообще обделены этим качеством. Подавляющее большинство (87%) опрошенных спортсменок полагали, что они привлекательны для мужчин. Эти данные свидетельствуют о том, что спортсменки чувствуют себя в качестве представительниц «слабого» пола весьма комфортно, даже те, кто имеет высокий рост (как, в частности, баскетболистки).

Соревновательное поведение. По данным канадского спортивного психолога Д. Г. Салмелы (1983), наблюдаются некоторые различия в поведении гимнастов — мужчин и женщин непосредственно перед выступлением. Удельный вес предсоревновательного эмоционального поведения (нервные тики, хождение, релаксация, самоактивация) у женщин значительно выше, чем у мужчин, как и идеомоторное повторение упражнения или его части. Также обнаружились различия во взаимодействиях с тренерами и товарищами по команде: для мужчин более характерно соприсутствие с тренером и товарищами по команде, чем для женщин. Реакции на выступление и оценку больше были характерны для женщин. Женщины получали значительно больше обратной связи от тренера, чем мужчины, а последние получали больше поощрений от товарищей по команде.

21.4. Биологический пол и выбор вида спорта

Как уже было отмечено выше, сегодня увлечение девушек традиционно мужскими видами спорта (тяжелой атлетикой, боксом, хоккеем с шайбой) стало повсеместным, но по-прежнему девушки занимаются и теми видами спорта, которые принято считать женскими (синхронным плаванием, художественной гимнастикой). Естественно, возникает вопрос о мотивах и причинах того или иного выбора.

Проведенный нами опрос спортсменов — представителей разных, мужских и женских, видов спорта, показал и сходство, и некоторое различие в мотивах выбора. В значительном числе ответов опрашиваемые заявляли, что данный вид спорта им нравится, что интересно заниматься, но почему был выбран именно этот вид, спортсмены затруднились ответить. В значительном числе случаев не было ответа на вопрос, почему выбран тот или иной вид спорта (табл. 21.8), причем это чаще характерно для спортсменок. Физическое и психическое развитие чаще является причиной занятий спортом лиц мужского пола, командный дух и общение чаще является причиной выбора спортивных игр девушками. Укрепление здоровья и состязательность больше характерны для юношей, как и зарабатывание денег, повышение социального статуса (последние два мотива у девушек вообще не встретились).

Таблица 21.8. Представленность различных мотивов выбора традиционно мужских и женских видов спорта среди лиц женского и мужского пола (процент случаев)

Мотивы	Юноши — мужские виды спорта	Девушки — мужские виды спорта	Девушки — женские виды спорта
Нравится	25,3	42,6	30,5
Физическое и психическое развитие	19,5	13,5	16,5
Командный дух (в спортивных играх), общение	5,4	19,1	3,4
Влияние родителей	9,6	8,8	7,8
Укрепление здоровья	4,2	–	2,3
Зарабатывание денег	1,0	–	–
Повышение социального статуса	1,8	–	–
Состязательность	3,7	2,0	–

Следует отметить, что девушки — представительницы традиционно женских видов спорта, под мотивом «физическое и психическое развитие» понимают совершенствование фигуры, походки, пластики, музыкальности, артистичности, т. е. эстетичность; 7,2% отметили, что их привлекает женственность выбранных видов спорта.

Итак, если девочки и девушки, занимающиеся традиционно женскими видами спорта, отмечают, что основой их выбора была зрелищная, эмоциональная, эстетическая сторона, то девочки и девушки, выбравшие занятия традиционно мужскими видами спорта, часто отмечают интерес к спортивным играм, их увлекательность, улучшение физического развития, стремление добиться чего-то и доказать себе, что они чего-то стоят. Последние мотивы традиционно считаются мужскими. Это наводит на мысль, что «мужские» и «женские» виды спорта могут выбираться в зависимости от выраженности у лиц женского пола маскулинности или фемининности.

Одной из возможных причин, побуждающей девушек к занятиям традиционно мужскими видами спорта, может быть выраженная у них склонность к агрессивности. Полученные С. В. Афиногеновой (2007) данные подтверждают это (табл. 21.9).

Из данных табл. 21.9 следует, что девушки, занимающиеся «мужскими» видами спорта, имеют более выраженные наступательность, бескомпромиссность и нетерпимость к мнению других, а девушки, занимающиеся «женскими» видами спорта, — вспыльчивость и обидчивость (для обидчивости и бескомпромиссности различия достоверные). По неуступчивости, мстительности и подозрительности различия практически отсутствуют. Следовательно, конфликтность (подозрительность, вспыльчивость и обидчивость) оказывается выше у девушек, занимающихся «женскими» видами спорта (16,2 против 15,0 балла), а собственно агрессивность — выше у девушек, занимающихся «мужскими» видами спорта (18,7 балла против 17,1 балла).

Таблица 21.9. Выраженность характеристик агрессивности у девушек, занимающихся традиционно мужскими и женскими видами спорта

Характеристики агрессивности	Мужские виды ($n = 183$), $\mu \pm \sigma$	Женские виды ($n = 97$), $\mu \pm \sigma$	t-критерий	P
Вспыльчивость	6,0 ± 2,2	6,4 ± 2,2	–	–
Обидчивость	4,5 ± 1,9	5,1 ± 2,0	2,4	0,01
Подозрительность	4,5 ± 2,0	4,7 ± 2,0	–	–
Наступательность	4,5 ± 2,2	4,0 ± 2,0	–	0,04
Неуступчивость	4,1 ± 1,8	4,0 ± 1,9	–	–
Бескомпромиссность	2,9 ± 2,1	2,3 ± 1,8	2,1	0,02
Мстительность	3,7 ± 1,9	3,7 ± 1,6	–	–
Нетерпимость	3,5 ± 2,0	3,1 ± 1,7	–	–
Суммарная агрессивность	33,7	33,3		

21.5. Женщины в спорте: влияние на репродуктивную систему

По вопросу влияния занятий спортом на репродуктивную функцию спортсменок мнения ученых противоречивы и с десятилетиями становятся более негативными, что связано, очевидно, с постоянно увеличивающимися физическими нагрузками в спорте.

До недавнего времени считалось, что спорт при правильном режиме и методике тренировки не оказывает серьезного отрицательного влияния на репродуктивную систему женского организма. Наоборот, при регулярных тренировках пубертатный период у девочек, занимающихся спортом, проходит легче, а взрослые спортсменки легче переносят беременность и роды, имеют крепких здоровых детей (Ягунов С. А., Старцева А. Н., 1959). Сейчас мнение о более легких родах у спортсменок поставлено под сомнение в связи с частым обнаружением различных патологий половой сферы (Соболева Т. С., 1999), что связывают с маскулинным типом большинства современных спортсменок и выраженной гиперандрогенией у них. То же можно сказать и в отношении дисменореи и предменструального синдрома у спортсменок детородного возраста. В 1950–1960-х гг. эти нарушения встречались у спортсменок не чаще, чем у женщин, не занимающихся спортом. Так, при обобщении очень большого материала было выявлено, что заболевания половой сферы у спортсменок составляли не более 0,3% в общей структуре заболеваемости (Мотылянская Р. Е.). Однако согласно новым данным ученых, у современных юных спортсменок наблюдаются частые воспалительные заболевания половой сферы. Очевидно, это обусловлено различием в характере и объемах физических нагрузок, испытываемых спортсменками раньше и сейчас, отбором маскулинных девочек, а также использованием вопреки всем запретам анаболиков (основу которых составляет мужской половой гормон) для повышения спортивных результатов. Основную причину нарушений генеративной функции у спорт-

сменок исследователи видят в неадекватных нагрузках в период становления этой функции, которые могут блокировать функцию гипофиза и яичников.

У трети спортсменок первым признаком полового созревания является не эстрогенозависимая грудная железа, а андрогенозависимое оволосение на лобке и в подмышечных впадинах (Соболева Т. С., 1997).

Сроки появления менструаций. Кратковременные интенсивные нагрузки ускоряют, а длительные задерживают наступление менструации. По данным Ф. А. Иорданской (2000), если у не занимающихся спортом нормальный менструальный цикл устанавливается в 12–13 лет, то у девочек в гимнастике и фигурном катании — в 16–18 лет, и период устойчивого менструального цикла длится 3–4 года, тогда как у девочек, не занимающихся спортом, — 0,5–1 год. Удлинение этого периода наблюдается и у девочек, занимающихся волейболом и баскетболом.

Более позднее, чем у других девушек, появление менструаций у спортивных гимнасток, фигуристок, а также прыгуний в воду связывают как со спецификой отбора маскулинных девочек и, следовательно, ретардантов (с более поздним половым созреванием), так и с большими физическими нагрузками в период резких гормональных сдвигов в организме и частой микротравматизацией половой сферы девочек.

По данным Б. А. Никитюка (1984), чаще встречающийся срок полового созревания у занимающихся спортивной гимнастикой — 15–16 лет, художественной — 14–16 лет, плаванием — 13–16 лет (в то время как, например, у балерин — 12–14 лет) (рис. 21.12).

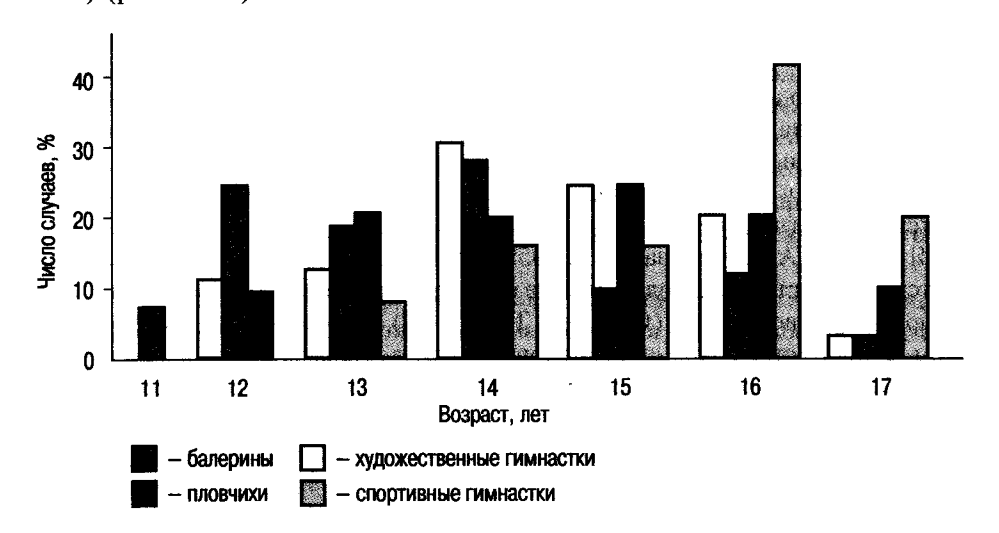

Рис. 21.12. Время появления менструаций у спортсменок различной специализации

Более поздние исследования показали некоторый сдвиг этих сроков. Так, по данным Т. С. Соболевой (1997), у гимнасток менархе появляется в среднем в 14,8 г., у легкоатлеток – в 14,1 г., у пловчих – в 13,9, у баскетболисток – в 13,5 лет. В среднем у спортсменок менархе появляется позже на 1 год. При этом менструальная функция не устанавливается в течение 2–5 лет.

Однако по другим данным, возраст появления менархе у девочек-спортсменок, приступивших к систематическим тренировкам с 7–9 и 10–11 лет, не отличается от контрольного. Задержка (в среднем на 9 месяцев) происходит у тех девочек, которые начали заниматься спортом в 12–13 лет, т. е. в «критический» период развития их половой системы, когда еще не установились связи между центральными механизмами регуляции функции половой системы (гипоталамо-гипофизарный комплекс) и яичниками и маткой (Левенец С. А., 1980).

Задержка полового развития, по мнению ряда авторов, не оказывает отрицательного влияния на генеративную функцию спортсменок. Однако имеется и противоположное мнение (Левенец С. А., 1980; Сологуб В. В., 1989; Абрамов В. В., 1992; Соболева Т. С., 1997). По данным Б. А. Никитюка, занятия матерей спортом влияют на физическое развитие их новорожденных, хотя и не одинаково для разных видов двигательной деятельности. У новорожденных от матерей, занимавшихся спортивной гимнастикой и плаванием, уменьшены размеры тела независимо от пола детей. Новорожденные мальчики у матерей — художественных гимнасток и балерин мало отличаются по своим размерам от контрольных значений, а размеры тела новорожденных девочек превосходили последние. Т. С. Соболева (1997) отмечает, что масса тела новорожденных девочек у женщин-спортсменок превосходит таковую в популяции новорожденных.

Протекание ОМЦ. У женщин-спортсменок чаще, чем у женщин, не занимающихся спортом, имеются нарушения в протекании овариально-менструального цикла. Сначала, как отмечают Ю. Т. Похоленчук и Н. В. Свечникова (1987), менструации редки (раз в 3–6 месяцев) и непродолжительны (2–3 дня), что описывается как олигоменорея, а затем могут исчезнуть совсем — вторичная аменорея.

Отчасти это может быть следствием специфического отбора в спорт женщин с некоторыми особенностями соматического (пониженным содержанием жира в теле) и гормонального профиля. Однако сказывается и объем тренировочных нагрузок: чем они больше, тем чаще наблюдается аменорея. Это может быть связано с потерей жира в организме в результате систематических тренировок. Аменорею рассматривают как защитный механизм, предотвращающий потери железа с менструальной кровью.

Неустойчивость менструальной функции имеется, согласно данным ряда авторов, у 25–41% спортсменок. При этом большое значение имеет вид спорта, которым занимается женщина. По данным Б. А. Никитюка, частота жалоб на нерегулярность, болезненность и обильность менструаций была большей у занимающихся спортивной гимнастикой (67%), меньшей — у занимающихся художественной гимнастикой (31%) и еще меньшей — у занимающихся плаванием (16%). Близкие данные к художественным гимнасткам были получены у балерин (28%). Нарушение регулярности ОМЦ, по данным И. Д. Суркиной и Е. П. Готовцевой (1987), ведет к угнетению клеточных иммунных реакций, что в условиях соревнований является фактором повышенного риска и создает предпосылки для возникновения инфекционных заболеваний у спортсменок.

По данным С. А. Левенец (1980), средняя продолжительность ОМЦ у регулярно менструирующих спортсменок 14–17 лет с увеличением спортивного стажа не изменяется, а длительность менструальных кровотечений уменьшается с 5 дней при спортивном стаже 2–3 года до 3 дней при большем стаже, что является проявлением приспособительной реакции организма к большим физическим нагрузкам.

Большинство спортсменок тренируются во время менструации с ограничениями, так как отмечают ухудшение своего самочувствия.

Фазы ОМЦ и спортивные результаты. В ходе многочисленных исследований (Радзиевский А. Р. с соавт., 1990; Шахлина Л. Г., 1999, и др.) установлено, что работоспособность спортсменок различных специализаций, проявление ими физических качеств на протяжении менструального цикла изменяются. В предменструальной и менструальных фазах (особенно на 13–15-й дни цикла) спортивные результаты ухудшаются, а в послеовулярной и послеменструальной фазе (16–24-й дни цикла) результаты оказываются у большинства спортсменок самыми высокими.

В овулярной фазе наблюдается наименьшая экономичность кровообращения и использования энергетических ресурсов организма при нагрузках. В предменструальной фазе замедляется двигательная реакция, снижается сила, выносливость и быстрота движений, но увеличивается подвижность в суставах и растяжимость связочного аппарата.

По данным О. Д. Жовноватой (1976), функциональная приспособляемость сердца к выполнению физических нагрузок в менструальной фазе заметно ухудшается. Большие тренировочные нагрузки, выполняемые в этой фазе, вызывают резкое утомление сердца.

Согласно данным Л. Г. Шахлиной (1999), оптимальными для функционирования кислородтранспортной системы организма женщин являются постменструальная и постовуляторная фазы цикла, в другие же фазы наблюдается напряжение в работе дыхательной и сердечно-сосудистой систем.

Показано, что в менструальной фазе потоотделение при мышечной работе начинается раньше, чем в остальные фазы цикла. Это объясняется снижением содержания эстрогенов (женских половых гормонов), которые оказывают тормозящее влияние на потоотделение. Поэтому во время менструации женщины-спортсменки могут быть особенно чувствительны к повышенной температуре окружающей среды. Адаптация к нагрузкам становится более напряженной, а восстановительный период затягивается. Даже при неизмененной пульсовой реакции или скорости потребления кислорода выполняемая в фазе менструации физическая нагрузка может субъективно восприниматься как более тяжелая. Поэтому влияние менструального цикла на физическую работоспособность часто зависит от психического состояния спортсменок.

С ростом тренированности влияние отрицательных фаз цикла уменьшается, но полностью не исчезает.

По данным Б. И. Начева (1970), у волейболисток в предменструальной фазе ухудшились технические показатели игры: увеличилось количество «потерянных» подач, уменьшилась эффективность нападающих действий. Во время менструальной фазы работоспособность волейболисток также была сниженной: уменьшилась прыгучесть, несколько увеличился латентный период зрительно-моторной реакции, значительно снизилась реакция на движущийся объект (РДО).

А. Я. Квале и Е. А. Кушниренко (1978) выявили снижение эффективности игровых действий баскетболисток высокого класса в предменструальной, менструальной и овулярной фазах.

В то же время исследования С. А. Ягунова и Л. Н. Старцевой (1959) показали, что у спортсменок, продолжающих тренироваться и участвовать в соревнованиях

в предменструальной и менструальной фазах цикла, спортивные достижения в 81,6% случаев бывают обычными, а нередко и рекордными. Ухудшились результаты лишь у 18,4% спортсменок. У спортсменок, не тренировавшихся в этих фазах, спортивные результаты оставались на обычном уровне в 56,5% случаев, а снижались в 43,5% случаев.

Высказывается мнение, что здоровые спортсменки с устойчивым ОМЦ и хорошим самочувствием в существенном изменении тренировочного режима в менструальной фазе не нуждаются.

И действительно, ОМЦ у разных женщин протекает по-разному. С. А. Ягунов и Л. Н. Старцева на основе наблюдения за течением ОМЦ у 1000 спортсменок разделили их на 4 группы.

К первой группе относятся спортсменки (55,6%) с хорошим самочувствием и высокими спортивными достижениями в период менструации. Вторая группа — спортсменки (34,5%) с жалобами на общую слабость, быстро наступающую усталость, сонливость, отсутствие желания тренироваться. К третьей группе относятся спортсменки (5%) с повышенной раздражительностью, с явлениями скованности движений. У некоторых бывают схваткообразные, спастические боли внизу живота, в области поясницы, а также головные боли. Четвертая группа (4,9%) — спортсменки, у которых во время менструации возникают явления, похожие на общее отравление: недомогание, потеря аппетита, жажда, тошнота, беспокойный сон, ноющие боли в суставах и мышцах, учащение пульса, дыхания, снижение артериального давления, а иногда слегка повышенная (до 37,2–37,7 градусов) температура тела.

Т. С. Соболева (1999) отмечает роль соматотипа и в связи с этим выделяет две группы спортсменок. Первая — женщины с фемининным соматотипом, который редко встречается у спортсменок и у которых овариально-менструальный цикл не нарушен. Для них возможно построение тренировочного цикла с учетом фаз овариально-менструального цикла. Вторая группа — женщины маскулинного типа, который встречается у 30–90% спортсменок. Для них нередко характерно нарушение овариально-менструального цикла. Тренировочный процесс, отмечает автор, для этих спортсменок целесообразно строить исходя из общих закономерностей тренировки, без учета фаз менструального цикла.

Влияние ОМЦ на спортивные результаты зависит от вида спорта, которым занимаются женщины. Меньше всего это влияние сказывается на спринтерах и больше всего — на спортсменках, тренирующихся на выносливость. Промежуточное положение занимают женщины, занимающиеся спортивными играми.

Учет особенностей овулярно-менструального цикла является одним из факторов, обеспечивающих рост спортивных результатов женщин-спортсменок.

21.6. Проблема определения половой принадлежности спортсменов

В соответствии с Постановлением медицинской комиссии Международного олимпийского комитета 1968 г., а также большинства международных спортивных федераций, на Олимпийских играх, чемпионатах мира и континентов в обязательном порядке проводится контроль женщин-спортсменок на половую принадлеж-

ность. Этот контроль осуществляется при помощи цитогенетических методов. Вызвано это тем, что в прежние годы рекордные достижения в женском спорте показывали лица с нарушениями половой дифференцировки, а именно гермафродиты (ложный мужской гермафродитизм).

По данным М. А. Налбандяна (1988), полученным при обследовании 12 тысяч спортсменок разного возраста и спортивной квалификации, занимающихся различными видами спорта, частота нарушений половой дифференцировки составляет 1 случай на 700–800 спортсменок, в то время как в общей популяции — 1 случай на 20 тысяч женщин. У таких лиц при внешне выраженном женском облике отсутствуют менструации, грудные железы недоразвиты или отсутствуют, оволосение на лобке наблюдается по мужскому типу. Наружные половые органы развиты неправильно, в большинстве случаев имеется выраженная гипертрофия клитора до 8 см. Чаще всего отмечается слепо заканчивающееся влагалище. При ректальном исследовании матка не определяется, придатки не пальпируются. Содержание 17-кетостеронов соответствует норме у мужчин. Получается, что эти спортсменки все время находятся под влиянием анаболиков, только природного происхождения. Кроме того, они обладают повышенной чувствительностью к мужскому половому гормону, содержащемуся в анаболиках, что дает им еще одно преимущество в случае их использования.

Для морфологии тела таких спортсменок характерны высокий рост и астенические пропорции тела. Кисть массивная с выраженными эпифизами. Имеется оволосение нижних конечностей. Характерен мужской тип жироотложения. Показатели динамометрии высокие.

При психологическом обследовании у гермафродитов этого типа обнаруживаются мужские черты характера, отсутствие женственности, мягкости в поведении. Их характеризует независимость, своеобразие суждений, неконтактность, холодность, уверенность в себе. Они избирательны в выборе подруг, ведут себя с ними как лидеры.

Естественно, лица с такими нарушениями обладают большими преимуществами перед нормальными женщинами-спортсменками в физическом развитии. В нашей стране в 1940-х гг. была такая спортсменка, она занималась многими видами спорта и являлась чемпионкой мира по волейболу, чемпионкой страны по хоккею с мячом, рекордсменкой страны в самых разных видах легкой атлетики. В отношении своих достижений в легкой атлетике она говорила, что когда захочет, тогда и побьет свой рекорд. В 1960-х гг. некоторые рекордсменки мира тоже оказались с нарушениями половой дифференцировки.

Таким образом, введение обязательного контроля за половой принадлежностью — это мера, определяющая справедливость в соревнованиях. Лиц с нарушением половой принадлежности к соревнованиям среди женщин не допускают.

Есть у этой проблемы и этическая сторона. Отстранение спортсменки, уже добившейся высоких спортивных результатов, от международных соревнований является для нее психотравмирующим фактором: ведь затрачено впустую столько сил, времени и средств. Поэтому этот контроль лучше осуществлять в детских и юношеских спортивных школах, что требует от тренеров взаимодействия с медиками и гражданской ответственности и честности, прежде всего перед своими учениками, а не стремления добиваться побед любыми путями.

21.7. Пол и работа тренером

Тренеров-мужчин больше, чем тренеров-женщин, хотя соотношение во многом определяется видом спорта. Естественно, в чисто женских видах спорта (художественная гимнастика, синхронное плавание и т. д.) преобладают тренеры-женщины, а в чисто мужских (до недавнего времени) видах – тренеры-мужчины. В то же время в видах спорта, которыми традиционно в равной степени занимаются мужчины и женщины (волейбол, баскетбол, бадминтон, в меньшей степени – спортивная гимнастика), явно больше тренеров-мужчин, чем тренеров-женщин, причем чем выше класс спортсменов, тем ярче проявляется это различие. Опрос женщин-спортсменок, проведенный Л. И. Лубышевой, выявил, что тренерами намерены стать 38,7%, менеджерами – 20,2%, 17,4% – инструкторами по физкультуре, 16,3% – организаторами физкультурно-спортивной работы и 4,6% – учителями физкультуры. То, что женщины не очень стремятся к тренерской работе, вызвано многими обстоятельствами, в том числе и социальными. Во-первых, работа со спортсменами высокого класса требует постоянного пребывания на сборах и соревнованиях, что для женщины-тренера, имеющей детей, явно неприемлемо (впрочем, и тренеры-мужчины терпят от этого многие лишения; так, жена одного известного в нашей стране тренера, находившегося 9 месяцев в году на сборах со своими спортсменами, заявила ему: «Все, хватит! Подаю на развод. Мне нужен муж, а не тренер!»). Во-вторых, сами спортсменки в игровых видах спорта чаще всего предпочитают тренеров авторитарного типа. Помню, как капитан одной из женских команд мастеров на мой вопрос: «Хотели бы вы иметь тренером женщину?» – сказала: «А зачем нам еще одна баба? Нам нужен человек, который держал бы нас в кулаке». В-третьих, многие женщины, тренировавшие женские игровые команды, вынуждены уходить с этого поста из-за чисто мужских взаимоотношений и сексуальных домогательств со стороны спортивных судей и начальства.

21.8. Специфика руководства женскими спортивными командами

Трудности руководства женскими командами возникают в связи со специфичностью женской психологии. С этим сталкиваются многие тренеры, и особенно это заметно для тренеров, переходящих в женские команды из мужских. Высокая тревожность, эмоциональность, большая, чем у мужчин, солидарность между собой приводят к проблемам, которые в мужских командах, как правило, отсутствуют. Упрек, брошенный тренером двум-трем спортсменкам, может неожиданно вызвать негативную реакцию у всей команды.

Мужчины более хладнокровны, решительны и смелы в напряженной и опасной ситуации. Женщины в таких ситуациях могут растеряться, забыть выученное. Они идут на риск с такой же решительностью, как и мужчины, только в том случае, если тот или иной тактический или технический прием отработан до совершенства. Некоторые тренеры отмечают, что в спортивных играх женщины играют лучше в защите, чем в нападении.

Какой бы ни была напряженной игра, спортсменка не может сосредоточить на ней все свое внимание, так как она смотрит на себя со стороны, думает, какое впечатление она производит на зрителей. Мужчины же легче настраиваются на борьбу, они все в деятельности. Женщины в большей мере привязаны к дому, семье, близким, и все это мешает их полной самоотдаче спортивным занятиям.

При оценке тренера женщины большое значение придают его коммуникативным качествам. Поэтому тренер, обладающий этими качествами, быстрее завоюет симпатии в командах девочек и девушек. Тренер-мужчина, работающий в женских командах, должен иметь в виду, что спортсменки могут коллективно «влюбляться» в него. Эта реакция легко распознается, но не все тренеры выбирают правильную линию поведения, что вызывает агрессивность со стороны спортсменок, эмоциональную напряженность в коллективе. Тренеру в этом случае целесообразно перевести эмоциональные отношения спортсменок к себе на более подходящие объекты. В связи с этим он должен не только одобрять, но и стимулировать присутствие на тренировках и соревнованиях молодых людей, с которыми дружат спортсменки. Когда это возможно, целесообразно проводить совместные с мужскими командами тренировочные занятия, сборы, вечера отдыха.

Тренер в женских коллективах подвергается бóльшему критическому рассмотрению, чем в мужских командах. При ожидании «твердой мужской руки» и авторитарного руководства спортсменки могут тренироваться в полную силу, но в то же время они могут жаловаться, что тренер деспот. Если тренер под их давлением ослабит требования, то в случае неудачного выступления на соревнованиях спортсменки могут бросить тренеру упрек: «Так вы же сами от нас ничего не требуете».

Вследствие перечисленных особенностей у многих тренеров-мужчин складывается впечатление, что женские команды неуправляемы.

Раздел седьмой

Психологический (гендерный) пол

ГЛАВА 22

Представление о психологическом поле

22.1. Что такое маскулинность и фемининность

Как отмечает В. Е. Каган (1991), не все в человеке может быть описано альтернативой «мужское» или «женское». Так, и мужской и женский организмы продуцируют как мужские, так и женские половые гормоны, а гормональная маскулинность или фемининность определяется по преобладанию тех или других. По данным Дж. Мани (Money, 1980), у мужчин уровень женских гормонов варьирует в больших диапазонах: эстрогенов – от 2 до 30% того, что имеется в женском организме, а прогестерона – от 6 до 100%. У женщин уровень андрогенов (мужские половые гормоны) составляет по сравнению с уровнем у мужчин 6%. Головной мозг обладает возможностью программирования поведения и по мужскому и по женскому типу (Вундер П. А., 1980; Money J., 1980; Whalen R., 1977). Поэтому маскулинность – фемининность описывают как модель в виде сообщающегося сосуда, и «свой» сосуд должен быть заполнен больше, чем «чужой». Это соответствует представлениям Г. Гейсмана, написавшего около века назад книгу «Психология женщины»: различия в мужской и женской психологии являются различиями не по ценности и не по качеству, а лишь по степени статистической значимости (цит. по: Хвостов В. М., 1911). Правда, это не помешало ему выделить шесть основных отличительных черт психологии типичной «средней» женщины: эмоциональность, богатая фантазия, конкретность мышления с преобладанием ассоциаций по смежности, протекание мыслительного процесса преимущественно в подсознательной сфере, гармоничность и целостность психики, нравственная чистота (альтруизм, высокоразвитое чувство долга).

> В научной литературе описываются случаи, когда женский эмбрион по каким-то причинам подвергается воздействию повышенных доз андрогена (Money, Ehrhardt, 1972). Хотя дети, имевшие такой пренатальный опыт, становятся женщинами и воспринимаются окружающими как таковые, они во многих отношениях оказываются более маскулинизированными. В детстве они ведут себя по-мальчишески, они более агрессивны и азартны в спорте, меньше любят детей.
>
> Макклелланд Д., 2007, с. 374.

О. Вейнингер (1991) в начале XX в. тоже писал о бисексуальности каждого человека: «Дифференциация полов, разделение их никогда не бывает совершенно законченным. Все особенности мужского пола можно найти, хотя бы и в самом слабом развитии, и у женского пола. Все половые признаки женщины имеются и у мужчины, хотя бы только в зачаточном, рудиментарном виде» (с. 7). И далее: «Можно даже сказать, что в области опыта нет ни мужчины, ни женщины. Существует только мужественное и женственное» (с. 9).

Однако «мужественное» и «женственное» у мужчин и женщин выражено поразному, в связи с чем ученые говорят о маскулинности и фемининности.

Маскулинность и фемининность (от лат. *masculinus* — мужской и *femininus* — женский) — нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин (Психология: Словарь, 1990). Правда, некоторые исследователи сейчас избегают этих терминов, объясняя это тем, что они являются слишком общими и вводящими в заблуждение.

На основе этой идеи западные психологи в 1930–1960-х гг. соэдали несколько специальных шкал для измерения маскулинности — фемининности умственных способностей, интересов, эмоций и т. д. (тест Термана—Майлс, шкала маскулинности — фемининности (М/Ф) MMPI, шкала маскулинности Гилфорда и др.). В основу шкал заложено представление, что индивиды различаются по степени маскулинности — фемининности. Все свойства в этих тестах альтернативны, т. е. высокая маскулинность должна коррелировать с низкой фемининностью, и наоборот, причем для мужчины желательна высокая маскулинность, а для женщины — высокая фемининность. Однако далеко не все психические качества четко делятся на мужские и женские. Кроме того, обнаружилось, что соотношение М/Ф по разным шкалам может быть различным: человек, маскулинный по одним показателям, может быть фемининным по другим.

При использовании других методов — теста Сандры Бем (Bem S., 1979) и вопросника личностных свойств Джанет Спенс и Роберта Хельмрайха (Spence J., Helmreich R., 1979) — маскулинность и фемининность рассматриваются не как альтернативы, полюсы одного и того же континуума, а как независимые качества. С. Бем с помощью своего теста выделила 4 группы мужчин и женщин (табл. 22.1).

Таблица 22.1. Типология мужчин и женщин по выраженности маскулинности и фемининности

Типы	Маскулинность	Фемининность
Маскулинный	Высокая	Низкая
Фемининный	Низкая	Высокая
Андрогинный	Высокая	Высокая
Недифференцированный	Низкая	Низкая

В итоге выделились 8 полоролевых типов (по 4 для мужчин и женщин).

При характеристике маскулинности — фемининности, которая дается в англоязычной литературе, отчетливо просматривается тенденция к связыванию маскулинности с деятельностью, а фемининности — с общением. И даже существует такой анекдот: когда муж возвращается от друзей, жена его спрашивает: «О чем

вы *разговаривали?*» Муж отвечает: «Да ни о чем. Мы просто рыбу ловили». Когда жена возвращается от подруг, муж в свою очередь спрашивает ее: «Что вы там *делали?*» На что жена отвечает: «Да ничего, мы просто разговаривали».

Отмечается, что высокая фемининность у женщин и высокая маскулинность у мужчин вовсе не являются гарантией психического благополучия. Так, высокая фемининность у женщин часто совпадает с пониженным самоуважением и повышенной тревожностью (Maccoby E., Jacklin C., 1974). По данным И. Н. Димура (2005), фемининные женщины обладают низким самоконтролем и высокой тревожностью, консервативностью, адекватной самооценкой, конформностью, чувствительностью, общительностью и высокой социальной смелостью.

Высокомаскулинные мужчины тоже оказались более тревожными, менее уверенными в себе и менее способными к лидерству, хотя, будучи подростками, обладали такой уверенностью и были удовлетворены своим положением среди сверстников (Mussen P., 1962). Высокофемининные женщины и высокомаскулинные мужчины хуже справляются с деятельностью, не совпадающей с традиционными половыми ролями (Bem S., 1979). Дети, которые ведут себя строго в соответствии с требованиями их половой роли, часто отличаются более низким интеллектом и меньшими творческими способностями (La France M., Carmen B., 1980; Locksley A., Colten M., 1979; Lott B., 1978). Поэтому Дж. Плек (Pleck J., 1981) полагает, что следование «мужественности» имеет не только положительные стороны, но и отрицательные. Больше того, когда обстановка требует проявления «женских» качеств и действий, у мужчины, строго придерживающегося мужской роли, может возникнуть *мужской гендерно-ролевой стресс* (Eisler, 1987), или, по О'Нилу, — гендерно-ролевой конфликт.

О'Нил с коллегами (O'Neyl et al., 1995) назвали 6 признаков гендерно-ролевого конфликта:

1) ограничение эмоциональности — трудность в выражении своих эмоций или отрицание права других их выражать;
2) гомофобия — боязнь гомосексуалов;
3) потребность контролировать людей и ситуации, проявлять власть;
4) ограничение сексуального поведения и демонстрации привязанности;
5) навязчивое стремление к соревновательности и успеху;
6) проблемы с физическим здоровьем, возникающие из-за неправильного образа жизни.

Когда женщина бывает до конца женщиной, она представляет больше ценности, нежели когда она играет роль мужчины. Развивать в женщине мужские свойства, пренебрегая присущими ей качествами, — значит действовать явно ей во вред.
Ж.-Ж. Руссо

Однако маскулинность женщин, как отмечает И. Н. Димура (2005), тоже приводит к фрустрированности, поскольку при этом у женщин часто отмечаются противоположно направленные тенденции «зависимость — независимость» и не вполне адекватная самооценка.

22.2. Теория андрогинности

Многие исследователи придерживаются мнения, что целостную (холическую) личность характеризует не маскулинность или фемининность, а *андрогиния*, т. е. интеграция женского эмоционально-экспрессивного стиля с мужским инструментальным стилем деятельности, свобода телесных экспрессий и предпочтений от жесткого диктата половых ролей. Интересно, что еще во времена Платона была распространена легенда о людях-андрогинах, которые сочетали в себе признаки, характеристики обоих полов. Они были сильны и мыслили посягнуть даже на власть богов, и тогда Зевс разделил их на две половины — мужскую и женскую. «Вот с каких давних пор, — пишет Платон, — свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу».[1]

Андрогиния понимается как эмансипация обоих полов, а не как борьба женщин за равенство в маскулинно ориентированном обществе.

> *Феминистское движение отличий*, последовательницы которого почитают различия, диктуемые гендерными стереотипами, обеспокоены тем, что андрогиния и другие новые веяния, сокращающие отличия мужчин от женщин, превратятся в конце концов в плавильную печь, из которой женщины выйдут копиями мужчин. Они также утверждают, что женские качества, передававшиеся при помощи гендерных стереотипов, попали в незаслуженную опалу. Подобно им, мифопоэтическое движение мужчин (называемое так, потому что они используют сказки и мифы для иллюстрации «базовой мужественной природы» мужчин) заявляет, что естественные мужские качества были незаслуженно забыты и что мужчины слишком «феминизировались» и стали «слюнтяями» (Kimme, Kaufman, 1994). В определенном смысле эти идеи совпадают с современными критическими высказываниями в адрес «плавильной печи», которую представляет собой культура. Идея «плавильной печи», где люди из разных культур собираются вместе и в конечном счете сплавляются друг с другом (т. е. ассимилируются), уже вышла из моды. Проблема здесь в том, что когда более сильная культура ассимилирует более слабую, последняя теряет свои уникальные культурные традиции и свое лицо. Вместо метафоры «плавильной печи» появилась метафора «салатница», которая отражает тот факт, что разные культуры могут смешиваться, сохраняя свой уникальный вкус. Модель «салатницы» поддерживает и ценит культурное разнообразие.
>
> Ценить разнообразие — не означает ли это, что нам надо ценить гендерные различия? Я считаю, что нам следует ценить качества, связанные с тем и другим гендером, но никак не гендерные различия. ...Искусственное разделение качеств на мужские и женские приводит к наложению бессмысленных ограничений на оба пола и способствует развитию гендерного конфликта. Мы, естественно, должны ценить некоторые качества, которые в прошлом считались мужскими (или женскими), но при этом не следует считать, что человек непременно должен принадлежать к определенному полу, чтобы обладать ими.
>
> Берн Ш., 2001, с. 119–120.

Хотя создателем теории андрогинности считается Сандра Бем, у нее были предшественники, в том числе и Карл Юнг.

[1] Платон. Пир. М.: Мысль, 1993. С. 98–103.

К. Юнг (1994) видел в идее единства двух противоположностей – мужского и женского – образ архетипический. Воплощение женского начала в мужском бессознательном (*анима*) и мужского в женском (*анимус*), т. е. психологическую бисексуальность он рассматривал как самые значительные архетипы, как регуляторы поведения, проявляющие себя наиболее типично в некоторых снах и фантазиях или в иррациональности мужского чувства и женского рассуждения.

Как анимус, так и анима пребывают, по К. Юнгу, между индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным. Анимус выражается в спонтанных, непреднамеренных взглядах, влияющих на эмоциональную жизнь женщины. Анима является сходным соединением чувствований, которые влияют на миропонимание мужчин, будучи направленным на бессознательное и двусмысленное в женщине, а также в сторону ее тщеславия, холодности и беспомощности. Архетип «анима – анимус», по К. Юнгу, состоит из вытесненных, непрожитых черт личности, заключающих в себе огромные возможности и энергию для более полной реализации потенциала личности. Оставаясь в бессознательном, анима и анимус являются во многом опасными. Осознание же мужчиной своей внутренней женственности (анимы), а женщиной – мужественности (анимуса) приводит к открытию и интеграции истинной сущности, что является показателем личностного роста.

Близка к точки зрения К. Юнга и позиция представителя современной аналитической психологии Р. Джонсона (1995), который полагает, что жизненный путь женщины – это непрерывная борьба и эволюция по отношению к мужскому образу жизни, находящемуся как вовне ее, так и внутри, в качестве собственного анимуса. «Развитие женщины может продолжаться, если анимус, осознанный как таковой, займет положение между сознательным Эго и бессознательным внутренним миром и станет посредником между ними, помогая, где только может. Впоследствии он поможет открыть для нее подлинный духовный мир», – пишет Р. Джонсон (с. 41).

Разрабатывая свою теорию, С. Бем (Bem, 1975, 1978) стремилась освободить людей от тюремных стен гендерно-ролевой стереотипизации и оказать помощь в создании концепции психического здоровья. Если до С. Бем люди строго делились на маскулинных и фемининных, то она стала говорить о том, что как мужчины, так женщины обладают и маскулинными и фемининными чертами, и все дело в том, какие черты преобладают у данного человека. При этом более адаптивной к условиям существования в социуме С. Бем считает андрогинную личность.

Как отмечает К. Мартин (Martin, 1990), раньше андрогинное поведение допускалось родителями только в отношении девочек, теперь взгляды изменились, и андрогинным может быть и мальчик. Такое поведение вырабатывается у детей в том случае, если оно моделируется на глазах ребенка родителем своего пола и принимается (поощряется) родителем противоположного пола (Ruble D., 1988).

Новый уклад жизни ведет к возникновению новых психологических и социальных характеристик обоих полов. И мужчины и женщины стремятся сегодня к реализации «второй половины» своей натуры, которую их веками учили подавлять. В результате происходит смешение мужских и женских качеств, отрицание неравенства полов и их строго взаимодополняющего характера.

Еще одно новое явление – размывание векового стереотипа мужчины-воина, образа, уходящего в глубокую древность. Сегодня, когда над миром нависла угроза ядерной войны, бессмысленно, говоря о будущем, приписывать мужчине достоинства традиционного воина. Все мы, мужчины и женщины, можем стать жертвами такой войны, и у нас не будет ни времени, ни возможности для самозащиты. Призрак атомной бомбы заставляет не думать о различиях между полами: ведь «нажать кнопку» сможет и женщина.

Но кроме этой апокалиптической картины, современные войны рождают иные образы человека с оружием в руках. И в этом нет ничего удивительного: просто война перестала быть прерогативой мужчин, равно как активность или пассивность перестали быть свойствами одного или другого пола.

Как ни странно, характерные качества мужчин пока еще не стали предметом столь широкой дискуссии и споров, как специфические черты женщин. И все же мы осмелимся предсказать, что в ближайшие 50 лет этот вопрос встанет очень остро.

Похоже, что женщины усвоили чисто мужские качества, сохранив при этом традиционно женские черты. Западная женщина XX в. – своего рода двуполое создание. Она одновременно мужественна и женственна, играя то одну, то другую роль в зависимости от времени суток или периода жизни. Она с неохотой принимает новое и отказывается от старого, балансируя, как канатоходец (что не всегда легко), между своими женскими и мужскими устремлениями. То пассивная – то полная энергии, то любящая мать – то честолюбивая эгоистка, то нежная – то агрессивная, то терпеливая – то напористая, современная женщина смешала все карты, которые сдала ей судьба.

На фоне этого «женского бунта» сразу становится заметным сопротивление мужчин, и даже их обеспокоенность. Изменения, которые происходят с женщинами, и их новые требования заставляют мужчин ставить под сомнение свое традиционное отношение к самим себе. Тот факт, что женщины освоили все мужские занятия и присвоили себе черты, которые испокон веку считались мужскими, часто воспринимается мужчинами как грабеж средь бела дня, как утрата, с которой они никак не могут примириться.

Мужчинам трудно усваивать черты женского характера и открыто проявлять их в своем поведении, поскольку они усматривают в этом угрозу своему мужскому достоинству. Что касается женщин, то они иначе смотрят на эту проблему. Наиболее убедительное объяснение такой реакции мужчин дает американский психоаналитик Роберт Дж. Столлер. В противоположность Фрейду он утверждает, что «мужские» качества ничуть не сильнее или естественнее женских. В первые несколько месяцев жизни новорожденный мальчик отождествляет себя с матерью, в симбиозе с которой он живет.

Элизабет Бадинтер (Курьер ЮНЕСКО. 1986. Апрель).

В ряде зарубежных исследований точка зрения С. Бем получила подтверждение. Так, была обнаружена связь андрогинии с ситуативной гибкостью, высоким самоуважением (Orlofsky J., 1977), мотивацией к достижениям (Spence J., Helmrich R., 1978), хорошим исполнением родительской роли (Baumrind D., 1982). Отмечена также большая удовлетворенность браком, большее ощущение благополучия и т. д. В нашей стране тоже есть сторонники точки зрения, что андрогиния имеет преимущества. Так, по мнению В. М. Погольша (1997, 1998), мужчины и женщины, обладающие чертами андрогинности, могут иметь преимущества, например, в способности влиять на других людей. Установлено, что у людей складываются более удовлетворительные отношения с андрогинными партнерами (Ickes, 1993). Это же показано и В. А. Порядиной с А. В. Морозовым (2007): анд-

рогинные студенты являются более эффективными коммуникаторами, они экстравертированы, уравновешенны. В то же время они склонны к лидерству и в достаточной степени стрессоустойчивы. Впрочем, такими же характеристиками, по данным этих авторов, обладают и маскулинные студенты. Неслучайно достоверных различий между андрогинными и маскулинными выявлено не было. Различия проявились между фемининными, с одной стороны, и маскулинными и андрогинными — с другой. Очевидно, авторы неудачно выбрали границу между андрогинными и маскулинными (в методике, которую авторы использовали (шкала «маскулинность — фемининность» Фрайбургского опросника — FPI), эти границы не установлены).

Степень андрогинности значительно зависит от этнических и социальных факторов. Так, афроамериканцы и пуэрториканцы, как мужчины, так и женщины, более андрогинны, чем евроамериканцы (Binion D., 1990; Dugger K., 1988). Объясняют это высоким уровнем безработицы среди чернокожих мужчин и низкой оплатой их труда, в результате чего чернокожие женщины заняли на рынке труда более уверенные позиции по сравнению с белыми женщинами. Их представление о женственности стало включать уверенность в себе, находчивость и самостоятельность, физическую силу.

Андрогинные личности действительно производят впечатление более адаптивных и умеющих приспособить свое поведение к требованиям актуальной ситуации (Harter, Watersa, Whitesell, Kastelic, 1998; Schaffer, Pegalis, Gornell, 1992). Кроме того, выясняется, что андрогинные дети и подростки обладают более высоким самоуважением и воспринимаются как более привлекательные и адаптированные, чем их сверстники, принадлежащие к традиционному половому типу (Allgooed-Merten, Stockard, 1991; Boldizar, 1991; O,Heron, Orlofsky,1990). Наконец, андрогинные мужчины все же чувствуют себя вполне мужественными, а андрогинные женщины – адекватно женственными, хотя порой и демонстрируют качества, традиционно приписываемые представителям другого пола (Spence, 1993).

Но необходимо отметить, что дети, слишком рьяно стремящиеся к приобретению и выражению многих личностных черт, рассматриваемых как более адекватные для представителей противоположного пола, рискуют быть отвергнутыми сверстниками и, соответственно, обладать низкой самооценкой (Lobel, Stone, Winch, 1997). Более того, обладание маскулинными чертами, а не сама по себе андрогинность, наиболее тесно увязывается с хорошей адаптивностью и самоуважением. Это открытие не должно удивлять, так как во многих обществах маскулинные характеристики оцениваются выше, чем фемининные атрибуты (Turner, Gervai, 1995). Однако похоже, что времена меняются. Исследование детей младшего школьного возраста, проведенное Болтизар (Boldizar, 1991), показало, что сегодня более высокая самооценка стала характерной именно для андрогинных людей. В ходе другого недавнего исследования (Mayer, Sutton, 1996) было обнаружено, что андрогинные семейные пары чувствуют себя в большей степени удовлетворенными своими интимными взаимоотношениями, чем пары, традиционные по половому типу, при том, что именно фемининный компонент андрогинности служит лучшим признаком удовлетворяющего характера этих взаимоотношений.

Шэффер Д., 2003, с. 715–716.

В зрелом возрасте наблюдается уменьшение гендерных различий. Полагают, что причиной этого являются, с одной стороны, изменение гормональной

насыщенности, а с другой — требования, предъявляемые ролями, которые играют мужчина и женщина в семье. В период взращивания маленьких детей родители подавляют свойственные им половые особенности и становятся андрогинными.

В последнее время некоторые теоретики стали говорить, что категория «женщина» является неустойчивой или вообще несуществующей. Но тогда то же можно сказать и про категорию «мужчина».

Теория андрогинности вызвала на Западе не только большой интерес, но и критику ее основ (Ashmore R., 1990; Sedney M., 1989). Возможно, это было вызвано тем, что в американском обществе маскулинность дает человеку больше преимуществ, чем фемининность и адрогининность, а поэтому некоторые женщины предпочитают демонстрировать маскулинное поведение, так как выгод от него может быть больше, чем потерь (Taylor M., Hall J., 1982). Некоторые женщины подражают маскулинному лидерскому стилю, особенно если они занимают должности в традиционно мужских областях деятельности (Bartol K., Martin D., 1986; Cox E., 1996). М. Тейлор и Д. Холл считают даже, что понятие андрогинии излишне.

Спенс и Хельмрих (Spens J., Helmrich R., 1981) предложили вместо терминов «мужественность» и «женственность» использовать другие: *инструментальность*, как способность к самоутверждению и компетентность (традиционно приписываемые мужчинам) и *экспрессивность*, традиционно связываемую с женственностью.

В ряде исследований показано, что маскулинные или фемининные люди могут иметь преимущество перед андрогинными. Например, М. В. Гаврилова (2005) выявила, что проблемная нагруженность у маскулинных мальчиков выражена меньше, чем у андрогинных мальчиков.

Сама С. Бем в последней книге (1993) признает, что концепция андрогинии далека от реального положения дел, поскольку переход личности к андрогинии требует изменений не личностных особенностей, а структуры общественных институтов. Кроме того, существует опасность утраты того положительного, что несет в себе сглаживание дихотомии мужского — женского.

> Нам нужно отказаться от ожиданий, что женщины и на работе и в сфере образования должны обладать чертами и женскими и мужскими: независимостью и зависимостью, настойчивостью и пассивностью, в зависимости от ситуации. Мы не считаем андрогинность идеальной человеческой ситуацией; она не ведет к поведению, снимающему гендерные ограничения... Андрогиния подталкивает нас к убеждению в том, что избавление от сексуальной дискриминации в сфере образования и на работе возможно, если изменятся сами люди. Андрогиния не решит наши современные социальные проблемы в области женской карьеры.
>
> Палуди М., 2003, с. 304.

В то же время положительной стороной концепции С. Бем об андрогинии является внимание, которое ей удалось привлечь к тому факту, что для общества одинаково желательными могут быть как мужские, так и женские качества.

22.3. Психологический пол и возраст

Наличие психологического пола выявлено уже у старших дошкольников (Колясникова М. В., 1999). Однако до сих пор остается открытым вопрос: изменяется ли с возрастом количество лиц маскулинного, андрогинного и фемининного типа? Полученные в последние годы данные позволяют высказать на этот счет некоторые предположения, хотя получаемые в исследованиях результаты не всегда сходятся.

По данным Г. Рыбка, какой-либо однозначный вывод в отношении лиц мужского пола сделать трудно, поскольку число маскулинных, андрогинных и фемининных мальчиков колеблется без четкой динамики от VII класса до студентов (табл. 22.2). У лиц женского пола в X классе и у студентов фемининных значительно больше, чем у семиклассниц. Это происходит за счет уменьшения лиц андрогинного типа, в то время как количество маскулинных остается одинаковым. Превалирование андрогинных среди лиц мужского и женского пола можно объяснить использованием в исследовании методики С. Бем, в которой критерии маскулинности и фемининности ослаблены по сравнению с другими методиками (в частности, по сравнению с Фрайбургским опросником). Число маскулинных лиц женского пола и фемининных лиц мужского пола одинаково.

Таблица 22.2. Количество маскулинных, андрогинных и фемининных среди подростков

Группы	Маскулинные	Андрогинные	Фемининные
Мальчики			
Младшие подростки	8/19	12/30	21/51
Старшие подростки	25/48	12/23	15/51
Все подростки	33/35,8	24/26,2	36/38,0
Девочки			
Младшие подростки	12/20	21/35	27/45
Старшие подростки	17/25	30/46	19/29
Все подростки	29/23,4	51/39,5	46/37,1

Из представленных в этой таблице данных следуют следующие выводы. От младших подростков к старшим увеличивается количество лиц с маскулинностью, а с фемининностью — уменьшается. Эта тенденция особенно ярко выражена у мальчиков, но наблюдается и у девочек. У младших подростков (как мальчиков, так и девочек) преобладают лица фемининного типа. У старших мальчиков преобладают лица маскулинного типа, а у старших девочек — андрогинного типа.

Увеличение числа маскулинных лиц у девочек от возраста 11–12 лет к возрасту 15–16 лет выявлено и Ж. Г. Назарян (2005), причем это наблюдалось на двух выборках — русской и армянской (в первой с 14 до 22%, во второй — с 10 до 18%). Однако у мальчиков увеличение было значительно бóльшим (соответственно с 19 до 43% и с 20 до 35%). Среди девочек преобладали фемининные (в группе 11–12 лет — 57%, в группе 15–16 лет — 50%). Однако и здесь видна тенденция снижения с возрастом числа фемининных девочек, хотя она и слабо выражена. У мальчиков

также наблюдается тенденция снижения с возрастом числа фемининных. Количество андрогинных велико как среди девочек, так и среди юношей, что можно связать со спецификой методики С. Бем, использовавшейся автором данного исследования.

В пользу этого вывода говорят и данные, полученные С. В. Афиногеновой на девушках, не занимающихся спортом (табл. 23.3).

Таблица 23.3. Возрастная динамика количества девушек с разным психологическим полом (процент случаев)

Психологический пол	16–17 лет	18–19 лет	20–22 года
Маскулинный	18,1	17,5	11,1
Андрогинный	27,5	26,8	35,6
Фемининный	54,4	55,7	53,3

Как видим, рост числа маскулинных среди девушек не всегда имеет место. Количество маскулинных и фемининных может оставаться и стабильным при переходе от одной возрастной группы к другой.

Е. В. Козырева (2005), используя методику С. Бем, сравнивала выраженность маскулинности, андрогинности и фемининности у школьников (начиная с 14 лет) и студентов (18–23 года). Полученные данные свидетельствуют об увеличении с возрастом числа маскулинных лиц как мужского, так и женского пола (за счет андрогинных) и о неизменности числа фемининных (табл. 22.4).

Таблица 22.4. Выраженность маскулинности, андрогинности и фемининности у школьников и студентов (процент случаев)

Пол	Школьники	Студенты
Мужской		
Маскулинные	26	47
Андрогинные	65	41
Фемининные	9	12
Женский		
Маскулинные	9	15
Андрогинные	60	52
Фемининные	31	33

А. И. Тупицына (2004) среди школьников мужского пола выявила 45,7% маскулинных, 16,5 % фемининных и 37,8% андрогинных лиц. Эти данные близки к данным, полученным Н. Г Куприяновой (2006). Нельзя, однако, не обратить внимания на выявленный А. И. Тупицыной факт: если сравнить учащихся, обучающихся в смешанной по полу школе и в мужской гимназии, то данные будут несколько различаться по количеству маскулинных (их больше в гимназии — 52 против 39%) и андрогинных (их больше в смешанной школе — 43 против 31%). По количеству фемининных различий нет (соответственно 17 и 16%).

Однако М. А. Цебрук (2008) получены несколько иные данные. Среди учащихся суворовского училища маскулинных было больше, чем в смешанной об-

щеобразовательной школе (соответственно 31 и 15%), но и фемининных среди суворовцев тоже было больше (соответственно 28 и 9%). Так что вопрос о влиянии чисто мужского коллектива на выраженность маскулинности остается неясным.

По данным М. В. Гавриловой (2005), использовавшей методику С. Бем, среди десятиклассников мужского пола (n = 30) маскулинных оказалось 40%, андрогинных – 43,3%, а фемининных – 16,7%. Среди десятиклассниц женского пола (n = 33) фемининных было 24,2%, андрогинных – 60,6%, а маскулинных – 15,2%.

Исследования подтвердили существование новой тенденции. Выявлены межпоколенные гендерные и сопряженные с ними соматические различия у российских женщин. Среди женщин старшей группы 65% имели гинекоморфное и 35% мезоморфное телосложение; у большинства из них преобладали фемининные психологические компоненты пола. Среди подавляющего большинства женщин молодого поколения зафиксированы различные варианты андрогинии, т. е. активация традиционно мужских качеств. Феминные гендерные качества отмечены лишь у 18% (Хоч Н. С., 2004).

...Как выяснилось, уровень тестостерона в крови молодых мужчин в мире к концу XX в. составил 24–50% вместо нормы в 80% и выше. Появилась целая популяция так называемых мужчин (по анатомическим признакам), с так называемой поисковой ориентацией, с самоощущением в себе женского начала (Базарный В., 2004).

Возможная причина данного явления кроется в том, что сильный стресс, спровоцированный природными и социальными условиями, в начале беременности матери приводит к повышению вероятности рождения «голубого сына» в 6 раз или рождению «сверхженской» девочки (Пиз А., Пиз Б., 2003). Но проблема феминизации мужчин еще серьезнее из-за нарушения генов Y-хромосомы, в том числе гена SRY, отвечающего за выработку мужских гормонов. Это следствие ущерба генам, нанесенного окружающей средой (Грейвс Дж., 2004). Будущие поколения мужчин будут иметь потенцию ниже, чем современные. Уже сейчас выработка спермы у мужчин приблизительно в 2 раза меньше, чем у мужчин 1940-х гг. (Пиз А., Пиз Б., 2003).

...Очевидно, существуют «благоприятные» или «неблагоприятные» эпохи геокосмических условий для мужского и женского организма, что обусловлено изначальными электромагнитными и физико-химическими различиями сперматозоидов с X- или Y- хромосомным набором. По-видимому, мы являемся свидетелями «неблагоприятного» периода для мужского организма.

Волчек О. Д., Котельникова Н. С., 2005.

Сравнивая приведенные данные, можно сделать заключение, что имеется тенденция к увеличению от младшего подросткового возраста к старшему числа маскулинных среди лиц как мужского, так и женского пола. Последующие возрастные изменения не столь отчетливы. По одним данным, количество маскулинных увеличивается, по другим – уменьшается. Очевидно, нужны дополнительные исследования. Многое зависит и от используемой методики определения маскулинности, андрогинности и фемининности. Например, при использовании методики С. Бем большинство обследованных попадают в разряд андрогинных, что отчетливо видно из работы О. Г. Лопуховой (2001), обнаружившей среди различных групп молодых людей в возрасте 19–25 лет от 74,4 до 84,4% андрогинных лиц.

Более правдоподобны свидетельства о количестве андрогинных в пределах 30–40% и ниже. Это подтверждают и данные зарубежных исследователей, согласно которым андрогинных выявлено около 25–30% (Spence, Helmreich, 1978; Boldizar, 1991).

Как показано Н. Ю. Флотской (2007), количество лиц разного психологического пола определяется условиями жизни и воспитания. Среди подростков из детских домов (как мальчиков, так и девочек) преобладает недифференцированный тип (т. е. слабо выражены как маскулинные, так и феминииные качества), а среди подростков, воспитывающихся в семьях, — андрогинный тип. В то же время маскулинных среди детдомовских мальчиков и девочек больше, чем среди детей из семьи (рис. 22.1).

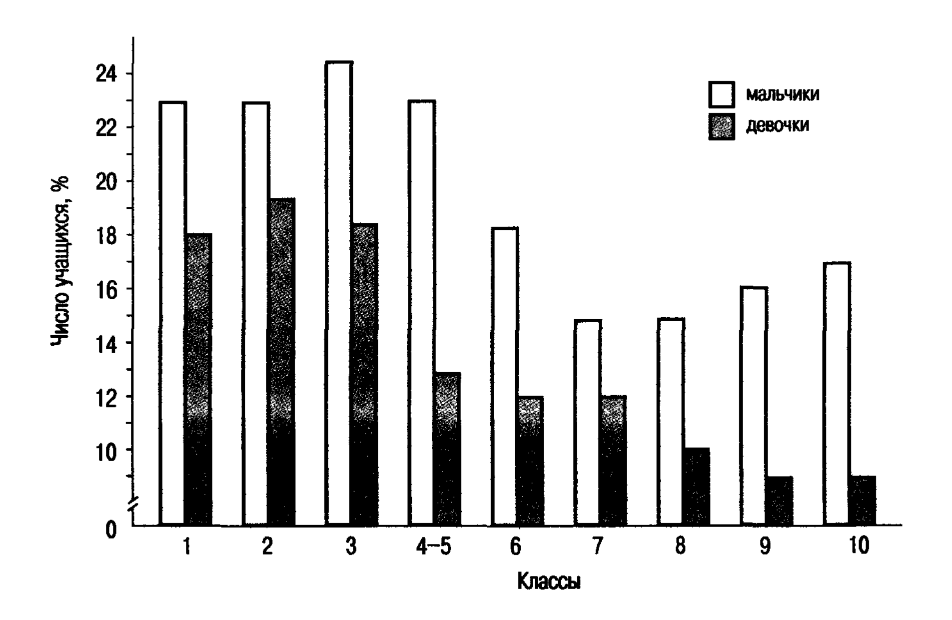

Рис. 22.1. Количество подростков с разным психологическим полом, воспитывающихся в семье и интернате

Среди сельских мальчиков 14–15 лет больше, чем среди городских, как маскулинных (37 и 15% соответственно), так и фемининных (соответственно 22 и 10%). Среди городских мальчиков преобладали андрогинные (49 против 14% у сельских мальчиков). У девочек из города и села преобладал андрогинный тип (40 и 38% соответственно). Практически в равном количестве обнаружены маскулинный (15 и 10% соответственно) и фемининный тип (29 и 24% соответственно).

На количественные соотношения психологических полов может влиять то, в какой семье — полной или неполной — воспитывается ребенок. По данным А. С. Даньковой (2002), у девочек из неполных семей 50% маскулинных и только 38% фемининных, в то время как у девочек из полных семей маскулинных 37%, а фемининных — 50%.

По мнению В. В. Абраменковой (1987, 2000), детская субкультура утрачивает четкие полоролевые границы. В ряде исследований выявлено, что в нашем обществе, ориентированном на традиционные полоролевые стандарты, у мальчиков и девочек формируется половая идентичность, которая включает в себя особенности как маскулинной, так и фемининной полоролевой модели. Е. В. Лекторская отмечает, что сегодня в России сложилась такая ситуация, когда существующие традиционные стереотипы маскулинности и фемининности уже устарели, а новые, более эгалитарные, еще не успели сложиться. Именно в этой ситуации перед мальчиками и девочками встает достаточно острый вопрос выбора стереотипов полоролевого поведения, формирования личностных качеств, связанных с маскулинностью или фемининностью.

Флотская Н. Ю., 2007, с. 66.

ГЛАВА 23

Психологический пол, особенности личности и выбор вида деятельности

23.1. Психологический пол и особенности личности

Имеющиеся разногласия между исследователями по поводу того, какие способности или личностные особенности выражены больше у мужчин или женщин, могут быть обусловлены тем, что не принимается во внимание выраженность у тех и других маскулинности или фемининности — ведь в исследуемых выборках в зависимости от обследованных контингентов могло быть разное соотношение тех и других.

Как уже было показано в ряде работ, учет степени выраженности маскулинности и фемининности существенно изменяет ту картину, которая выявляется без учета этих особенностей. В. Е. Каган (1991) обследовал учащихся I–IV классов и у 7-летних детей не выявил достоверных различий между мальчиками и девочками. Однако учет маскулинности и фемининности внес в эти данные существенные изменения. Фемининные мальчики были близки к девочкам (без учета их половой типологии, так как фемининные и маскулинные девочки не отличались друг от друга) или даже уступали им по доминантности, напористости, независимости, беспечности, храбрости, склонности к риску, исполнительности, добросовестности и ответственности. Уступали фемининные мальчики по этим, а также интеллектуальным качествам, по абстрактным формам мышления и объему знаний и своим сверстникам с выраженной маскулинностью.

У 8–9-летних обнаружились среднегрупповые различия между мальчиками и девочками по склонности к риску, беспечности и храбрости (эти качества более присущи мальчикам) и благоразумности, рассудительности и осторожности (эти качества более присущи девочкам). В то же время между фемининными мальчиками и девочками этих различий не было, а среднегрупповые различия выявились за счет различий между маскулинными мальчиками и девочками. Как и в группе 7-летних, у 8–9-летних мальчиков обнаружились различия в изученных качествах, а между маскулинными и фемининными девочками различий не было.

Автор заключает, что различия между маскулинными мальчиками и девочками, за исключением понимания социальных норм и самоконтроля, полностью совпадают с общеполовыми различиями. Однако у фемининных детей разного пола характерологические комплексы существенно различаются:

- мальчики: замкнуты, недоверчивы, обособлены; неуверенны, ранимы, неустойчивы; робки, застенчивы, чувствительны к угрозе; тревожны, озабочены;
- девочки: открыты, доброжелательны, общительны; уверенны, спокойны, стабильны; социально смелы, решительны, непринужденны; безмятежны, оптимистичны.

Известно, что *эмоциональность* выше у женщин в сравнении с мужчинами, но при учете маскулинности и фемининности картина существенно меняется (табл. 23.1).

Таблица 23.1. Самооценка различных свойств эмоциональности в зависимости от выраженности маскулинности или фемининности (по данным Ильина Е. П. и Пинигина В.)

Испытуемые	Возбудимость	Интенсивность	Длительность	Эмоциональная неустойчивость
Мужчины				
Маскулинные	2,0	4,4	2,3	2,9
Фемининные	3,1	5,8	3,0	3,7
Женщины				
Маскулинные	2,8	5,0	2,4	2,8
Фемининные	4,6	6,2	3,1	3,9

Как видно из данных таблицы, между фемининными мужчинами и маскулинными женщинами различия в проявлении свойств эмоциональности значительно меньшие, чем между маскулинными мужчинами и фемининными женщинами. С другой стороны, фемининные и мужчины и женщины имеют более выраженные свойства эмоциональности, чем маскулинные мужчины и женщины. Наибольшие же различия выявлены между маскулинными мужчинами и фемининными женщинами.

По наблюдениям Л. Лавин и Д. Ломбардо (Lavine, Lombardo, 1984) мужчины и женщины андрогинного типа проявляют при общении одинаковый уровень самораскрытия, в то время как мужчины, высоко ценящие традиционные понятия о мужественности, стараются избегать самораскрытия.

Существующее представление о разных *стилях поведения* мужчин и женщин: инструментальном (ориентированном на задачу) у первых и экспрессивном (ориентированном на людей) — у вторых, нуждается в уточнении с учетом выраженности маскулинности — фемининности. Первый тип поведения присущ не всем мужчинам, а только маскулинным, а второй тип поведения — не всем женщинам, а только фемининным (Powell G., 1990).

Если в отношении того, у кого самооценки выше — у мужчин или у женщин, согласия между исследователями не выявляется, то при учете маскулинности — фемининности картина становится яснее. Так, по данным А. В. Визгиной и С. Р. Пан-

тилеева (2001), завышенная самооценка наблюдается как у женщин, так и мужчин фемининого типа.

Е. А. Чижова (2005) не выявила различий между юношами и девушками в выборе копинг-стратегий, однако различия проявились, если учитывалась их маскулинность или фемининность.

> В самих стереотипах мужественности и женственности заложены разные совладающие стратегии, и только то, что в каждом человеке присутствуют и те и другие черты, и крайние варианты выраженности только одной черты встречаются редко, не позволяет найти различия по *к*-стратегиям между группами юношей и девушек. В структуре черт маскулинности наиболее значимыми оказались такие черты, как самодостаточность, мужественность, честолюбие, независимость, напористость, а такие качества, как любовь к соревнованиям, сила, спортивность, серьезность, стремление защищать свои убеждения и надеяться в основном на себя, взаимосвязаны со стратегией решения проблем. В структуре черт фемининности наиболее значимые черты – доверчивость, ласковость, вкрадчивость, любовь к лести, сострадательность, неумелость – связаны со стратегией избегания проблем.
>
> Чижова Е. А., 2005, с. 147.

Известно, что девочки по сравнению с мальчиками более боязливы и застенчивы, не уверены в своих силах, легче подвергаются фрустрациям и поэтому не стремятся к лидерству, более конформны (Hartup W., 1958; Fagot B., 1978), и это принято связывать с тем, что их статус в обществе ниже, чем мужчин. Однако в отношении данного заключения должна быть сделана поправка на выраженность у лиц женского пола маскулинности – фемининности. Так, Е. Таслер (2001) выявила, что склонность к риску и доминантности положительно коррелируют с маскулинностью женщин и отрицательно – с фемининностью, и чем выше у них маскулинность, тем менее они конформны. Этим же автором показано, что у фемининных женщин по сравнению с маскулинными больше выражен фактор А (по Кеттеллу), т. е. доброта, внимательность, мягкосердечность, фактор С (эмоциональная неустойчивость), фактор I (эмпатия, женственность, романтизм), фактор О (тревожность).

С. В. Афиногеновой (2007) изучена степень выраженности различных сторон *агрессивности* в зависимости от маскулинности, фемининности и андрогинности у юношей и девушек (табл. 23.2).

Из этих данных следует, что конфликтность, включающая вспыльчивость и обидчивость, выше у фемининных лиц мужского и женского пола (соответственно 9,1 и 11,4 балла), чем у андрогинных (соответственно 8,6 и 10,5 балла) и маскулинных (соответственно 8,5 и 9,3 балла). А собственно агрессивность, включающая остальные характеристики, представленные в таблице, выше у маскулинных мужчин и женщин (соответственно 28,3 и 25,7 балла), чем у андрогинных (соответственно 25,2 и 21,1 балла) и фемининных (соответственно 20,2 и 19,1 балла). Таким образом, полученные данные показывают, что выраженность различных характеристик агрессивности зависит от того, к какому психологическому полу относятся обследуемые.

Таблица 23.2. Выраженность различных характеристик агрессивности (баллы) у лиц мужского и женского пола в связи с маскулинностью, фемининностью и андрогинностью

Характеристики агрессивности	Юноши			Девушки		
	Маскулинные, $n = 80$	Андрогинные, $n = 57$	Фемининные, $n = 31$	Маскулинные, $n = 56$	Андрогинные, $n = 94$	Фемининные, $n = 182$
Вспыльчивость	5,2	4,9	5,4	5,7	6,1	6,4
Обидчивость	3,3	3,7	3,7	3,6	4,4	5,0
Подозрительность	4,7	4,6	4,4	4,4	4,1	4,1
Суммарная конфликтность	13,2	13,2	13,5	13,7	14,6	15,5
Наступательность	5,0	4,3	3,2	4,6	3,8	3,2
Неуступчивость	5,5	4,8	3,6	5,1	4,2	3,6
Бескомпромиссность	4,1	3,5	2,7	3,2	2,4	2,3
Мстительность	4,8	4,8	3,6	4,3	3,4	3,2
Нетерпимость	4,2	3,2	2,7	4,1	3,2	2,7
Суммарная агрессивность	**23,6**	**20,6**	**15,8**	**21,3**	**17,2**	**15,0**

Те же различия в выраженности различных характеристик агрессивности были выявлены у маскулинных и фемининных девушек и юношей, занимающихся спортом.

Выявлены положительные связи выраженности маскулинности с неуступчивостью ($r = 0{,}16$, $p < 0{,}01$), нетерпимостью к мнению других ($r = 0{,}17$, $p < 0{,}01$), мстительностью ($r = 0{,}14$; $p < 0{,}01$), позитивной агрессивностью ($r = 0{,}16$; $p < 0{,}01$) и негативной агрессивностью ($r = 0{,}18$; $p < 0{,}01$) и отрицательная связь — с обидчивостью ($r = -0{,}17$; $p < 0{,}01$).

У девушек выявлена положительная связь маскулинности с наступательностью ($r = 0, 22$; $p < 0{,}01$), неуступчивостью ($r = 0{,}17$, $p < 0{,}05$), нетерпимостью к мнению других ($r = 0{,}18$; $p < 0{,}05$) и позитивной агрессивностью ($r = 0{,}24$; $p < 0{,}05$) и отрицательная связь — с обидчивостью ($r = -0{,}19$; $p < 0{,}05$).

Таким образом, и в мужской и в женской выборках в основном выявлены схожие связи маскулинности с различными характеристиками агрессивности. Отсюда можно сделать вывод, что агрессивность больше выражена у маскулинных, чем у фемининнных, а конфликтность — у фемининных, чем у маскулинных лиц.

Н. Ю. Жарновецкая (2007) подтвердила данные, полученные С. В. Афиногеновой. Корреляционный анализ показал, что маскулинность положительно, а фемининность отрицательно связаны с самооценкой различных характеристик агрессивности (табл. 23.3).

К этому можно добавить, что у женщин выявлена положительная связь обидчивости с фемининностью. Кроме того, выявлено, что маскулинные оцениваются другими как более агрессивные, чем фемининные, что видно из данных той же таблицы. При этом разделение мужчин и женщин с учетом психологического пола выявило больше различий в восприятии их агрессивности окружающими, чем при

Таблица 23.3. Коэффициенты корреляции между маскулинностью – фемининностью и оценкой агрессивности в группе студентов ($n = 53$)

Характеристики агрессивности	Самооценка	Оценка окружающими
Вспыльчивость		0,45 $p < 0,001$
Наступательность	0,33 $p < 0,05$	0,32 $p < 0,05$
Неуступчивость		0,45 $p < 0,001$
Бескомпромиссность	0,38 $p < 0,01$	0,40 $p < 0,01$
Мстительность	0,41 $p < 0,01$	0,53 $p < 0,001$
Нетерпимость к мнению других		0,52 $p < 0,001$
Подозрительность	0,30 $p < 0,05$	0,34 $p < 0,05$
Общая агрессивность	0,36 $p < 0,01$	0,47 $p < 0,001$

разделении только по биологическому полу. Так, между маскулинными мужчинами и фемининными женщинами появились достоверные различия по восприятию окружающими вспыльчивости и неуступчивости.

Восприятие свойств агрессивности субъектов окружающими, по данным Н. Ю. Жарновецкой, находится в прямой связи с маскулинностью воспринимаемых лиц и в отрицательной – с фемининностью. Таким образом, чем больше выражена маскулинность у субъектов, тем более агрессивными они оцениваются окружающими.

По данным Е. В. Козыревой (2002), *аутоагрессия* несколько больше выражена у женщин с ярко выраженной фемининностью, а у фемининных мужчин равна гетероагрессии, последняя явно больше выражена у мужчин и женщин с ярко выраженной маскулинностью (табл. 23.4). Из табличных данных видны тенденции, приводящие к этому: у мужчин – чем меньше выражена маскулинность, тем больше аутоагрессия, у женщин – чем более выражена маскулинность, тем больше выражена гетероагрессия. Отсюда разность между ауто- и гетероагрессией из отчетливо отрицательной по мере уменьшения маскулинности становится либо положительной (как у женщин), либо приближается к нулю (как у мужчин).

Таблица 23.4. Самооценка (баллы) ауто- и гетероагрессии мужчин и женщин в зависимости от выраженности маскулинности, фемининности и андрогинности

Половые типы, мужчины	Аутоагрессия	Гетероагрессия разность
С маскулинностью		
Сильной (n =20)	2,9	4,9–2,0
Слабой (n = 19)	3,6	5,2–1,6
С фемининностью (n = 8)	4,6	4,8–0,2

Д. Б. Катунин (2005) выявил, с одной стороны, сходство маскулинных мужчин и женщин, а также фемининных мужчин и женщин по *макиавеллизму*, а с другой – различие между маскулинными и фемининными, независимо от биологического пола. Так, высокий макиавеллизм имели среди маскулинных мужчин 86%, а сре-

ди маскулинных женщин — 83%. Среди фемининных мужчин и женщин лиц с высоким макиавеллизмом было значительно меньше (соответственно 44 и 32%). Макиавеллизм, по данным Катунина, имеет высокую достоверную положительную связь с маскулинностью и отрицательную — с фемининностью.

Данные Г. Рыбка (2006), полученные на 321 субъекте мужского пола и 344 субъектах женского пола, тоже показали сходство, с одной стороны, маскулинных мужчин и женщин, а с другой — фемининных мужчин и женщин по показателям *мотива достижения* и *избегания неудачи* (рис. 23.1). Эти данные, как и предыдущие, показывают необходимость учета маскулинности и фемининности для дифференцированной оценки как мужчин, так и женщин.

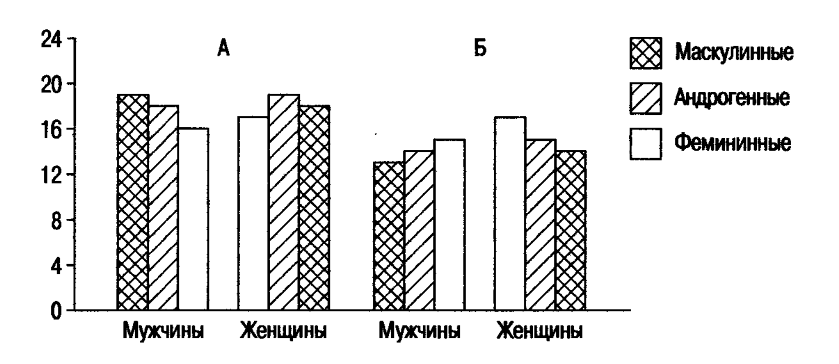

Рис. 23.1. Выраженность (в баллах) мотива достижения и избегания неудачи у мужчин и женщин разного психологического пола: А – мотив достижения; Б – избегание неудачи

Можно отметить, что как у мужчин, так и у женщин от маскулинного к фемининному типу наблюдается тенденция уменьшения количества испытуемых с высоким уровнем мотива достижения успеха и увеличения количества испытуемых с низким уровнем мотива достижения успеха. Указанные особенности, вероятно, связаны с тем, что именно маскулинные поведенческие характеристики традиционно соотносятся с такими мужскими качествами, как честолюбие, решительность, стремление к достижениям и др., а фемининные поведенческие характеристики, наоборот, не соотносятся с такими качествами.

В специальных исследованиях было установлено (Christiansen K., Knussmann R., 1987),что генерализованная спонтанная агрессивность, а также сексуальная агрессия коррелируют с уровнем содержания андрогинов в сыворотке крови. В другом исследовании на выборке в 1091 человек было показано (Lau Sing, 1989), что маскулинных индивидов отличает большее самоуважение в целом, а также более высокая самооценка в области академических достижений и собственной внешности (физическое Я).

<...> В уже упоминавшемся выше исследовании (Lau Sing, 1989) было показано, что андрогинные не уступают маскулинному типу ни по уровню самоуважения в целом, ни по уровню самооценок академических достижений и собственной внешности (физическое Я).

Баранов А. А., 2002, с. 82–83.

Среди фемининных лиц мужского пола и фемининных лиц женского пола больше субъектов с высоким уровнем мотива избегания неудачи. Для мотива избегания неудачи выявлена следующая тенденция: от маскулинного к фемининному типу наблюдается тенденция увеличения количества испытуемых с высоким уровнем мотива избегания неудачи и снижение количества испытуемых с низким уровнем мотива избегания неудачи. Указанные особенности, вероятно, связаны с тем, что фемининные поведенческие характеристики не соотносятся со стремлением к достижениям, а предполагают наличие таких характеристик, как нерешительность, осторожность, робость и др.

Среди всех испытуемых высокий уровень мотива достижения в учебной деятельности чаще наблюдается у андрогинных учащихся как мужского, так и женского пола.

По данным Г. Рыбка, психологический пол влияет на *предпочтение сферы жизни и деятельности*, в которых следует добиваться успеха.

Опрос учащихся VII–VIII, X–XI классов и студентов в отношении того, в какой сфере *должны* стремиться к успеху мужчины, выявил следующее (табл. 23.5).

Таблица 23.5. Представления учащихся разного психологического пола о сферах жизни и деятельности, в которых мужчинам нужно проявлять стремление к успеху (процент случаев)

Пол респондентов	Профессиональная сфера	Материальная сфера	Личная жизнь
Мужчины			
Маскулинные	47,1	9,5	43,4
Андрогинные	44,4	4,8	50,9
Фемининные	23,1	12,1	64,8
Женщины			
Маскулинные	52,0	13,0	37,7
Андрогинные	62,0	23,9	14,2
Фемининные	53,8	5,0	41,2

В этих данных обращают на себя внимание следующие тенденции. В мужской выборке учащихся от фемининных к маскулинным растет количество лиц, считающих, что мужчинам следует добиваться успеха в профессиональной деятельности. Обратная зависимость имеется в отношении достижения успехов в личной жизни. При этом последняя сфера по количеству ответов у андрогинных и фемининных даже превалирует над профессиональной сферой.

Ответы учащихся женского пола показали иную тенденцию. Превалировали ответы (независимо от психологического пола), согласно которым мужчинам следует проявлять себя в профессиональной сфере. Следовательно, респонденты женского пола оказались в отношении взгляда на мужские занятия более консервативными, чем сами представители мужского пола.

Аналогичный опрос в отношении того, в какой сфере должны стремиться к успеху женщины, дал следующие результаты (табл. 23.6).

Тенденция, выявляемая из представленных данных, состоит в том, что и в мужской и в женской выборках большинство опрошенных высказали мнение, что

Таблица 23.6. Представления учащихся разного психологического пола о сферах жизни и деятельности, в которых женщинам нужно проявлять стремление к успеху (процент случаев)

Пол	Профессиональная сфера	Материальная сфера	Личная жизнь
Мужчины			
Маскулинные	16,3	0	83,7
Андрогинные	8,4	0	91,6
Фемининные	0	100	0
Женщины			
Маскулинные	36,2	7,9	55,9
Андрогинные	26,8	4,7	68,4
Фемининные	33,5	1,4	65,1

женщины должны стремиться к успеху в личной жизни. В отношении успехов в профессиональной сфере высказываний значительно меньше, особенно в мужской выборке. При этом в мужской выборке количество таких ответов растет от фемининных лиц к маскулинным, т. е. маскулинные субъекты мужского пола чаще считают, что женщины должны добиваться успеха в профессиональной деятельности, чем андрогинные и фемининные лица мужского пола. Это мнение у маскулинных лиц мужского пола высказывается тем чаще, чем больше их возраст (у учащихся VII–VIII классов — в 7,7%, у учащихся X–XI классов — в 12,5%, у студентов — в 28,6%).

В женской выборке влияние маскулинности — фемининности обнаружилось только в отношении ответов, касающихся достижения успеха в материальной сфере: у маскулинных лиц женского пола положительных ответов больше, чем у андрогинных, а у последних больше, чем у фемининных. Таким образом, респонденты мужского пола оказались в отношении взгляда на женские занятия более консервативными, чем сами представительницы женского пола.

Изучение ответов учащихся на вопрос, в какой сфере жизни и деятельности они *сами* хотели бы добиться успеха, показало следующее (табл. 23.7).

Таблица 23.7. Сферы жизни и деятельности, в которых, по мнению учащихся разного психологического пола, следует добиваться успеха (процент случаев)

Пол	Профессиональная сфера	Материальная сфера	Личная жизнь
Мужчины			
Маскулинные	81,4	4,6	13,9
Андрогинные	70,6	2,6	26,8
Фемининные	64,9	2,6	32,6
Женщины			
Маскулинные	74,0	2,2	23,8
Андрогинные	67,7	1,1	31,2
Фемининные	73,3	0,6	26,1

Большинство учащихся мужского и женского пола хотят добиться успеха в профессиональной сфере, что расходится с их стереотипными установками в отношении того, в какой сфере деятельности *должны* проявлять себя мужчины и женщины... От фемининности к маскулинности увеличивается количество лиц, считающих, что успеха надо добиваться в профессиональной и материальной сфере, и уменьшается количество лиц, считающих, что успеха надо добиваться в личной жизни. В женской выборке какой-либо закономерности не выявилось, за исключением стремления достичь успеха в материальной сфере: количество таких лиц увеличивается от фемининных к маскулинным и, это совпадает с тенденцией, выявленной на мужской выборке.

Мужчины с более высоким уровнем выработки андрогина в целом больше и сильнее. Они также лучше выполняют простые перцептивно-моторные задания, например, на скорость называния объектов, т. е. демонстрируют то, что Клайбер, Броверман и Кобаяши (Klaiber, Broverman, Kobayashi, 1968) называют автоматизированным когнитивным стилем. Им хуже даются задания, требующие отсрочивания или подавления, например поиск фигур, «спрятанных» в сложном рисунке.

Макклелланд Д., 2007, с. 375.

Психологический пол оказывает влияние и на *оценку друг друга мужчинами и женщинами.* В уже упоминавшемся исследовании Е. П. Ильина и Н. Ю. Лохтюхиной (2004) было выявлено, что чем сильнее выражена маскулинность, тем большую негативную окраску имеют у мужчин переживания и отношение к женщине-руководителю (получены положительные корреляции при $p < 0{,}01$). У фемининных и андрогинных мужчин их переживания и отношение к женщине-руководителю носят преимущественно положительный характер (получены отрицательные корреляции при $p < 0{,}01$).

Деловое общение. По данным М. В. Бураковой (2000) и А. Г. Самохвалова (2006), маскулинные и фемининные субъекты обоего пола отличаются по коммуникативным характеристикам (табл. 23.8).

Таблица 23.8. Различия маскулинных и фемининных субъектов по коммуникативным характеристикам

Коммуникативные характеристики	Маскулинный тип	Фемининный тип
Ведущие тенденции в общении	Склонность к лидерству, соревновательности и манипулироаанию в общении; проявляет целеустремленность, открытость, знергичность и методичность, с трудом признает ошибки и рефлексирует собственные коммуникативные действия	Высокая потребность а общении, в доброжелательных азаимоотношениях; свойственна забота о других, уступчивость, эмоциональная чувствительность, хорошая интуиция, доверчивость, нерешительность; воздейстаует на собеседника с помощью уговоров, внушений
Направленность в коммуникациях	Направленность на достижение успеха в коммуникациях, на удовлетворение своих потребностей и игнорирование потребностей партнера	Напрааленность на создание гармоничных взаимоотношений с окружающими, поддержание психологической близости и равновесия в общении
Вербальные средства общения	Речь логичная, ясная, ориентироаанная на суть проблемы, властная, змоциональная, быстрая, четкая и громкая	Речь эмоциональная, непоследовательная, расслабляющая, оценочная, более медленная и тихая. Бывает чрезмерно болтлив

Окончание табл. 23.8

Коммуникативные характеристики	Маскулинный тип	Фемининный тип
Невербальные средства общения	Преобладают уверенные движения, широкие выразительные жесты, ненапряженная поза, непроницаемое выражение лица, сжатые губы, пронзительный взгляд, властное рукопожатие	Характерны расслабленная поза, плавные движения, зеркальное поведение, минимальная социальная дистанция, доброжелательная улыбка
Индивидуально-типологические особенности личности	Холодность к окружающим, безучастность, излишняя строгость в оценке людей, конкретность мышления, низкая толерантность, раздражительность, независимость, самоуверенность, авторитарность, эмоциональная сдержанность, точность, деловая направленность, практичность, активность в социальных контактах, реалистичность суждений, черствость по отношению к окружающим, эгоцентризм, прямолинейность, высокий самоконтроль	Открытость, доброжелательность, эмоциональная дезорганизация мышления, подверженность эмоциям, уступчивость, осторожность, гибкие установки по отношению к социальным нормам, застенчивость, мягкость, стремление к покровительству, подозрительность, ориентация на свой внутренний мир, наивность, впечатлительность, низкий самоконтроль
Самооценка личности	Высокая самооценка, тенденция к самоутаерждению, высокий уровень притязаний на признание	Неуверенность в себе, нерешительность, осознание нестабильности своего положения а социуме
Особенности планироаания деловых коммуникаций	Все коммуникативные действия обдумыааются и планируются; характерна рациональность, основательность, обдуманность в принятии решений с опорой на существенные положения и значимую информацию	В планировании коммуникации учитывается мнение окружающих о себе, характерна ориентация на демонстративность, подчеркивание своего пола, тенденция к самоукрашению и самооправданию, поаерхностность суждений, легкомыслие в выводах, импульсианость в принятии решений

Способности. Женщины с мужскими чертами характера добиваются больших успехов в науке, чем фемининные. Они не уступают средним показателям недифференцированной группы мужчин по пространственным способностям, приближаются к мужчинам по математическому мышлению и т. д. Так, К. Ренбоу и Г. Стенли (Renbow, Stenley, 1980) выявили, что маскулинизированные женщины лучше справлялись с тестами на математические способности. Правда, различие в математических способностях мужчин и женщин авторы объясняют той половой ролью, которую выполняют те и другие. Но разве маскулинность женщин не может определяться генетически запрограммированным повышенным содержанием андрогинов?

23.2. Маскулинность — фемининность и выбор вида профессиональной деятельности

При рассмотрении вопроса о занятости женщин в той или иной профессиональной сфере нужно учитывать и тот факт, что *в зависимости от выраженности маскулинности — фемининности они могут иметь склонности к разным профессиям.* Так, согласно исследованиям Л. Терман и К. Майлз, упоминавшихся выше, выбор той или иной профессии мужчинами и женщинами связан с выраженностью у них маскулинности или фемининности (рис. 23.2).

Это же было выявлено и в исследовании Е. Таслер (2001) с участием эмигрировавших в Германию женщин. Так, женщины с выраженной маскулинностью были склонны к выбору профессий типа «вызов», т. е. связанных с конкуренцией, борьбой (в частности, предпринимательство); женщины с выраженной фемининностью выбирали профессии типа «служение», т. е. традиционно считающиеся женскими.

Отсюда количество маскулинных, фемининных и андрогинных лиц может значительно варьировать в разных выборках в связи со спецификой последних. Так, по данным Е. Таслер, среди женщин, характеризующихся стремлением к конкуренции, борьбе, преодолению препятствий, соотношение гендерных типов было следующим: фемининных — 43%, маскулинных — 30%, андрогинных — 27% (всего обследовано 60 женщин по методике С. Бем). По данным Е. Поляковой (2003) и Д. А. Вылегжанина (2007), среди женщин-менеджеров преобладают лица андрогинного типа.

С. В. Афиногеновой (2007) выявлялись склонности к тому или иному типу профессий в связи с психологическим полом юношей и девушек. Эти данные представлены в табл. 23.9.

Таблица 23.9. Выраженность склонности к тому или иному типу профессий у юношей и девушек разного психологического пола (баллы)

Типы профессий	Маскулинные		Андрогинные		Фемининные	
	Юноши (n = 188)	Девушки (n = 75)	Юноши (n = 89)	Девушки (n = 97)	Юноши (n = 41)	Девушки (n = 108)
Человек — природа	2,27	3,32	2,45	3,37	2,56	3,49
Человек — техника	5,14	3,53	5,25	2,99	4,90	2,86
Человек — человек	4,80	5,20	4,92	5,14	5,12	5,28
Человек — знак	3,88	3,20	3,69	3,56	3,27	3,40
Человек — художественный образ	3,90	4,80	3,70	4,95	4,15	4,94

Как следует из представленных в этой таблице данных, выявляются следующие тенденции: чем больше выражена маскулинность у юношей и девушек, тем больше отдается предпочтение профессиям типа «человек — техника» (а у юношей — и профессиям типа «человек — знак»); чем больше выражена фемининность, тем больше юноши и девушки предпочитают профессии типа «человек —

Рис. 23.2. Средние показатели индекса маскулинности – фемининности (M–F) для мужчин и женщин разных профессий. Положительный конец шкалы показывает более маскулинные оценки, отрицательный – болве фемининные оценки

природа», «человек — человек» и «человек — художественный образ». Андрогинные по своему выбору занимают чаще всего промежуточное место.

Во второй серии исследования С. В. Афиногенова изучала уже состоявшееся профессиональное самоопределение у студентов педагогического вуза в связи с выраженностью у них биологического и психологического пола. Были обследованы на принадлежность к тому или иному психологическому полу девушки и юноши в возрасте 16–22 лет различных факультетов (математики, психологии, управления, технологии и предпринимательства, социальных наук, дошкольного образования и физики). Всего было обследовано 500 человек, из них 168 юношей и 332 девушки. Выявление маскулинности — фемининности проводилось с помощью шкалы «M–F» Фрайбурского личностного опросника.

Больше всего маскулинных юношей найдено на психолого-педагогическом факультете (возможно, это случайно, поскольку количество юношей слишком мало), на факультетах управления и технологии и предпринимательства (табл. 23.10).

Таблица 23.10. Количество маскулинных, фемининных и андрогинных лиц среди студентов различных факультетов (процент)

Факультеты	Юноши			Девушки		
	Маскулинные	Андрогинные	Фемининные	Маскулинные	Андрогинные	Фемининные
Математики	46,1	30,7	23,07	19,5	19,5	60,8
Социальных наук	40,0	37,5	22,5	20,0	37,1	42,8
Физики	45,7	37,1	17,1	17,2	34,4	48,2
Дошкольного образования	25,0	37,5	37,5	12,0	21,3	66,6
Технологии и предпринимательства	52,6	28,9	18,4	5,5	30,5	63,8
Психолого-педагогический	77,7	11,1	11,1	22,7	31,8	45,4
Управления	52,0	40,0	8,0	20,0	31,1	48,8

Наибольшее количество фемининных юношей оказалось на факультете дошкольного образования, затем на факультетах математики и социальных наук. Маскулинных девушек меньше всего на факультетах технологии и предпринимательства и дошкольного образования. На остальных факультетах количество маскулинных девушек примерно одинаковое (около 20%). Наибольшее число фемининных лиц обнаружено на факультетах математики, дошкольного образования и технологии и предпринимательства. В целом можно отметить, что среди юношей педагогического вуза имеется довольно высокий процент фемининных (19,6%), а среди девушек — меньший процент маскулинных (16,7%) по сравнению с теми данными, которые приводятся в литературе.

Из приведенных данных можно заключить, что такие гуманитарные профессии, как воспитатели дошкольных учреждений, психологи и социальные работники, в основном выбираются девушками; физику, философию, социологию, технологию и предпринимательство чаще выбирают юноши. Психологический пол,

судя по данным табл. 23.10, оказывает меньшее, чем ожидалось, влияние на выбор профессии. Возможно, это связано с тем, что данные профессии не предъявляют экстремальных требований к личностным и половым особенностям. В связи с этим значительный интерес представляет изучение влияния психологического пола на выбор для занятий видов спорта, которые традиционно делятся на «мужские» и «женские».

23.3. Психологический пол и выбор видов спорта девушками

Ка уже было отмечено, в настоящее время многие девушки и женщины увлекаются видами спорта, которые традиционно считаются мужскими. В связи с этим С. В. Афиногенова задалась целью сравнить выраженность психологических половых типов у спортсменок, занимающихся «мужскими» и «женскими» видами спорта. Среди спортсменок, занимающихся «женскими» видами спорта, превалировали фемининные (табл. 23.11), маскулинных было меньше — 15%, андрогинных было чуть больше одной трети. Иным оказалось распределение этих типов среди спортсменок, занимающихся «мужскими» видами спорта: лица с различным психологическим полом распределись примерно одинаково, при этом маскулинных стало больше в 2 раза, соответственно фемининных стало меньше. Таким образом, очевиден сдвиг в сторону маскулинности у спортсменок, занимающихся «мужскими» видами спорта.

Таблица 23.11. Выраженность психологического пола у лиц, занимающихся «мужскими» и «женскими» видами спорта (процент случаев)

Психологический пол	Женские виды спорта	Мужские виды спорта
Маскулинный	14,6	34,0
Андрогинный	34,2	34,0
Фемининный	51,2	32,0

Возникает вопрос: большее количество маскулинных среди девушек, занимающихся «мужскими» видами спорта, является следствием естественного отбора или результатом занятиями этими видами спорта? Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, С. В. Афиногенова сравнила выраженность маскулинности, андрогинности и фемининности у девушек различного возраста, а следовательно и различного стажа занятий этими видами спорта.

Возрастание числа маскулинных с возрастом (и стажем) среди девушек, которые занимаются «женскими» видами спорта, и относительно стабильное число маскулинных, андрогинных и фемининных среди занимающихся «мужскими» видами спорта скорее говорит в пользу возрастных изменений, а не изменений, связанных со спецификой вида спорта. Однако нельзя исключить и влияние естественного отбора, в результате которого в спорте с его состязательностью и агрессивностью с увеличением стажа занятий остается больше лиц маскулинного типа.

Таким образом, больше данных за то, что количество маскулинных, андрогинных и фемининных в разных видах спорта определяется не влиянием этих видов спорта, а склонностью лиц с различным психологическим полом выбирать «мужской» или «женский» вид спорта.

23.4. Психологический пол и лидерство

В. Г. Горчакова (2000), использовавшая модифицированную проективную методику ТАТ, выявила, что количественное соотношение психологического пола у женщин — руководительниц было следующим: 42% — фемининный, 38% — маскулинный и 20% — амбивалетный типы. Почти такое же соотношение было выявлено при самооценках: соответственно 43, 33 и 24%.

Т. В. Бендас (2000) выявила две разновидности лидерства — маскулинное и фемининное. Маскулинная модель подчиняется принципу долженствования: те, кто ей следует (это, как правило, маскулинные мужчины, но могут быть и женщины с аналогичными чертами), считают своим долгом бороться за лидерство. В присутствии женщин конкуренция мужчин за лидерство обостряется, так как статус лидера повышает его сексуальную привлекательность. Женщины-лидеры, демонстрирующие такую модель поведения, подражают мужскому лидерскому стилю — доминантному, ассертивному, агрессивному, но при этом их сексуальная привлекательность снижается.

Фемининная модель лидерства исходит из принципа комплементарности (дополнительности): фемининные женщины и мужчины занимают лидерскую позицию лишь в условиях вакуума лидерства, когда отсутствует претендент, «пригодный» для лидерской роли (т. е. обладающий маскулинными чертами). При этом фемининные женщины опасаются, что выполнение ими этой роли уменьшит их сексуальную привлекательность или даже приведет к утрате ими женственности.

ГЛАВА 24

Природа психологических различий между мужчинами и женщинами

24.1. Извечный спор: биологическое или социальное?

От чего различия в способностях, мотивах, поведении мужчин и женщин зависят больше — от биологических или социальных факторов? Еще в начале XX в. В. М. Хвостов (1905, 1911, 1914), проанализировав суждения о социальной роли половых различий, пришел к выводу, что, с одной стороны, неверно абсолютизировать роль анатомо-физиологических различий мужчин и женщин и определять ими место и положение человека в обществе, а с другой стороны, столь же неверно отрицать роль этих различий и объяснять реальное неравенство мужчин и женщин лишь историческими условиями, предполагая, что с изменением последних исчезнет и проблема полового неравенства. Хвостов считал, что истина находится посредине: основной причиной выполняемых мужчинами и женщинами ролей выступают духовные и психические различия мужчин и женщин, вырастающие в общественных условиях на основе природных анатомо-физиологических различий.

Между тем в последние десятилетия в связи с развитием феминизма все больший приоритет отдается социально-историческим условиям в формировании половых различий.

По этому поводу Бабетт Франсиз (2003) пишет: «В течение десятилетия либеральный феминизм сменился на более радикальный “гендерный феминизм”, который, опираясь на марксистскую идеологию, требовал упразднения не только экономических классов, но полов как классов, т. е. требовал упразднения разделения на мужчин и женщин. Отсюда и возникла подмена слова “пол” на “гендер”... Согласно [гендерным исследованиям], мужчина / женщина, маскулинность / фемининность — это не более чем культурные конструкты, а убежденность людей в том, что гетеросексуальность — “естественная” форма проявления полового инстинкта, — еще один пример социального конструирования “биологического”» (с. 35–36). И далее: «Меня продолжает беспокоить убеждение феминистов в том, что человеческая природа — податливый материал и что социум может лепить из детей все что угодно. Я сама мать четверых девочек и четверых мальчиков и по своему опыту знаю, что девочки и мальчики различаются и вряд ли будут играть в политические корректные, несексистские игрушки. У нас в семье однажды чуть

не разразился кризис, когда мой сын оторвал голову кукле старшей сестры: он просто хотел посмотреть, как кукла сделана» (с. 37).[1]

Представителями феминизма ставятся под сомнение даже доказанные различия в возможностях мужчин и женщин. До недавнего времени, например, считалось твердо установленным, что различия мужчин и женщин по пространственному воображению, математическим способностям и вербальному интеллекту не зависят от факторов среды и воспитания, однако с 1980-х гг. появились работы, в которых утверждается, что даже по этим параметрам биологически предопределенных различий не наблюдается (Hyde J., Jinn M., 1988; Jinn M., Peterson A., 1985, и др.). Проанализировав 1600 исследований, проведенных за 7 лет в отношении выявления психологических половых различий, Е. Маккоби и К. Джеклин (Maccoby, Jacklin, 1974) пришли к выводу, что в большинстве психических функций нет врожденных различий между мужчинами и женщинами, те же различия, которые имеются у маленьких детей, недостаточны, чтобы обосновать неравенство половых социальных ролей.

По этому поводу И. Эйбл-Эйбесфельдт (1982) пишет: «Отрицать наличие врожденных различий между мужчиной и женщиной очень модно, это отвечает стремлению человека освободиться от всех ограничений, избавиться от своего биологического наследия. Но свобода не достигается путем игнорирования истины» (с. 11).

Д. В. Колесов и Н. Б. Сельверова (1978) также пишут: «Некоторые авторы утверждают, что половых различий в склонностях, интересах, поведении мужчин и женщин нет, или же, в той мере, в какой они все же допускают возможность существования различий, последние считаются результатом неодинакового воспитания (Врохно К., 1969). Однако это неверно по существу и к тому же нелогично, так как тогда пришлось бы признать, что принятые различия в характере воспитания мальчиков и девочек не имеют под собой реального обоснования и взялись как бы сами по себе. Различия в поведении мальчиков и девочек доступны внимательному наблюдению уже в первые дни после рождения. В дальнейшем они становятся все более яркими и отчетливыми; постепенно выявляются различия в склонностях, объекте подражания и т. д. Отрицание всего этого можно объяснить недостаточной наблюдательностью, малым опытом, а порой и предубеждением» (с. 26).

Бабетт Френсиз приводит случай с мальчиком, у которого в младенчестве был поврежден пенис и который впоследствии воспитывался как девочка. Так Брюс превратился в Бренду. «Девочка» не показывала никаких признаков фемининности, наоборот, демонстрировала все признаки маскулинного поведения, включая грубые, подвижные и силовые игры, и стоя мочилась в туалете. У нее не получалось завязать дружбу с одноклассницами, она плохо училась и не отличалась примерным поведением. Несмотря на это, курировавший Бренду доктор Джон Мани доказывал в публикациях и выступлениях в 1950-х гг., что задуманный им эксперимент идет успешно. Это тут же было взято на вооружение феминистским движением, которое стало рассматривать данный случай как доказательство приоритета воспитания над биологией. «Кейт Миллет в своем безусловно феминистском произведении “Сексуальные политики” цитирует работы Дж. Мани в качестве научного подтверждения того, что различия между мужчинами и женщинами от-

[1] Мальчики тоже играют в куклы, но не так, как девочки. Если девочки ласкают кукол, заботятся о них, то мальчики используют их по-своему, заставляя их выполнять «мужские» функции.

ражают не биологические закономерности, а ожидания и предрассудки общества» (Франсиз Б., с. 41). В 11 лет Бренда стала раздаваться в плечах, у нее начали расти мускулы, ее шея и бицепсы укрупнились, а голос стал ломаться. Она противилась употреблению таблеток эстрогена, которые должны были увеличить ее грудь, и категорически не хотела идти на плановую операцию по дальнейшему формированию вагины. В дальнейшем Бренда настойчиво убеждала эндокринолога и психиатра, что не хочет быть девочкой. Наконец, было решено открыть Бренде правду о том, что она была мальчиком. Когда это произошло, она сказала: «Неожиданно я поняла, почему я страдала. Я не была какой-то извращенкой, я не была сумасшедшей». К 15 годам ребенок вернул свою первоначальную половую идентичность, были назначены инъекции тестостерона, проведены операции по удалению грудей и восстановлению пениса. В 1990 г. Дэвид (таково было его новое имя) женился.

Половыми (биологическими – *Е. И.*) различиями можно объяснить и то, что мальчики, пройдя период младенчества, становятся физически активнее и агрессивнее, чем девочки. По всему миру мальчики больше девочек склонны участвовать в жестких играх. Эта разница отчасти имеет отношение к половым гормонам – биологические факторы способны создавать поведенческие склонности (Collaer, Hines, 1995; Maccoby, 1980). Исследователи знают, что половые гормоны отражаются на выборе социальных ролей, поскольку наблюдения за молодыми крысами и обезьянами мужского и женского пола показывают те же самые различия в поведении, что обнаруживаются у людей (Meany и др., 1988). Животные мужского пола вступают в энергичные игры, в которых требуется большое количество активных движений. Животные женского пола выполняют действия, которые требуют точных движений.

Герриг Р., Зимбардо Ф., 2004, с. 551.

Как отмечает И. С. Клецина (1998), существует два противоположных подхода, обосновывающих дифференциацию полов: половой диморфизм и половой символизм.

Согласно первому подходу, т. е. *полового диморфизма*, половая дифференциация — универсальный биологический процесс, который культура только оформляет и осмысливает с теми или иными вариациями. Этот подход, пишет И. С. Клецина, идет как бы снизу. «Его исходная точка — биологический половой диморфизм, который дополняется системой психических различий, проявляющихся в определенном наборе индивидуальных различий в психофизиологических реакциях, когнитивных процессах, мотивации, способностях и интересах мужчин и женщин» (с. 49).

С позиций второго подхода — *полового символизма* — гендерная дифференциация не тождественна половой дихотомии, связанной с половым диморфизмом, поскольку она связана с *конструированием* полов в течение жизни (Unger R., 1990).

Сторонники этого подхода Дж. Хемпсон и Д. Хемпсон (Hampson J. L., Hampson J. G., 1961) считают, что ориентация на половую роль мальчика или девочки не имеет врожденной основы, хотя, по наблюдениям, уже у 7–8-месячных младенцев и даже раньше имеется различная реактивность на мужчин и женщин (Колесов Д. В., Сельверова Н. Б., 1978). Приведу также данные Е. В. Кушненко с соавторами (1999): процент времени, проведенного новорожденными

в повороте головы к различным обонятельным стимулам матери, у девочек больше, чем у мальчиков (соответственно 56,14 и 51,29 секунды).

Нужно отметить, что большинство исследователей гендерной проблемы на Западе – женщины. Сами термины «гендерные отношения», «гендерные исследования» пришли к нам, как пишет Г. Г. Силасте (1992, 1994), из англо-американского феминизма.

В. С. Агеев отмечает, что в зарубежных работах, посвященных полоролевым стереотипам, почти не рассматриваются половые различия, обусловленные половым диморфизмом, биологической целесообразностью специализации полов в процессе репродуктивной деятельности. Речь постоянно идет о *воспринимаемых*, а не о действительных различиях между полами. При этом в основном рассматривается положение только женщин через призму социопсихологических и социокультурных особенностей пола. В англосаксонских странах понятия «феминистские исследования», «гендерные исследования» и «исследования по проблемам женщин» часто считаются синонимами.

Как бы плохо мужчина ни думал о женщинах, любая женщина думает о мужчинах еще хуже.
Н. де Шамфор

Вообще, читая эти работы, создается впечатление, что их авторы искусственно разжигают «холодную войну» между мужской и женской половиной общества (чего, например, стоит такое выражение в одной из статей (Истягина-Елисеева Е. А., 2000, с. 11): «женское *освободительное* движение» или название одной из женских общественных организаций в США: «Национальная женская лига спасения»). С одной стороны, якобы все женщины в обиде на мужчин за то, что их не допускают в сферы деятельности, считающиеся мужскими, или за то, что они вынуждены приспосабливаться к миру, построенному для себя мужчинами. С другой стороны, авторы-женщины почему-то усиленно насаждают в сознание общества мысль, что мужчины завистливо обижаются на женщин, потому что лишены функции материнства, и даже успехи мужчин во многих областях общественной жизни не могут полностью возместить им то, чем они не одарены от природы (Хорни К., 1993, с. 83). Можно подумать, что беднягам-мужчинам больше не о чем думать, как только о желании стать матерью.

С этим в какой-то степени соглашается Элизабет Барш (1994), которая пишет: «Быть женщиной – это привилегия с особой и очень важной ответственностью» (с. 578).

«Вы меня извините, но у вас родилась девочка» – ответ дежурной медсестры в роддоме на вопрос отца новорожденного ребенка (сценка из х/ф «Повесть о молодоженах» (Россия))

Противоположная позиция была высказана в начале XX в. О. Вейнингером (1991), который исходил из внутренней и внешней антагонистичности мужчин и женщин и определенной неполноценности последних. Он полагал, что половая функция типичного мужчины по отношению к типичной женщине – это превращать бессознательное в сознательное. В абсолютной женщине, считал О. Вейнингер, нет своего Я, души, индивидуальности, она не является личностью. Женщина

«как целое, есть отрицание всякого смысла, она бессмысленна» (с. 161). Абсолютный же мужчина — «это идеальный образ Бога, абсолютное “нечто”... Женщина же всегда символ полного “ничто”» (с. 188). Однако и он признавал, что только взятые вместе, мужчина и женщина представляют полного человека и что «женщина никогда не бывает так глупа, как порою мужчина» (с. 243).

Вообще, как писали Ф. Пробст и Г. Майзель-Гесс (1909), «ненависть одного пола к другому и склонность к низкой оценке его всегда была признаком упадка и вырождения индивидуума, если этим свойством отличается он, и целых народов, если это явление получает массовое распространение» (с. 130).

Помните о наших различиях

Женщины и мужчины не ладят друг с другом, совершенно не осознавая, что различия между ними предполагаются изначально. Обычно мы злимся или обижаемся на представителей противоположного пола, забывая об этом весьма важном моменте. Мы ожидаем, что те окажутся такими же, как мы сами, и страстно желаем, чтобы они «хотели того же, что и мы» и «чувствовали так же, как и мы».

Ошибочно предполагать, что если родители любят нас, то они будут поступать и вести себя совершенно определенным образом – так, как поступаем и ведем себя мы, когда любим кого-нибудь. Благодаря подобной установке мы снова и снова разочаровываемся друг в друге, даже не помышляя о том, чтобы найти время и мирно обсудить наши различия.

Мужчины заблуждаются, считая, что женщины должны думать, общаться и реагировать так же, как сами мужчины; женщины ошибочно считают, что мужчины должны чувствовать, общаться и реагировать так же, как это делают женщины. Мы забыли о том, что мужчины и женщины изначально разные. И в результате наши отношения наполняются ненужными трениями и конфликтами.

Ясное осознание и уважение этих различий значительно облегчает общение с представителями противоположного пола. Если помнить о том, что мужчины – с Марса, а женщины – с Венеры, то все становится легко объяснимым.

Грей Дж., 2001, с. 478.

Как и в отношении любых различий между мужчинами и женщинами, в отношении различий по познавательным способностям тоже имеются два подхода. Согласно первому, эти различия — результат воспитания или деятельности людей обоего пола, т. е. социальной среды. При втором подходе отстаивается генетическая природа этих различий.

24.2. Влияние социальных факторов на психологические различия мужчин и женщин

Не приходится сомневаться, что многие поведенческие характеристики, присущие мужчинам и женщинам, обусловлены влиянием родительского воспитания, давлением социума (существующими в обществе нормами поведения мужчин и женщин, транслируемыми средствами массовой информации и пр.). Об этом уже

много говорилось при рассмотрении вопроса о механизмах гендерной идентификации. Гораздо сложнее решить вопрос, насколько велико влияние социума на различия в проявлении мужчинами и женщинами своих способностей.

Объяснения с социальных позиций различий в уровне интеллекта. М. Н. Лапинский (1915) писал, что «едва ли есть что-нибудь на свете, чего женский ум не может одолеть и понять наравне с мужским. Нужно для этого только одно: предмет должен заинтересовать женщину» (с. 82). Человек, задумавшийся над таким несоответствием между развитием интеллекта у женщины и ее общественно значимыми достижениями, может выдвинуть четыре его причины: 1) либо мужчины *генетически талантливее* женщин в отношении *творчества*; 2) либо социальные условия благоприятны для *развития* способностей мужчин; 3) либо женщинам общество не дает возможности *проявить* имеющийся талант (делая, например, недоступными для них освоение некоторых профессий); 4) либо они сами *не хотят его проявлять*, а направляют свои способности в другое русло. В пользу двух последних предположений могут свидетельствовать факты, выявленные в одном исследовании: две трети женщин с высоким коэффициентом интеллекта (170 и выше) были домохозяйками или служащими офиса, число же женщин, имевших одинаковый интеллект с мужчинами и занимавшихся преподаванием в университете или наукой, было небольшим (Terman L., Oden M., 1947).

Возникновению бытующего мнения о более высоком интеллекте мужчин, по мнению А. Анастази (2001), могло способствовать то обстоятельство, что девочки созревают в половом отношении раньше мальчиков и поэтому стремятся к общению с более старшими из них. Это различие в возрасте сохраняется и в последующие годы, в том числе и тогда, когда девушка выходит замуж. Муж и большинство его друзей того же возраста естественно имеют превосходство перед девушкой в образовании и жизненном опыте. На этом фоне девушки кажутся менее мудрыми, осведомленными, и это может быть истолковано как гендерное различие в уровне интеллекта.

Объяснения различий в пространственных способностях. Поскольку преобладание мальчиков в способности к абстрактной манипуляции начинает обнаруживаться к 11 годам, некоторые авторы полагают, что эти различия обусловливаются игровой деятельностью, в частности тем, что мальчики играют в машинки, футбол и т. п. Кроме того, по данным Р. Хилтон (Hilton, 1985), различия между мужчинами и женщинами в успешности выполнения тестов на пространственные отношения уменьшаются.

Объяснения различий в математических способностях. Д. Кенрик пытается объяснить половые различия в математических способностях тем, что у лиц мужского пола, вследствие повышенного уровня тестостерона, больше выражен дух соревновательности, и, таким образом, различия в математической *успеваемости*, согласно мнению этого автора, являются вторичным феноменом. Ссылка Д. Кенрика на большую соревновательность мужчин представляется несостоятельной: тогда мужчины должны были бы иметь превосходство по всем способностям, чего в действительности не наблюдается.

Другие авторы видят причины худшей успеваемости по математике женщин по сравнению с мужчинами либо в том, что им недостает уверенности в своих математических способностях, вследствие чего они не рассчитывают на успехи в этой об-

ласти знаний, либо в том, что родители и учителя редко поощряют девочек в изучении математики, либо в том, что девочки считают математические достижения неподходящими для своей гендерной роли («математика – не женская наука»).

Джекилин Экклз и коллеги (Eccles et al., 1990) провели серию исследований, направленных на прояснение демонстрируемой девочками тенденции держаться в стороне от изучения математики и естественных наук, выключаясь впоследствии из профессиональных сфер, связанных с вышеупомянутыми предметами. Ученые обнаружили, что родительские ожидания половых различий в математических способностях действительно становятся самореализующимися пророчествами. Фабула действия примерно такова:

1. Родители, подверженные в своей массе влиянию половых стереотипов, ожидают от сыновей больших успехов в математике, чем от дочерей. Еще до того, как дети получают какое-либо формальное математическое обучение, матери в США, Японии и на Тайване выражают убежденность в том, что мальчики обладают лучшими, чем девочки, математическими способностями (Lummis, Stevenson, 1990).
2. Математические успехи сыновей родители приписывают способностям, а дочерей – тяжелой работе (Parsons, Adler, Kaczala, 1982). Подобные объяснения подкрепляют убежденность в том, что девочки испытывают недостаток в математических способностях и могут достичь успеха только путем неимоверных усилий.
3. Дети начинают интернализацию взглядов своих родителей. Мальчики чувствуют себя более уверенно, в то время как девочки становятся тревожными и депрессиаными и недооценивают свои способности в математике и других точных науках (Jacob, Eccles, 1992).
4. Придя к выводу, что они не обладают способностью к математике, девочки перестают серьезно ею интересоваться и не выбирают для себя связанные с ней профессии (Benbou, Arjimand, 1990; U.S. Bureau of the Census, 1997).

Таким образом, родители, ожидающие, что их дочери встретятся с проблемами на математическом поприще, могут получить ожидаемое. Проведя одно из своих исследований, Экклз и коллеги исключили возможность того, что родители (и сами девочки) ожидают от девочек меньшего вследствие того, что девочки действительно хуже мальчиков справляются с математическими заданиями. Негативные воздействия низких родительских ожиданий на самовосприятие девочек очевидны, даже когда мальчики и девочки одинаково хорошо справляются с тестом на математические способности и получают одинаковые оценки по математике (Eccls et al., 1990). А более низкие ожидания успехов в математике, развивающиеся у девочек, несомненно, помогают объяснить, почему меньшее количество девочек (в отличие от мальчиков) стремятся к «реваншу» в математике, случись им запустить учебу (Kowalevsky-Jones, Duncan, 1999).

...Учителя тоже часто используют стереотипные убеждения относительно сравнительных способностей мальчиков и девочек по отдельным предметам. Учителя математики в VII классе, например, полагают, что мальчики обладают большими способностями к математике, хотя девочки больше стараются (Jussim, Eccles, 1992). И несмотря на то что эти учителя часто вознаграждают более напряженные усилия девочек, ставя им такие же, как мальчикам, оценки (или даже выше), данное сообщение, подразумевающее, что девочки должны сильнее стараться для достижения успеха в математике, может убедить многих из них в том, что выгоднее направить свои способности в другие, не связанные с цифрами сферы, к которым они, девочки, лучше приспособлены (например, музыку или английский).

...Те девочки, чьи родители придерживаются нетрадиционных гендерно-ролевых установок, не демонстрируют ухудшения в изучении математических и естественных наук (Updegraff, McHalle, Crouter, 1996).

Шэффер Д., 2003, с. 681–682.

В эксперименте американских психологов одной группе учащихся мужского и женского пола сообщали, что предлагаемый им математический тест ранее выявлял различия между полами (в пользу мужчин), а в другой группе этого не говорили. В последнем случае различия между полами были минимальными (в пользу мужчин), а в первом случае у женщин эффективность выполнения теста значительно снизилась, а у мужчин — возросла (Герриг Р., Зимбардо Ф., 2004, с. 481) (рис. 24.1).

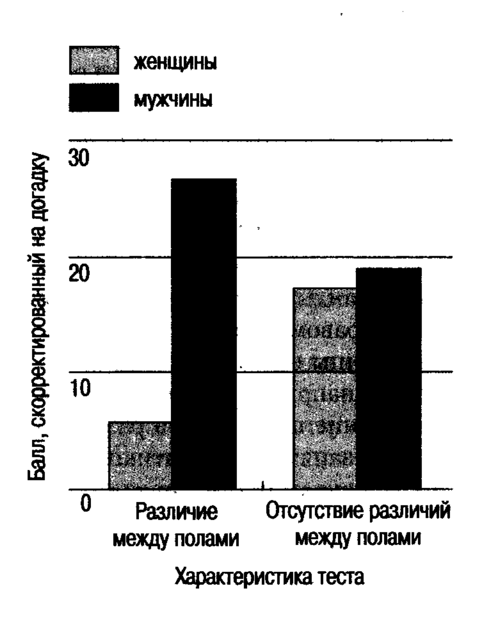

Рис. 24.1. Влияние соответствия половому стереотипу на эффективность решения математических задач

Несмотря на то что получен ряд фактов, которые могут трактоваться в пользу выдвинутых причин, однозначное их толкование вряд ли возможно. Так, Экклз (Eccles, 1989) выявила, что уверенность женщин в своих математических способностях снижается начиная с VII класса и включая период обучения в вузе. Но разве нельзя рассматривать это снижение как следствие все возрастающей трудности программ по математике и потому — снижения продуктивности учебной деятельности женщин, гипотетически имеющих средний уровень математических способностей? Конечно, и уверенность в своих силах, и поддержка со стороны родителей и учителей важны для успешного обучения, поскольку они усиливают мотив учения, но эти факторы должны рассматриваться наряду с другими, а не являться единственно объясняющими различия между мужчинами и женщинами. Кроме того, по данным Д. Хайда с соавторами (Hyde et al, 1990), имеются лишь небольшие различия в уверенности школьников разного пола в своих математических способностях, которые, правда, в вузе увеличиваются. По данным этих авторов, среди студентов юноши с большей уверенностью считают математику мужским занятием, чем девушки. Тот же факт, что девушки реже изъявляют желание посещать факультативные занятия по математике, менее охотно записываются на курсы с углубленным ее изучением, может объясняться не только тем, что математика не соответствует роли женщины, но и опять-

таки связью с меньшими способностями, которые, как известно, проявляются в склонности к соответствующим им занятиям. Если математические способности невысокие, то и склонность к математике может отсутствовать. Во всяком случае, на математических факультетах педагогических вузов нашей страны в большинстве учатся девушки, и их, очевидно, нисколько не смущает, что преподавание математики — «мужское» дело. Правда, в США фактор гендерной роли в выборе профессии математика оказывает большое влияние. Так, девочки, успешно прошедшие курсы математики, в 3 раза реже, чем мальчики, желают работать в этой области. Из математически одаренных школьников девочки в 2 раза реже выбирают профессию математика.

Выдвигается также точка зрения, что в странах, продвинувшихся в отношении выравнивания социального статуса мужчин и женщин, разница в математических способностях тех и других значительно меньше, чем в странах с сильным гендерным расслоением (Baker, Perkin-Jones, 1993). Однако лучшая успеваемость мужчин в решении стандартного математического теста в таких «эмансипированных» странах, как Франция и Нидерланды, и отсутствие различий в Японии и Нигерии не могут свидетельствовать о правомерности этого предположения.

Конечно, гендерные стереотипы в сознании родителей и учителей о роли математики в выборе профессии (например, инженера) мужчиной и женщиной существуют и влияют на отношение школьников разного пола к изучению этого предмета (больше поощряются занятия математикой мальчиков и меньше — девочек). Но опять-таки речь должна идти о мотивации и связанной с ней успеваемости по этому предмету, а не о математических способностях. В том же случае, если у ребенка обнаруживаются экстраординарные математические способности, то родители в равной степени поощряют математические достижения мальчиков и девочек (Raymond, Benbow, 1986).

Объяснения различий в речевых способностях. М. О'Брайен, К. Нейгл объясняют лучшие вербальные способности девочек тем, что они играют в куклы, а мальчики в другие игры, поэтому у первых больше возможностей осваивать язык и практиковаться в нем. Авторы предполагают, что эти различия обусловлены более ранним физическим созреванием девочек. Однако возможно и другое объяснение: известно, что матери чаще говорят с дочерьми, чем с сыновьями, чаще поют девочкам колыбельные (VcCarthy D.,1953; Lewis M., 1972). Наконец, некоторые авторы полагают, что чаще проявляемое мальчиками в разговоре и чтении структурное несоответствие стандартам приводит к большей фрустрации и замешательству в разговорных ситуациях, чем девочек. Это может оказаться важным фактором в замедлении нормального развития вербальных функций у мальчиков (VcCarthy D., Schnell H.).

24.3. Генетическая обусловленность психологических различий мужчин и женщин

В отношении генетической обусловленности различий мужчин и женщин по ряду познавательных способностей интерес представляют исследования о влиянии *гормонального фона* на успешность решения задач.

Д. Кимура (1992) описывает опыты Р. Вулфорда, который давал задания на пространственное мышление женщинам до родов и после них, в расчете, что именно в эти периоды наблюдается максимальное колебание уровня гормонов. Когда у женщин снижался уровень женского полового гормона эстрогена в крови, выполнение пространственных тестов значительно улучшалось. С другой стороны, Д. Кимура приводит данные В. Шут (1983), согласно которым высокий уровень в крови мужского гормона тестостерона положительно коррелирует с успешностью выполнения женщинами задач на пространственное мышление (напомню, что оно лучше развито у мужчин). При этом Д. Кимура (2002) привела данные, согласно которым сезонные колебания тестостерона у мужчин отражаются на их ориентировании в пространстве: оно лучше проявляется весной, когда уровень тестостерона ниже. А. Эрхард и Дж. Манн утверждают, что девочки с повышенным содержанием мужских гормонов обладают рядом интеллектуальных преимуществ перед обычными девочками того же возраста.

Кроме того, показано, что при введении пожилым мужчинам тестостерона у них улучшилось решение визуально-пространственных задач (Janowski, Oviatt, Orwoll, 1994).

Известно также, что при опасности в крови мужчин повышается содержание тестостерона, что приводит к агрессивному поведению.

Казалось бы, эти факты прямо свидетельствуют о генетической обусловленности этой способности и объясняют ее лучшее проявление у мужчин. Однако именно у мужчин такой зависимости между уровнем в крови тестостерона и выраженностью пространственных способностей и не выявлено. Наоборот, была выявлена обратная зависимость, т. е. чем меньше в крови тестостерона, тем выше уровень этих способностей (Gouchie, Kimura, 1991; Shute et al, 1983). Больше того, мужчины с низким уровнем этого гормона лучше справляются с решением математических задач. У женщин такой зависимости не выявлено (рис. 24.2)

В связи с этими противоречиями рядом авторов выдвинута концепция оптимума гормонального фона (Kimura, 1987). В отношении успешности решения пространственных задач она схематически выглядит так (рис. 24.3).

По данным М. Хайнс и К. Шиплея (Hynes, Shipley, 1984), женщины, которые подвергались воздействию искусственно синтезированного экстрагена (DES), не обнаружили отличий в вербальных и пространственных способностях от своих сестер, не подвергавшихся такому воздействию. Правда, выборка тех и других женщин была маленькой.

Имеются данные, согласно которым и мальчики и девочки, позже вступающие в пубертатный период, опережают рано созревающих сверстников своего пола в выполнении задач на зрительно-пространственные способности. Это объясняют тем, что замедленное созревание способствует повышенной активности правого полушария головного мозга, отвечающего за функции ориентации в пространстве (Newcombe, Dubas, 1987). Однако по другим данным, пространственная ориентировка в большей степени зависит от приобретаемого в процессе манипулирования с игрушками опыта и с представлением о себе как о маскулинном субъекте (Newcombe, Dubas, 1992; Signorella et al., 1989).

Р. Стэнфорд (1961) утверждает, что способности к пространственному воображению передаются от матери к сыну и от отца к дочери, но не от отца к сыну.

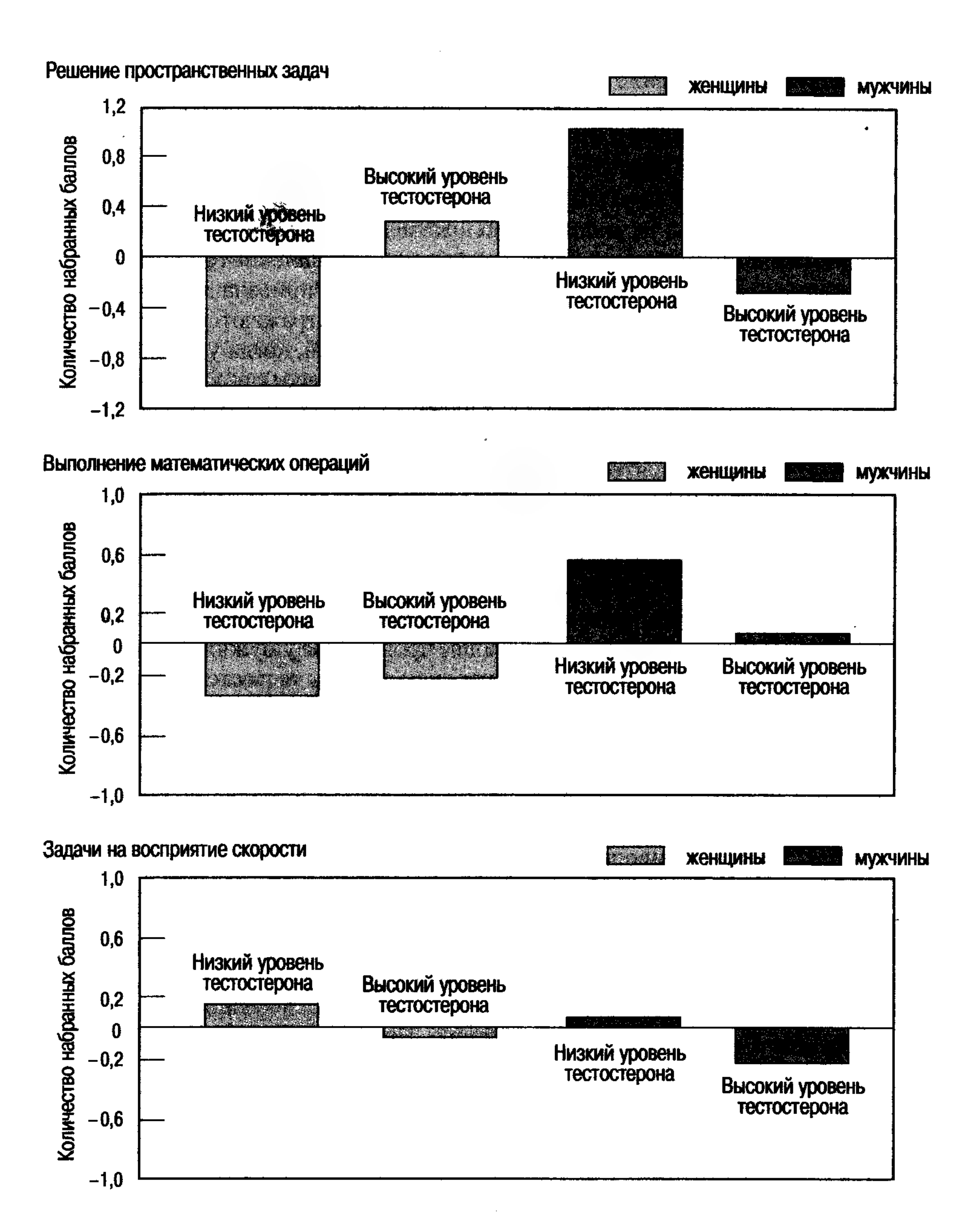

Рис. 24.2. Влияние содержания тестостерона на качество выполнения тестовых заданий

Это дало ему основание предполагать существование генетического механизма наследования пространственных способностей. В эти представления внесли уточнения Д. Гудинаф с коллегами. Они обнаружили, что показатели, объединенные под одним названием пространственных способностей, существенно различаются по

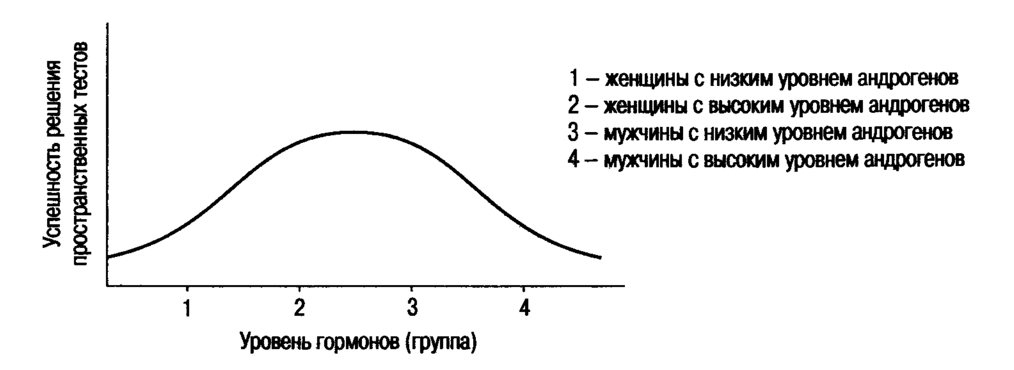

Рис. 24.3. Связь успешности решения пространственных задач с уровнем андрогинов

механизму наследования. Кроме того, случаи генетической и гормональной патологии (синдром Шеревского—Тернера, ХО-синдром, мужской псевдогермафродитизм) не подтверждают гипотезу Р. Стэнфорда (Виноградова Т. В., Семенов В. В., 1993).

Мозговая патология дает основания говорить о половых различиях в локализации центров, управляющих пространственным мышлением. Так, у женщин имеется передняя локализация центров, связанных с выбором действий, а у мужчин — задняя. Поэтому с тестом «Кубики Косса» мужчины хуже справляются при повреждении задних отделов мозга, а женщины — передних отделов мозга.

Ученые из университета Айовы (США) объясняют лучшие пространственные способности мужчин по сравнению с женщинами различиями в строении коры головного мозга. Магнитно-резонансная томография показала, что у мужчин площадь теменной области, отвечающей за пространственное мышление, на 10% больше, чем у женщин.

Агрессивность и гормоны. Выше уже говорилось, что физическая агрессия выражена больше у мужчин, чем у женщин. Различия между мужчинами и женщинами в использовании прямой физической агрессии объясняют разным уровнем тестостерона у тех и других, поскольку существует связь агрессивного поведения с высокой концентрацией этого мужского полового гормона, в том числе и в опытах на животных. Влияние прогестина на уровень агрессии показано, например, в исследовании Райниша (Reinisch, цит. по: Л. Берковиц, 2001) (рис. 24.4). В исследовании Поуп с соавторами (Pope et al., 2000) выявлено, что у мужчин, занимавшихся бодибилдингом и получавших тестостерон, значительно усилилось агрессивное поведение, чего не наблюдалось у спортсменов, получавших плацебо. К этому можно добавить, что у мужчин, совершивших преступления, сопряженные с насилием, уровень тестостерона превышал норму (Dabbs et al., 1995).

Правда, в ряде работ (напр., Bjorkvist, 1994) связь агрессии с повышенным содержанием тестостерона отрицается. В работе О'Коннора с соавторами (O'Connor et al., 2002) не обнаружено влияния приема тестостерона на ауто- и гетероагрессию мужчин.

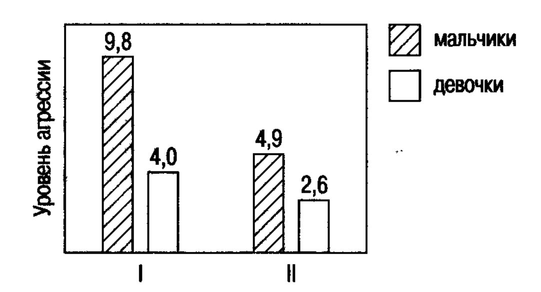

Рис. 24.4. Зависимость агрессии от использования гормона прогестина:
I – получавшие прогестин; II – не получавшие прогестин

24.4. Роль социальных и биологических факторов в формировании психологического пола

На гендерный (психологический) пол, как и на биологический, воздействуют различные средовые факторы. Средовое давление в сторону маскулинизации или феминизации воспринимается, как показано М. В. Гавриловой (2005), по-разному — в зависимости от психологического пола (табл. 24.1).

Таблица 24.1. Влияние различных факторов на полоролевую социализацию подростков, имеющих различные гендерные роли

Гендерный пол	Факторы			
	Сверстники	Семья	Школа	Телевидение
Маскулинные девочки	42	52	14	46
Андрогинные девочки	53	64	40	54
Фемининные девочки	62	75	46	78
Маскулинные мальчики	37	43	49	41
Андрогинные мальчики	34	53	28	40
Фемининные мальчики	28	35	25	38

Примечание: шкала оценки степени влияние средовых факторов — от 0 (маскулинное влияние) до 100 (фемининное влияние).

Мы видим из этих данных, что у девочек от маскулинности к фемининности влияние средовых факторов воспринимается как более фемининное. Это значит, что маскулинным девочкам давление средовых факторов кажется менее феминизирующим, чем фемининным девочкам. Фемининным же мальчикам давление средовых факторов кажется более маскулинизированным, чем маскулинным мальчикам.

Сравнение маскулинных мужчин и женщин, как и фемининных мужчин и женщин, дает основания говорить и о роли биологического фактора в выявляемых различиях.

Трудно, например, с гендерных (социальных) позиций объяснить появление маскулинных женщин при их воспитании в фемининном духе как представительниц

биологического женского рода и появление фемининных мужчин при противоположной направленности их воспитания. Зато имеющиеся данные в связи с аномальным развитием девочек, страдающих врожденной гиперплазией надпочечников и вследствие этого имеющих повышенное содержание андрогинов, подтверждают роль биологического фактора в маскулинизации женщин. Несмотря на то что они воспитывались как девочки, вели они себя как сорванцы, предпочитали играть с мальчиками и выбирали «мальчишечьи» игрушки и занятия (Berenbaum, Snyder, 1995; Hines, Kaurfman, 1994). В подростковом возрасте такие девочки по сравнению со своими сверстницами позже начинали ходить на свидания и полагали, что замужество следует отложить до достижения устойчивого положения в карьере. Они лучше справлялись, чем другие девочки и женщины, с задачами на пространственные способности (Kimure, 1992; Resnick et al., 1986).

Насколько тесно маскулинные и фемининнные представления о себе соотносятся с унаследованными нами генами? Результаты, полученные в ходе нескольких исследований, направленных на изучение связи генотипа и поведения и проведенных на выборке близнецов подросткового возраста, наводят на мысль о том, что генотип опосредует примерно 50% различий в маскулинных представлениях о себе, но только от 0 до 20% различий в фемининных представлениях о себе (Loehlin, 1992; Mitchell, Backer, Jacklin, 1989). Таким образом, несмотря на то что гены обусловливают наш биологический пол и могут обладать некоторым влиянием на результат половой типизации, выясняется, что по крайней мере половина маскулинных или фемининных представлений о себе определяется влияниями окружающей среды (социума).

Шэффер Д., 2003, с. 696–697.

Р. Адри (Udry, 2000) изучил 163 взрослых женщин, у чьих матерей во второй половине беременности были взяты анализы крови на содержание тестостерона. Он обнаружил корреляцию между уровнем гормонов матери и гендерным поведением дочери 27–30 лет спустя. Оказалось, что чем выше был уровень полового гормона SHBG, тем более фемининной оказывалась дочь. Адри спрашивал у дочерей, насколько частым было давление матерей на них с целью их феминизации или маскулинизации («просила носить украшения», «учила танцам», «планировала иметь детей» и т. п. или «защищать себя физически», «быть атлетичной», «иметь интерес к математике» и т. п.). Было выявлено, что высокий дородовый уровень андрогина у матерей может делать впоследствии дочерей менее отзывчивыми на усилия матерей социализировать их как фемининных. Таким образом, заключает Адри, биология влияет на гендерно-ролевую социализацию.

Едва ли можно считать, что фемининные мужчины сознательно хотят подражать женскому стилю поведения. Правда, для доказательства, что фемининность мужчин не является только следствием подражания женскому поведению, не хватает многих исследований. Например, чрезвычайно важно выяснить, имеется ли возрастающая динамика выраженности маскулинности и фемининности в процессе онтогенетического развития, а также сравнить выраженность этих признаков у мальчиков, воспитывающихся в семьях без отца, и девочек, воспитывающихся в семьях без матери. Однако и сейчас имеющиеся (пока немногочисленные) данные

по изменению в течении жизни пола указывают на важность биологического фактора, без отрицания при этом и роли социального фактора (воспитания).

Также и данные о наличии в норме в крови мужчин от 2 до 30% эстрогенов (женского полового гормона) и от 6 до 30% андрогинов (мужского полового гормона) в крови женщин (Money,1980) дают основание для вывода, что мужчины с большим количеством эстрогенов отличаются от мужчин с малым количеством такового, приближаясь по своим характеристикам к женщинам, так же как женщины, имеющие большое количество андрогинов, отличаются от тех, кто имеет малое количество этого гормона, приближаясь по своим характеристикам к мужчинам.

Влияние биологии на некоторые поведенческие характеристики мужчин и женщин можно видеть в наличии этих различий и у животных. Например, замечена большая агрессивность самцов, о чем говорят наблюдения животноводов, дрессировщиков, работников научных лабораторий, в которых изучается поведение животных.

Правда, у животных выявлены и такие формы поведения, которые противоречат гендерным стереотипам, сложившимся у людей. Например, у женских особей крыс робость проявляется в меньшей степени, чем у мужских особей, самки проявляли и большую активность (Anderson E., 1941). У некоторых видов обезьян любой пол может начать половую активность, предваряющую копуляции; признаков, указывающих на непременную инициативу самца, не обнаружено (Carpenter C., 1934). Противоречит ли это взгляду на зависимость различий в поведении мужских и женских особей от биологических факторов? Думаю, что нет. И у людей часто инициатором половой активности являются женщины, так что можно говорить о неправильном представлении по этому вопросу, сложившемуся у людей. Все зависит от выраженности половой потребности, в том числе и в данный момент. Что касается большей боязливости и меньшей активности особей женского пола, то однозначное решение этого вопроса тоже не очевидно. Многое зависит от ситуации, в которой эти особи оказываются, и от направленности их активности.

Помимо теоретических рассуждений и наблюдений за поведением животных можно привести и экспериментальные данные, показывающие, что маскулинность или фемининность находятся в сильной зависимости от концентрации в крови мужских половых гормонов. Например, С. Бегли и Д. Кари (Begley, Carey, 1979) показали связь агрессивности обезьян с мужскими половыми гормонами. Под регулятивным влиянием мужских половых гормонов находятся сопротивление контролю, драчливость, что показано в экспериментах с введением этого гормона или, напротив, удалением половых желез (Beach,1948).

Если ввести зародышу крысы тестостерон, то в дальнейшем поведение этой крысы приобретает все те черты, которые обычно присущи самцу. То же выявлено и при введении мужского полового гормона эмбриону макаки, хотя при наступлении половой зрелости репродуктивные функции остаются нормальными, присущими женской особи.

В ходе наблюдения за девочками, родившимися от женщин, которым в период беременности вводили тестостерон, было выявлено, что до половозрелости они предпочитали мальчишечьи игры и в поведении больше походили на мальчишек и лишь с достижением половой зрелости стали вести себя соответственно женскому полу.

Сказанное дает основание предполагать, что и различия в поведении мужчин и женщин обусловлены не только социальными влияниями, но и биологическими факторами.

Учет маскулинности, фемининности и андрогинности позволяет объяснить отмечаемый многими исследователями факт, что мужские и женские выборки во многом перекрывают друг друга даже там, где по среднегрупповым данным различия обнаруживаются. Это действительно так. В одном из моих исследований было подсчитано число лиц мужского и женского пола, которые принадлежат к смешанным типам (андрогинному, фемининному у мужчин и маскулинному у женщин). Оказалось, по данным одной выборки, что 66% женщин могут не отличаться от 25,4% мужчин, а по данным другой выборки, соотношение «смешанных» женщин и мужчин, т. е. могущих иметь сходство по психологическим и поведенческим характеристикам, составило 40 и 16,7%.

Становится очевидным, что простое сравнение мужских и женских групп является во многих случаях бесперспективным, так как на самом деле выявление половых различий должно основываться не столько на морфологических признаках (с учетом генетического пола), сколько с учетом гормонального пола, обусловливающего маскулинность, фемининность и андрогинность.

Дж. Стоккард и М. Джонсон (Stockard, Jonson, 1989) полагают, что врожденный (хромосомный и гормональный) пол лишь помогает определить потенциальное поведение человека, а главным является психологический (социальный, гендерный) пол, который усваивается прижизненно и на формирование которого большое влияние оказывают расовые, этнические, классовые вариации половых ролей и соответствующие им ожидания. Думается, что важен и тот и другой пол. Ведь есть же лица, у которых психологический пол выражен слабо (недифференцированный гендерный тип по С. Бем).

24.5. От биологического и психологического пола к фенотипическому

До сих пор продолжают появляться публикации, в которых доказывается, что обнаруживаемые гендерные (половые) различия классифицируются как низкие либо близкие к нулю (хочу обратить внимание, что их авторами являются женщины — например, Дженет Хайд [Hyde, 2005]).

Что же изменяется при учете психологического пола? Первое: обнаруживаются различия между людьми в пределах одного биологического пола — свойства личности оказываются неодинаково выражены у маскулинных, андрогинных и фемининных лиц. Второе: по сравнению с разделением по биологическому полу при делении по психологическому полу различия либо увеличиваются, либо уменьшаются. Рассмотрим данные нескольких исследований.

В диссертации Г. Рыбка сравнивалась выраженность различий по ряду изученных показателей между лицами мужского и женского пола, с одной стороны, и маскулинными лицами мужского пола и фемининными лицами женского пола — с другой (табл. 24.2).

Таблица 24.2. Половые различия выраженности мотивов с учетом биологического и психологического пола (баллы)

Изучавшиеся характеристики	Разница между лицами мужского и женского пола	Разница между маскулинными лицами мужского пола и фемининными лицами женского пола
Мотив достижения успеха	+20	+81
Мотив избегания неудачи	–72	–169
Учебный мотив достижения	–59	–76
Спортивный мотив достижения	+23	+160
Направленность на знания	–23	–57
Направленность на отметку	–49	–154
Успеваемость	–32	–99

Как видно из данных таблицы, при учете маскулинности и фемининности различия между лицами мужского и женского пола становятся значительно бо́льшими.

М. В. Гаврилова (2005) показала это на примере соотношения типов поведения старшеклассников при конфликте. При делении учащихся по биологическому полу различия были незначительными, при делении же по психологическому полу и сравнению маскулинных мальчиков с фемининными девочками различия увеличились по трем типам поведения (соперничество, сотрудничество и приспособление) (рис. 24.5).

Необходимость учета психологического пола при сравнении лиц мужского и женского пола отчетливо проявилась и в исследовании Н. В. Куприяновой (2006).

При выделении из всех обследованных подростков *маскулинных мальчиков* и *фемининных девочек* различия между ними стали бо́льшими по сравнению с различиями по биологическому полу. Эта касается экстраверсии, нейротизма; коммуникативных склонностей; организационных склонностей, сензитивности; тревожности; эмотивности; фактора В и фактора I по Кеттеллу (все показатели были выражены больше у фемининных девочек).

С другой стороны, при сравнении *фемининных мальчиков* с *маскулинными девочками* различия по многим свойствам личности уменьшились либо исчезли вовсе. Указанные зависимости показаны на схеме (рис. 24.6).

Если же при делении подростков по биологическому полу различий по свойствам личности не было, то при выделении в пределах каждого пола групп маскулинных, андрогинных и фемининных различия между мальчиками и девочками появлялись. В одном случае (когда показатели выше у маскулинных того и другого пола) маскулинные мальчики имеют большие показатели, чем фемининные девочки, а маскулинные девочки имеют большие показатели, чем фемининные мальчики (схема на рис. 24.7). Так, у маскулинных мальчиков по сравнению с фемининными девочками большая выраженность была по следующим показателям: интроверсия, спонтанность, агрессивность, ригидность, факторы E и F по Кеттеллу. В другом случае (когда большие величины показателей имеются у фемининных обоего пола) феминные девочки имеют большие показатели, чем маскулинные мальчики, а фемининные мальчики имеют большие показатели, чем

а

9
6
3
0

5,4 4,9
5,2 5,9
7,9 6,5
5,6 6,1
5,9 6,4

мальчики
девочки

б

9
6
3
0

6,8 3,6
4,8 6,0
7,8 6,4
5,5 5,6
5,1 7,9

маскулинные мальчики
феминннные девочки

Соперничество
Сотрудничество
Компромисс
Избегание
Приспособление

Рис. 24.5. Соотношение типов поведения в конфликте мальчиков и девочек:
а – при делении по биологическому полу; *б* – при делении по психологическому полу

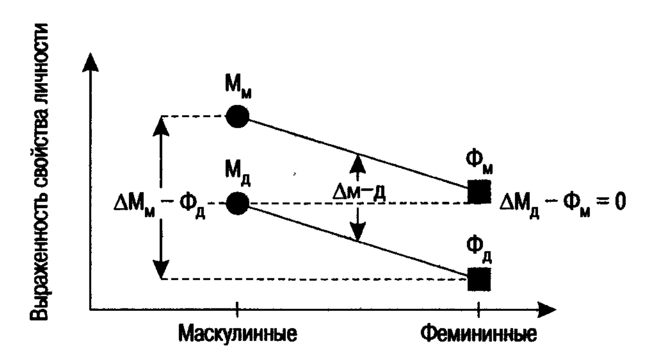

Рис. 24.6. Схема, показывающая соотношения между выраженностью свойств личности у маскулинных и феминннных при наличии биологических различий: Мм – маскулинные мальчики; Мд – маскулинные девочки; Фм – феминннные мальчики; Фд – феминннные девочки; ΔМм–Фд – разница между маскулинными мальчиками и феминннными девочками; ΔМд–Фм – разница между маскулинными девочками и феминннными мальчиками; Δм–д – разница между мальчиками и девочками без учета маскулинности – феминннности

маскулинные девочки. У фемининных девочек по сравнению с маскулинными мальчиками большими были показатели: беглость вербальная, беглость образная, экстраверсия, факторы А, G, О и Q3.

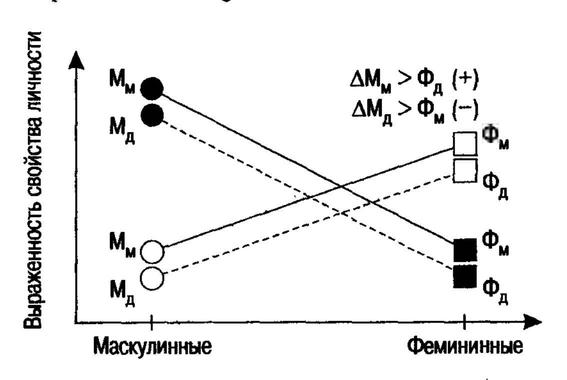

Рис. 24.7. Схема, показывающая соотношения между выраженностью свойств личности у маскулинных и фемининных при отсутствии биологических различий: Мм – маскулинные мальчики; Мд – маскулинные девочки; Фм – фемининные мальчики; Фд – фемининные девочки; ΔМм–Фд – разница между маскулинными мальчиками и фемининными девочками; ΔМд–Фм – разница между маскулинными девочками и фемининными мальчиками

Таким образом, ни учет только биологического пола, ни учет только психологического пола не дают истинного представления о половых различиях конкретного человека. Необходимо выявлять *фенотипический пол* как сплав биологического и психологического пола. Ведь в реальности каждый зрелый человек является представителем фенотипического пола, а развитие людей в онтогенезе – процесс формирования различных фенотипических полов, а не только гендерных (социальных), как часто представляется в литературе по гендерной психологии. Ведь в онтогенезе параллельно формируются многие биологические признаки пола, прежде всего гормональные, ведущие к изменению антропометрических пропорций тела и появлению вторичных половых признаков, к появлению и увеличению различий по физиологическим и психомоторным показателям.

В связи со сказанным мне представляется искусственным и излишним противопоставление биологического и психологического пола, что звучит в заголовке материалов Д. Е. Воронцова (2007): «Гендерная идентичность личности: "мужчина" или "женщина", или "маскулинность" и "фемининность"»? Во-первых, важно учитывать то и другое, а не решать дилемму, кто есть кто: мужчина – женщина или маскулинный – фемининный. Во-вторых, если речь идет только о *гендерной* идентичности как социально-психологическом феномене, то, естественно, ее надо соотносить с маскулинностью – фемининностью.

Заключение

Как отмечает Д. Майерс, до сих пор в науках, изучающих половые различия, противоборствуют два направления: эволюционистское и культуралистское. Согласно первому, мужчины и женщины таковы, каковы они есть, поскольку естественный отбор в процессе эволюции подкреплял поведение, которое обеспечивало нашим предкам выживание и воспроизведение самих себя. Ряд социальных задач, таких как поиск пары и регулирование отношений с партнером, едины для людей всего земного шара. Мужчины и женщины унаследовали определенные эмоциональные реакции и шаблоны поведения, которые позволяют им решать задачи, связанные с выживанием и продлением рода. При этом мужчины и женщины более схожи, чем различны. Главный тезис эволюционистов: мужчинам и женщинам нужно делать то, что естественно. А основной подход в понимании половых различий — функциональный: почему проявляются такие различия? Потому что они выполняют такие-то функции. Противники эволюционистов видят в этом слабость их теоретических построений, поскольку под это объяснение можно подвести любые различия, даже противоположные наблюдаемым, если бы они обнаружились. Например, большую агрессию женщин можно было бы объяснить необходимостью защиты потомства. Эволюционисты подчеркивают, что мудрость эволюции — это мудрость прошлого, она описывает полоролевые различия, которые были выгодны в прошлом. Другое дело — обеспечивает ли эта мудрость адаптацию в настоящем?

Культуралистский подход связывает различия с социализацией, и сильным козырем при этом является утверждение, что невозможно объяснить эволюционистской теорией изменения в культурных стереотипах поведения мужчин и женщин, происшедшие за какие-то десятки лет. Но и в этом подходе есть слабые места. Вполне возможно «подогнать» ответ под то, что реально наблюдается: почему мужчины и женщины отличаются друг от друга? Потому что культура социализирует их поведение.

Изложенный в этой книге материал показывает, что бесполезно спорить о том, чем обусловлены психологические различия между мужчинами и женщинами — биологическими или социальными факторами. Как и в отношении других проблем сущности человека, вопрос не должен рассматриваться с позиции «или — или». Имеют значение и те и другие факторы — отделить их друг от друга на практике невозможно. Установлено, например, что математическое мышление лучше развито у мужчин, что имеет гормональную основу. В то же время это различие превратилось в умах людей в стереотип, который при его актуализации и создании неуверенности у одних и уверенности у других может дать результат, соответствующий этому убеждению. Например, в эксперименте мужчинам и женщи-

нам, имевшим одинаковый уровень способностей, С. Спенсер и К. Стил (Spencer, Steel, 1995) давали трудную контрольную работу по математике. Когда испытуемым сообщали, что женщины обычно не могут показывать такие же результаты в этом испытании, как мужчины, женщины действительно хуже решали задачи, а мужчины — лучше, по сравнению с тем, когда предварительно им говорили, что обычно мужчины и женщины решают предложенные задачи одинаково успешно.

Поэтому всякое объяснение существующих психологических различий с какой-либо позиции будет односторонним. Другое дело, что одни различия могут в большей мере зависеть от биологических факторов, а другие — от социальных, но это все не отменяет необходимости биосоциального подхода к рассмотрению различий между мужчинами и женщинами.

То же относится и ко многим гендерным установкам. Взять хотя бы такую общепринятую установку, что муж должен быть ростом выше жены. С гендерной (социальной) позиции можно предположить, что это помогает мужчине закрепить его социально обусловленную власть над женщиной. Однако в этой установке можно усмотреть и эволюционную (биологическую) целесообразность, которая могла привести к этой культурной норме: если бы люди предпочитали подбирать партнеров равного с ними роста, высокие мужчины и низкие женщины часто оказывались бы без пары. С учетом же этой установки теоретически каждый мужчина может найти для себя более низкую женщину, и наоборот (так как в среднем мужчины выше женщин). Таким образом норма, регулирующая соотношение роста в паре, может быть обусловлена как социальной, так и биологической целесообразностью, которые не противоречат друг другу, а могут спокойно уживаться (Eagly, 1987; Eagly, Wood, 1991).

Правда, установка установке рознь. Несомненно, множество установок вовсе не имеет в своем основании достоверных фактов и биологических различий между мужчинами и женщинами, они попросту придуманы, являются мифами. Вот что пишет Ш. Берн:

1. Гендерные различия огромны.
2. Эти различия вызваны фундаментальными биологическими различиями между полами.
3. Биологические половые различия обусловливают лучшую приспособляемость мужчин и женщин к различным социальным ролям.
4. Гендеры разделены, но равны между собой.
5. Традиционные гендерные роли служат цели наиболее полного удовлетворения потребностей общества.

С моей точки зрения, не все из этих мифов являются таковыми. Например, второй из них является мифом только в глазах сторонников культурального подхода. Не является истинным мифом (и прежде всего из-за неправильной формулировки) утверждение, что биологические половые различия *обусловливают лучшую приспособляемость* мужчин и женщин к различным социальным ролям. Возникает вопрос: что первично — биологические различия или социальные (ролевые)? Ответ очевиден: роли навязываются в процессе воспитания детей в соответствии с их биологическими половыми различиями. Поэтому биологические

различия не могут обусловливать *приспособление* к ролям. Наоборот, гендерные роли приспосабливаются к биологическим различиям, которые реализуются через адекватные им роли. И уж если говорить об этом мифе, то его следовало бы сформулировать так: *формирование половой роли в соответствии с биологическим полом обеспечивает лучшую приспособляемость мужчин и женщин к существованию в обществе* (как было показано выше, имеются данные, что андрогиния обеспечивает лучшую приспособляемость, хотя имеются и противники этой точки зрения). Спорным является отнесение к мифам и пятого положения.

Однако Ш. Берн говорит не обо всех мифах. Феминистками, например, внедряется в общественное сознание мысль, что существует всемирный «заговор» мужчин, состоящий в том, чтобы не пускать женщин на престижные должности. Статистика вроде бы подтверждает обоснованность этого мнения. Ш. Берн приводит данные из «Выдержек из статистических исследований Соединенных Штатов» за 1991 г.: 80% научных работников, 84% врачей, 61% преподавателей университетов и колледжей, 78% адвокатов и судей, 87% архитекторов и 94% инженеров — мужчины. Однако подозрения о таком «заговоре» могут относиться лишь к тем странам Европы и Америки, в которых декларируются «высокоразвитая демократия» и общество «с равными возможностями». Но может быть, дело не в заговоре мужчин, а в объективных социально-экономических условиях, имеющихся в разных странах? В пользу этого говорит почти равное распределение в нашей стране мужчин и женщин в профессиях, престижных для США. Да и о каком «заговоре» может идти речь, если при поступлении в медицинские, технические и другие вузы, в аспирантуру и докторантуру для женщин нет никаких ограничений? Ведь при желании можно найти факты, которые якобы свидетельствуют о сегрегации мужчин, а не женщин. Например, в нашей стране высшее и среднее специальное образование имеют 62% от общей численности работающих женщин, тогда как у мужчин — только 49,6% (Матвеева Г. С., 2007). Или, может, существует всемирный «заговор» мужчин не пускать женщин в такие «престижные» профессии, как сантехники, землекопы, электрики, плотники, пожарники, шахтеры, конюхи?.. Но тогда можно говорить о всемирном «заговоре» женщин, не пускающих мужчин на такие в недавнем прошлом престижные и «не пыльные» профессии, как педагогика, психология и др.

Насколько бывают нелепы сетования феминисток на мужской беспредел, видно из следующей цитаты: «Даже если в современном мире круг женских профессий расширяется, то это ведет, по замечанию многих современных исследователей, к их феминизации, а значит, и к падению престижа. "Быть мужчиной" и в современном обществе кажется честью и чем-то вроде принадлежности к знати. Одно и то же дело может считаться важным и требующим высокой квалификации, если его выполняет мужчина, и мелким, незначительным, если его выполняет женщина. Когда мужчина берется за женскую работу, ее статус меняется и она тем самым облагораживается и преображается. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о разнице между поваром и поварихой, портным и портнихой. Следовательно, если статистика показывает, что квалифицированной работой чаще заняты мужчины, а неквалифицированной — женщины, то причина этого до известной степени лежит в том, что часто труд начинает рассматриваться как квалифицированный, если его выполняют мужчины, ибо они "все квалифицированны

по определению". В конце концов в результате длительного воздействия подобных установок сами женщины начинают видеть свое призвание в менее квалифицированной и менее значительной работе (Сокулер З. А., Бурдье П.)» (Завершинская Н. А., 2004, с. 47).

Такой примитивизм в оценке разных видов труда просто поражает. Неужели деятельность учительницы или женщины — преподавателя вуза менее престижна в глазах общества, чем деятельность учителя или мужчины — преподавателя вуза? Интересно, к кому пойдут женщины шить костюм или платье — к портному-мужчине или к портному-женщине? Неужели их квалификация будет прогнозироваться не на основании их мастерства, имиджа, слухов об этом, а только на основании пола? Или на полевых станах во время летней страды какую пищу предпочтут мужчины — приготовленную «неквалифицированной» поварихой или «квалифицированным» поваром-мужчиной? Не кажется ли цитированным авторам, что женщина, добившаяся успеха в «мужской» профессии, завоевывает в глазах обывателей гораздо большее уважение и статус, чем мужчина, для которого такое же достижение является само собой разумеющимся («ведь он же мужчина!»).

Или вот еще одно стенание по поводу «обесценивания» труда женщин. Липс (Lips, 2008) пишет, что, несмотря на то что вербальные способности лучше развиты у женщин, литературные награды, такие как премия Пулитцера, Нобелевская премия в области литературы, премия Букера, намного чаще присуждались мужчинам, чем женщинам-писателям. Автор даже не задумывается над тем, а сколько вообще имеется писателей-мужчин и писателей-женщин. Может быть из всего числа писателей женского пола доля лауреатов-женщин окажется большей, чем писателей-мужчин?

Чтобы опровергнуть миф о том, будто бы все, что делает мужчина, оценивается выше, чем сделанное женщиной, нами проведен опрос женщин: к кому они в случае нужды обратятся — мужчине или женщине. Данные опроса показали, что к мужчине большее число женщин обратятся, если он хирург, спортивный тренер, менеджер по продаже автомобилей, юрист, уличный художник, учитель математики. К женщинам большинство опрошенных обратится в том случае, если они акушерки, стоматологи, портнихи, прачки, продавцы одежды, музыкальные педагоги, шеф-повары. Оказалось, все равно к кому обратиться, если понадобятся услуги терапевта, дизайнера, репетитора, массажиста, агента по недвижимости, преподавателя танцев, психолога, парикмахера (рис. А).

Довольно странными выглядят жалобы феминисток о том, что женщины до сих пор находятся под гнетом мужчин. О. Л. Данилова пишет, например, что «традиционные дискурсивные практики с древности до наших дней представляют женщину как малозначимое начало, как категорию "иного" относительно абсолютного. Вплоть до сегодняшнего дня женщина несет функцию восполнения. Во всех жизненных областях она определяется через мужчину. Весь предшествующий дискурсивный когнгломерат характеризуется властным мотивом по отношению к женщине, формируя в ней чувство вины, стыда и неполноценности. Таким образом, патриархатный дискурс всегда выстраивается в отношениях иерархии и исключения и формирует сознание субъектов таким образом, что оно фиксирует существование двух категорий, наделенных символическими функциями: категорию "мужского" как абсолютного, идеального, и категорию "женского" как иного,

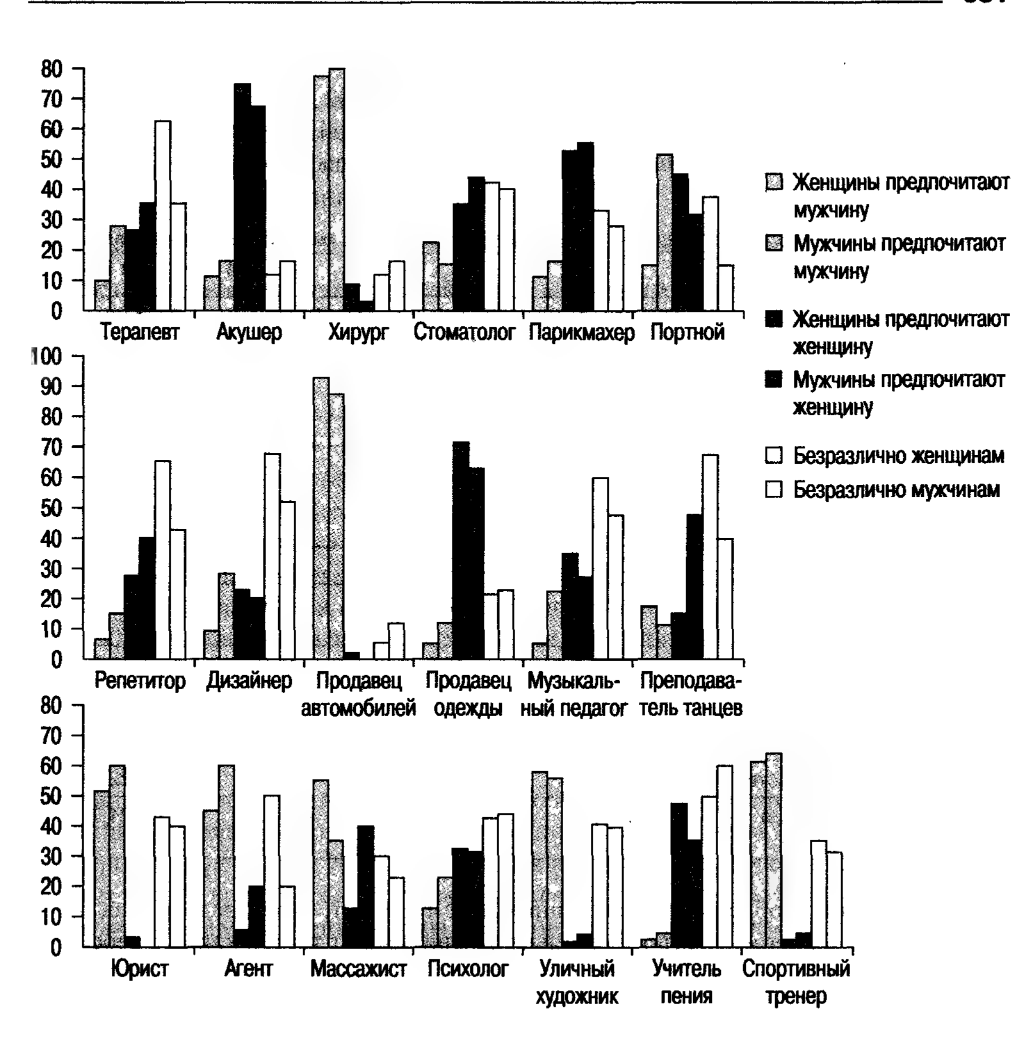

Рис. А. Частота выбора мужчин и женщин той или иной профессии

маргинального, т. е. категории универсальности и вторичности. Универсальность мужчины служит базовым основанием в культуре и проецируется на жизненные ситуации и повседневный опыт. Такая репрезентация реальности воспроизводится веками и изначально дает мужчине право власти и контроля над женщиной, право, в котором уже заложен феномен насилия» (с. 392–393).

Почему автор говорит, что «мужское» связано с категорией идеального? Если такое мнение характерно для сознания женщин,[1] то это их проблема, а не мужчин.

[1] А это действительно может быть похоже на правду, иначе чем объяснить все увеличивающееся число женщин с «мужскими» пороками (курением, употреблением алкогольных напитков) или одевающихся в брючные костюмы, старающихся говорить более низким голосом, чтобы быть солиднее, «мужественнее» (о чем свидетельствуют данные американских психологов), быть независимой от финансирования мужа и т. п.

В последние годы феминистские установки затронули и женщин нашей страны. Социологические исследования, проведенные в 2002 г. в различных регионах и среди различных социальных слоев («Женщина новой России», 2002), выявили у значительной части женщин мнение, что в некоторых сферах их *права* нарушаются (табл. А).

Таблица А. Взгляды российских женщин на то, в каких сферах жизни они имеют равные права с мужчинами, а в каких – нет (процент)

Возможности, сферы жизни	Одинаковые права	У мужчин прав больше	У женщин прав больше	Затрудняюсь ответить
Получение профессионального образования	71,8	17,1	0,9	10,3
Трудоустройство по профессии	31,7	57,8	1,4	9,2
Трудоустройство вообще	35,2	52,5	1,3	11,0
Оплата труда	29,3	55,0	1,2	14,4
Отношение официальных органов власти	37,3	23,6	4,6	34,5
Семья	59,0	19,8	11,0	10,2
Отдых в свободнов время	53,0	35,5	3,8	7,8
Отдых в период отпуска	63,4	24,5	2,6	9,5
Участие в жизни общества	47,4	27,3	3,3	22,0
Участие в политической жизни	24,9	52,7	0,7	21,7

В этих данных обращает на себя внимание тот факт, что определенная часть женщин отдает преимущество мужчинам независимо от того, о какой сфере жизнедеятельности идет речь. Замечу, что речь идет именно о разных правах, а не о разных возможностях тех и других. Разве это не свидетельство того, что женщины сами создают миф о нарушении своих прав? Для объективности не мешало бы узнать мнение мужчин о своих правах и правах женщин.

Феминистки сетуют на то, что в политике представлено мало женщин. Но разве в настоящее время существует в странах Запада и в нашей стране закон, препятствующий их участию? (В США, например, 1992 год был даже объявлен «Годом женщины в политике».) И объективно ли ссылаться на малое число женщин в сенатах, парламентах, не указывая при этом, какой процент они составили из числа женщин, участвовавших в выборах в качестве кандидатов в депутаты, по сравнению с процентом мужчин? Почему при бóльшей численности женского населения во всех странах женщины-кандидаты не получают бóльшую, чем мужчины, поддержку от имеющих право голоса женщин, т. е. от большинства? Дело, думается, не в заговоре мужчин, а в возможностях мужчин и женщин, в их стремлении к престижным местам в общественной и профессиональной сферах. Там, где женщины могут и *хотят* (искусство, спорт, и даже политика), они добиваются не меньшего признания, чем мужчины.

Практика западных стран показала, что женщины-феминистки могут успешно преодолевать преграды на пути в структуры власти не тогда, когда противопоставляют себя мужчинам, а тогда когда вступают в партнерство с мужчинами, используя политические партии как платформу для пропаганды и продвижения требований о расширении прав женщин.

Часто мы не знаем, является ли различие между мужчинами и женщинами результатом биологии или культуры. На самом деле все, что мы знаем , – это то, что различия являются результатом взаимодействий между биологией и окружающей средой (Hyde, 1994; Anger, Crauford, 1993).

Lips.H., 2008, p. 6.

Рассмотрение различных подходов к изучению психофизиологических, психологических и социальных различий мужчин и женщин убеждает, что традиционное их сравнение, т. е. по генетическому полу, хотя и дает некоторые результаты, однако не отвечает имеющейся реальности, которая заключается в наличии *фенотипических полов*, как сплава генетического и психологического (гендерного) пола. При сравнении маскулинных мужчин и женщин, а также фемининных мужчин и женщин получаются совсем другие результаты, чем при сравнении маскулинных мужчин и фемининных женщин. Поэтому более перспективно изучение сходства и различий не между биологическими полами, а между половыми типами (фенотипическими полами).

Наличие половых типов ставит вопрос о том, что фемининным мужчинам и маскулинным женщинам не целесообразно строго придерживаться существующих гендерных стереотипов. Жесткая мужская и женская социализация может принести им только вред. Кроме того, лица мужского пола должны учитывать, что имеются женщины маскулинного типа. Это поможет им более эффективно налаживать отношения с такими женщинами и не воспринимать их как угрозу мужскому началу. С другой стороны, знание женщинами того факта, что есть фемининные мужчины, тоже поможет им более терпимо относиться к тем особенностям поведения своих сыновей и мужей, которые не укладываются в «мужские стандарты» или «идеологию мужественности» по Дж. Плеку с соавторами (Pleck et al., 1993).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Научный словарь терминов

Андрогиния (от лат. andros — мужской, gynes — женский) — сочетание традиционно мужских и женских качеств.

Андроцентризм — глубинная культурная традиция, сводящая общечеловеческую субъективность к единой мужской норме, в то время как женская субъективность принимается как отклонение от нормы.

Анима — воплощение женского начала в мужском бессознательном.

Анимус — воплощение мужского начала в женском бессознательном.

Биархат — равное главенство мужа и жены в семье.

Биологический пол — совокупность контрастирующих генеративных признаков особей одного вида.

Виктимность — предрасположенность при определенных обстоятельствах становиться жертвой сексуального насилия.

Вторичные половые признаки — морфофункциональные и антропологические особенности мужского и женского организма, появляющиеся в период полового созревания.

Гаметный пол — способность половых желез порождать сперматозоиды или яйцеклетки.

Гендер — обозначение пола как социокультурного конструкта, социальный аспект отношения полов.

Гендерная идентификация — см. Половая идентичность.

Гендерная роль — см. *Половая роль*.

Гендерные ролевые нормы — представления людей о том, как *должны* вести себя мужчины и женщины.

Гендерные стереотипы — представления людей о том, как *ведут* себя мужчины и женщины.

Генетический пол — наличие паттернов хромосом XY (мужского типа) или XX (женского типа).

Гендерный стереотип — разновидность социальных стереотипов, упрощенный схематизированный и устойчивый образ мужчин и женщин.

Гермафродит — человек, имеющий одновременно и мужские и женские внешние (анатомические) половые признаки.

Гирсутизм — появление роста волос у женщин в тех зонах, где для них не свойственно оволосение (грудь, живот, бедра, лицо).

Гомосексуализм — половое влечение мужчины или женщины к представителю своего пола.

Гонадный пол — пол, обусловленный строением половой железы (яичка или яичника).

Гормональный пол — способность вырабатывать мужские или женские половые гормоны.

Дискриминация женщин — неоправданно негативное отношение к представителям женского пола, ведущее к ущемлению прав и интересов женщин.

Лесбиянство — половое влечение женщин к представительницам своего пола.

Либидо — страстное сексуальное желание, похоть.

Лимеренция — особо бурная любовь.

Маскулинность (от лат. masculinus — мужской) — нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин.

Маскулинизация (пре- и постнатальная) — появление мужских признаков в женском организме.

Матриархат — главенство в обществе и в семье женщины.

Мизогиния — ненависть к женщинам.

Моногамия — единобрачие, брачный союз одного мужчины с одной женщиной.

Мужской шовинизм — форма проявления сексизма, недооценка женского потенциала и роли в обществе, переоценка роли мужчин.

Патриархат — власть мужчины, его преобладающая роль в обществе, семье.

Первичные половые признаки — морфофункциональные особенности мужского и женского организма, данные при рождении.

Педерастия — половое влечение мужчины к представителю своего пола.

Пол биологический — морфофункциональная характеристика организма, обобщающая все специфически репродуктивные его особенности.

Пол генитальный — наличие мужских или женских наружных и внутренних половых органов.

Пол психологический — выполняемая субъектом роль с позиции маскулинности — фемининности, т. е. стереотипные особенности поведения, предписываемые обществом мужчинам и женщинам.

Пол социальный — комплекс социокультурных и поведенческих характеристик, обеспечивающих индивиду личный, социальный и правовой статус мужчины или женщины.

Полигамия — многобрачие, брачный союз одного субъекта с несколькими субъектами противоположного пола.

Полиандрия — вид многобрачия, когда одна жена имеет несколько мужей.

Полигиния — вид многобрачия, когда один муж имеет нескольких жен.

Половая дифференциация — совокупность генетических, морфологических и физиологических признаков, на основании которых различаются мужской и женский пол.

Половая жизнь — совокупность соматических, психических и социальных процессов, посредством которых удовлетворяется половое влечение.

Половая идентичность — единство поведения и самосознания человека, причисляющего себя к определенному полу и ориентирующегося на требования соответствующей половой роли.

Половая роль — модель социального поведения, специфический набор требований и ожиданий, предъявляемых обществом к лицам мужского и женского пола.

Половое влечение — термин, обозначающий и сексуальное желание, и стремление к телесному сближению, и мотивационный аспект сексуальности.

Половой диморфизм — разделение полов по биологическим признакам.

Половые признаки — анатомические и антропологические особенности, специфичные либо для лиц мужского пола, либо для лиц женского пола.

Полоролевая социализация — обучение детей поведению, социально приемлемому для их пола, формирование половой идентичности.

Сексизм — принижение роли женщин в обществе, разделение общества по признаку пола.

Сексология (от лат. sexus — пол и греч. logos — наука) — междисциплинарная отрасль знания, в широком значении изучающая закономерности половой дифференции; в узком значении — сексуальную мотивацию и поведение.

Сексуальная дисфункция — см. Фригидность.

Сексуальная совместимость — соответствие сексуального поведения партнеров, обеспечивающее их взаимодействие в сфере интимных отношений.

Сексуальная ориентация — предпочтение сексуального партнера мужского или женского пола.

Сексуальное поведение — формы взаимодействия индивидов, мотивированные половой потребностью (см. *Половая жизнь*).

Трансвестицизм — неправильное осознание своей половой принадлежности, потребность переодеваться в одежду другого пола.

Феминизм — см. *Феминистское движение.*

Фемининность (от лат. femininus — женский) — нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для женщин.

Феминистское движение — общественно-политическое движение за социальное, экономическое и политическое равноправие женщин с мужчинами.

Феминология — наука об общих закономерностях жизни и деятельности женщин в обществе.

Фемифобия — страх мужчин перед проявлением у себя женственности.

Фригидность — сексуальная холодность женщины.

Эгалитаризм — признание всеобщего равенства мужчин и женщин.

Эмансипация женщин — освобождение от зависимости и приниженности, получение самостоятельности и равноправия, уравнение женщин с мужчинами в правах в общественной, трудовой и семейной жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Методики изучения полоролевых особенностей мужчин и женщин

Шкала «Маскулинность — фемининность» из Фрайбургского личностного опросника (FPI)

Инструкция

Вам предлагается ряд утверждений, каждое из которых подразумевает относящийся к вам вопрос о том, соответствует или не соответствует данное утверждение каким-то особенностям вашего поведения, отдельных поступков, отношения к людям и т. п. Если вы считаете, что такое соответствие имеет место, то дайте ответ «да», в противном случае — ответ «нет». Свой ответ зафиксируйте в имеющемся у вас листе ответов, поставив крестик в клеточку, соответствующую номеру утверждения в вопроснике и виду вашего ответа. Ответы необходимо дать на все вопросы.

Текст опросника

1. Я почти ежедневно думаю о том, насколько лучше была бы жизнь, если бы меня не преследовали неудачи.
2. Могу прибегнуть к физической силе, если требуется отстоять свои интересы.
3. Я легко смущаюсь.
4. Люблю такие задания, когда можно действовать без долгих размышлений.
5. Часто у меня нет аппетита.
6. Обычно я решителен и действую быстро.
7. Когда я чего-то боюсь, у меня пересыхает во рту, дрожат руки и ноги.
8. Мне доставляет удовольствие, как говорится, ткнуть носом других в их ошибки.
9. Активно участвую в организации общественных мероприятий.
10. Если сильно разозлюсь на кого-то, то могу его и ударить.
11. Меня мало волнует, что ко мне кто-то плохо относится.
12. Я предпочитаю заставить любого человека сделать то, что мне нужно, чем просить его об этом.

13. У меня довольно часто меняется настроение.
14. Я уверен в своем будущем.

Ключ

По одному баллу начисляется за ответы «да» по пунктам 2, 4, 6, 8–12, 14 и за ответы «нет» по пунктам 1, 3, 5, 7, 13.

Подсчитывается общая сумма баллов. Чем она больше, тем больше выражена маскулинность и меньше — фемининность.

Методика «Маскулинность — фемининность» Сандры Бем

Методика была предложена Сандрой Бем (1974) для диагностики психологического пола и определяет степень андрогинности, маскулинности и фемининности личности. Опросник содержит 60 утверждений (качеств), на каждое из которых испытуемый отвечает «да» или «нет», оценивая тем самым наличие или отсутствие у себя названных качеств. Опросник может применяться и в форме экспертного рейтинга. В таком случае оценка испытуемого по представленным качествам осуществляется компетентными судьями — людьми, хорошо знающими испытуемого (муж, жена, родители и др.).

Текст опросника

1. Верящий в себя.
2. Умеющий уступать.
3. Способный помочь.
4. Склонный защищать свои взгляды.
5. Жизнерадостный.
6. Угрюмый.
7. Независимый.
8. Застенчивый.
9. Совестливый.
10. Атлетический.
11. Нежный.
12. Театральный.
13. Напористый.
14. Падкий на лесть.
15. Удачливый.
16. Сильная личность.
17. Преданный.
18. Непредсказуемый.

19. Сильный.
20. Женственный.
21. Надежный.
22. Аналитичный.
23. Умеющий сочувствовать.
24. Ревнивый.
25. Способный к лидерству.
26. Заботящийся о людях.
27. Прямой, правдивый.
28. Склонный к риску.
29. Понимающий других.
30. Скрытный.
31. Быстрый в принятии решений.
32. Сострадающий.
33. Искренний.
34. Полагающийся только на себя (самодостаточный).
35. Способный утешить.
36. Тщеславный.
37. Властный.
38. Имеющий тихий голос.
39. Привлекательный.
40. Мужественный.
41. Теплый, сердечный.
42. Торжественный, важный.
43. Имеющий собственную позицию.
44. Мягкий.
45. Умеющий дружить.
46. Агрессивный.
47. Доверчивый.
48. Малорезультативный.
49. Склонный вести за собой.
50. Инфантильный.
51. Адаптивный, приспособляющийся.
52. Индивидуалист.
53. Не любящий ругательств.
54. Несистематичный.
55. Имеющий дух соревнования.
56. Любящий детей.
57. Тактичный.

58. Амбициозный, честолюбивый.
59. Спокойный.
60. Традиционный, подверженный условностям.

Ключ к тесту

Маскулинность («да»): 1, 4, 7, 10,13,16,19, 22, 25, 28, 31,34, 37. 40, 43,46,49, 52, 55, 58.

Фемининность («да»): 2, 5, 8,11,14,17, 20, 23, 26, 29, 32,35, 38. 41, 44, 47, 50, 53, 56, 59.

За каждое совпадение ответа с ключом начисляется один балл. Затем определяются показатели фемининности (F) и маскулинности (M) в соответствии со следующими формулами.

F = (сумма баллов по фемининности): 20;

M = (сумма баллов по маскулинности): 20.

Основной индекс IS определяется как: IS = (F – M) – 2,322.

Если величина индекса IS заключена в пределах от –1 до + 1, то делают заключение об андрогинности. Если индекс меньше – 1 (IS < – 1), то делается заключение о маскулинности, а если индекс больше + 1 (IS > 1) — о фемининности. При этом в случае, когда IS < – 2,025 говорят о ярко выраженной маскулинности, а если IS > + 2,025 — о ярко выраженной фемининности.

Методика МиФ (маскулинность и фемининность)

Описание методики взято из книги: *Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В.* Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. С. 234–236.[1]

Предлагаемая модификация методики базируется на перечне маскулинных и фемининных качеств, предложенных Т. Л. Бессоновой (1994), которая основывалась на концепции андрогинии С. Бем (1974).

В качестве стимульного материала выступает недостаточно структурированный вербальный материал, включающий 21 прилагательное (7 из них отражают маскулинные качества, 7 — фемининные, 7 — нейтральные).

Испытуемому предлагается завершить предложения:

- «На самом деле я...»
- «Хотелось бы, чтобы я был...»
- «Мужчина должен быть...»
- «Мужчины считают, что я...»
- «Женщины считают, что я...»
- «Мой реальный сексуальный партнер...»
- «Хотелось бы, чтобы мой сексуальный партнер был...»

Словом из перечня маскулинности — фемининности предлагается отметить вариант ответа, который, по мнению испытуемого, подходит в наибольшей степени (по шкале «всегда», «обычно», «иногда», «никогда»).

[1] К сожалению, авторами дано неполное описание методики и остается неясным, как выводить в балльных оценках степень выраженности маскулинности/фемининности у каждого испытуемого. То же относится и к следующей приведенной здесь методике — ФПО.

Особое внимание при этом уделяется анализу семантической близости между различными образами Я и составляющими полоролевой идентичности в рамках психологического пространства маскулинности — фемининности.

Структурный анализ производится путем расчета семантической близости (в тестовых единицах пространства маскулинности — фемининности) между образующими полового самосознания. Например, близость образов Я-идеальное и «Мужчина должен быть...» может свидетельствовать о значимости для испытуемого образа мужчины, о включенности мужского полоролевого стереотипа в систему полоролевых предпочтений.

Содержательный анализ позволяет определить пропорцию М–Ф-составляющих в каждом из образов (Я-реальное, Я-идеальное), дифференцированность полоролевых качеств в различных структурах полового самосознания.

Методика ФПО (фигура — поза — одежда)

Описание методики взято из книги: *Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В.* Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. С. 236–242.

Методика ФПО предложена Д. К. Соломоновой и относится к проективным методам. Предлагаемая методика позволяет сенсибилизировать исследование полового самосознания человека и установить индивидуальные представления о полоролевых нормах субъектов, степень их усвоенности (анализ данных об оценках, приписанных субъектом), структуру полоролевой идентичности (анализ данных о степени идентификации субъекта с объектами, различающимися по полу), индивидуальные полоролевые предпочтения, особенности сексуальных предпочтений (анализ оценок сексуальной привлекательности).

Методика состоит из 18 предъявляемых испытуемому в случайной последовательности картинок: две серии по три карточки в каждой с выраженным атрибутом «фигура», то же с атрибутом «поза» и атрибутом «одежда».

Особенностью стимульного материала является то, что в каждой картинке прорисован лишь один атрибут пола, а два других остаются недифференцируемыми (например, прорисована поза, а одежда и фигура объекта, изображенного на картинке, остаются не дифференцируемыми по полу). Таким образом, создается ситуация неопределенности стимула, допускающая неоднозначную трактовку изображения и позволяющая изучать систему личностных смыслов данного человека, обусловленных полом.

Проективный характер этого метода заключается в том, что неопределенность стимула способствует тому, что восприятие в большей степени детерминируется прошлым опытом человека, его индивидуальными предпочтениями, системой личностных смыслов.

В каждой серии картинок (с выделенным одним признаком) — три варианта: 1) с прорисовкой мужских признаков; 2) с прорисовкой женских признаков; 3) с прорисовкой признаков, которые могут быть приписаны как мужскому, так и женскому полу. Например, на рис. 1*а* изображен атрибут одежды, на рис. 1*б*, *в* — признаки женской позы, на рис. 1*г* — мужская фигура.

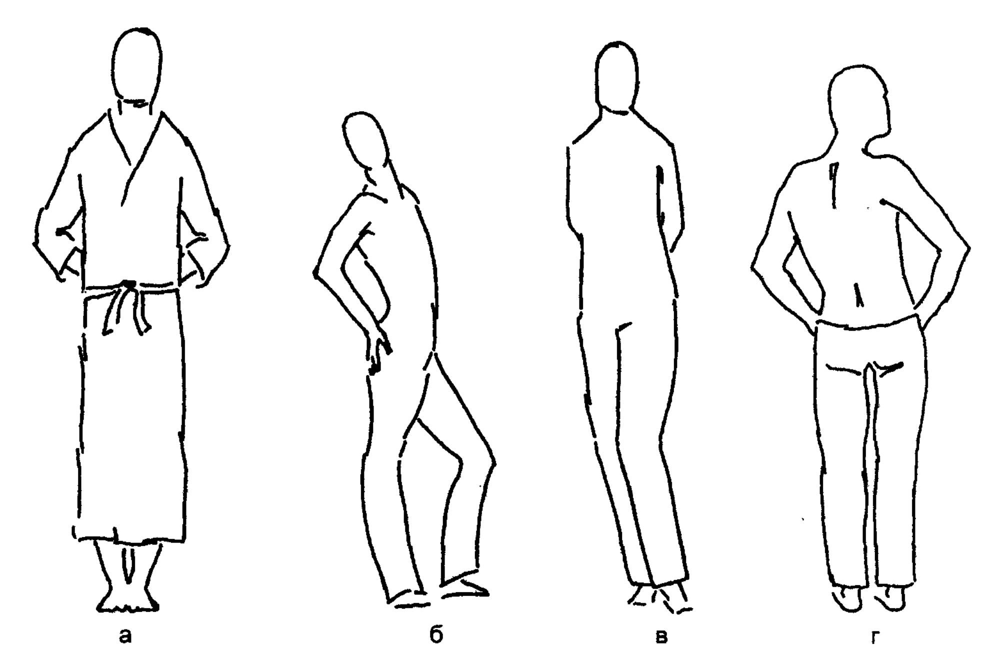

Рис. 1. Стимульный материал методики ФПО: *а* – выделен атрибут одежды; *б*, *в* – выделены признаки женской позы; *г* – выделена мужская фигура

Испытуемому предлагают оценить:

1) каждую карточку по степени выраженности отдельно мужских и женских признаков, используя 4-балльную шкалу:
   - 1 балл — мужские (женские) признаки отсутствуют;
   - 2 балла — минимальная степень выраженности мужских (женских) признаков;
   - 3 балла — средняя степень выраженности мужских (женских) признаков;
   - 4 балла — максимальная степень выраженности мужских (женских) признаков;
2) каждую карточку по степени близости изображенного объекта к существующему у данного индивида идеалу (полоролевым предпочтениям), приписывая балльные оценки от 1 до 4;
3) степень похожести испытуемого на объект, изображенный на картинке;
4) степень сексуальной привлекательности каждой карточки по 4-балльной шкале.

При обработке результатов исследования проводят количественный и качественный анализ.

Качественный анализ производится с учетом характеристик изображенных персонажей:

1) особенности восприятия мужских и женских признаков;
2) структура полоролевой идентичности. Определение того, в какой степени представлены в Я-концепции индивида мужские/женские качества;
3) полоролевые предпочтения — ценности индивида в отношении того или иного пола;
4) особенности восприятия объекта сексуального предпочтения.

Следует обратить внимание на:

а) различие показателей по шкалам при выраженности разных атрибутов пола. Данный анализ необходим, чтобы изучить, существуют ли различия у данного субъекта при опоре на формальные признаки пола (одежда) или на признаки, объективно отражающие половые различия (поза и фигура);
б) сопоставление особенностей объекта сексуального влечения и полоролевых предпочтений;
в) сопоставление идентификации и полоролевых предпочтений.

Количественный анализ. В структуру теста включены показатели: КМ — качества мужские (оценки, приписываемые данным испытуемым); КМТ — качества мужские по тесту, т. е. заданные в нем; КЖ — качества женские (оценки, приписываемые данным испытуемым); КЖТ — качества женские по тесту, т. е. заданные в нем; ИДЕНТ — показатели степени идентификации; СП — показатель сексуальной привлекательности; ИДЕАЛ — показатель полоролевых предпочтений.

При дальнейшем анализе необходимо сопоставить показатели по разным шкалам у данного испытуемого и показатели, заданные в тесте (степень корреляции между ними). Таким образом, сопоставляются (т. е. вычисляются коэффициенты корреляции) 16 оценок по данному показателю с 16 оценками по другому показателю (например, сопоставляются результаты оценок КМ и КМТ и т. д.).

Корреляционный анализ соотношения балльных оценок мужских/женских качеств по описанным шкалам позволяет оценить, в какой степени испытуемый точно определяет полоролевые качества по всем основным атрибутам, заданным в тесте, а также то, в какой степени самоидентификация, полоролевые предпочтения, сексуальная привлекательность зависят от стереотипов, заданных в стимульном материале, и собственных представлений о мужских и женских качеств.

Экспертная карта для проведения гендерной экспертизы урока

Карта взята из: *Сабунаева М. Л.* Гендерная экспертиза урока. В кн.: Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. С. 387.

Предмет ____________

Класс ________________

Количество учеников в классе (м/д) ____________

Стаж работы учителя _____________________

Тема урока ______________________________

Действия учителя	Мальчики	Девочки
Обращается к ребенку		
Вызывает к доске		
Вызывает отвечать с места		
Хвалит словом		
Ругает (не одобряет) словом		
Делает замечания		
Выражает положительные эмоции и поддерживает (улыбается, кивает)		
Выражает отрицательные эмоции (хмурится, качает головой)		
Привлекает к демонстрации материала		
Привлекает к оформлению урока		
Реагирует на поднятую руку ребенка		
Не реагирует на поднятую руку ребенка		
Дотрагивается до ребенка с целью поощрения		
Дотрагивается до ребенка с целью замечания		
Реагирует на выкрики с места положительно		
Реагирует на выкрики с места отрицательно		
Выставленные отметки		

Тест «Семейный-1»

Тест взят из книги: Знаете ли вы себя? М.: Московский рабочий, 1989.

Предназначен для оценки отношений между супругами. Включает два опросника – для жены и мужа.

Инструкция

Вам предлагается ответить на ряд вопросов. Выберите тот вариант ответа, который больше всего вам подходит.

Опросник для жены

1. **Вы готовите еду:**
   а) учитывая вкус своего мужа – 6 очков;
   б) по своему вкусу – 2;
   в) согласно определенному вами недельному меню – 4.
2. **Случается ли вам когда-нибудь думать, что:**
   а) вот еще один день прошел бестолково, без приятных сюрпризов – 2 очка;
   б) если бы вы не были замужем, то ваша жизнь была бы лучше – 1;
   в) ваша жизнь не из легких, но все же приятно быть вместе с ним – 5.

3. **Вы собирались вечером куда-то сходить вдвоем, но в последний момент муж сказал, что устал и никуда не пойдет:**
   а) говорите, что и вы устали и предпочитаете остаться дома — 5 очков;
   б) готовите праздничный ужин у себя дома — 6;
   в) сердитесь и думаете, как ему отомстить — 2.
4. **Вы засомневались в супружеской верности вашего мужа (или кто-то вам на это намекнул) и:**
   а) в первую очередь думаете, не виноваты ли и вы сами — 6 очков;
   б) готовитесь отомстить — 1;
   в) считаете, что не стоит обращать внимания — 3.
5. **Когда вы были маленькой девочкой, игра с чем больше всего вас радовала:**
   а) с куклами — 2 очка;
   б) с детьми — 5;
   в) когда с куклами, когда с детьми — 4.
6. **Когда вы были ребенком, то одевались в:**
   а) обычные платьица для девочек — 5 очков;
   б) предпочитали спортивный тип одежды — 4;
   в) брюки и шорты — 1.
7. **В детстве вы предпочитали:**
   а) игры для девочек, допустим, с куклами — 5 очков;
   б) игры во взрослых: учительницу, врача, манекенщицу — 4;
   в) мальчишеские игры, допустим футбол — 1.
8. **Как вы вели себя во время игр:**
   а) всегда были лидером — 2 очка;
   б) уступали инициативу другим — 6;
   в) становились лидером, но не сразу, а в ходе игры — 4.
9. **Вы договорились с друзьями куда-то вместе пойти, но у вашего мужа нет настроения:**
   а) вы идете одна — 4 очка;
   б) отменяете встречу — 6;
   в) делаете то, что вам скажет муж — 3.
10. **Если ваш супруг не может поехать вместе с семьей в отпуск или просто на выходные, вы:**
   а) едете сами или с детьми — 4;
   б) остаетесь с ним дома — 5;
   в) остаетесь дома, но постоянно его укоряете — 2.
11. **Муж вернулся с работы не в настроении:**
   а) вы пытаетесь разобраться в причине — 6 очков;
   б) сердитесь, что он и дома думает только о своей работе — 2;
   в) догадываетесь, в чем дело, но не пристаете с вопросами — 5.

12. **Если ваши мнения расходятся:**
    а) вы остаетесь при своем мнении — 5 очков;
    б) отстаиваете свою позицию, даже если это грозит вылиться в скандал — 1;
    в) отступаете, но после этого вините себя в мягкотелости — 2.

Ответы

До 25 очков. Нельзя сказать, что вы особенно счастливы в браке. Вы непоследовательны в своих взглядах. Делаете то, что вам вздумается, не считаясь с мнением мужа. В ваших отношениях вряд ли что-то изменится, если только ваши конфликты не прекратятся.

От 26 до 50 очков. Вы миролюбивы, готовы уступить ради своего спокойствия в споре, но не отказываетесь от собственного мнения. Вы умеете не только приспосабливаться, но и дипломатично «атаковать», когда считаете, что это необходимо, или когда чувствуете, что ваш брак под угрозой.

Более 50 очков. Вы женственны, тактичны, но и очень решительны. Иногда, может быть, недовольны своим браком, но делаете все, чтобы его упрочить.

Опросник для мужа

Если из предложенных ответов вы выберете «а», запишите себе 4 очка, если «б» — 2, за ответ «в» — 0.

1. **Как вы распределяете свои домашние дела:**
   а) в зависимости от служебных;
   б) согласно склонностям, тому, что каждый из вас предпочитает;
   в) они целиком лежат на вашей супруге.
2. **Делитесь ли вы с женой служебными и личными проблемами:**
   а) да;
   б) иногда;
   в) нет.
3. **Есть ли что-то в вашем поведении, что постоянно тяготит вашу жену (выпивки, грубое отношение, женщины...):**
   а) нет;
   б) да, но не постоянно;
   в) да.
4. **Помогаете ли вы жене в решающие моменты:**
   а) действиями и советами;
   б) только советами;
   в) не помогаете.
5. **Интересуетесь ли вы здоровьем супруги, ее целями, стремлениями, увлечениями:**
   а) разумеется;
   б) на это у вас не хватает времени;

в) предпочитаете посмотреть телевизор или поиграть в любимую игру.

6. **Радуетесь ли вы успехам жены, изменениям в интерьере квартиры, кулинарным сюрпризам, ее изысканным туалетам, занятиям спортом:**
   а) да, всегда ее поощряете;
   б) немного;
   в) нет.
7. **Вы критикуете (по-дружески, конечно) свою жену:**
   а) да;
   б) вы не критикуете;
   в) можно сказать, что вы суровы.
8. **Прислушиваетесь ли вы к мнению своей супруги:**
   а) да, вы принимаете его во внимание, учитываете;
   б) иногда, когда она настаивает;
   в) нет.
9. **Взыскательны ли вы к самому себе:**
   а) очень;
   б) немного;
   в) нет.
10. **Принимаете ли вы активное участие в уходе за детьми и в их воспитании:**
   а) разумеется;
   б) когда есть время;
   в) нет.
11. **Стимулируете ли вы детей к участию в домашнем хозяйстве:**
   а) да, и вы сами помогаете жене в хозяйстве;
   б) вы разговариваете с детьми, внушаете им, что это важно;
   в) нет.
12. **Приучаете ли вы детей к тому, чтобы они были внимательны к матери:**
   а) да, вы и сами к ней внимательны;
   б) вы говорите им, что это важно;
   в) нет.
13. **Поддерживаете ли вы авторитет жены в глазах детей:**
   а) разумеется;
   б) не очень;
   в) нет.
14. **Когда вы спорите, то:**
   а) выслушиваете друг друга внимательно;
   б) стремитесь выслушать друг друга, но это не всегда удается;
   в) в большинстве случаев спор перерастает в ссору.

15. **Самокритичны ли вы во время спора:**
   а) обычно да;
   б) стараетесь;
   в) нет.
16. **Вы делаете что-нибудь для исправления своих ошибок:**
   а) да, сразу же;
   б) да, но спустя какое-то время;
   в) нет.
17. **Приходится ли вам напоминать, что зарплату нужно оставлять дома:**
   а) нет, не нужно;
   б) случается;
   в) у вас нет общих денег, каждый сам тратит свои.
18. **Если исходить из того, что под понятием «глава семьи» подразумевается тот, кто вносит бóльший финансовый вклад и распределяет семейный бюджет, то не возникает ли у вас споров по поводу того, кто должен иосить этот «титул»:**
   а) нет, у вас в семье есть признанный лидер;
   б) каждый из вас уважает мнение другого в решении денежных вопросов;
   в) случается, что вы оспариваете какие-то решения.
19. **Бывают ли случаи, когда вы считаете необходимым посоветоваться с женой, даже если вы уверены в правильности принимаемого решения:**
   а) да, ради ее авторитета в глазах детей;
   б) очень редко;
   в) нет.
20. **Считаете ли вы, что удовлетворяете жену как сексуальный партнер:**
   а) да;
   б) едва ли;
   в) у вас половая несовместимость.
21. **Есть ли у вас внебрачные связи (простите за нескромный вопрос, но вы понимаете, что он важен):**
   а) нет;
   б) редко;
   в) постоянно.
22. **Разделяете ли вы интерес к хоббн своей супруги, ее любимым занятиям:**
   а) нет;
   б) когда как;
   в) да.
23. **Не слишком ли вы увлекаетесь развлечениями в своих мужских компаниях (футбол, рыбалка, туризм, карты):**

а) не слишком;
б) жена считает, что слишком;
в) когда как.

24. **Разрешаете ли вы брать жене машину, когда она нужна вам самому:**
 а) да;
 б) если вы можете обойтись без машины;
 в) жена садится за руль только с вами.
25. **Как вы ведете себя, когда за рулем жена:**
 а) спокойно;
 б) даете ей советы, но только в критических ситуациях;
 в) часто ее поучаете.
26. **Торопитесь ли вы скорее домой после продолжительного отсутствия:**
 а) разумеется;
 б) не очень;
 в) нет.
27. **Дарите ли вы жене цветы и подарки по праздникам:**
 а) даже и без повода;
 б) иногда;
 в) нет.
28. **Как вы проводите отпуск:**
 а) предпочитаю отдыхать с семьей;
 б) в зависимости от обстоятельств;
 в) ваши вкусы в том, как проводить отпуск, расходятся.
29. **На каких качествах своей жены вы акцентируете внимание:**
 а) положительных;
 б) отрицательных;
 в) стараюсь не делать этого.
30. **С удовольствием ли вы делаете то, что ее порадует:**
 а) да;
 б) не всегда;
 в) нет.
31. **Как вы думаете, что вас связывает с женой:**
 а) любовь, дружба и общие цели;
 б) привычка, дети;
 в) квартира, общее имущество.
32. **Если бы вам снова предстояло выбрать жену:**
 а) выбрал бы ее же;
 б) едва ли;
 в) сделал бы иной выбор.

Ответы

От 86 до 128 очков. Ваш брак — равноправный союз двух любящих сердец, вас связывают и дружба, и общие цели. Вы много даете своей спутнице и обычно получаете то, чего ждете.

От 44 до 85 очков. Ваши семейные отношения гармоничны. Вы вносите свою лепту в домашнее хозяйство и уход за детьми. Но вы недостаточно интересуетесь личностью своей жены, допускаете некоторые ошибки в общении с ней.

От 0 до 43 очков. Уточните, что, в сущности, связывает вашу семью: привычка, дети или общее имущество? Не пора ли вам стать более взыскательным к себе? Может быть, вам стоит побольше интересоваться нашей женой?

Тест «Семья или карьера?»

Тест взят из книги: *Леонов И. Г.* Познай себя и других. М., 1993.

Предназначен для выявления направленности женщин на семью или карьеру.

Часть I

Из трех вариантов ответов выберите тот, который вам наиболее подходит, в бланке напротив номера вопроса напишите соответствующую ему букву.

1. **Когда необходимо самоограничение (например, отказаться от сладкого, сбросить лишние килограммы), вы:**
   а) идете на компромисс и балуете себя лишь изредка;
   б) очень стараетесь, но не выдерживаете искушения;
   в) чтобы выдержать режим, включаете воображение.
2. **Во время рабочего совещания ваш начальник выносит на обсуждение выпестованный им план, который, с вашей точки зрения, рискован и непродуман, вы:**
   а) немедленно излагаете свои возражения, ваши мужество и искренность не могут не произвести впечатления;
   б) ждете, пока выскажутся старшие по должности. Если вы одиноки в своем мнении, то промолчите;
   в) ничего не скажете, а попозже напишите подробную служебную записку, где изложите свою позицию.
3. **На многолюдной вечеринке вы замечаете привлекательного мужчину, окруженного приятелями и приятельницами, он ловит ваш взгляд и улыбается. Ваша стратегия:**
   а) ведете себя прохладно — пусть он сделает первый шаг;
   б) дождетесь, когда он останется один, подойдете и заведете нейтральный разговор;
   в) немедленно подойдете и постараетесь быть центром внимания.

4. **Вы по-дружески относитесь к своей подчиненной, но она начинает этим пользоваться (задерживается в обеденный перерыв, пренебрегает служебными обязанностям), вы:**
   а) поступите с ней, как с любым другим работником и устроите разгон;
   б) после работы пригласите ее на чашку чая и попробуете поговорить по душам;
   в) наедине предупредите ее.
5. **На деловых конференциях вы:**
   а) активно общаетесь, заводите разговоры, знакомитесь, обмениваетесь телефонами;
   б) сосредоточиваетесь на одном-двух важных деловых контактах;
   в) держитесь в основном около людей, которых знаете.
6. **В результате крупной реорганизации ваш отдел ликвидируется, но вам предложено несколько новых назначений. Вы предпочтете:**
   а) возглавить неблагополучный отдел. Вы рассчитываете, что у вас достаточно авторитета, чтобы изменить ситуацию к лучшему;
   б) пойти в заместители к энергичному руководителю, который имеет репутацию «воспитания талантов»;
   в) работу, подобную той, какую выполняете сейчас, — в спокойном, незаметном отделе, так надежнее.
7. **У вас стабильные семейные отношения. Вдруг появляется человек, которого вы когда-то любили, и дает понять, что не все забыто, что вы предпримете:**
   а) не допустите и намека на возврат к прошлому: у вас есть хоть и не страстная любовь, но надежные отношения, устроенная жизнь;
   б) организуете романтическую встречу, чтобы посмотреть, к чему она приведет;
   в) флирт для поддержания в нем интереса, пока не выяснится, что за всем этим скрывается.
8. **Ваш полугодовой отчет приходит со следующей резолюцией начальника: «Работа выполнена неряшливо, следует быть более внимательной». Вы:**
   а) возражаете и, если необходимо, в письменной форме;
   б) спокойно спрашиваете, в чем именно начальство видит небрежность;
   в) реагируете на замечания с извинениями и почти со слезами.
9. **Ваши мечты, как правило:**
   а) романтичны;
   б) это потрясающие сценарии, в которых вы то миллионерша, то выдающийся ученый;
   в) это пересмотр ваших жизненных ситуаций с точки зрения того, «какими бы следовало им быть» (например, нахалу вы отвечаете с абсолютным самообладанием, а на вчерашнем совещании на голову превосходите коллег).

10. **Милая, но ленивая приятельница хочет устроиться в вашу органнзацию и просит у вас рекомендацию. Что вы ответите начальнику, когда он обратится с просьбой дать ей характеристику:**
    а) неопределенно скажете, что знаете ее как доброго друга, но не можете судить о ее профессиональных способностях;
    б) чуть покривите душой, преуменьшив ее недостатки и преувеличив достоинства;
    в) ответите честно и критически, поскольку вы не хотите ставить под угрозу свою репутацию.
11. **Через несколько месяцев после знакомства вы обнаруживаете, что ваш возлюбленный неточен, забывчив, «без руля н без ветрил» в служебных делах. Что вы предпрнннмаете:**
    а) ничего, уж какой есть;
    б) мягко намекнете, что ему хорошо бы пересмотреть свое поведение. Если ваши отношения зайдут дальше, позже еще раз обратите на это внимание;
    в) начнете отдаляться и посматривать в другом направлении.
12. **Что вы готовы сделать, лишь бы получить желаемую должность (отметьте все, что хотите):**
    а) уехать от друзей и родных;
    б) оставаться после работы три-четыре раза в неделю и трудиться по выходным;
    в) соперничать с близкой подругой или приятелем;
    г) поменять стиль одежды на более деловой;
    д) попросить родных, друзей и знакомых о лестной рекомендации;
    е) слегка преувеличить степень своих прошлых заслуг;
    ж) плести интриги;
    з) попытаться выжить более способного конкурента;
    и) солгать другу;
    к) льстить начальнику и даже флиртовать с ним.

Часть II

Согласны ли вы со следующими утверждениями? Отвечайте: «да», «нет» или «отчасти да».

1. Не понимаю людей, которые способны валяться в гамаках. Я не могу сидеть без дела.
2. В жизни нет ничего недостижимого, если ты готов ради этого трудиться, не жалея себя.
3. Разочарование парализует меня.
4. Я не могу тратить свою жизнь на людей, которые вечно ноют. И почему они сами не в состоянии справиться со своими проблемами?

5. Я не способна соображать «с ходу».
6. Устраиваясь на работу, я стесняюсь себя «подавать».
7. Не люблю что-либо поручать: мне проще все сделать самой.
8. Я очень строга и к себе, и к другим.
9. Помимо работы у меня с полдюжины хобби.
10. Мне трудно оставить работу, на которой я завела так много друзей.
11. Я не могу сосредоточиваться надолго и легко отвлекаюсь от предмета разговора.
12. Довольство может быть уютной ловушкой.

Часть III

Принцип ответов тот же, что и в части II.

1. Мой дом — рай, в нем сплошные подушечки и безделушечки.
2. Мне проще представить свое будущее без карьеры, чем без семьи.
3. В мужчине нет ничего более привлекательного, чем его успешная карьера.
4. В школе я всегда была скорее «синим чулком», чем душой общества.
5. Мне нравится, когда меня опекает сильный мужчина, пусть даже проявляя властность.
6. Я предпочла бы работать лишь на полставки.
7. В чем я никогда не сомневалась, так это в своей способности увлечь и удержать того, кто мне нравится.
8. Я работаю только ради денег, и если бы они у меня появились в достатке, уволилась бы в тот же миг.
9. В любовные отношения я вкладываю ровно столько, сколько и мой партнер.
10. Мне нравятся интересные, непредсказуемые и даже слегка ненадежные мужчины.
11. Я всегда была любимицей отца и немного избалована.
12. Служебные успехи кажутся слегка пресными, если нет мужчины, с которым их можно разделить.

Подсчет очков

Часть I

	А	Б	В
1	3	1	5
2	5	1	3
3	1	3	5
4	5	1	3
5	5	3	1
6	5	3	1

7	1	5	3
8	5	3	1
9	1	5	3
10	3	1	5
11	1	3	5

12, 5 очков за каждый отмеченный пункт а–д; 10 очков за каждый отмеченный пункт е–к.

Часть II

«Да» — 5 очков, кроме вопросов 3, 5, 6, 7, 9, 10, каждый из которых оценивается в 1 очко.

«Нет» — 1 очко, кроме вопросов 3, 5, 6, 7, 9, 10, каждый из которых оценивается в 5 очков.

«Отчасти да» — 3 очка.

Часть III

«Да» — 5 очков, кроме вопросов 4, 9, 10, каждый из которых оценивается в 1 очко.

«Нет» — 1 очко, кроме вопросов 4, 9, 10, каждый из которых оценивается в 5 очков.

«Отчасти да» — 3 очка.

Итого:

Интерпретация

Часть I определяет ваш потенциал честолюбия в целом. Части II и III показывают, за каким «сияющим призом» вы гонитесь. Если ваш результат в части II выше, чем в части III, — вы стремитесь к власти, высшим должностям и успешной карьере.

Если вы набрали более 50 очков, то это означает, что вы готовы отложить на время замужество, чтобы целенаправленно строить карьеру.

Если же ваш результат в части III выше, — значит, вы жаждете обеспеченной жизни с партнером, который будет хозяином и на работе, и дома.

Результат более 50 очков означает, что вы греетесь у костра своего избранника и спокойно откажетесь от карьеры, чтобы посвятить себя ему.

Тот результат, что выше по части II или III, прибавьте к сумме очков части I.

Свыше 145 очков: вы не позволяете никому и ничему отвлечь себя от погони за успехом. Если ваша цель — замужество, то серьезность и стремление к самому лучшему могут восприниматься мужчинами как расчет. Если же ваша цель — профессиональный успех, начальники могут заметить некоторую безжалостность в вашем стремлении продвинуться по службе. Учитесь смирять свои желания, иначе они станут вашим препятствием.

Если ваш результат 105–144 очка: попробуйте совместить любовь к работе с заботой об окружающих. Мужчины не любят женщин, состоящих из одних острых углов, и начальство продвигает тех, кто уверен в себе и обладает чувством юмора. Найдите время для друзей и увлечений, научитесь расслабляться.

Ваш результат 61–104 очка: у вас есть четкая цель, но главное — есть твердое представление о приоритетах: вы не хотите рисковать ни здоровьем, ни дружбой, чтобы слегка приблизиться к цели.

Результат 23–60 очков: вы имеете лишь смутное представление о том, чего бы вам хотелось от жизни, и не горите желанием надрываться и жертвовать, чтобы добиться чего-то. Вы предпочитаете, чтобы успех сам со временем пришел к вам.

Тест «Родители глазами ребенка»

Тест является фрагментом детской методики Рене Жиля, взятой из публикации: *Гильяшев И. Н., Игнатьева Н. Д.* Детская проективная методика в исследовании межличностных отношений ребенка. В кн.: Психологическое исследование личности в клинике. Л., 1978.

Методика представляет собой переходную форму между анкетой и проективными тестами. Является визуально-вербальной, состоит из 42 картинок с изображением детей или детей и взрослых, а также текстовых заданий. Ее направленность — выявление особенностей поведения в разнообразных жизненных ситуациях, важных для ребенка и затрагивающих его отношения с другими людьми.

Перед началом работы ребенку сообщается, что от него ждут ответов на вопросы по картинкам. Ребенок рассматривает рисунки, слушает или читает вопросы и отвечает.

Ребенок должен выбрать себе место среди изображенных людей либо идентифицировать себя с персонажем, занимающим то или иное место в группе. Он может выбрать его ближе или дальше от определенного лица. В текстовых заданиях ребенку предлагается выбрать типичную форму поведения, причем некоторые задания строятся по типу социометрических. Таким образом, методика позволяет получить информацию об отношении ребенка к матери и отцу.

Простота и схематичность, отличающие методику Р. Жиля от других проективных тестов, не только делают ее более легкой для испытуемого ребенка, но и дают возможность относительно большей ее формализации. Помимо качественной оценки результатов, детская проективная методика межличностных отношений позволяет представить результаты психологического обследования по ряду переменных и количественно.

Авторы, адаптировавшие методику, выделяют 12 признаков, из которых я оставил только два, имеющие отношение к оценке детьми матери и отца.

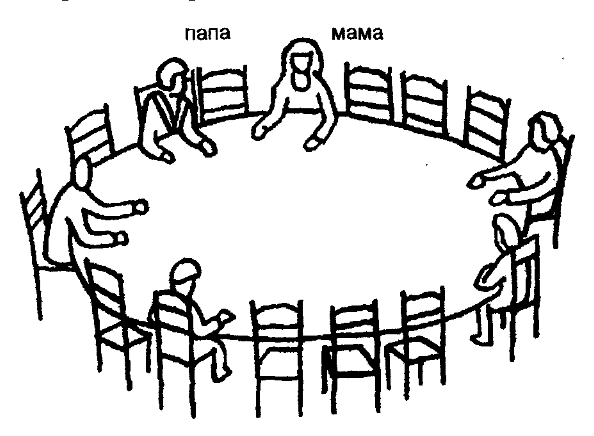
Отношение к тому или иному родителю выражается количеством его выборов из максимального числа заданий, направленных на выявление соответствующего отношения.

Ключ

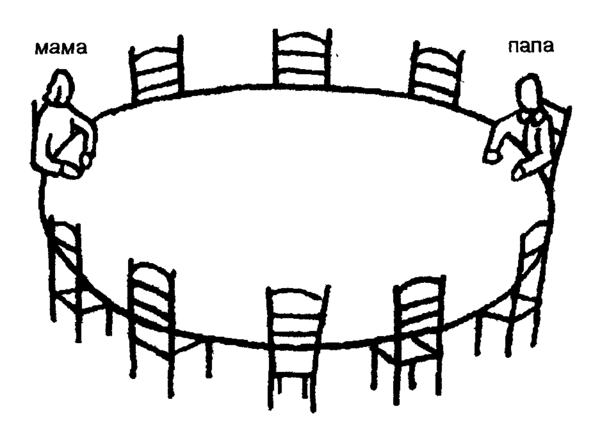
№ шкал	Назначение шкал	№ заданий	Общее количество заданий
1	Отношение к матери	1–15, 16, 18, 19–21	20
2	Отношение к отцу	1–15, 17, 19–21	20

Стимульный материал к методике Рене Жиля

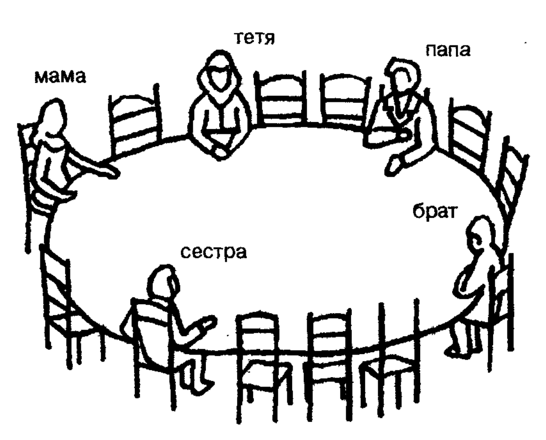
1. Вот стол, за которым сидят разные люди. Обозначь крестиком, где сядешь ты.

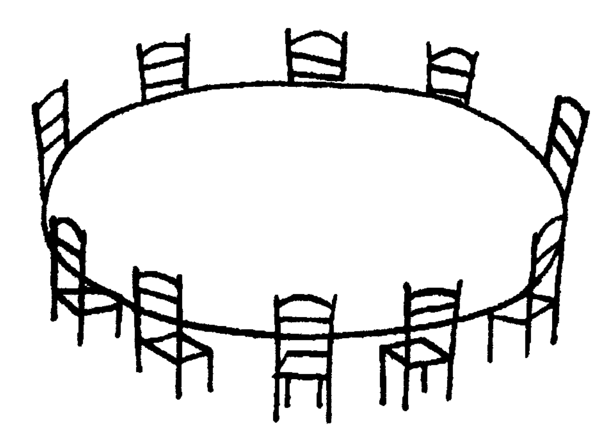
2. Обозначь крестиком, где ты сядешь.

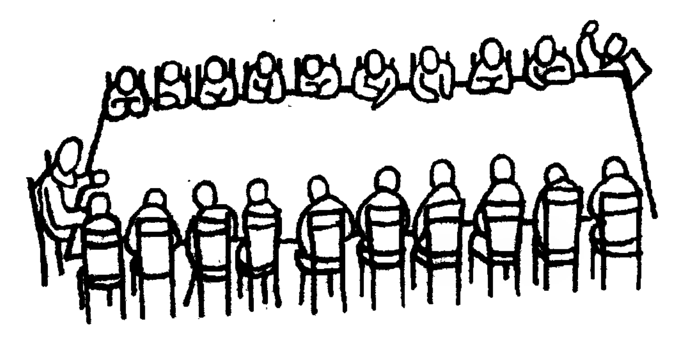
3. Обозначь крестиком, где ты сядешь.

4. А теперь размести несколько человек и себя вокруг этого стола. Обозначь их родственные отношения (папа, мама, брат, сестра или друг)

5. Вот стол, во главе которого сидит человек, которого ты хорошо знаешь. Где сел бы ты? Кто этот человек?

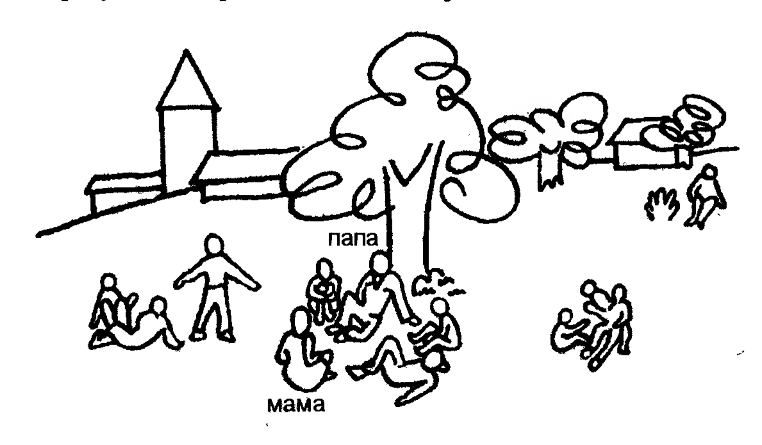

6. Ты гостишь у знакомых. Обозначь комнаты некоторых людей (папы, мамы, брата, сестры) и свою комнату.

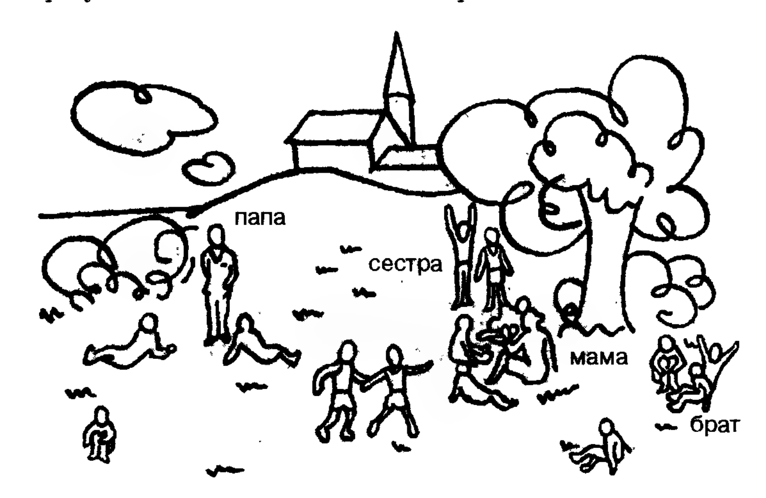
<table>
<tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td colspan="5"></td></tr>
<tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
</table>

7. Решено преподнести одному человеку сюрприз. Ты хочешь, чтобы это сделали? Кому? А может быть, тебе все равно? Напиши ниже.
8. Ты имеешь возможность уехать на несколько дней отдыхать, но там, куда ты едешь, только два свободных места: одно для тебя, второе для другого человека. Кого бы ты взял с собой? Напиши ниже.
9. Ты потерял что-то, что стоит очень дорого. Кому первому ты расскажешь об этой неприятности? Напиши ниже.

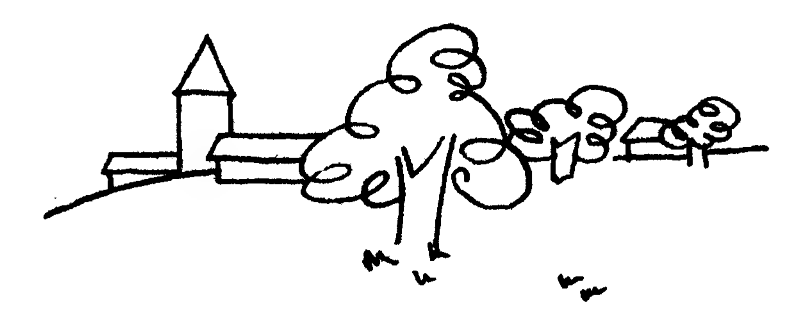
12. Ты на прогулке за городом. Обозначь крестиком, где находишься ты.

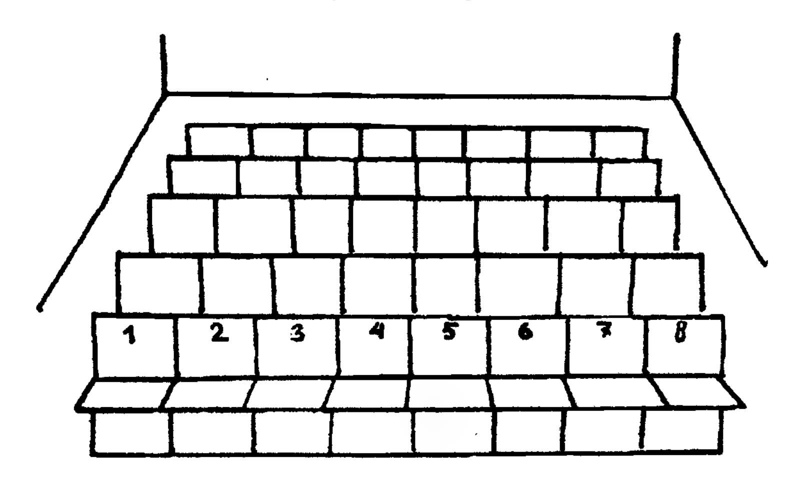
13. Другая прогулка. Обозначь, где ты на этот раз.

14. Теперь на этом рисунке размести несколько человек и себя. Нарисуй или обозначь крестиками. Подпиши, что это за люди.

15. Тебе и некоторым другим дали подарки. Кто-то получил подарок гораздо лучше других. Кого бы ты хотел видеть на его месте? А может быть, тебе все равно? Напиши.
16. Ты много помогаешь маме? Мало? Редко? Подчеркни один из ответов.
17. Отец не разрешает тебе идти гулять. Что будешь делать: ничего не ответишь? Надуешься? Начнешь плакать? Запротестуешь? Попробуешь пойти вопреки запрещению? Подчеркни один из этих ответов.
18. Мама не разрешает тебе идти гулять. Что будешь делать: ничего не ответишь? Надуешься? Начнешь плакать? Запротестуешь? Попробуешь пойти вопреки запрещению? Подчеркни один из этих ответов.
19. Ты пошел в кино вместе со своей семьей. В кинотеатре много свободных мест. Где ты сядешь? Где сядут те, кто пришел вместе с тобой?

20. В кинотеатре много пустых мест. Твои родственники уже заняли свои места. Обозначь крестиком, где сядешь ты.

Тест «Подростки о родителях»

Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR — сокращенно: «Подростки о родителях») помогает изучить установки, поведение и методы воспитания родителей так, как видят это дети в подростковом возрасте.

Основой служит опросник, который создал Э. Шафер в 1965 г. Эта методика базируется на положении Шафера о том, что воспитательное воздействие родителей (так, как это описывают дети) можно охарактеризовать при помощи трех факторных переменных: принятие — эмоциональное отвержение, психологический контроль — психологическая автономия, скрытый контроль — открытый контроль. При этом принятие здесь подразумевает безусловно положительное отношение к ребенку вне зависимости от исходных ожиданий родителей.

Эмоциональное же отвержение рассматривается как отрицательное отношение к ребенку, отсутствие к нему любви и уважения, а порою и просто враждебность. Понятие психологического контроля обозначает как определенное давление и преднамеренное руководство детьми, так и степень последовательности в осуществлении воспитательных принципов.

Использование опросника в ЧССР на выборке молодежи показало необходимость его переработки и адаптирования к социокультурным условиям. Модифицированный вариант опросника был предложен З. Матейчиком и П. Ржичаном в 1983 г.

В ходе международного научного сотрудничества лаборатории клинической психологии Института им. В. М. Бехтерева с Институтом психодиагностики (Братислава, Словакия) эта методика была апробирована на подростках 13–18 лет в России, как это предусмотрено авторами модификации.

Процедура проведения исследования

Перед началом эксперимента подростка вводят в курс дела относительно целей и задач исследования, после чего ему предъявляется следующая *инструкция:*

Просим Вас оценить, исходя из собственного опыта, какие из указанных положений более всего характерны для ваших родителей. Для этого внимательно прочитайте каждое утверждение, не пропуская ни одного из них. Если вы считаете, что утверждение полностью соответствует воспитательным принципам вашего отца (или матери), обведите кружком цифру «2». Если вы считаете, что данное высказывание частично подходит для вашего отца (или матери), обведите цифру «1». Если же, по вашему мнению, утверждение не относится к вашему отцу (или матери), обведите цифру «0».

Затем подростку выдают регистрационный бланк для заполнения отдельно на каждого из родителей. Принципиальной разницы между формулировками высказываний нет: по отношению к матери все утверждения представлены в женском роде, а по отношению к отцу — в мужском. Причем бланки заполняются отдельно; вначале, например, заполняют бланк, в котором отражаются воспитательные принципы матери, затем этот бланк сдается экспериментатору и только после этого выдается аналогичный бланк, где указанные положения должны быть оценены подростком уже в применении к отцу.

Мой отец (моя мать)

1. Очень часто улыбается мне.
2. Категорически требует, чтобы я усвоил, что я могу делать, что нет.
3. Недостаточно терпелив по отношению ко мне.
4. Когда я ухожу, сам решает, когда я должен вернуться.
5. Всегда быстро забывает то, что сам говорит или приказывает.
6. Когда у меня плохое настроение, советует мне успокоиться или развеселиться.
7. Считает, что у меня должно существовать много правил, которые я обязан выполнять.
8. Постоянно жалуется кому-то на меня.
9. Предоставляет мне столько свободы, сколько мне надо.
10. За одно и то же один раз наказывает, а другой — прощает.
11. Очень любит делать что-нибудь вместе со мной.
12. Если назначает выполнение какой-нибудь работы, то считает, что я должен делать только ее, пока не закончу.
13. Начинает сердиться и возмущаться по поводу любого пустяка, который я сделал.
14. Не требует, чтобы я спрашивал у него разрешения, чтобы идти туда, куда захочу.
15. Отказывается от многих своих дел в зависимости от моего настроения.
16. Пытается развеселить и воодушевить меня, когда мне грустно.
17. Всегда настаивает на том, что за все мои проступки я должен быть наказан.
18. Мало интересуется тем, что меня волнует и чего я хочу.
19. Допускает, чтобы я мог бы идти куда хочу каждый вечер.
20. Имеет определенные правила, но иногда соблюдает их, иногда нет.
21. Всегда с пониманием выслушивает мои мнения.
22. Следит за тем, чтобы я всегда делал то, что мне сказано.
23. Иногда вызывает у меня ощущение, что я ему противен.
24. Позволяет мне делать все, что мне нравится.
25. Меняет свои решения так, как ему удобно.
26. Часто хвалит меня за что-либо.
27. Всегда точно хочет знать, что я делаю и где нахожусь.
28. Хотел бы, чтобы я стал другим, изменился.
29. Позволяет мне самому выбирать себе дело по душе.
30. Иногда очень легко меня прощает, а иногда — нет.
31. Старается открыто показать, что любит меня.
32. Всегда следит за тем, что я делаю на улице или в школе.
33. Если я сделаю что-нибудь не так, постоянно и везде говорит об этом.

34. Предоставляет мне много свободы. Редко говорит «должен» или «нельзя».
35. Непредсказуем в своих реакциях, если я сделаю что-нибудь плохое или хорошее.
36. Считает, что я должен иметь собственное мнение по каждому вопросу.
37. Всегда тщательно следит за тем, какие у меня друзья.
38. Не будет со мной говорить, пока я сам не начну, если до этого я его чем-то задену или обижу.
39. Всегда легко меня прощает.
40. Хвалит и наказывает очень непоследовательно: иногда слишком много, а иногда слишком мало.
41. Всегда находит время для меня, когда это мне необходимо.
42. Постоянно указывает мне, как себя вести.
43. Вполне возможно, что меня ненавидит.
44. Где и как провести каникулы, я планирую исходя из собственных желаний.
45. Иногда может обидеть, а иногда бывает добрым и признательным.
46. Всегда откровенно ответит на любой вопрос, о чем бы я ни спросил.
47. Часто проверяет, все ли я убрал, как он велел.
48. Пренебрегает мною, как мне кажется.
49. Не вмешивается в то, убираю я или нет мою комнату (или уголок), — это моя крепость.
50. Очень неконкретен в своих желаниях и указаниях.

Обработка сырых данных

После того как подросток заполнил оба бланка (на отца и на мать), все полученные данные сводятся в «оценочный лист» отдельно на мать и на отца. Затем по каждому параметру подсчитывается арифметическая сумма сырых баллов (POZ — позитивный интерес, DIR — директивность, HOS — враждебность, AUT — автономность и NED — непоследовательность). Далее сырые баллы переводятся в стандартизованные в соответствии с таблицами. Стандартизованные данные располагаются от 1 до 5, и нормой является среднее значение, т. е. 3.

Если по параметру вышли 1–2 балла, то можно говорить, что он слабо выражен, если же 4–5, то измеряемое качество выражено вполне отчетливо. Затем строятся оценочные профили отношений как к матери, так и к отцу, на специальном бланке.

Интерпретация шкал

1. Оценка матери сыном

Шкала позитивного интереса. Прежде всего психологическое принятие матери мальчики-подростки видят в относительно критическом подходе к ним. Подростки часто испытывают необходимость в помощи и поддержке матери, в большинстве случаев принимают ее мнение, склонны соглашаться с ней. Такие же формы поведения, как властность, подозрительность, тенденция к лидерству отрицаются. В то же время сыновья не ждут от матери чрезмерного конформизма, вплоть

до тенденции «идти на поводу». Тем не менее просто компетентное поведение, дружеский способ общения и нормальные эмоциональные контакты оказываются недостаточными для того, чтобы подросток мог утверждать, что мать испытывает по отношению к нему позитивный интерес. Они стремятся к сверхопеке сильного, взрослого и самостоятельного человека.

Шкала директивности. Директивность матери по отношению к сыну подростки видят в навязывании им чувства вины по отношению к ней, ее декларациям и постоянным напоминаниям о том, что «мать жертвует всем ради сына», полностью берет на себя ответственность за все, что сделал, делает и будет делать ребенок. Матерью как бы утверждается изначальная зависимость ее статуса и оценки окружающих от соответствия сына «эталону ребенка», исключая при этом возможность других вариантов самовыражения. Таким образом, мать стремится любым способом исключить неправильное поведение сына, чтобы «не ударить в грязь лицом». Простые же формы проявления отзывчивости, симпатии, вызывающие положительные эмоциональные отношения, отрицательно коррелируют с директивной формой взаимодействия матери и подростка.

Шкала враждебности. Враждебность матери в отношениях с сыном-подростком характеризуется ее агрессивностью и чрезмерной строгостью в межличностных отношениях. Ориентировка матери исключительно на себя, ее самолюбие, излишнее самоутверждение, как правило, исключают принятие ребенка. Он воспринимается прежде всего как соперник, которого необходимо подавить, дабы утвердить свою значимость. Так, эмоциональная холодность к подростку маскируется и зачастую выдается за сдержанность, скромность, следование «этикету» и даже подчиненность ему. В то же время может наблюдаться ярко выраженная подозрительность, склонность к чрезмерной критике в адрес сына и окружающих, целью чего является стремление унизить их в глазах окружающих. Наряду с этим постоянно (главным образом на вербальном уровне) демонстрируется положительная активность, ответственность за судьбу сына.

Шкала автономности. Автономность матери в отношениях с сыном понимается им как диктат, полное упоение властью, даже некоторая маниакальность в этом отношении, не признающая никаких вариаций. Мать при этом не воспринимает ребенка как личность, со своими чувствами, мыслями, представлениями и побуждениями, она являет собой «слепую» силу власти и амбиций, которой все, невзирая ни на что, обязаны подчиняться. При этом адаптивная форма [авторитета матери, основанная на доверии и уважении, а также приемлемые формы жесткости и резкости (когда они учитывают ситуацию), оказываются нехарактерными для автономности матерей в отношениях с сыновьями-подростками. Также, по мнению сыновей, ни эмоциональная привязанность, ни дружеский стиль общения не могут быть связаны с отгороженностью, невовлеченностью матери в дела сына.

Шкала непоследовательности. Непоследовательность проводимой матерью линии воспитания оценивается подростками как некое чередование (в зависимости от степени информативной значимости) таких психологических тенденций, как господство силы и амбиций и покорность (в адаптивных формах), деликатность и сверхальтруизм и недоверчивая подозрительность.

Причем все они имеют тенденцию к экстремальным формам проявления (амплитуда колебаний максимальна).

2. Оценка отца сыном

Шкала позитивного интереса. Позитивный интерес в отношениях с сыном рассматривается как отсутствие грубой силы, стремления к нераздельной власти в общении с ним. Подростки говорят о позитивном интересе в случаях, когда отцы стремятся достигнуть их расположения и почитания отцовского авторитета, не прибегая к декларациям догм. Психологическое принятия сына отцом основано прежде всего на доверии. При подобных отношениях характерно находить истину в споре, прислушиваясь к различным аргументам и отдавая предпочтение логике здравого смысла. Здесь полностью отрицается какого-либо рода конформизм.

Шкала директивности. Директивность в отношениях с сыном отец проявляет в форме тенденции к лидерству, путем завоевания авторитета, основанного на фактических достижениях и доминантном стиле общения. Его власть над сыном выражается главным образом в управлении и своевременной коррекции поведения ребенка, исключая амбициозную деспотичность. При этом он очень четко дает понять ребенку, что ради его благополучия жертвует некоторой имеющейся у него частичкой власти; что это не просто покровительство, а стремление решать все мирно, невзирая на степень раздражения.

Шкала враждебности. Жестокие отцы всегда соглашаются с общепринятым мнением, слишком придерживаются конвенций, стремятся удовлетворить требования других быть «хорошим» отцом и поддерживать положительные отношения. Воспитывая, они пытаются вымуштровать своего сына в соответствии с принятым в данном обществе и в данной культуре представлением о том, каким должен быть идеальный ребенок. Отцы стремятся дать сыновьям более широкое образование, развивать различные способности, что зачастую приводит к непосильной нагрузке на юношеский организм. Наряду с этим проявляется полная зависимость от мнения окружающих, боязнь и беспомощность, невозможность противостоять им. В то же время по отношению к сыну отец суров и педантичен. Подросток постоянно находится в состоянии тревожного ожидания низкой оценки его деятельности и наказания родительским отвержением по формуле: «Как ты смеешь не соответствовать тому, что ждут от тебя, ведь я жертвую всем, чтобы сделать из тебя человека». Тут же звучит постоянное недовольство, скептическое отношение к достижениям сына, что неизбежно снижает мотивацию его деятельности.

Шкала автономности. Автономность отца в отношениях с сыном проявляется в формальном воспитании, в излишней беспристрастности в процессе общения. Взаимодействие основывается на позициях силы и деспотичности. Отец «замечает» сына только в случаях, когда тот что-нибудь натворил, причем даже на разбор случившегося, как правило, «не хватает времени». Отец слишком занят собой, чтобы вникать в жизнь и проблемы сына. О них он узнает только из его просьб помочь или посоветоваться в том или ином вопросе, не особенно утруждая себя объяснениями. Его не интересуют увлечения сына, круг его знакомств, учеба в школе, он только делает вид, что это его беспокоит. Часто его просто раздражает, когда сын обращается к нему. По его мнению, сын «сам должен все знать».

Шкала непоследовательности. Непоследовательность применяемых отцом воспитательных мер по отношению к их сыновьям-подросткам последние видят в непредсказуемости, невозможности предвидеть, как их отец отреагирует на ту или иную ситуацию, событие — подвергнет ли сына суровому наказанию за мелкие проступки или слегка пожурит за что-нибудь существенное, просто приняв заверения последнего в том, что это больше не повторится; такой отец либо долго и педантично будет «промывать косточки», либо примет на веру заверения сына в невиновности и т. п.

При сравнении практики матерей и отцов мальчиками-подростками выявляются следующие характерные различия. При психологическом принятии родителями сына у отцов по сравнению с матерями доминирует отсутствие тенденции к лидерству, поскольку они стремятся достичь расположения и почитания их авторитета, не прибегая к силе, в отличие от матерей, которые в исключительных случаях позволяют себе авторитаризм в межличностных отношениях «ради блага» ребенка. В то же время у матерей в качестве позитивного интереса мальчики отмечают критический подход к ним и сверхопеку, тогда как у отцов более выражена независимость и твердость позиций. По шкале директивности у матерей, по сравнению с отцами, на первый план выступает тенденция к покровительству, поскольку матери более склонны воздействовать на детей индуктивной техникой. Также матери готовы пойти на компромисс ради достижения своей цели, тогда как отцы предпочитают авторитет силы. Враждебность матерей отличается от аналогичной характеристики отцов тем, что у матерей она проявляется в результате борьбы за свою независимость, а у отцов — это скорее тенденция к конформности по отношению к окружающим.

Автономность матерей и отцов основана на деспотической «слепой» власти, не терпящей потворствования, однако у матерей замечен акцент на отсутствие требований-запретов в отношении подростков, а у отцов — отгороженность. И у тех и у других отсутствует даже тенденция к покровительству, хотя отцы могут в виде исключения оторваться от дел и внять просьбам подростка.

Непоследовательность же в проведении линии воспитания у обоих родителей одинаково оценивается подростками как тенденция к экстремально-противоречивым формам проявления с максимальной амплитудой выражения. Причем у матерей противоположностью силе и недоверию является уступчивость и гиперпроективность, а у отцов — доверчивость и конформизм.

3. Оценка матери дочерью

Шкала позитивного интереса. Положительное отношение к дочери со стороны матери, основанное на психологическом принятии, описывается подростками-девочками как отношение к маленькому ребенку, который постоянно требует внимания, заботы, помощи, который сам по себе мало что может.

Такие матери часто одобряют обращение за помощью дочерей в случаях ссор или каких-либо затруднений, с одной стороны, и ограничение самостоятельности — с другой. Наряду с этим девочки отмечают фактор потворствования, когда мать находится как бы «на побегушках» и стремится удовлетворить любое желание дочери.

Шкала директивности. Описывая директивность своих матерей, девочки-подростки отмечали жесткий контроль с их стороны, тенденцию к легкому применению своей власти, основанной на амбициях, и не приветствуя при этом выражения собственного мнения дочери. Такие матери больше полагаются на строгость наказания, упрямо считая, что они «всегда правы, а дети еще слишком малы, чтобы судить об этом».

Шкала враждебности. Враждебность матерей их дочерьми-подростками описывается как подозрительное отношение к семейной среде и дистанция по отношению к ее членам (в частности, к детям). Подозрительное поведение и отказ от социальных норм приводят их, как правило, к отгороженности и возвышению себя над остальными.

Шкала автономности. Автономность матерей исключает какую-либо зависимость от ребенка, его состояния, требований. Отрицаются также какие-либо формы заботы и опеки по отношению к дочерям. Такие матери оцениваются подростками как снисходительные, нетребовательные. Они практически не поощряют детей, относительно редко и вяло делают замечания, не обращают внимания на воспитание.

Шкала непоследовательности. Под непоследовательностью воспитательной практики со стороны матери девочки понимают резкую смену стиля, приемов, представляющих собой переход от очень строгого — к либеральному, и наоборот, переход от психологического принятия дочери к эмоциональному ее отвержению.

4. Оценка отца дочерью

Шкала позитивного интереса. Дочери описывают позитивный интерес отца как отцовскую уверенность в себе, уверенность в том, что не пресловутая отцовская строгость, а внимание к подростку, теплота и открытость отношений между отцом и дочерью-подростком являются проявлением искреннего интереса. Психологическое принятие дочери характеризуется отсутствием резких перепадов от вседозволенности к суровым наказаниям, т. е. доминируют теплые дружеские отношения с четким осознанием границ того, что можно и чего нельзя.

Отцовские запреты же в данном случае действуют только на фоне отцовской любви.

Шкала директивности. Девочки-подростки представляют директивность отца в качестве образа «твердой мужской руки», готовой то сжаться в кулак, то указать на ее место в обществе и, в частности, в семье. Директивный отец как бы направляет растущую девушку на путь истинный, заставляя ее подчиняться нормам и правилам поведения, принятым в обществе и определенной культуре, вкладывая в ее душу заповеди морали.

Шкала враждебности. В данном случае речь идет о таком неблагоприятном типе отцовского отношения к дочери, как сочетание сверхтребовательности, ориентированной на эталон «идеального ребенка» и соответствующей слишком жесткой зависимости, с одной стороны, и эмоционально-холодное, отвергающее отношение — с другой. Все это ведет к нарушениям взаимоотношений между отцом и дочерью-подростком, что, в свою очередь, обусловливает повышенный уровень напряженности, нервозности и нестабильности подростка.

Шкала автономности. Девочки-подростки описывают автономность отцов как претензию на лидерство, причем лидерство недосягаемое, недоступное для взаимодействия с ним. Он представляется человеком, отгороженным от проблем семьи как бы невидимой стеной, существующим параллельно с остальными членами семьи. Отцу абсолютно все равно, что происходит вокруг, его действия зачастую не согласуются с потребностями и запросами близких, интересы которых полностью игнорируются.

Шкала непоследовательности. Здесь отец представляется человеком совершенно непредсказуемым. С достаточно высокой степенью вероятности в его поведении могут проявляться совершенно противоречащие друг другу психологические тенденции, причем амплитуда колебаний — максимальна.

Таким образом, характерные различия в оценках воспитательной практики матерей и отцов девочками-подростками выглядят следующим образом. При позитивном интересе и психологическом принятии у матерей, в отличие от отцов, на первый план выступают доверие и подчиняемость. У отцов же доминирует уверенность в себе и отсутствие жесткости, авторитарности в отношениях с дочерью, что исключает воспитание посредством силового давления. Директивность матерей основана исключительно на амбициозных претензиях к власти и жесткому контролю за поведением дочери, а директивность отцов наряду с этим выражается еще и в зависимости от мнения окружающих и самовлюбленности. При враждебности, эмоциональном отвержении у матерей выявляется упрямый конформизм и слабовольная зависимость от мнения окружающих, что исходит из претензий отца на ведущие позиции. У отцов же при враждебной воспитательной практике по отношению к дочери-подростку на первый план выступают жестокость и самоутверждение властью и силой. Автономность со стороны матерей отличается отсутствием добрых человеческих отношений и отгороженностью от проблем и интересов дочери, а у отца автономность выражается в его безоговорочном лидерстве в семье и в недоступности общения с ним для дочери. При непоследовательной воспитательной практике в контексте противоречивости проявлений характеристики отцов и матерей представляются одинаковыми. Различие проявляется лишь в таких тенденциях, как самодовлеющее самоутверждение с враждебной непримиримостью у отцов и подчиненность и недоверие — у матерей.

Список литературы

Абибукова Н. И. Что такое «гендер»? // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 123–125.

Абраменкова В. В. Совместная деятельность дошкольников как условие гуманного отношения к сверстникам // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 60–70.

Абраменкова В. В. Половая дифференциация и межличностные отношения в детской группе // Вопросы психологии. 1987. № 5. С. 70–78.

Абраменкова В. В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М. — Воронеж, 2000.

Абрамов В. В. Становление функции эндокринной и кардиореспираторной систем у спортсменок пубертатиого возраста: Автореф. дис. ... д-ра наук. СПб., 1992.

Авилов А. Будут ли в российской армии женщины-генералы? // Красная звезда. 1993. 10 апреля.

Агеев В. С. Влияние факторов культуры на восприятие и оценку человека человеком // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 135–140.

Агеев В. С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 152–158.

Адашинская Г. А., Мейзеров Е. Е., Еникополов С. Н. Различия в восприятии боли мужчинами и женщинами // Психологический журнал. 2007. № 6. С. 82–90.

Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов-на-Дону, 1998.

Ажгихина Н. И. Прекрасная дама у кульмана. В кн.: От первородного греха к высоким технологиям / Под ред. М. Гессен. СПб., 1996.

Ажгихина Н. И. «Железная леди» или Баба Яга? Женская тема в современной российской прессе: Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. Валдай-96. М., 2007. С. 43–46.

Айвазова С. Женщины и общество. Гендерное измерение политического процесса // Социс. 1996. № 3.

Айзенк Г., Кэмин Л. Природа интеллекта — битва за разум. М., 2002.

Айрапетян М. А. Скорость простой двигательной реакции на словесный раздражитель у школьников: Материалы X Всесоюзной научной конференции по физиологии, морфологии, биохимии и биомеханике мышечной деятельности. М., 1968. Т. 1. С. 9–10.

Акинщикова Г. И. Телосложение и реактивность организма. Л., 1969.

Акинщикова Г. И., Макарова Н. И. К вопросу о вибрационной чувствительности человека. В кн.: Проблемы общей и инженерной психологии. Л., 1976. С. 3–9.

Александрова М. Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л., 1974.

Александрова О. В. Особенности представлений о мужественности — женственности у женщин с различной сексуальной ориентацией: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2007.

Алешина Ю. Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1985.

Алешина Ю. Е., Борисов И. Ю. Полоролевая дифференциация как комплексный показатель отношений супругов // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1989. № 2. С. 44–53.

Алешина Ю. Е., Волович А. С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 74–82.

Алешина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: Спецпрактикум по социальной психологии. М., 1987.

Алешина Ю. Е., Лекторская Е. В. Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 80–88.

Аллахвердов В. М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993.

Альчук А. Метаморфозы образа женщины в русской рекламе // Гендерные исследования. 1998. № 1. С. 255–261.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.

Анастази А. Дифференциальная психология. М., 2001.

Андреев А. С. Клинико-биологическое исследование инверсии психосексуальной ориентации у мужчин: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1993.

Андреева В. Н. Сравнительная характеристика долговременной вербальной памяти мужчин и женщин // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 5. Л., 1973. С. 67–74.

Андреева Е. Н. Самоотношение подростков. В кн.: Психология современного подростка. СПб., 2005. С. 27–36.

Андреева Е. Н. Проблемные переживания асоциальных подростков (группа риска). В кн.: Психология современного подростка. СПб., 2005. С. 194–208.

Андреева Т. В. Колористика городской среды: предпочтения жителей // Ананьевские чтения–97: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1997. С. 269–270.

Андреева Т. В. Самореализация личности представителей творческих профессий: половые различия // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1998. Вып. 2. С. 203–216.

Андреева Т. В. Социальная психология семейных отношений. СПб., 1998.

Андреева Т. В. Образы партнера по общению и супруга у студентов университета // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 168–170.

Андреева Т. В., Бакулина Ю. А. Представления молодых супругов (с ребенком-первенцем) о распределении семейных ролей и удовлетворенности браком: Психология: итоги и перспективы: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1996. С. 141–143.

Андреева Т. В., Иоффе М. М. Семейно-брачные установки женщин разных поколений // Ананьевские чтения–2004: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 336–337.

Андреева Т. В., Пипченко Т. Ю. Потребности женщин и мужчин в брачно-семейных отношениях и отношение к супружеской верности // Ананьевские чтения–2000: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 112–114.

Андреева Т. В., Савина Л. Н. Расширенная семья: психологические аспекты взаимоотношений невестки и свекрови // Ананьевские чтения–2000: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 114–116.

Андреева Т. В., Толстова А. В. Темперамент супругов и совместимость в браке // Ананьевские чтения–2001: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 207–208.

Аничкина В. С. Прекрасный пол на службе у Марса // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 9.

Анищенков В. Б. Гендерные различия в предпочтении телевизионной рекламы: Психология XXI века: Тезисы Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2002. С. 124–125.

Анненкова Е. А. Совладающее поведение юношей и девушек в зависимости от типа жизненного события: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. 1. С. 39–40.

Антология гендерной теории / Сост. Е. Гапова, А. Усманова. Минск, 2000.

Антонов А. И., Медков В. М. Второй ребенок. М., 1987.

Антонюк Е. В. Представления супругов о распределении ролей и становление ролевой структуры молодой семьи. М., 1992.

Антропова М. В. Физическое развитие ребенка. В кн.: Физиология развития ребенка. М., 1983.

Анучин В. В., Альтшулер В. Б., Власова И. Б. Некоторые данные о становлении хронического алкоголизма у женщин. В кн.: Актуальные вопросы наркологии. Душанбе, 1984. С. 124–127.

Арефьева Т. К. Домашняя работа как фактор гендерного неравенства: Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы: Материалы Международной научной конференции в Иваново. Иваново, 2000. Ч. 2. С. 200–202.

Арканцева Т. А. Психологические особенности подростков с разным типом полоролевой ориентации: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1999.

Арканцева Т. А., Дубовская Е. М. Полоролевые представления современных подростков как действенный фактор их самооценки // Мир психологии. 1999. № 3. С. 147–155.

Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М., 1998.

Артамонов С. В.. Коростылева Л. А. Ценностные установки на брачные отношения и особенности их становления // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 2002. Вып. 6. С. 195–210.

Артемьева Л. И. Гендерные стереотипы (на примере гражданских браков): Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ 2006 года. СПб., 2007. С. 22–26.

Арутюнян М. Ю. Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами. В кн.: Семья и социальная культура. М., 1987. С. 53–70.

Арутюнян М. Ю. Кто Я? Проблема самоопределения юношей и девушек-подростков. В кн.: Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М., 1992.

Архипова Н. А. Гендерные различия в проявлении запрета на эмоции у студентов-психологов: Психология XXI века: Сб. материалов межвузовской научно-практической конференции молодых ученых. СПб., 2005. С. 17–22.

Архиреева Т. В. Гендерные особенности детерминации критического отношения к себе у детей младшего школьного возраста: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. 1. С. 45–46.

Архиреева Т. В., Ломакина С. С., Моисеева А. А., Пакина А. А. Гендерные проблемы к исследованию отцовства: Научно-практическая конференция «Семейная политика в гендерном аспекте»: Тезисы докладов. Великий Новгород, 2004. С. 41–44.

Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.

Асадуллина Ф. Г., Малюгин Д. В. Ценностные ориентации мужчин и женщин как факторы морального выбора // Психологический журнал. 2008. № 6. С. 48–55.

Ассовская А. В., Цветкова Л. А., Яничева Т. Г. Изучение креативности младших школьников // Ананьевские чтения–97: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1997. С. 56–58.

Астафьев П. Е. Понятие психического ритма как научное основание психологии полов. М., 1899 (а).

Астафьев П. Е. Психический мир женщины, его особенности, превосходства и недостатки. М., 1899 (б).

Афиногенова С. В. Психологический пол и выбор вида спорта // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 405.

Афиногенова С. В. Выбор вида профессиональной деятельности подростками и юношами разного биологического и психологического пола // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Гендерная психология. 2006. № 1. С. 112–115.

Афиногенова С. В. Биологический и психологический пол в связи с профессиональными и спортивными интересами в подростковом и юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб, 2007.

Ахундов Р. А. Исследование двигательной активности (основных локомоций) учащихся начальной школы: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1970.

Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Женщины в бизнесе // Социологические исследования. 1996. № 3.

Бабанский Ю. К. Оптимизация процесса обучения. М., 1977.

Бабкин П. С. Материалы к вопросу о конституциональной политипии у детей и подростков: Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты: Тезисы докладов. М., 1975. С. 192–193.

Багрунов В. П. Половые различия в видовой и индивидуальной изменчивости психики человека: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1981.

Баданина Л. П. Соотношение психологических и нейропсихологических коррелятов эмоциональной неустойчивости у младших школьников: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1996.

Бадентер Э. Мужская сущность. М., 1995.

Баландина Л. Л. Гендерные различия у детей в многодетных и однодетных семьях // Ананьевские чтения–2008: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2008. С. 694–695.

Балибалова Д. И. Женщина в условиях перехода к рыночной экономике. В кн.: Феминизм и российская культура. СПб., 1995.

Барам Д. П. Учебные и профессиональные интересы восьмиклассников с различными особенностями познавательных процессов // Вопросы психологии. 1984. № 2. С. 60–66.

Баранов А. А. Стресс-толерантность педагога. Теория и практика. М. — Ижевск, 2002.

Баранник О. С. Влияние семьи на формирование тревожности у дошкольников // Ананьевские чтения–99: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1999. С. 176–177.

Барнетт А. Род человеческий. М., 1968.

Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере: принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4.

Барш Э. Семь возрастов женщины. Возрастные особенности физиологии и психологии женщины. М., 1994.

Барышева Т. А. Креативность. Диагностика и развитие. СПб., 2002.

Баскакова М. Е. Замужняя женщина: семья или работа? // Семья в России. 1995. № 3–4. С. 101–108.

Баскакова М. Е. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. М., 1998.

Бауэр Е. А., Кабардов М. К. Гендерные различия в уровне успеваемости немецких школьников в точных и гуманитарных науках: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. 1. С. 133.

Бауст Э. О причинах, обусловливающих развитие мужского и женского потомства. Киев, 1872.

Бахарева Н. В. Роль представлеиий об отношении к себе в формировании взаимоотношений: Тезисы научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976. С. 23–25.

Бей первой, леди // Спорт за рубежом. 1990. № 14.

Белавина О. В. Причины неудовлетворениости супругов браком в молодых семьях: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. 1. С. 90.

Белевцова Е. Е. Взаимосвязь акцентуации характера и особенностей реакции на фрустрацию и конфликт: Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ 2004 года. СПб., 2005. С. 8–12.

Белкин А. И. Биологические и социальные факторы, формирующие половую идентификацию. В кн.: Соотношение биологического и социальиого в человеке. М., 1975. С. 777–791.

Белкин А. И. К проблеме половой идентификации личиости. В кн.: Проблемы современной сексопатологии. М., 1972. С. 12–16.

Белкин А. И. Третий пол. Судьбы пасынков природы. М., 2000.

Белый Б. И. Особенности зрительной перцепции у детей 8–12 лет // Вопросы психологии. 1982. № 6. С. 111–115.

Беляев И. Г. Особенности развития некоторых функций двигательного аппарата у детей школьного возраста: Автореф. дис. ... канд. наук. Пермь, 1960.

Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.

Бендас Т. В. Гендерные исследования лидерства // Вопросы нсихологии. 2000. № 1. С. 87–95.

Бендас Т. В. Гендерная психология лидерства. Оренбург, 2000.

Бендас Т. В. Психология лидерства: гендерный и этнический аспекты: Автореф дис. ... д-ра наук. СПб., 2002.

Бендас Т. В. Гендериая психология. СПб., 2005.

Бендюков М. А. Профессиональное развитие в условиях негарантироваиной занятости: пeихологический анализ. СПб., 2006.

Бендюков М. А., Саврилова Н. С., Соломин И. Л. Исследование особенностей системы отношений безработных к различным аспектам безработицы // Известия РГПУ им. А. И. Герцеиа: Психолого-педагогические науки. 2007. № 8 (30). С. 31–46.

Бенеш Л. Психологическая природа мужского насилия // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работ. 1995. № 3.

Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991.

Бережкова Е. И. Влияние экспозиции социальиой агрессии на агрессивность младшего школьника: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2003.

Березовская Р. А. Отношение менеджеров к своему здоровью как фактор профессиональной деятельности: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2001.

Береснева О. Этот сильиый слабый пол (О жеищинах-военнослужащих армии США) // Ориентир. 1999. № 3.

Берн Ш. Гендерная психология. СПб. – М., 2001.

Берн Э. Секс в человеческой любви. М., 1990.

Берно-Белленкур И. В. Опросник нарушений полоролевой самоидентификации // Ананьевские чтения–98: Тезисы научно-практической конфереиции. СПб., 1998. с. 142–143.

Бертин А. Воспитание в утробе матери, или Рассказ об упущенных возможностях. М., 1992.

Бессонова Т. Л. Психологические особенности полоролевого самосознания и самопринятия личности студента педагогического высшего учебного заведения: Автореф дис. ... канд. наук. М., 1993.

Билич Г. Л., Божедомов В. А. Репродуктивиая фуикция и сексуальность человека: Учеб. пособие. СПб., 1999.

Бирюкова Н. В., Ипатов Б. Ю., Моисеенко С. А. Изучение некоторых личностиых свойств школьников разного возраста. В кн.: Психофизиологические вопросы изучения личности спортсмена. Л., 1976. С. 168–174.

Бирюкович А. А., Король В. М. Выносливость детей школьного возраста к динамической работе субмаксимальной мощности: Материалы VII научной конференции по морфологии, физиологии и биохимии мышечной деятельности. М., 1962. С. 32–33.

Блок Дж. Х. Влияние дифференцированиой социализации на развитие личиости мужчин и женщин. В ки.: Практикум по социальной психологии. СПб., 2000.

Блонский П. П. Очерки детской сексуальности. Л.— М., 1935.

Бовуар С. Второй пол. М., 1997.

Богданова С. И. «Сюжетность» карьеры женщины // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 2002. Вып. 6. С. 211–217.

Бодалев А. А. К феноменологии формирования первого впечатления: Тезисы научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976. С. 33–36.

Бодалев А. А. Личность и общеиие. В кн.: Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979.

Бодалев А. А. Личиость и общение. М.: Педагогика,1983.

Бодрова В. Поведение женщин на рынке труда // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 6. С. 18.

Бодрова В. В. Работа или семья: что важнее для современной женщины?: Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. Валдай-96. М., 1997. С. 97–100.

Боева И. Ф. Влияние гендерных стереотипов на развитие женской профессиональной карьеры в системе МЧС России: Психология сознания: современное состояние и проблемы: Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 2007. С. 573–575.

Бондаренко Л. Ю. Мир, в котором мы живем. Ролевые сходства и различия между российскими и американскими женщинами // Общественные науки и современность. 1997. № 3.

Бондаренко Р. А. Влияние школы на полоролевую социализацию в самооценке подростков // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 4.

Борисов Ю. В. Физическая культура и спорт в быту трудящихся совхоза // Теория и практика физической культуры. 1971. № 4. С. 40–42.

Борисов Ю. В. Отношение к физической культуре и спорту на селе // Теория и практика физической культуры. 1972. № 7. С. 66–67.

Боровская Н. В. Психологические и психофизиологические предпосылки лености студентов: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2008.

Бороденко М. В., Колясникова М. В., Петровский В.А. Феномен гетерогенности пола // Мир психологии. 2001. № 4. С. 179–190.

Бороздина Л. В., Данилова Е. Е. О различии в характеристиках уровня притязаний мужчин и женщии // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1987. № 2. С. 31–40.

Босый М. К., Давиденко И. М., Иващенко В. П., Свергуненко Н. Г. Влияние учебных занятий в режиме дня педвуза на работоспособность студентов-спортсменов // Теория и практика физической культуры. 1971. № 2. С. 50–53.

Боченкова Е. В. Физические упражнения и развитие человека как личности // Ананьевские чтения–2000: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 12–14.

Брайсон В. Политическая теория феминизма. Введение. М., 2001.

Бреслав Г. М. Романтическая любовь и зрелая личность // Родник. 1987. № 2. С. 63–66.

Бреслав Г. М., Хасан Б. И. Половые различия и современное школьиое образование // Вопросы психологии. 1990. № 3. С. 64–69.

Бриджер С. Язык дискриминации — наследство перестройки российским женщинам. В кн.: Гендерные аспекты социальной трансформации. М., 1996.

Будилов В. В. Предпочтение школьниками разного возраста и пола учителей физической культуры — мужчин и женщин. В кн.: Психофизиологические аспекты спортивной и учебной деятельности. Л., 1987. С. 82–84.

Букреева Д. П. Возрастные изменения максимального темпа движений у детей 7–16 лет: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1955.

Буланова В. Б. Организация образовательного процесса в основной школе с учетом половозрастных особенностей младших подростков: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2005.

Булгакова Н. Ж., Милованова И. Е. Специализация в плавании и оптимальный возраст для достижения высоких результатов // Теория и практика физической культуры. 1975. № 5. С. 55–58.

Буракова М. В. К вопросу об исследовании невербальных паттернов фемиииости и маскулинности. В сб.: Методы психологии. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 3. С. 36–38.

Буракова М. В. Интерпретация маскулинности — фемининности виешнего облика женщины (на примере прически): Автореф. дис. ... канд. наук. Ростов-на-Дону, 2000 (а).

Буракова М. В. Гендерная идентичность субъекта общения в перспективе социально-психологической адаптивности. В сб.: Психология общеиия-2000: проблемы и перспективы. М., 2000 (б).

Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001.

Буткевич В. А. Психологические особенности личности женщины-руководителя: Дипломная работа. СПбГУ, факультет психологии, 2001.

Бутовская М. Л. Биология пола, культура и полоролевые стереотипы поведения у детей: Семья, гендер, культура: Материалы международной конференции 1994 и 1995 гг. М., 1997.

Бутовская М. Л. Тайны пола: мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино, 2004.

Бутовская М. Л. Формирование гендерных стереотипов у детей: социокультурная и социобиологическая парадигма — диалог или новое противостояние? // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 104–122.

Бутовская М. Л., Артемова О. Ю., Арсенина О. И. Полоролевые стереотипы у детей Центральной России в современных условиях // Экологическое обозрение. 1998. № 1.

Бухановский А. О. Транссексуализм: клиника, систематика, дифференциальиая диагностика, психосоциальная реадаптация и реабилитация: Автореф. дис. ... д-ра наук. М., 1994.

Бухановский А. О., Андреев А. С. Структурно-динамическая иерархия пола человека. Ростов-на-Дону, 1993.

Бызова В. М. Влияние особенностей личности на половые взаимоотношения в юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд наук. Л., 1985.

Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1998.

Вакулова И. Н. Возрастная динамика профессиональных интересов учащихся старших классов. В кн.: Вопросы становления профессиональных планов учащихся. Л., 1979.

Вартанова И. И., Егерева Е. Д., Вартанов А.В. Структура мотивации и самооценки младших школьников: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. 1. С. 206–207.

Василенко Л. М. Психические нарушения у лиц с транссексуализмом: принципы лечения и реабилитации: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1995.

Васильев Н. А., Васильева В. Н., Назарова В. М. Взаимооценки школьников разного возраста и пола (социометрическое исследование). В кн.: Психофизиология. Л., 1979. С. 100–108.

Васильева В. Н., Васильев Н. А. Социометрический статус школьников, сплоченность класса и успеваемость. В кн.: Психофизиология. Л., 1979. С. 108–114.

Васильева Л. Н. Мое кредо не феминизм, а гармония между мужчиной и жеищиной // Воин России. 1999. № 3.

Васильева Т. И. О графических приемах, используемых детьми дошкольиого возраста при изображении человека. В кн.: Экспериментальная и прнкладная психология. Л., 1971. С. 53–56.

Вассерман Л. И., Горьковая И. А., Ромицына Е. Е. Родители глазами подростка. Психологическая диагностика в медико-педагогической практике. СПб., 2004.

Введение в гендерные исследования. Харьков — СПб., 2001. Т. 1.

Вейнингер О. Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротики. М., 1991.

Велькова Н. А. Поведение покупателей как фактор эффективности рекламы: Психология XXI века: Материалы Междунаролиой научно-практической конфереиции студентов, аспирантов и молодых учеиых. СПб., 2008. С. 392–394.

Держибок Г. В. Социальная компетентность и карьера: гендерный аспект // Ананьевские чтения–2008. СПб., 2008. С. 361–362.

Верма Р. Р. Отсутствующая личность. В кн.: Феминизм. Восток. Запад. Россия. М., 1993.

Весельницкая Е. Женщина в мужском мире. СПб., 1993.

Визгина А. В., Пантилеев С. Р. Проявление личностных особенностей в самоописаииях мужчин и жеищин // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 91–100.

Вильчковский Э. С. Развитие моторики у детей дошкольного и школьного возраста // Теория и практика физической культуры. 1972. № 6. С. 46–49.

Виноградов П. А., Жолдак В. И., Нифонтова Л. Н. Утреиняя гимнастика в жизни современного человека // Теория и практика физической культуры. 1977. № 6. С. 37–40.

Виноградова С. А. Семья и карьера в представлениях женщин: Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ 2003 года. СПб., 2004. С. 36–40.

Виноградова Т. В. История науки: версия феминизма (обзор литературы) // Высшее образование в России. 2001. № 6. С. 112–123.

Виноградова Т. В., Семенов В. В. Сравнительные исследования познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 63–71.

Винокуров А. И. Взаимосвязь индивидных и личностных характеристик человека: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1996.

Вислова Н. Л. Женщина и карьера: Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы: Материалы Международной научной конференции. Иваново, 2000. Ч. 2. С. 88–91.

Виткин Дж. Правда о женщинах (14 мифов, сочиненных мужчинами). СПб., 1996.

Владимирова И. М. Особенности психологической адаптации лиц с различными свойствами темперамента к процессу обучения в военно-медицинском вузе: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2001.

Вовченко О. М. Общественное равенство женщин. М., 1995.

Войтонис Н. Ю. Сравнительно-психологическое изучение памяти методом отсроченных реакций. В кн.: Рефлексы, инстинкты, навыки. М., 1936. С. 195–212.

Волков В. В. Возрастные показатели развития образной памяти у школьников. В сб.: Психофизиологическое изучение учебной и спортивной деятельности. Л., 1981. С. 105–113.

Волков Д. Н. Самооценка и тренерская оценка способностей успешных и неуспешных спортсменов: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2009.

Волкова А. Н. Социально-психологические факторы супружеской совместимости: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1979.

Волкова А. Н., Трапезникова Т. М. Методические приемы диагностики супружеских отношений // Вопросы психологии. 1985. № 5.

Волович А. С. Особенности процесса социализации выпускников средней школы: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1990.

Волошинов Н. Л. Удовлетворенность учителей физической культуры своей профессией и условиями работы. В сб.: Психофизиологические аспекты спортивной и учебной деятельности. Л., 1987. С. 99–104.

Волчек О. Д., Котельникова Н. С. Гендерные особенности и окружающая среда // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 177–178.

Вольнец В. А. Женская пресса: состояние и трудности. В кн.: Женщины в политике, политика для женщин. М., 1996.

Вопросы практической пснходиагностики и психологического консультирования в вузе. Л., 1984.

Ворник Б. М., Говорун Т. В. Роль стереотипов полоролевого поведения в возникновении сексуально-психологических дисгармоний: Проблемы современной сексологии и сексопатологии: Сб. материалов научно-практической конференции сексопатологов. М., 1996.

Воробьева Е. В. Функционально-регуляционная модель взаимосвязи интеллекта и мотивации достижения: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. 1. С. 195–196.

Воронин Е. В. Зависимость стиля игры в настольном теннисе от типологических особенностей нервной системы и некоторых волевых качеств. В сб.: Психофизиологические особенности учебной и спортивной деятельности. Л., 1984. С. 4–15.

Воронина О. А. Женщина в мужском обществе // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 43–50.

Воронина О. А. Женщина — друг человека? // Человек. 1990. № 5.

Воронина О. А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 9–20.

Воронина О. А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований. В кн.: Теория и методология гендерных исследований. М., 2001. С. 13–106.

Воронина О. А., Клименкова Т. А. Гендер и культура. В кн.: Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М., 1992. С. 10–22.

Воронцов Д. В. Что такое гендер. В кн.: Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. СПб., 2003. С. 28–35.

Воронцов Д. В. Гендерная идентичность личности: «мужчиия» и «женщина», или «маскулинность» и «фемининность»?: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. 1. С. 199–200.

Вот так «слабый пол»! // Спорт за рубежом. 1986. № 24.

Врохно К. Женщина в Народной Польше. Варшава, 1969.

Вудсон У., Коновер Д. Справочник по инженерной психологии для инженеров и художников-конструкторов. М., 1968.

Вул С. М. Использование нецензурной лексики и половая принадлежность адресанта (по материалам исследования анонимных писем): Язык и сознание: Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988.

Вульфсон И. Н., Солдащенский А. Д. К определению сосудистого периферического сопротивления у здоровых детей // Педиатрия. 1967. № 6. С. 6–11.

Вундер П. А. Эндокринология пола. М., 1980.

Вылегжанин Д. А. Гендерные особенности мнений о руководителе — мужчине и женщине // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Гендерная психология. 2006. № 1. С. 66–72.

Высотская Н. Е. Проявление типологических особенностей по «подвижности — инертности» нервных процессов у гимнастов и акробатов. В сб.: Психофизиологические основы физического воспитания и спорта. Л., 1972. С. 112–117.

Гаврилица О. А. Чувство вины у работающей женщины // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 65–70.

Гаврилова М. В. Гендерные роли и факторы социализации личности: Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ 2004 года. СПб., 2005. С.43–48.

Гаврилова Т. П. Эмпатия и ее особенности у детей младшего и среднего школьного возраста: Автореф. Дис. ... канд. наук. СПб., 1977.

Гаврюшкина Н. В. Креативность в связи с личностными свойствами и поведенческая активность: дипломная работа. СПбГУ, факультет психологии, 2001.

Галиакберова Н. Р. Портрет женщины-руководителя: Государственная политика в области образования: региональный аспект: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2001. С. 60–61.

Гандельсман А. Б., Смирнов К. М. Спорт и здоровье. М., 1963.

Ганова Л. А. Феномен агрессивности и особенности личности: Вопросы общей и дифференциальной психологии: Сб. научных трудов. Кемерово, 1998. Вып. 2. С. 108–115.

Гапова Е. Пол и право // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки». 1996–1998. СПб., 1999.

Гаранин С. А. Самооценка профессионального мастерства как отражение уровня развития профессионального самосознания учителя физической культуры: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1993.

Гарднер Р. А. Психотерапия детских проблем. СПб., 2002.

Гарифуллина М. М., Пээтс Э. Р. Мышление. В сб.: Психологические и психофизиологические особенности студентов. Казань, 1977. С. 102–120.

Гасанова З. А. Женщины в изначально мужских видах спорта // Теория и практика физической культуры. 1997. № 7. С. 18.

Гаязова Л. А. Личностные особенности пожилого человека, обеспечивающие его защищенность от психологического насилия в ближайшем социальном окружении: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб, 2007.

Гвоздева Е. С., Герчиков В. И. Штрихи к портрету женщин-менеджеров // Социология управления. 2000. № 11. С. 36–44.

Гейманс Г. Психология женщины. СПб., 1911.

Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб., 1996.

Гендерные аспекты социальной трансформации // Демография и социология. 1996. № 15.

Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы Международной научной конференции. Иваново, 2002.

Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика. Мурманск, 2001.

Геодакян В. А. Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации // Проблемы передачи информации. 1965 (а). № 1. С. 105–112.

Геодакян В. А. О существовании обратной связи, регулирующей соотношение полов. В сб.: Проблемы кибернетики. М., 1965 (б). Вып. 13.

Геодакян В. А. О структуре эволюционизирующих систем. В сб.: Проблемы кибернетики. М., 1972. Вып. 25.

Геодакян В. А. Дифференциальная смертность и норма реакции мужского и женского пола. Онтогенетическая и филогенетическая пластичность // Общая биология. 1974. № 3. С. 376–385.

Геодакян В. А. Эволюционная логика дифференциации полов // Природа. 1983. № 1. С. 70–80.

Геодакян В. А. Эволюционная логика дифференциации полов в филогенезе и онтогенезе: Автореф. дис. ... д-ра наук. М., 1987.

Геодакян В. А. Два пола: зачем и почему. СПб., 1992.

Геодакян В. А., Шерман А. Л. Связь врожденных аномалий развития с полом // Журнал общей биологии. 1971. № 4.

Герасимова Н. Ценностные ориентации личности в период ранней взрослости // Анаиьевские чтения–98: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1998. С. 90–91.

Герриг Р., Зимбардо Ф. Психология и жизнь. СПб., 2004.

Гецук А., Розин И. Сексуальная культура русскоязычной молодежи в Германии: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студеической конференции. СПб., 2000. С. 74–76.

Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972.

Гиссен Л. Д. Исследование некоторых особенностей высшей нервной деятельности гребцов. В сб.: Психофизиологические основы физического воспитания и спорта. Л., 1972. С. 101–105.

Глэдинг С. Психологическое консультирование. СПб., 2002. С. 135–142.

Гнедова М. Н., Елинова С. М. Произвольная память детей 4 и 6 лет в условиях общения // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 87–71.

Голда А. Чего хочет женщина... // Военные знания. 1994. № 5.

Головей Л. А. Психология становления субъекта деятельности в периоды юности и взрослости: Автореф. дис. ... д-ра наук. СПб., 1996.

Головей Л. А. Дифференциально-психологические факторы профессионального самоопределеиия. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1999. Вып. 3. С. 76–83.

Головей Л. А., Грищенко Н. А. О соотношении различных видов двигательной активности. В сб.: Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 7: Проблемы общей и инженерной психологии. Л., 1976. С. 58–65.

Голод С. И. Стабильность семьи: социологические и демографические аспекты. Л., Наука, 1984.

Голод С. И. Личная жизнь: любовь, отношения полов. Л., 1990.

Голод С. И. Российское население сквозь призму гендерных отношений. В сб.: Качество населения Санкт-Петербурга. СПб., 1996.

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.

Гончаров В. А. Динамика межличностиых взаимоотношений в искусственно реорганизованной малой группе: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2001. С. 143–145.

Гончарова Н. В. «Игры» для мальчиков (гендериые аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 83–91.

Гордина А. В., Панасюк Т. В. О возрастной динамике распределения типов конституций у чукчей. В сб: Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты. М., 1975. С. 198–200.

Горский А. П. Возрастные особенности развития скоростно-силовых качеств у учащихся 8–15 лет различного уровня физического развития: Материалы X Всесоюзной научной коиференции по физиологии, морфологии, биохимии и биомеханике мышечной деятельности. М., 1966. Т. 1. С. 135.

Горчакова В. Г. Психология женщины-профессионала: Автореф. дис. ... д-ра наук. СПб., 2000.

Горшкова А. Н. Динамика психических состояний старшеклассников и их нормализация с помощью методов психической регуляции и средств физической культуры: Автореф. дис. ... канд. наук. Калуга, 1999.

Гофман А. Г., Куприянов А. Т. О сходстве и различии алкоголизма у мужчин и женщин по даиным диспансера. В кн.: Профилактика, клиника, лечение алкоголизма и наркомании, организация наркологической помощи. М., 1977. С. 11–23.

Граевская Н. Д., Петров И. Б., Беляева Н. И. Некоторые проблемы женского спорта с нозиций медицины (обзор) // Теория и практика физической культуры. 1987. № 3. С. 42–45.

Гребенников И. В. Основы семейной жизни. М., 1991.

Грей Д. Мужчины — с Марса, женщины — с Венеры. В кн.: Межличиостное общение. СПб., 2001.

Грецов А. Г. Проблемы петербургских подростков на пороге XXI века: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. СПб., 2000. С. 110–112.

Грвчин Б. С. Система гендерного воспитания в вальдорфской школе // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. № 1. С. 107–109.

Грошев И. В. Половой диморфизм и поведение в конфликте: Психология: итоги и перспективы: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1996. С. 13–15.

Грошев И. В. Как принимают решения мужчины и женщины — руководители // ЭКО. 1996. № 4. С. 149–152.

Грошев И. В. Пол и качества врача // Ананьевские чтения–97: Тезисы научно-практической коиференции. СПб., 1997. С. 182–183.

Грошев И. В. Образ женщины в рекламе. В сб.: Жеищина. Гендер. Культура. М., 1999.

Грошев И. В. Половые различия и сравиительная характеристика скорости реакции // Ананьевские чтеиия–2000: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000 (а). С. 79–80.

Грошев И. В. Гендерные корреляты непосредственного поведения процесса общения // Журиал прикладной психологии. 2000 (б). № 5.

Грошев И. В. Психология половых различий: Автореф. дис. ... д-ра наук. М., 2002.

Грошев И. В. Психофизиологические различия мужчин и женщин. М. — Воронеж, 2005.

Грошев И. В. Гендерно-половые особеиности паттернов поведения при специфических фобических расстройствах: Психология — наука будущего: Материалы Международной конференции молодых ученых. М., 2007. С. 123–125.

Грузина Э. Э. Социальный аспект компьютерного образования на математическом факультете // Ананьевские чтения–2001: Тезисы научио-практической конфереиции. СПб., 2001. С. 494–495.

Губман Л. Б. О возрастных особенностях развития и взаимосвязи моторных функций рук и ног: Материалы X Всесоюзной научной конференции по физиологии, морфологии, биохимии и биомеханике мышечной деятельности. М., 1968. Т. 1. С. 140–141.

Гулыга А., Андреева И. Пол и культура // Философские науки. 1973. № 4. С. 63–69.

Гуммель М. Спортивная деятельность и эмансипация женщин: Материалы Всемирного научного конгресса «Спорт в современном обществе». М., 1974.

Гуриева С. Д. Факторы нейтрализации этносоциальной установки в межнациональных отношениях // Ананьевские чтения–2002: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 260–262.

Гуркин Ю. А. Гинекология подростков: Руководство для врачей. СПб., 1998.

Гурко Т. А. Становлеиие молодой семьи в крупном городе: условия и факторы стабильности: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1983.

Гурко Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. 1997. № 1.

Гурко Т. А. Гендерная социология. В кн.: Социология в России. М., 1996.

Гурко Т., Босс П. Отношения мужчин и жеищин в браке. В кн.: Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1995.

Гусева А. Г. Психологические механизмы развертки представлений юношей и девушек о своей внешности и понимания личности. В кн.: Вопросы психологии межличностного познания и общения. Краснодар, 1985. С. 40–47.

Гусева Т. Б., Бледнова А. Ю. Представления о браке и семье у студентов хакасской и русской национальности // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конфереиции. СПб., 2005. С. 181–183.

Данилович Е. М. Индивидуальные характеристики темпа речи на родном языке // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 125–128.

Данилюк С. Б. Особениости половой идеитификации в структуре самосознания личности дошкольника, воспитывающегося в условиях детского дома: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1993.

Данькова А. С. Неполная семья: формирование гендерных ролей: Психология XXI века: Тезисы Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПБ., 2002. С. 135–136.

Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор: Соч. Т. II. СПб., 1896.

Дарская С. С. Распределение типов конституции у детей разного возраста: Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты: Тезисы докладов. М., 1975. С. 200–202.

Два пола: зачем и почему / Сост. Е. И. Соколова. СПб., 1992.

Дедерихс М. Хиллари Клинтон и власть женщин. М., 1995.

Дейнеко О. С., Бояринцева Т. А., Близнюк Н. Э. Психологические портреты служащих налоговой инспекции и полиции // Ананьевские чтения–99: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1999. С. 97–98.

Дейнеко О. С., Мартюшев Д. Г. Типичные предпочтения предпринимателей в выборе вида спорта в юношеский период // Ананьевские чтения–2000: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 210–211.

Дементьева И. Ф. Первые годы брака: проблемы становления молодой семьи. М., 1991.

Демиденко Т. М. Актуальные проблемы социальной защиты женщин в современных условиях: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции «Уровень жизни населения и социальная политика в регионах». Пенза, 2000. С. 164–167.

Демидова Т. «Визитная карточка» джентльмена // Арт-мозаика. 1998. № 31.

Дессау В. А. Современные стереотипы «мужского» и «женского» ума: Психология XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспнраитов и молодых ученых. СПб., 2008. С. 126.

Джейс Ф. Л. Самоисполняющиеся пророчества: гендер с социально-психологической точки зрения. В кн.: Сексология. СПб., 2001. С. 144–161.

Джонсон Р. Оиа. Глубинные аспекты женской психологии. Харьков — М., 1995.

Джонсон Р. Ои: глубинные аспекты мужской психологии. Харьков — М., 1996.

Димура И. Н. Психологическая коррекция проблем идентичности у женщин // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 183–185.

Дмитриева Д. Я., Фурманов И. А. Гендерные различия в переживаниях супружеских отношений: Психология XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 2008. С. 127–128.

Дмитриева Е. С., Зайцева К. А. О половых различиях латерализации функций при восприятии вербальной и эмоциональной информации в онтогенезе // Журнал высшей нервной деятельности. 1986. Вып. 3. С. 411–418.

Добрынина О. А. Проблема формирования благоприятного социально-психологического климата семьи: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1993.

Дольник Ю. А., Ильин Е. П. Типологические особенности проявления свойств нервной системы у гребцов на байдарках и каноэ и вопросы комплектования команд. В кн.: Психофизиологические вопросы изучения личности спортсмена. Л., 1976. С. 84–91.

Дольто Ф. На стороне ребенка. Екатеринбург, 2003.

Донован Б. Т., Верф Тен Бош Дж. ван дер. Физиология полового развития. М., 1974.

Донцов А. И., Саркисян Ш. В. Совместная деятельность как фактор межличностного восприятия в группе // Вопросы психологии. 1980. № 4. С. 38–49.

Дорошенко Ю. П., Дорошенко И. В. Повышение плавательной подготовленности взрослого населения страны // Теория и практика физической культуры. 1982. № 1. С. 40–43.

Древа Ж. Ю. Роль компьютерных игр в формировании агрессивной личности: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. СПб., 2000. С. 16–17.

Дроздовски З. Спортивная активность женщин Польши // Теория и практика физической культуры. 1999. № 6. С. 8–11.

Дружинин В. Н. Психология общих способностей. 2-е изд. СПб., 2002.

Дуберштейн И. А., Линчевский Э. Э. Профессиональная этика и психология в торговле. М., 1980. С. 46.

Дудченко О., Ясная Л., Дейнз Ш. Работа женщины и семья. В кн.: Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1995.

Дунаев О. Женщины нужны и армии, и флоту // Военные знания. 1991. № 3.

Дынин П. И., Новоселова Н. В. Гендерный анализ образа «Я» студентов: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2002. С. 136–138.

Евсеев Л. Г. Развитие выносливости к циклическим движениям умеренной интенсивности у детей 7–8 лет и пути ее повышения на уроках физической культуры: Автореф. дис. ... канд. иаук. М., 1977.

Евсеева Л. Ф. Типологические особенности в проявлении основных свойств нервной системы у баскетболистов. В сб.: Психофизиологические основы физического воспитания и спорта. Л., 1972.

Егорова М. С., Шляхта Н. Ф. Половые различия в структуре свойств внимания у подростков // Новые исследования в психологии. 1987. № 2. С. 33–36.

Еланцева С. А. Психолого-педагогическое ивлияние родителей на психосексуальную социализацию в соответствии с закономерностями психосексуального развития детей дошкольного возраста: Автореф. дис ... канд. наук. Омск, 2001.

Емельянова Л. К. Влияние семьи на воспитание подростка. В кн.: Воспитание молодежи в развитом социалистическом обществе. М., 1973. Ч. II. С. 57–63.

Еникополов С. Н., Дворянчиков Н. В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал. 2001. № 3. С. 100–115.

Еремеев Б. А. Суждения школьников о людях. В кн.: Психология современного подростка. СПб., 2005. С. 93–114.

Еремеева В. Д., Хризман Т. П. Девочки и мальчики — два разных мира. СПб., 2001.

Ермолин А. В. Возрастно-половые и типические особенности представленности в сознании структуры мотива: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1996.

Еськов Г. С. Твои права, человек. М., 1993.

Жарновецкая Н. Ю. Возрастно-половые особенности восприятия агрессивности: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2007.

Жданов Л. Н. Исследование максимального темпа движений у детей и взрослых: Материалы IX Всесоюзной научной конференции по физиологии, морфологии, биохимии и биомеханике мышечной деятельности. М., 1966. Т. 1. С. 109–110.

Женщина: жизнь и судьба // Социальная защита. 1993. № 2.

Женщины в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг.: Справочник. М., 1985.

Женщины в меняющемся мире. М., 1992.

Женщины в науке: Реферативный сборник / Под ред. Л. Н. Кулькина. М., 1989.

Женщины в общественных объединениях. М., 1992.

Женщины в управлении — безопасность в стране и мире. М., 1999.

Женщины и вооруженные силы // Новое время. 1992. № 50.

Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М., 1992.

Женщины-управляющие в разных странах. В сб.: Женщина и бизнес. 1993. С. 19–24.

Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии. В сб.: Введение в гендерные исследования. Харьков — СПб., 2001.

Жизненные проблемы и способы их разрешения школьниками 12–18 лет. СПб. — Потсдам, 2000. С. 124.

Жовноватая О. Д. Электрокардиограмма у спортсменок в связи с менструальным циклом // Теория и практика физической культуры. 1976. № 11. С. 35–38.

Жуковская Л. В. Родительские установки женщин, имеющих детей разного пола: Психология XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 2008. С. 431–434.

Журин Н. В. Удовлетворенность учителей физической культуры своей профессиональной деятельностью: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1991.

Завадская Л. О равенстве прав и обязанностей мужчин и женщин // Человек и труд. 1995. № 8.

Завершинская Н. А. Габитус материнства как структурирующая структура современных семейиых практик: Научно-практическая конференция «Семейная политика в гендерном аспекте»: Тезисы докладов. Великий Новгород, 2004. С. 45–47.

Завьялова Е. К. Социально-психологическая адаптация женщин в современных условиях (профессионально-личностный аспект): Автореф. дис. ... д-ра наук. СПб., 1998.

Зайцев А. Я., Палей И. М. О старом афоризме «глаза — зеркало души» по иридо-пупиллярным данным // Ананьевские чтения–98: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1998. С. 157–158.

Зайцев Д. В. Социологический анализ современной семьи России // Дефектология. 2001. № 6. С. 13–16.

Закирова Л. М. Изучение личностных особенностей успешных предпринимателей: Психология — наука будущего: Материалы Международной конференции молодых ученых. М., 2007. С. 160–163.

Залевский Г. В. Психическая ригидиость в норме и патологии. Томск, 1993.

Залкинд А. Половой вопрос в условиях советской общественности. Л., 1926.

Захаров А. И. Психологические особенности восприятия детьми роли родителей // Вопросы психологии. 1982. № 1. С. 59–68.

Захаров А. И. Как помочь нашим детям избавиться от страха? СПб., 1995.

Захаров А. И. Неврозы у детей и психотерапия. СПб., 1998.

Зданевич А. А. Становление навыка метания у школьников // Новые исследования по возрастной физиологии. М., 1987. № 1(28). С. 62–65.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 177–185.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социс. 2000. № 11.

Здравомыслова О. М. От «равенства» к равноправию: нужна ли эмансипация мужчин. В кн.: Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М., 1992. С. 118–130.

Здравомыслова О. М. Современный мужчина // Женщина плюс... 1996. № 3.

Здравомыслова О. М. Общество сквозь призму гендерных представлений. В кн.: Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 184–192.

Зелинский С. М. Половая идентичность у подростков. В кн.: Психика и пол детей в норме и патологии. Л., 1986. С. 26–29.

Знаков В. В. Половые различия в понимании неправды, лжи, обмана // Психологический журнал. 1997. № 1. С. 38–49.

Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб., 1999.

Зобов А. С. Особенности волевой регуляции поведения в эмоциогенных условиях (на примере школьников старшего возраста): Автореф. дис. ... канд. иаук. Л., 1983.

Зуева Ж. В. Особенности половой идеитичности женщин, обращающихся за психологической помощью: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1999.

Зуйкова Е. М., Ерусланова Р. И. Феминология: Учеб. пособие. М., 2001.

Иванов В. В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.

Иванов С. В. Психологические особенности профессионально-педагогического общения иа уроках физической культуры: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1990.

Иванова Е. Гендерная проблематика в психологии: Введение в гендерные исследования. СПб., 2001. Ч. I. С. 312–345.

Иванская Л. Н. О воссоздании лица человека по представлению. В кн.: Проблемы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979.

Ивченкова Н. П., Ефимова А. В., Аккузина О. П. Установки подростков по отношению к началу половой жизни // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 49–57.

Игнатьева А. А. Ценностные ориентации подростков в представлениях взрослых: Дипломная работа. СПбГУ, факультет психологии, 2001.

Изард К. Эмоции человека. М., 1980.

Измеров Н. Ф., Волкова З. А. Научные основы неблагоприятного влияния производствеиных факторов на женский органнзм: Тезнсы докладов: 56-я сессия общего собрания АМН СССР. М., 1987.

Иксанова Л. Ш. Особенности отношений супругов, живущих в незарегистрированном браке: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2001. С. 225–227.

Ильин Е. П. Возрастные изменения силы рук: Труды Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института. Л., 1958. Т. 45. С. 135–139.

Ильин Е. П. Взаимосвязь и развитие силы, выносливости к статическому усилию и тонуса мышц у мужчин и женщин в связи с возрастом. Труды Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института. Л., 1961. Т. 71. С. 145–148.

Ильин Е. П. Урок физической культуры в представлении будущих учителей. В кн.: Психофизиологические аспекты спортивной и учебной деятельности. Л., 1987. С. 88–93.

Ильин Е. П., Драчук Н. С. Психофизиологическая характеристика фехтовальщиков. В кн.: Спортивная и возрастная психофизиология. Л., 1974. С. 80–89.

Ильин Е. П., Липина А. Н. Динамика характеристик эмоциональной сферы и агрессивности на протяжении периода от юности до старости // Вестник практической психологии образования. 2007. № 4 (13). С. 42–46.

Ильин Е. П., Локтюхина Н. Ю. Представление о женщине-руководителе у мужчин // Ананьевские чтения–2004: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 346–347.

Ильин Е. П., Пинигин В. Г. Структура эмоциональности как свойства личности. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 2001. Вып. 5. С. 102–110.

Ильин Е. П., Семенов М. И., Семенов Н. М. Точность дифференцирования усилий у лиц разного возраста: Материалы VIII научной конференции по возрастной морфологии, физиологии и биохимии. М., 1967. С. 153.

Ильин Е. П., Тихонов А. М. Оценка учителями физической культуры — мужчинами и женщинами программы по физическому воспитанию школьников. В кн.: Психофизиологические аспекты спортивной и учебной деятельности. Л., 1987. С. 107–110.

Ильина М. Н. Возрастные изменения выносливости и ее компонентов. В кн.: Психофизиология спортивных и трудовых способностей человека. Л., 1974. С. 122–132.

Ильина Н. Л. Динамика мотивации на протяжеиии спортивной карьеры: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1998.

Ильченко Л. В. Развитие психологического пола ребенка-дошкольника (4–7 лет): Автореф. дис. ... канд. наук. Ростов-на-Дону, 1995.

Имелинский К. Психогигиена половой жизни. М., 1972.

Индиенко А. Н. Личностно-мотивационные факторы успешных продавцов: Дипломная работа. СПбГУ, факультет психологии, 2001.

Информационный бюллетень мониторинга. М., 1994. Ноябрь – декабрь.

Иорданская Ф. А. Морфофункциональные возможности женщин в процессе долговременной адаптации к нагрузкам современного спорта // Теория и практика физической культуры. 1999. № 6. С. 43–50.

Исаев Д. Д., Шевченко А. Е. Гендерные особенности формирования суицидальной готовности у подростков // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 191–192.

Исаев Д. Д., Кравцов М. А. Влияние пренатальной андрогенизации на гендерные особенности. // Ананьевские чтения–2008: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2008. С. 285–287.

Исаев Д. Н., Каган В. Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л., 1979.

Истягина-Елисеева Е. А. Женская эмансипация как фактор развития международного физкультурно-спортивного движения 1860–1920 гг. // Теория и практика физической культуры. 2000. № 6. С. 9–12.

Йонес Ш. Различия в физиологии и клинике перетренированности у мужчин и женщин: Труды XII Юбилейного международного конгресса спортивной медицины. М., 1959.

Каган В. Е. Половые аспекты индивидуальности. В сб.: Психологические проблемы индивидуальности. М., 1984. Вып. 2. С. 109–112.

Каган В. Е. Семейные и полоролевые установки у подростков // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 54–61.

Каган В. Е. Стереотипы мужественности – женственности и образ «Я» у подростков // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 53–62.

Каган В. Е. Воспитателю о сексологии. М., 1991 (а).

Каган В. Е. Половая идентичность и развитие личности // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1991 (б). № 4. С. 25–33.

Каган В. Е. Когнитивные и эмоциональные аспекты гендерных установок у детей 3–7 лет // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 65–69.

Каган В. Е. Половой идентичности нарушения: Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста. СПб., 2000. С. 214.

Казанцева Г. Н. Особенности системы отношений одиноких женщин // Ананьевские чтения–2001: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 83–84.

Калабихина И. Социальный пол и проблемы населения. М., 1995.

Калачникова Е. Ю. Значение игровой проекции и идентификации в развитии личности дошкольника: Магистерская дис. СПбГУ, факультет психологии, 2004.

Калюжная Р. А. Развитие функций сердечно-сосудистой системы. В кн.: Физиология развития ребенка. М., 1983.

Каминер Е., Проняева Е. Женщина и военная служба. Владимир, 2000.

Кампания за достижение равенства между мужчинами и женщинами и улучшение положения женщин. М., 2000.

Канатов А. К. Психологические основы образования взрослых, В кн.: Образование взрослых на рубеже веков. М., 2000.

Каприо Ф. С. Многообразие сексуального поведения. М., 1995.

Карсон Р., Батчер Д., Минека С. Анормальная психология. СПб., 2004.

Карябина Э. Г., Шаманова Л. Н., Балабанов А. С. Сексуальные преследования женщин на работе // Женщина в российском обществе. 1997. № 1. С. 11–13.

Катунин Д. Б. Связь макиавеллизма личности с полоролевой идентичностью // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 194–196.

Квале А. Я., Кушниренко Е. А. Работоспособность баскетболисток в различные фазы менструального цикла // Теория и практика физической культуры. 1978. № 4. С. 33–35.

Кей Э. Очерки о женщине (жизненные потребности, индивидуальность, эволюция души). М., 1907.

Келам А., Эббер И. Причины конфликтных ситуаций в семье. В кн.: Человек после развода. Вильнюс, 1985.

Келли Г. Ф. Основы современной сексологии. СПб., 2000.

Кериг П. К. Семейный контекст: удовлетворенность супружеством, родительский стиль и речевое поведение с детьми // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 158–164.

Кетчер Л. М. Пробуждение полового сознания. М., 1911.

Килошенко М. И. Психология моды. СПб., 2001.

Кимура Д. Половые различия в организации мозга // В мире науки. 1992. № 11–12. С. 73–80.

Киреева Н. Н., Карпухина О. К. Психологический портрет старшеклассника на пороге XXI века // Ананьевские чтения–2001: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 304–307.

Кириллина А. Гендер: лингвистический аспект. М., 1999.

Кириллина А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации. В кн.: Гендер как интрига познания. М., 2000.

Кириллина В. Н. Социокультурные аспекты гендерного конфликта (по материалам западной социологии). В кн.: Женщина и мужчина на пути к устойчивому развитию. М., 1997. С. 66–79.

Кириллов В. А. Психофизиологические особенности бадминтонистов. В кн.: Спортивиая и возрастная психофизиология. Л., 1974. С. 43–49.

Кичатинов Л. П. Формирование мотивов деятельности школьников: Учеб. пособие. Иркутск, 1989.

Киянова М. К. Женщина и бизнес: две ловушки на пути к вершинам // ЭКО. 1995. № 4. С. 193–195.

Клецин А. А. Сексуальные домогательства в оценках населения Санк-Петербурга // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки» 1996–1998. СПб., 1999. С. 29–30.

Клецина А. Мужчины на страницах женских изданий — багряный закат феминистского сквоша // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки» 1996–1998. СПб., 1999. С. 57–58.

Клецина И. С. Самореализация личности и гендерные стереотипы. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1998 (а). Вып. 2. С. 188–202.

Клецина И. С. Гендерная социализация. СПБ., 1998 (б).

Клецина И. С. Гендерный подход в системе психологического образования: Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках: Материалы Второй международной летней школы по гендерным исследованиям (Фарос-1998). Харьков, 1998.

Клецина И. С. Гендерные барьеры на пути личностной самореализации. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1999. Вып. 3. С. 154–168.

Клецина И.С. Партнерство в межличностных отношениях: гендерный подход. СПб., 2000.

Клецина И.С. Психология гендерных отношений. Теория и практика. СПб., 2004.

Клименкова Т. А. Насилие как основа культуры патриархатного типа. Гендерный подход к проблеме. В кн.: Гендерный калейдоскоп. М., 2002. С. 121–146.

Клюев М. Е. Статическая выносливость мышц туловища у школьников 7–16 лет // Теория и практика физической культуры. 1975. № 6. С. 43–46.

Ключко О. И. Гендерная асимметрия социализации: Автореф. дис. ... канд. наук. Саранск, 1999.

Князев В. Н. Параметрические свойства личности в личностно значимом общении студентов. В кн.: Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979.

Князев В. Н. Психологические особенности понимания личности значимого другого как субъекта общения: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1981.

Кобзева Е. Проблемы занятости женщин при переходе к рынку. Набережные Челны, 1991.

Ковалев П. А. Возрастно-половые особенности отражения в сознании структуры собственной агрессивности и агрессивного поведения: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1996.

Коваленко М. В. Взаимосвязь полоролевой идентичности и невротичности в юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 2002.

Ковалев С. В. Проблемы современной семьи. М., 1989.

Коваленко Е. П., Иванова Т. Ф. Психологический портрет современной женщины-руководителя в России: Психология — наука будущего: Материалы Международной конференции молодых ученых. М., 2007. С. 193–196.

Ковальчук А. С. Представления современных молодых людей о своем будущем отцовстве: Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускииков факультета психологии СПбГУ 2006 года. СПб., 2007. С. 73–76.

Коенен-Хютер Ж. Эмансипация женщин: общеевропейский подход // Высшее образование в Европе. 1991. Т. 16. № 4.

Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1991.

Козина И. М. Что определяет статус «кормильца» семьи? // Социологические исследования. 2000. № 11.

Козлов А. И. Развитие элементарных координаций в движениях рук и ног у школьников 8–17 лет: Материалы VII научной конференции по морфологии, физиологии и биохимии мышечной деятельности. М., 1962. С. 138–140.

Козлова А. А. Управление формированием профессиональной идентичности: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. СПб., 2002. С. 235–236.

Козлова А. Л., Поляшова Н. В. Полоролевая идентичность подростков, воспитывающихся в госучереждениях // Ананьевские чтения–2000: Тезисы иаучно-практической конференции. СПб., 2000. С. 184–186.

Козырева Е. В. Влияние маскулинности — фемининности на проявление ауто- и гетероагрессии: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. СПб., 2002.

Колесов Д. В. Проблемы сексуальной ориентации (Мы другие. Ну и что?). М. — Воронеж, 2000.

Колесов Д. В., Сильверова Н. Б. Физиолого-педагогические аспекты полового созревания. М., 1978.

Колмакова Т. И. Феминизм как современная социально-политическая теория. В кн.: Женщины в общественных объедииениях. М., 1992.

Коломинский Я. Л., Мелтсас М. Х. Ролевая дифференциация пола у дошкольников // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 165–171.

Колызаева Н. Г. Формирование адаптивных характеристик личности у студентов в начальный период обучения: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1989.

Колясникова М. В. Психологическое строение пола как характеристика личности старшего дошкольника: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1999.

Комаров Е. И. Женщина-руководитель. М., 1989.

Компейре Г. Отрочество, его психология и педагогия. СПб., 1910.

Конвей Дж. Взрослые дети разводов. Красноярск, 2002.

Кондратьева С. В. Межличностное понимание и его роль в общении: Автореф. дис. ... д-ра наук. Дрогобыч, 1977.

Кон И. С. Психология юношеской дружбы. М., 1972.

Кон И. С. Половые различия и дифференциация социальных ролей. В кн.: Соотношение биологического и социального. М., 1975.

Кон И. С. Психосексуальное развитие и половая социализация. В кн.: Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях. Л., 1978. С. 113–122.

Кон И. С. Постоянство личности — миф или реальность? В кн.: Хрестоматия по психологии. М., 1987. С. 164–167.

Кон И. С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988 (а).

Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1988 (б).

Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989.

Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997.

Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М., 1998.

Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в меняющемся мире. В кн.: Введение в гендерные исследования / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков — СПб., 2001.

Кон И. С. История и теория «мужских» исследований. В кн.: Гендерный калейдоскоп. М., 2002. С. 188–242.

Кон И. С. Пол и гендер. Заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. 2004. № 1–2. С. 31–35.

Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Народное образование. 1995. № 3.

Кондюхова Т. Н., Петанова Т. И. Влияние внутренней картины болезни на адаптацию инвалидов по зрению // Ананьевские чтения–2001: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 163–165.

Коновалов В. Ф., Жураелев Г. И., Сериков И. С. Особенности простых и сложных форм памяти в зависимости от возраста и пола // Вопросы психологии. 1987. № 4. С. 139–144.

Коновалов В. Ф., Отмахова Н. А. Особеиности межполушарных взаимодействий при запечатлении информации // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 96–102.

Конусов Ю. А. Мужчина в семье: типы поведения. В кн.: Семья и социальная структура. М., 1987. С. 97–106.

Коои Г. Мужествениость и женственность. В кн.: Изменение положения женщины и семья. М., 1977. С. 166–179.

Копачева И. В. Самореализация и личностные особенности работающих и неработающих женщин: Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ 2004 года. СПб., 2005. С. 96–101.

Копейко Я. Ю. Гендерные аспекты агрессивности: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. СПб., 2000. С. 30–31.

Кораблина Е. П. Становление личности женщины. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1998. Вып. 1. С. 174–185.

Кораблина Е. П. Женщина в мире экзистенциальных проблем. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1998. Вып. 2. С. 217–221.

Кораблина Е. П. Психологическая помощь с точки зреиия экзистенциально-гуманистического подхода и женского и мужского способов существования. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1999. Вып. 3. С. 169–177.

Корнев А. Н. О влияиии фактора половой принадлежности на распространенность и клиническую симптоматику некоторых форм резидуально-органических поражений головного мозга у детей. В кн.: Психика и пол детей и подростков в норме и патологии. Л., 1986. С. 69–73.

Корнева Т. В., Бажин Е. Ф. О роли профессионального и полового факторов в аудиторской оценке эмоционально окрашеиной речи. В кн.: Проблемы космической биологии. М., 1977. Т. 34. С. 293–299.

Корниенко Д. С. Представления о гендерных различиях у дошкольников // Ананьевские чтения–2004: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 348–350.

Корниенко И. А. Возрастные изменения энергетического обмена и терморегуляции. М., 1979.

Корнилова А. А. Психологические факторы планирования карьеры: Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ 2004 года. СПб., 2005. С. 102–109.

Корхова И. В. Гендерные аспекты здоровья // Народонаселение. 2000. № 2. С. 70–79.

Коршунов В. Л. Становление культуры полоролевого взаимодействия подростков в педагогическом процессе: Автореф. дис. ... канд. наук. Великий Новгород, 2000.

Костанян А. О. Влияние спортивных занятий на двигательную реакцию глухих школьников // Теория и практика физической культуры. 1962. № 5. С. 36.

Котлова Т. Б., Рябова Т. Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // Женщина в Российском обществе. 2002. № 1. С. 25–33.

Кочарян А. С. Личность и половая роль (симптомокомплекс маскулинности — феминности в норме и патологии). Харьков, 1996.

Кочеткова Л. П. Вымирание мужского пола в мире растений, животных и людей. М., 1915.

Кочнева Ю. Е., Шабалина О. А. Самоактуализация личности как предмет экспериментального исследования: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. СПб., 2000. С. 33–35.

Кочубей Б. И. Мужчина и ребенок. М., 1990.

Краев Ю. В., Мяконьков В. Б. Проявление агрессии у спортсменов в разных видах спорта: Психология и педагогика — новая интеграция: Материалы XXIV научной конференции СПб ГАФК им. П. Ф. Лесгафта. СПб., 1998. С. 33–35.

Крайг Г. Психология развития. СПб., 2002.

Красникова С. Л. Нагруженность проблемных сфер старшеклассников в связи с их личностными особенностями: Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ 2003 года. СПб., 2004. С. 65–69.

Кратохвилл С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний. М., 1991.

Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства. СПб., 1909.

Крефф А.-Ф., Каню М.-Ф. Женщина и спорт. М., 1986.

Круглова М. А. Мотивация активности личности как регулятор социального поведения // Ананьевские чтения–99: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1999. С. 44–45.

Крыгина Н. Н. Особенности половой идентификации старших подростков, воспитывающихся в условиях детского дома: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1993.

Крылова Т. А. Формирование половой идентичности дошкольникв в семье: Автореф. дис. ... канд. наук. Вологда, 2002.

Крючкова Т. Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчинами и женщинами. В сб.: Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 186–192.

Крягжде С. П. Психология формирования профессиональных интересов. Вильнюс, 1981.

Кубышкина М. П. Возрастные особенности мотива социального успеха: Психология: итоги и перспективы: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1996. С. 83–84.

Кудинов С. И. Полоролевые аспекты любознательности подростков // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 7.

Кузакова В. Д. Физическое воспитание глухих и тугоухих в связи с их психофизиологическими особениостями. В сб.: Психофизиологические особенности спортивной деятельности. Л., 1975. С. 107–115.

Кузина Р. Х. Психологические особенности профессиональной деятельности военнослужащих женщин: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2001.

Кузнецова Т. Д. Развитие дыхательной функции легких. В кн.: Физиология развития ребенка. М., 1983. С. 115–132.

Кузьмина Н. Е. Социально-психологические аспекты креативности подростков: Психология: итоги и перспективы: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1996. С. 178–180.

Куинджи Н. Н. Кого воспитывает и обучает школа: мальчиков, девочек или...? // Биология в школе. 1988. № 2. С. 17–20.

Кукулите Т. Г. Развитие проблемы половой дифференциации в отечественной и зарубежной детской психологии: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1993.

Кулешова Л. Н., Смолина А. В. Возрастные и индивидуальные особенности образа тела девочек-подростков 11–13 лет: Психология: итоги и перспективы: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1996. С. 180–182.

Куликов Л. В. Психология настроения. СПб., 1997.

Купрейченко А. Б., Табхарова С. П. Отношение к соблюдению нравственных норм делового поведения у мужчин и женщин: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. 2. С. 68.

Куприянова Н. В. Связь биологического и психологического пола с особенностями личности подростков: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2006.

Курбатов В. И. Женская логика. Ростов-на-Дону, 1993.

Курбатова Т. Н., Куус Я. В. Когнитивная сложность и идентичность в кросс-культурном и гендерном исследовании. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 2001. Вып. 5. С. 204–217.

Курек Н. С. Эмоциональное общение матери и дочери как фактор формирования аддиктивного поведения в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 1977. № 2.

Курилович Н. Языковая интерпретация гендера // Иной взгляд: Международный альманах гендерных исследований. 2001. Март. С. 26–27.

Кустова О. Л. Образ женщины в современных средствах массовой информации (на примере журналов Cosmopoliten, «ОНА», «Домашний очаг», Elle и др.): Образ женщины в средствах массовой информации: Материалы декабрьской конференции. Приволжский дом знаний, 1998.

Кухарева Т. А. Адаптация молодых специалистов-инженеров: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1980.

Кухаренко В. И. О первичном соотношении полов у человека // Генетика. 1970. № 5.

Куцырева М. А. Взаимосвязь эмоционального состояния с физиологическими данными // Ананьевские чтения–2004: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 218–219.

Кушнеренко Е. В., Батуев А. С., Быстрова К. С. Реакции новорожденных детей на обонятельные стимулы // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 89–95.

Лагода О. Представления о будущей супруге молодых людей, обучающихся в военных и гражданских вузах: Магистерская дис. РГПУ им. А. И. Герцена, психолого-педагогический факультет, 2005.

Лакофф Р. Язык и место женщины // Гендерные исследования. Харьковский центр гендерных исследований. 2000. № 5. С. 241–254.

Ланина Н. В. Психологические особенности полоролевого развития подростков в семье: Автореф. дис. ... канд. наук. Воронеж, 2000.

Ланина Н. В. Тенденции гендерного развития современной молодежи // Ананьевские чтения–2008: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2008. С. 733–734.

Лапинский М. Н. О развитии личности у женщины. Киев, 1915.

Лаптев А. П. Точность оценки временных интервалов школьниками: Материалы VIII научной конференции по возрастной морфологии, физиологии и биохимии. М., 1967. С. 220–221.

Лассан Л. П. Влияиие фактора пола на психические процессы в онтогенезе при локальных поражениях головного мозга // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. С. 43–52.

Лебедева А. Н. Проявление мотивационно-смысловых ориентаций личности (на примере сотрудников государственных и коммерческих организаций): Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2009.

Лебедева Н. Т. Основы гигиенического нормирования общей двигательной активности младших школьников: Автореф. дис. ... д-ра наук. Минск, 1973.

Левенец С. А. Влияние регулярных занятий спортом на менструальную функцию девочек-спортсменок // Теория и практика физической культуры. 1980. № 11. С. 35–36.

Левенфельд Л. Гипноз и его техника. Житомир, 1977.

Левитов Н. Д. Профессиональные и учебные интересы восьмиклассников. М., 1962.

Левкович В. П., Зуськова О. Э. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. 1985. № 3. С. 126–137.

Левшина О. В. Гендерные аспекты интернета как средства коммуникации: Психология XXI века: Тезисы Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2002. С. 148–149.

Ледовская Н. М. В сб.: Двигательная активность человека и гипокинезия. Новосибирск, 1972. С. 22.

Лекторская Е. В. Полоролевая идентификация мальчиков и проблемы отклоняющегося поведения. В сб.: Психологические проблемы выявления и коррекции отклоняющегося поведения школьников. М., 1990. С. 62–70.

Лендел Ж. Возрастные различия восприятия преподавателей старшеклассниками // Новые исследования в психологии. 1978. № 2. С. 100–104.

Леонтьева А. Б., Качина А. А. Особенности синдрома профессионального стресса у менеджеров разного должностного статуса. В сб.: Психология психических состояний. Казань, 2006. Вып. 6. С. 250–273.

Ли Яньхуа. Проблемные переживания китайских подростков и родительская семья: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2009.

Либерман Л. Л. Врожденные нарушения полового развития. Л., 1966.

Либоракина М. Первая менструация, или Как жеищины приучаются быть женщинами // Преображение. 1994. № 2.

Либоракина М. И. Женщины в странах с экономикой переходного периода // Вестник женского информационно-образовательного проекта. 1995. № 2–3.

Липовецкий Ж. Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности. СПб., 2003.

Лисовский В. Т. Любовь и нравственность. Л., 1986.

Лихтенберг Ф. Мужчины. В кн.: Энциклопедия социальной работы. Т. 2. М., 1994.

Лозовая Г. В. Удовлетворенность тренеров спортивных школ своей профессиональной деятельностью: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2002.

Лозовая Г. В., Рыбакова Н. А. Исследование представлений подростков о семейной жизни: Психология и педагогика – новая интеграция: Материалы XXIV научной конференции СПб ГАФК им. П. Ф. Лесгафта. СПб., 1998. С. 41–44.

Ломакина А. В. Особенности отношения родителей к ребенку в перинатальный период: Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ 2006 года. СПб., 2007. С. 88–94.

Лопухова О. Г. Психологический пол личности в современных социальных условиях: Автореф. дис. ... канд. наук. Казань, 2000.

Лопухова О. Г. Влияние этнокультурных традиций на становление психологического пола личности // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 73–79.

Лорбер Дж. Пол как социальная категория // Альманах «Thesis». 1994. Вып. 6.

Лосева О. Секс?... Не только, но, В сб.: Узы брака, узы свободы: Проблема семьи и одиночества глазами ученых. М., 1990.

Лоуэн А. Любовь и оргазм. М., 1998.

Лузик Н. С. Психологические особенности отношений в диаде «мать – дочь» в подростковом возрасте: Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ 2004 года. СПб., 2005. С. 110–114.

Лубышева Л. И. Женщина и спорт: социальный аспект // Теория и практика физической культуры. 2000. № 6. С. 13–16.

Лукоянов Ю. Е., Детлаф С. А. Неврологические характеристики ребенка в связи с некоторыми его конституциональными особенностями (на материале исследования детей-близнецов): Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты: Тезисы докладов. М., 1975. С. 215–218.

Лукьянов В. В., Малышева К. П. Структура защитной психологической сферы врачей общесоматической клиники // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 319–321.

Лукьянова Е. В. Гендерный подход в исследовании профессионально-педагогической эмпатии и личностных особенностей студентов — будущих педагогов и психологов // Вестник Костромского государственного педагогического университета: Гендерная психология. 2006. № 1. С. 48–51.

Лукьянова З. Н. Влияние самооценки внешности учащегося на его общение с другими людьми // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 71–75.

Лунева В. А. Представления учащихся о собственном будущем // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1971. № 2. С. 89–93.

Лунин И. И. Влияние семьи на формирование отклоняющегося полоролевого поведения ребенка: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1988.

Лунин И. И., Старовойтова Г. В. Исследование родительских полоролевых установок в разных этнокультурных средах. В кн.: Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

Лыткина Т. С. Домашний труд и гендерное распределение власти в семье // СОЦИС. 2004. № 9. С. 85–90.

Лэонтиу Фотула. Особенности половой идентичности у пациентов с личностными расстройствами: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1999.

Ляхович Н. В. Семья глазами школьника // Ананьевские чтения–99: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1999. С. 202–204.

Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2004.

Майрамс Г. Как кино влияет на детей // Курьер. 1961. Март. С. 29–31.

Макарова А. П. Динамика ролевых установок молодых супругов: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2001. С. 235–237.

Макеева Л. В. Динамика самооценки личности в подростковом возрасте: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2002.

Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007.

Маккоби Э., Джеклин К. Психология половых различий. М., 1974.

Маккормик Наоми Б. Сексология: Хрестоматия. СПб., 2001. С. 181

Максимова В., Семенов Г. Не так уж слаб этот «слабый пол» // Спорт за рубежом. 1982. № 13.

Максимова Т. Женские романы и журналы на фоне постмодернистского пейзажа, или «Каждая маленькая девочка мечтает о большой любви». В кн.: Потолок пола. Новосибирск, 1998.

Малинаускас Р. К. Особенности характера студентов — легкоатлетов и баскетболистов // Теория и практика физической культуры. 2001. № 5. С. 23–25.

Малова В. А. Структура бюджета времени учащейся молодежи и пути ее вовлечения в занятия физическими упражнениями // Теория и практика физической культуры. 1972. № 2. С. 42–46.

Манеров В. Х. Воспитание отцов // Ананьевские чтения–2001: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 338–340.

Манилов И. Ф. Исследование внушаемости у детей старшего школьного возраста // Ананьевские чтения–97: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1997. С. 86–88.

Мансуров И. И. Структура занятий физической культурой и спортом населения Карачаево-Черкесии // Теория и практика физической культуры. 1973. № 10. С. 40–42.

Марголина О. П. (Цит. по: Психология здоровья / Под ред Г. С.Никифорова. СПб., 2003. С. 65).

Матвеева Г. С. Формирование органов государственной власти и управления: гендерный аспект: Научно-практическая конференция «Семейная политика в гендерном аспекте»: Тезисы докладов. Великий Новгород, 2004. С. 3–7.

Матрехина Н. В. Социальная сеть человека в контксте его жизненных ситуаций: Автореф. дис. ... канд наук. СПб., 2006.

Мацек И., Безак Й. Особенности сенсомотрики у школьников, обучающихся в экспериментальных классах для одаренных в физическом отношении детей. В сб.: Психология и современный спорт. М., 1973. С. 287–301.

Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978.

Машика Т. А. Занятость женщины и материнство. М., 1989.

Мащенко Е. Б. Особенности личности и ценностные ориентации лиц пожилого и преклонного возраста: Дипломная работа. СПбГУ, факультет психологии, 2001.

Мельник А. С. Карьера руководителя в современных российских условиях: гендерный аспект: Автореф. дис. ... канд. наук, М., 2005.

Мельникова Н. Ю. Эволюция женской олимпийской программы // Теория и практика физической культуры. 1999. № 6. С. 33–36.

Меньщикова М. А. Учебно-познавательные интересы и жизненные устремления учащейся молодежи // Вопросы психологии. 1979. № 6. С. 135–141.

Мережко В. И. Этого терпеть больше нельзя. В сб.: Женский вопрос: точки зрения и подходы к новому осмыслению. М., 1991. С. 103–105.

Месснер М. Маскулинность и профессиональный спорт. В кн.: Антология гендерной теории. Минск, 2000.

Мехреньгин А. М. Психологическая характеристика волейболистов с различным игровым амплуа. В кн.: Спортивная и возрастная психофизиология. Л., 1974. С. 90–97.

Мечников И. И. 40 лет искания рационального мировоззрения. М., 1913.

Мечников И. И. Страницы воспоминаний. М., 1946.

Мещеркина Е. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса: Сб. статей: О мужественности. М., 2002.

Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

Миланич Ю. М. Психологическая коррекция эмоциональных нарушений у детей дошкольного возраста: Автореф. дисс... канд. наук. СПб., 1997.

Миллет К. Сексуальная политика (главы из книги) // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 148–172.

Милюска Й. Идентичность женщин и мужчин в жизненном цикле // Социология. 1999. № 4. С. 102–114.

Минюрова С. А., Кустова О. Л. Формирование «образа женщины» в различных социальных группах // Журнал практического психолога. 1997. № 5. С. 27–29.

Митина О. В. Исследование гендерного женского поведения в социальном и кросскультурном аспектах // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 179–191.

Митина О. В., Петренко В. Ф. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 68–86.

Михайлов А. Н. Различия в удовлетворенности учителей физической культуры — мужчин и женщин своей работой. В сб.: Психофизиологические аспекты спортивной и учебной деятельности. Л., 1987. С. 104–106.

Михайлова Я. И. Взаимосвязь уровня развития социального интеллекта с интеллектуально-личностными характеристиками у детей 6–7 лет: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2001.

Михайловская О. Попытка путеводителя // Коммерсантъ-DANDY. Специальное приложение. 1996. Июнь. С. 6.

Мишутин Д. А. Профессионально-педагогическое общение учителя и ученика на уроке физической культуры: Автореф. дис. ... канд наук. СПб., 1992.

Молодецких В. А., Папырин В. Д., Тхостов Ф. Ш. Личностные реакции мужчин и женщин на онкологические заболевания // Журнал невропатологии и психиатрии. 1981. № 12. С. 1828–1832.

Моль А. Половая жизнь ребенка. М., 1909.

Моно Г. Энергетические затраты у человека. В кн.: Ж. Шерер. Физиология труда. М., 1973.

Моргенштерн И. Психографология. В кн.: Тайна характера. Чтение характера по почерку. Харьков, 1996.

Моргунова М. С. К физиологическому анализу ретроактивного торможения в связи с половым диморфнзмом // Новые исследования в психологии. 1976. № 1. С. 22–25.

Мороз О. М. Опыт исследования информативности самооценки в связи с некоторыми личностными особенностями: Тезисы научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976. С. 189–191.

Морозова О. В., Шалимова Г. А. Гендерный аспект понимания и ощущения свободы подростками // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 207–209.

Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983.

Муздыбаев К. Измерения надежды // Психологический журнал. 1999. № 4. С. 26–35.

Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 27–39.

Муксинов Р. Образ отца и матери в представлениях молодежи (опыт эмпирического исследования). В кн.: Отец в современной семье. Вильнюс, 1988.

Мухаметжанов Х., Ивакина Н. Врожденные внутричерепные кисты у детей. Алматы, 1995.

Мухиярова Е. Н. Переживание одиночества в зрелом возрасте (гендерный аспект): Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2006.

Мягкова С. Н. Женская проблематика на страницах журнала «Теория и практика физической культуры» (1925–2000 гг.) // Теория и практика физической культуры. 2001. № 11. С. 16.

Набиуллина Ю. М. Проблема полоролевой идентификации в семейном аспекте: Психология XXI века: Тезисы международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2001. С. 238–239.

Назарян Ж. Г. Динамика изменений психологического пола у подростков разных этносов // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 130–131.

Налбандян М. А. Цитогенетические исследования в спортивной медицине // Теория и практика физической культуры. 1974. № 6. С. 26–30.

Налбандян М. А. Контроль на половую принадлежность в спорте: современные проблемы и перспективы // Теория и практика физической культуры. 1988. № 9. С. 14–16.

Налбандян М. А., Марков Л. Н. Современные проблемы контроля на половую принадлежность в спорте // Теория и практика физической культуры. 1986. № 6. С. 22–23.

Наследова Г. А., Тихомирова Е. М. К вопросу о психологическом обосновании целесообразности раздельного обучения. В сб.: Женский вопрос в контексте национальной культуры: психологический подход. СПб., 2000.

Натадимская Е. А. Самоактуализация и субъективное представление о счастье у мужчин и женщин. В сб.: Женский вопрос в контексте национальной культуры. СПб., 2000.

Наумова В. А. Влияние овариально-менструального цикла на двигательные качества и нейродинамику женщин-спортсменок. В сб.: Психофизиологические вопросы изучения личности спортсмена. Л., 1976. С. 124–131.

Наумова Н. Ф., Слюсарянский М. А. Удовлетворенность трудом и некоторые характеристики личности // Социальные исследования. 1970. Вып. 3.

Немилов А. В. Биологическая трагедия женщины (очерки физиологии женского организма). М., 1929.

Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания. В кн.: Гендерные тетради. СПб., 1997.

Нгуен Ки Тыонг. Склонность к стилям руководства преподавателей физической культуры: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2000.

Никитина А. А. Гендерный анализ конструирования социального представления о мужественности современной молодежью: Психология XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции. СПб., 2008. С. 163.

Никитина А. А., Радина Н. К. Образ «настоящей мужественности» как отражение объектного характера гендерных отношений современной молодежи: Психология сознания: Современное состояние и перспективы: Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 2007. С. 363–364.

Никитина Е. А. Определение пола новорожденных на основе перцептивных признаков лица и голоса: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 2002.

Никитина Е. А. Опознавание пола в зависимости от способа предъявления изображения лица // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 37–44.

Никитина Е. А. Восприятие половых признаков детского лица как один из факторов, модулирующих полоспецифичное взаимодействие с ребенком: Психология сознания: Современное состояние и перспективы: Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 2007. С. 361–363.

Никитюк Б. А. Состояние специфических функций женского организма при занятиях спортом // Теория и практика физической культуры. 1984. № 3. С. 19–21.

Николаев Г. Мужчина и женщина. Биология любви // Наука и жизнь. 1996. № 5. С. 142–145.

Николаева Е. Мужчина и женщина глазами психофизиолога: Сб. статей: Потолок пола / Под ред. Т. В. Барчуновой. Новосибирск, 1998. С. 11–44.

Николаева Л. А. Заболеваемость близнецов, дискондартных по типу конституции. В сб.: Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты: Тезисы докладов. М., 1975. С. 233–234.

Никольская И. М. Психологическая диагностика, коррекция и профилактика патогенных эмоциональных состояний у младших школьников: Автореф. дис. ... д-ра наук. СПб., 2001.

Никольская И. М., Краева М. А. Особенности личности у пожилых пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями // Ананьевские чтения–2005. СПб., 2005. С. 273–275.

Никольская И. М., Петрова К. В. Женщина в гражданском браке: клинико-психологические аспекты // Ананьевские чтения–2004: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 354–356.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб., 1907. С. 74.

Новгородова А. П. Гендерные различия удовлетворенности браком // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 211–212.

Новикова Э. Е. и др. Женщина, труд, семья. М., 1978.

Новосельский С. А. Вопросы демографической и санитарной статистики. М., 1958.

Обозов Н. Н. Мужчина + женщина =? СПб., 1995.

Обозов Н. Н. Психология взрослого человека. СПб., 1997.

Обозов Н. Н., Обозова А. Н. Три подхода к исследованию психологической совместимости // Вопросы психологии. 1981. № 6.

Обозов Н. Н., Обозова А. Н. Диагностика супружеских затруднений // Психологический журнал. 1982. № 2.

Образование, права и обязанности женщин: Сочинение Макария, епископа Томского. СПб., 1994.

Общественная активность молодежи. М., 1978.

Овчинникова И. Г. Отцовство. М., 1981.

Ожигова Л. Н. Профессиональное самоопределение женщин в контексте проблем гендерных отношений. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. Краснодар, 1998. Вып. 3. С. 208–215.

Ожигова Л. Н. Гендерная интерпретация самоактуализации личности в профессии: Автореф. дис. ... канд. наук. Краснодар, 2000.

Отомарова М. К. Связь структурно-содержательных характеристик Я-концепции с акцентуациями характера в раннем юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2002.

Осипова Л. В. Роль профессиональной деятельности в самоактуализации современной женщины: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2004.

Осипова Л. В., Тутушкина М. К. Уровни и диапазоны самоактуализации женщин. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 2001. Вып. 5. С. 182–191.

Основы гендерной педагогики: Программа спецкурса. М., 2001.

Павликова М. И., Новикова М. А., Мартынов А. И. Оценка психофизиологического состояния младенца по его звуковым сигналам // Ананьевские чтения–2001: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 377–378.

Павликова П. В. Особенности этнической идентичности у старшеклассников: Выпускная квалификационная работа. СПбГУ, кафедра социальной психологии. 2001.

Павлова Т. В. Личностные качества и успешность руководителя с учетом гендерного фактора // Ананьевские чтения–2008: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2008. С. 686–687.

Пайнз Д. Бессознательное использование женщиной своего тела. СПб., 1997.

Пайнз Д., Маслач К. Практикум по гендерной психологии. СПб., 2000.

Палуди М. Психология женщины. СПб. — М., 2003.

Панина Н. В., Сачук Н. Н. Социально-психологические особенности образа жизни стареющих людей // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1985. № 9.

Панков В. А. Физическая культура и спорт в здоровом образе жизни женщин // Теория и практика физической культуры. 2000. № 6. С. 20–22.

Панкратова М. Г. Русская женщина сегодня: Женщины России — вчера, сегодня, завтра: Материалы конференции. М., 1994. С. 50–57.

Панкратова Т. М. Гендерные установки и особенности межгруппового восприятия: Автореф. дис. ... канд. наук. Ярославль, 2001.

Пархоменко Е. А. Влияние ранней профессионализации на личностное развитие подростков: Психология XXI века: Тезисы Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2001. С. 205–207.

Пейсахов Н. М. Саморегуляция и типологические свойства нервной системы. Казань, 1974.

Пейсахов Н. М., Прохоров А. О. Некоторые особенности саморегуляции организма в связи с основными свойствами нервной системы: Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты: Тезисы докладов. М., 1975. С. 125–127.

Пендонен Е. В. Отношение мальчиков и девочек дошкольного возраста к животным: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2001. С. 242.

Пеньков А. И. Изучение ценностных ориентаций: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. СПб., 2000. С. 49–50.

Переведенцев В. И. Молодая семья сегодня. М., 1987.

Петраш М. Д. Эмоциональные характеристики и механизмы психологической защиты медперсонала скорой помощи: Дипломная работа. СПбГУ, факультет психологии, 2001.

Петрик В. А. Сравнительные динамические характеристики внушаемости и самовнушаемости у больных неврозами. В сб.: Вопросы психотерапии. М., 1977.

Петров В. П. Семейная сексология: психоаналитические и культурологические аспекты сексуального здоровья. В сб.: Интегративные исследования в клинической психологии: наука и практика. СПб., 2006. С. 88–93.

Петров Я. И. Характеристика памяти взрослых в зависимости от возраста и пола. В сб.: Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете. Л., 1968. С. 56–58.

Петров Я. И., Андреева В. Н. Память. В кн.: Развитие психофизиологических функций взрослых людей. М., 1972. С. 150–188.

Петрова Л. М. Возрастные особенности когнитивной сферы младших школьников и подростков: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2008.

Петрова С. М. Мотивационная обусловленность Я-концепции личности в юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1995.

Петяйкин И. П. Проявление смелости и решительности спортивными гимнастами. В сб.: Психофизиологические особенности спортивной деятельности. Л., 1975. С. 127–130.

Петяйкин И. П. Возрастные особенности проявления решительности при выполнении физических упражнений. В кн.: Психомоторика. Л., 1976. С. 51–55.

Пешков В. В., Буйнов Л. Г., Буйнов Е. Л. Вопросы психофизиологического и медицинского обеспечения женщин в военной авиации // Вестник Балтийской педагогической академии. 2001. Вып. 40. С. 143–144.

Пилягина Г. Я. Методологические и клинико-патогенетические аспекты аутоагрессии как ситуативной приспособительной реакции: Стресс и поведение: Материалы VI Международной междисциплинарной конференции по биологической психиатрии. М., 2001. С. 65–66.

Пинчуков А. Г. Сравнительное изучение возрастных изменений свойства подвижности нервных процессов в зрительном и двигательном анализаторах. В сб.: Спортивная и возрастная психофизиология Л., 1974. С. 127–138.

Писанникова (Еделева) Е. Г. Удовлетворенность школьников средних и старших классов уроками физической культуры. В сб.: Психофизиологические особенности учебной и спортивной деятельности. Л., 1984. С. 146–150.

Писанникова Е. Г. Восприятие учащимися, удовлетворенными или не удовлетворенными уроками физической культуры, личности учителя. В сб.: Психофизиологические аспекты спортивной и учебной деятельности. Л., 1987. С. 75–82.

Пискарев Д. П. Исследование социально-психологических стереотипов противоправного поведения молодежи: Автореф. дис. ... канд. наук. Кострома, 1999.

Плисенко Н. В. Генезис половой идентификации в детском возрасте: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1985.

Плоткин А. А. Соотношение базальных модальностей в структуре эмоциональности: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1983.

Плотников В. П., Миронова Т. С., Рыжак М. М. Нервно-психическое состояние и мотивация спортивной деятельности студентов медицинского вуза // Теория и практика физической культуры. 2001. № 5. С. 26–39.

Побывко О. В. Гендерные стереотипы понимания личности женщин-руководителей: Психология сознания: современное состояние и проблемы: Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 2007. С. 642–644.

Погольша В. М. Личное влияние и полоролевой стереотип // Ананьевские чтения–97: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1997. С. 132–133.

Погольша В. М. Социально-психологический потенциал личного влияния: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1998.

Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 2000.

Полупанов И. «Амазонки» в погонах // Армейский сборник. 1999. № 3.

Полякова Е. Стратегии поведения мужчин и женщин — руководителей: Дипломная работа. РГПУ им. А. И. Герцена, психолого-педагогический факультет, 2003.

Пономарева Р. А. Психологические особенности ценностных ориентаций молодых рабочих на трудовую деятельность // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 91–92.

Попова Л. В. Гендерные аспекты самореализации личности: Учеб. пособие. М., 1996 (а).

Попова Л. В. Проблемы самореализации одаренных женщин // Вопросы психологии. 1996 (б). № 2. С. 31–42.

Попова Л. В. Психологические исследования и гендерный подход. В кн.: Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 119–130.

Порошина Т. И. Креативность в структуре личности руководителя: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. III. С. 65.

Порядина В. А., Морозов А. В. Гендерные различия в профиле социального интеллекта студентов: Психология — наука будущего: Материалы Международной конференции молодых ученых. М., 2007. С. 334–340.

Посадская П. И. Женские исследования в России. В сб.: Гендерные аспекты социальной трансформации. М., 1996.

Поспелова Т. Г. Тенденции развития брачно-семейных ориентаций молодежи. В сб.: Преемственность поколений: диалог культур. Вып. 2. СПб., 1996.

Потанина Ю. А. Адресная поддержка пенсионеров в условиях переходной экономики. В сб.: Население России сегодня. М., 1999.

Похоленчук Ю. Т., Свечникова Н. В. Современный женский спорт. Киев, 1987.

Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология. СПб., 2000.

Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. СПб., 2003.

Пробст Ф., Майзель-Гесс Г. Анти-Вейнингер. СПб., 1909.

Проект Ю. Л., Левенец Е. В. Мотивы обращения женщин к чтению любовной литературы // Ананьевские чтения–2004: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 358–359.

Прозументик О. В. Становление полового самосознания в старшем дошкольном возрасте: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1999.

Психологические и психофизиологические особенности студентов. Казань, 1977.

Психолого-педагогические особенности физического воспитания и спорта женщин: Сб. научных трудов. Смоленск, 1986.

Психотерапия женщин / Под ред. М. Лоуренс и М. Магуир. СПб., 2003.

Пушкарева Н. Л. Гендерная асимметрия современной социализации и перспективы гендерной педагогики. В сб.: Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика. Мурманск, 2001. Ч. 1. С. 25–32.

Пфау-Эффингер Б. Опыт кросснационального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. 2000. № 11.

Пфеффлин Ф. Транссексуальность — психопатология, психодинамика, лечение. М., 2002.

Рабжаева М. Круглый стол: «Раздельное обучение: за и против» // Посиделки: Информационный листок. 2002. № 3.

Рабинович П. Д., Нуждина М. П. Зависимость успеваемости студентов от их характерологических особенностей // Вопросы психологии. 1987. № 6. С. 112–115.

Радаев В. В. Человек в домашнем хозяйстве // Социологические исследования. 1997. № 7. С. 57–62.

Радзиевский А. Р., Шахлина Л. Г., Яценко З. Р. и др. Физиологическое обоснование управления спортивной тренировкой женщин с учетом фаз менструального цикла // Теория и практика физической культуры. 1990. № 6. С. 47–50.

Радина Н. К. Об использовании гендерного анализа в психологических исследованиях // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 22–27.

Развитие психофизиологических функций взрослых людей (средняя взрослость). М., 1977.

Разумникова О. М. Пол и профессиональная направленность студентов как факторы креативности // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 111–125.

Райх В. Сексуальная революция. СПб. — М., 1997.

Раковская О. А. Особенности становления профессиональной карьеры женщин. В кн.: Гендерные аспекты социальной трансформации. М., 1996.

Ранник Э. Женщины в общественном производстве. В кн.: Труд женщин и семья. Таллинн, 1978. С. 6–22.

Реан А. А., Андреева Т. В., Киреева Н. Н., Москвичева Н. Л. О ценностно-мотивационной сфере студентов-универсантов // Ананьевские чтения–99: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1999. С. 222–223.

Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. СПб., 1999.

Реброва Н. П. Биологические основы гендерных характеристик личности // Ананьевские чтения–2008: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2008. С. 326–328.

Регуш Л. А., Лихтарников А. Л. Подросток в эпоху перемен (Жизненные проблемы подростков Санкт-Петербурга). В кн.: Психология современного подростка. СПб., 2005. С. 7–26.

Резников А. Г. Половые гормоны и дифференциация мозга. Киев, 1982.

Рековская И. Ф. Женщина перед лицом перемен. В сб.: Социологические исследования в России. 1991–1992 гг. М., 1993. Вып. 2.

Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности. М., 1994.

Репина Т. А. Особенности общения мальчиков и девочек в детском саду // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 62–69.

Репина Т. А. Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 158–165.

Репина Т., Арутюнова Л. Воспитание мальчиков и девочек // Дошкольное воспитание. 1984. № 6. С. 50–52.

Ржаницына Л. С., Сергеева Г. П. Женщины на российском рынке труда // Социологические исследования. 1995. №7. С. 57–62.

Рипа М. Д. Физическая культура и спорт в режиме обучения и свободного времени учащихся — азербайджанцев — школ Баку и Сумгаита // Теория и практика физической культуры. 1969. № 2. С. 58–60.

Рипа М. Д. Распространенность физической культуры и спорта среди школьников городов Баку и Сумгаита // Теория и практика физической культуры. 1971 (а). № 1. С. 48–50.

Рипа М. Д. Некоторые социальные факторы формирования физкультурных и спортивных интересов // Теория и практика физической культуры. 1971 (б). № 10. С. 45–47.

Рипинская М. Психология измены. СПб., 2001. С. 13.

Рис Н. Гендерные стереотипы в российском обществе: взгляд американского этнографа // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 44–50.

Ритцер Д. Современные социологические теории. СПб. 2002. (Гл. 9)

Розе Н. А. Исследование половых различий моторики в возрасте 18–22 лет. В сб.: Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1968. Вып. 1. С. 115–118.

Розен В. Б., Матарадзе О. В., Смирнова О. В. Основные закономерности половой дифференцировки репродуктивной системы. В кн: Половая дифференцировка функции печени. М., 1991. С. 10–39.

Розенблат В. В. Проблема утомления. М., 1961.

Романов И. В. Особенности половой идентичности подростков // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 39–47.

Романов И. В. Развитие половой идентичности в подростковом возрасте: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1996.

Ротаенко Г. Жена — «друг человека»: сомнительные идеалы, насаждаемые постсоветской mass-media // Женщина и земля. 1995. № 1. С. 29–30.

Роузнер Дж. Женщина в директорском кресле // Вы и мы. 1995. № 5.

Рощин С., Рощина Л. Мужчины, женщины и предпринимательство // Человек и труд. 1994. № 12.

Рубан Н. Н. Особенности гендерных типов подростков г. Томска: Психология — наука будущего: Материалы Международной конференции молодых ученых. М., 2007. С. 354–357.

Рукавишников Д. В. Половозрастные особенности антиципационных механизмов неврозогенеза: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2001. С. 246–247.

Румянцева А. В. Особенности принятия решений старшеклассниками в ситуациях риска: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2008.

Русалов В. М. Пол и темперамент // Психологический журнал. 1993. № 6. С. 55–64.

Рыбалко Е. Ф., Крогиус Н. Г. Ценностные ориентации и временные перспективы самореализации личности. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1998. Вып. 2. С. 154–162.

Рыбалко Е. Ф., Полиэктова С. А. О мнемической и учебной успешности студентов. В сб.: Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л., 1976. Вып. 3. С. 6–12.

Рыбалко Е. Ф., Тулупьева Т. В. Роль психологической защиты в самореализации личности в период ранней юности. В сб.: Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1999. Вып. 3. С. 193–203.

Рыбка Г. Н. Возрастно-половые особенности мотива достижения учащихся в связи со значимыми видами деятельности: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2006.

Рыбцова Л. Л. Жизненные ценности женщин // Социс. 1997. № 10. С. 26–30.

Рыжкин Ю. Е. Проявление внушаемости у борцов с различными типологическими особенностями // Теория и практика физической культуры, 1977. № 12. С. 21–23.

Рыжкова А. В. «Образ семьи» у детей дошкольного возраста и их родителей: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2009.

Рысева Е. С., Бережков Л. Ф., Бондаренко Н. М и др. Некоторые показатели здоровья детей различных типов конституции: Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты: Тезисы докладов. М., 1975. С. 241–242.

Сабунаева М. Л., Гусева Ю. Е. Гендерный подход в практике школьного психолога. В кн.: Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С.Клециной. СПб., 2003. С. 369–381.

Савенышева С. С. Индивидуально-типические особенности интеллектуально одаренных подростков // Ананьевские чтения–2001: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 408–410.

Савина В. С. Особенности агрессивного поведения у детей младшего школьного возраста: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2001. С. 313–314.

Салмела Д. Г. Оценка пред- и послесоревновательного поведения гимнастов и гимнасток высокого класса. В кн.: Стресс и тревога в спорте. М., 1983. С. 156–166.

Сальваггио Р. Психоанализ, деконструкция и женщина. В кн: Хрестоматия по глубинной психологии. М., 1996. Вып. 1. С. 177–191.

Самарцева О. К., Фомина Т. А. Мужчина и женщина: менеджмент в сфере бизнеса // Социс. 2000. № 11.

Самохвалова А. Г. Гендерные различия делового общения // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Гендерная психология. 2006. № 1. С. 109–112.

Самуэлс Е. Юнг и постюнгенианцы: Курс юнгенианского психоанализа. М., 1997.

Сапогова Е. Е. Психосексуальная идентификация в дошкольном возрасте // Журнал практического психолога. 1996. № 5. С. 3–9.

Сарфати X. Модели карьеры мужчин и женщин в исследовании и развитии. Взгляд из МОТ // Высшее образование в Европе. 1992. № 2. С. 131–140.

Сафонова М. В. Социально-психологические особенности женщин, успешных в карьере: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1999.

Сауткин М. Ф. О некоторых факторах воздействия на физическую работоспособность в период полового созревания // Теория и практика физической культуры. 1980. № 10. С. 35.

Светлакова В. П., Токмакова М. А. Влияние родителей на выбор абитуриента // Ананьевские чтения–2001: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 413–414.

Свядощ А. М. Женская сексопатология. М., 1974.

Сексология: Хрестоматия. СПб., 2001.

Сексуальные домогательства на работе / Отв. ред. З. М. Хоткина. М., 1996.

Семенов В. Е. Образы брака и любви в молодежных журналах (опыт контент-анализа). В сб.: Молодежь, образование, воспитание, трудовая деятельность. Л., 1973.

Семенов В. Е. Социальная психология искусства. Л., 1988.

Семенов М. И. Динамика развития дифференцировок в двигательном анализаторе у школьников: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1964.

Семенов М. И. Зависимость качественных особенностей двигательной деятельности от типологических различий в проявлении баланса нервных процессов по их величине. В сб.: Психофизиологические основы физического воспитания и спорта. Л., 1972. С. 67–74.

Семенова Л. Э. Полоролевые отношения, самооценка, притязания в личностном становлении детей старшего дошкольного возраста. Нижний Новгород, 1999.

Семенова Л. Э. К вопросу о гендерной специфике желаний младших школьников // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Гендерная психология. 2006. № 1. С. 81–86.

Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции: Учеб. пособие. М., 1998.

Сергеева И. А. Гендерные различия произвольного внимания и памяти старших дошкольников: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2001. С. 251–252.

Сергиенко А. А., Пугачева А. Н. Представление о гендерной роли у девушек, выросших в семье и в детском доме. М., 1995.

Сергиенко А. А., Никитина Е. А. Базовые основы гендерных социальных взаимодействий: различение пола новорожденных по лицу и голосу // Вестник РГНФ. 1999. № 4. С. 160–169.

Сергиенко Е. А., Никитина Е. А. Механизмы восприятия пола человека по изображениям лиц новорожденных // Психологический журнал. 2004. № 4. С. 5–13.

Сергиенко Л. П. Половые особенности влияния наследственности и среды на развитие двигательных качеств человека // Теория и практика физической культуры. 1980. № 3. С. 15–19.

Сергиенко Л. П., Кореневич В. П. Взаимосвязь чувствительности кинестетического анализатора и психомоторики человека // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 132–136.

Серебрякова Н. Е. Зависть — атрибуция успеха — неуспеха: Дипломная работа. СПбГУ, факультет психологии, 2001.

Сермягина О. С. Эмоциональное общение в семье. М., 1999.

Серова Е. Дикая или домашняя? СПб., 2001.

Серова Л. К. Психология личности спортсмена. М., 2007.

Семина М. В. Межпоколенческие различия в гендерных стереотипах относительно мужской и женской работы: Ломоносовские чтения–2002. М., 2003.

Сидоров Е. А. Возрастно-половые особенности проявления школьниками двигательной активности на уроках физкультуры и ее связь с учебно-поведенческими характеристиками. В сб.: Психофизиологические особенности учебной и спортивной деятельности. Л., 1984. С. 114–129.

Силасте Г. Г. Гендерные исследования: размышления участника международного семинара // Социологические исследования. 1992. № 6. С. 29–35.

Силасте Г. Г. Социогендерные отношения в период социальной трансформации России // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 15–22.

Силасте Г. Г. Гендерная социология как частиая социологическая теория // Социс. 2000. № 11.

Синельникова А. Мужчины и патриархальная власть // Вы и мы. 1998. № 1 (17).

Ситников В. Л. Психология образа ребенка (в сознании субъектов педагогического процесса): Автореф. дис. ... д-ра наук. СПб., 2001.

Ситников В. Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых. СПб., 2001.

Скойтен М. С. Воспитание женщины. СПб., 1911.

Скрыль В. Н. Ощущение благополучия у работающих женщин в период поздней взрослости // Ананьевские чтения–2004: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 359–360.

Скрябин Н. Д. Реакция лиц с различным уровнем смелости на неожиданный раздражитель. В сб.: Психофизиология спортивных и трудовых способностей человека. Л., 1974 (а). С. 81–96.

Скрябин Н. Д. Возрастные особенности проявлеиия смелости. В сб.: Спортивная и возрастная психофизиология. Л., 1974 (б). С. 98–109.

Слепкова В. И. Полоролевая дифференциация брачио-семейных ориентаций старшеклассников: Автореф. дис. ... канд. наук. Минск, 1990.

Слободская Е. Р. Изучение общения сверстников в группе детских яслей. В кн.: Клинические и экспериментальные аспекты общей патологии. Новосибирск, 1980. С. 71–75.

Слободская Е. Р., Плюснин Ю. М. Внутригрупповые механизмы социализации детей раннего возраста // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 50–57.

Смирнов А. И. Женщины на службе в Российской армии // Социс. 2000. № 11.

Соболева Т. С. Формирование полозависимых характеристик у девочек и девушек на фоне занятий спортом: Автореф. дис. ... д-ра наук. СПб., 1997.

Соболева Т. С. О проблемах женского спорта // Теория и практика физической культуры. 1999. № 3. С. 56–63.

Современные педагогические чтения / Сост. П. Ф. Каптерев и А. Ф. Музыченко. М., 1913.

Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова. М., 1998.

Соколова Е. Феминизм в России: между прошлым и будущим // Преображение. 1995. № 3.

Соловьев Л. Н. Связь анатомо-физиологических особенностей строения ног с прыгучестью у школьников. В кн.: Психомоторика, Л., 1976. С. 23–28.

Соловьев Н. Человек в послеразводный период как предмет социологического исследования. В кн.: Человек после развода. Вильнюс, 1985.

Соловьева В. С. Различия в биологическом возрасте у подростков разного типа конституции: Дифференциальная психофизиология и ее геиетические аспекты: Тезисы докладов. М., 1975. С. 249–251.

Соловьева Е. А. Особенности влияния цвета на психомотрные функции человека: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1993.

Сологуб В. В. Влияние значительных физических нагрузок на репродуктивную функцию женщин-спортсменок: Автореф. дис. ... канд. наук. Харьков, 1989.

Сонник Г. С. Алкоголизм и аффективные расстройства у женщин. В сб.: Актуальные вопросы наркологии. Харьков, 1985. С. 146–148.

Сопиков А. П. Проблема измерения конформных реакций в малых группах: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1969.

Соха С., Соха Т. Половой диморфизм в теории и практике современного спорта // Теория и практика физической культуры. 1999. № 6. С. 4–7.

Спортивная медицина / Под ред. А. Г. Дембо. М., 1975.

Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М., 1982. (Гл. 6)

Стамбулова Н. Б. Психология спортивной карьеры: Автореф. дис. ... д-ра наук. СПб., 1999.

Станиславская И. Г., Захарова М. В. Формирование образного представления партнера в семейных отношениях у девочек младшего школьного возраста: Психология и педагогика — новая интеграция: Материалы XXIV научной конференции СПб ГАФК им. П. Ф. Лесгафта. СПб., 1998. С. 69–70.

Старбинский Б. М. Ритуальное поведение в саморегуляции личности: Дипломная работа. СПбГУ, факультет психологии, 2003.

Старович З. Судебная сексология. М., 1991.

Староста В. Обоснованно ли деление видов спорта на мужские и женские? // Теория и практика физической культуры. 1999. № 8. С. 55.

Степанова Е. И. Характеристика мышления взрослых в зависимости от пола и возраста испытуемых. В сб.: Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете. Л., 1968. С. 59–61.

Степанова Е. И. Психология взрослых: экспериментальная акмеология. СПб., 2000.

Степанян А. Ю., Степанян Л.С., Григорян В.Г. Гендерные различия характера подростковой агрессивности // Ананьевские чтения–2007: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2007. С. 616–618.

Стойко А. Г. Хронический никотинизм и его лечение. М., 1958.

Стрекалова Н. Д. Деловая женщина в современном бизнесе. СПб., 1996.

Субботский Е. В. Детство в условиях разных культур // Вопросы психологии. 1979. № 6. С. 142–151.

Суворова О. В., Васильева Е. Н. Принятие матери как фактор развития нормативного поведения дошкольников // Ананьевские чтения–2004: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 361–362.

Суркина И. Д., Готовцева Е. П. Иммунный статус организма спортсменок в зависимости от состояния овариально-менструальной функции и условий спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. 1987. № 3. С. 45–47.

Суслова Т. Ф. Личностные детерминанты совмещения профессиональных и семейных ролей женщинами-предпринимателями: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1999.

Суханова К. Н. Гендерные проблемы эмоций: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 257–258.

Таганова А. А. Гендерные ожидания и идентичность: механизмы формирования: Психология XXI века: Тезисы Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2002. С. 169–171.

Таирова Н. О. Речевое поведение и фактор возраста: семантический аспект // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 157–158.

Тамбиева А. П. Возрастное развитие и способность дифференцирования силы мышц кисти у детей от 5 до 17 лет: Материалы V научной конференции по вопросам возрастной морфологии, физиологии и биохимии. М., 1961. С. 296.

Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь! (Общение женщин с мужчинами). СПб., 1996.

Таннер Дж. Рост и конституция человека. В кн.: Биология человека / Под ред. Д. Харрисона. М., 1968.

Тартаковская И. Н. Социология пола и семьи. Самара, 1997.

Таслер Е. Социально-психологические особенности женщин, ориентированных на профессионально-трудовую деятельность в условиях эмиграции. В сб.: Психологические проблемы русских эмигрантов в Германии. СПб., 2001. С. 93–114.

Тельнюк И. В. Индивидуально-дифференцированный подход к организации самостоятельной деятельности девочек и мальчиков 5–6 лет в детском саду: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1999.

Теория и история феминизма / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков, 1996.

Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под ред. О. А. Ворониной. М., 2001.

Терехова А. А. Гендерные аспекты безработицы в системе социальной защиты населения // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Гендерная психология. 2006. № 1. С. 8–12.

Тиводар А. Р. Формирование гендерной идентичности девушек-студенток: Автореф. дис. ... канд. наук. Краснодар, 2000.

Титова Е. П. Половое развитие девочек подросткового возраста с разными соматотипами: Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты: Тезисы докладов. М., 1975. С. 251–254.

Тихвинский С. Б., Бобко Я. Н., Евсеева Е. В., Красиков А. Ф. Физическая работоспособность юных пловцов 8–15 лет // Теория и практика физической культуры. 1971. № 7. С. 33–36.

Толстых Н. Н. Возрастные и половые различия в представлениях подростков о своей будущей семейной жизни. В сб.: Психолого-педагогические проблемы воспитания детей в семье и подготовки молодежи к семейной жизни. М., 1980. С. 68–79.

Трапезникова Т. М. Определение согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре. В кн.: Практикум по экспериментальной и прикладной психологии. Л., 1990.

Трошихина Ю. Г. Эволюция мнемической функции. Л., 1973.

Трошихина Ю. Г., Гизатуллина Д. Х. Развитие кратковременной памяти у детей раннего возраста // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 127–130.

Тугайбаева Б. Н. Исторические гендерные идентичности и женское самосознание: Психология сознания: современное состояние и перспективы: Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 2007. С. 179–181.

Тулупьева Т. В. Психологическая защита и особенности личности в юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2001.

Тупицына И. А. Дискриминация и сексизм. В кн.: Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С.Клециной. СПб., 2003. С. 427.

Тупицына И. А. Понятие гендерной идентичности // Ананьевские чтения–2004: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 362–364.

Тупицына И. А. Особенности гендерной идентичности старшеклассников в зависимости от опыта взаимоотношений со сверстниками и сверстницами: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб, 2004.

Турецкая Г. В. Страх успеха: психологическое исследование феномена // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 37–46.

Тынтс М. Э. Изученне параметров виимания, памяти и психомоторики с учетом физической подготовленности и пола испытуемых: Автореф. дис. ... канд. наук. Тарту, 1975.

Тырнов О. А. Психологические особенностн общительности у юношей и девушек: Принцип системности в современной психологической науке и практике: Третьи Международные научные Ломовские чтения. М., 1996.

Тюменева Ю. А. Половозрастная идентичность как опосредующий фактор становления социальной компетентности подростка: Автореф. дис. ... канд. наук. Красноярск, 1998.

Тюрина И. О. Московский рынок труда: гендерные аспекты // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 98–103.

Углова Е. В. Гендерный компонент подбора управленческого персонала: Психология XXI века: Тезисы Междугародной иаучно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2002. С. 171–174.

Умар Б. Дифференциально-психологический анализ восприятия личности людей разного пола // Ананьевские чтения–97: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1997. С. 142–143.

Умнов В. П. Связь быстроты формирования зрительного образа с некоторыми психическими функциями. В кн.: Психофизиология. Л., 1979. С. 77–86.

Урланис Б. Ц. Динамика и структура населеиия СССР и США. М., 1964.

Урланис Б. Ц. О социальной гигиене мужчины // Курьер. 1969. Ноябрь. С. 28–30.

Усачева Н. А. Женщина: ее статус, судьба и образ в мировой культуре. Алматы, 1994.

Усачева Г. В. Креативность в связи с интеллектом и успеваемостью у младших школьников // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 492–493.

Успенская В. И. О перспективах политического партерства полов: Материалы к теме «Идея партнерства женщин и мужчин в современном мире»: Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. Валдай-96. М., 1997. С. 65–69.

Устименко С. Ф. Межличностные отношения трудных подростков // Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 26–33.

Уфлянд Ю. М. Физиология двигательного аппарата человека. Л., 1965.

Ушакин С. Пол как идеологический продукт. О некоторых иаправлениях в российском феминизме // Преображение. 1998. № 6.

Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера. В сб.: Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 193–219.

Фаррел С., Лорбер Д. Принципы гендерного конструирования. В сб.: Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 187–192.

Фаст Дж. Язык тела. М., 1997. С. 139.

Фатеева А. И. Особенности воспрнятия времени и время реакции у детей школьного возраста. В сб.: Экспериментальиая и прикладная психология. Вып. 7: Проблемы общей и инженериой психологии. Л., 1976. С. 65–70.

Фау Е. А. Исследование феномена потрясения в различных социальных группах. В сб.: Интегративные исследования в клинической психологии: наука и практика. СПб., 2006. С. 242–249.

Федоров В. Л., Янкаускас Й. М. Особенности произвольного напряжения и расслабления мышц в зависимости от пола и возраста // Теория и практика физической культуры. 1972. № 1. С. 41–45.

Федорова В. Р. Полоролевые представления и интимно-личностные установки студентов педагогического колледжа: Автореф. дис. ... канд. наук. Хабаровск, 2001.

Федотова В. Г. Особенности возрастного развития выносливости у женщин // Теория и практика физической культуры. 1975. № 8. С. 44–46.

Федотова Н. Ф. Глава семьи: мотивы признания // Вопросы психологии. 1983. № 5. С. 87–94.

Федотчев А. И. Проявление половых различий в психофизиологических показателях в зависимости от сложности экспериментального задания // Физиология человека. 1985. № 5. С. 730–733.

Фельдштейн Д. И. Проблемы возрастной и педагогической психологии. М., 1993.

Фельдштейн Д. И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 31–41.

Феминизм и гендерные исследования: Хрестоматия. Тверь, 1999.

Феминизм: перспективы социального знания. М., 1992.

Фенько А. Б. Гендерные различия в отношении россиян к деньгам. В сб.: Проблемы экономической психологии. М., 2004. Т. 1. С. 261–279.

Феррис Э. Женщины догоняют мужчин // Спорт за рубежом. 1981. № 2, 4.

Филимоненко Т. Ю. Психологические факторы отношения человека к своему возрасту // Ананьевские чтения–99: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1999. С. 80–82.

Филь А. В. Стиль воспитания и уровень тревожности у дошкольников: Дипломная работа. СПбГУ, факультет психологии, 2001.

Филькин А. Н. Метафизика пола в русской философии конца XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... каид. наук. Ярославль, 1999.

Фирилева Ж. Е. Возрастные изменения основных свойств нервной системы у занимающихся спортивиой и художественной гимнастикой. В сб.: Спортивная и возрастная психофизиология. Л., 1974. С. 151–163.

Фиц А. Н. Изучение гендерных особенностей самоактуализации: Психология XXI века: Материалы иаучио-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 2008. С. 94–95.

Флотская Н. Ю. Онтогенез половой идентичности. Архангельск, 2004.

Флотская Н. Ю. Развитие половой идентичности подростков в разных условиях социализации. Архангельск, 2007.

Фоменко Л. Н. Некоторые данные об устойчивости перцептивного внимания взрослых. В сб.: Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1968. Вып. 1. С. 73–77.

Фомичева Т. В., Ходор А. И. О влиянии некоторых факторов на успеваемость учащихся первых классов // Вопросы психологии. 1978. № 6. С. 44–51.

Фотеева Е. В. Межличностные отношения супругов и число детей в семье. В кн.: Семья и социальная культура. М., 1987.

Фотеева Е. В. Образы мужа и жены: стереотипы обыденного сознания. В кн.: Семья в представлениях совремеиного человека. М., 1990.

Франсиз Б. Гендер – социальный конструкт или биологический императив? В кн.: Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. СПб., 2003. С. 35–45.

Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М., 1990.

Фрейд З. Женственность. В кн.: Сновидения. Избранные лекции. М., 1991. С. 158–180.

Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.

Фриче В. М. Торжество пола и гибель цивилизации. М., 1909.

Фромм Э. Мужчина и женщина. М., 1998.

Хазанова А. Б. О типах телосложения у детей грудного возраста: Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты: Тезисы докладов. М., 1975. С. 256–259.

Хамитов Н. Философия одиночества. Одиночество мужское и женское. Киев, 1995.

Хамошина М. Б. Медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья девушек-подростков (по материалам г. Владивостока): Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1997.

Ханин Ю. Л. Исследование тревоги в спорте // Вопросы психологии. 1978. № 6. С. 94–104.

Харламенкова Н. Е. Роль отца в дифференциации гендерной идентичности // Психологический журнал. 2007. № 3. С. 56–64.

Харли У. Законы семейной жизни. М., 1992.

Харрис Д. О совместимости понятий «женственность» и «спорт»: Материалы Всемирного научного конгресса «Спорт в современном обществе». М., 1974.

Харчев А. Г. Женский труд и семья. В сб.: Производственная деятельность женщин и семья. Миикс, 1972. С. 14–28.

Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.

Харчев А. Г., Голод С. И. Профессиоиальная работа женщин и семья: социологическое исследование. Л., 1971.

Хасан Б. И., Тюменева Ю. А. Особенности присвоения социальных норм детьми разного пола // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 32–39.

Хвацкая Е. Е. Психологическое содержание кризиса начала спортивной специализациии психологическое сопровождеиие начальиого этапа спортивной карьеры // Ананьевские чтения–97: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1997. С. 286–288.

Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи. М., 1905.

Хвостов В. М.Психология женщины // Вопросы философни и психологии. 1911. Кн. 1 (106).

Хвостов В. М. Женщина и человеческое достоинство. М., 1914.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 376.

Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения. СПб., 2001.

Ховланд К. Научение и сохранение заученного у человека. В кн.: Экспериментальная психология. М., 1963. Т. 2. С. 124–223.

Ходырева Н. В. Понятие «гендер» в психологии // Ананьевские чтения–97: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1997. С. 46–47.

Ходырева Н. В. Гендер в психологии: история, подходы, проблемы // Вестник СПбГУ. 1998. Серия 6. Вып. 2. С. 73–84.

Ходырева Г. Л. Женщины в менеджменте. В кн.: Психология менеджмента / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 1997.

Ходырева Г. Л. Гендер и здоровье. В кн.: Психология здоровья / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2003.

Холл З. Последствия сексуальных и психологических травм детства // Психологический журнал. 1992. № 5. С. 120–129.

Холл С. Инстинкты и чувства в юношеском возрасте. СПб., 1913.

Хоментаускас Г. Т. Использование детского рисунка для исследования внутрисемейных отношений // Вопросы психологии. 1986. № 1.

Хоментаускас Г. Т. Семья глазами ребенка. М., 1989.

Хомская Е. Д., Батова Н. Я. Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование. М., 1998.

Хорни К. Женская психология. СПб., 1993.

Хоткина З. А. Гендерные аспекты безработицы в системе социальной защиты населения. В кн.: Гендерные аспекты социальной трансформации. М., 1996.

Хоткина З. А. Гендерная асимметрия в сфере занятости: Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. М., 1997. С. 60–64.

Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований». М., 2000.

Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб., 2000.

Хризман Т. П., Еремеева В. Д. Развитие межполушарной фуикциональной асимметрии мозга у детей и половые различия (данные ЭЭГ). В кн.: Развивающийся мозг. Тбилиси, 1984. С. 242–243.

Хрипкова А. Г., Колесов Д. В. Девочка — подросток — девушка. М., 1981.

Хрипкова А. Г., Колесов Д. В. Мальчик — подросток — юноша. М., 1982.

Хубер Дж. Теория гендерной стратификации. В кн.: Антология гендерной теории. Минск, 2000.

Цебрук М. А. О некоторых особенностях полоролевой идентичности у студентов // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 229–231.

Цебрук М. А. О формировании гендерной направленности юношей: Психология XXI века: Материалы научно-практической конференции студентиов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 2008. С. 339–340.

Целуйко В. М. Психология неблагополучной семьи. М., 2004.

Цикунова Н. С. Гендерный анализ особенностей детей, увлекающихся восточными едииоборствами: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2001. С. 262.

Цыкунова И. С. Отсутствие отца и гендерная социализация ребеика: теоретический аспект // Ананьевские чтения–2004: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 364–366.

Цыкунова Н. С., Коробова Е. А. Гендерный анализ представлений о разнополой дружбе // Ананьевские чтения–2005: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 231–232.

Цуциев С. А. Проблема: Женщина и армия в совремеиных Вооруженных силах России: Материалы Всеармейской научной конференции. СПб., 1999.

Чаффинс С., Форбс М., Фукуа-мл. Г. Е., Кенджеми Дж. П. «Стеклянный потолок»: занимают ли женщины США должное проложение в обществе? В кн.: Лидерство. Психологические проблемы в бизнесе. Дубна, 1997.

Чекалина А. А. Влияние родительских позиций на формирование психологического пола старшего дошкольника: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1990.

Челнокова А. В. Я-концепция и мотивы достижения как медиаторы между гендером и креативностью // Ананьевские чтения–2007: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2007 (а). С. 128–130.

Челнокова А. В. Креативное мышление в связи с Я-концепцией, мотивами достижения и гендером: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007 (б). Т. III. С. 315.

Челышева Н. А. «В том числе женщин...» // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки» 1996–1998. СПб., 1999. С. 71–75.

Чемберлен М. К. Развитие гендерных исследований в США // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 38–42.

Чемоданов В. И. Развитие эндокриниой системы. В кн.: Физиология развития ребенка. М., 1983.

Черник Е. С. К вопросу о выносливости в статических усилиях детей: Материалы VII научиой конференции по морфологии, физиологии и биохимии мышечной деятельности. М., 1962. С. 301–303.

Чижова Е. А. Особенности полоролевой идентификации у подростков с нарушениями поведения: Сб. статей по материалам лучших дипломных работ выпускников факультета психологии СПбГУ 2004 года. СПб., 2005. С. 145–150.

Чикер В. А., Сольц Е. В., Жезмер Н. М., Джос П. Стресс и особенности его преодоления российскими подростками // Ананьевские чтения–98: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1998. С. 19–20.

Чирикова А. Е. Личностные предпосылки успешности деятельности российских предпринимателей // Психологический журнал. 1999. № 3. С. 81–92.

Чирикова А. Е. Женщина и мужчина как топ-менеджеры российских компаний // Социс. 2003. № 1. С. 73–82.

Чиркова О. Б. Роль детско-родительских отношений в развитии ответственности подростков: Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции. СПб., 2000. С. 193–195.

Чугунова Э. С. Социально-психологические особенности профессиональной мотивации в инженерной деятельности и проблемы творческой активности // Психологический журнал. 1985. № 4. С. 73–86.

Чугунова Э. С. Связь профессиональной мотивации и творческой активности инженеров // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 136–142.

Чуйкова Ю. М. Взаимосвязь коммуникативных характеристик личности и эмоцнональной устойчивости: Дипломная работа, СПбГУ, факультет психологии, 2001.

Чурикова А. Женщина во главе фирмы // Вопросы экономики. 2000. № 3.

Чусов Ю. Н., Сковородко В. А. Опыт изучения двигательной активности человека // Теория и практика физической культуры. 1976. № 5. С. 30–32.

Шабанов С. Ф. Психологический анализ половых различий в оценке и самооценке студентов: Автореф. дис. ... канд. наук. Баку, 1987.

Шаболтас А. В. Мотивы занятий спортом высших достижений в юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1998.

Шайгородский Ю. Ж. Психологические особенности ценностных ориентаций девочек и мальчиков подросткового возраста: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1992.

Шакеева Ч. А. К структуре ценностных ориентаций молодежи в новой социально-экономической среде: Психология: итоги и перспективы: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1996. С. 106–108.

Шардин С. А. Пол, возраст и болезни. Екатеринбург, 1994.

Шариф Я. М. Очерки психологии читателя. М., 1927.

Шафранская К. Д. Об устойчивости показателей эмоциональной реактивности. В сб.: Человек и общество. Л., 1973. Вып. 13.

Шахлина Л. Г. Проблемы полового диморфизма в спорте высших достижений // Теория и практика физической культуры. 1999. № 6. С. 51–55.

Шахматов Н. Ф. Психическое старение: счастливое и болезненное. М., 1996.

Шахова В. А. Кадровый потенциал системы управления. М., 1985. С. 27–28.

Шахова И. П. Развитие интересов в старшем подростковом возрасте // Вопросы психологии. 1986. № 6. С. 23–28.

Шведчикова Т. А. Роль отца и матери в воспитании ребенка. В кн.: Практикум по гендерной психологии. СПб., 2003. С. 91–108.

Шевцова Ю. А. Гендерные роли и их реализация в потенциальной структуре семейных отношений // Анаиьевские чтения–2008: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2008. С. 748–749.

Шевченко Л. Особенности социально-психологического портрета женщины-преступницы сегодня // Дайджест теоретических материалов иифомационного листка «Посиделки» 1996–1998. СПб., 1999. С. 75–78.

Шенкман С. Мы – мужчины. М., 1977.

Шестаков А. Г. Психология управленческих воздействий руководителя на подчинеииых в органах внутренних дел: Автореф. дис. ... д-ра наук. СПб., 1997.

Шилов И. Ю. Полоролевые образы и особениости гендерной идентичности в сознании старшеклассников, обучающихся в образовательных учреждеииях разного типа: Автореф. дис. ... канд. иаук. СПб., 2000.

Шинелева Л.Т. Жеищина и общество. Декларации и реальность. М., 1990.

Шишкина О. В. К вопросу о современных супружеских отношениях: Психология и педагогика — новая интеграция: Материалы XXIV иаучной коиференции СПб ГАФК им. П. Ф. Лесгафта. СПб., 1998. С. 71–75.

Школьников И. А. Скандииавская модель гендерного равенства: Материалы Всемирного женского междисциплинарного конгресса в Тромсо «Женские миры-99». Иваново, 1999. С. 56–77.

Шляхтин Г. С. Влияние личностных особенностей иа восприятие времеии // Ананьевские чтения–97: Тезисы научно-практической коифереиции. СПб., 1997. С. 148–149.

Шнабль З. Чем меньше женщииу мы любим... В кн.: Узы брака, узы свободы: Проблема семьи и одиночества глазами ученых. М., 1990.

Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений. М., 2000.

Шторк Й. Психическое развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения. В кн.: Энциклопедия глубиииой психологии. Т. II. Новые направления в психоанализе. Психоанализ общества. Психоаналитическое движеиие. Психоанализ в Восточной Европе. М., 2001. С. 134–198.

Штылева И. В. Сценарий родительства в сцеиарии жизни подростков: Психология XXI века: Материалы Международной иаучио-практической коифереиции. СПб., 2008. С. 345–346.

Штылева Л. В. Методические аспекты гендериой экспертизы образовательных программ и пособий. В сб.: Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика. Мурманск, 2001. Ч. 2. С. 70–73, 77–87.

Шульц Д., Шульц С. Психология и работа. СПб., 2003.

Шумакова Н. Б. Развитие исследовательской позиции у одаренных детей: Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. III. С. 358–359.

Шумилин Е. А. Психологическая характеристика личности старшеклассника // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 72–79.

Шэффер Д. Дети и подростки. Психология развития. СПб., 2003.

Щептицкий Д. М. Исследование двигательной активности основных локомоций дошкольников 5–7 лет: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1972.

Щербаков И. И. Влияние некоторых социально-демографических факторов на активное отношение трудящихся к физической культуре и спорту // Теория и практика физической культуры. 1982. № 5. С. 37–39.

Щербаков И. И. Влияние социально-демографического статуса трудящихся на мотивацию занятий физической культурой и спортом // Теория и практика физической культуры. 1986. № 4. С. 34–36.

Щербатых Ю. В. Психология любви и секса. М., 2001.

Щербич Л. И. Карьера женщины: ее смысл и значение. В сб.: Социальная феномеиология. Самара, 1997. С. 49–58.

Эйбл-Эйбесфельдт И. Поведение детей: культуры народов Ко-Сан, Яномами, Химба и Эйпо // Культуры. 1982. № 4. С. 5–29.

Эйсенсен И. Одиночество и разведенный мужчина преклонного возраста. В кн.: Лабиринты одиночества. М., 1989.

Эллис Г. Мужчина и женщина. Этюд о вторичных половых признаках у человека. СПб., 1998.

Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Под ред. А. К. Байбурина, И. С. Кона. СПб., 1991.

Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Востока. В 2 т. / Отв. ред. И. С. Кон. М., 1983.

Юдовина Ю. Б. Взаимосвязь интеллектуального развития с изучением иностранного языка // Ананьевские чтения–2001: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2001. С. 473–474.

Юнг К. Аналитическая психология. СПб., 1994.

Юров И. А. Направленность и типы фрустрации пловцов // Теория и практика физической культуры. 1981. № 7. С. 19–20.

Юрчак А. Миф о настоящем мужчине и настоящей женщине в российской телевизиоиной рекламе. В сб.: Семья. Гендер. Культура: Материалы международных конференций 1994 и 1995 гг. М., 1997.

Юферева Т. И. Особенности формирования психологического пола у подростков, воспитывающихся в семье и в интернате. В кн.: Возрастные особенности психического развития детей. М., 1982. С. 122–131.

Юферева Т. И. Образы мужчин и женщин в сознании подростков // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 84–90.

Юферева Т. И. Формирование психологического пола. В кн.: Формирование личности в переходиый период от подросткового к юношескому возрасту. М., 1987. С. 137–146.

Юферева Т. И. Оценка себя и другого как представителя определенного пола. В кн.: Формирование личности старшеклассника. М., 1989. С. 127–135.

Ягунов С. А., Старцева Л. Н. Спортивиая тренировка женщин. М., 1959.

Якобзон Л. Я. Вопросы пола. М. – Л., 1929.

Якунин В. А. Возрастные и половые различия точности движений рук в условиях меняющегося положения тела. В сб.: Экспериментальная и прикладная психология, Л., 1968. Вып. 1. С. 122–128.

Якушенко Е. Г. Клинико-психологические особенности подростков разведенных родителей: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 2008.

Янкаускас Й. М. Зависимость максимальной частоты элемеитариых движений от пола, возраста и занятий спортом // Теория и практика физической культуры. 1972. № 8. С. 39–42.

Янкова З. А. Городская семья. М., 1979.

Янкова З. А., Ачильдиева Е. Ф., Лосева О. К. Мужчина и женщина в семье. М., 1983.

Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурная репрезентация гендерных отношений. В кн.: Социокультуриый анализ гендерных отношеиий. Саратов, 1998.

Ярская-Смирнова Е. Р. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе. В кн.: Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие. Харьков, СПб, 2001 (а).

Ярская-Смирнова Е. Р. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. Саратов, М., 2001 (б).

Ярская-Смирнова Е. Р. Неравеиство или мульти культурализм? // Высшее образование в России. 2002. № 4. С. 102–110.

Abramovich R., Grusec J. E. Peer imitation in a natural setting // Child Development. 1978. V. 49. P. 60–65.

Acciteli L. K., Antonucci T. C. Gender differences in the link between marital support and satisfaction in older couples // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. V. 67. P. 688–698.

Adams J., Rice R. W., Instone D. Follower attitudes toward women and judgements concerning performance by female and male leaders // Acad. of Management Journal. 1984. V. 27. № 3. P. 636–643.

Addis M. E., Mahalik J. R. Men, masculinity and the contexts of help seeking // American Psychologist. 2003. V. 58 (1). P. 5–14.

Agassi J. B. Women on the job. The attitudes of women on their work. Toronto: Lexington books, 1979.

Alexander G. M., Hines M. Gender labels and play styles: Their relative contribution to childrens selection of playmates // Child Development. 1994. V. 65. P. 869–879.

Alford R., Alford K. F. Sex differences in asymmetry in the facial expression of emotion // Neuropsychology. 1981. V. 19. № 4. P. 605–608.

Alien L. S., Hines M., Shryne J. E., Gorski R. A. Two sexually dimorphic cell groups in the human brain // Journal of Neurosdence. 1989. V. 9. P. 497–506.

Allen L. S., Gorski F. A. Sexsual dimorphism of the anterior commissure and massa intermedia of the human brain // Journal of Comparative Neurology. 1991. V. 312. P. 97–104.

Allen L. S., Richey M. F., Chai Y. M., Gorski F. A. Sex differences in the corpus callosum of the living human being // Journal of Neuroscience. 1991. V. 11. P. 933–942.

Almeida D., Kessler R. Everyday stressors and gender differences in daily distress // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. V. 75. № 3. P. 670–680.

Alozie N. O., Simon J., Merrill B. D. Gender and political orientation in childhood // Social Science Journal. 2003. V. 40 (1). P. 1–18.

Anderson D. A., Hamilton M. Gender role stereotyping of parents in children,s pictures books. The invensible father // Sex Roles. 2005. V. 52. P. 145–151.

Anderson E. E. Sex differences in timidity in normal and gonadectomized rats // Journal genetic. Psychol. 1941. V. 59. P. 139–153.

Andrew D. M., Paterson D. G. Minnesots Clerical Test: Manual. N.-Y.: Psychol. Corp., 1946.

Aneshensel C. S. Marital and employment role-strain, social support, and depression among adult women // S. E. Hobfoll (ed.). Stress, social support, and women. N.-Y.: Hemisphere, 1986. P. 99–114.

Angold A. The effects of age and sex on depression ratings in children and adoloscents // Journal of American Academy of Child and Adoloscent Psychiatry. 1991. V. 30. P. 67–74.

Aries E. Gender differences in interation: A reexamination // A.E. Hunter, C. Forden (eds.). Reading in the psychology of gender: Exploring our differences and commonalities. Boston:Allyn and Bacon, 2002. P. 69–82.

Aro H., Taipale V. The impact of timing of puberty on psychosomatic symptoms among fourteen-to sixteen-year-old Finnish girls // Child Development. 1987. V. 58. P. 261–268.

Archer J., Coyne S. M. An integrated review of indirect, relational and social aggression // Personality and Social Psychology Review. 2005. V. 9 (3). P. 212–230.

Archer S. L. Identity and the choice of social roles // New Directions for Child Development. 1985. V. 30. P. 79–100.

Aries E. J., Johnson E. L. Close friendship in adulthood: Conversational content between same-sex friends // Sex Roles. 1983. V. 9. P. 1183–1196.

Arrindell W., Eiseman M., Richter J. et al. Masculinity-femininity as a national characteristic and its relationships with national agoraphobic fear levels: Fodor's sex role hypothesis revitalized // Behavior Research and Therapy. 2003. V. 41. P. 795–807.

Ashmore R. D. Sex, gender, and the individual. // L. A. Pelvin (ed.). Handbook of personality theory and research. N.-Y.: Guilford Press, 1990.

Ashton E. Measures of play behavior. The influence of sex-role stereotyped children's books // Sex Roles. 1983. V. 9. P. 43–47.

Atkin D. J., Moorman J., Linn C. A. Ready for prime-time: Network series devoted to working women in the 1980's // Sex Roles. 1991. V. 25. P. 677–685.

Auckett R., Ritchie J., Mill K. Gender differences in friendship patterns // Sex Roles. 1988. V. 19. P. 57–66.

Austin L. What's holding you back? 8 critical choices for women's success. 2000.

Ayres I. Fair driving: Gender and race discrimination in retail car negotiations // Harward Law Review. 1991. V. 104. P. 817–872.

Bagner D. M., Storch E. A., Preston A. S. Romantic relational aggression: What about gender? // Journal of Family Violence. 2007. V. 22 (1). P. 19–24.

Bailey B. L. From front porch to back seat: Courtship in twentieth century America. Baltimore: MD, Johns Hopkins University Press, 1988.

Bailey J. M., Gaulin S., Agyei Y., Gladue B. A. Effects of gender and sexual orientation on evolutionare relevant aspects of human mating psychology // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. V. 66. P. 1081–1093.

Bailey J. M., Pillard R. C., Neale M. C., Agyei Y. Heritable factors influence sexual orientation in women // Archives of General Psychiatry. 1993. V. 59. P. 217–223.

Baker D. P., Perkins-Jones D. P. Creating gender equality: Cross-national gender stratification and mathematical performance // Sociology of Education. 1993. V. 66. P. 91–103.

Bandura A. Social learning theory of identificatory processes // Goslin D. A. (ed.). Handbook of socialisation theory and research. Chicago, 1969. P. 213–263.

Bandura A. Social foundation of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, N.-Y.: Prentice-Hall, 1986.

Bank B. J., Hansford S. L. Gender and friendship: Why are mens best same-sex friendships less intimate and supportive? // Personal Relationships. 2000. V. 7 (1). P. 63–78.

Bankart B. Japanese attitudes toward women // Journal Psychol. 1985. V. 119. P. 45–51.

Bardwick J. M. et al. Feminine personality and conflict. Belmont, Calif., 1970.

Barling J. Employment, stress and family functioning. Chichester, John Wiley and Sons, 1990.

Barnett R. C. Women and work: Where are we, where did we come from and where are we going? // Journal of Social Issues. 2004. V. 60. P. 667–674.

Barnett R. C., Hyde J. S. Women, men, work and family // American Psychologist. 2001. V. 56 (10). P. 781–796.

Baron J. N., Davis-Blake A., Bielby W. T. The structure of opportunity: How promotion ladders vary within and among organizations // Administrative Science Quarterly. 1986. V. 31. P. 248–273.

Barrett H. O. Sex differences in art ability // Journal educ. Research. 1950. V. 43. P. 391–393.

Barrett K. C. The development of self- in relationships // The developmental psychology of personal relationships. 2000. P. 91–108.

Bartsch R. A., Burnett T., Diller T. R., Rankin-Williams E. Gender representation in television commercials: Updating an update // Sex Roles. 2000. V. 43. P. 735–743.

Bartol K. M., Martin D. C. Women and men in task groups // R. D. Ashmore, F. K. Delboca (eds.). The social psychology of female – male relations. N.-Y. – London: Acad. Press., 1986. P. 259–310.

Baruch G. K., Barnett R. C. Role quality and psychological well-being // F. J Crosby (ed.). Spouse, parent, and worker: On gender and multiple gender roles. New Haven: CT, Yale University Press, 1987. P. 63–73.

Barry H., Bacon M. K., Child I. L. A cross-cultural survey of some sex differences in socialization // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1957. V. 55. P. 327–332.

Barzega G., Maina G., Venturello S., Bogetto F. Gender-related differences in the onset of panic disorder // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2001. V. 103. P. 189–195.

Basow S. Gender stereotypes and roles. CA: Brooks/ Cole Publ. Comp., 1992.

Basow S., Cahill K., Phelan J., Longshore K., McGillicuddy-DeLisi A. Perceptions of relational and physical aggression among college students: Effects of gender of repretrator, target and perceived // Psychology of Women Quarterly. 2007. V. 31(1). P. 85–95.

Bussey K., Bandura A. Social cognitive theory of gender development and faunctioning // A. H. Eagly, A. E. Beall, R. J. Sternberg (eds.). The psychology of gender. N.-Y.: Guilford Press, 2004.

Baumaister R. F. Meanings of life. N.-Y.: Guilford, 1991.

Baumeister R. F. Gender differences in erotic plasticity: The female sex drive as socially flexible and responsive // Psychological Bulletin. 2000. V. 126 (3). P. 347–374.

Baumeister R. F., Catanese K. R., Vohs K. D. Is there a gender difference in strength of sex drive? Theoretical views, conceptual distinction and a review of relevant evidence // Personality and Social Psychology Review. 2002. V. 5 (3). P. 242–273.

Baumeister R. F., Sommer K. L. What do men want? Gender differences and two spheres of belongingness: Comment on Cross and Madson (1997) // Psychological Bulletin. 1997. V. 122 (1). P. 38–44.

Baumgarten-Tramer F. Zur Frage der psychischen Geschlectsunterschiede bei Schulkindern // Crianca portug., 1945–1946. V. 5. P. 261–269.

Baumrind D. Are androgynous individuals more effective persons and parents? // Child Development. 1982. V. 53. P. 44–75.

Beach F. A. Hormones and behavior. N.-Y.: Hoeber, 1948.

Beck A. T., Young J. E. College blues // Psychology Today. 1978. April. P. 8–92.

Beckman L. J., Houser B. B. The more you have, the more you do: The relationship between wife's employment, sex-role attitudes, and household behavior // Psychology of Women Quarterly. 1979. V. 4. P. 160–174.

Begley S., Carey J. The sexsual brain // Newsweek. 1979. November 26.

Beier M. E., Ackerman P. L. Determinants of health knowledge: An investigation of age, gender, abilities, personality and interest // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. V. 84 (2). P. 439–447.

Belk R., Wallendorf M. The sacred meaning of money // Journal of Economic Psychology. 1990. № 11. P. 35–67.

Bell A., Weinberg M. S., Hammersmith S. K. Sexual preference: Its developmentin men and women. Bloomibgton: Indiana University Press, 1981.

Bem S. L. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. V.42. P. 165–172.

Bem S. L. Androgyny vs. The tight litlle lives of fluffy women and chesty men // Psychology Today. 1975. Septembr. P. 59–62.

Bem S. L. Sex-role adaptability: One consequence of psychological androgyny // Journal of Personality and Social Psychology. 1977. V. 31. P. 634–643.

Bem S. L. Theory and measurement of androgyny: A reply — to... critiques // Journal of Personal and Social Psychology. 1979. V. 37. P. 1047–1054.

Bem S. L. The lenses of gender: Transforming the debate on sexsual inequality. New Haven, CT: Yale University Press, 1993.

Benbow C. P., Arjimand O. Predictors of high academic achievement in mathematics and science by mathematically talented students: A longitudinal study // Journal of Educational Psychology. 1990. V. 82. P. 430–441.

Benbow C. P., Stenley J. C. Sex differences in mathematical ability: Fact or artifact? // Science. 1980. V. 210. P. 1262–1264.

Benbow C. P., Stanley J. C. Sex differences in mathematical reasoning ability: More facts // Science. 1983. V.222. P. 1029–1031.

Benjamin H. The transsexual phenomeno. N.-Y., 1966.

Bennett C. C. An inquiry inti the genesis of poor reading // Teach. Coll. Contr. Educ., 1938. № 755.

Bennet C. C., Cruikshank R. M. Sex differences in the understanding of mechanical problems // Journal appl. Psychol., 1942. V. 26. P. 121–127.

Berelson B., Steiner G. Human behavior. N.-Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1964.

Berenbaum S. A., Hines M. Early androgens are related to childhood sextyped toy preferences // Psychological Science. 1992. V. 3. P. 203–206.

Berenbaum S. A., Hines M. Early hormonal influences on childhood sex-typed activity and playmate preferences: Implications for the development of sexual orientation // Developmental Psychology. 1995. V. 31. P. 31–42.

Berg B. The crisis of the working mother. Summit US, 1986.

Bergen D. J., Williams J. E. Sex stereotypes in the United States revisited: 1972–1988 // Sex Roles. 1991. V. 24. P. 413–424.

Bernreuter R. G. The Personality Inventory: Percentile Norms. Stanford. Stanford Univ. Press, 1938.

Bernstein A. C. Gender characteristics of political engagement in college students // Sex Roles. 2005. V. 52 (5). P. 299–310.

Berscheid E., Dion K., Walster (Hatfield) E., Walster G. W. Physical attractivenes and dating choice: A test of the matching hypothesis // Journal of Experim. Soc. Psychol., 1971. V. 7. P. 173–189.

Betz N., Fitzgerald L. E. The career psychology of women. N.-Y.: Academic Press, 1987.

Beyer L. Fail issue on women. Life behind the veil // Time. 1990. P. 37.

Bianchi S. M. The changing economic roles of women and men // R. Farly (ed.). State of the union: America in the 1990s. N.-Y.: Russelli Sage, 1995.

Bianchi S. M., Robinson J. P., Milkie M. A. Changing rhythms of American family life. N.-Y.: Russell Sage Foundation, 2006.

Bielby W. T., Bielby D. D. Family ties:Balancing commitments to work and family in dual earner households // Amer. Sociological Review. 1989. V. 54. P. 776–789.

Biller H. A. Father, child and and sex role. Paternal determinants of personality development. Lexington, Mass., 1971.

Binion V.J. Psychological androgyny: A black female perspective // Sex Roles. 1990. V. 22. P. 487–506.

Bird C. The sex map of the world // Carscof M. H. (ed.). Roles women play. California, 1971. P. 39–57.

Biro F. M., Lucky A. W., Huster G. A., Morrison J. A. Pubertal stuying in boys // Journal of Pediatrics. 1995. V. 127. P. 100–102.

Bisaria S. Identification and elimination of sex stereotypes in and from education programmes and school testbooks // UNESCO. 1985. October.

Bjorqvist K. et al. Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends regarding direct and indirect aggression // Aggressive Behavior. 1992. V. 18. P. 157–166.

Biorkvist K., Osterman K., Lagerspetz K. M. J. Sex differences in covert aggression among adults // Aggressive Behavior. 1994. V. 20. P. 27–33.

Blakemore J. E. O., La Rue A. A., Olejnik A. B. Sex-appropriate toy preference and the ability to conceptualize toys as sex-role related // Developmental Psychology. 1979. V. 15. P. 339–340.

Bleske A. L., Buss D. M. Can men and women be just friends? // Personal Relationships. 2000. V. 7 (2). P. 131–151.

Bleske-Rechek A. L., Buss D. M. Opposite-sex friendship: Sex differences and similarities in initiation, selection and dissolution // Personalty ans Social Psychology Bulletin. 2001. V. 27 (10). P. 1310–1323.

Block J. H. Conceptions of sex-role: Some cross-cultural and longitudinal perspe-ctives // American Psychologist. 1973. V. 28. P. 512–526.

Blumstein P., Schwartz P. American couples. N.-Y.: William Morrow, 1983.

Bogardus E. S. Fundamentals of Social Psychology. N.-Y., 1942.

Bordo S. The Cartesian masculinization of thought // Signs. Chicago. 1986. Vol. 11. № 3.

Bock G. Women History and Gender History: Aspects of an International Debate // Gender and History. 1989. V. 1. № 1.

Borman K., Quarm D., Gildeonse S. (eds.). Women in the workplace: Effects on families. New Jersey, 1984.

Borod J. C., Caron H. S. Facedness and emotion related to lateral dominance, sex and expression type // Neuropsychol., 1980. V. 18. № 2. P. 237–241.

Boulis A. K., Long J. A. Gender differences in the practice of adult primare care physicians // Journal of Womens Health. 2004. V. 13 (6). P. 703–712.

Boushard T. Do Environmental Similarities Explain for Similarities in Intelligence of Identical Twins Reared Apart // Intelligence. 1983. V. 7 (2). P. 175–183.

Bradly L.J., Gould L.J., Hayes B. A. The impact of gender social role socialization // J. A. Lewis, B. A. Yayes, L. J. Bradley (eds.). Counseling women over the life span / Denver Love. 1992. P. 55–76.

Braun C., Giroux J. Arcade video games: proxemic, cognitive and content analysis // Journal of Leisure Research. 1989. V. 21. P. 92–105.

Brauner C., Maass J. Die unheile Welt der Computerspiele? // J. Maass, C. Schartner (Hg.). Computerspiele — Unheile Welt der Jugendlichen? Munchen, 1993.

Breckbill Y., Nevill D. Parental expectations of achivement as affected by children's heigth // Merrill-Palmer Quarterly. 1981. V. 27. P. 429–441.

Breedlove C. J., Cicirelly V. G. Women's Fear of Success in Relation to Personal Characteristics and Type of Occupation // Journal of Psychology. 1974. V. 86.

Bremer T. H., Witting M. A. Fear of Success: A Personality Trait or a Response to Occupational Deviance and Role Overload // Sex Role. 1980. V. 6.

Brenner O. C., Tomkiewicz E. C., Schein V. E. The relationship between sex role stereotypes and requisite management characteristics revisited // Acad. of Management Journal, 1989. V. 32. № 3. P. 662–669.

Bretl D. J., Cantor J. The portrayal of men and women in U.S. television commercials: A recent content analysis and trends over 15 years // Sex Roles. 1988. V. 18. P. 595–609.

Brizendine L. The female brain. N.-Y.: Morgan Road, 2006.

Brody E., Kleban M., Johnsen P., Hoffman C., Schoonover C. Work status and parent care: A comparison of four groups women // The Gerontologist. 1987. V. 27. P. 201–208.

Bronfenbrenner U. The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.

Broocs-Gunn J., Furstenberg F. F. Adolescent sexual behavior // American Psychologist. 1989. V. 44. P. 249–257.

Brophy J. Interactions of male and female students with male and female teachers // C. Wilkenson, C. B. Marrett (eds.). Gender influences in classroom interaction. Hilsdale. N.-Y.: Erlbaum, 1985.

Brown D. G. Masculinity-femininity development in children // Journal consult. Psychol., 1957. V. 21. P. 197–202.

Browerman I. K., Browerman D. M., Clarkson F. E., Rosenkranz P. S., Vogel S. R. Sex-role stereotypesand clinical judgments of menthal health // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1970. V. 34. P. 1–7.

Browerman I. K., Vogel S. R., Browerman D. M., Clarkson F. E., Rosenkranz P. S. Sex-role stereotypes: A current appraisal // Journal of Social Issues. 1972. V. 28. P. 59–78.

Browenmiller S. Feminity. N.-Y.: Fawcett-Columbine, 1984.

Bruce V., Burton A. M., Hanna E. et al. Sex discrimination: how do we tell the difference between male and female faces? // Perception. 1993. V. 22. P. 131–152.

Bryden M. P. Measuring handedness with questionnaires // Neuropsychologia. 1977. P. 617–624.

Bukowski W. M., Sippola L. K., Newcomb A. F. Variations in patterns of attraction to same- and other-sex peers during early adolescence // Developmental Psychology. 2000. V. 36. P. 147–154.

Burke R., Weir T. Relationship of wives employment status to husband, wife and pair satisfaction and performance // Journal of Marriage and the Family. 1976. P. 279–287.

Burleson B. R. The experience and effects of emotional support: What the study of cultural and gender differences can tell us about close relationships, emotion and interpersonal communication // Personal Relationships. 2003. V. 10 (1). P. 1–23.

Burt M. R. Cultural myths and supports for rape // Journal of Personsl. and Social Psychology. 1980. № 38. P. 171–230.

Burton A. M., Bruce V., Dench N. What's the difference between men and women? Evidence from facial measurement // Perception. 1993. V. 22. P. 153–176.

Buss D. M. Sex differences in human male preferences: Evolutionare hypothesis tested in 37 cultures // Behavioral and Brain Sciences. 1989. V. 12. P. 1–49.

Buss D. M. The evolution of desire: Strategies of human mating. N.-Y.: Basic Books, 1994.

Buss D. M., Larsen R. J., Westen D., Semmelroth J. Sex differences in jealousy: Evolution, physiology and psychology // Psychological Science. 1992. V. 3.

Bussey K., Bandura A. Self-regulatory mechanisms governing gender development // Child Development. 1992. V. 63. P. 1236–1250.

Bussey K., Perry D. Same-sex imitation: The avoidance of cross-sex models or the acceptance of same-sex models? // Sex Roles. 1982. V. 8. P. 773–784.

Buunk B. P., Angleitner A., Oubaid V., Buss D. M. Sex differences in jealousy in evolutionare and cultural perspective: Test from the Netherlands, Germany and United States // Psychological Science. 1996. V. 7 (6).

Byne W. The Biological Evidence Challenged // Scientific American. 1994. May. P. 50–55.

Byrne D. G., Byrne A., Reinhart M. Psychosocial correlated of adolescent ciggarete smoking: personality or environment? // Australian Journal of Psychology. 1993. V. 45. P. 87–95.

Byrnes J. P., Takahira S. Explainting gender differences on SAT-math items // Developmental Psychology. 1993. V. 29. P. 805–810.

Caldera Y. M., Huston A. C., O'Brien M. Social interactions and play patterns of parents and toddlers with feminine, masculine and neutral toys // Child Development. 1989. V. 60. P. 70–76.

Caldwell M. A., Peplau L. A. Sex differences in same-sex friendship // Sex Roles. 1982. V. 8. P. 721–731.

Calhoun L. G., Selby J. W., Warring L. J. Social perception of the victim's causal role in rape: An explanatory examination of four factors // Hum. Relations. 1976. № 29. P. 517–526.

Calvert S. L., Kotler J. A., Zehnder S. M., Shockey E. M. Gender stereptyping in childrens reports about educational and informational television programs // Media Psychology. 2003. V. 5 (2). P. 139–162.

Camarata S., Woodcock R. Sex differences in processing speed: Developmental effects in males and females. 2006. V. 34. P. 231–252.

Campbell A. Sex differences in direct aggression: What are the psychological mediators? // Aggression and Violent Behavior. 2006. V. 11. P. 237–264.

Campbell J. D. Peer relations in childhood // L. Hoffman, M. Hoffman (eds.). Review of child developmen research. V. 1. N.-Y., 1964. P. 289–323.

Cambell R., Benson Ph. J., Wallace S. B. et al. More about brows: How poses that change brow position affect perception of gender // Perception. 1999. V. 28. P. 489–504.

Canli T., Desmond J. E., Xhao Z., Gabrieli J. D. E. Sex differences ib the neural basis of emotional memories // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2002. V. 99 (16). P. 10789–10794.

Cantor J. R. What is funny to whom? The role of gender // Journal of Communication. 1976. V. 26 (3). P. 164–172.

Caplan P. J., Caplan J. B. Thinking critically about research on sex and gender. Boston: Pearson Educational Inc., 2009.

Carli L. L. Gender, status, and influence // E. J. Lawler, B. Markovsky (eds.). Advances in group processes: Theory and research. V. 8. Greenwich, CT: JAI Press, 1991.

Carli L. L. Gender, interpersonal power and social influence // Journal of Social Issues. 1999. V. 55 (1). P. 81–99.

Carli L. L. Gender and social influence // Journal of Social Issues. 2001. V. 57 (4). P. 725–741.

Carli L., La Fleur S., Loeber C. Nonverbal behavior, gender, and influence // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. P. 1030–1041.

Carlson J. S., Cook S. W., Stromberg E. L. Sex differences in conversation // Journal appl. Psychol., 1936. V. 20. P. 727–735.

Carpenter C. R. A field study of the behavior and social relations of howling monkeys // Comp. Psychol. Monogr., 1934. V. 10. № 42.

Carter C. S. Sex differences in oxytocin and vasopressin // Behavioral Brain Research. 2007. V. 176. P. 170–186.

Casey M. B. Understanding individual differences in spacial ability within femalews: A nature / nuture interactions framework // Developmental Review. 1996. V. 16. P. 241–260.

Caspi A., Lybam D., Moffitt T. E., Silva P. A. Unraveling girls delinquency: Biological, dispositional, and contextual contributors to adolescent misbehavior // Developmental Psychology. 1993. V. 29. P. 19–30.

Castle C. S. A statistical study of eminent women // Arch. Psychol., 1913. № 27.

Cellerino A., Borghetti D., Sartucci F. Sex differences in faces gender recognition in humans // Brain Research Bulletin. 2004. V. 65. P. 179–184.

Chaikin A. L., Darley J. M. Victim or perpetrator: Defensive attribution of responsibility and the need for order and justice // Journal of Personal and Social Psychology. 1973. № 25. P. 268–275.

Chapman A. J., Gatfield N. J. Is sexual humor sexist? // Journal of Communication. 1976. V. 26 (3). P. 141–153.

Chehrari S. Female psychology: A review // M. R. Walsh (ed.). The psychology of women. On-going debates. New Haven, London, Yale Univ. Press, 1987. P. 22–38.

Cherney L., London K. Gender-linked differences in the toys, television shows, computer games and outdoor activities of 5- to 13-year-old children // Sex Role. 2006. V. 54. P. 717–726.

Cherry F., Deaux K. Fear of Success vs. fact of gender-inconsistent behavior: A sex similarity // Midwestern Personal Association or Convencion. 1975. 21.

Chesler P. Women and madness. N.-Y.: Avon Books, 1972.

Chia R., Allred L., Jerzak P. Attitudes toward women in Taiwan and China: Current status, problems and suggestions for future research // Psychol. Women Quarterly. 1997. V. 21. P. 137–150.

Chodorow N. J. The reproduction of mothering. Psychoanalysis and the sociology of gender. Berceley, etc. Univ, of Californis Press, 1978.

Chodorow N. J. Feminism and psychoanalytic theory. New Haven, CT: Yale University Press, 1989.

Chombart de Lauwe M. J. La femme dans la societe. Paris, 1963.

Chronicle E. P., Chan Mei-Yin et al. You can tell by the nose — judging sex from an isolated facial feature // Perception. 1995. V. 24. P. 969–973.

Claremont de Castillejo I. Knowing Woman: A Feminine Psychology. N.-Y.: Harper and Row, 1973.

Clark W. H. Sex differences and motivation in the ugre to destroy // Journal Soc. Psychol., 1952. V. 36. P. 167–177.

Clarke-Stewart K. A. And daddy makes three: The fathers impact on mother and young child // Child development. 1978. V. 49. P. 466–478.

Cleveland E. S., Reese E. Maternal Structure and Autonomy Support in Conversations About the Past: Contributions in Children's Autobiographical Memory// Developmental Psychology. 2005. V. 41 (2). March. P. 376–388.

Coats E. Y., Feldman R. S. Gender differences in nonverbal correlates of social status // Personality and Social Psychology bulletin. 1996. October. P. 1014–1022.

Cohen G. L. Women in sport: Issues and conroversion. Newbury Park, CA, Sage, 2001.

Collaer M. L., Hines M. Human behavioral sex differences: A role for gonadal hormones during early development? // Psychological Bulletin. 1995. V. 118. P. 55–107.

Colker R., Widom C. S. Correlates of female athletic participation: masculinity, feminity, self-esteem and attitudes toward women // Sex Roles. 1980. V. 6. P. 47–58.

Colley A., Ball J., Kirby N., Harvey R., Vingelen I. Gender-linked differences in everyday memory performance: Effort makes the difference // Sex Roles. 2002, V. 47 (11–12). P. 577–582.

Collison B. B. Counseling adult males // Personnel and Guidance Journal. 1981. V. 60. P. 219–222.

Colombok S., Fivush R. Gender Development. Cambridge, 1994.

Condry J., Condry S. Sex differences: A study of eye of the beholder // Child Development. 1976. V. 47. P. 812–819.

Connellan J., Baron-Cohen S., Wheel-wright S., Batki A., Ahluwalia J. Sex differences in human neonatal social perception // Infant Behavior and Development. 2000. V. 23 (1). P. 113–118.

Connor J. M., Serbin L. A. Behaviorally based masculine-and feminine-activity-preference scales for preschoolers: Correlates with other classroom behaviors and cognitive tests // Child Development. 1977. V. 48. P. 1411–1416.

Connors J., Heaven P. Belief in a just world and attitudes toward AIDS sufferers // Journal of Social Psychology. 1990. V. 130. P. 559–560.

Convell M. J., Mize J., Pettit G. S., Laird R. D. Contextual Determinants of Mother's Interventions in Young Children's Peer Interactions // Developmental Psychology. 2002. V. 38 (4). July. P. 492–502.

Cook E. E. (ed.). Women, relationships and power: Implications for counseling. AlexandriaVA, American Counseling Association, 1993.

Cox E. Leading women. Sydney, Random House, 1996.

Cozzarelli C., Tagler M. J., Wilkinson A. V. Do middle-class students perceive poor women and poor men differently? // Sex Roles. 2002. V. 47 (11–12). P. 519–530.

Crabb P., Bielawski D. The social representation of material culture and gender in children's books // Sex Roles. 1994. V. 30. P. 69–79.

Craig A. Censorship of sexsual literature // A. Ellis, A. Abarbanel (eds.). Enciclopedia of sexual behavior. N.-Y., 1961. V. 1. P. 235–246.

Craske S. A study of the relation between personality and accident history // British Journal of Medical Psychology. 1968. V. 41. P. 399–404.

Crawford M. Humor in conversational context: Beyond biases in the study of gender and humor // R. K. Unger (ed.). Representation: Social constructions of gender. Amityville. N.-Y. H: Baywood Publishing, 1989. P. 155–166.

Crawford M., Gressley D. Creativity, caring and context: Women's and men's accounts of humor preferences and practices // Psychology of bWomen Quarterly. 1991. V. 15 (2). P. 217–231.

Crawford M., Unger R. Women and gender. A feminist psychology. N.-Y.: McGraw-Hill, 2004.

Crick B. R., Casas J. F., Mosher M. Relational and overt aggression in preschool // Development Psychology. 1997. V. 33. P. 579–588.

Crick N. R., Grotpeter J. K. Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment // Child Development. 1995. V. 66. P. 710–722.

Crick N. R., Ostrow J., Burr J., Cullerton-Sen C., Jansen-Eyh E., Ralston P. A longitudinal study of rational and physical aggression in preschool // Journal of Applied Developmental Psychology. 2006. V. 27 (3). P. 254–268.

Crocker J., Major B. Social stigma and selfesteem: The self-protective properties of stigma // Psychological Review. 1989. V. 96. P. 608–630.

Crombie G., Sinclair N., Silverthorn N., Byrne B. M., Du Bois D. L., Trinneer A. Predictors of young adolescents math grades and course enrollment intentions: Gender similarities and differences // Sex Roles. 2005. V. 52 (5–6). P. 351–367.

Crosby F. J. Relative deprivation and working women. N.-Y.: Oxford University Press, 1982.

Crosby F. J. Juggling: the unexpected advantages of balancing career and home for women and their families. N.-Y.: Free Press, 1991.

Cross S. E., Bagilhole B. Girls jobs for the boys? Men, masculinity and nontraditional occupations // Gender, Work and Organization. 2002. V. 9 (2). P. 204–226.

Cross S. E., Madson L. Models of the self: self-construals and gender // Psychological Bulletin. 1997. V. 122. № 1. P. 5–37.

Crouter A. C., Manke B. A., McHale S. M. The family context of gender intensification in early adolescence // Chiled Development. 1995. V. 66. P. 317–329.

Cuddy A. J. C., Fiske S. T., Glick P. When professionals become mothers, warmth doesn,t cut the ice // Journal of Social Issues. 2004. V. 69 (4). P. 701–714.

Cunningham M. R. Measuring the physical in physical attractiveness: Quasi-experiments on the sociobiology of female facial beaccty // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. V. 50. P. 925–935.

Dabbs J. M., Carr T. S., Frady R. L., Riad J. K. Testosterone, crime, and misbehavior among 692 male prison inmates // Personality and individual Differences. 1995. V. 18. P. 627–633.

Damji T., Lee C. Gender role identity and perceptions of Ismaili Muslim men and women // Journal Soc. Psychol., 1995. V. 135. P. 215–223.

Dank B. Coming out in the gay world // Psychiatry. 1971. V. 34. P. 180–197.

Darley J. M., Latane B. Intervention in emergencies: diffusion of responsibility // Journal of Personal and Social Psychol., 1968. V. 8. P. 377–383.

Davidson H. K., Burke M. J. Sex discrimination in simulated employment contexts: A meta-analytic investigation // Journal of Vocational Behavior. 2000. V. 56. P. 225–248.

Davidson J. K., Moor N. B. Masturbation and premarital sexual intercourse among college women: Making choice for sexual fulfillment // Journal of Sex and Marital Therapy. 1994. V. 20. P. 178–199.

Davidson J. M. Sexual emotions, hormones and behavior // Advances. 1989. V. 6 (2). P. 56–58.

Davis D. M. Portrayals of women in prime-time network television: Some demographic characteristics // Sex Roles. 1991. V. 23. P. 325–332.

Davis R. C., Buchwald A. M. An exploration of somatic response patterns: Stimulus and sex differences // Journal of Compar. and Physiol. Psychol., 1957. V. 50. № 1. P. 44–52.

DeAngelis T. Best psychological treatment for many men:Group therapy APA // Monitor. 1992. November. V. 23. P. 31.

Deaux K. Sex: A perspective of the attribution process // J. H. Harvey, W. J. Ickes, R. F. Kidd (eds.). New directions in attribution research. N.-Y.: Erlbaum, 1976. V. 1. P. 112–132.

Deaux K. Sex and gender // Annual review of psychology. 1985. № 36. P. 49–81.

Deaux K., Lewis L. L. Structure of gender stereotypes: Interrelationships among components and gender label // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. V. 46. P. 991–1004.

De Moss K., Millch R., De Mers S. Gender, creativity, depression and attributional style in adolescents with high academic ability // Journal of Abnormal Child Psychology. 1993. V. 21. P. 455–467.

Doering C. H., Kraemer H. C., Brodie H. K. et al. A cycle of plasma testisterone in the human male // Journal Clinical Endocrinology. 1975. V. 40. № 3. P. 492–500.

De Stefano L., Colasanto D. Unlike 1975, today most Americans think men have in better // Galup Poll Monthly. 1990. February. № 293. P. 25–36.

Devenport D. S., Yurich J. M. Multicultural gender issues // Journal of Counseling and Dervelopment. 1991. V. 70. P. 64–71.

Diekman A. B., Murnen S. K. Learning to be little women and little men: The inequitable gender equality of non sexist childrens literature // Sex Roles. 2004. V. 20. P. 373–385.

Dindia K., Allen M. Sex differences in self-disclosure: A metaanalysis // Psychological Bulletin. 1992. V. 112. P. 106–124.

Ding C. S., Song K., Richardson L. I. Do mathematical gender differences continue? A longitudinal study of gender difference and exellence in mathematics performance // Educational Studies. 2007. V. 40 (2). P. 279–295.

Dion K. L., Dion K. K., Keelan J. P. Apprearance anxiety as a dimension of social-evaluative anxiety: Exploring the ugly duchling syndrome // Contemporary Soc. Psychol., 1990. V. 14 (4). P. 220–224.

Di Pietro J. A., Hodgson D. M., Costigan K. Q. A., Hilton S. C., Johnson T. R. Fetal neurobehavioral development // Child Development. 1996. V. 67. P. 2553–2567.

Ditzion J. S., Wolf P. W. Beginning parenthood // Boston Womens Book Kollective. Ourselves and our children. N.-Y.: Random House, 1978.

Dixon J. C., Street J. The distinction between self and nonself in children and adolescents // Journal of Genetic Psychology. 1975. V. 127. P. 157–162.

Dolgin K. G., Meyer L., Schwartz J. Effects of gender, target's gender, topic, and self-esteem on disclosure to best and middling friends // Sex Roles. 1991. V. 25. P. 311–329.

Dossey J. A, Mullis L. V., Lindquist M. M., Chambers D. L. (Цит. по: Ш. Берн, 2001. С. 90).

Douvan E. Sex role learning // The School Years. London, 1979.

Droege R. A psychosocial study of the formation of the middle adult life structure in women. Unpublished doctoral dissertation California School of Professional Psychology. Berkeley, 1982 (Цит. по: Г. Крайг, 2000).

Dubas J. S., Graber J. A., Petersen A. C. The effects of pubertal development on achivement during adolescence // American Journal of Education. 1991. V. 99. P. 444–460.

Dudek S. Z., Strobel M. G., Runco M. A. Comulative and proximal influence on the social environment and childrens creative potential // Journal of Genetic Psychology. 1993. V. 154. P. 487–499.

Dugger K. Social location and gender role attitudes: A comparison of black and white women // Gender and society. 1988. V. 2. P. 425–448.

Dweck C. S., Davidson W., Nelson S., Bradley E. Sex differences in learning helpless-ness // Developmental Psychology. 1978. V. 14. P. 268–276.

Eagly A. H. Gender and social influence:A social psychological analysis // American Psychologist. 1983. V. 38. P. 971–981.

Eagly A. C. Sex differences in social behavior: A social-role interpretation. Hillsdale, N.-Y.: Erlbaum, 1987.

Eagly A. C., Johnson B. T. Involment and Persuasion: types, tradition and evidence // Psychol. Bulletin. 1990. V. 107.

Eagly A. H., Carli L. L. Sex of researcher and sex-typed communications as determinants of sex differences in influenceability: A metaanalysis of social influence studies // Psychological Bulletin. 1981. V. 90. P. 1–20.

Eagly A. H., Johnson B. T. Gender and leadership style: A meta-analysis // Psychol. Bulletin. 1990. V. 108. № 2. P. 233–256.

Eagly A. H., Karau S. J., Makhijani M. G. Gender and effectiveness of leaders: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1995. V. 117. № 1. P. 125–145.

Eagly A. H., Makhijani M. G., Klonsky B. G. Gender and the evaluation of leaders: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1992. V. 11 (1). P. 3–22.

Eagly A. H., Wood W. Gender and influenceability: stereotype versus behavior // V. E. O'Leary, R. K. Unger, B. S. Wallston (eds.). Women, gender, and social psychology. Hillsdale, N.-Y.: Erlbaum, 1985.

Eaton W. O., Enns L. R. Sex differences in human motor activity level // Psychological Bulletin. 1986. V. 100. P. 19–28.

Eaton W. O., Yu A. P. Are sex differences in child motor activity level a function of sex differences in maturational status? // Child Development. 1989. V. 60. P. 1005–1011.

Eccles J. S. Sex differences in mathematics participation // M. L. Maehr, M. W. Steinkamp (eds.). Women in science: Advances in motivation and achivement. Greenwich, CT, JAI Press, 1984. V. 2.

Eccles J. S. Bringing young women to math and science // M. Crawford, M. Gentry (eds.). Gender and thought: Psychological perspectives. N.-Y.: Springer-Verlag, 1989. P. 36–58.

Eccles J. S., Blumenfeld P. Classroom experiences and student gender: Are there differences and do they matter? // L. C. Wilkenson, C. Marrett (eds.). Gender influences in classroom interaction. Hilsdale, N.-Y.: Erlbaum, 1985.

Eccles J. S., Jacobs J. E., Harold R. D. Gender role stereotypes, expectancy effects, and parents socialization of gender difference // Journal of Social Issues. 1990. V. 46. P. 183–201.

Ehrhard A. A., Baker S. W. Fetal androgens, human central nervous system differentiation and behavior sex differences // R. C. Friedman, R. M. Richart, R. L. Vande Wiele (eds.). Sex differences in behavior. N.-Y.: Wiley, 1974. P. 33–51.

Ehrhard A. A., Epstein R., Money J. Fetal androgens and female gender identity in the early-treated androgenital syndrome // Johns Hopkins Medical Journal. 1968. V. 122. P. 160–167.

Eisenberg N. The development of prosocial values. // Social and moral values: Individual and social perspectives. N.-Y.: Hillsdale, 1989.

Eisenberg N., Lennon R. Sex differences in empahty and related capacities // Psychol. Bulletin. 1983. V. 94. P. 100–131.

Eisenberg N., Shell R., Pasternack J., Beller R., Lenon R., Mathy R. Prosocial development in middle childhood: A longitudinal study // Developmental Psychology. 1987. 23 (5). P. 712–718.

Eisler R. Women, Men and Evolution of Social Structure // World Futures. 1987. V. 23.

Ellis H. Man and women: a study of human secondary sexual characters. N.-Y.: Seribners, 1904.

Ellis H. A study of British genius. London: Hurst and Blackett, 1904.

Ellis M., Ames M. A. Neurohormonal functioning and sexsual orientation: A theory of homosexuality — heterosexuality // Psychological Bulletin. 1987. V. 101. P. 233–258.

Else-Quest N. M., Hyde J. S., Goldsmith H. H., Van Hulle C. A. Gender differences in temperament: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 2006. V. 132 (1). P. 33–72.

Enns C. Z., Hackett G. A comparison of feminist and nonfeminist women's and men's reaction to nonsexist and feminist counseling: A replication and extension // Journal of Counseling and Development. 1993. V. 71. P. 499–509.

Entwisle D. R., Baker D. P. Gender and young childrens expectations for performance in arithmetic // Developmental Psychology. 1983. V. 19. P. 200–209.

Entwisle D. R., Doering S. The emergent father role // Sex Roles. 1988. V. 18. P. 119–141.

Eskilson A., Willey M. G. Sex composition and leadership in small group // Sociometry. 1976. V. 39. P. 183–194.

Eurich A. C., Carroll H. A. Group differences in art judgment // Sch. and Soc., 1931. V. 34. P. 204–206.

Evans L., Davies K. No sissy boys here: A content analysis of the representation of masculinity in elementary school reading textbooks // Sex Roles. 2000. V. 42. P. 255–270.

Eysenck H. J. Sex ans personality. London, 1976.

Eysenck H. J. Four wais five factors are not basic // Personality and Individual Differences. 1992. V. 12. P. 773–790.

Eysenck H., Wakefield J. Psychological factors as predictors of marital satisfaction // Advances in Behavior research and Therapy. 1981. V. 3. P. 151–192.

Eysenck H., Wilson G. The psychology of sex. London: Dent, 1979.

Fagot B. I. The socialization of sex differences in early chilfhood. N.-Y., 1978.

Fagot B. I. Changes in thinking about early sex-role development // Developmental Review. 1985. V. 5. P. 83–98.

Fagot B. I., Leinbach M. D., Hagan R. Gender labeling and the adoption of sex-typed behaviors // Developmentalo Psychology. 1986. V. 22. P. 440–443.

Fairhurst G. T. The leader-member exchange patterns of women leaders in industry: A discourse analysis // Communicat: Monographs. 1993. V. 60. Dec. P. 321–351.

Farnsworth P. R. An historical, critical and experimental study of the Seashore-Kwalwasser Test Battery // Genet. Psychol. Monogr., 1931. V. 9. № 5. P. 291–393.

Farr K. Dominance bonding through the good old boys sociability group // Sex Roles. 1988. V. 18. P. 259–277.

Farth J. L., Dobbins G. H., Cheng B.-S. Cultural relatively in action: A comparison of self-ratings made in Chinese and U.S. workers // Pers. Psychol., 1991. V. 44. № 1. P. 129–147.

Favreau O. E. Sex and gender comparisons: Does null hypothesis testing create a false dichotomy? // Feminism and Psycholoogy. 1997. V. 7 (1). P. 63–81.

Fehr B. Intimacy expectations in same-sex frendships: A prototype interaction-pattern model // Journal os Personality and Social Psychology. 2004. V. 86 (2). P. 265–284.

Feild H. S. Attitudes towards rape: A comparative analyses of police, rapist, crisis counsellors and citizens // Journal of Pers. and Soc. Psychology. 1978. № 36. P. 156–179.

Feingold A. Cognitive gender differences are disappearing // American Psychologist. 1988. V. 43. P. 95–103.

Feingold A. Gender differences in personality: A meta-analysis // Psychol. Bulletin, 1994. V. 116. № 3. P. 429–456.

Feingold A. Gender differences in personality: A meta-analysis // Psychol. Bulletin. 1994. V. 116. P. 429–456.

Feng J., Spence L., Pratt J. Playing an action video game reduces gender differences in spatial cognition // Psychological Science: A Journal of the American Psychological Society. 2007. V. 18 (10). P. 850–855.

Ferber M., Green C., Spaith J. Work power and earnings of women and men // American Economic Review. 1986. V. 76. P. 53–56.

Ferguson E. D. Motivation: An experimental approach. N.-Y., 1976.

Ferree M. M. Family and job for working-class women: Gender and class systems seen from below // N. Gerstel, H. E. Gross (eds.). Families and work. Philadelphia, Temple Unuv. Press, 1987. P. 289–301.

Field T. Interaction behaviors of primary vs. secondary caretaker fathers // Developmental Psychology. 1978. V. 14 (2). P. 183–184.

Fischer S. The Female orgasm. Psychology, Fantasy. N.-Y., 1973.

Foon A. The relationship between school type and adolescent self-system, attributional styles, and affiliation needs: implications for educational outcome // British J of Educ. Psychol., 1988. V. 58. P. 44–54.

Forbes G. B., Adams-Curtis L. E., Rade B., Jaberg P. Body dissatisfaction in women and men: The role of gender-typing and self-esteem // Sex Roles. 2001. V. 44. P. 461–484.

Forisha B. L. Creativity and imagery in men and women // Perceptual and Motor Skills. 1978. V. 47. P. 1255–1264.

Forsyth D. R. Group dynamics. Monterey, CA, Broocks-Cole, 1990.

Fozard J. L. Vision and hearing in aiging // J. E. Birren, K. W. Schaie (eds.). Handbook of the psychology of aging. N.-Y.: Academic Press, 1990.

French M. The war against women. N.-Y.: Summit Books, 1992.

Francis L. J., Pearsons P. R. The personality characteristics of student churchgoers // Personality and Individual Differences. 1993. V. 15. P. 373–380.

Freedman D. L., Podsakoff P. M., MacKenzie S. B. Effects of demographic, experiential and attitudinal factors on occupational sex stereotypes // Employe Responsibilities and Rights Journal, 1993. V. 6. P. 115–137.

Frenzel A. C., Perkun R., Goetz T. Girls and mathematics – A «hopeless» issue? A control-value approach to gender differences in emotions towards mathematics // European Journal of Psychology Education. 2007. V. 22 (4). P. 497–514.

Frey K. S., Ruble D. N. Gender constancy and the cost of sex-typed behavior: A test of the conflict hypothesis // Developmental Psychyology. 1992. V. 28. P. 714–721.

Friedan B. The feminine mistique. N.-Y.: Summit Books, 1963.

Friedman L. Mathematics and the gender gap: A meta-analysis of recent studies on sex differences in mathematical task // Review of Educational research. 1989. V. 59. P. 185–213.

Frodi A., Macaulay J. Are women always less aggressive than men? A review of the experimental literature // Psychol. Bull., 1977. V. 84. P. 634–660.

Funk J. B. Reevaluating the impact of video games // Clinical Pediatrics. 1993. V. 32. P. 86–90.

Furnham A. Many sides of the coin: the psychology of money usage // Personality and individual Differences. 1984. V. 5.

Gabhainn S. N., Francois Y. Substance use // Health and health behavior among young people. International Peport. Universitat Bielefeld, 2000. P. 97–114.

Gagnon J. H., Greenblat C. S. Life designs: Individuals, marriages and femilies. Glenview, III, Scott, Foresman, 1978.

Galagher D., Sheentich R. Encoding and decoding of nonverbal behavior through facial expression // Journal Res. Pers., 1981. V. 15. № 2. P. 241–252.

Galambos N. I., Almeida D. M., Petersen A. C. Masculinity, feminity, and sex role attitudes in early adolescence. Exploring gender intensification // Child Development. 1990. V. 61. P. 1905–1914.

Gallaher P. E. Individual differences in nonverbal behavior: Dimensions of style // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. V. 63. № 1. P. 133–145.

Carroll J., Volk K. D., Hyde J. S. Differences between males and females n motives for engaging in sexual intercourse // Archives of Sexual Behavior. 1985. V. 14. P. 131–139.

Gatz M., Bengtson V., Blum M. Caregiving families // J. Birren, K. W. Schale (eds.). Handbook of the psychology of aiging. San Diego: Academic Press, 1990. P. 405–426.

Geary D. C. A model for representing gender differences in the pattern of cognitive abilities // American Psychologist. 1989. V. 102. P. 1155–1157.

Geis F. L. Self-fulfilling prophecies: A social psychological view of gender // A. E. Beal, R. J. Sternberg (eds.). The Psychology of gender. N.-Y.: Guilford Press, 1993.

Gerber G. L. Social acceptability of hypothetical married couples and their relation-ships // Journal Psychol., 1989. V. 124. P. 575–586.

Geschwind N. Anatomical asymmetry as the basis for cerebral dominance // Fed. Proc., 1978. V. 37. P. 2263–2266.

Gesell A. et al. The first five years of life. N.-Y.: Harper, 1940.

Giannitrapani D. Sex differences in the electrophysiology of higer cortical function // EEG and Clin. Neurophysiology. 1981. V. 52. № 3. P. 136.

Gibbons J. et al. Guatemalan, Filipino and U. S. adolescent's images of women as office workers and homemakers // Psychol. Women Quarterly. 1993. V. 17. P. 373–388.

Gibbs M. S. The instrumental – expressive dimension revisited // Acad. Psychol. Bull., 1985. V. 7. № 2. P. 145–155.

Gill D. L. Feminist psychology:A quide for our journey // Sport Psychologist. 2001. V. 15. P. 363–372.

Gilligan C. In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.

Glascock J. Gender roles on prime-time network television: Demographics and behaviors // Journal of Broadcasting and Electronic Media. 2001. V. 45. P. 656–669.

Gleason J. B. Fathers and other strangers: Men,s speech to young children // Dato T. P.(ed.). Georgtaun University Round Table on Language and Linguistics. Georgtaun Univ. Press, 1975. P. 289–297.

Glick P. Trait-based and sex-based discrimination in occupational prestige, occupational salary, and hiring // Sex Role. 1991. V. 25. P. 351–378.

Glick P., Fiske S. T. Hostile and benevolent sexism: Measuring ambivalent sexist attitudes toward women // Psychology of Women Quarterly. 1997. V. 21 (1). P. 119–135.

Glick P., Fiscke S. T. The Ambivalence toward Men Inventory: Differentiating hostile and benevolent beliefs about men // Psychology of Women Quarterly. 1999. V. 23 (3). P. 519–536.

Golberg S., Lewis M. Play behaviour in the year-old infant. Early sex differences // Child Development. 1969. № 40. P. 21–31.

Goldberg H. New male-female relationship. N.-Y., 1983.

Goldenhar L. M., Swanson N. G., Hurrell J. J., Ruder A., Deddens J. Stressors and adverse outcomes for female construction workers // Journal of Occupational Health Psychology. 1998. V. 3. P. 19–32.

Golombok S., Fivush R. Gender Development. Cambridge, Cambridge University Press, 1994.

Gordon M. A. A study in the applicability of the same minimum qualifying scores for technical school to white males // HRRC, Air Res. Developm. Command, Techn. Report, 53, 1953.

Gordon H. W., Lee P. A relationship between gonadotropins and visuospatial function // Neuropsychologia. 1986. V. 24. P. 563–576.

Gorski F. A. Sexual differentiation of the endocrine brain and its control // M. Motta (ed.). Brain endocrinology. 1991. P. 71–104.

Gouchie C., Kimura D. The relationbetween testosterone levels and cognitive ability patterns // Psychoneuroendocrinology. 1991. V. 16. P. 323–334.

Gove W. The relationship between sex roles, marital status, and mental illness // Social Forces. 1972. V. 51. P. 34–44.

Goy R. W., McEwen B. S. Sexual differentiation of the brain. Cambridge, MA: MIT Press, 1980.

Graham P. J. Epidemological sudies // H. C. Quay, J. S. Werry (eds.). Psychopatho-logical disorders of childhood. N.-Y.: Wiley, 1979.

Graves R., Landis T., Goodglass H. Laterality and sex difference for visual recognition of emotional and non-emotional words // Neuropsychol., 1981. V. 19. № 1. P. 95–102.

Greenblat C. S. Work, the family and children's sexual learning // Roberts E. J (ed.). Childhood sexual learning. Cambridge, Mass., 1980.

Greenhaus J. H., Parasuraman S. Job performance attributions and career advancement prospects: An exsamenation of gender and race effects // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1993. V. 55. P. 273–297.

Groch A. S. Generality of response to humor and wit in cartoons, jockes, stories and photographs // Psychological Reports. 1974. V. 35. P. 835–838.

Grossi D., Matarese V., Orsini A. Sex differences in adults apatial and verbal memory span // Cortex. 1980. V. 52. № 2. P. 339–340.

Grossman F. K., Pollack W. S., Golding E. Fathers and children: Predicting the quality and quantity of fathering // Developmental Psychology. 1988. V. 24 (1). P. 82–91.

Grotevant H. D., Cooper C. R. Patterns of interaction in family relationships and the development of identity exploration in adolescence // Child Development. 1985. V. 56. P. 415–428.

Gooden A. M., Gooden M. A. Gender representation in notable childrens picture books: 1995–1999 // Sex Roles. 2001. V. 45. P. 89–101.

Guadagno R. E., Cialdini R. B. Online persuasion: An examination of gender differences in computer-mediated interpersonal influence // Group Dinamics: Theory, Research and Practice. 2002. V. 6 (1). P. 38–51.

Gunter N. C., Gunter B. G. Domestic division of labor among working couples: Does androgyny make indifference? // Psychology of Women Quarterly. 1990. V. 14. P. 355–370.

Gur R. E., Gur R. C. Sex differences in the relation among handedness, sighting dominance and eye-acuity // Neuropsychol., 1977. V. 15. № 4–5. P. 585–590.

Gutek B. A., Kohen A. G. Sex ratios, sex role spillover, and sex at work: A comparison of men's and women's experience // Human Relation. 1987. V. 40. P. 97–115.

Gutmann D. L. Parenthood: A key to the comparative study of the life cycle // N. Datan, L. H. Ginsberg (eds.). Life-span developmental psychology: Normale life crises. N.-Y.: Academic Press, 1975.

Hagen R. L., Kahn A. Discrimination against competent women // Journal of Appl. Soc. Psychol., 1975. № 5. P. 362–376.

Hall J. A. Nonverbal sex differences: Communication accuracy and expressive style. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1984.

Hall J. A. Touch status and gender at professional meetings // Journal of Nonverbal Behavior. 1996. Spring. P. 23–44.

Hallberstadt A. G., Saitta M. B. Gender, nonverbal behaviorand perceived dominance: A test of the theory // Journal of Personal and Social Psychology. 1987. V. 53. P. 257–272.

Hall R. L. Sweating It Out: The good News and the Bad News. About Women and Sport // J. C. Chrisler, C. Golden, P. D. Rozee (eds.). Lectures on the Psychology of Women. Boston: McGraw Hill, 2008.

Halpern D. F. Sex differences in cognitive abilities. Hillsdale. N.-Y.: Erlbaum, 1986.

Halpern D. F. Sex differences in intelligence: Implications for education // American Psychologist. 1997. V. 52. P. 1091–1102.

Hamer D. H., Copeland P. The science of desire. N.-Y.: Simon and Schuster, 1994.

Hamer D. H., Hu S., Magnuson V. L., Hu B., Pattatucci A. M. L. A linkage between DNA markers on the X chromosome and sexual orientation // Science. 1993. V. 261. P. 321–327.

Hamilton M. C. Sex-related difference research: Personality // J. Worrell (ed.). Encyclopedia of women and gender. San Diego: Academic Press, 2001.

Hammer S. Daughters and mother. Mothers and daughters. UK, 1976.

Hampson E. Estrogen-related variations in human spatial and articulatory-motor skills // Psychoneuroendocrinology. 1990 (a). V. 15 (2). P. 97–111.

Hampson E. Variations in sex-relsted cognitive abilities across the menstrual cycle // Brain and Cognition. 1990 (b). V. 14 (1). P. 26–43.

Hampson E., Moffat S. D. The psychobiology of gender: Cognitive effects of reproductive hormones in the adult nervous system // A. H. Eagly, A. E. Beall, R. J. Sternberg (eds.). The psychology of gender. N.-Y.: Guilford Press, 2004. P. 38–64.

Hanna C. A., Hanna F. J., Giordano F. G., Tollerud T. Meeting the needs of women in counseling: Implications of a review of the literature // Journal of Humanistic Education and Development. 1998. V. 36. P. 160–170.

Harding E. The Way of All Women. N.-Y.: Harper and Row, 1975.

Harris L. American teens speak: Sex miths, TV, and birth control. N.-Y.: The Planned Parenthood Poll, 1986.

Hartley D. Infant-school children's perception of the behaviour of same and opposite-sex classmates // Brit. Journal of Soc. Psychol., 1981. № 2 (20). P. 141–143.

Hartley R. E. Sex-role pressures and the socializationof the male child // Psychol. Rev., 1959. № 5. P.456–468.

Hartup W. Nurturance nurturance-withdrawal in relation to the dependency behaviour of preschool children // Child Development. 1958. V. 29. P. 191–201.

Hartup W., Zook A. Sex-role preferences in 3 and 4 year old children // Journal Consult. Psychol., 1960. № 24. P. 420–426.

Hattwick L. A. Sex differences in behavior of nursery school children // Child Development. 1937. V. 8. P. 343–355.

Havighurst R. J., Breese F. H. Relstion betweeen ability and social ststus in a midwestern community: III. Primary mental abilities // Journal educ. Psychol., 1947. V. 38. P. 241–247.

Hayflick L. How and why we age. N.-Y.: Balantine Books, Heilbrun, 1994.

Hay J. Functions of humor in the conversations of men and women // Journal of Pragmatics. 2000. V. 32 (6). P. 709–742.

Haynes W. O., Moor W. H. Sentence imagery and recall: an electroencephalographie evaluation of hemispheric processing in males and females // Cortex. 1981. V. 17. № 1. P. 49–61.

Heaven P. Personality predictors of self-reported delinquency // Personality and Individual Differences. 1993. V. 14. P. 67–76.

Hedges L.V., Nowell A. Sex differences in mental test scores, variability and numbers of high-scoring individuals // Science. 1995. July, 7. V. 269. P. 41–45.

Heilman M. E. Description and prescription: How gender stereotypes prevent womens ascent up the organizational ladder // Journal of Social Issues. 2001. V. 57 (4). P. 657–674.

Heilman M. E. et al. Has anything changed? Current characterizations of men, wonen and managers // Journal of Applied Social Psychology. 1989. V. 74. № 6. P. 935–942.

Helson R. The changing image of the career women // Journal of Social Issues. 1972. № 28. P. 33–46.

Hemmasi M., Graf L. A., Russ G. S. Gender-related jokes in the workplace: Sexual humor or sexual harassment? // Journal of Applied Social Psychology. 1994. V. 24 (12). P. 1114–1128.

Hendrick S. S., Hendrick C. Gender differences and similarities in sex and love // Personal Relationships. 1995. V. 2. P. 55–65.

Henkin B., Fish J. M. Gender and personality differences in the appreciation of cartoon humor // Journal of Psychology. 1986. V. 120 (2). P. 157–175.

Henry F. M. Factorial Structure of Speed and Static Strength in a Lateral Arm Movements // Research Quarterly Am. Ass. Health. 1960. № 3. P. 440.

Herron J. Two hands, two brains, two sexes // Herron J (ed.). Neuropsychology of lefthandedness. N.-Y. – London, 1980. P. 233–260.

Hetherington E. M. The effect of father absence of personality development in adolescent daughters // Developmental Psychology. 1972. V. 7. P. 313–326.

Hetherington E. M. Coping with family transitions: Winners, losers, and survivors // Child Development. 1989. V. 60. P. 1–14.

Hetherington E. M., Camara K. A. Families in transition: The process of dissolution and reconstitution // R. D. Parke (ed.). Revue of child development research. V. 7. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

Hetherington E. M., Cox M., Cox R. Divorced fathers // Psychology Todey. 1977. April. P. 42.

Hewlett S. A., Luce C. B. Off-ramps and on-remps: Keeping talented women on the road to success // Harvard Business Review. 2005. V. 83 (3). P. 43–54.

Hickman M., Roberts C., Gaspar de Matos M. Exercise and leisure-time activities // Health and health behavior among young Peaple. Intrnational Report. Universitat Bielefeld, 2000. P. 73–82.

Hildebrandt K. A., Fitzerald H. E. Adults perspectives of infant sex and cuteness // Sex Roles. 1979. V. 5. P. 471–481.

Hilgard E. R., Edgren R. D., Irvine R. P. Errors in transfer following learning with understanding: further studies with Katona's cardtrick experiments // Journal exper. Psychol., 1954. V. 47. P. 457–464.

Hill J. P., Lynch M. E. The intensification of gender-related role expectations during early adolescence // J. Brooks-Gunn, A. C. Petersen (eds.). Gerls at puberty. Biological and psychological perspectives. N.-Y.: Plenum, 1983.

Hilton R. Women and creativity // J. Greenbery (ed.). Question of creativity. Durham, 1976. P. 242–249.

Hinde R. A. Why do the sexes behave differently in close relationships? // Journal of Social and Personal Relationships. 1984. V. 1. P. 471–501.

Hines M. Gonadal hormones and human cognitive development // J. Balthasard (ed.). Hormones, brains, and human behaviors in vetebrates. V. 1. Basel, Karger, 1990. P. 51–63.

Hines M., Chiu L., McAdams, Bentler P. M., Lipcamon J. Cognition and the corpus callosum: Verbal fluency, visuospatial ability, and language lateralization related to midsagittal surface areas of the callosal subregion // Behavioral Neurosciens. 1992. V. 106. P. 3–14.

Hines M., Green R. Human hormonal and neural correlates of sextyped behaviors // Review of Psychiatry. 1991. V. 10. P. 536–555.

Hines M., Golombok S., Rust J., Johnston K. J., Golding J. and Avon Longitudinal Study of Parents and Children Study Team. Testosterone during pregnancy and gender role behavior of preschool children // Child Development. 2002. V. 73 (6). P. 1678–1687.

Hines M., Kaufman F. R. Androgen and the development of human sex-typical behyavior: Rough-and-tumble play and sex of preferred playmates in children with congenital adrenal hyperplasia // Child Development. 1994. V. 65. P. 1042–1053.

Hines M., Shipley C. Prenatal exposure to diethylstilbestrol (DES) and the developmental of sexually dimorphic cognitive abilities and cerebral lateralization // Developmental Psychology. 1984. V. 20 (1). P. 81–94.

Hinshaw L., Forbes G. Attitudes toward women and approaches to conflictresolution in college student in Spain and United States // Journal Soc. Psychol., 1993. V. 133. P. 865–867.

Hite S. The Hite report. N.-Y.: Macmillan, 1976.

Hofmann L. Effects of maternal unemployment in the two-parent family // American Psychologist. 1989. V. 44. P. 283–292.

Hoffmann M., Hammar M., Kiellgren K. I., Lindh-Astrand, Brynhilden J. Changes in womens attitudes towards and use of hormone therapy after HERS and WHI // Maturitas. 2005. V. 52 (1). P. 11–17.

Hofstade G. Gender stereotypes and partner preferences of Asian women in masculine and feminine cultures // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1996. V. 27. P. 533–546.

Hokanson J. E. Psychophysiological evaluation of the catharsis hypothesis // In: T. L. Megagree, J. E. Hokanson (eds.). The dynamics of agression. N.-Y.: Harper and Row, 1970. P. 74–86.

Hokanson J. E., Burgess M. The effects of three types of agression on vascular processes // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1962. № 64. P. 446–449.

Hokanson J. E., Edelman R. Effects of three social responses on vascular processes // Journal of Personal and Social Psychology. 1966. № 3. P. 442–447.

Hollingworth L. S. Differential action upon the sexes of forces wich tend to segregate the feebleminded // Journal abnorm. Psychol., 1922. V. 17. P. 35–57.

Hollingworth L. S. Children above 180 IQ. Yonkers-on-Hudson. N.-Y.: Worid Book Co., 1942.
Holter H. Sex roles and social change // Acta Sociologica. 1971. № 14. P. 2–12.
Honig A. S. The Importance of fathering // Dimension. 1980. October. P. 33–38, 63.
Hopcroft R. L. Is gender still a status characteristic? // Current Research in Social Psychology. 2002. V. 7 (20). P. 339–347.
Horner M. Sex Difference in Achievement Motivation and Performance in Compete and Non-compete Situation. Ph. D. Dissertation, University of Michigan, 1968.
Horner M. Toward an understanding of achievement related concepts in women // Journal of social issues. 1972. V. 28 (2).
Horner M. S. Toward an understanding of achivement-related conflicts in women // M. R. Walsh (ed.). The psychology of women.Ongoing debates. New Haven, Yale University Press, 1987. P. 165–184.
Hubbart R., Van Ijzendoom M., Taveccio L. Validation of a questionnaire measuring attitudes toward female's social roles for a Dutch population // Psychol. Rev., 1982. V. 51. P. 491–498.
Huici C. The individual and social functions of sex role stereotypes // H. Tajfel (ed.). Social dimension. Cambridge: Univ. Press, 1984. V. 2. P. 579–602.
Hunt M. Sexual behavior in the 1970s. N.-Y.: Dell, 1974.
Hunter J. E. Images of women // Journal of Soc. Issues. 1976. № 32. P. 7–17.
Huston A. C. Sex-typing // P. H. Mussen, E. M. Hetherington (eds.). Handbook of child psychology. V. 4. N.-Y.: Wiley, 1983. P. 387–467.
Huston T. L. Ambiguity of acceptance, social desirability, and dating choise // Journal of Experim. Soc. Psichol., 1973. V. 9. P. 32–42.
Huxley J. S., Haddon A. C. We Europeans. N.-Y.: Harper, 1936.
Hyde J. Sh. Understanding human sexsuality. N.-Y.: McGraw Hill, 1986.
Hyde J. Sh. Half the human experience: The psychology of woman. Lexington, MA: D. C. Heath and Company, 1991.
Hyde J. Sh. Should psychologists study gender difference? Yes, with some quide-lines // Feminism and Psychology. 1994. V. 4 (4). P. 507–512.
Hyde J. Sh. The gender similarities hypothesis // American Psichologist. 2005. V. 60 (6). P. 581–592.
Hyde J. Sh., Fennema E., Lamon S. J. Gender comparisons of mathematics attitude and affect: A meta-analysis // Psychology of Women Quarterly. 1990 (a). V. 14. P. 299–324.
Hyde J. Sh., Fennema E., Lamon S. J. Gender differences in mathematics performance: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1990 (b). V. 107. P. 139–155.
Hyde J. Sh., Linn M. C. Gender differences in verbal ability: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1988. V. 104. № 1. P. 53–69.
Hyde J. Sh., Oliver M. B. Gender differences in sexuality: Results from meta-analysis // C. Travis, J. White (eds.). Sexuality, society and feminism. Washingtou, DC, American Psychological Association, 2000. P. 57–76.
Ickes W. Traditional gender roles: Do they make, and then break, our relationships? // Journal of Social Issues. 1993. V. 49. P. 71–85.
Ickes W., Barnes R. Boys and girls together and allensted: On enacting stereotypes sex roles in mixed sex dyads // Journal of Personality and Social Psychology. 1978. V. 36 (7). P. 669–683.
Ickovics J. R. Is any job better then no job at all? The social psychological consequences of underemployment for women // Dissertation Abstracts International. 1989. V. 50.
Iglhart A. R. Married women and work: 1957 and 1976. Lexington (Mass.), Lexington Books, 1979.
Imperato-McGinley J., Peterson R. E., Gautier T., Sturla E. Androgen and the evolution of male-gender pseudohermahproditises with 5 alphareductase deficiency in man: An inherited form of male pseudohermaphroditises // Science. 1974. V. 186. P. 1213–1215.
Impett E., Peplau L. A. Sexual compliance: Gender, motivational and relationship perspective // Journal of Sex Research. 2003. V. 40. P. 87–100.
Ishii-Kuntz M. Japanese fathers: Work demands and family roles // J. C. Hood (ed.). Men, work, and family. Newbury Park, CA, Sage, 1993. P. 45–67.
Ivey D. C., Conoley C. W. Influence of gender in family evaluations: a comparison of trained and untrained observer perceptions of matriarchal and patriarchal family int4erviews // Journal of family psychology. 1994. V. 8. № 3. P. 336–346.
Jacklin C. N., Maccoby E. E. Social behavior at 33 months in same-sex and mixed-sex dyads // Child Development. 1978. V. 49. P. 557–569.

Jackman M. R., Senter M. S. Beliefs about race, gender, and social class different, therefore unequal: Beliefs about trait differences between groups of unequal status // Research in stratification and mobility. V. 2. Greenwich, Cjnn., JAI Press, 1981.

Jacobs J. E., Eccles J. S. The impact of mothers gender-role stereotypic beliefs on mothers and childrens ability perceptions // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. V. 63. P. 932–944.

Janowski J. S., Oviatt S. K., Orwoll E. S. Testosterone influences spatial cognition in older men // Behavioral Neurosciences. 1994. V. 108. P. 325–332.

Janus S. S., Janus C. L. The Janus Report on Sexual Behavior. J. Wiley and Sons, 1993.

Jaworsky Z. Z badan nad ksztalceniem kadr naukowych. Rosprawy doktorskie w akademiach wychowania fizicznego w Krakowie, Poznaniu i we Wroclawiu // Wychowanie Fizyczne i sport. 1996. T. XL. № 2.

Jinn M. C., Peterson A. C. Emergence and characterization of sex differences in spatial ability: A meta-analysis // Child Development. 1985. V. 56.

Johnson C. Gender and formal authority // Social psychology quarterly. 1993. V. 56. P. 193–210.

Johnson C. Gender, legitimate authority and leader- subordinate conversations // Am. Sociol. Rev., 1994. V. 59. № 1. P. 122–135.

Johnson J. T., Shulman G. A. More alike than meets the eye: Perceived gender differences in subjective experience and its display // Sex Roles. 1988. V. 19. P. 67–79.

Johnson W. B., Hayes D. N. An identity focused counseling group for men // Counseling Psychologist. 1997. V. 19. P. 14–16.

Johnson W. B., Termal L. V. Some highlights in the literature of psychological sex differences published since 1920 // Journal Psychol., 1940. V. 9. P. 327–336.

Jones B. Sex and visual field effects on accuracy and decision making when subjects classify male and female faces // Cortex. 1979. V. 15. № 4. P. 551–560.

Jones C., Aronson E. Attribution of fault to a rape victim as a function of respectability of the victim // Journal of Pers. and Soc. Psychol., 1973. № 26. P. 415–419.

Jones G. P., Jacklin C. N. Changes in sexist attitudes toward women during introductory women's and men's studies courses // Sex Roles: A Journal Research. 1988. V. 18. № 9–10. P. 611–622.

Jones J. Outcomes of gerls schooling: unravelling some social differences // Australian Journal of Educ., 1990. V. 34. P. 153–167.

Jones M. C., Bayley N. Physical maturing among boys as related to behavior // Journal of Educational Psychology. 1950. V. 41. P. 129–148.

Jones M. G., Howe A., Rua M. J. Gender differences in students experiences, interests and attitudes toward science and scientists // Science Education. 2000. V. 84 (2). P. 180–192.

Jonsson P., Carlsson I. Androgyny and creativity: A study of relationship between a balanced sexrole and creative functioning // Scand. Journal Psychology. 2000. V. 41. P. 269–274.

Jorstad J. Narcissism and leadership: some difference in male and female leaders // Leadership and organisation development Journal. 1996. V. 17. № 6. P. 17–23.

Jourard S. The transparent self. Princenton. N.-Y.: Van Nostrand, 1971.

Juliano M., Werner R. S., Cassidy K. W. Early correlates of preschool aggressive behavior according to type of aggression and measurement // Journal of Applied Developmental Psychology. 2006. V. 27 (5). P. 395–410.

Jussim L., Eccles J. S. Teacher expectation П: Construction and reflection of student achievement // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. V. 63. P. 947–961.

Kaess W. A., Witryol S. L. Memory for names and faces: a characteristic of social intelligence? // Journal appl. Psychol., 1955. V. 39. P. 457–462.

Kagan J. The concept of identification // Psychol. Rev., 1958. V. 65. P. 296–305.

Kagan J. Aquisition and significance of sex-typing and sex-role concepts and attitudes // M. L. Hoffman, L. W. Hoffman (eds.). Review of child development research. N.-Y.: Sage, 1964.

Kagan J., Moss H. A. Birth to maturity: A study in psychological development. N.-Y.: Wiley, 1962.

Kail R. V., Siegel A. W. Sex and hemispheric differences in the recall of verbal and spatial information // Cortex. 1978. V. 14. № 4. P. 557–563.

Keating C. F. Gender and the physiognomy of dominance and attractiveness // Soc. Psychol. Quarterly. 1985. V. 48. P. 61–70.

Keller E. F. On the need to count past two in our thinking about gender and science // New ideas in psychology. Elmsford (N.-Y.). 1987. Vol. 5. № 2.

Keller E. F. Reflection on gender and science. New Haven: Yale Univ. press, 1985.
Kelly K. R., Cobb S. J. A profile of the career development characteristics of young gifted adolescents: Examining gender and multicultural differences // Roeper Review. 1991. V. 13 (4). P. 202–206.
Kelly E., Conley J. Personality and compatibility: a prospective analysis of marital stability and marital dissatisfaction // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. V. 52. P. 27–40.
Kelly J. B. Divorce: The adult perspective // B. Wolman (ed.). Handbook of developmental psychology. Englewood Cliffs. N.-Y.: Prentice Hall, 1982.
Kenrick D. T. Gender, genes, and the social environment: A biosocial interactionist perspective // P. Shaver, C. Hendrick (eds.). Sex and gender: Review of personality and social psychology. V. 7. Beverly Hills, Sage, 1987. P. 14–43.
Kenrick D. T., Keefe R. C. Age preferences in mates reflect sex differences in reproductive strategies // Behavioral and Brain Science. 1992. V. 15. P. 75–133.
Kestenberg J. S. Menarche // S. Lorand, H. Schneer (eds.). Adolescents. N.-Y.: Hoeber Press, 1961.
Ketterer M. W., Smith B. D. Bilateral electrodermal activity, lateralized cerebral processing and sex // Psychophysiol., 1977. V. 14. № 6. P. 513–516.
Kiefer I., Rathmanner L. A., Kunze M. Wanting it both ways: Do women approve of benevolent sexism? // Journal of Mens Health and Gender. 2005. V. 2 (2). P. 194–201.
Kilburne J. Deadly persuasion. N.-Y.: Free Press, 1999.
Kilmartin C. T. The masculine self. N.-Y.: Macmillan, 1994.
Kimball M. M. Television and and sex-role attitnde // T. Williams (ed.). The impact of television: A natural experiment in three comminities. Orlando, FL: Academic Press, 1986.
Kimura D. Are mens and womens brains really different? // Canadian Psycology. 1987. V. 28 (2). P. 133–147.
Kimura D. Sex differences in the brain // Scientific American. 1992. V. 267. P. 119–125.
Kimura D., Clarke P. G. Womens advantage on verbal memory is not restricted to concrete words // Psychological Report. 2002. V. 9 (3. Pt. 2). P. 1137–1142.
Kimura D., Hampson E. Cognitive pattern in men and women is influenced by fluctuations in sex hormones // Curreent Directions in Psychological Science. 1994. V. 3. P. 57–61.
Kinsey A., Pomeroy W. B., Martin C. E. Sexual behavior in the human male. Philadelphia, Saunders, 1948.
Kinsey A., Pomeroy W. B., Martin C. E., Gebhard P. N. Sexual behavior in the human female. Philadelphia, Saunders, 1953.
Kisler S. B. Actuarial prejudice towards women and its implication // Journal of Appl. Soc. Psychol., 1975. № 5. P. 201–206.
Klasen S. «Missing women» reconsidered // World Development. 1994. V. 22. P. 1061–1071.
Klecka D., Minarik L., Novosadova I. Kotasze dynamiky nervove cinnosti u sportovcu // Activ. Nerv. Super., 1960. № 3.
Kling K. C., Hyde S. H., Showers C. J., Buswell B. N. Gender differences in self-esteem: A metaanalysis // Psychological Bulletin. 1999. V. 125. P. 470–500.
Koenig F. Sex attribution to hypothetical persons described by an adjective trait list: A replication // Perceptual and Motor Skills. 1995. V. 83. № 3. P. 723–730.
Koestner R., Aube J. Multifactorial Approach to the study of Gender Characteristic // Journal of Personality. 1995. V. 63. P. 681–710.
Kohlberg L. A cognitive-developmental analysis of children,s sex-role concepts and attitudes // Maccoby E. E. (ed.). The development of sex differences. Stanford University Press, 1966. P. 56–93.
Kolb D. Learning Style Inventory:technical manual. Boston, MA, Mc Ber, 1976.
Komives S. R. The relationships of same- cross-gender work pairs to staff performance and supervisor leadership in residence Hall Units // Sex Roles. 1991. V. 24. № 5–6. P. 355–363.
Kopper B. A., Epperson D. L. Women and gender: Sex and sex-role comparisons in the expression of anger // Psychology of women Quarterly. 1991. V. 15. P. 7–14.
Kostik M. M. A study of transfer: sex differences in the reasoning process // Journal educ. Psychol., 1954. V. 45. P. 449–458.
Kovacs D. M., Parker J. G., Hoffman L. W. Behavioral, affective, and social correlates of involvement in cross-sex friendships in elementary school // Child Development. 1996. V. 67. P. 2269–2286.
Kowalevski-Jones L., Duncan G. J. The structure of achievement and behavior across middle childhood // Child Development. 1999. V. 70. P. 1401–1414.
Kreisler S., Kreisler H. The psychological profile of the health-oriented individual // European Journal of Personality. 1991. V. 5. № 1.

Kring A., Gordon A. Sex differences in emotion: expression, experience and physiology // Journal of Personal and Social Psychology. 1998. V. 74. № 3. P. 686–703.

Kristof N. China Faces huge surplus of males as scans hold key to missing girls // The Guardian (England). 1993. Yuly. P. 22.

Krueger R., Caspi A. Personality, arousal, and pleasure: a test of competing models of interpersonal attraction // Personality and Individual Differences. 1993. V. 14. P. 105–112.

Kucera O. Psychopatologicke projevy pri lehkych detskych encefalopatiich. Praga, 1961.

Kuhn D., Nash S., Brucken L. Sex role concepts of two-and three-year-olds // Child Development. 1978. V. 49. P. 445–451.

Kulas H. Change and stability of locus of control in early adolescence // Political Psychology Bulletin. 1988. V. 2. P. 34.

Kushell E., Newton R. Gender, leadership style, and subordinate satisfaction: An experiment // Sex Roles. 1986. V. 14. P. 203–209.

LaBrant L. L. A study of certain language developments of children in grades four to twelve inclusive // Genet. Psychol. Monogr., 1933. V. 14. P. 387–491.

La Croix A. Z., Haynes S. G. Gender differences in the health effects of workplace roles // R. C. Barnet, L. Biener, G. K. Baruch (eds.). Gender and stress, 1987. P. 96–121.

Ladavas E., Umita C., Ricci-Bitti P. E. Evidence for sex differences in right-hemisphere dominance for emotions // Neuropsychol., 1980. V. 18. № 3. P. 361–366.

La Freniere P., Strayer F. F., Gauthier R. The emergence of same-sex affiliative preferences among preschool peers: A developmental ethological perspective // Child Development. 1984. V. 55. P. 1958–1965.

Lagerspetz R. M. J., Bjorqvist K., Peltonen T. Is indirect aggression typical of females? Gender differences in aggressiveness in 11-to 12-year-old children // Aggressive Behavior. 1988. V. 14. P. 403–414.

La France M. Does your smile reveal your status? // Social Science News Letter. 1995. V. 70 (Spring). P. 15–18.

La France M., Carmen B. The nonverbal display of psychological androgyny // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. V. 38. P. 36–49.

Lamb M., Lamb J. The nature and importance of the father-infant relationship // Family Coordinator. 1976. V. 4 (23–5). P. 379–386.

Lamb M., Roopnarine J. Peer influences on sex-role development in preschoolers // Child Develop., 1979. V. 50. P. 1219–1222.

Lampert M. D., Ervin-Tripp S. M. Exploring paradigms: The study of gender and sense of humer near the end of the 20th century // W. Ruch (ed.). The sense of humor: Explorations of a personality characteristic. Berlin, Walter de Gruyter, 1998. P. 231–270.

Landis C. National differences in conversations // Journal Abnorm. Soc. Psychol., 1927. V. 21. P. 354–357.

Landis M. H., Burtt H. E. A study of conversanions // Journal compar. Psychol., 1924. V. 4. P. 81–89.

Langlois L. H., Downs A. C. Mothers, fathers and peers as socialization agents of sex-typed play behaviors in young children // Child. Develop., 1980. V. 51. P. 1237–1248.

Lansdell H. A sex difference in effect of temporal love neurosurgery on design preference // Nature. 1962. V. 194. P. 852–854.

Laqueur T. Making sex: Body and gender from ythe Greeks to Freud. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.

Larson R., Richard M., Perry-Jenkins M. Divergent worlds: the daily emotional experience of mothers and fathers in the domestic and public spheres // Journsl of Personality and Social Psychology. 1994. V. 67. № 6.

Larson D. L., Spreitzer E. A., Snyder E. E. Social factors in the frequency of romanic involvement among adolescents // Adolescence. 1976. V. 11. P. 7–12.

Laumann E. O., Gagnon J. H., Michael R. T., Michaels S. The sozial organization of sexsuality: Sexual practices in the United States. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Lavine L. O., Lombardo J. P. Self-disclosure: intimate and nonintimate disclosures to parents and best friends as a function of Bem sex-role category // Sex Roles. 1984. V. 11. P. 760–768.

Law D. J., Pellegrino J. W., Hunt E. B. Comparing the tortoise and the hare: Gender differences and experience in dynamic spatial reasoning tasks // Psychological Science. 1993. V. 4. P. 35–40.

Leaper C., Breed L., Hoffman L., Pearlman C. A. Variations in the gender-stereotyped content bof childrens btelevision cartoons across genres // Journal of Applied Social Psychology. 2002. V. 32. P. 1653–1662.

Leary M., Snell W. The relationship of instrumentality and expressiveness to sexsual behavior in males and females // Sex Roles. 1988. V. 18. P. 509–522.

Lectures on the Psychology of Women / J. C. Crisler, C. Golden, P. D. Rozee (eds.). Boston: McGraw Hill, 2008.

Lee C., Owens R. G. The psychology of men,s health. Buckingham, England, Open University Press, 2002.

Lee J. A. A typology of styles of loving // Personal and Social Psychol. Bulletin. 1977. V. 3. P. 173–182.

Lee S., Kushner J., Cho S. Effects of parent,s gender, child,s gender and parental involment on the academic achivement of adolescents in single parent families // Sex Role. 2007. V. 56. P. 149–157.

Lehman H. C., Witty P. A. The psychology of play activities. N.-Y.: Barnes, 1927.

Leibach M. D., Fagot B. I. Categorial habituation to male and female faces: Gender schematic processing in infancy // Infant Behavior and Development. 1993. V. 16. P. 317–322.

Leitenberg H., Detzer M. J., Srebnik D. Gender differences in masturbation and the relation of masturbation experience in preadolescence and/or early adolescence to sexual behavior and sexual adjustment in joung adulthood // Archives of Sexual Behavior. 1993. V. 22. P. 87–98.

Lentz T. F. Sex differences in school marks with achievement test scores constant // School and Society. 1929. V. 29. P. 65–68.

Leonard M. M., Collins A. M. Woman as footnote // Counseling Psychologist. 1979. V. 8. P. 6–7.

Lerner R. M., Orlos J., Knapp J. Physical attractiveness and self-concept in late adolescence // Adolescence. 1976. V. 11. P. 317–326.

LeVay S., Hamer D. H. Evidence for a Biological Influence in Male Homosexuality // Scientific American. 1994. May. P. 44–49.

Lever J. Sex differences in the complexity of children's play and games // American Sociological Review. 1978. V. 43. P. 471–483.

Levine R., West L. Attitudes toward women in the United States and Brasil // Journal Soc. Psychol., 1979. V. 108. P. 265–266.

Levine S. C., Huttenlocher J., Taylor A., Langrock A. Early sex differences in spatial skills // Developmentalo Psychology. 1999. V. 35. P. 940–949.

Levy G. D., Taylor M. G., Gelman S. A. Traditional and evaluative aspects of flexibility in gender roles, social conventions, moral rules and physical laws /// Child Development. 1995. V. 66. P. 515–531.

Levy J., Gur R. C. Individual differences in psychoneurological organization // Herron J. (ed.). Neuropsychology of lefthandedness. N.-Y. – London, 1980. P. 199–210.

Le Vine R. Cultural influences in child development // W. Damon (ed.). Child development today and tomorrow. San Francisco: Josey-Bass, 1989.

Levine S., Huttenlocher J., Taylor A., Langrock A. Early sex differences in spatial skill // Developmental Psychology. 1999. V. 35. № 4. P. 940–949.

Levinson D. J. The seasons of a man's life. N.-Y.: Knopf, 1978.

Levinson D. J. The seasons of a women's life: Implications for women and men // Presented at 98-th annual convention of the American Psychological assotiation. Boston, 1990.

Lewis M. State as an infant — environment interaction: An analysis of mother — infant behavior as a function of sex // Merill-Palmer Quarterly. 1971. V. 18. P. 95–121.

Lewis M., Rosenblum L. Friendship and peer relations. N.-Y., 1975.

Lewis M. Social development in infancy and early childhood // J. Osofsky (ed.). Handbook of infant development. N.-Y.: Wiley, 1987.

Lewis M., Weinraub M. Origins of early sex-role development // Sex Roles. 1979. V. 5. P. 135–155.

Lewis W. D. Sex distribution of intelligence among inferior and superior children // Journal genet. Psychol., 1945. V. 67. P. 67–75.

Libby M. N., Aries E. Gender differences in preschool childrens narrative fantasy // Psychology of Women Quarterly. 1989. V. 13. P. 293–306.

Lincoln E. A. Sex differences in the growth of American schools children. Baltimor., Warwick and York, 1927.

Lips H. M. The gender gap in possible selves: Divergence of academic self-views in high school and university students // Sex Roles. 2004. V. 59 (5–6). P. 357–371.

Lips H. M. Sex and Gender. Boston: Mac Graw-hill, Higher Education, 2008.

Liss M. B. Patterns of toy play: An analysis of sex differences // Sex Roles. 1981. V. 7. P. 1143–1150.

Lloyd J. E. V., Walsh J., Yailagh M. S. Sex differences in performance attributions, self-efficacy and achivement in mathematics: If I'm so smart, why don't I know it? // Canadian journal of Education. 2005. V. 28 (3). P. 384–408.

Locksley A., Colten M. E. Psychological androgyny: A case of mistaken identity? // Journal of Personal and Social Psychology. 1979. V. 37. P. 1017–1031.

Lombardo J. P., Kemper T. R. Sex role and parental behaviors // Journal of Genetic Psychology. 1992. № 1. P. 103–113.

Loo R., Logan P. Investigation of the attitudes toward women scale in western Canada // Canad. Journal Behav. Sci., 1977. V. 9. P. 201–204.

Lopiano D. Gender Equity in sport: Whose responbility is it? N.-Y.: Womens Sport Foundation, 2002.

Lortie-Lussier M., Rinfret N. The proportion of women managers: Where is the critical mass? // Journal of Applied Social Psychology. 2002. V. 32 (9). P. 1974–1991.

Losco J., Epstein S. Humor preference as a subtle measure of attitudes toward the same and opposite sol // Journal of Personality. 1975. V. 43 (2). P. 321–334.

Lott B. Behavioral concordance with sex role ideology related to play areas, creativity, and parental sex typing in children // Journal of Personal and Social Psychology. 1978. V. 36. P. 1087–1100.

Lott B., Maluso D. The social learning of gender // A. E. Beall, R. J. Stemberg (eds.). The psychology of gender. N.-Y.: Guilford Press, 1993. P. 99–126.

Low B. S. Why sex matters: A Darvian look oat human behavior. Princenton, N.-Y.: Princenton University Press, 2000.

Love A. M., Deckers L. H. Humor appreciation as a function of sexual, aggressive and sexist content // Sex Role. 1989. V. 20 (11–12). P. 649–654.

Lueptow L. B., Garovich-Szabo L., Lueptow M. B. Social change and the persistence of sex typing: 1974–1997 // Social Forces. 2001. V. 80 (1). P. 1–36.

Lummis M., Stevenson H. W. Gender differences in beliefs and achivement. A cross-cultural study // Developmental Psychology. 1990. V. 26. P. 254–263.

Lundberg S., Rose E. The effects of sons and daughters on men,s labor supply and wages // Review of Economics and Statistics. 2002. V. 84 (2). P. 251–268.

Lundberg S., Rose E. Child gender and the transition to marriage // Demography. 2003. V. 40 (2). P. 333–349.

Lutchmaya S., Baron-Cohen S. Human sex differences in social and non-social looking preferences // Infant Behavior and Development. 2002. V. 25 (3). P. 319–325.

Luteijn F. Personality and the quality of an intimaterelationship // European Journal of Psychological Assessment. 1994. V. 10. P. 220–223.

Lynes K. S., Thompson D. E. Climbing the corporate ladder // Journal of Applied Psychology. 2000. V. 85. P. 86–101.

Lynn D. B. Parental and sex-role identification: A theoretical formulation. California, 1969.

Lynn M. Restaurant tipping : A reflection of customers evaluations of a service? // Journal of Consumer research. 1991. № 18. P. 438–448.

Lynn R. The Secret of Miracle Economy: Different national attitudes to competitiveness and money. London: Social Affairs Unit,1994.

Lynn R., Martin T. Gender differences in extraversion, neuroticism and psychoticism in 37 nations // Journal of Social Psychology. 1997. V. 137. № 3. P. 369–373.

Ma X., Cartwright F. A longitudinal analysis of gender differences in affective outcomes in mathematics during middle and high school // School Effectivenes and School Improvement. 2003. V. 14 (4). P. 413–439.

Marino T. M. Resensitizing men: A male perspective // Personnel and and Guidance Journal. 1979. V. 58. P. 102–105.

Martin C. L. Attitudes and expectations about children with non-traditional gender roles // Sex Roles. 1990. V. 22. P. 151–156.

Martin R. A., Kuiper N. A. Daily occurrence of laughter: Relationships with age, gender and Type A personality // Humor: International Journal of Humor Research. 1999. V. 12 (4). P. 355–384.

Masters W. H., Sanders B. Is the gender difference in mental rotation disappearing?// Behavior Genetics. 1993. V. 23. P. 337–341.

Matlin M. The psychology of women. N.-Y.: Holt, Rinehart and Winston, 2000.

Mattingly M. J., Blanshi S. M. Gender differences in the quantity and quality of free time:The U.S. experience // Social Forces. 2003. V. 81. P. 999–1030.

Maupin R. J. How can women's lack of upward mobility in accounting firms be explained? // Group and Organization Management. 1993. V. 18. P. 132–152.

Mayer J. D., Schmidt H. M. Gendered political socialization in four contexts: Political interest and values among junior high school students in China, Japan, Mexico and the United States // Social Science Journal. 2004. V. 41 (3). P. 393–407.

McAninch C. B., Manolis M. B., Milich R., Harris M. J. Impression formation in children: Influence of gender and expectancy // Child Development. 1993. V. 64. P. 1492–1506.

Mc Bride A. B. Mental health effects of women,s multiple roles // American Psychologist. 1990. V. 45 (3). P. 381–384.

McCarthy D. Some possible explanations of sex differences in language development and disorders // Journal psychol., 1953. V. 35. P. 155–160.

McCarthy D. Language development in children // L. Carmichael (ed.). Manual of child psychology. N.-Y.: Wiley, 1954. P. 492–630.

McCary J. L. Human sexuality. N.-Y.: Van Nostrand Reinhold, 1978.

McClelland D. et al. The achivement motive. N.-Y.: Appeleton-Century – Crofts, 1953.

Maccoby E. E. The two sexes: Growing up apart, coming together. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

Maccoby E. E., Jacklin C. N. Psychology of sex differences. V. 1–2. Stanford, Calif., Stanford University Press, 1974.

Mcfarlane J. W., Mcfarlane A., Mcfarlane L., Mcfarlane H., Marjorie P. A developmental study of the behavior problems of normal children between twenty-one month and fourteen years // Univ. Calif. Publ.Child Development. 1954. V. 2. P. 1–122.

MacGee M. G. Human spatial abilities: Psychometric studies and environmental, genrtic, hormonal and neurological influences // Psychol. Bull., 1979. V. 86. № 5. P. 889–918.

McGehee W. A study of retarded children in the elementary school // Peabody Coll. Contr. Educ., 1939. № 246.

MacGeoch J. A. The psychology of human learning. N.-Y., 1942.

McGlone J. Sex differences in functional brain asymmetry // Cortex. 1978. V. 14. P. 122–128.

MacGlone J. Sex differences in human brain asymmetry: A critical survey // Behavior and Brain Science. 1980. V. 3. № 2. P. 215–263.

McGrath E. P., Repetti R. L. Mothers and Fathers attitudes toward their childrens academic performanceand childrens perception of their academic competence // Journal of Youth and Adolescence. 2000. V. 29 (6). P. 713–723.

MacGraw R., Lubienski S. T., Strutchens M. E. A closer look at gender in NAEP mathematics achivement and affect data: Intersections with achivement, race ethnicity and socioeconomics status // Journal for Research in Mathematics Education. 2006. V. 37 (2). P. 129–150.

McKee J. P., Sherriffs A. C. The differential evaluation of males and females // Journal of Personality. 1957. № 25. P. 356–371.

McLoughlin M., Shryer T. L., Goode E., McAuliffe K. Men vs. women // US News World and Report. 1988. August.

McLusky N. J., Naftolin F. Sexsual differentiation of the central nervous system // Science. 1981. V. 211. P. 1294–1303.

MaCmeeken A. M. The intelligence of a representative group of Scottish children. London, Univer. London Press, 1939.

MacNabb R., Wass V. Male-female salary differentials in British universities// Oxford econ. papers. Oxford. 1997. V. 49. № 3.

McNemar Q. The revision of the Stanford-Bine Scale: an analysis of the standartization data. Boston: Houghton Mifflin, 1942.

Major B. et al., 1994 (Цит. по: Д. Майерс, 2001).

Malone R., Guy A. A comparison of mothers and fathers speech to their 3-eyar-old sons // Journal of Psycholinguistic Research. 1982. № 11. P. 599–608.

Mansfield P. K., Koch P. B., Henderson J., Vicary J. R., Cohn M., Young E. W. The job climate for women in traditionally male blue-color occupations // Sex Roles. 1991. V. 25. P. 63–79.

Manstead A. S., Mc Culloch C. Sex-role stereotyping in British television advertisments // Brit. Journal of Soc. Psychol., 1981. V. 20. № 3. P. 171–180.

Manton K., Blazer D., Woodbury M. Suicide in middle age and later life: Sex and race specific life table and chart analysis // Journal of Gerontology. 1987. V. 42. P. 219–227.

Martin C. L. Children's use of gender-related information in making social judgments // Developmental Psychology. 1989. V. 35. P. 151–165.

Martin C. L. Cognitive influences on the development and maintenance of gender segregation // New directions for Child Development. 1994. V. 65. P. 35–51.

Margolin G., Patterson G. Differencial consequences provided by mothers and fathers for their sons and daughters // Development Psychology. 1975. № 11. P. 537–538.

Marongiu S., Ekehammar B. Gender and projective imagination of threat in achivement and affiliation situations // Scand. Journal of Psychology. 1998. V. 39. № 2. P. 65–74.

Martin C. L. Attitudes and expectations about children with nontraditional and traditional gender roles // Sex Roles. 1990. V. 22 (3–4). P. 151–165.

Martin C. L., Halverson C. F. A schematic processing model of sex-typing and stereotyping in children // Child Development. 1981. V. 52. P. 1119–1134.

Martinko M. J., Gardner J. A methodological review of sex-related access discrimi-nation problems // Sex Roles. 1983. V. 9. P. 825–839.

Masters J. C. et al. Modelling and labelling as intergradet determinants of children's sex-typed imitative behavior // Child Development. 1979. V. 50. P. 364–371.

Mateicek Z. Vyyojove poruchy cteni. Praga, 1972.

Mathes E. W., Kahn A. Physical attractivenes, happiness, neuroticism and self-esteem // Journal of Psychology. 1975. V. 90. P. 27–30.

Matthews K. A., Rodin J. Women's changing work roles: Impact on health, family and public policy // American Psychologist. 1989. V. 44 (11). P. 1389–1393.

Matyas M. L. Keeping undergraduate women in science and engineering: Contributing factors and recommendations for action // J. Z. Daniels, J. B. Kahle (eds.). Cjntributions to the fourth GASAT conference. V. 3. Washington, DC: National Science Foundation, 1987. P. 112–122.

Mayer J. D., Schmidt H. M. Gendered political socialization in four contexts: Political interest and values among junior high school students in China, Japan, Mexico and the United States // Social Science Journal. 2004. V. 41 (3). P. 393–407.

Mead M. Male and female. N.-Y., 1964.

Mehl M. R., Vazire S., Ramires-Esparza N., Slatcher R. B., Pennebaker J. W. Are women really more talkative than men? // Science. 2007. V. 317 (5834). P. 82.

Mendez L. M., Crawford K. M. Gender-role stereotyping and career aspiration: A comparison of gifted early adolescent boys and girls // Journal of Secondary Gifted Education. 2002. V. 13 (3). P. 96–107.

Meyer J. K. Body ego, selfness et gender sense: The development of gender identity // Psychiatrics Clinics of North America. 1980. V. 3. P. 21–36.

Miller B. Gender differences in spouse caregiver strain: Socialization and role explanations // Journal of Marriage and the Famile. 1990. V. 52. P. 311–321.

Miller J. B. Toward a new psychology of women. Boston, MA, Beacon Press, 1986.

Millet K. Sexual Politics. London: Virago, 1985.

Mills R. S., Piotrowski C. C. Emotional communication and children,s learning about conflict // R. S. Mills, S. Duck (eds.). The developmental psycholoogy of personal relationships. Chichester, John Wiley, 2000. P. 71–90.

Mischel W. A. Social learning view of sex differences in behavior // Maccoby E. E. (ed.). The development of sex differences. Stanford, 1966. P. 56–82.

Mischel W. A. Sex typing and socialization // Mussen P. H. (ed.). Carmishael's Manual of Child Psychology. N.-Y. – London, 1970. V. 2. P. 3–72.

Monahan L., Kuhn D., Shaver P. Intra-psychological versus Career Explanation of the «Fear of Success» Motive // Journal of Personal and Social Psychology. 1974. V. 29.

Money J. Sexual dimorphism and homosexual gender // Psychol. Bull., 1970. V. 74. P. 425–440.

Money J. Determinsnts of human sexual identity and behavior // Sager C. J., Kaplan H. S. (eds.). Progress in group and family therapy. N.-Y., 1972.

Money J. Love and love sickness. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980.

Money J. Gay, straight and in-between: The sexology of erotic orientation. N.-Y.: Oxford University Press, 1990.

Montuori A. A. Evolutionary competence: creating the future. Amsterdam, 1989.

Moor D., Haverkamp B. E. Measured increases in male emotional expressiveness following structured group intervertion // Journal of Counseling and development. 1989. V. 67. P. 513-517.

Moor D., Leafgren F. (eds.). Problem solving strategies and intervention for men in conflict. AlexandriaVA. American Counseling Assotiation, 1990.

Moor H. T. Further data concerning sex differences // Journal Abnorm. Soc. Psychol., 1922. V. 17. P. 210–214.

Morrison D. R., Coiro M. J. Parental conflict and marital disruption: Do children benefit when high conflict marriages are dissolved? // Journal of Marriage and the Family. 1999. V. 61 (3). P. 626–637.

Muelller C. W., Campbell B. G. Female occupational achivement and marital status: A research note // Journal of Marriage and the Family. 1977. V. 39 (3). P. 587–593.

Murray-Close D., Ostrov J., Crick N. A short-term longitudinal study of growth of relational aggression during middle childhood: Assotiation with gender, frienship intimacy and internalizing problems // Development and Psychopathology. 2007. V. 19 (1). P. 187–203.

Musa K., Roach M. Adolescent appearance and self-concept // Adolescence. 1973. V. 8. P. 387–394.

Mussen P. Some antecedents and consequents of masculine sex-typing in adolescent boys // Psychol. Monogr., 1961. V. 75. P. 1–24.

Mussen P. Long-term consequents of masculinity of interests in adolescence // Journal of Consulting Psychology. 1962. V. 26. P. 435–440.

Mussen P. Early sex-role development // Goslin D. A. (ed.). Handbook of socialization theory and research. Chicago, 1969. P. 707–733.

Muste M. J., Sharpe D. F. Some influential factors in the determination of aggressive behevior in preschool children // Child. Development. 1947. V. 18. P. 11–28.

Muuss R. E. Adolescent eating: Bulimia // Adolescence. 1986. Summer. P. 257–267.

Myers D. G. Social psychology. N.-Y.: McGraw Hill, 1990.

Nelson D. L., Burke R. J. Women executives. Academy of Management Executive. V. 14 (2). P. 107–121.

Newcombe N., Dubas J. S. Individual differences in cognitive ability: Are they related to timing of puberty? // R. M. Lerner, T. T.Foch (eds.). Biological-psychological interactions in earloy adolescence: A life-span perspective. Hillsdale, N.-Y.: Erlbaum, 1987.

Newcombe N., Dubas J. S. A longitudinal study of predictors of spatial ability in adolescent females // Child Development. 1992. V. 63. P. 37–46.

Nielsen Media research // Am. Enterprise. 1990. July–August. P. 98.

Nieva V. G., Gutek B. A. Women and work: A psychological perspective. N.-Y.: Praeger, 1981.

Noelen-Hoeksma S. Sex differences in depression. Stanford, CA, Stanford University Press, 1990.

Nosek B. A., Banaji M. R., Greenwald A. G. Math = male, me = female, therefore math me // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. V. 83. P. 44–59.

Nuttall R., Casey M. B., Pezaris E. Spatial ability as a mediator of gender differences on mathematic tests: A biological-environmental framework // A. M. Gallagher, J. C. Kaufman (eds.). Gender differences in mathematics: An integrative psychological approach. 2005. P. 121–142.

Oakhill J., Garnham A., Reynolds D. Immediate activation of stereotypical gender information // Memory and Cognition. 2005. V. 33 (6). P. 972–983.

Oakley A. Gender, methodology and people's ways of knowing: some problems with feminism and the paradigm debate in social science // Sociology. L. 1998. V. 32. № 4.

Offer D., Ostrov E., Howard K., Atkinson R. The teenage world: Adolescents self-image in ten countries. N.-Y.: Plenum Medical, 1988.

O'Brien M. Gender Identity and sex roles // V. B. Van Hasselt, M. Hersen (eds.). Handbook of social development: A lifespan perspective. N.-Y.: Plenum, 1992. P. 325–345.

O'Brien M., Nagle K. J. Parents Speech to toddlers: The effect of play context // Journal of Language Development. 1987. V. 14. P. 269–279.

O'Connor D. B., Archer J., Hair W. M., Wu F. C. W. Exogenous testosterone, aggression and mood in eugonadal and hypogonadal men // Physiology and Behavior. 2002. V. 75 (4). P. 557–566.

O'Leary V. E. Some attitudinal barriers to occupational aspirations in women // Psychol. Bull., 1974. № 81. P. 809–826.

Olian J. D., Schwab D. P., Haberfeld Y. The impact of applicant gender compared to qualifications on hiring recommendations: Meta-analysis of experimental studies // Organisational Behavior and Human Decision Processes. 1988. V. 41. P. 180–195.

Oliver M. B., Hyde J. S. Gender differences in sexuality: A meta-analysis // Psycol. Bulletin. 1993. V. 114. P. 29–51.

O'Neil J. M. Assessing men,s gender role conflict // D. Moore, F. Leafgren (eds.). Problem solving strategies and interventions for men in conflict. Alexandria, VA: American Assiciation for Counseling and Development, 1990.

O'Neil J. M., Good G. E., Holmes S. Fifteen years of theory and research on men's gender role conflict: New paradigms for empirical research // R. Levant, W. Pollack (eds.). Foundations for a new psychology of men. N.-Y.: Basic Books, 1995.

Orlofsky J. L. Sex-role orientation, identity formation, and self-esteem in college men and women // Sex Roles. 1977. V. 3. P. 561–575.

Orr D. P., Beiter M., Ingersoll G. Premature sexual activity as an indicator of social risk // Pediatrics. 1991. V. 87. P. 141–147.

Osborne J. W. Testing stereotype threat: Does anxiety explain race and sex differences in achievement? // Contemporary Educational Psycholoogy. 2001. V. 26 (3). P. 291–310.

Oskamp S., Kaufman K., Wolterbeek L. A. Gender role portrayals in preschool picture books // Journal of Social Behavior and Personality. 1996. V. 11. P. 27–39.

Osman L. M. Conformity or compliance: The study of sex differences in passers by behaviour // Brit. Journal of Soc. Psychol., 1982. № 1. P. 19–21.

Osofsky J. D., Osofsky H. J. Psychologicak and developmental perspectives on expectant and new parenthood // R. D. Parke (ed.). The famile: Review of child development research. V. 7. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

Ostrow J., Crick N. Forms and functions of aggression during bearly childhood // School Psychology Review. 2007. V. 36 (1). P. 22–43.

Padavic I., Reskin B. F. Men's behavior and women's interest in blue-color jobs // Social problems. 1990. V. 37. P. 613–627.

Parke R. D. Fathers. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1981.

Parke R. D., O'Neil R. The influence of significant others on learning about relationships: from family to friends // R. S. Mills, S. Duck (eds.). The developmental psychology of personal relationships. Chichester, John Willey, 2000. P. 15–48.

Parry G. A British version of the attitudes towards women scale (AWS-B) // Brit. Journal Soc. Psychol., 1983. V. 22. P. 261–263.

Parsons F. Family structure and the socialisation of the child // F. Parsons, R. Baler (eds.). Family sozialisation and interaction process. N.-Y.: Free Press, 1955.

Parsons J. E., Adler T. F., Kaczala C. M. Socialization of achievement attitudes and beliefs: Parental influences // Child Development. 1982. V. 53. P. 310–321.

Penton-Voak I. S., Perrett D. I. Female preference for male faces changes cyclically: Further evidence: Evolution and Human Behavior, 2000. V. 21. P. 39–48.

Peplau L. A., Gordon S. L. The intimate relationships of lesbians and gay men // T. R. Allgeier, N. B. McCormick (eds.). Changing boundaries: Gender roles and sexual behavior. Palo Alto, CA, Mayfield, 1983. P. 226–244.

Perry D. G., Bussey K. The social learning theory of sex differences: Imitation is alive and well // Journal Persistens and Social Psychology. 1979. V. 37. P. 1699–1712.

Peterson C., Roberts Ch. Like Mother, Like Daugher; Similarities in Narrative Style // Developmental Psycholoogy. 2003. V. 39 (3). May. P. 551–562.

Pettit G. S., Bates J. E., Dodge K. A. Supportive parenting, ecological context, and children's adjustment: a seven-year longitudinal study // W. M. Craig (ed.). Childhood social development. Madlen: Blackwill Publishers, 2000. P. 25–58.

Pfeiffer D., Davis G. The use of leisure time in middle life // The Gerontologist. 1971. V. 11.

Pheterson G. J., Kiesler S. B., Goldberg P. A. Evaluation of the performance of women as a function of their sex, achievement and personal history // Journal of Pers. and Soc. Psychol., 1971. № 19. P. 114–118.

Philbin M., Meier E., Huffman S., Boverie P. A survey of gender and learning styles // Sex Roles. 1995. V. 32. P. 485–494.

Pichitino J. P. Profile of the single father: A thematic integration of the literature // Personel and Guidance Journal. 1983. January. P. 295–299.

Pleck J. H. Males, traditional attitudes toward women: Contemporary issues in research // J. Sherman, F. Denmark (eds.). The psychology of women: New directions in research. N.-Y.: Psychological Dimensions, 1978.

Pleck J. H. Working wives, working husbands. Beverly Hills, CA: Sage, 1985.

Pleck J. H. The theory of male sex role identity: its rise and fall from 1936 to the present // H. Brod (ed.). The making of masculinities the new mens studies. Boston: Allen and Unwin, 1987. P. 21–38.

Pleck J. H., Sonenstein F. L., Ku L. C. Masculinity ideology and its correlates // S. Oskamp, M. Costanzo (eds.). Gender issues in contemporary society. Newbury Park, CA, Sage, 1993. P. 85–110.

Pope H. G., Kouri E. M., Hudson J. I. Effects of supraphysiologic doses of testosterone on mood and aggression in normal men: A randomized controlled trial // Archives of General Psychiatry. 2000. V. 57 (2). P. 133–140.

Porter N., Geis F. L., Jennings (Walsted) J. Are women invisible as leaders? // Sex Roles. 1983. V. 9. P. 1035–1049.

Powell G. N. One more time: Do female and male managers differ? // Acad. Manag. Executive. 1990. V. 4. № 3. P. 68–75.

Powers S. I., Hauser S. T., Kilner L. A. Adolescent mental health // American Psychologist. 1989. V. 44. P. 200.

Prerost F. J. Changing patterns in the response to humorous sexual stimuli: Sex roles and expression of sexuality // Social Behavior and Personality. 1983. V. 11 (1). P. 23–28.

Prince M. Women, men and money styles // Journal of Economic Psychol., 1993. V. 14.

Pronin E., Steele C. M., Ross L. Identity bifurcation in response to stereotype threat: Women and mathematics // Journal of Experimental Social Psychology. 2004. V. 40 (2). P. 152–168.

Prothro E. T., Perry H. T. Group differences in performance on the Meier Art Test // Journal appl. Psychol., 1950. V. 34. P. 96–97.

Pruchno R., Resch N. Husbands and Wives as caregivers: Antecedents of depression and burden // The Gerontologist. 1989. V. 29. P. 159–165.

Purcell P., Sewart L. Dick and Jane in 1989 // Sex Roles. 1990. № 22 (3–4). P. 177–185.

Pyke S. W., Kahill S. P. Sex differences in caracteristics presumed relevant to professional productuvity // Psychology of Women Quarterly.1983. Winter. V. 8. P. 189–192.

Ragins B. R., Cotton B. Mentor function and outcomes // Journal of Applied Psychology. 1999. V. 84. P. 529–550.

Ragins B. R., Townsend B., Mattis M. Gender gap in the executive suite // Academy of Management Executive. 1998. V. 12 (1). P. 28–42.

Ragins B., Sundstrem E. Gender and power in organizations: A Longitudinal Perspective // Psychol. Bulletin. 1989. V. 105. P. 51–88.

Raty H., Vanska J., Kasanen K., Karkkainen R. Parents explanations of their childs performance in mathematics and reading: A replication // Sex Roles. 2002. V. 46. P. 121–128.

Rauste-von Wrigth M. Body image satisfaction in adolescent girls and boys:A longitudinal study // Journal of Youth and Adolescence. 1989. V. 18. P. 71–83.

Ray W. J., Morell M., Frediani A. W., Tucker D. Sex differences and lateral specialization of hemispheric functioning // Neuropsychol., 1976. V. 14. № 3. P. 391–394.

Raymond C. L., Benbow C. Gender differences in mathematics: A function of parental support and student sex typing? // Developmental Psychology. 1986. V. 22. P. 808–819.

Reiche R., Dannecker M. Male homosexuality in West Germany: A sociological investigation // Journal of Sex Research. 1977. V. 13. P. 35–53.

Renbow C. P., Stenley G. C. Sex differences in mathematical ability. Fact or artefact? // Science. Washington. 1980. Dec., 12. V. 210. № 4475. P. 1262–1264.

Repetti R. L., Matthews K. A., Waldron I. Employment and women's heslth: Effects of paid employment on women's mental and physical health // American Psychologist. 1989. V. 44. P. 1394–1401.

Resnick S. M., Berenbaum S. A., Gottesman I. I., Bouchard T. J. Early hormonal influences on cognitive functioning in congenital adrenal hyperplasia // Developmental Psychology. 1986. V. 22. P. 191–198.

Rich A. Compulsory heterosexuality and lesbian existence. 1980.

Richardson J. G., Simpson C. H. Children, gender, and social structure: An analysis of the contents of letters to Santa Claus // Child Development. 1982. V. 53. P. 429–436.

Ricks S. S. Father-infant interaction: A review of empirical research // Family Relation. 1985. V. 34. P. 505–511.

Riggo H. R. Parental marintal conflict and divorce, parent-child relationship, anxiety in young adulthood // Personal Relationships. 2004. V. 11(1). P. 99–114.

Riggs M. G. The relative variability in intelligence of boys and girls // Journal genet. Psychol., 1940. V. 56. P. 211–214.

Riley M. W., Waring J. Age and aging // R. Merton, R. Nisbet (eds.). Contemporary social problems. N.-Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1976.

Rose A. J., Rudolph K. D. A review of sex differences in peer relationship processes: Potential trade-offs for the emotional and behavioral development of girls and boys // Psychological Bulletin. 2006. V. 132 (1). P. 98–131.

Rix S. E. The American women 1990–1991: A status report. N.-Y.: Norton, 1990.

Rosler A., Kohn G. Male pseudohermaphroditism due to 17 B-hydroxysteroid dehydrogenase deficiency // Journal of Steroid Biochemistry. 1983. V. 19. P. 663–674.

Royer J. M., Garofoli L. M. Cognitive contribution to sex differences in math performance // A. M. Gallagher, J. C. Kaufman (eds.). Gender differences in mathematics: An integrative psychological approach. N.-Y.: Cambridge University Press, 2005.

Rudman L. A., Glick P. Prescriptive gender stereotypes and backlash toward agentic women // Journal of Social Issues. 2001. V. 57 (4). P. 743–762.

Russel A. Sex difference in children's relationships learning // The developmental psychology of personal relationships. 2000. P. 109–130.

Russel G. The father role and its relation to masculinity, femininity, and androgyny // Child Development. 1978. V. 49. P. 1174–1181.

Russell R., Wells P. Personality, similarity and quality of marriage // Personality and Individual Differences. 1991. V. 12. P. 407–412.

Russell R., Wells P. Personality and quality of marriage // British Journal of Psychology. 1994. V. 85. P. 161–168.

Rynes S., Rosen B. A comparison of male and famale reactions to career advancement opportunities // Journal of Vocational Behavior. 1983. V. 22. P. 105–116.

Rytina N. Tenure as factor in the male-female earnings gap // Monthly Labor Review. 1983. V. 107. P. 32–34.

Roberts R., Newton P. M. Levinsonian studies of women,s adult development // Psychology and Aging. 1978. V. 2. P. 154–163.

Rodin J., Iscovics J. Women's health: Review and research agenda as we approach the 21th century // American Psychologist. 1990. V. 45. P. 1018–1034.

Rojahn J., Naglieri J. A. Developmental gender differences on the Naglieri Nonverbal Ability Test in a nationally normed sample of 5-to 17-year-olds // Intelligence. 2006. V. 34 (3). P. 253–260.

Rojahn K., Fischer A. H., Willemsen T. M. The social identities of female leaders in different cultural contexts // Feminism and Psychol., 1997. V. 7. № 3. P. 183–207.

Rondal J. Fathers and mothers speech in early language development // Journal of Child Language. 1980. № 7. P. 353–369.

Roper E. A. Women working in the applied domain: Examining the gender bias in applied sport psychology // Journal of Applied Sport Psychology. 2002. V. 14. P. 53–65.

Rosco B., Diana M. S., Brooks R. H. Early, middle, and late adolescents views on dating and factors influencing partner selection // Adolescence. 1987. V. 12. P. 59–68.

Rosen B. C. Women, work and achivement: The endless revolution. Basingstoke, 1989.

Rosenthal J. A. Patterns of reported child abuse and neglegt // Child Abuse and Neglegt. 1988. V. 12. P. 263–271.

Rosental R., De Paulo-Bella M. Sex differences in eavestopping on nonverbal cues // Journal Pers.and Soc. Psychol., 1979. V. 37. № 2. P. 273–285.

Rubin J. Z., Provencano F. J., Luria Z. The Eye of the beholder: Parents views on sex of newborns // Am. Journal Orthopsychiatry. 1974. V. 44. P. 512–519.

Rubin K. H. Recept perspectives on social competence and peer status: Some introductory remarks // Child development. 1983. V. 54. P. 1383–1385.

Rubin R. B. Ideal traits and terms of address for male and female college professors // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. V. 41. P. 966–974.

Rubistein W. D. Survey report of money // Psychology Today. 1981. № 5. P. 24–44.

Ruble D. Sex-role development // M. Bornstein, M. E. Lamb (eds.). Developmental psychology: An advanced textbook. Hillsdale. N.-Y.: Erlbaum, 1988.

Ruble D. N., Balaban T., Cooper J. Gender constancy and the effects of sex-typed televised toy commercials // Child Development. 1981. V. 52. P. 667–673.

Ruble D. N., Martin C. L. Gender development // W. Damon, N. Eisenberg (eds.). Handbook of child psychology. V. 3. Social, emotional and personality development. N.-Y.: Wiley, 1998.

Sabo D., Jansen S. Image of men in sport media: The social reproduction of gender order // S. Craig (ed.). Men, masculinity, and the media. Beverly Hills, CA: Sage, 1992. P. 169–186.

Sander I. N., Tein J. Y., Metha P. et al. Coping efficacy and psychological problems of children of divorce // Child Development. 2000. V. 71 (4). P. 1099–1118.

Sandstrom C. I. Sex differences in ljcalization and orientation // Acta psychol., 1953. V. 9. P. 82–96.

Saurer M. K., Eisler R. M. The role of masculine gender role stress in expressivity and social support network factors // Sex Roles. 1990. V. 23. P. 261–271.

Savin-Williams R. C., Small S. A. The timing of puberty and its relationships to adolescent and parent perceptions of family interactions // Developmental Psychology. 1986. V. 32. P. 342–347.

Scarr S., McCartney K. How people make their own environments: A theory of genotype-environment effects // Child Development. 1983. V. 54. P. 424–435.

Schachter F. F., Shore E., Hodapp R., Chalfin S., Bundy C. Do girls talk earlier? MLU in toddlers // Developmental Psychology. 1978. V. 14. P. 388–392.

Schaffer D. R., Pegalis L., Cornell D. P. Interactive effects of social context and sex role identity on female self-disclosure during the acquaintance process // Sex Role. 1991. V. 24. P. 1–19.

Schein V. E. A global look at psychological barriers to womens progress in management // Journal of Social Issues. 2001. V. 57 (4). P. 675–688.

Scheinfeld A. Women and men. N.-Y.: Harcourt, Brace, 1943.

Schnabl S. Intimverhalten, Sexualstorungen, Personlichkeit. Berlin. Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1976.

Schnell H. Sex differences in relation to stuttering: Part 1 // Journal Speech Disorders. 1946. V. 11. P. 277–298.

Schnell H. Sex differences in relation to stuttering: Part II // Journal Speech Disorders. 1947. V. 12. P. 23–38.

Scher M. On counseling men // Personnel and Guidance Journal. 1979. V. 57. P. 252–254.

Scher M. Men in hiding:A challenge for the counselor // Personnel and Guidance Journal. 1981. V. 60. P. 199–202.

Schorsch E. Phanomenologie der Transsexualitat Therapie: Geschlechtsunwaldung ohne Alternative // Sexualmedicine. 1974. V. 3. P. 195–198.

Sears P. S. Doll play aggression in normal young children: influence of sex, age, siblingstatus, father's absence // Psychol.Monogr., 1951. V. 65. № 6.

Sears R. R., Rau L., Alpert L. Identification and Child Rearning. Stanford, 1965.

Seavey C. A., Katz P. A., Zalk S. R. Baby X: The effect of gender labels on adult responses to infants // Sex Role. 1975. V. 1. P. 103–109.

Sedlak A. J. Supplementary analyses of data on the national incidence of child abuse and neglegt. Rockville, MD: Westat, 1989.

Sedney M. A. Conceptual and methodological sources of controversies about androgyny // R. K. Unger (ed.). Social constructions of gender. Amityville, N.-Y.: Baywood Press, 1989.

Serbin L. A., Poulin-Dubois D., Colburne K. A., Sen M. G., Eichstedt J. A. Gender stereotyping in infancy: Visual preferences for and knowledge of gender-stereotiped toys in the second year // International Journal of Behavioral Development. 2001. V. 25 (1). P. 7–15.

Serbin L. A., Poulin-Dubois D., Eichstedt J. A. Infants response to gender-inconsistent events // Infancy. 2002. V. 3 (4). P. 531–543.

Serbin L. A., Powlishta K. K., Gulko J. The development of sex typing in middle childhood // Monographs of the Society for Research in Child Development. 1993. V. 58. P. 1–74.

Seward G. H. Sex and social order. N.-Y.: McGraw-Hill, 1946.

Sharabany R., Gershony R., Hoffman J. E. Girlfriend, boyfriend: Age sex differences in intimate friendship. // Developmental Psychology. 1981. V. 17. P. 800–808.

Shaver P., Freedman J. Your pursuit of happiness // Psychology Today. 1976. October. P. 26–32.

Shehan C. L. Wive's work and psychological wellbeing: An extension of Gove's social role theory of depression // Sex Roles. 1984. V. 11. P. 881–888.

Shelton B. F., John D. Ethnicity, race, and difference: A comparison of white, black, and hispanic men's household labor time // J. C. Hood (ed.). Men, work, and femily. Newbury Park, CA, Sage, 1993. P. 131–150.

Shepard W. O., Hess D. T. Attitudes in four age groups toward sex role division in adult occupations and activities // Journal of Vocational Behavior. 1975. V. 6. P. 27–39.

Shute V. J., Pellegrino J. W., Hubert L., Reynolds R. W. The relationship between androgen levels and human spatial abilities // Bulletin of the Psychosomatic Society. 1983. V. 21. P. 465–468.

Sidanius J., Pratto F., Bobo L. Racism, conservatism, affirmative action and intellectual sophistication: A matter of principled conservatism or group dominance? // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. V. 70. P. 476–490.

Sidman J. Empathy and helping behavior in college students // Diss. Abstracts. 1969. V. 29 (10-B).

Sidorovicz L. S., Lunney G. S. Baby X revisited // Sex Role. 1980. V. 6. P. 67–73.

Sigelman C. K., Carr M. B., Begley N. L. Developmental changes in the influence of sex-role stereotypes on person perception // Child study Journal. 1986. V. 16. P. 191–205.

Signorella M. L., Bigler R. S., Liben L. S. Developmental differences in childrens gender schemata about other: A meta-analitic review // Developmental Review. 1993. V. 13. P. 147–183.

Signorella M., Jamison W., Krupa M. Predicting spatial performance from gender stereotyping in activity preferences and in self-concept // Developmental Psychology. 1989. V. 25. P. 89–95.

Signorelly N. Television and conceptions about sex roles: Maintaining conventionality and the status quo // Sex Roles. 1989. V. 21 (5–6). P. 341–350.

Signorelly N., Bacue A. Recognition and respect: A content analysis of prime-time television of characters across three decades // Sex Roles. 1999. V. 40. P. 527–544.

Silverman I., Choi J., Peters M. The hunter-gatherer theory of sex differences in spatial abilities: Data from 40 countries // Archive of Sexual Behavior. 2007. V. 36 (261). P. 268.

Singer S. L., Steffler B. Sex differences in job values and desires // Personnel Guid. Journal. 1954. V. 32. P. 483–484.

Slaby R. G., Frey K. S. Development of gender constancy and selective attention to same-sex models // Child Development. 1975. V. 46. P. 849–856.

Smetana J. G., Letourneau K. J. Development of gender constancy and children's sex-typed free play behsvior // Development Psychology. 1984. V. 20. P. 691–696.

Smith C., Lloyd B. Material behavior and perceived sex of infant: Revisited // Child Development. 1978. V. 49. P. 1263–1265.

Smith D. Women and minorities make gains in science and engineering education // Monitor of Psychology. 2000. V. 31 (10), 32.

Smith K., Barclay L. K. Kindergarten children's descriptive sex-stereotyping of infants // Amer. Journal of Orthopsychiatry. 1979. V. 49. P. 514–519.

Smith P. K., Daglish L. Sex differences in parent and infant behavior in the home // Child Dêvelopment. 1977. V. 48. P. 1250–1254.

Smith J. L., White P. H. An examination of implicity activated, explicity activated and nullified stereotypes on mathematical performance: It's not just a women issue // Sex Roles. 2002. V. 47 (3–4). P. 179–191.

Smoll F. L., Schutz R. W. Quantifying gender differences in physical performance: A developmental perspective // Developmental Psychology. 1990. V. 26. P. 360–369.

Snell W.E. Development and validation of the Masculine Behavior Scale: A measure of behaviors stereotypically attributed to males vs. females // Sex Roles. 1989. V. 21. P. 749–767.

Snow M. E., Jacklin C. N., Maccoby E. E. Sex-of-child differences in father-child interaction at one year of age // Child Development. 1983. V. 54. P. 227–232.

Snyder C. R., Sympson S. C., Ybasco F. C., Borders T. F., Babyak M. A., Higgins R. L. Development and Validation of the State Hope Scale // Journal of Persistens and Social Psychology. 1996. V. 70. P. 321–335.

Spanier G., Furstenberg E. Remarriage afte divorce: A longitudinal analysis of well-being // Journal of Marriage and the Family. 1982. P. 709–720.

Spelke E. S. Sex differences in intrinsic aptitude for mathematics and science? A critical review // American Psichologist. 2005. V. 60 (9). P. 950–958.

Spence J., Helmrich R. Androgyny vs. gender schema: A comment on Bem's gender schema theory // Psychological Review. 1981. V. 88. P. 365–368.

Spence J., Helmrich R. Masculinity and femininity: Their psychological dimensions, correlates, and antecedents. Austin, TX, Texas University Press, 1978.

Spencer S. J., Steele C. M. (Цит. по: Д. Майерс, 2001).

Spitz G., Logan J. Sons, dauggghters, and intergenerational social support // Journal of Mariage and the Famile. 1990. V. 52. P. 420–430.

Stangor C., Ruble D. N. Development of gender role knowledge and gender consi-stency // New Directions for Child Development. 1987. V. 38. P. 5–22.

Stapley J. C., Haviland J. M. Beyond depression: Gender differences in normal adolescents, emotional experiences // Sex Roles. 1989. V. 20. P. 295–308.

Starke K., Friedrich W. Liebe und Sexualitat bis 30. Berlin, 1984.

Steriker A. B., Kurdek L. A. Dimensions and correlates of third through eighth graders sex-role self-concept // Sex Roles. 1982. V. 8. P. 915–929.

Stern C. Principles of human genetics. London, 1960.

Stewart S., Taylor S., Baker J. Gender differences in dimensions of anxiety sensitivity // Journal of Anxiety Disorders. 1997. V. 11. № 2. P. 179–200.

Stewart D. E., Abbey S. E., Shnek Z. M., Irvine J., Grace S. L. Gender differences in health information needs and decisional preferences in patients recovering from an acute ischemic coronary event // Psychosomatic Medicine. 2004. V. 66 (1). P. 42–48.

Stockard J., Jonson M. M. Sex roles: Sex unequality and sex development. Englewood Cliffs, N.-Y.: Prentice-Hall, 1989.

Stoller R. Sex and Gender. N.-Y.: Aronson, 1968.

Stoller R. Primary feminity // Journal of American Psychoanalitic Association. 1976. V. 24 (Suppl.). P. 59–78.

Stoneman Z., Brody G. Two's company, three makes a difference: An examination of mothers and fathers speech to their young children // Child Development. 1981. № 52. P. 705–707.

Street S., Kimmel E., Kromrey J. D. Revising university student gender perceptions // Sex Role. 1995. V. 33 (3–4). P. 183–201.

Stroebe W., Insko C. A., Thompson V. D., Layton B. D. Effect of physical attractiveness, attitude similarity, and sex on various aspects of interpersonal attraction // Journal of Personality and Soc. Psychol., 1971. V. 18. P. 79–91.

Stumpf H., Stanley J. C. Gender-related differences on the College Boards Advanced Placement and Achivement Test. 1982–1992 // Journal of Educational Psychology. 1996. V. 88. P. 353–364.

Summerskill J., Darling C. D. Sex differences in adjustment to college // Journal Educ. Psychol., 1955. V. 46. P. 355–361.

Swaab D. F., Fliers E. A sexually dimorphic nucleus in the human brain // Science. 1985. V. 228. P. 1112–1115.

Sweeney E. J. Sex differences in problem solving. Stanford Univ., Dept. Psychol., Tech. Rep., № 1, Dec. 1, 1953.

Swim J. K., Aikin K. J., Hall W. S., Hunter B. A. Sexsism and racism: Old-fashioned and modern prejudices // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 68. P. 199–214.

Symonds P. M. Changes in sex differences in problems and interests of adolescents with increasing age // Journal Genetic. Psychol., 1937. V. 50. P. 83–89.

Szcrybalo J., Ruble D. N. «God made me a girl». Sex-category constancy judgements and explanations revisited // Developmental Psychology. 1999. V. 35. P. 392–402.

Taanila A., Laitinen E., Moilanen I. Effects of family interaction on the child's behavior in single-parent or reconstructed families // Family Process. 2002. V. 41 (4). P. 7–10.

Tajfel H., Richardson A., Everstine L. Individual consistencies categorizing: A study in judgement behavior // Journal of Personality. 1964. V. 32. P. 90–108.

Takacs C. Enjoy your gifted child. N.-Y., 1986.

Tamres L. K., Janicki D., Helgeson V. S. Sex differences in coping behavior: A meta-analysis review and an examination of relative coping // Personality and Social Psichology Review. 2002. V. 6 (1). P. 2–30.

Tannen D. You just don't understand: Women and men in conversation. N.-Y.: Morrow, 1990.

Tannen D. Talking from 9 to 5: Women andmen in the workplace, language, sex, and power. N.-Y.: Avon Books, 1995.

Tanner J. M. Fetus into man: Physical growth from conception to maturity. Cambridg, MA, Harvard University Press, 1978.

Tavris C. The mismeasure of women. N.-Y.: Simon and Schuster, 1992.

Tavris C., Offir C. The longest war: Sex differences in perspective. N.-Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1977.

Taylor M. C., Hall J. A. Psychological androgyny: Theories, methods and conclusions // Psychol. Bull., 1982. V. 92. № 2. P. 347–366.

Tenenbaum H. R., Leaper C. Are parents gender schemas related to their childrens gender-related cognitions? A meta-analysis // Developmental Psychology. 2002. V. 38 (4). P. 615–630.

Terman L. M. Psychological sex differences // L. Garmishael (ed.). Manual of Child Psychology. N.-Y.: Wiley, 1946.

Terman L. M. et al. Genetic studies of genuis. V. 1. California: Stanford Univ. Press, 1925.

Terman L. M., Miles C.C. Sex and personality: studies in masculinity and femininity. N.-Y.: McGraw-Hill, 1936.

Terman L. M., Oden M. H. The gifted child grows up. Stanford Univ. Press, 1947.

Terman L. M., Tyler L. E. Psychological sex differences // L. Carmichael (ed.). Manual of Child Psychology (2 ed.). N.-Y.: Wiley, 1954. P. 1064–1114.

Terry R. L., Ertel S. L. Exploration of individual differences in preferences for humor // Psychological Reports, 1974. V. 34 (1, Pt. 2). P. 1031–1037.

Thompson S. K. Gender labels and early sex-role development // Child Development. 1975. V. 46. P. 339–347.

Thorne B. Genderplay: Girls and boys in shool. New Brunswick, N.-Y.: Rutgers University Press, 1993.

Ticho G. Female autonomiy and young adult women // Journal of American Psychoanalysis Association. 1997. P. 24.

Tieger T. On the biological basis of sex differences in agression // Child Development. 1980. V. 51. P. 943–963.

Trahan D. E., Quintana J. W. Analysis of gender effects upon verbal and visual memory performance in adults // Archives of Clinical Neuropsychology. 1990. V. 5. P. 325–334.

Traxler A. E., McCall W. C. Some data on the Kuder Preference Record // Educ. Psychol. Measmt., 1941. V. 1. P. 253–268.

Traxler A. E., Spaulding G. Sex differences in achivement of independet school pupils as measured by Stanford Achivement Test, Form K // Educ. Rec. Bull., 1954. № 63. P. 69–80.

Trepanier-Street M. L., Romatowski J. A. The influence of childrens literature on gender role perceptions: A reexaminatio // Early Childhood Educational Journal. 1999. V. 26. P. 155–159.

Triandis H. C. Culture and social behavior. N.-Y.: McGraw-Hill, 1994.

Trotman S., Hummond G. R. Sex differences in task dependet EEG asymmetry // Psychophysiol., 1979. V. 16. № 5. P. 429–431.

Trumbull R. A. A study in relationships between factors of personality and inelli-gence // Journal Soc. Psychol., 1953. V. 38. P. 161–173.

Tuana N. The values of science: empiricism from a feminist perspective // Syntheses. – Dordrecht. 1997. V. 106. № 3.

Tucker J. S., Friedman H. S. Sex differences in nonverbal expressiveness: emotional expression, personality and impressions // Journal of Nonverbal Behavior. 1993. Summer. P. 103–118.

Turner G., Turner V. X-linked mental retardation // Journal med. Genetics. 1974. V. 11. № 2. P. 109–113.

Turner-Bowker D. M. Gender stereotyped descriptor in childrens picture books: Does curiosus Jane exist in literature? //. Sex Roles. 1996. V. 35. P. 461–488.

Twenge J. M. Changes in masculine and feminine traits over time: A meta-analysis // Sex Roles. 1997. V. 36. P. 305–325.

Udry J. R. Biological limits of gender construction // American Sociological Review. 2000. V. 65. P. 443–457.

Ulanov A. Receiving Woman: Studies in the Psychology and Theology of the Feminine. Westminster, Philadelphia, 1981.

Underwooed M. K., Schockner A. E., Hurley J. C. Childrens responses to same-and other-gender peers: An experimental investigation with 8-, 10- and 12-year-olds // Developmental Psychology. 2001. V. 37. P. 362–372.

Unger R. K. Towards a redefenition of sex and gender // Am. Psychol., 1979. V. 34. P. 1085–1094.

Unger R. K. Imperfect reflections of reality: Psychology constructs gender // Making a difference: Psychology and the construction of gender. New Haven, L., Yale University Press, 1990.

Unger R., Crawford M. Women and gender: A feminist psychology. N.-Y.: McGraw Hill, 1992.

Unger R., Crawford M. Commentary: Sex and gender: The troubled relationships between terms and concept // Psychological Science. 1993. V. 4 (2). P. 122–124.

UNICEF. The State of the World's Children. Oxford – N.-Y.: Oxford University Press for UNICEF, 1995. P. 72–75.

Updegraff K., McHale S. M., Crouter A.C. Gender roles in marriage: What do they mean for girls and boys school achievement? // Journal of Youth and Adolescence. 1996. V. 25. P. 73–88.

Urberg K. A. Sex-role conceptualization in adolescents and adults // Developmental Psychology. 1979. V. 15. P. 90–92.

U. S. Bureau of Census. Statistical abstract of the United States. Washington, 1997.

Valdez R. L., Gutek B. A. Family roles: A help or hindrance for working women? // B. A. Gutek, L. Larwood (eds.). Women's career development. Beverly Hills, Sage, 1987. P. 157–169.

Varnanen A. Age related differences in the conception of intelligence // III European Congress of Psychology. Finland, Tampere, 1993. P. 236.

Visher S. S. Scientist starred, 1903–1943, in «American men of science». Baltimore: Johns Hopkins Press, 1947.

Voyer D., Voyer S., Bryden M. P. Magnitude of sex differences in spatial abilities: a meta-analysis and consideration of critical variables // Psychological Bulletin. 1995. V. 117. P. 260–270.

Vredenberg K., Krames L., Flett G. L. Sex differences in the clinical expression of depression // Sex Roles. 1986. V. 14. P. 37–49.

Waber D. P. Sex differences in cognition: A function of maturation rate? // Science. 1976. V. 192. № 4239. P. 572–574.

Waite L. J., Lillard L. A. Children and marital disruption // The American Journal of Sociology. 2001. V. 96 (4). P. 930–953.

Walker L., Wallston B. Social adaptation: A review of dual earner family literature // L. L. Abate (ed.). The handbook of family psychology and therapy. Homewood, IL, Dorsey, 1985. P. 698–740.

Walker-Andrews A. S., Taylor J. H. Family interaction and the development of moral reasoning // Child Development. 1991. V. 62. P. 264–283.

Walsh M. R. (ed.). The psychology of women. On-going debates. New Haven — London: Yale Univ. Press, 1987.

Ware N., Steckler N. Choosing a science major: The experience of women and men // Womens Studies Quarterly. 1983. V. 11.

Warrenberg S., Pagano R. Sex differences in EEG asymmetry predict performance of visiopatial tasks // Psychophysiol., 1981. V. 18. № 2. P. 171–172.

Wastell C. A. Feminist development theory: Implications for counseling // Journal of Counseling and Development. 1996. V. 74. P. 575–581.

Watson J., Breed W., Posman H. A study in urban conversation: sample of 1001 remarks overheard in Manhattan // Journal Soc. Psychol., 1948. V. 28. P. 121–123.

Wayne S. J., Liden R. C., Sparrowe R. T. Developing leader — member exchanges. The influence of gender and integration // Am. Behav. Science, 1994. V. 37. № 5. P. 697–714.

Weinberg M., Tronick E., Cohn J., Olson K. Gender differences in emotional expressivity and self-regulation during early infancy // Developmental Psychology. 1999. V. 35. № 1. P. 175–188.

Weinraub M., Clemens I. P., Sockloff A., Ethridge T., Gracely E., Myers B. The development of sex-role stereotypes in the third year: Relationships to gender labeling, gender identity, sex-typed toy preferences, and famile characteristics // Child Development. 1984. V. 55. P. 1493–1503.

Weisfeld G. E., Billings R. L. Observations on adolescence // K. B. McDonald (ed.). Sociobiological perspectives on human development. N.-Y.: Springer Verlag, 1988.

Weitzman L. W. Sex role socialization: A focus on women. Palo Alto (Calif.), Mayfield Publishing Co., 1979. V. 12.

Wesman A. G. Separation of sex groups in test reporting // Journal educ. Psychol., 1949. V. 40. P. 223–229.

Whalen R. E. Brain mechanisms controlling sexual behavior // Beach F. A. (ed.). Sexuality in Four Perspectives. Baltimore — London, 1977. P. 215–246.

White D., Woollett A. Families: a context for development. London: Palmer Press, 1992.

Whitam F. L. The homosexsual role. A reconsideration // Journal of Sex Research, 1977. V. 13. P. 1–11.

Wichstrom L. The emergence of gender difference in depressed mood during adolescence: The role of intensified gender socialization // Developmental Psychology. 1999. V. 35. P. 232–245.

Wild H. H., Barrett S. E., Spence M. J., O'Toole A. J., Cheng Y. D., Brooke J. Recognition and sex categorization of adults and childrens faces in the absence of sex stereotiped cues // Journal of Experimental Child Psychology. 2000. V. 77. P. 269–291.

Wiley M. G., Eskilson A. Gender arid family/ career conflict: Reaction of bosses // Sex Roles. 1988. V. 19. P. 445–465.

Wichims R. A. Queer theory, gender theory. Los Angeles: Alyson Books, 2004.

Williams C. L. Gender differences at work: Women and men in nontraditional occupations. Berkeley: University of Carolina Press, 1989.

Williams H. D. A survey of predelinquent children in ten middle western cities // Journal juv. Res., 1933. V. 17. P. 163–174.

Williams J. E. Pankultural gender stereotypes revisited: The Five Factor Model // Sex Roles. 1999. April.

Williams J. Unbending gender. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Williams J. E., Bennet S. M., Best D. L. Awareness and expression of sex stereotypes in young children // Developmental Psychology. 1975. V. 5(2). P. 635–642.

Williams J. E., Best D. L. Sex stereotypes and intergroup relations // S. Worshel, W. G. Austin (eds.). Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 244–259.

Williams J. E., Best D. L. Sex and psyche: Gender and self viewed cross-culturaly. Beverly Hills, Sage, 1990.

Wilson G. Equal, but different // The Times Higer Education Supplement. Times of London, 1994. March, 25.

Wilson D. W., Molleston J. L. Effects of sex and type of humor on humor appreciation // Journal of Personality Assessment. 1981. V. 45 (1). P. 90–96.

Wilson J. D., George F. W., Griffin J. E. Hormones and sexual behavior // Science. 1981. V. 211. P. 1278–1284.

Wilson W. Sex differences in response to obscenities and bawdy humor // Psychological Report. 1975. V. 37 (Pt. 2). P. 1074.

Witelson S. F. Sex and synile hemisphere: Specialization of the right hemisphere for spatial processing // Science. 1976. V. 193. № 4251. P. 425–427.

Witkin H. F. et al. Personality through perception. N.-Y.: Harper, 1954.

Witty P. A genetic study of fifty gifted children // 39-th Yearb., Nat. Soc. Stud. Educ., 1940. Part II. P. 401–409.

Wolf D. A., Wolf V. V., Best C. L. Child victims of sexual abuse // V. B. VanHaselt, R. L. Morrison, A. S. Bellack, M. Herson (eds.). Handbook of famile violence. N.-Y.: Plenium, 1988.

Wood W. Meta-analytic review of sex differences in group performance // Psychol. Bulletin. 1987. V. 102. № 1. P. 53–71.

Wood J. T., Eagly A. H. A cross-cultural analysis of the behavior of women and men: Implications for the origins of sex differences // Psychological Bulletin. 2002. V. 128 (5). P. 699–727.

Wormack L. Sex differences in factorial dimension of verbal, logic, mathematical and visuospatial ability // Perceptual and Motor Skills. 1980. № 2. P. 455.

Worth M. R. Adults // J.A.Brown, R.Y. Pate Ir. (eds.). Being a counselor. Pacific Grove CA: Brooks Cole, 1983. P. 230–252.

Yamamuchi K., Temper D. The development of a money attitude scale // Journal of Personality Assessment. 1982. № 46. P. 522–528.

Yamaguchi M. K., Hirukava T., Kanasava S. Judgment of gender through facial parts // Perception. 1995. V. 24. P. 563–575.

Yamauchi H. Effects of Verbal Cues of Fantasy of Fear of Success // Psychological Reports. 1989. V. 65(1).

Young E. Animus and Anima. N.-Y., 1957.

Zajonc R. Attitudinal effects of mere exposure // Journal of Personality and Social Psychol., 1968. V. 9. P. 1–27.

Zanna M., Crosby F., Loewenstein G. Male reference groups and discontent among female professionals // B. A. Gutek, L. Larwood (eds.). Woman's career development. Beverly Hills, Sage, 1987.

Zaslow M. J., Hayes C. D. Sex differences in childrenÿs responses to psychosocial stress: Toward a cross-context analysis // M. E. Lamb, A. L. Brown, B. Rogoff (eds.). Advances in developmental psychology. Hilksdale, NJ, Erlbaum, 1986. V. 4. P. 285–338.

Zeichner A., Parrott D. J., Frey F. C. Gender differences in laboratory aggression under responce choice conditions // Aggressive Behavior. 2003. V. 29 (2). P. 95–106.

Zill N. U. S. children and their families: Current conditions and recent trends, 1989. Newsletter of the Society Research in Child Development. 1991. P. 1–3.

Ильин Евгений Павлович

Пол и гендер

Серия «Мастера психологии»

Заведующий редакцией	*П. Алесов*
Ведущий редактор	*О. Кувакина*
Выпускающий редактор	*Е. Егерева*
Литературный редактор	*О. Кувакина*
Художественный редактор	*А. Татарко*
Корректор	*Н. Викторова*
Верстка	*С. Сенива*

Подписано в печать 06.10.09. Формат 70 × 100/16. Усл. п. л. 58,05. Тираж 3000. Заказ 19000.

ООО «Лидер», 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 29а.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.

Отпечатано по технологии CtP в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15.

Ильин Евгений Павлович — доктор психологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заслуженный деятель науки РФ. Специалист в области общей и дифференциальной психофизиологии, психологии физического воспитания и спорта. Автор более двухсот научных публикаций, в том числе двадцати учебных пособий и монографий.

Данная книга представляет собой наиболее полное в отечественной психологии рассмотрение вопроса о физиологических, психологических и социальных различиях мужчины и женщины.
Автором систематизированы отечественные и зарубежные исследования, в том числе и новейшие, по половым и гендерным особенностям людей. Показана необходимость совместного рассмотрения этих особенностей. Помимо обсуждения теоретических и методологических вопросов в книге представлены методики выявления гендерных различий (психологического пола).

Издание представляет несомненный интерес для психологов, медиков, педагогов, социологов и многих других специалистов.